

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

L Soc 3483.29

Harvard College
Library

THE GIFT OF
Archibald Cary Coolidge, Ph.D.

Class of 1887

RUSSIAN COLLECTION OF 1922

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ.

УЧЕНЫЯ ЗАПИСКИ

ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ

ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

Редакторъ: Академикъ Н. Н. Срезневскій.

КНИГА V.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1859.

Печатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ. Санктпетербургъ, 6 іюня 1839 года.

Исправляющій должность Непремѣннаго Секретаря,
Академикъ *К. Веселовскій*.

СОДЕРЖАНІЕ

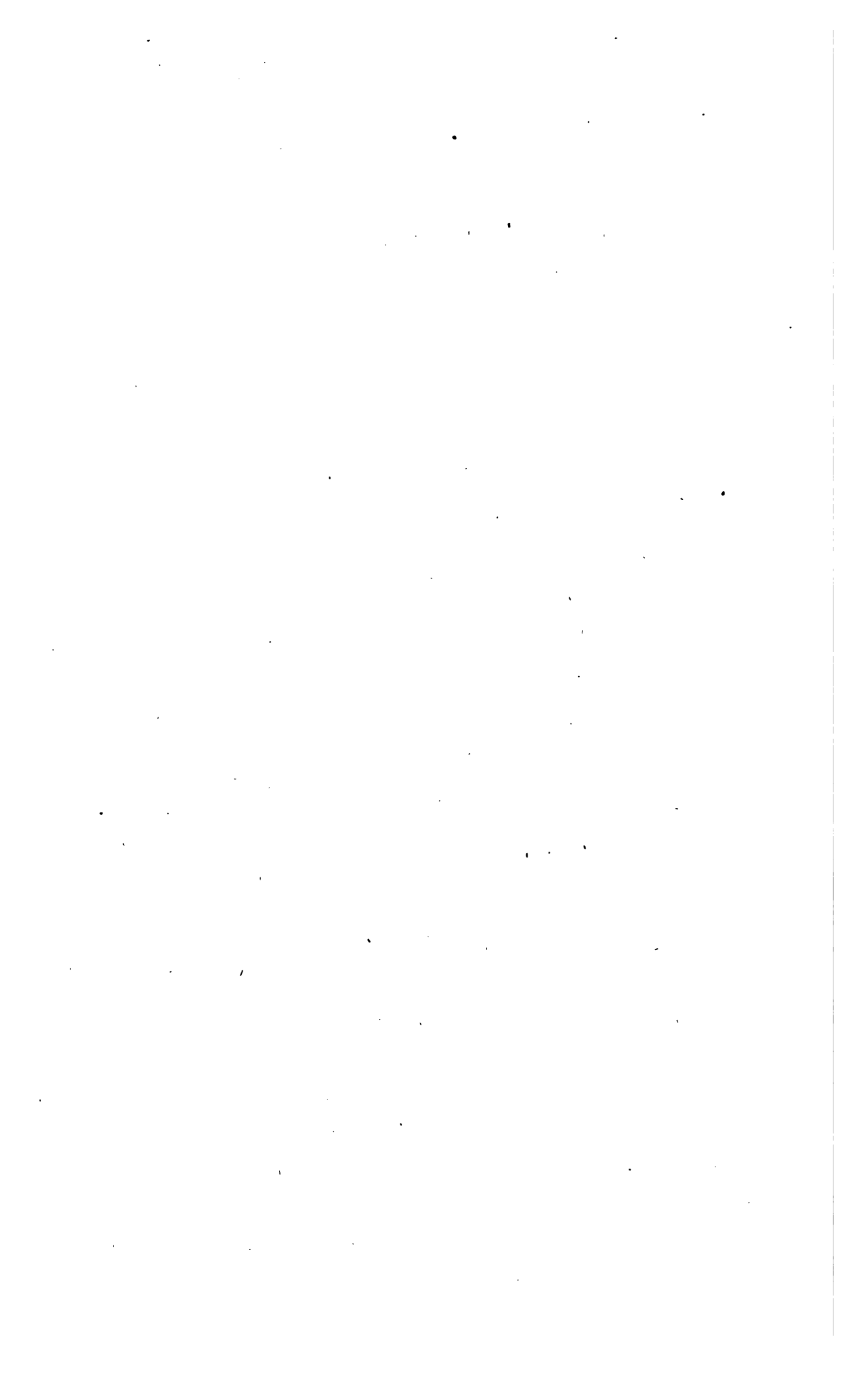
ПЯТОЙ КНИГИ

УЧЕНЫХЪ ЗАПИСОКЪ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

I. ЛѢТОПИСИ ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.	
1. Отчетъ Второго Отдѣленія Императорской Академіи Наукъ за 1857 годъ. <i>И. И. Давыдова</i> . . .	стр. 1 — XXXVI
2. Приложенія къ Отчету: 1) Біографическая записка о Преосвященномъ Иннокентіи, Архіепископѣ Херсонскомъ и Таврическомъ. <i>Проесс. Макарія</i> . 2) Записка о трудахъ Академика Коркунова. <i>И. И. Давыдова</i> . 3) Записка о Дѣйстви-тельномъ Статскомъ Совѣтникѣ Федорѣ Ивановичѣ Тютчевѣ. <i>П. А. Плетнева</i>	XXXVIII — LIX
II. РАЗСУЖДЕНІЯ, ИСЛѢДОВАНІЯ И ОЧЕРКИ.	
1. О Славянахъ въ Малой Азій, въ Африкѣ и въ Испаніи. <i>В. И. Ламанскаго</i>	1 — 370
2. Историческія замѣчанія къ сочиненію: «О Славянахъ въ Малой Азій, въ Африкѣ и въ Испаніи». <i>В. И. Ламанскаго</i>	1 — 227
III. ПАМЯТНИКИ ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ.	
1. Описаніе сборника XV столѣтія Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. <i>Архимандрита Варлаама</i> . . .	1 — 47
2. Приложенія къ описанію этого сборника	47 — 66

July 1892

Л Ъ Т О П И С И
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

О Т Ч Е Т Ъ
ВТОРАГО ОТДѢЛЕНІЯ
ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
за 1857 годъ.

Читанъ Предсѣдательствующимъ Отдѣленія . .

29 Декабря 1857.

Милостивые Государи!

Второе Отдѣленіе нынѣ состоитъ изъ пятнадцати Ординарныхъ Академиковъ, двоихъ Экстраординарныхъ и одного Адъюнкта; Корреспондентовъ внутреннихъ девятнадцать, внѣшнихъ семь. Вновь избраны въ нынѣшнемъ году: изъ Экстраординарныхъ Академиковъ въ Ординарные Дѣйств. Ст. Сов. *М. А. Коркуновъ*, и изъ Адъюнктовъ въ Экстраординарные Академики Дѣйств. Ст. Совѣт. *Я. К. Гротъ*.

Въ продолженіе года въ засѣданіяхъ Отдѣленія, которыхъ было 77, постоянно присутствовали: *Предсѣдательствующій*, Академики: Препосвященный *Макарій*, до назначенія его въ Тамбовскую епархію; *К. И. Арсеньевъ*, *А. Х. Востоковъ*, *П. А. Плетневъ*, со времени возвращенія его изъ-за границы; *И. И. Срезневскій*, *А. В. Никитенко*, въ первые и послѣдніе мѣсяцы года, *М. А. Коркуновъ*, *Я. К. Гротъ* и Адъюнктъ *П. П. Дубровскій*.

Учен. Зап. Кн. V. Отд. I.

Въ теченіе нынѣшняго года слѣдующіе предметы входили въ кругъ дѣятельности Отдѣленія Русскаго Языка и Словесности.

I. Продолженіе составленія и изданія словарей: Общаго Русскаго, Церковнославянскаго, Областнаго Великорусскаго, Санскрито-Русскаго и Бѣлорусскаго, вмѣстѣ съ Матеріалами для словаря сравнительнаго и для сравнительной грамматики.

II. Объясненіе, переложеніе и приготовленіе къ изданію письменныхъ памятниковъ, старинныхъ пѣсень, пословицъ, историческія чтенія о древнемъ языкѣ и словесности.

III. Чтенія о новой и современной Русской словесности и разборы замѣчательнѣйшихъ сочиненій по словесности Славянской и Русской.

Согласно съ этой программой, Члены Отдѣленія, по мѣрѣ силъ и досуга отъ другихъ служебныхъ занятій, съ возможнымъ усердіемъ старались содѣйствовать разработыванію отечественнаго языка и словесности. Изъ обзорѣнія трудовъ Отдѣленія, которое имѣю честь представить благосклонному вниманію Вашему, Вы усмотрите его дѣятельность и общее участіе ревнителей Русскаго просвѣщенія въ изслѣдованіяхъ объ отечественномъ языкѣ и словесности.

Однимъ изъ первыхъ занятій Отдѣленія было изданіе словарей. Общій Словарь Академическій остается въ весьма немногихъ экземплярахъ, а новое изданіе, предполагаемое Отдѣленіемъ, еще требуетъ приготовительныхъ работъ, съ цѣлію усовершенствованія этого огромнаго труда. Поэтому, въ видахъ удовлетворенія предстоящей необходимости въ справочной книгѣ, Отдѣленіе предположило издать сокращенный, или ручной Русскій словарь, не прекращая собранія матеріаловъ, для словарей пространнаго Общаго и Сравнительнаго. Для этого новаго труда готовится планъ, согласный съ правилами, составленными для пространнаго Общаго Словаря. Между тѣмъ опредѣлено печатать въ Извѣстіяхъ разсмотрѣнные въ Отдѣленіи листы Общаго Словаря, по мѣрѣ изготовленія ихъ редакторами, въ ожиданіи отъ любителей отечественнаго языка замѣчаній, полезныхъ для исправленія или пополненія этой *народной* книги.

Пособіемъ Словарю служатъ объясненія синонимъ. На основаніи представленія моего, одобреннаго Отдѣленіемъ, я при-

ступилъ къ объясненію синонимическихъ словъ Русскихъ, въ числѣ которыхъ встрѣчаются синонимы и всѣхъ прежнихъ истолкователей: *фонъ-Визина*, *П. Калайдовича*, *Д. Княжевича*, *Галича*, *Саларева* и другихъ, но только или исправленные, или дополненные, или сокращенныя, по примѣру Мейера, составившаго сборникъ Нѣмецкихъ синонимъ изъ синонимъ Эбергарда, Мааса и Грубера. Какія слова, по моему мнѣнію, собственно принадлежатъ къ области синонимъ и какъ они объясняются, изложено мною въ запискѣ моей о занятіяхъ Отдѣленія въ 1856 году. Иныя подобнозначашія реченія, какъ замѣчено было въ запискѣ, столь близки одно къ другому, что не рѣдко смѣшиваются въ разговорной и письменной рѣчи: на такія-то реченія преимущественно я старался обратить вниманіе.

Дополненій къ Областному Великорусскому словарю, приготовляемыхъ къ изданію Академикомъ А. Х. Востоковымъ, отпечатано почти двѣ трети предполагаемаго изданія. Матеріалы для дополненій Отдѣленіе получаетъ непрестанно отъ просвѣщенныхъ ревнителей отечественнаго просвѣщенія. Въ продолженіе нынѣшняго года поступило значительное количество областныхъ словъ: отъ *Директора училищъ Олонекской губерніи, Фортунатова*, присланъ сборникъ мѣстныхъ словъ Вытегорскаго уѣзда, составленный учителемъ *Петровымъ*; отъ *Карпова* — продолженіе областныхъ реченій Псковской и Тверской губерній; отъ *Директора Костромской гимназіи* — замѣтки о Галивонскомъ нарѣчій, употребительномъ въ г. Галичѣ; отъ священника села Шербети, *Павла Фанагорскаго* — реченія простонародья въ Спаскомъ уѣздѣ; отъ *Директора училищъ Архангельской губерніи Гриненберга* — сборникъ Архангельскихъ словъ, составленный г. *Михайловымъ*; отъ г. *Маркова* изъ Перми — сборникъ словъ западныхъ уѣздовъ Пермской губерніи, и отъ *Н. Щербини* — сборники областныхъ словъ, употребляемыхъ въ Рязанской губерніи: на Алтаѣ, по рѣкѣ Ленѣ, въ Иркутской губерніи и Якутской области; въ Архангельскомъ, Красноярскомъ и Евотаевскомъ уѣздахъ.

Печатаніе Малорусскаго словаря остановлено, по причинѣ временнаго, по служебнымъ дѣламъ, отсутствія составителя его, *А. С. Аванасьева-Чужбинскаго*.

Словарь для уразумѣнія Западно-Русскихъ актовъ, предпринятый г. *Носовичемъ*, уже представленъ Отдѣленію. Это подробный словарь стариннаго Западно-Русскаго языка, собственно книжнаго, въ который вошло много Польскихъ словъ. Онъ послужитъ необходимымъ дополненіемъ къ актамъ Археографической Комиссіи, относящимся къ исторіи Западной Россіи.

Санскрито-Русскаго словаря, издаваемаго ученымъ К. А. *Коссовичемъ*, напечатана при Извѣстіяхъ Отдѣленія третья доля всего труда. Изученіе Санскритскаго языка преимущественно Германскими учеными пролило новый свѣтъ на составъ классическихъ в большей части новѣйшихъ Европейскихъ языковъ. Оно основало науку *сравнительнаго* языкознанія, и въ настоящее время имѣетъ свои органы — журналы, исключительно посвященные этой наукѣ. Языкъ Ведъ и законовъ Ману сталъ генетическимъ звеномъ, соединяющимъ, съ одной стороны, языки Славянскій, Литовскій и Персидскій, съ другой, Германскіе, со включеніемъ Скандинавскихъ, Кельтскіе и языки классическіе. Въ слѣдствіе этого ученія изысканія по части развитія корней, видоизмѣненій формъ отечественнаго языка и основнаго значенія коренныхъ словъ невозможны безъ сравнительнаго языкознанія въ современномъ состояніи филологіи. Съ цѣлю содѣйствовать успѣхамъ этой отрасли словесныхъ наукъ и облегчить ознакомленіе Русскихъ филологовъ съ Санскритскимъ языкомъ, Второе Отдѣленіе предприняло изданіе этого словаря; изъ него можно видѣть и отношенія нашего языка къ священному языку Индусовъ. Извѣстно, что нѣтъ ни одного языка, въ которомъ азбука представляла бы болѣе естественный и послѣдовательный порядокъ звуковъ, какъ Санскритскій: въ немъ алфавитъ начинается съ гласныхъ; за ними идутъ согласныя гортанныя, небныя и т. д.; простыя сопровождаются соответственными придыхательными. Не смотря на это, въ нашемъ изданіи Санскритскаго Словаря принятъ алфавитъ Русскій; потому что для Русскаго легче приискивать слова по своему алфавиту, нежели по чужому, хотя въ высшей степени систематическому. Словарь Коссовича собственно учебный, что составляетъ характеръ его и чѣмъ различается онъ отъ словаря Санскритскаго, издаваемаго Академіею, съ объясненіями на Нѣмецкомъ языкѣ.

Этотъ огромный трудъ соотвѣтствуетъ монументальнымъ трудамъ Генриха Стефани и Форчеллини въ области языковъ Греческаго и Латинскаго. Тутъ не только каждое слово, но и каждая частица, кромѣ значеній, объясняется оправдательными выписками изъ текстовъ и указаніемъ на мѣста, въ которыхъ они встрѣчены: это цѣлая справочная библіотека. Очевидно, что оба изданія, имѣющія особенныя цѣли и каждое свои отличительныя свойства, будутъ полезны и заслужатъ вниманіе филологовъ.

Болгарскій Словарь въ нынѣшнемъ году не продолжался, по случаю новаго назначенія пб службѣ составителя его, *Н. Герова*.

Церковно-Славянскаго Словаря, Академика *А. Х. Востокова*, напечатано около половины. Этотъ драгоценный трудъ старѣйшаго Славяниста и перваго знатока Славянской и Русской филологіи имѣетъ преимущество предъ всѣми другими словарями Славянскими. Особенности его состоятъ въ томъ, что въ немъ сличаются варианты списковъ и переводъ словъ съ подлинниками Греческими и Латинскими; значенія реченій опредѣляются по соображенію разныхъ случаевъ ихъ употребленія.

Къ грамматическимъ трудамъ принадлежитъ порученное Предсѣдательствующему Отдѣленіемъ составленіе *Сокращенной Русской Грамматики* на началахъ грамматики *Общесравнительной*. Принявъ это порученіе съ полною готовностью служить общей пользѣ, я надѣялся исполнить его въ нынѣшнемъ году. Но появившіяся замѣчанія на Опытъ *Общесравнительной Грамматики* заставили меня остановить изданіе уже приготовленной къ печати *Сокращенной Грамматики* и подвергнуть *спорные предметы* подробнѣйшему изслѣдованію. Не говоря о частныхъ грамматическихъ разнорѣчіяхъ, я считаю главнымъ источникомъ замѣчаній на Опытъ различное пониманіе современнаго изученія роднаго языка. По моему мнѣнію, въ отечественной Грамматикѣ должны стоять на первомъ планѣ *философія* языка вообще и *сравненіе* своего языка съ языками соплеменными. Съ одной стороны, *философскій* способъ частныя измѣненія грамматическихъ формъ приводитъ подъ общіе логическіе законы; съ другой, *сравнительный* способъ формы роднаго языка сравниваетъ съ

соответственными формами языковъ соплеменныхъ и однородныхъ. Такому воззрѣнію на изученіе Русскаго языка Отдѣленіе положило начало изданіемъ Опыта Общесравнительной, или общей и сравнительной, Грамматики. Но это только звено, связующее прошедшую судьбу Русской грамматики съ будущею: въ послѣдствіи времени этотъ опытъ вѣроятно произведетъ руководство, болѣе полное и совершенное. В. Гумбольдтъ въ сравнительномъ изученіи языковъ въ разныя эпохи ихъ развитія говоритъ: «Одно сравненіе языковъ можетъ показать, какимъ образомъ устанавливалъ человѣкъ свой языкъ и какую часть мысленнаго міра удалось ему перенести въ него; какое вліяніе имѣла на него особенность народовъ, и, обратно, какъ языкъ на нее дѣйствовалъ. Дѣйствительно, «сравнительное языкоученіе открываетъ въ каждомъ языкѣ двѣ стихіи: одну *общую*, зависящую отъ одинаковой потребности всѣхъ народовъ и врожденной способности говорить; другую *частную*, выражающую особенность каждаго народа. Первообразъ языка присущъ человѣческому уму; изъ этого первообраза развивается мало по малу языкъ племенъ и народовъ. Такъ слова, уцѣлѣвшія въ завѣтной прародительской пѣснѣ, сказкѣ, пословицѣ, не свидѣтельствуютъ ли о сближеніяхъ одного Славянскаго племени съ другимъ и о переселеніяхъ предковъ нашихъ изъ одного края Россіи въ другой? Не находимъ ли мы въ живой областной рѣчи слова, которыя уцѣлѣли въ древнихъ письменныхъ памятникахъ? Общеупотребительному слову *вѣнецъ*, *вѣнокъ*, находимъ въ Сибири первообразное *вѣнь*; глагола *улыбаться* корень *лыбитъ* сбереженъ въ Тверской губерніи; древняя форма *свекры* доселѣ хранится въ губерніяхъ: Московской, Новгородской, Тамбовской. Въ живой рѣчи слышатся и реченія пѣсни о полку Игоревомъ: въ Архангельской и Иркутской губерніяхъ—*былина*, означаетъ богатырскую сказку, *кикать* и *кѣкать*, кричать по лебедьному, *кѣмонь*, *ковь*, *шѣломь*, *холмъ*, *тѣга*, тоска; въ Смоленской г. *усобица* употребляется вмѣсто междоусобія. Неопредѣленные формы глагола нашего указываютъ на весьма древнее происхожденіе свое—отъ Санскрита, родоначальника языковъ Индо-Европейскихъ. Эти примѣры свидѣтельствуютъ о необходимости *сравнительнаго* изученія языка. Нужно ли говорить о важности *фило-*

софскаю воззрѣнія на языкъ, когда всѣ части рѣчи развиваются изъ основаній логическихъ?

Поэтому въ грамматикѣ отечественнаго языка можетъ быть только одинъ способъ изученія — *общій и сравнительный*, или *общесравнительный*, въ томъ смыслѣ этого слова, въ какомъ оно принято въ Общесравнительной Грамматикѣ.

Иностранные Славянисты усердно трудятся на поприщѣ сравнительнаго языкознанія. Заслуги главнѣйшихъ дѣятелей признаны нашей Академіей: *Шафарикъ* (которому принадлежитъ честь первыхъ опытовъ), *Миклошичъ* и *Шлейхеръ* состоятъ въ числѣ нашихъ Членовъ-Корреспондентовъ. Особенно любопытны смѣлыя изслѣдованія сего послѣдняго: онъ готовитъ Исторію Славянскаго языка. Въ ней принимаетъ въ основаніе ту мысль, что всѣ Индоевропейскіе языки въ отдаленную до-историческую эпоху составляли одинъ языкъ; однимъ изъ членовъ мѣстныхъ нарѣчій этого общаго языка былъ Славянскій, нераздѣльный съ Германскимъ. Послѣ и отъ Германцевъ отдѣлились Славяне не одни, а вмѣстѣ съ Литовцами. Затѣмъ уже являются Славяне съ своимъ отдѣльнымъ языкомъ, ближе всего сходнымъ съ языкомъ Литовскимъ и болѣе отличнымъ отъ Германскаго, еще болѣе отъ всѣхъ остальныхъ Индо-Европейскихъ, названныхъ Шлейхеромъ Аріо-Иеластійскими. Поэтому періоды измѣненій Славянскаго языка слѣдующіе: Индо-Европейскій, Германо-Славянскій, Литво-Славянскій и собственно Славянскій.

Къ разряду грамматическихъ изслѣдованій относится разсужденіе Академика Я. К. *Грота* объ элементарномъ преподаваніи Русскаго языка. Основная мысль Академика та, чтобы въ преподаваніи отечественнаго языка не было допускаемо никакой односторонности — преобладанія теоріи или практики. Сознательное изученіе требуетъ, чтобы заблаговременно приобрѣтали учащіеся знаніе существеннѣйшихъ началъ этимологій, которыя собственно относятся къ общей грамматикѣ, въ приложеніи ея къ родному слову. Академикъ полагаетъ, что метода начинать преподаваніе грамматики съ объясненія состава предложенія несогласна съ ходомъ развитія дѣтскихъ способностей, и онъ остается на сторонѣ прежняго способа ученія, по которому начинали учить

грамматикъ съ этимологіи, безъ предварительнаго объясненія предложенія. Этотъ важный предметъ филологіи требуетъ подробнѣйшаго изслѣдованія *sine ira atque studio*.

Тотъ же Академикъ принялъ на себя трудъ пересмотрѣть языкъ въ отношеніи къ ударенію. Ограничившись на первый разъ одними существительными именами, онъ раздѣлилъ сужденіе свое на двѣ части: 1) о мѣстѣ ударенія въ именительномъ падежѣ; 2) о переходѣ ударенія въ склоненіяхъ. По первому вопросу разсмотрѣны сперва имена первообразныя, а потомъ производныя, и въ отношеніи къ послѣднимъ указаны нѣкоторые общіе законы. Имена съ производственными окончаніями раздѣлены на три разряда по родамъ именъ, при чемъ въ именахъ каждаго рода разобраны окончанія: а) всегда носящія на себѣ удареніе; б) встрѣчающіяся то съ удареніемъ, то безъ ударенія. Эта часть грамматики нашей, до сихъ поръ наименѣе обработанная, нуждается въ подобныхъ ученыхъ изслѣдованіяхъ.

Перехожу къ другому роду занятій Отдѣленія—изданію и объясненію памятниковъ Славяно-Русской филологіи и историческимъ чтеніямъ о языкѣ и словесности. Эти занятія, по причинѣ разнообразія ихъ, я изложу въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ они слѣдовали одно за другимъ въ Отдѣленіи.

Академикъ *И. И. Срезневскій*, неутомимо трудящійся и поддерживающій изданіе *Извѣстій и Ученыхъ записокъ*, представилъ общій критическій списокъ памятниковъ Русскаго письма до-Монгольскаго періода, имъ составленный, и затѣмъ сообщалъ постепенно свои частныя наблюденія надъ памятниками. — Изъ пролога XIII вѣка внесъ онъ притчу о тѣлѣ и душѣ человѣческой, съ вариантами по двумъ спискамъ XIV столѣтія. Эта притча важна для объясненія одного изъ поученія знаменитѣйшаго изъ древнихъ проповѣдниковъ, Кирилла Туровскаго.

И. К. Куріановъ сообщилъ обзорнѣе пергаментныхъ рукописей Новгородской Софійской бібліотеки XI—XV в. съ выписками. При немъ приложенъ историческій очеркъ Софійской бібліотеки въ Новѣгородѣ. Время основанія бібліотеки

при Софійскомъ Соборѣ неизвѣстно. Изъ Церковной описи его, составленной въ началѣ XVII в. и сохранившейся въ нѣсколькихъ тетрадахъ, видно, что при каждомъ придѣлѣ Софійскаго Собора находилась особая библіотека. Тогда уже число всѣхъ книгъ было значительно. При исправленіи богослужебныхъ книгъ, требовались нѣкоторые рукописи изъ Софійской библіотеки. Изъ нея взято Остромирово Евангеліе, представленное Императрицѣ Екатеринѣ II. Самое важное приращеніе библіотека имѣла въ концѣ прошлаго вѣка, когда въ нее поступила значительная часть рукописей и старопечатныхъ книгъ Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря. Настоящее устройство получила она въ 1775 г., когда, по распоряженію Преосвященнаго Гавріила, велѣно сдѣлать ей опись, и въ 1785 г. составленъ былъ каталогъ. Въ немъ поименовано старопечатныхъ книгъ 1247. Число рукописей нынѣ доходитъ до 2000; изъ нихъ 87 пергаментныхъ: одна XI вѣка, пять XII в., три XII—XIII в., восемь XIII в., пять XIII—XIV, тридцать семь XIV в., остальные принадлежатъ къ XV вѣку. По содержанію онѣ состоятъ изъ Мисей, Служебниковъ, Евангелій, Тріодей, Канониковъ, Октоиховъ, Псалтирей.

Архимандритъ *Макарій* доставилъ описаніе 8 древнихъ холстинныхъ антиминовъ съ надписями. Изъ нихъ пять найдены въ Николаевскомъ Дворицкомъ Соборѣ, что въ Новгородѣ, подъ напестольною дскою, въ столбцѣ, а три остальные въ церкви XII Апостолъ, среди напестольной дски. Изъ числа пяти антиминовъ самый древній XII в. безъ св. Мошей, а три XV, XVI и XVII в. съ св. Мощами. Между тремя другими антиминовыми древній XIV в. съ св. Мощами, зашитыми подъ холстиною. Два остальные XV и XVI в. также съ св. Мощами.

Академикъ *М. А. Коркуновъ* представилъ записку о правой грамотѣ, данной Сабурову, о мѣстномъ старшинствѣ его передъ Заболоцкимъ. Грамота эта, по мнѣнію Академика, относится ко второй половинѣ XV вѣка; до сихъ же поръ дѣло Зюзина съ Нагимъ, принадлежащее къ 1576 г., считалось самымъ старымъ изъ дошедшихъ до насъ дѣлъ мѣстническихъ.

Академикъ *М. П. Погodynъ* прислалъ разсмотрѣніе Новгородскихъ лѣтописей, изданныхъ покойнымъ Академикомъ Я. И.

Березниковымъ отъ Археографической Коммисіи въ 1841 году. Новгородская лѣтопись съ продолженіями дошла до насъ въ трехъ спискахъ: Синодальномъ, Академическомъ и Толстовскомъ. Академикъ съ безпристрастіемъ ученаго разбираетъ сужденія издателя о достоинствѣ и времени каждаго списка, о порядкѣ изданія и о вариантахъ.

Къ историческимъ чтеніямъ о древнемъ языкѣ и словесности принадлежатъ: Академика *И. И. Срезневскаго* замѣтки о твореніяхъ святаго Кирилла Туровскаго. Преосвященный Макарій въ обзорѣниі произведеній сего Святителя далъ замѣтить, что, кромѣ уже извѣстныхъ, могутъ быть найдены еще и другія. Нѣсколько такихъ произведеній находится въ каноникѣ братьевъ бояръ Салтыковыхъ XVI вѣка, богатомъ разными любопытными древностями.

Тотъ же Академикъ представилъ снимки, сдѣланные имъ съ пергаментнаго кондакаря Нижегородскаго Собора, писаннаго въ XII вѣкѣ или въ началѣ XIII в., и извлеченіе изъ приготовленнаго имъ описанія этой рукописи, которая вмѣстѣ съ кондакаремъ Троицкой Лавры принадлежитъ къ числу драгоценныхъ памятниковъ нашего древняго пѣнія. Сверхъ того онъ читалъ: а) записку о двухъ древнѣйшихъ грамотахъ Князя Мстислава и сына его Всеволода Юрьеву монастырю и преподобнаго Варлаама Монастырю на Хутынѣ. Первая изъ этихъ грамотъ, по мнѣнію Академика, относится къ 1130, а вторая вѣроятно къ 1192—1193 г. Обѣ грамоты въ подлинникѣ были доставлены въ Отдѣленіе при посредствѣ Высокопреосвященнаго Митрополита Новгородскаго и С. Петербургскаго. Съ нихъ сняты для изданія вѣрные снимки. б) Въ день Преподобнаго Нестора онъ читалъ о любопытномъ листкѣ XII в., помѣщенномъ въ Златоструѣ Императорской Публичной Библіотеки, гдѣ находятся нѣсколько строкъ лѣтописи Несторовой. Листокъ этотъ, отрывокъ изъ сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ, приписываемый Мниху Іакову, заключаетъ въ себѣ сказаніе объ открытіи Мошей св. Глѣба и похвалу св. братьямъ. Отрывокъ готовится Академикомъ къ изданію съ нужными объясненіями. с) Разборъ «ученія о числахъ», написаннаго Кирилломъ діакономъ въ 1144 г.

Корреспондентомъ Академіи *А. Ѳ. Бычковымъ* доставлено извѣстіе о рукописи XI вѣка, принадлежавшей Г. Стрѣльбицкому. По внимательномъ разсмотрѣніи грамматическихъ формъ рукописи и начертанія носовой буквы, ученый палеографъ находитъ, что листки отрывка составляютъ XVII и XVIII тетради (л. 119—134) Супрасльской рукописи, древнѣйшаго изъ Кирилловскихъ памятниковъ юго-западнаго письма, заключающаго въ себѣ минологіи за мартъ мѣсяць съ поученіями, относящимися къ великому посту, святой недѣлѣ и пр. Она была изслѣдована еще въ 1825 году А. Х. Востоковымъ, и потомъ напечатана Миклошичемъ по списку, снятому съ подлинника Копитаромъ. Часть подлинника хранится теперь въ Люблянѣ.

Академикъ Преосвященный *Макарій*, Епископъ Тамбовскій, представилъ разсужденіе о Григоріи Цамблакѣ, Митрополитѣ Кіевскомъ, какъ писателѣ. Всѣхъ рукописныхъ сочиненій Григорія извѣстно до 25. Это почти исключительно проповѣди, и именно восемь на праздники Господни и Богородичныя, семь на праздники Святыхъ и шесть на дни воскресныя, недѣльные и на особые случаи. Къ проповѣдямъ надобно присовокупить три историческія сказанія о Святыхъ и богослужебный стихъ на успеніе Пресвятой Богородицы. Преосвященный находитъ, что Григорій преимущественно подражалъ знаменитѣйшему изъ христіанскихъ витій — св. Іоанну Златоусту; не рѣдко пользовался мыслями изъ поученій св. Василія Великаго, св. Епифанія, св. Андрея Критскаго, св. Іоанна Дамаскина и другихъ, переработывая заимствованія такъ, что сообщалъ имъ характеръ самостоятельный. Талантъ этого писателя былъ собственно ораторскій. Витіеватая рѣчь его иногда отзывается искусственностью, но чаще согрѣта теплымъ чувствомъ и проникнута сильною мыслию. Направленіе въ однѣхъ проповѣдяхъ догматическое, въ другихъ историческое. Слогъ въ нихъ чистый Славянскій, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и двухъ-трехъ Греческихъ словъ.

Отъ *Г. С. Дестукиса* получено продолженіе матеріаловъ для разсмотрѣнія вопроса о слѣдахъ славянства въ нынѣшнемъ Греческомъ языкѣ.

Академикъ *К. И. Арсеньевъ* внесъ чрезвычайно любопыт-

ное сочиненіе подъ заглавіемъ: Высшія Правительственныя лица временъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Нѣкоторыя изъ прославившихся фамилій этого царствованія уже угасли, таковы: Князья Лыковы, Мезецкіе, Пожарскіе, Ромодановскіе, Сицкіе, Сулешевы. Можетъ статья, отдаленные потомки, наследники не славы, а богатствъ, давно ихъ забыли. Но правдивое и теплою сердечною проникнутое изображеніе заслугъ ихъ отечеству, начертанное достопочтеннѣйшимъ Сочленомъ нашимъ, сохранить дорогія имена въ памяти народа. Исторія, по словамъ историографа нашего, злопамятна; а народъ любитъ въ ней заучивать болѣе доблести.

Корреспондентъ А. Ѳ. Гильбердингъ сообщилъ записку: а) объ уцѣлѣвшемъ остаткѣ Балтійскихъ Славянъ, донинѣ говорящихъ своимъ нарѣчіемъ, о которомъ замѣчанія доставлены въ Отдѣленіе г. Цейновою, хотя смѣшанно съ замѣчаніями о нарѣчій Капубскомъ.

Академикъ И. И. Срезневскій читалъ свои записки: а) о договорныхъ грамотахъ Князей Ярослава Владиміровича и Александра Ярославича Невскаго, изданныхъ Археографическою Коммиссіею въ числѣ грамотъ, касающихся сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригою и Ганзейскими городами; б) о глаголическихъ отрывкахъ, найденныхъ въ библіотекѣ Пражскаго Капитула Гѣфлеромъ и относимыхъ къ числу древнѣйшихъ памятниковъ глагольскаго письма. Эти памятники представляютъ образецъ соединенія Чешскаго нарѣчія съ Церковно-Славянскимъ языкомъ.

Отъ г. В. Я. Юшкевича получены замѣтки о свойствахъ Литовскаго языка. Нарѣчіе, употребляемое Литовцами по прибрежьямъ р. Нѣмана, извѣстно Юшкевичу съ малолѣтства, какъ родное. Источниками служили ему: 1) пѣсни и сказки, списанныя со словъ простолюдиновъ, говорящихъ чистымъ Жмудскимъ нарѣчіемъ; 2) пѣсня о Королевѣ Бирутѣ; 3) сочиненія Епископа Волончевскаго и Довконта; 4) Грамматика Шлейхера и сочиненія Нессельмана и Куршадта; 5) сказки и пѣсни, записанныя въ окрестностяхъ Поневѣжа.

Читаны выписки И. К. Курріянова изъ одного Сборника Новгородской Софійской библіотеки. Одна изъ нихъ особенно заслуживаетъ вниманіе, какъ варіантъ слова о поставляющихъ

трапезу роду и роженицамъ, которое почти постоянно входитъ въ составъ сборниковъ, извѣстныхъ подъ именемъ Златоустовъ.

Онъ же отыскалъ грамоту Митрополита Фотія къ Новгородскому Архіепископу Іоанну II и четыре первыя сатиры Ки. Кантеміра 1733 г., значительно отличающіяся отъ напечатанныхъ въ его сочиненіяхъ.

Академикъ *М. А. Коркуновъ* прочелъ хронологическую замѣтку о надписи на Тмутараканскомъ камнѣ. Въ надписи этой означенъ только 6576 годъ отъ с. м. и 6 индиктъ. Такъ какъ 6 индиктъ въ 6576 г. по мартовскому лѣтосчисленію заключался въ первыхъ шести мѣсяцахъ сего года; то Академикъ полагаетъ, что князь Глѣбъ измѣрялъ ширину пролива въ мартѣ 6576 г., какъ самомъ ближайшемъ ко времени, когда еще Киммерійскій Босфоръ не освободился отъ льда. Сентябрьское же лѣтосчисленіе въ XI в. еще не встрѣчается въ древнихъ нашихъ лѣтописяхъ.

Читаны выписки изъ Трефологіона XV—XVI вѣка, *Архимандрита Макарія*. Судя по почерку письма и по формамъ языка, Макарій относитъ Трефологіонъ къ концу XV или къ началу XVI в. Въ рукописи помѣщено 10 службъ, которыя писаны уже въ концѣ XVII вѣка. Къ числу замѣчательныхъ мѣстъ принадлежитъ обрядъ многолѣтія, совершаемый въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія Господня.

Всѣ эти ученые изслѣдованія, по внимательномъ обсужденіи Членами Отдѣленія, печатались въ «Извѣстіяхъ» или въ «Ученыхъ Запискахъ».

Наконецъ остается мнѣ упомянуть о чтеніяхъ въ Отдѣленіи касательно новой и современной Русской словесности и о разборахъ замѣчательнѣйшихъ сочиненій.

По примѣру прежнихъ годовъ, Отдѣленіе доносило Его Высокопревосходительству Г. Министру Народнаго Просвѣщенія о замѣчательнѣйшихъ сочиненіяхъ ученыхъ и по изыщной словесности, для представленія ихъ на Высочайшее воззрѣніе Государя Императора.

Въ «Извѣстіяхъ» разобраны Редакторомъ нѣкоторыя изъ вновь вышедшихъ книгъ по части Славянской и Русской филологіи. Извлекаемъ изъ этихъ разборовъ главныя основныя мысли о сочиненіяхъ наиболѣе заслуживающихъ вниманіе.

Второе путешествіе *Архимандрита Порфирія Успенскаго* въ Синайскій Монастырь, въ 1850 году. Путешественникъ въ числѣ богослужебныхъ книгъ Греческихъ, Армянскихъ, Грузинскихъ, Сирскихъ, Арабскихъ и Абиссинскихъ нашелъ *магомечскую* псалтирь, писанную на пергаментѣ мелкимъ почеркомъ въ 8 д. листа. Любопытны замѣтки а. Порфирія о крюковыхъ книгахъ Греческихъ, относящихся къ X—XV в. Въ нихъ содержатся, кромѣ теоріи церковнаго пѣнія, имена пѣнеслагателей: Иоанна Дамаскина, Сгиропула и другихъ, ихъ музыкальныя сочиненія, церковныя распѣвы разныхъ народовъ — Персидскій, Франкскій, Болгарскій, Родосскій, Солунскій, также церковныя пѣснопѣнія, изъ которыхъ видно, что Греки при Византійскихъ царяхъ разнообразнымъ пѣніемъ умѣли выражать различныя чувствованія христіанскія.

Памятники нарѣчія Залабскихъ Древлянъ и Глинянъ, корреспондента Академіи, *А. Ф. Гильфердинга*. Это первый опытъ изслѣдованія Русскаго ученаго, достойный признательности тѣмъ болѣе, что онъ отчетливѣе всѣхъ прежде вышедшихъ, и необходимъ для всякаго изслѣдователя по памятникамъ, которые до сихъ поръ оставались въ невзвѣстности.

Исторія Русской Церкви, сочиненіе *Макарія*, Епископа Тамбовскаго. Разборъ принадлежитъ Профессору *И. А. Чистовичу*. Въ литературѣ нашей извѣстны три сочиненія по предмету Исторіи Русской Церкви: Митрополита *Платона*, *А. Н. Муравьева* и Преосвященнаго *Филарета*, Архіепископа Харьковскаго. Преосвященный *Макарій*, съ рѣдкимъ, ему свойственнымъ искусствомъ, въ своемъ изображеніи церковныхъ дѣяній соединилъ ученый интересъ съ доступностью изложенія для всѣхъ степеней образованія. Полнота со стороны изученія и разработки матеріаловъ, равно и со стороны пояснительныхъ примѣчаній, стройность и отчетливость въ планѣ, точность въ изложеніи событій, строгость выводовъ, безпристрастіе въ оцѣнкѣ событій, лицъ и характеровъ, наконецъ простота, обстоятельность и общепон-

нятность изложенія, таковы достоинства, дающія Исторіи Церкви Макарія преимущество предъ выше упомянутыми сочиненіями о томъ же предметѣ. Вышедшій томъ составляетъ продолженіе исторіи христіанства въ Россіи до Равноапостольнаго Князя Владиміра и доводитъ Исторію до 1240 года, или до Митрополита Кирилла II. Здѣсь Русская Церковь разсматривается: а) со стороны лицъ, ее составляющихъ, т. е. Іерархіи и паствы; б) со стороны средствъ, какими она пользовалась, т. е. ея ученія, богослуженія и управленія, равно какъ правъ и преимуществъ; в) со стороны ея цѣли, т. е. вѣры и нравственности ея чадъ и д) со стороны ея вѣдшихъ отношеній къ другимъ церквамъ и религіознымъ обществамъ.

Грамоты, касающіяся сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригею и Ганзейскими городами въ XII, XIII и XIV в., найдены въ Рижскомъ архивѣ *К. О. Наніерскимъ* и изданы Археографическою Коммиссіею. Исслѣдователи отечественныхъ древностей оцѣняютъ это новое великолѣпное изданіе, какъ одно изъ самыхъ важныхъ для Археографическихъ разысканій. Здѣсь въ отличныхъ свѣдѣніяхъ и спискахъ одиннадцать актовъ XII — XIV в. Объясненія, приложенныя къ грамотамъ, принадлежатъ Академику *А. А. Кунинку*. Каждая изъ этихъ грамотъ вноситъ новый свѣтъ въ древность Руси и достойна особаго разсмотрѣнія. Всѣхъ важнѣе по древности и содержанію мирный договоръ Новгорода съ Нѣмцами, конца XII вѣка.

Обзоръ Русской Духовной Литературы 862—1720 г. Преосвященнаго *Филарета*, Архіепископа Харьковскаго, составляетъ богатый, тщательно обработанный матеріалъ для исторіи Русской литературы. Исслѣдованія автора — плодъ глубокой и основательной учености, обширнаго знакомства не только съ древнею письменностью, но и съ иностранными ея пособіями. Здѣсь, вмѣстѣ съ сочиненіями каждаго писателя, представлена кратко сущность всего, что можно о немъ сказать.

Исторія Сербскаго языка по памятникамъ, писаннымъ кириллицею, въ связи съ исторіею народа. *А. Майкова*. Это заглавіе уже указываетъ на двойственное содержаніе сочиненія: одна часть заключаетъ въ себѣ исслѣдованія лингвистическія, другая исторію судебъ Сербскаго православнаго народа въ

собственной Сербіи, Босніи и Дубровникѣ. Трудъ Майкова, достойный признательности и уваженія ученыхъ, даетъ ему право на одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ между писателями, занимавшимися исторіей Славянскихъ народовъ.

Исторія С. Петербургской Духовной Академіи, Профессора *Ил. Чистовича*, для исторіи Русскаго просвѣщенія и словесности — пособие необходимое. Авторъ болѣе всего разсматривалъ внутреннее училищное устройство, зависѣвшіе отъ этого успѣхи учащихся, равно и всѣ замѣчательныя личности и ихъ труды.

Академикъ *П. П. Дубровский* читалъ мнѣніе свое о переводѣ Зендавесты на Польскій языкъ Петрашевскимъ, и разсужденіе объ Ад. Мицкевичѣ, въ которомъ изложена біографія поэта, обзорныя стихотворенія его и лекціи о литературѣ Славянскихъ народовъ.

Сверхъ общихъ занятій Отдѣленія литературные труды членовъ были слѣдующіе:

Академикъ, Преосвященный *Макарій*, окончилъ и издалъ первыя три книги Исторіи Русской Церкви, обнимающія собою первый ея періодъ; напечаталъ новымъ изданіемъ въ двухъ томахъ православно-догматическое Богословіе и Исторію Русскаго раскола, извѣстнаго подъ именемъ старообрядства. Со времени назначенія на кафедру Тамбовской епархіи, Преосвященный произнесъ болѣе двадцати словъ и рѣчей, изъ которыхъ напечатаны: Рѣчь при послѣднемъ священнослуженіи въ церкви С. Петербургской Духовной Академіи, и Слово къ паствѣ Тамбовской въ день Пресвятыя Троицы. Подъ редакцію Преосвященнаго изданы первыя шесть книжекъ Христіанскаго чтенія, гдѣ помѣщены три историческія статьи Его Преосвященства.

Академикъ *М. П. Погодинъ* занимался изслѣдованіями о Новгородской Исторіи и изданіемъ пятаго тома своихъ Лекцій, въ которомъ заключается обзорныя исторіи до Татаръ.

Академикъ *С. П. Шевыревъ* продолжалъ Исторію Русской Словесности, и съ этой цѣлью онъ работалъ въ бібліотекахъ Синодальной, Іосифова Волоколамскаго Монастыря и въ нѣ-

которыхъ частныхъ. Скоро приступитъ онъ къ изданію третьяго тома Исторіи Словесности.

Академикъ *И. И. Срезневскій*, кромѣ редакціи Извѣстій и Ученыхъ Записокъ, гдѣ большая часть изслѣдованій носитъ его имя, занимался изысканіями *палеографическими*, не только со стороны письменъ старинныхъ памятниковъ, но и какъ матеріалами для исторіи образованности. Въ послѣдніе полвѣка у насъ сдѣлано довольно много въ этомъ отношеніи, преимущественно Академикомъ *А. Х. Востоковымъ*; но основанія палеографическія доселѣ остаются тайной. Мы относимъ рукописи къ тому или другому вѣку болѣе по навыку, безъ положительныхъ и опредѣленныхъ на то указаній. Отдѣленіе, съ цѣлю вывести изъ письменъ рукописей критеріи, по которому возможно бы было опредѣлять время той или другой рукописи, предприняло составить Сборникъ снимковъ съ рукописей и свести письмена по вѣкамъ. При содѣйствіи Отдѣленія, Академикомъ *И. И. Срезневскимъ* памятники до-Монгольскаго періода обзрѣны почти всѣ, а нѣкоторые разсмотрѣны даже подробно, равно весьма многіе изъ памятниковъ XIII и XIV в. При анализированіи памятниковъ обращается вниманіе не только на слова и ихъ строй, но и на опредѣленіе терминологіи. Кромѣ изученія внѣшней ихъ стороны, какъ выше замѣчено, изслѣдуется и внутреннее содержаніе, для извлеченія чертъ, касающихся народной жизни.

Академикъ *И. И. Срезневскій* также продолжаетъ составленіе Словаря древняго Русскаго языка по всѣмъ памятникамъ нашей древности.

Академикъ *А. В. Никитенко* занимался редакціею Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія. Онъ также напечаталъ въ одномъ изъ періодическихъ изданій начало своихъ путевыхъ наблюденій и замѣтокъ о разныхъ предметахъ искусства, составленныхъ во время полугодичнаго пребыванія его въ Германіи и Франціи.

Академикъ *П. П. Дубровскій* постоянно сообщалъ въ періодическія изданія статьи о современномъ состояніи Польской литературы. Онъ приготовилъ къ печати, «Матеріалы для срав-

нительнаго изученія Польскаго языка, въ отношеніи къ языку Старославянскому и Русскому. Изъ этихъ матеріаловъ можно видѣть, какъ одно и то же слово въ обоихъ соплеменныхъ языкахъ принимаетъ различныя оттѣнки смысла, какъ иное реченіе или цѣлое выраженіе вышло изъ употребленія въ языкѣ Польскомъ, а живетъ еще въ Русскомъ, и наоборотъ.

Отдѣленіе въ нынѣшнемъ году продолжало издавать подъ редакціею достопочтеннѣйшаго Сочлена своего, Академика *И. И. Срезневскаго, Извѣстія*. Оно напечатало:

1) *Ученыхъ Записокъ* книгу III. Въ отдѣлѣ лѣтописей этой книги помѣщено воспоминаніе Предѣдательствующаго о столѣтіи Русской Грамматики; въ отдѣлѣ изслѣдованій: 1) Обзоръ Русской духовной литературы, Пресвященнаго Филарета, Архіепископа Харьковскаго. 2) О древней Русской лѣтописи, какъ памятникъ литературномъ, Корреспондента *М. И. Сухомлинова*. Въ одной изъ слѣдующихъ книжекъ Ученыхъ Записокъ будетъ помѣщена хроника Георгія Амартола, приготовленная къ изданію г. *Муральтожъ*. Въ предисловіи его къ этой хроникѣ рассмотрѣны списки ея, хранящіеся въ разныхъ библіотекахъ. Сверхъ того г. Муральтъ составляетъ именной и лингвистическій указатель къ хроникѣ.

2) *Памятники и образцы народнаго языка и словесности Русскихъ и Славянъ Западныхъ*. Начало этому Сборнику положено въ 1852 г., вмѣстѣ съ Извѣстіями, при выпускахъ которыхъ выходили и листы *Памятниковъ*.

3) *Матеріаловъ для сравнительнаго и объяснительнаго Словаря и Грамматики* т. 3. Въ этомъ томѣ помѣщены: 1) первая часть Словаря Малорусскаго, А. С. Аванасьева-Чужбинскаго; 2) первая часть Словаря Болгарскаго, *Н. Герова*; 3) продолженіе Санскрито-Русскаго Словаря, *К. А. Коссовича*; 4) изслѣдованія *Я. К. Грота*, о Русскихъ существительныхъ и о Русскихъ глаголахъ съ подвижнымъ удареніемъ; 5) *Цельскаю*, о Польскомъ глаголѣ; 6) *Г. С. Дестуниса*, о Новогреческомъ языкѣ; 7) *Михаила Стаховича*, Сборникъ народныхъ техническихъ выраженій.

4) *Отчеты Второму Отдѣленію Академіи Наукъ о филологическомъ путешествіи по западнымъ краямъ Россіи*, Кандидата

С. П. Микуцкаго. Здѣсь любопытны замѣчанія о Литовскомъ языкѣ и о Славянскихъ нарѣчіяхъ сравнительно съ другими сродными языками, равно и о формахъ образованія словъ.

5) *Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ Русскихъ, А. Пыпина.* Три рода памятниковъ разсматриваетъ авторъ: 1) повѣсти и сказки, переведенныя съ Греческаго на Старославянское нарѣчіе; 2) повѣсти и сказки, переведенныя на Славянорусское и Русское нарѣчіе съ Польскаго и Нѣмецкаго языка; 3) повѣсти и сказки чисто Русскія, написанныя или записанныя въ до-Петровское время. Памятники всѣхъ трехъ родовъ разсмотрѣны почти исключительно по рукописямъ, при чемъ обращено было вниманіе на различіе списковъ.

6) Историческія чтенія о языкѣ и словесности, книга 3-я.

7) *Русскій библиографическій указатель за 1855 годъ*, составленный *Ламбининымъ*, Помощникомъ Библіотекаря Академіи. При книгахъ указаны критическія статьи о нихъ, помѣщенныя въ повременныхъ изданіяхъ, а при особыхъ оттискахъ статей тѣ сборники, въ которыхъ они содержатся. Въ концѣ, кромѣ оглавленія, есть алфавитъ авторовъ, переводчиковъ и издателей. Любопытно изъ этого указателя узнать о состояніи литературы нашей въ 1855 году. Всѣхъ книгъ, со включеніемъ учебниковъ, періодическихъ изданій, атласовъ, ландкартъ, было около тысячи. Изъ нихъ можно считать одну девятую часть собственно литературныхъ сочиненій, остальные относятся къ различнымъ отраслямъ наукъ физико-математическихъ и другихъ. Перевѣсъ сочиненій по предметамъ, называемымъ *положительными*, передъ изящною словесностью слишкомъ великъ; между тѣмъ какъ состояніе литературы самое блистательное состоитъ въ союзѣ наукъ съ изящными искусствами.

Исполняя прямую обязанность, указанную въ Положеніи: *хранить и утверждать языкъ*, Отдѣленіе сочувствовало и изящному слову. Для украшенія трудовъ своихъ и для сохраненія въ нихъ важныхъ народныхъ событій, оно помѣщало въ Извѣстіяхъ нѣкоторыя замѣчательныя современныя литературныя произведенія Академикомъ и Корреспондентовъ, какъ образцы краснорѣчія и поэзіи. Таковы рѣчи Академика, знамени-

таго духовнаго вѣтѣи нашего, Митрополита Московскаго, Высокопреосвященнѣйшаго *Филарета*, произнесенныя имъ при священномъ коронованіи Государя Императора; Ода Академика *С. П. Шевырева*, на то же событіе; стихотвореніе Академика, Князя *П. А. Вяземскаго*: Ея Императорскому Величеству Государынѣ Императрицѣ. Украшеніе ученыхъ изслѣдованій образцами краснорѣчія и поэзіи считаемъ мы необходимымъ и для восполненія недостатка въ наше время изящной словесности.

Отдѣленіе вмѣняетъ себѣ въ особенную честь сношенія свои съ посторонними вѣдомствами о вопросахъ, касающихся языка нашего, по нѣкоторымъ отраслямъ художествъ, ремеслъ и промышленности еще не установившагося. Непрерывныя новыя открытія, изобрѣтенія и усовершенствованія вводятъ новыя понятія и требуютъ имъ свойственныхъ выраженій. Такъ Его Высокопревосходительство Министръ Народнаго Просвѣщенія сообщилъ Отдѣленію отъ лица Главноуправляющаго Путиами Сообщенія и Публичными Зданіями списокъ словъ по производству желѣзныхъ дорогъ. Извѣстно, что, при введеніи новаго какого-либо изобрѣтенія, принимаются слова того народа, среди котораго изобрѣтеніе родилось, или они буквально переводятся. Но когда производство усиливается, тогда реченія, насильственно заимствованныя, замѣняются отечественными. Время и народное употребленіе—самыя лучшіе преобразователи языка; ученые только прислушиваются къ нимъ и ихъ словопроизведенію даютъ право гражданства.

Вотъ, Милостивые Государи, занятія Втораго Отдѣленія Академіи въ истекшемъ году. Достигаемъ ли мы своей цѣли, рѣшитъ вашъ справедливый судъ. Съ нашей стороны, по крайней мѣрѣ, было усердіе ревностное къ родному языку и словесности. Съ Божіею помощію, мы сдѣлали, что могли. Одушевленіемъ и просвѣщеннымъ руководствомъ въ трудахъ нашихъ мы обязаны *Президенту Академіи*, по любви своей къ наукамъ и отечественной литературѣ, всегда готовому поддержать всякое полезное

академическое предпріятіе и ободрить каждаго Академика высокимъ своимъ покровительствомъ. Мы считаемъ долгомъ изъяснить глубокую благодарность Высокопреосвященнѣйшему Митрополиту Новгородскому и С. Петербургскому Григорію, постоянно содѣйствующему намъ радушнымъ позволеніемъ пользоваться книжными монастырскими сокровищами. Благодаримъ и просторныхъ летераторовъ, оказавшихъ намъ ученое пособіе. Порадуемся, если благонамѣренные ревнители всякаго добраго преуспѣянія удостоятъ вниманіемъ своимъ безкорыстные наши труды. Мы знаемъ, что они не удовлетворяютъ большинства читателей, предпочитающихъ сухимъ лингвистическимъ изысканіямъ живые цвѣты поэтическіе. Такова участь всѣхъ добытъ науки: искусство даѣтъ имъ жизнь. Академики открываютъ источники новыхъ богатствъ языка, разрабатываютъ лѣтописи и другіе письменные памятники древней Руси, собираютъ повсюду и приводятъ въ сознаніе своенравную народную рѣчь; писателямъ, владѣющимъ художественнымъ словомъ, остается оживлять литературныя добычи ученыхъ и въ нѣмыя хартіи влагать душу?

Академіи и другія ученые общества, еще незабвенный Карамзинъ говорилъ, не предписываютъ законовъ ни общественному вкусу, ни дарованіямъ касательно выбора предметовъ для творчества: писатели слѣдуютъ собственному влеченію, а читатели избираютъ, что имъ нравится, и не нуждаются въ указаніяхъ. Но посвящающіе всю жизнь наукамъ и наблюдающіе за успѣхами ихъ и словесности почитаютъ своимъ долгомъ вникать въ причины того или другаго направленія вѣка. Что можетъ быть для насъ важнѣе этого вопроса въ нынѣшній положительный вѣкъ, когда по-видимому міръ вещественный предпочитается міру духовному?

Литературныя произведенія всегда служатъ выраженіемъ потребностей и вкуса современнаго общества; а современная литература показываетъ, что нашъ вѣкъ преслѣдуетъ преимущественно міръ внѣшній, или чувственный, и мало заботится о мірѣ внутреннемъ, или идеальномъ. Науки, занимающіяся этимъ внѣшнимъ міромъ, обаятельнымъ могуществомъ своимъ и приложеніемъ къ жизни многихъ полезныхъ, даже удивительныхъ

открытій и изобрѣтеній, привлекли на свою сторону наибольшую часть лучшихъ умовъ. Въ первой половинѣ текущего столѣтія въ Европѣ процвѣтала поэзія; въ настоящее время поэзія уступила первенство наукѣ, идеальное направленіе умовъ замѣнено вещественнымъ. Въ Германіи лира Шиллера и Гёте умолкла — и нѣтъ равносильнаго имъ таланта, который бы пробудилъ ея струны. Франція, еще гордая писателями вѣка Людовика XIV, перечитываетъ Гюго и Ламартина. Въ Англійской литературѣ вѣетъ вдохновеніе Байрона. У насъ то же самое явленіе: творенія изящной словесности едва замѣтны среди произведеній наукъ по всѣмъ отраслямъ вѣдѣнія человеческого. Много ли представлено драматическихъ сочиненій на состязаніе наградъ Графа Уварова? Между тѣмъ Демидовскія преміи, назначенныя для увѣнчанія сочиненій ученыхъ, постоянно находятъ достойныхъ соискателей.

При такомъ состояніи литературъ невольно приходишь къ заключенію, что для поэзіи и наукъ существуютъ періоды, какъ въ природѣ физической существуетъ особая пора года для цвѣтовъ и плодовъ. Но въ мірѣ внутреннемъ весна и осень, какъ и всѣ психическія проявленія, происходятъ отъ извѣстнаго развитія силъ душевныхъ. Образование духовнаго организма тогда только производитъ и цвѣты, и плоды, когда оно равно дѣйствуетъ на всѣ силы нашего духа: умъ, волю и чувство. Нельзя ожидать всесторонняго развитія этихъ силъ, если мы, обольщаемые болѣе выгоднымъ реальнымъ обученіемъ, оставляемъ въ небреженіи трудное образование всестороннее—классическое. Орудіе, дарованное намъ свыше, въ которомъ дружно дѣйствуютъ всѣ представители духовнаго организма, есть *слово*. Мысль и слово нераздѣльны: слово необходимо для воплощенія мысли въ мірѣ явленій; равно и мысль даетъ слову жизнь и значеніе. Наука о мысли — вмѣстѣ наука и о словѣ; произведенія словесныя слѣдуютъ опредѣленнымъ законамъ логическимъ подъ вліяніемъ творческой фантазіи. Оттого столь благотворно дѣйствіе на душу словесности, въ которой сосредотчивается классическое образованіе. Тотъ, кто полюбитъ художественныя творенія писателей, посвятивъ себя наукѣ или службѣ общественной, въ часы досуга найдетъ въ нихъ на-

слаженія чистыя и благородныя: изъ нихъ будетъ онъ почерпать мысли и чувства, способныя руководствовать его на пути жизни и подкрѣплять его дѣятельность. Наклонность къ совершенствованію дара слова и вкусъ къ изящному всегда обнаруживаютъ самыя счастливыя дарованія. Прекрасное слово поэзіи, исторіи, витійства, отзывается въ сердцѣ каждаго изъ насъ; потому что для каждаго сладостно сочувствовать стремленію духа ко всему возвышенному — ко всему, что хотя на нѣсколько времени отрываетъ насъ отъ тягостныхъ заботъ житейскихъ, отзывая въ родную сферу духа.

Для достиженія этой цѣли, должно изучать писателей, какъ живописцы изучаютъ безсмертныя произведенія Рафаэля или Микель-Анжело. Сродниться съ ними всего лучше посредствомъ переложенія ихъ на родной языкъ. Предшественники наши на поприщѣ словесности этимъ способомъ содѣйствовали усовершенствованію стиха и рѣчи. Переводы Карамзина и Жуковского до сихъ поръ служатъ образцами прекраснаго Русскаго слова, и мы еще лучшаго ничего не произвели. Въ иностранныхъ литературахъ классическіе авторы, древніе и новые, читаются въ нѣсколькихъ переводахъ; оттого въ языкѣ народовъ, упредившихъ насъ въ просвѣщеніи и богатыхъ образцовыми твореніями литературными, такая правильность и точность, такое изящество. Въ умственной борьбѣ при переводѣ съ поэтомъ или ораторомъ вырабатываются и увеличиваются собственные силы переводчика, образуется свой собственный слогъ. Науки — общее достояніе человѣчества, и переводы ученыхъ сочиненій, сообщаемые соотечественникамъ новыя знанія, обогащаютъ языкъ, но не образуютъ его. Напротивъ, переводы творческихъ созданій изящной словесности, возбуждающей всѣ силы духа нашего, и обогащаютъ языкъ, и образуютъ; они одинаковы съ превосходными списками съ картинъ первоклассныхъ живописцевъ. Въ словесномъ, какъ и въ другомъ искусствѣ, двѣ стихіи: міровая, или обшая, и народная, или особенная. Красоты, составляющія характеръ народной словесности, уступаютъ красотамъ общимъ; первыя измѣнчивы, вторыя вѣчны. Общія стихіи въ словесныхъ твореніяхъ равно прекрасны для всѣхъ народовъ, въ Греціи ли онѣ прежде явились,

или въ Римѣ, во Франціи ли, или въ Германіи; мы всё понимаемъ ихъ, какъ всё понимаютъ истину и добродѣтель. Съ этой стороны разсматриваемые переводы справедливо ставятся въ одномъ ряду съ сочиненіями. Въ жизни мы образуемъ себя по идеалу, какой въ умѣ нашемъ носимъ, по которому размышляемъ и чувствуемъ, котораго всё тончайшіе оттѣнки мыслей выражаемъ въ словѣ. Такъ образуется и та художественная рѣчь, которую Гоголь, говоря о рѣчи Жуковского, почитателя Шиллера, назвалъ *легкою и безтѣлесною какъ видѣніе*.

И такъ не предписывая законовъ ни талантамъ, ни читателямъ, мы радуемся, что сочиненія ученыхъ находятъ читателей; но и сожалѣемъ о скудости произведеній изящной словесности, безъ которыхъ литература не можетъ имѣть ни полноты, ни силы, ни свѣжести. Науки не только не бываютъ лишними для поэзіи и краснорѣчія; напротивъ, онѣ служатъ сокровищницею для ихъ содержанія. Преобразователь нашего языка, творецъ первой Русской оды и первой Русской грамматики, былъ академикъ и профессоръ химіи, писалъ о металлургіи, физикъ, астрономіи. Не эта ли всеобъемлющая ученость и глубокое изученіе древнихъ и новыхъ писателей раскрыли въ немъ геніальныя способности, а поэзія ввела его въ міръ идеаловъ? Науки, проникающія въ тайны природы, насъ окружающей, на самой высшей степени усилій ума не исчерпываютъ всей дѣятельности бессмертнаго духа, этой божественной искры, насъ оживляющей. Явленія видимыя, которыя онѣ покоряютъ владычеству своему, представляютъ господство закона необходимости; тутъ нѣтъ мѣста свободному развитію идей и фантазіи, чарующей насъ въ своихъ созданіяхъ. Этой потребности удовлетворяетъ искусство, и, по преимуществу, *искусство слова*, или *идеальное изображеніе жизни и духа*. Науки лишь въ совокупности съ изящною словесностью представляютъ литературу, полную жизни, цвѣтущую. Все великое отъ идеала. Красота художественная не идеаль ли тѣхъ образовъ, которые не въ природѣ, а въ духѣ нашемъ почиютъ? И что самая добродѣтель, какъ не идеаль, ведущій насъ ко всему благородному, честному, возвышенному? Послѣ столькихъ побѣдъ ума надъ природою вещественною, поищемъ пособій для увеличенія силы духовной.

Такого совершенствованія можно ожидать только отъ образованія всесторонняго — классическаго. Творецъ «Новаго Органа наукъ» назвалъ знаніе природы могуществомъ; но мудрецъ, сказавшій: «мыслью — слѣдовательно существую, призналъ могущество за духомъ, повелителемъ природы; въ немъ, по выраженію поэта,

*«Могучей мысли свѣтъ и жаръ
И огнедышащее слово.»*

Еще испрашиваю благосклоннаго вниманія Вашего, Милостивые Государи: на насъ лежитъ горестная, но священная обязанность — воспоминаніе объ утратахъ, понесенныхъ Отдѣленіемъ и Академіею.

На дняхъ получено извѣстіе о кончинѣ Почетнаго Члена Второго Отдѣленія Академіи, Высокопреосвященнѣйшаго Митрополита Кіевскаго, *Филарета*. Христіанское благочестіе и аскетическая жизнь знаменитаго Архипастыря приобрѣли ему всеобщее, благоговѣнное уваженіе, а многолѣтнее служеніе Церкви, удостоенное высокаго Монаршаго благоволенія, и назидательныя поученія сохраняютъ память его въ средѣ великихъ Іерарховъ — Святителей. Безъ сомнѣнія ученые Пастыри Кіевской не замедлятъ представить почитателямъ покойнаго его жизнеописаніе.

Истекшаго Нояря 19-го числа, скончался Почетный Членъ Второго Отдѣленія Академіи, Предсѣдатель Комитета Иностранной Цензуры, Тайный Совѣтникъ *А. И. Красовскій*. Онъ происходилъ изъ духовнаго званія, обучался въ Гимназіи, бывшей при Академіи Наукъ. Въ службѣ находился Библіотекаремъ въ Императорской Публичной Библіотекѣ, Цензоромъ въ С. Петербургскомъ Цензурномъ Комитетѣ и Предсѣдателемъ Комитета Цензуры Иностранной. Въ продолженіе свыше пятидесятилѣтняго ревностнаго служенія онъ удостоивался многихъ Всемилостивѣйшихъ наградъ; въ послѣдніе годы пожалованъ орденомъ Бѣлаго Орла и золотою табакеркою съ портре-

томъ Государя Императора. Россійскою Академіею избранъ былъ въ Дѣйствительные Члены, а по преобразованіи ея, назначенъ Почетнымъ Членомъ Второго Отдѣленія Академіи Наукъ. Въ описаніи торжественнаго открытія Императорской Публичной Библіотеки, въ 1814 году, помѣщены два сочиненія его: а) *Разсужденіе о пользѣ человѣческихъ познаній и о потребности общественныхъ книгохранилищъ*; б) *Историческое извѣстіе объ Императорской Публичной Библіотекѣ*. По порученію Россійской Академіи, онъ издалъ въ 1839 г. первую часть *Опыта исторіи Императорской Россійской Академіи*, заключающую описаніе перваго періода ея существованія.

Съ 11-го числа на 12-е текущаго Декабря, лишились мы Ординарнаго Академика, Сенатора, Дѣйствительнаго Тайнаго Совѣтника *Петра Григорьевича Буткова*. Онъ родомъ былъ изъ дворянъ; службу началъ во Владимірскомъ Драгунскомъ полку, изъ котораго переведенъ Лейбъ-Гвардіи въ Семеновскій полкъ, а потомъ въ Тифлисскай Мушкетерскій. По выходѣ изъ военной службы, былъ Директоромъ училищъ Воронежской губерніи; находился въ Финляндіи при Генералъ-Губернаторѣ, и послѣ Членомъ Совѣта Министра Внутреннихъ Дѣлъ. Въ отсутствіе Министра, неоднократно управлялъ Министерствомъ. По уваженію долговременной и полезной службы, Всемилостивѣйше пожалованъ Сенаторомъ.

Онъ былъ Членомъ Россійской Академіи, по преобразованіи которой, Высочайше утвержденъ Ординарнымъ Академикомъ по Отдѣленію Русскаго Языка и Словесности. Постоянно присутствуя въ засѣданіяхъ Отдѣленія, Петръ Григорьевичъ принималъ въ занятіяхъ его живѣйшее участіе, особенно по части Исторіи и Древностей Русскихъ. Имя его издавна памятно всѣмъ, кто слѣдилъ за ходомъ изысканій Русскихъ древностей: въ продолженіе почти полувѣка появлялись въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ его труды, замѣчательные столько же обиліемъ и самостоятельностью соображеній, сколько остроуміемъ выводовъ и догадокъ, не говоря уже о начитанности и отчетливости въ указаніи источниковъ и пособій, которыми онъ пользовался. Не мѣсто здѣсь исчислять всѣхъ статей небольшого объема: довольно вспомнить о его запискахъ касательно *Слова о Полку Игоревомъ*, *Новгород-*

скилъ грамотъ, сказаній о Борисѣ и Глѣбѣ, договоровъ со Шведami и о его важномъ сочиненіи, заключающемъ въ себѣ разборъ *Лѣтописи Нестора*, изданномъ подъ названіемъ *Обороны Лѣтописи Русской* отъ наѣтовъ скептиковъ, обороны не напрасной, потому что многое въ защиту Нестора, имъ высказанное, осталось принятымъ въ науку безъ возраженій.

Впрочемъ по тому, что напечатано, еще нельзя судить о всемъ объемѣ разысканій покойнаго Академика. Трудился онъ не изъ тщеславія, а по внутреннему стремленію любознательности. Онъ не могъ оставить безъ разсмотрѣнія ни одного памятника древней письменности нашей, сколько нибудь любопытнаго по отношеніямъ къ быту и судьбамъ народа, и ни одного вопроса изъ этой области знаній. Членамъ Отдѣленія это извѣстно изъ устныхъ бесѣдъ его во время засѣданій, по поводу чтеній записокъ Академиковъ и постороннихъ ученыхъ. Множество знаній, сообразительность и вмѣстѣ легкость отвѣчать готовыми выводами на трудные вопросы не могли не поражать всякаго тѣмъ болѣе, что верѣдко съ тою же легкостью и отчетливостью представляемы имъ были и доказательства, подтверждавшія его убѣжденія. По тѣмъ замѣткамъ, которыя высказывались имъ изустно, можно полагать, что въ запискахъ его найдется много такого, чѣмъ подорожить всякій изслѣдователь древностей Русскихъ.

Къ обширнымъ историческимъ знаніямъ покойнаго Академика присоединялся свѣтлый умъ, кроткій характеръ и юморъ, выражавшійся въ его рѣчи. Уважаемый за свои заслуги и ученость, онъ былъ всѣми любимъ за прекрасный нравъ.

Въ нынѣшнемъ же году, 26 Мая, окончилъ земное поприще въ Одессѣ Высокопреосвященный *Инокентій*, Архіепископъ Херсонскій и Таврическій, тогда какъ мы здѣсь, съ духовнымъ наслажденіемъ, еще читали Слово его, произнесенное при гробѣ Фельдмаршала, Свѣтлѣйшаго Князя М. С. Воронцова. И Церковь, и Академія понесли въ этомъ Архипастырѣ утрату, надолго невознаградимую!

Посвятимъ этой славѣ нашей краткую бесѣду о его *пастырской и ученой дѣятельности*. Желали бы мы знать о первой

юности и времени образованія его, о томъ, что имѣло благотворное вліяніе на развитіе способностей его, о внутренней и домашней жизни, потому что въ людяхъ, свѣше особыми дарами надѣленныхъ, все поучительно: но, при недостаткѣ подробныхъ свѣдѣній, мы съ сожалѣніемъ должны представить это будущему его біографу. Теперь взглянемъ на то, что видимъ въ дѣлахъ его, и послушаемъ его собственнаго слова.

Покойный Сочленъ нашъ, Архіепископъ Иннокентій, въ мірѣ Иванъ Алексѣевичъ Борисовъ, родился Орловской губерніи въ г. Сѣвскѣ, въ 1800 г. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ тамошней Семинаріи, высшее въ Кіевской Духовной Академіи. Здѣсь почувствовалъ онъ жажду благороднаго соревнованія, въ кругу избранныхъ, даровитыхъ юношей, и со страстію предался наукамъ. Сочиненія свои, рассказываютъ коротко знавшіе его, онъ предварительно обдумывалъ вполне во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ писалъ набѣло. Черезъ два, три дня пересматривалъ написанное, и если оно не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобъ представить наставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Всѣ единогласно, профессоры и студенты, отдавали ему пальму первенства^{*)}. Монашество принялъ онъ въ 1824 году, а въ 1826 г. уже былъ Инспекторомъ С. Петербургской Духовной Академіи. Здѣсь возведенъ онъ на высшую ученую степень — Доктора Богословія. Отсюда, въ 1830 году, переведенъ въ Кіевъ Ректоромъ Академіи, съ званіемъ Профессора; въ 1836 году посвященъ въ Епископы. Съ этого времени занималъ онъ мѣсто Кіевского Викарія по 1840 годъ, когда назначенъ былъ на паству въ Вологду, а въ слѣдующемъ году въ Харьковъ. Тогда же онъ присутствовалъ въ Святѣйшемъ Синодѣ. Въ санѣ Архіепископа перемѣщенъ въ Одессу, гдѣ и оставался до самой кончины.

Свѣтлый умъ, обширная память, творческое воображеніе, несторонняя ученость, увлекательное краснорѣчіе, величественный и благолѣпный видъ — всѣ лучшіе дары Неба соединились

^{*)} Преподобный Макарій, въ біографической запискѣ объ Иннокентіи.

въ нашемъ Архипастырѣ. Близкій къ покойному подчиненный *) такъ описываетъ владыку: «Часто однимъ взоромъ и мановеніемъ внушалъ онъ подчиненнымъ безпрекословное повиновеніе, содержалъ ихъ въ порядкѣ и вѣрности долгу. Строгость и благость мудро сорастворялись. Обыкновенно исправлялъ и вразумлялъ онъ виновныхъ, болѣе устрашая, нежели наказывая. Будучи самъ великъ и требуя немалого отъ подчиненныхъ, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ весьма снисходителенъ. Въ немъ совмѣщены были всѣ силы и способности души въ превосходной степени. Это былъ какъ бы нѣкій зидительный духъ, оживлявшій собою всѣхъ, ободрявшій унылое, возвышавшій низменное, наполнявшій собою весьма многое и удаленіемъ своимъ всегда и вездѣ производившій ощущение пустоты.»

Управляя духовными паствами, онъ созидалъ и благоукрашалъ храмы Божіи, совершалъ степенныя торжества, восстанавливалъ изъ развалинъ древнія иноческія обители, основалъ новыя, поддерживалъ и возвышалъ духъ благочестія. Такъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, учредилъ онъ крестные ходы въ Харьковской и Херсонской епархіяхъ; открылъ Успенскій скитъ на Успенской горѣ подлѣ Бахчисарая, гдѣ уцѣлѣла отъ времени издревле высѣченная въ скалѣ церковь съ изображенною на стѣнѣ чудотворною иконою Божіей Матери. Въ Одессѣ, на берегу моря, устроилъ онъ часовню съ престоломъ во имя всѣхъ Россійскихъ Святыхъ. Въ рѣчи, произнесенной при ея зложеніи, Архипастыръ говорилъ: «Море Черное! ты принесло намъ нѣкогда на хребтѣ твоемъ Крестъ и Евангеліе съ Вѣрою Православною. Зри и радуйся! Се питомцы сея Вѣры, достигшіе въ мужа совершенна, въ мѣру возраста Христова, приходятъ въ ливахъ своихъ цѣлымъ соборомъ вселиться на брегъ твой, да разумѣешь, что сѣмя Вѣры, тобою принесенное, не осталось безъ плода сторичнаго.»

Сильно было вліяніе благодушнаго начальника на юныхъ дѣлателей вертограда Господня! **) — Съ рѣдкимъ благород-

*) Архимандритъ *Серафимъ*, Ректоръ Херсонской Семинаріи, въ надгробномъ словѣ, предъ пренесеніемъ тѣла изъ Крестовой Церкви въ Кафедральный Соборъ.

**) Христ. Чт. 1857, Авг.

ствомъ, съ живымъ и теплымъ сочувствіемъ ободрялъ онъ и направлялъ ихъ на истинный путь ко благу Церкви и къ славѣ Божіей. Сколько заботъ и попеченій его испытали сирые и бѣдные, оставленные на произволъ судьбы! Съ цѣлю одушевить таланты и поощрить къ ученымъ занятіямъ, онъ самъ съ ними трудился. Въ повременномъ изданіи С. Петербургской Духовной Академіи: Христіанскомъ Читеніи, превосходнымъ памятникомъ еще раннихъ твореній его будутъ служить: *Исторія послѣднихъ дней жизни Иисуса Христа, Жизнь Св. Апостола Павла и Жизнь Священномученика Кипріяна, Епископа Карфагенскаго*. Благотворному содѣйствію его обязано появленіемъ своимъ *Воскресное Читеніе*, изданіе Кіевской Академіи. Въ первые годы существованія своего украшалось оно поучительными статьями Преосвященнаго. Извѣстныя *Чтенія о церковной словесности, Бесѣды объ отношеніи Церкви къ прихожанамъ*, составлены подъ его руководствомъ и по данному имъ направленію.

Преданный священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и собственное совершенствованіе, особенно на поприщѣ проповѣдничества. Для слушанія его Словъ, которыя произносилъ онъ на память, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, Словъ умилительныхъ, трогательныхъ, стекались несмѣтная толпы. Имя проповѣдника, поражавшаго и приводившаго въ восторгъ слушателей, затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда-либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста *).

Сочиненія Иннокентія читаются во всѣхъ концахъ Россіи. и ихъ нельзя довольно начитать. Проповѣдуя о высокихъ истинахъ вѣры, онъ кажется вдохновеннымъ, возноситъ душу и вмѣстѣ научаегь съ совершенною ясностью, потому что высокія истины христіанскія находили въ его сердцѣ живое сочувствіе. Драгоценно для Церкви наслѣдіе, имъ оставленное— каноны и акаѣисты: *Пресвятой Троицѣ, Божественнымъ Страстѣмъ, Живоносному Гробу и Воскресенію Христову, Покрову Пресвятыя Богородицы, Архангелу Михаилу*. Текстъ и содержа-

*) Преосвященный Макарій въ біограф. запискѣ объ Иннокентіи.

ніе акаѳистовъ заимствовалъ Преосвященный, по собственному его сознанію, изъ извѣстнаго Почаевскаго Акаѳистника, но только сокращалъ подлинникъ, очищалъ, усовершеналъ въ силѣ.

Изъ проповѣдей Иннокентія можно составить полный годичный кругъ назидательныхъ духовныхъ поученій. Въ нихъ не пересташь удивляться, то глубинѣ мыслей и сближенію истинъ Священнаго Писанія съ событіями міра и жизнью, то изяществу изложенія, каждому вразумительнаго. Евангельское ученіе передается съ такою простотою, съ такимъ умилительнымъ чувствомъ, что, сливаясь съ этимъ чувствомъ, не постигаешь, какъ оно не развилось прежде, при собственномъ чтеніи Евангелія. Исчислимъ эти перлы церковнаго краснорѣчія: *Слова и рѣчи къ пастырь Вслоюдской; Страстная Седмица и Святая Седмица*, относяшіяся ко времени Кіевскаго викаріатства; *Бесѣды на Святую Четырдесятницу; Бесѣды на Рождество Христово; Слово, бесѣды и рѣчи къ Харьковской пастырь; Бесѣды на Великій Постъ*. Всѣ эти душеспасительныя поученія—духовная пища православныхъ; они передадутъ отдаленнымъ вѣкамъ незабвенное его имя.

Проповѣдь Преосвященнаго Иннокентія— бесѣды, слова и рѣчи, по весьма вѣрному замѣчанію одного изъ ученыхъ рецензентовъ витія^{*)}, представляетъ одно цѣлое: предметъ этой проповѣди—убѣжденіе въ истинѣ жизни Богочеловѣка, Спасителя нашего, о которой напоминаетъ намъ Церковь своими священнодѣйствіями. Самъ проповѣдникъ высказываетъ значеніе своихъ Словъ. «Въ самомъ дѣлѣ, говорить онъ^{**)}», если мы въ мысляхъ, чувствахъ и дѣяніяхъ своихъ будемъ постоянно *выражать образъ жизни нишего Господа*; то симъ самымъ безъ споровъ, безъ труда заградимъ уста всѣмъ врагамъ Его. Иудей, смотря на насъ, скажетъ тогда: вѣрно въ самомъ дѣлѣ возсталъ Христосъ изъ гроба, а не украденъ учениками, какъ клеветуютъ предки наши; ибо смотри—Онъ живъ въ Христіанахъ!» Этотъ главный и основной предметъ проповѣди Иннокентія особенно проявляется въ трехъ моментахъ бытія Христіанскаго: *въ жизни,*

*) Акад. С. П. Швырева въ Москвит., 1842 г. № 4.

**) Свѣтл. Седм. стр. 17.

смерти и возрожденіи, заключающихся въ трехъ Седмицахъ его: Первой Великаго Поста, Страстной и Свѣтлой.

Первая Седмица Великаго Поста изображаетъ жизнь нашу, служащую приготовленіемъ къ смерти и къ новой жизни, или возрожденію. Исповѣдь и причащеніе Св. Таинъ, совершаемыя въ эту седмицу, внутренно очищаютъ нашъ духъ: Въ Бесѣдахъ этихъ проповѣдникъ, какъ духовный врачъ, погружаетъ душу нашу въ таинство покаянія, въ значеніе покаянной молитвы. «Въ суды мірскіе, говоритъ онъ, являются, чтобы оправдать себя; въ судилище духовное приходятъ съ тѣмъ, чтобы обвинять себя. Тамъ наибольшую свободу пользуется тотъ, кто наиболѣе успѣлъ доказать свою невинность; здѣсь наибольшее помилованіе тому, кто наиболѣе сознаетъ свою грѣховность.»

Въ *Страстной* Седмицѣ мы у Креста, созерцаемъ распятаго Господа, съ благоговѣніемъ внимаемъ семи словамъ, сказаннымъ со Креста, въ которыхъ выразилась вся жизнь нашего Искупителя. Первымъ словомъ прощены враги; вторымъ преподано утѣшеніе матери и любимому ученику, и тѣмъ исполнены обязанности человѣческія; третьимъ принять въ умиравшее сердце кающійся разбойникъ, а въ лицѣ его и все человѣчество; четвертымъ выражено тѣлесное страданіе распятаго въ мучительномъ томленіи жажды; пятымъ — страданіе духовное, оставленіе отъ Отца. Въ шестомъ словѣ: совершишася, *когда одна вѣчность покажетъ всю широту и всю силу*, заключилась вся будущность Христіанства. Въ послѣднемъ, седьмомъ словѣ, которымъ Сынъ соединился съ Отцемъ, послѣдовало соединеніе съ Нимъ черезъ Сына и всего человѣчества. Такъ проповѣдникъ, раскрывая намъ всю силу божественныхъ словъ, научаетъ насъ умирать съ Господомъ.

Но вотъ предъ нами и гробъ Христовъ: здѣсь судъ міру. Приидите, вѣщаетъ намъ Спаситель чрезъ Пророка, *приидите и истязимся!* Смотрите, что я сдѣлалъ для васъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня, или паче для себя. — Сколько спасительныхъ поученій вылилось тутъ изъ устъ проповѣдника! «Хотятъ быть богами, а убѣгаютъ отъ Бога! Не Богъ скрылся отъ человѣка, а человѣкъ скрылся отъ Бога. Первые враги Креста Христова люди, коимъ Богъ — ихъ я. Другаго рода враги Креста тѣ, для

конхъ, по выраженію Апостола, Богъ — ихъ *чрево*. Сынъ Божій на Крестѣ: подлинно чудо изъ чудесъ! Спаситель міра въ гробѣ: точно тайна изъ тайнъ! Ты говоришь, что это для тебя непостижимо. А тебѣ говорятъ, что это непостижимо для самихъ Ангеловъ. И зачѣмъ пугаться непостижимаго? Ты удивляешься природѣ и благоговѣшь предъ нею: но все ли ты постигъ въ ней? — Богу, совершенно постижимому, ты престаешь бы и поклоняться.»

Проповѣдь *Свѣтлой Седмицы* исполнена сладостнаго довольства. «Какре великое счастье быть Христіаниномъ, восклицаетъ нашъ духовный вигія. Гдѣ столько свѣта и жизни, какъ въ Евангеліи? Одни мы, Христіане, носимъ Крестъ; одни мы празднуемъ и Воскресеніе.» Здѣсь объясняется символъ Пасхи, какъ торжества Вѣры, Любви и Надежды.

Внутреннему значенію трехъ Седмицъ соотвѣтствуетъ самый слогъ. Первой, говоря словами проповѣдника, приличны не цвѣты краснорѣчія, а *слезы и пепель покаянія*. Слово Страстной проникнуто глубокимъ чувствомъ умиленія. Свѣтлая Седмица торжественна и усладительна.

Въ послѣднюю войну нашу съ Турціею, Франціею, Англіею и Сардиніею живительное слово Архипастыря ободряло героевъ-защитниковъ Севастополя подъ оглушительнымъ громомъ и убійственными ядрами непріятельскихъ орудій. Не рѣдко мысль, возбужденная чтеніемъ Евангелія или Апостола при богослуженіи, влекла витію къ проповѣди — и неожиданно лилось поученіе сладостное. *Словъ и Рѣчей* по случаю нашествія непріятельскаго произнесено имъ двадцать два въ 1854-мъ и шестнадцать въ 1855-мъ году. Доводилось знаменитому Пастырю словомъ своимъ утѣшать скорбную паству нѣсколько дней сряду. Такъ въ 1854-мъ году, 8-го Апрѣля, произнесено имъ слово въ Одесскомъ кафедральномъ соборѣ, при появленіи непріятельскаго флота. На другой день, тамъ же витія нашъ укрѣплялъ проповѣдью духъ воиновъ и жителей, во время облежанія города врагами. Въ памятный день бомбардированія Одессы соединеннымъ флотомъ Англо-Французскимъ, 10-го Апрѣля, стекшіеся въ храмъ жители успокоены умиловительною проповѣдью. Они съ Архипастыремъ своимъ встрѣтили

слѣдующій день — день Пасхи на литургіи, молились въ тотъ же день и за вечернею. Привѣтствуя слушателей съ Свѣтлымъ Воскресеніемъ, Архипастырь говорилъ: «Вчера спогребохся Тебѣ, Христе; совостаю днесь, воскресшу Тебѣ! — Какъ ни высокъ смыслъ и какъ ни глубоко значеніе сей священной пѣсни церковной, въ настоящій день цѣлый городъ нашъ можетъ приложить ее къ себѣ, и, ставъ предъ изображеніемъ Воскрешаго Господа, съ благоговѣйнымъ смиреніемъ сказать: Вчера спогребохся Тебѣ, Христе, совостаю днесь, воскресшу Тебѣ!»

Съ словомъ утѣшенія являлся великій Архипастырь и на полѣ битвы. Въ лагерной Севастопольской церкви, 1855 года 25 Іюня, сказалъ онъ: «По всему лицу земли Русской нѣтъ ни одного сына отечества, который бы въ настоящее время не привѣталъ постоянно мыслію своею съ вами, мужественными защитниками Севастополя, который не скорбѣлъ бы вашими ранами, равно какъ не радовался бы о вашихъ успѣхахъ, не хвалился вашею твердостію и мужествомъ. Тѣмъ паче мнѣ, какъ духовному пастырю страны сей, хотя и недостойному, не возможно не присутствовать всегда съ вами духомъ, вѣрою, молитвою, и не раздѣлять отъ души всего, что происходитъ съ вами — и радостнаго, и печальнаго.»

Этихъ указаній, думаю, достаточно для того, чтобы убѣдиться въ выше упомянутомъ началѣ, изъ котораго развились всѣ слова, бесѣды и рѣчи Иннокентія — выраженіи идеала жизни нашей, образа жизни Спасителя, Его страданія, окончившагося смертію и прославленнаго воскресеніемъ.

Послѣднее служеніе совершено Архипастыремъ въ Симферополѣ, 23-го Апрѣля истекающаго года: Здѣсь произнесена витіею и послѣдняя проповѣдь о *загробной жизни*. Взирая на Крестъ, къ подножію котораго повергаются царь и послѣдній рабъ, мудрецъ и простолюдинъ, онъ показываетъ, въ чемъ состоитъ спасеніе: «Главное поле брани для Христіанина есть его сердце. Внѣшніе враги не много значатъ для него, если внутри нѣтъ мятежа.... И противъ сего-то домашняго зла должны быть устремлены всѣ силы и все мужество.... Кто не ведетъ сей внутренней брани, тотъ Христіанинъ по одному имени. Только побѣда надъ самими собою дѣлаетъ насъ

истинными Христіанами. . . . Безъ сего вѣтъ и не можетъ быть спасенія.» Какая философія преподастъ болѣе вѣрныхъ и душевспасительныхъ совѣтовъ для жизни?

Сображая духъ твореній великихъ Святителей Церкви Христовой четвертаго вѣка — Василя, Григорія Назіанзинскаго и Іоанна Златоустаго, убѣждаешься, какъ совершенно усвоилъ проповѣдь ихъ нашъ Архипастырь. Но сердце его наиболѣе сочувствовало послѣднему: его избралъ онъ своимъ идеаломъ. Въ усладительныхъ и живыхъ Словахъ Иннокентія вѣетъ духъ Святителя Константинопольскаго: и глубина мыслей, и богатство содержанія, и изображеніе величественныхъ картинъ природы, и вмѣстѣ съ тѣмъ одушевленный языкъ, въ словѣ свѣтъ того ослѣпительнаго солнца, которое горитъ на очаровательномъ небѣ востока — чистая нравственность, украшенная поэзією. Изъ новѣйшихъ проповѣдниковъ нашъ незабвенный Архипастырь предпочиталъ всѣмъ Массильона. Если соединеніе двухъ элементовъ — чувства и воображенія съ глубокимъ размышленіемъ, представляетъ образецъ проповѣди: то духовное краснорѣчіе покойнаго нашего Сочлена близко подходитъ къ этому идеалу.

Служеніе его и назидательное проповѣдываніе удостоены многихъ Монаршихъ милостей: онъ былъ Высочайше назначенъ въ Члены Святѣйшаго Синода, пожалованъ орденомъ Св. Александра Невскаго и награжденъ алмазнымъ крестомъ для ношенія на клобукъ. Отъ Греческаго Короля получилъ онъ орденъ Спасителя. Серебряная медаль на Георгіевской лентѣ и бронзовый крестъ на Владимірской, въ память минувшей войны, украшали также его грудь. Бывшая Россійская Академія, Императорская Академія Наукъ и разныя ученые Общества почтили литературныя заслуги витіи принятіемъ его въ свои Члены. Проповѣди его переведены на Греческій, Нѣмецкій, Французскій и Польскій языки.

Столь знаменитаго Архипастыря мы лишились — и когда? Смерть застигла его среди трудовъ и подвиговъ во славу Церкви, въ усердномъ служеніи Государю и Отечеству! Еще онъ собиралъ свидѣнія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма, для составленія Церковнаго Архива, имѣя въ

виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей Церковной Исторіи^{*)}). Не успѣлъ онъ, совершить и другихъ полезныхъ предначинаній для Церкви и науки; не успѣлъ осуществить и задушевной мысли своей, которую высказывалъ въ бесѣдахъ — мысли поклониться Гробу Господню, оросить его слезами, облобызать мѣста, запечатлѣнные стопами Божественнаго Спасителя. Изъ Симферополя возвратился онъ въ Одессу уже больной. Въ предсмертные дни не оставлялъ онъ занятій пастырскихъ и заботъ, слушалъ чтеніе книгъ, преимущественно проповѣдей Митрополита Московскаго Филарета и жизни Митрополита Платона; наканунѣ приказалъ отслужить Вселенскую панихиду и читать канонъ Св. Троицѣ. Кончина доблестнѣйшаго Архiepастыря, послѣдовавшая въ тотъ самый день, въ который онъ совершалъ первую литургію въ Одесскомъ Соборѣ, по прибытіи его въ епархію, была мирная и тихая; достойно встрѣтилъ ее Высокопреосвященный, какъ срѣталъ и разнообразныя судьбы Божіи въ жизни своей — въ мирѣ души, съ преданностью Провидѣнію. Не тщетно проповѣдывалъ онъ въ ободреніе тѣмъ, которые рѣшились мужественно идти противъ искушеній, служить Богу, искать Его Царствія на землѣ: «Утѣшьтеся, говорилъ онъ. Время подвиговъ вашихъ сократилось; число искушеній, васъ ожидающихъ, уменьшилось, вы ближе подошли къ мѣсту своего успокоенія, и вѣ-которые изъ васъ, можетъ быть, въ наступающемъ лѣтѣ будутъ навсегда разрѣшены отъ узъ плоти и явятся къ Небесному Мздовоздающему.»

Печальный обрядъ погребенія совершили и воздали почившему послѣдній долгъ общей всѣхъ Русскихъ признательности Преосвященные Иринархъ, Архiepископъ Кишиневскій, и Поликарпъ, Викарій Одесскій.

Въ заключеніе бесѣды нашей *о пастырской и ученой дѣятельности* покойнаго Академика обратимся съ его же словами^{**)} къ Господу и Владыкѣ жизни и судебъ человѣческихъ, и изліемъ

^{*)} Преосвященный *Макарій* въ Біогр. запискѣ объ Иннокентіи.

^{**)} Слово при погребеніи Генералъ-Фельдмаршала, Свѣтлѣйшаго Князя М. С. Воронцова, 10 Ноября 1856.

чувства живѣйшей благодарности не только за дарованіе ему столь многихъ и прекрасныхъ талантовъ, но и за то, что, при помощи всемогущей благодати, эти таланты не остались погребенными въ землѣ, а явились во всей силѣ и блескѣ, и употреблены на пользу общую. Вся слава земная остается на землѣ, а въ вѣчность идутъ за человѣкомъ одни дѣла его, по которымъ онъ или осудится, или будетъ помилованъ Судіею живыхъ и мертвыхъ. Созерцай теперь жизнь отшедшаго отъ насъ Сочлена нашего, мы можемъ утѣшиться надеждою, что онъ, по земномъ странствіи, *видеть въ радость Господа*, когда настанетъ день всеобщаго обновленія, когда сѣмое въ тлѣніе возстанетъ въ нетлѣніи, и изъ посѣяннаго тѣла душевнаго возникнетъ тѣло духовное, неразрушимое, безболѣзненное, свѣтоносное.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ОТЧЕТУ.

I.

БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ПРЕОСВЯЩЕННОМЪ ИННОКЕНТІИ, АРХІЕПИСКОПЪ ХЕРСОНСКОМЪ И ТАВРИЧЕСКОМЪ.

(ОРД. АКАД. ПРЕОСВ. МАКАРІЯ, ЕПИСКОПА ТАМБОВСК. И ШАЦК.)

Не стало еще одного изъ великихъ людей нашей эпохи, одного изъ достойнѣйшихъ сыновъ Россіи, изъ доблестныхъ іерарховъ Церкви, изъ знаменитыхъ Членовъ нашей Академіи: не стало Иннокентія, Архіепископа Херсонскаго и Таврическаго!

Въ жизни этого Святителя, начавшейся вмѣстѣ съ началомъ XIX-го столѣтія, и окончившейся въ истекающемъ году, можно различать три періода: первый — періодъ его собственнаго воспитанія, второй, когда онъ былъ воспитателемъ другихъ въ духовноучебныхъ заведеніяхъ, третій — періодъ его служенія Церкви и отечеству въ санѣ епархіальнаго іерарха.

О первомъ періодѣ, хотя болѣе другихъ продолжительномъ, весьма мало извѣстно. Сынъ священника, города Сѣвска, Орловской губерніи, Алексія Борисова, Иванъ — такъ названъ былъ Преосв. Иннокентій при крещеніи — первое образованіе свое получилъ, послѣ дома родительскаго, въ Воронежскомъ Духов-

номъ уѣздномъ училищѣ, а потомъ въ Орловской Семинаріи, находившейся въ Сѣвскѣ. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ обнаружались въ немъ бойкія, блестящія способности. Всегда живой и рѣзвый, легко увлекавшійся забавами дѣтства и первой юности, онъ мало предавался трудамъ и занятіямъ, но всегда успѣвалъ въ наукахъ и часто даже превосходилъ всѣхъ своими успѣхами. Обширная память, пламенная фантазія, необыкновенная быстрота и смѣлливость въ соображеніяхъ рѣзко отличали его отъ сотоварищей. Первые его опыты въ сочиненіяхъ — въ риторическомъ классѣ, первыя разсужденія — въ философскомъ, первыя проповѣди — въ богословскомъ, которыя онъ писалъ вообще очень скоро и съ величайшею легкостію, нерѣдко поражали достоинствами своими не только совоспитанниковъ его, но и наставниковъ. Въ 1819 г., когда Иванъ Борисовъ окончилъ курсъ семинарскаго ученія, послѣдовало преобразование Кіевской Духовной Академіи, и въ нее положено было вызвать лучшихъ студентовъ изъ нѣсколькихъ семинарій для дальнѣйшаго усовершенствованія. Въ члѣ Орловскихъ студентовъ явился въ Кіевъ и Борисовъ. Здѣсь въ кругу избранныхъ даровитыхъ юношей, при сравненіи себя съ ними, онъ яснѣе началъ понимать себя, цѣнить свои необыкновенные таланты, дорожить ими, почувствовалъ жажду благороднаго соревнованія, и — со страстію, съ увлеченіемъ предавался наукамъ, такъ что иногда цѣлыя ночи проводилъ за книгой. Справедливость требуетъ замѣтить, что въ Академіи Борисовъ болѣе самъ образовывалъ себя чрезъ чтеніе, размышленіе и упражненіе въ сочиненіяхъ, нежели чрезъ лекціи наставниковъ, которыя вообще далеко не удовлетворяли его. Читая многія книги отъ начала до конца, даже цѣлыя системы философовъ, онъ обыкновенно дѣлалъ экстракты изъ прочитаннаго и такіе экстракты нерѣдко набрасывалъ въ концѣ самыхъ книгъ. Отъ этого происходило, что иногда, по просьбѣ товарищей, онъ открывалъ предъ ними ученіе того или другаго философа съ такою ясностію, легкостію и подробностію, что изумлялъ всѣхъ и совершенно затмѣвалъ лекціи профессорскія. Собственныя сочиненія онъ предварительно обдумывалъ вполне во всѣхъ подробностяхъ, и потомъ прямо писалъ набѣло. Чрезъ два, три дня пересматривалъ написанное, и если

оно почему-либо не удовлетворяло его, писалъ другое сочиненіе на ту же тему, иногда и третье, чтобы представить наставникамъ то, какое самъ считалъ лучшимъ. Предъ наступленіемъ экзаменовъ бѣгло прочитывалъ классическіе уроки, которыми мало до того занимался, и на экзаменахъ отвѣчалъ такъ, какъ рѣдко кто могъ отвѣчать и изъ прилѣжнѣйшихъ студентовъ. При началѣ академическаго курса были еще совмѣстники у Борисова, и одинъ изъ нихъ, отлично приготовленный, хотя и менѣе даровитый, студентъ Воронежской семинаріи Ставровъ, занималъ даже въ спискѣ первое мѣсто. Но въ послѣдствіи, особенно съ поступленіемъ въ высшее отдѣленіе Академіи, всѣ единогласно, и профессоры, и студенты, отдавали пальму первенства Борисову, и никто не дерзалъ съ нимъ равняться: самъ бывший его совмѣстникъ обыкновенно говаривалъ, что надобно въ спискѣ на первомъ мѣстѣ писать Борисова, а затѣмъ, оставивъ незанятыми нѣсколько слѣдующихъ мѣстъ, уже на седьмомъ или осьмомъ писаць — Ставрова. Въ высшемъ отдѣленіи Борисовъ, конечно, повинаясь внутреннему призванію, болѣе всего занимался составленіемъ и обработкою проповѣдей: четыре ихъ нѣхъ, напечатанныя въ числѣ одиннадцати словъ воспитанниковъ Кіевской Дух. Академіи перваго курса, свидѣлствуютъ, что онъ хорошо былъ знакомъ съ сочиненіями знаменитаго Французскаго оратора — Массильона и отчасти находился подъ его вліяніемъ, а съ другой стороны обнаруживаютъ уже въ авторѣ высокое, самобытное дарованіе и предвѣщаютъ въ немъ великаго церковнаго витію. Таковъ былъ первый воспитанникъ перваго курса нашей древнѣйшей Духовной Академіи, вступившей въ новый періодъ — воститанникъ, достойно начавшій этотъ лучшій періодъ ея жизни!

Въ 1823 г., когда двадцати-трехлѣтній Борисовъ окончилъ курсъ академическаго ученія со степенью магистра, для него открылось новое поприще — поприще наставника и воспитателя другихъ. Въ августѣ этого года, онъ опредѣленъ въ С.-Петербургскую Дух. Семинарію Инспекторомъ и Профессоромъ Церковной исторіи и Греческаго языка; но не прошло трехъ мѣсяцевъ, какъ занялъ вмѣстѣ должность Ректора С.-Петербургскаго Александр-Невскаго училища, и здѣсь-то принялъ по-

стриженіе въ монашество съ именемъ Иннокентія, и рукоположенъ во іеродіакона и іеромонаха. Духовное начальство вскорѣ оцѣнило высокія дарованія молодаго инока и указало ему другое, достойнѣйшее назначеніе. 10 декабря 1824 года отецъ Иннокентій сдѣланъ Баккалавромъ Богословскихъ наукъ въ С.-Петербургской Духов. Академіи, черезъ семь мѣсяцевъ — Инспекторомъ той же академіи, черезъ четыре — Экстраординарнымъ Профессоромъ Богословскихъ наукъ, а еще черезъ два съ небольшимъ — возведенъ въ санъ Архимандрита (16 марта 1826). Такое быстрое повышеніе свидѣтельствовало уже о заслугахъ награждаемаго, а еще болѣе о тѣхъ надеждахъ, какія онъ подавалъ. И дѣйствительно Иннокентій не только оправдалъ, но и превзошелъ всѣ ожиданія. Съ необычайнымъ рвеніемъ принялся онъ за трудъ и скоро, какъ профессоръ, рѣшительно затмилъ своими лекціями сотоваришей и увлекъ студентовъ. Лекціи эти онъ обыкновенно преподавалъ наизусть, съ жаромъ, съ воодушевленіемъ, голосомъ чистымъ и звучнымъ, рѣчью живою, свободною, часто разговорною, но всегда изящною и въ высшей степени общепонятною. Ему выпалъ жребій изъяснять воспитанникамъ, сперва obligatory Богословіе, потомъ Богословіе основное — тѣ именно изъ Богословскихъ наукъ, которыя наиболѣе позволяютъ простора человѣческому разуму, и гдѣ могъ молодой профессоръ обнаружить во всемъ объемѣ блестящія стороны своего таланта и образованія: свѣтлость и нерѣдко оригинальность взгляда на важнѣйшіе вопросы науки, быстроту и проницательность въ соображеніяхъ, непреоборимую діалектику разсудка и близкое знакомство съ современнымъ состояніемъ не только Богословія, но и философіи на западѣ. Краткія записки по той и другой наукѣ, какія преподавалъ Иннокентій, были потомъ составляемы самими студентами и распространились по семинаріямъ, гдѣ еще доселѣ можно встрѣчать ихъ въ болѣе или менѣе измѣненномъ видѣ. Изъ этихъ записокъ напечатана только небольшая статья: «Обличеніе неологизма или раціонализма» въ исторіи философіи Архимандрита Гавріила. Заслуживъ славу отличнаго профессора въ стѣнахъ Академіи, Иннокентій въ то же время приобрьлъ лестную извѣстность и въ Академіи, какъ отличный духовный ораторъ. Тѣ немногія

проповѣди, какія произносилъ онъ, по назначенію, въ Александро-Невской Лаврѣ и Казанскомъ соборѣ, всегда привлекали множество слушателей и производили восторгъ. Наконецъ незабвенны заслуги Иннокентія для «Христіанскаго чтенія», доселѣ издающагося при С.-Петербургской Духов. Академіи. Въ 1826 г. этотъ журналъ, по обстоятельствамъ, совсѣмъ близокъ былъ къ паденію: Иннокентій, съ помощію двухъ достойнѣйшихъ своихъ со товарищей (Г. П. Павскаго и В. Б. Бажанова), рѣшился поддержать его, и поддержалъ. Онъ началъ помѣщать въ «Христіанскомъ чтеніи» свои проповѣди и нѣкоторыя другія статьи, и мало по малу напечаталъ два обширныхъ своихъ сочиненія: «Жизнь св. Апостола Павла» и «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», изъ которыхъ особенно послѣднее обратило въ свое время на себя общее вниманіе и всѣми читалось съ наслажденіемъ, такъ что экземпляры «Христіанскаго чтенія» раскупались всѣ. Въ продолженіе шести лѣтъ своего пребыванія въ С.-Петербургской Духов. Академіи, Иннокентій оставилъ въ ней глубокіе, неизгладимые слѣды, и имѣлъ огромное вліяніе на своихъ воспитанниковъ и вообще на состояніе Академіи. Всѣ эти труды его и заслуги не оставались безъ должнаго воздаянія: кромѣ неоднократныхъ денежныхъ наградъ, неоднократнаго изъявленія признательности отъ Комиссіи Дух. училищъ, онъ удостоился здѣсь получить отъ щедротъ Монаршихъ брилліантовый крестъ и орденъ св. Анны 2-й степени, украшенный Императорскою короною. А за разныя сочиненія, преимущественно историко-богословскаго содержанія, возведенъ (въ 1829 г.) на высшую ученую степень — доктора Богословія.

Въ 1830 г. Иннокентій перемѣщенъ въ Кіевскую Дух. Академію съ званіемъ ректора и ординарнаго профессора Богословскихъ наукъ, — и для этой Академіи сдѣлалъ еще болѣе, нежели сколько могъ сдѣлать для С.-Петербургской. При власти, какою былъ облеченъ, при возмужалости своихъ необыкновенныхъ способностей, при особенной любви къ Академіи, нѣкогда его воспитавшей, онъ не только оживилъ ее, — нѣтъ, онъ мало по малу ее преобразовалъ, возвысилъ и подвинулъ далеко впередъ, такъ что десять лѣтъ начальствованія его въ ней

справедливо могутъ быть названы самымъ блестящимъ періодомъ ея исторіи. Въ первые курсы свои здѣсь онъ преподавалъ Богословіе основное или религіозистику и Богословіе догматическое, потомъ — Богословіе нравственное; однажды принимался толковать Евангеліе отъ Іоанна. Своими вдохновенными лекціями, особенно по религіозистикѣ и догматикѣ, онъ часто приводилъ слушателей въ изумленіе и восторгъ, такъ что студенты, выходя изъ аудиторіи, не знали какъ и называть своего несравненнаго профессора. Лекціи тогда же записывались нѣкоторыми студентами и быстро распространялись по семинаріямъ для руководства наставникамъ. Трудясь съ величайшею ревностію самъ, онъ умѣлъ возбуждать къ трудамъ и прочихъ профессоровъ Академіи, — и, подѣ его магическимъ вліяніемъ, при его нерѣдко ближайшемъ руководствѣ, явилось нѣсколько достойнѣйшихъ дѣятелей науки, приобрѣтшихъ себѣ имя своими сочиненіями, изъ среды какъ прежнихъ наставниковъ, такъ и новыхъ, которыхъ онъ избралъ и приготовилъ самъ. Поименуемъ изъ числа первыхъ: Протоіерея І. М. Скворцева, Я. К. Амфитеатрова, В. Н. Карпова, П. С. Авсенева, въ послѣдствіи Архимандрита Теофана; изъ числа послѣднихъ: О. Дмитрія Муретова, нынѣ Епископа Херсонскаго и Таврическаго, О. М. Новицкаго, І. Г. Михневича и С. С. Голоцкаго. Всѣ эти люди трудились болѣе всего надъ обработкою своихъ лекцій, и, дѣйствительно, читали ихъ достойно академическихъ аудиторій. Преподаваніе нѣкоторыхъ наукъ въ Академіи Иннокентій распространилъ: такъ философію, во всемъ ея объемѣ, постоянно излагали три наставника. Другимъ наукамъ онъ старался дать лучшей видъ: это — герменевтикѣ и обличительному Богословію. Третьи — ввелъ вновь: именно — экклезіастыку и церковное законовѣдѣніе. Для поддержанія энергіи въ преподавателяхъ Иннокентій имѣлъ обычай очень нерѣдко посѣщать ихъ лекціи, и во время этихъ посѣщеній, равно какъ во время экзаменовъ, показывалъ изумительную гибкость своего таланта и богатство своихъ разнородныхъ свѣдѣній; иногда бросалъ на науку или на извѣстныя части ея совершенно новые взгляды, предлагалъ цѣлый рядъ возраженій въ неразрывной связи, на которыя никто не въ состояніи былъ отвѣчать, и вообще говорилъ такъ бойко, красно

и вдохновенно, что всё невольно его заслушивались. Отъ того часы экзаменовъ, обыкновенно такіе томительные часы, считались лучшими часами академической жизни. Съ студентами О. Ректоръ обходился всегда ласково, вѣжливо и благородно: къ недостаткамъ ихъ и проступкамъ былъ снисходителенъ, особенно когда проступки эти происходили не отъ злонамѣренности, а отъ неосторожности и подобнаго. Онъ умѣлъ угадывать таланты, умѣлъ возбуждать ихъ и поощрять. Болѣе всего старался развивать мыслительную силу въ студентахъ и требовалъ, чтобы они не заучивали лекцій, а непремѣнно передавали ихъ своими словами. Темы для сочиненій давалъ всегда съ строгою разборчивостію, болѣе или менѣе интересныя, животрепещущія, и внимательно слѣдилъ за самыми сочиненіями. Особенное же вниманіе обращалъ на усовершенствованіе студентовъ въ дѣлѣ проповѣдничества: проповѣди ихъ, послѣ рецензіи профессорской, непремѣнно перечитывалъ самъ, иногда призывалъ проповѣдника къ себѣ, и цѣлые часы проводилъ съ нимъ въ бесѣдѣ, какъ о его проповѣди, такъ и вообще о дѣлѣ проповѣдническомъ. Желая дать воспитанникамъ всестороннее образованіе, онъ совѣтывалъ имъ не ограничиваться кругомъ наукъ, преподававшихся въ Академіи, а заниматься чтеніемъ и другихъ наукъ, наприм. астрономіи, естественной исторіи. Жилыя комнаты и и аудиторіи любилъ содержать всегда въ отличной чистотѣ и опрятности, часто поновлялъ и исправлялъ оба академическіе корпуса, насадилъ на академическомъ дворѣ прекрасныя аллеи, усовершенствовалъ больницу, улучшилъ столъ и одѣяніе студентовъ, украсилъ академическую залу портретами знаменитыхъ людей, воспитавшихся въ Академіи, обогатилъ физическій кабинетъ и бібліотеку. Преданный священному дѣлу образованія другихъ, Иннокентій не оставлялъ продолжать и собственное образованіе, особенно на поприщѣ проповѣдничества. Онъ съ усиленнымъ, можно сказать, съ напряженнымъ стараніемъ занимался въ это время болѣе, нежели когда либо, развить свой необыкновенный ораторскій талантъ, и видимо росъ и совершенствовался въ глазахъ всѣхъ. Кромѣ образцовыхъ, съ величайшимъ тщаніемъ и искусствомъ составленныхъ, проповѣдей, которыя произносилъ онъ на дни высокаторжественныя и празд-

ничные въ Кіево-Софійскомъ соборѣ и Кіевопечерской Лаврѣ, онъ написалъ въ это время, съ такою же тщательностію и искусствомъ, весьма много и другихъ проповѣдей, которыя большею частию любилъ говорить въ своемъ училищномъ, Кіевобратскомъ монастырѣ. Для слушанія его Словъ, всегда произносившихся безъ пособія тетради, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необычайнымъ жаромъ и увлеченіемъ, — Словъ, которыя умиляли, трогали, поражали, восторгали слушателей, стекались несмѣтныя толпы: и имя Иннокентія, какъ затмившаго собою всѣхъ проповѣдниковъ, когда либо бывшихъ въ Кіевѣ, переходило изъ устъ въ уста. По мѣрѣ того, какъ Слова писались и произносились, онъ не медлилъ издавать ихъ въ печати, и вскорѣ одни за другими явились его: «Собраніе словъ и бесѣдъ» въ двухъ томахъ, его «Страстная седмица», «Свѣтлая седмица» и «Первая седмица великаго поста». Тѣ, кто были современниками изданія этихъ словъ и особенно седмиць, тѣ помнятъ, съ какимъ нетерпѣніемъ, восторгомъ, жадностію читались и перечитывались они людьми всѣхъ сословій отъ самаго высшаго до низшаго, и какъ имя Иннокентія огласилось во всѣхъ концахъ неизмѣримой Россіи. Это была если не самая лучшая, по крайней мѣрѣ, самая блестящая пора его славы, какъ проповѣдника. Справедливость требуетъ присовокупить, что О. Ректоръ — Иннокентій отличался тогда чрезвычайною дѣятельностію. За это ручается, кромѣ его лекцій и сочиненій, его собственное признаніе, невольно вырвавшееся: «я удивляюсь, сказалъ онъ отважлы студентамъ, какъ вы не дорожите временемъ и мало дѣлаете; въ прошедшую сырную недѣлю и первую недѣлю великаго поста я написалъ около 80-ти листовъ».

Въ 1833 г., за отличные ученые труды и заслуги, ему была объявлена благодарность высшаго начальства; въ 1835 году онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 3-й степени; въ 1836 г. возведенъ лично на степень Архимандрита первокласснаго монастыря съ правомъ первостоянія предъ всѣми Архимандритами первоклассныхъ монастырей Кіевского учебнаго округа, — и въ томъ же году (3 Окт.) ему Высочайше повелѣно быть Викаріемъ Кіевской епархіи, Епископомъ Чигиринскимъ. Для принятія рукоположенія во епископа онъ путе-

пешествовалъ въ С.-Петербургъ, и въ это-то время, когда онъ находился въ С.-Петербургѣ, онъ избранъ былъ бывшею Императорскою Россійскою Академію въ ея дѣйствительные члены и произнесъ въ одномъ изъ засѣданій (28 Ноября 1836 г.) извѣстную рѣчь, напечатанную въ «Трудахъ» Академіи. По возвращеніи въ Кіевъ, Преосвященный Иннокентій, хотя оставался Ректоромъ Академіи, но при новыхъ, епархіальныхъ занятіяхъ, долженъ былъ сложить съ себя званіе Профессора Богословскихъ наукъ, и даже переселился изъ Академіи въ Кіево-Михайловскій монастырь, отданный ему въ управленіе. Впрочемъ тѣмъ не менѣе его заботливость объ Академіи и его ученые и литературные труды не прекращались. Онъ часто прѣзжалъ въ Академію, обходилъ жилыя комнаты воспитанниковъ, любилъ долго бесѣдовать съ ними, присутствовалъ на профессорскихъ лекціяхъ и иногда даже самъ давалъ по нѣсколькимъ лекцій о важнѣйшихъ предметахъ Христіанскаго Богословія. А главными его занятіями въ то время были два, — возложенныя на него вѣстѣ съ Академію, по его же предстательству. Разумѣемъ, во первыхъ, изданіе новаго духовнаго журнала подъ заглавіемъ: «Воскресное чтеніе». Какъ ни тѣсны были предѣлы этого еженедѣльнаго листка, но Преосвященный своими проповѣдями, которыя не переставалъ писать и говорить, своею редакціею и искуснымъ выборомъ прочихъ статей, умѣлъ поставить журналъ съ перваго разу на высокую степень совершенства и приобрѣсть ему многочисленныхъ читателей. Лучшими годами «Воскреснаго чтенія», по признанію всѣхъ, были первые его годы, когда здѣсь дѣйствовалъ Иннокентій. Другимъ важнымъ занятіемъ его и профессоровъ Академіи было составленіе «Догматическаго сборника» изъ исповѣданій православной вѣры всѣхъ вѣковъ отъ начала Церкви донынѣ. Исповѣданія отыскивались въ печатныхъ книгахъ и рукописяхъ, переводились съ Греческаго и Латинскаго на Русскій языкъ, а Славянскія и Русскія переписывались въ подлинномъ видѣ, предварялись біографическими свѣдѣніями о писателяхъ и мало по малу составили два огромныхъ тома. Цѣлю «Сборника» предполагалось представить всѣмъ христіанамъ, православнымъ и неправославнымъ, памятникъ православной вѣры, который бы свидѣтель-

ствовалъ, какъ въ продолженіе всѣхъ столѣтій сохранялась она въ православной церкви со всею неизмѣнностію и чистотою, а съ другой стороны — дать богатое пособіе духовнымъ училищамъ для преподаванія новой еще тогда у насъ науки — патристики. Нѣкоторыя изъ статей «Сборника» были напечатаны въ «Воскресномъ Читеніи». Въ послѣдніе годы своего пребыванія въ Кіевѣ Преосв. Иннокентій помышлялъ заняться начертаніемъ исторіи отечественной Церкви и хотѣлъ начать съ того, чтобы написать очеркъ современнаго состоянія вѣры въ Греціи, Польшѣ и другихъ Славянскихъ земляхъ предъ началомъ Русской Церкви: одна статья его «о началѣ Христіанства въ Польшѣ» была уже написана и въ послѣдствіи напечатана въ «Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія». Обстоятельства ли, или что другое, попрепятствовали продолженію важнаго предпріятія. Новые труды Преосвященнаго привлекали на него новыя награды. Въ 1839 году «за служеніе, ознаменованное вообще отличнымъ достоинствомъ, и въ особенности, пользою въ управленіи Дух. Академію, и за назидательное употребленіе дара слова» онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Анны 1-й степени, а спустя нѣсколько мѣсяцевъ въ томъ же году «за отличное по всѣмъ частямъ благоустройство Академіи», найденное ревизовавшимъ ее Преосвященнымъ Митрополитомъ Кіевскимъ Фидаретомъ, удостоился получить признательность Св. Синода. Это было послѣднее торжественное свидѣтельство о состояніи Кіевской Академіи, до какого довелъ ее несравненный и всегда незабвенный ея Ректоръ. Мало того, что онъ возвысилъ ее во всѣхъ отношеніяхъ по внутреннему устройству, онъ возвысилъ ее, въ собственномъ лицѣ, предъ глазами всей Россіи, всѣхъ людей, духовныхъ и свѣтскихъ. Высшіе государственные сановники и іерархи, ученые и литераторы, посѣщавшіе Кіевъ и жившіе въ немъ, охотно посѣщали и Академію, всегда сопровождаемые самимъ Ректоромъ, и съ любовію присутствовали на торжественныхъ академическихъ актахъ. Слава знаменитаго Ректора неизбѣжно отражалась на вѣрноподобной ему Академіи и озаряла ее собою.

Насталъ наконецъ для Преосвященнаго Иннокентія третій и послѣдній періодъ его жизни — періодъ служенія Церкви и

Отечеству въ санѣ епархіального архіерея. 1-го Марта 1840 г. Высочайшимъ указомъ онъ назначенъ во епископа Вологодской епархіи. Не долго суждено было оставаться здѣсь новому Архипастырю: всего девять мѣсяцевъ; но и въ это короткое время онъ успѣлъ обратить заботливое вниманіе на дѣла мѣстной Консисторіи, на улучшеніе Дух. училищъ, на обновленіе архіерейскаго дома и соборнаго храма, успѣлъ заняться обзорѣніемъ и отчасти собраніемъ Вологодскихъ древностей, составленіемъ своихъ Словъ къ Вологодской паствѣ, изданныхъ въ послѣдствіи, успѣлъ заслужить признательность Св. Синода «за особую попечительность о благѣ своей паствы». 31-го Декабря того же года Преосвященный перемѣщенъ въ епархію Харьковскую. Тутъ служеніе его продолжалось около семи лѣтъ и ознаменовалось весьма важными дѣлами и событіями, каковы въ особенности: учрежденіе торжественнаго крестнаго хода въ Харьковѣ по случаю ежегоднаго перенесенія въ городъ изъ Куряжскаго монастыря чудотворной иконы Божіей Матери; сооруженіе новаго, великолѣпнаго зданія для Семинаріи на новомъ видномъ мѣстѣ; возстановленіе двухъ древнихъ мужескихъ обителей — Святогорской и Ахтырской, и открытіе одной новой женской. Литературныя занятія Просвященнаго текли своимъ обычнымъ порядкомъ, и, кажется, даже усиливались. Имъ постепенно изданы въ отдѣльныхъ книжкахъ: а) О грѣхѣ и его послѣдствіяхъ — бесѣды на св. Четырдесятницу; б) Молитва св. Еврема Сирина — бесѣды на св. Четырдесятницу; в) Великій Постъ или новыя бесѣды на св. Четырдесятницу; г) Паденіе Адамово — бесѣды на великій постъ; д) Слово и рѣчи къ паствѣ Харьковской; е) Три слова о зимѣ. Для объясненія такого обилія и отчасти самаго характера тогдашнихъ проповѣдей Преосв. Иннокентія, считаемъ излишнимъ привести нѣсколько словъ изъ его письма къ намъ, писаннаго въ 1847 году. «Жатва многа, необозрима; а дѣлателей, какъ сами вѣсте, мало и далеко не по жатвѣ. Сіе-то самое и меня, при всѣхъ недосугахъ, заставляетъ печатать по временамъ — именно, что Богъ послалъ, незаботясь много объ отличныхъ достоинствахъ мысли или слога въ печатаемомъ. Ибо изъ многихъ опытовъ, особенно писемъ ко мнѣ со всѣхъ краевъ Россіи, знаю, какъ много вездѣ душъ, жажду-

шихъ духовнаго чтенія. Какая же бы съ нашей стороны была жестокость — отказывать имъ въ пищу или заставлятъ долго ждать потому только, что намъ хочется представить этотъ хлѣбъ на серебряномъ подносѣ или съ извѣстными фигурами и проч.»? Тогда же Преосв. Иннокентій началъ заниматься составленіемъ и изданіемъ акаѣистовъ: Страстямъ Господнимъ, Покрову Пресв. Богородицы, Живоносному гробу и другихъ. Текстъ и содержаніе для этихъ акаѣистовъ онъ заимствовалъ, по его собственному сознанию, изъ извѣстнаго Западно-Русскаго или Почаевскаго акаѣистника, но только сокращалъ, очищалъ, усовершенствовалъ въ силѣ. Въ 1845 году «за отличное управленіе Харьковскою епархіею» Преосвященный возведенъ лично въ санъ Архіепископа, а въ 1847 г. (1-го Апрѣля), по Высочайшему повелѣнію, вызванъ въ С. Петербургъ для присутствованія въ Св. Правительствующемъ Синодѣ, и распростился навсегда съ паствою Харьковскою.

Во время пребыванія Преосвященнаго Иннокентія въ столицѣ, послѣдовало (24 Февр. 1848 г.) Высочайшее назначеніе его на епархію Херсоно-Таврическую, и, въ слѣдъ за тѣмъ (11-го Апрѣля), онъ «за отлично-усердное служеніе Церкви и Отечеству, и въ особенности назидательное дѣйствованіе на сердца вѣрнѣмыхъ ему духовныхъ паствъ назидательнымъ проповѣданіемъ Слова Божія, Всемилостивѣйше сопричисленъ къ ордену св. Владиміра 2-й степени. 29 Мая 1848 г. Преосвященный прибылъ въ Одессу, а на другой день—день сошествія св. Духа совершилъ первую свою торжественную службу и сказалъ первое слово къ новой паствѣ. Жители Одессы толпами стекались внимать и священно-служенію, и проповѣданію своего знаменитаго архипастыря, тѣмъ болѣе, что скоро, какъ знали они, ему надлежало возвратиться для присутствованія въ Св. Синодѣ. Этотъ второй годъ пребыванія Преосвященнаго Иннокентія въ сѣверной столицѣ былъ для него крайне неблагопріятенъ: въ немъ, въ первый разъ, обнаружилась здѣсь тяжкая болѣзнь, которая потрясла до основанія всѣ силы его организма,—такъ что хотя понемногу больной оправился, но созналъ необходимость просить Высочайшаго разрѣшенія возвратиться въ свою епархію. Теплый климатъ, путешествіе по прекраснымъ стра-

намъ обширной епархіи, морскія ванны — нѣсколько поправили здоровье Преосвященнаго, но оно уже никогда вполне не возстановлялось: онъ часто подвергался болѣзнямъ, особенно простудѣ, часто жаловался, и на словахъ и въ письмахъ къ знакомымъ, на свои недуги. Бодрый духъ однакожъ не переставалъ дѣйствовать съ прежнею силою, не смотря на слабость тѣлесной оболочки. Преосвященный любилъ весьма часто служить и въ Одессѣ, и во время своихъ продолжительныхъ путешествій по епархіи, и почти въ каждую службу говорилъ краткія поученія, простыя, общедоступныя — въ родѣ отеческихъ бесѣдъ, которыя никогда имъ не записывались. Между тѣмъ, своею архипастырскою ревностію и ходатайствомъ, онъ учредилъ въ Одессѣ, какъ прежде и въ Харьковѣ, два торжественныхъ Крестныхъ хода: одинъ — въ день основанія Одессы, другой — въ день ежегоднаго перенесенія въ Одессу Касперовской иконы Божіей Матери; открылъ въ Крыму нѣсколько монашескихъ скитовъ; собралъ въ Одессѣ и помѣстилъ въ особой часовнѣ копии со всѣхъ чудотворныхъ иконъ, какія только извѣстны въ Россіи; обновилъ Семинарію и архіерейскій домъ, заложилъ и обновилъ множество храмовъ. Слава его, какъ просвѣщеннѣйшаго и доблестнаго архипастыря, живое и благотѣльное его сочувствіе восточнымъ единовѣрцамъ, его проповѣди, переведенныя на языки — Французскій и Греческій, были причиною того, что онъ почтенъ былъ (въ 1851 г.) отъ Короля Греческаго орденомъ Спасителя 1-й степени.

Въ Маѣ 1852 г. Преосвященный Иннокентій былъ снова вызванъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, но за тяжкою болѣзнію едва могъ въ сентябрѣ отправиться къ мѣсту своего назначенія. Здѣсь ожидала его новая Монаршая награда: «за отличное и достойное пастырское служеніе Церкви, всегда украшающееся назидательными для паствы трудами и просвѣщенною заботливостію о благѣ преемственно ввѣряемыхъ епархій, и за новые опыты сей полезной духовной дѣятельности» онъ Всемилостивѣйше сопричисленъ (19 Апр. 1853 г.) къ ордену св. Александра Невскаго. Возвращеніе Преосвященнаго въ свою епархію послѣдовало незадолго предъ тѣмъ, когда наступила для нея пора самыхъ тяжелыхъ испытаній. И кто не знаетъ

какъ достойно умѣлъ проявить себя незабвенный Архипастырѣ въ эту грозную, кровавую эпоху? Его геройское, истинно-христіанское мужество и присутствіе духа во время облежанія и бомбардированія Одессы непріятельскимъ флотомъ; его торжественныя службы и вдохновенныя рѣчи къ жителямъ Одессы въ эти страшные дни; его рѣчи и напутственныя молебствія воинамъ, отправлявшимся въ Севастополь, сестрамъ Крестовоздвиженской общины, рѣчи при освященіи въ Одессѣ баттарей и во многихъ другихъ подобныхъ случаяхъ; его путешествія въ Крымъ, гдѣ старался онъ словомъ вѣры и упованія успокоивать и поддерживать злосчастныхъ обитателей страны; его священно-служенія и рѣчи въ самомъ Севастополѣ среди громовъ войны: — все это озарило имя Иннокентія новою, блистательною славою — славою высокаго патріота и великаго пастыря Церкви, исполненнаго самоотверженія и любви, готоваго положить за свою паству или вмѣстѣ съ нею собственную душу. Рядъ новыхъ наградъ достойному естественно слѣдовалъ за такими подвигами. 10 Апрѣля 1854 г., «въ ознаменованіе особаго Монаршаго благоволенія къ доблестному служенію его Церкви и Отечеству, оказанному во время бомбардированія непріателемъ города Одессы», Всемилостивѣйше пожалованъ ему алмазный крестъ для ношенія на клобукѣ. 10-го Декабря того же года «за пастырскую заботливость его о раненыхъ воинахъ, проливавшихъ кровь за Вѣру, Царя и Отечество въ Крыму», изъявлена ему признательность отъ Св. Синода. 30-го Апрѣля 1855 г. «за особенно пастырское участіе въ благоустроеніи Крестовоздвиженской общины сестеръ малосердія» онъ удостоился получить благодарственный рескриптъ отъ Ея Императорскаго Высочества, Великой Княгини Елены Павловны. 15-го Іюля того же года — изъявлена ему Высочайшая благодарность «за посѣщеніе Севастополя и богослуженіе въ немъ во время бомбардированія его непріателемъ». Наконецъ, 26-го Августа 1856 года, въ незабвенный для Россіи день, Преосвященный Иннокентій «за просвѣщенное пастырское служеніе, ознаменованное отличными произведеніями дара слова къ наставленію душъ мирнымъ Христіанскимъ добродѣтелямъ, а въ минувшіе два года увѣчанное достохвальными подвигами самоотверженія

въ назиданіе и укрѣпленіе цаствы среди ужасовъ жестокой брани» — Всемилостивѣйше возведенъ въ званіе Члена Св. Синода. Серебряная медаль на Георгіевской лентѣ и бронзовый крестъ на Владимірской — въ память минувшей войны — украшали также и его грудь.

Не смотря на всѣ, столько тревожныя обстоятельства послѣднихъ лѣтъ, Преосвященный находилъ время и для учено-литературныхъ занятій. Кромѣ «Собранія словъ и рѣчей по случаю нашествія непріятельскаго», которыя онъ приготовилъ и издалъ въ двухъ томахъ, онъ составилъ въ это время еще нѣсколько акаѳистовъ: Пресвятой Троицѣ, Воскресенію Христову, Архангелу Михаилу и проч., пересмотрѣлъ, исправилъ и дополнилъ свое давнее, обширное сочиненіе: «Послѣдніе дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа», которое нынѣ печатается, собиралъ свѣдѣнія для историческаго описанія священныхъ древностей Крыма, усердно хлопоталъ объ осуществленіи своей давней идеи и программы «Церковнаго архива», имѣя въ виду соединить въ немъ всѣ важнѣйшіе письменные памятники, относящіеся къ нашей Церковной исторіи, и собираясь издавать его на собственный счетъ. «Меня одолѣли археологическіе pomysлы — писалъ онъ намъ въ концѣ прошлаго года (отъ 13 Декабря), говоря о всѣхъ этихъ своихъ занятіяхъ — не только всѣ старыя затѣи лѣзутъ въ глаза, поднимаясь изъ архива давняго забвенія, но и новыя предположенія готовы вспорхнуть цѣлымъ стадомъ: только позволь и не притвори дверь». «Я хлопочу теперь — писалъ онъ уже въ нынѣшнемъ году незадолго до своей кончины (отъ 13 Апрѣля) — узнать и провѣдать, нѣтъ ли чего для нашей Церковной исторіи въ патриаршемъ Константинопольскомъ архивѣ: вѣдь, по теоріи, тамъ многое должно быть, особенно касательно Крымской іерархіи»... И упомянувъ затѣмъ о примѣчательныхъ древнихъ обителяхъ по Анатоліи, присовокупилъ: «мы тамъ уже накопи кое-что для исторіи Крыма».

Среди разнообразныхъ, непрерывныхъ трудовъ, среди новыхъ предпріятій и новыхъ заботъ для блага Церкви и Отечества, текла эта славная, многотрудовая жизнь, и, уже давно подточенная, тихо приближалась къ своему концу. Съ наступле-

віемъ нынѣшняго года, Преосвященный все чувствовалъ себя хуже и хуже. Но епархіальныя дѣла Крыма, такъ недавно опустошеннаго войною, неудержимо влекли къ себѣ попечительнаго Архiepастыря. 17-го апрѣля вечеромъ онъ отправился изъ Одессы въ путь, и, проѣхавъ города — Николаевъ, Херсонъ и Перекопъ, 21-го числа служилъ въ Евпаторіи литургію и произнесъ проповѣдь; потомъ 23-го служилъ въ Симферополѣ и произнесъ слово о загробной жизни: то были уже послѣдніе его служба и проповѣдь. 26-го числа онъ тяжело заболѣлъ въ Бахчисарайскомъ скиту, 2-го и 3-го Августа исповѣдался и общался Св. Христовыхъ таинъ въ Балаклавскомъ монастырѣ. 7-го совершенно больной — отправился обратно въ Одессу, 11-го прибылъ въ нее, а 26-го, въ день сошествія Св. Духа, въ тотъ самый праздникъ, въ который онъ совершилъ нѣкогда первую литургію въ Одесскомъ Соборѣ при вступленіи на епархію, мирно предалъ духъ свой Богу, въ четвертомъ часу утра.

Знаемъ, что время для полнаго и безпристрастнаго суда о покойномъ Преосв. Иннокентіи еще не настало; но не можемъ удержаться, чтобы не высказать здѣсь о немъ, по крайней мѣрѣ, какъ ученомъ и литераторѣ, нашего частнаго, искренняго мнѣнія. Это былъ человекъ, въ собственномъ смыслѣ, гениальный: высокій, свѣтлый, проникательный умъ, всегда богатое, неисощимое воображеніе, живая и обширѣйшая память, легкая и быстрая сообразительность, тонкій и правильный вкусъ, даръ творчества, изобрѣтательности и оригинальности, совершеннѣйшій даръ слова — все это, въ чудной гармоніи, совмѣщено было въ покойномъ Іерархѣ. При такихъ необыкновенныхъ талантахъ, онъ имѣлъ и необыкновенное образованіе: не однѣ духовныя науки, которыя извѣстны были ему въ совершенствѣ, онъ зналъ болѣе или менѣе весьма многія свѣтскія науки, такъ что могъ разсуждать объ нихъ съ специалистами, и нерѣдко своими мѣткими, оригинальными вопросами или отвѣтами поражалъ знатоковъ дѣла. Это былъ образцовый профессоръ: своими вдохновенными импровизаціями онъ пробуждалъ, увлекалъ, восторгалъ умы слушателей. Но по самому складу и на-

строенію своихъ способностей, онъ не произвелъ и не могъ произвести эпохи въ наукѣ, которую преподавалъ; онъ не повинулъ ея впередъ, онъ даже вовсе ея не обрабатывалъ: лекціи, записанныя со словъ его воспитанниками, можетъ быть, не всегда вѣрно, и доселѣ сохраняющіяся въ рукописяхъ, суть лекціи живыя, легкія, часто обаятельныя; но не показываютъ ни широкаго, ни самостоятельнаго взгляда на цѣлую область науки, не вездѣ запечатлѣны зрѣlostію и основательностію, и вовсе не отличаются богатствомъ положительныхъ свѣдѣній. Въ лекціяхъ видѣнъ богословъ съ свѣтлымъ, чрезвычайно-гибкимъ, возвышеннымъ умомъ, богословъ-мыслитель; но не видно того, что называется христіанскимъ глубокомысліемъ и богословскою ученостію. Судя по историческимъ сочиненіямъ Иннокентія, онъ могъ быть блестящимъ повѣствователемъ — живописцемъ, отнюдь не ниже Карамзина, но не обладалъ собственно-историческимъ талантомъ, не имѣлъ духа исторической критики и вообще всѣхъ тѣхъ свойствъ, какія нынѣ требуются отъ современнаго историка. Нѣтъ, не наука, какъ ни близка она была знаменитому іерарху, а искусство, высокое искусство человеческого слова: вотъ, въ чемъ состояло его истинное призваніе! Онъ былъ не только отличный знатокъ, но и гениальный художникъ отечественнаго слова, какъ свидѣлствуютъ и свидѣлствовали — и его печатныя творенія, извѣстныя всей Россіи, и его академическіе уроки, и самыя его домашнія бесѣды. Онъ былъ великій проповѣдникъ, не всегда себѣ равный, но всегда оригинальный и вдохновенный, всегда общедоступный, всегда производившій магическое вліяніе на слушателей, великій не столько въ печатныхъ своихъ проповѣдяхъ, которыя не всѣ могутъ выдерживать строгую критику, сколько тогда, когда онъ произносилъ ихъ; это былъ гениальный ораторъ, именно на кафедрѣ церковной... Какъ писатель Русскій, Преосв. Иннокентій, по справедливости, долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ исторіи Русской литературы; а какъ проповѣдникъ, онъ займетъ одно изъ первыхъ мѣстъ между духовными витіями, не только нашего времени и отечества, но и всѣхъ временъ и народовъ: имя Иннокентія останется бессмертнымъ!

II.

ЗАПИСКА О ТРУДАХЪ АКАДЕМИКА КОРКУНОВА.

СОСТАВЛЕНА О. АКАДЕМИКОМЪ И. И. ДАВЫДОВЫМЪ.

Со времени избранія Коркунова въ Экстраординарные Академики, напечатаны имъ слѣдующія книги и статьи.

Въ 1851 году, вышелъ четвертый томъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», въ которомъ содержатся документы отъ 1655 по 1664 годъ, и между ними особенно любопытны акты о морскомъ повѣтрѣи въ Россіи, о разведеніи винограда и началѣ винодѣлія въ Астрахани, о военныхъ дѣйствіяхъ противъ Шведовъ и о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Бухарцами и Юрэнцами.

Въ 1852 году, написаны имъ подробный разборъ книги Борисова «Описаніе города Шун и его окрестностей», по порученію Министра Народнаго Просвѣщенія, и Записка «о грамотѣ начальника Земской Думы, Князя Д. М. Пожарскаго къ Римскому Императору, найденной г. Фидлеромъ въ Императорскомъ Дворцовомъ и Государственномъ Архивѣ, въ Вѣнѣ. Въ этой запискѣ Коркуновъ касается и мнѣнія о предложеніи Княземъ Пожарскимъ Русскаго престола Эрцъ-Герцогу Максимилиану.

Въ 1853 году, изданъ пятый томъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ». Въ немъ между прочимъ помѣщены: Дѣла Московскаго Собора 1666—1667 годовъ; патріаршіе выходы во время пребыванія въ Москвѣ Восточныхъ Патріарховъ Памсія и Макарія; подлинное дѣло о строеніи въ Дѣдиловѣ корабля «Орелъ»; акты о плаваніи Русскихъ по Ледовитому океану и о службѣ Генерала Баумана и другихъ иностранцевъ, занимавшихся образованіемъ регулярнаго войска въ Россіи, 1665—1671 г.

Въ 1855 году, напечатаны двѣ записки, одна о книгѣ Амеса Коменскаго, а другая о рукописяхъ Академика Я. И. Бердинкова.

Въ 1856 году — «Исслѣдованіе о введеніи болринѣ Иванѣ Ковдратевичѣ Судимонтѣ, въ званіи Великокняжескаго На-

мѣстника управлявшемъ Костромою и Владиміромъ, во второй половинѣ XV вѣка. Испорченное переписчиками въ Русскомъ Временникѣ свидѣтельство о выѣздѣ Судимонта изъ Литвы и о времени его намѣстничества объясняется и исправляется въ изслѣдованіи Коркунова.

Въ 1857 году появились: 1) шестой томъ «Дополненій къ Актамъ Историческимъ», содержащій въ себѣ старинные документы послѣднихъ годовъ царствованія Алексія Михайловича; 2) при содѣйствіи Академіи А. А. Куника: Русскія грамоты, касающіяся до сношеній Сѣверо-Западной Россіи съ Ригю и Ганзейскими городами, въ XII, XIII и XIV вѣкѣ, и 3) Памятники XV вѣка. Акты изъ дѣла о мѣстничествѣ Сабурова съ Заболоцкимъ. Акты эти отысканы Коркуновымъ въ спискахъ безъ означенія годовъ; но ему удалось опредѣлить время ихъ написанія по упоминаемымъ въ нихъ лицамъ. Въ настоящее время Коркуновъ занимается печатаніемъ новаго изданія сочиненія Котошихина о Россіи, по присланной сюда изъ Упсалы оригинальной рукописи.

Всѣ эти труды Михаила Андреевича заслужили почетное одобреніе ученыхъ, и составляютъ необходимую потребность для занимающихся изслѣдованіями отечественной исторіи и древностей.

Я считаю излишнимъ говорить о пользѣ, приносимой Михаиломъ Андреевичемъ Второму Отдѣленію занятіями своими по части дѣлопроизводства Отдѣленія, и о ревностномъ исполненіи имъ обязанностей Библіотекаря Академіи: это извѣстно каждому Члену Общаго Собранія Академіи.

По представленію Второго Отдѣленія, М. А. Коркуновъ избранъ въ званіе Ординарнаго Академика общимъ собраніемъ Академіи 2 августа 1857 года, и это избраніе удостоено Высочайшаго утвержденія. Къ общему сожалѣнію, Коркуновъ не налагодо послѣ этого остался въ средѣ Сочленовъ, уважавшихъ одинаково и его ученую дѣятельность, и его благородно-скромный характеръ: сильно и быстро развилась въ немъ болѣзнь, казавшаяся съ начала неважною. Михаилъ Андреевичъ присутство-

валъ еще въ послѣднемъ академическомъ засѣданіи 1857 года, а 13 января 1858 года его уже не стало. Миръ праху честнаго труженика науки! *Ред.*

III.

ЗАПИСКА О ДѢЙСТВИТЕЛЬНОМЪ СТАТСКОМЪ СОВѢТНИКѢ ФЕДОРѢ ИВАНОВИЧѢ ТЮТЧЕВѢ.

СОСТАВЛЕНА О. АКАДЕМИКОМЪ П. А. ПЛЕТНЕВЫМЪ.

Исторія литературы представляет иногда явленія, совершающіяся по законамъ умственной дѣятельности не общимъ, а какъ бы исключительнымъ. То, что называется постепенностію развитія, въ произведеніяхъ нѣкоторыхъ талантовъ нерѣдко ускользаетъ отъ наблюденія. Ж. Ж. Руссо сорока лѣтъ выпелъ въ первый разъ на поприще писателей — и занялъ между ними первое въ своемъ родѣ мѣсто. Этого нельзя иначе изъяснить, какъ глубокимъ въ раннемъ возрастѣ постиженіемъ важности призванія писателя. Безъ яснаго и полнаго проникновенія въ тайны изящнаго искусства, молодому человѣку трудно, почти невозможно защититься отъ соблазна извѣстности и преждевременнаго пополазованія къ славѣ.

Подобный примѣръ предохраненія себя отъ первоначальныхъ опытовъ поэзіи представилъ въ нашей литературѣ Ф. И. Тютчевъ. Онъ только въ послѣдній годъ жизни Пушкина въ первый разъ напечаталъ въ «Современникѣ» нѣсколько своихъ стихотвореній, хотя конечно могъ бы съ нимъ вмѣстѣ начать этотъ путь счастливой дѣятельности. Еще живы свидѣтели того изумленія и восторга, съ какими Пушкинъ встрѣтилъ неожиданное появленіе этихъ стихотвореній, исполненныхъ глубины мыслей, яркости красокъ, новости и силы языка. Во всемъ была ошутительна свѣжая кисть художника. Онъ каждому предмету сообщаетъ ясный образъ, привлекательное положеніе и удиви-

тельную грацію. Въ изданіяхъ его нѣтъ того повторенія приготовленныхъ предшественниками формъ поэзіи, которое, свидѣтельствуя о безсиліи дарованія, успокоиваетъ автора близостію труда его къ современному успѣху.

Не станемъ поддерживать парадокса, что на подобныхъ людяхъ только во второй половинѣ ихъ жизни исходитъ вдохновеніе, и вдругъ изъ окриленнаго ихъ ума вызываетъ вполне возмужавшіе образы наподобіе баснословной Минервы. Вся тайна, какъ замѣчено выше, объясняется раннею жаждою истиннаго совершенства, настойчиво властвующаго мелкимъ самолюбіемъ. Такимъ образомъ и *Ф. И. Тютчевъ* умѣлъ устроить изъ первоначальныхъ своихъ опытовъ потаенную лѣстницу, по которой поднялся на высоту прочнаго успѣха. Съ своею раннею любовію къ трудамъ умственнымъ, онъ ими питалъ умъ свой въ тишинѣ и размышленіяхъ. Дипломатическая служба, еще въ первой его молодости, увлекла его за границу. Тамъ онъ еще болѣе почувствовалъ необходимость самосовершенствованія. Находясь долгое время близъ лучшихъ источниковъ просвѣщенія и образованности, естественно онъ становился и къ себѣ строже. Иностранные языки, усвоенные имъ какъ отечественный, представили ему средства не только извлекать изъ нихъ сокровища души, но и развертывать разнородныя силы ума въ собственныхъ работахъ, воплощая мысли въ этихъ новыхъ формахъ мышленія.

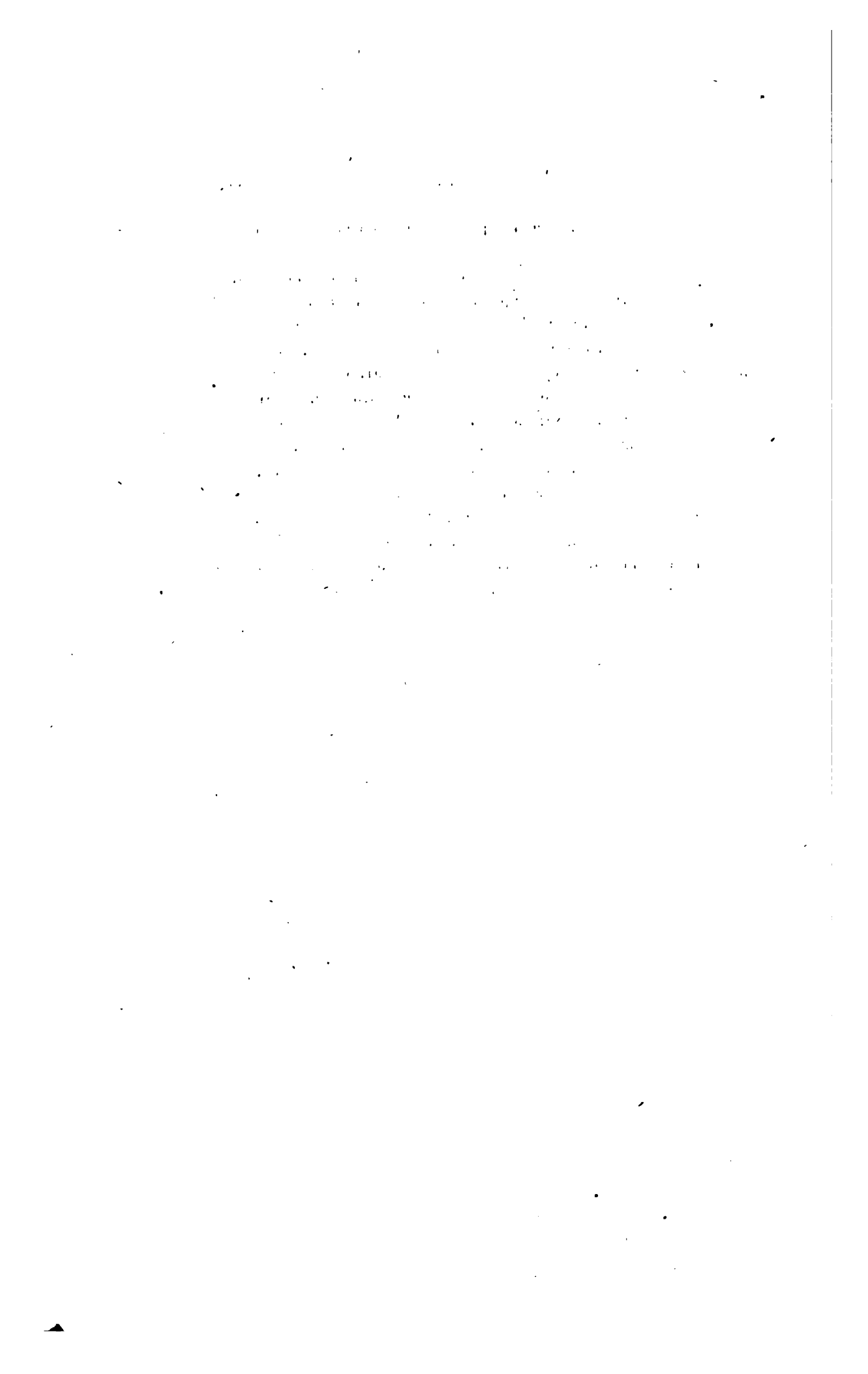
Въ литературѣ нашей смотрятъ на *Ф. И. Тютчева* только какъ на одного изъ лучшихъ Русскихъ поэтовъ. Но молодое поколѣніе писателей успѣло уже убѣдиться, какой тонкій и высокій критическій умъ соединяется въ немъ съ поэтическимъ талантомъ. Его проникательный взглядъ, указывая на самыя живыя красоты всякаго новаго произведенія, въ то же время обнимаетъ значеніе общей идеи творчества, планъ исполненія ея, соразмѣрность и связь частей и всѣ необходимыя принадлежности искусства вообще. Если бы когда нибудь можно было, въ дополненіе къ небольшому числу изданныхъ имъ сочиненій, присоединить все, чѣмъ онъ увлекаетъ внимательный умъ какъ публицистъ, какъ философъ, какъ историкъ и даже юристъ то безъ сомнѣнія въ его лицѣ представился бы намъ замѣча-

тѣльнѣйшій челоѡкъ нашего времени, не только по таланту и уму, но и по обширности современныхъ знаній.

Второе Отдѣленіе Академіи Наукъ почитаетъ своею обязанностию обратить вниманіе прочихъ Отдѣленій на дарованія и литературные успѣхи **Ө. И. Тютчева**, желая украсить списокъ Членовъ Академіи новымъ блистательнымъ именемъ, особенно послѣ того, какъ изъ среды нашей неозвратно выбыли Крыловъ и Жуковскій. Никто не усомнится, что это имя, будетъ ли поставлено между Почетными Членами Академіи, въ ряду ли Дѣйствительныхъ Академиковъ, или на степени Членовъ-Корреспондентовъ Второго Отдѣленія, не можетъ приобрѣсти, или утратить что небудь въ собственномъ своемъ значеніи, прочно утвердившемся для современниковъ. Между тѣмъ поощрительный голосъ Академіи, всегда и вездѣ пріятно отзывающійся въ сердцѣ истинно образованнаго челоѡка, конечно вызоветъ на новые умственные труды столь замѣчательное дарованіе.

О СЛАВЯНАХЪ

ВЪ МАЛОЙ АЗИИ, ВЪ АФРИКЪ И ВЪ ИСПАНИИ.

(В. И. ЛАМАНСКАГО).

СЛАВЯНЕ ВЪ МАЛОЙ АЗИИ.

И. Въ настоящее время, когда наука доказала несомнѣнно, что Азія была колыбелью и первоначальною родиною Славянъ, весьма понятны не только возможность, но и необходимость вопроса о томъ, сохранились ли до насъ какіе нибудь слѣды народныхъ преданій Славянъ о древней ихъ прародинѣ, подобныхъ тѣмъ, какія нынѣ открываются у Германцевъ? ¹

При совершенной несомнѣнности переселенія Славянъ изъ Азіи въ Европу, весьма ясно выступаетъ необходимость и другаго вопроса — при этомъ переселеніи не осталась ли часть Славянъ въ Азіи, — такъ какъ, судя по аналогіи позднѣйшихъ исторически извѣстныхъ переселеній, не только нельзя предполагать, чтобы вся масса народа, тѣмъ болѣе не кочеваго, оставила свои старинныя жилища, а напротивъ того думать должно, что въ нихъ могли удержаться болѣе или менѣе значительные остатки.

Какъ бы то ни было, но при настоящихъ свѣдѣніяхъ вопросъ о томъ — по выселеніи Славянъ въ Европу не осталась ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи, вопросъ

1. Grimm. Gesch. d. deutsch. Spr. Ss. 520, 523, 644, 728, 824.

этотъ, по крайнему нашему разумѣнiю, не маловажный, допускаетъ двойное рѣшенiе — положительное и отрицательное. Въ первомъ случаѣ, т. е. если часть Славянъ осталась въ Азiи, нельзя кажется не утверждать, что сношенiя ихъ съ выселившимися ихъ единоплеменниками не прерывались, по крайности, долгое время послѣ переселенiя.

Эти замѣчанiя мы сочли нужнымъ предпослать краткому обзору нашему Славянскихъ поселенiй въ М. Азiи.

Первое письменное свидѣтельство о Славянахъ въ М. Азiи относится къ VII в. по Р. Х., именно къ 664 г.

Византийскiй лѣтописецъ Теофанъ рассказываетъ, что въ 664 г. вождь Сарацынъ, Аблуррахманъ, сынъ Халедовъ, вступилъ съ большими силами во владѣнiя Римскiя, провелъ въ нихъ зиму и опустошилъ многiя провинцiи. При семъ, говоритъ Теофанъ, Славяне (οἱ Σκλαβῆνοι), числомъ до 5,000 человекъ, присоединились къ нему, пошли съ нимъ въ Сирию и поселились въ области Апамейской, въ селенiи Скевокоболѣ (ἐν χωρῇ Σκευοκοβόλω)¹.

Шафарикъ, упомянувъ объ этомъ поселенiи, замѣтилъ: «происхожденiе, дальнѣйшiя судьбы и конечное истребленiе этихъ Славянъ намъ совершенно неизвѣстны».

У Ибнъ-Хаукала (X в.), есть, кажется, упоминанiе о Славянахъ въ Сири².

Тотъ же Теофанъ подъ 687 г. рассказываетъ, что императоръ Юстинiанъ II, въ походъ свой въ Булгарiю и Склавинiю, опустошилъ этотъ край вплоть до Солуня, и огромное количество Славянъ³ вывелъ изъ ихъ отечества, частью насильно, частью добровольно, у Абида переправилъ ихъ въ Азiю и поселилъ въ странѣ или области Опсикiй, простиравшейся отъ Абида на востокъ до Никеи, а на югъ до Апамен⁴.

1. Stritt. II, 75. — Theoph. Paris. p. 289. — Анастасiй же (Paris. p. 109) называетъ Селевкобори. — Шафар. Слав. Древн. § 30. 6. Прим. 129.

2. Rein. Invas. d. Sarrax. en France. Paris. 1836. p. 237.

3. Θεοφ.: πολλὰ πλῆθη τῶν Σκλαβῶν. — Никиф.: πολλὰ τῶν ἐκείσε Σκλαβήνων γένη. — Зонара: πολλὰ τῶν Σκλαβικῶν ἔθνων. Str. II. 75.

4. Const. Porph. de them., Шаф. ibid. прим. 130.

Есть возможность довольно приблизительно опредѣлить число Славянъ, переселенныхъ И. Юстиніаномъ въ М. Азію. Такъ тотъ же Теофанъ говоритъ про него, что изъ переселенныхъ въ Азію Славянъ онъ набралъ *людей способныхъ къ войнѣ* и образовалъ изъ нихъ отрядъ въ 30,000 человекъ, всѣхъ ихъ вооружилъ и назвалъ отрядомъ отборнымъ (*λαὸν περιούσιον*, *asiem superabundantem*, по Шафарыку *Leibgarde*), а въ начальники его назначилъ Небула (*Νέβουλον*). Въ этомъ огромномъ количествѣ Славянъ, поселенныхъ Юстиніаномъ въ М. Азію, необходимо считать и женщинъ и дѣтей. Изъ взрослыхъ же мужчинъ конечно не менѣе трети было людей къ войнѣ неспособныхъ и потому естественно не попавшихъ въ этотъ отборный отрядъ. Такимъ образомъ мы нисколько не удалимся отъ истины, если скажемъ, что Славянъ, переселившихся въ М. Азію, въ 687 г., было никакъ не менѣе 80,000 человекъ.

Положившись на этотъ Славянской отрядъ, императоръ объявилъ войну Арабамъ, которые подъ начальствомъ Могамеда въ первой своей схваткѣ были разбиты Греками. Могамедъ дорогимъ посуломъ и богатыми обѣщаніями убѣдилъ Славянскаго военачальника съ 20,000 человекъ перейти на свою сторону. Греки были разбиты. Тогда — говорятъ Теофанъ, Кедринъ, Зонара — Юстиніанъ, который едва спасся бѣгствомъ, повелѣлъ истребить всѣхъ оставшихся Славянъ съ женами и дѣтьми, и трупы ихъ покидать въ море у Левкаты, близъ Никомидіи. Безъ сомнѣнья, свидѣтельства этого буквально принимать нѣтъ никакой возможности. Этихъ оставшихся Славянъ было по меньшей мѣрѣ 50,000 человекъ. Ни Юстиніану, ни его людямъ не хватило бы ни силы, ни охоты на такую страшную рѣзню.

Иls n'ont pas mérité
Ni cet excès d'honneur,
Ni cette indignité.

Всего вѣроятнѣе, месть Юстиніана разразилась на родственникахъ, на сообщникахъ отпавшихъ Славянъ и на всѣхъ болѣе или менѣе опасныхъ и подозрительныхъ ему лицахъ.

Точно также думаетъ и Шафарыкъ, который въ подтвержденіе своего мнѣнья указываетъ и на то, что въ 949 г., по

свидѣтельству Константина Багрянороднаго, въ области Опси-
кій жили Славяне. Впрочемъ вѣроятно тутъ были не одни по-
томки уцѣлѣвшихъ при Юстинианѣ, но и позднѣйшіе пересе-
ленцы).

Славяне, въ числѣ 20,000 человекъ, избѣжившіе Грекамъ,
кажется, участвовали потомъ въ рядахъ Арабовъ при завоеваніи
ими Хорасана, восточной части Персіи. Такъ по крайности
можно заключать изъ разсказа Теофана и Анастасія подъ 692
г. «Восточная часть Персіи, называемая Хорасанъ, была завое-
вана Арабами. Тамъ явился нововводитель по имени Сабинъ,
который истребилъ многихъ Арабовъ и убилъ самого Кагана». Подъ
этимъ-то Каганомъ разумѣется Комбезій, въ своихъ при-
мѣчаніяхъ къ Теофану (р. 614—5), Славянскаго военачальника
Небула.

Около 694 г. по случаю нападенія Могамедова на Грече-
скую Имперію, лѣтописцы упоминаютъ о перебѣжчикахъ-Сла-
вянахъ, которыхъ онъ принялъ охотно, какъ людей, хорошо
знакомыхъ съ мѣстностью.

Вотъ пока всѣ, дошедшія до насъ отъ VII в., извѣстія о
Славянахъ въ М. Азіи.

Теперь законнымъ становится вопросъ — были ли Славян-
скія поселенія въ М. Азіи и до VII в. и до 664 г.? Или же
первое письменное о Славянахъ въ М. Азіи свидѣтельство со-
падаетъ съ первымъ дѣйствительнымъ ихъ въ ней поселеніемъ?
Къ этому вопросу мы обратимся тотчасъ по обзорѣи дальнѣй-
шихъ судебъ Славянъ въ М. Азіи.

Здѣсь же позволимъ себѣ поставить и другой вопросъ —
Славяне Азійскіе, перешедшіе въ VII в. на сторону Арабовъ и
принимавшіе въ ихъ дѣлахъ не незначительное участие, тот-
часъ по переходѣ своемъ къ нимъ такъ сказать обусурманились
и забыли свой языкъ, свои преданія, «законъ отецъ своихъ»?—
или же они берегли и сохраняли ихъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ не
прекращали и связей своихъ съ Славянами Азійскими, оставши-
мися вѣрными Имперіи?

Прежде, чѣмъ приступить къ VIII в. и далѣе, для большей
ясности, позволю себѣ напомнить читателю всѣ тѣ вопросы,
которые намъ представлялись почти сами собою.

1. Остались ли у Славянъ слѣды народныхъ преданій объ Азій; какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ?

2. При выселеніи Славянъ изъ Азій въ Европу не осталась ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азій?

При возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія послѣдняго вопроса, весьма понятно, что, въ случаѣ отвѣта положительнаго, необходимо признать за истину несомнѣнную, что Славяне Азійскіе и Европейскіе долго не теряли сознанія единства своего происхожденія и также долго не прерывали и своихъ связей.

3. Поселеніе Славянъ въ М. Азій въ 664 г. по Р. Х., случайно занесенное въ лѣтопись Византійцами, есть ли первое поселеніе Славянъ въ Азій?

4. Участіе Славянъ въ дѣлахъ Арабовъ въ VII в. имѣетъ ли какое нибудь значеніе въ исторіи славянской? Повлекло ли оно за собой какія нибудь послѣдствія? Имѣло ли оно какое нибудь вліяніе на дальнѣйшую исторію и характеръ позднѣйшихъ отношеній Славянъ къ Арабамъ?

III. Въ 754 г., по словамъ Теофана, умеръ Могамедъ, онъ же и Абулаба, княжившій 5 лѣтъ. Братъ его Абдела жилъ тогда въ Меккѣ. Онъ тотчасъ написалъ Абумуслиму и просилъ его принять слѣдующую ему часть княжества. Но тотъ, узнавъ, что Абдела, сынъ Али, братъ Салема, князя Сирійскаго, подъяскивается подъ него и даже намѣревается подчинить себѣ Персію, собралъ противъ него войска Сирійскія. При Тианѣ дано было сраженіе, изъ котораго Абусалимъ вышелъ побѣдителемъ, такъ какъ у него были Антиохійцы и множество Славянъ (*Σκλάβοι*)¹.

Подъ 762 г. рассказываетъ Анастасій² о смутахъ Болгарскихъ: убили своихъ вождей, избрали себѣ въ князья какого-то Телетца. При семъ множество Славянъ оставило свою родину и искало убѣжища у императора, который и поселилъ ихъ

1. Theoph. Paris. p. 350—360. Stritter. I. 1.

2. Anast. Paris. p. 147.

подъ Артаню. То же самое передаютъ и Теофанъ и Никифоръ¹. У послѣдняго указано даже число этихъ переселенцевъ. Вотъ его слова: «Славяне, гонимые изъ отечества, переходятъ Евксинъ. Числомъ ихъ было, говорятъ, до 208 тысячъ. Они поселились у рѣки, называемой Артана (πρὸς τὸν ποταμὸν, ὃς Ἀρτανὰς καλεῖται).

Шафарикъ говоритъ при этомъ: «По нѣкоторымъ извѣстиямъ рѣка эта называется нынѣ Aghwah или Aghweh, а древнѣй городъ Артане долженъ быть селеніе Artakoi» (§ 30. 6. прим. 136). Цейссъ же видитъ въ ней рѣку Артанъ (Ἀρτάνης, Ἀρτανός), что въ Вионніи, на западъ отъ Сангарія². Послѣднее мнѣніе гораздо вѣроятнѣе.

Такимъ образомъ Славянскія поселенія въ М. Азіи получили въ VIII в. весьма сильное подкрѣпленіе, которое безъ сомнѣнья должно было придать имъ силъ для удержанія и сохраненія своей народности.

Вообще, надо замѣтить, колоніи, даже вовсе оторванныя отъ своей метрополіи, весьма долго сохраняютъ свою народность. Готы, поселившіеся въ Крыму въ первой половинѣ III в. по Р. Х., еще въ XVI в., даже позже, сохраняли свою народность. Бусбекъ, бывшій Цесарскимъ посланникомъ въ Цареградѣ, въ 1557—1564 г. самъ собралъ и сохранилъ до насъ нѣкоторые образцы ихъ рѣчи, хотя и сильно попорченной, но въ основѣ своей совершенно Нѣмецкой³. Въ III в. до Р. Х. отрядъ Кельтовъ въ 20,000 человекъ, состоявшій изъ трехъ народцевъ, Толистобоевъ, Трокмовъ и Тектосаговъ, поселился въ М. Азіи (ок. 260 г.), послѣ чего край ими занятый долго назывался Галатіей, Грекогалатіей или Галлогреціей. Въ V в. по Р. Х. они еще сохраняли свою народность и Св. Иерониму языкъ ихъ казался тѣмъ же самымъ, какимъ говорили Тревиры въ его время, а Тревиры были Кельтами⁴. Татары, поселившіеся въ Литвѣ въ XIV в., понынѣ сохраняютъ свою на-

1. Niceph. Paris. p. 45. Str. l. 1. 80. 522.

2. Zeuss. Die Deutsch. u. die Nachbarst. München. 1837. S. 628.

3. Zeuss. l. 1. Ss. 430 — 433. Шафарикъ. l. 1. т. 1. ч. 2. с. 247 (въ Русск. перев.).

4. Zeuss. l. 1. Ss. 180—182, 216—217.

родность¹. Славяне, по всей вѣроятности въ весьма незначительномъ количествѣ поселившіеся въ Швейцаріи никакъ не позже X в., а быть можетъ еще и ранѣе, до весьма недавняго времени говорили, а можетъ и понынѣ говорятъ испорченнымъ Славянскимъ языкомъ. Они живутъ въ долинѣ Анверской, въ Валисскомъ Кантонѣ, въ шести часахъ разстоянія отъ города Ситена².

По аналогіи уже однихъ этихъ свѣдѣній безбоязно можно бы было предположить, что въ М. Азійи и понынѣ сохраняются болѣе или менѣе значительные остатки Славянскихъ поселеній, основанныхъ въ VII и въ VIII стол. по Р. Х.

Если же мы вспомнимъ природу страны, столь удобную для постоянныхъ сношеній жителей Забалканскаго полуострова съ жителями Анатолійскими, то поймемъ, что народность Славянъ Азійскихъ находилась въ несравненно болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ народность Крымскихъ Готовъ, Азійскихъ Кельтовъ и Швейцарскихъ Славянъ. Нельзя при томъ забывать и многочисленности Славянъ въ М. Азійи, гдѣ ихъ надо считать десятками тысячъ.

Сношеній съ своими земляками и соплеменниками Азійскими Славяне Европейскіе не покидали и забыть о нихъ не могли, потому что въ болѣе или менѣе значительныхъ массахъ, въ XII, XIII, XIV и XV в. они посѣщали М. Азію и именно тѣ края, гдѣ были Славянскія поселенія.

Никита Хонскій подъ 1154 г. рассказываетъ, что по договору, заключенному съ Мануиломъ Комниномъ, жупанъ Сербскій обязался въ случаѣ войны Императора на Западѣ, придти къ нему на помощь съ 2,000 человекъ; если же война произойдетъ въ Азійи, то пошлетъ ему 500 человекъ, вмѣсто 300, какъ прежде обыкновенно бывало. (Str. II, 183). У него же подъ 1156 г. мы читаемъ: «Мануилъ Комнинъ, готовясь къ войнѣ противъ Сарацынъ. съ Запада вызвалъ Лигурійцевъ и Архижупана Далмаціи со всѣми его силами» (ibid.).

1. Мухлинскій. Исслѣдов. о происхожденіи и сост. Лит. Татаръ. Спб. 1857 отд. оттиск. и въ Актѣ Имп. Спб. Унив. 1857.

2. Шаф. Сл. Др. т. I. ч. 2. стр. 197. т. II. ч. 3. с. 180 и сл.

Весьма вѣроятно, что и послѣ не разъ и Болгары и Сербы помогали Имперіи въ Азіи. О походѣ Сербовъ въ Азію при Стефанѣ Милутииѣ (1275—1321 г.) сохранилось одно любопытное извѣстіе¹.

Стефанъ Лазаревичъ, извѣстный у Сербовъ подъ именемъ Стефана Высокаго, помогалъ Баязету въ его войнѣ съ Тимуромъ своимъ войскомъ въ 5,000 человекъ².

Конечно появленіе въ М. Азіи Славянъ въ такихъ значительныхъ силахъ, весьма много содѣйствовало поддержанію народности Славянской въ колоніяхъ М. Азійскихъ. Если бы въ XIV и XV в. народность ихъ стала замирать, то приходъ ихъ земляковъ въ такихъ массахъ безъ сомнѣнія могъ подѣйствовать на нихъ такъ же, какъ проходъ Русскихъ войскъ по Австрійскимъ владѣніямъ въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтій подвигалъ духъ и укрѣпилъ начавшія упадать народныя силы Славянъ Западныхъ. Но объ исчезновеніи Славянской народности, въ этотъ періодъ, въ М. Азіи, кажется не можетъ быть и рѣчи, тѣмъ болѣе, что многочисленныя колоніи Славянскія, основанныя въ М. Азіи въ VII—VIII в., не только сохраняли свою народность въ IX—X в. и позже³, но еще получали новыя свѣжія подкрѣпленія напр. въ XII в.

1. Почтенный нашъ Славянистъ В. И. Григоровичъ (Очеркъ учен. путеш. по Европ. Турціи. Казавъ. 1848. с. 45) нашелъ его въ одномъ хрисовулѣ, въ мон. Хиландарскомъ на Аеоуѣ. Къ сожалѣнію онъ передаетъ его не подлинными словами. «Куръ Андроникъ Палеологъ, вселенскій царь, умолилъ всесердечнаго сына державнаго царства да пошлетъ войско противъ Персовъ въ *Анатолю*. Онъ же подвигнуть моленіемъ тестя отражаетъ дружиною съ великимъ воеводою *нованомъ грѣбстрѣпка*, которая достигнувъ града Иракліи радостно встрѣчаетъ Андроникомъ, и, влезше въ дрѣва, перешла въ *Анатолю*. Послѣ многихъ сраженій побѣдила и возблагодаренная Андроникомъ, воротилась».

2. Stritt. II, p. 355—356.

3. Тамъ продолжатель Конст. Багр., рассказывая подъ 821 г. о мятежничѣ Михаилѣ, замѣчаетъ, что его производили отъ тѣхъ Славянъ (*Σχλαβοῦμένων*), которые *множественно* переселялись въ Малую Азію (Str. II, 100). Константинъ Порфирородный не разъ жителей области Опсикій называетъ Славизіанцами (*ibid.* 104). Въ 949 г. они помогаютъ Грекамъ противъ Крита (*ib.* 105); также въ 960 г., когда они участвуютъ вмѣстѣ съ другими земляками своими (изъ Фракіи, Македоніи); также и въ 963 г. вмѣстѣ съ Русскими и Фракійскими Славянами (*ib.* 105, 106). Въ 1041 г. обитатели области Опсикій участвуютъ въ сраженіи Грековъ съ Нор

Такъ извѣстно, что Іоаннъ Комнинъ послѣ похода своего на Сербовъ въ 1122 г. перевелъ на востокъ множество плѣнныхъ и опредѣлилъ имъ въ мѣстожителство плодородныя земли въ области Никомидійской. Часть этихъ поселенцевъ обратилъ онъ въ легіоны, другую часть заставилъ платить подать. (Str. II, 175).

Пахимеръ сохранилъ намъ весьма любопытныя подробности о возмущеніи этихъ Славянскихъ поселенцевъ по случаю коварнаго поведенія Михаила Палеолога съ несчастнымъ младенцемъ Іоанномъ Ласкаремъ, сыномъ покойнаго Императора Феодора Ласкаря.

Михаилъ Палеологъ, по вступленіи въ Царьградъ (1261 г.), вторично вѣнчалъ себя на царство, а законнаго государя, тогда осьмилѣтняго ребенка, онъ не взялъ съ собою въ Константинополь. Твердо рѣшившись удалить его отъ престола, Михаилъ не давалъ ему никакого воспитанія, удалялъ отъ него его сестеръ, наконецъ приказалъ лишить его зрѣнія. Преступное приказаніе это было исполнено въ день Рождества Христова. Несчастный ребенокъ былъ отвезенъ подъ стражею въ замокъ Дакивизы. Въ Имперіи пробудилось всеобщее негодо-

---

маньями въ Апулію. Какъ въ 963 г., такъ и въ 1041 г. подъ именемъ Русскихъ вало разумѣтъ Славянъ, а не Варяговъ; Греки не повели бы Русскихъ Варяговъ противъ Норманновъ, которыхъ именно называли Варягами (Guarangi. Luca Protosp.). См. *Annal. Bagenes. 1041. . . . Mense Martio decimo septimo intrante factum est proelium Normanorum et Graecorum juxta fluvium Dulibentis. Et ceciderunt ibi multi Russi et Obsequiani (var. molti Greci Russi et Obsequiani). Ipse vero Dulkiano (онъ же Nichiforus ceteranus) cum reliquo exercitu, qui remanserat ex ipso praelio, fugam petierunt in Montem Pelosum. Deinde collectis Mense Maii in unum omnibus Graecis apud Montem Majorem juxta fluentia Aufidi, initiatum est proelium quarto die intrante, ubi perierunt plurimi Natulichi (i. e. Anatolici, orientales) et Obsequiani, Russi, Trachichi (i. e. Thracae), Calabricsi, Longobardi, Capitinales. (Pertz. Monum. VII, 84). Славяне участвуютъ въ войскѣ Грековъ въ Италіи и въ 1027 г. Такъ же и Греч. (Var.) рассказываютъ подъ 1027 г.: «Нос anno descendit Ispo chitoniti (χοιτωνίτης — cubicularius) in Italiam cum exercitu magno, id est Russorum, Gualdorum, Turcorum, Burgarorum, Vlachorum, Macedonum aliorumque, ut caperet Siciliam. Et Regium restaurata est a Uulcano catepano. Sed peccatis praepedientibus, mortuus in secundo anno Basilius imperator; qui omnes frustra reversi sunt. — Въ числѣ этихъ прочихъ были по всей вѣроятности и жители Опсидіи. Такое соучастіе ихъ со Славянами Европейскими весьма много способствовало поддержанію и сохраненію Славянской народности въ поселенцахъ Мало-Азіійскихъ.*

ваніе. Патріархъ Арсеній, при всей слабости своего характера, не замедлилъ пригласить къ себѣ ближайшихъ къ нему лицъ изъ духовенства; говорилъ имъ, что при видѣ такого злодѣянія, они не могутъ оставаться спокойными и предоставляя лицамъ свѣтскимъ мечъ матеріальный, они, съ своей стороны, должны вооружиться своимъ мечемъ духовнымъ, т. е. словомъ Божиимъ. На Михаила Палеолога было произнесено отлученіе¹. Негодованье и ропотъ слышны были всюду даже и при дворѣ, но доносы, преслѣдованія и казни сильно подѣйствовали на малодушныхъ.

Славянскіе поселенцы въ окрестностяхъ Никеи распорядились въ этомъ случаѣ по своему и выставили самозванца. Найдя какого-то осьми или девятилѣтняго мальчика, ослѣпшаго отъ болѣзни, они признали его за Іоанна Ласкаря, законнаго своего государя. Они открыто возстали противъ тирана и поклялись стоять крѣпко за своего Императора. Извѣстіе объ этомъ возстаніи сильно напугало Михаила, опасавшагося за отложеніе этихъ пограничныхъ горцевъ, такъ какъ для спокойствія Имперіи они имѣли великую важность; наконецъ примѣру ихъ могли послѣдовать и другія области. Императоръ поспѣшилъ отправить къ нимъ сильное войско. Гористая мѣстность, покрытая густымъ лѣсомъ, постоянно доставляла мятежникамъ поверхность надъ силами Императора. Отличные стрѣлки, необыкновенно ловкіе во всѣхъ движеніяхъ, они равно истомили непріятеля. Война приняла совершенно народный характеръ: запрягавъ женщинъ и дѣтей въ глушь лѣсовъ, всѣ вооружились, кто дубиною, у кого не было меча. Начальники войска Императорскаго скоро замѣтили, что силою они съ нихъ ничего не возьмутъ; рѣшились прибѣгнуть къ переговорамъ, стали подсылать то къ тому, то къ другому изъ нихъ, обѣщая прощеніе Императорское, увѣряя ихъ, что слѣпой мальчикъ, находящійся у нихъ, вовсе не Іоаннъ Ласкарь, который заклю-

---

¹ См. Georg. Pachymeres. l. IV. c. 14. Niceph. Greg. l. IV. c. 4. Phranz. l. I. c. 8. Lebeau Hist. du Bas-Empire. Nouv. édit. (M. de Saint-Martin et M. Brosset 1.). Paris. MDCCCXXXV. P. XVIII. p. 106 etc. Сравните образъ дѣйствій митрополита Филиппа съ Иваномъ Грознымъ.

ченъ въ такомъ-то замкѣ, въ чемъ они сами могутъ лично убѣдиться, отправившись туда. Разумѣется, тутъ не обошлось безъ подкупа. Цѣль была достигнута, но только отчасти. Единомысліе въ мятежникахъ исчезло, но тѣмъ не менѣе большинство, масса крѣпко держалась однажды принятаго намѣренія — стоять до конца. Говорили: «Положимъ, нашъ мальчикъ и не настоящій государь, но все же мы клялись его защищать, дрались, а теперь вдругъ мы постыдно измѣнимъ ему и отдадимъ его въ руки враговъ». Бѣгство мальчика къ Туркамъ окончательно разстроило мятежниковъ. Они стали переходить на сторону Палеолога. Тогда строгія казни и разныя преслѣдованія, особенно конфискація имущества, разразились надъ несчастными; отъ совершеннаго ихъ разоренія удержалось правительство не изъ состраданія, а изъ разсчета, такъ какъ горцы же¹, охраняли восточные предѣлы государства отъ набѣговъ Турокъ.

Въ другомъ мѣстѣ, въ началѣ своей Исторіи, приступая къ правленію Михаила Палеолога, Пахимерь такъ описываетъ намъ эти пограничныя поселенія, бывшія для Восточной Имперіи тѣмъ же, чѣмъ такъ называемая Военная граница для Австріи (Militair Gränze). Эта Греческая Украина населена была людьми воинственными и трудолюбивыми, бывшими въ одно время и землепашцами и воинами.

Замѣтимъ, что Пахимерь обращается къ первоначальнымъ дѣйствіямъ Грековъ по взятіи Константинополя Латинцами въ 1204 г. и по основаніи Феодоромъ Ласкаремъ независимаго Государства Никейскаго². Греки, говоритъ Пахимерь, были окружены съ обѣихъ сторонъ опасными непріятелями — Латинцами и Турками. Съ первыми, какъ господствовавшими на морѣ, справляться было гораздо труднѣе, чѣмъ съ послѣдними. Нѣсколько иначе было съ Турками. Отъ нихъ отдѣляли Грековъ высокія горы съ узкими долинами, которыя было не трудно укрѣпить. Когда устроишь нѣсколько гарнизоновъ и

1. Пахимерь говоритъ: ταῦτα περὶ τοὺς Τριχομήτας καὶ τοὺς τοῦ ζυγοῦ διατραφέμενοι ἀνεχόμενοι ἐπ' ὄρων. (Воппас. I, 201). Значитъ, были горцы и Трикоміоты (?).

2. См. прекрасную монографію Медовикова — Латинскіе императоры въ Константинополѣ. Москва. 1849. С. 79 и сл.

ежегодно выплачивая дань Туркамъ, обезпечили себя Греки со стороны востока, тогда устремили всѣ свои силы противъ Латинцевъ; ослабивъ же ихъ совершенно, они снова обратили свое вниманіе на укрѣпленіе своихъ восточныхъ предѣловъ. Созывая отовсюду сильныхъ и многочисленныхъ поселенцевъ, правительство Никейское отводило имъ опредѣленные мѣста для жительства, поставивъ имъ въ обязанность содержать гарнизоны въ новопостроенныхъ крѣпостяхъ¹. Чтобы болѣе привязать ихъ къ службѣ, имъ дарованы были разныя льготы. Такимъ образомъ въ теченіе времени эти поселенцы собрали себѣ большіе достатки; тѣмъ естественнѣе становились они все болѣе и болѣе ревностными защитниками Имперіи. Мало того, чаще и чаще стали они нападать цѣлыми, отдѣльными партіями на Турокъ, опустошать и разорять ихъ земли. Императоры щедро награждали ихъ за усердіе, завоевавшее государству совершенное спокойствіе и безопасность. Но когда по изгнаніи Латинцевъ, столица Имперіи снова была перенесена въ Константинополь, то пограничныя войска были значительно ослаблены, выдача награжденій и жалованія почти прекратилась. Дѣйствія этой пагубной мѣры значительно ослаблялись тѣмъ состояніемъ довольства этихъ пограничниковъ или украинцевъ, которое доставляло имъ большія средства для веденія войны или какъ Пахимерьъ выражается — нервы войны (*νεῦρα πολέμου*).

За то постигло ихъ настоящее бѣдствіе, когда Императоръ Михаилъ Палеологъ имѣлъ неосторожность согласиться на убѣжденія одного сановника Хадина, который, отправившись на восточные предѣлы и нашедши тамъ людей весьма зажиточныхъ², описалъ все ихъ имущество въ казну, предоставивъ имъ вмѣсто него одну небольшую часть, вмѣсто жалованья³.

1. εἶτα νῶτα στρέψαντες ἐκόντων ἀκόντων Περσῶν τοῖς ὄρεσιν ἐπεβήλοντο, συχοῖς δὲ τοῖς πανταχόθεν ἐποίκοις καὶ ἰσχυροῖς κατασφαλισάμενοι ἐρυμνὰ τεῖχη καὶ οἶου δυσεπιχειρήτους θρηγκοῦς τῇ Ῥωμαίδι ταῦτα κατέστησαν. (Pachym. I, I, с. 3. (Вопнае. р. 16).

2. ἄνδρας βαθυπλοῦτους εὐρῶν καὶ κτήμασι καὶ θρήμμασι βριθοντας Ρασχ. I. I. (Вопнае. I, 18).

3. εἰς τεσσαράκοντα νομίσματα τῷ ἐνὶ συμπόσωσας. *ibid.*

Эта мѣра не замедлила совершенно раззорить поселенцевъ. Мало того, что они утратили прежнее усердіе: обѣднѣвъ, они меньше уже дорожили своимъ положеніемъ, упали духомъ, исчезла прежняя отвага, теперь не они на Турокъ, а Турки на нихъ стали нападать все чаще и чаще, поощряемые постоянными успѣхами. Такимъ образомъ облегчено было Туркамъ завоеваніе Визонніи, области въ высшей степени важной для Цареграда¹.

Вотъ описаніе Пахимера этихъ Граничаръ или Краинцевъ. На какомъ основаніи, естественно спросить насъ читатель, считаемъ мы этихъ поселенцевъ за Славянъ? Пахимерь нигдѣ не говоритъ объ ихъ происхожденіи.

Славянское ихъ происхожденіе видно изъ ихъ образа жизни, совершенно сходнаго напр. съ бытомъ нашихъ казаковъ, какъ онъ извѣстенъ намъ изъ источниковъ отечественныхъ и изъ описаній иностранцевъ, напр. Боплана. Они были земледѣльцы и отличные воины, занимались по всей вѣроятности и ремеслами, такъ какъ въ цвѣтущую свою эпоху они владѣли большими достатками². Характеръ ихъ возстанія, Самозванецъ и другія черты — чисто Славянскія. Наконецъ мы знаемъ, что съ VII в. въ эти края не разъ переселяемы были Славяне, въ массахъ весьма значительныхъ. Въ XII в. Іоаннъ Комнинъ поселилъ въ 1122 г. множество Сербовъ въ области Никомидійской. Въ XIII в. въ этихъ краяхъ, какъ извѣстно, были поселенія Сербскія³.

1. См. G. Pashum. l. I, c. 3—6. (Вопнае. I, 14—20).

2. Вотъ какъ описываетъ ихъ Пахимерь: οἱ κατὰ τῆς Νικαίας τὰχραχωρῖται ἀγρόται μὲν ὄντες καὶ γεωργία προσέχοντες, θαρραλέοι δ' ἄλλως, πίσυνοι τόξοις, ἀμα δὲ καὶ ταῖς κατὰ σφᾶς δυσχωρίαις τὸ πιστὸν ἔχοντες ὡς οὐ βραδίως πεισόμενοι καὶ τε κράττοτεν... (l. III, c. 12. Вопнае. I, p. 194).

3. Въ важной грамотѣ о раздѣлѣ Греческой Имперіи, по случаю завоеванія Цареграда Латинцами въ 1204 г., между прочимъ читаемъ: «Provincia Optimati. Provincia Nicomidie. Provincia Tharsie, Plusiade et Metanoliscum *Seruochoritis* cum omnibusque sub ipsis». (Tafel u. Thomas. Font. rer. Ven. I, 475). Слово это читается во всѣхъ спискахъ искаженно; лучшее чтеніе представляется въ одномъ спискѣ (Са. Марка) — *сикт Seruochoritis*. Ученые издатели весьма справедливо читаютъ это по-Гречески такъ: οὐν τοῖς Σερβοχωρίοις (ibid. p. 491). Поселенія Сербскія въ Визонніи были еще въ IX в. Такъ въ спискѣ первой, подчиненныхъ патриарху Цареградскому, составленномъ Львомъ Мудрымъ (Leonis Sapientis [a. 886—907] index ecclesiarum, throno Sropolitano vacantium), читаемъ: VIII. Τῷ (α. ε. ἐπισκόπου)

Вслѣдствіе новѣйшаго переселенія (1122 г.) Сербы, а также Болгары, разумѣется, укрѣпили свои давнишнія связи съ М. Азією и шли туда тѣмъ охотнѣе, ибо находили тамъ своихъ соплеменниковъ, земляковъ и даже родственниковъ. Если же Славяне добровольно переселялись въ М. Азію безо всякаго призыва со стороны правительства Византійскаго, то тѣмъ скорѣе и охотнѣе конечно пошли они на приглашеніе Никейскихъ государей, которые найдя уже въ этихъ краяхъ поселенцевъ Славянскихъ, принимали ихъ охотнѣе, чѣмъ другихъ инопорядцевъ, напр. Албанцевъ, такъ какъ для Государства было весьма важно, чтобы между жителями Военной Границы господствовало единодушіе, а не смуты и раздоры, которые ведутъ за собою разноплеменность.

И такъ Славяне переселялись въ М. Азію въ VII, VIII, въ XII и XIII в. — по большей части въ однѣ и тѣ же мѣстности, преимущественно въ Визоніи. Выше мы доказали, что въ IX—X в. и даже позже Славяне Азіійскіе сохраняли свою народность, что впрочемъ понятно и безъ всякихъ на то свидѣтельствъ. Безъ сомнѣнія сохраняли ее и гораздо позже во первыхъ потому, что были многочисленны, во вторыхъ потому, что имѣли постоянныя сообщенія съ своими земляками и соплеменниками Европейскими.

Дѣйствительно, въ 821 г. Греки говорили, что Славяне *многokrатно* переселялись въ Азію, тогда какъ Лѣтописцы упоминають до 821 г. только о трехъ переселеніяхъ. Какъ случайное, мимоходное упоминаніе Византійцевъ объ этихъ трехъ переселеніяхъ, такъ и слова Проложателя Константина Багрянородраго о многократныхъ переселеніяхъ Славянъ въ Азію до 821 г. — несомнѣнно доказываютъ, что въ періодъ VII—IX в. было не мало случаевъ этихъ переселеній, о которыхъ умолчали историки. *Такіе случаи должны были быть дѣйствительно нередки, какъ въ этотъ, такъ и въ позднѣйшій періодъ.*

Послѣ слѣдующихъ соображеній читателю не трудно будетъ убѣдиться въ справедливости этого положенія.

Νικαίας, Βιζυντίας. 1. ὉΜοδρηνῆς, ἤτοι Μελέης. 2. Ὁ Αἰγύου. 3. Ὁ Γορδοσερβων. См. Tafel. Const. Porphyrogen. de Provinciis Regni Byzantini. Lib. secund. Europa. Tubingae. 1846. p. 46—47. Также Zeuss. I. I. p. 628.

Въ 768 г. Императоръ Константинъ черезъ пословъ своихъ выкупилъ у Славянскихъ князей (Македонскихъ) содержавшихся у нихъ христіанскихъ плѣнниковъ и захваченныхъ ими на островахъ Имбро, Тенедосъ и Самоѳракіи.

Если эти Славяне рыскали по Архипелагу, то конечно не оставляли въ покоѣ и береговъ Азійскихъ, гдѣ какъ напр. въ Сиріи уже было поселеніе Славянское, передавшееся Арабамъ въ 664 г. Въ этомъ послѣднемъ Славяне Греческіе всегда могли находить радушный пріемъ, подобный тому, какой встрѣчаютъ Русскіе у Некрасовцевъ, служащихъ въ войнахъ Турокъ противъ Русскихъ.

Есть ли возможность утверждать, что въ Сиріи и было всего на всего только 5.000 Славянъ? Почему въ послѣдствіи они не могли привлечь къ себѣ многихъ другихъ своихъ соплеменниковъ, жившихъ въ Азіи? Почему наконецъ они сами не могли слѣдовать примѣру уже прежде имъ показанному? Куда дѣлись тѣ 20.000 Славянъ, что передались Арабамъ при Юстиніанѣ, въ 691 г.? А перебѣжчики Славяне у Арабовъ, упоминаемые Византіяцами подъ 693 г.? А множество Славянъ, участвовавшихъ въ войскѣ Арабовъ въ 754 г.?

Случайное упоминаніе Византіяцами о Славянахъ въ рядахъ Арабовъ удостовѣряетъ насъ въ томъ, что о многихъ другихъ переходахъ Славянъ на сторону Арабовъ умолчано лѣтописцами. Между Славянами Греческими и Арабскими въ Азіи непремѣнно происходили постоянныя сношенія. Отъ того въ послѣдствіи и перебѣгали Славяне къ Арабамъ; такимъ образомъ и у Славянъ Европейскихъ завязались сношенія съ Арабами.

Славяне Морейскіе возмутились противъ Имперіи въ 802—811 г. и стали осаждать Патрасъ, при чемъ, по свидѣтельству лѣтописей, помогали имъ Афы и Сарацыны.

Въ 923 г. Симеонъ, царь Болгарскій, задумавъ завоеваніе Цареграда, отправилъ пословъ въ Сѣверную Африку къ Арабскому Халифу Фатлуму, предлагалъ ему вмѣстѣ идти на Цареградъ и раздѣлить добычу поровну.

Потому-то весьма вѣроятно, что какъ Славяне Фессалійскіе, такъ и Морейскіе ходили въ Азію и даже быть можетъ селились въ ней; еще вѣроятнѣе такое предположеніе относи-

тельно Славянъ Македонскихъ, грабившихъ въ VIII в. острова Имбро, Тенедось и Самоеракію.

Памятникъ VIII или IX в., Житіе Св. Дмитрія Солунскаго, рассказываетъ, ранѣе 695 г., про Славянъ Македонскихъ, что Драговичи, Сагудаты, Белегезиты, Войничы (Ваюниты), Берзиты и др., въ своихъ лодкахъ ододеревкахъ рыскали по морю, грабили Фессалию и окрестные острова, Элладу и острова Кикладскіе, всю Ахаію, Эпиръ и большую часть Иллирика и часть Азіи, все это грабили и опустошали¹.

Тотъ же памятникъ сообщаетъ намъ, что около 685 г. и позже: «Стримонцы и Рунхины (вѣтви Славянъ Македонскихъ), соскучивъ покоемъ, рѣшились попытать счастья въ другихъ мѣстахъ. Они бросились на суда и стали грабить корабли съ хлѣбомъ, плывшіе въ Константинополь, то же сдѣлали и съ островами и съ Елиспонтомъ, проникли въ самую Проонтиду и здѣсь опустошивъ области Паросскую и Проконезскую, доходили до самаго Константинопольскаго порта; наконецъ обогащенные добычею и плѣнниками возвратились въ свои мѣста».

Морскіе разбой и грабежи, сами коренившіеся на страсти и привычкѣ къ морю, конечно развивали въ этихъ Славянахъ страшную удачу и отвагу, которыя съ принятіемъ Христіанства и съ смягченіемъ нравовъ не исчезли, а только приняли другое направленіе. Прежніе разбойники и отличные моряки, они стали въ послѣдствіи заниматься торговлею.

Такимъ образомъ весьма вѣроятно, что не только до IX в., но и гораздо позже Славяне Македонскіе посѣщали Азію и даже селились въ ней, постоянно туда привлекаемые не только плодородіемъ почвы, не однѣми выгодами торговли, но и бытною тамъ своихъ земляковъ.

Императоръ Юстиніанъ въ 687 г. поселилъ огромное количество Славянъ, не менѣе 80,000 человекъ (см. выше) въ области Опсикій отчасти насильно, отчасти добровольно переселившихся въ М. Азію.

---

1. См. ст. еп. Фларета. Св. Великомуч. Дмитрій и Солунскіе Славяне. Чт. М. Общ. Ист. и Др. Москва. 1848. № 6. С. 19.

Добровольно переселиться въ М. Азію могли Славяне потому, что уже знали ее.

Въ 762 г. около 208,000 Славянъ Болгарскихъ, въ слѣдствіе усобицъ и беспорядковъ, оставляютъ свою родину и добровольно поселяются въ М. Азію. Пренія Славянскія въ ней поселенія не могли имъ оставаться неизвѣстными.

Нѣтъ никакой возможности и необходимости утверждать, что Болгарскіе Славяне никогда не ходили и не переселялись, въ болѣе или менѣе значительныхъ силахъ, въ М. Азію, во всѣ послѣдующія времена. Напротивъ того, соображая удобство сообщеній, сильныя колоніи Славянскія въ М. Азіи, которыя долго должны были сохранить свою народность и для того служить придукою и приманкою всѣмъ недовольнымъ своимъ землякамъ Европейскимъ, соображая наконецъ торговыя связи съ Азією и давнишнія и постоянныя хожденія странниковъ Болгарскихъ на поклоненіе Гробу Господню, — мы необходимо должны признать, что Славяне Болгарскіе не разъ выслали изъ среды своей поселенія въ М. Азію и до XVII в., когда, какъ намъ достовѣрно извѣстно, была основана нынѣшняя Болгарская колонія подлѣ Никеи. (Объ этомъ ниже).

Но указывая на всѣ благопріятныя обстоятельства, помогавшія долгому сохраненію Славянской народности въ М. Азіи, мы не можемъ и не должны скрывать отъ читателя и обстоятельство противоположныхъ, которыя были и не малочисленны и не безсильны.

Переходы Славянъ Азійскихъ къ Арабамъ, которые не могли быть особенно рѣдки (какъ то мы уже видѣли), значительно ослабляли Славянскія колоніи въ М. Азіи.

Славяне, поселившіеся въ М. Азіи въ VII и VIII в., по большей части, разумѣется, были язычники. Обращенные въ христіанство, они приняли въ свое богослуженіе языкъ Греческій. Позднѣйшіе Славянскіе переселенцы могли уже приносить въ М. Азію и свои Славянскія богослужебныя книги. Но судя по новѣйшему образу дѣйствій Грековъ относительно Славянъ, мы смѣло можемъ утверждать, что и къ Славянскимъ поселеніямъ въ М. Азіи были примѣняемы всѣ возможныя мѣры, лишь бы огречить ихъ.

Завоеванія Турковъ, ихъ поселенія, поборы, насилія и обращеніе въ ислаимзмъ, которому Славянскіе поселенцы могли поддаться легче, такъ какъ, принимая ученіе Церкви на языкѣ имъ непонятномъ, они не могли быть твердыми и вѣрными христіанами — на основаніи всѣхъ этихъ соображеній вѣстѣ, должно полагать, что въ настоящее время въ Малой Азій если и не сохранилась Славянская стихія во всей чистотѣ, то тѣмъ не менѣе оставила по себѣ много слѣдовъ какъ въ бытѣ, такъ и въ языкѣ, пѣсняхъ, напѣвахъ, наконецъ даже въ физическихъ особенностяхъ жителей нѣкоторыхъ частей Малой Азій.

III. Путешествіе по М. Азій для этнографическаго изслѣдованія остатковъ бывшихъ въ ней Славянскихъ поселеній могло бы, смѣю думать, принести пользу наукѣ. Подтверженіемъ этой мысли можетъ между прочимъ служить весьма любопытное извѣстіе почтеннаго и весьма мало нами цѣнимаго, стариннаго путешественника нашего — Василія Григоровича Барскаго Пляки Альбова¹. Такъ, описывая монастырь Св. Саввы Иерусалимскаго, онъ говоритъ между прочимъ: «Въ трапезѣ (монахи) чтенія не имутъ, развѣ при гостяхъ, понеже суть всѣ просты и не разумѣютъ не токмо книжнаго писанія, но многи суть иже на Греческаго простаго языка умлютъ, кромѣ Турецкаго и сіи суть отъ Анатолиі и долже мало Христіанъ, Христіане бо, иже въ Анатолиі, всѣ по Турецки бесѣдуютъ, и другаго языка не знаютъ; аще же и Греческія книги въ церковь чтутъ, но не разумлютъ: тако бо токмо изучаются чтенія ради церковнаго, да Христіанская въра не исчезаетъ» (I, 209).

Въ 1731 г. Барскій прожилъ въ *Карамані* два дня. «Селевкія бѣше вногда градъ многознаменитъ и пресловутъ, о немъ же и въ Дѣяніяхъ Апостольскихъ воспоминается, яко отплыша тамо Св. Апостолы на проповѣдь Божеств. Евангелія; нынѣ же обнища и есть, яко вѣкая весь, отстоитъ отъ Кипра шестьюдесятью милями, на странѣ Сѣверной, на землѣ великой, нари-

1. Пѣшеходца В. Г. Б. А. уроженца Кіевскаго, монаха Антиохійскаго, путешествіе къ святымъ мѣстамъ... 6-е изд.

цаемой Анатолиа, при бреви морскомъ, при горахъ великихъ, имать же и крѣпость особно отъ давно зданную и вооруженную ради враговъ. Тамо не точію Турки обрѣтаются; но и Христіанъ много съ Священниками и церкви въ селѣ разнствуютъ отъ иныхъ странъ, яко иныхъ языкомъ не бесѣдуютъ точію Турецкимъ, поспомитъ народъ весь, въ сапогахъ обувенъ есть, на юловахъ мужіе носятъ нлкія высокія шапки съ завивалы и зряся быти страшны пришельцомъ» (I, 363).

Описывая свое плаваніе отъ Кипра къ Самосу, Барскій говоритъ между прочимъ: «По вся дни имуще вѣтръ претявенъ и многи препятствія отъ страха и осторожность отъ разбойниковъ морскихъ, овогда же тишинѣ случающейся, съ великимъ трудомъ веслами гребохомся, и умедлихомъ на морѣ двій осмьнадесять, не отдаляхомся же далече на ширину морскую, но пловомъ воокрай Анатолиі земли великой, оттуда даже до Чернаго Моря къ землѣ Грузинской протяжаемой, юже имѣхомъ въ странѣ правой; мимо идохомъ же по чину, наченши отъ Кипра, страны и грады сицевы: Караманію, Анаію, Аманію, сѣ есть Пидио; въ сѣхъ трехъ странахъ Христіане не умлютъ бесѣдовать иныхъ языкомъ точію Турецкимъ, понеже тамо Христіанъ мало, Агарянъ же множество, и многолтнаго ради житія погубиша Греческій языкъ и все привѣтствіе ихъ, молитвы и поученія въ церквахъ отъ священникъ бываемыя, Турецкимъ діалектомъ глаголются, точію пльіе и чтеніе церковное теорятъ по писмьенамъ Греческимъ, обаче отнюдь ничто не разумлютъ яже тутъ» (II, 63). Также говоритъ онъ: «и до здѣ (Мирликів) Христіане бесѣдуютъ языкомъ Турецкимъ точію; оттуда же начинаются, въ нихъ же бесѣдуютъ по-Гречески и по-Турецки» (ib).

Въ предпоследнемъ замѣчаніи Барскій старается объяснить себѣ замѣченный имъ фактъ — христіане Греческаго богослужебнаго языка не понимаютъ, и говорятъ по-Турецки тѣмъ, что «тамо Христіанъ мало, Агарянъ же множество». Объясненіе очевидно весьма неудачное¹. Безъ сомнѣнія, Хри-

1. За Болгарскимъ монастыремъ св. Іоанна Рыльскаго, къ Аѳону, лежитъ другой монастырь св. Іоанна Предтечи. Почтенный преемникъ Барскаго, мнокъ

стіане, о которыхъ говоритъ Барскій, не были Греками, а принадлежали къ какой-нибудь другой народности, которая не могла сохранить своего языка потому, вѣроятно, что была малочисленна и въ богослуженіи употребляла не свой языкъ, а Греческій. Нѣтъ также сомнѣнія въ томъ, что если объясненіе наше справедливо, то Турецкій языкъ этихъ Христіанъ не совсѣмъ чистый и сохраняетъ на себѣ болѣе или менѣе значительныя слѣды роднаго ихъ нарѣчія. Точно также могли они сохранить и нѣкоторые свои нравы и обычаи. Такъ, полагаю я, могли сохраниться и слѣды Славянскихъ поселеній въ М. Азіи. Теперь еще нельзя отвѣчать отрицательно на вопросъ: въ числѣ Христіанъ, описываемыхъ Барскимъ, не могутъ ли быть и переродившіеся Славяне? Сапоги и высокія шапки Христіанъ, что подлѣ Селевкии и что не знаютъ Греческаго языка, а говорятъ по-Турецки, — конечно не позволяютъ отвѣчать положительно, однако дѣлаютъ предположеніе это весьма вѣроятнымъ. Славяне въ VII—въ VIII в., а конечно и позже, рыскавшіе по Архипелагу, могли селиться въ Азіи въ разныхъ краяхъ, а не только въ области Опсикій, въ древней Вионніи и т. д. Намъ вѣдь

Паревній, въ 1839 г. нашелъ въ его библіотекѣ «множество кожаныхъ и бумажныхъ рукописныхъ Славянскихъ книгъ, болѣе тысячи; лежатъ безъ всякаго брѣженія, о чемъ много мы соболѣзновали и сожалѣли; уже многія повредились. Мы спросили: «почему такъ безъ всякаго присмотра накопится библіотека?» Намъ отвѣчали: «А на что эти книги намъ? Читать мы ихъ не знаемъ. Хотя и вся братія — Болгары, но читать по-Славянски ни одинъ не разумѣетъ, потому что мы всё изъ Македоніи. А у насъ по всей Македоніи, по градамъ и по селамъ, нигдѣ не читаютъ по-Болгарски, а вездѣ по-Гречески. Хотя и всё Болгары живутъ, *хотя и ничего по-Гречески не понимаютъ, ни мѣряна, ни священники, но тако заведено издревле, и уже привыкли, потому что съ юности учились читать и пѣть по-Гречески.* А сія библіотека жертвована Болгарскими и Сербскими царями. Тогда по всей Фракіи и Македоніи читали и пѣли по-Болгарски, а вышѣ только въ селѣ *Патакъ* и въ монаст. преп. Іоанна Рыльскаго». (Сказ. о странств. и пут. . . миссионаря Паревнія, II, 58). Болгары Македонскіе очень многочисленны, оттого грамотность Греческая не могла у нихъ вытѣснить языка Болгарскаго. Если бы Христіане Азіискіе, о которыхъ говоритъ Барскій, были Греки, то они подавно бы не позабыли своего природнаго языка, такъ какъ у нихъ была своя грамотность Греческая. Эти простыя слова, зашѣчу кстати, осязательно доказываютъ весь вредъ народнаго воспитанія въ духъ чужомъ, не національномъ.

уже положительно извѣстно, что въ 664 г. 5,000 Славянъ поселилось въ Сиріи, въ области Апамейской¹.

Безъ этнографическаго путешествія ученыхъ наблюдателей, хорошо знакомыхъ съ Турецкимъ, Греческимъ и Славянскимъ языками и бытомъ, — было бы слишкомъ смѣло и неосновательно утверждать, что въ настоящее время не осталось никакихъ слѣдовъ Славянства въ М. Азій.

Напротивъ въ высшей степени вѣроятна возможность, на основаніи точныхъ этнографическихъ наблюденій, возсоздать для науки географическое распредѣленіе Славянъ въ М. Азій. Наконецъ въ вѣрности своего предположенія о томъ, что нынѣ сохраняются въ М. Азій слѣды Славянства, убѣждаюсь между прочимъ и однимъ весьма любопытнымъ замѣчаніемъ ученаго путешественника Англійскаго, Энсворта (Ainsworth)², который шелъ съ своимъ товарищемъ изъ г. Бартана на Востокъ. «Нашъ путь, говоритъ онъ, лежалъ вдоль горячихъ водъ Ордири (Ordeiri), и, послѣ краткой верховой ѣзды по лѣсу изъ чинаръ и пробковаго дерева съ паростникомъ и виноградниками, мы прибыли въ *месджидъ* (mesjid), деревню Баг-Джевистъ (Bagh-Jevis), т. е. Орѣховый Садъ.

Теперь все принимало размѣры истинно Альпійской природы; въ главѣ долины возвышалась гора Дэрнаг-Джейласи (Durnah-Jailasi), древній Орминій, съ сосновымъ лѣсомъ и съ высокою голою вершиною....

Тамъ и сямъ внутри долины раскиданы были деревни и нѣсколько домовъ, болѣе, чѣмъ можно было ожидать въ этомъ мѣстѣ, помѣщалось у подошвы горы. *Но всего болѣе возбудило наше любопытство то обстоятельство, что въ этихъ хижинахъ жили люди особаго племени, которые исключая языка (весьма испорченнаго Турецкаго), во всемъ другомъ ни черты не имѣли общаго съ Турками. Лицемъ они смуглы, волосы у нихъ длинныя, ихъ лобъ впалый (indented), черты ихъ рѣзкія и выразитель-*

1. Любопытно, что на Азійскомъ берегу, насупротивъ острова Митилина, находится селеніе *Kozakly* (Кип.).

2. Ainsworth (Will. Francis.) *Travels and Researches in Asia Minor, Mesopotamia, Chaldea and Armenia.* In two volumes. London. MDCCCXLII. I, 62—63.

ныя и вообще не похожія на круглую Турецкую физиономію. Они, кажется, принадлежать къ первобытнымъ племенамъ, отъсненнымъ отъ берега въ горы и уже переродившимся; такъ волосы ихъ были всклокочены (*uncombed*), а рѣзкія черты лица (*fierce a. harsh*) казались какъ бы закопченными отъ дыма (*looked as if smoke dried*).

Хорошо извѣстно, что въ этихъ краяхъ жило Славянское племя. У Омира извѣстные подъ именемъ Генетовъ *Genetoi*, они были вѣтвью тѣхъ самыхъ Славянъ (*Slavonians*), что у Римлянъ слыли — *Veneti*, а у Нѣмцевъ *Winden, Wenden*. По словамъ Страбона они жили около Парвоніоса и занимали значительную часть приморской Пафлагоніи.

Это единственный извѣстный мнѣ фактъ бытности на Азіятскомъ полуостровѣ народа, который подъ именемъ Сербовъ, Болгаръ и проч. составляютъ такую значительную часть населенія Европейской Турціи».

Въ какой степени справедливо предположеніе путешественника Англійскаго, о томъ судить не могу; однако нельзя не замѣтить, что, если ученые считаютъ возможнымъ и вѣроятнымъ, что такой древній народъ, какъ Венеты Пафлагонскіе, жившій за сотни лѣтъ до Р. Х., и еще въ древности исчезнувшій и утратившій свою народность, могъ понынѣ сохранить нѣкоторыя типическія черты и особенности, то тѣмъ безспорно справедливѣе наше предположеніе о Славянскихъ поселеніяхъ VII, VIII и сл. вѣк. по Р. Х.

IV. Выше представленными данными не ограничиваются извѣстія наши о Славянскихъ поселеніяхъ въ М. Азій. Еще въ 1808 г. Сальватора, на пути своемъ изъ Константинополя въ Персію, попалъ на Болгарскую деревню между Никомидією и Никеею; въ письмѣ своемъ къ Д. Карено онъ описываетъ ея обитателей такимъ образомъ: «За день пути до Никей мы ночевали въ одной деревнѣ подъ названіемъ *Кузъ-Дербентъ* (или *Kuz-Dergent*), населенной одними Болгарами (*di soli Bulgari*). Около двухъ сотъ лѣтъ тому назадъ (т. е. около 1608 г.), семь семействъ Болгарскихъ, гонимыя за вѣру (*per motivo di religione*), покинули свою родину и поселились въ этомъ мѣстѣ, го-

ристомъ и лѣсистомъ. Но чего не достигаетъ человѣческое искусство! Теперь считается ихъ 150 семей, живутъ себѣ покойнѣе, чѣмъ прежде на родинѣ; собираютъ много льну, шелку и плодовъ. На зарѣ я видѣлъ, что множество женщинъ и дѣвухекъ трепали ленъ точно такимъ же образомъ, какъ у насъ въ Италіи; веселыя, онѣ встрѣчали восходъ солнца пѣснями¹.

Вспомнимъ, что въ окрестностяхъ Никеи издавна были поселенія Славянскія. На западъ отъ Никеи, въ верстахъ полутора отъ Киз-Дербента, на берегу озера Маньяскаго, находится другое Славянское поселеніе, именно Русская колонія, у Турокъ называемая *Козакли*, вѣроятно та самая, что обозначена у Киперта на западномъ берегу Маньяскаго озера подъ тѣмъ же названіемъ (*Kazacly*).

Первое о ней извѣстіе сообщилъ ученый Англійскій путешественникъ Гамильтонъ. Онъ посѣтилъ ее въ 1837 г. мая 30. «Мы пришли, говоритъ, въ большую деревню, называемую *Казакли*, что на западномъ берегу озера (Маньяскаго). Вступивъ въ нее, я прежде всего былъ пораженъ деревяннымъ крестомъ, возвышавшимся надъ небольшимъ строеніемъ, по всей вѣроятности часовнею, а еще болѣе прекрасною наружностью и Тевтонскимъ (т. е. Европейскимъ) выраженіемъ женщинъ и дѣтей, ихъ чистою одеждою и живостью ихъ движеній, столь противоположною важности Турокъ и равнодушію (*listlessness*) Грековъ. Оказалось, что это Козацкое поселеніе, устроенное Портою по взятіи Измаила Русскими; предки ихъ предпочли Турецкое владычество Русскому. Жители сохраняютъ свой языкъ и свой нарядъ и немногіе изъ нихъ умѣютъ говорить по-Турецки: нарядъ мужчинъ и мальчиковъ состоитъ изъ длиннаго бѣлаго кафтана (*frock*), вышитаго разными цвѣтами внизу и на воротѣ и изъ черной бараньей шапки (Персидской). Съ ними Турки обходятся весьма ласково, они имѣютъ своего старшину, пользуются самоуправленіемъ и не платятъ податей правительству.

---

1. *Slawanka. zur Kenntniss d. alten u. neuen slaw. Literat. d. Sprachkunde nach allen Mundarten, d. Gesch. u. Alterthümer. von I. Dobrowsky. Prag. 1814. I, 86. «Bulgaren in Klein-Asien».*

Озерная рыба и стада ихъ составляютъ главный источникъ ихъ пропитанія¹.

Въ 1850 г. вышло другое, гораздо полнѣйшее описаніе этой Русской М. Азійской колоніи. Авторъ его, Мак-Фарленъ, лично посѣтилъ и подробно описалъ ее, какъ очевидецъ². До личнаго посѣщенія своего Маньясской колоніи, онъ не могъ собрать никакихъ порядочныхъ свѣдѣній. «Такъ одинъ Турецкій эфенди въ Сизикѣ описывалъ Маньясскихъ казаковъ всею спокойнымъ, промышленнымъ и честнымъ народомъ, но очень нелюдимымъ и исключительнымъ; онъ сознавался, впрочемъ, что самъ онъ никогда не бывалъ въ колоніи. Другой Турокъ, напротивъ того, изображалъ ихъ чрезвычайно звѣрскими и находилъ въ нихъ главный порокъ, что они не курятъ табаку. Одинъ Грекъ замѣтилъ, что они не пьютъ ни вина, ни водки и никогда не рѣшатся пить воду изъ того же самаго стакана или сосуда, изъ котораго прежде пилъ кто-либо чужой, былъ ли то христіанинъ или мусульманинъ. Приближаясь къ самой колоніи Мак-Фарленъ наводилъ дальнѣйшія о ней справки и былъ крайне изумленъ, что Турки, въ самомъ близкомъ съ нею сосѣдствѣ, знали о ней очень мало: одинъ молодой Турокъ подтвердилъ ему прежнее сказаніе, что они гнушаются табаку — въ его глазахъ знакъ неизъяснимаго звѣрства. Другіе Турки отдавали казакамъ справедливость, что они очень хорошіе рыболовы, но, впрочемъ, отзывались о нихъ съ презрѣніемъ, какъ о недостойномъ, отверженномъ племени, живущемъ чрезвычайно неопрятно³. Мак-Фарленъ приближается къ Маньясскому озеру. «Вскорѣ — говоритъ онъ — намъ открылся полный видъ Маньяскаго озера и мы увидѣли довольно большое турецкое селеніе, пріятно расположенное на скатѣ холма и спускавшееся

1. *Hamilton (Will. J.) Researches in Asia Minor, Pontus and Armenia. London. 1842. II, 105—106.*

2. *Mac Farlane (I.) Turkey and its destiny. 1850. Vol. I, 475—491.* Г. Свенске представилъ переводъ этого описанія и извлеченіе изъ него въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1855, кн. III, отд. III, с. 1—12. Пользуюсь имъ, нѣсколько дополняя его собственнымъ переводомъ тѣхъ впрочемъ весьма немногихъ мѣстъ, что имѣютъ нѣкоторый интересъ и нѣсколько сокращены у почтеннаго ученаго вашего.

3. См. Г. Свенске (Вѣстн.) «Русская колонія въ Малой Азіи. С. 2.

до самаго края озера. Проѣхавъ небольшую рощу малорослыхъ дубовъ и миновавъ пространное Турецкое кладбище, мы увидѣли передъ собою казацкое селеніе (у Турокъ — Козакли), лежащее на самомъ берегу озера. Людей не было видно вовсе.

Прибывъ въ селеніе въ 10 часовъ утра (18 Ноября 1847 г.), мы вступили въ него хорошею, просторною, прямою улицею, спускающеюся къ озеру. Все еще намъ не попадалось на глаза ни одной души. Дома по обѣ наши стороны казались опрятнѣе и несравненно лучше поддерживаемыми, чѣмъ всѣ доселѣ нами встрѣченныя; но мы могли видѣть только малую ихъ часть, потому что каждый домъ стоитъ посреди огороженнаго двора и обращенъ къ улицѣ только одною стѣною двора, воротами и запертою калиткою. По достиженіи края озера мы замѣтили нѣсколькихъ очень бѣлокурыхъ дѣтей, опрятно и хорошо одѣтыхъ, а потомъ двухъ или трехъ очень рослыхъ и стройныхъ женщинъ въ коротенькихъ юбкахъ. Всѣ онѣ казались застѣнчивыми и мало понимавшими, что бымо имъ сказано по Турецки. Наконецъ онѣ смекнули, что мы спрашиваемъ, гдѣ находится домъ ихъ бей или старосты. Маленькій мальчикъ не подходя къ намъ близко, подалъ знакъ, что покажетъ намъ дорогу. Онъ повелъ насъ нѣсколько вверхъ по улицѣ, которою мы спустились, и постучался у одной весьма красивой двери. Сначала по открытіи дверей показалась высокая, худощавая, старая женщина, но, увидѣвъ насъ, тотчасъ скрылась, не говоря ни слова и не подавъ намъ ни малѣйшаго привѣтствія или поклона. Спустя нѣсколько минутъ вышелъ самъ старый бей и, оставаясь у своего порога, не сдѣлалъ намъ приглашенія переступить черезъ него. Онъ довольно хорошо говорилъ по-Турецки и былъ высокаго роста, съ густою бородой и чистой, почтенной наружности. На вопросы, которые мы предложили ему относительно этой любопытной колоніи, онъ отвѣчалъ намъ коротко, но довольно вѣжливо; сказалъ однако, что боится впустить насъ въ свой домъ или ближе подойти къ намъ, потому что слышалъ отъ своихъ людей, что въ Константинополѣ жестоко свирѣпствуетъ холера.

Сколько ни ошибочно, вѣроятно, мнѣніе насчетъ заразительности ея и какъ намъ ни была непріятна его осторожность,

однако мы не могли не принять ее за нѣкоторое доказательство цивилизаціи.

Мы спросили, гдѣ найти намъ священниковъ, какъ тѣхъ лицъ, отъ которыхъ надѣялись получить желаемыя нами свѣдѣнія о колоніи. Бей, имѣвшій патриархальную осанку, сказалъ, что укажетъ намъ дорогу къ ихъ дому, и, надѣвъ на голыя свои ноги туфли, вышелъ и проводилъ насъ внизъ по улицѣ, держась однако нѣсколько поодаль отъ насъ. Дойдя до конца улицы, мы узнали, что священники отправились на рынокъ или армарку въ недалній Турецкій городъ.

Между-тѣмъ, вышли и другія женщины и дѣти; но всѣ онѣ держались въ отдаленіи, и въ то время, когда я занялся снятіемъ небольшого эскиза части озера, бей повернулъ назадъ къ своему дому, безъ всякихъ разговоровъ. Мы уже стали было думать, что казаки дѣйствительно заслуживаютъ упрекъ нелюбимости и холодности, дѣлаемый имъ Турками и Греками. Но какъ съ беемъ можно было объясняться на понятномъ намъ языкѣ, чего, повидимому, нельзя было ни съ кѣмъ другимъ въ деревнѣ, и какъ мы были очень голодны, то скоро послѣдовали за старикомъ и постучались вновь у его дверей, чтобы предложить еще нѣсколько дальнѣйшихъ вопросовъ и попросить его, чтобы онъ далъ намъ хотя нѣсколько хлѣба. Мы сказали ему, что если онъ опасается насъ, то мы будемъ держать свою трапезу внѣ его дверей на улицѣ: что у насъ, впрочемъ, нѣтъ ни холеры, ни другой какой-либо болѣзни, а только хорошій аппетитъ, а что касается Константинополя, то мы давно не были вблизи его. Мало по малу опасенія старца разсѣялись и онъ пригласилъ насъ къ себѣ въ домъ, самый опрятный и безспорно красивѣйшій, который мы видѣли въ М. Азіи. Первая горница, въ которую мы вошли, была просторная гостиная, самый лучшій покой во всемъ домѣ. Она была около 50 футовъ длиною и 25 шириною; стѣны ея были хорошо оштукатурены и выбѣлены, и на нихъ не видно было ни одного пятна грязи и ни малѣйшей пыли. Кровля безъ всякаго промежуточнаго потолка была изъ камыша, красиво вырѣзаннаго и сложеннаго внутри; полъ состоялъ изъ песку, смѣшаннаго глиною, и былъ мѣстами выложенъ раковинами и кремешками. Вокругъ всего

покою находился выступъ изъ стѣнъ, фута въ два шириною и почти такой же вышиною, и этотъ выступъ служилъ вмѣсто дивана. Противъ самаго входа были большія открытыя двери, которыя въ холодную погоду завѣшивались коврами, и чрезъ это-то отверстіе могли мы видѣть небольшой, крѣпко огражденный заборомъ огородъ, по обѣимъ сторонамъ котораго были расположены небольшія спальни и другія комнаты. У самаго конца сада была перегородка изъ высокаго камыша или озернаго тростника, красиво поставленная и перевитая: а позади ея находился птичій дворъ, вблизи же, но нѣсколько въ сторонѣ другая подобная же стѣна, за которою скрывалась кухня; хорошая, широкая, гладкая дорожка, красиво выложенная камнями, вела отъ залы до конца сада. Все носило печать первобытной простоты, но было красиво, порядочно и чрезвычайно чисто, и все это произведено руками казаковъ.

«Бей своими собственными руками положилъ передъ нами на столъ хлѣбъ и луковицы и велѣлъ своей дочери, высокой, стройной и опрятной женщицѣ, сварить нѣсколько свѣжихъ яицъ. Мука была лучше смолота и хлѣбъ вообще лучше всякаго другаго, который мы отвѣдывали въ М. Азіи. Спустя немного вошелъ другой старый сѣдой казакъ, а вслѣдъ за нимъ смуглый, небольшого роста мужчина въ мѣшковатомъ платьѣ изъ крѣпкаго, но грубаго сукна. Послѣдній былъ одинъ изъ учителей колоніи, потому что у казаковъ заведена даже и школа. Онъ показался мнѣ лѣтъ отъ 30 до 40, говоритъ по-Турецки, хотя не очень плавно, и сказалъ намъ, что ему 38 лѣтъ отъ роду, и что онъ былъ первое дитя, родившееся въ колоніи, со времени ея основанія.

За завтракомъ своимъ мы предлагали бею разные вопросы насчетъ колоніи. Мы узнали отъ него, что она состоитъ изъ донскихъ казаковъ, что, согласно съ преданіемъ, предки ихъ лѣтъ за 280 переселились съ Дона на Дунай; но когда Дунайская колонія размножилась до того, что уже не могла достаточно питаться рыболовствомъ, то она лѣтъ за 39 выслала отъ себя человекъ около 300, и что за исключеніемъ немногихъ, умершихъ на пути, эта отрасль Дунайской колоніи, принятая подъ покровительство султаномъ, прибыла къ Маньясскому озеру и

поселилась въ такомъ мѣстѣ, гдѣ хорошо ловилась рыба и было водяное сообщеніе между озеромъ и моремъ. Дѣтъ же за 14 или 15, воспослѣдовало второе поселеніе туда же съ Дуная. Они вскорѣ размножились; но потомъ число ихъ убавилось отъ многократныхъ посѣщеній чумы. Въ теченіе же десяти послѣднихъ дѣтъ, они были пощажены этимъ бичемъ, и все это время населеніе колоніи постоянно возрастало.

Семейства этихъ сыновъ Дона были вообще многочисленны, и дѣти ихъ отецъ сильны и здоровы. Климатъ не производилъ на нихъ никакого дѣйствія: они едва знали, что такое злокачественная лихорадка (*malagia fever*), хотя окрестности озера слывутъ весьма благопріятными развитію этой губительной заразы, и живущіе въ бассейнѣ его Турки безпрестанно страдаютъ отъ перемежающихся лихорадокъ¹. Видѣлъ не только всѣхъ дѣтей, но и всѣхъ взрослыхъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, подтверждалъ справедливость вышеприведеннаго замѣчанія: всѣ они отличались здоровьемъ, свѣжестью и силой. Нѣкоторыя изъ дѣтей были очень пригожи, съ голубыми глазами и съ бѣлыми, какъ ленъ, волосами. Лицемъ они очень похожи на юныхъ нашихъ Нортумберландцевъ, дѣтей югозападнаго берега Шотландіи, въ которыхъ много Датской крови. Самъ бей и другіе старцы не имѣли, за исключеніемъ длинной ихъ бороды, ничего восточнаго, а напротивъ видѣ совершенно западно-Европейскій. Бей съ возвышеннымъ челою и съ орлинымъ носомъ. Мы замѣтили здѣсь только одно калмыцкое лице, именно у школьнаго учителя, родившагося въ колоніи. Колонія нынѣ считаетъ 300 домовъ и 5 церквей. Намъ сказали, что въ селеніи 5 школьныхъ учителей и два священника; что эти послѣдніе Русскіе уроженцы и что они ушли на ярмонку. Козаки питаютъ ненависть къ Россіи; однако вся ихъ образованность идетъ оттуда. Дѣти учатся читать и писать по Русски. Всѣ ихъ книги Московской печати. Бей показывалъ

---

1. Вѣроятно, Донскіе переселенцы спасаются отъ нея чистотою, опрятностью и порядкомъ, наблюдаемыми ими во всемъ ихъ быту. Не служитъ ли это доказательствомъ, что климатъ Малой Азіи былъ бы гораздо здоровѣе, если бы она была обитаема племенемъ болѣе чистоплотнымъ и менѣе небрежнымъ, нежели Османлы?

намъ огромный томъ, въ кожаномъ переплетѣ съ деревянными застежками; кажется то была Священная Исторія съ молитвословомъ Православной Церкви; книга весьма чисто напечатанная на плотной бумагѣ, но заглавнаго листа недоставало. Другія ихъ книги церковныя, народныя, сказки и повѣсти. Школьный учитель обѣщалъ показать три или четыре весьма старыя рукописи, но Богъ вѣсть почему, не сдержалъ своего слова.

Сравнительно высокое образованіе Донскихъ козаковъ, ихъ трудолюбіе и порядокъ, чистота и красивость ихъ жилищъ хорошо извѣстны. Колонія этого племени, расположенная на островахъ, озерахъ и тоняхъ Нижняго Дуная, состоитъ въ случайныхъ сношеніяхъ съ своею родною общиною на Дону, а отрасль Маньясская пребываетъ въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Дунайскою. И такъ длинною и любопытною цѣпью Русско-козацкое образованіе оживляется и поддерживается въ этомъ углу Малой Азіи.

Хозяева наши дѣйствительно гнушались табакомъ, какъ курительнымъ, такъ и нюхательнымъ; но они отрипали, будто не любятъ вина, водки или какихъ-либо хорошихъ крѣпкихъ напитковъ. Это утверженіе они доказали на дѣлѣ, весьма дружелюбно прибѣгая къ нашей флягѣ. Намъ было сказано, что они не пьютъ изъ того же стакана или рюмки, изъ которыхъ прежде пилъ кто либо чужой, и что если сосудъ принадлежитъ имъ самимъ, то въ этомъ случаѣ разбиваютъ его на куски и бросаютъ въ сорную яму, какъ вѣчто опоганенное или оскверненное. Они увѣряли насъ, что это только справедливо въ отношеніи къ мусульманамъ, и что они не пьютъ изъ того же сосуда послѣ Турка, потому что онъ всегда куритъ табакъ и не христіанинъ. Но они не обинуясь пили изъ одного и того же кубка съ нами. Отъ куренія табаку они воздерживаются. Мы замѣтили имъ, что большая часть христіанъ, живущихъ, какъ и они, посреди водъ и въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстностяхъ, очень преданы куренью табаку, которое въ извѣстной степени и въ такихъ случаяхъ даже полезно для здоровья. Но они не хотѣли и слышать объ этомъ: если табакъ и полезенъ тѣлу, то онъ разстраиваетъ и губитъ душу, кто куритъ, тотъ уже не христіанинъ, такъ и Москали потому не христіане; Турки

только и дѣлають, что курять; они поганые и за свое куренье пойдуть во тѣму кромѣшную.

Ни Русскихъ, ни Грековъ они не считаютъ настоящими христіанами; говорятъ про нихъ, что они вдались въ ереси, ввели новые обычаи и обряды и удалились отъ истинной старой вѣры, которая сохраняется только у Донскихъ козаковъ, да еще у немногихъ другихъ, живущихъ въ Россіи. Наши Маньяскіе пріятели знаютъ царя Московскаго, падишаха Турецкаго, цесаря Австрійскаго; у нихъ сохранились страшныя преданія о войнѣ 1812 г.; о другихъ же государяхъ, странахъ и народахъ они имѣютъ самыя неясныя понятія. Такъ бей спросилъ у меня, принадлежитъ ли наша земля, Англія, Французамъ? Музыкальныхъ инструментовъ у нихъ вовсе не имѣется, но праздникамъ же они поютъ пѣсни хоромъ и пляшутъ подъ нихъ.

Нынѣ въ Маньяской колоніи считается до 500 взрослыхъ мужчинъ. Они пользуются льготой отъ плажежа податей, въ случаѣ войны обязаны только поставлять султану извѣстное число всадниковъ, именно половину числа способныхъ носить оружіе. По ихъ словамъ, въ гибельную для Турціи войну 1828—29 годовъ, они поставили 160 воиновъ, вооруженныхъ пиками и служившихъ въ иррегулярной конницѣ. Иные изъ нихъ были убиты, другіе умерли отъ болѣзней между Варною и Дунаемъ, но большая часть здраво и невредимо воротилась къ Маньяскому озеру. Они очень крѣпкаго сложенья, и каждая изъ женщинъ, которыхъ мы видѣли, казалась какъ бы рожденною быть матерью гренадеровъ. Между тѣмъ, какъ мы бѣсѣдовали съ беємъ, женщины его дома входили и выходили по своимъ домашнимъ дѣламъ безъ всякаго замѣшательства: онѣ, казалось, вовсе не замѣчали насъ и нисколько не смущались нашимъ присутствіемъ, а между тѣмъ иностранцы для нихъ диковинка. Онѣ чрезвычайно трудолюбивы, расторопны и ловки: всѣ обладали удивительною сноровкою. Одна пожилая женщина принесла какую то жалобу къ бею, который и старшина и судья колоніи. Она стояла прямо посреди горницы въ позиціи древняго витія, и одно мгновеніе точно имѣла позу дивной старинной Греческой статуи, слывущей подъ именемъ Аристыда

Праведнаго. Она говорила съ важною и силою, безъ крика и площадныхъ манеръ. Я желалъ бы, чтобъ иныя изъ ораторовъ нашей Нижней Палаты присутствовали притомъ, чтобы взять себѣ назидательный урокъ отъ этой козацкой дамы. Хотя мы ни слова не поняли изъ того, что она говорила, однако мнѣ стало жаль, когда она окончила свою рѣчь.

Турокъ они презираютъ: «когда приходятъ они къ намъ безъ своего табаку и чубуковъ, то мы ихъ пускаемъ въ селеніе и позволяемъ имъ сидѣть внѣ домовъ нашихъ; но если приходятъ они сюда съ шумомъ и буйствомъ, какъ они это обыкновенно дѣлаютъ въ Греческихъ деревняхъ, то мы выгоняемъ ихъ дубинами. Но они почти никогда не тревожатъ насъ. Турокъ не можетъ путешествовать и совершенно пропасть бы безъ трубки, а мы не терпимъ здѣсь курителей табаку, не хотимъ, чтобы деревня наша опоганилась. Поэтому они держатся поодаль отъ насъ и почти ничего о насъ не знаютъ. Мы ходимъ въ ихъ города и деревни и справляемъ тамъ немногія свои дѣла, но всегда принимаемъ осторожность не оставлять нашего села безъ надлежащаго прикрытія. Еслибъ мы этого не соблюдали, дома наши давно уже были бы сожжены и разграблены, и Богъ вѣсть, что случилось бы съ нашими женами и дѣтьми. Но нынѣ Турки довольно покойны. Кругомъ насъ Турки всѣ трусливы, какъ бабы. Только шалать нѣкоторые изъ нихъ на озерѣ Аполонійскомъ».

Политическія учрежденія колоніи весьма демократическія, хотя едва ли достаточныя для теоретиковъ 1848 г., ибо прекрасный полъ не имѣетъ права голоса, а у мужчинъ онѣ оставались на всеобщей подачѣ голосовъ (universal suffrage). Они преимущественно пользуются этою свободою при избраніи гетмана или бея. При такихъ выборахъ старѣйшины и отцы семействъ собираются въ главной церкви и подаютъ свои голоса одинъ за другимъ, безъ всякой балотировки, и тотъ изъ кандидатовъ, который имѣетъ за собою большинство голосовъ, становится беемъ, правителемъ, судьей на одинъ годъ. Иногда любимый бей удерживаетъ это званіе и два года сряду безъ новаго выбора. Въ важныхъ случаяхъ бей созываетъ совѣтъ старѣйшинъ. На рѣшеніе бея въ совѣтѣ уже нѣтъ никакой даль-

нѣйшей аппеляціи. Впрочемъ, распрей въ общинѣ бываетъ немного, потому что они народъ спокойный и порядочный и рѣдко между собою ссорятся, развѣ иногда за чароку вина. У нихъ вовсе нѣтъ тюрьмы. Нынѣшнему бею было 75 лѣтъ отъ роду и онъ имѣлъ видѣ, что проживеть до ста лѣтъ.

Они всего болѣе занимаются рыболовствомъ, потомъ скотоводствомъ, всего менѣе хлѣбопашествомъ. Они содержатъ свой скотъ на прекрасныхъ, обширныхъ, естественныхъ пастбищахъ по обѣимъ сторонамъ селенія, и на зиму припасаютъ сѣно для скота. Почти каждый домъ имѣетъ свои сѣнокосы. Сѣно было хотя и не отличнаго качества, но вкусно и здорово, а не черно, какъ мы то прежде видѣли въ другихъ деревняхъ. Каждый домъ, кажется, имѣлъ также свою лошадь. Мы видѣли въ деревнѣ нѣсколько хорошихъ быковъ и двѣ или три порядочныя коровы. Если поселенцы не заняты рыбною ловлею или приготовленіемъ рыбъ, то они пускаются въ извозничество, перевоза для Турокъ разные товары и произведенія изъ города въ городъ; ихъ арбы или телеги, собственной ихъ постройки, несравненно лучше всѣхъ, которыя мы видѣли въ этомъ краю или даже въ Румиліи. Возвращаясь домой изъ своего извозничества, за которое берутъ съ Турокъ особую наличную плату, они нагружаютъ свои арбы пшеницею, ячменемъ, овсомъ и проч., для собственнаго своего потребленія. Въ деревнѣ у нихъ были четыре мельницы довольно простой постройки, которыя, однако, гораздо лучше исправляли свое дѣло, чѣмъ турецкія.

Лодки ихъ, видѣнные нами на озерѣ, выдолблены изъ дерева, какъ челноки Индѣйцевъ. Онѣ очень тонки по бокамъ, но внутри скрѣплены ребрами. Дерево, обыкновенно ими на этотъ конецъ употребляемое, есть малорослый, толстый, черный тополь тамошнихъ краевъ, дерево котораго чрезвычайно легко. Онѣ съ обѣихъ концовъ остры, не плоскодонны, а имѣютъ, напротивъ того, дно круглое, безъ всякаго кила. На этихъ не большихъ утлыхъ ладьяхъ, козаки ловятъ рыбу въ Маньяскомъ озерѣ, плывутъ по рѣкѣ Кара-дере, текущей изъ озера въ Рындакъ, спускаются по Рындаку въ Мраморное море, переплываютъ это море до Родоста и Галлиполи, проходятъ чрезъ Дарданеллы, въ верхъ по Эносскому заливу къ Адрианю-

полю, или въ верхъ по Солунскому заливу до Солуня; или же, принимая противоположное направленіе, пересѣкаютъ Пропонтиду до Сививрии, оттуда идутъ въ Царьградъ и на сѣверъ чрезъ Босфоръ и въ верхъ по бурному Черному морю къ устьямъ Дуная. Англійскіе купеческіе моряки не рѣдко съ изумленіемъ видятъ ихъ во время этихъ поѣздокъ. Одинъ членъ Американскаго посольства однажды крайне изумился, увидя двѣ изъ такихъ лодокъ, по видимому, не толще орѣховой шелухи, далеко въ морѣ, несомыя вѣтромъ въ Черноморскую бурю. Если вѣтеръ не силенъ и попутенъ, они пользуются небольшимъ парусомъ, но по большей части идутъ на валахъ, близко придерживаясь берега. Нерѣдко они берутъ съ собою въ эти дальнія поѣздки также своихъ женъ и дѣтей. У каждаго изъ нихъ есть родственники и друзья между дунайскими козаками, и нѣкоторыя изъ ихъ семействъ, черезъ каждыя два или три года, посѣщаютъ своихъ родныхъ. На вопросъ: не погибаютъ ли нѣкоторые изъ нихъ на морѣ? они отвѣчали: «очень рѣдко». Дѣло въ томъ, что они отличные знатоки погоды и принимаютъ всевозможное стараніе, чтобы не быть въ морѣ во время бури. Если погода ненадежна, они не пересѣкаютъ Мраморнаго моря или какого либо изъ его заливовъ, а плывутъ вдоль берега, пока не дойдутъ до Дарданелль или Босфора. По долговременному навыку они знаютъ всѣ бухты и губы вдоль по берегамъ, и въ случаѣ противныхъ вѣтровъ втаскиваютъ легкіе свои челноки на какой либо уединенный берегъ и остаются тамъ, пока не утихнетъ буря¹. Сверхъ того они могутъ обыкновенно рассчитывать на три или четыре мѣсяца благопріятной погоды въ году. Въ эти жаркіе мѣсяцы случается, что они принужде-

---

1. Г. Броунъ, членъ Американскаго посольства, посѣтилъ другую Козацкую колонію на Дерконскомъ озерѣ, на Европейской сторонѣ Чернаго моря, верстахъ въ 45-ти отъ Константинополя. Онъ удостовѣрился, вмѣстѣ со своимъ спутникомъ, Бельгійскимъ пасторомъ, что это также Донскіе Козаки и только часть того племени, которое поселилось на Маньяскомъ озерѣ. Во время его посѣщенія на лицѣ было не болѣе 50 Козаковъ. Мѣстоположеніе живописно и прекрасно. Это озеро Дерконъ должно быть хорошо ставнѣю во время плаванія ихъ къ Дунаю и обратно. — Примѣч. Магъ-Фарлена.

ны бывают перевозить свои челноки на арбахъ сухимъ путемъ: въ одно очень знойное лѣто рѣка Кара-дере изсыкла, начиная отъ устья своего на озерѣ внизъ до Балукли: посему они волокомъ перетасили свои лодки отъ береговъ озера до одной знакомой имъ мызы и тамъ, снявъ ихъ съ своихъ арбъ, снова спустили на воду.

Отобравъ отъ бея всѣ эти свѣдѣнія, мы распространились съ нимъ и прошли съ полчаса по этой любопытной колоніи. Это была довольно длинная деревня, отдѣленная большимъ пустымъ пространствомъ, на которомъ стояли вѣтряныя мѣльницы. Простые дома были хотя и не такъ шеголеваты, какъ домъ стараго бея, однако очень красивы и опрятны, т. е. судя по наружности, потому что холя путешественники входили въ небольшіе ихъ дворы или садикъ, но ни одинъ изъ обывателей не приглашалъ ихъ войти далѣе. Очевидно, что они были нѣсколько нелюдины; но надобно принять въ расчетъ и то, что они боялись холеры, и что мужчины были всѣ въ отлучкѣ, въ путешествіяхъ или для рыбной ловли на верхнемъ краю озера. Мы почти никого не видѣли дома или на улицѣ, кромѣ женъ и дѣтей: а эти не говорятъ по турецки. Женщины всѣ были босоноги и въ коротенькихъ юбкахъ, едва достигающихъ до икоръ. Впрочемъ одежда ихъ изъ бумажной ткани очень красива и опрятна. На головѣ онѣ носятъ яркаго цвѣта бумажный платокъ, повязанный не въ видѣ чалмы, а просто какъ платокъ. Одежда дѣтей болѣе чѣмъ красива: она изящна и живописна; мальчики носятъ родъ кафтанчика (tunic), спускающагося нѣсколько пониже колѣна и шальвары. И то и другое изъ крѣпкой, толстой бѣлой бумажной матеріи, покупаемой въ довольно отдаленномъ городѣ Балукъ-Гиссаръ, гдѣ ежегодно бываетъ важная для этой части Анатолиі ярмонка. Кафтанчикъ красиво окаймленъ вокругъ шеи и внизъ по груди разными яркими тесьмами. Одежда стараго бея была такая же точно, какъ и мальчиковъ, за исключеніемъ красивыхъ каемъ. Толстая бумажная матерія кафтана такъ же тепла, какъ сукно. Мужчины всѣ носили мѣховую или кожаную шапку, плотно прилегающую къ головѣ.

Двѣ главныя церкви очень красивы, просты и опрятны;

одна изъ нихъ снаружи оштукатурена и выбѣлена. Обѣ снабжены крестами, которыя смѣло возвышаются съ лицевой стороны зданія и обѣ крыты красной черепицей, тогда какъ всѣ прочіе жилые дома крыты камышемъ. Этотъ озерный тростникъ, достигающій здѣсь высокаго роста, служитъ для много-различныхъ употребленій, какъ бамбуковый въ Китаѣ. Козаки дѣлаютъ изъ него прочныя заборы, разнаго рода перегородки, лѣтніе паруса для своихъ судовъ, вѣри для ловли рыбъ, ковры для лежанія, покрывала для своихъ арбъ, а дѣти дѣлаютъ изъ нихъ стрѣлы, которыми иногда убиваютъ плавающихъ рыбъ. Съ одного конца селенія до другаго вездѣ чистота, порядокъ, дѣятельность и сравнительно съ другими мѣстами въ этомъ краю нѣкоторое изобиліе и благосостояніе».

Другая извѣстная Русская колонія въ М. Азіи т. е. третье Славянское въ ней поселеніе, лежитъ недалеко отъ Синопа. Образованіе ея произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ: въ 1708 г. Некрасовъ съ 7 или 8,000 человекъ пошелъ на Кубань. Султанъ далъ имъ земли для поселенія, освободилъ отъ податей и даровалъ многія другія преимущества. Они поселились въ Тамани, въ 30 верстахъ отъ моря и выстроили 3 городка: Ханъ Тюбе, Кара Игнатъ и Себелей. «По прежней привычкѣ они ходили по Черному Морю для грабежа, въ числѣ 500 человекъ служа Крымскимъ Ханамъ; нерѣдко хищникамъ бусурманскимъ показывали дорогу къ Царицыну, къ Черкаску и посредствомъ прежнихъ своихъ пріятелей заводили на Дону смуты¹. Въ Турецкую войну (1736—9 г.) Донскіе Козаки съ Калмыками сожгли Ханъ Тюбе и много скота отогнали. Некрасовцы, скрывшись въ горахъ, возвратились на прежнее жительство по минованіи уже войны. Въ 1777 г., когда Кубань сдѣлалась Россійскою границею, Некрасовцы отошли къ теперешней Анапѣ и поселились на земляхъ Абазинскаго поколѣнія Шегани, между рѣчкою Заны и моремъ. По присоединеніи же Крыма къ Россіи, они удалились въ Анатолію, гдѣ близъ

1. Точно такъ и Славяне Азіійскіе не прерывали своихъ связей съ земляками своими въ Болгаріи и Сербіи, или Славяне Азіійскіе между собою, т. е. Арабскіе съ оставшимися вѣрными имперіи.

Синопа у пригородка Чершамба, поселились. Изъ Азіи выгнала ихъ чума и наши раскольники, переплывъ море, водворились на р. Днѣстрѣ, въ 80 верстахъ выше Овидіополя, въ слободѣ Чобругахъ. Наконецъ, не хотя быть Русскими (т. е. подданными), въ 1787 г. отошли въ Булгарію къ рѣчкѣ Дунавцу и озеру Розельмъ. Въ селеніи ихъ Дунавцы считалось до 1,200 дворовъ; въ другомъ селеніи Сахъ-Кіюй, жили тѣ изъ ихъ собратій, которые при Биронѣ бѣжали за границу¹. Сихъ послѣднихъ Донскіе выходцы, принадлежавшіе къ самой закоснѣлой сектѣ суевятовъ, въ совмѣстное съ собою жителство не принимали, и даже въ родство съ нимъ не входили. Некрасовцы, служа султанамъ, во время войны выходили въ поле, въ числѣ 3000 человекъ, почитавшихся въ Турецкой арміи храбрѣйшими наѣздниками». Въ 1828 г. Некрасовцы добровольно предались Русскому правительству и присягнули Государю². Приведенное нами извѣстіе Броневскаго о Некрасовцахъ не совсѣмъ вѣрно. Не всѣ Некрасовцы ушли изъ подъ Синопа: понынѣ часть ихъ живетъ неподалеку отъ Синопа, въ урочищѣ Кизиль-Ирмакъ или Куджувасъ. Вотъ подлинныя слова одного Кавказскаго старожила: «Свѣдѣнья эти (о Некрасовцахъ, тѣ же, что сообщены выше) сообщены мнѣ Черкасскими старожилами въ то время, когда я жилъ между непокорными Натухажцами, т. е.

1. Болтинъ такъ говоритъ о времени Бироновскою: «Въ городахъ бряцанія кандаловъ, жалобныя гласы колодниковъ, просящихъ милостыню отъ проходящихъ, воздухъ наполняли. Изъ порубежныхъ провинцій многія тысячи крестьянъ, бѣжавъ съ женами и съ дѣтьми, поселились въ Польшу, Молдавію и Валахію. (Примѣч. на Ист. древн. и нов. Россіи Г. Леклерка. Соч. Ив. Болтина. Спб. 1788. II, 469). А въ другомъ мѣстѣ, говоря о народонаселеніи Россіи въ періодъ 1721—1783 г., онъ замѣчаетъ: «Сколько за границу ушло точно сказать не могу; но судя по великимъ слободамъ Русскихъ крестьянъ, поселенныхъ въ Бѣлоруссію, Польшу, Литву, Валахію, Молдавію и даже за Дунаемъ въ Болгарію, не менѣе 250,000 душъ полагаю». (II, 323). Не мѣшаетъ при семъ вспомнить, что Кіевляне 1068 г., когда Іюславъ Ярославичъ привелъ на нихъ Ляховъ (землю Лядскую), послали сказать Святополку и Всеволоду: «а пондета въ городъ отца своего; ащелм не хочета, то намъ неволя: зажегше градъ свой, ступимъ въ Греческу землю». (Р. Л. I, 74).

2. Исторія Донскаго войска. Влад. Броневскаго. Спб. 1834. I, 269.

въ 20-хъ годахъ. Въ памяти твердо сохранилось воспоминаніе о прибытіи къ нимъ, а въ послѣдствіи и объ отплытіи Казаковъ въ Анатолю. По изустнымъ преданіямъ они извѣстны до сей поры у Черкесъ подъ двоякимъ названіемъ: Джилаль-Казакъ и Урусезій. Проживъ долгое время на восточномъ берегу Чернаго моря, гдѣ, по обязанностямъ службы, я имѣлъ частыя сношенія съ Турками, прибывавшими къ намъ по торговымъ дѣламъ изъ разныхъ мѣстъ Анатоли, я окончательно убѣдился въ существованіи другой Русской колоніи (первая на берегу Маньяскаго озера) въ Малой Азій, недалеко отъ Синопа¹.

При устьи одного изъ рукавовъ р. Галиса или нынѣшняго Кизиль-Ирмакъ находится гористая мѣстность, называемая *Загора* или *Загоры*, и другая мѣстность *Кополя* (?)² — названія Славянскія, указывающія на бытность въ этихъ мѣстахъ Славянскихъ поселеній. «Еще далѣе на востокъ, — говоритъ Шафарикъ, — если вѣрить въ этомъ случаѣ одному Греческому духовному, видѣвшему то собственными глазами, находятся на томъ же Евксинскомъ поморьѣ, въ окрестностяхъ гор. Трапезунта, нѣсколько селеній, обитаемыхъ Славянами».

Вотъ, сколько мнѣ извѣстно, всѣ нынѣшнія наши свѣдѣнія о современныхъ Славянскихъ поселеніяхъ въ Малой Азій. Не трудно замѣтить ихъ неудовлетворительность; желая посильно способствовать приведенію этого предмета въ должную ясность, не могу въ заключеніе не обратить вниманье читателя еще на одно обстоятельство. Г. профессоръ Мухлинскій въ своемъ изслѣдованіи о Литовскихъ Татарахъ, слѣдуя Убичини, указываетъ на три Татарскихъ колоній въ Турціи, жители которыхъ рѣзко отличаются отъ прочаго Турецкаго населенія и костюмомъ и типомъ: одна находится надъ р. Кизиль-Ирмакъ, дру-

1. См. ст. «Еще Русская колонія въ Малой Азій», въ газ. «Кавказъ», потомъ переп. въ газ. «Русскій Инвалидъ» 1856, 3 марта и «Спб. Вѣдом.» 1856, 6 марта. Объ этой же колоніи см. Rottiers Itinéraire de Tiflis à Constantinople. 1929. p. 27 C'est sur ce fleuve (Kizil-Irmak), dans des vallées fertiles, au dessus de Bafra, qu'habitent les cosaques Zaporovi (sic).

2. Rottiers — l. l. A l'embouchure d'une des branches du Kizil Irmak, on aperçoit les ruines de Zagora et de Kopolea anciennes colonies Slaves (p. 274).

гая недалеко отъ Бруссы, третья въ Добруджѣ. Число этихъ колонистовъ простирается до 35,000 душъ¹.

Убичини, а за нимъ г. Мухлинскій, не ошиблись ли здѣсь, принявъ двѣ описанныя нами Русскія колоніи за Татарскія?

W. Въ Молдавіи и Буковинѣ есть также Русскія поселенія. Какъ по важности этого предмета, такъ и по нѣкоторымъ отношеніямъ ихъ къ колоніямъ Мало-Азійскимъ, я рѣшаюсь привести о нихъ нѣсколько данныхъ.

Объ этихъ Русскихъ колоніяхъ сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ извѣстій почтенный инокъ Пареевій, самъ лично посѣдившій ихъ, менѣе 20-ти лѣтъ тому назадъ.

Такъ въ Буковинѣ, въ верстахъ пяти отъ города Сочавы, въ селѣ *Соколницы*, живутъ наши раскольники: «говорятъ и одежду носятъ по-Великороссійски»². Въ двухъ верстахъ отъ этого селенія стоитъ православный монастырь Драгомирна³. Въ

1. Г. Мухлинскаго — изсл. о проих. и сост. Лит. Татаръ. (Актъ Спб. Унив. 1887. С. 153). Ubicini — Lettres sur la Turquie. Paris. 1853. p. 23.

2. Сказ. о стр. и пр. I, 19.

3. «Богослуженіе и теперь совершается въ немъ большею частью по-Русски. Сверхъ того, находятъ въ немъ кое-какіе остатки нѣкогда весьма значительной коллекціи рукописей Славяно-Русскихъ, собранію которыхъ начало положилъ еще основатель монастыря, ученый митрополитъ Сучавскій Анастасій Крымковичъ, происхожденіемъ и воспитаніемъ Русскій. Другіе памятники, свидѣтельствующіе о прежнемъ библиографическомъ богатствѣ этой коллекціи, не извѣстно какими путями зашли въ библиотеки Вѣнскую и Дрезденскую, гдѣ блондятся донынѣ». (Ст. Надеждина Объ этнограф. изученіи народа Русской, въ Зап. Геогр. Общ. I, 175. Прим.). Инокъ Пареевій говоритъ про себя — «пошелъ во Австрійскія владѣнія, во страну Буковину, къ своимъ Русскимъ». (I, 18). «Въ Буковинѣ все больше православные. Епископъ живетъ въ Черновицахъ, гдѣ впрочемъ и православныхъ немного, а болѣе Нѣицы». (20). Вотъ описаніе Пареевіемъ нѣкоторыхъ монастырей: *Сочевница*, въ которомъ «хранится драгоцѣнный крестъ, украшенъ алатомъ и каменіемъ драгимъ; пожертвованъ Россійскимъ благочестивымъ царемъ Θεодоромъ Иоанновичемъ въ великій скитъ. Но когда Австрійскіе императоры скитъ великой разорили и упразднили, то монахами сей крестъ перенесенъ въ монастырь Сочавицу, гдѣ и донынѣ хранится. 3-й *Молдавица*; стоитъ внутри горъ Карпатскихъ на р. Молдавіи. 4. монаст. *Драгомирна*, что близъ Сочавы, въ кото-

40 верстахъ отъ Сочавы «есть великое Русское село раскольниковъ, называемое Бѣлая Криница» (тамъ же).

ромъ хранятся раздробленные мощи св. мученика Іакова Персянина. Всѣ сіи монастыри украшены и росписаны иконами стѣннымъ писаніемъ Греческой работы, подобно какъ въ Аеонскихъ монастыряхъ. Монахи живутъ по штату, получаютъ отъ государей Австрійскихъ жалованье, читаютъ и поютъ по штату, по Россійскимъ книгамъ. На ектеніяхъ, поминая Благочестивѣйшаго Россійскаго Императора Николая Павловича, поминаютъ и своего державнаго Цесаря. Но уже монашескихъ правилъ строго не соблюдаютъ; ибо въ Австріи живутъ православные въ великомъ притѣсненіи, и болѣе крестъ несутъ, нежели Греки отъ Турокъ. Впрочемъ говить и притѣсняется не царская власть, но духовная отъ папы Римскаго. (I, 20). Въ XVIII в. Австрійскіе униаты были еще расположены къ нашимъ Русскимъ. Такъ Барскій говоритъ про Львовъ (1723—1724 г.): «тамо есть много страннолюбивыхъ людей отъ Руссовъ духовныхъ и мірскихъ, которые къ намъ весьма благосклонны были; намъ же тые, иже на унию насклонены; въ тайнѣ же быша зѣло православны». Въ XVII в. Львовъ находился въ живыхъ связяхъ съ Москвою. Такъ Юрій Трубецкой доносилъ въ 1674 г., что «пріѣхали изъ Польши въ Кіевъ Польскаго города Львовскаго монастыря церкви св. Іоанна Богослова игумень да два челоуѣка Львовскіе иѣщане, а сказались игумень Іосифомъ зовуть Творянской, а иѣщане, одного Иваномъ зовуть Городецкій, да Микуданъ Перпура; въ прошломъ въ 181 г. авг. въ 24 день, послалъ ихъ изъ Львова Львовской епискупъ Іосифъ Шумлянскій къ Москвѣ, бити челоуѣ тебѣ, вел. госуд., о милостивѣи на строеніе церкви святаго Николая Чудотворца». (Сиб. Сборн. Малор. Д. № 28). Богданъ Хмельницкій не забывалъ о Львовѣ, когда задумалъ освободить народъ Русскій изъ неволи Польской. Въ 1649 г. говорилъ онъ пріѣхавшимъ къ нему Польскимъ комиссарамъ: «теперь не пойду я на войну за границу, не подыму сабли на Татаръ и Турокъ, довольно мнѣ дѣла на Украинѣ, на Подолѣ и на Волынѣ, въ своей землѣ, по Лвовскъ, Хельмъ и Галичъ». (Пам., изд. Кіевск. Врем. Ком. для разбора древн. актовъ. Изд. 2. 1848. I, 330 и сл.). Ковтаринъ говоритъ въ своихъ запискахъ «7 сент. 1476 г. отецъ Стефанъ отправился въ путь свой (въ Венецію), въ сопровожденіи нѣкоего Николая Львовскаго жителя (Nicola da Leopoli), знавшаго хорошо эту дорогу, а я остался въ Москвѣ дожидаться его возвращенія». Янъ Красяскій, въ своемъ сочиненіи о Польшѣ, писанномъ въ 1574 г., говоритъ между прочимъ: «Pod miastem tém (Przemysl) z północnej strony (z wielką dla mieszkańców dogodnością) płynie San, biorący swój początek w Karpatach blisko źródeł Cissy. O kilka dni drogi od tego miasta leży Lublin, gdzie co rok w oznaczonym czasie znakomity odbywa się jarmark, na który przybywają kupcy z różnych krajów, jako to: z Moskwy, Litwy, Tartaryi, Inflant, Prus, Rusi, Niemiec, Węgier, Turcyi, Wołoszczyzny, oraz Ormianie i Żydzi. (J. Krazińskiego Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne Polski w wieku XVI oraz materiały do panow. Henr. Walez. przetłumaczone, zebrane i objaśnione przez Stan. Budzińskiego. Warszawa. 1852. Str. 112).

Въ Молдавіи, въ 100 верстахъ отъ г. Яссь, между рѣками Молдавою и Серетомъ, недалеко отъ гор. Фильтичень, находится Русское раскольниковое село Мануиловка. «Въ селѣ Мануиловкѣ живутъ все Русскіе, больше 100 домовъ, зашедшіе изъ Россіи и поселившіеся здѣсь болѣе 150 лѣтъ. Жители разныхъ сектъ и толковъ. Близъ села находятся три скита: два мужскіе, а одинъ женскій. Монахи и монахини разныхъ селъ». (I, 80).

Въ Браиловъ «живетъ много Русскаго народу, купцовъ и жителей» (II, 37). На разстояніи трехъ часовъ ходьбы отъ Браилова лежитъ Русское село Камень, живутъ въ немъ Некрасовцы. «Они насъ обласкали какъ своихъ земляковъ. Они настоящаго нашего Русскаго языка и всѣхъ обычаевъ. Посреди села — ихъ часовня, на ней кресты и колокола. Ибо они имѣютъ отъ Турковъ уваженіе, потому что служатъ въ Козакахъ и поднимаютъ на Русскихъ руки; за то ихъ и любятъ. Мы спросили ихъ: «можно ли ночевать у нихъ?» Они сказали: «въ какой домъ вамъ угодно, — всѣ съ любовью примемъ; а ежели угодно, то идите въ скитъ къ нашимъ монахамъ, и они рады будутъ вамъ». Мы пошли къ монахамъ». Тутъ сначала приняли ихъ ласково, но когда начались пренія о вѣрѣ, то едва не убили ихъ. (I, 39).

Весьма вѣроятно, замѣтимъ кстати, извѣстное производство Рушукъ отъ Русь.

Не должно однако думать, что Русскія поселенія въ Молдавіи и за Дунаемъ въ Болгаріи, относятся своимъ началомъ къ XVIII вѣку. Онѣ непременно были и раньше: въ XVII, XVI и XV в., когда сношенія Русскихъ съ Молдаванами, Волохами и Болгарами были непрерывныя; они носятъ на себѣ такой характеръ прочности, что должно предполагать непрерывность Русскихъ поселеній въ этихъ земляхъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ. Вспомнимъ только, что, по словамъ Нестора, Русскіе Славяне — «Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви», а драгоценный памятникъ XII в. Слово о полку Игоревѣ говоритъ о Дунаѣ, какъ о Русской рѣкѣ: все радуется освобожденію Игореву — «Солнце свѣтитъ на небеси, Игорьъ князь въ Руской землі; дѣвѣи поють на Дунаи; выютъ вологи

чрезъ море до Кіева» и пр. Несчастный князь Василько хотѣлъ «перейти Болгары Дунайскыѣ, и посадити я у собе» (Р. Л. I, 113); всѣмъ извѣстенъ походъ Святославовъ въ Болгарію (въ X в.)¹; вспомнимъ неудачный походъ Владиміра Ярославича съ воеводою Вышатою противъ Грековъ въ 1043 г. «И поиде Володимерь въ лодьяхъ, и придоша въ Дунай, поидоша ко Царюграду; и бысть буря велика, и разби корабли Руси, а княжь корабль разби вѣтръ, и взя князя въ корабль Иванъ Твориричъ, воевода Ярославъ. Прочіи же вои Володимери ввержени быша на брегъ, числомъ 6000, и хотяче пойти въ Русь, и не иде съ ними никтоже отъ дружины княжее. И рече Вышата: «азъ поиду съ ними»; и высѣде изъ корабля къ нимъ, рекъ: аще живъ буду, то съ ними, аще погыну, то съ дружиною»; и поидоша хотяче въ Русь. И бысть вѣсть Грькомъ, яко избиле море Русь, и посла царь, именемъ Мономахъ, по Руси оладій 14; Володимерь же видѣвъ съ дружиною, яко идуть по нихъ, въспятивъся избиле олады Гречьскыя, и възвратися въ Русь, ссѣлавшеся въ корабли своѣ. Вышату же яша съ изверженными на брегъ, и приведоша я Царюграду, и слѣпша Руси много; по трехъ же лѣтѣхъ миру бывшую, пущенъ бысть Вышата въ Русь къ Ярославу». (Р. Л. I, 66 и сл.). Вспомнимъ, что зять Владиміра Мономаха, Леонъ царевичъ, въ 1116 г. «иде... на куръ Олексія царя, и влася городовъ ему Дунайскыхъ нѣколко; и въ Дельстрѣ городъ лестію убиста и два Сорочивина, посланая царемъ, мѣс. авг. въ 15 день». «Въ се же лѣто, — замѣчаетъ вслѣдъ за тѣмъ лѣтописецъ, — князь великій Володимерь посла Ивана Войтишича, и посажа посадники по Дунаю».

Списокъ городовъ Русскихъ, географическій памятникъ XIV в., несомнѣнно доказываетъ давность поселеній Русскихъ въ этихъ краяхъ. «А се имена градомъ всѣмъ Русскимъ дальнимъ и ближнимъ: на Дунаѣ Видицовъ о семи стѣнь каменныхъ, Мдинъ; обону страну Дуная Тръновъ, ту лежитъ Св. Пятница; а по Дунаю Дрествинъ, Дичинъ, Килія; на устьѣ Дуная

1. Святославъ говорилъ своей матери и боярамъ: «нелюбю ни есть въ Кіевѣ быти, хощу жити съ Перяславци въ Дунаѣ, яко то есть середѣ въ землѣ моей, яко ту вся блага сходятся» и проч.

Новое Село, Аколятра, на море Карна, Каварна; а на сей сторону Дуная: на усть Днѣстра надъ моремъ Бѣльгородъ, Чернѣ, Аскый торгъ на Пруте рѣцѣ, Романовъ торгъ на Молдовѣ, Нѣмечъ¹ въ горахъ, Корочюновъ камень, Сочава, Сереть, Баня, Нечюкъ, Коломбы, Городокъ на Черемошѣ, на Днѣстрѣ Хотѣнъ¹.

1. Ср. Надеждина «О Русск. народн. мнѣ. и саг.» Русск. Бесѣда. 1857. С. 54 и сл. Его же «Объ этногр. науч. народн. Русской» Зап. Геогр. Общ. I. Его же «О пут. по Слав. землямъ» Ж. М. Н. Пр. 1842. Июнь. Шаф. Слав. Древн. § 30. 2. Т. II. Кв. 1. С. 341. Кар. И. Г. Р. IV. Прим. 389. Надеждина говоритъ, какъ очевидно: «въ Молдавіи верхней (Цара-де-Сусъ), въ цинутахъ Ботошанскомъ, Даргогойскомъ, Сучаваѣомъ, Немецкомъ, Бакейскомъ, Романскомъ и Яскокомъ, гдѣ населеніе чисто-Русское, живущее смѣшанно съ Румунами и особлякомъ, безошибочно можно полагать въ нѣсколько тысячъ душъ» (Объ этн. науч. нар. Русск. въ Зап. Г. Общ. I, 170). — Есть Русскія поселенія и въ Валахіи, но меньше чѣмъ въ Молдавіи; однако въ Браиловѣ и окрестностяхъ живетъ много Русскихъ. Есть оны и въ Добруджѣ, особенно велики Русскія поселенія въ Тульчѣ, которыя въ шутку называются *Малыми Адестами*: «тутъ на каждомъ шагу встрѣчаешь Великороссійскую бородку или Малороссійскій чупъ, въ каждомъ почти окошкѣ видишь южно-Русскій очинчикъ или сѣверно-Русскій повойникъ». — «Лучшее зданіе города есть новопостроенная православная Русская церковь, красующаяся на живописномъ, отсюда видномъ возвышеніи, и, что всего замѣчательнѣе въ Турціи, и съ колоколами, въ которые благовѣсть и трезвонъ, точно въ православной Россіи. Настоятель этой церкви отецъ Филиппъ, съ ногъ до головы Русакъ, человѣкъ отличнаго поведенія, весьма умный и притомъ искусный иконописецъ, пользуется всеобщимъ уваженіемъ; ему оказывается особенное вниманіе даже со стороны мѣстныхъ властей Мусульманскихъ». (Тамъ же. С. 178—179). Вотъ что также замѣчаетъ Надеждина о знаменитой мѣстной ярмаркѣ при урочищѣ *Кара-су*, между Чернаводою и Кюстенджи, верстахъ въ 70-ти отъ Тульчи къ югу: «Тутъ на совершенно голой степи, гдѣ нѣтъ ни вола, ни двора, навалило народу тѣмъ тѣмъ, со всего пространства между Дунаемъ и Балканами: не смотря на то, Русскіе были очень замѣтны; особенно вечеромъ, когда дневной шумъ и гамъ притихъ, вся пустынная глушь степи обласилась удалыми пѣснями Русскаго языка и напѣва... Странно было, въ сосѣдствѣ Дуная и Балкановъ, слышать въ пѣсняхъ этихъ громогучныхъ воспоминавія про «Волгу матушку», про «горы Московскія-Воробьевскія», даже про «матушку» про «Неву» съ ея «славнымъ Васильевскимъ островомъ». (С. 179). Вопросъ объ отношеніяхъ Россіи и вообще міра Славянскаго къ Дунайскимъ княжествамъ въ прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, стоитъ въ ряду важнѣйшихъ и насущнѣйшихъ нашихъ вопросовъ. Его современное положеніе въ литературѣ Русской служить однимъ изъ сильнѣйшихъ доказательствъ печальнаго современнаго состоянія нашей исторіи, нашей литературы. Въ отношеніи Дунайскихъ княжествъ крайне необходимы для насъ тѣ же

На куріальномъ языкѣ патріархъ Константинопольской XIV и XV в. нынѣшняя Молдавія называлась *Россо-Влахіей* (Зап. Геогр. Общ. I, с. 172). Длугошъ же окончательно удостовѣряетъ насъ въ томъ, что нынѣшняя Молдавія до половины XIV в. была заселена Русскими, которые оттуда были вытѣснены (конечно не всѣ) Валахами: *veteribus dominis et colonis Ruthenis, primum subdole, deinde abundante in dies multitudine, per violentiam expulsis, illam occuparunt, in Ruthenorumque ritus et mores, quo facilius proveniret occupatio. a propriis degenerantes, transmigrarunt.* (Длуг. Hist. Pol. IX).

VI. Выше мы пришли къ необходимости допустить непрерывность Болгарскихъ поселеній въ Малой Азіи съ VII в. до настоящаго времени включительно.

Признавая вмѣстѣ съ тѣмъ давнишнюю обширность поселеній Русскихъ въ областяхъ при-Дунайскихъ, вѣтъ никакой возможности утверждать, что первое Русское поселеніе въ Малой Азіи основано было Некрасовцами въ XVIII стол., и что ранѣе этого времени Русскихъ поселеній въ Малой Азіи никогда не бывало.

Напротивъ, чѣмъ долѣе перебираешь въ умѣ различныя обстоятельства, тѣмъ сильнѣе убѣждаешься въ полной справедливости и основательности предположенія о томъ, что Русскіе переселялись въ Малую Азію и до Некрасовцевъ.

Вспомнимъ о значеніи Русской стихіи въ Молдавіи и Валахіи и даже въ Болгаріи до XIV в. (см. V). Если нынѣшніе Русскіе поселенцы на берегу Маньяскаго озера могли прійти съ береговъ Дуная въ XIX стол., то отъ чего же многочисленныя Русскія поселенія на берегахъ Дуная до XIV в. и позже не могли высылать изъ среды своей поселенцевъ въ Малую Азію, гдѣ уже съ VII в. наприим. жили ихъ соплеменники и едино-

---

нѣропріятія, что и въ отношеніи Греціи для умственнаго и литературнаго сближенія нашего съ Молдаванами и Валахами, судьбы которыхъ уже надреде тѣсно связаны были съ судьбами Русскихъ, Поляковъ, Болгаръ и Сербовъ. (См. выше въ «Приложеніяхъ».)

вѣрцы Болгары, съ которыми Русь находилась въ сношеніяхъ непрерывныхъ и самыхъ дружественныхъ?

Извѣстны тѣ огромныя морскія силы Козаковъ, которыя они развернули въ Черномъ морѣ въ XVII и даже въ XVI вѣкѣ. Ниже въ примѣчаніи у меня приведены слова современниковъ, ясно свидѣтельствующія о томъ впечатлѣніи, которое производили эти Козацкіе походы не только на Турокъ, но и вообще на всѣхъ Европейцевъ. Еще въ 1590 г. Козаки разоряли и жгли Трапезунтъ, Синопъ и ихъ окрестности, миль на десять. Вспомнимъ о *Загорь* и другихъ Славянскихъ названіяхъ мѣстностей около Трапезунта и Синопа, свидѣтельствующихъ о бытности нѣкогда въ этихъ мѣстахъ поселеній Славянскихъ. Частныя нападенія Козаковъ на эти мѣстности и ихъ удачи едва ли объяснимы одною ихъ удалью и отвагой и слабостью Турокъ. Едва ли не должно предположить, что они встрѣчали помощь и поддержку постоянную въ туземныхъ жителяхъ, которые имъ норовили, какъ своимъ землякамъ или по крайности единоплеменникамъ? ¹

---

1. Позволю себѣ привести слѣдующее мѣсто изъ Турецкаго историка Намы Эфендія, по переводу П. С. Савельева Муг. Нум. СXLVIII и сл. «Нападеніе Козаковъ на Синопъ, въ 1023 г. Въ мѣс. реджебъ (въ авг. 1614 г.) Казацкія чайки вышли въ Черное море, разграбили сперва, по обыкновенію, деревни, лежащія на берегахъ Тунâ (Дунай) и при морѣ. Взявъ проводниками себѣ работъ-отступниковъ, они пристали къ Анатолійскому берегу Чернаго моря, внезапно напали на крѣпость Синопъ, прозываемую Городомъ Любовниковъ, и овладѣли ею. Вступивъ въ эту древнюю крѣпость, они умертвили въ ней всѣхъ правопорныхъ (а развѣ были въ ней и неправопорные?), ограбили ихъ дома, увели женъ и дочерей, и зажгли со всѣхъ концовъ, обратили этотъ прекрасный городъ въ пустыню. Пока не вооружились противъ нихъ, они успѣли увести въ полонъ женъ и дочерей, и разсѣялись по морю. Въ этихъ обстоятельствахъ, Шекшеи Ибрагимъ Паша, узнавъ о ихъ набѣгѣ, на шестидесяти мелкихъ судахъ отправился для защиты береговъ Черноморскихъ. Вошедъ въ рѣку, черезъ которую должны были переправляться эти собаки, онъ остался сторожить ихъ: но проклятые, провѣдавъ объ этомъ, въ одномъ мѣстѣ на берегу Чернаго моря сошли, поставили судна свои на санки (кызакъ) и вздумали стащить ихъ по сушѣ до вершины рѣки. Но шайка Татаръ напала на нихъ; завязалось сраженіе; имѣнія и семейства, похищенные изъ Синопа, были оставлены на мѣстѣ; изъ Козаковъ же, кто достался въ плѣнъ, а кто погибъ въ битвѣ. Ибрагимъ Паша переимѣнилъ маршрутъ и наблюдалъ, гдѣ выйдутъ остатки разбойниковъ. Онъ пошелъ противъ тѣхъ, кото-

Еще въ началѣ XVII стол. князья Грузинскіе сносились постоянно съ Козаками Запорожскими, дарили и жаловали ихъ, а тѣ въ свою очередь защищали и буксировали торговыя суда Грузинскія, плававшія въ Черномъ морѣ¹. Не только Козаки, но и сама Москва постоянно сносилась съ Грузіею въ XVII и XVI стол. Окольничіе Бутурлинъ и Плещеевъ съ бодьшимъ войскомъ проникли въ Дагестанъ, заняли Тарки и назвали его *Новымъ городомъ*; основали крѣпость и на Тузлукѣ. Извѣщая о своихъ успѣхахъ, воеводы наши писали въ Москву и къ царю

рые набѣгли меча, и изъ нихъ также кто попалъ въ плѣнъ, а кто былъ убитъ. Въ первыхъ дняхъ рамазана (въ окт. 1614 г.) Ибрагимовы воины привели къ Порогу 20 человекъ кляировъ-козаковъ скованными. Здѣсь невольно рождаются вопросы — кто были эти рабы-отступники, взятые козаками изъ деревни при-Дунайской? Конечно Болгары, если не Русскіе поселенцы, во всякомъ случаѣ Славяне, а не Татары, которые тоже жили тогда въ Буджакѣ (Болпанъ — въ Русск. перев. С. 33 и сл.). Къ чему же козака брали бы всегда этихъ рабовъ-отступниковъ передъ походомъ своимъ на берега Австолійскіе, если бы и тамъ тоже не было земляковъ ихъ, съ которыми они имѣли постоянныя связи, подобныя тѣмъ, что существуютъ у Русскихъ колоній Дунайской и Маньяской; мѣстность Загора, чѣмъ подлѣ Синопа, могла быть населена Славянами еще въ XVII и даже въ XVI в. Изъ приведеннаго мѣста также видно, что Турки тоже въ свою очередь не дремали и козакамъ трудно было справиться одними, безъ пособія со стороны нѣкоторыхъ туземцевъ, которые вѣроятно стерегли ихъ лодки, извѣщали о приближеніи Турокъ, скрывали ихъ, и пр.

1. См. ниже въ прим., также слѣдующія слова Петра де ла Валле: «les Cosaques de Pologne continuaient leur navigation sur les rivières de la Géorgie, et entretenaient une étroite alliance avec les Géorgiens». (Les Fameux Voyages de Pietro della Valle Gentil-homme Romain, surnommé l'illustre voyageur.... Paris. MDCLXII. III, 193). Тамъ же: «depuis peu le roi de Pologne avait envoyé deux ou trois vaisseaux chargés de présens au prince Teimuraz, qui était voisin de Guriel». А на стр. 192 (ibid.) «Guriel est plus méridional, proche de Cogne et de Trébisonde, qui appartiennent au Turc.» Ibid. p. 167: «les lettres du Persan étaient fort avantageuses aux Polaques, qui s'offrait de bâtir à ses dépens une forteresse sur quelque port de la mer Noire, à l'embouchure d'une rivière du pays des Géorgiens voisin de Trébisonde, qui est ce qu'il nomme *Guriel*, et qui fait une partie du Royaume de *Colchas*. Et le roi de Perse ne s'offrait pas seulement à bâtir cette forteresse à ses dépens, et à la mettre puis après entre les mains des Cosaques, sous l'autorité du roi de Pologne; mais encore il s'offrait à la garder avec ses gens pour demeurer toujours dans l'obéissance des Polaques, de crainte que les Cosaques ne vinssent à s'établir dans ces provinces, et à faire quelque progrès contre les Turcs».

Грузинскому, ожидая его войска по крайней мѣрѣ къ веснѣ, чтобы очистить всѣ горы отъ непріятели, совершенно овладѣть Дагестаномъ и безпрепятственно строить въ немъ новыя крѣпости ¹. Но несчастная гибель Грузинскаго царя Александра имѣла самый неблагопріятный для насъ исходъ въ дѣлахъ Кавказскихъ.

Въ 1593 г. посланнику нашему дворянину Нащокину въ Константинополѣ, визирь говорилъ между прочимъ, что Султанъ запретить Хану Крымскому беспокоить Россію, «буде Царь сведетъ съ Дону Козаковъ своихъ и разрушитъ четыре новыя крѣпости, основанныя имъ на берегахъ сей рѣки и Терека, чтобы преградить намъ (Туркамъ) путь къ Дербенту». На увѣренія Нащокина въ благорасположеніи двора Московскаго къ Портѣ, визирь возразилъ: «Вы миролюбивы; но для чего же вступаете въ тѣсную связь съ Иверією, подвластною Султану?» На это Нащокинъ въ свою очередь отвѣчалъ, «что связь наша съ Грузією состоитъ въ единовѣрїи, и что мы посылаемъ тѣда не войско, а священниковъ, и дозволяемъ ея жителямъ ѣздить въ Россію для торговли» ². Еще въ 1492 г. прїѣзжали въ Москву послы Грузинскіе съ просьбою Царю о покровительствѣ ³. Вспомнимъ браки Изяслава Мстиславича, женатаго (въ 1154 г.) на одной княжнѣ изъ Абхазіи, гдѣ еще въ VI в. были христіанскія Церкви ⁴, и сына Андрея Боголюбскаго, Князя Георгія, женатаго (послѣ 1175 г.) на знаменитой Грузинской Царевнѣ Тамарѣ ⁵. Помнить всѣ эти обстоятельства необходимо при рѣшеніи вопроса о степени доступности Малой Азіи для Русскихъ въ разныя времена. Такъ какъ путь въ нее открывался имъ не только черезъ Черное море, но и черезъ Арменію, то вовсе не лишнимъ будетъ распространиться нѣ-

1. Карамз. И. Г. Р. (изд. Смирд. 1853). XI, 59 и сл.

2. Кар. И. Г. Р. IX, 102. См. тамъ же с. 59 и сл. Снош. съ Турцією въ 1586 г.

3. Ibid. VI, 232.

4. Ibid. II, пр. 354. См. Р. Л. I, 146. Посла Изяславъ сына своего, второе, противу мачесѣ своей, бѣ бо повелъ жену собѣ изъ Обезъ, и устрѣте ю Мстиславъ въ порозѣхъ.

5. Кар. И. Г. Р. III, 143.

сколько о знакомствѣ Русскихъ съ странами Каспійскими и Кавказскими и указать на нѣкоторые обстоятельства ему благопріятствовавшія. Еще въ X в. грабили Руссы въ Каспійскомъ морѣ; извѣстны два ихъ похода въ 914 и въ 944 г. Святославъ въ 965 г. одолѣлъ Козаровъ, взялъ ихъ городъ Бѣлую Вѣжу; побѣдилъ Ясовъ и Касоговъ. Въ 968 г. Руссы, по свидѣтельству Ибнъ-Хаукала, разрушили городъ Болгаръ. Хазеранъ, Итиль и Семендеръ ¹. Мстиславъ, Князь Тмутараканскій, въ 1022 г. ходилъ на Касоговъ, одолѣлъ ихъ сильнаго Князя Реледю, проникъ въ его землю, овладѣлъ его имуществомъ, женою и дѣтьми и возложилъ дань на Касоговъ. Въ слѣдующемъ году онъ идетъ на Кіевъ противъ Ярослава съ Козарами и съ Касогами. Недавно отысканное г. Ханьковымъ мѣсто въ одномъ Персидскомъ повѣстѣ XII в. свидѣтельствуеть о походѣ Русскихъ въ Шемаху между 1133 — 1195 г. Уже было упомянуто о бракѣ Георгія Андреевича съ Грузинскою царевною Тамарою, послѣ 1175 г. Извѣстно, что Русскіе служили въ войскахъ Монголовъ, будучи въ «неволѣ Татарской», а въ 1277 г. князья наши — Борисъ Ростовскій, Глѣбъ Бѣлозерскій, Феодоръ Ярославскій и Андрей Городецкій, сынъ Невскаго, ходили войною на Ясовъ и завоевали городъ Дедаковъ въ южномъ Дагестанѣ. Но помимо сношеній враждебныхъ и непріязненныхъ, въ то же время съ этими странами имѣли Русскіе и непрерывныя связи, мирныя и торговыя. Еще въ X и XI в. вели Русскіе значительную торговлю съ Козарами и Волжскими Булгарами; въ XIII в. въ столицѣ послѣднихъ постоянно жили торговцы Русскіе и, какъ можно полагать, не въ маломъ количествѣ ².

1. Frasn-Ibn-Fozl. S. 64. замѣчаетъ про Семендеръ: «zwischen Itil u. Derbend gelegen».

2. Въ 1024 г. «бѣ мятежъ великъ и голодъ по всей той странѣ; идоша по Волзѣ вси люде въ Болгары, и привезоша жито и тако оживша. Р. Л. I, 64. См. тамъ же о муч. св. Аврааміѣ въ землѣ Болгарской, 1 апр. 1230 г. «усвѣченъ бысть мѣс. апрѣля въ 1 день, его же Русь хрестьяне вземше тѣло положиша въ гробъ, идѣше вси хрестьяне лежать. и створи Богъ милость вскорь, за кровь его, поторъ у него большая половина города Великаго, а потомъ оставила часть загорашеться днама дважды и трижды; такоже и бысть по много днм, мало

Знаменитый Арабский путешественник XIV в., в первой половине столетия посетивший столицу Хановъ Сарай, такъ между прочимъ говоритъ о ея значеніи и населеніи: «Será est au nombre des villes les plus belles, et sa grandeur est très considérable; elle est située dans une plaine et regorge d'habitants; elle possède de beaux marchés et de vastes rues. Nous montâmes un jour à cheval, en compagnie d'un des principaux habitants, afin de faire le tour de la ville et d'en connaître l'étendue. Notre demeure était à l'une de ses extrémités. Nous partîmes de grand-matin, et nous n'arrivâmes à l'autre extrémité qu'après l'heure de midi. Alors nous fîmes la prière et primes notre repas. Enfin nous n'atteignîmes notre demeure qu'au coucher du soleil. Nous traversâmes aussi une fois la ville en largeur, aller et retour, dans l'espace d'une demi journée. Il faut observer que les maisons y sont contigües les unes aux autres, et qu'il n'y a ni ruines ni jardins. Il s'y trouve treize mosquées principales pour faire la prière du vendredi; l'une de celles-ci appartient aux châteïtes. Quant aux autres mosquées, elles sont en très-grand nombre. Será est habité par des individus de plusieurs nations, parmi lesquels on distingue: 1) les Mongols; qui sont les indigènes et les maîtres du pays; une partie professe la religion musulmane; 2) les Ass (Ossètes), qui sont musulmans; 3) les Kifdjaks; 4) les Tcherkesses; 5) les Russes; 6) les Grecs, et tous ceux ci sont Chrétiens. Chaque nation habite un quartier séparé, où elle a ses marchés. Les négociants et les étrangers, originaires de deux Iráks, de l'Égypte, de la Syrie, etc. habitent un quartier qui est entouré d'un mur, afin de préserver les richesses de marchands»¹.

Въ 40 годахъ XIII в. Плато Карпини былъ у Батыя на берегахъ Волги и у Гаюка въ Средней Азии; у перваго, по его словамъ, войско состояло изъ 600,000 человекъ, изъ нихъ 150 тыс. было Татаръ, а 450 тыс. иноплеменниковъ, Христіанъ и другихъ подданныхъ. Изъ нашихъ лѣтописей намъ извѣстно, что Монголы уводили съ собою въ плѣнъ множество жителей,

---

оставя города, а все погоръ, и товара погоръ множество безчислено, за кровь мученика Христова.

1. Voyages d'Ibn-Batoutah, texte arabe, accompagné d'une traduction par C. De-frémery et le Dr. B. R. Sanguinetti. Paris. MDCCCLIV. II, 447—448.

а Плато Карпини, описывая свой путь отъ Владиміра Волынскаго до Кіева, говоритъ: «Жителей вездѣ мало, они истреблены Монголами или отведены ими въ плѣнъ». У Гаюка въ станѣ встрѣтилъ Плато Карпини двухъ сыновей Грузинскаго царя, посла халифа Багдадскаго и многихъ другихъ пословъ Сарацинскихъ, встрѣтилъ и князя Русскаго Ярослава, которому вездѣ давали первое мѣсто. Христіане, состоявшіе на службѣ у Гаюка, говорили Карпини, что Гаюкъ думаетъ самъ принять христіанство, «держать у себя христіанскихъ священниковъ и позволяетъ имъ всенародно передъ своимъ патромъ отправлять Божественную службу по обрядамъ Греческой Церкви». Этотъ же путешественникъ съ признательностью вспоминаетъ объ одномъ добромъ Русскомъ челоѣкѣ, который весьма много ему помогалъ, когда онъ нуждался въ самомъ необходимомъ. Этотъ Русскій, именемъ Комъ, былъ искусный художникъ и любимецъ Гаюковъ. «Онъ сдѣлалъ, — говоритъ Плато-Карпини, — печать для Хана и тронъ изъ слоновой кости, украшенный золотомъ и драгоценными камнями съ разными изображеніями, и съ удовольствіемъ показывалъ намъ свою работу». Передъ вступленіемъ въ переговоры съ Плато Карпини Гаюкъ приказалъ спросить у него, есть ли у папы люди, знающіе языкъ Татарскій, Русскій или Арабскій. Значитъ Русскихъ не мало было при Монголахъ. И дѣйствительно: въ 1253 г. былъ въ Ордѣ посланникъ Людовика IX. Рубруквиъ и нашелъ при дворѣ ханскомъ Русскихъ архитектора и дьякона, а въ станѣ Батыя, кочевавшаго на Волгѣ, и въ его окрестностяхъ онъ же видѣлъ множество Русскихъ, Венгровъ и Ясовъ, которые скитались въ степяхъ и грабили путешественниковъ. Въ 1265 г. открыта была Сарайская епархія, а въ 1301 г. второй ея епископъ Теоногностъ уже обращался къ Патріарху съ вопросомъ о крещеніи Татаръ. «Приходящимъ отъ Татаръ и хотящимъ креститися...» Много страдая и терпя отъ Монголовъ, Русскіе рано однако начали имѣть на нихъ свое вліяніе. Племянникъ Бергая, преемника Батыева, царевичъ Петръ тайно бѣжалъ изъ Орды въ Ростовъ, крестился, построилъ монастырь при Св. Игнатіи Ростовскомъ, вступилъ въ бракъ и овдовѣвъ, скончался въ иночествѣ ок. 1290 г. Баскакъ Бога крестился въ

Устюгъ въ 1262 г. Вскорѣ послѣ 1279 г. князь Феодоръ Ярославскій женился въ Ордѣ на дочери хана Менгу-Темира, а князь Глѣбъ Ростовскій еще въ 1257 г. на дочери хана Хубилая, который самъ былъ христіаниномъ. Въ 1302 г. два князя Ростовскихъ, а въ 1305 г. князь Костромскій женились также въ Ордѣ. Сынъ князя Бахмета прибылъ изъ Орды въ Мещеру въ 1298 г., крестился самъ и увлекъ за собою многихъ Татаръ. Родоначальникъ Годунова *Четъ* съ нѣсколькими Мурзами выѣхалъ изъ Орды къ Ивану Калитѣ и крестился. Два сына хана Кульпы, убитые вмѣстѣ съ отцомъ въ 1359 г., были тоже христіане. Монголы, грабя и разоряя Русь, тѣмъ не менѣе открыто сознавали нравственное чье превосходство надъ собою; такъ ханъ писалъ великому князю о святителѣ Алексѣ: «мы слышали, что небо ни въ чемъ не отказываетъ молитвѣ главнаго попа вашего: да испроситъ же онъ здравіе моея женѣ». При святителѣ, исцѣлившемъ Тайдулу, много знаменитыхъ мурзъ, выѣхавъ въ Россію, приняли христіанство. Нечего и говорить о вліяніи Русскихъ на Татаръ во времена позднѣйшія, особенно послѣ Куликовской битвы, когда Русь перешла уже въ движеніе наступательное.

Въ XIV в. вольница Новгородская не разъ разгуливала внизъ по Волгѣ, спускалась и въ Каму; такъ Новгородскій Лѣт. подъ 1366 г. записалъ: «ходили изъ Новгорода люди молодые на Волгу *безъ Новгородскаго слова*» т. е. безъ спросу господина Вел. Новгорода; «а воеводою — продолжаетъ онъ — Есипъ Варее-ломеевичъ. Василій Феодоровичъ, Александръ Обакузовичъ: *тогожь лѣта придоша вси здрави въ Новгородъ*». Троицкая Лѣт. говоритъ объ этомъ нѣсколько подробнѣе: «Пройдоша Волгой изъ Новгорода изъ Великаго 150 ушкуевъ, Новгородпи разбойници ушкунница, избиша Татаръ множество, Бесермень и Ормень въ Новгородѣ въ Нижнемъ, женъ и дѣтей, товаръ ихъ пограбиша, а съсуды ихъ, кербати и лоды и учаны и пабусы и струги, то все поѣкоша, а сами отъидоша въ Каму, и придоша до Болгаръ, такоже творяще и воююще».

Еще ранѣе, именно въ 1360 г. ходили Новгородскіе разбойники на Болгарскій городъ Жукотинъ, что стоялъ близъ устья Камы, въ Лаишевскомъ уѣздѣ — «и множество Татаръ побиша,

и богатство ихъ взяша, и за то христіане пограблены быша въ Болгарѣхъ отъ Татаръ» (Ник. Л.).

Отъ второй половины XIV в. имѣемъ извѣстія и о другихъ подобныхъ шалостяхъ Новгородскихъ *молодыхъ людей*, ушкуйниковъ. Въ 70 годахъ они неоднократно разгуливали по Волгѣ, Камѣ и Вяткѣ. Такъ въ 1371 г. они овладѣли Костромой и Ярославемъ, а въ 1375 г. въ числѣ двухъ тысячъ подошли къ Костромѣ, разбили вышедшихъ противъ нихъ 5 тысячъ вооруженныхъ Костромичей, овладѣли городомъ и безчинствовали въ немъ цѣлую недѣлю; ограбили купеческія лавки, полонили многихъ жителей и, покидавъ въ Волгу, чего не могли взять съ собою, пустились къ Нижнему, захватили и тамъ многихъ Русскихъ и продали ихъ въ неволю восточнымъ купцамъ въ Болгарахъ. Разбираемые охотой силы-удали поотвѣдать, богатырскихъ плечъ порасправить, они пошли далѣе внизъ по Волгѣ, къ Сараю, «гости христіанскія грабятче и біюще», дошли безпрепятственно до самой Астрахани (Хазитороканя), гдѣ большая часть ихъ погибла, и то въ слѣдствіе хитрости тамошняго князя Монгольскаго Саньчя. Въ 1379 г. подобная же шайка разбойниковъ была истреблена Вятчанами близъ Казани.

Мы рѣшились напомнить читателю эти всѣмъ извѣстные факты, единственно съ тою цѣлю, чтобы показать, что въ XIV в. Волга была почти совершенно въ рукахъ Русскихъ, изъ которыхъ одни непрестанно плавали по ней въ видахъ грабежа, другіе, болѣе честные, но одушевляемые не меньшею отвагой, удалью и предприимчивостью — съ цѣлями торговыми. Дѣйствительно, какъ мы уже видѣли, купцы Русскіе проживали въ Сараѣ, и занимали въ немъ особый кварталъ въ XIV в. То же самое, конечно, было и въ XIII в., когда уже существовала Сарайская епархія, когда немало Татаръ приняли св. крещеніе.

Знаменитый Французскій ориенталистъ Катрмеръ въ переводѣ своемъ сочиненія Макриси о Мамлюкахъ, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, изумляющихъ громадною начитанностью и ученостью, по поводу краткаго разсказа Макриси о посольствѣ султана Египетскаго Бибара къ хану Монгольскому Бергаю яля Береке въ 1263 г., сообщаетъ болѣе подробное описаніе этого посольства на берега Волги, на основаніи Арабскихъ пи-

сателей Ибнъ-Ферата, Новаири, продолжателя Эльмакина и друг. ¹. Посланики Египетскіе прибыли въ Константинополь, — по привожу слова Катрмера: «Ils se rendirent à Istambol, et ensuite à Deksaïta (peut-être la ville d'Odessa), qui est le port où viennent aborder les vaisseaux de Soudak. Puis ils se remirent en mer, et abordèrent sur la côte opposée. Ce trajet exige ordinairement dix journées de navigation; mais quelquefois on le fait en deux jours, lorsque l'on est favorisé par un très-bon vent». Въ Судакѣ они встрѣтили начальника округа (canton) — «qui les conduisit à la ville de *Krim* ², bâtie à une journée des bords de la mer.

1. Hist. des sultans Mamlouks, de l'Égypte, écrite en Arabe par Taki-Eddin-Ahmed-Makrizi, trad. en français et accomp. de notes philol., histor., géogr. par M. Quatremère. Paris, I, p. 213 etc. Note 96.

2. Городъ Крымъ находился недалеко отъ Кафы, былъ весьма многолюденъ и обширенъ. Ибнъ-Батута, посѣтившій его въ 30-хъ годахъ XIV вѣка, такъ его описываетъ, называя его *Kïram* (Eski-kirim ou Solghât) — «ville grande et belle, qui fait partie des Etats du sultan illustre, Mohammed Uzbek Khân; elle a un gouverneur nommé par lui et appelé Toloctomour. Nous avons été accompagnés pendant le voyage par un des serviteurs de cet émir. Cette homme ayant annoncé à son maître notre arrivée, celui-ci m'envoya un cheval par son imâm Sâdeddin. Nous logeâmes dans un ermitage, dont le supérieur était Zâdeh alkhoraçany. Ce cheikh nous témoigna de la considération, nous complimenta sur notre arrivée, et nous traita généreusement. Il est fort vénéré de ces peuples; je vis les habitants de la ville, kâdhis, prédicateurs, jurisconsultes et autres, venir le saluer. Ce cheikh Zâdeh m'apprit qu'un moine chrétien habitait un monastère situé hors de la ville, qu'il s'y livrait aux pratiques de la dévotion et jeûnait très fréquemment; qu'il allait même jusqu'à jeûner quarante jours de suite, après quoi il rompait le jeûne avec une seule fête; enfin, qu'il découvrait clairement les choses cachées. Le cheikh me pria de l'accompagner dans une visite à ce personnage. Je refusai; mais, dans la suite, je me repentis de ne l'avoir pas vu, et de ne pas avoir ainsi reconnu la vérité de ce qu'on disait de lui. (Voy. d'Ibn-Batoutah, etc. II, 359—360). Капчакъ или Кюфджакъ были христіане Такъ описываетъ ихъ степь Ибнъ-Батута, называя ее *Decht Kïrdjak*: «Cette plaine est verdoyante et fleurie; mais il ne s'y trouve ni montagne, ni arbre, ni colline, ni pente. Il n'y a pas de bois à brûler, et l'on ni connaît point d'autre combustible que la fiente d'animaux, laquelle est appelée *tesec* (bouse). Tu verrais les principaux d'entre les indigènes ramasser ce fumier, et le porter dans les pans de leurs vêtements. On ne voyage pas dans cette plaine sinon sur des chariots. Elle s'étend l'espace de six mois de marche, dont trois dans les états du sultan Mohammed Uzbek, et trois dans ceux d'autres princes. Le lendemain de notre arrivée dans ce port, un des marchands, nos compagnons, alla trouver ceux des habitants de cette plaine qui appartiennent à la nation connue sous le nom de *Kïrdjak* et qui professent la religion chrétienne. Il loua d'eux un chariot traîné par des chevaux. Nous y montâmes, et nous arrivâmes

et habitée par diverses nations de *Kaptchaks, de Russes et d'Alains*. «Après avoir parcouru l'espace de vingt jours, un désert immense, couvert de tentes et des troupeaux, ils arrivèrent au fleuve Etil (le Volga), sur les bords duquel est la résidence du prince Bérékeh. Cette rivière dont les eaux sont douces, a la même largeur que le Nil, et l'on y voit continuellement naviguer des barques russes». Плаванье Русскихъ судовъ по Волгѣ, замѣченное въ Сараѣ ок. 1263 г., не можетъ насъ удивлять, такъ какъ мы знаемъ, что Русскія поселенія въ Сараѣ и въ окрестностяхъ были столь многочисленны, что потребовалось основать особую епархію Сарайскую въ 1265 г.

Мы убѣждены, что читателю не покажется парадоксомъ, если мы скажемъ, что *неволя Татарская*, вредная для Русскихъ во многихъ отношеніяхъ, не стѣснила однако ихъ международныхъ сношеній, по крайности съ Азіею, и даже расширила ихъ. Мы поступили бы совершенно неосторожно, если бы стали утверждать, что торговля связи Русскихъ съ южною Азіею, происходившія въ X и даже IX в., совершенно прекратились во времена послѣдующія. Современникъ Рюрика и Олега, Арабскій писатель Ибнъ-Хордаты-Бегъ, умершій уже старикомъ въ 912 г. и служившій почтмейстеромъ и полиціймейстеромъ въ Джебалѣ (древней Мидіи), вотъ что между прочимъ передаетъ намъ въ своей книгѣ о странахъ и дорогахъ: «Русскіе изъ племени Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Румскаго моря: тутъ царь Румскій беретъ съ нихъ десятину. Когда имъ вздумается, они отправляются на *Славянскую рѣку и приѣзжаютъ въ заливъ города Хозаръ*: тутъ даютъ они десятину владѣтелю этой земли¹. Затѣмъ они ѣдутъ въ

à la ville de Cafu, grande cité qui s'étend sur le bord de la mer et qui est habitée par des chrétiens, la plupart Génois....» (ibid. p. 356—357).

1. Френъ, указавъ на слова Идриси — *flumen Ross (Russiae) Athel* (т. е. Волга) *vocatit*, замѣтилъ однако, что 1) вѣсь по всей вѣроятности испорченъ текстъ, и исправилъ его, прочелъ такъ: «und es ist kein Eingang in dieses Meer als von» — 2) если Идриси и называлъ Итилъ рѣкою Русскою, то по ошибкѣ, слышавъ Довъ съ Волгою, такъ какъ многіе Арабскіе географы считали Довъ рукавомъ Волги. (Fraehn, Ibn-Fossl. Ber. S. 38). Поэтому-то Френъ и сказалъ, что сло-

море Джурджанское и тамъ пристають къ любому берегу, а это море въ поперечникѣ простирается на 500 фарсаховъ. Иногда случается, что они везутъ свои товары изъ Джурджана черезъ Ибилъ въ Багдадъ.

за Идриси «Итиль рѣка Руссовъ едва ли могутъ служить подтвержденіемъ догадки знаменитаго Нѣмецкаго ориенталиста Гаммера, который подъ именемъ *Ros* (Корана) разумѣлъ прежде рѣку *Араксъ*, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣніе — *mais depuis que j'ai trouvé le Росъ dans la liste des grands fleuves asiatiques donnée par Agathemerus (Char. X), j'ai été convaincu que le Rha ou Wolga et le Ros sont la même chose*» (см. Graehn ib. S. 37). — Есть мнѣніе, что Волга, слышущая и теперь у Мордвы подъ именемъ *Рау*, и у восточныхъ писателей по преимуществу называющаяся *Идель* (т. е. рѣка), а у выѣшнихъ Чувашей *Адалъ*, своимъ названіемъ *Ра* (*Ра* у Птолемея, *Rha* у Амміана) и *Росъ* (*Рѳъс* у Агаемера) обязана своимъ происхожденіемъ такому набудъ Финскому или Тюркскому нарѣчію. Очень можетъ быть, что предположеніе о Финскомъ или Тюркскомъ происхожденіи названій Волги *Ра* и *Рос* (*Рѳъс*) со временемъ и оправдается, а пока найдутся въ Финскихъ или Тюркскихъ нарѣчіяхъ подходящія имъ слова или корни, не слѣдуетъ забывать, что въ языкѣ Славянскомъ слово *рѣ-ка* имѣетъ при себѣ корень *рѣ* сходный съ Греч. *ῥέω* теку, что въ томъ же Славянскомъ языкѣ находится слова *русло*, *русалка* (жилица вода), есть и собственное рѣчное имя *Росъ*. т. е. *Рьсь*. Срв. *бодѣти* — будити, *облѣжти* — дуать и *илъельмъ* — *илъельмъ* и пр. — *бесѣда* и *бесада*, *грѣхъ* и *грахъ*, *трава* и *трѣва*, *вѣдникъ* и *вадникъ* и пр. — Желательно позѣрнть слова Идриси — *fiumen Ross Athel vocatit*. Ибнъ-Хордаты-Бегъ († 914 г.) называетъ Волгу рѣкою *Славянскою*, а Русскихъ овъ считалъ Славянами — «Русскіе изъ племени Славянъ». Аль-Истахри говоритъ, что Русскіе раздѣлены на три племени: одни живутъ въ соседствѣ Булгаръ, а князь ихъ живетъ въ Кутабѣ, городѣ, который больше гор. Булгаръ; другіе называются Славяне, третьи Утанія, князь ихъ живетъ въ Арбѣ. (Das Buch d. Länder von Schech Ebn-Isbak el Farsi el Iszlachri, aus d. Arab. von A. D. Morgtmann. Nebst ein. Vorworte v. Prof. C. Ritter. Mit 6 Karten. Hamburg. 1845. S. 106). — Вспомнимъ слова Нестора, въ началѣ Лѣтописи: «Двѣрѣ потече изъ Оковьскаго лѣса, и потечеть на поляне; а Двина изъ того же лѣса потечеть, а идеть на полунощье, и ввидеть въ море Варяжское; изъ того же лѣса потече Волга на востокъ, и втечеть семьдесятъ жерелъ въ море Хвалысское. Тѣмже и изъ Руси можетъ ити въ Болгары и въ Хвалысы, на востокъ доити въ жребій Симвъ; а по Двинѣ въ Варяги, изъ Варягъ до Рима» и пр. Мы знаемъ, что Русскіе постоянно плавали по Волгѣ не только въ XIV и XV в., но и въ XI и даже X в. См. разк. Ибнъ Фодлана о Руссахъ въ Хозарскомъ городѣ Итиль. Плавали Русскіе по Волгѣ и въ первыхъ годахъ X в. и въ IX в.; такъ Ибнъ-Хордаты-Бегъ говоритъ, что Русскіе изъ племени Славянъ «задаютъ и къ Хозарскому заливу рѣкою Славянскою», т. е. Волгою. Неизвѣстный Арабскій авторъ «Книги странъ» говоритъ, что «Славянскіе купцы... ходятъ — по *Славянскому морю* къ заливу Хозаръ, а потомъ плывутъ по Хорасанскому морю» (т. е. Каспійскому). Почтенный Славянистъ нашъ И. И. Срезневскій весьма вѣрно замѣтилъ: «Славянское море, которымъ плыли къ Итилю изъ Славянской земли, есть, конечно, не море, а рѣка Волга» — и основательно то доказалъ. (С. 61).

Неизвѣстный Арабскій авторъ «Книги странъ», жившій по всей вѣроятности въ X в., повторяетъ почти то же самое о торговыхъ сношеніяхъ Русскихъ съ Азією. Вотъ его слова: «Славянскіе купцы вывозятъ мѣха лисиць и бобровъ изъ самыхъ отдаленныхъ странъ Славянскихъ къ Румскому морю, гдѣ и платятъ пошлину Румскому царф. Они ходятъ моремъ и къ Жиду Самкушу и потомъ сухимъ путемъ въ Славянскую землю, а далѣе къ Славянскому морю къ заливу Хозаръ, гдѣ должны платить пошлину Хозарскому владѣтелю; потомъ плывутъ къ Хорасанскому морю въ ту рѣку, которая называется Славянскою; иногда входятъ въ Джорджанъ, и тамъ распродаютъ свой товаръ. Всѣ эти товары приходятъ въ Рей, остающійся рынкомъ для всего свѣта»¹.

Въ городѣ Реѣ, что близъ Тегерана, производилась, по замѣчанію того же автора, обширная торговля съ Арменіей, Адербиджаномъ, Хорасаномъ, землей Хозарской и Берджаномъ (Молдавіей). Ибнъ-Хордаты-Бегъ говоритъ, что Русскіе возятъ свой товаръ въ Багдадъ. Димешки, сказавъ объ обширности прострѣства, занимаемаго Славянами, прибавляетъ: «зотъ потому-то и находили Славянскихъ плѣнниковъ въ Испаніи и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя вели они съ Турками и съ Греками»².

Въ IX — X в. проникали Русскіе въ страны Каспійскія и Кавказскія, какъ въ видахъ торговыхъ, такъ и съ цѣлью пограбить, въ видахъ воинственныхъ.

Въ XV в. предприимчивые и любознательные торговцы посѣщаютъ эти страны весьма часто; одинъ изъ нихъ, пошедшій далѣе ихъ всѣхъ, незабвенный нашъ Тверской торговецъ Афанасій Никитинъ оставилъ даже свои путевыя записки, одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ старой Русской словесности. И. И. Срезневскій въ заключеніи своихъ превосходныхъ комментарій къ «Хоженію за три моря» и на основаніи многочисленныхъ изслѣдованій и сравненій съ полнымъ правомъ вы-

1. См. ст. И. И. Срезневскаго — Слѣды давняго знакомства Русскихъ съ южною Азією (Вѣстн. Русск. Геогр. Общ. 1854. Кн. I).

2. Мém. de l'Acad. de St. Pétersb. VI. Chermouy. Relation de Massoudy. p. 352.

разился о записках Русскаго челоуѣка XV в. такимъ образомъ: «По времени, когда писаны, его записки принадлежать къ числу самыхъ важныхъ памятниковъ своего рода: рассказы Ди Ковти и отчеты Васко ди Гама одна могутъ быть поставлены въ ровень съ Хоженіемъ Никитина. Не ниже ихъ это Хоженіе ни по слогу, хотя и можетъ онъ намъ теперь казаться слишкомъ мало-литературнымъ, ни по простодушію и отрывочности замѣчаній, ни по довѣрчивости къ разказамъ туземцевъ, заставившей его иногда повторять и невѣроятное. А что умнообразнообразна была наблюдательность Никитина, въ этомъ кажется, нельзя сомнѣваться. И въ этомъ отношеніи Никитинъ не ниже, если не выше его современниковъ»¹.

Имѣемъ ли мы какое нибудь право предполагать, что первые преемники и послѣдователи Русскихъ торговцевъ, упоминаемыхъ Ибнъ-Хордаты-Бегомъ и неизвѣстнымъ сочинителемъ «Книги странъ», появляются только въ XV в.? Имѣемъ ли хотя малѣйшее основаніе утверждать, что въ продолжительный періодъ времени — XI — XIV в. — мирныя связи Русскихъ съ востокомъ были совершенно прерваны? Пишущій эти строки съ своей стороны несомнѣнно убѣжденъ, что со временемъ будутъ открыты положительныя извѣстія объ этихъ связяхъ, особенно въ писателяхъ восточныхъ; пока же просить читателя обратить вниманіе на нѣкоторыя соображенія и факты, которые одни ставятъ выше всякаго сомнѣнья то положеніе, что мирныя связи Русскихъ съ востокомъ, странами за-Каспійскими и за-Кавказскими, не прерывались въ періодъ XI—XIV в.

Слѣдуетъ помнить походы Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ въ 914, 944 г., ослабленіе и разрушеніе могущественной державы Хозарской, походы Святослава на Ясовъ и Касоговъ въ X в., а Мстислава въ XI в., походъ Русскихъ на Шемаху въ XII в., брачныя союзы Русскихъ князей XII в. съ Абхазіею и Грузіею, силу и значеніе княжества Тмутараканскаго, существованіе Русскихъ поселеній, и не малочисленныхъ, въ земляхъ при-Донскихъ, и по завоеваніи ихъ Половцами, а потомъ Татарами, непрерывныя сношенія съ ними Русскихъ, постоян-

1. Учен. Зап. II Отд. Имп. Ак. Наукъ. Кн. II, вып. 2. С. 305—306.

мое пребываніе Русскихъ, воиновъ, ремесленниковъ и торговцевъ, между Татарами на Волгѣ, въ Средней Азии, въ Дагестанѣ.

Въ сказаніяхъ Русскихъ XV в. о земляхъ за Араратомъ, о жизни Тамерлана, земли за-Кавказскія и за-Каспійскія называются по большей части именами народными, что указываетъ на ихъ источникъ, не книжный, а народный¹.

Изъ того, что имена эти записаны въ памятникахъ XV в., мѣло бы заключать, что эти имена не были извѣстны въ XIV в. и раньше.

Испанскій путешественникъ Рюи Гонсалесъ де Клавихо, посланный къ Тамерлану Генрихомъ III Кастильскимъ, видѣлъ въ 1404 г. въ Самаркандѣ Русскихъ торговцевъ, вмѣстѣ съ Татарскими, съ кожами, мѣхами и льняными тканями. «За полвѣка передъ тѣмъ, — замѣчаетъ И. И. Срезневскій, основываясь на показаніи Шегабъ-Эддина, въ его Живописныхъ путешествіяхъ, — льняныя одежды изъ земли Русской вмѣстѣ съ тканями изъ Александріи были въ ходу и почетъ почти за полторы тысячи верстъ за Самаркандомъ на югъ, на полудорогѣ изъ него въ Калькутту, въ Дели, что въ сѣверной Индіи»². По восточнымъ сказаніямъ о походѣ Тамерлана на Русь, войска его «обогатились у насъ несмѣтною добычею и навьючили вельблюдовъ слитками золота, серебра, мѣхами драгоценными, кусками тонкаго полотна Антиохійскаго и Русскаго»³. Русскіе, знакомые съ землями Кавказскими, задолго до Татаръ и во время ихъ владычества, не прерывали своихъ давнишнихъ связей.

Мы уже имѣли случай указать на бытность Русскихъ князей и ихъ войскъ въ южномъ Дагестанѣ въ 1277 г., здѣсь же укажемъ только на слѣдующія два обстоятельства изъ XIV в.

Если бы съ землями Кавказскими Русскіе не имѣли постоянныхъ сношеній, то какимъ бы образомъ вошли въ наши лѣтописи напр. слѣдующія слова: подъ 1345 г. — «бысть моръ силенъ зѣло подъ восточною страню на Орначи и на Азсторо-

1. Уч. Зап. Ка. II, вып. 2, статья И. И. Срезневскаго, с. 228 и сл.

2. Тамъ же, стр. 226.

3. Карамзина И. Г. Р. V, 131.

кани и на Сарай, и на прочихъ градѣхъ страннѣхъ, на християнѣхъ и на Арменехъ, и на Фризѣхъ и на Черкасѣхъ, и на Татарѣхъ, и на Обязѣхъ и яко не бысть кому погребати ихъ».

Изъ разсказа Лѣтописи о кончинѣ князя Тверскаго Михаила Ярославича, въ 1319 г., въ Ордѣ, кочевавшей въ то время сначала у Азовскаго моря, потомъ въ Дагестанѣ, за Тереномъ, близъ Дербента¹, узнаемъ, что тамъ было много Русскихъ: «Бяхужь тамо мнози народи, аки песокъ собравшеся», «тогда все земли сошлись тамо... и Цариградоу и Нльмцы и Литва и Русь и мнози православнии». Съ княземъ Михаиломъ были священныя книги, которыя онъ читалъ передъ смертью. Были при немъ и священники — «бѣ бо съ нимъ игумень, говоритъ Никон. Лѣтопись, да два попа инока; два попа, да дьяконъ мирскіе». Съ нимъ было не мало его слугъ, которые и уговаривали его бѣжать. Были въ то время въ Ордѣ и другіе Русскіе, которые ни мало не сочувствовали князю Михаилу, напротивъ, смѣялись надъ нимъ. «Рече же отъ своихъ единъ: господине княже! видѣши ли се, колико народа множество стоящихъ, видяще тя въ таковой укоризнѣ, а прежь ты слышаще царствующа ты во своей земли?...» Убийцами Михаила были *Романецъ* и *Иванецъ*, быть можетъ тоже Русскіе, но во всякомъ случаѣ христiane. «Вежу же его разграбиша Русь и Татарове; всехъ сущихъ съ нимъ христiанъ и Татаръ, служащихъ ему, имающе изобнажаху нагихъ и влечаху, терзающе яко злодѣевъ и розведше поковаша». Весьма любопытны нѣкоторыя подробности объ отвезеніи въ Русь тѣла Михаила; онѣ весьма полезны для соображенія при разсмотрѣніи вопроса о тогдашней доступности для Русскихъ земель Кавказскихъ. Такъ Лѣтопись (Ник.) разсказываетъ, что тѣло Михаилово привезено было въ *Моцарыкъ* (т. е. *Миджары* на р. Кумѣ), «ту суше гости Русіи восхотѣша поставити въ церкве плащаницею покрывше, и не даша имъ, но въ хлѣбинѣ». Потомъ привезли тѣло въ *Бездежъ*, что нынѣ, по мнѣнію Карамзина, Везедево, ниже Енотаевска, на рукавѣ

1. «За р. Тереномъ, на рѣцѣ на Семенѣ (нынѣ *Сунжа*) подъ городомъ полъ Тетяковымъ, минуше вси горы высокия, Ясьскія и Черкасскія; близъ Ворота Желѣнныхъ».

Волги. «И яко же быша близъ града, и мнози изъ града видѣша, около саней множество народа со свѣщами, а иныхъ на конѣхъ съ фонари по воздуху ѣздящихъ; и тако привезоша во градъ и же поставиша въ церкви, но во дворѣ». Далѣе рассказываетъ лѣтописецъ, какъ два стража въ страхѣ великомъ были свержены съ саней «и далече отшетнуты, и едва возставше и въ себе пришедше, и шедше, исповѣдаша вся бывшая сущимъ ту священникомъ, отъ нихъ же слышавше сіе написашомъ достоверно».

Въ числѣ обстоятельствъ, благопріятствовавшихъ связямъ Русскыхъ съ землями Кавказскими, я указалъ, между прочимъ, и на поселенія Русскихъ въ земляхъ при-Донскихъ.

Въ нашихъ лѣтописяхъ подь 1499 г., кажется, въ первый разъ упоминаются козаки Азовскіе: въ этомъ году приходили они съ Татарами Ордынскими подь Козельскъ. Князья Перемышльскій и Одоевскій разбили ихъ, иныхъ взяли въ плѣнъ и привели въ Москву (И. Г. Р. VI, Пр. 495). Въ переговорахъ Московскаго Двора съ Портою 1516 г. упоминаются также козаки Азовскіе. «Великій князь требовалъ, чтобы султанъ запретилъ имъ тревожить нашу Украйну и хватать людей, которые посылаются оттуда въ степи для развѣдыванія о Крымцахъ и Ногаяхъ» (ib. VII, Пр. 136).

Ногайскій мурза Белекъ жаловался Ивану Васильевичу Грозному на козаковъ Азовскихъ и между прочимъ писалъ о нихъ: «Бѣлаго князя Черкасы бѣглые холопы были». А царь Иванъ Васильевичъ въ переговорахъ своихъ съ ханомъ Крымскимъ говорилъ: «Нашихъ Козаковъ на Дону нѣтъ никого; а живутъ на Дону изъ нашего государства *бѣглые люди*; или въ другомъ мѣстѣ: «А которые на Дону живутъ, давно бѣгая изъ нашего государства» (И. Г. Р. VIII, Пр. 251).

Теперь естественно возникаетъ вопросъ: эти бѣглые Русскіе люди, про которыхъ въ половинѣ XVI в. говорили, что они *давно бѣгаютъ*, и о которыхъ упоминаютъ лѣтописи въ к. XV в., эти бѣглые Русскіе люди, поселяясь на Дону, нашли ли тамъ уже Русскихъ поселенцевъ, своихъ земляковъ и единовѣрцевъ, или же они были первыми поселенцами этого края? Позволяю себѣ думать, что и до этихъ бѣглыхъ людей были Русскія поселенія на Дону: такъ еще въ 1265 г. открыта была Сарайская

епархія, а въ XIV в. не разъ возникали споры о границахъ Рязанской и Сарайской епархій; наконецъ было рѣшено, что Рязанская оканчивается при впаденіи Хопра въ Донъ. Спрашивается, къ чему было учреждать цѣлую епархію, если бы поселенія Русскія были незначительны? Выше мы видѣли, что въ началѣ XIV в. были православныя церкви въ Маджарахъ, на р. Кумъ, въ Бездежѣ, ниже Енотаевска. Отчего не могло быть и Русскихъ поселеній въ краѣ при-Донскомъ, ниже впаденія Хопра въ Донъ?

Въ XIII и въ XII в. въ этихъ мѣстахъ, между Волгой, Дономъ и Дѣпромъ, кочевали Половцы.

Съ половины XI до начала XIII в. сношенія Руси съ Половцами были почти непрерывныя. Помимо враждебныхъ отношеній, вскорѣ должны были образоваться и дружественныя. Нѣтъ сомнѣнія, что не только Половцы мѣшались въ дѣла Русскія, но и наоборотъ; если князья и даже княгини наши вступали въ браки съ Половцами, то точно также вступали и изъ народа и изъ дружины. Эти мирныя связи конечно не могли не имѣть на Половцевъ нѣкотораго вліянія, усиливавшася Русскими плѣнниками, которыхъ они нерѣдко уводили въ большомъ количествѣ. Напрасно мы стали бы предполагать, что люди Русскіе, уводимые Половцами въ плѣнъ, были всегда убиваемы или же отдаваемы на самыя тяжкія мученія. Очень вѣроятно, что не обходилось и безъ этихъ случаевъ, но они бывали непремѣнно исключеніями; такъ какъ Половцамъ не трудно было увидать, что Русскіе далеко превосходятъ ихъ во многихъ отношеніяхъ, ихъ собственный интересъ заставлялъ приманивать къ себѣ Русскихъ. При непрерывности связей Руси съ Половцами, не могло не возникнуть явленія самого обыкновеннаго въ исторіи международныхъ сношеній. Съ той и другой стороны должны были являться перебѣжчики, люди бѣглые. Между Русью и Половцами не могло не образоваться связей торговыхъ; — черезъ земли Половецкія лежалъ путь Русскимъ къ землямъ Кавказскимъ, съ которыми Русь нерѣдко сносилась въ XII в.

На основаніи однихъ этихъ такъ сказать апріорическихъ соображеній, можно рѣшительно отказаться отвѣчать отрицательно

на вопросъ, не было ли Русскихъ поселеній въ земляхъ при-Донскихъ и до Татаръ, при Половцахъ, въ XII в. и раньше?

По смерти Петра Великаго, весьма много заботившагося объ Астраханскомъ портѣ и о судоходствѣ на Каспійскомъ морѣ, тамошній флотъ, весьма въ его время значительный, отъ совершеннаго имъ пренебреженія сталъ постепенно приходить въ упадокъ. Отъ прекращенія крейсерствъ естественно должно было ослабѣть торговое судоходство; вѣроятно отъ недостатка средствъ къ пропитанію, люди, служившіе во флотѣ и любившіе свое ремесло, стали толпами переходить на сторону Персіянъ; появились морскіе разбойники, Русскіе люди. Около 1735 г. Русскій консулъ въ Гилянѣ доносилъ Русскому правительству, что «приходящіе на купеческихъ морскихъ судахъ въ Гилянѣ и въ другія на тамошнемъ Каспійскомъ морѣ лежащія пристани *музурь* (матросы) многіе тамъ остаются и не токмо сами строятъ въ Персіи мореходныя суда, но и другихъ дѣланію тѣхъ судовъ обучаютъ»¹.

Въ слѣдствіе этого велѣно было консулу въ Гилянѣ удерживать музуръ отъ побѣговъ, а Астраханскихъ купцовъ обязать подпискою, «подъ опасеніемъ штрафа и лишенія пожитка, не отпускать въ Персію музуръ и не продавать судовъ».

Явились и морскіе разбойники «Русскіе воровскіе люди». Такъ, бывшій въ Петербургѣ въ 1737 г. Персидскій посолъ представлялъ, что «нынѣ, по полученнымъ письмамъ изъ Баки, вновь появились разбойники изъ Россійской націи, человекъ съ семьдесятъ на судахъ, и живутъ близъ Баки, на островѣ Акрабѣ (?), для грабежа проѣзжихъ людей, и уже три суда Астраханскихъ купцевъ ограбили»²). Въ 1767 г. появился у Персидскихъ береговъ одинъ отчаянный корсаръ «обусурманившійся» Русскій человекъ Иванъ Столаревъ, сталъ строить въ Эзиляхъ суда и расхаживать по морю, но вскорѣ обжегся порохомъ и умеръ. — Вице-адмиралъ Крюйсъ въ запискѣ своей о Довѣ, Азовскомъ морѣ и пр., составленной имъ по приказанію

1. Астрах. Портъ съ 1725 по 1781 г. ст. г. Соколова. (Морск. Сб. 1849. С. 469).

2. Тамъ же. С. 470.

3. Тамъ же. С. 474.

Петра Великаго и поднесенной имъ въ 1699 г. царевичу Алексѣю Петровичу, говоритъ, между прочимъ, что, не терпя притѣсненій Польши, при видѣ казней, постигшихъ Павлюка, Острияницу, многіе изъ козаковъ Малороссійскихъ стали пуше прежняго искать себѣ убѣжища въ другихъ странахъ и 4 тысячи человекъ «изъ разумнѣйшихъ козаковъ», собравшись съ женами и дѣтьми, рѣшились переселиться въ Персію, имѣвшую тогда войну съ Турками. «Такимъ образомъ перешли они, по обыкновенію своему, въ обозъ, болѣе 120 миль черезъ земли Крымскихъ и Ногайскихъ Татаръ, съ которыми они часго имѣла сраженіе», но на Дону они повстрѣчались съ козаками Довскими, которые отговорили ихъ отъ такого намѣренія¹⁾.

И такъ, если Русскіе люди въ 18 и 17 стол. могли перебѣгать и переходить къ Персіянамъ весьма значительными массами; то отъ чего не могли переходить такимъ же образомъ и къ Половцамъ, съ которыми Русь находилась въ сношеніяхъ постоянныхъ и непрерывныхъ?

Не только въ 18 стол., но и въ послѣднее время въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Коканѣ жило не мало Русскихъ людей, не только плѣнниковъ и невольниковъ, захваченныхъ и перепроданныхъ Киргизами, но и бѣглыхъ и гулящихъ людей, которые, избѣгая преслѣдованій и наказаній, или просто увлекаемые Русскою удалью и молодецествомъ, вступали на службу Азіатовъ. Очень не гуманно обращаясь съ Русскими плѣнниками, они тѣмъ не менѣе стараются воспользоваться ихъ умомъ и тѣми знаніями, которыхъ за собою они не вѣдаютъ.

Въ 1822 г. въ одномъ изъ нашихъ журналовъ писали объ одномъ Русскомъ человекѣ, находившемся въ то время въ неволѣ въ Бухарѣ. Въ 80 годахъ прошлаго столѣтія, Андрей Родиковъ, капралъ Оренбургскаго гарнизона, былъ взятъ въ плѣнъ Киргизами и проданъ въ Бухару.

Ханъ Бухарскій произвелъ его въ топчи-баша, поручилъ ему начальство надъ артиллеріею, бралъ его въ походы противъ Персіянъ, Авганцевъ, Хивинцевъ.

1. Старинн. переводъ Розыск. о Донѣ, Азовск. морѣ, Воронежѣ и Азовѣ, учиненныя по повел. Петра В. в пр. Отеч. Зап. Свиньина. Ч. XX. № 58. С. 185—186.

Въ 1822 г. Родикову было 70 лѣтъ; онъ тосковалъ по Россіи, но не имѣлъ возможности убѣжать.

Какъ всѣхъ Русскихъ плѣнниковъ, его привудили принять исламязмъ, однако въ тайнѣ онъ остался вѣренъ христіанству. Почти каждую недѣлю Русскіе невольники собираются, говорили тогда, молиться къ Родикову, который, кромѣ исправленія должности топчи-башни, завелъ въ Бухарѣ свою лавку и занимается торговлею. Въ Свѣтлое Христова Воскресенье всѣ Русскіе въ Бухарѣ отправляются къ Родикову, «запираются въ его тѣсную каморку и слушаютъ заутреню, которую отправляютъ Родиковъ и Василій Егоровъ, плѣнный дьячекъ изъ Оренбурга. У нихъ есть всѣ священныя и церковныя книги, которыя получили они отъ Русскихъ купцевъ, бывшихъ въ Бухаріи». Въ 1822 г. въ Бухарѣ проживало 34 человекъ Русскихъ плѣнныхъ, изъ коихъ 27 мужчинъ и 7 женщинъ¹.

Сибирскіе козаки Милюшинъ и Батарышквичъ, бывшіе въ плѣну у Коканцевъ съ 1849 по 1852 г., по возвращеніи своемъ на родину, рассказывали между прочимъ, напр. про *Туркестинъ* (Азретъ): «Городъ этотъ имѣетъ болѣе 1000 домовъ; окруженъ стѣною, которая во многихъ мѣстахъ развалилась, и населенъ большею частью бѣглецами изъ разныхъ странъ. *Одинъ Сибирскій козакъ по имени Алексѣй Пыжиковъ, служитъ тамъ сотникомъ (юзъ-башни) у пушекъ.*

Когда козаковъ нашихъ и ихъ товаришей, которые потомъ померли, привели въ Коканъ, то ханъ приказалъ имъ обрить головы и передать *рансу* (муллѣ) для обращенія въ мусульманство. Вопреки однако совѣту нашихъ единовѣрцевъ Русскихъ, находящихся въ Коканѣ, мы двое сутокъ не соглашались на бритье головы, наконецъ на третьи уступили силѣ. Намъ обрили, перерядили въ Азіатское платье и передали *рансу*.

Въ самомъ Коканѣ бѣглыхъ Русскихъ и Татаръ будетъ около ста человекъ. Они встрѣчаются и въ другихъ городахъ и особенно въ Ташкентѣ, гдѣ ихъ даже болѣе, чѣмъ въ Коканѣ. Многіе изъ Русскихъ состоятъ въ ханской службѣ, но всѣ въ тайнѣ соблюдаютъ православную вѣру и желаютъ возвра-

1. Отеч. Зап. Сивильна. Ч. XI. № 29. С. 366 и сл.

таться на родину; ихъ удерживаетъ только боязнь наказанія. Изъ нихъ мы помнимъ имена: Степана Аверьянова, который служить юзъ-башею у орудій; Ивана Кузнецова, Семипалатинскаго купеческаго сына, занимающагося торговлею; козака Ефима Мусова; солдата Митрофана Демина и козака Петра Коновалова.

У раиса мы прожили мѣсяца два (январь и февраль 1850). Тамъ насъ содержали хорошо, хотя и подѣ присмотромъ, и, между прочимъ, учили по-Татарски, но обрѣзаться мы не соглашались, а когда, послѣ двухнедѣльной болѣзни, раисъ умеръ, мы ушли изъ его дома на волю и поселились у Степана Аверьянова, гдѣ жили мѣсяца два или три (съ марта 1850 г.)»¹.

Съ Половцами Русскіе находились въ несравненно болѣе тѣсныхъ и неразрывныхъ связяхъ, чѣмъ даже въ настоящее время съ Хивою, Бухарою, Ташкентомъ и Кокавомъ. Земля Половецкая, болѣе сихъ послѣднихъ, была подвержена Русскому вліянію; отчего въ ней плѣнники Русскіе не могли пользоваться нѣкоторымъ значеніемъ? отчего же въ ней не могло быть Русскихъ бѣглыхъ и гулящихъ людей?

Нельзя не замѣтить, что успѣшная обработка исторіи древней Руси встрѣчаетъ себѣ сильное препятствіе въ тѣхъ понятіяхъ, что съ одной стороны не позволяютъ изслѣдователю принимать то, что весьма само по себѣ вѣроятно и даже необходимо, хотя *письменно* и не засвидѣтельствовано², а съ другой стороны поддерживаютъ въ немъ мысль ограничиваться одними стечественными источниками, напр. лѣтописями, тогда какъ онѣ недостаточны. Сюда же надо отнести старую привычку обращать вниманіе только на одну жизнь государственную и политическую; какъ будто бы судьба Русскихъ, вѣрныхъ своей народности, не живущихъ однако въ Русской территоріи, не составляетъ органической части Русской исторіи? Отъ того забываютъ даже и упомянуть о той землѣ Русской, которая отошла къ народу иноплеменному, хотя и сохранила свою народность.

1. Вѣстникъ Русскаго Географ. Общ. 1856. Кн. IV. Слѣсь. С. 21 и сл.

2. Изслѣдователь въ наше время на единственный шагъ не долженъ забывать, что есть факты двойкаго рода: явные и тайные, и что послѣдніе гораздо важнѣе.

Изъ того, что Русскія лѣтописи ничего не говорятъ о Русскихъ поселеніяхъ въ землѣ Половецкой, еще не слѣдуетъ заключать, чтобы ихъ и не было.

Не могло въ ней не быть Русскихъ бѣглыхъ и воровскихъ людей, однако лѣтописи тоже молчатъ о нихъ.

Кіевскій лѣтописецъ подъ 1159 г. говоритъ: «Приде Изяславу болши помочь къ Бѣлугороду, приде бо къ нему Башкордъ въ 20 тысячъ, отчимъ Святославль Володимирича: *бл бо мати его бѣжала въ Половци и шла за нь*» (Р. Л. II, 85).

Княгиня могла бѣжать къ Половцамъ; какъ же не бѣгать было простымъ людямъ?

Пишущій эти строки смѣетъ думать, что при рѣшеніи подобныхъ вопросовъ, не мѣшаетъ иногда принимать въ соображеніе народный характеръ, аналогическія явленія другаго времени и при другихъ обстоятельствахъ.

Когда Изяславъ Ярославичъ въ 1068 г. привелъ на землю Кіевскую Ляховъ, то Кіевляне послали сказать его братьямъ, князьямъ Святославу и Всеволоду: «а поидета въ городъ отца своего; аще ли не хочета, то намъ неволя: *зажеши градъ свой, ступимъ въ Греческую землю*» (Р. Л. I, 74).

Въ 1174 г. вышла изъ Великаго Новагорода одна партія его жителей, спустилась по Волгѣ до Камы и основала поселеніе на берегу ея. Воодушевляемые желаніемъ, столь прирожденнымъ Русскому, «новыхъ земель отыскивать», «пустую землю въ живущую полнити», подчинили себѣ Вотяковъ, овладѣли городомъ Вяткою, завели въ этомъ краѣ и другія поселенія, основали новый городъ Хлыновъ и принявъ къ себѣ многихъ Двинскихъ жителей, образовали самостоятельную общину, которая и просуществовала такъ около двухъ сотъ семидесяти осми лѣтъ, «наблюдая обычаи Новгородскіе, повинувась сановникамъ избираемымъ и духовенству» (Кар.). Лѣтописцы современныя ни слова не упоминаютъ объ этомъ происшествіи.

Не надо забывать, что бояре наши весьма дорожили своимъ правомъ отъѣзда.

Козаки Азовскіе, бѣглые Русскіе люди, приходятъ вмѣстѣ съ Татарами грабить Россію.

Плано-Карпини, около 1247 г. проѣзжавшія землю Половец-

кую, говоря однажды о жестокости Баскаковъ, замѣтилъ: *такъ они истребили великое число Русскихъ, жившихъ въ земль Половецкой.*

Карамзинъ, въ одномъ изъ драгоцѣннѣйшихъ своихъ примѣчаній, замѣтилъ: «Путешественникъ XIII в., Рубруквисъ, сказываетъ, что между Волгою и Дономъ жили многіе Русскіе, Аланскіе, Венгерскіе или Башкирскіе разбойники, составляя какъ бы народъ особенный (см. его Voyage въ Бержерон. собр. стр. 20 и 38): вѣроятно, что они именуется въ нашихъ лѣтописяхъ *Бродниками*, то есть *бродягами*, сволочью» (II Пр. 302, см. III, прим. 164 и 304).

Въ XII в. Русскимъ тѣмъ легче было селиться въ земль Половецкой, что тамъ могли быть поселенія Русскія и весьма незначительныя, со временъ княжества Тмутараканскаго, имя котораго въ послѣдній разъ упоминается нашими лѣтописями подъ 1094 г.

Въ Тмутаракани и окрестностяхъ должны были быть поселенія Русскія еще въ X в., когда Владиміръ послалъ туда сына своего Мстислава, который около 1022 г. ходилъ на Касоговъ и побѣдилъ ихъ, проникъ въ ихъ землю и наложилъ на нихъ дань. По объѣту, данному имъ передъ битвою, онъ построилъ въ Тмутаракани церковь — «заложи церковь святыя Богородица, и созда ю, яже стоить и до сего дне Тмутарокаинъ».

Подъ 1023 г. говоритъ лѣтописецъ, что Мстиславъ ходилъ на Ярослава съ Хозарами и Касогами; а подъ 1024 г., что Мстиславъ пришелъ изъ Тмутаракани въ Кіевъ, но Кіевляне его не приняли и онъ удалился въ Черниговъ. Ярославъ же былъ тогда въ Новгородѣ. Призвавъ къ себѣ Варяговъ изъ-за моря, пошелъ онъ противъ Мстислава, который вышелъ имъ на встрѣчу къ Листвену, что на р. Рудѣ, близъ Городни. Мстиславъ поставилъ Сѣверянъ впереди, а на правомъ и лѣвомъ крылѣ свою дружину. Въ бурную, грозную ночь завязалось сраженіе. Сѣверяне зачали биться съ Варягами и много ихъ пало; тогда Мстиславъ повелъ свою дружину на Варяговъ и избилъ ихъ. Ярославъ былъ разбитъ и бѣжалъ въ Новгородъ. Утромъ, обходя поле битвы, сказалъ Мстиславъ: «кто сему не радъ? се лежить Сѣверянинъ, а се Варягъ, а дружина своя цѣла». Мстиславъ по-

слагъ сказать Ярославъ: «сяди въ своемъ Киевѣ, ты еси старѣйшій братъ, а мнѣ буди си сторона». Братья помирились и Ярославъ сѣлъ въ Киевѣ, а Мстиславъ въ Черниговѣ. И раздѣлили уже въ 1025 г. по Днѣпръ Русскую землю, «Ярославъ прія сю сторону, а Мстиславъ ону; и начаста жити мирно и въ братолюбствѣ, и уста усобица ѿ мятежь, и бысть тишина велика въ землю».

Въ 1031 г. умеръ сынъ Мстиславовъ Евстафій, а въ 1036 г. самъ Мстиславъ. «По семъ же перея власть его всю Ярославъ, и бысть самовластецъ Русьстѣй земли».

Татищевъ, вѣроятно основываясь на источникѣ, до насъ недошедшемъ, замѣтилъ, что Евстафій умеръ въ Тмутарокани.

Въ продолженіе цѣлаго ряда годовъ, лѣтопись молчитъ о Тмутарокани и только подъ 1064 г. прерывается ея молчаніе, когда говорится въ ней о бѣгствѣ въ Тмутарокань Ростислава, сына Владимірова, внука Ярославова; съ нимъ бѣжали Порфій и Вышата, сынъ Остромира, воеводы Новгородскаго. Нѣтъ сомнѣнія, онъ пришелъ въ Тмутарокань съ болѣе или менѣе значительными силами: «и пришедъ выгна Глѣба изъ Тмутароканя, а самъ сѣде въ него мѣсто». Въ томъ же или въ слѣдующемъ 1065 г. князь Черниговскій Святославъ Ярославичъ пошелъ въ Тмутарокань на Ростислава, чтобы снова посадить туда сына своего Глѣба. Ростиславъ вышелъ изъ города не изъ боязни, но не хотя подымать оружія противъ своего дяди. Святославъ вошелъ въ Тмутарокань, посадилъ снова сына своего Глѣба и воротился назадъ въ Черниговъ. Ростиславъ вернулся въ Тмутарокань, выгналъ Глѣба, который удалился къ своему отцу, и снова сѣлъ княжить въ Тмутарокани.

Подъ 1065 г. лѣтописецъ передаетъ намъ слѣдующій рассказъ: «Ростиславу сущу Тмутарокани, и емлющу дань у Касогъ и въ инѣхъ странахъ, сего же убоявшеся Гръци, послаша съ лествю Катопана; оному же пришедшу къ Ростиславу и ввѣрившуся ему, чтяшеть и Ростиславъ». Но этотъ Катопанъ поднесъ ему яду и, уѣхавъ въ Херсонъ, объявилъ, что князь Ростиславъ умретъ въ извѣстный день; такъ и случилось. «Сего же Катопана побиша камнемъ Корсуньстии люди». —

Съ чего, спрашивается, было Херсонцамъ мстить за Ростислава, если они не были ему преданы въ извѣстной степени?

Не вижу рѣшительно никакого основанія отвѣчать отрицательно на вопросъ: не было ли въ Херсонѣ XI в. или его окрестностяхъ Русской стихіи, Русскихъ поселеній? Сношенія Руси съ полуостровомъ Таврическимъ въ XII в. были прочныя и постоянныя: такъ туда шелъ извѣстный *Соляной путь*, иногда тревожимый Половцами и дорого князьями нашими цѣннымъ¹.

Въ XIII в., какъ мы уже видѣли, были поселенія Русскія на полуостровѣ, по крайности въ гор. Крымѣ. Отчего не могло быть ихъ въ XII в., когда Русь вела съ Крымомъ сношенія безпрерывныя? Смѣю думать, что и въ XI и въ X в. Славяне Русскіе не менѣе часто бывали на полуостровѣ. При семъ надо помнить Русскіе договоры съ Греками и походъ Владиміра на Корсунь. Выслушавъ всѣ мнѣнія отправленныхъ имъ людей для узнанія лучшей вѣры, и остановившись наконецъ на Греческой, Владиміръ, по словамъ лѣтописи, спросилъ бояръ: «гдѣ крещеніе примемъ?» они же рекоша: «гдѣ ти любо», «и минувшу лѣту иде Володимѣрь (988) съ вои на Корсунь, градъ Гречскій, и затворишася Корсуняне въ градъ; и ста Володимѣрь обѣ онъ полъ города въ имени, дали града стрѣлище едино, и боряхуся крѣико изъ града, Володимѣрь же объстоя градъ. Изнемогаху въ градѣ людье, и рече Володимѣрь къ гражанамъ: *«аще ся не вдасте, имаю стои ти и за 3 лѣта»*. Они же не послушаша того, Володимѣрь же изряди воѣ своѣ, и повелѣ приспу сыпати къ граду. Симъ же спушимъ, Корсуняне подъкопавше стѣну градскую, крадуще сышлемую персть, и ношаху къ собѣ въ градъ, сыплюще посредѣ града; воини же присыпаху болѣ, а Володимѣрь стояше. *И мужь Корсунянинъ стрѣли, имянемъ Настась, напсавъ смце на стрѣль: «кладни лже суть за*

1. «Вложи Богъ въ сердце Мъстиславу Изяславичу мысль благу о Русской земли, занеже ей хоташе добра всемъ сердцемъ; и созва братью оюю и нача думати съ ними, река имъ тако: «братье! пожалтеся о Русской земли и о своей отцинѣ и дѣдинѣ, оже несутъ хрестьяны на всяко лѣто у вѣжѣ своимъ, а съ нами рогу взимающе, всегда переступающе; а уже у насъ и Гречскій путь изъотимають, и Соляный, и Залозный; а лѣпо ны было, братье, възрече на Божію помощь и на молитву святоѣ Богородици, поискати отецъ своихъ и дѣдъ своихъ пути и чести». (Р. Л. II, 97). *Залозный путь* шелъ, по всей вѣроятности, на юго-востокъ, на Кавказъ.

тобою отъ востока, изъ того вода идетъ по трубѣ; копанъ переимъ». Володимиръ же се слышавъ, возрѣвъ на небо, рече: «аще се ся сбудеть, и самъ ся крещу». Корсунъ былъ взятъ и отправлено посольство къ Василю и Константину съ просьбою о рукѣ царевны Анны. Подробности, сюда относящіяся, слишкомъ хорошо извѣстны каждому. Вспомнимъ только, что Владиміръ называетъ Херсонъ «градомъ славнымъ», что въ Цареградѣ, убѣждая царевну Анну пойти за Владиміра, говорили ей между прочимъ: «видиши ли сколько зла сотвориша Русь Грекомъ». Слѣдовательно обладанію Херсонемъ Греки придавали великое значеніе! Владиміръ, по словамъ лѣтописца, крестился въ церкви Св. Василя, «и есть церкви та стоящи въ Корсунѣ градѣ, на мѣстѣ посреди града, и днѣже торгъ дѣють Корсуняне; полата же Володимеря съ края церкви стоитъ и до сего дня, а царицина полата за олтаремъ».

Владиміръ, отправляясь въ Русь, взялъ съ собою царицу, «и Настаса, и поны Корсуньски, съ мощи святаго Климента и Фифа, ученика его, пойма съсуды церковныя, иконы на благословенье себѣ. Постави же церковь въ Корсунѣ на горѣ, юже съмынаша средѣ града, крадуце приспу, яже церкви стоитъ и до сего дне».

Если считать, что Несторъ окончилъ свою лѣтопись въ 1112 г., то слѣдуетъ непременно заключать, что не только въ нач. XII в., но и въ XI в., сношенія Руси съ Крымомъ были непрерывныя, иначе бы Несторъ не говорилъ вскользь и мимоходомъ о томъ, что въ Херсонѣ то-то и то-то «стоитъ и до сего дне». Ему и въ голову не приходило, что читатель станетъ заподозривать его извѣстіе; онъ былъ убѣжденъ, что каждому легко проверитъ его слова. Точно въ такомъ же тонѣ сообщилъ онъ и слѣдующее извѣстіе объ Ольгѣ: «ловища ея суть по всей земли, знамяныя и повосты, и сани ея стоятъ въ Плесковѣ и до сего дне, и по Днѣпру перевѣсища и по Деснѣ, и есть село ея Олжичи и досель».

Въ настоящее время, когда несомнѣнно извѣстно, что за долго до принятія христіанства Владиміромъ, въ Кіевѣ уже жило много христіанъ, нѣтъ возможности сомнѣваться, чтобы въ войскѣ Владиміра, съ которымъ онъ пошелъ на Херсонъ, не

было бы христіанъ и притомъ людей грамотныхъ. Довольно вспомнить договоры Русскихъ съ Греками 911, 945 и 971 г., подлинность которыхъ несомнѣнна; они убѣдительно доказываютъ бытность на Руси X в. христіанъ и людей грамотныхъ.

Несторъ рассказываетъ, что Настасъ Корсунянинъ *написалъ* и пустилъ свое посланіе со стрѣлою въ лагерь Русскій. Мы не имѣемъ никакого основанія утверждать, что Несторъ это происшествіе выдумалъ. «Володимеръ же се слышавъ» — Владиміру прочли, такъ какъ онъ былъ неграмотенъ.

Здѣсь позволю себѣ замѣтить, что походъ Владиміровъ на Херсонъ въ 988 г. непременно долженъ былъ быть приготовленъ цѣлымъ рядомъ долгихъ и частыхъ, какъ враждебныхъ, такъ и мирныхъ сношеній Славянъ Русскихъ съ полуостровомъ Таврическимъ. Житіе Св. Стефана Сурожскаго, сохранившее намъ драгоцѣнное извѣстіе о грабежахъ Новгородскаго (?) князя, опустошавшаго мѣста отъ Корсуна до Керчи и о его походѣ въ большихъ силахъ на Сурожъ, опредѣляетъ довольно приблизительно и самое время этого похода, замѣчая, что это происходило «по смерти святаго мало лѣтъ минувши». Житіе передаетъ, что пораженный чудомъ, Новгородскій князь крестился у архіепископа Филарета, преемника Стефанова. Съ княземъ крестились и главныя изъ его людей.

Почтенный, многоуважаемый авторъ Исторіи Русской Церкви (Харьковъ 1849. Пер. I, стр. 6), сообразивъ, что Стефанъ скончался ок. 750 г. и что Филаретъ былъ его преемникомъ, весьма основательно заключилъ, что событіе это должно было происходить около 755 г.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ періодъ времени отъ 755 до 988 г. Русскіе имѣли съ Крымомъ сношенія неоднократныя, не только враждебныя, но и мирныя. За долго до Аскольда и Дира ходили Славяне Русскіе по Черному морю въ Цареградъ, что видно изъ древняго полумифическаго преданія, сообщеннаго намъ Несторомъ о Кіѣ, основателѣ Кіева. Изъ словъ его видать, что это преданіе было весьма распространено въ его время, чисто народное и вмѣстѣ съ тѣмъ весьма древнее. Какъ плавали Славяне Русскіе еще въ IX в. въ Каспійскомъ морѣ, посѣщали Рей и Багдадъ, какъ торговали и жили въ Цареградѣ въ X, а ко-

вечно и въ IX в., такъ ходили въ X и въ IX в. и въ Крымъ, торговали и жили въ немъ. Какъ древень былъ *Греческій путь*, такъ точно и дорога въ Крымъ, *Солляный путь*.

Скажу болѣе: по моему мнѣнію, весьма вѣроятно предположить о нѣкоторыхъ поселеніяхъ Русскихъ въ Крыму до 988 г., до похода Владиміра на Херсонъ. Въ то время на полуостровѣ Владиміръ имѣлъ своихъ сторонниковъ, которые норовили и помогали ему, что открывается изъ его угрозы гражданамъ Херсонскимъ, въ случаѣ, если они не сдадутъ ему города, то онъ простоятъ тутъ и три лѣта — *«аще ся не вдасте, имамъ стояти и за 3 лѣта»*. Настасъ Корсунянинъ не могъ и подумать объ измѣнѣ своему городу, если бы онъ не имѣлъ никакихъ понятій о Владимірѣ, его людяхъ. Весьма вѣроятно, что Настасъ былъ самъ Русскій или Славянинъ, проживавшій въ Херсонѣ, христіанинъ и грамотный, знавшій, что въ станѣ Владиміра были такіе же христіане и такіе же грамотные люди, какъ и онъ самъ.

Въ драгоценномъ Панновскомъ жизнеописаніи Константина философа, находится одно извѣстіе, до сихъ поръ не объясненное достаточно и тѣмъ не менѣе важное относительно вопроса насъ занимающаго. Въ бытность св. Константина въ Херсонѣ, онъ встрѣтился тамъ съ Русскимъ христіаниномъ и нашелъ евангеліе и псалтырь, писанныя по русски. Вотъ это подлинное извѣстіе: «И обрѣтъ же Константинъ тоу *евангеліе* и *псалтырь* Роушьскими (= Росьскыи и Русьскыи) писмены писано, и челоуѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ (= бесѣдова) съ нимъ, и силоу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладае различіи письменъ (= различная письмена), гласнаа и сьгласнаа, и къ Богу молитвою дръже (вар. творя), и вскорѣ начеть чисти и сказовати. И двляхоу се емоу, Бога хвалеще»¹.

1. И. И. Срезневскій весьма, по-моему, основательно и остроумно возразилъ Шафарыку на то, что *Русскія письмена* эти — Готскія или Варяго-Русскія, а не Славянскія. «Будь этотъ Русскій языкъ, говорить нашъ почтенный Славянолюбъ, не Славянское нарѣчіе, а какое нибудь чужое, отличное не однимъ выговоромъ словъ, Константинъ не могъ бы съ перваго разу вступить въ разговоръ съ Русскимъ и «принять силу рѣчи» съ одною помощію сравненія ея съ своимъ природнымъ языкомъ — съ своею бесѣдою, замѣчая отличія произношенія звуковъ гласныхъ и согласныхъ. При этомъ, безъ сомнѣнія, надобно допустить предполо-

Совершенно независимымъ путемъ пришедши къ предположенію, весьма вѣроятному, о томъ, что на полуостровѣ Таврическомъ могли проживать Славяне Русскіе и христіане въ X и даже въ IX в., мы находимъ извѣстіе о томъ, что въ первой половинѣ IX в. Константинъ философъ нашелъ въ Херсонѣ одного *Русскаго Славянина*, у котораго видѣлъ евангеліе и псалтырь, писанныя *Русскими письменами*¹.

Признаюсь, не вижу никакой необходимости отвергать пока безусловно все это мѣсто; довольно только вспомнить, что задолго до Кирилла и Меодія Славяне принимали христіанство,

---

женіе, что природнымъ языкомъ Константина былъ языкъ Славянскій, предположеніе впрочемъ совершенно умѣстное; доказываемое правильностью словосочиненія и словоизмѣненія въ древнѣйшихъ текстахъ чтеній евангельскихъ. Если же допустить, что подъ именемъ Русскаго языка жизнеописатель разумѣлъ одно изъ нарѣчій Нѣмецкихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ зналъ, о чемъ говорилъ, то и природнымъ языкомъ Константина надобно считать Нѣмецкій, — или же по крайней мѣрѣ надобно отдѣлать, какъ позавѣйшую вставку, выраженія: «своимъ бесѣдъ прикладаетъ различіи письменъ гласная и съгласная». (Изв. II Отд. Ак. Н. Т. I. С. 296). Позволяю себѣ прибавить здѣсь, что въ томъ случаѣ, если *Русскія письма* — Варажскія или Готскія, то надобно отдѣлать, какъ позавѣйшую вставку, и слова: «и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи приять» — такъ какъ Константинъ Философъ, былъ ли онъ Грекъ или Славянинъ, не могъ *бесѣдовать по-Нѣмецки*, и такъ скоро *приять силу рѣчи*. Если считать позавѣйшею вставкою всѣ эти слова и выраженія, то и всѣ предъидущія слова — такая же вставка; иначе въ ней нѣтъ никакого смысла. Почтенный профессоръ Горскій приписываетъ это мѣсто Русскому вліянію и позавѣйшему времени. Едва ли нельзя не усомниться въ возможности когда либо доказать неопровержимыми доводами, что это мѣсто — простой вымыселъ. Допустивъ это послѣднее, все-таки надо согласиться, что выдумать это могъ только одинъ Русскій; Болгарину же напр. никогда этого не могло придти въ голову. Мѣсто это однако находится не только въ Русскихъ спискахъ Житія Кирилла, но и въ Болгарскомъ, именно Рильскомъ XV вѣка. Правописаніе послѣдняго едва ли содержитъ какіе либо намеки на Русское вліяніе, на Русское письмо. О. М. Бодянский полагаетъ, что это извѣстіе выдуманно во время «вѣроисповѣдной борьбы Русскихъ съ западными соплеменниками». (О врем. изобрѣт. Слав. писмъ. С. LVII. Прим. 97).

1. Нѣтъ никакой необходимости полагать, что то было цѣлое евангеліе, цѣлый псалтырь. Нельзя здѣсь не помнить, что христіанство стало распространяться у Славянъ задолго до IX в., что Лѣт. Межиборск. Еп. говоритъ о Вернерѣ (около 1101 г.): «Libros schlavonicae linguae sibi fieri jussit, ut latinae linguae caractere idiomatica linguae Schlaworum exprimeret». А про Старградскаго свщ. Бруно (ок. 1186 г.) у Бодричей говоритъ Гельмольдъ: «Quibus sacerdos Dei Bruno juxta creditam sibi legationem sufficienter administravit verbum Dei, habens sermones conscriptos verbis slaviciis, quos pronunciatet opportune». Изъ вѣдръ же восточной церкви могли задолго до IX в. выходить проповѣдники (сами же крещеные Славяне) и пользоваться народнымъ словомъ. Подвигъ св. Славянскихъ апостоловъ тѣмъ ни сколько не умаляется.

имѣли письменность, употребляли особыя *черты и рѣзы*, *Греческія и Римскія письма*. Богатство и обработанность языка памятниковъ Славянскихъ IX в., дошедшихъ до насъ въ спискахъ XI в., позволяютъ кажется предположить періодъ болѣе или менѣе слабыхъ попытокъ, не оставшихся однако безъ послѣдствій и приготовившихъ пвѣтущее, по истинѣ изумительное состояніе Славянской прозы IX и X в.

Какъ бы то ни было, но Русскія поселенія на полуостровѣ Таврическомъ въ XI в., какъ нельзя болѣе вѣроятны. Княжество Тмутороканское пользовалось въ то время не малымъ значеніемъ: «Ростиславу суцу Тмуторокани, и емлюцу дань у Касогъ и въ мнѣхъ странахъ, сею же убоявшеся Гръци». Греки подослали Катопана, который и отравилъ князя Ростислава. «Сего же Катопана побиха каменемъ Корсуньстіа людемъ»¹. —

Слѣдующее за тѣмъ извѣстіе въ нашей лѣтописи о Тмуторокани стоитъ подѣ 1078 г.

«Сѣде Борисъ Черниговѣ мѣс. мая 4 день, и бысть княженья его 8 дній, и бѣже Тмутороканю къ Романови».

Въ 1078 г. Олегъ Святославичъ, жившій до того у Всеволода въ Черниговѣ, «бѣже... Тмутороканю» 10 Апрѣля. Въ этомъ же году «приведе Олегъ и Борисъ поганыя на Русьскую землю, и поидоста на Всеволода съ Половци». На Сожицѣ былъ разбитъ Всеволодъ, «и побѣдиша Половци Русь, и мнози убьени быша ту». Олегъ и Борисъ отправились въ Черниговъ, гдѣ были однако не долго. Изяславъ съ Ярополкомъ и Всеволодъ съ Владиміромъ пошли вскорѣ противъ нихъ. Борисъ былъ убитъ, а Олегъ «побѣже въ малѣ дружинѣ, и одва утече; бѣжа Тмутороканю».

По смерти Изяслава, убитаго въ этой битвѣ, Всеволодъ, его братъ, сѣлъ въ Кіевѣ, а сынъ послѣдняго, Владиміръ, въ Черниговѣ.

1. Если еще въ XVI в. христіане Крымскіе знали по преданію мѣсто, гдѣ престялся Владиміръ, то нельзя кажется сомнѣваться, что у Русскихъ XI—XII в. Херсонъ былъ въ великомъ почетѣ. Конечно, князья и др. не оставляли тамошнюю церковь, построенную Владиміромъ, ни приношеніями, ни вкладами. Нѣтъ никакой нужды утверждать, что въ церкви этой, со временъ Владиміра, въ богослуженіи былъ принятъ Греческій, а не Славянскій языкъ.

Въ 1079 г. «приде Романъ съ Половци къ Воину, Всеволодъ же ста у Переяславля и створи миръ съ Половци; и возвратися Романъ съ Половци вспять, и убиша и Половци мѣс. авг. 2 день; суть кости его и доселѣ тамо лежаче, сына Святославля, внука Ярославля; а Олга емше поточища и за море Царюграду. Всеволодъ же посади посадника Ратибора Тмуторокани».

Въ 1081 г. 18 мая «бѣжа Игоревичъ Давыдъ съ Володаремъ Ростиславичемъ» — «и придоста Тмутороканю, и яста Ратибора и сѣдоста Тмуторокани».

Безъ сомнѣнія, они пришли вооруженною силою, иначе бы имъ не выгнать было посадника Ратибора, который конечно же защищался, слѣдовательно имѣлъ самъ свою вооруженную силу.

Въ 1083 г. Олегъ Святославичъ, прожившій передъ тѣмъ на островѣ Родосѣ два года и двѣ зимы, явился къ Тмутороканю и, какъ справедливо замѣтилъ Карамзинъ, овладѣлъ имъ вѣроятно съ помощію Грековъ. «Приде Олегъ изъ Грекъ Тмутороканю, и я Давыда и Володаря Ростиславича, и сѣде Тмуторокани; и сѣче Козары, иже бѣша свѣтници на убьенъе брата его и на самого, а Давыда и Володаря пусти».

Наконецъ послѣднее извѣстіе, встрѣчающееся въ нашихъ лѣтописяхъ о Тмуторокани, стоитъ подъ 1094 г.: «приде Олегъ съ Половци, изъ Тмутороканя приде Чернигову, Володимеръ же затворися въ градѣ, Олегъ же приде къ граду и пожже около града, и монастырѣ пожже; Володимеръ же створи миръ съ Олгомъ, и иде изъ града на столъ отень Переяславлю, а Олегъ вниде въ градъ отца своего. Половци же начаша воевати около Чернигова, Олгови не взбравящю, бѣ бо самъ повелѣлъ имъ воевати. Се уже третье наведе поганыя на землю Половецкую; его же грѣха дабы и Богъ простилъ, занеже много хрестьянъ изгублено бысть а друзія полонени и расточени по землямъ»¹.

1. Подъ 1093 г. лѣтописецъ жалуется на грабежи и опустошенія Половцевъ: «лукавиі сынове Иманлеви пожигаху села и гумна, и многы церкви запалиша огнемъ...» «Половци воеваша много и възвратиса къ Торцьскому, и изнемогаша людье въ градѣ гладомъ, и предашася ратнымъ; Половци же, вринше градъ, запалиша и огнемъ, люди раздѣлиша и ведоша въ вежъ къ сердоболемъ своимъ и сродникомъ своимъ. Много роду хрестьянска стражуще: печални, мучни, ии-

Изъ самаго тона и характера извѣстій лѣтописныхъ о Тмутарокани слѣдуетъ, что на берегу Азовскаго моря были издавна поселенія Русскія, и немалозначительныя. Тогдашней Руси они были хорошо извѣстны; иначе бы лѣтописецъ непременно счелъ долгомъ своимъ распространить подробности о Тмутарокани, о ея внутреннемъ устройствѣ, о ея народонаселеніи, о ея границахъ. Близкое знакомство тогдашней Руси съ Тмутароканью очевидно и изъ словъ лѣтописца, жителя Кіевскаго, — о церкви св. Богородицы, построенной Мстиславомъ, — «яже стоитъ и до сего дне Тмутарокани». Если бы въ Тмутарокани стихія Русская была слаба или ничтожна, тогда бы Ростиславъ никогда не сталъ опаснымъ для Грековъ, а Мстиславъ не могъ бы побѣдить Касоговъ. Изъ того, что князья Тмутароканскіе приводили на Русь Половцевъ, нельзя выводить, что Русскаго населенія при нихъ не было, не имѣли потому и своего войска. Въ житіи Θεодосія сохранились краткія, но драгоцѣнныя извѣстія о Тмутарокани.

Около 1062 г. инокъ Кіево-Печерскаго монастыря «великій Никонъ отъиде въ островъ Тмутарокань и ту обрѣте мѣсто свѣтло, чисто, близъ града, сѣде на немъ и Божіею благодатіею възрасти мѣсто то и церковь св. Богородица възгради на немъ. *И бысть монастырь славенъ, иже и донинѣ есть, прикладъ имы вси Печерскы монастырь*».

Изъ того же Житія узнаемъ мы, что по смерти Ростислава Тмутароканскаго, отравленнаго Катопаномъ въ 1065 г., жители Тмутароканскіе просили Никона сходить въ Кіевъ къ Святославу прислать имъ сына своего въ князья.

Точно такъ же, почти за 100 лѣтъ передъ тѣмъ, просили Новгородцы у Святослава дать имъ князя: «придоша людье

мою оцѣплями, въ алчи и въ жажн и въ бѣдѣ опустѣвши лица, почервѣвши тѣлеса; незнаемою странною, языкомъ испаленымъ, назн ходяще и боси, ноги имуше сболены тернѣемъ. Со слезами отвѣщаху другъ къ другу, глаголюще: «азъ бѣхъ сего города», и другія: «азъ сая вси»; тако съупрашаются со слезами, ролъ свой повѣдающе и въздынюще, очи возводяще на небо къ Вышнему, свѣдающему тайна. Да никто же деранеть рещи: яко ненавидими Богомъ есмы! Да не будетъ. Кого бо тако Богъ любить, яко же ны възлюбилъ есть? кого тако почелъ есть, акоже ны прославилъ есть и възвелъ? Никого же». (Р. Л. I, 96).

Новгородстѣи, просяше князя собѣ: аще не поведете къ намъ, то налѣземъ князя собѣ».

Свиданіе Никона съ Θεодосіемъ было самое радостное. Θεодосій уговаривалъ его не разлучаться съ нимъ; великій Никонъ обѣщалъ — «пойду въ монастырь, устрою въ немъ все и тотчасъ ворочусь назадъ». Слово свое онъ исполнилъ, вернулся въ Кіево-Печерскій монастырь, гдѣ и скончался въ 1088 году. (Р. Л. I, 89).

Извѣстіе это о Богородицкомъ монастырѣ въ Тмутарокани указываетъ на немалозначительность тамошнихъ Русскихъ поселеній. Съ основаніемъ же монастыря Русская стихія тамъ еще болѣе должна была выиграть.

Лѣтопись наша упоминаетъ о дѣлахъ Тмутароканскихъ только тогда, когда онѣ приходили въ прямое соприкосновеніе съ дѣлами Руси; поэтому-то въ высшей степени неосновательно поступили бы мы, если бы стали утверждать, что послѣ 1094 г., когда въ послѣдній разъ упоминается Тмутарокань въ нашихъ лѣтописяхъ, Русская стихія исчезла въ ней вовсе, не оставивъ никакого слѣда.

Признавъ существованіе въ XI в. Русскихъ поселеній на берегу Азовскаго моря, и зная о постоянныхъ сношеніяхъ князей Русскихъ съ Тмутароканью и обратно, имѣемъ ли мы хоть какое нибудь право отрывать бытность Русскихъ поселеній въ XI в. на всемъ пространствѣ между тогдашнею Русью и Азовскимъ моремъ?

Прокопій (552 г.), перечисливъ народы, живущіе при устьѣ Дона и по берегамъ Азовскаго моря, вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: «Дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ Анты, народы безчисленные — καὶ αὐτῶν κατ'ὑπερθεῶν, ἐς βορρῆαν ἀνεμῶν, ἔτι καὶ τὰ Ἀντῶν ἀμετρα ἴδρονται».

Иорнадъ (ок. 552 г.) говоритъ, что, сильнѣйшіе изъ Славянъ Анты живутъ на Понтѣ, между Диѣстромъ и Диѣпромъ — (Antes..., qui sunt eorum fortissimi, qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprum, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt).

Въ этихъ же мѣстахъ жили Славяне и въ IV в. королѣ

Черноморскихъ Готѣвъ Эрманарикъ воевалъ съ Венетами, съ своими сосѣдами.

Во II стол. по Р. Х., какъ открывается изъ словъ Плинія, жили нѣкоторыя Славянскія вѣтви по Дону. (A Cimmerico assolunt Maeotici, Vali, Serbi, Agrechi, Zingi, Psesii. Н. Н. VI, 7. См. Шафарика Слав. Древн. § 9. 2).

Хотя и въ миѣнческихъ преданіяхъ Скандинавскихъ, тѣмъ не менѣе имѣющихъ великое историческое значеніе и основаніе, рѣка Донъ называется рѣкою Славянскою Tanaquisl и Wanaquisl. На восточной ея сторонѣ лежитъ земля Асовъ, Ясовъ — Asaland, въ ней городъ Asgard, въ которомъ царствовалъ Одинъ. Онъ велъ войну съ Ванами — со Славянами, но съ переменнымъ счастьемъ. Вскорѣ Одинъ переселился на сѣверъ, въ Скандинавію.

Народное преданье это могло образоваться не позже, какъ въ I — II в. по Р. Х., если еще не раньше. (Шаф. Древн. § 8. 11).

И такъ, въ земляхъ при-Донскихъ издревле были поселенія Славянскія. Народъ земледѣльческій, крѣпко привязанный къ своей землѣ и къ своимъ старымъ обычаямъ, Славяне не могли легко и охотно покидать свои старыя жилища.

Когда же въ первые положено было начало господству Русской стихіи на берегу Азовскаго моря, въ Тмутарокани и окрестностяхъ?

Первое знакомство наше съ Тмутароканью начинается 1022 г., подъ которымъ лѣтописецъ записалъ слѣдующее: «Приде Ярославъ къ Берестію. Въ си же времена Мстиславу сушу Тмутароканю, поиде на Касоги...» и т. д. Въ слѣдующемъ же 1023 г. идетъ уже Мстиславъ на Ярослава съ Хозарами и съ Касогами.

Разбивъ Касоговъ въ 1022 г., Мстиславъ построилъ въ Тмутарокани церковь св. Богородицы — «заложи... и созда ю».

Трудно себѣ вообразить, что то была первая Русская церковь въ Тмутарокани. У Карамзина уже возникалъ вопросъ о томъ, съ какого времени подчинилась Тмутарокань Русской стихіи? Онъ предполагалъ, что Тмутарокань или Греческая Таматарха была завоевана Святославомъ. При семъ историкъ разумѣлъ побѣды Святослава надъ Хозарами, Ясами и Касогами. О нихъ, какъ извѣстно, лѣтописецъ говоритъ подъ 965 г.

въ слѣдующихъ словахъ: «Иде Святославъ на Козары. Слышавше же Козари, изидоша противу съ княземъ своимъ Каганомъ, и съступишася бити; и бывши брани, одолѣ Святославъ Козаромъ и градъ ихъ Бѣлувѣжю взя. Ясы побѣди и Касогы».

Сильно сомнѣваюсь въ возможности успѣховъ Святослава въ томъ случаѣ, если бы въ земляхъ при-Донскихъ не было вовсе Русской стихіи, Русскихъ поселеній. Славный Арабскій историкъ и географъ († 956 г.) Массуди, въ сочиненіи своемъ «Золотые луга», между прочимъ пишетъ: «Отъ рѣки Хозарской (Волги) въ верхнемъ ея теченіи отдѣляется одинъ рукавъ (Донъ), впадающій въ узкій заливъ моря, Понта, каковое есть море Русское; такъ какъ ни одинъ народъ, исключая Русскихъ, не плаваетъ въ этомъ морѣ. Это великій народъ, живущій на одномъ изъ береговъ этого моря. Они никогда не имѣли князя, ни признавали никакого положительнаго закона. Многіе изъ нихъ купцы, ведущіе торгъ съ владѣніями Таргизовъ. Русскіе обладаютъ большими серебряными рудниками, которые могутъ быть сравнены съ рудниками въ горахъ Лехджиръ, въ Хорасанъ. Столица Таргизовъ расположена на берегу Меотійскаго моря. По моему мнѣнію, эта страна принадлежитъ къ седьмому климату. Караваны ихъ ходятъ въ Ховарезмъ, въ Хорасанъ, а изъ Ховарезма ходятъ къ нимъ караваны; но здѣсь живетъ много кочующихъ ордъ Турецкаго происхожденія, (которыя отличаются отъ Таргизовъ), между этими двумя странами, отъ чего дорога для каравановъ не безопасна»¹.

Передавъ нѣсколько подробностей о Таргизахъ, Массуди снова возвращается къ Русскимъ въ слѣдующихъ словахъ: «Русскіе состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ (several different nations) и разныхъ ордъ (distinct hordes); одни изъ нихъ называются *аль-Людаметъ* (Спрингеръ ставитъ въ скобкахъ съ вопросительнымъ знакомъ *Lithuanians?*). Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь и въ «Хозарамъ».

1. El. Mas'udis Historical Encyclopaedia, entitled «Meadows of gold and Mines of Gems»: translated from the Arabic by Aloys Sprenger. London. MDCCCXLI, Vol. I, 412—413.

Далѣе Массуди довольно подробно распространяется о походѣ Русскихъ въ Каспійскомъ морѣ; описаніе это я привожу ниже въ *примѣчаніи*, а теперь позволю себѣ замѣтить, что эти Руссы Массудіевы были Славяне Русскіе, а не Варяго-Руссы, не Норманны, какъ то нѣкоторые утверждаютъ. Ниже я долженъ говорить объ этомъ подробнѣе, а здѣсь укажу только на нѣкоторые главнѣйшіе доводы въ пользу мнѣнія, принимаемого не только мною, но и знаменитымъ Французскимъ ориенталистомъ Рево.

Эти Руссы отправляются въ Каспійское море, по словамъ Массуди, въ числѣ 50,000 человекъ. Варяго-Руссы никогда не были такъ многочисленны.

Варяги-Русь были Шведы (жители Упландіи), а Руссы, по словамъ Массуди, великій народъ — а *great nation*; т. е. многочисленный.

Въ Русь пришла дружина Рюрика, его ближніе, его родственники; положимъ даже, что къ намъ переселилась вся Упландія, и тогда бы Шведовъ нельзя было назвать народомъ великимъ, многочисленнымъ, раздѣленнымъ на нѣсколько племенъ.

И такъ, Руссы Массудіевскіе — не Норманны, а Славяне; точно такіе же Славяне, какъ и Руссы Ибнъ-Хордаты-Бега († 912), Истахри —.

Массуди говоритъ, что Руссы плаваютъ вверхъ по Дону, что они имѣютъ свои *серебряные рудники*. Это мѣсто было уже приведено Френомъ въ его замѣчательномъ трудѣ (*Ibn-Fozzl.-Ber. S. 239*); онъ также замѣтилъ уже, что о Русскихъ серебряныхъ рудникахъ упоминаетъ и знаменитый путешественникъ Марко-Поло, этотъ Гумбольдтъ XIII в.

Насъ занимаетъ вопросъ о Русскихъ поселеніяхъ въ придонскомъ краѣ; отъ того-то и обращаемъ теперь вниманіе читателя на эти Русскіе серебряные рудники. Извѣстія о нихъ, важныя для исторіи внутренняго быта и промышленности, несомнѣнно въ то же время убѣждаютъ насъ въ бытности и давности Русской стихіи въ нынѣшней землѣ войска Донскаго. Вотъ какъ Марко-Поло описываетъ Русь (ок. 1270 г.):

«Область Россіи весьма обширна и раздѣлена на много частей....

Народы ея христіане и держатся Греческаго обряда въ церковномъ богослуженіи. Это люди весьма красивые, бѣлые (лицемъ) и высокіе; женщины ихъ также бѣлы и высоки, съ русыми и длинными волосами. Они платятъ дань царю Татарскому....

Въ этой области (т. е. Россіи) находятся въ огромномъ изобиліи разные мѣха (pelli di argelini, ascolini, zebellini, vari, volpi) и много воску, *есть также много рудниковъ, изъ которыхъ добывается серебро въ огромномъ количествѣ*.

Карамзинъ замѣтилъ: «Славный Венеціанскій путешественникъ Марко-Поло, бывъ около 1270 г. въ Великой Татаріи, въ Персіи и на берегахъ Каспійскаго моря, говоритъ о *хладной Россіи*, сказывая, что ея жители бѣлы, вообще хороши лицомъ, и что она богата *собственными серебряными рудниками: мы не имѣли ихъ, но дѣйствительно могли хвалиться знатнымъ количествомъ серебра, получаемого нами отъ Нѣмецкихъ купцовъ и черезъ Югру изъ Сибири*» (V. С. 395). Въ настоящее время, смѣю думать, Карамзинъ не отвергъ бы свидѣтельства Марко-Поло, подтверждающаго извѣстіе Массуди о серебрянныхъ рудникахъ Русскихъ. О нихъ есть у насъ извѣстіе и XIV в. Арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута, посѣтившій южную Россію въ 30—40 годахъ, рассказываетъ, какъ онъ путешествовалъ изъ Астрахани, сопровождая въ Константинополь хатуну Беялуну, жену хана Узбека, природную Гречанку.

Отправившись изъ Астрахани, черезъ нѣкоторое время, они прибыли къ городу *Окакъ*. Мѣстоположеніе его мнѣ не извѣстно, но его можно опредѣлить довольно приблизительно изъ соображенія другихъ мѣстъ. Привожу, по ихъ важности, слова Ибнъ-Батуты, во Франц. переводѣ: *Serpendant nous marchions (изъ Астрахани — Hâddj Terkhân срв. наше Хазитороканъ) vers la ville d'Ocac, qui est une place d'une importance moyenne, bien construite, riche en biens, mais d'une température très froide. Entre elle et Sêrd, capitale du sultan, il y a dix jours de marche. A un jour de distance d'Ocac se trouvent les montagnes des Russes, qui sont chrétiens; ils ont des cheveux roux, des yeux bleus, ils sont laids*

de visage et rusés de caractère. Ils possèdent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saout, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée. Le poids de chaque lingot est de cinq onces.

Dix jours après être partis de cette cité (Ocac), nous arrivâmes à Sordâk (Soûdâk). C'est une des villes de la vaste plaine du Kif-djak; elle est située sur le rivage de la mer, et son port est au nombre des plus grands ports et des plus beaux. Il y a en dehors de la ville des jardins et des rivières. Des Turcs l'habitent, avec une troupe de Grecs qui vivent sous leur protection, et sont des artisans; la plupart des maisons sont construites en bois. Cette cité était autrefois fort grande; mais la majeure partie en fut ruinée, à cause d'une guerre civile qui s'éleva entre les Grecs et les Turcs»¹.

Горы, близъ города Окака (?)², находившагося въ 10 дняхъ пути отъ Сарая и въ 10 же дняхъ отъ гор. Судака, горы, въ которыхъ Русскіе добывали себѣ серебро въ XIV в., по словамъ Ибнъ-Батуты, въ XIII по Марко-Поло, и въ X в. по Массуди, ничто иное, какъ Донецкій кряжъ, гдѣ еще въ настоящее время находятъ серебристый свинцовый блескъ.

Е. П. Ковалевскій³ вотъ что между прочимъ писалъ объ этомъ въ 1829 г. въ Горномъ Журналѣ (1 кн.): «Съ давняго времени жители селенія Нагольнаго занимаются собираніемъ галекъ свинцоваго блеска, выносимыхъ изъ окрестныхъ горъ водою. Во время таянія снѣговъ и послѣ сильныхъ дождей, они наиболѣе запасаются рудою, которую, по легкоплавкости ея и по богатому содержанію въ ней металла, удобно плавить въ желѣзныхъ ковшахъ, прибавляя вмѣсто флюса нѣсколько сала. Изъ получаемого такимъ образомъ свинца они отливаютъ обыкновенно ружейныя пули. *Первое извѣстіе о нахожденіи свинцовыхъ рудъ въ здѣшнемъ краю получило Правительство въ 1801 г., чрезъ горнаго офицера Ильина, который теперь (въ 1829 г.) есть начальникъ Луганскаго завода....»*

1. Voyag. d'Ibn-Batoutah, II, 414—415. — Выше Ибнъ-Батута рассказываетъ про свое пребываніе въ Астрахани: «Chaque khâton me donna des lingots d'argent, que ces peuples appellent saout, pluriel de saoutah».

2. См. выше въ Приложеніяхъ.

3. Нынѣ Министръ Народнаго Просвѣщенія.

«Въ 1820 г. оберъ-гиттенфервальтеръ Козинъ нашель по р. Нагольной признаки свинцовыхъ рудъ, а въ одномъ изъ нихъ при Козьей Банкѣ открылъ и жильное оныхъ положеніе. Наконецъ въ 1827 г. отправлена была въ сіи мѣста, для развѣдки свинцовыхъ рудъ, особенная горная партія (подъ начальствомъ Першина 2-го и Бема). По изслѣдованіи ея оказалось, что въ Нагольныхъ горахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ въ формации переходнаго филлада встрѣчается кварцъ съ талькомъ, находится свинцовый блескъ отдѣльно или съ цинковою обманкой. Шурфами встрѣчено по рѣкѣ Нагольной много прожилковъ свинцоваго блеска, которые на глубинѣ соединены вмѣстѣ, что даетъ право надѣяться на большей глубинѣ встрѣтить болѣе значительныя жилы».

Развѣдки Бергешворена Сырохвастова показали, что, начиная отъ Нагольной, по теченію рѣки сего имени, до самаго соединенія ея съ Міусомъ, вездѣ встрѣчаются признаки свинцовыхъ рудъ. Въ послѣдствіи найденъ былъ свинцовый блескъ и въ системѣ горъ Міусскаго отрога. Свинцовый блескъ по рѣкѣ Нагольной встрѣчается съ содержаніемъ серебра — серебристый; въ Нагольной свинцовой рудѣ — свинца — до 60%; а серебра до 2½ фунтовъ въ 100 пудахъ, слѣдовательно въ пудѣ около 3 золотниковъ.

Французскій инженеръ Лепле въ Изслѣдованіяхъ своихъ каменно-угольнаго Донецкаго бассейна, произведенныхъ имъ по распоряженію А. Н. Демидова, вотъ какъ выражается о нахожденіи въ настоящее время свинцоваго блеска въ Донецкомъ кряжѣ: «Наблюденія (изложенныя выше) не даютъ никакого повода думать, чтобы формации Донецкаго кряжа были богаты металлами или рудами. Кромѣ желѣзной руды, *здесь открыты только признаки свинцоваго блеска.* Этотъ минералъ находится въ небольшихъ кварцевыхъ прожилкахъ, въ псаммитѣ, близъ Нагольной, на рѣкѣ, составляющей притокъ Міуса и также называющейся Нагольною. *Систематическія изслѣдованія, произведенныя горными офицерами, убѣдили, что означенная руда встрѣчается здѣсь въ столь маломъ количествѣ и такъ бѣдна серебромъ, что не можетъ быть предметомъ выгодной разработки, и потому всѣ работы по этому предмету прекращены.* (Перев. Г. Шуурскаго. Стр. 213—214).

Изъ словъ Лепле было бы въ высшей степени ошибочно заключать о томъ, что и въ древнѣйшія времена¹, напр. при Мас-суди, Марко-Поло, Ибнъ-Батутъ, свинцовая руда была такъ же бѣдна серебромъ, какъ и въ настоящее время. Извѣстно, что всякое *самодѣльное*, безыскусственное производство всегда больше теряетъ и меньше умѣетъ пользоваться матерьяломъ, чѣмъ производство научное. Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія жители Нагольной находили возможнымъ и выгоднымъ для себя заниматься добычею свинца, а въ XIV в. серебряные слитки, добываемые Русскими, были въ общемъ обращеніи у Татаръ, подъ именемъ *саумъ*. Ибнъ-Батута именно замѣчаетъ, во Французскомъ переводѣ: *Ils (les Russes) possèdent des mines d'argent, et on apporte de leur pays des saoum, c'est à dire des lingots d'argent, avec lesquels on vend et l'on achète dans cette contrée. Le poids de chaque lingot est de cinq onces*. А въ бытность его въ Астрахани, каждая жена хана дарила ему эти серебряные слитки — «*chaque khâtoun me donna des lingots d'argent, que ces peuples appellent saoum, pluriel de saoumah*».

Въ настоящее время было бы слишкомъ поспѣшно утверждать, что въ долгой періодъ времени XV—XVIII в. Русскихъ поселеній въ этихъ мѣстахъ не было, Русскіе не занимались добычею металла.

Не слѣдуетъ забывать, что въ XV.—XVI в., когда козаки Донскіе и Азовскіе все больше пріобрѣтаютъ силы и значенія². Русскія тамошнія населенія были болѣе обезпечены, чѣмъ въ XIV—XIII в., во время Ибнъ Батуты и Марко-Поло.

1. Судя по сообщеннымъ мнѣ изустно свѣдѣніямъ, новѣйшія изслѣдованія произведенныя нашими инженерами, позволяютъ, кажется, думать, что металлоносныя жилы Довецкаго края далеко благоважнѣе, чѣмъ то прежде предполагали.

2. Нашъ посланникъ Петръ Тургеневъ, въ 1551 г., доносилъ Іоанну изъ Ногайскихъ Улусовъ: «прислалъ Турецкой царь къ Исмаилъ мирѣ послѣ сее вены, съ тѣмъ: въ нашихъ де въ бусурманскихъ книгахъ пишетца, что тѣ лѣта пришли, что Русскаго царя Ивана рука надъ бусурманы высока; уже де и мнѣ отъ него обидѣ великая: поле де все, да и рѣки у меня поотымалъ, да и Довъ отнял, да и Азовъ городъ пусть у меня доспѣлъ; поотымалъ всю волю въ Азовѣ. Казаки его съ Азова обронъ емлютъ, и воды изъ Дону пити не дадутъ....» (И. Г. Р. VIII, Прил. 254).

Одно обстоятельство по видимому сильно говорить въ пользу того предположенія, что въ XVI в. въ Донецкомъ краѣ добычи серебра не происходило. Разумѣю любопытныя извѣстія о Россіи начала XVI в., оставленныя намъ почтеннымъ, достойнымъ глубокаго уваженія и благодарной нашей признательности, Московскимъ гонцомъ Дмитріемъ Герасимовымъ¹, извѣстія, записанныя любознательнымъ Павломъ Іовіемъ.

Въ описаніи Іовія мы читаемъ между прочимъ: «Московитяне отпускаютъ въ Европу лучшій ленъ, коноплю для канатовъ, воловью кожу и множество воску. У нихъ нѣтъ ни золотыхъ, ни серебряныхъ рудниковъ, а также во всей странѣ не замѣчено драгоценныхъ камней...» (*Nobile quoque linum et cannabum in restes, multaque item boum tergora, et massas cerae in-*

1. Дмитрій Герасимовъ былъ въ Римѣ въ 1525 г. Вотъ нѣсколько чертъ этого замѣчательнаго человѣка: «Полагали, говоритъ П. Іовій, что Дмитрій, какъ человѣкъ опытный въ дѣлахъ государственныхъ и особенно свѣдущій въ Священномъ Писаніи, имѣетъ какія либо тайныя и важныя порученія, которыя объявить папѣ на аудіенціи словесно. Онъ въ недавнемъ времени выздоровѣлъ отъ лихорадки, которою долго былъ одержимъ отъ перемены климата, и совершенно востановилъ силы свои и прежній цвѣтъ лица, такъ, что, не смотря на шестидесятилѣтнюю старость, съ охотою ходилъ слушать торжественное служеніе папы, совершавшееся со всею пышностію, при гармоническихъ звукахъ музыки, въ день св. Космы и Даміана; былъ въ сенатѣ въ то самое время, когда папа и всѣ придворныя чины принимали кардинала Кампедію, только что возвратившагося изъ посольства въ Венерію; осматривалъ святые храмы и съ изумленіемъ любовался остатками древняго величія Рима и жалкими остовами прежнихъ зданій». (Библиот. иностр. пис. о Россіи, Семенова. 1836). Іовій говоритъ также про Герасимова, что онъ зналъ хорошо по-Латыни, чему научился въ Ливоніи, отличался свѣтлымъ умомъ и большими свѣдѣніями, много путешествовалъ: такъ онъ былъ въ посольствахъ Шведскомъ, Датскомъ, Прусскомъ, Вѣскомъ. Поводы къ письменному изложенію рассказовъ Герасимова раскрыты Іовіемъ въ его посвященіи архіепископу Іоанну Руфу. «Вы изъявили желаніе, — говоритъ Іовій, — имѣть на Латинскомъ языкѣ описаніе нравовъ Московитянъ, заимствованное мною изъ ежедневныхъ бесѣдъ съ Дмитріемъ, прибывшимъ недавно къ папѣ Клементу VII-му въ качествѣ Московскаго посла. Такимъ образомъ Іовію принадлежатъ нѣкоторыя мнѣнія и форма; факты же и данныя, на сколько онъ ихъ не искажилъ вольно и неволью, принадлежатъ юнцу Дмитрію. А за факты сочиненіе Іовія и важно. Слѣдовательно честь перваго обстоятельнаго ознакомленія Европы съ Россіею принадлежитъ двумъ Славянамъ — Дмитрію Герасимову и Герберштейну. Фаберъ, какъ извѣстно, составилъ свое сочиненіе (*de Moscovitarum religione*. 1525 г.) тоже по рассказамъ Русскихъ, именно князя Ив. Фед. Ярославскаго и дьяка Сем. Бор. Трофимова, которыхъ онъ встрѣтилъ въ Тюбингенѣ, на возвратномъ ихъ пути изъ Испаніи.

gentes, Moschovitae in omnem Europae partem mittunt. Nulla auri argentive, vel ignobilioris metalli, ferro excepto, apud eos vena, secturave reperitur nullumque est tota regione, vel gemmarum vel pretiosi lapilli vestigium).

Но нельзя не замѣтить, что слова Ювія, не оставляющія ни малѣйшаго сомнѣнья въ томъ, что Герасимову ничего не было извѣстно о добычѣ серебра въ Донецкомъ краѣ, слова эти еще не могутъ служить доказательствомъ, что въ концѣ XV и въ началѣ XVI в. промыселъ этотъ, происходившій въ X, XIII и XIV в., совершенно прекратился. Въ началѣ нынѣшняго и слѣд. въ концѣ прошлаго столѣтій жители Нагольной находили выгоднымъ для себя занятіемъ плавить свинцовую руду. Нѣтъ сомнѣнья, что какъ ни просто было производство это, все таки оно требовало извѣстнаго навыка и сноровки; слѣдовательно надо думать, что эта промышленность въ тамошнихъ Русскихъ поселеніяхъ была какъ бы наследственною, переходившею изъ рода въ родъ. Это послѣднее соображеніе въ связи съ извѣстіемъ Ибнъ-Батуты о серебряныхъ слиткахъ и съ настоящими свѣдѣніями о нахожденіи серебра въ Донецкомъ краѣ не позволяютъ намъ рѣзко утверждать о прекращеніи добычи серебра Русскими въ первой половинѣ XVI в.

Незнаніе же о ней Дмитрія Герасимова легко объяснено быть можетъ тѣмъ обстоятельствомъ, что жители, занимавшіеся этою добычею, сбывали серебро не въ Московское государство, а къ Татарамъ; что промышлявшіе этимъ Русскіе жили не въ Русской территоріи.

Какъ бы то ни было, но представленныя нами свѣдѣнія о серебряныхъ рудникахъ окончательно доказываютъ бытность и давность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, служившихъ въ X—XII в. средними звеньями, связывавшими Русскія поселенія на берегу Азовскаго моря съ тогдашнею Русью.

Полагаю, что черезъ нихъ шелъ такъ называемый въ лѣтописяхъ *Залозный путь*, коимъ князья наши такъ же дорожили, какъ и путями Греческимъ и Солянымъ. Они же облегчали сношенія Русскихъ съ землями Кавказскими и Каспійскими.

Въ заключеніе обзора этихъ сношеній позволю себѣ указать еще на одно обстоятельство, весьма по-моему въ этомъ

отношеніи немаловажное, такъ какъ оно служитъ намекомъ на значеніе Русской стихіи въ княжествѣ Тмутароканскомъ и на ея вліяніе на Кавказъ.

Герберштейнъ въ своемъ перечнѣ народовъ, говорящихъ на Славянскомъ языкѣ, приводитъ между прочимъ и Черкасовъ, жившихъ у Чернаго моря: *Circasi Quinquemontani ad Pontum* — Черкасы Пятигорскіе. Онъ же въ своихъ драгоценныхъ Запискахъ сохранилъ намъ любопытное извѣстие о вольныхъ Черкесахъ на восточномъ берегу Чернаго моря, которые, по его словамъ, не признавали ни Турецкой, ни Татарской властей, плавали по Черному морю и грабили Турецкія суда. Они исповѣдывали Греческую вѣру; богослужбнымъ ихъ языкомъ былъ Славянскій языкъ; но вообще, по словамъ Герберштейна, они были дурные христіане.

Извѣстный путешественникъ Петръ де ла Валле такъ писалъ о Черкесахъ въ первой четверти XVII в.:

«Кавказъ населенъ нынѣ разными народами; особенно же мусульманами Лезгинами, которые не признаютъ никакого государя. Раздѣленные между собой, они состоятъ подъ властью множества князьковъ, называемыхъ у нихъ *мирзами*, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣютъ и двадцати человекъ подъ своимъ началомъ. Вообще это люди грубые, живущіе по деревнямъ. Они дики, свирѣпы и страшны для своихъ сосѣдей, какъ люди, живущіе однимъ грабежемъ. За Лезгинами лежитъ земля Азіатскихъ Сарматовъ, т. е. *Черкесовъ*, которые исповѣдуютъ христіанскую Греческую вѣру, но безъ книгъ, безъ священниковъ и, полагая, безъ церквей, такъ что они христіане только по имени; подвластные различнымъ мирзамъ, они живутъ грабежемъ, ведя постоянныя войны съ Татарами съ одной и съ Лезгинами съ другой стороны. Отсюда такое великое количество рабовъ и рабынь, Черкесскаго, Русскаго, Татарскаго и Лезгинскаго происхожденія, которыхъ продаютъ на всемъ востокѣ; надо признаться, что торговля людьми, сотворенными по образу и по подобію Божьему, дѣло постыдное.

Черкесы живутъ по морю Каспійскому вплоть до самыхъ Русскихъ, которыхъ мы зовемъ Московитами, или до устьевъ Волги, гдѣ стоитъ городъ Астрахань.... Съ сѣверной сто-

роны Каспійскаго моря Русскіе граничатъ съ Татарами и съ Татарскимъ же племенемъ Узбековъ». (Франц. перев. II, 228 и сл.).

Изъ отечественныхъ лѣтописей намъ извѣстно, что въ 1552 г. пріѣзжали къ царю Іоанну Васильевичу Черкасскіе князья Маушукъ, да князь *Иванъ* Ензбозлуковъ, да Танашукъ, «чтобы государь вступился въ нихъ, а ихъ съ землями взялъ къ себѣ въ холопы, и отъ Крымскаго оборонилъ»; въ 1555 году пріѣзжали Черкасскіе государи, а людей съ ними 150, приняли у насъ крещеніе и «били челомъ, чтобы государь далъ имъ помощь на Турского города и Азовъ и на Крымского, а они холопы его»; государевъ посолъ Андрей Щепетовъ сказалъ про нихъ, что «они дали правду всею землею». Въ 1557 г. пріѣхали служить государю два Черкасскихъ князя, и пр. Въ томъ же году «прислалъ И. Черемисиновъ Васку Вражскаго съ Черкасскимъ мурзою съ Калычемъ, отъ Кабартынскихъ князей и Черкасскихъ, чтобы государь велѣлъ имъ собѣ служить, а на Шавкалъ бы помочь учинить Астороханскимъ воеводамъ». Въ 1558 г. пріѣзжали «изъ Черкасъ изъ Кабарды большого князя дѣти Темрюковы». (И. Г. Р. VIII, прим. 416). Въ 1559 г. «пріѣхалъ съ Дону К. Дм. Ив. Вишневецкой, а съ нимъ Чюракъ мурза Черкасской, и билъ челомъ отъ всѣхъ Черкасъ, чтобъ ихъ государь пожаловалъ, далъ бы имъ воеводу своего, К. Д. Вишневецкаго, а съ нимъ князей Черкасскихъ, да К. Василья Сибока съ братьею, и *поповъ хрестьянскихъ, а велѣлъ ихъ крестити по ихъ обѣщанью и по ихъ челобитью.... По челобитью Кабардинскихъ князей и по неправдамъ Шавкаловыхъ отпустилъ (царь) воеводу Ив. Семен. Черемисинова съ товарищи на Шавкалъ и на Тюмень, и съ Иваномъ отпустилъ *попы хрестьянскіе крестити Кабардинскихъ Черкасъ*» (ib пр. 566).*

Тутъ же напомнилъ Карамзинъ и слова Поссевина, бывшаго въ Москвѣ въ 1582 г. и называющаго Черкесовъ хрестіанами Греческой вѣры (Moscovia, стр. 9).

Просьбы Черкесовъ у царя Московскаго о посылкѣ къ нимъ священниковъ и слова Герберштейновы объ употребленіи въ ихъ богослуженіи языка Славянскаго, указывая на давнее между ними распространеніе хрестіанства и именно Русскими проповѣдниками, невольно заставляютъ вспомнить и побѣды

Мстислава Тмутароканскаго надъ Ясами и Касогами и Ростислава Владиміровича, взимавшаго дань съ Касоговъ «и въ ивъхъ странахъ», котораго не даромъ же убоялись Греки, и Богородицкій монастырь въ Тмутарокани, устроенный великимъ Никономъ, монастырь *славный*: видно онъ не разъ высылалъ добрыхъ проповѣдниковъ слова Божьяго и къ Ясамъ и къ Касогамъ. Для насъ на всегда исчезли имена быть можетъ не немногихъ такихъ честныхъ тружениковъ, добрыхъ страдальцевъ за Русскую землю.

Послѣ 1094 г. лѣтописи наши ни разу не упоминаютъ о Тмутарокани. Въ XII в. она легко могла утратить прежнее свое значеніе, но едва ли могли исчезнуть въ ней безъ слѣда тамошнія Русскія поселенія.

Въ XV в. уже появляются казаки Азовскіе, а Герберштейнъ говоритъ, что Черкесы въ богослуженіи употребляютъ языкъ Славянскій, который уже одинъ могъ служить достаточною скрѣпою взаимныхъ ихъ сношеній съ Русскими, при чемъ также не слѣдуетъ забывать и давнишнихъ поселеній Русскихъ въ землѣ при-Донской, какъ указываютъ намъ извѣстія Массуди, Марко-Поло, Ибнъ-Батуты.

На жалобы султана Амурата, зачѣмъ мы построили крѣпости на берегахъ Дона и Терека и тѣмъ преграждаемъ Туркамъ путь къ Дербенту, царь Ѳедоръ Ивановичъ въ 1594 г. черезъ отправленнаго въ Цареградъ дворянина Ислѣньева отвѣчалъ такъ: «Мы построили крѣпости въ землѣ Шавкальской и Кабардинской не въ досаду тебѣ, а для безопасности жителей. Мы у васъ ничего не отняли: *изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопы наши Рязанскіе предѣловъ, и отъ насъ збѣжали съ Рязани и вселились въ горы, и были челомя отцу нашему*» (И. Г. Р. X, стр. 126 и сл. прим. 298).

По моему крайнему разумѣнью слова эти заслуживаютъ самаго строгаго вниманія; смѣю думать, вопреки Карамзину¹,

---

1. «Сія новая исторія Кабарды и Дагестана не увѣрила султана, чтобы ихъ князья были Рязанскими выходцами: онъ видѣлъ стремленія Московской политики къ присвоеніямъ на востокѣ».

что это едва ли басня. Предоставляя позднѣйшимъ изслѣдованіямъ оправдать или опровергнуть это мнѣніе, полагаю, что послѣ всѣхъ предъидущихъ соображеній нашихъ, есть полное и твердое основаніе утверждать, что сношенія Русскихъ съ Дагестаномъ были давнишнія, непрерывныя и прочныя, еще въ періодъ X—XVI в., такъ что открывали Русскимъ доступъ въ М. Азію, тѣмъ путемъ, которымъ издавна проникали въ нее, какъ цѣлыя полчища, напр. Гунновъ¹, Монголовъ², такъ и отдѣльныя лица³, черезъ Арменію въ Каппадокію и далѣе.

Въ Русской статьѣ XV в. о земляхъ за Араратомъ между прочимъ сказано: «Пойдя на западъ отъ Арарата по Турецкимъ землямъ можно прійти въ Трапезондъ, Цареградъ, Шамъ и Іерусалимъ».

Позволю себѣ повторить слова почтеннаго ученаго нашего И. И. Срезневскаго объ этомъ памятникѣ старинной Русской словесности: «какъ бы ни были рѣзки невѣроятности этого географическаго очерка, онъ очень любопытенъ по нѣкоторымъ даннымъ, изобличающимъ знаніе странъ и путей, не книжное, а наглядное, передающимъ сказаніе самовидца».

Если наконецъ припомнимъ сношенія Русскихъ съ Армянами, жившими напр. въ XIV в. не только въ Нижнемъ, но и Москвѣ, съ Никейскимъ государствомъ, весьма значительныя Славянскія поселенія въ М. Азіи, то намъ не трудно будетъ понять,

1. Известенъ походъ Гунновъ въ 430—440 г. Срв. Claudian. (In Rufin. l. II, 28 etc.).

— alii per Caspia claustra
Armeniasque nives inopino tramite ducti
Invadunt Orientis opes: jam pascua fumant
Cappadocum, volucrumque parens Argaeus equorum.
Jam rubet altus Halys, nec se defendit iniquo
Monte Cilix; Syriae tractus vastantur amoeni;
Assuetumque choris et laeta plebe canorum
Proterit imbellem sonipes hostilis Orontem.

2. Temyr Chan ineunte vere ex Persia versus Tanaim movet, collectoque Tauriscytharum, Zycchorum et Abasgorum ingenti numero, eversisque oppidis, quae Bosporo (Cimmerio) adjacent, in Armeniam dein et Cappadociam accessit. (Ducas Str. II, 2. § 106. cf. Tatarica § 157).

3. См. пут. Рубруквиса.

что Русскимъ было возможно не только посѣщать М. Азію, но и оставаться въ ней. Сомнѣнія же въ достаточной отвагѣ и предпримчивости нашихъ предковъ, надѣюсь, совершенно напрасны.

Нельзя также не припомнить здѣсь, что предки наши помѣщали рай на югъ отъ Каспійскаго Моря и Кавказскихъ горъ, и что архіепископъ Новгородскій Василій писалъ владыкѣ Тверскому (въ XV в.) — «А то мѣсто святаго рая находилъ Моиславъ Новгородецъ и сынъ его Яковъ, и всѣхъ было ихъ три юмы, и одина отъ нихъ погибла много блудивъ, з двѣ ихъ потомъ долго носило море вѣтромъ, и принесло ихъ къ высокимъ горамъ. И видѣша на горѣ той написанъ Деисусъ лазоремъ чуднымъ и вельми издивленъ паче мѣры...» «А тѣхъ, брате, мужей и нывѣча дѣти и внучата добры здоровы»¹.

Примѣчаніе. Англійскимъ посланникомъ въ Цареградѣ въ 1620—1626 г. былъ Ома Рой. Въ его письмахъ въ Англію сохранились любопытныя извѣстія о козакахъ Запорожскихъ, почти совершенно овладѣвшихъ тогда Чернымъ моремъ. Предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія переведены съ Польскаго перевода Нѣмцевича—Wyjątki z negocjacji Tomasa Roe posła Angielskiego w Stambule. (Zbiór pamiętn. o dawnej Polsce. V. str. 397 и проч.).

Отъ 1 іюля 1622 г. «Татары пошли опустошать Польшу, а козаки пустились въ Черное Море, гдѣ захватили много Турецкихъ кораблей; *Каффа* находилась въ великой опасности, даже въ самой Портѣ была тревога (have givenus, at this port, an alarm within feu daies). (Str. 427—8).

Отъ 1 іюля 1622. «Козаки высыпали въ Черное Море и понадѣлали много вреда».

Отъ 30 мая 1623 г. «Козаки для нихъ (Турокъ) опаснѣе многихъ самыхъ сильнѣйшихъ непріятелей, такъ какъ они мѣшаютъ доставкѣ жизненныхъ припасовъ въ Цареградъ; галеры Турецкія должны раздѣляться, чтобы ловить козаковъ, столь ловкихъ въ бѣгствѣ, въ преслѣдованіи которыхъ нѣтъ ни чести,

ни прибыли. Поляки могутъ надѣяться на миръ, буде сами не подадутъ повода къ войнѣ». (с. 435).

Отъ 12 марта 1624 г. «Порта готовится къ войнѣ, снаряжаетъ знатный флотъ на Черномъ Морѣ, гдѣ уже видѣли козаковъ; говорятъ, что у нихъ 300 чаетъ или лодокъ (bâlow : жители Босфора бѣгутъ въ столицу». (с. 439).

Отъ 20 июля 1624 г. «9 числа сего мѣсяца, козаки на 70 или 80 ладьяхъ (чайкахъ), въ каждой по 50 человекъ, гребцовъ и воиновъ, пользуясь тѣмъ временемъ, когда капитанъ-паша отправился въ Крымъ, на разсвѣтѣ вошли въ Босфоръ, гдѣ разсѣявшись, грабили и жгли на разстояніи 4 миль (Англійск.) отъ города, всѣ сосѣднія деревни и дома. Бюкдере и Иеникой на Греческомъ, и Степя на Азіятскомъ берегахъ, были главнѣйшія мѣстности, гдѣ они овладѣли великою и богатою добычею и остановились только въ 9 часовъ передъ полуднемъ. Вся столица и предмѣстья были въ такой тревогѣ, что султанъ даже отправился на морской берегъ, а каймаканъ къ Порту. Галиль Паша въ эту неурядицу самъ провозгласилъ себя вождемъ; не имѣя ни одной галеры готовой и вооруженной, собралъ всѣ наличныя суда, лодки и барки, вооружилъ ихъ и помѣстилъ въ нихъ отъ 400 до 500 человекъ, которые могли быть воинами или гребцами. Конницу и пѣхоту въ числѣ 10,000 человекъ разослалъ для защиты береговъ отъ дальнѣйшихъ грабежей. Рѣдкость увидѣть подобную тревогу и сумятицу. Мы думали, что эти бѣдные пираты тотчасъ удалятся, но они, замѣтивъ приближающіяся къ нимъ Турецкія лодки, сомкнулись по срединѣ канала близко замковъ, и выстроившись въ полукругъ, стояли въ ожиданіи битвы; вѣтеръ былъ противный и сами они напасть не могли. Галиль Паша далъ приказъ открыть огонь еще изъ далека; козаки не отвѣчали ни единымъ выстрѣломъ, только подплывали то къ одному, то къ другому берегу, не показывая ни малѣйшаго признака къ отступленію. Паша, видя ихъ ловкость и отвагу, боялся напасть на нихъ съ своими слабыми силами и рассудилъ за благо мѣшать ихъ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ, такъ какъ боялись тогда, что они проникнутъ внутрь Стамбула, лишеннаго всякой защиты. Такимъ образомъ цѣлый день до захода солнца они смѣло стояли и

грозили великой, но тревожной, столицѣ свѣта и всему ея могуществу: наконецъ съ своею добычею, при развѣвавшихся знаменахъ, удалились козаки, правда безъ побѣды, но и безъ сопротивленія.

Это незначительное обстоятельство и это дерзкое предпріятіе открыли удивительную истину объ этомъ великомъ государствѣ, что оно, казавшееся столь грознымъ и могущественнымъ, на дѣлѣ слабо и беззащитно.... Любопытно, какъ примуть это извѣстіе Поляки, когда тѣмъ самымъ нарушены мирныя условія» (с. 440—2).

Отъ 24 іюля 1624 г. «Козаки снова проникли въ Босфоръ, съ флотомъ своимъ въ удвоенномъ количествѣ, имѣя съ собою не менѣе 150 чаеткъ; а въ тылу за собою вѣдя подкрѣпленія для помощи ли въ случаѣ нужды, или для другихъ какихъ цѣлей. Они оставались у береговъ 3 дня, сожгли Фаръ (the Pharus) и двѣ либо три деревни, грозили нападеніемъ на арсеналь, что навело великій страхъ на всю столицу. Сухопутная стража повсюду была удвоена; наконецъ и двѣ галеры были вооружены бродягами и наемниками, взятыми съ улицъ и выслано около 20 лодокъ для стражи, гдѣ и доселѣ остаются при входѣ въ гавань; но козаки удалились съ великою добычею и тревога прошла» (с. 442).

«Немедленно послано за капитаномъ-пашею, для защиты столь дурно оберегаемой столицы.

Поймано нѣсколько заблудившихся этихъ разбойниковъ (т. е. козаковъ). При допросахъ они показали, что Махметъ, князь Татарскій, помогаетъ имъ въ этихъ предпріятіяхъ, мстя Туркамъ за лишеніе его должности. Если справедливо, а оно вѣроятно, взаимное соглашеніе этихъ двухъ народовъ (błakaјасуsh się), то они скоро станутъ опасны и столицѣ и всему государству (т. е. Турецкому)».

Отъ 18 мая 1626 г. «Ханъ Татарскій напалъ на Польшу, тогда какъ не задолго передъ тѣмъ былъ заключенъ мирный договоръ. Братъ хана, Гирей (Gehan Gerej), не участвовавшій въ этомъ походѣ, послалъ гетману Конецпольскому копію съ приказа султана объ этомъ походѣ».

«Диванъ отказывается отъ этого и всячески старается примириться съ Польшею: побѣда Поляковъ надъ Татарами внушила имъ смѣлость позволить козакамъ мстить за набѣгъ Татаръ. Они собрали уже до 700 чаекъ, готовыхъ напасть на здѣшнія окрестности. Вооруженіе доставлено имъ отъ короля Польскаго. Они грозятся вступить въ бой съ цѣлою арматой Турецкой; дали клятву, что возьмутъ адмиральскій корабль. Всѣ мѣстечки и деревни на Босфорѣ до самаго Цареграда находятся въ величайшей тревогѣ, тѣмъ болѣе, что есть предсказаніе, что Турецкое государство будетъ уничтожено народомъ сѣвернымъ.

«20 галеръ стоитъ въ каналѣ. Капитанъ-паша выступаетъ съ 40 галерами; уже онъ по истинѣ разбитъ страхомъ своимъ собственнымъ и своего войска» (ст. 452).

Извѣстный путешественникъ Петръ де ла Валле, прожившій нѣсколько лѣтъ (въ нач. XVII в.) при дворѣ Персидскомъ, оставилъ намъ также нѣсколько любопытныхъ извѣстій о козакахъ.

Прилагаемые здѣсь отрывки переведены нами съ французскаго изданія его Путешествія: «Les Fameux Voyages de Pietro della Valle Gentilhomme Romain, surnommé l'illustre Voyageur.... à Paris, MDCLXII. Первое Итальянское изданіе вышло въ 1661 г.

«Въ 1621 г., говоритъ онъ, козаки Польскіе вошли въ устье Черваго моря и проникли до самой Тюремной башни (Tour des prisons) и предмѣстій Константинополя, гдѣ они захватили огромное количество рабовъ, такъ что вельможи Турецкіе не смѣли съ этой стороны ходить для прогулокъ въ свои сады, при видѣ козаковъ, бѣгавшихъ повсюду съ саблями въ рукахъ и нигдѣ не встрѣчавшихъ сопротивленія» (III, 188).

Де ла Валле, всегда, по его словамъ, отличался *святою* ненавистью къ Туркамъ и для того собственно пріѣхалъ въ Персію, чтобы участвовать въ войскахъ ея противъ Турокъ. «Я всегда, продолжаетъ онъ, передумывалъ множество различныхъ способовъ для истребленія этого дерзкаго народа и тѣмъ съ своей стороны сдѣлать что нибудь въ пользу христіанства. Я убѣдился наконецъ, что самое лучшее для того средство — взаимный союзъ шаха Персидскаго съ нѣкоторымъ народомъ христіанскимъ, на-

зывается козаками, которые живут у Чернаго моря, при устьяхъ рѣки Днѣпра.

«Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что козакъ не есть имя народа, но толпы людей разныхъ языковъ и разныхъ сектъ, хотя они всѣ христіане, безъ женъ, безъ дѣтей, безъ домовъ; они живутъ въ независимости и не признаютъ никакого государя. Они укрываются вдали отъ городовъ въ самыхъ ужасныхъ мѣстахъ, за лѣсами или горами или рѣками, совершенно неприступныхъ. Подобно нашимъ бандитамъ, они повинуются кому нибудь изъ своихъ же, признавая ихъ своими начальниками, и живутъ однимъ грабежемъ и добычею. Но они рѣзко отличаются тѣмъ отъ бандитовъ нашихъ, что не грабятъ того государства, въ которомъ живутъ, когда сношенія ихъ съ государемъ не имѣютъ никакихъ недоразумѣній; напротивъ того взятые въ армию, они ведутъ себя рыцарски-честно (*en gens d'honneur*) и служатъ со всею возможною вѣрностью. Они постоянно на военной ногѣ во вредъ и на страхъ своимъ сосѣдямъ врагамъ, Туркамъ и мусульманамъ. Вотъ потому-то государя тѣхъ странъ, гдѣ козаки живутъ, не только ихъ не преслѣдуютъ, но даже снабжаютъ ихъ припасами и деньгами подобно тому, какъ Турокъ принимаетъ подъ свое покровительство корсаровъ Варварійскихъ на истребленіе христіанъ.

«Есть различныя войска козацкія, смотря по мѣстности, напр. въ Россіи или въ Московіи, что одно и то же, или у Каспійскаго моря, или въ верхъ по Волгѣ, и далѣе въ глубь страны до рѣки Дона и Азовскаго моря. Есть также козаки и у Чернаго моря и во многихъ другихъ мѣстахъ королевства Польскаго. Я никогда и въ мысляхъ не имѣлъ союзъ козаковъ Русскихъ съ Персіянами, потому что они всѣ еретики или схизматики и живутъ въ землѣ Московита, который, будучи зараженъ заблужденіями Грековъ, обыкновенно объявляетъ себя нашимъ врагомъ и питаетъ къ Латинамъ сильное отвращеніе. Притомъ козаки Русскіе довольно далеки отъ Турокъ и не могутъ ихъ сильно беспокоить, съ Персіянами же не всѣ они въ пріязненныхъ отношеніяхъ: такъ они нерѣдко гоняются по Каспійскому морю и по Волгѣ за судами Персидскими и отымаютъ у нихъ товары: хотя Московитъ и заключаетъ дружественные договоры съ Пер-

сіянами, и они часто другъ къ другу отправляютъ посольства, однако эта дружба болѣе наружная и притворная, чѣмъ дѣйствительная и искренняя. Они ненавидятъ другъ друга по многимъ причинамъ, постоянно усиливающимся отъ ихъ сосѣдства и торговли. Потому-то постоянно моею мыслію былъ союзъ козаковъ Польскихъ съ Персіянами, именно тѣхъ, что живутъ при устьяхъ Днѣпра, въ палаткахъ и хижинахъ, недоступныхъ никому по причинѣ водъ и болотъ, ихъ окружающихъ, такъ что ихъ невозможно беспокоить, или тревожить, ни подойти къ ихъ лагерю ни съ суши, ни съ моря.

Въ этомъ мѣстѣ всегда находится болѣе 2-хъ тысячъ отличныхъ солдатъ, которые зимою охраняютъ суда и оружіе, дѣлаютъ безпрестанные набѣги на Европейскихъ Татаръ, своихъ сосѣдей; лѣтомъ же, какъ только пронесется про нихъ вѣсть, что они готовятъ какое нибудь предпріятіе на морѣ, то множество другихъ козаковъ, привлекаемое жаждою добычи, стекаются къ нимъ изъ окрестныхъ мѣстъ, со всего Польскаго королевства. Выбравъ изъ своей среды самыхъ храбрыхъ въ начальники, они пускаются въ море съ многочисленными силами на трехъ стахъ и пяти стахъ лодкахъ или маленькихъ галетахъ и даже болѣе; на нихъ помѣщаются четыре, шесть, семь и осемь тысячъ отборныхъ солдатъ, которые въ то же время отличные моряки и матросы; и въ этой огромной массѣ людей нѣтъ человека, который бы не былъ способенъ къ исполненію нѣсколькихъ должностей.

Такимъ образомъ они отправляются на Турокъ, забираютъ все, что ни повстрѣчаютъ на морѣ, и стали уже такими отличными пиратами, что суда Турецкія (*les saqueuseaux*) и всѣ ихъ торговыя суда нынѣшнимъ лѣтомъ уже не смѣли пускаться въ море. Они не довольствуются однако морскимъ грабежемъ, но разоряютъ и твердую землю такъ, что нѣтъ теперь Турецкой мѣстности на Черномъ морѣ, которой бы они не овладѣвали или не грабили или даже не разорили. Между прочимъ *Синоль*, городъ весьма населенный и прославленный Митридатомъ, испыталъ ихъ гнѣвъ. *Каффа*, хотя и столичный городъ Татарскихъ хановъ въ Европѣ, не могъ избѣжать ихъ насилія, и самый *Трапезонтъ* нѣсколько разъ былъ доводимъ ими до по-

слѣдней крайности, и если не палъ передъ ними въ послѣдніе годы, то нѣкогда вѣроятно будетъ принужденъ имъ сдаться и уступить превосходной силѣ.

Турки ежегодно высылаютъ противъ нихъ изъ Константинополя военныя силы, которыя въ началѣ состояли исключительно изъ галеотовъ, потому что дѣйствительно только этого рода суда пригодны на этомъ морѣ, гдѣ немного гаваней, и то узкія, и обыкновенно при устьяхъ рѣкъ, и гдѣ много мѣстъ мелководныхъ, куда обыкновенно укрываются козаки, и куда большимъ судамъ проходъ не доступенъ. Наконецъ Турки, увидавъ, что фрегаты ихъ не имѣли никакого дѣйствія и что они были бесполезны и только что умножали собою добычу козацкую, увеличили свои силы не только огромнымъ количествомъ лодокъ и галеотовъ, но присоединили къ нимъ нѣсколько эскадръ изъ большихъ галеръ. Такъ между прочимъ они отправили такія силы, въ то время, когда я былъ въ Сиріи, въ 1616 г., подъ начальствомъ генерала *Махметъ Паши*, сына Чикалы и двоюроднаго брата султана. Кромѣ огромнаго количества небольшихъ судовъ, онъ взялъ съ собою десять большихъ и самыхъ лучшихъ галеръ, бывшихъ тогда въ Константинополѣ. Со всѣмъ тѣмъ его участь не была счастливѣе его предшественниковъ; напротивъ, онъ испыталъ величайшія несчастія, потому что козаки разбили его флотъ, овладѣли между прочимъ двумя его большими галерами и обратили его въ бѣгство. Послѣ такихъ побѣдъ и прекрасныхъ успѣховъ, которые не могутъ не внушать храбрости и гордости побѣдителямъ, я вамъ предоставляю подумать, имѣютъ ли козаки право надѣяться нѣкогда на что нибудь болѣе возвышенное (*droit de prétendre un jour à quelque chose de plus relevé*). Я вамъ скажу только, что я слышалъ отъ нихъ, что они надѣются со временемъ овладѣть Константинополемъ, и увѣрены, что освобожденіе этой страны предназначено ихъ храбрости, и пророчества, которыя они о томъ имѣютъ, ясно имъ то предсказываютъ¹. Какъ бы то тамъ ни

1. Въ извѣстныхъ мнѣ Малороссійскихъ думахъ и пѣсняхъ я никогда не встрѣчалъ выраженія этой надежды. Изъ Великороссійскихъ же мнѣ извѣстна одна, которая выражаетъ эту надежду весьма ясно и опредѣлительно. Она записана г. Гуляевымъ.

было, но въ настоящее время они весьма могущественны на Черномъ морѣ и нѣтъ сомнѣнiя, что если они останутся на своемъ, то никто и никогда не осмѣлится его оспаривать у нихъ. Это могущество ихъ идетъ не съ нынѣшняго дня и не недавно стали они страшны на этомъ морѣ, такъ какъ султанъ Мурадъ вступалъ съ ними въ договоръ и нѣкоторыя мирныя положенiя (assomodemens) касательно этихъ дѣлъ, подписанныя его собственною рукою, сохраняются теперь у меня. Хотя прошло уже болѣе тридцати лѣтъ съ тѣхъ поръ, но Турки не могутъ ихъ не только истребить, но и одержать надъ ними какую-либо поверхность: напротивъ того съ каждымъ днемъ они становятся все могущественнѣе: есть по этому основанiе надѣяться, что отъ нынѣ значенiе ихъ станетъ все болѣе и болѣе* возрастать и что они станутъ подъ конецъ непобѣдимыми.

Послѣ серьезныхъ размышленiй о нынѣшнемъ состоянiи ихъ дѣлъ, объ ихъ политикѣ и правахъ, которые я началъ уже пристально наблюдать еще въ Италiи (dans la Chrétienté), и потомъ ближе въ Константинополѣ, послѣ этихъ размышленiй, я не сомнѣваюсь, что они образуютъ нѣкогда весьма могуще-

---

Какъ издавеча, изъ чиста поля,
изъ раздольна, изъ широкова,
выѣзжаетъ тутъ старый казакъ;
старъ старой казакъ, Илья Муромецъ,
на своемъ онъ на добромъ конѣ.
На лѣвой бедрѣ сабля острая,
во правой рукѣ тупо копье.
Онъ тупымъ копьемъ подирается,
своей храбростью похваляется;
что, велитъ ли Богъ въ Цареградѣ быть,
я старыхъ Турковъ всѣхъ повырублю,
молодыхъ Турчатъ во полонъ возьму. —

— Вотъ и съѣхался Илья съ Туркомъ богатыремъ. —

Онъ поддѣлъ Турка на тупо копье,
онъ понесъ Турка во чисто поле,
во чисто поле ко синю морю;
онъ бросалъ Турка во сине море.
Какъ сине море всколебалоса,
на пески вода разливалася.

ственную республику, такъ какъ по моему мнѣнію, знаменитые Спартанцы, точно также какъ Сицилійцы, Карфагеняне и даже Римляне, а въ наше время Голландцы, не имѣли такихъ прекрасныхъ и столь счастливыхъ начатковъ. Въ томъ нѣтъ еще большой важности, что они лишены постоянныхъ жилищъ, не имѣютъ женъ и слѣдовательно потомства и законныхъ наследниковъ, ибо кромѣ того что, на нашихъ глазахъ число ихъ значительно умножилось, они сами вѣроятно нечувствительно и мало по малу убѣдятся въ необходимости жить вмѣстѣ съ женами, такъ какъ многіе изъ нихъ и безъ того женаты, а другіе въ разбояхъ своихъ берутъ себѣ женъ, обращаясь съ ними, какъ съ рабынями, и продавая ихъ, когда имъ то заблагоразсудится. Что касается до тѣхъ, что живутъ въ краяхъ болѣе отдаленныхъ, то безъ сомнѣнія, они живутъ съ своими женами и дѣйствительно у нихъ уже видать начатки прочной осѣдлости.

Король Польскій, государь той страны, въ которой они утвердились, хотя обыкновенно живетъ въ мирѣ съ Турками, однако беретъ ихъ подъ свое покровительство, помогаетъ имъ деньгами и всѣмъ, чѣмъ можетъ. Часто онъ устраиваетъ замиреніе ихъ съ Турками, а когда они произведутъ какое нибудь опустошеніе въ ихъ земляхъ, то онъ оправдывается, утверждая, что всѣ они люди воровскіе, а что онъ не государь ихъ, точь въ точь, какъ поступалъ эрцгерцогъ Австрійскій съ Венеціанами, касательно Ускоковъ.

Нынѣ я хорошо ознакомился со всѣмъ этимъ порядкомъ дѣлъ и знаю, что владѣнія шаха Персидскаго простираются почти вплоть по Черное море, между которыми и предѣлами его имперіи не находится ничего, кромѣ королевства Колхиды (Colchos), или одной части, называемой иначе *Дадіанъ*, а по Турецки *Мингрелія*, или другой провинціи, принадлежащей Грузинамъ и лежащей къ морю ближе всѣхъ другихъ, признающихъ разныхъ государей, хотя ихъ можно пройти въ пять, шесть дней. Я убѣдился, что князья Грузинскіе, живущіе въ землѣ, отдѣляющей Персіянина отъ Чернаго моря, всѣ христіане и что потому самому дружба козаковъ съ ними не можетъ не быть для нихъ невыгодною, такъ какъ съ помощію козаковъ они легче могутъ противиться Туркамъ, своимъ сосѣ-

дямъ, которые, если и не тревожатъ ихъ, то потому только, что не могутъ, за малодоступностію страны; тѣмъ не менѣе однако они взимають съ нихъ знатныя подати, уплатою которыхъ Грузины, такъ сказать, покупаютъ миръ и торговлю съ Трапезонтомъ и съ другими городами. Точно также увѣрился я, что по склонности или боязни владѣтели эти не откажутся соединиться съ Персіянами, которыхъ не трудно будетъ заставить силою или добровольно убѣдить даровать имъ и козакамъ свободу путей и торговли, доставить имъ безопасное убѣжище, откуда бы козаки легко могли тревожить сосѣднія Туредкія земли, чего понынѣ они не могли, такъ какъ пока они составляютъ еще горсть людей и живутъ на другомъ берегу моря. Вотъ по всѣмъ этимъ-то причинамъ я рѣшился всячески стараться объ этомъ союзѣ. Тѣмъ значительно увеличались бы силы козаковъ и получили бы тогда возможность не только грабить и удаляться, какъ то было понынѣ, но съ помощью Персіянъ и обороняться противъ Турокъ, особенно въ этой странѣ Трапезонтской». (II, 263—269).

Де ла Валле уже самъ думалъ было ѣхать къ козакамъ, для заключенія этого союза, какъ услыхалъ, что одинъ изъ христіанскихъ государей, то ли владѣтель Мингреліи, то ли Гуріаль, что ближе къ Трапезонту, уже давно желалъ вступить въ союзъ съ козаками, съ тою же цѣлью, что представлена выше. «Онъ посылалъ къ нимъ письма и подарки, а въ знакъ своей вѣрности, онъ одарилъ ихъ маленькими золотыми крестиками, ибо въ этихъ странахъ, когда хотятъ сказать про кого, что онъ христіанинъ и притомъ добрый христіанинъ, то говорятъ про него, что онъ любитъ крестъ, и почитаніе, ему оказываемое, служить лучшимъ тому доказательствомъ; отъ чего и происходитъ, что сами магометане и шахъ Персидскій считаютъ Англичанъ очень дурными христіанами и еретиками, потому что они ненавидятъ крестъ (*détestent la croix*). Предложеніе это козаками было принято весьма охотно и съ радостью. Они уже нѣсколько разъ приходили съ своими морскими силами въ его гавань, гдѣ онъ ихъ принималъ весьма ласково, хотя Турки на это косятся, что однако вовсе не мѣшаетъ козакамъ сопровождать и буксировать торговые суда Гуріальскія.

*

Писалъ ли онъ козакамъ о союзѣ съ Персіянами, или же они сами того пожелали, только нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, флотъ ихъ въ 2,000 человекъ присталъ къ устьямъ рѣки, и они задумали, оставивъ суда свои у союзника, отправиться сухимъ путемъ въ Персію и предложить свои услуги шаху Персидскому въ приготовляемой имъ войнѣ противъ Турокъ, въ надеждѣ вѣроятно на добычу и на то, что всѣ мѣста, которыя имъ придется брать, имъ отдадутъ на разграбленіе. Ихъ великія приготовленія уже привели въ панической страхъ всю страну окрестную; но рассчитавъ, что, не зная предварительно воли шаха, не христіанина, которому слѣдовательно ввѣряться опасно, они выбрали изъ среды своей 40 человекъ, самыхъ рѣшительныхъ и отважнѣйшихъ и отправили ихъ къ шаху Персидскому для предварительнаго соглашенія. (II, 270—272).

Владѣтель Имеретіи, черезъ землю котораго проходили эти 40 козаковъ, совѣтовалъ имъ не ходить всѣмъ, а отправить ко двору Персидскому когонибудь одного. Они такъ и слѣлали и послали одного козака — Степана, который, по словамъ Де ла Валле, былъ католикъ, родомъ Полякъ, говорившій по Московски. Въ католицизмъ Степана козака нельзя не сомнѣваться, потому что Дела Валле воображалъ, что козаки Польскіе большею частью всѣ католики: «*les Cosaques de Pologne. Chrétiens et presque tous Catholiques!*» (II, 269).

Этотъ Степанъ козакъ находился въ Ферабадѣ нѣкоторое время въ весьма затруднительномъ положеніи: ни онъ Персіанъ, ни они его не понимали. Наконецъ, узнавъ о Де ла Валле, онъ объяснилъ ему все на словахъ. Не получая долго никакого отвѣта, безпокоясь о своей участи, козакъ Степанъ рѣшился жаловаться самому шаху и улучивъ однажды время, подалъ ему жалобу на улицѣ.

«Шахъ ее принялъ, говоритъ Де ла Валле, и не читавъ ея, остановилъ коня, призвалъ Эфендіаръ Бега и другихъ главнѣйшихъ лицъ изъ своей свиты и, по своему обычаю, надменно сказалъ имъ: «вы не цѣните этихъ людей, ихъ храбрости, не знаете, какъ надо съ ними обращаться. Вѣдь это изъ тѣхъ, что повелѣваютъ на Черномъ морѣ, что взяли столько городовъ,

то и то надѣлали Туркамъ», при чемъ онъ перечислилъ различныя обстоятельства. «Они могутъ намъ быть весьма полезны и оказать большія услуги»; подъ конецъ онъ сказалъ, что хочетъ воспользоваться козаками. Потому онъ и приказалъ обращаться съ этимъ козакомъ вѣжливо и ласково, чтобы не было у него недостатка въ винѣ, ибо Персіянамъ извѣстно, что козаки выпить любятъ; шахъ велѣлъ также подарить отъ него козаку пятьдесятъ пехиновъ на его удовольствія, въ ожиданіи другого подарка, болѣе значительнаго, когда онъ отправится назадъ. (II, 275—276).

Вообще сочиненіе Де ла Валле, скажу въ заключеніе, заслуживаетъ вниманія Русскихъ по многимъ отношеніямъ.

См. также *Pessina — Ucalegon Germaniae, Italiae et Poloniae Hungaria flamma belli Turcici ardens productus a M. Thoma Ioanne Pessina de Czechorod, decano Litomislensi et marchionatus Moraviae historiographo. Pragaе. Typis Universit. in Coll. Soc. Jesu ad S. Clementem. Anno 1663.*

Убѣждая Поляковъ подняться противъ Турокъ, авторъ говоритъ между прочимъ:

«Qua in re utinam quoque Poloni hanc oblatam ultro a Deo immortalis occasionem arriperent, et spe recuperandae Moldaviae, Valachiae et Bessarabiae, quas provincias in clientela regum ipsorum fuisse aliquando constat, nobiscum arma conjungerent, debellari possent penitus (palam in omnes affirmant) expellique Turcae, et a tam diuturna orientalium in Europa partium possessione deturbari. Facilis enim ductu est terrestribus Polonorum copiis via in Thraciam, cum nulla obstacula, nullae arces, nulla montium juga sint obvia, ita ut trajecto in Valachiae finibus Istro, per apertos et planos Bulgariae campos ad usque imperii sedem Constantinopolim, irrupere ac ferro et igne terrorem incutere possent. Quod facerent et Russi, quorum maritima arna singulis fere annis omnia Euxini maris infestant littora, intercipiunt navigia, urbes diripiunt, eo saepius deducta re, ut dum vicina Constantinopoleos oppida, eorum gemunt caedibus et collucent incendiis, ille tam formidandus toti orbi tyrannus, a consternata urbe hostiles ignes impune aspicere cogatur.

« Et quamvis ad reprimendas has excursiones novum quoddam

fortalitiū ad Tyram fluvium ante biennium extrui jusserit, jamque opus coeptum fuerit, destinatis ad hoc septem millibus partim operariorum, partim armatorum, qui operarios si quae ingrueret vis, tuerentur: perfici tamen non potuit, propter Kosacos, quorum valida manus collecta sub duce Syrko, novos istos Colonos ingenti ausu agressa fuit, fudit, fugavit, molemque erectam disjecit, ac solo aequavit. Quod utinam et ad ostia Borysthenis Bogumque fecissent» (р. 172 и сл.).

Прилагаю здѣсь также Массудіевское описаніе Каспійскаго похода Руссовъ 914 г.; пользуюсь переводомъ Г. Григорьева. (См. его статью «О древнихъ походахъ Руссовъ на Востокъ» Ж. М. Н. Пр. ч. V, стр. 229—287).

«Руссы состоятъ изъ многихъ различныхъ народовъ и разныхъ вѣтвей; одинъ изъ нихъ называется аль-Люданетъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ Хозарамъ¹. Послѣ 300 года Геджры пришло къ нимъ около 500 Русскихъ судовъ, изъ коихъ на каждомъ было по сту человекъ. Вошедъ въ проливъ Нейтуса², который соединяется съ рѣкою Хозарскою³, они встрѣтили тамъ сильный гарнизонъ царя Хозарскаго, поставленный для стражи противъ всякаго непріятеля, который бы могъ придти съ того моря или изъ земли, отдѣляемый рукавомъ моря Хозарскаго, соединяющимася съ моремъ Нейтусъ; ибо въ сію сторону приходятъ для зимовки кочующія орды Турокъ Гузовъ; и такъ какъ вода, текущая изъ рѣки Хозарской въ проливъ Нейтуса,

1. Это мѣсто переведено мною по Спрингеру, у котораго въ слѣдъ за нимъ слѣдуетъ описаніе похода, тогда какъ у Френа эти два мѣста отдѣлены, отъ чего не переведено оно и у г. Григорьева.

2. «Нейтусъ. по друг. списку. *Понтусъ*, отъ Pontus Euxinus, есть названіе, даваемое восточными географами Черному, а иногда и Азовскому морю; впрочемъ послѣднее они называютъ также *Майтусъ* или *Мантусъ*, отъ Palus Maeotides»; «но, какъ оба моря соединяются проливомъ», говоритъ Массуди, «то ихъ не для чего и различать особенными именами». См. Voyage d'Abouel-Cassim. Paris. 1828. p. 7. — Зам. г. Григорьева. — У Спрингера: «they passed up the estuary (of the Don) which opens in to the Pontus, and is in communication with the river of the Khazar (Volga)». (p. 416).

3. Рѣкою Хазарскою Массуди здѣсь называетъ Волгу, рѣкою Нейтуса Донъ, который почиталъ рукавомъ Волги. Зам. г. Григ.

иногда замерзаетъ, то Гузы переѣзжаютъ черезъ нее на лоша-
дяхъ. Хотя это и большая рѣка, но она не ломается подъ ни-
ми, окрѣпнувъ какъ камень. Такъ переходятъ они въ землю
Хозаровъ. Если гарнизонъ, поставленный здѣсь для стереженія
нихъ, слабъ, то царь Хозарскій самъ иногда выходитъ противъ
нихъ, и заграждая переправу черезъ рѣку по льду, не допу-
скаетъ ихъ вторгаться въ свое государство. Лѣтомъ же Тур-
камъ не возможно переходить рѣку.

Пришдывъ на судахъ своихъ къ Хозарскимъ карауламъ,
разставленнымъ при устьѣ пролива, Руссы послали къ царю
Хозарскому просить позволенія пройти черезъ его владѣнія, и
рѣкою Волгою спуститься въ море Хозарское, называемое так-
же, какъ мы выше упомянули, моремъ Джорджанскимъ, Таба-
рестанскимъ и именами другихъ Персидскихъ областей, обѣ-
щая ему за это половину добычи, которую возьмутъ отъ дру-
гихъ народовъ, обитающихъ у сего моря. Получивъ на то поз-
воленіе, они вошли въ проливъ до устья рѣки и стали поды-
маться ею вверхъ до рѣки Хозарской, которою прибыли къ
городу Итилю. Отъ него, по теченію этой рѣки, достигли до
самаго устья, гдѣ она впадаетъ въ море Хозарское. Отъ устья
своего до города Итиля рѣка очень велика и полноводна¹. От-
сюда Руссы разсыпались по морю въ разныя стороны, выходя
на берегъ толпами въ Джилѣ², Дейлемѣ, Табарестанѣ, Абос-
кунѣ (прибрежной области Джорджана) и Нефтяной землѣ³, до
самой области Азербайджанской—до моря только три дня пути.
Руссы вездѣ проливали кровь, уводили въ плѣнъ женщинъ и
дѣтей, расхищали богатства, производили набѣги и предавали
все огню и опустошенію.

Всѣ народы, обитавшіе около сего моря, возопили о помо-
щи; ибо съ незапамятныхъ временъ не видывали никакого вра-
га, который бы нападалъ на нихъ съ моря, гдѣ доселѣ плава-
ли только суда купцевъ и рыболововъ. Руссы имѣли частыя

1. У Спрингера: «This is a very large and deep river».

2. Арабское названіе Гилянскіи области.

3. Нефтяною Землею называется владѣніе Бакинское, по причинѣ изобилія
своего въ ключахъ горной нефти.

битвы съ обитателями Джилы и Дейлема, съ прибрежными жителями Джорджана и съ войсками изъ Бердаи, Аррана, Бейлекана и Азербайджана, бывшими подъ предводительствомъ одного изъ военачальниковъ Ибич-Абу-Эс-Саджа, и доходили до Нефтянаго берега, находящагося въ области Ширванской и извѣстнаго подъ именемъ Баку. Удаляясь отъ береговъ послѣ набѣговъ своихъ, Руссы обыкновенно искали убѣжища на островахъ, отстоявшихъ на нѣсколько миль отъ Нефтяной земли. Государемъ Ширванскимъ былъ тогда Алибенъ-Эль-Гайсемъ. Наконецъ жители тѣхъ странъ вооружились, и, сѣвъ на ладьи и купеческія суда, отправились къ сямъ островамъ; но Руссы ударили на нихъ, и нѣсколько тысячъ мусульманъ пало въ битвѣ или потонуло. Много мѣсяцевъ жили Руссы въ семъ морѣ, поступая вышеописаннымъ образомъ, и ни одинъ изъ окрестныхъ народовъ не могъ ничего имъ сдѣлать. Опасаясь ихъ нападенія, все народонаселеніе тѣхъ странъ было на стражѣ; ибо это море кругомъ заселено разными народами.

Награбивъ довольно добычи и плѣнницъ, Руссы отправились обратно къ рѣкѣ Хозарской, и отсюда послали къ царю Хозарскому условленную часть сокровищъ и добычи. Этотъ государь не имѣетъ судовъ, и подданные его неискусны въ мореплаваніи; въ противномъ случаѣ они могли бы нанести мусульманамъ великій вредъ. Аларесія и другіе мусульмане, жившіе въ землѣ Хозарской, узнавъ о томъ, что сдѣлали Руссы, обратились къ государю Хозарскому. «Позволь намъ» — говорили они — «раздѣлаться съ этимъ народомъ: онъ вторгся въ землю братьевъ нашихъ, мусульманъ, проливалъ кровь, и поплѣнилъ ихъ женъ и дѣтей». Царь не въ силахъ былъ удержать ихъ; по крайней мѣрѣ онъ извѣстилъ Руссовъ о враждебныхъ намѣреніяхъ мусульманъ. Сии послѣдніе, собравъ войско, потянулись внизъ по рѣкѣ, ища непріятеля. Завидѣвъ ихъ, Руссы сошли съ судовъ своихъ и стали въ боевой порядокъ противъ мусульманъ, къ которымъ присоединилось также множество христіанъ, жителей города Итиля. Число мусульманъ простиралось до 15,000 вооруженныхъ и на коняхъ. Бой длился три дня сряду; наконецъ Господь ниспослалъ мусульманамъ побѣду. Одни изъ

враговъ были побиты мечемъ, другіе потонули. Только около 3,000 изъ нихъ спаслось, переправившись на судахъ на противную сторону рѣки, смежную съ землею Буртасовъ; зѣсь, оставивъ свои суда, они сошли на сушу; но частію были перебиты Буртасами, частію Булгарами-мусульманами, въ странѣ коихъ искали убѣжища. Число убитыхъ мусульманами на берегахъ рѣки Хазарской, простиралось до 30,000. Съ сего времени Руссы не дѣлали болѣе вторженій».

Никимъ образомъ не могу согласиться съ тѣми учеными, которые думаютъ, что Руссы, ходившіе грабить Бердау въ 944 г., были Норманны. Для того надо допустить много самыхъ странныхъ предположеній, ни на чемъ не основанныхъ напр. Норманновъ на Руси было великое множество, Норманны знали Волгу лучше Славянъ и суда ихъ годились для плаванія по Волгѣ, Русь была завоевана Норманнами и т. д. Шафарикъ весьма основательно видитъ въ Руссахъ этихъ не Норманновъ, а Славянъ Русскихъ. (Древн. § 27. 9).

Абуль - Феда († 1332 г.) прямо говоритъ: «Въ семь (332 = 943) году *одно изъ поколѣній Руссовъ*, приплывъ на корабляхъ изъ страны своей по морю Каспійскому и рѣкѣ Куру, проникнуло до самаго города Бердаи; овладѣвъ имъ, Руссы предались убійству и грабежу и наконецъ прежнимъ путемъ возвратились во свояси».

Иначе надо допустить, что Норманны на Руси были разныхъ поколѣній; слѣдов. было ихъ великое множество. Принимая же *призваніе* Рюрика, надо непременно признать извѣстный договоръ между призванными Варягами и призвавшими ихъ Славянами и Чудью. Конечно, прежде всего имъ было поставлено на видъ, что надо имъ «въ правду судъ судить», «другу не дружить, недругу не мстить, праваго не обвинить, виноватаго не оправить». Конечно, Рюрикъ и братья пришли не одни, а взяли съ собою своихъ родныхъ и дружину, но не могли привести съ собою и десятка тысячъ Шведовъ, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ явился бы уже въ призвавшую его страну завоевателемъ и насильникомъ; Славяне и Финны, конечно, не могли равнодушно глядѣть и на приходъ какихъ нибудь 10 тысячъ Шведовъ, которые должны были только увеличить безнра-

дѣе. — Но это число слишкомъ мало для того, чтобы Шведы могли ходить на Каспійское море въ 914 и въ 944 г. Однако и этого количества Шведовъ было слишкомъ достаточно для того, чтобы возстановить Славянъ и Чудь противъ призванныхъ ими князей, какъ противъ нарушителей договора, ряда¹. «На чемъ хрестъ еста цѣловала, то управита; не хочета ли того всего исправити, то язъ въ обидѣ не могу быти». (Р. Л. II, 49). Точно также конечно думали и говорили и Славяне IX в.; и тогда, конечно, умѣли они клясться своимъ идоламъ, и тогда, конечно, клялись «меньшии, како стати всѣмъ, любо животь, любо смерть, за правду Новгородскую, за свою отчину» (Р. Л. III, 55). Вѣдь то были дѣды тѣхъ, что говорили: «кдѣ Святая Софія, ту и Новгородъ; а и въ мнозѣ Богъ и въ малѣ Богъ и правда». (Р. Л. III, 33), или «у насъ князя нѣтуть, но Богъ и правда и святая Софія» (Р. Л. III, 62).

— «Изъгнаша Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти, и не бѣ въ нихъ правды, и вѣста родъ на родъ; быша въ нихъ усобицѣ, и воевати почаша сами на ся. Рѣша сами въ себѣ: поищемъ собѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

Славяне и Чудь, утомленные раздражавшими ихъ усобицами, рѣшились принять *докончанье и любовь, сложились между собою*, поклялись «Русской земли блюсти и быти всимъ за одинъ братъ» (Р. Л. II, 39), «яко не разлучитися имъ ни въ добрѣ ни въ злѣ, но по одному мѣсту быти» (Р. Л. II, 57); «съидошася братья въкупѣ однодушно» (Р. Л. II, 37), обѣщались «всѣмъ одинакимъ быти» (Р. Л. III, 34), «будемы всѣ за одинъ мужъ» (Р. Л. II, 30).

Въ слѣдствіе такого ряда или докончанья, они положили или «поговоря промежь себя полюбовно» «излюбилъ себѣ третьихъ.... и пожаловать тѣмъ нашимъ третьимъ насъ судить и третевать» — они рѣшили призвать себѣ князя «иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву».

---

1. Возстаніе Вѣдима, весьма вѣроятное, доказываетъ только, что была сторона, не одобрявшая призванія. Но то было меньшинство и слабое. Отъ того и было такъ скоро подавлено его возмущеніе.

«Пошлемъ собѣ князя», т. е. излюбимъ себѣ такого, который бы пошелъ къ намъ «на всей правдѣ, на всей старинѣ», который бы поклялся насъ Славянъ и Чудь «держати въ старинѣ, по пошлнѣ, во чти, безъ обиды».

Нѣтъ сомнѣнья Варяги обѣщали Новгородъ и Чудь и Кривичей «держати въ старинѣ, по пошлнѣ, во чти, безъ обиды» — «а намъ мужемъ Новгородцемъ (Чуди и Кривичамъ) княженіе ваше держати честно безъ обиды». Нѣтъ сомнѣнья, такой рязь съ обѣихъ сторонъ былъ заключенъ *ротю*, присягою, какамъ нибудь заклинаніемъ (сравн. позднѣйш. «А на томъ ти, княже, на всемъ хрестъ цѣловати, бесъ перевода, при нашихъ послѣхъ: а мы ти ся, господине княже, кланяемъ» и пр.) — заклинаніемъ, хотъ напр. въ родѣ слѣдующаго. «ниже помыслить разрушити таку любовь . . . да не имуть помощи отъ Бога, ни отъ Перуна, да не ущитятся щиты своими, и да посѣчени будутъ мечи своими, отъ стрѣлъ и отъ иного оружья своего, и да будутъ раби въ сесъ вѣкъ и будущій», или говорили они, что рядъ ихъ простоятъ крѣпко и неподвижно «довдеже солнце сіяеть и міръ стоитъ», что нарушенъ онъ будетъ, «коли камень начнетъ плавати, а хмѣль почнетъ тонуть».

Могли ли Варяги въ страну великую и обильную, такъ добровольно ихъ призвавшую, придти съ большими военными силами? — Зачѣмъ было имъ вооружать противъ себя племена, добровольно ихъ призвавшія? Чего было имъ бояться? Приводя съ собою множество чужеземцевъ, они могли быть увѣрены, что ихъ ожидаетъ. Имъ не могла быть неизвѣстна участь Варяговъ, которыхъ незадолго до того выгнали Славяне за море. Всѣ позднѣйшія событія убѣждаютъ, что Варяговъ пришло въ Русь не великое множество, иначе были бы возстанья, мятежи, на долго бы сохранилась ненависть къ нимъ, тогда какъ не видать и слѣдовъ ея въ Лѣтописцѣ и въ народныхъ преданіяхъ, имъ сохранныхъ. Память народная неподкупна; народы не скоро прощаютъ насилья завоевателей. Впрочемъ, всѣ ученые замѣчательные и безпристрастные окончательно и несомнѣнно убѣждены въ справедливости извѣстія о призваніи. Русь не была завоевана. Слѣдов. не могло быть и Норманновъ такое множество, чтобы они могли ходить въ Каспійское море въ 914 и

944 г.¹ — То ходили Славяне, какъ то открывается изъ самыхъ разнообразныхъ и другъ другу постороннихъ соображеній. Наконецъ есть свидѣтельство XIII в., которое прямо говорить, что въ 944 г. грабили Берду — Славяне. Въ своей Сирійской Хроникѣ, Григорій Абуль-Фараджъ, извѣстный болѣе подъ именемъ Баръ-Еврея (род. въ 1228 и ум. въ 1286 г. по Р. Х.), говоритъ: «Въ первое лѣто царствованія Мосшакри, 335 (= 944) Геджры, вышли разные народы: Аланы, Славяне и Лазги; они опустошили всю землю до Азербайджана, взяли городъ Бердау, и убивъ въ немъ 20,000 человекъ, ушли назадъ». (Chron. Syriacum p. 189. См. ст. Григорьева. стр. 250).

Участвіе въ походѣ Славянъ, Аланъ и Лазговъ и необходимость, въ Руссахъ 944 г., видѣть соплеменниковъ Руссовъ Массудіевскихъ — могутъ кажется окончательно убѣдить всякаго человекъ безпристрастнаго, что то были Русскіе Славяне, столь страшные Грекамъ въ XI в., и населявшіе княжество Тмутороканское: Мстиславъ въ 1023 г. ходилъ на Ярослава съ Хозарами и Касогами.

Въ XII в. по Р. Х. или въ VI в. Геджры въ Хорасанѣ, Арранѣ и Ширвани каждый небольшой дворъ имѣлъ при себѣ по нѣскольку поэтовъ-паегиристовъ, единственная обязанность которыхъ состояла въ кропаньи хвалебныхъ стиховъ, обыкновенно исполненныхъ величайшей лести, въ славу и честь *Сельджукидовъ*, *Атабековъ*, *Азербайджанскихъ* и *Ширваншаховъ*. — Въ гимнахъ и мадригалахъ этихъ придворныхъ восточныхъ пѣнговъ, какъ ни богаты они пустыми, ничего не выражающими фразами, нелѣпыми и вычурными сравненіями, — находятся нѣкоторыя любопытные намеки и данныя, которыми наука нѣ можетъ не дорожить при великой скудости истинныхъ историческихъ свидѣтельствъ о краяхъ, столь мало извѣстныхъ. Такимъ образомъ почтенный ориенталистъ нашъ г. Ханыковъ, счелъ нужнымъ обратить свое вниманье на одного изъ этихъ Персидскихъ стихотворцевъ, именно *Хакани* († въ Тавризѣ ок. 595 г. Геджиры или 1198 г. по Р. Х.), который, не смотря на

1. См. Kunik. Sur l'expédition des Russes normands en 944 vers les pays situés aux bords de la mer Caspienne. S.-Petersbourg. 1847.

свои странствованія и на обширныя связи со многими современными знаменитостями, особенно бѣденъ фактами и чрезвѣрно богатъ пустословіемъ, нелѣпою вычурностью, и забавнымъ самохвальствомъ, въ порывѣ котораго онъ однажды выразился: «500 годъ никого не произвелъ столь несравненнаго, какъ я:» «L'an 500 ne produisit un sans pareil comme moi». — Хакани воспѣвалъ по преимуществу своего современника государя Ахистана, на владѣнія котораго и нападали Руссы. Прилагаю при переводѣ г. Ханькова найденныхъ имъ извѣстій Хакани объ этомъ неизвѣстномъ доселѣ происшествіи и слѣдующія замѣчанія нашего ученаго, необходимыя для лучшаго уразумѣнія этихъ мѣстъ.

«Ахистанъ родился въ одинъ годъ съ Хакани, т. е. въ 1106 г. по Р. Х. Вступивъ на престолъ послѣ 30-ти лѣтняго правленія своего отца, онъ утвердилъ свою столицу въ *Баку*, которую онъ старался возвеличить, тогда какъ *Шемаха*, столица *Ширвана* въ собственномъ смыслѣ, находилась во власти Атабековъ Адарбиджапскихъ.... Въ правленіе этого Ахистана Русскіе учинили набѣгъ на владѣнія, находящіяся на западномъ и южномъ берегахъ Каспійскаго моря, и даже на нѣкоторое время успѣли утвердиться въ *Шемахѣ*; но флотъ ихъ, состоявшій изъ 72 судовъ, былъ разсѣянъ при островѣ *Сари* или *Наренъ* и они были побѣдоносно изгнаны *Ширваншахомъ*. Хакани ничего не говоритъ о числѣ Русскихъ, участвовавшихъ въ этомъ походѣ, но принимая во вниманье то, что ихъ нашествію подверглось пространство земли, отдѣляющее берегъ Каспійскаго моря отъ *Лемберани*, надо думать, что они были довольно многочисленны.

По недостатку хронологическихъ вѣрныхъ данныхъ г. Ханьковъ не могъ опредѣлить годъ, этого похода на *Шемаху*. «Походъ Русскихъ, упоминаемый у Хакани», говоритъ онъ, «долженъ былъ происходить въ пространствѣ времени, между 530 и 590 г. Геджры или между 1135 и 1193 г. по Р. Х., и отвѣчаетъ въ Русской исторіи княженіямъ 15 великихъ князей. Самое это число князей свидѣтельствуетъ о тогдашнихъ усобицахъ на Руси, такъ что нѣтъ ничего удивительнаго, что происшествіе, надѣлавшее столько шуму во владѣніяхъ *Ширваншаховъ*, не оставило никакихъ слѣдовъ въ нашихъ лѣтописяхъ;

по крайности Карамзинъ ни слова не говоритъ объ этомъ далекомъ походѣ. Это молчаніе Лѣтописцевъ, если они дѣйствительно о томъ умалчиваютъ, чего я не могу повѣрить за немѣніемъ подъ руками пособій, заставляетъ предполагать, что Русскіе принимали тутъ участіе, какъ союзники Хозарь, и что то не было правительственнымъ предпріятіемъ, но отчаянною попыткою тѣхъ бѣглыхъ (гулящихъ) Русскихъ людей, что жили между Довомъ и Волгою, и упоминаются въ нашихъ Лѣтописяхъ въ первый разъ подъ 1147 г., подъ именемъ *Бродниковъ* или бродягъ (*vagabonds*)».

О побѣдѣ Ахистана надъ Русскими, какъ объ отличнѣйшемъ его подвигѣ, Хакани говоритъ не разъ. Вотъ всѣ эти мѣста, которыя для большей точности привожу во Французскомъ переводѣ г. Ханькова:

1) «La victoire que tu remportas sur les guerriers Russes, devint une ère pour les élevés comme le ciel (с. à d. pour les rois). Tes étendards, d'après (le dire) des témoins produisaient sur les Russes l'effet de l'aquilon sur les tiges de la plante *Zeiméran*. Les pointes (de tes flèches) couleur de flamme (envahissantes), comme l'eau, versaient le feu parmi les armées des *divs*. Tu trempas (les flèches) dans le fiel des Russes, en leur décochant le javelot muni de plumet (tes flèches), trempé dans l'eau empoisonnée. Une de tes flèches, semblable au prophète *Khizr*, rompit les soixante douze vaisseaux de ces stupides infidèles. Les flèches bifurquées de tes serviteurs, coupaient comme des ciseaux les veines jugulaires des renieurs de la religion. Tes javelots courts cousaient, à l'instar des aiguilles, leurs vésicules à leurs poumons. Ta fortune, abreuvée à la source de *Khizr*, donna du coeur aux (porteurs) des poignards semblables aux crocodiles. Par suite des blessures, portées sur les bords de la mer, le sang jaillissait des gorges coupées, et il se forma, sur les bords mêmes de la mer, une mare de sang de ces blondins roux, (mare) semblable à une mer, quand ton carquois montra ses dragons de *Moïse*, à ceux qui, après tout examen, sont des adorateurs du feu¹. A *Roum* même les dragons de tes flèches, empoisonnèrent les aliments du *Qaïssar*».

1. Намекъ на обычай древнихъ Руссовъ сожигать мертвецовъ. См. Слов. Якута. и Frähn-Ibn-Fosslan. Црим. г. Ханькова.

2) «Souverain au zèle de *Houd* et à l'éloquence de *Nouh*, tu visitas comme une tempête les *Khazars*, et comme un déluge les *Allans*. Tu es craint comme *Mahik* (trésorier de l'enfer), et (pour les ennemis) tu as un caracère de *Zabani* (officier de l'enfer); tu fis de *Derbond* un enfer, et tu fis pousser des lamentations à *Chabran*¹ (grâce à toi) le *Chirwan* (i. e. possesseur du lion), si l'on y pense, est devenu *Kheirawan* (i. e. possesseur de la honte), non, peut-être même, est il devenu *Cherewan* (i. e. possesseur de la noblesse); tu fis le *Khizwan* (i. e. le *Chirwan*) semblable à *Baghdad* et au *Caire*. En même il est le *Khalif* du *Caire* et de *Baghdad*, et par la largesse de sa main, l'*Euphrate* passe par *Saadoun* et le *Nil* par *Gerdaman*². Tu as vu ses soldats faisant une attaque nocturne contre les *divs Russes* (quand) de l'embuscade de sa colère il lança le lion de *Sistan* (i. e. *Roustem*). Le roulement de ces tambours, dont le son ressemblait aux cris poussés par la gazelle à la vue d'une peau de loup, donna des règles de lièvre aux lions enragés (i. e. aux Russes)³. Tous ces coeurs d'éperviers marchèrent la nuit comme des grues, et comme des *Qata*, expulsèrent les *Simouryles* de leurs nids. Ils les poursuivirent jusqu'à la fin de la nuit, comme la nuit (poursuit) la nouvelle lune dans le collet du ciel (i. e. au haut du ciel) et (toi) à l'iustar des sorciers (tu) préparas un lambeau de toile de lin (pour

1. *Chabran*, jadis une forteresse célèbre, maintenant un tas de ruines, dans le district de *Qoubbeh*.

2. *Saadoun*, maintenant nommé *Siadan*, bourg du district de *Qoubbeh*, non loin des ruines de *Chabran*. — *Gerdaman*, canton traversé par le *Girdamantchaï*, dans le gouvernement de *Chémakha*.

3. Beaucoup de personnes m'ont assuré ici qu'un tambourin tendu de peau de mouton n'émet pas de son, étant frappé en présence d'un tambourin tendu de peau de loup; de même les orientaux sont persuadés, ce qui est aussi plus probable, que la gazelle ne peut voir une peau de loup, sans pousser des cris de frayeur. Quant aux règles du lièvre, voilà ce qu'en dit l'*Imam Damiri* auteur du *Heiatoul heiwant-l-Kubra*: «Le lièvre dort les yeux ouverts, très souvent le chasseur s'approche de lui et, le voyant ainsi, le croit éveillé. On dit que le lièvre meurt dès qu'il a vu la mer, et que c'est à cause de cela qu'on ne le trouve pas au bord de la mer; mais ceci, d'après moi, n'est pas exact. Les Arabes, entre autres mensonges, admettent que les *Djins* fuient le lièvre, à cause de ce qu'il a des règles. Quatre sortes d'animaux ont des règles: la femme, la hyène, la chauve-souris et le lièvre. On dit aussi que la chienne a des règles».

leur jeter le sort)¹. Le matin, tu dégalnas ton glaive², et tu (le tournas) contre les infidèles, jusqu'à ce que le glaive les couvrit tous de la poussière de l'ignominie. (La planète) Mercure ayant sous lui comme *Bahram Tchoubin* une peau tendue sur du bois (i. e. un tambourin), ton cheval s'élança comme le vent d'automne³. Chacun (de tes soldats) dans sa forteresse de cotte de mailles de bronze était comme un *Isfendiar*⁴, ils firent sur la mer des dévastations semblables à ceux du *Heft Khan*. Le lion dégalna son glaive, comme le soleil dans la constellation du Lion, mais les soupirs poussés par les ennemis, changèrent le coeur de l'été en premier mois de l'automne. Le coeur des infidèles fut grêlé de petites véroles grosses comme des grains de raisin, et le sabre du *Yémen*, de couleur de raisin vert, fit de leur sang du vin. Le sabre de couleur bleue étendit sur la mer une couche de garance (mot p. mot mine de gar.) jusqu'à l'île *Rouinas* et jusqu'à *Lembéran*⁵. Sur l'île il fit du sang des *Russes* une mer, et la vague de cette mer ressemblait à une haute montagne; elle dispersa les vaisseaux, et l'on dirait qu'on y avait semé des rubis; on moissonna des têtes, et les corps criaient *aman*. La moitié fut tuée, l'autre moitié défaité, s'enfuit, et la mort chassa la chaleur de leurs âmes impuissantes. Afin qu'ils puissent se préparer dans leurs crânes une tisane, l'eau de leurs larmes leur fournit *gratis* le jus d'épine-vinette⁶. Les étendards du

1. D'après le commentaire: les lambeaux de toile de lin servent dans les sorcelleries pour jeter un sort à quelqu'un, on les découpait en croissant.

2. C'est à dire qu'au lever du soleil, on dirait que l'aurore dégalne son glaive, métaphore qui dans les pays chauds ne manque pas de justesse.

3. Ce vers, qui paraît si embrouillé dans la forme de l'original, veut simplement dire, que Mercure protecteur des musiciens, se fit tambour dans l'armée d'*Akhistan*, dont le cheval etc.

4. *Isfendiar*, fils de *Guechtassib*, tué par *Rowstem*, prit des forces les sept endroits du *Mazandéran* dits *Heft-Khan*.

5. L'île *Rouinas* est ou l'île *Narguen*, ou l'île de *Sart*, mais comme la dernière surtout est apte à la culture de la garance, je crois qu'il s'agit ici de *Sart*, d'autant plus que c'est la seule île de cette côté où il y ait des sources d'eau douce et qui pouvait servir de station à la flotille russe. *Lembéran* est un grand village sur la route directe de *Chémakha* ou *Choucha*, à une lieue de verstes du *Kour*.

6. Ingrédient de la tisane, ou d'une potion calmante, dont *Khaqani* fait souvent mention.

chah qui portent les mots *Inna fatahnd* (Qor. Sour. XLVIII. vers. 1), répandirent dans le monde une nouvelle, créatrice de la joie. Il jeta tout autant de poussière sur la tête des *Russes* infidèles, qu'*Alb-Arslan* en jeta sur la tête des habitants de *Roum*. Un ou deux jours, ces *coeurs de chiens* (i. e. sauvages, furieux, féroces) réussirent à commettre dans le *Chirwan* des désordres semblables à ceux d'*Arjeng* dans le *Mazandéran*; (mais) la terreur répandue maintenant par le chah à *Derbend* et en *Russie*, y produisit une commotion pareille à celle que ces coeurs de chiens firent ressentir au *Chirwan*.

3) « Les *Russes* et les *Khazars* fuient, car la mer des *Khazars* éprouva les bienfaits de sa main pleine de perles ».

« . . . ces deux vers, qui me paraissent être bien moins embrouillés que beaucoup d'autres du même poète, n'ont pas fait le même effet sur un commentateur de *Khaquani*, dont le commentaire se trouve copié sur les marges du manuscrit qui m'a servi pour ce travail; voici ce qu'il dit par rapport à ces vers: « *Feiz* répandre l'eau, *Hécher*, soldats, troupes, et par l'expression *Kefi dast djawahir hacher*, on fait allusion à la main de l'objet de la louange, par la considération du glaive *Geuherdar* damassé, qui était dans sa main pendant le combat, c'est à dire: Les *Russes* et les *Khazars* sont en suite, car le bras du loué a versé tant de sang des ennemis dans la mer des *Russes* et des *Khazars*, que l'eau en est devenue rouge, et les habitants de ces deux états ont pris la fuite ». Moi je crois que le verbe qui termine le 2-e missrà devrait être mis au singulier et rapporté à la mer, comme je l'ai traduit, et que *Khaqani*, pour conserver son *rédiif*, l'a mis au pluriel et avait embrouillé par cela le sens; des licences pareilles se rencontrent chez lui très souvent ».

4) « *Bakou*, à cause de son existence, exige le tribut des *Khazars*, de *Rei* et des *Zirihguérans* (i. e. des *Qoubetchis*) ».

(См. Bullet. historico-philolog. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersb. T. XIV. № 335 — 336. Lettre de M. Khanykoff à M. Dorn).

— О походѣ Стеньки Разина на Персію сообщаетъ нѣсколько любопытныхъ подробностей знаменитый Французскій путешественникъ Шарденъ. Вотъ какъ онъ рассказываетъ объ этомъ :

« Tandis que ces revolutions se passaient à la cour de Perse, quatre députés y arrivèrent de la part des Cosaques Moscovites qui, deux mois auparavant, avaient fait une irruption furieuse dans la Perse, du côté de l'Hyrcanie, sur les bords de la mer Caspienne: mais avant que de parler de cette irruption, il est bon d'en dire le sujet.

« L'an 1664, selon notre compte, arriva à Ispahan une ambassade célèbre de Moscovie, elle était composée de deux ambassadeurs, dont le train montait à quelques huit cents hommes, et les présens qu'ils firent au roi valaient, par l'appréciation que l'on en fit, cinq mille tomans, qui sont deux cent cinquante mille livres. Ils consistaient en deux carrosses enrichis de broderies très-superbes, des chevaux de frise, avec des animaux de leur pays, comme des renards et des ours blancs et des dogues; mais ce qui en faisait la principale richesse était une quantité prodigieuse de martres zibelines, que les Perses appellent *samour*. Ces ambassadeurs, comme l'on a toujours cru, étaient venus seulement pour trafiquer, et avoir le moyen, sous ce titre d'ambassade, d'apporter et de remporter des marchandises, sans payer de droits. On compte que des seules martres, ils en avaient vendu à Ispahan, pour quatre vingt mille tomans, qui sont quatre millions, sur quoi l'on peut juger du reste. Le roi de Perse cependant les traita magnifiquement d'abord, et il leur donna leur dépense, qui était taxée à dix tomans par jour, c'est à dire cinq cents livres, que ceux-ci aimèrent mieux prendre en argent qu'en vivres, pour en épargner la meilleure partie. Aussi, vivaient-ils très mesquinement, et dans le beau palais où le roi les avait fait loger parmi les riches meubles dont il était garni. Ces gens malpropres étaient dans l'ordure, comme des chiens. C'est pourquoi les Perses tiennent aujourd'hui cette nation de Moscovites pour la plus basse et la plus infâme qui soit entre les chrétiens; et ils les appellent, par mépris, les *Jusbeks* de l'Europe; ils veulent exprimer par là combien ils les estiment peu, parceque les *Jusbeks* sont les peuples les plus abjects de l'orient.

« Le roi, touché de l'infamie de ces ambassadeurs, et qui voyait bien qu'en effet ils n'étaient point envoyés de leur maître pour un autre sujet que pour trafiquer, vendre leurs fourrures et leurs autres denrées, et remporter des étoffes, des cuires, et les autres choses

semblables qui se trouvent en Perse, et surtout de l'argent, les maltraita à la fin, et n'en fit plus de compte. L'un d'eux mourut, et l'autre se retourna avec son train tout délabré, sans aucun honneur, et presque sans aucune réponse.

« Le grand-duc eût bien du ressentiment de cet affront; mais il le dissimula sur l'heure, parce qu'il n'osait s'attaquer à *Habas* ('*Abbás*); mais ayant appris au commencement de l'année 1667, qu'il était mort, et que le sceptre de Perse était tombé entre les mains d'un jeune prince, il résolut de se venger: il voulut toutefois éviter une guerre déclarée; c'est pourquoi, pour donner le coup fourré, et sans qu'il y parût, il suscite des Cosaques qui habitent vers la mer Noire, les fait marcher le long des Palus-Méotides, et ainsi entrer en Perse, sur les côtes de l'Hyrcanie; avec cette précaution, qu'ils se gardassent bien de le nommer, ni d'avouer qu'ils eussent aucune intelligence avec lui, ils devaient feindre que c'était d'eux-mêmes qu'ils venaient à cette entreprise. C'est ce que l'on en contait, et croyait à la cour de Perse.

Les Cosaques ne manquèrent point; ils montent au nombre de six mille, dans quarante grandes barques de la mer Caspie, qui sont des vaisseaux longs et larges, mais sans fonds, pour éviter les rochers dont cette mer est plaine, à deux et trois pieds sous l'eau. Chaque barque portait deux petites pièces de canon. Ils abordent premièrement à *Erech* (*Recht*), petite ville sur la côte de *Guilan* (*Guylán*), ou l'Hyrcanie, en laquelle ils descendent au nombre de quatre mille; et la trouvant sans soldats, et ses habitants qui ne les attendaient pas sans défense, ils la pillent, et après un grand carnage de l'un et de l'autre sexe, ils se retirent en diligence, avec tout leur butin dans leurs vaisseaux qu'ils retirèrent en mer autant qu'il fallait pour empêcher d'être aperçus.

Pour mieux couvrir leur jeu ils envoient quatre des leurs en qualité de députés à la cour, avec des lettres de créance, comme si c'eût été une ambassade. Les gens du gouverneur de *Chamaki* (*Châmákhy*), les conduisirent à Ispahan, où ils arrivèrent un peu après que la nouvelle de leur irruption y était venue. On les traita assez bien: on leur donna un logis, et on les défraya, comme on a accoutumé de faire pour les autres ambassadeurs. Ils démandèrent l'audience du roi; mais elle leur fut refusée sur ce qu'ils n'étaient

*

pas de qualité à prétendre à cet honneur, et que même ils paraissaient ennemis. On leur accorda seulement l'audience du premier ministre, ce qu'ils acceptèrent. Là, ils représentèrent qu'ils étaient députés de la part de six mille Cosaques leurs compagnons qui étaient sur la mer Caspië; qu'à la vérité ils étaient ci-devant sujets à l'empire des Moscovites; mais que, lassés du mauvais traitement qu'ils en recevaient, ils s'étaient résolus de s'enfuir de leur pays avec leurs enfants et leurs femmes, et ce qu'ils avaient pu emporter de leurs biens; qu'après avoir délibéré sur la retraite qu'ils devaient choisir, la Perse s'était présentée à leur esprit comme la monarchie la plus amie de l'équité, et qui traitait le mieux les esclaves; c'est pourquoi ils avaient fait dessein de lui offrir leur servitude; que dans ce dessein ils étaient partis en Cha-seven pour l'amour du roi, et que maintenant ils espéraient de la générosité de ce grand monarque qu'il écouterait leurs prières, qu'il leur prêterait un asile, et leur donnerait quelques terres pour les habiter¹. Ils présentèrent là-dessus leurs lettres de créance; mais les Perses ne purent jamais les déchiffrer, et y employèrent inutilement les plus habiles interprètes, tant des leurs que des européens, qui se trouvaient à Ispahan . . .

« L'on fut donc contraint de s'en fier à ce que disaient de vive voix ces députés, qui était toujours la même chose que ce qu'ils avaient dit au commencement; à quoi le premier ministre répondit: Si ce que vous assurez est véritable, et que vous soyez venus pour être nos hôtes, et vous rendre esclaves de Sa Majesté, pourquoi êtes-vous entrés en Perse l'épée à la main? pourquoi avez-vous massacré nos sujets, désolé une des nos villes, et ravagé nos terres?

« Ces Cosaques, pour se justifier, répondirent qu'on les y avait forcés; que, comme ils étaient été venus demander civilement des

---

1. Русскій выходецъ, бывшій въ Персіи, Степанъ Ивановъ сынъ Цѣпинъ, показывалъ: «Да слышалъ де онъ Степанъ въ Дербени отъ иноземцовъ, что воровскіе казаки Стенка Разинъ съ товарищи въ Гилянѣ, стоятъ въ стругахъ у берегу, и били челомъ они шаху и обѣщались ему служить, и шахъ де ихъ принялъ и учинилъ имъ корму всѣмъ вопче по двѣсти рублевъ на день; да они жъ де казаки просятъ у шаха мѣста, гдѣ бъ имъ поставить себѣ городокъ; а сказываютъ де иноземцы, что ихъ воровскихъ казаковъ всего съ нимъ Стенкою стоитъ подъ Гилянью съ двѣ тысячи человекъ». (А. И. IV, с. 390).

vivres pour leur argent, ceux de la ville, oubliant le droit d'hospitalité et la commisération qu'on doit avoir pour les étrangers, leur avaient couru sus, et les avaient maltraités; que la nécessité de se défendre devait excuser les Cosaques s'ils avaient cherché par les armes ce qu'ils n'avaient pu obtenir par les prières.

« Dans le temps que l'on traitait avec ces députés, arriva un envoyé des *Orous*, c'est-à-dire du grand duc de *Moscovie* (je crois que les Perses donnent ce nom à ses états à cause de la Russie qui en fait une partie), cet envoyé présenta des lettres de la part de son maître au roi de Perse, qui portaient qu'*ayant appris qu'un nombre de Cosaques ses sujets avaient quitté leurs terres pour se soustraire de son obéissance, et qu'ils voulaient se réfugier en Perse; il pria Sa Majesté de ne les pas recevoir et de n'ajouter aucune foi à toutes leurs propositions; que c'étaient des rebelles et des fugitifs, qui ne garderaient fidélité à personne, puisqu'ils ne la gardaient pas à leur prince naturel; qu'il disposait des troupes pour les réduire à la raison et les mettre dans le devoir.* Mais, si ce prince exhortait les Perses de ne se fier pas à ces Cosaques, ils étaient assez persuadés qu'ils ne devaient pas non plus se fier à lui, parce qu'on a toujours cru en cette cour-là qu'il était d'intelligence avec ces voleurs, et la raison sur quoi cette créance était fondée avait assez d'apparence: car, comment est-il possible, disaient les politiques, que des fugitifs au nombre de cinq à six mille viennent dans un pays avec quarante barques et quatre-vingts pièces d'artillerie, pourvus de toutes sortes de munitions et de guerre et de bouche, et que d'abord ils se jettent à main armée sur nos terres? N'est il pas aisé de voir que c'est le grand duc de *Moscovie* qui les envoie pour se venger des affronts qu'il se persuade que ses ambassadeurs ont reçus».

(См. Voyages du chevalier Chardin en Perse et autres lieux de l'orient. Nouvelle édition, soigneusem. conferée sur les trois édit. origin., augmentée d'une Notice de la Perse etc. par M. Langlès. Paris. 1811. T. X. pp. 112—120. См. также Dorn. Auszüge aus Mub Schriftstellern... St.-Petersburg. 1858. Ss. 25—26, 39—44, и Попова-Исторія возмушенія Стеньки Разина, въ Р. Бес. 1857, I, стр. 81 и сл.).

VIII. Еще доступнѣе была Малая Азія Русскимъ черезъ Черное море.

Въ долгій періодъ времени X — XVI в., послѣ походовъ Руссовъ на берега М. Азіи и до Козацкихъ походовъ на Синопъ, Трапезонтъ, Русскіе безъ сомнѣнія не прерывали своихъ сношеній съ М. Азією, которыя носили только мирный хакаактеръ. Въ томъ убѣждаютъ насъ хожденія паломниковъ, непрерывныя сношенія съ Сербами, Болгарами, Цареградомъ, въ XIII в. съ Никеею, бытность въ М. Азіи Славянскихъ поселеній, торговля связи, сначала черезъ *Гречниковъ*, а потомъ *Сурожанъ*, морскія силы Козаковъ и ихъ ловкость, заставляющая предполагать давнюю въ нихъ привычку къ морю и видѣть въ нихъ не прямыхъ и не непосредственныхъ наслѣдниковъ Руссамъ X в., по крайности въ отношеніи искусства плаванія по Черному морю. Въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азіи, нельзя упустить изъ виду того обстоятельства, что въ XVI и XVII стол. Русскихъ бывало много въ М. Азіи въ качествѣ плѣнниковъ, рабовъ и слугъ. Такъ Бопланъ даетъ намъ знать, про Татаръ Крымскихъ, что «они нерѣдко, въ числѣ 80,000 всадниковъ, вторгаются въ Польшу и Московію, жгутъ, грабятъ, уводятъ въ плѣнъ отъ 50 до 60,000 тысячъ Россіянъ и продаютъ ихъ въ неволю¹». —

1. Опис. Украины (Русск. пер.). С. 36. Въ Малороссійской народной поэзіи новыя сохранилось много думъ о Татарской и Турецкой неволѣ. Вотъ напр. начало думы о Марусѣ Богуславкѣ:

«Що на Черному морѣ,
На камени бѣленькому,
Тамъ стояла темниця камяная.

Що у той то темницѣ пробувало сѣмь-сотъ козакѣвъ,
Бѣднхъ невольникѣвъ.

Немало Русскихъ людей перетомилось въ тяжкой Турецкой неволѣ, въ Турецкихъ бусурманскихъ каторгахъ. Немало предковъ нашихъ кляло, проклиняло тамъ землю Турецкую, вѣро бусурманскую.

«Ты, земле Турецька, вѣро бусурманьска,
Ты розлуко христіаньска!

Не одного ты разлучила зъ отцемъ, зъ матѣрю,
Або брата зъ сестрою,
Або мужа зъ вѣрною женою!»

Одна изъ превосходнѣйшихъ Малороссійскихъ думъ съ чистымъ эпическимъ характеромъ. дума о Самойлѣ Кушкѣ, относится къ тому же разряду невольничьихъ думъ.

Въ столицѣ Крыма и мѣстопробываніи Турецкаго губернатора въ Кафѣ, гдѣ Татаръ жило мало, а все больше христіане, Бо-

Въ славномъ походѣ своемъ гетманъ Богданко Ружный освободилъ много плѣнниковъ въ городахъ Малоазійскихъ. Выкупъ ихъ въ Малороссіи былъ дѣломъ святымъ. Были Русскіе и въ Константинополѣ, при чемъ, конечно, многіе и бусурманились. Такъ возвратившійся въ Кіевъ въ 1674 г. изъ Турціи купецъ Гречанинъ Янъ Павловъ показывалъ между прочимъ: «о звонѣ (въ Цареградѣ) наша спрашивалъ, какъ у Сооевъ звонъ былъ, и въ то де время стоялъ на караулѣ у Сооевской церкви, у дверей, сторожъ былъ, *обусурманился Русской человекъ*». (См. Сб. Мал. Д. 1673—1674 г. С. 156 и сл.). Плѣнники Русскіе проживали не только въ Малой Азій, но и на островахъ Греческихъ, и въ Неаполѣ, и въ Мальтѣ, и въ Венеціи. Юрій Трубецкой, воевода Московскій въ Кіевѣ, доносилъ въ Москву въ 1674 г., что 10 июня пришли въ Кіевъ выхолпы все плѣнники Турецкіе; кто пробылъ изъ нихъ 10, кто 37 лѣтъ въ неволѣ Турецкой. Ивашко Антоновъ, Уманскій козакъ, показавъ: «святъ де онъ въ полонъ тому шестнадцатъ лѣтъ, а взяли его Татарова и продали Туркомъ на катаргу; а изъ Турской ушелъ тому 7 годъ въ Венеційскую землю, а изъ Венеційской земли пришелъ въ Польшу тому шесть недѣль». (Тамъ же. С. 164). Другой, взятый въ плѣнъ Татарами и проданный Туркамъ, прожилъ у нихъ 10 лѣтъ, «а ушелъ изъ Турской земли въ Венеційскую землю тому 6 годъ, а изъ Венеційской земли пришелъ въ Польшу тому шесть недѣль». (С. 169). — Борися Петровичъ Шереметевъ, на обратномъ пути своемъ изъ Мальты, будучи въ Венеціи, 1698 г., отпустилъ въ Москву маршалка своего Алесія Курбатова, «а съ нимъ послалъ двухъ Араповъ, *трехъ невольниковъ Малороссійскихъ городовъ, искупленныхъ въ Мальтѣ и въ Неаполѣ, и часть своего багажу*». (Зап. П. теш. Гр. Б. П. Шереметева... М. 1773. С. 86). В. Г. Барскій рассказываетъ, что въ 1743 г., въ бытность его на островѣ Хіосѣ, «многи убо отъ невольникъ и невольницъ Россійскихъ приходяща ко мнѣ, моляха со слезами, да исхodataйствую освобожденіе ихъ отъ плѣненія; азъ же съ великою радостію обѣщався просимое имъ сотворити и довести о семъ господину резиденту въ Цареградѣ и, утѣшивъ ихъ благою надеждою, списахъ же и имена ихъ, ихъ же бѣ душъ близъ четыредесяти, такжеже имена и обладателей Туркомъ, Грекомъ и Евреевъ». (II, 84). Вопросъ о невольникахъ Русскихъ вовсе не такъ незначителенъ, какъ то можетъ казаться съ перваго взгляда; подробно наслѣдованный, предметъ этотъ можетъ повести къ новымъ, любопытнымъ соображеніямъ. Ворочаясь на родину, бывшіе плѣнники приносили съ собою множество новыхъ рассказовъ, новыхъ свѣдѣній, новые обычаи. Въ свою очередь они могли имѣть вліяніе и на страну своего плѣна. Вспомнимъ, то былъ одинъ изъ путей распространія христіанства. Могло статься и дѣйствительно бывало, что плѣнники одного языка собирались въ известной странѣ въ такомъ множествѣ, что образовывали какъ бы особую колонію. Сносаясь съ свободными своими земляками, они возбуждали въ нихъ жалость и мщеніе и такимъ образомъ притягивали и накликали опасныхъ враговъ своимъ повелителямъ. Приобрѣтенію нами Крыма едва ли не способствовало это обстоятельство. Козаки въ своихъ походахъ руководились не однимъ желаніемъ пограбить но и мстью за братьевъ своихъ христіанскихъ невольниковъ и благороднымъ намѣреніемъ освободить ихъ изъ плѣна. Выходецъ Рязалецъ Степанъ Нямновъ сынъ Цѣпинъ явился въ 1668 г. въ При-

планъ же насчитывалъ болѣе 30 тысячъ невольниковъ, замѣчая, что они составляютъ прислугу христіанъ, которые скупаютъ у Крымцевъ военнопленныхъ изъ Польши и Россіи. Мартынь Броневій де Биездэфедеа, два раза посѣтившій Крымъ, и описавшій свое путешествіе въ 1579 г., между другими любопытными извѣстіями передалъ намъ также, въ главѣ объ образѣ жизни Крымскихъ Татаръ, и то, что помѣстья Татарскія обрабатываемы были многочисленными плѣнниками Русскими и Молдавскими. ¹

назную Палату и показавъ: «служилъ рейтарскую службу въ полку съ бояриномъ и воеводою съ Васильемъ Шереметевымъ съ товарищи; въ Запорогахъ подл Чюднымъ городкомъ полоненъ былъ Крымскими Татарями, которые продали его въ Турскую землю, въ городъ Девренъ, а тотъ де городъ отъ Царягорода двинша за два; и жилъ де онъ въ томъ городѣ у янычевина года съ два, и изъ того города бѣгаючи, жилъ въ разныхъ земляхъ, въ Трухменской и въ Арапской да въ Юргенской года съ три, и изъ Юргенской де земли вышелъ назавъ въ Турскую землю, къ прежнему своему хозяину, въ Девренъ городъ; и хозяинъ де его продалъ въ Турской же городъ Аванъ, владѣльцу Алію Пашѣ, а тотъ де городъ близко Кизыльбашской земли; и жилъ де онъ въ томъ городѣ года съ два и болши, и бѣжалъ въ Кизыльбашскую землю въ городъ Куты, а изъ того города шелъ Шаховою землею, мимо Тервіа да Аревана да Енжея городовъ, и пришелъ въ Шемаху въ нынѣшнемъ во 176 г. декабря въ 6 день и зимовалъ въ Шемахѣ; а изъ Шемахи де отпущенъ онъ съ Астараханцомъ съ Ондреемъ и пріѣхалъ съ нимъ въ Тарки, а изъ Тарковъ пріѣхалъ въ Астараханъ съ Тарковскими торговыми людьми въ стругахъ, а Ондрей де Третьековъ поѣхалъ степью на Теркъ». (А. И. IV, с. 390).

1. Martini Broniovi de Biezdfedea Stephani I Poloniae regis nomine bis in Tartariam legati Descriptio Tartariae.... (Schwandtner. Scr. rer. Hung. I, 801) «...etsi pagos plurimi (nobiliores) non possident, attamen agros et fundos proprios ibi habent, quos Vngarorum, Russorum, Moschorum, Valachorum seu Moldavorum mancipiis, quibus abundant, colunt ac ut jumentis ad opus omne utuntur. Aedificia et domus ligneis similes admodum, Turcico more aedificant, verum Graeci christiani, qui in paucis villis sunt, ut mancipia operantur et agros colunt». Торговля развита мало, «mechanicas autem artes rarissimi exercent et quicumque mercatores et artifices ibi reperiuntur. vel christianorum mancipia, vel Turcae, Armeni, Judaei, Cercasii Petigorenses, qui christiani sunt, Philistini vel Cyngani, obscurae vel extremae conditionis homines sunt». Также любопытна, особенно въ связи съ невольничьими пѣснями. глава 45-я: «Captivorum apud Tartaros ratio et redimentorum modus». Невольниковъ часто продавали за море. При описаніи Кафы между прочимъ читаемъ: «Sarpam non raro navigatur, ex universis vicinioribus et remotioribus Graeciae insulis. saepius vero ex urbe Constantinopoli, nam secundo vento, duorum tantum dierum spatio vel paulo amplius navibus eo veniunt». При описаніи Корсуя вспоминаетъ о вел. кн. Владимірѣ, о взятіи имъ Корсуя и о возвращеніи его Грекамъ. «Quod et in hodiernum usque diem, in locis iisdem a christianis Graecis, quorum obscurae

По Боплану Кафа вела обширную торговлю съ Константинополемъ, Трапезонтомъ, Синопомъ и другими городами Чернаго моря, Архипелага. Конечно, рабы и слѣдовательно — Русскіе были не послѣднею статьею отпуски. Кромѣ Татаръ, и Турки уводили много Русскихъ въ плѣнъ. Въ 1641 г. Мясковскій, посланникъ Польскій въ Константинополь, доносилъ Владиславу IV, что по словамъ Грековъ и Турокъ: число плѣнниковъ Польскихъ (слѣд. главнѣйше Русскихъ) въ Турціи простиралось до 150 тысячъ человѣкъ.

VIII. По разсмотрѣніи всѣхъ этихъ обстоятельствъ касательно стихіи Славянской въ М. Азій съ VII в., по настоящее время включительно читатель, надѣюсь, не затруднится предпочесть отвѣтъ положительный на вопросъ — была ли непрерывность въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азій? Дѣйствительно въ долгой періодъ 12-ти вѣковъ стихія Славянская въ М. Азій, хотя и пережила различныя фазы и подвергалась различнымъ превратностямъ, тѣмъ не менѣе съ VII в. продержалась до настоящаго времени, когда съ наступленіемъ новыхъ, лучшихъ временъ для всего міра Славянскаго, она вступить, быть можетъ, въ новый періодъ и съ теченіемъ времени, развиваясь все болѣе и болѣе, послужитъ безъ сомнѣнія однимъ изъ главнѣйшихъ элементовъ, имѣющихъ возродить къ новой, лучшей и разнообразной жизни эту богатую страну, способную къ развитію самой высшей человѣческой культуры.

---

et parvae admodum reliquiae supersunt, praedicatur» (p. 820—821). См. Сказаніе свящ. Іакова, бывшаго въ Крыму въ 1634—1633 г. съ Русскимъ посланникомъ Борисомъ Дворениновымъ — «и придохъ во градъ (Инь) и внидохъ въ пещеру къ Русскому полоненику, къ Максимку Иванову Новосилцу, а тотъ Максимъ живетъ въ полу тридцать два года». (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. I, с. 889). Отслуживъ панихиду и приложившись къ мощамъ неизвѣстнаго святаго, наши Русскіе вернулись домой. «И созвавше Гречанъ и полонениковъ Рускихъ, которые живутъ лѣтъ по сороку и начахомъ спрашивать про мощи, и многіе Гречане сказали: «мы де господине того не вѣдаемъ» . . . Да Бѣлорусецъ, полоненикъ, зовочный Василій Хромой, сказалъ: «инъ де здѣсь въ городѣ сорокъ лѣтъ» (с. 689). Они хотѣли взять мощи съ собою въ Русь, но услышали отъ святаго слѣдующія слова: «минте, о друзи, взяти мощи моя на Русь, а язъ убо хошу по прежнему здѣ учинити Русь, а имя ми и память моя бываетъ въ Семеновъ день» (с. 690—691).

Время теперь перейти намъ къ разсмотрѣнію вопроса, представившагося намъ еще въ началѣ книги и вылившагося тогда въ слѣдующую форму: были ли Славянскія поселенія въ Малой Азіи и до VII в. и до 664 г.; т. е. поселеніе Славянъ въ Азіи въ 664 г. по Р. Х., случайно занесенное въ Лѣтопись Византіяцами, есть ли первое поселеніе Славянъ въ Азіи?»

Византіійскій лѣтописецъ Теофанъ подѣ 664 г. рассказываетъ, что вождь Сарацынѣ Абдурахманъ вступилъ съ большими силами во владѣнія Римскія, провелъ въ нихъ зиму и опустошилъ многія провинціи. При семъ, говоритъ тотъ же лѣтописецъ, Славяне (*οἱ Σχλαβῆνοι*), числомъ до 5,000 человекъ, присоединились къ нему, пошли съ нимъ въ Сирію, и поселились въ области Апамейской, въ селенія Скевокоболѣ.

Вотъ первое, доселѣ найденное, извѣстіе о Славянахъ въ Азіи! Не скажу нужда, но есть ли даже возможность заключать изъ него, чтобы 5 тысячъ Славянъ, перешедшихъ къ Арабамъ и поселившихся въ Сиріи, только въ 664 г. явились въ Азіи? Напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что они были уже въ Азіи и до 664 г. По всей вѣроятности, Теофану уже было что нибуль извѣстно о Славянахъ въ М. Азіи; иначе онъ бы не упомянулъ о нихъ такъ случайно, мимоходомъ.

Въ самомъ дѣлѣ почему Славянъ въ М. Азіи не могло быть и въ VI в.?

При Юстиніанѣ (527 — 565) Славяне, по словамъ Прокція, почти ежегодно переходятъ Дунай и врываются во владѣнія Римской Имперіи, почти всѣ земли отъ Ионическаго залива до предмѣстій Византіи подвергаются ихъ опустошительнымъ походамъ. Годы 527, 530, 533, 534, 546, 547, 549, 550, 551, 552, 559 и проч., всѣ ознаменованы битвами ихъ съ Греками, ихъ пораженіями. чаще побѣдами и грабежами.

Незабвенный Шафарикъ нашъ ясными и неопровержимыми доводами доказалъ, что «тихое, спокойное распространеніе и утвержденіе Славянскихъ поколѣній въ опустѣвшихъ земляхъ обѣихъ Мизій начались, съ согласія Греческаго правительства, въ концѣ V го, и продолжались въ теченіи всего VI-го стол.

гдѣ нарочно поселяемы были также и Славяне, захваченные въ плѣвъ на войнѣ¹».

Въ VI в. исторія уже застаётъ многихъ Славянъ христіанами, и даже занимающими въ имперіи высокія государственныя должности; одинъ же изъ нихъ, уроженецъ *Ведерианы*, что въ верхней Македоніи, близъ нынѣшняго города Кѣстендила, сынъ *Изтока* и *Виленицы*, *Упранда* достигъ даже престола, на коемъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Юстиніана I.

Почему не могло быть Славянъ въ М. Азіи и въ VI в.? Почему императоры не могли переселять туда Славянъ въ VI в., какъ переселяли ихъ туда въ VII и въ слѣдующіе вѣка? Отъ чего Славяне не могли переселяться въ М. Азію и въ VI в., какъ селились они въ VII и въ VIII в.? Вѣдь мы встрѣчаемся въ Азіи съ отдѣльными личностями Славянскими еще въ VI в. Такъ въ 555—6 г. природные Анты, слѣдов. Славяне Доброгость и Всегордъ предводительствуютъ Греческимъ войскомъ противъ Персовъ. Доброгость начальствуетъ надъ флотомъ. Весьма вѣроятно, что Греки вручили этимъ Славянамъ начальство потому, что войско и флотъ состояли главнѣйше изъ единоплеменниковъ.

Зная давнишнія поселенія Славянъ по Дунаю и отношенія ихъ къ Атиллѣ и къ Гуннамъ, мы рѣшительно отказываемся отъ той мысли, что Славяне стали переходить Дунай и селиться въ имперіи только въ концѣ V в. Въ 441 г. Атилла, въ нѣсколько сраженій разбившій Грековъ, опустошилъ Фракію и Македонію, все пространство отъ Еллиспонта до Фермопилъ и предмѣстій Цареградскихъ².

Славяне могли проникать черезъ Дунай въ Забалканскій

1. Слав. Др. § 29. 2. Р. пер. т. II, кн. 1, с. 253 и сл. Въ Слав. перев. Манассіи, при описаніи царств. Анастасіа читаемъ: «При Анастасіи при начашъ Българе племати зема сѣж, прѣшедше и Бѣдынѣ и прежде нача^ш поемати должаж зема Охридская и потомъ сѣа зема вѣса». Анастасій же царствовалъ съ 491 до 518 г. См. «О переводѣ Манассіиной Лѣтописи на Словенскій языкъ, по двумъ спискамъ: Ватик. и Патр. 6 кн съ очеркомъ исторіи Болгаръ». М. 1842. С. 39. См. также статью Шафарика: *Wyklad někteřych pomístnych jmen u Bulharůw* въ *Časop. Česk. Mus.* 1847. S. 72 и сл.

2. *Septuaginta civitates* (говорить Прокопъ Тиронъ) *depraedatione vastatae. A Marcellinō: Pene totam Europam, invasit excisisque civitatibus atque castellis, conrasit.* См. Gibbon.

полуостровъ не только съ Гуннами, но и съ Готами; впрочемъ на послѣднемъ предположеніи не останавливаюсь, какъ оно ни вѣроятно, потому что въ оправданіе свое оно требуетъ слишкомъ продолжительныхъ объясненій.

«По мнозѣхъ же времянѣхъ слыи суть Словѣки по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ; яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава; а се ти же Словѣни Хрватѣ Бѣлин, и Серебѣ, и Хорутанѣ. Волхомъ бо нашедшемъ на Словѣни на Дунайскія, сѣдшемъ въ нихъ и насиащемъ имъ, Словѣни же ови пришедше сѣдоша на Вислѣ и прозвашася Ляхове» и т. д.

Извѣстіе Нестора, сохранившее древнее народное преданіе о стародавности Славянскихъ поселеній на Дунаѣ, въ земляхъ, называвшихся во времена Нестора *Угорскою* и *Болгарскою*, указываетъ на возможность отдѣльныхъ Славянскихъ поселеній среди народовъ Фракійскихъ и весьма дѣлаетъ вѣроятною догадку Шафарика о томъ, что по изгнаніи Славянъ изъ нынѣшней Угрии Кельтами, нѣкоторыя вѣтви ихъ, удалившись въ глубину Фракіи и Иллиріи, долго въ тамошнихъ неприступныхъ горахъ сохраняли свою народность (§ 11. 11).

Соображая не только возможную, но и весьма вѣроятную давность поселеній Славянскихъ на Балканскомъ полуостровѣ, еще болѣе природу страны, какъ бы служащей продолженіемъ М. Азии, этого Азіатскаго моста цивилизацій, по выраженію Риттера, а также всегдашнее и постоянное тяготѣніе народовъ Европейскихъ къ Азии, своей прародиной, никогда не перестававшей дѣйствовать на народы какъ-то особенно обаятельно, соображая все это, мы рѣшительно отказываемся отъ возможности указать на время, когда въ первый разъ могли явиться Славянскія поселенія въ М. Азии, и не видимъ причины предполагать, чтобы они не могли появиться въ ней весьма задолго до VII в. по Р. X.¹

1. Я разумѣю здѣсь Черноморскій берегъ Малой Азии, какъ *надревле* доступный Славянамъ. Природа страны была причиною, что Черноморскій берегъ Малой Азии и восточная часть Балканскаго полуострова были *надревле* населены народомъ одноплеменнымъ. Иродотъ говоритъ: *Ἐρχίητες δὲ διαβήντες μὲν ἐς τὴν Ασίην*

Вспомнимъ, что въ VI в. по словамъ Прокопія (552 г.) и Иорнанда (ок. 552 г.) могущественный и многочисленный народъ Славянскій, Анты, жилъ на Понтѣ между Днѣстромъ и Днѣпромъ.

Въ этихъ же мѣстахъ жили они и въ IV в. по Р. Х., а во II в., какъ видно изъ словъ Плинія, нѣкоторыя Славянскія вѣтви (Сербы) жили по Дону, который въ древнемъ Скандинавскомъ сказаніи называется рѣкою Славянскою «Wanaquisl».

Чтобы по возможности удовлетворительно отвѣчать на вопросъ — была ли доступна М. Азія этимъ Славянамъ за долго до IX—X в., какъ была она доступна потомкамъ ихъ Русскимъ Славянамъ въ пройденный уже нами періодъ времени IX—XVII в., чтобы, повторяю, отвѣчать на этотъ вопросъ какъ можно удовлетворительнѣе, мы прежде, чѣмъ рассмотримъ и переберемъ въ своей памяти всѣ относящіяся сюда свѣдѣнія и соображенія, постараемся указать на неправильность нѣкоторыхъ мнѣній о характерѣ Славянъ Русскихъ.

IX. Къ сожалѣнію еще по недавнее время раздавались голоса, отрицающіе почти всякую способность движенія и дѣятельности въ Славянахъ Русскихъ до Варяговъ. Это какъ бы послѣдніе отголоски и остатки нѣкогда весьма сильнаго и много-распространеннаго возрѣнія на древнихъ Славянъ, пущеннаго въ оборотъ Гебгарди и другими авторами, которые вообще не

ἐκ τῆς ἀρχῆς τοῦ κόσμου (7, 75). Нужно помнить слѣдующія слова глубокомысленнаго К. Риттера: «старый свѣтъ открылъ обширный театръ для исторіи отъ востока до запада, а въ этомъ направленіи, сообразно съ распредѣленіемъ пространствъ и климатическимъ единствомъ, изъ корня стараго свѣта, въ теченіи историческихъ тысячелѣтій и еще ранѣе, развилась большая система миграцій народовъ и ихъ цивилизацій и культуръ отъ востока къ западу. Но такъ какъ всегда, въ началѣ и концѣ существованія, воспоминанія и символы временъ прошедшихъ, также какъ и прежнихъ отечествъ очень живо дѣйствуютъ, то западу земнаго шара, отъ его юности и дѣтства, осталось воспоминаніе о востокѣ и стремленіе къ нему, и такіа то воспоминанія пробуждаютъ въ насъ надежду на будущее, которое вообще можетъ быть только развитіемъ прошедшаго» (Землеводствѣ Азіи. К. Риттера. Перев. П. Семенова. Ч. I. С. 105). Нѣтъ сомнѣнія, что въ IV в. до Р. Х. воспоминанія Кельтовъ объ Азіи были еще весьма свѣжи, почему и весьма вѣроятно, что онѣ были однимъ изъ главнѣйшихъ побужденій переселенія въ Малую Азію 20 тысячъ Кельтовъ, подъ именами Толистобоевъ, Трокмозъ и Тектосаговъ.

*

отличались особеннымъ безпристрастіемъ взгляда на Славянъ. Строго и рѣзко, но не несправедливо, отозвался однажды Шафарикъ о такомъ возрѣніи, по которому — «колѣнство и рабство, подданство и невольничество были вѣчнымъ удѣломъ Славянъ». «Къ великому нашему счастью, замѣчаетъ Шафарикъ, источники исторіи древнихъ Славянъ представляютъ намъ совершенно противное, а потому, если бы кто рѣшился, во что бы то ни стало, приписывать всю эту безстыдную ложь и хитрыя клеветы народу великому и занимающему отличное мѣсто въ исторіи человѣчества, тотъ долженъ бы прежде всего, для избѣжанія улки въ обманъ и напраслину, истребить всѣ упомянутые источники, чего разумѣется никогда не удастся ему. Пока будутъ эти источники, до тѣхъ поръ, надѣмся, будутъ и мужи, которые, безъ всякаго предубѣжденія, станутъ черпать правду и смѣло защищать ее отъ клеветъ пристрастныхъ и безсовѣстныхъ писаекъ, когда бы и гдѣ бы они ни явились»¹.

Нѣкоторые, рисуя себѣ Славянъ совершенно невинственными, народомъ, легко гнувшимъ шею и равнодушнымъ къ рабству, и безмѣрно возвышая доблести Варяговъ, полагали даже возможнымъ найти подтвержденіе своихъ словъ въ мнѣніи Шафарика о характерѣ древнихъ Славянъ.

Желая какъ бы отличить Славянъ отъ Норманновъ, они называли первыхъ *Naturvolk*омъ. Вѣроятно это значитъ то же, «что народъ, живущій въ простотѣ родового быта».

1. Слав. Древн. Русск. перев. т. I, кн. 1, с. 417—418. Здѣсь же Шафарикъ сдѣлалъ слѣдующее примѣчаніе, которое хотя и писано 20 лѣтъ тому назадъ, но къ сожалѣнію понынѣ не утратило своей цѣнности. «Ученіе это сдѣлалось лозунгомъ новѣйшихъ Русскихъ писателей, прожужжавшихъ и намъ и себѣ уши о древнемъ нашемъ варварствѣ. Имъ, какъ основой своего вѣрованія, хотятъ они воспламенить въ народѣ свою любовь къ Славянскимъ древностямъ (исторіи), языку и словесности, возбуждать къ себѣ довѣріе и утвердить въ немъ чувство самобытности. На этомъ ученіи (потому что въ области наукъ все связано тѣснѣйшими узлами родства) хотятъ они основать народное ученіе и славу». Узкое и вполнѣ ложное направленіе, обличающее всю незрѣдость нашей образованности, — видѣть и искать въ древней Руси однѣ только темныя стороны, встрѣтило, слава Богу, въ послѣднее время въ ученой литературѣ нашей смѣлый и сильный протестъ. Мы пріятно здѣсь особенно указать на превосходный разборъ соч. г. Чичерина, напис. многоуважаемымъ, почтеннымъ юристомъ нашимъ Н. В. Калачовымъ, на ст. гг. Бѣляевыхъ, Самарина, Аскакова, Хомякова, на соч. г. Лешкова, Кустомарова, Щапова...

Историкъ не идеалликъ; рисовать себѣ древнихъ Славянъ онъ можетъ только двояко: или то былъ народъ грубый, мало развитый умственно, но сильный, здоровый, бодрый, любящій законъ отецъ своихъ, всегда готовый постоять за свою свободу, за свои старые обычаи, за свою родину; или же то былъ народъ слабый, забитый, задавленный, повитый въ рабствѣ, слѣдовательно трусливый, подлый, хитрый, коварный.

Если Славяне, какъ говорятъ, были *Naturvolk*, если они жили въ необузданной анархіи (*tügellose Anarchie*), то конечно справедливъ первый взглядъ о Славянахъ и несправедливъ второй. Тогда какимъ же образомъ можно замѣчать, что Шведы гонялись и охотились (*Jagd machten*) за Финнами, Литовцами и восточными Славянами? Славянъ было больше Шведовъ и они не спускали имъ, какъ то извѣстно изъ лѣтописей и какъ слѣдуетъ предполагать согласно всѣмъ извѣстіямъ о характерѣ древнихъ Славянъ: 1) «изгнана Варяги за море и не даша имъ дани и почаша сами въ собѣ володѣти». 2) «Варязи бяху мнози у Ярослава, и насилье творяху Новгородцемъ и женамъ ихъ. Встааше Новгородци избиша Варягы во дворѣ Поромони, и разгнѣвася Ярославъ».

Положимъ даже наконецъ, что незабвенный Шафарикъ нашъ когда нибудь говорилъ такимъ образомъ о Славянахъ Русскихъ, и все таки строгая критика не позволила бы остановиться на нихъ, какъ на послѣднемъ, не допускающемъ никакой апелляціи, рѣшеніи. Въ такомъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ языку Славянскому и доказать, что онъ весьма бѣденъ словами военнаго и морскаго дѣла, опровергнуть то, что военныя и морскія слова почти общи всѣмъ Славянскимъ нарѣчіямъ, слѣд. вещи и предметы, обозначаемые, были извѣстны имъ издревле, опровергнуть то, что въ народной поэзіи Славянской, въ пѣсняхъ Чеховъ, Словаковъ, Сербовъ, Хорватовъ, Болгаръ, Малороссіянъ, Великороссіянъ, Лужичанъ, Поляковъ выражается духъ не подлый, не рабскій, а свободный, съ такимъ же духомъ народъ немогъ не создать себѣ средствъ защиты и обороны, опровергнуть то, что Славяне не отразили, не спасли свою западную братью отъ дикихъ полчищъ Татаръ и Турокъ и тѣмъ дали ей возможность посвятить свои силы другимъ трудамъ, подъять которые въ то

время Славянамъ было физически невозможно, опровергнуть то, что лѣтописи каждаго народа Славянскаго говорятъ почти на каждой страницѣ своей, что въ нихъ всегда жила любовь къ родинѣ, самобытности, если и падали, то не безславно и не безъ сопротивленія, и быть можетъ ошибочно, но твердо вѣрять понынѣ:

Тотъ, кто палъ, возстанетъ вновь;
Много милости у Бога,
Безъ границъ Его любовь.

Но Шафарикъ никогда не могъ и подумать ничего подобнаго. Шафарикъ напротивъ указываетъ на географа Баварскаго, «доказывающаго, что у Славянъ Русскихъ были укрѣпленные города, Нестора, показывающаго, что Русская земля была населена многочисленными Славянскими поколѣніями, съ твердыми городами еще до прибытія Варяговъ, народами, по свидѣтельству его и вообще цѣлой исторіи, предпочитавшими свободу самой жизни, о которой Матвѣй епископъ Краковскій (около 1150 года) воскликнулъ: «Русь.... это словно иной міръ.... народъ Русскій безчисленнымъ множествомъ своимъ равняется однимъ лишь звѣздамъ (Ruthenia... quae quasi est alter orbis... gens Ruthenica multitudine innumerabili seu sideribus adaequata)». И объ этой-то землѣ угодно было нѣкоторымъ новѣйшимъ Русскимъ писателямъ, Сенковскому, Муравьеву, и подобнымъ имъ, утверждать, въ одномъ мѣстѣ, что это было изпоконъ вѣка наследственное достояніе Скандинавовъ, въ которое Рюрикъ вовсе не былъ приглашенъ, но вступилъ по праву наследства, а въ другомъ, что она составляла до времени самого Владиміра безпредѣльную пустыню, въ коей только тамъ и сямъ скитались бѣдныя семейства кочующихъ звѣролововъ и скотопитателей»...

Славяне не были хитры, коварны, лукавы, какъ бываетъ всякой народъ слабый, повитый въ рабствѣ: Прокопій (552 г.), не имѣвшій никакой нужды особенно хвалить ихъ и имѣвшій напротивъ того много причинъ не быть къ нимъ расположеннымъ, такъ между прочимъ говорить о Славянахъ:

«Славяне и Анты не повинуются одному человѣку, а живутъ въ демократіи издревле, почему и выгода и невыгода, все

у нихъ общее.... Вступая въ битву, многіе идутъ на непріятеля пѣшкомъ, имѣя у себя въ рукахъ маленькіе щиты и копья. Панцыря не надѣваютъ: нѣкоторые идутъ на непріятеля даже безъ исподняго платья и плаща, а только въ латахъ. У тѣхъ и другихъ языкъ варварскій одинъ и тотъ же. Не различаются они между собою и тѣлосложеніемъ. *Всѣ они высоки ростомъ и весьма сильны* ¹.... Ведутъ, подобно Массагетамъ, жизнь суровую и непривольную, всѣ, подобно же имъ, грязны и нечисты. Характеръ ихъ не хитрый и не коварный; съ простотою сохраняютъ во многомъ Гунскій образъ жизни». — Такъ писалъ о Славянахъ и Антахъ въ VI в. Прокопій — извѣстія о походахъ и грабежахъ ихъ на полуостровѣ Балканскомъ въ VI и слѣд. вѣкахъ сильны убѣдять всякаго въ справедливости его словъ о ихъ воинственности. Морскіе грабежи Славянъ Македонскихъ и Адриатическихкихъ, поселенія Славянъ въ Морѣ и въ М. Азій, переходы къ Арабамъ, участіе въ ихъ войскахъ не позволяютъ добросовѣстному ученому и на мигъ усомниться въ присутствіи въ нихъ дерзкой отваги, удалства и предприимчивости. Императоръ Маврикій (582 — 602 г.) нашелъ нужнымъ въ соч. своемъ «О военномъ дѣлѣ» помѣстить цѣлую главу о томъ, какъ надо сражаться съ Славянами и Антами. «У Славянъ и Антовъ, говоритъ онъ, образъ жизни и нравы одинакіе, всѣ они свободны, ничѣмъ не заставитъ ихъ поддаться или подчиниться. У себя на родинѣ они весьма сильны и сносливы, удобно переносятъ и холодъ и жаръ и наготу тѣла и голодъ». Далѣе онъ рассказываетъ о ихъ гостепріимствѣ, объ обращеніи съ рабами и плѣнниками, которыхъ они не оставляютъ у себя въ вѣчной неволѣ, *подобно другимъ народамъ* (ὡς τὰ λοιπὰ ἔθνη), а въ извѣстный срокъ освобождаютъ; го-

1. Ибнъ-Фодланъ, описывая Руссовъ, говоритъ (въ перев. Френа): «Nie sah ich Leute von ausgewachsenem Körperbau; sie sind hoch wie Palmbäume, fleischfarben und roth». Иорнандъ, описывая Скандинавовъ, сказалъ: «Nae itaque gentes Romanis corpore et animo grandiores, infestae saevitia pugnae». Слѣдуетъ ли изъ этого, что Руссы Ибнъ-Фодлана непременно были Шведы? Гриммъ не признаетъ за Нѣмцевъ этихъ Руссовъ (I. Grimm — Ueber das Verbrechen der Leichen. 1830. S. 69—70). Марко Поло, говоря о Русскихъ, а Бонфини — о Чехахъ, удивляются ихъ высокому росту. Довольно наконецъ взглянуть на наши гвардейскіе полки, чтобы не считать высокій ростъ исключительною принадлежностью однихъ Шведовъ и Нѣмцевъ.

ворить о томъ, что они любятъ сражаться съ непріателемъ въ ущельяхъ, въ мѣстахъ неприступныхъ, употребляютъ хитрости, весьма привычны къ водѣ и лучше и дольше другихъ людей умѣютъ держаться въ ней (*ἐν πείρᾳ δὲ εἰσι καὶ τῆς ποταμῶν διαβάσεως ὑπὲρ πάντας ἀνθρώπους*). Каждый изъ нихъ вооруженъ двумя копьями, нѣкоторые же изъ нихъ и крѣпкими щитами, весьма однако неудобными для переноски. У нихъ деревянные луки и маленькія стрѣлы, которыя они намазываютъ ядомъ, дѣйствующимъ на смерть, если не принять противудія» и т. д. — Почти въ тѣхъ же словахъ описываетъ Славянъ Левъ VI Мудрый (886—911 г.). «Но такими они могли казаться только Византіянамъ, отнюдь же не Нѣмцамъ»; вспомните въ такомъ случаѣ державу Моравскую, Святополка, Болеслава Польскаго, Вратислава II, Собѣслава I Чешскихъ и т. д. — Сравните, что говорятъ лѣтописцы западные о Славянахъ Балтійскихъ — о ихъ воинской опытности на сушѣ и на морѣ, напр. о Лютичахъ — *haec gens terra marique proeliari perita erat*, о ихъ морскихъ грабежахъ, упорствѣ, любви къ свободѣ и пр. Гельмольдъ говоритъ о Ваграхъ, что на нападенія Датчанъ они вниманія не обращаютъ и даже находятъ особое наслажденіе биться съ ними. Указываю для примѣра на нѣкоторые свидѣтельства западныхъ о характерѣ Славянъ: 1) *Slavi servitutis jugum armata manu submoverunt, tantaque animi obstinacia libertatem defendere nisi sunt, ut prius maluerint mori, quam christianitatis titulum resumere aut tributa solvere Saxonum principibus* (*Гельмольдъ*). 2) *Slavi bellum quam pacem elegerunt, omnem miseriam carae libertati postponentes.... transeunt dies plurimi... illis pro libertate.. varie certantibus.* (*Виткиндъ*). — 3) *Liuticis.... dominus specialiter non praesidet ullus; unanimi consilio ad placitum suimet necessaria discutientes, in rebus efficiendis omnes concordant.* (*Диттмаръ Мерзебургскій*). — 4) *Multae sunt insulae in hoc sinu, quas Dani et Sueones omnes habent in sua ditioe, aliquas etiam Slavi tenent. — Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Altra est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel p otium*

daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plenae sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus. (Адамъ Бременскій). 5) Germania.... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior... gens Leucicorum barbara, omni crudelitate ferocior. (Глаберъ Родульфъ). 6) Est namque hujusmodi genus hominum durum et laboris patiens, victu laevissimo assuetum, et quod nobis gravi oneri esse solet, Slavi pro quadam voluptate ducunt. (Ватикандъ) 7) Hinc etenim saeva Danorum gens terra marique potens, inde centifida Sclavorum rabies barbarorum frendens inhorruit, Ungrorum nihilominus insecuta crudelitas. (Руотгеръ. Жизнеоп. Брунова пис. ок. 966 — 7 г.). Можно бы было весьма много привести примѣровъ, несомнѣнно доказывающихъ, что Славяне Русскіе, являющіе чудные подвиги храбрости, удачества, отваги и предприимчивости, съ XI в. до наст. врем., обязаны тому вовсе не Норманнамъ, а своимъ прирожденнымъ качествамъ¹. Нельзя было и Шведамъ охотиться на нихъ. —

1. Вообще обращающіеся у насъ имѣли о недостаткѣ энергіи и воинственности у Славянъ держатся благодаря слабому нашему знанію, а проче и полному невѣдѣнію Славянской исторіи. Военныя и морскія лѣтописи XVI — XIX стол. южныхъ Славянъ, Поляковъ и Русскихъ, исполнены извѣстій о чудныхъ подвигахъ удачества, храбрости и предприимчивости, нерѣдко запечатлѣнныхъ высокими героизмомъ и великими военными гениемъ. Въ XV в. Чехи безспорно имѣли лучшее войско въ Европѣ и считались учителями военного искусства. Мартинъ Майеръ, содѣланный Баварскій, въ письмѣ своемъ къ Григ. Геймбургу, 1467 г. 12 янв., говоритъ между прочимъ: «Bohemi in re militari expertissimi et armipotentes multi sunt, et ceterae militares artes ab eis quasi rivuli a fonte per plurimas terras derivantur». Другой современникъ историкъ Бонфини такъ описываетъ Чеховъ: «Prae ceteris terrarum gentibus proceritate staturae roboreque corporum ac pulchritudine, praestantia crinium et suavitate consuetudinis, Boemi sane praecellunt; corpora comasque plus justo colunt, in habitu vestituque nitidissimi et perquam molles, ad bellum et voluptatem tantummati; populares omnes sunt et affabiles, ad conciliandas quoque amicitias nimis idonei. Онъ же вложилъ въ уста Матвія Корвина, знаменитая черная рота котораго состояла изъ Чеховъ и друг. Славянъ, слѣдующую рѣчь: «Fateor, Boemos martiales esse, famosissimum genus hominum, culturae corporis studiosissimum et quam maxime crinium; cupidissimum belli et ad periculum promptissimum. Procera sunt his corpora et speciosa; contemptus mortis magnus inest, et persuavis hercle consuetudo». У Чеховъ XV в. учились военному дѣлу не только Поляки, Венгерцы и Русскіе, но и Нѣмцы, которые заимствовали отъ нихъ слѣдующія слова: *Pistol*, *Bitschülen*, *pišt'ála*, *Pafesner* — *rawézu*, *rawézniky*, *Possatken* — *posádky*, *Haubitze*, *haufnice*. (См. ст. Па-

Ложный ли патриотизмъ или же здравый смыслъ и простое чувство справедливости заставляютъ насъ признать всѣ подобныя положенія крайне неосновательными — пусть рѣшить о томъ читатель безпристрастный.

И такъ любовь къ свободѣ, упорство и ничѣмъ неискоренимая увѣренность, пока жива народность, въ томъ, что часть окончательно не суждено, вотъ одна изъ отличительнѣйшихъ чертъ обще Славянскаго народнаго характера. Мораванинъ по нынѣ помнитъ Святополка; Сербъ всегда былъ убѣжденъ, что встанетъ снова Марко Краевичъ, увѣренъ, что святыня, которую держались Турки, теперь въ вѣрномъ и безопасномъ мѣстѣ. Разбиты ли Чехи Нѣмцами, говоритъ народная пѣсня:

Netužite, kmetie! netužite:
juž wám trawička wstáwá,
tako dlúho stúpaná
cuziem kopytem!

И дѣйствительно надежда не обманула Чеховъ, она одержала побѣду:

i by Nĕmcem úpĕti,
i by Nĕmcem prnúti
i robitie jim.

Послѣ тѣхъ страшныхъ и великихъ испытаній, какимъ подвергалась южная Россія, набѣгали иной разъ на чубатыя головы нашихъ предковъ черныя думы и сомнѣнія. Спрашивали они тогда:

А що якъ наши головы по степу-полю поляжутъ,
Да ще й рѣдною кровью умыються,
• Поперасколотыми шаблями покрываются!...

лацкаго: O walebném umĕnj Čechůw w XV stol. — Čas. Česk. Mus. 1828. Стр. 5 и сл.). Слово *hetman* перешло къ намъ отъ Чеховъ. Въ старину у Поляковъ ходила поговорка: «Со Polak, to ran, со Čech, to *hetman*». Злѣйшій непріятель гуситовъ говоритъ по поводу ихъ побѣдъ: «Quis Bohemico nomini non inuideat, cujus victorias tempestate nostra plures numerare licet, quam reliquae gentes omnibus seculis comparare potuerint?» (Эней Смльвий. Hist. Boh. с. 58. См. Palacky. Dějiny D. III, IV — passim).

Пропаде мовъ порошина зъ дула, тая козацкая слава,
Що по всѣму свѣту дыбомъ стала;
Що по всѣму свѣту степомъ розляглась, простяглась;
Да по всѣму свѣту луговымъ гомономъ роздалась;
Туреччинѣ да Татарщинѣ добрымъ лихомъ знати далась.

Но никогда Малороссіянинъ не отдавался тоскѣ до конца,
онъ вѣрилъ крѣпко, что возьметъ свое, и не напрасно:

Тільки Богъ Святий знавъ,
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ,
Якъ незгодины на Украинську землю посылавъ!
Отъ-же й пройшли, изыйшли злий незгодины:
Немає нікого, щобъ насъ подолѣли!
Тільки Богъ Святий знавъ,
Що вонъ думавъ, гадавъ, замышлявъ!

Высшій идеалъ Великорусской народной поэзіи, Русскій крестьянинъ, Илья Муромецъ, не боящійся перечить Владимиру, когда тому блажь пришла у живаго мужа жену отнять, бьющій Татаръ на Куликовомъ полѣ, грозящій Турокъ всѣхъ по-выгнать изъ Цареграда вонъ, Илья Муромецъ, которому Ермакъ Тимофеевичъ только что племянничекъ, палъ однажды въ борьбѣ съ чужимъ богатыремъ. Тотъ уже похваляться сталъ: «зачѣмъ ты ѣдешь на чисто поле?... ты поставилъ бы себѣ келлейку при путѣ, при дороженькѣ» и т. д.

Лежить Илья подъ богатыремъ,
Говорить Илья таково слово:
Да не ладно у святыхъ Отцовъ написано,
Не ладно у Апостоловъ удумано:
Написано было у Святыхъ Отцовъ,
Удумано было у Апостоловъ:
Не бывать Ильѣ въ чистомъ полѣ убитому;
А теперъ Илья подъ богатыремъ.
Лежучи у Илья втрое силы прибыло....

Скоро Илья посправился, «недосугъ Илюхѣ много спрашивать», скоро отсѣкъ нахвальщинѣ его буйну голову, и приѣхавъ на заставу богатырскую, бросилъ голову о сыру землю—

При своей братьѣ похваляется:
«Бѣдилъ во полѣ тридцать лѣтъ,
Экаго чуда не навъживалъ»¹.

1. Я не знаю другой пѣсни, въ которой бы лучше себя выразилъ, сознательно или бессознательно, народъ Русскій за послѣднія дѣвсти лѣтъ. Въ ней живо рисуется его *крѣпостная неволя*, въ ней слышенъ отвѣтъ на тѣ упреки и насмѣшки, которыми осуждали его иные, тѣмъ ожесточеннѣе, чѣмъ большѣ ихъ поражамо его вѣдшее могущество, имъ созданное при неволѣ, чѣмъ яснѣе имъ представлялось его будущее значеніе при волѣ; въ ней же и крѣпкая вѣра въ себя и въ свои силы, которыми въ моготу всякое горе, твердая надежда на будущее, не смотря на тягость настоящаго, твердая, потому что основана на прошедшемъ, въ котораго многому, всему лучшему суждено прорости въ будущее. Кажется, не лишнимъ будетъ цѣлкомъ привести всю эту пѣсню, записанную почтеннымъ нашимъ собирателемъ г. Гуляевымъ

Не отъ пламечка, не отъ огничка
Загаралася въ чистомъ полѣ ковыль трава;
Добирался огонь до бѣлаго до камешка:
Что на камешкѣ сидѣлъ младъ ясенъ соколъ.
Подпало то у ясна сокола крылья быстрыя;
Ужъ какъ пѣшь ходитъ младъ ясенъ соколъ по чисту полю.
Прилетали къ ясну соколу черны вороны;
Они граяли, смѣялись ясну соколу;
Называли они ясна сокола вороною:
Ахъ, ворона, ты, ворона, младъ ясенъ соколъ!
Ты, зачѣмъ, зачѣмъ, ворона, залетѣла здѣсь?
Отвѣтъ держитъ младъ ясенъ соколъ чернымъ воронамъ:
Вы не грайте, вы не смѣйтесь, черны вороны;
Какъ отрощу я свои крылья соколиныя,
Поднимусь то я, младъ ясенъ соколъ, высокошенько,
Высокошенько поднимусь я, младъ ясенъ соколъ, ко поднебесью;
Опущусь я, младъ ясенъ соколъ, ко сырой землѣ,
Разобью я ваше стадо, черны вороны,
Что на всѣмъ ли на четыре стороны;
Вашу кровь пролью я въ синее море,
Ваше тѣло раскидаю по чисту полю,
Ваши перья я развѣю по темнымъ лѣсамъ.
Что когда то было ясному соколу пора-времечко,
Что леталъ то младъ ясенъ соколъ по поднебесью;
Убивалъ то младъ ясенъ соколъ гусей, лебедей,
Убивалъ то младъ ясенъ соколъ сѣрыхъ утокъ!
Что когда то было добру молодцу пора-времечко,
Что ходилъ то, гулялъ добрый молодецъ на волюшкѣ,
Какъ теперь то добру молодцу поры-время вѣтъ.

Рѣшительно, кажется, безъ всякаго основанія утверждали нѣкоторые, будто бы князья XI, XII, XIII в. наследовали въ весьма слабой степени отвагу и энергію своихъ Варяжскихъ предковъ, что характеры Ольги и Рогнѣды являются совершенными особняками въ древней Россіи.

Мы не станемъ говорить здѣсь ни о царевнѣ Софій, ни объ Анастасіи, ни о Марѣ Посадницѣ, ни объ Евпраксіи, Евросіині, Февроніи, Юліаніи, ни о мачехѣ Мономаха и многихъ другихъ, ни о томъ, что когда по взятіи Новгорода въ 1478 г., по приказу вел. князя Ивана Васильевича всѣ Новгородскіе граждане были приводимы его дѣтьми боярскими къ присягѣ, къ крестному цѣлованію, то по словамъ Львовской лѣтописи: «и всѣ цѣловали люди, и жены боярскія вдовы, и люди боярскіе»; пройдемъ мимо и статью Русской Правды о вдовѣ, а спросимъ только, неужели Русской народъ занялъ отъ Шведовъ высокое уваженіе къ святости семейной жизни, постоянно выражаемое и въ пословицахъ, и въ пѣсняхъ, и въ памятникахъ старой Русской словесности, и величавые образы честной вдовы Амелфы Тимофѣевны, матери шаловливаго Васьки Буслаева, старенькой вдовы Коновчихи, матери молодого Иваса Коновченка, молодой княгини, жены Василия князя, что потонулъ отъ золота вѣнца идучи, и молодой жены Василисы Даниловны, такъ геройски скончавшейся? Отчего же наконецъ любилъ народъ Ольгу, если она была такая истая Шведка? сохранились ли бы о ней свѣтлыя народныя воспоминанія, если бы она не отвѣчала тогдашнимъ идеальнымъ представленіямъ Славянъ Русскихъ о женщинѣ, о княгинѣ? ¹ Если бы Влади-

---

Засаженъ то сидитъ добрый молодецъ во побѣдности,
У злыхъ вороговъ, добрый молодецъ, въ земляной тюрьмѣ.
Онъ не годъ то сидитъ, добрый молодецъ, и не два года,
Что сидятъ то добрый молодецъ ровно тридцать лѣтъ.
Что головушка у добра молодца стала сѣдешенька,
Что бородушка у добра молодца стала бѣлешенька.
А все жлетъ ояъ поджидаетъ выкупу, выручки.»

Въ наше время уже можно прибавить: «Будетъ выкупъ, будетъ выручка — своя волошка».

1. Изъ соплеменника виѣли Ванду, Любушу и ея сестеръ, Людмилу и пр. Помните Чешское преданіе о войнѣ женщинъ. Вообще нельзя не замѣтить, что

міръ былъ настоящей Варягъ, то и о немъ не имѣлось бы такихъ же свѣтлыхъ народныхъ воспоминаній, и онъ бы не спроваживалъ такъ вѣлоубезно своихъ соплеменниковъ? И чѣмъ наконецъ Рюрикъ, Синеусъ, Труворъ, Олегъ и Святославъ и пр. *герои* возвышеніе, лучше и величавѣ Ярослава, Мстислава, Владиміра Мономаха, Изяслава, Ростислава, Мстиславовъ, Романа, Данила и всѣхъ ихъ сотрудниковъ на поляхъ ратномъ, книжномъ, гражданскомъ? чѣмъ они лучше всѣхъ извѣстныхъ и неизвѣстныхъ намъ добрыхъ страдальцевъ за Русскую землю, строившихъ храмы и монастыри, проповѣдывавшихъ Христіанство словомъ и дѣломъ, писавшихъ лѣтописи, учившихъ добру и книжной мудрости своихъ современниковъ, бившихся съ Половцами, съ Литвою, со Шведами, съ Татарами, съ Нѣмцами, постепенно, но вѣрно раздвигавшихъ границы Руси, распространявшихъ Русскій языкъ? и пр. и пр. Чѣмъ какъ не удалю, отвагою и молодечествомъ отличалась и сѣверная и южная Русь и въ XII и въ XIII в.? Неужели Шведская кровь билась въ жилахъ несчастнаго князя Василька, когда тотъ мечталъ «рекохъ въ умѣ своемъ: «оже ми будутъ Берендичи и Печенѣзи и Торци, реку брату своему Володареву и Давыдови: дайте ми дружину свою молодшую, а сама пійта и веселитася; и помыслихъ: на землю Лядскую наступлю на зиму, и на лѣто и возьму землю Лядскую и мѣщу Русскую землю; и по семь хотѣлъ есмь переяти Болгары Дунайскія, и посадити я у себе; и посемъ хотяхъ проситися у Святополка и Володимира ити на Половци, да любо налѣзу собѣ славу, а любо голову свою сложю за Русскую землю». Нечто тоже Шведъ былъ Изяславъ, говорившій: «Богъ вьнегда Русскія землѣ и Русскихъ сыновъ въ безчестіѣ не положилъ естъ; на всѣхъ мѣстахъ честь свою взималъ суть. Нынѣ же, братье, ревнуимо тому вси: у сихъ земляхъ, и передъ чюжими языки, дай ны Богъ часть свою взяти». Развѣ слабодушному, вялому народу принадлежать Задонщина, Слово о Полку

если *Ольга* и слово Нѣмецкое, то изъ того еще однако не слѣдуетъ, чтобы и княгиня Ольга была Нѣмка. Она же была изъ Пскова. Сколько Русскихъ Жановъ, Жаковъ, Марі! Ея умъ еще не доказываетъ ея Нѣмецкаго происхожденія. Есть вѣдь и Славянки умныя, не глупѣе Нѣмокъ. То же могло быть и сотни лѣтъ тому назадъ. Сынъ ея *Святославъ* — чистый Славянинъ, Запорожецъ.

Игоревъ? Нечто оно тоже обличаетъ Варяжское вліяніе? Слава Богу, какъ ни далеко еще мы ушли въ Русской исторіи, однако въ настоящее время уже нельзя безъ добродушной, но вмѣстѣ и грустной улыбки, вспоминать даже о такомъ мнѣніи равно, какъ и о словахъ Шлецера, будтобы удаљство и буйство Новгородцевъ обличаютъ въ нихъ переродившихся Нѣмцевъ, Шведовъ. Нельзя не уважать заслугъ и дарованій Шлецера, но нельзя не сознаться, что онъ бывалъ иногда нѣсколько самонадѣянъ и брался судить о томъ, чего ясно не понималъ¹. По суду безпристрастнаго, не меньше его оказавшаго услугъ Русской исторіи, и столь же даровитаго, Шафарика, величайшаго знатока Славянщины, «нашъ славный учитель» былъ «очень недалеко во всемъ Славянскомъ».

Нельзя такимъ образомъ согласиться съ тѣми, что упрекаютъ Шафарика въ непослѣдовательности за его объясненіе извѣстнаго мѣста Теофилакта о Славянахъ. Шафарикъ разумѣлъ Славянъ невоинственными въ томъ смыслѣ, что они не жили исключительно грабежемъ и насиліями, а не въ томъ, что легко переносили чужія обиды. Напрасно также, кажется намъ, упрекали нѣкоторые Палацкаго за его мнѣніе, ни болѣе ни менѣе какъ справедливое, о томъ, что Фредегарово описаніе обращенія Аваровъ со Славянами понимать буквально нельзя и не слѣдуетъ. Зачѣмъ было забывать слова Славянскаго вождя, сказанныя имъ Аварскимъ посламъ ок. 565 г.: «кто въ подсолнечной можетъ разбить и подчинить нашу силу? Мы обыкновенно отнимаемъ земли у другихъ, а не другіе у насъ; наше останется при насъ, пока будутъ войны и мечи». Почему же только при отсутствіи строгаго, безпристрастнаго историческаго

1. Вотъ эти достопамятныя слова: «Варяги долгое время составляли большую часть жителей Новгородскихъ, почему и языкъ ихъ (древне-Шведскій) остался здѣсь въ преимущественномъ употребленіи. Сильная привязанность Новгородцевъ къ свободѣ, которая во все продолженіе средняго вѣка часто выказывается сверхъ мѣры, заставляетъ также заключать, что они Варяжскаго происхожденія». (Шлец. Несторъ. I, XX. С. 342 и сл.). Шлецеръ былъ недоволенъ Грамматикою Ломоносова. Таубертъ ему сказалъ: «Schreiben sie selbst eine russische Grammatik, die Akademie soll sie drucken lassen. Ich nehme den Auftrag an». Въ своей грамматикѣ производитъ Шлецеръ слово *болринъ* отъ *барана*; сл. *князь* отъ *knecht*; сл. *дѣва* отъ *dieb, tref* и *tiffe* — сука.

взгляда можно предположить о Славянском происхождении известнаго вождя Славянскаго возстанія противъ Аваровъ, знаменитаго Само?

Позволяемъ себѣ заключить замѣчанія наши о характерѣ Славянъ, объ ихъ удали и предприимчивости словами знаменитаго ученаго Арабскаго XI вѣка, котораго одинъ изъ лучшихъ знатоковъ дѣла, Дози, ставитъ такъ высоко, какъ едва ли возможно поставить многихъ его западно-Европейскихъ современниковъ и по учености, и по уму, и по дарованіямъ; разумѣю слѣд. слова славнаго географа Абу-Обейд-иллах-аль-Бекри († 1094 г.), которыя привожу во Французскомъ переводѣ Шармуа: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête¹».

Для того, чтобы дать возможно полный, обстоятельный и удовлетворительный отвѣтъ на вопросъ — посѣщала ли Славяне Русскіе М. Азію и до IX — X в., мы должны еще прибѣгнуть къ нѣкоторымъ другимъ соображеніямъ.

Несторъ говоритъ: «Отъ сихъ же 70 и 2 языку бысть языкъ Словѣнскъ отъ племени Афетова, Норци, еже суть Словѣне. — По мнзѣхъ же времянѣхъ сѣли суть Словѣни по Дунаеви, гдѣ есть нынѣ Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имены своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ: яко пришедше сѣдоша на рѣцѣ имянемъ Морава и прозвашася Морава».

А въ другомъ мѣстѣ у него же читаемъ: «Дулѣби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Вельныяне, а Улучи, Тиверьци сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру *оми до моря*, суть гради ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ великая Скуебъ».

---

1. Почти такъ же говорятъ о Славянахъ Иродотъ Арабскій, Массудъ. Шармуа приводитъ слѣдующія слова Казвини (1275): «Les Slaves, dit Massoudy, se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister *pour la force et l'audace*». (Charm. p. 340).

И такъ Славяне издревле жили по Дунаю, въ Панноніи¹. Уже въ III и IV в. по Р. Х., а можетъ и раньше, простырались ихъ жилища до устьевъ Дуная, отчего конечно и Черное море рано стало доступно имъ².

По Бугу, Днѣстру и Днѣпру жили Дулѣбы, Угличы³ и Тиверци (яже суть Толковины), безъ сомнѣнья задолго до IX в.: они были многочисленны, имѣли города. Поселенія ихъ простырались до моря.

Дѣйствительно Юрнандъ въ VI в. помѣщаетъ снльнѣйшихъ изъ Славянъ, Автовъ на Понтѣ, между Днѣстромъ и Днѣпромъ (*qua Ponticum mare curvatur a Danastro extenduntur usque ad Danaprium, quae flumina multis mansionibus ab invicem absunt*).

Очень вѣроятно, что Анты жили почти въ тѣхъ же мѣстахъ и въ IV в.⁴.

Такимъ образомъ и съ этой стороны Черное море рано стало доступно имъ.

Стоить припомнить, только — походъ Олеговъ на Царьградъ, опустошительный походъ Игоревъ въ М. Азію въ 944 г.⁵; походъ Аскольдовъ 866 г., походъ Руссовъ въ Малую Азію по извѣстію Житія св. Георгія Амастрійскаго и пр.; стоить, говорю, припомнить только, что еще въ X в. Черное море называли Русскимъ, что Константинъ Порфирородный при описаніи пороговъ Днѣпровскихъ даетъ имъ названія и Славянскія и Варяго-Русскія, Варяжскія, Скандинавскія, которыя безъ всякаго сомнѣнія образовались позднѣе, а не на оборотъ; стоить, гово-

1. Богухвалъ говоритъ: «scribitur enim in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum».

2. Zeuss. S. 592. — Шафар. Сл. Др. § 8. 8.

3. Угличы, какъ остроумно замѣтилъ Надеждинъ, были, конечно, жители Угла, Буджака. «О мѣстоположеніи древняго города Пересѣчена» (въ Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн.).

4. Шафар. § 8. 8.

5. «Иде Игорь на Греки; яко послаша Болгаре вѣсть ко царю, яко идутъ Русь на Царьградъ сведій 10 тысящ. Иже повдоша и приплуша, и почаша воевати Визаньскія страны, и воеваху по Понту до Враклія и до Фаелагоньски земли, и всю страну Никомидійскую поплѣнившю, и Судъ весь пожгоша», и пр. Р. Л. I, 18.

рю, припомнить только, что Олегъ ходилъ въ походъ на Грековъ не съ Варягами одними, какъ конечно и Игорь, но и со Словѣнами (т. е. Новгородцами), Чудью, Кривичами, Мерею, Полянами, Сѣверянами, Древлянами, Рѣдимичами, Хорватами, Дульбами и Тиверцами; что, по словамъ Константина Порфиророднаго, Варяго-Руссамъ строили суда Славяне; что по Днѣпру издревле жили Славяне; что рано узнаемъ о морскихъ грабежахъ Славянъ, какъ въ Балтійскомъ, такъ въ Эгейскомъ и Адриатическомъ моряхъ; что Черное море было доступно нѣкоторымъ поколѣніямъ Славянъ еще въ IV в., по всей вѣроятности в гораздо раньше; что въ III в. Черноморскіе Готы безъ сомнѣнья въ своихъ походахъ на М. Азію пользовались Славянами, какъ туземцами, близко знакомыми съ моремъ¹; что съ другой стороны гребжи Готовъ въ М. Азіи не могли остаться безъ послѣдствій на Славянъ, относительно ихъ знакомства съ М. Азіею; стоитъ, говорю, припомнить, что Славянскія населенія въ М. Азіи началомъ своимъ восходятъ ни въ коемъ случаѣ не позже, какъ къ VII в., а весьма вѣроятно, что и гораздо раньше; припомнивъ же все это, мы ясно поймемъ, какъ легко, неосторожно и даже безразсудно поступили бы мы, если бы стали утверждать, что Славяне Русскіе стали посѣщать М. Азію какъ отдѣльными лицами, такъ и болѣе или менѣе значительными толпами, въ первые въ IX — X в.

Выше мы видѣли необходимость признать весьма давнишнюю бытность Русскихъ поселеній въ при-Донскомъ краѣ, у Донецкаго края, по Азовскому морю, въ княжествѣ Тмутороканскомъ; видѣли, что Массуди описываетъ Руссовъ Донскихъ и Азовскихъ, какъ цѣлый, осѣдлый народъ, самобытный и многочисленный, занимающійся промыслами и привычный къ морю; видѣли необходимость согласиться съ Французскимъ ориенталистомъ Рено, положительно утверждающимъ, что то не могли быть Шведы; видѣли что этихъ Руссовъ считаетъ Массуди однокровными со Славянами и Булгарами (т. е. Дунайскими), Славянами не только аль-Истахри, но и Ибнъ-Хордаты-Бегъ, современникъ Рюрика и Олега, умершій старикомъ въ

1. Pauli: Real-Encyclop. подъ сл. *Gothen*.

912 г., когда еще Шведы не могли утратить своей народности; видѣли необходимость допустить въ такомъ случаѣ бытность Славянскихъ поселеній въ этомъ краѣ задолго до X в. И дѣйствительно Прокопій (552 г.), упомянувъ о народахъ, жившихъ при устьяхъ Дона и по берегамъ Азовскаго моря, замѣчаетъ: «Дальнѣйшіе края на сѣверъ занимаютъ безчисленные народы Антовъ» (ἔξωτὴ τὰ Ἀντων ἀμέτρα Ἰδρυται). Если Анты были многочисленны, то очень вѣроятно, что отдѣльныя поселенія ихъ простирались до устьевъ Дона и къ Азовскому морю. Въ высшей степени важное древнее народное преданіе Скандинавское гласитъ, что рѣка Донъ (Tanais) рѣка Славянская (Vanaquisl); на восточной ея сторонѣ лежитъ земля Асовъ (Asaland), а въ ней городъ Asgard, въ которомъ царствовалъ Одинъ. Онъ воевалъ съ Ванамъ, но съ переменнымъ счастьемъ. Вообще онъ прославилъ себя войнами и на сушѣ и на морѣ. Потомъ онъ отправился на сѣверъ въ Скандинавію.

Прежде не придававшій этому преданью никакого историческаго значенія, Я. Гриммъ въ своей Исторіи языка уже оцѣнилъ ея историческую важность и весьма остроумно замѣтилъ, что Одинъ не напрасно носить эпитеты Vegtarnr (wegemüd), Gångrâdr, Gångleri, у Саксона viator indefessus; почему именно Одинъ предпочтительно передъ всѣми прочими богами? «gewiss weil seine Wanderungen von Osten nach Norden unter dem Volk berühmt und eingepägt waren. Wenn also auch dieser Züge die uns verbliebenen Lieder nicht mehr gedenken, setzen in solchen Namen sie sie offenbar voraus¹».

На основаніи этихъ извѣстій мы уже не рѣшаемся не признавать Славянскаго происхожденія Плиніевскихъ *Сербовъ* и Птоломеевскихъ *Сирбовъ*, что на Дону.

Несторъ говоритъ, что Поляне и другія вѣтви Славянскія задолго до призванія Варяжской Руси платили дань Хозарамъ. Массуди говорятъ, что Славяне и Руссы служили въ войскѣ Хозарскомъ. Вообще надо замѣтить, что Массуди не смѣшиваетъ Славянъ и Руссовъ, но и не совершенно отдѣляетъ ихъ; точно такъ же и аль-Истахри; современникъ же Рюрика и Олега,

1. Gesch. d. deutsch. Spr. S. 769 f.

Ибнъ-Хордаты-Бегъ прямо выражается: «Руссы изъ племени Славянъ». Массуди въ одномъ мѣстѣ замѣчаетъ, что Руссы вмѣстѣ съ Булгарами (конечно Дунайскими) и Славянами происходятъ отъ одного родоначальника. Такимъ образомъ Руссы и Славяне Массуди почти то же самое, что Славяне и Анты Прокопія, которыхъ тотъ не смѣшиваетъ, но и не совершенно отдѣляетъ.

Руссы Массуди — цѣлый осѣдлый народъ, жившій на Дону и у Азовскаго моря, многочисленный, занимающійся промыслами и привычный къ морю. Очевидно, что такой народъ не могъ явиться недавно, и дѣйствительно Арабскій историкъ аль-Табари (+ 923), авторъ Всеобщей Исторіи, доведенной имъ до 912 г., рассказываетъ, что при халифѣ Омарѣ, завоеватель Азербиджана Суррака бенъ-Амру, послалъ въ Ширваншаха Шехриара войско подъ начальствомъ Абдуррахмана.

Шехриаръ, владѣнія котораго включали Берду съ окрестностями до Дербента, вышелъ къ Арабамъ на встрѣчу, обѣщалъ признать ихъ владычество, платить имъ дань и служить оплотомъ противъ враговъ иновѣрцевъ. По словамъ Табари это происходило въ 642 г. Онъ же вложилъ въ уста Шехриара слѣдующую рѣчь, съ которою тотъ обратился къ Арабамъ, когда они подошли къ Дербенту (Bab-el-abwab. Derbend): «Я нахожусь между двумя непріятелями Хозарами и Руссами. Эти послѣдніе враги всего міра, въ особенности Арабовъ; но вести съ ними войны, кромѣ здѣшнихъ людей, никто не умѣетъ: вмѣсто того, чтобы платить вамъ дань, мы будемъ собственными нашими средствами и собственнымъ оружіемъ вести войну противъ Руссовъ; и препятствовать имъ переступать вашу область, сочтите это намъ вмѣсто дани, мы такимъ образомъ постоянно будемъ вести войну¹».

Въ VII и VIII в. Хозары дѣйствительно наводили страхъ на Кавказъ и находились почти въ непрерывныхъ войнахъ съ Арабами. Какъ ни ограничены настоящія историческія свѣдѣнія объ этихъ странахъ, однако и въ настоящее время извѣстно

1. Mém. de l'Acad. des Sciences de St.-Petersb. — Classe hist. phil. — VI. S. 433. и друг. упом. о Руссахъ. S. 456.

уже, что ок. 651 — 2 г. Хозары взяли Дербентъ, который потомъ отняли у нихъ Арабы и уже оставили за собою. Въ войнахъ Хозарь съ Арабами, владѣнія Ширваншаха часто подвергались опустошеніямъ первыхъ. Въ 717 г. Хозары въ числѣ 20 тыс. человекъ нападаютъ на Азербиджанъ, но были разбиты. Воюють они съ Арабами въ 720 — 24 г., также ок. 728 г.; въ 730 г.

Славяне Русскіе, по свидѣтельству Нестора, задолго¹ до призванія Рюрика платили дань Хозарамъ: «Козари вмаху (дань) на Полянѣхъ и на Сѣверѣхъ и на Вятчѣхъ, вмаху по бѣлѣ и въверицѣ отъ дыма».

Весьма вѣроятно, что Славяне эти не только платили дань Хозарамъ, но и помогали имъ въ ихъ войнахъ, къ чему могли побуждать ихъ многія причины, немалозначительныя, какъ взятая отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ, а именно обязательства въ отношеніи Хозарь², собственная охота подрагаться и пограбить....

Массуди говоритъ, что въ войскѣ Хозарь служили Славяне и Руссы. — Въ 799 г. Хозары овладѣли Ширваномъ и Ганджою и взяли въ плѣнъ около 100 тысячъ человекъ. Положимъ, число преувеличено; тѣмъ не менѣе такое извѣстіе заставляетъ предполагать, какъ велики были успѣхи Хозарь въ ихъ военныхъ предпріятіяхъ. Едва ли изъ этого самого обстоятельства не слѣдуетъ уже, что Хозарамъ помогали другіе народы³.

1. Срвн. слова Нестора: «И помдоста (Аскольдъ и Диръ) по Дѣпру, и идуче мимо, и узрѣста на горѣ градохъ и упрашаста, рѣста: «чій се градохъ?» они же рѣша: «была суть 3 братья, Рій, Щекъ, Хоривъ, иже сдѣлаша градохъ ось, и изгибоша, и мы сѣднѣмъ платяче дань родомъ ихъ Козаромъ (см. вар.)».

2. Вотъ основаніе думать, что Славяне дѣйствительно обязывались помогать Хозарамъ. «По сихъ же лѣтѣхъ, по смерти братьѣ сѣя, быша обидими Древлани, и вѣми околними, и надоша я Козари сѣдшая на горахъ сихъ въ лѣсѣхъ, и рѣша Козари: «платите намъ дань». Сѣдумавше Поляне и адаша отъ дыма мечь, и не соша Козари ко князю своему» и пр. Такимъ образомъ по народному преданію Славяне платили дань не только бѣлами и въверицами, но и мечами.

3. Mém. de l'Ac. VI. Ст. Ак. Дорна: Nachr. über die Chasagen. Табари говоритъ при описаніи войны Хозарь съ Арабами въ 724—743 г.: «Der König von Chasar... schickte an den Chakan und an alle Ungläubige, und forderte sie zum Kriege gegen die Musulmanen auf, worauf sie auch eingingen und sich einstellten. (S. 469).

Историкъ Мазандерана и Таберистана, Шахир-эд-динъ, жившій въ XV в., но безъ сомнѣнія имѣвшій передъ собою источники, до насъ недошедшіе или понынѣ еще не найденные, говоритъ, что современникъ Сассанида Нуширвана Великаго (532 — 579 г.), построившаго Дербентъ (ворота воротъ) и знаменитую стѣну и назначившаго въ различныя области Кавказа особыхъ намѣстниковъ¹, современникъ этого государя, одинъ изъ владѣтелей Кавказскихъ, Нарси, имѣлъ сына Фируза, который наследовалъ отцу, и «во владѣніяхъ Руссовъ, Хозаръ и Славянъ не было начальника, который бы ему не повиновался».

Анты, по свидѣтельству Прокопія, были весьма многочисленны, жили на сѣверъ отъ народовъ, обитавшихъ по берегамъ Азовскаго моря и при устьяхъ Дона. — Иорнандъ, его современникъ, называетъ ихъ сильнѣйшими изъ Славянъ, а походы ихъ на Имперію Восточную въ VI в. несомнѣнно доказываютъ ихъ воинственность. — Нельзя забывать, что востокъ, Азія, всегда имѣлъ какую то особую привлекательность для народовъ Европейскихъ; чѣмъ древнѣе времена, тѣмъ свѣжѣе были народныя преданія объ востокѣ, объ Азіи, о древней ихъ прародинѣ. Весьма вѣроятно, что Славяне и въ VI в. и гораздо раньше стремились на востокъ, въ Дагестанъ. Походъ Гунновъ въ М. Азію въ V в. несомнѣнно кажется доказываетъ, что въ Дагестанѣ до Нуширвана, построившаго Дербентъ и стѣну, не было даже никакихъ искусственныхъ преградъ. Неизвѣстный Арабскій географъ, сочинитель Книги Странъ, жившій въ Xв., упоминаетъ о рѣкѣ Славянской на Кавказѣ; такая же рѣка Славянская упоминается на Кавказѣ и у Табара². Такое названіе можетъ служить даже указаніемъ на бытность вѣкогда въ этомъ краѣ Славянскаго поселенія. Наши свѣдѣнія о Славянахъ, основанныя на извѣстіи Прокопія объ Антахъ, на упоминаніи Плиніемъ и Птоломеемъ Сербовъ на Дону, на древнемъ Скандинавскомъ

1. *Mém. de l'Ac. d. Sc. de St.-Pét. Cl. hist. phil. T. IV. Статья Акад. Дорна: Versuch einer Geschichte d. Schirwanschache.*

2. Ст. И. И. Срезневскаго: Слѣды древняго звач. Русскихъ съ южной Азіей. *Вѣстн. Геогр. Общ. 1854. № 1. С. 54 и 62. Mém. de l'Ac. des Sc. de St.Pét. VI. S. 485. elagerte am Flusse der Siklab.*

преданіи объ Одиѣ, о рѣкѣ Донѣ, какъ о рѣкѣ Славянской, о Ванахъ и пр., такія свѣдѣнія рѣшительно не позволяютъ намъ рѣзко и самонадѣянно утверждать, что въ VII и VI в., и даже несравненно раньше, Славяне не чувствовали охоты и не могли напирать на Кавказъ, не могли стать извѣстными Арабамъ, обратившимъ при халифѣ Омарѣ на этотъ край свои завоевательные замыслы, что Славяне однимъ словомъ не могутъ быть упоминаемы въ восточныхъ источникахъ VI и VII в. рядомъ съ Хозарами.

Точно тоже самое обязаны мы сказать и о Руссахъ. Когда появились Русскія поселенія, бывшія въ XIV и XIII в. въ Придонскомъ краѣ? Когда появилась Русская стихія въ княжествѣ Тмутороканскомъ, въ X и XI в. пользовавшемся весьма большимъ значеніемъ? Массуди, описавшій Донскихъ и Азовскихъ Руссовъ въ первой половинѣ X в., говоритъ о нихъ, какъ о цѣломъ, независимомъ народѣ, занимающемся промыслами и привычномъ къ морю. Ибнъ-Хордаты Бегъ, умершій старикомъ въ 912 г., ясно выразился: «Руссы изъ племени Славянъ». Рубруквисъ въ первой половинѣ XIII в. самъ видѣлъ, какъ Русскіе между Волгою и Дономъ братались съ Венграми. Константинъ Порфирородный, въ знакомствѣ котораго съ языкомъ Славянскимъ кажется нельзя сомнѣваться, писалъ, что у Мадьяръ до прихода ихъ въ Паннонію были *воеводы*; одинъ изъ нихъ назывался *воеводою Лебедію*, отъ него же и край получилъ свое названіе, причемъ конечно не должно забывать ни Харьковскаго *Лебедина*, ни Тамбовскаго *Лебедяна*, что на Дону. Русь Угорская, Карпатская не могла появиться впервые въ XIII и XIV в.; еще Мадьяры XIII в. не считали Русиновъ новопоселенцами и безымянный Нотарій Бельи, котораго пора оцѣнить по достоинству, прямо выразился *Rutheni cum almo duce in Pannoniam venerant*. Намъ кажется, что можно не соглашаться съ нашею гипотезой о Руси Скандинавской, но уже нельзя отвергать бытности Славянской Руси Донской, Азовской и Угорской, Карпатской, однимъ словомъ можно только не находить родства Руссовъ Скандинавскихъ съ Руссами Азовскими и Карпатскими, считать такое сходство чисто случайнымъ, и потому не видѣть особой нужды въ томъ предположеніи, что Ваны, пере-

селившіеся съ Однимъ въ Скандинавію, назывались Руссами¹; но нѣтъ возможности доказать, что слово Русь обличаетъ свое Финское происхожденіе, что это Шведское слово *Rodsia* — гребцы, что это послѣднее было названіемъ собственнымъ еще въ IX в., тогда какъ извѣстно, что и въ XIII в. оно имѣло значеніе нарицательное; нѣтъ возможности, говорю, доказать, что слово Русь не могло быть словомъ Славянскимъ, что Русины переселились въ Угры въ XIII и XIV в., что безъименный Нотарій Белы имѣлъ нужду утверждать, что Русины въ Паннонію пришли съ Мадырами, что онъ могъ ггать объ этомъ безо всякой нужды, что только во времена Рубруквиса, а не гораздо раньше начали Русскіе между Дономъ и Волгою водить дружбу съ Венграми, что Константинъ Порфирородный говоритъ о воеводахъ, о воеводѣ Лебедіи у Мальярь не потому, чтобы они дѣйствительно у нихъ были, а потому, что извѣстіе о Мадырахъ онъ получилъ изъ устъ Славянина; нѣтъ возможности, говорю, доказать, что Руссы Массуди, цѣлый, самобытный народъ, жившій по Дону и Азовскому Морю, народъ, въ смыслѣ того времени промышленный, привычный къ морю — были Шведы, а не Славяне, напр. такіе же, какъ Русь Карпатская, про которую, если не всю, то про часть ея, Мадыры XIII в. говорили — *Rutheni cum Almo duce in Rauponia venegant*; нѣтъ, говорю, возможности доказать, что Ибнъ-Хордаты-Бегъ разумѣлъ Варяго - Руссовъ, а не Руссовъ Массуди, утверждая: «Руссы изъ племени Славянъ»; нѣтъ возможности доказать, что эти Донскіе, Азовскіе Руссы не могли быть извѣстны гораздо раньше X, IX в., что извѣстіе Табари о Руссахъ подъ 642 г. заключаетъ въ себѣ что то невѣроятное.

Массуди говоритъ, что Руссы народъ независимый, никому не подчиненный, что, въ 912 г. отправляясь въ походъ Каспійскій, они выпросили себѣ пропускъ у Хозаръ и общали имъ дать половину награбленной добычи. — Не вижу ничего невѣроятнаго въ свидѣтельствѣ Табари о Руссахъ, ибо описаніе Руссовъ Массуди заставляетъ и безъ того предположить бытность Руссовъ за долго до X, IX в.

1. См. въ Приложеніяхъ. II.

Выше мы нашли весьма вѣроятнымъ, что Славяне Русскіе задолго до X — IX в. должны были стремиться на Кавказъ. Напомнимъ извѣстія Ибнъ-Хордаты Бега и неизвѣстнаго автора Книги Странъ (X в.) о Славянскихъ торговцахъ, ходившихъ въ Ибиль и Багдадъ, а также и строгій выводъ, основанный на изслѣдованіи куэическихъ монетъ — «съ конца VIII до нач. XI в. включительно жители нынѣшней Россіи производили постоянно торговлю съ при-Каспійскими мусульманскими и огнепоклонническими владѣніями»¹.

Изрѣдка, но попадаются въ Россіи монеты Испегбедскія и Умейядскія изъ к. VII в. Табари подъ 642 г., передъ описаніемъ похода Абдуррахмана на Шерваншаха, говоритъ о городѣ Хозаръ, что на берегу моря (т. е. Каспійскаго). «Тамъ, прибавляетъ онъ, ведутся торговыя дѣла». «Da treibt man Handelsgeschäfte. Dieses ist von allen Thoren das grösste und wird Thor der Thore genannt. In jenen Städten webt man gestreifte wollene Tücher, und jenes (Thor) nennt man Derbend der Chasaren. Es fällt (liegt) gegen Rai und Jrak.» (Ст. г. Дорна S. 452).

Какъ бы то ни было, но Славяне прежде, чѣмъ стать посящать эти земли Каспійскія и Кавказскія съ цѣлями мирными, торговыми, должны были ознакомиться съ ними путемъ грабежа.

Въ VI в. и гораздо раньше Славяне жили на Дону; въ то время преданія объ Азіи должны были сохранять всю свою свѣжесть.

Славяне и Анты были народъ сильный, крѣпкій, отважный и воинственный. Походъ Гунновъ въ Малую Азію (въ 430 и 440 г.) не могъ имъ быть безъизвѣстнымъ и безъ сомнѣнія служилъ для нихъ примѣромъ. Въ VII в., а по всей вѣроятности и раньше, Славяне уже стремятся на Кавказъ. Зная дружелюбныя отношенія Гунновъ къ Славянамъ, и признавая въ Славянахъ стремленіе на востокъ, въ Азію, которая всегда, во всѣ времена и на всѣ народы дѣйствовала какъ-то особенно обаятельно, зная наконецъ участіе Славянъ въ рядахъ Гунновъ въ другихъ походахъ ихъ, смѣемъ думать, что въ походѣ Гунновъ на Малую Азію, Славяне принимали значительное участіе.

1. Ст. г. Григорьева «О куэич. монет. VIII, IX, X и отчасти VII и XI в., находимыхъ въ Россіи и при-Балтійскихъ краяхъ, какъ источникахъ для древн. отеч. исторіи» (Зап. Од. Общ. Ист. и Древн. Т. I. С. 159).

Выше я привелъ уже извѣстіе Клавдіана объ этомъ походѣ, теперь позволяю себѣ привести краснорѣчивыя слова Св. Иеронима о томъ же самомъ. Въ письмѣ къ Иліодору великій учитель Церкви говоритъ: «Я рассказываю не о бѣдствіяхъ несчастныхъ, но о шаткомъ состояніи человѣчества. Приходишь въ ужасъ при мысли о развалинахъ нашего времени. Вотъ уже двадцать и даже болѣе лѣтъ, какъ между Константинополемъ и Юлійскими Альпами ежедневно проливается Римская кровь. Скиюю, Фракію, Македонію, Дарданію, Дакію, Фессалонику, Ахаію, Эпиръ, Далмацію и всю Паннонію — Готъ, Сарматъ, Квадъ, Аланъ, Гуны, Вандалы, Маркоманны грабятъ, рвутъ, разоряютъ. Сколько женщинъ, сколько дѣвъ, сколько великихъ и благородныхъ личностей были предметомъ посмѣянія этихъ звѣрей? Епископы уведены въ плѣнъ, пресвитеры и другія духовныя лица умерщвлены. Церкви разрушены, у алтарей Христовыхъ понадѣланы конюшни, изъ земли вырыты мощи мучениковъ, всюду горе, всюду плачь, вездѣ образъ смерти. Римскій міръ рушится, однако выя наша не сгибается. Каковъ, думаешь, духъ теперь въ Коринѣянахъ, Аѳинянахъ, Лакедемонцахъ, Аркадцахъ, и во всей Греціи, гдѣ всюду нынѣ повелѣваютъ варвары? и, конечно, я упомянулъ о немногихъ городахъ, гдѣ нѣкогда были не незначительныя царства. Востокъ, казалось, избавился отъ этихъ бѣдствій, до него доходили только страшныя вѣсти. Но вотъ въ прошломъ году съ высокихъ горъ Кавказа напустились на насъ уже не Аравійскіе, а сѣверные волки и въ короткое время опустошили много областей. Сколько монастырей было взято? сколько рѣкъ замутилось человѣческою кровью? осаждена Антиохія и другіе города, орошаемые Галисомъ, Кидномъ, Оронтомъ и Евфратомъ: увлечены толпы плѣнниковъ. Аравія, Финикія, Палестина, Египетъ поражены страхомъ. Мало мнѣ ста языковъ, ста устъ, желѣзнаго голоса. Наконецъ я въ виду имѣлъ не исторію писать, а только вкратцѣ оплакать наши бѣдствія»¹.

Въ другомъ письмѣ къ Океану, такъ говоритъ Св. Иеронимъ

1. Divi Hieronymi Stridon. Epistolae selectae et in libr. tres distributae opera D. Petri Canisii. Neapoli. MDCCLXXIII. lib. II. Ep. XXII. pag. 396—397.

объ этомъ походѣ Гунновъ: «Вотъ внезапно промчалась вѣсть и содрогнулся востокъ, о томъ, что съ береговъ Меотійскаго моря, съ пространства между Дономъ и Массагетами, съ горъ Кавказскихъ, гдѣ стѣна Александра удерживаетъ дикіе народы, прорвались полчища Гунновъ, чтобы на своихъ коняхъ пронести повсюду смерть и ужасъ. Въ то время не было тамъ Римскаго войска, бывшаго тогда въ Италиі по случаю усобицы. Да избавить Богъ Римскій міръ впредь отъ такихъ звѣрей. Они всюду являлись неожиданно, и, предупреждая молву быстрою, не щадили ни вѣры, ни званія, ни возраста, не жалѣли младенцевъ. Умирали тѣ, которые едва начинали жить и, не вѣдая своего несчастія, улыбались въ рукахъ и подъ стрѣлами непріятеля. Была всеобщая молва, что они, увлекаемые своимъ корыстолюбіемъ, пойдутъ къ Іерусалиму. Отъ долгаго мира были пренебрежены укрѣпленія: Антиохія осаждалась. Древній Тиръ, желая оторваться отъ земли, искалъ острова»¹.

Грубость и жестокость этихъ Гунновъ не могутъ ни въ какомъ случаѣ служить опроверженіемъ вѣрности предположенія, что въ рядахъ ихъ принимали значительное участіе Славяне. Стоитъ только для этого вспомнить слова Прокопія о грабежахъ и опустошительныхъ набѣгахъ Славянъ въ Восточной Имперіи, въ Иллиріи, Фракіи.

Есть основаніе думать, что Славяне, имѣвшіе поселенія на Дону во II в. по Р. Х. (Плиній и Птолемей) и даже гораздо раньше (Сканд. пред. объ Одинѣ), могли проникать въ Малую Азію и за долго до Гунновъ; ибо, повторяю, въ Славянахъ того времени нельзя не признавать ни отваги, ни удали, ни предприимчивости, ни свѣжести народныхъ преданій и воспоминаній объ Азійи и востокѣ, ни стремленія и тяготѣнія къ нему, слѣдовательно на посѣщеніе Малой Азіи у Славянъ могла быть охота; но была ли внѣшняя, отъ нихъ не зависѣвшая, возможность удовлетворять ее, иными словами — былъ ли достаточно свободенъ путь?

Славяне жили на Понтѣ, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, у устьевъ Дуная не только въ VI, IV и III в., но по всей вѣроят-

1. Тамъ же, I, III, ер. X, р. 366—367.

ности и раньше. Готы, безъ сомнѣнія тѣснимые Славянами¹, поселились между Днѣстромъ и Днѣпромъ, на Черноморьѣ, около 182—215 г. Отсюда они дѣлали набѣги на Римскую имперію.

Мы выше видѣли, что зная свидѣтельство Прокопія о жилищахъ Антовъ и обращая на древнее Скандинавское преданіе объ Одинѣ, о его сожительствѣ съ Ванамъ, отъ коихъ Донъ (Tanais) получилъ свое названіе, то вниманіе, какое оно по истинѣ заслуживаетъ, нельзя и въ Плиніевскихъ *Serbi* и въ Птолемеевскихъ *Σερβοι*, что на Дону, не признавать вѣтви Славянской. Готы овладѣли потомъ побережьемъ между Днѣпромъ и Дономъ, Таврическимъ полуостровомъ, Киммерійскимъ Босфоромъ, захватили тамъ корабли и моряковъ-туземцевъ, предпринимали отсюда опустошительные походы на Малую Азію, ок. 253, 264, 289 г. брали Трапезонтъ, Халкедонъ, Никомидію, Никею, Бруссу, Кіосъ, Апамею и пр. — Такіе походы не могли быть неизвѣстны Славянамъ и не послужить для нихъ примѣромъ. Наконецъ весьма вѣроятно даже, что въ этихъ походахъ Готовъ, Славяне сами принимали не малозначительное участіе. — Здѣсь позволю себѣ замѣтить, что едва ли не весьма желательно появленіе на Русскомъ языкѣ подробной монографіи о судьбѣ Черноморскихъ Готовъ.

Одинъ, живя въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ Ванамъ,

---

1. Шафарикъ несомнѣнно доказалъ, что Нѣмцы, напавшіе на Паннонію и Дакію (163—169) были вытѣснены съ Балтійскаго побережья Славянами, Венедами. Такъ надо понимать *superiores barbari* (*Barbaren nördlicher Striche*, какъ передаетъ Маннертъ) въ слѣд. мѣстѣ Юлія Капитолина — *Victoralis et Marcomannis cuncta turbantibus, aliis etiam gentibus, quae pulsae a superioribus Barbaris fugerant, nisi reciperentur, bellum inferentibus*. А Тацитъ никого болѣе, какъ Славянъ разумѣлъ, говоря: *quicquid inter Paeonios Fennoque silvarum ac montium erigitur, latrociniiis peregrant*. Безпристрастные Нѣмцы ученые думаютъ точно такъ же. Шафарикъ указываетъ на слѣдующія слова Гаупа: «*Sehr wahrscheinlich haben die vielen Zuge der östlichen Völker Germaniens, von denen die Geschichte namentlich seit dem 2 Jahrh. weiss, mit Bewegungen anderer östlichen, hauptsächlich slawischen Völker in Verbindung gestanden. Gewiss ist man oft viel zu geneigt, die Ursache grosser Völkerzüge bloss im Wanderungstrieb zu suchen; meist wirken auch äussere Motive mit, ja diese pflegen die stärksten zu sein.* Gaupp. *Gesch. d. Thür.* S. 46.

на Дону, рѣкѣ Славянской, прославилъ себя войнами не только на сушѣ, но и на морѣ.

Иродотъ, посѣщавшій Греческія колоніи на Черноморьѣ, сохранилъ намъ любопытныя извѣстія о Неврахъ, Будинахъ, Славянское происхожденіе коихъ кажется окончательно доказано незабвеннымъ Шафарикомъ. Жилища Будиновъ, по его основательнымъ соображеніямъ, должны были лежать въ Во-лыни и Бѣлоруссіи. Иродотъ говоритъ, что въ землѣ Будиновъ былъ довольно обширный, изъ дерева выстроенный городъ. «Въ немъ находились храмы боговъ Греческихъ по способу Греческому украшенные идолами, жертвенниками и божницами (Ἑλληνικῶν θεῶν ἱερά Ἑλληνικῶν κατεσκευασμένα ἀγάλμασι τε καὶ βωμοῖσι καὶ νηοῖσι ξυλίνοισι). Ибо Гелоны (самый городъ въ землѣ Будиновъ назывался Γελωνός) издревле были Еллинами; по выйдя изъ торговыхъ мѣстъ, поселились между Будинами; они говорятъ частью по Скиѣски, частью по Гречески. — Будины не сходны съ Гелонами ни языкомъ, ни образомъ жизни: ибо Будины, какъ туземцы, народъ пастушескій и употребляютъ въ пищу еловыя шишки. Гелоны же, занимаясь земледѣіемъ, питаются хлѣбомъ, и владѣютъ садами, и не похожи на нихъ ни видомъ, ни цвѣтомъ: несправедливо Греки называютъ Будиновъ Гелонами».

Шафарикъ, по моему крайнему разумѣнію, весьма основательно замѣтилъ: «Что касается извѣстія Иродота о земледѣліи и садоводствѣ Гелоновъ, то невѣроятно, чтобы оно относилось къ однимъ только Гелонамъ. Вѣдь самъ же онъ выше говоритъ, что Греки также и Будиновъ называли Гелонами? А потому легко могло случиться, что, при такой неопредѣленности названія, то, что принадлежало Будинамъ, исключительно относили къ Гелонамъ. Будины, народъ великій и многолюдный, по различію земель, занимаемыхъ ими, вели и разный образъ жизни: тутъ занимались земледѣіемъ, а тамъ скотоводствомъ. Вообще сказаніе о происхожденіи всѣхъ Гелоновъ отъ Грековъ весьма подозрительно. Очень возможно и даже весьма вѣроятно, что Гелоны — были особенная вѣтвь Будиновъ, въ главномъ городѣ коихъ проживали Греческіе купцы».

Очень вѣроятно, что Славяне, всегда воспріимчивые, многое

перенимали отъ Гелонѣвъ, или отъ Греческихъ поселенцевъ. Припомнимъ теперъ Греческія колоніи на Черноморѣ, ихъ непрерывныя сношенія съ М. Азією, весьма обширную, для того времени, торговлю янтаремъ, мѣхами и хлѣбомъ, производившуюся черезъ эти земли, и мы едва ли поступимъ неосновательно, если рѣшительно откажемся отъ опредѣленія времени, когда Славяне Европейскіе впервые стали посѣщать Малую Азію?

Ж. По свидѣтельству Иродота, Скилакса¹ и др., въ числѣ городовъ въ Вионніи были между прочимъ Κίος (ή). Въ древности разнѣ объясняли это названіе: одни говорили, что Κίος было имя одного изъ спутниковъ Иракла, который и основалъ этотъ городъ; другіе, что Милитцы основали колонию и назвали ее Κίος; третьи, что ее основалъ Полифемъ. Какъ бы то ни было, жители ея назывались Κίανοί. — т. е. *Кіане*.

Нельзя не замѣтить, что *Кіевъ* извѣстенъ не однимъ Славянамъ Русскимъ; что древнее народное преданіе приписываетъ основаніе нашего *Кіева* мифическому *Кію*, совершившему некогда какое-то странное путешествіе; что форма *Кіевъ* требуетъ при себѣ — форму *Кіевляне*; что въ древне-Русскомъ языкѣ постоянно употребляется форма *Кіане*, указывающая собою на *Кій*, не *Кіевъ* и совершенно отвѣчающая Греческому Κίανοί.

Другой городъ въ Вионніи, на названіе котораго я намѣренъ теперь обратить вниманіе читателя, назывался Λίβυσσα (Плут. Плиній)², а у Птолемея Λίβισσα. Нельзя не замѣтить, что какъ корень, такъ и окончаніе этого слова. — Славянскія: *Любуша*, *Любусь*³.

Конечно сходство собственныхъ именъ бываетъ очень часто случайно; однако нельзя не обратить вниманія на то, что гор. *Λίβυσσα* лежитъ въ весьма близкомъ разстояніи, на востокъ,

1. Forbiger Handb. d. alten Geogr. II, 382.

2. Id. II. S. 389.

3. См. Monumenta Serbica ed. Fr. Miklosich. Vienna. 1858: «оу *Любешъ* потокъ. *Любешъ* потокомъ» (р. 73); «ава *Доубовникъ* стоудевць оу прѣкоу цѣстоу до соухе *Любоуше* и оу планиноу» (р. 92). Срв. Чешскія мѣстныя имена: *Liboš*, *Libuň*, *Libaň*, *Libuň*, *Libeč*, *Liběšica*, *Liběš* *Libošin* и проч.

отъ Никомидіи, а гор. Κιός отъ Никеи, т. е. именно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ были поселенія Славянскія не только въ періодъ XVII — XIX в., но и гораздо раньше, напр. въ VII, VIII и въ слѣдующіе вѣка. Нельзя забывать, что предположеніе Шафарика о томъ, что отдѣльныя Славянскія вѣтви могли жить на Забалканскомъ полуостровѣ издревле между Эракійцами и Кельтами, весьма вѣроятно; что нѣтъ никакой возможности указать на время, когда бы Славяне не могли посѣщать М. Азіи. Нельзя наконецъ не вспомнить при семъ, что краткое житіе св. Климента, на Греческомъ языкѣ, найденное почтеннымъ Славянистомъ нашимъ В. И. Григоровичемъ, въ одной Греческой рукописи XIII в. въ Охридѣ, что житіе это начинается слѣдующими словами: «27 Іюня, память иже во святыхъ отца нашего архіерарха и чудотворца Климента, епископа Булгаріи въ Охридѣ. Этотъ великій отецъ нашъ и свѣтило Булгаріи происходилъ по своему рожденію отъ Европейскихъ Мизовъ, которыхъ большешинство называетъ Булгарами. Нѣкогда рукою и властью Александра съ Олимпа, что подлѣ Бруссы, они были откинута къ Сѣверному океану и Мертвому морю, потомъ, черезъ довольно продолжительное время, вооруженною силою они перешли Истръ (Дунай) и заняли всѣ сосѣднія земли, Паннонію и Далмацію, Эракію и Иллирикъ и большую часть Македоніи и Фессаліи». «Вотъ отъ нихъ-то и произошелъ этотъ святой мужъ¹, и проч.»

Смѣю думать, что это краткое житіе св. Климента написано, также какъ и другое, подробное не Грекомъ, а Болгариномъ. Греку не могло быть безъизвѣстно, что въ Иллирикѣ и въ Далмаціи Болгаръ не было; еще менѣе могло быть это неизвѣстнымъ Болгарину; но изъ народнаго, патріотическаго чувства Болгаринъ могъ утверждать, что и Иллирикъ и Далма-

1. Привожу подлинникъ: Οὗτος ὁ μέγας πατήρ ἡμῶν καὶ τῆς Βουλγαρίας φωστήρ τὸ μὲν γένος εἶλκεν ἐκ τῶν Εὐρωπαϊκῶν Μισσῶν, οὓς καὶ Βουλγάρους ὁ πολὺς ὄθεν ἄνθρωπος, πάλαι μὲν ἐκ τοῦ κατὰ Προῦσαν Ὀλύμπου πρὸς τὸν βόρειον ὠκεανὸν καὶ τὴν νεκρὰν θάλασσαν ὑπὸ τῆς Ἀλεξάνδρου χειρὸς καὶ ἐξουσίας ἐκτοπισθέντων, μετὰ δὲ συχῶν χρόνων παραδρομῆν δύναμι βάρεια τὸν Ἰστρον περικλωθέντων καὶ τὰ γειτονεύοντα πάντα κληρωσαμένων, Παννονίαν καὶ Δαλματίαν, Ἐρακίην καὶ Ἰλλυρικῶν καὶ πολλὰ τῆς Μακεδονίας καὶ Θετταλίας.

ція и Паннонія населены были его предками, тогда какъ Греку не было это ни съ какой стати. Въ словахъ «отецъ нашъ, свѣтило Болгаріи», — ὁ μέγας πατήρ ἡμῶν καὶ τῆς Βουλγαρίας φωστήρ — скорѣе видѣнъ Болгаринъ, чѣмъ Грекъ; сочинитель весьма хорошо передаетъ Славянскія имена Наума, Горазда; при имени Лихнида не пропускаетъ случая замѣтить, что у Мизовъ т. е. Болгаръ онъ зовется Охридою — περὶ τὴν Λυχνιδὸν Ἰλλυρίων πόλιν, τῶν περίξ πόλεων οὖσαν μητρόπολιν, ἣ νῦν Ἀχρὶς κατὰ τὴν Μυσῶν ὀνομάζεται γλῶσσαν; что Кефалинія по-Болгарски называется Главиница — καὶ τὴν Κεφαλληνίαν μετονομασθεῖσαν τῇ Βουλγάρων φωνῇ Γλαβινίτζαν. Вижу Славянина, Болгарина, а не Грека, когда сочинитель говоритъ, что св. Климентъ, природный Болгаринъ, оставилъ по себѣ въ Охридѣ священныя книги своего сочиненія, которыя уважаются всѣмъ народомъ, не меньше, чѣмъ богодухновенныя скрижали Моисея. Видѣнъ въ сочинителѣ природный Болгаринъ, а не Грекъ, когда говоритъ онъ о Михаилѣ, царѣ Болгарскомъ, о его успѣхахъ въ добродѣтели, объ усовершенствованіи Климентомъ азбуки Кирилловской, и пр.

И такъ и краткое житіе св. Климента написано природнымъ Болгариномъ. — Обращаемся же къ этому Болгарскому, Славянскому свидѣтельству, сказанію о томъ, что нѣкогда, давно, когда-то, до Александра Великаго, жили Славяне у Олимпа, подлѣ Бруссы, т. е. въ Вионіи, въ М. Азіи; что оттуда Славяне были прогнаты Александромъ Великимъ и удалились къ Сѣверному Океану и Мертвому Морю, — полагать надо, что сочинитель разумѣлъ здѣсь Балтійское и Нѣмецкое море; — что послѣ этого, черезъ довольно продолжительное время, Славяне перешли Дунай, заселили Фракію, Илирикъ, Далмацію, большую часть Македоніи и Фессалии. — Сочинитель этого житія жилъ никакъ не позже XIII и даже XII в., а всего вѣроятнѣе въ XI или въ к. X в.: видно, что всѣ преданія и воспоминанія о св. Климентѣ были въ его время еще весьма свѣжи. — Какъ бы то ни было, Болгаринъ не только X — XI в., но и XIII и XII в., не могъ не знать о поселеніяхъ Славянскихъ, Болгарскихъ, ему современныхъ, въ М. Азіи; еще лучше конечно могъ знать онъ и не по книгамъ, а по живымъ народнымъ пре-

даніямъ, о переходѣ Славянъ черезъ Дунай и о поселеніяхъ ихъ во Фракіи, Македоніи и т. д. — Сочинитель ни откуда не могъ вычитать о томъ, что нѣкогда Славяне жили въ М. Азій, что Александръ Македонскій ихъ выгналъ оттуда. Выдумывать же самому ему не было никакой нужды. — Безусловно же утверждать, что Славяне Болгарскіе въ X — XII в. не могли имѣть никакихъ преданій или рассказовъ народныхъ объ Александрѣ Македонскомъ, было бы, мнѣ кажется, слишкомъ смѣло.

Выдумывать же сочинителю цѣлую сказку о томъ, что Славяне жили когда-то въ М. Азій, рѣшительно не было никакой нужды. Кажется, гораздо основательнѣе предполагать, что то было общее мнѣніе, распространенное между Славянъ Задунайскихъ, которые быть можетъ и потому такъ всегда стремились въ М. Азію.

Что же касается до словъ сочинителя: у Олимпа близъ Бруссы, то они вѣроятно принадлежатъ ему лично; ими онъ хотѣлъ только ближе опредѣлить прежнія жилища Славянъ¹. — На основаніи предложенныхъ соображеній смѣемъ думать, что это мѣсто житія св. Климента заслуживаетъ великаго вниманія и имѣетъ высокую важность. Если не ошибаюсь, великій знатокъ Славянства Шафарикъ думалъ и объ этомъ мѣстѣ, когда перепечатывая это житіе, сказалъ, что нѣкоторыя мѣста имѣютъ великую историческую важность; — (pro svou nevšednost a vzácnost, — neméně některých míst velikou v historii důležitost).

Мѣсто это, если справедливо понимаемъ его, даетъ слѣдующее несомнѣнное положеніе: Славяне Болгарскіе въ XI—XII в., были убѣждены, что нѣкогда предки ихъ жили въ М. Азій, что такимъ образомъ, поселенія ихъ въ М. Азій въ VII—VIII в. и послѣ, были не первыя поселенія. Такое народное убѣжденіе заслуживаетъ вниманія тѣмъ болѣе, что города Κίος, съ жителями Κίανοι и Δίβισσα — легко могутъ всякаго привести къ предположенію о томъ, что Славянскія поселенія въ М. Азій были издревле. «Однако, если бы Славяне жили въ весьма отдаленное

1. Обозначеніе же мѣстности, жилищъ Славянъ въ М. Азій у Олимпа, подлѣ Бруссы, конечно книжное, такъ же какъ у Нестора въ его мѣстѣ объ Илирикѣ, у Богузвала — о Панноніи. Однако теперь всѣми признано, что эти два послѣднія свидѣтельства — голосъ народнаго преданія.

время въ М. Азїи, то они не могли исчезнуть совершенно изъ виду, ибо страна эта лежала въ центрѣ тогдашняго образованнаго міра, и народности, ея населявшія, были извѣстны Грекамъ?»

Возраженіе это весьма основательно; но прежде чѣмъ рѣзко и смѣло утверждать, что *Κίος*, *Κίανοι*, *Λίβυσσα* — представляютъ чисто случайное сходство съ слов. *Кый*, *Кыяне*, *Любуша*; что все приведенное нами мѣсто изъ житія св. Климента — пустая басня, произведеніе досужей и хвастливой фантазїи сочинителя; что выводъ, полученный нами изъ соображенія этихъ названій, и выводъ, полученный нами изъ соображеній словъ жизнеописателя св. Климента, имѣютъ сходство случайное же; что явленіе Славянскихъ поселеній въ М. Азїи въ VII — VIII в., въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ были города *Κίος*, *Λίβυσσα*, гдѣ, по свидѣтельству жизнеописателя св. Климента, давно когда-то, въ сѣдой древности жили Славяне, что такое явленіе тоже ничто болѣе, какъ чистая случайность: прежде, чѣмъ стать рѣзко толковать о такихъ случайностяхъ и оставлять ихъ безъ вниманія, какъ таковыя, нельзя забывать, что въ Пафлагонїи, другой, пограничной Вионїи, М. Азійской области, находилась мѣстность подъ названіемъ *Ζάγωρον* — по свидѣтельству Маркіана; *Ζάγυτρα* — по Птоломею; *Zacoria* — по Певтингеровой картѣ; *Ζάγωρα* — по Арріану — т. е. *Заюра*, опять чисто Славянское названіе, понѣмѣ извѣстное всѣмъ Славянамъ. Конечно и это сходство могло быть случайнымъ, однако не можетъ же добросовѣстный изслѣдователь не вспомнить при семъ, что въ области Пафлагонїи жили Генеты (Омиръ, Ирод. и пр.) и Венеты (Помпоній), что подъ этимъ именемъ слыли Славяне въ Европѣ. Конечно и это сходство могло быть чисто случайнымъ, и Шафарикъ нашъ былъ вполне правъ, пиша въ 1837 г.: — «Нѣкоторые писатели, видя сходство названія ихъ (Венетовъ Адриатическихъ) съ Азіятскими Генетами, обитавшими въ Пафлагонїи, близъ моря, въ краѣ называемомъ теперь Кастамунъ, и съ Венетами Арморійскими, жившими въ Галліи, производили ихъ, то отъ тѣхъ, то отъ другихъ, что однако рѣшительно несправедливо. Конечно, имя Генетовъ, какъ уже выше доказано, ничѣмъ не отличается отъ

имени Венетовъ и Венедовъ, тѣмъ болѣе, что и Мела прямо называетъ ихъ Венетами, однако же, бытіе этого народа скрывается во мракѣ вѣковъ, недоступныхъ исторіи, а потому не позволительно на одномъ только имени основывать положительныхъ историческихъ выводовъ». — Шафарикъ, повторяю, былъ вполне правъ, утверждая это, но мы были бы не правы, если бы прямо порѣшили, что сходство Венетовъ Пафлагонскихъ, М. Азійскихъ съ Венетами Европейскими, т. е. Балтійскими и Гальскими было чисто случайное.

Выше мы (I) убѣдились въ возможности и законности вопросовъ: 1) «остались ли у Славянъ слѣды народныхъ преданій объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ? 2) «при выселеніи Славянъ изъ Азіи въ Европу, не осталось ли болѣе или менѣе значительная ихъ часть въ Азіи?» — Присемъ мы нашли тогда нужнымъ замѣтить: «при возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія этого вопроса, необходимо признать за истину несомнѣнную, что Славяне Азійскіе и Европейскіе долго не теряли сознанія единства своего происхожденія и также долго не прерывали и своихъ связей».

Разсмотрѣвъ судьбу Славянъ въ М. Азіи, мы пришли къ выводу, кажется, довольно твердому, что Славянская стихія въ М. Азіи хотя и переживала различныя фазы, однако существовала непрерывно съ VII в. по настоящее время включительно.

Обратившись къ разсмотрѣнію вопроса — когда Славяне впервые стали проникать въ М. Азію, мы, перебравъ въ умѣ нашъ всѣ данныя, намъ извѣстныя, пришли къ тому твердому убѣжденію, что нѣтъ никакой возможности указать на время, когда впервые Славянская стихія проникла въ М. Азію.

Въ этомъ отношеніи, смѣю думать, всякой ученый, почитающій возможность и законность выше предложеннаго вопроса о томъ, что при выселеніи Славянъ изъ Азіи въ Европу не осталась ли часть ихъ въ Азіи, всякой ученый, говорю я, одобритъ послѣднее заключеніе наше. Дѣйствительно, вѣдь Славянская-то стихія могла проникнуть въ Малую Азію не только изъ Европы, но и изъ Азіи, гдѣ могла остаться часть Славянъ при выселеніи всего племени въ Европу.

Надѣюсь, пишущій эти строки не простуилъ противъ правилъ осторожной критики, когда, найдя сходство названій древнихъ городовъ въ Вириніи — *Κίος* и *Λίβυσσα*, съ названіями Славянскими, заключилъ, что, хотя это сходство и могло быть чисто случайнымъ, однако, не утверждая ничего положительнаго, не слѣдуетъ терять изъ виду того, что и *Κίος* и *Λίβυσσα* — находились въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ были Славянскія поселенія не только въ XVII — XIX в., но и въ VII, VIII и въ слѣд. вѣка. Полагаю, что онъ поступилъ основательно, когда не сталъ утверждать рѣзко и положительно, что замѣчаемое это сходство — чистая случайность; ибо нѣтъ ничего нелѣпаго, невѣроятнаго и невозможнаго въ томъ предположеніи, что Славянская стихія была издревле въ М. Азіи. Точно также, кажется, благоразумно поступилъ онъ, при разсмотрѣніи извѣстнаго мѣста жизнеописателя Св. Климента, замѣтивъ, что слова его о бытности нѣкогда, въ сѣдой древности, Славянъ въ М. Азіи, должны быть приняты во вниманіе, а не отвергаемы, какъ пустая, нелѣпая выдумка досужаго грамотѣя. Ибо у Славянъ очень легко могли сохраняться смутныя народныя преданія о томъ, что Славянскія поселенія въ Малой Азіи въ VII — VIII в. не были первыми, что задолго до нихъ жили когда-то Славяне въ М. Азіи. Вѣдь мы выше уже видѣли, что Славяне издревле могли жить въ М. Азіи, что Славяне Европейскіе могли издревле посѣщать ее. Отчего же имъ было и не имѣть такого народнаго преданія?

Не безразсудно, кажется, поступилъ авторъ, когда указывая на мѣстность *Загору* въ Пафлагоніи, онъ вспомнилъ о Венетахъ Пафлагонскихъ.

Шафарикъ былъ правъ, когда не соглашался съ Суровецкимъ, считавшимъ этихъ Венетовъ Славянами: но мы, повторяемъ, были бы неправы, если бы стали теперь повторять слова Шафарика, такъ какъ въ настоящее время въ защиту Славянства Венетовъ Пафлагонскихъ представляются соображенія не безъосновательныя, данныя не малозначительныя и совершенно новыя.

«Но Иродотъ, знавшій Венетовъ Пафлагонскихъ, считалъ ихъ Мидійцами». Возраженіе это, смѣемъ думать, не важно,

ибо Иродотъ — Венетовъ Адриатическихъ называлъ Иллирійцами, Славянъ Русскихъ — Скифами, Сигинновъ, въ коихъ Шафарикъ весьма не безосновательно видитъ Славянъ, Мидійцами. Наконецъ современники Иродота, а по всей вѣроятности и предшественники его, считали Венетовъ Пафлагонскихъ не Мидійцами, а соплеменниками Венетовъ Адриатическихъ ¹.

Тацитъ, приступая въ своемъ описаніи Германіи къ Славянамъ, Вenedамъ, нашелъ нужнымъ сказать — «сомнѣваюсь, причислить ли Венедовъ къ Сарматамъ или къ Германцамъ». Собразивъ потомъ ихъ осѣдлый образъ жизни, ихъ щиты, ихъ пристрастіе къ пѣхотѣ, а не къ конницѣ, Тацитъ рѣшилъ причислить ихъ къ Германцамъ; однако онъ не скрылъ, что они многое заимствовали отъ Сарматовъ — *Venedi multum ex moribus (Sarmatarum) traxerunt*. Такъ точно и Венеты Пафлагонскіе могли многое заимствовать отъ Мидійцевъ, какъ по малочисленности своей среди множества иноплеменниковъ, такъ и по воспримчивости своей, столь врожденной Славянамъ. Кажется, нельзя сомнѣваться въ томъ, что Тацитъ въ своихъ выводахъ былъ несравнено строже Иродота, который, какъ очень вѣроятно, поставленный на мѣсто Тацита, рѣшилъ бы прямо, что Венеды — Сарматы, тогда какъ Тацитъ, на мѣстѣ Иродота, весьма вѣроятно Венетовъ Пафлагонскихъ прямо и рѣшительно не называлъ бы Мидійцами, а Венетовъ Адриатическихъ — Иллирійцами.

Читатель видитъ, что мы говоримъ рѣшительно, называя Венетовъ Пафлагонскихъ соплеменниками Венетовъ Адриатическихъ, Славянами. Мнѣніе такое можно и должно бы было назвать слишкомъ смѣлымъ, если бы оно опиралось только на предъидущихъ соображеніяхъ. На основаніи ихъ оно только вѣроятно. Нижеслѣдующіе доводы и соображенія наши, надѣюсь, возводятъ эту вѣроятность на степень прямой исторической достовѣрности.

1. Σοφοκλῆς γούν ἐν τῇ ἀλώσει τοῦ Ἰλίου παρδαλίαν φησὶ πρὸ τῆς θύρας τοῦ Ἀντήνορος πρὸς εἶναι σύμβολον τοῦ ἀπόρρητον ἔαθῆναι τὴν οἰκίαν. Τὸν μὲν οὖν Ἀντήνορα καὶ τοὺς παῖδας μετὰ τῶν παραγενομένων Ἐνετῶν εἰς τὴν Θράκην περισσώθησαν· καθεῖθεν διαπεσεῖν εἰς τὴν λεγομένην κατὰ τὸν Ἀδρίαν Ἐνετικὴν. Strab. p. 608.

Въ древности существовало мнѣніе, что Венеты Адриатическіе есть ничто иное, какъ поселеніе, колонія Венетовъ Пафлагонскихъ. Въ настоящее время ученые, достойные глубокаго уваженія и оказавшіе наукѣ услуги незабвенныя, какъ — то Цейссъ, Гротендъ и Форбигеръ единогласно отвергаютъ это мнѣніе, какъ чистую ложь, пустую басню и нелѣпую выдумку¹.

Пишущій эти строки не станетъ скрывать отъ читателя, что не безъ нѣкотораго страха и трепета рѣшается онъ прямо противорѣчить такимъ замѣчательнымъ ученымъ; но продолжительныя размышленія объ этомъ предметѣ, смѣетъ думать, великой важности не только для исторіи новой, но и древней Европы, убѣдили его несомнѣнно въ справедливости нижеслѣдующихъ доводовъ.

Предварительно считаю долгомъ замѣтить, что ни Цейссъ, ни Гротендъ, ни Форбигеръ не обратили должнаго вниманія на то, что еще современники Иродота и даже вѣроятно его предшественники полагали, что Венеты Адриатическіе произошли отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что Страбонъ дѣйствительно считалъ *одно время* Венетовъ Адриатическихъ за отрасль, за колонію Венетовъ Гальскихъ, но потомъ перемѣнилъ свое мнѣ-

---

1. Цейссъ, говоря о Венетахъ Адриатическихъ, замѣчаетъ: «Mit welcher aber diese Sprache verwandt sei (т. е. Venet.), forschten die alten nicht, und überliessen sich allerlei Vermuthungen und Fabeleien». Въ примѣчаніи же онъ указываетъ на это мнѣніе. Гротендъ (Zur Geographie u. Geschichte von Alt-Italien. Hannover. 1840. IV Heft) вотъ что говоритъ объ этомъ: «Die Veneter, welche mit den Liburnen und Istriern die innersten Küsten des adriatischen Meeres besetzten, waren weder asiatischen Paphlagonen, wie ältere Griechen, noch Gallier aus der Bretagne, wie Strabo, noch slawische Wenden, wie Mannert, oder Anten wie der Erzb. von Mohilow Stanisl. Sestrenczewicz de Bohusz in seinen Recherches historiques sur l'origine des Sarmates, des Esclavons et des Slaves (Pétersb. 1812) aus blosser Aehnlichkeit des Namens mit den Benennungen anderer Völker schlossen, sondern, wie Herodotus I, 196; V, 9 bemerkt, gleich den andern Völkern an Italiens Ostküste illyrischen Abkunft....» (S. 6—7). Форбигеръ (Handbuch der alten Geographie, III, S. 578 f.), указавъ на древнихъ писателей, державшихся того мнѣнія, замѣтилъ: «Dass aber diese ganze Sage von der Einwanderung der Veneter aus Kleinasien jeder historischen Grundlage entbehrt, bedarf keines weiteren Beweises. Dennoch hielten sie sich selbst allerdings für Asiaten, und zwar nach Herodot, für Meder» (5, 9). Про Венетовъ Адриатическихъ: «Darüber aber, dass sie ein eingewanderter Stamm waren und nicht in den Urvölkern Italiens gehörten, ist das ganze Alterthum einverstanden» (ibid.).

ніе и перешелъ къ противному мнѣнію, производившему Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что наконецъ Венеты Адриатическіе сами въ своихъ народныхъ преданіяхъ производили себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; что народность преданія доказываетъ его историческую истину.

Выше мы указали на слова Софокла, сохраненныя намъ Страбономъ; при семъ не можемъ не замѣтить, что нѣтъ ни малѣйшаго основанія полагать, что это преданіе или сказаніе было выдумано самимъ Софокломъ; напротивъ, гораздо вѣроятнѣе, что оно было вообще въ ходу задолго до Софокла; слѣдовательно не только у современниковъ Иродота, но и задолго до него, у Грековъ было убѣжденіе, что Венеты Адриатическіе соплеменники Венетовъ Пафлагонскихъ.

Обращаемся къ Страбону, писателю почтенному, заслуживающему полнаго нашего уваженія. «Венеты (Гальскіе) произвели, — говоритъ онъ, — по моему мнѣнію, Венетовъ Адриатическихкихъ; ибо почти всѣ другіе Кельты Итальянскіе перешли изъ-за Альпъ, какъ напр. Бойи и Сеноны; по причинѣ же сходства именъ сами себя они называютъ Пафлагонскими. Впрочемъ я этого не утверждаю; въ такомъ предметѣ довольно одной вѣроятности». — «Τούτους οἶμαι τοὺς Οὐενετούς, οἰκιστὰς εἶναι τῶν κατὰ τὸν Ἀδρίαν. καὶ γὰρ οἱ ἄλλοι πάντες σχεδὸν τι οἱ ἐν τῇ Ἰταλίᾳ Κέλτοι μετανέστησαν ἐκ τῆς ὑπὲρ τῶν Ἀλπέων γῆς, καθάπερ καὶ οἱ Βοῖοι καὶ οἱ Σένονες. διὰ δὲ τὴν ὁμωνυμίαν Παφλαγόνας φασὶν αὐτοὺς. λέγω δ' οὐκ ἰσχυρίζομενος. ἄρχει γὰρ περὶ τῶν τοιούτων τὸ εἶκόσ».

Страбонъ, по всей вѣроятности, имѣлъ передъ собою какія нибудь положительныя данныя, убѣждавшія его въ единствѣ происхожденія Венетовъ Гальскихъ и Адриатическихъ. Первыхъ Венетовъ онъ считалъ Кельтами; въ слѣдствіе же ихъ сходства и единоплеменности (въ чемъ онъ былъ почти несомнѣнно увѣренъ) съ Венетами Адриатическими, онъ и послѣднихъ считалъ такими же Кельтами¹. Соображая же извѣстныя ему переселенія съ сѣверо-запада изъ-за Альповъ, въ Италію, народовъ Кельтскихъ, напр. Бойевъ, Сеноновъ, онъ

1. καὶ γὰρ οἱ ἄλλοι πάντες σχεδὸν τι οἱ ἐν Ἰταλίᾳ Κέλτοι.

легко могъ подумать и предположить, что и Венеты, такіе же Кельты, какъ и Бойи и Сеноны, появились такимъ же образомъ на Адриатическомъ Поморьѣ. Такое предположеніе, въ глазахъ Страбона, не только объясняло единоплеменность Венетовъ Гальскихъ и Венетовъ Адриатическихъ, извѣстную ему изъ другихъ данныхъ, но въ свою очередь и само подтверждалось ею. Такимъ образомъ его догадка, и безъ того всегда дорогая каждому автору, получала въ его глазахъ еще большую цѣну, еще высшее значеніе. Но едва успѣлъ онъ высказать любезную свою мысль, какъ встрѣтился съ положеніемъ, совершенно отвергающимъ справедливость его догадки, столь ему любезной, разбивающимъ въ прахъ только что построенную имъ гипотезу, столь ему дорогую. Не естественно ли въ такихъ случаяхъ первое движеніе мысли писателя заподозрить неожиданно представшій ему фактъ? Въ такихъ случаяхъ не является ли въ тотъ же мигъ у человѣка, самаго добросовѣстнаго, желаніе подорвать авторитетъ факта, его обличающаго? Такъ случилось и со Страбонъ: горячимъ слѣдомъ такого, впрочемъ только промелькнушаго въ немъ, желанія остались эти слова: *διὰ τῆν ὁμωνομίαν*— «по сходству именъ». Едва лишь представилъ онъ свою догадку, образовавшуюся въ слѣдствіе глубокаго его убѣжденія въ единоплеменности Венетовъ Гальскихъ и Адриатическихъ, какъ тотчасъ же вспомнилъ, что сіи послѣдніе сами производятъ себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, отнюдь же не отъ Гальскихъ. Съ цѣлью же ограничить значеніе этого мнѣнія, столь сильно ему противурѣчившаго, онъ невольно прибавилъ эти слова: *διὰ τῆν ὁμωνομίαν*. Но человѣкъ добросовѣстный, всегда готовый для истины пожертвовать своимъ личнымъ мнѣніемъ, Страбонъ вспоминаетъ тутъ древнихъ писателей, выразившихъ то же самое мнѣніе; и невольно встрѣчается съ вопросомъ: неужли весь народъ, производящій себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, неужли всѣ писатели, выразившіе до меня это мнѣніе, основывались только на одномъ созвучіи именъ — *ὁμωνομία*? Страбонъ не испугался такого вопроса и, что еще болѣе дѣлаетъ ему чести и служить примѣромъ для насъ, новѣйшихъ изслѣдователей, не рѣшилъ его положительно. Нѣтъ, смѣло поставивъ вопросъ и строго его обдумавъ, онъ, хотя и не отказался

отъ своей догадки (что для насъ тоже весьма важно и не менѣе поучительно), замѣтилъ однакоже: «я впрочемъ этого не утверждаю», т. е. я не смѣю рѣшительно утверждать, справедливо ли мое мнѣніе относительно происхожденія Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ, — «ибо въ такихъ предметахъ лучше всего довольствоваться одною вѣроятностью».

Такимъ образомъ, очевидно, и самъ Страбонъ не считалъ за пустую басню мнѣніе, производившее Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; иначе бы онъ совершенно отвергъ столь противоположное ему мнѣніе, иначе бы онъ не сказалъ, что это мнѣніе тоже вѣроятно, хотя и не такъ, какъ то, къ которому онъ склонялся. Къ сожалѣнію Страбонъ не высказалъ всѣхъ причинъ, заставлявшихъ его предпочитать одно мнѣніе другому. Но, зная добросовѣстность славнаго географа, рѣшительно можемъ утверждать, что главнѣйшею тому причиною была не аналогія Бойевъ и Сеноновъ, а какія нибудь данныя, совершенно независимыя и самостоятельныя, хорошо ему извѣстныя и потому заставлявшія его принимать, какъ почти несомнѣнный фактъ, однородство Венетовъ Адриатическихъ съ Венетами Гальскими. Одно только обстоятельство — приурочиваніе ихъ къ Кельтамъ, помѣшало ему совершенно подойти къ истинѣ, приурочиваніе совершенно ошибочное, такъ какъ еще Плиніій прямо выразился: «Венеты (Адриатическіе) нравами и образомъ жизни мало чѣмъ отличаются отъ Кельтовъ, говорятъ однако другимъ языкомъ» — *οἱ Οὐενέται τοῖς ἔθουσιν καὶ τῷ κόσμῳ βραχὺ διαφέροντες Κελτῶν, γλώττη δ' ἄλλοια χρώμενοι*. 2, 17. Приурочивши же ихъ къ Кельтамъ, Страбонъ уже не могъ и помыслить о противоположномъ движеніи, изъ Италіи въ земли за-Альпійскія.

Строгая критика, смѣю думать, никогда не дозволитъ отвергать, какъ совершенную басню, слова Страбона о томъ, что Венеты Адриатическіе пошли отъ Венетовъ Гальскихъ. Она только разобьетъ ихъ на двѣ части: первая — фактъ несомнѣнный — единоплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ, вторая часть — личное мнѣніе Страбона о нихъ, какъ о Кельтахъ, и личное же его мнѣніе, хотя основанное на истинномъ фактѣ,

но только неправильно понятомъ, о выселеніи Венетовъ Адриатическихъ изъ Галліи.

Мы видѣли, какое значеніе придавалъ Страбонъ своему мнѣнію, на которое онъ имѣлъ основаніе, и что же? лишь только привелъ онъ себѣ на память другое мнѣніе о Пафлагонствѣ Венетовъ Адриатическихъ, какъ тотчасъ же нашелъ нужнымъ присовокупить, что не смѣетъ рѣшительно утверждать своего мнѣнія, а только держится его, какъ наиболѣе вѣроятнаго. Страбонъ, если не изъ любознательности, въ которой конечно ему никто не откажетъ, то изъ желанія опровергнуть противоположное ему мнѣніе, безъ сомнѣнія пытался подорвать мнѣніе о Пафлагонствѣ Венетовъ Адриатическихъ, и конечно больше насъ имѣлъ возможности проверить и обсудить это мнѣніе. Наконецъ однажды онъ уже кинулъ тѣнь на это мнѣніе, сказавъ, что оно основано на одномъ созвучіи именъ, и противопоставилъ ему другое мнѣніе, болѣе по его понятіямъ вѣроятное и конечно основанное не на созвучіи именъ. И все таки Страбонъ не только не выдаетъ за пустой вымыслъ это Пафлагонство, но въ продолженіе своего труда не разъ къ нему возвращается.

Обращаемся къ другимъ мѣстамъ Страбона для того, чтобы лучше ознакомиться съ его мнѣніемъ о преданіи, производившемъ Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ; такъ какъ мнѣніе его весьма важно для новѣйшихъ изслѣдователей вопроса о народности Венетовъ Адриатическихъ, ибо, повторяемъ, Страбонъ не былъ расположенъ въ пользу этого преданія и больше насъ имѣлъ и побужденій и возможности отвергать его, какъ чистую басню, пустую выдумку.

На стр. 61-й Страбонъ, представивъ примѣры разныхъ физическихъ переворотовъ на землѣ, переходить за тѣмъ къ переселеніямъ народовъ. Такъ, говоритъ онъ, Иберы западные поселились на мѣстахъ за Понтомъ и Колхидою, и по словамъ Аполлодора Араксъ отдѣляетъ ихъ отъ Арменіи, еще болѣе, еще вѣрнѣе Киръ (Κῦρος δὲ μᾶλλον) и горы Москійскія; Египтяне къ Эіопамъ и Колхамъ; *Венеты изъ Пафлагоніи на Адрию.* «Οὗτον Ἰβήρων μὲν τῶν ἐσπερίων εἰς τοὺς ὑπὲρ τοῦ Πόντου καὶ τῆς Κολχίδος τόπους μετακισμένων, οὗς καὶ ὁ Ἀράξης, ὡς φησὶν

Ἀπολλοδώρος, ἀπὸ τῆς Ἀρμενίας ὀρίζει: Κῦρος δὲ μᾶλλον, καὶ τὰ ὄρη τὰ Μοσχικά. Αἰγυπτίων δ' εἰς τε Αἰθίοπας καὶ Κόλχους. Ἐνετῶν δ' ἐκ Παφλαγονίας ἐπὶ τὸν Ἀδρίαν». — Здѣсь, мы видимъ, Страбонъ еще не сомнѣвается (это мѣсто раньше предъидушаго) въ истинѣ преданія о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи. Напротивъ того, онъ считаетъ его вѣрнѣе другихъ подобныхъ преданій о переселеніяхъ разныхъ иныхъ народовъ.

На стр. 212-й Страбонъ, сказавъ, что равнина за рѣкою По населена Кельтами и Венетами, продолжаетъ: «Кельты эти однородны съ Кельтами за-Альпійскими. О Венетахъ существуетъ двоякое мнѣніе. Одни говорятъ, что они пошли (собственно колонисты, поселенцы) отъ соплеменныхъ имъ Кельтовъ, живущихъ при океанѣ; другіе же говорятъ, что послѣ Троянской войны съ Антиноромъ часть Венетовъ Пафлагонскихъ бѣжала сюда; въ доказательство сего приводятъ ихъ ревностный уходъ за лошадьми, что теперь совершенно пропало. а прежде весьма ими уважалось, по примѣру предковъ, занимавшихся выводомъ лошаковъ, о чемъ уже Омиръ воспоминаетъ:

Изъ Венетовъ, родины дивныхъ лошаковъ.

Α Διονυσίῳ, τῷ τυραννίδι Σικελίῳ, ζῆλον ἐπέθηκεν ἡμεῖς τῶν ἵππων, ὡς καὶ ἐν τῷ Ἰννεύσειον τῷ ἱπποτροφίῳ. — «Οἱ μὲν οὖν Κελτοὶ τοῖς ὑπεραλπίοις ὁμοειδεῖς εἰσι. Περὶ τῶν Ἐνετῶν, διττός ἐστι λόγος. Οἱ μὲν γὰρ καὶ αὐτοὺς φασὶ Κελτῶν εἶναι ἀποίκους τῶν ὁμονύμων παρωκεανιτῶν οἱ δ' ἐκ τοῦ Τρωϊκοῦ πολέμου μετ' Ἀντήνορος σωθῆναι δεῦρο φασὶ τῶν ἐκ τῆς Παφλαγονίας Ἐνετῶν τινάς, μαρτύριον δὲ τούτου προφέρονται, τὴν περὶ τὰς ἱπποτροφίας ἐπιμέλειαν· ἢ νῦν μὲν τελέως ἐκλείπει, πρότερον δὲ ἐτιμᾶτο παρ' αὐτοῖς, ἀπὸ τοῦ παλαιοῦ ζήλου, τοῦ κατὰ τὰς ἡμιονιτίδας ἵππους. Τούτου δὲ καὶ Ὅμηρος μέμνηται

Ἐξ Ἐνετῶν, ὅθεν ἡμιόνων γένος ἀγροτεράων.

Καὶ Διονύσιος, ὁ τῆς Σικελίας τύραννος, ἐντεῦθεν τὸ ἱπποτροφεῖον συνεστήτατο τῶν ἀθλητῶν ἵππων ὥστε καὶ ὄνομα ἐν τοῖς Ἑλλήσι γενέσθαι τῆς Ἐνετικῆς πάλης, καὶ πολὺν χρόνον εὐδοκίμησαι τὸ γένος».

Это мѣсто Страбона весьма важно во многихъ отношеніяхъ. Оно доказываетъ справедливость замѣчанія нашего о томъ, что Страбонъ звалъ, что не одно сходство именъ (*Ἐνετωνία*) было причиною производства Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Изъ него видать также, что и до Страбона были люди, которые считали Венетовъ Адриатическихъ и Гальскихъ одноплеменниками, что и до него уже въ защиту мнѣнія о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи приводили и сходство въ занятіяхъ и образѣ жизни Венетовъ Адриатическихъ съ Венетами Пафлагонскими. Дѣйствительно страсть къ коневодству и искусство въ немъ — доводъ весьма сильный, сохраняющій всю свою цѣнность и въ наше время. При всемъ своемъ пристрастіи къ гипотезѣ противоположной, Страбонъ колеблется однако, и, вспомнивъ этотъ послѣдній доводъ, уже не рѣшается болѣе наставлять на происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Гальскихъ, а не отъ Пафлагонскихъ.

На стр. 543-й: «Слѣдуютъ Пафлагонія и Генеты. Спрашивается, какихъ разумѣлъ Генетовъ поэтъ, когда сказалъ:

Племень вель толпы Пафлагонцевъ
Изъ Генетовъ, родины дикихъ лошаковъ.

Теперь одни говорятъ, что нѣтъ болѣе Генетовъ въ Пафлагоніи, другіе, что есть селеніе на бѣрегу, въ десяти схилахъ отъ Амастри. Зинодотъ изъ Енеты утверждаетъ, что теперь вмѣсто Енеты извѣстенъ городъ Амись. Другіе же полагаютъ, что племя, сосѣднее съ Каппадоками, выступило вмѣстѣ съ Киммерійцами и поселилось у Адриі. Но весьма хорошо извѣстно, что Генеты были самымъ знаменитымъ племенемъ Пафлагонцевъ, къ нему же принадлежалъ и Племень, что весьма многіе отправились съ нимъ на войну, что, по взятіи Трои, потерявши своего вожда, ушли во Фракію, потомъ, поскитавшись, достигли вышѣшней Венеціи. Нѣкоторые утверждаютъ даже, что Антиноръ и сыновья его участвовали въ этомъ походѣ и поселились на берегу Адриатики, какъ объ этомъ мы уже упоминали въ статьѣ объ Италіи. Вѣроятно такимъ образомъ и вышли Венеты и не оказывается ихъ теперь въ Пафлагоніи»¹. — «*Εὐστα*

1. Еще Генеты жили въ Пафлагоніи при Александрѣ Македонскомъ. Такъ по крайности говоритъ Квинтъ Курцій (с. III): *Jamque ad urbem Ancusam ventum*

ἡ Παφλαγονία καὶ οἱ Ἑνετοί. Ζητοῦσι δὲ, τίνας λέγει τοὺς Ἑνετοὺς ὁ ποιητής, ὅταν φῆ

Παφλαγόνων θ' ἤγειτο Πυλαιμένεος λάσιον κῆρ
Ἐξ Ἑνετῶν, ὅθεν ἡμῶν γένος ἀγροτεράων.

Οὐ γὰρ δείκνυσθαι φασὶ νῦν Ἑνετοὺς ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ· οἱ δὲ κώμην ἐν τῷ αἰγιαλῷ φασὶ, δέκα σχοίνους ἀπὸ Ἀμαστρέως διέχουσαν. Ζηνόδοτος δὲ ἐξ Ἑνετῆς γράφει, καὶ φησὶ δηλοῦσθαι τὴν νῦν Ἀμισόν. Ἄλλοι δὲ φύλόν τι τοῖς Καππάδοξιν ὄμορον στρατεῦσαι μετὰ Κιμμερίων. εἰτ' ἐκπεσεῖν εἰς τὸν Ἀδρίαν. Τὸ δὲ μαλισθ' ὁμολογοῦμενόν ἐστιν, ὅτι ἀξιολογώτατον ἦν τῶν Παφλαγόνων φύλον οἱ Ἑνετοί, ἐξ οὗ ὁ Πυλαιμένης ἦν καὶ δὴ καὶ συνεστράτευσαν αὐτῷ οὗτοι πλεῖστοι ἀποβαλόντες δὲ τὸν ἡγεμόνα, διέβησαν εἰς τὴν Θράκην μετὰ τὴν Τροίαν ἄλωσιν· πλανώμενοι δ' εἰς τὴν νῦν Ἑνετικὴν ἀφίκοντο. Τινὲς δὲ καὶ Ἀντήνορα καὶ τοὺς παῖδας αὐτοῦ κοινωῆσαι τοῦ στόλου τούτου φασὶ, καὶ ἰδρυθῆναι κατὰ τὸν μυχὸν τοῦ Ἀδρίου, κατὰπερ ἐμνήσθημεν ἐν τοῖς Ἰταλικοῖς. Τοὺς μὲν οὖν Ἑνετοὺς διὰ τοῦτ' ἐκλιπεῖν εἰκὸς, καὶ μὴ δείκνυσθαι ἐν τῇ Παφλαγονίᾳ».

Здѣсь, какъ мы видимъ, Страбонъ не только уже не отвергаетъ мнѣнія о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, что сперва онъ совершенно было заподозрилъ, не только ужъ не сомнѣвается въ его справедливости, но даже принимаетъ это преданіе, какъ несомнѣнное историческое свидѣтельство и пользуется имъ для объясненія исчезновенія Венетовъ въ Пафлагоніи. Чѣмъ больше станемъ вникать въ слова Страбона, тѣмъ яснѣе раскроется передъ нами весь ходъ его предварительныхъ вслѣдованій и размышленій о вопросѣ, который сильно его занималъ и по которому онъ представлялъ свою гипотезу. Нельзя кажется отрицать, что вопросъ о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ — сильно занималъ Страбона, вопросъ — вышли ли они изъ Пафлагоніи, или же съ сѣверо-запада, отъ океана Атлантическаго, такъ какъ Аборигенами ихъ никто и не думалъ считать, ни до Страбона, ни при немъ, ни послѣ него, въ чемъ согласенъ и

erat, ubi numero copiarum inuito, Paphlagoniam intrat, huic juncti erant Eupeti, unde quidam Venetos trahere originem credunt.

Форбигеръ. Еще менѣе подвержено сомнѣнію то, что Страбонъ первоначально былъ совершенно противъ перваго рѣшенія этого важнаго въ его глазахъ вопроса, т. е., противъ производства Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Еще очевиднѣе перемѣна его мнѣнія объ этомъ предметѣ и конечно она произошла въ немъ вслѣдствіе долгаго размышленія и не безосновательныхъ розысканій.

Смѣю думать, что Страбонъ перемѣнилъ свое мнѣніе и согласился съ противоположнымъ, утверждавшимъ что Венеты Адриатическіе произошли отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, на основаніи слѣдующихъ данныхъ и соображеній:

1) Древніе писатели, какъ напр. Софокль, а конечно и многіе другіе, отъ которыхъ не дошли до насъ извѣстія, выводили Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

2) Венеты Пафлагонскіе славились своимъ коневодствомъ; точно также и Венеты Адриатическіе.

3) Позднѣйшее исчезновеніе или уменьшеніе Венетовъ въ Пафлагоніи, объясняетъ ихъ выходъ оттуда и тѣмъ подтверждаетъ преданіе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ.

4) Сходство именъ ихъ не случайное.

5) Венеты Адриатическіе сами себя производили отъ Венетовъ Пафлагонскихъ не по созвучію именъ — не *διὰ τῆς ὁμοφωνίας*.

Таковы были, смѣю думать, данныя и соображенія, представлявшія Страбону и убѣдившія его въ справедливости преданія, выводившаго Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

Выше мы видѣли, что Страбонъ самъ сказалъ: «впрочемъ по причинѣ сходства именъ сами себя они называютъ Пафлагонскими». Мы объяснили уже, какъ надо понимать здѣсь слова «впрочемъ по причинѣ сходства именъ». Страбонъ зналъ хорошо, что Венеты Адриатическіе сами себя считали выходцами изъ Пафлагоніи; если же онъ былъ бы твердо увѣренъ въ томъ, что такое ихъ мнѣніе основано на созвучіи именъ, то безъ сомнѣнія онъ и не упомянулъ бы о такомъ мнѣніи, и во всякомъ уже случаѣ не сказалъ бы вслѣдъ за тѣмъ: «Впрочемъ я этого не утверждаю, въ такихъ предметахъ довольно одной вѣроят-

ности». Свою гипотезу о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Гальскихъ онъ считалъ тогда основательною, иначе бы онъ не предлагалъ ее читателю. Если же противоположное ему мнѣніе основывалось на одномъ созвучіи именъ, то онъ смѣло бы могъ остаться при своемъ мнѣніи. Такимъ образомъ слова Страбона «впрочемъ по сходству именъ сами себя (т. е. Венет. Адр.) считаютъ Пафлагонцами» — *διὰ δὲ τὴν ὁμοουσίαν Παφλαγῶνας φασὶν αὐτοῦς* — должны быть разбиты на двѣ части — первая — Венеты Адриатическіе сами себя называли выходцами изъ Пафлагоніи — это фактъ несомнѣнный; вторая — они такъ думали на основаніи сходства именъ — это личное мнѣніе Страбона, которое впоследствии времени перемѣнилъ онъ самъ, ибо иначе онъ не присталъ бы къ тѣмъ, которые выводили Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

Но вѣдь это безспорно весьма важный фактъ, если только онъ справедливъ, т. е. что сами Венеты Адриатическіе, самъ народъ смотрѣлъ на Пафлагонію, какъ на первоначальную свою родину.

Ниже мы увидимъ полную возможность убѣдиться въ Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ.

Выше мы могли не разъ замѣтить, что характеръ изложенія Страбона всего менѣе изслѣдовательный: выражая какуюнибудь мысль, или сообщая какойнибудь фактъ, онъ не приводитъ всѣхъ своихъ основаній или источниковъ, а иногда и вовсе проходитъ ихъ молчаніемъ. Такъ, говоря о мнѣніи, производившемъ Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ и склоняясь въ то время болѣе на его сторону, онъ очевидно считалъ дѣломъ въ высшей степени вѣроятнымъ, если не несомнѣннымъ, единоплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ, однако онъ ничего не сообщилъ намъ о ней. Точно также въ другомъ мѣстѣ онъ замѣчаетъ, что существуетъ двоякое мнѣніе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ, такъ напр. нѣкоторые вели ихъ отъ Гальскихъ, другіе отъ Пафлагонскихъ. Очевидно, что Страбону были извѣстны писатели древности, державшіеся того или другаго мнѣнія, однако онъ прошелъ ихъ молчаніемъ. Точно также слова его «Венеты Адриатическіе сами себя называютъ Пафлагонцами», заставляютъ

предполагать, что много фактовъ, хорошо извѣстныхъ Страбону, пройдено здѣсь молчаніемъ. Иначе надо предположить, что Страбонъ это выдумалъ, т. е. отъ Венетовъ Пафлагонскихъ они себя не производили. Но возможно ли это? Скорѣе Страбону было вовсе молчать объ этомъ.

Боязнь сказать великую недѣльность заставляетъ насъ принимать то, что Венеты Адриатическіе дѣйствительно производили сами себя отъ Венетовъ Пафлагонскихъ. Страбонъ только умолчалъ о тѣхъ источникахъ, изъ коихъ заимствовалъ онъ это свѣдѣніе.

По счастью до насъ дошли другія свидѣтельства, доказывающія то же самое.

Знаменитый Римскій историкъ Т. Ливій, быть можетъ самъ Венетъ, по крайности уроженецъ Патавія (Падуа) города Венетскаго, начинаетъ свою исторію разсказомъ о томъ, что по разрушеніи Трои, Антеноръ со множествомъ Генетовъ, изгнанныхъ изъ Пафлагоніи и потерявшихъ своего вождя Пилемена, поселился у Адриатическаго залива, что, вытѣснивши Евганейевъ, жившихъ между Альпами и моремъ, Генеты и Троянцы заняли эти земли, и *то мѣсто*, въ которое они прежде всего пришли, *называется Троею, отсюда же произошло названіе Троянской волости*, весь же народъ назвался Венетами¹⁾.

Если бы и не было свидѣтельства Страбона о народномъ преданіи Венетовъ Адриатическихъ, по которому они выводили себя изъ Пафлагоніи, то и тогда мы не имѣли бы никакого права сомнѣваться въ *народности* этого преданія, такъ какъ имѣемъ передъ собою слова Т. Ливія, изъ которыхъ весьма ясно открывается, что ни онъ самъ, ни никто изъ его современниковъ

---

1. T. Liv. I, 1. *«Jam primum omnium satis constat Troja capta in ceteros aevitum esse Trojanos; duobus Aeneae Anteriorique, et vetusti jure hospitii, et quia pacis reddendaeque Helenae semper auctores fuerant, omne jus belli Achivos abstinuisse. Casibus deinde variis Antenorem cum multitudine Henetum, qui seditione ex Paphlagonia pulsus et sedes et ducem rege Pylaemene ad Trojam amisso, quaerebant, venisse in intimum maris Hadriatici sinum; Euganeisque qui inter mare Alpesque incolebant, pulsus Henetos Trojanosque eas tenuisse terras: et in quem primum egressi sunt locum, Troja vocatur, pagoque inde Trojano nomen est, gens universa Veneti appellati».*

не сомнѣвался въ достовѣрности этого преданія. Иначе онъ не сказалъ бы: *jam primum omnium satis constat*. Если бы наконецъ то было преданіе не народное, если же то была басня, выдуманная учеными и книжниками, то могло ли статься, что при Т. Ливіѣ и до него не встрѣтилось бы людей, которые бы возвысили свой голосъ съ цѣлью обличить и опровергнуть неправду и ложь этого мифа? Положимъ, Т. Ливій, по многимъ причинамъ, между прочимъ по чувству патриотизма и народной гордости, могъ добродушно вѣрить этой баснѣ, мудро сплетенной хитрыми книжниками, однако, если бы были скептики (а они непременно должны были быть въ томъ случаѣ, если то было не народное преданіе), то конечно при изложеніи этого преданія знаменитый историкъ обронилъ бы не одинъ намекъ на нихъ, безъ сомнѣнія тѣмъ скорѣе онъ имѣлъ бы ихъ въ виду, чѣмъ больше цѣны придавалъ онъ этому сказанію. Между-тѣмъ ничего подобнаго не находимъ мы въ словахъ Ливія; напротивъ того, онъ говоритъ объ этомъ, какъ о дѣлѣ, всѣмъ извѣстномъ, несомнѣннѣесть котораго всѣми признана. Но не одинъ тонъ разсказа Ливія и характеръ его изложенія убѣждаютъ насъ въ томъ, что сказаніе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ не было изобрѣтеніемъ пустаго тщеславія, считавшаго лестнымъ родство съ такимъ древнимъ и знаменитымъ народомъ, каковы были Венеты Пафлагонскіе, не было выдумкою ученыхъ и книжниковъ, но было чистымъ народнымъ преданіемъ, переходившимъ изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ.

Нѣтъ и не можетъ быть народа въ мірѣ, который бы не имѣлъ когда либо своихъ преданій о первоначальныхъ своихъ жилищахъ, о родствѣ своемъ съ другими соплеменниками, если въ слѣдствіе какихъ либо обстоятельствъ онъ разлучился съ ними. Колонисты, переселенцы должны имѣть преданія, сохраняющія память объ ихъ метрополіи. Отчего же Венеты Адриатическіе, которые Аборигенами не были, не могли имѣть такихъ преданій? Отчего думать, что ни одинъ изъ писателей древности не сохранилъ до насъ настоящихъ ихъ преданій? Зачѣмъ предполагать, что древніе писатели, вмѣсто того, чтобы сообщить намъ эти настоящія народныя преданія, выдумали свои басни?

Переселенцы, колонисты не только долго сохраняют воспоминанія о своей митрополи, но и стараются память о ней увѣковѣчить разными признаками, напр. даютъ старыя мѣстныя названія новымъ своимъ жилищамъ. Изъ словъ Ливія мы могли уже замѣтить, что еще въ его время въ области Венетовъ были названія, напоминавшія старую ихъ родину — *in quem primum egressi sunt locum, Troja vocatur, pargoque inde Trojano nomen est*. Названія мѣстныя даются народомъ, а не учеными, не книжниками. Если бы сказаніе о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ было пустою, хвастливою баснею, вымысломъ книжниковъ, а не народнымъ преданіемъ, то ни коимъ образомъ въ области Венетовъ не могло быть и мѣстныхъ Азіятскихъ названій, не существовалъ бы во времена Т. Ливія и этотъ *ragus Trojanus*. Если же это поселеніе и его названіе не было очень стародавнимъ, то Т. Ливій былъ на столько уменъ и добросовѣстенъ, что никогда бы не упомянулъ о немъ; для повѣрки же этой стародавности онъ имѣлъ и полную возможность, какъ уроженецъ и житель области Венетовъ, и всѣ побужденія, какъ человѣкъ просвѣщенный и любознательный.

До насъ дошли другія свидѣтельства, доказывающія народность сказанія о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ.

Тацитъ передаетъ намъ весьма любопытное извѣстіе о томъ, что въ городѣ Патавіи (Падуѣ), столицѣ Венетовъ, были особыя игры, кулачные бои — *ludi caestici*, начало и устройство которыхъ было приписываемо Антинору. *Idem Thrasea Patavii, unde ortus erat, ludis caesticis, a Trojano Antenore institutis, habitu tragico cecinerat*. (Ann. XVI, 21). Надѣюсь, это извѣстіе довольно убѣдительно доказываетъ справедливость словъ Страбона о томъ, что Венеты Адриатическіе сами себя называли Пафлагонцами, вѣрность нашего объясненія вышеприведеннаго мѣста Ливія. Кажется извѣстіе это способно убѣдить всякаго въ томъ, что Венеты Адриатическіе сохраняли воспоминанія о связи своей съ Венетами Пафлагонскими.

Плиній, отличавшійся огромною начитанностью, говоритъ въ одномъ мѣстѣ своего обширнаго труда: «Катонъ свидѣтель-

ствуешь, что Венеты происхожденія Троянскаго — Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato. Plin. Hist. Nat. 3, 19. 23. — Эти слова служатъ также въ пользу народности преданія о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ отъ Пафлагонскихъ. Если бы то было не преданіе народное, а простая сказка, пустая выдумка хвастливыхъ книжниковъ, какъ то утверждать разсудили за благо Цейссъ, Гротендъ, Форбигеръ, то конечно Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе не изъ устнаго¹, а изъ письменнаго источника, напр. изъ какого нибудь Греческаго писателя, а въ такомъ случаѣ Плиніи конечно не сослался бы на Катона, а на того или другаго Греческаго писателя, такъ какъ намъ хорошо извѣстно, что еще Софокль (488—407—6 г. до Р. X), современникъ Продота, говорилъ о переселеніи Венетовъ изъ Пафлагоніи къ Адриатическому морю, и нѣтъ ни возможности, ни основанія утверждать, что ни одинъ Греческій писатель послѣ Софокла никогда уже не упоминалъ объ этомъ. Какъ бы Плиніи ни былъ слабъ въ критикѣ, сама громадная начитанность его не дозволила бы ему, по поводу Пафлагонства Венетовъ Адриатическихъ, ссылаться на Катона, по крайности на него одного, и пройти молчаніемъ тѣхъ Греческихъ писателей, изъ которыхъ Катонъ заимствовалъ это свѣдѣніе. Ссылка же Плинія на одного Катона служить прямымъ доказательствомъ того, что Катонъ заимствовалъ это извѣстіе о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ М. Азии, о родствѣ ихъ съ Венетами Пафлагонскими не изъ Греческихъ сочиненій, не изъ письменнаго, а изъ устнаго

1. Корнелій Непотъ говоритъ о Катонѣ: senex historias scribere instituit, quarum sunt libri septem. Primus continet res gestas regum populi Romani. Secundus et tertius, unde quaeque civitas orta sit Italica: ob quam rem omnes Origines videtur appellasse. (M. P. Cat. Vita с. III). Положительно и достоверно извѣстно, что Катонъ собиралъ устные народныя преданія Италийцевъ: такъ онъ бранитъ Лигурійцевъ за то, что они ничего не знаютъ о своемъ происхожденіи. Сервій говоритъ: Cato Originum II, cum de Liguribus loqueretur: Sed ipsi, unde oriundi sunt exacta memoria illiterati, mendacesque sunt et vera minus meminere (Serv. Aen. XI, 715). См. Vitae et Fragmenta veterum historicorum Romanorum; composuit Aug. Krause. Berolini. MDCCCXXXIII. p. 108. Справдывается ли Катонъ у Венетовъ — unde oriundi sunt? Отвѣчали ли они ему немогузнайствомъ? Зная слова Страбона и Ливія, извѣстіе Тацита, мы убѣждены, что Катону они указали на Пафлагонію, Малую Азію, какъ на первоначальную свою родину — unde oriundi sunt. А Плиніи намъ положительно говоритъ: Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato.

источника, изъ народныхъ преданій самихъ Венетовъ, о бытности которыхъ находятся прямыя, положительныя и несомнѣныя доказательства въ Страбонѣ, Т. Дивіѣ, Тацитѣ¹.

1. Авторъ рѣшается замѣтить: если Кельты, Нѣмцы и Славяне не только могли, но и должны были долго въ Европѣ сохранять народныя преданія о востокѣ, объ Азій, какъ о первоначальной своей родинѣ, колыбели; если при выселеніи ихъ въ Европу, болѣе или менѣе значительная часть каждаго изъ этихъ великихъ племенъ могла остаться въ Азій; если Кельты, Нѣмцы, Славяне Европейскіе долго не могли утратить сознанія единства своего происхожденія съ своими соплеменниками, оставшимися въ Азій; если такимъ образомъ они долго старались по возможности не прерывать своихъ сношеній съ своими Азійскими братьями; если такія связи могли долго въ Азійскихъ и Европейскихъ братьяхъ поддерживать, укрѣплять и освящать воспоминанія, память и сознаніе единства ихъ общаго происхожденія; если наконецъ въ такихъ вопросахъ относительно Кельтовъ, Нѣмцевъ и Славянъ нѣтъ ничего невозможнаго, неѣроятнаго, нелѣпаго, дикого и безразсуднаго, то не будетъ ли то же самое съ такими же вопросами относительно такъ называемыхъ древнихъ классическихъ народовъ, т. е. Грековъ и Римлянъ, которые тоже, подобно младшимъ своимъ братьямъ, Кельтамъ, Нѣмцамъ и Славянамъ, пришли въ Европу изъ Азій? Наконецъ слѣдуетъ ли непременно рѣзко и положительно утверждать, что въ нижеприведимомъ мѣстѣ Тацита содержится одна только хвастливая, нелѣпая ложь, ни на чемъ не основанная? Нельзя ли предполагать, что нѣкоторые народы Индо-Европейскіе проникли изъ Азій на югъ и западъ Европы не непременно черезъ южную Россію, а впрямь черезъ Дарданеллы, изъ Малой Азій, этого классическаго моста цивилизаціи, по удачному выраженію К. Риттера? Не могли ли тѣ Индо-Европейцы, что населили Италію, проникнуть въ Европу изъ Малой Азій? Не могла ли болѣе или менѣе значительная часть ихъ племена остаться въ Малой Азій? и т. д. Не смѣя болѣе злоупотреблять терпѣніемъ читателя, привожу общающее мѣсто Тацита. При Тиверіѣ явились въ Римъ послы Азійскіе, *ambigentes* quam in civitate templum *statueretur*. «Undecim urbes certabant, pari ambitione, viribus diversae: neque multum distantia inter se memorabant, de vetustate generis, studio in populum Romanum, per bella Persi et Aristonici aliorumque regnum. Verum Hyraepeni Trallianique, Laodiceis ac Magnetibus simul, transmissi, ut parum validi. *Ne Ilienses quidem, quum parentem urbis Romae Trojam referrent, nisi antiquitatis gloria, pollebant: paullum addubitatum, quod Halicarnassii mille et ducentos per annos nullo motu terrae nutavisse sedes suas, vivoque in saxo fundamenta templi, asseveraverant. Pergamēnos (eo ipso nitebantur) sedo Augusto ibi sita satis adeptos creditum. Ephesii Milesiique, hi Apollinis, illi Dianae caerimonia, occupavisse civitates visi. Ita Sardonios inter Smyrnaeosque deliberatum. Sardiant decretum Etruriae recitavere, ut consanguinei: nam Tyrrhenum Lydumque, Atye, rege genitos, ob multitudinem divisisse gentem: Lydum patriis in terris resedisse: Tyrrheno datum novae ut conderet sedes: et ducum e nominibus indita vocabula, illis per Asiam, his in Italia: auctamque adhuc Lydorum opulentiam, missis in Graeciam populis, cui mox a Pelope nomen». Simul literas imperatorum, et icta nobiscum foedera bello Macedonum, ubertatemque fluminum suorum, temperiem coeli, ac dites circum terras, memorabant. (Ann. IV, LV).*

Добросовѣстное, смѣю думать, разсмотрѣніе дошедшихъ до насъ былей и историческихъ свидѣтельствъ несомнѣнно увѣряетъ въ томъ, что у Венетовъ Адриатическихъ существовали народныя преданія, хранившія въ ихъ сознаніи память объ ихъ родствѣ съ Венетами Пафлагонскими, объ ихъ выходѣ изъ М. Азіи. Чтобы отрицать народность этого сказанія и напротивъ того утверждать, что то была сказка, басня, выдуманная Греческими и Римскими учеными и книжниками, подобная баснямъ, пущеннымъ въ ходъ нашими книжниками о родствѣ Рюрика съ Августомъ, о Мосохѣ и т. п., для того потребуется исказить всѣ историческія свидѣтельства и были, толковать ихъ по личному благоусмотрѣнію и по собственному, ничѣмъ не стѣсняемому произволу, чего, полагаю, никогда не позволитъ строгая критика. Посмотримъ теперь, сколько понадобится всякаго рода натяжекъ и нелѣпыхъ предложеній для того, чтобы принять это сказаніе за выдумку отдѣльныхъ лицъ и за басню, произведеніе досужей фантазіи древнихъ книжниковъ.

Во времена Нерона были въ Падуѣ, въ области Венетовъ, такъ называемые *ludi caestici*. — Эти игры были недавняго или древняго происхожденія. Кто нибудь изъ Венетовъ вычиталъ у Софокла или у Катона; что они де происходятъ отъ Венетовъ Пафлагонскихъ, что при переселеніи ихъ изъ М. Азіи были у нихъ товарищами Троянцы, у которыхъ былъ какой-то Антипоръ. Вычитавши такое лестное извѣстіе о своемъ народѣ, Венетъ этотъ сообщилъ его тотчасъ же своимъ землякамъ, тѣ конечно этому очень порадовались, и рѣшили или устроить новыя игры (*ludi caestici*) и честь ихъ устройства приписать Антивору, или же какія нибудь древнія игры, слѣд. народныя, окрестить именемъ Антиноровскихъ, пушай молъ ихъ Антиноръ устроилъ. И согласались тогда всѣ Венеты, на вопросъ — кѣмъ заведены ваши игры, ваши *ludi caestici*, отвѣчать — Троянцемъ Антиноромъ. Тацитъ потому-то и сказалъ такъ утвердительно — *ludis caesticis a Trojano Antenore institutis*. А можетъ быть Тацитъ это выдумалъ или же какой нибудь другой писатель, изъ котораго онъ заимствовалъ это извѣстіе? Прочиталъ тотъ извѣстную сказку о Венетахъ Адриатическихъ и заключилъ, что играмъ Венетскимъ кого другого и имѣть своимъ виновникомъ и учре-

дителемъ, какъ не Антинора. — Развѣ не крайне нелѣпы всѣ эти и подобныя имъ предположенія, совершенно однако необходимы и неминующія, если станемъ утверждать, что у Венетовъ Адриатическихъ никогда не было народныхъ преданій объ ихъ родствѣ съ Венетами Пафлагонскими?

Во время Т. Ливія въ области Венетовъ, его родинѣ, была какая-нибудь вилла, которую хвастливый хозяинъ, вычитавши нелѣпую сказку о происхожденіи Венетовъ изъ Пафлагоніи, назвалъ *ragus Trojanus*. Т. Ливій, самъ добродушно вѣрившій этой сказкѣ, привелъ, въ подтвержденіе ея, указаніе на эту частную дачу, на это помѣстье. Предположеніе крайне нелѣпое, а его необходимо держаться, если хотимъ утверждать, что мѣстное названіе «*ragus Trojanus*» было дано не народомъ, который бы однако не могъ дать такого названія, если бы у него не было преданій о родствѣ его съ Венетами Пафлагонскими.

Точно также слѣдуетъ предположить, что Плиній, удивляющій своею громадною начитанностью и трудолюбіемъ насъ, современниковъ Гумбольдтовъ, Риттеровъ, Гриммовъ, Шафариковъ, Палацкихъ, что этотъ Плиній не читалъ трагедіи Софокла «Разрушеніе Трои», въ которой по словамъ почтеннаго Страбона содержится также извѣстіе о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи. Надо предположить, что послѣ Софокла ни одинъ изъ Греческихъ писателей не говорилъ объ этомъ, а если послѣ Софокла и были писатели, говорившіе объ этомъ, то Плиній и ихъ значить не читалъ. Забыть сдѣлать выписку Плиній могъ, но вовсе забыть такое обстоятельство рѣшительно невозможно. Онъ изъ Катона вѣдь не приводитъ же выписки, а просто говоритъ: «*Venetos Trojana stirpe ortos auctor est Cato*». Очевидно Плиній не читалъ трагедіи Софокла «Разрушеніе Трои», ни одного изъ древнѣйшихъ или позднѣйшихъ Греческихъ свидѣтельствъ, упоминавшихъ о Пафлагонствѣ Венетовъ Адриатическихъ (и до насъ недошедшихъ). Очевидно Плиній по всей литературѣ этого вопроса зналъ одного только Катона, да и его-то врядъ ли читалъ, а зналъ лишь по наслышкѣ, ибо тотъ конечно уже указалъ бы на того Греческаго писателя или вообще на тотъ письменный источникъ, изъ котораго онъ заимствовалъ

это свидѣніе. Въ такомъ случаѣ Плиніи бы не сказалъ тогда: *auctor est Cato*. Предположенія крайне неосновательныя и совершенно необходимыя въ томъ случаѣ, если не принимать, что Катонъ, собиравшій народныя преданія Италійцевъ и бранившій Лигурійцевъ за то, что они ничего не помнятъ о своемъ происхожденіи, что Катонъ заимствовалъ это свидѣніе изъ источника устнаго, изъ народныхъ преданій Венетовъ Адриатическихъ, которые не были Иллирійцами, т. е. предками нынѣшнихъ Албанцевъ, но Славянами, какъ то ниже увидимъ. Соплеменники Венетовъ Сѣверныхъ, Венеты Адриатическіе имѣли народныя преданія и воспоминанія о Пафлагоніи, о М. Азій, какъ о древней своей родинѣ¹. Изъ того, что Иродотъ сказалъ, что Венеты Пафлагонскіе были Мидійцы, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы они и дѣйствительно ими были. Венетовъ Адриатическихъ Иродотъ назвалъ Иллирійцами, однако они сами себя считали и слѣдовательно дѣйствительно были соплеменниками Венетовъ Пафлагонскихъ, которые слѣдовательно должны быть такого же Славянскаго происхожденія, что и безъ того было весьма вѣроятно.

Затѣмъ позволяю себѣ выразить надежду, что предложенныя мною доводы противъ мнѣнія Цейсса, Гротенда, Форбигера не лишены нѣкоторой силы и основательности и что единоплеменность Венетовъ Адриатическихъ и Пафлагонскихъ должна быть принимаема за истину несомнѣнную, по крайности до тѣхъ поръ, пока не будетъ представлено дѣльныхъ и рѣшительныхъ возраженій противъ нижеслѣдующихъ положеній нашихъ:

1. Современники Иродота, считавшаго Венетовъ Пафлагонскихъ — Мидійцами, а Венетовъ Адриатическихъ — Иллирійцами, слѣдовательно тѣхъ и другихъ иноплеменниками, современники Иродота, какъ напр. Софоклъ, а по всей вѣроятности и

1. Любопытно, что въ XXIX Новеллѣ императора Юстиніана (*De Praetore Paphlagoniae*) сказано въ самомъ началѣ: *Τὸ Παφλαγόνων ἔθνος ἀρχαῖόν τε καὶ οὐκ ἀνώγειον καθ'ἑστῶς (καθίστηεν Hal.) ἀλλὰ τοσοῦτον, ὡς καὶ ἀποικίας μεγάλας ἐκπέμψαι, καὶ τὰ ἐν τῇ Ἰταλίῳ συνοικίσει Βενετίας, ἐν αἷς δὴ καὶ Ἀκυληῖα πέλις τῶν ἐπὶ τῆς ἑσπέρας μεγίστη κατοικίσται, καὶ βασιλικὴν πολλὰκις διαίταν δεξαμένη.* — *Corpus Juris Civilis recognovit et brevi annotatione instructum edidit D. I. Lud. Gail. Beck. Lipsiae. MDCCCXXXVI. T. II. p. 866.*

предшественники ихъ, считали тѣхъ и другихъ Венетовъ — единоплеменниками.

2. Страбонъ производилъ одно время Венетовъ Адриатическихъ отъ Венетовъ Гальскихъ, при чемъ онъ основывался не только на аналогіи Бойевъ и Семноновъ, но и на другихъ данныхъ или соображеніяхъ намъ неизвѣстныхъ, которыя убѣждали его въ единоплеменности Венетовъ Гальскихъ и Адриатическихъ.

3. Слова Страбона *διὰ τῆν ἄποικίαν* не могутъ быть понимаемы иначе, какъ внушеніе промелькнувшаго въ немъ желанія подорвать довѣріе къ противоположному мнѣнію, выводящему Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи.

4. Страбонъ самъ впоследствии присталъ къ этому послѣднему мнѣнію, на основаніи такихъ данныхъ и соображеній, которыя повинѣ имѣютъ цѣнность и значеніе.

5. Слова Страбона, извѣстія Ливія, Тацита, Плинія несомнѣнно доказываютъ, что у Венетовъ Адриатическихъ существовали народныя преданія и воспоминанія о выходѣ ихъ изъ М. Азіи и Пафлагоніи.

Очень хорошо понимая всю важность такого вывода не только для науки Славянскихъ древностей, я не рѣшаюсь теперь указывать на тѣ послѣдствія, которыя онъ неминуемо долженъ оставить за собою въ томъ случаѣ, если дѣйствительно лежитъ на немъ печать такой несомнѣнности, какъ то мнѣ кажется въ настоящее время. Въѣсть съ тѣмъ не могу однако удержаться отъ изъясненія едва ли суетнаго желанія услышать строгое, но всегда правдивое сужденіе славнаго свѣтлыника и мудраго вождя нашего — о доводахъ своихъ въ пользу Славянства Венетовъ Пафлагонскихъ. Защищая положеніе это, авторъ не ставался съ мучительнымъ и тревожнымъ для него воспоминаніемъ о словахъ Шафарика, назвавшаго однажды всякіе поски Славянъ въ Пафлагоніи суетными и безплодными. Въ продолженіи труда успокоивало его однако сознаніе твердое и неколебимое, что внимательное и добросовѣстное изученіе представлявшихся данныхъ, само привело его къ необходимости вновь поднять забытый и оставленный вопросъ о возможности и вѣроятности Славянскаго происхожденія Венетовъ Пафлагон-

скихъ. Слѣдующія данныя и соображенія, другъ отъ друга независимыя, привели его къ этой необходимости;

1. Замѣчательное мѣсто жизнеописателя св. Климента, ясно и просто понимаемое, заставляетъ думать, что Славяне Задунайскіе X — XII в. сохраняли смутныя народныя преданія о томъ, что Славянскія поселенія въ М. Азіи VII — VIII в. не первыя поселенія Славянъ въ М. Азіи, что напротивъ за долго до нихъ, когда-то въ сѣдой древности, жили уже въ ней ихъ предки. Жизнеописатель св. Климента, какъ на древнія жилища Славянъ указалъ на Виоинію, окрестности Бруссы и Олимпа.

2. Въ древней Виоиніи находились два города *Κίος* и *Λίβυσα* (жители *Κίαιος*), названія прямо указывающія на такія же Славянскія названія. Они лежали въ тѣхъ же самыхъ мѣстностяхъ, гдѣ находились Славянскія поселенія не только въ XVII — XIX в., но и въ VII — VIII и въ слѣд. вѣка.

3. Въ древней Пафлагоніи, на берегу морскомъ, находилась мѣстность *Ζάγωρον*, *Ζάγυρα*, *Zasogia*, *Ζάγωρα*, напоминающія любимое мѣстное Славянское названіе — *Загора*.

4. При современномъ состояніи науки, весьма, кажется, понятны и законны вопросы — сохранились ли у Славянъ какіе нибудь слѣды народныхъ преданій и воспоминаній объ Азіи, какъ о древнѣйшей ихъ прародинѣ? при выселеніи изъ Азіи Славянскаго племени въ Европу, не осталась ли болѣе или менѣ значительная его часть въ Азіи? при возможности въ настоящее время двоякаго рѣшенія этого вопроса, въ случаѣ отбѣта положительнаго не слѣдуетъ ли утверждать, что разлученные соплеменники долго не могли утратить сознанія единства своего происхожденія и потому старались не прерывать своихъ связей.

5. Разсмотрѣвъ, по имѣвшимся въ распоряженіи нашемъ даннымъ и силамъ, судьбу Славянскихъ поселеній въ М. Азіи съ VII в. по настоящее время включительно, мы пришли къ тому заключенію, что во все это время Славянская стихія дѣйствовала тамъ непрерывно.

6. Свѣдѣнія наши о тѣхъ путяхъ, которыми проникали Славяне въ М. Азію въ этотъ послѣдній періодъ, въ связи съ из-

вѣстіями о жилищахъ Славянъ въ Европѣ и съ нѣкоторыми историческими соображеніями привели насъ къ тому заключенію, что въ настоящее время нѣтъ никакой возможности указать на время, когда впервые стали проникать Славяне въ М. Азію.

7. Последнее заключеніе о томъ, что первое появленіе Славянъ въ М. Азіи, что называется, теряется во мракѣ вѣковъ, тѣмъ болѣе вѣроятно, что болѣе или менѣе значительная часть Славянъ, при выселеніи этого племени въ Европу, могла остаться на востокѣ и впоследствии появиться въ М. Азіи. Память и воспоминанія о единствѣ происхожденія очень легко могли поддерживать сношенія Славянъ Европейскихъ съ М. Азійскими.

8. Какъ ни смѣло последнее предположеніе, хотя въ немъ нѣтъ ничего невѣроятнаго, однако оно находитъ себѣ оправданіе въ первыхъ трехъ положеніяхъ — въ важномъ мѣстѣ краткаго житія св. Климента, въ мѣстныхъ собственныхъ названіяхъ — *Κίος, Κιανός, Αίβυσσα, Ζαῦρα*.

9. Допустивъ однажды возможность древнихъ поселеній Славянъ въ М. Азіи, найдя чисто Славянскимъ названіе одной мѣстности въ Пафлагоніи, авторъ уже не могъ не вспомнить, что въ Пафлагоніи издревле жилъ какой-то народъ, называвшійся Генеты, Венеты; что подъ этимъ послѣднимъ названіемъ слыли Славяне въ Европѣ; что уже за долго до насъ Суровецкій, ученый весьма замѣчательный (котораго Шафарикъ называетъ «глубокомысленнымъ, осторожнымъ изслѣдователемъ»), считалъ Венетовъ Пафлагонскихъ Славянами.

Такимъ-то путемъ пришелъ авторъ къ необходимости снова поднять вопросъ о происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ. Онъ не можетъ не признаться, что приступалъ къ нему не безъ тяжелаго чувства, которое не можетъ не сопровождать всякаго изслѣдователя, вступающаго иногда по чистой необходимости въ темныя, едва освѣщаемыя области вѣдѣнія. Скорбное чувство безъисходности и бесплодности предпринимаемаго имъ дѣла совершенно имъ овладѣло, какъ только вспомнилъ онъ слова ученаго, котораго онъ навсегда избралъ своимъ руководителемъ, слова Шафарика о томъ, что въ изученіи Славянскихъ древностей надо довольствоваться землями между Карпатами и Балтійскимъ

моремъ. «Это необъятное поле, большею частію по сю пору непочатое, ожидаетъ руки прилежнаго и опытнаго дѣлателя. Всякое-же противоположное тому занятіе, усиливающееся отыскать Славянъ въ прочихъ странахъ и давнопротекшихъ вѣкахъ, въ ковчегѣ Ноя, въ Индіи, Пафлагоніи, Фракіи, Галліи, Скиѣи предъ и за Имаусомъ, и т. п., останется навсегда суетнымъ и бесплоднымъ. Таково уже свойство человѣческаго ума, что онъ, достигши вершины своихъ пламенныхъ желаній, стремится еще къ большему. А потому, очень можетъ быть, что многіе изслѣдователи, недовольные этими предѣлами времени и пространства, назначенными нами Славянскимъ древностямъ, будутъ все далѣе и далѣе стремиться и искать Славянъ тамъ, гдѣ ихъ не бывало. Но благоразумный изслѣдователь, взвѣшивающій все безъ увлеченія и забвенія своей обязанности, долженъ обращаться къ наукамъ плодотворнымъ, а не гоняться за невозможнымъ».

Читатель, понимающій всю цѣну этого мудраго совѣта, повѣритъ пишущему эти строки, если онъ скажетъ, что не разъ онъ кидалъ свою работу... Но зная, съ одной стороны, что всякое отрицаніе есть вмѣстѣ съ тѣмъ и утвержденіе, съ другой же стороны поставивъ себѣ за правило никогда и ничего не утверждать положительно, безъ ясныхъ на то доводовъ, авторъ предпочелъ тяжелый путь изслѣдованія, ибо имѣлъ предъ собою — мнѣніе *глубокомысленнаго и осторожнаго* Суровецкаго, видѣвшаго Славянъ въ Венетахъ Пафлагонскихъ и мнѣніе Шафарика, не видящаго въ нихъ Славянъ и объясняющаго сходство именъ случайностью. Не рѣшаясь повторять Суровецкаго, авторъ не смѣлъ однако и согласиться съ Шафарикомъ, ибо считая свои положенія (1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9) справедливыми, онъ былъ увѣренъ, что въ настоящее время Шафарикъ не сказалъ бы, что тѣ, которые считаютъ Венетовъ Пафлагонскихъ Славянами, основываются въ этомъ случаѣ на одномъ сходствѣ именъ, которое могло быть случайно. Соображая свои положенія съ мнѣніемъ Суровецкаго, авторъ пришелъ къ тому заключенію, что оно не содержитъ въ себѣ ничего вѣрнаго, страннаго и безразсуднаго, что напротивъ того оно гораздо вѣроятнѣе, въ настоящее по крайности время, нежели мнѣніе Шафа-

рика, который однажды выразился о бытности Славянъ въ Пафлагоніи, какъ о чистой невозможности и о крайней недѣльности. Такимъ образомъ Шафарикъ былъ справедливѣе, въ другой разъ, когда сказалъ: «Если Адриатическіе Венеты, Пафлагонскіе Генеты, Альпійскіе Винделики и Арморійскіе Венеты были дѣйствительно народы племени Виндскаго или Славянскаго (какъ то можно предполагать по нѣкоторымъ даннымъ), то мы съ радостію дадимъ имъ мѣсто въ святилищѣ предковъ нашихъ; если же, напротивъ, не были, если должно вовсе отказаться отъ сходства съ ними и обратиться къ своимъ соплеменникамъ»... Положенія автора кажется нѣсколько увеличили число тѣхъ данныхъ, по которымъ можно предполагать о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ, и вмѣстѣ съ послѣдними словами Шафарика убѣдили его, что предпринятый имъ трудъ былъ не совсѣмъ бесплоденъ и суеуменъ, по крайнейности не такъ, какъ если бы онъ сталъ искать Славянъ, напр. въ Индіи или въ ковчегѣ Ноя. Внимательное же разсмотрѣніе словъ Страбона, Ливія, Тацита и Плинія убѣдило его въ возможности окончательно рѣшить вопросъ о Венетахъ Пафлагонскихъ. Они были соплеменниками Венетовъ Адриатическихъ, которые сами себя производили изъ Пафлагоніи и долго сохраняли о ней народныя преданія и воспоминанія.

Однако Цейссъ, Гротенфендъ, Форбигеръ, основываясь на словахъ Иродота (Ἰλλυρῶν Ἐυετοί I. 196), называютъ ихъ Иллирійцами, не Славянами, а предками нынѣшнихъ Албанцевъ.

Маввертъ и Суровецкій называли ихъ Славянами; Шафарикъ находилъ ихъ мнѣніе вѣроятнымъ.

Иродотъ, который лучше могъ знать Венетовъ Пафлагонскихъ, нежели Адриатическихъ, называлъ первыхъ Мидійцами. Такъ какъ соплеменность тѣхъ и другихъ Венетовъ несомнѣнно доказана, то, если вѣрить Иродоту, надо Венетовъ Адриатическихъ признавать за Мидійцевъ; Страбонъ, увѣренный въ ихъ единоплеменности съ Венетами Гальскими и видя въ послѣднихъ Кельтовъ, считалъ одно время Кельтами и Венетовъ Адриатическихъ, впрочемъ совершенно неосновательно, такъ какъ Поливій, очевидно близко знакомый и съ тѣми и съ другими, прямо выразился: «Венеты мало отличаются отъ Кельтовъ пра-

ваше и образомъ жизни, однако говорятъ другимъ языкомъ». Это свидѣтельство весьма важно въ томъ отношеніи, что удаляетъ всякую мысль объ ихъ Мидійскомъ происхожденіи, которое впрочемъ и безъ того совершенно невѣроятно: ни ихъ бытъ, ни исторія, ни мѣстные названія, ничто не обличаетъ въ нихъ Мидійскаго происхожденія. «А коневодство?» Но оно только блистательно подтверждаетъ историческую истину сказанія о выходѣ Венетовъ Адриатическихъ изъ Пафлагоніи, гдѣ Венеты сосѣдили съ народами Мидійскими — *Veneti multum ex moribus Sarmatarum traxerunt*. — И такъ Иродотъ ошибся, назвавъ Венетовъ Пафлагонскихъ — Мидійцами. Положительно можно сказать, что ими они не были. Но Иродоту гораздо удобнѣе и легче было знать Венетовъ Пафлагонскихъ, чѣмъ Адриатическихъ; если онъ ошибался относительно первыхъ, то еще легче могъ ошибиться относительно послѣднихъ; отъ того и наконецъ образомъ не могу согласиться съ слѣдующими словами достопочтеннаго ученаго Нѣмецкаго, Цейсса: «*Herodots Auctorität ist ... hinreichend, die Veneter dem benachbarten Stamme am Adriaufer zuzustellen und sie für die äussersten Ilirier im Nordwest zu rechnen*» (S. 251). Указавъ на то, что еще Скилакть (IV в. до Р. X.) Венетовъ Адриатическихъ отдѣлялъ отъ Иллирійцевъ¹, мы позволимъ себѣ раскрыть тѣ побужденія и доводы, которые заставляютъ насъ не соглашаться съ мнѣніемъ Цейсса, Гротенда и Форбигера на счетъ Иллиризма или Албанизма этихъ Венетовъ, а признавать ихъ за Славянъ.

Имя ихъ одно уже наводитъ на мысль видѣть въ нихъ соплеменниковъ Венетовъ Балтійскихъ, какъ извѣстно, несомнѣнныхъ Славянъ. Торговля янтаремъ, который къ нимъ шелъ отъ Венетовъ Балтійскихъ, извѣстія Нестора и Богухвала, указывающія на древность Славянекихъ поселеній въ Панноніи, въ

1. См. *Scylacis Periplus ex recensione P. Fabricii. Dresdae. MDCCCXLVIII*. Μετά δὲ Κελτοῦς Ἐνετοὶ εἰσὶν ἔθνος καὶ ποταμὸς Ἡριθανός ἐν αὐτοῖς. Ἐντεῦθεν δὲ παράπλους ἐστὶν ἡμέρας μίας. Μετά δὲ Ἐνητοῦς εἰσὶν Ἰοτροὶ ἔθνος, καὶ ποταμὸς Ἰοτρος. Οὗτος ὁ ποταμὸς καὶ εἰς τὸν Πόντον ἐκβάλλει ἐν διασκευῇ ὡς εἰς Αἴγυπτον. Παράπλους δὲ τῆς Ἰοτριανῶν χώρας ἡμέρας καὶ νυκτός. Μετά δὲ Ἰοτροῦς Λιβυνοὶ εἰσὶν ἔθνος.... μετὰ δὲ Λιβυνοῦς εἰσὶν Ἰλλυρίων ἔθνος, καὶ παροικοῦσιν οἱ Ἰλλύριοι κατὰ θαλάτταν μέχρι Χαονίας τῆς κατὰ Κέρκυραν τῆν Ἀλκινόου νῆσον (p. 5—6).

свою очередь подтверждаемая мѣстными именами, а также и сношенія Венетовъ Адриатическихъ съ Паннонією и черезъ Паннонію съ Венетами Балтійскими — все это можетъ служить въ-которымъ подтвержденіемъ единоплеменности Венетовъ Адриатическихъ съ Балтійскими: сходство языка, единство происхождения обыкновенно служатъ главнѣйшимъ облегченіемъ и внѣшнихъ международныхъ сношеній¹. И въ позднѣйшее время мы замѣчаемъ у Славянъ какое-то тяготѣніе къ Венеціи, ничего подобнаго не видимъ у Албанцевъ. Два слова Иродота еще не даютъ намъ никакого права утверждать, что Адриатическіе Венеты случайно носили то имя, подъ которымъ слыли Славяне въ Европѣ. Цейссъ заблуждался, думая видѣть различіе въ словахъ *Venedi* и *Venetii* (S. 67 — 68). Шафарикомъ положительно доказано, что эти слова употреблялись безразлично. Нельзя также не замѣтить, что ни Цейссъ, ни тѣмъ болѣе Гротендъ или Форбигеръ не могли быть вполне компетентными судьями въ вопросѣ о томъ, на сколько Венетскія названія могутъ служить въ пользу или противъ Славянизма Венетовъ Адриатическихъ. Они на это даже вовсе не обратили никакого вниманія, и напрасно! Въ области Венетовъ находилась *Gradius* (гавань у Аквилеи); изъ того, что это имя впервые упоминается Павломъ Дьякономъ, еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы оно не было древнимъ, потому что другія, отъ древности дошедшія до насъ мѣстныя названія, также чисто Славянскія: *Tergeste* — трѣгъ, трѣжище; *Belluntum* и *Belluntum* (Βελοῦνον и Βελλοῦνον) — Вельнъ и Волянъ, рѣки — *Plavis* — *Plave*, нынѣ *Piave*, Плава и пр., *Timavus* — тьмавій (нынѣ *Timavo*). Наконецъ нельзя не обра-

1. См. Forbiger — Handb. d. alt. Geogr. — Несторъ — «Иллюрикъ Словѣно» — «Норци, еже суть Словѣне. По многѣхъ же временахъ сѣли суть Словѣни по Дунаеву, гдѣ есть ныне Угорьска земля и Болгарьска. Отъ тѣхъ Словѣнъ разидошася по землѣ и прозвашася имени своими, гдѣ сѣдше на которомъ мѣстѣ...» Богухвалъ — *Scribitur enim in vetustissimis codicibus, quod Pannonia sit mater et origo omnium Slavonicarum nationum.* Шафарикъ. Древн. § 11. 9. Мѣстныя названія въ Панноніи — *Pelso; Tzierna, Дисрва, Tierna; Pathissus; Serbinum, Сѣрбинон, Serbetium. Servitium; Borsovia; Granua; Pelva; Bustrictus* и пр. Страбонъ говоритъ про Аквилею: *Ἀνεῖται ἐμπορεῖον τοῖς περὶ τὸν Ἰστρον τῶν Ἰλλυρικῶν ἔθνεσι· κομίζουσι δ' οὗτοι μὲν τὰ ἐκ θαλάττης, καὶ οἶνον ἐκὶ ξυλίνων πίθων ἀρμαμάξαις ἀναθέντας, καὶ ἑλατον. ἑκείνη δ' ἀνδραπόδα, καὶ βοσκήματα καὶ θέρματα* (p. 214).

тить вниманія и на слѣдующее обстоятельство: помынѣ у Славянъ постоянный эпитетъ моря — синее; въ Латинскомъ же языкѣ *venetus* — означалъ голубой, синій цвѣтъ. (см. Слов. Роберта Стефана: *color venetus (ut ait Vegetius lib. 4. de Re Mil. cap. 34 extr.) caeruleus dicitur, qui color est marinis fluctibus similis.... Hic color etiam thalassicus id est marinus dicitur*). — Оттого-то и партія синихъ въ Римскомъ циркѣ назывались *Venetii*. *Mare Venotum*, было море *синее*; такъ и понынѣ слыветъ у Славянъ море Адриатическое. — Выше мы видѣли, что Страбонъ держался прежде того мнѣнія, что Венеты Адриатическіе пошли отъ Гальскихъ; въ послѣдствіи онъ оставилъ его, потому что убѣдился въ справедливости того мнѣнія, что производило ихъ изъ Шафлагоніи. Однако Страбонъ считалъ его весьма вѣроятнымъ; кромѣ того, изъ словъ его ясно, что и до него существовало такое мнѣніе. Очевидно, что еще въ древности считали Венетовъ Адриатическихъ и Гальскихъ одноплеменниками.

Замѣчательно, что Шафарикъ, совершенно независимо отъ этихъ соображеній, уже признавалъ вѣроятнымъ Славянизмъ Венетовъ Гальскихъ¹. Съ своей стороны не могу не указать на слѣдующія обстоятельства, которыя въ свою очередь подтверждаютъ догадку Суровецкаго и Шафарика, именно, собственные имена князей въ древней Бретани (въ V—VI в. по Р. X.): такъ князь Соломонъ носилъ еще имена *Victric*, *Vitric*, *Quicquel*, *Guitol*, *Witol*; при семъ нельзя не вспомнить и домысла Шафарика о Летахъ въ Галліи, подтверждаемаго по видимому извѣстнымъ замѣчаніемъ Тацита, — *Budic*, *Vindic*, *Budec*, *Budecius*, *Budoix*, *Dubric*, *Debrok*, *Deroch*, — въ первой своей формѣ чисто Славянское²; несомнѣнная едино-

1. Древн. § 11. 12.

2. Шаф. Древн. § 19. 6. § 11. 11. *Hist. de Bretagne, par M. Daru. Paris. 1826. I, 64, 81.* — *Budic*, см. въ Хорв. грам. Кресимира (ок. 1068 г.) — *actum est in Nova civitate his coram testibus Boleslauq, Tera testis... Budic, Postelnic testis.* см. у Луція *De R. Dalm. et Cr. libri sex. Amstelodami. MDCCLXVIII. p. 76.* въ грам. 1069 г. *Budec, Postelnic* (ib. p. 77). Срен. Чешск. *Zbud* и *Zbudek*; также *Богубудъ*, *Будимиръ* и *Будисой*. Тацитъ (Germ. с. XLV): *Ergo jam dextro Suevici maris littore Aestyorum gentes alluuntur; quibus ritus habitusque Suevorum, lingua britannicae propior.*

племенность Венетовъ Гальскихъ съ Британскими также подтверждаетъ догадку объ ихъ Славянскомъ происхожденіи: въ древней Британніи, именно въ области Венетовъ, находились, какъ открывается изъ Путев. имп. Антонина (II или IV в.), слѣдующія мѣстности съ названіями, вполне обличающими Славянское происхождение: *Delgovitia* (= *Delgnitia*), *Sorbioduni* (см. *Sorbiodunum*)¹. Такимъ образомъ и съ этой стороны находятъ себѣ подтвержденіе само по себѣ вѣроятное предположеніе о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ².

Такъ разсѣялось въ авторѣ тяжелое чувство безнадёжности, навѣянное на него словами Шафарика, однажды даже назвавшаго суетнымъ и бесплоднымъ занятіемъ всякое разсмотрѣніе вопроса о Венетахъ Пафлагонскихъ. При ясномъ пониманіи словъ Страбона, Тацита, Плинія, нельзя, кажется, не утверждать, что единоплеменность Венетовъ Адриатическихъ и Пафлагонскихъ окончательно, такъ сказать, приобрѣтена для науки; подтверждая Славянство Венетовъ Пафлагонскихъ, она въ свою очередь разбиваетъ сомнѣнія и недоумѣнія относительно вопроса объ Албанизмѣ Венетовъ Адриатическихъ. Какъ ни убѣжденъ пишущій эти строки въ справедливости своихъ выводовъ, однако высокое уваженіе къ великому нашему ученому, одной изъ блестящихъ современныхъ знаменитостей всего на-

1. Monum. historica Britannica or Materials for the history of Britain from the earliest Period to the end of the reign of king Henry VII. Published by command of her Majesty. MDCCCXLVIII (р. XX—XXII). Смѣю не согласиться съ незабвеннымъ Шафарикомъ, замѣтившимъ, что «позднѣйшія поселенія Славянскихъ Венетовъ въ Батавіи и Британіи не имѣютъ никакой связи съ этими древними Венетами». Венеты Гальскіе, по свидѣтельству Юлія Цезаря, были отличные моряки, слѣд. имѣли полную возможность находиться въ живыхъ сношеніяхъ съ Венетами Балтійскими. Обо всемъ этомъ я буду впрочемъ имѣть случай говорить подробно въ особомъ изслѣдованіи о Славянахъ въ Англіи.

2. Любопытно, что этого мнѣнія держались еще въ старину не только Славяне, но и сами, кажется, Венеціанцы. Такъ въ предисловіи къ изданію Длугоша (1618 г.), посвященномъ Венец. дому: «Principem Historiae Slavicae Dlugossum vobis, o qua sol habitabiles illustrat terras, maximi et liberrimi omnium aetatum orbis terrarum, Veneti adfero et quod ejusdem Venetae gentis et generis pars magna estis; nam majores vestri ex Paphlagonia ad Timavum illyricum amnem nostro Slavico sanguini permixti unam ex duabus gentibus fecere, et quod maximum et liberrimum historicorum non nisi apud maximos et liberrimos lucem aspicere debeat... etc.

шого племени, не позволяеть ему разстаться съ вопросами, — дѣйствительно ли разсмотрѣніе вопроса о Славянскомъ происхожденіи Венетовъ Пафлагонскихъ и въ настоящее время въ глазахъ Шафарика есть занятіе суетное и бесплодное, и что искать Славянъ въ Пафлагоніи все одно, что искать Славянъ въ Индіи, въ ковчегѣ Ноя? — вопросъ о происхожденіи Венетовъ Адриатическихъ остается ли и понынѣ въ его мнѣніи «предметомъ вѣчныхъ гаданій и споровъ ученыхъ изслѣдователей?» — дѣйствительно ли, что и въ настоящее время Венетамъ Арморійскимъ, Адриатическимъ и Пафлагонскимъ не рѣшается Шафарикъ дать подобающее мѣсто въ «святилищѣ предковъ нашихъ?» Увѣренность автора, быть можетъ конечно напрасная, въ вѣрности и справедливости своихъ выводовъ, и его толкованіе, конечно быть можетъ ошибочное, словъ Шафарика (въ изданіи краткаго Житія св. Климента — *pro svou nevšednost a vzácnost, neméně některých míst velikou v historii důležitost*), не даютъ ему права ни смѣло и рѣзко отвѣчать на эти вопросы положительно, ни думать о совершенной бесплодности настоящаго изслѣдованія о Славянахъ въ Малой Азій, если и не относительно данныхъ и соображеній, въ немъ предложенныхъ, то хоть относительно возбужденныхъ въ немъ вопросовъ, которые и могутъ и даже кажется должны вызывать, какъ въ Русской, такъ и въ другихъ Славянскихъ литературахъ, новыхъ, несравненно способнѣйшихъ дѣятелей. Они, безъ сомнѣнія не теряя изъ виду общей исторіи Славянской стихіи въ Малой Азій, преимущественно однако обратятъ свое вниманіе на отдѣльные ея періоды и на частные, весьма важные и необходимые ея вопросы и задачи. Нельзя кажется не отмѣтить въ исторіи Славянской стихіи въ М. Азій нѣсколько весьма различныхъ періодовъ: первый — съ древнѣйшихъ временъ, съ перваго о нихъ (Венетахъ) извѣстія у Омира, до новѣйшей эпохи, до к. V—VI в. по Р. Х., т. е. до перехода Славянъ черезъ Дунай. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ первый періодъ на всегда останется темнымъ; однако нельзя и не надѣяться, что со временемъ, послѣ тщательныхъ розысканій и новыхъ открытій, нѣкоторыя данныя, намеки и соображенія въ состояніи будутъ нѣсколько разсвѣять этотъ первобытный

вракъ и вскрыть нѣсколько тайнъ. Такъ, кажется, еще нельзя безусловно довѣрять словамъ Страбона о томъ, что въ его время (I в. по Р. X.) уже совершенно исчезли Венеты въ Пафлагоніи. Здѣсь представляются изслѣдователю слѣдующіе главнѣйшіе вопросы и задачи: справедливо ли, что Славяне, по выселеніи своемъ въ Европу, должны были долго сохранять воспоминанія и преданія объ Азій, какъ о своей прародинѣ? и чувствовать къ ней какое-то влеченіе или стремленіе, которое непремѣнно заставляло ихъ изыскивать средства для своего удовлетворенія? Для полнѣйшаго и основательнѣйшаго разсмотрѣнія и уясненія этихъ вопросовъ потребуются, смѣю думать, весьма подробныя и точныя изысканія не только въ области Славянскихъ, но и Кельтскихъ, Германскихъ, даже Греческихъ и Римскихъ древностей; для аналогій надо будетъ вникнуть и въ позднѣйшія исторически извѣстные переселенія народовъ, что особенно необходимо по слѣдующему вопросу: справедливо ли, что болѣе или менѣе значительная часть племени Славянскаго, при выселеніи своемъ въ Европу, могла остаться въ Азій, и, оставшись, не могла уже, такъ сказать, не притягивать къ себѣ своихъ Европейскихъ братьевъ, которые въ свою очередь едва ли и безъ того могли не стремиться на востокъ? Также слѣдуетъ, кажется, сообразить всѣ начальныя свѣдѣнія о Венетахъ въ Пафлагоніи съ исторіею М. Азій вообще¹ и разсмотрѣть подробнѣе вопросъ о доступности Чернаго моря, Кавказа и Оракіи для Славянъ Европейскихъ въ древности. Также нельзя, кажется, не поднять снова вопроса о томъ, въ какой именно степени заслуживаетъ вѣроятія странное и довольно загадочное извѣстіе Прусскаго лѣтописца Луки Давида, или лучше епископа Христіана, который заимствовалъ его изъ какихъ-то Римскихъ записокъ, сообщенныхъ ему Ярославомъ, Плоцкимъ пробстомъ въ Мазовіи, извѣстіе о путешествіи въ царствованіе Августа Вионскихъ астрологовъ въ область Венедовъ и Аланъ въ Ливоніи. Они были уроженцами города Салуры въ Вионіи (гдѣ находились города Κεοςъ съ жителями Κεανοί, Διβισσα, и гдѣ, по свидѣтельству краткаго Житія св. Климента, давно когда-то жили Славяне). «Отсюда пере-

1. См. у Грота: *History of Greece*. Third edition. London. 1851. V. III. Ch. XVI.

правившись черезъ море, они пристали къ пустынному краю, не имѣющему постояннаго названія, потому что онъ назывался то Саргатіей, то Гелидой, то Ватиной. Странствуя тамъ и сямъ по этой землѣ, они не могли говорить ни съ однимъ человѣкомъ, пока не пришло къ нимъ изъ Сарматіи нѣсколько Вендовъ, языкъ коихъ, хотя съ трудомъ, однако все же немного понимали»¹.

Второй періодъ: съ VI—VII до XIV в. — до владычества Турецкаго. Здѣсь особенно обратятъ на себя вниманіе: исторія Мало-Азійскихъ провинцій вообще, переходы Славянъ къ Арабамъ, отысканіе Арабскихъ свидѣтельствъ о Славянахъ въ Азій, сношенія Славянъ Русскихъ и Задунайскихъ съ Малою Азіею. Какъ бы въ доказательство того, что еще много можетъ найтись новыхъ извѣстій и данныхъ для исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азій въ этотъ періодъ, позволяю себѣ указать на слѣдующее обстоятельство. Почтенный любитель Сербской старины Верковичъ нашелъ не такъ давно въ Кратовскомъ монастырѣ одинъ любопытный памятникъ относительно раздѣленія монархіи Душана между его вельможами. «Это большой листъ, на которомъ начерчено 8 круговъ; въ каждомъ кругѣ надпись». На верхней части листа, въ третьемъ кругѣ, читаемъ слѣдующую надпись: «*Богданъ мѣжъ искѣснѣ во воинственнѣхъ потребѣхъ ѿдалъ градъ асоокъ в' троади*»². Понимать, сколько мнѣ из-

1. Ни Шафарикъ (Древн. § 8. 12), ни Фойгтъ (Gesch. Preussens. I, 33. 623—624) не отвергли голословно всего этого сказанія. Напротивъ того, первый, сознавая вполне всю его загадочность, замѣтилъ даже: «безразсудно бы было вовсе отвергать это сказаніе, какъ обыкновенную басню». Говорятъ, что въ настоящее время Фойгтъ перемѣнилъ свое мнѣніе; едва ли это что вѣдуть доказываетъ. Здѣсь весьма любопытно то обстоятельство, что Римляне Вѣнскіе нѣсколько понимали Вендовъ. Невольно рождается вопросъ: съ чего, зачѣмъ и для чего выдумывать было Прусскимъ лѣтописцамъ такую странную басню? Считать все это сказаніе отъ начала до конца за чистый вымыселъ просто мнѣ кажется невозможно. Какъ бы въ подтвержденіе подложности этого извѣстія указывали даже на имя Ярославъ (Плоцкаго престо), которое будто бы у Поляковъ никогда не употреблялось. Такое мнѣніе крайне неосновательно: не говоря уже объ Ярославѣ Ласскомъ, укажу на извѣстнаго Гвѣзенскаго архіепископа Ярославъ Скотницкаго († 1372 г.), бывшаго еще ректоромъ въ Боловскомъ университетѣ. Вообще имя это у Поляковъ въ обычаѣ.

2. Изв. II Отд. Акад. Наукъ. Т. VI. Вып. V. С. 400. Городъ Асоокъ есть ничто иное, какъ древній городъ Троады — *Assus*, η' *Assos* (Forbiger: Handb. d. alt.

вѣстно, еще не имѣлось никакихъ свѣдѣній не только о Славянскихъ владѣнiяхъ, но и о Славянскихъ поселенiяхъ въ древней Тroadѣ. Когда и какимъ путемъ приобрѣлъ себѣ Стефанъ Душанъ это владѣнiе, сказать теперь трудно; быть можетъ, оно было уступлено Византiйскимъ дворомъ за какую нибудь услугу или помощь, оказанную Сербамъ Грекамъ, при Милутинѣ и его преемникѣ, или при самомъ Душанѣ, который, твердо задумавъ завоеванiе Цареграда, не могъ не пользоваться всѣми случаями, благоприятствовавшими этой цѣли; а въ этомъ отношенiи для него, конечно, было весьма важно имѣть какую нибудь точку опоры въ Малой Азiи.

Третiй перiодъ: въ Турецкое владычество до настоящаго времени, когда съ преобразованiемъ и разложенiемъ Оттоманской Порты готова настать новая эпоха въ исторiи отношенiй Славянъ къ Малой Азiи. Главнѣйшею задачею въ изслѣдованiи этого перiода представляется путешествiе въ М. Азiю этнографа, близко знакомаго съ языками Турецкимъ, Греческимъ и Славянскимъ, съ цѣлью изучить не только нынѣ имѣющiяся Славянскiя поселенiя въ Малой Азiи, но и вообще христанское и мусульманское ея населенiе, его языкъ, напѣвы, домашнiй бытъ и пр.; такъ какъ, зная многочисленныя Славянскiя поселенiя въ Малой Азiи, не только во второй, но и въ третiй перiодъ

Geogr. II, 142—143). Здѣсь надобно замѣтить, что въ Славянскомъ языкѣ переходъ *с* въ *ц* и *ч* и обратно довольно обыченъ; такъ: *царсти* и *сарсти*, *царпаты* и *сарпаты*, *канселарiя*, *пансырь*, *оприсъ* и *опричь*, *палесъ* и *пальсы*, *черпъ* и *серпъ*, *зычно* и *зысно*, *чвара* и *свара*. Какъ Санскритскiй небный звукъ *ç*, происшедшiй отъ звука *к*, отвѣчаетъ часто въ Греческомъ, Латинскомъ, Кельтскомъ, Германскомъ и Славянскомъ языкахъ звуку *к*, такъ точно и внутри самого Славянскаго языка есть случаи перехода *к* въ *с* и обратно, что впрочемъ облегчалось и переходомъ *с* въ *ц*, *ч* и обратно. Такъ Обл. сл. *ропанъ* и *ропасъ*, *дундукъ* и *дунгусъ* (*г* и *д* мѣняются очень часто: *дла* и *сла* и пр.), *рыбакъ* и *рыбасъ*, *власъ* и *влак-но*, *лакомый* и *ласа*, *ласовать*, *дуракъ*, *дурасить* (*Дурасовъ*), *карманъ* и *сара* (деньги), *келеть* и *селеть*, Овевск. *курebro* — серебро, тетеревъ *лосачъ* и *сосачъ*, *ис Кельстръм* *идеть* (Симб. Сб. Малор. Д. С. 39); Сербск. *заклонити* и *заслонити*:

Бог те здраво и мирно носно

Од душманске руке *заклонио*.

(Сборн. Вука. 2-е изд. III, 393);

авси въслакнѣмъ са и тебѣ славъ и благодаренiе въздаемъ. (Cod. Supr. ed. Miklosich. 282, 21). Срвн. въ Лавр. сп.: «Вротанiю, Сикилiю, Явию, Родока, Хичана» и пр. Такъ и *Ассоокъ* им. *Ассоосъ*.

исторіи отношеній Славянъ къ Малой Азіи (такъ Магометъ II увелъ изъ Сербіи и Босніи около 200,000 жителей и множество изъ нихъ поселилъ въ М. Азіи)¹, нельзя не предполагать, что и понынѣ сохранились въ Мало-Азійскомъ населеніи болѣе или менѣе значительные слѣды переродившихся Славянъ. Вообще, кажется, Малая Азія заслуживаетъ вниманія ученыхъ Русскихъ, какъ въ этнографическомъ, такъ и въ археологическомъ и даже въ экономическомъ отношеніяхъ, ибо эта классическая земля, столь справедливо и издавна привлекающая къ себѣ любознательныхъ ученыхъ, изъ числа коихъ каждый Русскій конечно вспомнить съ признательностію и своихъ замѣчательныхъ соотечественниковъ М. Вронченка и Чихачева, эта классическая земля, столь тщательно изучаемая напр. Англичанами и въ видахъ торговыхъ, экономическихъ, можетъ и даже должна вызывать и насъ Русскихъ на такія же старательныя изысканія, ибо неминуемое дальнѣйшее наши успѣхи на Кавказѣ и столь для насъ желанное и во всякомъ случаѣ необходимое нравственное и социальное возрожденіе Славянъ Турецкихъ все болѣе и болѣе должны сближать Россію и весь міръ Славянскій съ М. Азіею.

Въ заключеніе нельзя не замѣтить, что отношенія Славянъ къ Малой Азіи и въ прошедшемъ и въ будущемъ — предметъ, заслуживающій великаго вниманія, возбуждающій множество самыхъ разнообразныхъ вопросовъ, которые ждутъ и требуютъ своего разрѣшенія главнѣйше, почти исключительно, отъ Русскихъ и вообще Славянъ. Такимъ образомъ, кажется, очевидна тѣсная и неразрывная связь всѣхъ этихъ многочисленныхъ вопросовъ съ двумя другими, изъ коихъ одинъ — о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи — составляетъ предметъ постоянныхъ желаній каждаго Русскаго, а другой — объ изученіи Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и объ умственномъ и литературномъ ея общеніи съ міромъ Славянскимъ — въ глазахъ большинства образованныхъ Русскихъ людей понынѣ представляется какъ бы дѣломъ пустымъ, ничтожнымъ и не стоящимъ почти никакого вниманія.

1. Zinkeisen (Joh. Wilh.) *Gesch. d. Osm. Reiches in Europa*. Gotha. 1855. II, 177.

СЛАВЯНЕ ВЪ АФРИКѢ.

II. Если и до новѣйшаго времени наши южные единоплеменники — Босняки, Черногорцы и другіе, вмѣстѣ съ Албанцами, играли въ Египтѣ не незначительную роль и пользовались тамъ немаловажнымъ значеніемъ¹, то понятно, что Славяне не могли не имѣть гораздо ближайшихъ сношеній съ

1. Такъ извѣстный нашъ путешественникъ Е. П. Ковалевскій въ любопытномъ сочиненіи своемъ («Путешествіе во внутр. Африку. Спб. 1849), при описаніи поѣздки своей на Джебель-Дуль, рассказываетъ о встрѣчѣ своей съ однимъ Черногорцемъ, состоявшимъ на службѣ у паши Египетскаго. «Вскорѣ изъ за горы показалась толпа всадниковъ, въ богатыхъ Албанскихъ платьяхъ; за ними вѣскольکو Негровъ скороходовъ; впереди два лихихъ вѣздкина, на прекрасныхъ Арабскихъ лошадяхъ. Это былъ Османъ бей, начальникъ крѣпости, и Омаръ ага, начальникъ Арнаутовъ, составлявшихъ гарнизонъ въ крѣпости. Они отяжелѣли, опустились въ праздности. Гарнизонъ вымираетъ на половину въ годъ и окончательно въ два года. Старые Албанцы почти всѣ поумерли: жажетса, того и хотѣло правительство, пославшее ихъ сюда. Они часто беспокоили его не слишкомъ деликатными требованіями своего жалованья. Новобранцы отовсюду: это уже дѣло начальниковъ Арнаутовъ: не станеть у нихъ людей, — отнять власть, а съ нею и жалованье. За то Омаръ-ага и не разборчивъ ни въ выборѣ людей, ни въ употребленіи средствъ. Тутъ у него и Татаринъ, бѣжавшій съ Прута, и Боснякъ, и Далматинецъ; тутъ и Сербъ, и Черногорецъ, и Турокъ, и Грекъ, большая часть бѣжавшіе отъ разныхъ преслѣдованій изъ своего отечества или сорвавшихся съ висѣлицы. Но Омаръ-ага, тотъ самый Омаръ-ага, который, по словамъ Шлечера, въ присутствіи гостей, за обѣдомъ, застрѣлывалъ генералъ-губернатора Судана, по приказанію вице-короля, Омаръ-ага, родившійся на границахъ Черногоріи и Албаніи, совершенный типъ этихъ земель, родственныхъ между собою не по одному костюму обитателей, — рѣшительный, отважный, веселый, не смотря на свое горькое положеніе въ этой политической ссылкѣ, выпивавшій по штофу водки за обѣдомъ и по штофу за ужиномъ, Омаръ-ага живо напоминалъ собою старыхъ моихъ пріятелей; многихъ зналъ онъ лично и говорилъ объ нихъ съ увлеченіемъ.... говорилъ о четѣ побратимствъ, о голыхъ утесахъ своей страны, о Скутари, который называлъ Скадромъ, какъ и всѣ мы называли его въ-когда, о владыкѣ, о нашихъ экспедиціяхъ.... О, какое счастливое то было время! Тогда мнѣ было 23 лѣтъ, а владыкѣ Черногорскому 21; тогда мы смѣло стремились къ цѣли, смѣло вѣрвали въ Славянское авось, и это авось слѣпо служило намъ....» (Ч. II, стр. 72—73). Въ другомъ мѣстѣ упоминаетъ авторъ 'объ одномъ отрядѣ изъ ста приблизительно человекъ регулярной и національной кавалеріи. Последняя была червая, первая — бѣлая, пестрѣвшая самыми разнообразными костюмами. «Тутъ былъ Албанецъ, Боснякъ, Черкесъ, Эпирецъ, Турокъ, Черногорецъ, всѣ въ своихъ національныхъ нарядахъ, иногда дополненныхъ предметами посторонними, пришедшимися имъ по вкусу. Это была регулярная кавалеріа». (Ч. II, с. 14).

Египтомъ, съ Африкою, въ прежнія времена, до владычествъ Турецкаго и Нѣмецкаго, во времена цвѣтушаго состоянія Дубровника и другихъ юго-Славянскихъ общинъ Адриатическаго поморья, и даже задолго до этого времени, — тогда ли, какъ смѣлые и отважные Неречане наводили страхъ и грозу на Венеціанъ, не щадили и своихъ соплеменниковъ, слѣдовательно съ начала IX до конца XV.; тогда ли, какъ Хорваты со множествомъ судовъ ходили въ Апулію, на городъ Сипонтъ, къ берегамъ Беневентскимъ, слѣдовательно еще въ VII в.; тогда ли, какъ, по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, быть можетъ нѣсколько преувеличенному, но въ основѣ своей все таки справедливому, Хорваты имѣли до 60,000 конницы и до 100,000 пѣхоты, 80 кораблей, въ каждомъ по 40 человекъ, 100 гондолъ или лодокъ въ 20 и 10 человекъ, слѣд. въ X. в.; тогда ли какъ въ XI, XII и слѣд. вѣкахъ, когда морскія силы Дубровника все возрастали, а торговля связи расширялись, — тогда ли наконецъ, какъ Египетъ находился въ цвѣтушемъ состояніи, въ лучшія времена господства надъ нимъ Арабовъ, которые завоевали Египетъ ок. 640 г. и къ которымъ въ Азію уже не разъ передавались Славяне, иногда весьма значительными массами, давая побѣду своимъ Мусульманскимъ союзникамъ, какъ напр. то видѣли мы въ статьѣ о Славянахъ въ М. Азіи. — Географическое положеніе, морскія силы, отвага и предприимчивость, рано, еще въ VII в., выказанныя Славянами Адриатическими, заставляютъ предполагать весьма раннее появленіе Славянской стихіи въ Африкѣ, тѣмъ болѣе, что Славянское поселеніе въ Сиріи, частые переходы Славянъ Азійскихъ на сторону Арабовъ въ Азію, тѣсныя и непрерывныя связи Арабовъ Африканскихъ съ Азійскими легко наводятъ на мысль, что Славяне Азійскіе переходили въ послѣдствіи и въ Африку и такимъ образомъ послужили посредниками въ сношеніяхъ сихъ послѣднихъ съ ихъ соплеменниками Адриатическими.

Какъ ни ничтожны по видимому тѣ данныя, которыми авторъ располагаетъ въ настоящее время относительно Славянъ въ Африкѣ, тѣмъ не менѣе онъ рѣшается ихъ представить читателямъ, въ надеждѣ возбудить вопросъ и вызвать другихъ изслѣдователей, поиски которыхъ не пропадутъ даромъ, какъ

то можно смѣло надѣяться и при ничтожныхъ теперешнихъ свѣдѣнiяхъ.

Въ IX, X в. и даже гораздо позже, какъ Венециане, такъ и Славяне Адриатическіе, вѣроятно въ особенности Перечане, вели постыдную торговлю военноплѣнными и рабами¹. Этотъ живой человѣческой товаръ шелъ въ Африку изъ Испанiи черезъ Франковъ и съ Адриатическаго моря. Славянскіе рабы и внуки были весьма цѣнными Сарацынами. Находясь во множествѣ, достигая важныхъ мѣстъ въ государствѣ, эти люди безъ сомнѣнiя сохраня-

1. См. Reinaud: *Invasions des Sarrazins en France, et de France en Savoie, en Piémont et dans la Suisse, pendant le 8-e, 9-e et 10-e siècles de notre ère, d'après les auteurs chrétiens et mahométans* par M. Reinaud. Paris. 1836. p. 233. Также Tafel und Thomas: *Urkunden zur älteren Handels u. Staatsgesch. d. Republik Venedig mit besonderer Beziehung auf Byzanz u. die Levante*. 1856. T. I. № VII. — «Quo tempore (876) mercatores Veneti lucri cupidī a piratis et latrunculis mancipia comparabant, et transfretantes de eis commercium faciebant. Cui manifesto facinori Duces obviare dispositi una cum clero et populo Venetiarum pie decreverunt, ne quis de mancipiis commercium faciat, vel in navibus recipiat, imponentes graves poenas contrafacientibus». (Andr. Dand. у Муратори. Scr. XII, p. 186). Этотъ декретъ въ послѣдствіи времени былъ нѣсколько разъ возобновляемъ. См. Tafel etc. № XII, XIII именно въ 945 и 960 г. Вотъ нѣкоторые мѣста изъ грамоты 960 г. (XIII): «omnes pariter statuentes statuimus et firmiter confirmamus, ut nullus major aut minor mancipia ad venundandum emere non debeat, nec aliquis precium ad suos emptorios dare debeat propter mancipia comparanda aut venundata, quia gravissimum malum est. — Item praecipimus, ut, quicumque in navibus nostris nauclerus fuerit, nullatenus debeat in navi sua levare mancipia, neque de Venetia, neque de Histria, neque de Dalmatia, neque de aliis locis per nullum ingenium, nec etiam aliquis hominem negociantem vel Judeum in navi sua levare non debeat. — Item statuentes statuimus, ut nullus Veneticus suum precium ad quemlibet Grecum hominem dare debeat, unde mancipia emant. Et nullus Veneticus audeat ultra Polam mancipia detransportare, neque in terram Grecorum, neque in nullis locis ea donare, exceptio, si acciderit, ut de sua captivitate se redimere debeat, aut pro tali causa, unde dampnum aderescat in patria, aut pro causa palatii. — Similiter autem statuentes statuimus, ut nullus Veneticus de quolibet Greco homine vel terra Beneventi, aut de aliis locis precium tollere presumat propter mancipia illuc portanda. — Нѣтъ сомнѣнiя, что Венециане доставляли рабовъ и Сарацынамъ. См. Tafel etc. № XIV. Въ 971 г. воспрещено было «arma in Saracenorum terras ad venundandum portare, aut lignamen ad naves faciendum, quae ad damnitatem possent esse populo christiano, non loricas, non clypeos, non spatias, vel lanceas, neque alia arma, cum quibus percutere possint christianos nisi tantum portent arma, cum quibus se defendere possint ab inimicis, et illa nullo modo vendere barbaris nec donare». Эти рабы по преимуществу конечно были Славяне. Такъ Ибнъ-Хаукаль говоритъ про Славянскихъ рабовъ въ Кнѣжѣ: «On y envoie aussi de jeunes et beaux esclaves européens, de l'ambre, de la

ли долго свою народность и весьма облегчали сношенія Арабовъ съ соплеменниками своими, которыми тѣ и безъ того дорожили, какъ то доказываютъ переходы Славянъ Азіійскихъ къ Арабамъ, слова знаменитаго географа аль-Бекри: «Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre de races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête», или слова Иродота Арабскаго Массуди († 956 г.) — «Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnait

soie, des vêtements en drap de laine très-fine, des parures, des jupes de laine, des tapis, du fer, du plomb, du vif-argent, des eunuques tirés du pays des nègres et de celui des Esclavons (Journ. Asiat. 1842. Mars. p. 281). Тотъ же географъ, въ другомъ мѣстѣ, рассказываетъ, что Славянскіе рабы и енуки были предметомъ отпускной торговли изъ Испаніи въ Африку. Привожу его слова въ переводѣ Гаянгоа: «The commodities which traders generally export from Andalus and bring to Maghreb, Egypt and other Mohammedan countries, are amber, saffron, gold, silver, lead, iron, quicksilver, seal-skins, raw and manufactured silks, and, above all things, male and female slaves taken in war with the Franks and Galicians, besides Slavonian eunuchs, who are very much esteemed. These are brought from the country of the Franks, where they are castrated, and bought by Jewish merchants» (The History of the Mohammedan Dynasties in Spain... by Ahmed Ibn-Mohammed Al-Makkari... translated from the copies in the library of the British Museum, and illustrated with critical notes on the hist., geogr. and antiquities of Spain, by Pascual de Gayangos. In two volumes. London. MDCCCXL—L. in fol. I, 380—381). Въ Верденѣ былъ родъ завода, гдѣ исключительно занимались этою промышленностью на счетъ Славянскихъ плѣнниковъ, захваченныхъ Франками въ ихъ войнахъ со Славянами. Лиутпрандъ говоритъ: «Carnatium autem Graeci vocant, amputatis virilibus, et virga puerum eunuchum: quos Verdunenses mercatores ob immensum lucrum facere solent et in Hispaniam ducere». (Murat. t. II. p. 1. Liutpr. Hist. c. III. p. 470). См. также De-guignes: Mémoires de l'Académie des Inscriptions. t. XXXVII, p. 483. Аль-Маккари приводитъ любопытное мѣсто аль-Карави (Катибъ Ибрагимъ Ибну-ль-касимъ-аль-Карави). Упомянувъ о Франкахъ, какъ о самомъ сильномъ и опасномъ сосѣдѣ Мусульманъ Испанскихъ, аль-Карави продолжаетъ: «Они (Франки) ведутъ войны съ однимъ народомъ, съ ними сосѣднимъ, отъ коего они отличаются и образомъ жизни и вѣрою (in manners a. religion; то Славяне (Slavonians), на землю которыхъ падаютъ Франки, и уводя съ собою плѣнниковъ, продаютъ ихъ въ Андалузію, гдѣ они встрѣчаются въ большомъ количествѣ (where they are to be found in great number). Франки искусно дѣлаютъ изъ нихъ енуковъ и уводятъ ихъ въ замки и въ другія безопасныя мѣста въ своей странѣ или къ мусульманскимъ предѣламъ, куда купцы Андалузскіе приходятъ ихъ покупать, чтобы перепродать ихъ потомъ въ другія страны. Однако некоторые изъ Мусульманъ, жмущіе въ этихъ краяхъ (пограничныхъ), уже научились этому искусству отъ Франковъ, и теперь такъ же чисто работаютъ какъ и они». (Gayang. I, 75).

*

entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace». Очевидно, Арабы цѣнили Славянъ и высоко уважали ихъ храбрость, энергію и предприимчивость. По этому-то и Африканскіе Арабы не могли не принимать къ себѣ Славянъ Адриатическихъ, которые могли завязать довольно тѣсныя связи со Славянами Азійскими, переходившими, какъ въ высшей степени вѣроятно, и къ Арабамъ въ Африку. Наконецъ въ Африкѣ находилось много Славянъ евнуховъ и рабовъ, которые, конечно, норовили своимъ землякамъ и соплеменникамъ, добровольно перебѣгавшимъ къ Арабамъ въ Африку и вступавшимъ къ нимъ на службу, точно такъ же, какъ Русскіе невольники въ Хивѣ, Бухарѣ, Ташкентѣ и Коканѣ норовили и дружили всегда и тѣмъ Русскимъ бѣглымъ и гуляющимъ людямъ, что добровольно заходили въ тѣ края. Существуетъ слѣдующее извѣстіе Ибнъ-Хаукала о Славянахъ въ Сициліи, именно при описаніи гор. Палермо — «Située sur les bords de la mer du côté du nord, Palerme se divise en cinq quartiers, très distincts entre eux, quoique peu éloignés l'un de l'autre. Le premier est la cité principale, proprement dite Palerme, entourée d'une muraille de pierre très élevée et formidable. Ce quartier est le séjour des marchands.... L'autre cité nommée Khalessah a aussi sa muraille bâtie en pierre, mais différente de la première. La Khalessah est le séjour du Sultan et de sa suite, on n'y voit ni marchés, ni magasins de marchandises, mais des bains, une mosquée du Vendredi de grandeur moyenne, la prison du Sultan, l'arsenal et la bureau des administrations. Cette cité a quatre portes du côté du midi, et du côté de l'est, du nord et de l'ouest, la mer et une muraille sans portes.

Le quartier appelé Sacalibah est plus peuplé et plus considérable que les deux cités dont je fais mention. Ici est le port maritime. Des ruisseaux coulent entre ce quartier et la cité principale, et les eaux servent de division entre l'un et l'autre.

Le quartier de la mosquée, qui prend son nom de la mosquée dite d'Ibn Saclab, est considérable aussi. Les cours d'eau y manquent tout à fait, et les habitants boivent d'eau des puits»... и вѣсколь-ко ниже: «Le quartier Sacalibah n'est entouré d'aucune muraille. «Les plus grands marchés, tels que celui de tous les vendeurs d'huile, se trouvent entre la mosquée d'Ibn Saclab et le quartier El. Jadid».

(См. Journ. Asiat. 1845. Janvier. — Description de Palerme à la moitié du X siècle de l'ère vulgaire, par Ebn. Naucal, traduite par Michel Amari. p. 92 — 93).

Изъ этого свидѣтельства несомнѣнно открывается, что въ X в. Славянь въ Палермо жило не малое количество, ибо по остроумному и основательному расчету Амари въ то время городъ этотъ былъ вдвое населеннѣе, чѣмъ въ настоящее время, т. е. въ немъ было около 300 тыс. жителей, а Славяне (по Арабски — Славянинъ *Саклаби* и во множ. *Сакалиба*) занимали цѣлый кварталъ, который и носилъ потому названіе Славянскаго. Славянскій кварталъ, въ Палермо былъ самый населенный и самый значительный; жили по всей вѣроятности Славяне и въ другомъ кварталѣ, носившемъ свое названіе отъ мечети *Сына Славнина* — Ибн-Саклабъ. Онъ тоже былъ довольно значительнъ. Амари говоритъ въ одномъ изъ своихъ примѣчаній: «Названіе *Сакалиба*, данное одному изъ главныхъ кварталовъ города, доказываетъ, что онъ былъ населенъ большимъ количествомъ Славянь (*des Esclavons*). Мы знаемъ, что Славянинъ Масулъ прибылъ изъ Африки въ Сицилію въ 312 г. (924 и 925 до Р. X.), и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳи, а черезъ четыре года спустя, Сарб-аль-Саклаби (*l'Esclavon*) привелъ въ Африку, а оттуда въ Сицилію тридцать кораблей славянскихъ корсаровъ (*trente vaisseaux de corsaires esclavons*). Эмиръ Сицилійскій Салем-эбн-Ассадъ или эбн-Рашидъ, присоединивъ ихъ къ своему флоту, грабилъ и разорялъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Калабрію, Сардинію и Геную. Послѣ каждаго похода онъ входилъ въ Палермо; союзники его вѣроятно и поселились наконецъ въ этомъ городѣ, близъ гавани¹». Предположенія Амари не отвергаемъ вовсе, однако и не можемъ принимать его безусловно, такъ какъ въ Палермо могли жить и другіе Славяне. Дегинъ, еще въ 1791 г. сообщилъ весьма любопытное замѣчаніе, которое, сколько мнѣ извѣстно, еще не

1. Ce quartier, — продолжаетъ Амари, — était déjà entouré de murailles au temps d'Hugo Falcan, et on l'appelait aussi *Transpapiretum*, à cause de sa position au delà du ruisseau Papireto. Le nom de Sacalibah, défiguré dans les mots de *seralcadi*, *sebalcar*, *cibalcar*, a donné lieu à d'étranges étymologies dans lesquelles s'égara le P. Morso. (Palermo antico. Palerme, 1827). Ibid. p. 104—105.

было окончательно подтверждено изданиемъ подлинныхъ свидѣтельствъ. Вотъ слова Дегиня: «*rap nos lectures de quelques manuscrits Africains nous avons été convaincus qu'il y avait en Afrique des villages habités par des Esclavons ou Seclab (Сиклабъ тоже множ. ч. отъ Саклаби, какъ и Сакалиба) ce qui est assez singulier. Il parait que ces Seclab faisaient des courses en Sicile jusqu'à l'an 951. Nous apprenons par cette même Chronique qu'un autre Seklab passe d'Afrique en Sicile avec une armée nombreuse de terre et de mer et des chameaux¹». Un autre Seklab — подъ первымъ Дегинь разумѣтъ Славянина Массуда, 924 г.*

Хотя, повторяю, я и не знаю подлинныхъ свидѣтельствъ современныхъ о Славянскихъ поселеніяхъ въ Африкѣ, однако не вижу никакой необходимости не довѣрять въ этомъ случаѣ словамъ Дегиня: въ нихъ нѣтъ ничего невѣроятнаго; притомъ Дегиню не было никакой надобности выдумывать такого извѣстія. Смѣю думать, что въ настоящее время, когда сокровища богатой Арабской литературы еще во множествѣ лежатъ въ рукописяхъ, и когда къ сожалѣнію Славяне почти вовсе не имѣютъ такихъ Арабистовъ, которые бы обратили исключи-

1. Le Journal des savants, MDCCLXXXI. Рецензія Дегиня на изд. *Regum Arabicarum quae ad historiam spectant ampla Collectio opera et studio Rosarii Gregorio Eccl. Panorm. Canonici et Regii juris publici Siculi professoris etc. Panormi. MDCCXC. 1 vol. in-fol.* При разборѣ этого изданія и изложенія содержанія этого замѣчательнаго собранія Арабскихъ источниковъ, Дегинь между прочимъ останавливается на слѣдующемъ памятникѣ: *Chronicon Siciliae, déjà imprimé d'après un manuscrit de la bibliothèque de Cambridge par Carusius, en Arabe et en Latin.* Mais dans cette nouvelle édition on a revu et corrigé le texte. Далѣе продолжаетъ Дегинь объ этомъ же памятникѣ: «On ignore quel est le nom de l'auteur de la Chronique de Sicile appelée Chronique de Cambridge. Cave et quelques autres ont cru que cette Chronique était l'ouvrage d'Eutychius, patriarche d'Alexandrie dont nous avons des Annales. Eutychius est mort l'an 950 de I. C. M. Gregorio pens que l'auteur de cette Chronique était un Mahométan né en Sicile: en effet cet écrivain parait avoir parfaitement connu cette île par la manière dont il on parle, de plus en comptant les années il se conforme à l'usage des Siciliens et non pas à celui de l'église d'Alexandrie». Лѣтопись начинается съ 827 г. и продолжается до 968 г. по Р. X. «A l'an 924 l'auteur Arabe dit qu'un personnage nommé *Saklabi* vint d'Afrique et s'empara en Sicile de la forteresse de S-te Agathe. Ce nom, comme le remarque Mr. Gregorio, a été pris par Carusius pour un nom de charge, mais il observe qu'il désigne ici un nom de nation c. à d. un Esclavon; pour confirmer cette assertion de l'éditeur, nous croyons devoir ajouter ici que par nos lectures de quelques manuscrits Africains и пр. См. выше въ текстѣ нашемъ.

тельное вниманіе на рукописные источники Арабскіе съ цѣлю собрать и свести всѣ имѣющіяся въ нихъ свѣдѣнія о Славянахъ, въ настоящее время смѣло можно утверждать, что извѣстіе Дегиня не только будетъ оправдано, но и значительно распространено и точнѣе опредѣлено; тогда мы узнаемъ, къ какому именно времени относятся эти поселенія Славянскія въ Африкѣ и пр., на что теперь при отсутствіи Славянскихъ Катрмеровъ, Френовъ и Дози, мы напрасно будемъ ждать отвѣтовъ¹.

Одна изъ знаменитостей ученой Франціи, недавно кончившій свою жизнь, Катрмеръ въ своемъ жизнеописаніи халифа Фатимидскаго Моэз-лидин-Аллаха (952 — 972 г.), сообщилъ между прочимъ слѣдующее любопытное извѣстіе: «Объ этомъ государѣ рассказываютъ одинъ замѣчательный случай, который даетъ достаточное понятіе объ энергіи его характера. Два Славянина (Esclavons) Кансаръ и Молаферъ пользовались величайшими милостями Халифа Мансура. Молаферъ, основываясь на томъ, что Моэзъ въ дѣтствѣ учился у него письму (les principes de l'écriture), обращался съ этимъ государемъ весьма надменно. Однажды, въ минуту гнѣва, онъ произнесъ одно Славянское слово (un mot esclavon), которое, какъ показалось Моэзу, имѣло ругательное значеніе; но считая неприличнымъ прибѣгать къ вопросамъ о подобныхъ вещахъ, онъ обратился къ изученію языковъ. Онъ сталъ основательно изучать языкъ Берберскій, потомъ Греческій, Негритянскій и приобрѣлъ одинаковый навыкъ и въ томъ и въ другомъ; тогда онъ занялся языкомъ Славян-

---

1. Въ извѣстныхъ имъ описаніяхъ Ибнъ-Хаукала, Аль-Бекри (XI в.) я не нашелъ прямыхъ указаній на поселенія Славянскія. См. Journ. Asiat. 1842. Mars Description de l'Afrique, par Ибн-Хаукал, trad. de l'arabe par M. le baron Mac Guekia de Slane. Не могу однако не указать здѣсь на одно замѣчаніе аль-Бекри (Notices et man. XII. p. 450) про городъ *Cops*: «Sort est une grande ville, située sur le rivage de la mer, environnée d'une muraille de brique, et renfermant une mosquée djami, des bains et des marchés. Elle a trois portes... Les habitants du Sort sont des hommes beaux et bien faits, mais avec lesquels on ne peut avoir que des relations commerciales d'une nature désagréable: ils ne vendent et n'achètent que suivant un tarif qu'ils ont fixé entre eux, et dont ils ne s'écartent pas» . . . «Les habitants de Sort parlent entre eux un jargon qui ne ressemble ni à l'Arabe, ni au Persan, ni au Berbère, ni au Copte» (ib. p. 451). «De Sort à Tarabolos on compte dix journées de marches».

скимъ (alors il s'occupe de la langue esclavonne). Въ продолженіи своего труда онъ повстрѣчался съ тѣмъ словомъ, которое возбудило въ немъ подозрѣніе и онъ убѣдился наконецъ, что оно выражало грубую обиду; тогда ни медля онъ приказалъ умертвить Модафера»¹.

Этому чисто восточному сказанію разумѣется буквально довѣрять нельзя; очень вѣроятно, что халифъ зналъ и Греческій, и Берберскій и др. языки, но безъ сомнѣнія онъ учился имъ вовсе не для того, чтобы узнать значеніе того *крѣпкого слова*, которымъ по своему Славянскому обычаю отвелъ себѣ Душу Модаферъ. Очень вѣроятно, что мстительный, гордый Арабъ постарался выучиться даже для этого понимать по Славянски, чтобы законно отомстить своему врагу, но конечно для того ему не нужно было прежде изучать языковъ Греческаго, Берберскаго и проч. Тѣмъ не менѣе по видимому незначительный анекдотъ этотъ весьма важенъ, ибо даетъ право заключать намъ, въ соображеніи съ вышеприведенными извѣстіями объ отношеніяхъ Славянъ къ Африкѣ, что 1) Славяне въ X в. при дворѣ халифовъ въ Африкѣ пользовались великимъ значеніемъ. 2) Славяне воспитывались по всей вѣроятности въ мусульманствѣ, и по крайности въ совершенствѣ владѣли Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ: ибо человѣку малограмотному, притомъ природному Славянину, въ противномъ случаѣ не было бы поручено ученіе Мооза. 3) Будучи образованы по Арабски, Славяне въ Африкѣ, въ X в. сохраняли крѣпко свою народность, оставались Славянами, подобно тому, какъ Болгары и Босняки мусульмане сохраняютъ свою народность. Арабы не считали ихъ вполне своими, Арабами, а называли ихъ Славянами. Притомъ же въ глубокой истинѣ того филологическаго наблюденія нельзя кажется сомнѣваться, что человѣкъ, владѣющій въ совершенствѣ двумя или нѣсколькими языками, считаетъ и бранится на томъ языкѣ, который ему ближе, природнѣе. Славянинъ Модаферъ въ минуту гнѣва загнулъ халифу крѣпкое слово Славянское не потому, что «Сорочинъ

1. Катрмеръ въ ссылкѣ при этомъ указываетъ на *Makrizi — Description de l'Egypte*, t. I. fol. 289. См. Journ. Asiat. 1837. Février. p. 207.

долгополоый» его не понималъ, что обнаружилъ бы въ Модаферѣ расчетъ, разсужденіе, которое покидаетъ человѣка въ гнѣвъ, — dans un mouvement de colère il prononça un mot esclavon. 3) Славяне непремѣнно должны были появиться въ Африкѣ гораздо раньше X вѣка. Явленіе Модафера, природнаго Славянина, въ совершенствѣ владѣющаго Арабскимъ языкомъ, какъ изустнымъ, такъ и письменнымъ, конечно было приготовлено другими событіями, прежними переходами Славянъ въ Африку. 4) Примѣръ Модафера доказываетъ, что Славяне зазнавались въ Африкѣ, а иностранцы въ той или другой странѣ зазнаются, когда, оказавъ ей дѣйствительныя услуги, приобрѣтаютъ въ ней значительное вліяніе; пользуясь имъ, стремятся къ большому и опираютъ свои притязанія не только на дѣйствительныхъ, но и на мнимыхъ заслугахъ, которыя они потомъ всячески преувеличиваютъ. Очевидно, Модаферъ зазнался не только своими личными, но и своими народными заслугами.

Извѣстно, что Арабы питали первое время сильное отвращеніе къ морю¹, почему и понятно, что первые ихъ флоты состояли изъ иностранцевъ и ренегатовъ².

По собственному признанію самихъ Арабовъ (см. выписки изъ Ибн-Халдуна у Гаангоса), первыми учителями ихъ въ искусствѣ мореплаванія были иностранцы, которые принимали исламизмъ и вступали къ нимъ во флотъ.

Конечно эти ренегаты бывали всѣхъ націй — и Греки, и Итальянцы.

Бывали ли между ними и Славяне?

Если вспомнимъ, что многія вѣтви Славянъ Греческихъ и Иллирійскихъ въ VII, VIII в. и даже гораздо позже еще не

1. Reinaud: Invas. des Sarraz. en France. p. 64: «quelques docteurs sont allés jusqu'à dire que, des l'instant qu'un homme s'est décidé plusieurs fois à se mettre en mer, il peut être considéré comme étant privé de son bon sens, et comme n'étant plus recevable à faire admettre son témoignage en justice». См. также Reinaud: Extraits d'aut. arab. relat. aux guerres des Croisades. Paris. 1829. p. 370 et 476.

2. Invas. des Sarraz. p. 65. Когда Арабы завоевали Сирію, Египетъ и Африку и овладѣли портами Тира, Сидона, Александріи и Карфагена, тогда обзавелись они и флотомъ: «il était naturel, — говоритъ Рено, — que les renégats et les aventuriers de tous les pays leur donnassent l'idée de se livrer à des expéditions maritimes». См. Ибн-Халдуна у Gayangos. I, p. XXXIII etc. App. B.

принимали христіанства, тогда какъ Греки, Итальянцы всѣ уже были христіане; если припомнимъ переселенія съ VII в., а вѣроятно и раньше, Славянъ въ М. Азію, многочисленныя ихъ тамъ колоніи (въ VII и VIII в.), переселеніе въ VII в. въ Сирію пяти тысячъ Славянъ, отдавшихъся подъ покровительство Арабовъ, частые переходы Славянъ М. Азіійскихъ на сторону послѣднихъ во время ихъ войнъ съ Византійцами, то ясно поймемъ, что въ числѣ иностранцевъ, состоявшихъ вообще на службѣ у Арабовъ, Славянъ было гораздо болѣе, нежели наприм. Грековъ, Итальянцевъ и Нѣмцевъ. — Припомнимъ же, что еще въ VII в. Славяне являются заправскими, лихими моряками и даютъ себя знать и въ Бѣломъ и въ Синемъ Моряхъ (въ Архипелагѣ и въ Адриатикѣ), мы рѣшительно согласимся бы съ тѣмъ, кто сталъ бы на предложенный вопросъ отвѣчать утвердительно.

Такъ какъ при возможности двухъ отвѣтовъ на вопросъ, надо всегда избирать болѣе вѣроятный, то мы и не расквашаемся въ томъ, что предпочли отвѣтъ положительный.

Когда Славяне возстали противъ Грековъ и осадили Патры въ 802 — 811 г., то при осадѣ имъ помогали Афы и Сарацыны. — Очевидно, что Славяне, переходившіе къ Арабамъ и не терявшіе своей народности, а съ нею и своихъ сношеній съ своими соплеменниками, были виновниками этого союза. Такъ какъ, сколько мнѣ извѣстно, безъ флота Афрамъ и Сарацынамъ проникнуть въ Морею было невозможно, то и слѣдуетъ предполагать, что во флотѣ Африкано-Арабскомъ еще въ началѣ IX в. служили Славяне.

Въ Палермо по свидѣтельству Иби-Хаукала (X в.) изъ пяти кварталовъ два населены были Славянами. Одинъ изъ нихъ, кварталъ Славянскій, былъ почти самый населенный и самый значительный. *Здѣсь была морской портъ.* Очевидно, что Славяне въ Палермо были моряки.

Есть извѣстіе, что Славянинъ Масудъ въ 924 — 5 г. прибылъ изъ Африки въ Сицилію и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳи. Кажется не безразсудно предположить, что начальство надъ войскомъ и надъ судами Арабы не вручили бы Славянину, если бы его подначальные люди не были бы преимущественно

изъ Славянъ. Въ 928—9 г. Сароб-аль-Саклаби (Славянинъ — не *Сербъ* ли?) привелъ въ Африку, и оттуда въ Сицилію 30 судовъ Славянскихъ морсаровъ. Эмиръ Сицилійскій, Салем-эбн-Ассадъ или эбн-Рашидъ, присоединилъ ихъ къ своему флоту, въ которомъ тоже могли быть Славяне и съ ними раззорялъ и грабилъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ Калабрию, Сардинію и Геную.

Если Славяне служили во флотѣ Африкано-Арабскомъ и принимали такое участіе въ морскихъ походахъ Сарацынъ не только въ нач. IX в., но и въ X в., когда уже Арабы привыкли къ морю и уже болѣе его не боялись, то въ VIII или VII в., когда еще къ нему они не привыкли, Славяне и подавно должны были служить во флотѣ Арабскомъ.

Есть извѣстіе, что при родоначальникѣ Омаядовъ Испанскихъ, Абдуррахманъ (+ 788 г.) въ 777 г. Бен-Габиб-аль-Саклаби (т. е. Славянинъ) прибылъ изъ Африки въ Испанію, чтобы снова подчинить халифамъ это королевство. Селимъ, правитель Барселоны, выпелъ къ нему на встрѣчу и не далъ ему времени укрѣпиться. Между тѣмъ Абдуррахманъ, чтобы отнять отъ него всякую надежду на спасеніе, сжегъ его флотъ, который онъ привелъ съ собою. Саклаби въ отчаяніи ушелъ въ горы, гдѣ и погибъ¹. И такъ Славянинъ начальствуетъ флотомъ Африкано-Арабскимъ въ VIII в.; весьма вѣроятно, что подъ начальствомъ Славянина Габиба состояло не малое количество Славянъ. Такое обстоятельство впрочемъ не должно удивлять читателя, знающаго Славянское происхожденіе императора Юстиніана, его полководцевъ Велисарія, Доброгоста, Всегорда, патріарха Цареградскаго Никиту, поселенія Славянъ въ М. Азій,

1. Cardonne: Histoire de l'Afrique et de l'Espagne sous la domination des Arabes. Paris. MDCCLXV. I. p. 204—208. Кардонъ пишетъ Ben-Habib el-Saklebi. Coude: Historia de la dominacion de los Arabes en España. Paris. 1840. p. 95—96. «Al principio del año 181 (768), — говоритъ Конде, — sportaron cerca de Tortosa diez barcos con el candillo *Abdala Ben Habib el Sekelebi* etc. Мнѣ очень хорошо извѣстно значеніе Конде въ наукѣ и то довѣріе, котораго онъ заслуживаетъ; однако я указываю адѣсь на него и даже вѣрю ему, потому что нахожу такое же извѣстіе у Кардонна, который, правда, устарѣлъ, но ничего отъ себя не выдумывалъ. Происшествіе, само по себѣ чрезвычайно вѣроятное, подтверждаетъ свою истинность и сходствомъ въ передачѣ Кардонна и Конде.

ихъ переходы къ Арабамъ. Славянское поселеніе въ Сиріи, участіе Славянъ во флотъ Арабскомъ еще въ началѣ IX в., значеніе Славянъ въ Африкѣ и Сициліи въ X в., ихъ морскіе набѣги въ X в., напр. на Сардинію, ихъ морскія силы въ Архипелагѣ и Адриатикѣ, обнаруженныя еще въ VII в.

Какъ ни ничтожны и ни кратки представляемыя выше свѣдѣнія о Славянахъ въ Африкѣ, однако, смѣю надѣяться, читатель не найдетъ ихъ ненужными и не заслуживающими вниманія, а напротивъ того признается, что отношенія Славянъ къ Африкѣ должны занять извѣстное, подобающее имъ мѣсто въ исторіи, ибо находятся въ тѣсной органической связи съ судьбами Славянъ М. Азійскихъ, Морейскихъ, Македонскихъ и Адриатическихъ.

Впрочемъ выше предложенными извѣстіями еще не исчерпывается наличный запасъ настоящихъ нашихъ свѣдѣній объ исторіи отношеній Славянъ къ Африкѣ.

III. Нынѣ никто еще изъ благоумныхъ изслѣдователей не рѣшится утверждать, что въ Африку Славянская стихія впервые проникла съ Арабами, въ VII в. Напротивъ того, въ настоящее время можно полагать, что она была въ ней гораздо ранѣе и проникла въ нее совершенно другимъ путемъ, именно изъ Испаніи; говорю въ настоящее время, т. е. пока не опровергнуто мнѣніе, высказанное еще 20 лѣтъ тому назадъ, ученымъ, пользующимся заслуженною Европейскою извѣстностью и равно отличающимся большими дарованіями, громадною начитанностью и осторожностью выводовъ. Разумѣю писателя, великолѣпный трудъ котораго не только можно сказать создалъ науку Славянскихъ Древностей, но и много пролилъ свѣта на всю древнюю исторію новой Европы.

Шафарикъ по тщательномъ соображеніи нѣкоторыхъ обстоятельствъ пришелъ къ необходимости признать бытность Славянской стихіи въ Вандалахъ, народѣ собственно Нѣмецкаго происхожденія.

Они жили въ странѣ Лигіяхъ или Лугахъ, между Одрой и Вислой, гдѣ были старожилами Венеды, т. е. Славяне.

Имя Вандаловъ (у Плинія Вивдоловъ) отличается отъ

имени Вендовъ Венедовъ не корнемъ, а только окончаніемъ. По поселеніи Свевскихъ Нѣмцевъ въ Лугахъ, и по смѣшеніи ихъ съ туземцами, произошло имя Виндиловъ, Вандаловъ, т. е. ославяненныхъ или лучше смѣшанныхъ со Славянами.

Въ средніе вѣка Вандалами называли Славянъ и Нѣмцы и сами Славяне, что началось еще съ VII, VIII в.; а можетъ быть и раньше. (Такъ см. Просп. Аквит. и Iорн. въ одномъ мѣстѣ. Шафар. Слав. Древ. § 18¹).

Извѣстны походъ Вандаловъ въ Испанію и ихъ поселенія въ ней, а потомъ въ Африкѣ, гдѣ царство ихъ держалось до 535 г.

Такимъ образомъ еще Шафарикъ допускалъ бытность Славянъ въ Африкѣ и въ Испаніи, въ періодъ V—VI в., а по всей вѣроятности и дольше, такъ какъ Илацій, родомъ Испанецъ и современникъ Гензериха, говоритъ про него, что онъ занялъ Испанію *cum Vandalis omnibusque eorum familiis*.

Откладывая до другаго времени подробное изслѣдованіе о Вандалахъ, здѣсь укажу только на одно соображеніе, которое, какъ мнѣ кажется, подтверждаетъ мысль Шафарика о бытности Славянской стихіи въ Вандалахъ, которые, по однимъ (Vict. Vitens.), переселились въ Африку въ числѣ пятидесяти, по другимъ (Просор.) осмидесяти тысячъ человекъ.

Св. Иеронимъ въ письмѣ своемъ къ Агерухіи въ 409 г. такъ писалъ о Вандалахъ, еще до похода ихъ въ Испанію: *Innumera- biles et ferocissimae nationes universas Gallias occuparunt. Quid- quid inter Alpes et Pyrenaeum est, quid Oceano et Rheno includitur, Quadus, Wandalus, Sarmata, Halani, Gipedes, Heruli, Saxones, Burgundiones, Alemanni et o lugenda Respublica! hostes Pannonii vastarunt.* (См. Zeuss. S. 450).

Смѣю думать, что подъ именемъ *Sarmata, hostes Pannonii* слѣдуетъ разумѣть не кого иного, какъ Славянъ, которые безъ сомнѣнія пристали къ Вандаламъ въ ихъ новыхъ жилищахъ на Дунаѣ. будучи по всей вѣроятности привлечены къ нимъ Славянскимъ элементомъ, уже принятымъ Севрами въ Лугахъ и отъ того прозванными Вандалами.

1. Намъ въ высшей степени страннымъ кажется, по своей неосновательности, замѣчаніе великаго Германскаго филолога Я. Гримма: «vielleicht auch ist Veneti aus Vandali entsprungen». (Gesch. d. deutsch. Spr. Ss. 476 u. 322).

Внутреннія несогласія и усобицы Вандаловъ съ Готами въ Испаніи также намекають на разнообразіе ихъ народнаго состава.

Въ 534—535 г. Велисарій разрушилъ владычество Вандаловъ въ Африкѣ; однако конечно народность Вандаловъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и Славянь, могла сохраниться еще въ VII и даже VIII в. и позже не только въ Африкѣ, но и въ Испаніи.

Такимъ образомъ исторія Славянь въ Африкѣ наводитъ на необходимость тщательнаго и подробнаго изслѣдованія Вандаловъ, о судьбахъ ихъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Если же признавать въ нихъ Славянскую стихію, то неизбежно рождается вопросъ — два періода исторіи Славянь въ Африкѣ — Вандалскій и Арабскій находятся ли въ какой нибудь другъ отъ друга зависимости? иными словами Славяне, являющіеся въ Африкѣ при Арабахъ, имѣли ли свѣдѣнія о томъ, что и прежде нихъ жили въ Африкѣ ихъ соплеменники, во времена господства въ ней Вандаловъ? не нашли ли эти Славяне въ части Вандаловъ своихъ соплеменниковъ и тѣмъ взаимно не усилили ли возможности сохраненія своей народности и на будущее время?

Извѣстно, что въ Греческихъ войскахъ въ Италіи (въ 537, 540, 547 г.) служили Славяне; кто станетъ утверждать, что Славяне не могли участвовать въ войскѣ Велисарія въ его Африканскомъ походѣ?

Такое посѣщеніе Славянами Африки весьма вѣроятно; оно же не могло остаться безъ послѣдствій и не возбудитъ другихъ Славянь къ посѣщеніямъ этого края. Славяне Адриатическіе, по всей вѣроятности Хорваты, со множествомъ судовъ предпринимали походъ на Апулію въ 662 г.¹; слѣдовательно еще въ половинѣ VII в. могли Славяне посѣщать и Сицилію и Африку.

III. Въ 923 г. Симеонъ Болгарскій, задумавъ завоеваніе Цареграда, отправилъ пословъ въ сѣверную Африку къ Фатлуну халифу Арабскому, предлагалъ ему вмѣстѣ идти на Цареградъ и раздѣлить добычу поровну.

1. Paul. Diac. De gestis Longobardorum. l. IV. c. XLVI. Qui Ajo cum anno et mensibus quinque (662) Beneventanum ducatum regeret, venientes Sclavi cum multitudine navium longe a civitate Seponto castra posuerunt.

Можно полагать, что Симеонъ, зная о значеніи нѣкоторыхъ Славянъ при халифахъ, надѣялся на ихъ помощь для заключенія взаимнаго договора. Славяне Каисаръ и Модиферъ еще при преемникѣ Моэза (слѣд. до 952 г.), халифъ Мансуръ, пользовались большими милостями. Они, воспитанные въ мусульманствѣ, знакомые съ языкомъ Арабскимъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ, сохраняли однако свою народность и свой языкъ. Были Славяне въ Африкѣ и во время посольства Симеона: Славянинъ Масудъ въ 924—925 г. прибылъ изъ Африки въ Сицилію и овладѣлъ замкомъ св. Агаѳи.

Кто наблюдалъ и на современной дѣйствительности и въ исторіи то вліяніе, какое имѣютъ сходство языковъ и единоплеменность на международныя отношенія, тотъ, надѣюсь, не станетъ перечить нашему замѣчанію о Симеоновомъ посольствѣ.

Отъ П. Ювія, бывшаго въ Цареградѣ, и другихъ извѣстно, что въ первой половинѣ XVI стол. языкъ Славянскій былъ весьма обыченъ при дворѣ Турецкомъ. Янъ Заполій, воевода Трансильванскій, не желая подчиниться Австріи, бѣжалъ въ Польшу. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей Польши XVI в. Ярославъ Ласскій совѣтывалъ ему искать союза съ Турціею противъ Австріи, которую онъ, истый Славянинъ, терпѣть не могъ; наконецъ, по просьбѣ Заполія, самъ отправился въ Цареградъ, куда пріѣхалъ въ декабрѣ 1527 г., а договоръ противъ Австріи былъ подписанъ 20 февраля 1528 г. Дѣло было улажено такъ ловко и скоро, благодаря Славянамъ, служившимъ при дворѣ Солимана. Ласскій свободно разговаривалъ по-Славянски съ его визирями. Отъ него остался веденный имъ въ бытность его въ Турціи дневникъ, гдѣ между прочимъ онъ приводитъ слова Мустафы Паши, родомъ изъ Босніи. «Мы съ тобою одного племени, — говорилъ онъ Ласскому, — ты Ляхъ, а я Боснякъ. Не естественно ли любить свой народъ больше всякаго другаго?»¹.

1. Krasinski (C-te Valer.) Hist. religieuse des peuples Slaves. Paris. 1853. p. 132. См. Zinkeisen (Joh. Wilh.) Gesch. d. osman. Reiches in Europa. Gotha. 1854. B. II, S. 659—665, гдѣ этого обстоятельства не приводится. Дневникъ Ласскаго — Actio Hieronymi Laszky apud Turcam nomine regis Joannis, напечатанъ у Катоны (V. XX, p. 260—332). Къ сомнѣнію этотъ томъ былъ имъ недоступенъ.

Въ X же вѣкѣ нарѣчія Славянскія были гораздо ближе между собою, чѣмъ въ XVI в., а сознание Славянъ единства общаго ихъ происхожденія было тогда въ нихъ живѣе.

Не извѣстно пока, состояли ли Славяне на службѣ у Арабовъ Африканскихъ и въ XI и въ слѣд. вѣка? Не стану отвѣчать отрицательно, такъ какъ не вижу необходимости предполагать появленіе въ XI в. какой нибудь новой силы, которая бы разомъ и порвала и истребила тѣ побужденія, что съ одной стороны заставляли Арабовъ принимать къ себѣ Славянъ охочѣхъ, вольныхъ и гулящихъ людей, а съ другой стороны руководили Славянъ при переходахъ ихъ къ Арабамъ въ Африку въ IX—X в.

Такъ какъ Славянъ Европейскихъ, переходившихъ къ Арабамъ въ Африку, конечно, большинство составляли Славяне Адриатическіе, то понятна кажется та увѣренность наша, что этимъ послѣднимъ черезъ своихъ земляковъ весьма облегчены были международныя сношенія съ Африкою.

Дубровникъ, эта умная Славянская община, этотъ Адриатическій Новгородъ, рано завелся флотомъ и началъ расширять свои торговыя связи. Въ 868 г., по свидѣтельству Константина Багрянороднаго, суда Дубровницкія перевозятъ въ Апулію довольно значительныя силы. Въ 990 г. въ Адриатическомъ морѣ отняли отъ Дубровничанъ Венеціане одно судно съ кладью цѣною въ 25 тысячъ дукатовъ, а въ 997 г. другое судно съ серебромъ и воскомъ въ 12 тысячъ цеккиновъ. По настоятельнымъ требованіямъ отъ Венеціанскаго сената, Дубровничане были вознаграждены; послѣ чего они заключили миръ съ Венеціею, продолжавшійся нѣсколько лѣтъ.

Въ XI в. Норманны овладѣли Сициліею, Калабриею и Апуліею и пользовались немалымъ значеніемъ. Дубровникъ заключилъ съ ними договоръ, согласно которому въ 1080 г. двѣ большія Дубровницкія галеры помогали Гвискарду, который одержалъ побѣду при Дураццо надъ Алексѣемъ Комниномъ и Венеціанскимъ дожемъ.

Въ XII в. Дубровникъ заключаетъ торговые договоры съ Мольфеттою въ 1148 г., съ Пизою въ 1169 г.; при Мануилѣ Комнинѣ подтверждены были Дубровничанамъ старыя при-

виллегин, и даже, благодаря этого императора, они вступили въ союзъ Генуэзцевъ, Пизанцевъ и Анконцевъ противъ Венеціи и Вильгельма, короля Сицилійскаго. Получивъ отъ этого же императора право гражданства въ Цареградѣ, вмѣстѣ съ самыми выгодными преимуществами, купцы Дубровницкіе при Комнинахъ, Ласкаряхъ и Кантакузинѣ завели свою торговлю по всей древней Эракіи и до самой М. Азіи.

Дубровникъ постоянно снабжалъ крестоносцевъ военными и торговыми судами для перевозки войска, особенно же при папѣ Григоріѣ III, въ 1218 г. Въ 1240 г. онъ заключилъ съ Омиемъ (Славянскій приморскій городъ на югъ отъ Сплита) договоръ, который, по словамъ почтеннаго Аппендини, въ высшей степени замѣчательнъ и ясно собою доказываетъ, что въ то время Дубровницкій флотъ былъ уже достаточно извѣстенъ на восточныхъ и западныхъ моряхъ (*trattato curiosissimo, il quale mostra, che la marina Ragusea era già in quel tempo assai accreditata per tutto l'oriente ed occidente dei nostri mari*). Славянскія поселенія въ Сициліи X в. конечно не могли утратить своей народности ни въ XI, ни въ XII в., тѣмъ болѣе, что они должны были находиться въ постоянномъ общеніи съ своими соплеменниками и даже земляками; наконецъ очень вѣроятно, что притягивая къ себѣ сихъ послѣднихъ, они постоянно такъ сказать освѣжали и подкрѣпляли свою стихію Славянскую. — Въ 1283 — 1287 г. Дубровникъ заключилъ съ замѣчательнѣйшими городами Сициліи, какъ напр. съ Сиракузою, Мессиною, Барлеттою, торговые договоры, по которымъ были обезпечены взаимныя права гражданства. Послѣ разныхъ несчастій, какъ то голода, пожара, поразившихъ Дубровникъ ок. 1289 г., множество Дубровничанъ хотѣло покинуть свою родину и бѣжать въ Сицилію, Калабрию и Апулію.

Безъ сомнѣнія на основаніи предложенныхъ извѣстій читателю не трудно будетъ представить себѣ картину сношеній Дубровника съ Египтомъ, съ Африкою. Венеція, въ которой Славянскій элементъ былъ всегда чрезвычайно силенъ, еще въ X в. находилась въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ Сарацинами¹.

1. Андрей Даволоа говоритъ про дожа Петра Урсеоло II подъ 991 г.: «*Omnes etiam Saracenoꝝ principes suis legationibus benevolos et amicos fecit.*» Весьма

Дубровничане и другіе Славяне Адриатическіе не могли не имѣть въ этотъ періодъ самыхъ тѣсныхъ сношеній съ Африкой, какъ непосредственныхъ, такъ и посредственныхъ черезъ Сицилію. Наконецъ существуютъ официальные подлинныя извѣстія о торговлѣ Дубровника съ Африкой, еще въ первой половинѣ XIII в. Именно въ договорѣ Дубровника съ Венеціею 1232 г. между прочимъ читаемъ: «Praeterea Ragusini de mercibus Romaniae quas Veneciam apportaverint, dabunt in Venecia Comuni Veneciae quinque pro Centenario, et de mercibus ultramarinis et terre Egypti, Tonissi et Barbariae solvent quintum. Et de mercibus regni Sicilie solvent quadragesimum Comuni Veneciae. De mercibus vero Sclavoniae in Venecia nihil solvere debent». (См. Engel. Gesch. d. Freyst. Ragusa. Wien. 1807. Anh. № 1. S. 295 — 6). Изъ одной Сербской грамоты (1253 г.) видать, что Дубровничане продавали людей за море — по всей вѣдоютности, въ Африку. (Сербск. Спомен. № 18).

важны имена подписывавшихся подъ договорами Венеціанскими: они лучше всего обличаютъ Славянскую стихію въ Венециі, въ Истріи. Такъ см. Pactum Tergestinae civitatis. 1202. Paganus. — Ca. Bruda. — A. de Dobrofn. — Lo. de Budina. — Jubanus. — M. Bolesta. — Melicz. — Wocina. — To. Sclavo. — Colman. — Marin Pilizar. — Triebez. — A. Ros. — Colman Ros. — N. Budina. — Dominicus Pisez. — Nizexo. — Bor. Wolziza. — Andrea Budina. — Walter Sclavo. — Artuic Pilizar. — Staneo Crabre. — Stoianus Sclavo. Blagosit Perunius. — Miro. — Darinoga (Trinoga). — Carcianus Ludic. — D. Boccasius. — Miriz. — Joannes Budina (Tafel. I. XCVI). См. Prestito contratto dal capitano Ruggero Premarino sulla flotta in Abido. (Romanin — Storia documentata di Venezia. T. II. p. III. Docum. VI. 1196. стр. 415 и сл.). — Petrus Baldo. — Bertolotus Vano. — Semus Deo. — Petrus, Pangrati Cufini, также Cufino. — Leonardus de Sarmaza (срв. Petrus de Patavia). — Pangrat. Barozzi (у насъ есть фамилія Бароцци, откуда?). — Marcus Bmilosso. — Leon Ungarus. — Barthol. Greco. — Joanes Buzini. См. Patto di Cittanova (ib. I, 388, XVII. Tafel. I, 294). — Florenti Flabanic. — Joh. Flabanic. — Johes Russo. См. Promessa di non vendere armi ai Saraceni. 974. (ib. I, 373. Tafel. I, 25). — Joan. Pleseghi. — Sign. man. Leonis Rosso. — Въ другомъ мѣстѣ я буду имѣть случай говорить объ этомъ подробнѣе, а теперь напомню, что въ одной грамотѣ (безъ начала) Дубровника, не обозначенной годомъ, но весьма древней, по словамъ Шварна (nese znaky nejhlubšibo staj...) въ числѣ именъ находимъ: роусинъ бодельславикъ. См. также Догов. Гр. кн. Дуброви. Марсалия Георгія съ Мих. Аственъ Ц. Болг. прот. Стеѣ. Уроша краля Сербск. 1253 г. Въ числѣ клявшихся въ твердости и ненарушимости договора и подписавшихся въ концѣ его читаемъ собственные имена, сначала князя, потомъ судей и т. д. наконецъ «свѣтлнши оль вельгеа веча: врьсанко продавчикъ..... роусинъ петровкъ..... роусинъ белъчикъ... глиси роусинъчкъ...» (Сербск. Спомен. 16. — Шлѣ. Раш. № XVI).

Въ XIV в. два обстоятельства особенно благоприятно по-дѣйствовали на развитіе морскихъ силъ Дубровника. Первое состояло въ томъ, что сенатъ Венеціанскій даровалъ Дубровни-чанамъ права Венеціанскихъ гражданъ, преимущество, которое никому болѣе не уступала Венеція¹. Второе же обстоятель-ство — смерть Стефана Уроша послѣдняго Неманича, съ ко-торой Дубровничане потерявъ свои преимущества въ Сербіи, исключительно обратили вниманіе на морскую торговлю. Отъ султановъ Египетскаго, Сирійскаго, Иконійскаго и Ввевинскаго и другихъ владѣтелей Азіатскихъ, Дубровнику предоставлена была свобода торговли, со всѣми правами и преимуществами.

Взаимный оборонительный союзъ Дубровника съ Генуей въ 1378 г., противъ Венеціи имѣлъ весьма выгодное вліяніе на расширеніе его морской торговли². Въ 1385 г. Дубровникъ за-ключаетъ торговый договоръ съ Франціей, причемъ выговорилъ себѣ большія преимущества. Въ XV в. торговля Дубровника принимаетъ огромные размѣры, не даромъ дивились ей совре-менники и говорили, что «вѣтъ въ Европѣ самаго отдаленнаго мѣста, гдѣ бы нельзя было встрѣтить купцевъ Дубровниц-кихъ³». — На соборѣ Базельскомъ въ 1433 г. Дубровничанамъ

1. Appendini: Notizie storico-critiche... II. Cap. IX. Commercio marittimo de' Ragusei. «Itaque omnes Ragusaei nati in Ragusio et ex eis nascituri de caetero sint cives nostri Venetiarum, possint mercare tanquam cives Veneti navigando cum navigiis nostris». Замѣчу разъ на всегда, что всѣ приводимыя мною извѣстія о Дубровникѣ заимствованы изъ сочиненія Аппендини, труда стараго, но не устарѣлаго и повныи немиѣющаго себѣ равнаго, что очень жалько, такъ какъ судьбы Дубровника имѣютъ высокій интересъ для насъ Славянъ особенно.

2. Аппендини прибавляетъ: «Съ того времени до настоящаго (1802 г.) Генуя была для Дубровничанъ главнымъ мѣстомъ ихъ торговли въ Средиземномъ морѣ, какъ видно изъ длинной надписи на часовнѣ, построенной Дубровничанами въ 1581 г. при церкви св. Маріи (Chiesa di S. Maria detta Castellani dei Pp. Domenicani) въ Генуѣ. Въ этой надписи народъ Дубровницкій названъ *знаменитыми морскими путями — maritimis itineribus illustris*».

3. Палладій Фоско: «Hinc est, quod nulla Europae pars adeo abdita est, ita ad-venis infesta, ut in ea Rhagusanos non invenias negotiatores. Habebant annis superi-rioribus (ок. 1450 г.) cum ante Senatus Veneti decretum jure suo, quocumque vellent, navigare possent, naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad quaestum mittebant». Аббатъ Деппа: «I Ragusei, nazione findallora traffi-cante, come lo è oggidì, contenti per avventura di cid, che non facevano i Napoleo- tani, cioè di asportare il soprabbondante del regno scorrevano veramente colle loro

разрѣшено было торговать съ невѣрными; а въ 1469 г. Дубровницкій сенатъ выхлопоталъ у папы Павла II разрѣшеніе употребить въ дѣло большое количество своихъ судовъ. Наконецъ, говоритъ Аппендини, изъ національныхъ архивовъ открывается, что въ 1510 г. Дубровничане получаютъ отъ султана Мамелюковъ (Abunassar Causer Gauco) право на свободную торговлю товарами Египта и Сиріи. Транзитная торговля товарами Индіи, бывшая прежде въ рукахъ однихъ Генуэзцевъ и Венеціанъ, пока не открыли мысъ Доброй Надежды, и доставлявшая имъ огромныя богатства, стала, подъ конецъ, какъ бы исключительною привилегією Дубровничанъ. Война Венеціанъ съ Баязетомъ, принудила ихъ изъ опасенія корсаровъ, вывести изъ портовъ Египта, Сиріи и Архипелага всѣ свои торговые суда. По той же причинѣ и Генуэзцы ограничили свою торговлю Средиземнымъ моремъ и портами Сѣвернаго океана. Только Дубровникъ для продолженія этой торговли былъ равно покровительствуемъ и ласкаемъ всѣми державами, особенно же Венеціанами, которые много скрыли судовъ своихъ и товаровъ, въ гаваняхъ Дубровника, изъ боязни Варварійскихъ пиратовъ. Сенатъ Дубровницкій заключилъ тогда же договоръ съ Портою, по которому всѣ державы, бывшія въ войнѣ съ Турками, могли безопасно укры-

---

navi per tutte le parti del Mediterraneo, ma non contavansi fra le potenze marittime». Рико: «Les habitants (Дубровника или Рагузы) faisaient autrefois un grand trafic dans les parties occidentales de l'Europe; et on dit, que ces grandes et vastes Caraques, que l'on appelle Argosies si fameuses par la grande charge, qu'elles portent, ont été appellées ainsi par la corruption du mot Ragusies, qui vient de celui de Raguse». Джіованни Баттиста Амальтео: «Evvì ancora (in Ragusa) bella occasione di far trafficare, mercare, e di tener vivo qualche danaro per via di Levante, o di Spagna, o d'Inghilterra». (См. Аппендини тамъ же). Дубровникъ былъ открытымъ убѣжищемъ для выходцевъ всѣхъ сосѣднихъ странъ: «multi ex proximis regionibus Illyrico, Macedonia, Epyro, Graecia, Italia. eo habitatum convenere; civitatis magis institutis ac moribus, quam solis felicitate ulla capti». (Lud. Tuber. Comment. de temporib. suis lib. V. § VI). Тотъ же Туберъ говоритъ по случаю приѣзда Юрія Бранковича въ Дубровникъ и отдачи имъ на сохраненіе въ Дубровникъ своего имущества: «Cum fidei Senatus Ragusani sua omnia credidisset: Ragusani, neque terrore Turcarum, quo fere Europa id temporis magnopere percussa erat, neque ullo praemio adduci potuerunt, quo minus fidem servarent. Quam profecto constantiam, Amurathem Othomannum, Turcarum regem vehementer admiratum, dixisse ferunt, urbem haud facile perditum iri, in qua scilicet tanti ducitor fides» (ibid. L. V. § VI). Не такъ говорилъ Югурта про Римъ!

вать суда свои въ портахъ Дубровницкихъ. Такъ и Венеціане держали тамъ корабли свои. Когда же во время союза Камбрейскаго, Венеціане, всюду разбитые, брошенные и ненавидимые всею Европой, препоручили себя Дубровнику, то умные его граждане, не навлекая на себя и тѣни неудовольствія союзниковъ, съ своимъ цвѣтущимъ флотомъ снабжали Венецію хлѣбомъ и всѣмъ въ изобиліи.

Таковы были торговыя сношенія Дубровника съ Африкой: они ослабли, но не прекращались и въ слѣдующіе вѣка. Нельзя умолчать здѣсь объ одномъ обстоятельстве, которое не могло не благоприятствовать этимъ сношеніямъ.

Въ 1517 г. Египетъ былъ завоеванъ Турками, при Мелек-эль-Агираф-Туман-беѣ, послѣднемъ султанѣ изъ второй династіи мамелюковъ, Черкасской, ибо первая династія Багаритовъ была изъ Туркомановъ и господствовала въ Египтѣ съ 1250 по 1381 г.¹

---

1. См. Histoire des sultans Mamlouks, de l'Egypte, écrite en Arabe par Taki-Eddin-Ahmed Makrizi, trad. en franç. et accomp. de notes philol., histor., géograph. par M. Quatremère. Paris. Какое значеніе имѣли эти мамелюки, рабы въ Египтѣ, можно видѣть изъ словъ Макризи про султана Мелек-Мансура Келлуна († 1290 г.): «Ce prince avait à son service douze mille mamlouks, ou, suivant d'autres, sept mille; ce qui est plus conforme à la vérité. Plusieurs d'entre eux furent promis au rang d'émirs; quelques uns même, parvinrent à la dignité de sultan. Parmi les mamlouks, il en avait choisi trois mille sept cents, originaires de l'Arménie et de la Circassie, et les plaça dans les tours de la citadelle, d'où ils prirent le nom de *Bordjis*». (Т. II, p. 111). Вотъ что говоритъ Лудовикъ Туберъ о мамелюкахъ Черкасскихъ въ Египтѣ: «Pontica gens, quae inter Maeotim et Phasim incolit, vulgo Cercassos vocant ad hanc militiam delecta. Inde greges servorum abducebantur; partim liberi a parentibus venundati, qui sane nihil sceleris eo facinore se suscipere putabant, existimantes, prolem suam non in servitute abduci, verum in imperium mitti; partim a Tartaris, Maeotis accolis emti, quos illi Ponticas regiones incurando, captos cum Syris mercatoribus, tum veste, tum pecunia permutabant. Hi servi ad Calipham perducti, hominibus armorum et equitandi peritis, dividebantur; quos illi in disciplinam acceptos omnes equestris militiae artes edocebant, quotidianisque fere exercitationibus ac pugnae simulacris, experiundo, eorum corpora simul et animos ad bellum acuebant. Caeterum, imperium fraude quaesitum, haud altius radices egit; cum praesertim non suis, sed alienis viribus inniteretur. Nam serviles animi, posteaquam se justo exercitu auctos viresque regni ex se pendere viderunt; reputantes perfidiae praemium regnum fore: inito inter se consilio, adversum Calipham conjurant. Cur enim sacerdos, curandis sacris constitutus, qui in otio aetatem agit, quippe qui nusquam e cubiculo prodit, verum in sella aurea residens, pulvillis purpureis innixus, ne hybernus quidem solis patiens, quasi animal epulis destinatum, sese intra saginando, regnum potius

Хотя изъ Герберштейна и извѣстно намъ, что Черкесы употребляли въ богослуженіи языкъ Славянскій, а Черкасы Пятигорскіе и говорили даже по Славянски, хотя и убѣдились мы выше о давнихъ поселеніяхъ Русскихъ на Дону и о давнихъ сношеніяхъ ихъ съ Кавказомъ, хотя приведенныя нами выше слова Петра де ла Валле о Черкесахъ, исповѣдывавшихъ христіанскую Греческую вѣру, но безъ книгъ и священниковъ, именно о томъ, что «они, подвластные различнымъ Мирзамъ живутъ грабежемъ и ведутъ постоянныя войны то съ Татарами, то съ Лезгинами; оттого - то такое множество рабовъ и рабынь Черкесскаго, Русскаго, Татарскаго и Лезгинскаго происхожденія, которыхъ продаютъ на всемъ востокѣ», хотя слова эти и не могутъ и не должны быть относимы только къ одному XVII или XVI в., но вѣрны они и относительно древнѣйшаго времени и очень живо напоминаютъ намъ слова Арабскаго писателя Димешки († 1393 г.), который указавъ на обширность пространства, населеннаго Славянами, прибавилъ: «потому-то и находили Славянскихъ плѣнниковъ въ Андалузін и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя вели они съ Турками и съ Греками», хотя, повторяемъ, слова, сказанныя въ Цареградѣ думнымъ дворяниномъ Ислѣньевымъ (въ 1594 г.) отъ имени Ц. Федора, заслуживаютъ вниманія и заставляютъ задуматься, т. е. «изначала Кабардинскіе и Горскіе Черкасскіе князи и Шевкальской были холопы наши Рязанскихъ предѣловъ, и отъ насъ сбѣжали съ Рязани и вселились въ горы, и били челомъ отцу нашему», хотя, говорю, всѣ эти извѣстія и позволяютъ предполагать, что въ числѣ мамелюковъ Египетскихъ бывали и Русскіе люди, однако все же эти свѣдѣнія и соображенія недостаточны для объясненія нижеслѣдующаго весьма любопытнаго и совершенно несомнѣннаго свидѣтельства П. Ювія. Для его объясненія надо прибѣгнуть къ другому единственно

---

temperaret, quam milites? sine quorum armis, sudore et sanguine, neque imperium ampliari, neque tutum reddi queat. Itaque misso ad Calipham nuntio, jubent illum sacra duntaxat capessere; vetito eo, pro imperio quidquam de caetero agere. Extorto Caliphae regno, cum ærvorum imperium ad ducentos fere annos durasset, tandem a Turcis hunc in modum deletum est. (Comment. de temporib. suis. l. X. § XIII — у Шваадтне ра).

возможному и весьма вѣроятному предположенію, которое, можно надѣяться, будетъ въ послѣдствіи оправдано подлинными и точными извѣстіями. Разумѣю здѣсь слѣдующія слова Іовія: «*Moschovitae Illyrica lingua, Illyricisque literis utuntur, sicuti et Sclavi, Dalmatae, Bohemi, Poloni et Lithuani. Ea lingua omnium longe latissima esse perhibetur, nam Constantinopoli Ottomanorum in aula familiaris est, et nuper in Aegypto apud Memphiticum Sultanum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur. In hanc linguam ingens multitudo sacrorum librorum industria maxime divi Hieronymi et Cyrilli, translata est*¹, т. е. «Московиты говорятъ по-Иллирски и пишутъ Иллирскими буквами, также, какъ и Славяне, Далматы, Богемцы, Поляки и Литовцы. Этотъ языкъ распространенъ больше всѣхъ на свѣтѣ: такъ онъ обыченъ въ Константинополѣ при дворѣ Оттомановъ, и еще недавно былъ въ чести въ Египтѣ у Султана Мемфійскаго и у Мамелюковъ. На этотъ языкъ преимущественно трудами св. Іеронима и Кирилла переведено великое множество священныхъ книгъ». Для объясненія этого любопытнаго извѣстія необходимо прибѣгнуть къ тому предположенію, что Славяне Задунайскіе и Адриатическіе и въ послѣдующія времена послѣ IX—X в. переходили къ Арабамъ въ Африку, получали тамъ значительныя мѣста и пользовались великимъ уваженіемъ. Безспорно, что торговыя связи Дубровника и вообще Славянъ съ Египтомъ были тѣмъ облег-

1. P. Jovii Novocomensis libellus de legat. Basil. magni principis Moschoviae ad Clementem VII... Basileae. MDXXVII. 4-to. p. 32. Бальбинъ (Dissert. apologetica pro lingua slavonica. Pragaе. 1775. p. 63) говоритъ: «Paucas caeterarum linguarum amplitudine terrarum, et populi cum slavica posse conferri, enumerat liber *Bibliothecae Vaticanae* plurima populorum nomina, qui slavica lingua utantur, additque Turcis nullam familiariorem esse, a quibus Aulica, Regia, et Imperatoria appelletur, quod velut apud nos in Aulis italica, aut gallica, sic in Aula magni *Turcae* Proceres omnes *Bassae, Yezirii*, ac provinciarum Rectores per delicias slavica utantur». Янъ Краси́нскій, въ своемъ трактатѣ о Польшѣ, писанномъ для Генриха Валуа въ 1574 г., перечисливъ между прочимъ народы Славянскіе, продолжаетъ: «Wszystkie te narody nazwisko sławiańskich noszą, i mowy sławiańskiej z małą różnicą dyalektów używają. Ale i narodowi tureckiemu nie obcą jest mowa Sławian, a na dworze *Konstantynopolskim* chętnie jęj służą; co ztąd, jak sądzę, pochodzi, że sułtan turecki prawie wszystkie kraje sławiańskie pod swoje panowanie zagarnął. Wielu także Sławian, przyjąwszy religię mahometańską, u sułtana wojskowo służą». (J. Краси́нського Polska czyli opisanie topograficzno-polityczne w wieku XVI... przetlum. przez Stan. Будзи́нського. Warszawa. 1852. str. 23—26).

чены чрезвычайно. Можно смѣло надѣяться, что не только изученіе будущими Славянскими ориенталистами восточныхъ источниковъ, но и старательные поиски Славянистовъ въ архивахъ Вѣны, Венеціи и Далмаціи откроютъ немалое совершенно новыхъ данныхъ, которымъ быть можетъ суждено пролить неожиданный свѣтъ на нѣкоторыя доселѣ загадочныя и темныя явленія Европейской и Восточной исторіи. — *Халыпъ, Мисръ* — Алеппо, Египетъ — народныя названія эти попадаются уже въ нашихъ памятникахъ со 2-ой половины XV в., а народность этихъ названій указываетъ, какъ справедливо замѣчено И. И. Срезневскимъ, «на прямое вліяніе торговцевъ Русскихъ, или по крайней мѣрѣ на прямой перевозъ товаровъ съ тѣхъ мѣстъ, на которыя указываютъ ихъ названія¹».

1. Уч. Зап. И. А. Н. Кв. II. Вып. 2. С. 228. Рафаловичъ въ своей лобопытной книгѣ рассказываетъ объ одной отрасли Русской промышленности, которая безъ сомнѣнія идетъ весьма издавна.... Въ Египтѣ онъ постоянно встрѣчалъ иждный тазъ съ двойнымъ дномъ — *тынитъ*, и иждный кувшинъ красивой формы съ длиннымъ узкимъ носкомъ — *ибридъ*. «Сказанные тынты и ибрики, — по словамъ Рафаловича, — вездѣ на востокъ въ большомъ употребленіи; почти всѣ, которые мнѣ случалось видѣть, надѣян Московскаго и снабжены Русскимъ фабричнымъ клеймомъ, или же приготовлены въ Константинополѣ Русскими мастерами. Въ этомъ городѣ цѣна такого кувшина съ лоханкою не больше 7 или 8 рубл. серебр.» (Рафаловичъ (А.) Путеш. по Нижнему Египту и внутр. обл. Дельты. Сиб. 1880. С. 93). Вообще вышѣ обращающимся въ большинствѣ понятіямъ о разобщенности древней до-Петровской Россіи съ остальнымъ міромъ суждено потерпѣть значительное измѣненіе; намъ кажется, что онѣ столь же справедливы, какъ не менѣе распространенное мнѣніе о томъ, что Русскій народъ до начала XVIII в. не имѣлъ будто бы своей словесности. Извѣстно значеніе Солуна — Русскіе посѣщали его издавна. Такъ описываетъ его Барскій въ 1726 г.: «Градъ оный (Солунъ) востану пресловутый есть, не лѣцотою и крѣпостію, но ветхостію и приставищемъ земнымъ и воднымъ; тамо бо приходитъ отъ Царяграда, отъ Египта, отъ Венеціи, Франціи и отъ Англіи корабли дѣющіи, также и по земли отъ Нѣмцевъ, Италианцевъ, Болгаровъ, Сербовъ, Далматовъ и отъ всей Македоніи, и отъ Русской Украйны торговцы различныя, малые и великіе, приносящіе разные отовсюду товары; градъ тотъ зѣло доволенъ есть въ пищу, наипаче же въ хлѣбъ» и пр. (I, 160). — «Въ Солунѣ довольно людей всякаго народа, то есть Италианскаго, Французскаго, Гипшавскаго, Волоскаго, Рускаго, Арапскаго, Арнаутскаго, Болгарскаго и прочіихъ» (ib. 161). Жестоко бы ошибся тотъ, кто сталъ бы утверждать, что напр. въ XVII, XVI в. и даже прежде, Русскіе не посѣщали Солуна и не жили въ немъ; ибо обстоятельства, благопріятствовавшія Русскимъ въ началѣ XVIII стол., существовали и раньше. Давнишнія и постоянныя связи съ Болгарами, Сербами, даже съ Дубровникомъ (объ этомъ въ другомъ мѣстѣ) и съ Аеономъ (см. напр. Христ. Чт. 1853. Ч. II. С. 290—317) знакомили Русскихъ и съ Со-

Съ завоеваніемъ Египта Турками (1517 г.), Славянская въ немъ стихія безъ сомнѣнія не исчезла вовсе: бѣглецы, гулящіе и вольные люди изъ Черногорья, Албаніи, Герцоговины, Босніи, Сербіи, безъ сомнѣнія постоянно перебѣгали въ Африку и въ XVI — XVIII стол., какъ перебѣгали до новѣйшаго времени; связи были слишкомъ старыя, путь слишкомъ извѣстный, воспоминанія слишкомъ свѣжія, чтобы Славяне не пользовались имъ; притомъ множество Славянъ, принявшихъ исламизмъ и сохранившихъ свою народность, состояло въ это время на службѣ

луземъ. Позволяю себѣ привести слѣдующія слова янока Пароенія. Собранныя на Аеонъ, въ 1839 г., онъ прибылъ въ Мачинъ: «Во градѣ же христіане весьма добрые и страннопріимные; весьма были рады, что мы пришли къ нимъ дѣлать ихъ скорби и яго Турецкое». Они жаловались на притѣсненія Турокъ — «свадѣйка Грекъ въ наши дѣла не входитъ и насъ не защищаетъ». — «Сіи христіане роду называемые Ромыни, одежду носятъ Болгарскую, а говорятъ языкомъ Влахійскимъ. Мы ихъ спросили о пути во Св. Гору: «однакъ путь горами, *хотя и поближе, но на немъ больше села Турецкія; хотя пищею и будете довольны, но вамъ будетъ непріятно, да и говорить по-Турецки не знаетъ; а другой путь сверхъ по берегу Дуная до самого Рушчука, съ христіанами нашими Ромынями; здѣсь для васъ лучше: и языкъ вы знаете, и вамъ будетъ удобно, и пищею будете довольны.* А отъ Рушчука пойдутъ *Болгары — тоже вышь, почти до самой Св. Горы. А тамъ цемного Греками пойдете.* Мы поблагодарили ихъ за страннолюбіе и за наставленіе, и пожелали имъ терпѣнія носить тяжкое яго Турецкое, и также, чтобы Господь поскорѣй ихъ отъ него освободилъ; они сказали: «аминь». Мы же, простившись, поплм изъ града. А она насъ проводила за заставу и показала намъ путь. (II, 38). Вотъ жвава картина *хожденій* вашихъ старыхъ предковъ! Забываю только, что до Турокъ, въ XIV, XIII, XII в., путь Русскимъ на Аеонъ, въ Солунь, былъ еще болѣе облегченъ. «Христіане сказали намъ, что путь до св. горы Аеонской *отъ Рушчука 18 дней ходу* и переписали намъ всѣ села». (ib. 47). Константинъ Порфирородный путь изъ Бѣлграда въ Солунь опредѣлялъ меньше, чѣмъ въ 8 дней. (De adm. Imp. С. XLII). Припомнимъ также давнишнія поселенія Русскихъ въ вышнихъ Дунайскихъ княжествахъ. Черезъ Солунь Русскіе не могли не имѣть сношеній и съ Египтомъ, тѣмъ болѣе, что до 1517 г. языкъ Славянскій «*apud Memphisitum sultanicum et equites Mamaluchos haud ingratis auribus audiebatur*». При разсмотрѣніи вопроса о доступности Русскимъ Египта нельзя терять изъ вида и сношеній ихъ съ Сиріею и Палестиною. Барскій такъ рассказываетъ о прибытіи своемъ въ Антиохію (ноябрь 1728 г.): «идохъ на торжище и водворихся купно съ торговцами въ дворѣ общемъ, повеже тамо нѣсть страннопріимныхъ домовъ или гостинницъ и ниже зданія церкви, къ тому же и христіане не имутъ обычая странныхъ звать въ домъ и пощевахъ купно *съ торговцами* Греческими, *пришельцами отъ земли Болгарской отъ града Филиппополя*, иже мя угосташа трапезою и одромъ чество, возрадовашася бо зѣло, яко языкомъ ихъ бесѣдовахъ, къ тому же и народъ ихъ есть естественно страннолюбивъ». (I, 337). Сношенія Русскихъ со Св. Землею были облегчены сношеніями другихъ

у Порты, нѣкоторые изъ нихъ пользовались огромнымъ значеніемъ, слѣдовательно Славянскій элементъ могъ проникать въ Египетъ черезъ само правительство Турецкое; въ XVI, XVII ст. тысячи Русскихъ невольниковъ томилась въ плѣну у Татаръ и Турокъ, ими производилась значительная торговля и конечно они попадали и въ Египетъ, гдѣ находили своихъ соплеменниковъ, которые безъ сомнѣнія облегчали ихъ тяжкую участь. Наконецъ торговля и морскія силы Дубровника въ продолженіи всего шестнадцатаго и въ первую половину семнадцатаго сто-

Славянъ православныхъ — Болгаровъ, Сербовъ, которые во времена своей независимости жертвовали большіе вклады въ Иерусалимъ, монастырь св. Саввы и пр. См. Востокова: Описание рпсей А. С. Норова; одна изъ нихъ — Триода цѣлства, писана въ 1374 г. на Синайской горѣ для Сербской церкви архистратига Михаила въ Иерусалимѣ. (Уч. Зап. Ка. II. Вып. II. С. 102). При Стефанѣ Душанѣ († 1355 г.) и его сынѣ Стефанѣ Урошѣ († 1367 г.) эта церковь получала ежегодно тысячу перперовъ. (См. Гласникъ друштва Србске словеса. У Београду 1849. Свезка II. С. 197—199. Въ 1479 г. Сербская церковь въ Иерусалимѣ уже опустѣла и тысяча перперовъ шла теперь на Святогорскіе монастыри Хиляндаръ и св. Павла (см. тамъ же стр. 200 и сл.). Въ XV, XVI и сл. стол. воеводы Молдавскіе не оставляли своими вклады на Св. Горы, на Палестину. Въ Похвалѣ Самодержцу Василію, — сочиненіе которой приписывали знаменитому Вассіану, — говорится про Василія: «всѣхъ бо любляше и всѣми любимъ бѣше, и вси къ нему припадающе, не токмо ближніи, но и дальніи, еже бы рещи отъ Синая и отъ Палестины, Италия же и Антиохія и отъ всея подсолнечная хотяще его токмо видити и слово его слышати». Сербская церковь въ Иерусалимѣ была по всей вѣроятности построена Сербскимъ княземъ Милутиномъ (1275—1321 г.), который посылалъ милости и въ Иерусалимъ, и на Синай, и въ *Египетскую землю*; построилъ много храмовъ не только въ Сербіи, но и въ Греціи: въ Солунѣ церковь Св. Троицы (сздавъ и оукрасивъ и *полате оудени*), въ Цареградѣ церкви и больницы. (См. Šaf. Pam. — Лѣт. 70. — Србск. Спом. № 35. — Майковъ: Ист. Србск. яз. М. 1837. С. 228). Св. Сава Сербскій († 1237 г.) страствовалъ въ Палестину, на Синай, былъ въ Египтѣ; сохранившіися о немъ подробности позволяютъ предполагать особое описаніе этого путешествія, составленное кѣмъ нибудь изъ его спутниковъ. Русскіе этого времени, находясь въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ съ своими единоплемениками, не могли не имѣть сношеній съ Сирией, Палестиной, Египтомъ. И дѣйствительно до насъ дошелъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старой Русской словесности — Хожденіе Давида Паломника, изъ котораго узнаемъ, что въ концѣ XI и въ началѣ XII в. Русскихъ немало бывало въ Иерусалимѣ. Есть извѣстіе, хотя и позднее, но не невѣроятное, о томъ, что еще Владиміръ въ 1001 г. посылалъ пословъ въ Египетъ, въ Иерусалимъ и прочія страны, «да и тамо увѣсть богоугодныхъ мужей пребывавіе и церковное благолѣпіе, да отсюда пользу преобращаетъ». (Ист. Русск. Церкви. Макарія. Спб. 1857. I, 175). Въ краткомъ «Лѣтописцѣ Господѣ Сербскихъ» подъ 1517 г. читаемъ: «царь селымъ шахъ пріимъ градъ нисуръ сирѣчь егуптъ». (Šaf. Pam. С. 83).

лѣтій (до 1667 г.), постоянно возрастали, слѣдовательно и съ открытіемъ Новаго Свѣта и новыхъ путей, сношенія его съ Африкой не могли вовсе прекратиться. Въ послѣдствіи Дубровникъ снова оправился и уже велъ сношенія съ Египтомъ, съ Африкой въ XVIII в., когда на сѣверо-востокъ другой Славянской народъ, разбираемый вѣчнымъ своимъ желаніемъ *новыхъ земель отыскивать и пустую землю въ живущую полжити*, грозно наконецъ заявилъ себя всему міру могучимъ образомъ Петра, и разбивъ Шведа подъ Полтавой, вѣкъ на Западъ не званный и непрошенный, двинулъ свою страну въ систему сильнѣйшихъ Европейскихъ державъ, вліяніе которыхъ на Египетъ, Африку, неминуемо, неизбѣжно, необходимо.

Дальнѣйшее развитіе Русской народной промышленности и торговли, весьма замѣтное пробужденіе народной самобытности въ Славянахъ Турецкихъ и Австрійскихъ, могутъ служить благонадежнымъ ручательствомъ въ томъ, что отношеніямъ міра Славянскаго къ Египту, Африкѣ, особенно съ ожидаемымъ прорытіемъ Суэзскаго канала, предствѣтъ будущность далеко не жалкая. Нельзя однако скрывать, что тотъ или другой оборотъ этихъ дѣлъ, то или другое ихъ направленіе въ будущемъ, или лучше вопросъ о будущихъ отношеніяхъ міра Славянскаго къ Египту и вообще Африкѣ, находится въ тѣсной зависимости отъ другихъ въ высшей степени важныхъ для Славянъ вопросовъ, напр. объ отношеніяхъ ихъ къ Италіи, къ Нѣмецкой народности или политикѣ въ Австріи, и т. д. Не менѣе очевидна и важность прошлыхъ отношеній міра Славянскаго къ Африкѣ, какъ предмета чистой любознательности, какъ вопроса науки, который, разбиваясь на множество частныхъ вопросовъ, не можетъ не возбудить какъ въ Русскихъ, такъ и въ другихъ Славянахъ, весьма простаго и необходимаго желанія уяснить ихъ себѣ и тѣмъ оказать нѣсколько услугъ наукѣ, а свою литературу обогатить трудами полезными, которые бы заслуживали всеобщей извѣстности. Дѣйствительно для исторіи отношеній Славянъ къ Африкѣ необходимы, напр. подробное разсмотрѣніе мнѣнія Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ, изученіе рукописныхъ источниковъ Арабскихъ и изданіе съ Русскимъ переводомъ всѣхъ текстовъ, относящихся до Славянъ, не только въ

Африкѣ, но и въ Азіи, ибо въ настоящее время трудно, почти невозможно отвергать органической связи судьбы Славянъ Азійскихъ, ихъ переходовъ къ Арабамъ, съ судьбою Славянъ въ Африкѣ; составленіе — на основаніи языка, лѣтописей, грамотъ и договоровъ, произведеній словесности (Юго-Славянской, Хорватской, столь богатой), современнаго быта, народныхъ пѣсенъ, преданій и разсказовъ — исторіи внѣшнихъ сношеній Дубровника и другихъ Славянскихъ Адриатическихъ общинъ, ихъ морскихъ силъ, торговли, какъ вообще, такъ и въ особенности съ Африкою, изученіе Славянской стихіи въ Венеціи, ея послѣдовательное, историческое раскрытіе, съ указаніемъ на то, какое вліяніе отношенія Венеціи къ Африкѣ имѣли на отношенія къ ней міра Славянскаго. Отправляясь отъ того положенія, безъ котораго нынѣ не возможенъ успѣхъ исторіи ни Русскаго, ни другаго какого Славянскаго народа, отъ положенія незыблемаго, что Славяне всегда и во всѣ времена сознавали единство своего общаго происхожденія, а потому и черезъ то самое чувствовали другъ къ другу взаимное притяженіе, которое поддерживалось у всѣхъ сходствомъ языка, ослаблялось у однихъ вѣроисповѣдною борьбою, скрѣплялось и освящалось у другихъ единовѣріемъ — отправляясь отъ этого положенія, слѣдуетъ раскрывать и возстановлять до малѣйшихъ подробностей исторію взаимныхъ сношеній Славянъ между собой, прослѣдить сношенія всѣхъ Славянъ съ Сиріею, Палестиною, съ Египтомъ, Африкою; собрать всѣ свѣдѣнія о невольникахъ Русскихъ въ Крыму и въ Турціи¹, о торговлѣ ими на Востокѣ въ XVI и XVII стол.; изучить отношенія Славянъ къ побѣдителямъ Туркамъ, Славянскую стихію въ Портѣ Оттоманской и исторію Египта позднѣйшаго времени для основательнаго разрѣшенія вопроса о томъ, проникала ли въ Египетъ стихія Славянская въ XVI, XVII и

1. Жена Сулеймана I. Роксолана пользовалась великимъ вліяніемъ. Наваджеро говоритъ про нее: «Roxolana di nazione russa, tanto amata de sua maestà, che non fu mai nella cosa ottomana alcuna donna che avesse maggiore autorità. Si dice che è piacevole, modesta, e che molto bene conosce la natura del gran-signore...» (Zinkeisen-Gesch. d. osm. R. III, 242). Вспомнивъ при семъ Соколовича-Шашу, мы поймемъ, почему Славянскій языкъ игралъ такую роль при дворѣ Оттоманскомъ въ XVI и XVII стол.

XVIII? и въ какой степени? Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, весьма полезно бы было появленіе въ Русской литературѣ — добросовѣстнаго перевода Исторія Турціи — Цинкейзена; съ дополненіемъ отъ переводчиковъ тѣхъ свѣдѣній, что упущены почтеннымъ ученымъ Нѣмецкимъ, за недоступностью ему источниковъ Русскихъ и вообще Славянскихъ. Если нельзя отрицать, что болѣе или менѣе полное и основательное разсмотрѣніе всѣхъ вопросовъ и задачъ, возбуждаемыхъ при мысли объ отношеніяхъ міра Славянскаго къ Африкѣ, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, задачъ и вопросовъ, не только возможныхъ, но и въ высшей степени законныхъ и своевременныхъ, должно вызвать въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ не только въ Россіи, но и въ другихъ земляхъ Славянскихъ, новыхъ, даровитыхъ и энергическихъ дѣятелей; если нельзя отрицать этого, то тѣмъ менѣе возможно сомнѣваться во всей очевидной важности и вѣтѣсной неразрывной связи тѣхъ двухъ вопросовъ, изъ коихъ одинъ о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи составляетъ предметъ постоянныхъ желаній и самыхъ строгихъ помысловъ каждаго Русскаго, а другой объ изученіи въ Россіи Славянскихъ языковъ и литературъ и объ умственномъ и литературномъ общеніи нашемъ со Славянами, въ глазахъ большинства Русскихъ образованныхъ людей понынѣ представляется дѣломъ какъ бы пустымъ, ничтожнымъ и не стоящимъ почти никакого вниманія.

СЛАВЯНЕ ВЪ ИСПАНИИ.

И. Массуди, рассказывая про Довскихъ, Азовскихъ Русовъ, которые, какъ справедливо замѣтилъ уже знаменитый Французскій ориенталистъ Рено, не были Норманнами, Шведами, а были Славянами, какъ и называлъ уже ихъ Ибнъ-Хордаты-бегъ, современникъ нашихъ Рюрика и Олега, когда Варяги еще не могли вовсе утратить своей народности и совершенно ослабнѣть, Массуди говоритъ при семъ: «Русскіе состоятъ изъ различныхъ народовъ и разныхъ поколѣній; одно изъ нихъ называется аль-Люданетъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ даже въ Испанію, Римъ, Константинополь и къ Хозарамъ¹. Извѣстія Массуди о Руссахъ никакъ не позже 944 г.; Русскіе посѣщали Испанію, и въ послѣдствіи времени².

По свидѣтельству Арабскихъ историковъ Ибнъ-Халдуна (XIV в.) и Ибнъ-Гайяна (XI в.), въ 947 или 949 г., къ Халифу Абдуррахману III пріѣзжали въ Кордову послы не только отъ Греческаго императора изъ Константинополя, не только отъ королей Аламанъ и Франковъ, но и отъ короля Славянскаго³.

1. Sprenger. p. 416. — Frähn. Ibn-Foslan's Berichte. S. 71.

2. Frähn. Ber. S. 64. — Ибнъ-Халдуанъ: «Sie (Bulghar) war einst weit berühmt, insoferne sie der Stapelplatz des Handels der dortigen Reiche war. Aber die Russen plünderten sie, so wie Chaseran, Itil u. Semender, im Jahre dreihundert u. achtundfünfzig (d. i. 968 od. 969 nach Chr. Geb.) rein aus, u. zogen unverzüglich von da nach (gegen) Griechenland (Rum) u. Spanien (Andalus) aus». Такимъ путемъ, по всей вѣроятности, и проникли въ Русь монеты Африканско- и Испано-Арабскія. См. ст. Френа: Topogr. Uebers. d. Angrab. von altem arab. Gelde in Russland, въ Bullet. St.-Petersb. t. IX. № 212—213. Очень возможно, что Русскіе Славяне ходили въ Испанію и въ IX в. Ибнъ-Хордаты-бегъ говоритъ: «Русскіе изъ племени Славянъ вывозятъ мѣха бобровъ и чернобурыхъ лисицъ изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ Славянской земли и продаютъ ихъ на берегахъ Русскаго моря: тутъ царь Русскій беретъ съ нихъ десятину». (См. Вѣсти. Г. Общ. 1834. I. С. 52 и сл.). Вѣроятно, что Русскіе Славяне посѣщали Испанію и въ XI в., и что тамъ ихъ звали. Въ приведенномъ съ. Иларіона «Похвала Кагану» между прочимъ читаемъ: «Похвалимъ же и мы... великая и дивная сотворшаго, нашего учителя и наставника, великаго Кагана нашей земли, Владимира, внука стараго Игоря, сына же славнаго Святослава, иже въ свои лѣта владычествующа; мужествомъ же и храбрѣе прослѣдша въ странахъ многихъ и поминаютъ нынѣ и словутъ. Не въ худъ бо и не въ негодомъ земли владычествоваша, но въ Русьской, яже вѣдома и слышима есть всями концы земли. Едва ли это одиѣ риторическія фразы? Все слово отличается высокою простотою, безыскусственною правдивостію. Съ чего и для чего ходить было Славянамъ Русскимъ въ Испанію, увидимъ ниже.

3. Аль-Макарри, у Гаангоса (II, 139), рассказавъ о посольствѣ Греческомъ, продолжаетъ: «Послѣ того прибыло другое посольство отъ короля Славянъ (from

Еврей Эбн-Спротъ - Хаздай, занимавшій важное мѣсто при Халифѣ Абдуррахманѣ III († 961 г.) въ письмѣ своемъ къ царю Хозарскому говорятъ между прочимъ: «Всѣ владыки земные, знающіе могущество и величіе моего повелителя, присылаютъ ему дары, рѣдкіе и драгоценные предметы и такимъ образомъ снискиваютъ его благоволеніе. Таковы государь Ашкеназъ (Нѣмецъ), царь *Гебалеянь* т. е. *Славянь*, императоръ Византійскій и другіе. Всѣ эти подарки идутъ черезъ мои руки¹».

Кармоли замѣчаетъ при семъ — «Al-Saclab, Sclaves, Esclavons, désigne ici les montagnards des Karpates, *Chrobates*, tributaires d'Otton le Grand; selon le témoignage de Constantin le Porphyrogénète, ils avaient un chef du corps politique de leurs Etats unis, portant, suivant toutes les apparences, le titre de *Voievoda* qui signifie duc. Murphy parle de l'ambassade du duc des Slaves auprès du Khalife de Cordoue en ces termes: «Other embassies arrived... one from the King of the Sclavonians called Ducu». (Hist. of the Mahomet. Empire in Spain. p. 101).

Въ настоящее время лучше всего остановиться на мнѣніи Кармоли, какъ хорошо объясняющемъ выраженіе Хаздая. «Ге-

---

a king of the Sclavonians), имя котораго было *Дуку* (Dhúku), также и отъ короля Аламанъ (the king of the Alaman; Гаягось прибавляетъ отъ себя: the emperor of Germany), и отъ короля Фравковъ изъ-за *Джебаль аль-боръ* (Ширнеезъ), по имени Уко (Ukoh; Гаягось прибавляетъ: Hugo), сверхъ того пришло такое же посольство отъ одного короля, по имени Калдо (Kaldoh), изъ западныхъ предѣловъ Франціи. Эти посланники были приняты Абдуррахманомъ съ великою пышностію, и, по его приказанію, придворные и другіе чиновники ходили имъ на встрѣчу. При возвращеніи домой *Славянскихъ посланниковъ*, Абдуррахманъ отправилъ съ ними Раби епископа, который достигъ двора Оттонова и воротился назадъ по простествіи двухъ лѣтъ. Гаягось въ своихъ притѣчаніяхъ говоритъ при семъ: «*Дуку* есть, безъ сомнѣнія, испорченное *Dux*. *Kaldoh* или *Kalodoh* такое же испорченное слово им. *Karolo*. Во Франціи царствовалъ тогда Карлъ Простой. Раби епископъ, по приказанію халифа, велъ переговоры съ посланникомъ Оттоновымъ (with the monk of Gorz, Othos ambassador). Но посланникъ, сопровождавшій сего послѣдняго, на возвратномъ его пути въ Германію былъ лицомъ свѣтское (a layman), именемъ Рецемундъ (Recemundus), бывшій однимъ изъ катибовъ или дьяковъ дворцовыхъ (clerks of the palace). См. занимательный рассказъ Іоанна (Joannes à Gorz), посланника въ Кордовѣ, у Mabillon. Acta Sanctor. ordinis S. Benedicti, vol. V, p. 404, и дѣльныя замѣчанія Ромей (Romey) Hist. d'Espagne vol. III, p. 214 и сл.» Къ крайнему моему сожалѣнію, какъ это изданіе Мабильона, такъ и сочиненіе Ромей, были имъ вовсе недоступны.

1. Itinéraires de la Terre Sainte... traduits de l'hébreu. par E. Carmoly. Bruxelles. 1847. п. 37. См. переводъ К. А. Россовича въ Валуевск. Сборн. также въ Чт. М. Общ. Мст. и драм. 1847. № 6. переводъ Г. Гартштайтена.

балеяне т. е. Славяне». *Джебаль*-гора — слѣдовательно Славяне, присылавшіе пословъ въ Кордову, были горцы.

Если не ошибаюсь, свидѣтельства эти о сношеніяхъ Славянъ съ Испанією въ X в., могутъ казаться весьма сомнительными и странными, если не вспоминать при семъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ въ Азіи и Африкѣ, о томъ значеніи, какое они у нихъ имѣли, о томъ вліяніи, какимъ они тамъ пользовались. Не приходятъ ли въ этомъ случаѣ сами собою на память выше приведенныя нами извѣстія *Ибнъ-Хаукала*, *аль-Карави* о Славянскихъ рабахъ и невольникахъ въ Испаніи? Не раждается ли самъ собою вопросъ — Славяне, переходившіе къ Арабамъ въ Азію и въ Африку, не перебѣгали ли и не переходили ли къ Арабамъ въ Испанію? Многочисленные плѣнники и рабы Славянскіе, бывшіе у Арабовъ въ Испаніи, не притягивали ли къ себѣ и свободныхъ единоплеменниковъ своихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, которыхъ и безъ того могли тянуть въ Испанію и роскошный ея климатъ, и Славянская удалъ и отвага, которая давала себя знать еще въ VII в. и на Бѣломъ и на Синемъ моряхъ, за которую Арабы Азійскіе и Африканскіе такъ высоко уважали Славянъ, и уваженіе къ которой могли передать и Испанскимъ своимъ братьямъ? Не могли ли такимъ образомъ эти рабы и плѣнники усилить возможность сохраненія своей народности въ Испаніи. и для самихъ себя и для тѣхъ своихъ единоплеменниковъ, которые бы стали переходить въ Испанію добровольно?

Знаменитый ориенталистъ Рено, а за нимъ Гаингосъ, Дози и др. единогласно признаютъ бытность Славянъ въ Испаніи, однако убѣждены, что Славяне проникали туда только черезъ Франковъ, какъ рабы и плѣнники. Но Рено, издавшій свое сочиненіе въ 1836 г. и слѣдовательно еще не знавшій Древностей Шафарика, не обратилъ вовсе никакого вниманія на отношенія Славянъ къ Арабамъ въ Азіи и Африкѣ; смѣю думать, что тогда бы, встрѣчая въ источникахъ Арабскихъ неоднократныя указанія, ясно свидѣтельствующія о томъ, что Славянъ-Сакалиба въ Испаніи было много, Рено едва ли прибѣгнулъ бы къ тому предположенію, что подъ именемъ *Сакалиба* въ Арабскихъ источникахъ надо разумѣть вообще рабовъ, невольниковъ, воен-

ноплѣнныхъ, какой бы націи они ни были, Нѣмцы или Славяне. Напротивъ изъ свидѣтельства Ибнъ-Хаукала и аль-Карави ясно слѣдуетъ, что выраженіе Арабскихъ писателей: «Славянскіе рабы, евнухи» надо объяснять такъ — «рабы и евнухи изъ Славянъ, изъ земель Славянскихъ».

«Писатели Арабскіе всѣмъ рабамъ Нѣмецкимъ и Славянскимъ приписываютъ Славянское происхожденіе и даютъ имъ общее названіе *саклаби*, откуда по всей вѣроятности произошло наше слово *esclave*¹. Большая часть гвардіи эмировъ и халифовъ Кордовскихъ состояла изъ *саклаби* (*de saclabis*, во множ. *сакалиба*). Много этихъ *Сакалиба* было у Сарацынъ Сицилійскихъ, именно въ Палермо, гдѣ цѣлый кварталъ носилъ ихъ имя. Ихъ замѣчали и въ Африкѣ и въ Сиріи¹. Такъ надо объяснять многочисленныя мѣста Арабскихъ летописей, гдѣ упоминаются *Сакалиба* (*des saclabis*), и которыя иначе остались бы непонятными²».

Изъ этихъ словъ почтеннаго Французскаго ученаго ясно открывается, что онъ не обратилъ вниманія ни на свидѣтельство Теофана о Славянскомъ поселеніи въ Сиріи, ни вообще на отношенія Славянъ къ Арабамъ въ Азій, ни морскія силы Славянъ Адриатическихъ, на ихъ отношенія къ Сициліи и къ Африкѣ: иначе бы онъ увидалъ, что нѣтъ никакой необходимости утверждать, что принимая только въ его смыслѣ слово *Сакалиба* (т. е. Славяне въ смыслѣ нарицательномъ, а не собственномъ), можно понять тѣ многочисленныя извѣстія Арабскія, которыя упоминаютъ о Славянахъ-*Сакалиба*.

Ознакомившись съ этими извѣстіями, преимущественно о *Сакалиба* въ Испаніи, пишущій эти строки уже готовъ былъ принять мнѣніе Рено, какъ ни подозрительна его вѣроятность. Къ такой уступкѣ съ своей стороны его сильно убѣждало слѣдующее обстоятельство: Славянъ въ Испаніи было такъ много, что трудно, даже невозможно предполагать, что то были по большей части Славяне, а не сбродъ всякихъ народовъ: ибо

1. Рено при семъ указываетъ на Ibn-Haukal man. arabe de la bibl. royale p. 57 et 62. Charney: Mém. sur la relat. de Massoudy.

2. Reinaud. p. 238.

Славяне, какъ то свидѣтельствуя донинѣ открытыя извѣстія Арабскія, и какъ то доказалъ Рено, и какъ повторили за нимъ Гаингосъ и Дози, проникали въ Испанію только черезъ Пиринеи изъ Франціи, въ качествѣ рабовъ, военноплѣнныхъ, даже евнуховъ.

Какъ ни были Франки сильны и воинственны, однако уводить въ плѣнъ Славянъ слишкомъ въ огромномъ количествѣ они же не могли: да притомъ и Славяне конечно не легко сдавались имъ въ плѣнъ живыми, особенно зная, что ожидаетъ ихъ въ будущемъ. Наконецъ эти Славяне-плѣнники уводимы и продаваемы были не въ одну же Испанію. Если бы эти Славяне-плѣнники были особенно многочисленны, то обратившись въ товаръ, они не были бы особенно дороги: въ 962 или 966 г. Франкскіе владѣтели, въ числѣ разныхъ дорогихъ подарковъ, представили халифу Кордовскому — 20 Славянскихъ евнуховъ. Этотъ случай кажется ясно доказываетъ, что изъ земли Франковъ черезъ Пиринеи въ Испанію Славяне попадали *сравнительно* въ весьма незначительномъ количествѣ, что ясно впрочемъ и само по себѣ. Изъ Ибнъ-Хаукала и аль-Карави узнаемъ, что эти Славяне-плѣнники не все оставались въ Испаніи, а изъ нея, въ числѣ другихъ торговыхъ статей, были отпускаемы и въ Африку.

Впрочемъ Рено старался доказать, что Славяне попадали въ Испанію и изъ Адриатическаго и Чернаго морей. «Бывали эти рабы, — говоритъ онъ, — и на берегахъ Адриатическаго и Чернаго морей, гдѣ до послѣдняго времени Черкесы и Грузины (*peuples de la Circassie et de la Géorgie*) имѣли обыкновеніе отдавать своихъ дѣтей въ обмѣнъ на предметы, имъ необходимыя. Рынокъ ихъ былъ въ Константинополѣ»¹. Я съ своей стороны могу еще указать на слова Димешки, который, сказавъ про обширность пространства, населеннаго племенемъ Славянскимъ, прибавилъ: «потому-то и находили Славянъ-плѣнниковъ въ Андалузіи и въ Хорасанѣ, по причинѣ тѣхъ войнъ, которыя они вели съ Турками и Греками».

1. Reinaud, p. 233 et suiv.: «Au sujet des descentes des Sarrazins sur les côtes de la mer Adriatique, voy. Const. Porphyrogénète. De adm. imp. dans Banduri Imperium Orientale, t. I, p. 88 et suiv. et p. 131.

Слѣдуетъ замѣтить, какъ мало вѣроятно, чтобы Славяне-плѣнники были покупаемы для Андалузій въ Адриатикѣ и въ Черномъ морѣ, ибо, если бы Андалузія такъ нуждалась въ Славянахъ-рабахъ, то не стала бы продавать ихъ въ Африку, какъ о томъ свидѣлствуютъ и Ибнъ-Хаукаль и аль-Карави. Что же касается до словъ Димешки, то прежде всего надо вспомнить, что то былъ писатель довольно поздній, жившій въ XIV в. († 1393 г.) и притомъ въ Азій, а не въ Андалузіи, исторія которой ему могла быть не особенно близко знакома. Наконецъ нельзя и не различать въ словахъ Димешки двухъ обстоятельствъ: во первыхъ онъ зналъ о давнишней многочисленности племени Славянскаго и о бытности нѣкогда Славянъ въ Испаніи; во вторыхъ, не зная навѣрное, какимъ путемъ проникали Славяне въ Испанію, онъ прибѣгнулъ къ предположенію, которое и представилъ въ формѣ утвердительной. Совершенно отвергать справедливость его предположенія было бы вовсе неосновательно, такъ какъ очень возможно, что нѣсколько Славянскихъ плѣнниковъ попадало въ Испанію и такимъ путемъ, говорю нѣсколько, ибо иначе Андалузія не отпускала бы своихъ Славянскихъ рабовъ (которыхъ приобрѣтала отъ Франковъ) въ Африку.

Такимъ образомъ, если и нельзя отвергать, что нѣсколько Славянъ-рабовъ могли попадать въ Испанію и изъ Африки, то нельзя и не согласиться съ несомнѣнностью того вывода, что Славяне-рабы и плѣнники проникали въ Испанію преимущественно и даже исключительно черезъ Пиринеи отъ Франковъ.

Зная съ одной стороны, что Славянская стихія, проникая въ Испанію, только такимъ путемъ, т. е. въ лицѣ плѣнниковъ, рабовъ и евнуховъ, никогда не могла быть въ ней особенно значительна, а съ другой стороны убѣжденный Арабскими извѣстіями въ томъ, что Сакалиба — Славяне въ Испаніи были весьма многочисленны и пользовались великимъ значеніемъ, пишущій эти строки былъ поставленъ въ необходимость — или согласиться съ мнѣніемъ Рено, т. е. принимать здѣсь слово *Сакалиба* не въ смыслѣ собственномъ, а нарицательномъ, и разумѣть подъ этими *Славянами* не только Славянъ, но и Нѣмцевъ

и Испанцевъ, вообще рабовъ и военно-плѣнныхъ, какой бы то ни было національности, или не удовлетворяясь объясненіемъ почтеннаго ориенталиста, прибѣгнуть къ смѣлой гипотезѣ о переходѣ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людей изъ поморья Адриатическаго и изъ Африки къ Арабамъ въ Испанію.

Хотя въ моихъ глазахъ объясненіе Рено и мало-основательно, а въ его маломъ знакомствѣ съ исторіею Славянскою и въ выходѣ его сочиненія до труда Шафарика, лежатъ не только корень его ошибки, но и ея оправданіе, хотя мнѣніе Рено мало-вѣроятно, даже независимо отъ слѣд. соображеній: напр. сами Испано-Арабскія извѣстія не разъ отдѣляютъ Славянь-рабовъ отъ другихъ рабовъ; положимъ сравнительно съ Нѣмцами Славянь должно было быть несравненно больше, ибо торгъ рабами и евнухами происходилъ черезъ Франковъ, которые, какъ Нѣмцы и христіане, конечно, скорѣе и охотнѣе продавали и уродовали Славянь, которыхъ они презирали, какъ Славянь, в язычниковъ и постоянныхъ враговъ своихъ, нежели Нѣмцевъ, своихъ единовѣрцевъ и единоплеменниковъ, однако у Арабовъ въ Испаніи въ числѣ рабовъ были военно-плѣнные, захваченные ими въ войнахъ съ христіанами, съ Испанцами, Франками и сравнительно съ ними Славянь должно было быть гораздо меньше, слѣд. *Сакалиба*, упоминаемые въ Испаніи, не могутъ и не должны быть понимаемы въ смыслѣ нарицательномъ, ибо нигдѣ и никогда меньшинство не даетъ названія, а большинство. т. е. и Сакалиба въ Испаніи должны быть принимаемы въ смыслѣ собственномъ, въ значеніи Славянь подобно тѣмъ Сакалиба, что упоминаются въ Сициліи, Африкѣ и Сиріи и что также разумѣлъ Рено въ смыслѣ нарицательномъ, единственно по незнанію исторіи Славянь въ Азіи, Африкѣ, на поморья Адриатическомъ и въ Сициліи; хотя, повторяю по всѣмъ этимъ соображеніямъ вмѣстѣ, мнѣніе Рено и казалось мнѣ мало-основательнымъ и мало-вѣроятнымъ, и хотя предположеніе о Славянскихъ бѣглыхъ, вольныхъ и гулящихъ людяхъ въ Испаніи, весьма вѣроятное, какъ мы выше видѣли, не можетъ быть отринуто, ибо изъ Массулы, Ибнъ-Хаукала, Эбнъ-Спрота, Ибнъ-Гайяна и Ибнъ-Халдуна мы знаемъ, что Славяне въ X в. имѣли непосредственныя сношенія съ Андалузіею, хотя по видимому

все убѣждало меня, не соглашаться съ Рено, однако, не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ въ пользу своего предположенія, я едва ли бы когда рѣшился предложить на судъ читателей даже свои сомнѣнія въ справедливости мнѣнія Рено и по-давно замѣнять его своимъ собственнымъ предположеніемъ, если бы не одно драгоцѣнное извѣстіе, найденное мною въ сочиненіи позднѣйшаго Арабскаго ученаго компилятора аль-Макари, подъ заглавіемъ: «Исторія Мусульманъ въ Испаніи», извѣстномъ мнѣ въ переводѣ и въ извлеченіяхъ Испанскаго ученаго Гаингоса (1840—3). Не могу не выразить искренняго своего удовольствія, что мнѣ первому, если не ошибаюсь, приходится обратить вниманіе Славянскихъ читателей на это чрезвычайно любопытное извѣстіе.

Седьмой книги, первая глава соч. аль-Макари носитъ слѣд. заглавіе: «Состояніе литературы при Гишамѣ II». Здѣсь между прочимъ говоритъ аль-Макари: «Въ царствованіе Гишамы II и въ правленіе аль-Манзора († 1002 г. по Р. Х.), литература и науки процвѣтали въ Кордовѣ. Даже Славянскіе дворцовые евнухи¹ занимались ими съ величайшимъ успѣхомъ, и Ибну-

1. Замѣчу здѣсь разъ на всегда, что это слово не слѣдуетъ всегда принимать буквально. Евнухъ по-Арабски *хадим*, что есть синонимъ съ Арабскими словами *фата*, *зулам*, *саби*, знач. *puer*, *famulus*, *satelles*. Вотъ слова лучшаго въ настоящее время знатока исторіи Арабской Испаніи: «on pourrait citer des exemples nombreux de cette signification, mais puisque le terme se trouve en ce sens presque à chaque page chez les auteurs qui traitent de l'histoire d'Espagne, je puis me dispenser de multiplier les exemples d'un terme si fréquemment employé; qu'il suffise donc de dire que par les mots... (слѣд. эти четыре Арабскія слова), on désigne *les gardes* ou *les pages à la condition d'esclaves*, souvent aussi les eunuques». Dozy: Recherches sur l'histoire politique et littéraire de l'Espagne pendant le moyen âge. Tome I. Leyde. 1849. p. 206. Ниже въ выпискахъ нашихъ изъ аль-Макари по переводу Гаингоса не разъ будетъ встрѣчаться это слово; при семъ я просилъ бы читателей не забывать ни словъ Дози, ни того также обстоятельства, что Гаингосъ вовсе не предполагалъ возможности проникать Славянамъ въ Испанію не черезъ Пиринеи, какими путемъ попадали туда рабы и евнухи, и потому можетъ быть при словѣ Славянинъ ставилъ слово *евнухъ* и тогда, когда того текстъ аль-Макари и не требовалъ. Впрочемъ и самъ аль-Макари, какъ писатель позднѣйшій (XVII в.), очень легко могъ не знать о переходѣ въ Испанію Славянскихъ вольныхъ и гулящихъ людей, и ничего не слышать объ исторіи отпущеній Славянъ къ Арабамъ въ Азію, Африку и Сицилію, и имѣя передъ собою

Гайянь (Арабскій историкъ XI в., по словамъ Дози *le plus grand historien de l'Espagne*), сохранилъ имена многихъ (*the names of several*), отличившихся своими произведеніями въ разныхъ родахъ литературы. Одинъ изъ нихъ былъ *Фатимъ*, который не имѣлъ себѣ соперника въ знаніи языка Арабскаго, и по смерти котораго въ 1029 г. было продано великолѣпное собраніе дорогихъ книгъ (*a beautiful collection of valuable books*). Славянинъ именемъ Габибъ написалъ сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ¹», сочиненіе, въ которомъ онъ сообщаетъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и народныя пѣсни (собственно и *стихи*) Славянъ². — (*Gayang II, 200*). Это извѣстіе побудило меня смѣло заявить свое предположеніе о добровольномъ переходѣ къ Арабамъ въ Испанію охочихъ, вольныхъ и гулящихъ Славянъ. Надѣюсь, извѣстіе это достаточно его оправдываетъ, ибо само по себѣ доказываетъ, что Славяне въ Испаніи были многочисленны, занимали видное положеніе, сохраняли свою народность, гордились ею и выставляли на видъ свои племенные заслуги, чего быть не могло, если бы они попадали въ Испанію только черезъ Пиринеи, изуродованные, изъ рукъ Франковъ.

Если бы Славяне въ Испаніи были малочисленны, не занимали виднаго въ ней положенія, не сохраняли своей народности, не гордились ею и не выставляли на видъ своихъ племенныхъ заслугъ, то 1) нельзя бы было указывать Арабамъ на то,

---

однѣ извѣстія Ибнъ-Хаукала и аль-Карами, очень легко могъ, подобно Рено и Гаянгосу, предположить, что Славяне проникали въ Испанію единственно только черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ.

1. Гаянгосъ, приведя заглавіе по-Арабски, замѣтилъ: «which literally translated, means «clear and victorious arguments against those who deny the excellences of the Slavonians».

2. Сообщаю это драгоценное извѣстіе подлинными словами Англійскаго переводчика: «A Slavonian, named Habib is said also to have written a work entitled «clear proofs and victorious arguments (in favour) of the excellences of the Slavonic race», in which he introduced all manner of entertaining anecdotes, history and verses of the Slavonians».

что Славяне, жившіе въ Испаніи, занимались литературою и науками и имѣли разныхъ писателей, весьма замѣчательныхъ. напр. *Фатима*, который въ искусствѣ владѣть Арабскимъ языкомъ не зналъ себѣ соперника. Чтожъ тутъ было бы особеннаго или удивительнаго, если бы Славяне въ Испаніи не знали и не сохраняли своего языка? если бы ихъ было мало, кто бы ихъ замѣтилъ? если бы занимали ничтожное положеніе, они бы никогда не получили возможности приобрѣтать такіа познанія, такіа собранія книгъ; если бы Славяне въ Испаніи были только рабы и евнухи, то для того, чтобы выучиваться такъ хорошо языку Арабскому, весьма трудному, надо имъ было попадать въ Испанію не иначе, какъ юношами и мальчиками, а въ такомъ случаѣ они легко должны были забывать свой родной языкъ, скоро утрачивать свою народность, — чтожъ въ такомъ случаѣ удивительнаго и даже заслуживающаго вниманія въ томъ, что такіе-то Славяне писали по Арабски и упражнялись въ разныхъ родахъ литературы? 2) Если бы въ Славянахъ Испанскихъ не жило чувства народной гордости, то не было бы возможно явленіе Габиба, такого Славянина-историка, который поставилъ себѣ задачею сохранить на память въкамъ позднѣйшимъ дѣла и подвиги своихъ единоплеменниковъ, съ цѣлю показать ихъ заслуги и ясно и побѣдоносно испровергнуть лживые толки ихъ недоброхотовъ. Явленіе Габиба, надѣюсь, убѣдительно доказываетъ, что Славяне, жившіе въ Испаніи, проникали въ нее не только черезъ Пиринеи, въ качествѣ военно-плѣнныхъ, рабовъ и евнуховъ, но и какъ вольные, гуляшіе люди, которыхъ Арабы Испанскіе могли принимать тѣмъ охотнѣе, что ихъ Сицилійскіе, Африканскіе и Азійскіе братья давно уже водили дружбу со Славянами. Наконецъ къ явленію Габиба мы, такъ сказать, уже приготовлены извѣстіями — о Славянинѣ Модаферѣ, который училъ письму юнаго Моэза, халифа Фатимидскаго, владѣлъ отлично Арабскимъ языкомъ не только изустнымъ, но и письменнымъ, и въ то же время сохранялъ свою Славянскую народность и не забывалъ своего роднаго языка, — о Славянинѣ Фатинѣ († 1029 г.), не знавшемъ себѣ равнаго въ искусствѣ владѣть Арабскимъ языкомъ и обладавшемъ прекрасною библіотекою, а также и о другихъ Сла-

вянахъ, отличавшихся въ разныхъ родахъ литературы. Это послѣднее соображеніе въ связи съ предъидущими обличаетъ всю законность явленія Габиба — посреди Славянъ Испанскихъ, и надѣюсь, всю справедливость предполагаемаго ею объясненія: если Славяне въ Испаніи были многочисленны, и хотя воспитывались въ мусульманствѣ, сохраняли однако свою народность, занимая въ ней видное положеніе, не забывали своего отечественнаго языка, гордились своими племенными заслугами, то они должны были имѣть и своего историка и даровать литературѣ Арабской Габиба, такъ какъ обладали нужными къ тому дарованіями и средствами, добытыми ими въ высокой тогда образованности Арабо-мусульманской, которую себѣ они усвоили такъ, что многіе изъ нихъ съ великимъ успѣхомъ занимались литературою и науками, а нѣкоторые, подобно Фатину, считались у самихъ Арабовъ писателями образцовыми по языку. Такое объясненіе, наиболѣе кажется справедливымъ и едва ли не единственно возможное, внушило мнѣ смѣлость настаивать на необходимости принимать за вѣрное то предположеніе наше, что Славяне переходили въ Испанію охотно и свободно, въ качествѣ вольныхъ и гулящихъ людей, а не только въ качествѣ военно-плѣнныхъ и невольниковъ, которыхъ уродовали Франки и продавали Арабамъ въ Андалузію. Богатство страны, удобство сообщеній, гордая отвага, дерзкая предприимчивость, жажда новаго, присущая всякому молодому и свѣжему народу, Славянская удалъ съ Славянскимъ же *авось*, приглашенія и призывы самихъ Арабовъ, именно халифовъ, которымъ, чтобы сломить нѣкогда равныхъ себѣ аристократовъ, нужда была во внѣшней силѣ, въ иностранномъ войскѣ, давнѣйшее знакомство Арабовъ со Славянами въ М. Азій, Сириі, Африкѣ и Сициліи, ихъ тѣсныя связи и участіе Славянъ въ сухопутныхъ и морскихъ силахъ Арабовъ, высокое мнѣніе сихъ послѣднихъ о народности Славянской, всѣ эти обстоятельства и соображенія, совершенно несомнѣнныя и неопровержимыя, какъ каждое отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ, могли служить достаточными побудительными причинами для такого свободного и добровольнаго перехода Славянъ къ Арабамъ въ Испанію.

Не только эти соображенія, но и боязнь неточнаго и невр-

наго объясненія, побудили меня слова Англійскаго переводчика — *verses of the Slavonians* понимать въ смыслѣ народныхъ пѣсенъ, преданій. Иначе же надо читать — «стихи Славянъ писавшихъ по Арабски», что едва ли не очень нелѣпо. Славянинъ Габибъ написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицають превосходныя качества Славянъ», сочиненіе, въ которомъ представлялъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и стихи Славянъ» (*in which he introduced all manner of entertaining anecdotes, history and verses of the Slavonians*). Если здѣсь подъ словомъ *verses* не разумѣть народныхъ Славянскихъ стиховъ, сказаній, преданій, а только стихотворенія Славянъ, то какъ же тогда понимать слово *history*? Аль-Макари говоритъ, что по свидѣтельству Ибну-Гайяна, Славяне отличались въ разныхъ родахъ литературы. Съ чего бы Габибъ въ доказательство превосходныхъ качествъ своихъ единоплеменниковъ, сталъ бы говорить объ однихъ стихотворцахъ? Въ ожиданіи полнаго изданія подлиннаго текста аль-Макари и Русскаго перевода всѣхъ изъ него мѣстъ, касающихся Славянъ въ Испаніи, а также и исполненія бытъ можетъ не напрасныхъ нашихъ надеждъ на болѣе подробныя извѣстія о такомъ въ высшей степени важномъ явленіи, каковъ Славяно-Арабскій историкъ Габибъ¹,

1. Надежды наши основываются, во-первыхъ, на слѣдующихъ словахъ Дози, великаго знатока Арабской письменности: «*quiconque connaît nos catalogues, et a eu l'occasion de les comparer avec les livres qui y sont décrits, sait que nous possédons bien de trésors dont on ignore l'existence* (Rech. p. 228); а во-вторыхъ, на слѣдующемъ соображеніи: въ XI в. правителемъ въ Тортозѣ былъ Славянинъ *Лабибъ*; Галягось же называетъ его *Габибъ*. Дози, обличивъ ошибку Галягоса, нашель нужнымъ при семъ замѣтить: «*Ai-je tort quand j'avance qu'il faut toujours consulter le texte arabe d'al-Makkari, et qu'il ne faut point s'en rapporter à la traduction anglaise? Quand je publierai dans un autre volume de cet ouvrage, des Extraits de l'ouvrage d'Ibn Bassâm, j'aurai à revenir sur l'histoire de Tortose, parce qu'Ibn-Hatyan, copié par Ibn-Bassâm, nous a laissé sur l'histoire de cette ville et sur Labib, son gouverneur, des renseignements précieux*». (Rech. 200). Если здѣсь Галягось читалъ ошибочно *Габибъ* вмѣсто *Лабибъ* или *Дебибъ*, то не ошибся ли онъ и въ написаніи имени историка Габиба? Не откроется ли тождественность Славянина-историка съ Славяниномъ-правителемъ въ Тортозѣ? Тотъ и другой жили въ XI в., тотъ и другой Славяне, о томъ и другой говоритъ Ибну Гайяна.

мы позволимъ себѣ въ заключеніе замѣтить, что Славянинъ Габибъ, по всей вѣроятности воспитанный въ мусульманствѣ, подобно прочимъ своимъ землякамъ получилъ хорошее образованіе и, полный чувства народной гордости, написалъ сочиненіе о дѣлахъ и подвигахъ своихъ единоплеменниковъ, конечно преимущественно въ Испаніи, хотя по всей вѣроятности не преминулъ сказать и вообще объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ. — сочиненіе свое написалъ на языкѣ Арабскомъ, языкѣ своей вѣры и образованности подобно тому, какъ его соплеменники Чехъ Козьма Пражскій, Сербъ Діоклеецъ, Полякъ Кадлубекъ, описывали дѣла своихъ предковъ, на языкѣ своей вѣры и образованности, на языкѣ Латинскомъ, или неизвѣстный Болгаринъ написалъ житіе св. Климента на языкѣ Греческомъ¹.

Явленіе Габиба, легко и просто объясняемое многочисленностью Славянъ въ Испаніи и ихъ положеніемъ въ ней, само въ свою очередь необходимо указываетъ на эту многочисленность.

III. Арабы, по смерти своего гениальнаго Пророка, въ короткое время совершили самыя блистательныя завоеванія не только въ Азію, Африкѣ, но и въ южной и западной Европѣ, гдѣ впрочемъ побѣда Карла Мартелла вскорѣ принудила ихъ ограничиться одною Испаніею². Хотя побѣда эта и не могла въ Мусульманахъ истребить еще надежды на завоеваніе остальной христіанской Европы и тѣмъ менѣе остановить на будущее время ихъ опустошительныхъ набѣговъ, все таки она имѣла рѣшительное вліяніе на судьбу христіанства въ западной Европѣ, показавъ христіанамъ на дѣлѣ, какъ надо встрѣчать и какъ

Въ чемъ заключаются эти драгоценныя извѣстія (*des renseignements précieux*), сохраненныя у Ибнъ-Бассамъ и списанныя имъ у Ибнъ-Гайна о Лебнѣ? Съ нетерпѣніемъ ожидаемъ 2-й части труда Доля.

1. Vita S. Clementis Episcopi Bulgarorum. ed. Fr. Miklosich. Vindobonae. p. 28. 1847. τοῖς Βουλγαροῖς ἤμῃν.

2. Weil: Geschichte der Khalfen. — Reinaud: Invasions des Sarrazins en France, et de France en Savoie, en Piémont et dans la Suisse pendant les VIII, IX et X siècles de notre ère, d'après les auteurs chrétiens et mahométans. Paris. 1836. 8°.

должно провозжать этихъ жаркихъ поклонниковъ Корана. Долго и послѣ того продолжали Арабы наводить страхъ на Европу и нынѣшняя Франція еще долго терпѣла отъ ихъ грозныхъ походовъ¹. Но все же участь ея была уже обезпечена, благодаря Карлу Великому, шедшему въ этомъ отношеніи по примѣру своего великаго предка. Побѣды христіанъ, навсегда остановившія дальнѣйшее распространеніе мусульманства въ Европѣ, были благодѣтельны едва ли не столько же, какъ для западнаго христіанства, и для самихъ Сарацынъ. Отнынѣ болѣе сосредоточенные въ извѣстныхъ предѣлахъ, они не растрчиваютъ своихъ внутреннихъ силъ на одни грабежи и насилія, не мечтаютъ уже объ одной войнѣ и завоеваніяхъ, искажающихъ и быть и внутреннюю природу народа, который живетъ ими исключительно. Теперь это богато одаренное племя устремляетъ свою дѣятельность на внутреннее развитіе и, не утрачивая своей воинственности, преимущественно обращается къ изученію образованности древняго міра и къ созданію своей собственной, въ чемъ ему и удалось такъ, что несмотря на всю ея односторонность, хорошо объясняющую ея непомирно-быстрое развитіе, образованность эта никогда не перестанетъ удивлять всякаго безпристрастнаго наблюдателя. Въ наше время, когда даже самыя горячія поклонникамъ средневѣковаго христіанскаго Запада становятся все очевиднѣе, какъ странно и какъ велико было искаженіе Евангельскаго ученія въ средніе вѣка, въ наше время, слава Богу, уже возможно утверждать, что эта блестящая, хотя и односторонняя образованность Арабская во многомъ превосходила современную ей христіанскую на Западѣ, который обязанъ ей многимъ, хотя и до недавняго времени не переставалъ величать Арабовъ варварами. Но прошли предрасудки, на Западѣ стали безпристрастно и пристально изучать ихъ исторію, ихъ литературу, ихъ памятники искусства; прежнія понятія измѣнились; увидали, что мѣсто Арабамъ въ исторіи челоуѣчества суждено занять довольно видное. Какъ однако ново и недавно такое безпристрастіе, примѣръ тому исторія Испаніи. Страна, въ которой долго господствовали Арабы, гдѣ

1. См. Reinaud, *ibid.*

они оставили свои слѣды, понынѣ неизгладимые, какъ въ памятникахъ искусства, такъ въ обычаяхъ и нравахъ народныхъ. Испанія, черезъ которую проникла Арабская стихія и на Западъ, понынѣ не можетъ представить скольконибудь полной и удовлетворительной исторіи въ періодъ мусульманскаго въ ней владычества. Трудность языка, малая доступность источниковъ также мало объясняютъ это обстоятельство, какъ и недостатокъ пылкости и жажды знанія, за что уже никто не упрекаетъ Европейца. Национальные предрассудки и другія заблужденія не только долго мѣшали Западу съ любовью приступить къ изученію Арабской стихіи въ исторіи человѣческой образованности, но даже и навсегда погубили множество драгоценныхъ памятниковъ и источниковъ, которые безспорно не мало бы свѣта пролили на исторію и географію самой Европы. Не разумѣю здѣсь гибели памятниковъ, происходившей не разъ во время народныхъ войнъ за вѣру и независимость. Такія сожалѣнія слишкомъ педантическія, имъ какъ-то совѣстно предаваться при мысли о возстаніяхъ массъ: свобода всякой народности— святыня... Но за то тѣмъ возмутительнѣе дѣйствуютъ на душу такія истребленія, что идутъ отъ отдѣльныхъ личностей, по своему умственному развитію стоящихъ выше уровня массъ, во времена намъ близкія и, что еще отвратительнѣе, во имя христіанства, во имя свѣта и любви. Кардиналъ Хименесъ приказалъ 80,000 Арабскихъ рукописей сжечь на площадяхъ Гранады, такъ какъ онѣ содержали въ себѣ ученія, мѣшавшія распространенію христіанства въ побѣжденномъ народѣ. Да и послѣ того не разъ были отбираемы Арабскія рукописи отъ ихъ владѣтелей и предавались огню. Совершенно такимъ же образомъ, замѣчу кстати, дѣйствовала и единовѣрная Испаніи Австрія напр. съ нашими соотечественниками Чехами послѣ роковой Бѣлогорской битвы. Войскомъ водворенные въ Чехіи езуиты и инквизиція также точно во имя христіанства, истребляли множество Чешскихъ книгъ и рукописей, какъ содержащихъ въ себѣ ученія Гусситскія и слѣдовательно противныя распространенію католицизма въ побѣжденномъ народѣ. Еще менѣе столѣтія тому назадъ, почти современникъ и Ломовосова и Новикова и Конарскаго, благочестивый езуитъ Коняшъ (†1760) хвалился, какъ

праведнѣйшимъ своимъ подвигомъ, тѣмъ, что собственноручно сжегъ до 60,000 Чешскихъ книгъ и рукописей. Небреженіе Арабской литературою было причиною, что пожаръ въ Эскуриалѣ (въ XVII в.) истребилъ въ немъ болѣе $\frac{3}{4}$ восточныхъ рукописей. Наконецъ въ 1760—70 г. явился трудъ Казири — Каталогъ Арабскихъ рукописей въ Эскуриалѣ (*Bibliotheca Arabica Hispans Escurialensis*), трудъ весьма почтенный для того времени, но тѣмъ не менѣе исполненный великихъ недостатковъ. Въ своемъ изданіи и переводѣ разныхъ Арабскихъ отрывковъ, онъ надѣлалъ ошибокъ, такъ какъ былъ мало знакомъ съ предметомъ ¹. Въ исторіи науки первое за нимъ мѣсто принадлежитъ Испанскому историку Конде, издавшему свою Исторію господства Арабовъ въ Испаніи, въ 1820 г. Въ книгѣ его было заявлено, что она написана на основаніи Арабскихъ источниковъ. Съ тѣхъ поръ всѣ позднѣйшіе писатели по исторіи Испаніи, какъ Нѣмцы, такъ и Французы — Ашбахъ, Шеферъ, Росью Сентъ-Илеръ, Ромей считали долгомъ слѣдовать этому руководителю, весьма почтенному по ихъ мнѣнію. Въ 1840 — 3 г. Испанецъ Паскуаль де Гаянгосъ издалъ на Англійскомъ языкѣ въ Лондонѣ переводъ и извлеченія изъ сочиненія Арабскаго писателя аль-Макари (†1631 г.), написавшаго исторію мусульманскихъ династій въ Испаніи и пользовавшагося древнѣйшими Арабскими рукописями, изъ коихъ многія не дошли до насъ. Прежде Гаянгоса уже отчасти познакомилъ Европейскую публику съ замѣчательнымъ сочиненіемъ аль-Макари Англійскій ученый *Мурфи* (*Murphy*); который въ своемъ сочиненіи «Исторія мусульманской монархіи въ Испаніи» представилъ довольно длинныя извлеченія изъ необыкновенно важнаго, компиляторскаго труда аль-Макари. Тѣмъ не менѣе своимъ переводомъ, извлеченіями и примѣчаніями Гаянгосъ оказалъ важную услугу наукѣ. Указываемые недостатки и ошибки его перевода слишкомъ немногочисленны для того, чтобы было можно буквально принимать мнѣніе новѣйшаго ученаго Дози, безспорно лучшаго въ наше время знатока мусульманской исторіи Испаніи. Мнѣ представляется оно и слишкомъ рѣзкимъ и далеко неоправдан-

1. См. предисловіе Гаянгоса.

нымъ. Уже Гаянгосъ въ своемъ предисловіи (р. XI) весьма рѣзко отмѣтилъ всю ничтожность сочиненія Конде: «Одно и то же событіе передается часто по вѣсколку разъ и совершенно различно, одно и то же лицо неоднократно является на сцену подъ разными именами». «Книга Конде исполнена самой страшной путаницы, напр. три послѣднія главы втораго тома, съ весьма малыми измѣненіями въ словахъ, повторены въ третьемъ томѣ.» «Надо прибавить, говоритъ Гаянгосъ, что Конде, подверженный умственному разстройству и болѣзнямъ, былъ пораженъ смертію среди своихъ работъ, что его неоконченная рукопись попала въ руки людей, вовсе незнакомыхъ съ предметомъ, только увеличившихъ ошибки, вмѣсто того, чтобы ихъ исправить».

Въ 1849 г. Голландскій Арабистъ Доли, уже извѣстный нѣсколькими прекрасными трудами, издалъ свои «Исслѣдованія по политической и литературной исторіи Испаніи въ Средніе Вѣка». Въ посвященіи своемъ извѣстнымъ Французскимъ ориенталистамъ, Рено и Дефремери, вотъ что Доли нашелъ нужнымъ сказать о сочиненіи Конде:

«Чрезвычайно богатымъ воображеніемъ восполняя недостатокъ знаній, самыхъ первоначальныхъ, онъ выдумываетъ сотни данныхъ, сочиняетъ тысячи былей, всегда завѣряя читателя, что онъ точно слѣдуетъ Арабскимъ текстамъ.

Новѣйшіе историки, ни мало не подозрѣвая въ немъ обманщика, весьма добродушно переписывали всю эту ложь; иногда они даже оставляли позади своего руководителя, соображая его выдумки съ извѣстіями Латинскихъ и Испанскихъ авторовъ, которыхъ они также искажали.

Удивительное дѣло! Ориенталисты самые почтенные были поддѣты и слѣдовали этому блудящему огню.

Надо признаться, что Конде принялъ всѣ мѣры, чтобы нельзя было легко открыть обманъ: прикрывается какимъ-то добродушіемъ. Въ своемъ предисловіи онъ указываетъ на рукописи, которыми пользовался: но и эти показанія его не точны; такъ напр. онъ говоритъ, что для исторіи малыхъ династій XI в. онъ преимущественно пользовался Ибнъ-Башковаломъ. Вы и я, мы знаемъ это сочиненіе. ибо оно хранится въ б-кѣ Восточнаго Общества; знаемъ также, что этотъ біографическій

словарь содержитъ въ себѣ полезныя свѣдѣнія для исторіи письменности, для исторіи же политической онъ почти вовсе не имѣетъ никакого значенія».

Вотъ отзывъ Дози о Гаянгосѣ:

«Но сочиненіе Конде въ эти послѣдніе годы не было ли замѣнено сочин. г. Гаянгоса? *Этотъ ученый, какъ свидѣтельствуетъ его предисловіе, желалъ представить Критическую Исторію Испанскихъ Арабовъ*¹.

На этотъ вопросъ, не входи въ разборъ книги Гаянгоса, отвѣчаю слѣд. словами графа Сиркура. По этому предмету я могъ бы сказать гораздо болѣе, чѣмъ то позволяетъ письмо. Вотъ что читаемъ въ книгѣ *Histoire des Mores Mudajares et des Morisques* (t. III, p. 334): «Les documens arabes, je veux dire que l'on peut consulter facilement lorsque l'on n'est pas versé dans les langues orientales, se reduisent à un petit nombre. J'ai suivi généralement l'Histoire de la domination des Arabes en Espagne, par Conde, ouvrage inachevé, mais le plus copieux, et à tout prendre le mieux digéré de tous ceux, qui ont été faits sur le même plan. Les extraits donnés par Casiri, et la traduction publiée par M. Gayangos, m'ont fourni le moyen de contrôler quelquefois Conde». Я слышалъ, что г. Ла-Фуэнте Алкантара, точно также незнакомый съ языкомъ Арабскимъ, слѣдовалъ той же методъ въ своей Исторіи Гранады. *Слѣдовательно книга г. Гаянгоса не замѣнила книги Конде. Наконецъ есть цѣлыя періоды, о которыхъ сочиненіе Англійское сообщаетъ свѣдѣнія студныя и поверхностныя*».

1. Вотъ подлинныя слова Гаянгоса: «I fixed upon Al-Makkari's text as being the only one, to my knowledge, presenting a continuous history of the conquests and settlements of the Mohammedans in Spain, and thus offering a vast field for such illustrations and additions from other historians as I proposed to collect, so as to form a sort of «Critical history of the Spanish Arabs». По моему слабому разумѣнію, изъ предисловія Гаянгоса вовсе не слѣдуетъ, чтобы въ настоящемъ трудѣ своемъ онъ уже видѣлъ критическую исторію. Наконецъ и въ заглавіи его сочиненія не видать того гордаго притязанія, которое, кажется, нѣсколько поспѣшно приписалъ Дози Гаянгосу. Вотъ полное заглавіе: «The History of the Mahomedan Dynasties in Spain... by Ahmed Ibn-Mohammed Al-Makkari, translated from the copies in the library of the British Museum, and illustrated with critical notes on the history, geography, and antiquities of Spain, by Pascual de Gayangos, Member of the Oriental translation Committee, and late professor of Arabic in the Athenaeum of Madrid. In two volumes. MDCCCXI.—III. in-fol.

Я съ намѣреніемъ привелъ слова Дози для того, чтобы дать понять читателю, почему я считаю ихъ нѣсколько рѣзкими и даже не совсѣмъ справедливыми. Если бы трудъ Гаянгоса стоялъ на одной доскѣ съ книгою Конде, какъ то слѣдуетъ изъ словъ Дози: «le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde» — то зачѣмъ Дози прямо не выразилъ этого и безжалостно не обличилъ Гаянгоса, *прямою наслѣдника Конде*, котораго онъ казнить такъ немилосердно, и едва ли опять во всемъ справедливо и не съ излишнимъ увлеченіемъ¹. Для кого могутъ быть доказательны слова графа Сиркура? Я не имѣлъ случая видѣть его сочиненія, въ чемъ впрочемъ ни мало не раскаиваюсь. однако позволю себѣ замѣтить, что приведеннаго изъ него мѣста довольно для того, чтобы утверждать безошибочно, что этотъ писатель лишенъ почти всякаго ученаго образованія, эрудиціею обладаетъ фельетонною. Если бы графъ Сиркуръ внимательно прочелъ Гаянгоса, то окончательно бы убѣдился, что сочиненіе Конде исполнено всякихъ нелѣпницъ и особеннаго вниманія не заслуживаетъ. Но Сиркуръ книги Гаянгоса не изучалъ, пропустилъ даже его предисловіе, гдѣ этотъ ученый положительно высказалъ мнѣніе о Конде и подтвердилъ его доказательствами. Оттого-то онъ и сказалъ про сочин. Конде: «ouvrage inachevé, mais le plus copieux, et à tout prendre le mieux digéré de tous ceux qui ont été faits sur le même plan». — Графъ Сиркуръ плохо зналъ не только Гаянгоса, но и самого Конде, иначе бы онъ замѣтилъ, что три послѣднія главы второй части почти буквально повторены въ третьей. Графъ продолжаетъ: «Les extraits donnés par Casiri, et la traduction publiée par M. Gayangos, m'ont fourni le moyen de contrôler quelquefois Conde». Уже одно очевидно фельетонное направленіе графа Сиркура доказываетъ намъ, что онъ и не думалъ и не могъ подумать о какомъ нибудь контролѣ, о какой-либо повѣркѣ; слова: «le moyen de contrôler quelquefois» — стоятъ у него для одной

1. По моему крайнему разумѣнію, слова Гаянгоса о Конде достаточны для того, чтобы не вѣрить его книгѣ. Болѣзни и преждевременная смерть Конде, которыя отмѣтилъ Гаянгосъ и о которыхъ умолчалъ Дози, удовлетворительно объясняютъ всѣ нелѣпницы его сочиненія, а также дѣлаютъ излишними рѣзкія и жестокія нападки на нравственный его характеръ.

Фразы. Справедливо ли заключать изъ его словъ, что сочиненіе Гаянгоса не замѣнило сочиненія Конде — *Le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde.* Книга Конде не годна ни на что; того же и подумать нельзя о книгѣ Гаянгоса. Наконецъ и самъ Дози никогда не имѣлъ и мысли о томъ, чтобы Гаянгоса уравнивать съ Конде. Онъ только увлекся полемическимъ тономъ и сказалъ болѣе, чѣмъ думалъ и могъ сказать. Такъ вслѣдъ за этимъ поспѣшнымъ заключеніемъ Дози не преминулъ прибавить нѣсколько смягчительныхъ словъ: *«Le livre de M. de Gayangos n'a donc pas remplacé celui de Conde. Aussi y a-t-il des périodes entières sur lesquelles le livre anglais ne donne que des renseignements maigres et vagues».* Слѣдовательно и во мнѣніи Дози сочиненіе Гаянгоса вовсе ничего не имѣетъ общаго съ кнѣгою Конде. Наконецъ въ своемъ сочиненіи Дози не разъ ссылается на книгу Гаянгоса и не разъ пользуется его примѣчаніями и приложеніями. Правда онъ ссылается и на Конде иль лучше приводитъ мѣста изъ его книги, но вѣдь только для того, чтобы показать, какъ все у него исковеркано и переименовано. Дози не разъ указываетъ на промахи и ошибки Гаянгоса, но съ недостатками Конде у нихъ нѣтъ ничего общаго. Напротивъ того самыя ошибки Гаянгоса обличаютъ его добросовѣстность; въ своихъ примѣчаніяхъ онъ иногда противорѣчитъ своимъ же словамъ въ текстѣ, оттого, что невѣрно читалъ какое-нибудь Арабское слово.

Читая трудъ Гаянгоса, по истинѣ исполняешься невольнымъ уваженіемъ къ этому почтенному ученому. Съ превосходными изслѣдованіями Дози я ознакомился уже въ послѣдствіи: неблагоприятный его отзывъ о Гаянгосѣ, при всемъ моемъ глубокомъ уваженіи къ ученымъ заслугамъ и дарованіямъ Дози, не могъ истребить и даже совершенно пошатнуть уваженія моего къ ученому переводчику и комментатору аль-Макари. Читая Гаянгоса, вы ни на минуту не забываете, что пора изслѣдованій въ Исторіи Мусульманской Испаніи только что наступаетъ. Онъ безпрестанно вамъ открываетъ въ предметѣ новыя стороны, наводитъ васъ на новые вопросы, никогда не скрывая трудности ихъ разрѣшенія. Не знаю, какъ для другихъ, а по мнѣ все это признаки, обличающіе ученаго добросовѣстнаго, из-

слѣдователя дѣльнаго. Во всякомъ трудѣ, тѣмъ болѣе, въ такомъ обширномъ, какъ сочиненіе Гаянгоса и по предмету столь новому и малоработанному, промахи и ошибки неизбѣжны. Для меня же, какъ неспециалиста по этой части, не могло не послужить благоприятнымъ свидѣтельствомъ въ пользу книги Гаянгоса то обстоятельство, что ея чтеніе не разъ приводило меня къ такимъ соображеніямъ, заключеніямъ и наведеніямъ, которыя совершенно потомъ оправдались, когда читалъ я сочиненіе Дози. Такъ напр. читая Гаянгоса, я постепенно приходилъ къ тому твердому убѣжденію, что въ настоящее время крайне необходимо изданіе Арабскихъ текстовъ и источниковъ. Дози же въ своемъ предисловіи такъ нашелъ нужнымъ выразиться о современномъ положеніи исторіи Арабовъ въ Испаніи: «L'histoire de l'Espagne au moyen âge est à refaire. Je crois que l'on fera bien d'abandonner la route suivie jusqu'à présent. Au lieu de *faire de l'histoire*, on fera mieux peut être d'étudier et de publier d'abord les textes».

■■■. На бытность Славянъ въ Испаніи уже не разъ указывали ученые, какъ напр. Шармуа, Рено, Ашбахъ, (Gesch. d. Ommajad.), Гаммеръ (Gemäldeaal), Шеферъ, Гаянгосъ и Дози. У насъ дѣлали указаніе на это гг. Савельевъ (Мух. Нумизм.) и Куникъ (Ber. d. schw. Rods.).

Послѣ изданія въ свѣтъ перевода аль-Макари, свѣдѣній о Славянахъ въ Испаніи накопилось весьма достаточное количество и пишущій эти строки полагалъ, что Славянисту не обращать на нихъ вниманія было бы непростительно. Приступая къ изложенію всѣхъ извѣстныхъ мнѣ данныхъ о Славянахъ въ Испаніи въ періодъ мусульманскій, прежде всего считаю долгомъ замѣтить, что главнѣйше и даже исключительно при семъ руководствовался я сочиненіемъ аль-Макари въ переводѣ Гаянгоса, его примѣчаніями и дополненіями, а также и изслѣдованіями Дози. Было бы слишкомъ несвоевременно толковать теперь о значеніи Славянской стихіи въ мусульманской Испаніи, о степени участія Славянъ въ Испано-Арабской образованности. Прежде надо собрать какъ можно болѣе данныхъ, очистить ихъ и разработать критически, а потомъ уже приниматься за рѣше-

ніе вопроса — что именно внесли Славяне въ образованность Арабскую? вопроса весьма важнаго и кажется неизбежнаго, ибо Славяне, напр. въ мусульманской Испаніи играли весьма незначительную роль, въ чемъ, при всей нынѣшней переработанности источниковъ, положительно удостовѣряютъ насъ и извѣстные намъ факты и мнѣнія такихъ ученыхъ, каковы, напр. Гаангосъ и Дози.

При изложеніи настоящихъ своихъ свѣдѣній объ этомъ предметѣ автора руководило скромное желаніе возбудить вопросъ и вызвать къ его рѣшенію другихъ болѣе его достойныхъ дѣятелей. Быть можетъ при всемъ своемъ желаніи оставаться простымъ передатчикомъ фактовъ, по незнанію своему языка Арабскаго, онъ легко введенъ былъ въ нѣкоторыя ошибки и погрѣшности, слишкомъ много довѣряя, напр. Англійскому переводчику аль-Макари. Онъ убѣжденъ въ тоже время, что всякой Славянистъ охотно присоединитъ свой голосъ къ его усердной просьбѣ, обращенной къ нашимъ ориенталистамъ, просьбѣ провѣрить предлагаемыя здѣсь свѣдѣнія: начатое въ Лейденѣ изданіе подлиннаго текста аль-Макари, успѣшно кажется приводится къ окончанію. Безспорно большую бы услугу оказалъ наукѣ тотъ изъ нихъ, кто перевелъ бы на Русскій языкъ всѣ мѣста, относящіяся до Славянъ не только изъ аль-Макари, но и изъ текстовъ, издаваемыхъ теперь ученымъ Арабистомъ Дози.

IV. Ашбахъ, а за нимъ Гаммеръ и Шеферъ, сообщили слѣдующія два любопытныя извѣстія, во первыхъ о томъ, что у халифа Кордовскаго аль-Гакема I († 822 г. по Р. Х.), въ числѣ тѣлохранителей было 2 тысячи Славянъ, которыхъ Арабы называли Нѣмыми, ибо они не умѣли говорить по Арабски; во вторыхъ о томъ, что Аблуррахманъ III († 961 г.), держалъ между тѣлохранителями 4 тысячи Славянъ¹.

Аль-Макари ничего не говоритъ объ этой Славянской гвардіи. Вотъ его слова объ аль-Гакемѣ: «Онъ былъ одинъ изъ

1. Aschbach: Gesch. d. Ommajad. S. 229. — Schäfer: Gesch. von Spanien. B. II. S. 163. — Hammer: Gemäldesaal. III, 68.

первыхъ государей этой династїи, окружившій престолъ свой подобающимъ великолѣпіемъ и могуществомъ. Онъ увеличилъ число мамелюковъ, такъ что оно доходило до 5,000 конницы и 1,000 пѣшихъ. Ибнъ-Халдунъ и друг. говорятъ, что онъ первый ввелъ правильное жалованье войскамъ, устроилъ постоянные склады оружья и припасовъ, умножилъ при себѣ рабовъ, евнуховъ и служителей; содержалъ при себѣ конныхъ тѣлохранителей, всегда стоявшихъ у воротъ его дворца, и окружилъ себя гвардіею мамелюковъ, число которыхъ также было определѣно. Эти мамелюки назывались аль-гарасъ (Al-haras, the-guard), и во большей части состояли изъ христіанъ или иностранцевъ. Они занимали два большіе барака съ конюшнями для лошадей; тысяча изъ нихъ постоянно была на конѣ и содержала караулъ на обохъ берегахъ рѣки вплоть до дворца. При аль-Гакемѣ состояло много шпионовъ, которые знакомили его съ общественнымъ мнѣніемъ, онъ самъ занимался всѣми дѣлами управленія, окруживъ себя богословами, врачами и другими учеными и почтенными людьми. Такъ передалъ онъ своимъ преемникамъ государство могущественное и благоустроенное». (Gayang. II, 102).

Гаянгосъ же, въ одномъ изъ своихъ примѣчаній, говоритъ весьма положительно о бытности Славянской гвардіи у аль-Гакема I. Вотъ его собственные слова: «Аль-Гакемъ I и его преемники окружили себя великолѣпною гвардіею (body-guard), состоявшею изъ нѣсколькихъ тысячъ Славянъ и Берберъ». (I, 398. Not. 30). Точно также и въ другомъ своемъ примѣчаніи упоминаетъ Гаянгосъ о Славянской гвардіи Абдуррахмана III. — Подобно Рено, также вовсе не вспоминая объ исторіи отношеній Славянъ къ Арабамъ въ М. Азїи, Сирїи, Африкѣ, Сициліи, и имѣя перелъ собою свидѣтельства аль-Карави, Ибнъ-Хаукала, мнѣніе Рено, Гаянгосъ къ извѣстію аль-Карави нашелъ нужнымъ прибавить слѣдующее: «Все доказываетъ, что это противуестественная торговля (т. е. рабами), весьма была распространена во Франціи, въ средніе вѣка. Во время многократныхъ и дикихъ набѣговъ Венгерцевъ и другихъ сѣверныхъ народовъ, плѣнники, остававшіеся въ рукахъ Франковъ отправляемы были на Испанскую границу и продавались тамъ му-

сульманамъ, какъ то извѣстно изъ нѣкоторыхъ христіанскихъ писателей. См. Reinaud. *Invas des Sarraz.* p. 236.

Почавъ въ Испанію, эти сѣверные невольники, которыхъ Арабскіе писатели называютъ собирательнымъ именемъ *Сакълиба*, множ. отъ *Сиклабъ* (Славяне — *Slavonians*), уже воспитывались въ вѣрѣ мусульманской и подобно янычарамъ въ имперіи Турецкой составляли главную гвардію халифовъ (*principal body guard of the Khalifs*). Абдурахманъ III, какъ извѣстно, содержалъ нѣсколько тысячъ (*several thousands*) этихъ сѣверныхъ варваровъ, великолѣпно одѣтыхъ (*magnificently arrayed*). Они содержали караулъ въ его дворцѣ и сопровождали его на охоту и въ военныхъ экспедиціяхъ. Мы видимъ ихъ случайно разыгрывающими главную роль въ дѣлахъ мусульманской Испаніи и основывающими независимыя королевства, которыя они передаютъ своему потомству». (I, 380).

Точно также умалчиваетъ аль-Макари, по крайности въ переводѣ Гаянгоса, о Славянскомъ войскѣ аль-Манзора († 1002 г.), тогда какъ слова Дози, не допускаютъ въ этомъ отношеніи ни малѣйшаго сомнѣнія: «*Les créatures d'Almanzor, les capitaines des troupes slaves et ceux des troupes berbères avaient réussi à s'élever au niveau de la noblesse musulmane, et, à partir du cinquième siècle de l'Hégire, l'Espagne fut morcelée entre une foule de petits états et gouvernée par la caste noble*». (Rech. I, 3). У Славянина *Наджи* (*Naja*), задумавшаго въ 1042 г. овладѣть халифатомъ, была своя Славянская гвардія¹. Наконецъ и аль-Макари говоритъ, что халифъ аль-Гакемъ II († 976 г.), содержалъ при себѣ Славянскую гвардію².

Мы знаемъ, что Славяне участвовали въ сухопутныхъ и морскихъ силахъ Арабовъ въ Азій, Африкѣ, Сициліи; видимъ

1. Gayang. II, 246. II, p. XVIII. Append. B. Выписка изъ Арабскаго писателя аль-Гомали: «....he (*Naja*) was suddenly attacked by the Berbers. The *Slavonians* his guard being thrown into confusion by the suddenness of the attack, ran away, and deserted him».

2. Когда его полководецъ Галибъ возвратился побѣдителемъ изъ Африки, то, по словамъ аль-Макари, «самъ халифъ ожидалъ его въ нѣкоторомъ разстояніи отъ столицы, окруженный своимъ дворомъ, главными своими сановниками и *своею Славянскою гвардіею*, верхомъ на молочно бѣлыхъ коняхъ, богато украшенныхъ и покрытыхъ блестящею сѣткою». (II, 167).

теперь, что служили Славяне и у Арабовъ въ Испаніи. Предполагать же, что *Славянская гвардія* въ мусульманской Испаніи состояла не изъ Славянъ, едва ли возможно и даже не нелѣпо.

Если воображать себѣ, что Славяне проникали въ Испанію единственно и только черезъ Пиринеи, въ качествѣ невольниковъ, военноплѣнныхъ, рабовъ, евнуховъ, то конечно придется утверждать рѣшительно, что эта Славянская гвардія состояла не изъ Славянъ.

Рабы и военноплѣнные, о которыхъ говорятъ аль-Карави и др., попадали въ Испанію изуродованные. Эти, обыкновенно слабые, малодушные и трусливые люди вовсе не годились для гѣлохранителей, шли только въ гаремы. Потому-то не можетъ не показаться нѣсколько страннымъ мнѣніе Гааянгоза, полагающаго, что Славянская гвардія, которою окружали себя Испанскіе халифы, подобно всѣмъ восточнымъ деспотамъ, никогда почти не обходившимся безъ чужеземной помощи, набиралась изъ этихъ несчастныхъ изуродованныхъ Славянъ, попадавшихъ въ Испанію, изъ рукъ Франковъ, черезъ Пиринеи. Надѣюсь, читателя не поразитъ смѣлостію предположеніе о томъ, что халифы старались собирать свою гвардію изъ людей крѣпкихъ, сильныхъ, здоровыхъ. Отчего же называлась она Славянскою? Не значить ли здѣсь *Славянина* вообще бѣлаго челоука въ противоположность Берберамъ, изъ которыхъ тоже составлялась гвардія халифовъ? ¹

Какъ, спрошу, надо понимать слово *Славянинъ* въ дошедшемъ до насъ драгоценномъ извѣстіи объ историкѣ Гаабибѣ, написавшемъ сочиненіе: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», сочиненіе, въ которомъ онъ сообщаетъ всякаго рода любопытныя подробности, исторію и народныя пѣсни (и стихи) Славянъ». Самъ Гааянгозъ не рѣшился понимать здѣсь сл. *Слакалиба* въ смыслѣ нарицательномъ, собирательномъ. Онъ перевелъ такъ: «Clear proofs and victorious arguments (in favour) of the excellences of the Slavonic race». Дѣйствительно понимать здѣсь сл.

1 Charmoy: Relat. de Massoudy, p. 307, 376.

Славяне иначе, чѣмъ въ смыслѣ особаго племени, было бы нелѣпно. Въ такомъ случаѣ не доказываетъ ли явленіе Габиба то, что Славяне не только могли, но и должны были проникать въ Испанію не черезъ Пиринеи только, не единственно изъ рукъ Франковъ, изуродованные?

Кто знаетъ, что истина наиболѣе угадывается простымъ пониманіемъ, смущается же и ускользаетъ, когда начинаютъ мудрить и хитрить, тотъ конечно согласится съ нами, что весьма опасно теряться въ подобныхъ предположеніяхъ, каковы напр. слѣд.: Славянская гвардія есть бѣлая гвардія, въ отличіи отъ черной — Берберской; она состояла изъ побѣжденныхъ туземцевъ, которыхъ быть можетъ халифы Испанскіе, подобно султанамъ Турецкимъ, брали дѣтьми и воспитали изъ нихъ янычаръ. Но вѣдь это все догадки! Со всѣмъ этимъ каждый легко бы еще согласился, если бы не звалъ ничего объ отношеніяхъ Славянъ къ Арабамъ въ М. Азіи, Сиріи, Африкѣ, Сициліи, которыя, какъ ни мало еще теперь извѣстны, сами собою, однако, наводятъ на вопросъ — не бывали ли Славяне и въ мусульманской Испаніи, и тамъ не пользовались ли они извѣстнымъ значеніемъ? Несомнѣнныя свидѣтельства о торговыхъ и международныхъ сношеніяхъ Славянъ съ Арабами въ Испаніи позволяютъ рѣшительно настаивать на этомъ вопросѣ. Какъ и съ чего бы въ самомъ дѣлѣ, завязались и происходили въ X в. подобныя сношенія, если бы эти Славяне не находили въ Испаніи своихъ единоплеменниковъ, сознававшихъ свое происхожденіе, свою народность, и въ слѣдствіе того норовившихъ имъ, служившихъ имъ посредниками съ Арабами? И вотъ драгоценное извѣстіе объ историкѣ Габибѣ прямо и ясно указывающее намъ на то, что предположить мы должны были, отправившись отъ совершенно постороннихъ данныхъ и независимыхъ соображеній. — И вотъ свидѣтельства о Славянской гвардіи.

V. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ государей дома Оммаядовъ, халифъ Абдуррахманъ III († 961 г.), построилъ въ Кордовѣ знаменитый дворецъ, извѣстный подъ именемъ *Аз-Зайра*, отличавшійся необыкновенными богатствами и великолѣ-

пиемъ¹. Аль-Макари такъ заключаетъ его описаніе, составленное на основаніи современныхъ свидѣтельствъ. «Мы бы слишкомъ протянули рассказъ нашъ, если бы захотѣли перечислить всѣ красоты, какъ природныя, какъ и искусственныя, заключавшіяся въ Аз-Загрѣ: быстрые ручьи, прозрачныя воды, прекрасныя строения для помѣщенія внутренней стражи, пышныя дворцы для приѣма высшихъ государственныхъ сановниковъ, множество солдатъ, пажей, евнуховъ и рабовъ всѣхъ націй и всѣхъ исповѣданій (of all nations and religions), пышно разодѣтыхъ въ шелковыхъ и парчевыхъ платьяхъ, взадъ и впередъ разгуливающихъ по широкимъ улицамъ (Аз-Загры); толпы судей, катибовъ, богослововъ и стихотворцевъ, важно прохаживавшихся по великолѣпнымъ заламъ, обширнымъ сѣнямъ и огромнымъ дворамъ дворца. Число служителей мужескаго пола простиралось до тринадцати тысячъ семи сотъ пятидесяти, которымъ ежедневно отпускалось мяса, исключительно изъ дичи и рыбы, тринадцать тысячъ фунтовъ; число разныхъ женщинъ, составлявшихъ гаремъ халифа или служившихъ въ немъ, доходило до шести тысячъ триста сорока. Славянскихъ пажей и евнуховъ (the Slavonian pages and eunuchs), было три тысячи триста пятьдесятъ, а по другимъ — три тысячи триста восемьдесятъ семь; ежедневно имъ шло тринадцать тысячъ фунтовъ, причеиъ одни получали десять, другіе меньше, сообразно съ своимъ званіемъ и мѣстомъ, куръ, куропатокъ и всякаго рода дичи и рыбы; есть наконецъ писатели, которые насчитываютъ Славянскихъ служителей, жившихъ во дворцѣ или внѣ его, до шести тысячъ восьмидесяти семи». (I, 238).

Гаянгосъ въ примѣчаніи своемъ говоритъ: «Моя Испанская рукопись насчитываетъ ихъ до двѣнадцати тысячъ». (I, 503. Not. 21). Впрочемъ, очень можетъ быть, что послѣднее извѣстіе преувеличено. Здѣсь аль-Макари Славянскихъ служителей выдѣляетъ изъ общей массы служителей, коихъ было 13 тысячъ; первые были отличаемы не только отъ прочихъ слу-

1. См. подробное его описаніе у Al-Makkari, I, 232, 240. См. также замѣчательное сочиненіе: *Caveda* (Don José...) *Gesch. der Baukunst in Spanien*. Aus d. Span. übers. von P. Heuse, herausgegeben von Franz Kugler. Mit Illustrationen. Stuttgart. 1858. Ss. 98—101.

жителей, но и между собою: у нихъ существовала своя іерархія, пища не у всѣхъ была одинаковая, однимъ шло меньше, другимъ больше — according to their rank and station.

Время Абдуррахмана III, любопытно для Славяниста по тому Славянскому посольству, свѣдѣнія о которомъ сообщены нами выше.

По смерти его въ 961 г., его преемникъ, аль-Гакемъ II тотчасъ же разослалъ манифесты по областямъ, съ объявленіемъ о своемъ вступленіи и съ призваніемъ народа къ присягѣ. «Въ тотъ же день, говоритъ аль-Макари, онъ обратилъ вниманіе на управленіе и на усиленіе своей власти, обозрѣвалъ дворцы, войска. Славяне, служившіе во дворцѣ (the Slavonians of the palace), присягнули ему первые: сначала дворцовые евнухи, какъ напр. Джафаръ, смотритель конюшенъ и гардероба (master of the horse and of the royal robes), такъ и другіе придворные чиновники великихъ халифовъ; всѣ они присягнули за всѣхъ Славянъ, находившихся подъ ихъ началомъ; затѣмъ слѣдовали остальные придворные чиновники, слуги, *мускаддамы* и проч. (II. 156).

Когда все во дворцѣ присягнуло халифу аль-Гакему, то по его приказанію, главный визирь Джафаръ-Ибнъ-Отманъ отправился къ его брату Абу-Мервану, звать его присягать во дворецъ; также было послано и за другимъ братомъ халифа. Во дворцѣ Аз-Загра торжественно совершалась такая присяга:

«Въ залѣ, гдѣ сидѣлъ халифъ, начиная отъ трона вдоль правой и лѣвой ея стѣны стояли великіе дворцовые евнухи. Всѣ они были въ бѣлыхъ туникахъ и вооружены мечами. За ними въ два ряда на террасѣ стояли слуги евнухи, въ кольчугѣ и съ мечами. На ступеняхъ помѣщались евнухи гвардіи (?) (eunuchs of the guard), съ копьями въ рукахъ, и Славянскіе евнухи, всѣ въ бѣломъ и вооруженные мечами. За ними слѣдовали другіе Славянскіе евнухи низшаго разряда; далѣе гвардейскіе стрѣлки съ луками и колчанами. Подлѣ Славянскихъ евнуховъ стояли черные рабы (black slaves), великолѣпно одѣтые, въ блестящемъ вооруженіи, въ бѣлыхъ туникахъ, въ Сицилійскихъ шлемахъ, съ разноцвѣтными щитами; вооруженіе у нихъ было вызолоченное. Они были растянуты въ два ряда отъ террасы

до послѣдняго напанета. При дверяхъ Ас-суддâ (As-suddah-Bâbu-s-suddah) стояла главная стража (the chief door-keepers), а за ними конная гвардія изъ черныхъ рабовъ вплоть до воротъ. За ними тѣлохранители (body-guard), изъ халифовыхъ вольноотпущенниковъ (*маули*), также верхомъ, и затѣмъ вся армія и рабы и стрѣлки до самыхъ городскихъ воротъ. По окончаніи всей церимоніи, народъ удалялся; остались съ халифомъ его братья, визири и придворные чины, которые должны были остаться во дворцѣ Аз-Загрâ, пока тѣло покойнаго Ан-Насира не было перевезено во дворецъ Кордовскій, а потомъ похоронено на кладбищѣ халифскомъ».

Аль-Гакемъ II ничего не измѣнилъ въ порядкѣ управления противъ своего преемника. Всѣ старые визири его отца были утверждены имъ въ томъ-же званіи. Своимъ гаджибомъ онъ назначилъ Джафара Аль-асклаби (Славянина — Jâfar Al asklabî the Slavonian¹), который, по заведенному обычаю, въ день своего назначенія, поднесъ халифу дорогіе подарки. По свидѣтельству Ибнъ-Гайяна, они состояли въ сотнѣ Франкскихъ мамелюковъ, конныхъ, вооруженныхъ мечами, копьями, щитами въ Индѣйскихъ шапкахъ, въ трехъ стахъ двадцати стальныхъ кольчугахъ разнаго рода; въ трехъ стахъ стальныхъ и пятидесяти Индѣйскихъ деревянныхъ шлемахъ; въ нѣсколькихъ Европейскихъ шлемахъ, не деревянныхъ, называемыхъ *Ат-те-гитана*; въ трехъ стахъ Европейскихъ копьяхъ; въ сотнѣ щитовъ Султани (of Sultâniyyah); въ десяти серебрянныхъ позолоченныхъ сбруяхъ; въ двадцати буйволовыхъ рогахъ». (II, 157 — 8).

О значеніи званія гаджиба можемъ узнать изъ слѣд. словъ аль-Макари: «Историкъ Ибну-Халдунъ говоритъ, что званіе визиря у султановъ Кордовскихъ давалось извѣстнымъ государственнымъ чиновникамъ, изъ коихъ каждый имѣлъ въ своемъ вѣдѣніи извѣстную отрасль управления, напр. финансы, иностранныя дѣла, правосудіе, защиту границъ, войско. Сановники эти сверхъ того участвовали въ постоянныхъ совѣщаніяхъ съ халифомъ; изъ числа ихъ онъ избиралъ себѣ найиба (Nâiib), какъ называлась на востокѣ должность главнаго

1. См. также Reinaud: *Invas.* p. 252.

или великаго визиря, а въ Андалузїи она была известна подъ именемъ гаджиба¹) (I, 102).

Въ 962 г. прїѣзжалъ въ Кордову для личнаго свиданія и переговоровъ съ халифомъ аль-Гакемомъ II король Галиціи Ордоньо IV. Въ Кордовѣ все было приготовлено къ торжественному его приему. Войска были вооружены, какъ въ военное время. Славянская гвардія была великолѣпно разодѣта по этому случаю; улемы, богословы, катибы и стихотворцы получили приказаніе присутствовать при аудіенціи, а визири и другіе высшіе сановники обязаны были въ известномъ часу быть каждый на своемъ мѣстѣ. (II, 161).

Послѣ своего представленія халифу, Ордоньо былъ отведенъ внуками въ особые покои, гдѣ усадили его на высокую подушку, покрытую золотою парчею. Между тѣмъ гаджибъ Джафаръ аль-Мосгафи отправился къ нему изъ другой части дворца; замѣтивъ его, Ордоньо всталъ съ своего мѣста, вышелъ къ нему на встрѣчу, отдалъ ему самый низкій поклонъ и хотѣлъ поцѣловать его руку, но Джафаръ не далъ ему и, поздоровавшись съ нимъ самымъ дружественнымъ образомъ, поздравилъ его съ успѣхомъ, увѣряя, что халифъ непременно исполнитъ свое обѣщаніе; отчего Ордоньо пришелъ въ неопи-санную радость. (II, 164 — 5).

Послѣ того, по знаку, данному Джафаромъ, былъ принесенъ въ подарокъ отъ халифа богатый почетный нарядъ. Затѣмъ Джафаръ послалъ за христіанами, бывшими въ свитѣ Ордоньо, и каждого изъ нихъ одарилъ прилично званію. (II, 165).

Выше и уже замѣтилъ, что слова внухъ, употребляемаго не разъ у Гаянгоса, нельзя всегда понимать буквально. Такъ напр. Джафаръ, называемый внухомъ, имѣлъ большое семей-

1. Gayang. I, p. XXVII, Append. B., гдѣ приложенъ переводъ нѣсколькихъ мѣстъ изъ Ибнъ-Халдуна по рукописи Б-ки Брит. Музея. Вотъ слова Ибнъ-Халдуна о званіи гаджиба при Оммададахъ: «During the government of the Beni Umeayah in Andalus, the name of Hájib, was given to that officer whose duty was to screen or veil the Sultán from the eyes of his subjects, and to be a sort of intermediary between his sovereign and the wizirs, or their inferiors, as we have observed elsewhere. As long as the dynasty of the Beni Umeyah lasted, the office of the Hájib was one of the highest importance in the state, as thou mayest read in the histories of Ibn Nadid and other Hájibs».

ство. Тоже конечно относится и къ другимъ Славянамъ, безразлично называемымъ евнухами.

Не можетъ быть никакого сомнѣнія, что Славяне въ Испаніи, какъ иноземцы и пришлецы, составляли какъ бы особое общество, были связаны между собою тѣсною дружбою и взаимно помогали другъ другу, какъ земляки и единоплеменники. Все это конечно продолжалось по тѣхъ поръ, доколѣ не утратили они своей народности, чего еще не было и въ XI в., какъ то показываетъ примѣръ Славянина Габиба, жившаго въ XI в., слѣдовательно въ X в., если Славяне и учились Арабскому языку и принимали мусульманскую вѣру и нѣкоторые мусульманскіе обычаи, то не бросали однако и своихъ нравовъ и обычаевъ, не забывали и своего языка, не покидали вовсе своей народности. Мы уже знаемъ, что халифъ аль-Гакемъ II, также, подобно своимъ предшественникамъ, держалъ Славянскую гвардію. Возвышеніе Славянина на такое высокое мѣсто, каково званіе гаджиба, раскрываетъ всю силу и все значеніе, котораго достигли Славяне при этомъ халифѣ. Безъ сомнѣнія Джафаръ аль-Мосгафи за собою тянулъ и возвышалъ и другихъ своихъ единоплеменниковъ и даже соотечественниковъ.

Мнѣ очень пріятно, что въ подтвержденіе своего мнѣнія, могу привести слова такого знатока, какъ Дози: «Въ правленіе Абдуррахмана III и аль-Гакема II, Славянскіе дворцовые евнухи приобрѣли большое вліяніе, особенно былъ къ нимъ расположенъ этотъ послѣдній халифъ. Въ годъ его смерти (976 г.), Славянскіе евнухи были весьма могущественны, ихъ считалась тысяча, и каждый изъ нихъ имѣлъ въ свою очередь своихъ слугъ, своихъ рабовъ».

Не должно однако заключать изъ словъ Дози, чтобы Славянъ была одна тысяча: выше мы видѣли, что при дворцѣ Аз-Загра состояло на службѣ Славянъ гораздо болѣе тысячи; больше тысячи Славянъ служило въ гвардіи. Если бы Славянъ въ Испаніи была всего одна тысяча, то конечно Славянскіе евнухи не были бы весьма могущественны, не было бы въ мусульманской Испаніи и особой Славянской партіи, о бытности которой ясно и положительно говоритъ Дози. Чтеніе аль-Макари, примѣчаній и приложений его переводчика привело пи-

шущаго эти строки къ тому же самому заключенію; но такъ какъ ни Арабскій историкъ, ни Гаянгосъ нигдѣ прямо не говорятъ о Славянской партіи, то и онъ хотѣлъ было уже умолчать объ этомъ изъ опасенія быть обвиненну въ излишней поспѣшности заключеній и чтобы чрезъ то самое не подорвать довѣріе къ излагаемому предмету. Но послѣ ознакомившись съ изслѣдованіями Дози, онъ не усомнился уже говорить утвердительно о бытности въ мусульманской Испаніи въ X и XI в. особою Славянской партіи.

Бытность этой партіи указываетъ на немалозначительное количество Славянъ въ Испаніи, такъ какъ вездѣ и всегда политическая партія можетъ существовать и имѣть большое значеніе только тогда, когда предводители ея не только отличаются большими дарованіями, но и располагаютъ значительными матеріальными средствами, опираются на вѣдущей силѣ, на болѣе или менѣе знатномъ количествѣ людей, имъ преданныхъ. Тысяча Славянъ, какъ бы они не превосходили Берберовъ и даже Арабовъ своими нравственными достоинствами, была безсильна создать особую партію; тѣмъ болѣе такую, которая дѣйствовала не безъ успѣха.

Точно также вездѣ и всегда партія можетъ образоваться, существовать и пользоваться въ государствѣ силою и значеніемъ только въ томъ случаѣ, если состоитъ изъ людей, болѣе или менѣе единомыслящихъ, иначе они не могутъ жить въ ладахъ, въ совѣтѣ и любви, безъ чего никакая партія, тѣмъ болѣе немногочисленная, никогда не пріобрѣтетъ сильнаго вліянія. Все это подавно относится къ Славянской партіи въ Испаніи, не любимой и безъ того народомъ, какъ иноплеменной, и встрѣтившей кромѣ того опаснаго себѣ противника въ могущественной партіи Берберской. Если же въ числѣ упоминаемыхъ у Арабскихъ историковъ Славянъ надо бы было разумѣть и Нѣмцевъ, то зная рѣзкую противоположность этихъ племенъ, еще болѣе взаимную ихъ непріязнь, а въ то время даже и ненависть, рѣшительно утверждать можемъ, что въ такомъ случаѣ въ Испаніи никогда бы не было никакой Славянской партіи. Славяне и Нѣмцы, встрѣтившись въ Испаніи, конечно не сблизились бы между собою и не примирились бы; одинаковость положенія

была бы не въ силахъ потушить ихъ взаимной вражды, глубоко коренившейся, точно также, какъ Греки и Болгары, Грузины и Армяне, западные Славяне и Нѣмцы сохраняютъ другъ къ другу тоже непріязненное расположеніе, что на роднѣ, то и внѣ ея, напр. въ Англіи, во Франціи, въ Россіи. Такимъ-образомъ Нѣмецъ въ Испаніи на службѣ у мусульманъ быть очень много не могло. Если бы ихъ число равнялось числу Славянъ, то они бы образовали свою особую партію Нѣмецкую, подобно тому, какъ Славяне образовали Славянскую. Иначе надо признать, что Нѣмцы не обладали нужными для того качествами, что было бы странно и даже нелѣпо. Слѣдовательно надобно согласиться, что Нѣмецъ въ Испаніи на службѣ у мусульманъ было очень немного, (что и само по себѣ понятно, какъ то мы выше видѣли), а съ другой стороны, что и эти немногіе Нѣмцы, пока не утратили своей народности, имѣли участь далеко на одинаковую со Славянами, которые своего вліянія и своей силы не могли же не употреблять согласно съ своими природными симпатіями и антипатіями. Въ этомъ отношеніи вниманія заслуживаетъ приведенное выше извѣстіе о подаркахъ главнаго визиря Джафара, природнаго Славянина. Между прочимъ онъ подарилъ своему повелителю сто рабовъ, то были Франки, т. е. Нѣмцы, а не его земляки или единоплеменники.

VI. По смерти аль-Гакема II († 976 г.) на престолъ вступилъ его слабый сынъ Гишамъ. Аль-Макари, слѣдуя заѣсъ Ибнъ-Халдуну, рассказываетъ, что аль-Могейра, братъ аль-Гакемовъ, имѣвшій виды на престолъ и сильную партію въ Кордовѣ, былъ умерщвленъ Могамедомъ Ибнъ-Аби Амиромъ, болѣе извѣстнымъ подъ именемъ аль-Манзора.

У аль-Макари же находимъ слѣдующія весьма любопытныя подробности, заимствованныя имъ изъ историка Арабскаго Ибнъ-Бассама: «Лишь только аль-Гакемъ испустилъ послѣдній вздохъ, какъ тотчасъ двое изъ его Славянскихъ внуховъ, Файикъ и Джодаръ, предвидя смуты и бѣдствія отъ такой мѣры (отъ назначенія аль-Гакемомъ въ свои наследники сына своего, помимо брата) задумали посадить на престолъ его брата аль-Могейру, вмѣсто юнаго Гишама. «По моему, говорилъ Файикъ Джо-

дару, мы никогда не приведемъ въ исполненіе нашихъ замысловъ пока живъ Джафаръ аль-Мосгафи, онъ долженъ умереть». — «Неужели намъ слѣдуетъ начать наше дѣло убійствомъ старика, нашего начальника и покровителя», возражалъ ему Джодаръ, — «клянусь Аллахомъ, говорилъ Файикъ, я не вижу иного средства». — Однако они отправили гонца къ Джафару съ извѣстіемъ о смерти аль-Гакемовой и тутъ же открыли ему свои планы на счетъ аль-Могейры, прося его миѣнній и совѣтовъ. Отвѣтъ Джафаровъ былъ слѣдующій: «Вамъ обоимъ дѣйствовать, миѣ только васъ слушаться; ваши званія, какъ начальника двора (master of household) и смотрителя дворцовъ (governor of the palaces) дадутъ вамъ большую власть». Тогда оба евнуха рѣшились привести свой планъ въ исполненіе. Между тѣмъ аль-Мосгафи оставилъ дворецъ и, собравъ войска и ихъ начальниковъ, объявилъ имъ о смерти аль-Гакемовой, а также и о намѣреніяхъ Джодара и Файика посадить на престолъ вмѣсто Гишама его дядю. «Если мы останемся вѣрными сыну нашего повелителя, то власть будетъ въ нашихъ рукахъ; если же мы согласимся на избраніе другаго государя, то мы лишимся всей силы и власти въ государствѣ». Войска единодушно отвѣчали: «Твое миѣнние вмѣстѣ и наше». Тогда Джафаръ успѣшно отправилъ Могаммеда съ частью войска въ резиденцію аль-Могейры съ повелѣніемъ умертвить его. Ибнъ-Аби-Амиръ засталъ аль-Могейру въ совершенной неизвѣстности на счетъ всего случившагося. Онъ сказалъ ему о смерти его брата и о томъ, что его племянникъ Гишамъ возведенъ на престолъ. Аль-Могейра былъ глубоко потрясенъ при этой вѣсти, но тотчасъ же придя въ себя, сказалъ: «Я слушаюсь и повинуюсь приказаніямъ моего новаго повелителя.» Не зная, какъ поступить, Ибнъ-Аби-Амиръ послалъ письмо къ Джафару, увѣдомляя его обо всемъ и испрашивая отъ него дальнѣйшихъ наставленій. Отвѣтъ былъ слѣдующій: «Схватить и умертвить его; если ты не исполнишь порученія, я пошлю другаго». — Аль-Могейра былъ убитъ». (II, 177—8).

Есть объ этихъ происшествіяхъ разсказъ другаго Арабскаго историка, который мы считаемъ нужнымъ приложить здѣсь же по передачѣ Дози: «Начальникомъ Славянскихъ евнуховъ былъ

Файикъ, извѣстный подъ именемъ Ан-Нидами (An-Nidhami), начальникъ гардероба (le maitre de la garde robe), послѣ него наибольшимъ вліяніемъ пользовался Джодаръ. Болѣзнь аль-Гакема II была продолжительная и когда еще никто, кромѣ Файика и Джодара, не зналъ о его смерти, они рѣшились не приводить въ исполненіе послѣдней воли своего государя, который назначилъ себѣ въ преемники своего сына. Пугаясь бѣдственныхъ послѣдствій регентства, такъ какъ Гишамъ, сынъ аль-Гакемовъ, былъ только на двѣнадцатомъ году и зналъ, что народъ не охотно приметъ этого ребенка, они рѣшились передать престолъ аль-Могейрѣ, брату аль-Гакемову, съ тѣмъ условіемъ, чтобы этотъ послѣдній назначилъ племянника своимъ наследникомъ. Такимъ образомъ они оказали бы услугу аль-Могейрѣ и въ то же время остались вѣрными сыну своего государя, почему и могли рассчитывать на большое вліяніе въ дѣлахъ государственныхъ. «Мысль была прекрасная, восклицаетъ Арабскій историкъ, но Богъ не позволилъ ей осуществиться». Дѣйствительно такимъ способомъ дворцовые евнухи остановили бы, быть можетъ на долго, паденіе Оммаядовъ. Но они дѣйствовали въ видахъ личнаго интереса; не желая, чтобы властвовалъ одинъ аль-Мосгафи, они противопоставили ему такого князя, который, будучи имъ обязанъ престоломъ, былъ бы всегда имъ благодаренъ.

Джодаръ предложилъ своему начальству призвать Джафара и умертвить его, но Файикъ воспротивился этому убійству и надѣялся перетянуть Джафара на свою сторону. Узнавши объ ихъ заговорѣ, Джафаръ притворился, какъ будто его одобряетъ, но расчетъ Файика былъ ошибоченъ. При халифѣ-ребенкѣ, вельможа, поддерживаемый арміею, былъ бы въ полной силѣ: напротивъ же того при аль-Могейрѣ его вліяніе было бы совершенно ничтожно; онъ даже боялся, что лишится своего мѣста, такъ какъ его отношенія къ этому князю не отличались особенною пріязнью; потому-то аль-Мосгафи и принявъ свои мѣры, собралъ многихъ друзей своихъ, въ числѣ которыхъ былъ Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ (впослѣдствіи аль-Манзоръ, тогда только что начинавшій свое поприще), начальниковъ войскъ Берберскихъ Бену-Бирзаль (des Bépou-Birzál), искренно къ нему привязанныхъ, и начальниковъ Испанскихъ войскъ; извѣстивъ

ихъ о смерти аль-Гакемовой и далъ имъ знать о намѣреніи Славянскихъ евнуховъ, убѣждая ихъ предупредить его въ видахъ собственнаго же ихъ интереса. Ему подали совѣтъ, какъ можно скорѣе умертвить аль-Могейру. Совѣтъ былъ принять Джафаромъ и Могаммедъ взялся убить его. Такъ и погибъ бѣдный князь, еще ничего не знавшій о смерти своего брата. Узнавъ объ убійствѣ аль-Могейры, Джодаръ сталъ упрекать Файика за то, что не послушался его совѣтовъ. Но теперь было уже поздно; оба евнуха скрыли свое неудовольствіе и отправились къ аль-Мосгафи съ своими поздравленіями и оправданіями. Онъ подаль видѣлъ, что ихъ прощаетъ, но начатая борьба могла окончиться не иначе, какъ паденіемъ одной изъ двухъ партій. Эти два евнуха всячески старались низвергнуть съ престола Гишамъ II, составили противъ него заговоръ; но аль-Мосгафи предупредилъ ихъ и разбилъ всѣ ихъ планы; а Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ привлекъ на свою сторону пять сотъ евнуховъ и назначилъ имъ великолѣпное содержаніе. Такимъ-образомъ Файикъ и Джодаръ были покинуты своими приверженцами. Тогда Джодаръ просить позволенія у султана оставить мѣсто и удалиться въ свои владѣнія; онъ былъ увѣренъ, что султанъ откажетъ ему въ этой просьбѣ. Безъ сомнѣнія, то была хитрость со стороны Джодара, исполнѣ увѣреннаго въ отказѣ. Противъ всякаго его ожиданія, ему было дозволено оставить столицу. Приверженцы его пришли съ того въ совершенное отчаяніе и разразились угрозами противъ аль-Мосгафи и Могаммеда Ибнъ-Аби-Амира. Одинъ молодой евнухъ, по имени Дорри, поступилъ въ этомъ случаѣ весьма неблагоразумно; по наущенію Джафара, подданные Дорри въ Баэзѣ (Baéza) подали доносъ на своего господина и его управляющихъ. Аль-Мосгафи представилъ, будто бы онъ докладывалъ объ этомъ султану и что тотъ приказалъ свести Дорри на очную ставку съ его людьми. Дорри получаетъ приказаніе явиться въ домъ визиря; онъ уже было отправился, но, услыжавъ, въ чемъ дѣло, рѣшился вернуться во дворецъ. Могаммедъ оставилъ его насильно, — Дорри схватилъ его за бороду. Ибнъ-Аби-Амиръ зоветъ на помощь солдатъ, бывшихъ тогда не владѣльцѣ. Испанцы не рѣшались поднять руки на Дорри, котораго они уважали, но Берберы (*les Bérou Bizal*) избили его такъ,

что онъ лишился разсудка. Тотчасъ же отнесли его на домъ, гдѣ ночью и доковали его. Файикъ и другіе начальные люди получили приказъ удалиться въ свои земли и не ворочаться болѣе въ столицу. Они повиновались; однако Ибнъ-Аби-Амиръ продолжалъ ихъ притѣснять; онъ затѣялъ съ ними тяжбу и отобралъ отъ нихъ значительныя суммы. Файикъ былъ сосланъ на острова Балеарскіе, гдѣ онъ и умеръ. Аль-Мосафи опредѣлилъ другихъ евнуховъ, старшаго изъ нихъ Сокра назначилъ смотрителемъ дворца и гарема»¹.

У аль-Макари (въ переводѣ Гаянгоса) нѣтъ никакихъ дальнѣйшихъ подробностей по смерти аль-Могейры и потому не имѣемъ возможности сказать, такъ ли точно и о позднѣйшихъ событіяхъ разсказъ Ибнъ-Бассама отличается отъ разсказа Ибнъ-Адари, приводимаго у Дози. Разницы въ этихъ же двухъ свидѣтельствахъ, какъ читателю видно изъ приведенныхъ нами мѣстъ, не малозначительныя: по Ибнъ-Бассаму—Файикъ задумалъ извести Джафара и Джодаръ останавливаетъ его; по Ибнъ-Адари (у Дози) обратно; по Ибнъ-Бассаму—Джафаръ былъ главнымъ виновникомъ смерти аль-Могейры, причѣмъ Ибнъ-Аби-Амиръ (въ послѣдствіи страшный аль-Манзоръ) не только стоитъ на второмъ планѣ, но и является безгласнымъ, послушнымъ орудіемъ въ рукахъ Джафара; по Ибнъ-Адари Ибнъ-Аби-Амиръ самъ вызывается умертвить аль-Могейру, не Джафаръ подалъ мысль объ этомъ убійствѣ, но предложилъ какіе-то другіе: Могаммедъ, по дальнѣйшему разсказу Ибнъ-Адари, является почти главнымъ дѣятелемъ въ дѣлѣ Файика и Дорри; онъ же ослабляетъ партію Файика, привлекая на свою сторону пять сотъ евнуховъ.

Нельзя пропустить молчаніемъ и не указать, какъ на обстоятельство весьма любопытное, на то, что Ибнъ-Адари весьма много заимствовалъ, по свидѣтельству Дози, изъ сочиненія Ибнъ-Гайяна (1006 † 1076 г.), знаменитаго автора къ сожалѣнію недошедшей до насъ исторіи Оммаядовъ и аль-Манзора², и что Ибнъ-Бассамъ, которымъ пользовался аль-Макари и чей раз-

1. Dozy: Rech. I, 208—211.

2. Dozy: Rech. I, 24 Gayang. I, 310.

сказъ мы привели выше, въ описаніи происшествій, слѣдовавшихъ за смертью аль-Гакема, также пользовался Ибнъ-Гайяномъ¹. Изъ разсказа Ибнъ-Бассама не видать, чтобы гаджибъ Джафаръ аль-Мосгафи былъ такъ не любимъ Славянскими енухами, какъ то представлено у Ибнъ-Адари. Изъ него точно также еще нельзя заключить, чтобы противъ Гишама была почти вся Славянская сторона, какъ о томъ можно было бы думать при чтеніи разсказа Ибнъ-Адари по передачѣ Дози.

Но если и вовсе не принимать во вниманіе словъ Ибнъ-Бассама, а слѣдовать исключительно приведеннымъ нами словамъ Дози, то и тогда было бы слишкомъ смѣло и малоосновательно подозрѣніе въ справедливости свидѣтельства о Славянскомъ происхожденіи Джафара: въ такъ называемый Петербургскій періодъ нашей исторіи, мы видимъ, предводители Нѣмецкой партіи нерѣдко ссорятся и враждуютъ между собою и тѣмъ даютъ перевѣсъ Русскимъ, зорко и пристально слѣдящимъ за ихъ дѣйствіями: такъ враждуя, погубили себя и сильно повредили своему дѣлу Бронъ, Остерманъ, Минихъ. Наконецъ и новѣйшіе ученые, каковы Рено и Гаянгосъ, считаютъ его Славяниномъ же. Вотъ потому-то, пока Славянское происхожденіе Джафара не будетъ опровергнуто строгими, положительными доводами, судьба этого замѣчательнаго человѣка непременно должна входить въ исторію Славянъ въ Испаніи. Разсказъ о Джафарѣ, его государственной дѣятельности при Гишамѣ, о его могуществѣ и славѣ и о его позднѣйшей печальной судьбѣ, можетъ быть любопытенъ и тѣмъ еще, что представляетъ нѣсколько намековъ, если и не прямыхъ доводовъ, въ пользу Славянскаго происхожденія этого государственнаго человѣка и даже писателя.

1. Gayang. II, 176; также Dozy I I. Уроженецъ Сантарема, въ Португаліи, Ибнъ-Бассамъ (†1147—8 г.) написалъ историко-біографическое сочиненіе въ трехъ частяхъ: въ первой помѣщены жизнеописанія знаменитыхъ людей и поэтовъ, жившихъ въ Кордовѣ, Толедѣ, Сарагосѣ, Дженѣ (Jaen), Гранадѣ и друг. мѣстахъ; во второй — жизнеописанія поэтовъ Аль-гарба или западныхъ областей съ краткою исторіею Бени-Аббада; въ третьей и послѣдней — жизнеописанія поэтовъ и замѣчательныхъ людей Валенсіи, Альмеріи, Мурсіи и другихъ городовъ восточныхъ. Вторая часть этого важнаго труда хранится въ Оксфордѣ, въ бібліотекѣ Бодлейской. (Gayang. I, хх. II, 813).

VIII. «По смерти своего дяди, говоритъ аль-Макари, Гишамъ сѣлъ твердо на престолѣ отцовскомъ, всѣми дѣлами въ государствѣ завѣдывалъ аль-Мосгафи. Онъ употреблялъ великія старанія о народномъ благосостояніи, скромно и терпѣливо исполняя свой долгъ; отвергнувъ излишнюю пышность, сидѣлъ на одинаковомъ мѣстѣ съ прочими визирями и членами совѣта. *Впрочемъ въ томъ только и заключались его добрыя дѣла, ибо вскорѣ онъ началъ раздавать мѣста въ государствѣ своимъ друзьямъ и родственникамъ, сталъ самовольно и для собственныхъ цѣлей распоряжаться казною государственною.* Могаммедъ Ибнъ-Аби-Амиръ, совершенная противоположность Джафару, слѣдовалъ иному образу дѣйствій. Корыстолюбію и исключительности гаджиба онъ противопоставлялъ величайшую щедрость, холодности и высокоумію перваго самое пріятное и увлекательное обращеніе. Тѣмъ приобрѣлъ онъ величайшую любовь народа; аль-Мосгафи принялъ его въ соучастники управленія и далъ ему званіе низира. Усердіе и дарованія, скоро выказанныя Могаммедомъ въ исполненіи своей должности и его усиленная внимательность къ Собѣ, матери Гишама, быстро снискали ему любовь этой государыни; его вліяніе и сила все возрастали. Своєю ловкостью и очаровательнымъ обращеніемъ, онъ такъ понравился Собѣ, что вскорѣ сталъ самымъ почетнымъ лицомъ при дворѣ. Гишамъ повелѣваетъ аль-Мосгафи обсуживать всѣ дѣла управленія вмѣстѣ съ Могаммедомъ и ничего не предпринимать безъ предварительнаго съ нимъ совѣщанія. *Согласно съ этимъ приказаніемъ. Джафаръ взялъ его во все свои тайны и обращался съ нимъ, какъ нижній отецъ съ сыномъ, ничего отъ него не скрывалъ и совѣтовался съ нимъ при всякомъ случаѣ. Но въ то время, какъ аль-Мосгафи такъ себя держалъ съ аль-Макзоромъ и такъ до вѣрчиво предавался ему, этотъ послѣдній коварно его обманывалъ, старался уронить его во мнѣніи государыни, постоянно дѣйствовалъ наперекоръ ему, всегда на него сваливая вину всѣхъ мѣръ, не пріятныхъ народу. Могаммедъ интриговалъ до тѣхъ поръ, пока совершенно не уронилъ Джафара и тѣмъ приготовилъ себѣ путь къ исключительному преобладанію въ государствѣ.* (II, 180—181).

Нелюбовь аль-Макари или лучше тѣхъ Арабскихъ историковъ, которымъ онъ здѣсь слѣдуетъ, эта нелюбовь и нераспо-

ложеиіе къ Джафару особенно обнаруживается въ приведенныхъ нами словахъ: «Впрочемъ въ томъ только и состояли его добрыя дѣла». Но какія же были его дурныя стороны? Скупость, корыстолюбіе, пристрастіе къ своимъ друзьямъ и родственникамъ, которые, если справедливо Славянское происхожденіе Джафара, должны были быть большою частью Славяне. Иностранное происхожденіе Джафара не объясняетъ ли отчасти то великое къ нему нерасположеніе туземцевъ, что такъ сильно проявляется въ пристрастныхъ отзывахъ о характерѣ Джафара, «скромно и терпѣливо исполнявшаго свои обязанности», откинувшато излишнюю роскошь и почести, быть можетъ тяготившія его Европейскую натуру, какъ преимущественныя принадлежности Азіята; Джафара, этого неблагороднаго человѣка и въ то же время обращавшагося съ своимъ опаснымъ соперникомъ, какъ нѣжный отецъ съ сыномъ, съ этимъ благороднымъ и популярнымъ соперникомъ, который поступалъ съ своимъ благодѣтелемъ весьма не чисто, какъ того не могли скрыть Арабскіе историки, при всемъ своемъ расположеніи и пристрастіи къ аль-Манзору. Но аль-Манзоръ, смѣлый воитель, кумиръ арміи, отличался необыкновенною щедростью, обходительностью обращенія. Онъ конечно не пользовался общественными суммами для своихъ собственныхъ цѣлей, не раздавалъ мѣсть своимъ друзьямъ и родственникамъ, не имѣлъ особыхъ любимцевъ подобно Джафару, столь не популярному. Но послушаемъ аль-Макари, что сообщитъ онъ намъ о возвышеніи аль-Манзора.

«Если слѣдовать Ибнъ-Халдуну, аль-Манзоръ началъ свое поприще еще при аль-Гакемѣ. По смерти халифа и по вступленіи на престолъ его юнаго сына Гишама, Могаммедъ самъ вызвался и умертвилъ его брата аль-Могейру, имѣвшаго притязанія на престолъ. Аль-Могейра сынъ халифа Ая Насира, стоялъ во главѣ весьма значительной партіи въ Кордовѣ, которая его предпочитала племяннику его Гишаму, какъ за зрѣлый его возрастъ, такъ и за опытность въ дѣлахъ государственныхъ; но съ помощью Джафара Ибнъ-Отмана аль-Мосафи, гаджиба аль-Гакемова, Галиба, правителя Мединацели, и Славянскихъ дворцовыхъ внуковъ, начальниками которыхъ въ то время были Файикъ и Джодаръ Могаммедъ захватилъ аль-Могейру въ его домъ и умерт-

вилъ его черезъ два дня спустя по смерти аль-Гакема и Гишамъ былъ провозглашенъ халифомъ безъ сопротивленія. Тогда Ибнъ-Аби-Амиръ рѣшился овладѣть Гишамомъ и захватить его власть; для того онъ сталъ интриговать противъ великихъ сановниковъ государственныхъ, поселялъ раздоры между ними, возстановляя ихъ другъ противъ друга, истребляя одного другимъ. Такъ какъ онъ самъ принадлежалъ къ племенамъ Йемена, именно къ племени Манферъ, былъ потомкомъ Абду-л-малека, пришедшаго въ Андалузію съ Тарикомъ и принимавшаго великое участіе въ завоеваніи этой страны, то ему и не стоило большаго труда привлечь на свою сторону вождей партіи Йеменской, бывшей въ то время всемогущею. Съ ихъ помощью онъ постепенно приобрѣлъ огромное значеніе и совершенно завладѣлъ Гишамомъ, запретилъ визирямъ являться къ нему, исключая извѣстныхъ дней, когда поздоровавшись съ халифомъ, они тотъ же часъ и удалялись. Онъ щедро награждалъ армию, честилъ и жаловалъ ученыхъ, давилъ всѣхъ, кто ему сопротивлялся. Мудрый, предусмотрительный, храбрый, онъ блисталъ великими воинскими дарованіями, необыкновенною набожностью. Всѣ тѣ государственные сановники, которые ему сопротивлялись, гибли одинъ, черезъ другаго, лишались своихъ мѣстъ и даже жизни. Все это совершалъ онъ за подписью Гишама и по его приказанію; такъ отстранилъ онъ всѣхъ, стоявшихъ ему на дорогѣ. Первые его удары направлены были противъ Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ (?), составлявшихъ часть халифовой гвардіи (body guard). Возбудивъ противъ нихъ гаджиба аль-Мосгафи, онъ выгналъ ихъ всѣхъ изъ дворца, хотя ихъ было болѣе восьми сотъ чловѣкъ. Потомъ онъ женился на дочери Галяба, вольноотпущенника аль-Гакемова, хитростью и лестью такъ его привязалъ къ себѣ, что съ его помощію совершенно погубилъ аль-Мосгафи. Противъ Галяба онъ употребилъ Джафара Ибнъ-Али-Ибнъ Гамдуна, вождя Шинтовъ (въ Африкѣ). Гамдуна погубилъ онъ съ помощію Абдуладуда Ибнъ-Джегвара Ибнъ-Диннуна и другихъ вельможъ, начальниковъ и предводителей Арабской партіи... (II, 175—6).

Такъ дѣйствовалъ аль-Манзоръ. Какъ всякой умный политикъ, притомъ же неразборчивый въ средствахъ, онъ не губилъ

и не душилъ всецѣло ни одной партіи. Лишь только въ какойнибудь замѣчалъ онъ силу и значеніе, немедля поселялъ въ ней раздоръ, разлучалъ ея вождей, однихъ губилъ, другихъ привлекалъ на свою сторону и такимъ образомъ подчинялъ себѣ и своимъ цѣлямъ всякую сильную партію. Славянъ онъ, какъ ниже увидимъ, не удалялъ вовсе, а только подчинилъ своимъ видамъ.

Обращаемся къ разсказу аль-Макари о поведеніи аль-Манзора въ отношеніи къ Джафару:

«Такъ какъ нѣкоторые изъ сановниковъ аль-Гакемовыхъ (вариантъ: «изъ дворцовыхъ евнуховъ» или «изъ евнуховъ, называемыхъ великими халифами») служили преградою его честолюбивымъ замысламъ, то однихъ онъ сослалъ, другихъ умертвилъ, однимъ словомъ разбилъ и разсѣялъ всѣхъ своихъ противниковъ, назначая на ихъ мѣста своихъ клеветовъ и вообще такихъ людей, на которыхъ могъ вполне положиться. Тоже самое сдѣлалъ онъ и со Славянскою гвардіею, которую распустилъ и разсѣялъ по странѣ, казнивъ самыхъ значительныхъ изъ нея личностей или такихъ, которыя ему казались наиболѣе опасными. Но такъ какъ событія, нами слегка обрисованныя, подробно описаны многими почтенными историками того времени, то мы и представимъ нѣкоторыя подробности изъ наиболѣе достовѣрныхъ и почтенныхъ писателей.

Ибнъ-Гайянъ говоритъ, что между гаджибомъ аль-Мосгафи и Галибомъ, правителемъ Мединацели, существовала великая вражда и непріязнь. Галибъ пользовался громаднымъ вліяніемъ и всегда дѣйствовалъ вопреки аль-Мосгафи и тѣмъ подрывалъ его авторитетъ. Аль-Мосгафи жаловался на то своимъ сотоварашамъ, визирямъ, которые ему совѣтовали примириться съ нимъ, а не усиливать вражды. Аль-Манзоръ, опасаясь ихъ примиренія, рѣшился завязать дружбу съ Галибомъ для того, чтобы съ его помощію приготовить паденіе Джафара».

Аль-Манзору соединиться съ Галибомъ удалось. Онъ получилъ новое мѣсто, градоначальника (Wali-l-medinah, praefectus urbi), съ котораго былъ отставленъ аль-Мосгафи, противно своему желанію. Наконецъ онъ получилъ начальство и надъ полиціею, должность весьма почетную и значительную. Первою его

заботою было всякаго рода кознями удалить отъ аль-Мосгафи всѣхъ его друзей и уничтожить все его вліяніе, оставивъ въ его рукахъ только тѣнь власти. Всего этого онъ вполне достигъ съ помощію Галиба, который согласился съ нимъ погубить аль-Мосгафи.

«Аль-Манзоръ исправлялъ свою должность такъ хорошо, что граждане Кордовскіе не имѣли ни малѣйшей причины сожалѣть о прежнихъ градоначальникахъ и чиновникахъ. Величайшая тишина и порядокъ царствовали въ городѣ, дѣла правосудія отправлялись быстро. Несмотря на то, онъ продолжалъ ухаживать за Галибомъ и всячески заботился объ его пріязни. Аль-Мосгафи, открывъ замыслы аль-Манзора, написалъ письмо Галибу, предлагалъ ему свою дружбу, а въ скрѣпленіе и въ знакъ ея просилъ руки его дочери для сына своего Отмана. Галибъ согласился и предложенный бракъ уже готовъ былъ совершиться, какъ аль-Манзоръ, едва узнавъ объ этомъ, написалъ Галибу, возстановляя его противъ Джафара, возбуждая его старую ненависть къ нему и совѣтуя ему остерегаться его тайныхъ замысловъ. Онъ пошелъ еще далѣе, уговорилъ родственниковъ и друзей Галиба написать ему объ этомъ же письма. Галибъ, склонившись на ихъ просьбы и наговоры, розорвалъ всѣ сношенія свои съ Джафаромъ и дочь свою, невѣсту Отмана, выдалъ замужъ за аль-Манзора. Свадьба ихъ была играна съ величайшимъ торжествомъ и пышностью въ 977 г. Невѣста прежде всего приведена была во дворецъ, гдѣ встрѣтилъ ее самъ халифъ. Такіе знаки почтенія еще болѣе увеличили силу и вліяніе аль-Манзора и удвоили число его послѣдователей такъ, что Джафаръ въ сравненіи съ нимъ уже ничего не значилъ.

«Султанъ назначилъ Галиба на должность гаджиба съ оставленіемъ однако въ этой должности Джафара, который, утративъ теперь всякую надежду на возможность когда либо подорвать значеніе своего противника, прекратилъ уже всякое сопротивление въ дѣлахъ управленія. Напротивъ того аль-Манзоръ противоборствовалъ ему и тайно и открыто, отвлекая отъ него всѣхъ его приверженцевъ и приманивая ихъ всѣхъ въ свою партію. Наконецъ Джафаръ былъ совершенно покинутъ своими друзьями: утромъ и вечеромъ ходилъ одинъ по дворцу, не поль-

зуюсь рѣшительно правами своего званія, ставшаго однимъ пустымъ звукомъ. *Достойное наказаніе за убійство аль-Могафи и за его старанія посадить на престолъ Гишамъ!*

Аль-Манзоръ началъ возбуждать Гишамъ противъ аль-Мосгафи, его дѣтей, родственниковъ, друзей и противъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія либо связи. Отъ нихъ былъ потребованъ подробный отчетъ во всѣхъ государственныхъ суммахъ, прошедшихъ черезъ ихъ руки; по самымъ ничтожнымъ основаніямъ ихъ заставили уплатить огромныя суммы и тѣмъ довели ихъ до совершенной нищеты. Такъ раззорилъ аль-Манзоръ эту могущественную фамилію. Племянникъ аль-Мосгафи, по имени Гишамъ, первый испыталъ на себѣ ужасное его мщеніе. Этотъ юноша сопровождалъ аль-Манзора въ третьемъ его походѣ на христіанъ; когда побѣдитель ворочался въ Кордову съ огромнымъ количествомъ христіанскихъ головъ, надѣтыхъ на палки, какъ съ трофеями побѣды, то Гишамъ, похитивъ одну изъ этихъ палокъ, поспѣшилъ въ Кордову, гдѣ и представился съ нею халифу прежде своего начальника. Узнавъ объ этомъ, аль-Манзоръ заключилъ его въ темницу, гдѣ потомъ онъ и былъ преданъ смертной казни. Вскорѣ и Джафара постигла судьба его племянника. Совершенно раззоривъ его и доведя до крайней бѣдности такъ, что онъ принужденъ былъ продать свой домъ въ Риссафа (in the Rissáfah), одно изъ великолѣпнѣйшихъ Кордовскихъ зданій, аль-Манзоръ преслѣдовалъ его въ продолженіи двухъ лѣтъ, то заключеніемъ въ тюрьму, то другими средствами такъ, что онъ жилъ то при дворѣ, то въ склякѣ, постоянно обремененный уплатою большихъ суммъ; наконецъ онъ даже растронлся въ разсудкѣ и былъ брошенъ въ крѣпость Аз-загра, гдѣ и кончилъ свою жизнь, по однимъ, отъ даннаго ему яда, по другимъ, съ тоски и страданій.

По поводу этого несчастнаго визиря, авторъ историческаго сочиненія, подъ названіемъ: «Цвѣточный садъ, удовольствіе для ума и развлеченіе для взора», говоритъ: «когда по приказанію аль-Манзора, аль-Мосгафи былъ арестованъ и посаженъ въ одну изъ крѣпостей Аз-загры, то друзья и родственники, проводивъ его туда, стали прощаться съ нимъ и со слезами на глазахъ обняли его въ послѣдній разъ. Онъ сказалъ тогда имъ:

«Друзья, вы въ послѣдній разъ видите меня въ живыхъ; пришелъ часъ, когда исполнится молитва, чего я жду свыше вотъ уже сорокъ лѣтъ». Друзья его пожелали узнать, что то была за молитва. Аль-Мосгафи разсказалъ имъ, какъ въ правленіе Ан-Насира (Абдуррахмана III), онъ былъ виновникомъ заключенія въ темницу одного человѣка, оставшагося въ ней очень долго. «Однажды ночью, говорилъ Аль-Мосгафи, я слышу во снѣ голосъ: «освободи такого-то изъ темницы», и малѣйшая его молитва о тебѣ — будетъ исполнена». Я повиновался и освободилъ его. Призвавъ его къ себѣ на домъ, я разсказалъ ему свой сонъ и попросилъ его помолиться обо мнѣ. На это отвѣчалъ онъ мнѣ: «Я молю Бога, чтобы всѣ виновники моего заключенія кончили свою жизнь въ самой страшной темницѣ». «Теперь, друзья, нѣтъ сомнѣнія, пришло время исполниться этой молитвѣ, такъ какъ я былъ однимъ изъ виновниковъ его несчастія, и хотя въ послѣдствіи раскаялся, но было уже поздно».

Аль-Мосгафи умеръ въ крѣпости, тѣло его было отдано друзьямъ для погребенія; слѣдующій разсказъ заимствуемъ у одного изъ катибовъ аль-Манзора, по имени Могаммеда Ибнъ-Измаила. «Однажды, говорятъ онъ, я сопровождалъ Могаммеда Ибнъ-Мослема въ Аз-загру, ѣхавшаго за тѣломъ Джафара Ибнъ-Отмана аль-Мосгафи, чтобы отдать его друзьямъ и родственникамъ, какъ то было приказано аль-Манзоромъ. Мы пришли въ комнату покойника и нашли его трупъ на постели, покрытый старымъ изорваннымъ плащомъ, который накинута на него одинъ изъ крѣпостныхъ сторожей. Тѣло обмыли на дверяхъ, которыя сняли съ петель въ одной изъ комнатъ; потомъ повезли его на кладбище, при чемъ не было никого, кромѣ имама изъ мечети, читавшаго надъ нимъ погребальныя молитвы, и тѣхъ изъ его сыновей, которые въ то время нашлись случайно въ Кордовѣ. Такое зрѣлище заставило меня призадуматься о непостоянствѣ счастья; я вспомнилъ, какъ однажды на моихъ глазахъ ѣхалъ Джафаръ изъ своего дома во дворецъ халифа, сопровождаемый многочисленною толпою родственниковъ и друзей. Улицы и площади, по которымъ онъ проѣзжалъ, были набиты людьми всякаго рода: кто желалъ просто

видѣть его, кто имѣлъ до него просьбу. Я самъ держалъ записку для него, пробился черезъ толпу и вручилъ ее одному изъ его катибовъ или секретарей, ѣхавшихъ подлѣ него. Веко-рѣ послѣ того аль-Манзоръ сталъ вратомъ Джафара, то заключалъ его въ темницу, то таскалъ его съ собою во всѣ свои походы, обращался съ нимъ съ величайшимъ презрѣніемъ. Мнѣ удалось, въ одну изъ нашихъ экспедицій въ Галицію, поставить свою палатку подлѣ Джафаровой. Очень хорошо помню, какъ аль-Манзоръ отдалъ приказъ — ночью въ лагерь нигдѣ не зажигать огней, чтобы непріятель не открылъ нашей позиціи, и, клянусь Аллахомъ, я видѣлъ, какъ Джафаръ возился съ маленькою жаровнею, ловко пряталъ ее подъ свой плащъ и раздувалъ на ней огонь. Я видѣлъ болѣе, видѣлъ, какъ Отманъ, сынъ Джафаровъ, несъ въ его палатку большое корыто крупитчатой муки, размѣшанной въ водѣ — единственная пища! которою отецъ и сынъ удовлетворяли теперь свой голодъ. Я слышалъ, тогда говорилъ Отманъ: «Напрасно тоскую я о перешнѣ своей участи; вижу — несчастія приходятъ ко мнѣ такъ вѣрно, какъ свободная дѣвушка на назначенный вечеръ. Клянусь Аллахомъ! Проходятъ дни, а меня вѣчно преслѣдуетъ мысль о нашей несчастной судьбѣ! Дни неизлѣнно приводятъ за собою ряды бѣдствій, дни, съ которыми простились всякія радости и всякое счастье. Ночи, тяжкіе часы которыхъ никакое занятіе не можетъ заставить забыть, и въ которые самое несчастіе мое не въ силахъ ничего выдумать для того, чтобы разсердить меня. Но что такое всѣ дни наши, какъ не тучи, проливающія дождь то во благо, то во вредъ землѣ». (II, 180 — 185).

Какъ ни пристрастны Арабскія извѣстія о характерѣ Джафара, однако величавый образъ этого замѣчательнаго человѣка живо рисуется передъ вами. Несмотря ни на разстояніе нѣсколькихъ вѣковъ, отдѣляющихъ его отъ насъ, ни на глубокую разницу нашихъ съ нимъ вѣрованій, какъ-то невольно остановишься передъ этой строгой, задумчивой личностью, сорокъ лѣтъ и на высотѣ почестей терпѣливо ожидающей себѣ кончины въ мрачной темницѣ, не любящей излишней роскоши и великолѣпія, гордо презирающей пустыя вѣшнія приличія.

Первый визирь, гаджибъ, Джафаръ добровольно отказывается занимать первое мѣсто въ совѣтѣ визирей, и садится на ряду съ вѣтми. Одинъ такой поступокъ въ обществѣ Азіятскомъ облачаетъ человѣка необыкновеннаго. Холодное и высокомерное его обращеніе, многихъ отъ него отбивавшее, облачаетъ характеръ гордый и непреклонный, впрочемъ ясно обнаруженный Джафаромъ и въ самомъ предсмертномъ прощаніи его съ друзьями. Его послѣднія слова имъ (не имѣемъ никакой причины не довѣрять этому разсказу): «теперь пришло время исполниться молитвъ: *я былъ однимъ изъ виновниковъ его несчастья и хотя въ послѣдствіи раскаялся, но было уже поздно!*» — чрезвычайно знаменательны. Въ нихъ слышна глубокая скорбь благородной души, не удовлетворяемой ученіемъ Корана, чистымъ проявленіемъ Азіятскаго духа. Джафаръ былъ когда-то однимъ изъ виновниковъ заключенія въ темницу одного несчастнаго, и вотъ однажды ночью во снѣ онъ слышитъ голосъ: «*Освободи его изъ темницы и всякая молитва его о тебѣ будетъ услышана*». Такіе упреки, такой внутренній голосъ и быстрое исполненіе его внушеній знакомятъ насъ съ сердцемъ Джафара, честнымъ и любящимъ, что впрочемъ видать уже и изъ нѣжнаго его обращенія съ аль-Манзоромъ, постоянно строившимъ козни противъ него и на послѣдокъ окончательно его погубившимъ. Человѣкъ твердой воли, нѣжнаго сердца, Джафаръ былъ разборчивъ въ своихъ средствахъ и не считалъ подобно аль-Манзору, этому типическому Арабу-мусульманину Хв., за то и столь любимому и популярному, для достиженія цѣли всякую мѣру дозволенною. «Ибнъ-Гайянъ говоритъ, что между гаджибомъ, аль-Мосгафи и Галибомъ, правителемъ Мединацели, существовала великая вражда и неприязнь. Галибъ пользовался огромнымъ вліяніемъ и всегда дѣйствовалъ вопреки аль-Мосгафи, и тѣмъ подрывалъ его авторитетъ. Аль-Мосгафи жаловался изъ то визирямъ, своимъ товарищамъ, которые совѣтовали ему помириться съ нимъ, а не усиливать вражды. Аль-Манзоръ, опасаясь ихъ примиренія, рѣшился завязать дружбу съ галибомъ для того, чтобы съ его помощію приготовить паденіе Джафара».

Мы видимъ образъ дѣйствій, совершенно противоположный аль-Манзорову. Тогда еще могущественный, Джафаръ не пы-

тается однако умертвить Галиба; онъ ищетъ законныхъ путей и жалуется своимъ товаришамъ визирямъ. Въмѣсто того, чтобы напр. отравить Галиба, онъ проситъ для своего сына руки его дочери. Аль-Манзоръ, неистощимый на хитрости и козни, устраиваетъ предположенную свадьбу средствами самыми нечестными. Историки, столь явно не любившіе аль-Мосгафи, не преминули бы рассказать о томъ, если бы онъ дѣйствительно питалъ какіе-нибудь злостные замыслы противъ аль-Манзора, который бы и самъ не умолчалъ о нихъ и непременно поставилъ бы ихъ на видъ, заключая Джафара въ темницу. Нѣтъ, онъ обвиняетъ его въ расхищеніи государственной казны. Тоже говоритъ аль-Макари и отъ себя. Тѣмъ не менѣе у него же читаемъ: «аль-Манзоръ сталъ возстановлять Гишама противъ аль-Мосгафи, его дѣтей, родственниковъ, друзей и противъ всѣхъ, имѣвшихъ съ нимъ какія-либо сношенія. Отъ нихъ былъ потребованъ подробный отчетъ въ государственныхъ суммахъ, прошедшихъ черезъ ихъ руки; по самымъ ничтожнымъ основаніямъ, ихъ заставили уплатить государственныя суммы и тѣмъ довели до крайней нищеты».

Ознакомившись такимъ образомъ съ характеромъ Джафара, мы необходимо приходимъ къ вопросу: былъ ли онъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ убійства аль-Могейры, дяди Гишамова? и аль-Манзоръ, собственноручно умертвившій аль-Могейру, былъ ли только простымъ орудіемъ Джафара? Справедливо ли наконецъ восклицаніе аль-Макари или лучше Ибнъ-Бассама при рассказѣ о печальной судьбѣ Джафара, постигшей его въ слѣдствіе происковъ аль-Манзора, «достоинное наказаніе за убійство аль-Могейры и за его старанія посадить на престолъ Гишама!»

Вѣроятно ли при тѣхъ свѣдѣніяхъ, которыми мы располагаемъ о Джафарѣ, чтобы онъ былъ главнымъ и единственнымъ виновникомъ смерти аль-Могейры? До насъ дошелъ одинъ рассказъ (не довѣрять которому нѣтъ никакого основанія), о томъ, какъ томили и волновали Джафара угрызенія совѣсти за то, что былъ виновникомъ и даже не единственнымъ, заключенія въ темницу какого-то бѣдняка; какъ онъ долго не могъ забыть этого, наконецъ, самъ вспомнилъ объ этомъ поступкѣ, освободо-

диль того несчастнаго изъ темницы, руководясь въ этомъ случаѣ однимъ влеченіемъ своего сердца и, призвавъ его къ себѣ, просилъ помолиться о немъ, въ той увѣренности, что молитва освобожденнаго имъ несчастнаго непременно дойдетъ до Бога. Но мусульманская вѣра въ судьбу воспитала его и онъ терпѣливо въ продолженіи сорока лѣтъ выжидаетъ исполненія той страшной молитвы, убѣжденный такъ: «Я раскаялся, но было уже поздно.» Если Арабскіе историки справедливы, увѣряя, что несчастія, его постигшия, достойно и праведно казнили его за убійство аль-Могейры, то какимъ образомъ самъ Джафаръ, столь требовательный къ себѣ, не раскаявался передъ смертью въ убійствѣ аль-Могейры, Джафаръ, котораго терзала мысль, что онъ попустилъ заключить въ темницу какого-то неизвестнаго, мало виновнаго? Кровь требуетъ крови, и совершивъ преступленіе однажды, человекъ на немъ не останавливается, а идетъ дальше. Положимъ, что аль-Мосгафи совершилъ это преступленіе уже въ преклонныхъ лѣтахъ, и не оправдываемое его предъидущими поступками, его прежнею жизнію, оно могло не имѣть никакихъ предшествующихъ примѣровъ, но уже ни въ комъ случаѣ нельзя допустить, чтобы оно могло остаться для Джафара безъ всякихъ послѣдствій. Илибы пало оно ему тяжелымъ камнемъ на грудь, — но того нѣтъ и слѣда въ предсмертномъ его прощаніи съ друзьями, когда онъ громко кается въ своихъ грѣхахъ и безъ ропота покоряется судьбѣ, которой безусловно вѣритъ, какъ истый мусульманинъ, — или же (что гораздо естественнѣе ожидать отъ всякаго сильнаго, твердаго характера, какимъ напр. обладалъ и Джафаръ) совершенное имъ преступленіе развило бы въ немъ неутожимую жажду пролитія новой крови, но таковъ ли его образъ дѣйствій съ Галибомъ и аль-Манзоромъ, его могучими противниками и заклятыми врагами? — Нужно ли и даже возможно ли представлять себѣ аль-Манзора какимъ-то безмолвнымъ орудіемъ Джафара? какимъ-то тупымъ, слабымъ и нераспорядительнымъ человекомъ, который для каждаго новаго шага нуждается въ новыхъ приказаніяхъ? Ибнъ-Бассамъ говоритъ: «Джафаръ поспѣшно отправилъ Могаммеда съ частью войска во дворецъ аль-Могейры съ повѣнчаніемъ умертвить его. Ибнъ-Аби-Амиръ засталъ его въ совер-

пенной неизвѣстности на счетъ всего случившагося. Онъ увѣдомилъ его о смерти брата и о вступленіи на престолъ его племянника Гишама. Аль-Могейра, глубоко пораженный этою вѣстью, сказалъ однако: «Я слушаюсь приказаній моего новаго повелителя». *Не зная, какъ поступить, Ибнъ-Аби-Амиръ послалъ письмо къ Джафару, уведомляя его обо всемъ и ожидая его дальнѣйшихъ приказаній. Ответъ былъ слѣдующій: «Схватить и умертвить его, если же ты не исполнишь порученія, я пошлю другаго»:* аль-Могейра былъ убитъ — прибавляетъ Ибнъ-Бассамъ, конечно аль-Манзоромъ, который рѣшился на это убійство вопреки своему желанію, по чистой необходимости, изъ боязни ослушаться Джафара. Слѣдовательно вся вина этого преступленія падаетъ на аль-Мосгафи, аль-Манзоръ былъ въ этомъ случаѣ его покорнымъ слугою, его безгласнымъ орудіемъ. Онъ даже противился этому преступленію, на сколько могъ, медлилъ поднять руку на аль-Могейру, растроганный, послалъ даже Джафару письмо, въ надеждѣ умиловить и разжалобить этого порочнаго, злаго человѣка, чтобы умыть по крайности свои руки и очистить свою совѣсть.

По всей вѣроятности аль-Макари повторяетъ Ибнъ-Бассамъ, когда восклицаетъ съ благороднымъ негодованіемъ о Джафарѣ: *«достойное наказаніе за убійство аль-Могейры!»*

Но правдиво ли это сказаніе? таковъ ли былъ дѣйствительно аль-Манзоръ, страстный, быстрый и рѣшительный, не оставивавшійся на полдорогѣ, не робѣвшій ни передъ какимъ злодѣйствомъ, лишь бы достигъ своей цѣли? Но быть можетъ я ошибаюсь и неправильно понимаю этого замѣчательнаго дѣятеля, любимѣйшаго героя Испанскихъ Арабовъ.

Дози, лучший въ настоящее время знатокъ исторіи мусульманской Испаніи, вотъ, какъ рисуетъ аль-Манзора: «dans le quatrième siècle de l'Hégire (X в. по Р. X.) un seul homme parvint non seulement à frapper d'impuissance le khalife, son maître, mais à renverser sinon la noblesse, du moins les nobles d'alors. Cet homme, qui ne reculait devant aucune lâcheté, devant aucun crime, devant aucun meurtre, pourvu qu'il arrivât au but de son ambition; cet homme, profond politique et le plus grand général de son temps, l'idole de l'armée et du peuple, celui que la fortune

favorisait dans toutes les occasions; cet homme c'était le terrible premier ministre, le Hâdjib de Hisham II, c'était Almanzor» (р. 2 — 3).

Предоставляю судить безпристрастному читателю, поступаю ли я критически, совершенно отвергая рассказъ Ибнъ-Бассама, какъ не только не правдоподобный, но и совершенно противорѣчащій всему, что извѣстно намъ объ аль-Манзорѣ и о Джафарѣ.

Ибнъ-Адари, на сколько намъ извѣстенъ его рассказъ изъ передачи Дози, говоритъ: «Поданъ былъ совѣтъ умертвить аль-Могейру. Совѣтъ былъ принятъ Джафаромъ. *Аль-Манзоръ самъ вызвался умертвить его и дѣйствительно умертвилъ бѣднаго князя, еще ничего не знавшаго о смерти своего брата.*

Здѣсь видимъ, что первая мысль объ убійствѣ аль-Могейры родилась не у Джафара. Кѣмъ же была подана эта мысль? Ужъ не аль-Манзоромъ ли, который самъ же и вызвался убить князя? Это извѣстіе гораздо болѣе похоже на правду, чѣмъ Ибнъ-Бассамово, хотя при чтеніи его невольно рождаются и къ сожалѣнію остаются безотвѣтными вопросы—что до сего времени дѣлалъ аль-Манзоръ? оставался ли въ праздности? зналъ ли онъ о существованіи цѣлой партіи въ Кордовѣ, державшейся аль-Могейры? предугадывалъ ли онъ планы противниковъ Гашама, такъ какъ его возвышеніе началось еще при аль-Гакемѣ?

Абу-Зейдъ Абдуррахманъ Ибнъ-Могаммедъ Ибнъ-Халдунъ (1332 † 1406 г.), Арабскій историкъ, о событіяхъ по смерти аль-Гакема рассказываетъ нѣсколько иначе. Повторимъ его слова, передаваемые намъ компиляторомъ аль-Макари: «По смерти халифа аль-Манзоръ самъ вызвался и умертвилъ его брата аль-Могейру, бывшаго главою особой, сильной партіи въ Кордовѣ. *Съ помощію Джафара, Галиба и Славянскихъ дворцовыхъ евнуховъ, начальниками которыхъ въ то время были Файикъ и Джодаръ, черезъ два дня спустя по смерти аль-Гакема Могаммедъ умертвилъ аль-Могейру въ его собственномъ дворцѣ и Гишамъ былъ провозглашенъ халифомъ безъ малѣйшаго сопротивленія.*

Здѣсь уже прямо выступаетъ аль-Манзоръ главнымъ дѣятелемъ кровавой драмы; любопытно и то, что здѣсь и Файикъ и Джодаръ, по крайности другіе Славяне являются сторонами-

ками Гицама, за одно съ Джафаромъ, который тутъ только помогаетъ аль-Манзору.

Какъ бы то ни было, приведенныхъ мною извѣстій достаточно, чтобы уразумѣть необходимость собрать всѣ подлинныя извѣстія объ этихъ событіяхъ и переработать ихъ критически; тогда, быть можетъ, еще яснѣе предстанетъ то великое участіе, которое принималъ аль-Манзоръ во всѣхъ этихъ событіяхъ, и станетъ еще понятнѣе, что Джафаръ не былъ и не могъ быть главнымъ и первымъ виновникомъ убійства аль-Могейры.

Аль-Макари называетъ его *Славяниномъ*. Его разладъ съ Файнкомъ и Джодаромъ не можетъ служить доказательствомъ противъ Славянскаго его происхожденія. Его привязанность къ поднявшему его покойному халифу и истекавшая быть можетъ изъ признательности къ отцу вѣрность его сыну могли быть весьма удобными струнами, ловко задѣвъ которыя аль-Манзоръ легко могъ возбужить его противъ другихъ Славянъ, которые въ надеждѣ новыхъ почестей, уже были обещанныхъ аль-Могейрою, также легко могли стать приверженцами послѣдняго. Ни аль-Могейра, ни аль-Манзоръ не могли оставаться простыми зрителями въ послѣдніе годы царствованія аль-Гакемова, и тотъ и другой конечно искали себѣ приверженцевъ въ служившихъ при дворѣ Славянахъ, какъ людей приближенныхъ и игравшихъ великую роль въ дворцовыхъ интригахъ. Усилій этихъ двухъ лицъ, кромѣ другихъ обстоятельствъ, легко оставшихся намъ неизвѣстными, было довольно, чтобы произвести раздоръ въ Славянской сторонѣ. Такимъ образомъ нѣтъ никакой необходимости признавать Джафара *Славяниномъ* не въ собственномъ смыслѣ, а напр. Нѣмцемъ или другимъ какимъ Европеемъ.

Его иностранное происхожденіе и его Европейская натура, проявляющаяся въ его поступкахъ и образѣ дѣйствій, удачно объясняютъ и оправдываютъ, несмотря на его великія достоинства, ту неприязнь и то враждебное къ нему расположеніе Арабовъ, что такъ рѣзко поражаютъ васъ и при чтеніи о немъ отзывомъ Арабскихъ писателей и при мысли о той популярности, которая окружала счастливаго, воинственнаго противника его

аль-Манзора, который превосходил его въ дѣлѣ ратномъ, но далеко уступалъ ему и въ благородствѣ и въ умственномъ образованіи и въ способностяхъ государственныхъ. Дѣйствительно Джафаръ аль-Мосгафи не только обладалъ высокими поэтическимъ талантомъ и по свидѣтельству самихъ Арабовъ былъ однимъ изъ лучшихъ поэтовъ Андалузій¹, но и отличался необыкновеннымъ государственнымъ умомъ. Рабъ и иностранецъ, онъ достигъ высшихъ почестей и несмотря на всю нелюбовь къ нему народа, держался на высотѣ при трехъ государяхъ: умѣлъ, значитъ, стать необходимымъ. При Абдуррахманѣ III († 961 г.) онъ уже пользовался такою властью, что могъ заключать въ темницу; тотчасъ по его смерти, его преемникомъ онъ былъ назначенъ въ первые министры; въ какомъ званіи оставался онъ въ некоторое время и при слабомъ Гишамѣ, и даже первое время съ успѣхомъ боролся съ опаснымъ своимъ противникомъ аль-Манзоромъ. Весьма вѣроятно, что послѣднему побѣда была облегчена уже ослабленіемъ Славянской стороны. Возбудивъ Джафара, говоритъ Ибнъ-Халдувъ, противъ Славянъ, служившихъ при дворѣ, аль-Манзоръ выгналъ ихъ всѣхъ изъ дворца, хотя ихъ было болѣе восьми сотъ человекъ. Ибнъ-Бассамъ рассказываетъ, что онъ распустилъ Славянскую гвардію и расфялъ ее по странѣ, казнивъ самыхъ значительныхъ изъ нея лицъ².

1. Андалузскій Арабъ Ибнъ-Газаль, перечисляя заслуги своихъ соотечественниковъ въ литературѣ и въ просвѣщеніи, въ доказательство того, что они нисколько не ниже Арабовъ Азійскихъ и Африканскихъ, между прочимъ замѣчаетъ: «Относительно поэтовъ довольно одного Ибнъ Даррадъжъ Аль-Кастали, чтобы доставить намъ великую честь; но что ты скажешь, если привести такіа знаменитыя имена, каковы *Джафаръ Ибнъ Отманъ аль-Гададжиба*, Ахмедъ Ибнъ Мервана...» (Al-Makkaği I, 190). О художественномъ вкусѣ Джафара свидѣтельствуеъ его дворецъ, одно изъ великолѣпнѣйшихъ зданій въ окрестностяхъ Кордовы, подъ названіемъ *Альмосафилъ*. Онъ былъ окруженъ великолѣпными садами, съ гротами, фонтанами и пр. (Al-Makkaği, I, 212, 489).

2. Изъ вышеприведенныхъ словъ Ибнъ-Адари (по Дози) видно, что аль-Манзоръ не всѣхъ Славянъ разогналъ: около пятисотъ человекъ сманилъ онъ на свою сторону и назначилъ имъ богатое содержаніе. Случайно и мимоходомъ упоминается у аль-Макари о тысячѣ Славянъ, служившихъ во дворцѣ аль-Манзора Аз-загиръ, котораго не надо смѣшивать съ дворцомъ Абдуррахмана III Аз-загиръ. (I, 243—244. См. тамъ же I, 133—134. Также Дози: Resh. I, 28).

VIII. Нещадно карая своихъ соперниковъ, оставляя въ покоѣ однихъ слабыхъ и безопасныхъ ему вельможъ, аль-Манзоръ былъ настоящимъ халифомъ, хотя и назывался только первымъ министромъ Гишама II, личности ничтожной, слабо-душной. По смерти аль-Манзора († 1002 г.) сынъ его Абду-малекъ заступилъ его мѣсто при Гишамѣ II, который не измѣняя себѣ ни при немъ, ни по смерти его († 1008 г.) при его братѣ, Абдуррахманѣ. Этотъ послѣдній даже принудилъ Гишама назначить его своимъ преемникомъ, на что и не замедлило воспослѣдовать высочайшее разрѣшеніе халифа, котораго было бы несправедливо упрекать за излишнюю твердость и настойчивость. Въ ноябрѣ 1008 г. Абдуррахманъ принялъ званіе наслѣдника. Такая мѣра не нравилась многимъ высшимъ сановникамъ и лицамъ придворнымъ. Особенно же негодовали Оммаяды и Корашиты. Они составили заговоръ и, въ 1009 г., когда Абдуррахманъ находился въ походѣ, овладѣли халифскимъ дворцомъ въ Кордовѣ и провозгласили гаджибомъ Могаммела, сына Гишамова, правнука Абдуррахманова, одного изъ потомковъ Кордовскихъ халифовъ. Онъ былъ прозванъ Могаммедомъ аль-Магди.

Абдуррахманъ, при первомъ извѣстіи о случившемся, вернулся изъ похода, но войско его покинуло. Онъ былъ схваченъ и убитъ.

Однако аль-Магди не удовольствовался званіемъ гаджиба, заключилъ Гишама въ отдаленнѣйшіе покои дворца, распустилъ слухъ, что онъ умеръ и самъ принялъ званіе халифа и имама. «Въ числѣ его первыхъ распоряженій, говоритъ аль-Макари, было приказаніе схватить и казнить главнѣйшихъ лицъ, принадлежавшихъ къ партіи Амридовъ».

Берберы, не любившіе Абдуррахмана, охотно и скоро перешли на сторону аль-Магди. Однако Оммаяды не могли же забыть, что Берберы были главнѣйшими пособниками аль-Манзора и его сыновей. Амриды же отъ души ненавидѣли ихъ и, если бы не ихъ единодушіе и многочисленность, они были бы истреблены до единого. При всякомъ удобномъ случаѣ Берберамъ наносимы были оскорбленія; однажды даже дома ихъ старшинъ и начальниковъ не мало пострадали отъ черни Кор-

довской. Аль-Магди, хотя и наказалъ виновныхъ, однако самъ сильно ненавидѣлъ Берберовъ и никогда не пренебрегалъ никакимъ случаемъ, чтобы выразить всю неприязнь свою къ нимъ.

Берберы составляютъ заговоръ съ тѣмъ, чтобы низвергнуть Гишама и возвести вмѣсто него другаго халифа изъ Оммаядовъ, именно Гишама, сына Сулейманова, внука Аннасирова. Но заговоръ былъ открытъ, Гишамъ и братъ его Абу-Бекръ были казнены. Племянникъ убитаго Гишама, Сулейманъ бѣжалъ изъ Кордовы къ Берберамъ, находившимся въ то время внѣ города и твердо рѣшившимся отмстить жителямъ Кордовы. Сулейманъ съ ихъ помощію овладѣлъ столицею, но аль-Магди снова удалось утвердиться въ Кордовѣ, хотя и не надолго: онъ былъ убитъ въ августѣ 1010 г.

Гишамъ II, бывший доселѣ въ заключеніи и скрываемый отъ народа, оставался теперь повелителемъ до апрѣля 1013 г., когда Сулейманъ съ своими Берберами вторично вступилъ въ Кордову. Страшныя казни и убійства послѣдовали тотчасъ за тѣмъ. Халифъ Гишамъ былъ одною изъ жертвъ. Сулейманъ царствовалъ до 1016 г. За тѣмъ смуты и волненія не прекращались при его преемникахъ. Андалузія, нѣкогда сильное, могущественное тѣло, распалась на отдѣльныя независимыя королевства, многіе владѣтели которыхъ были люди весьма замѣчательные, покровительствовали наукамъ и литературѣ, но были безсильны съ успѣхомъ противустать все болѣе и болѣе выросшимъ силамъ христіанъ. Въ XI в. мусульманское владычество въ Испаніи потерпѣло роковой ударъ и послѣ того оно уже никогда не подымалось на степень прежней славы и могущества. Этотъ періодъ разложенія внутреннихъ основъ мусульманскаго государства, особенно важенъ и для исторіи Славянской стихіи въ Испаніи. Тогда особенно выказались и ея сила и значеніе, хотя въ то же время XI в. увидѣлъ и ея паденіе.

Аль-Манзоръ, погубившій и разсѣявшій весьма многихъ Славянъ, не задавилъ вовеки ихъ партіи, напротивъ весьма многихъ изъ нихъ онъ привлекъ на свою сторону и умѣлъ ихъ искусно противопоставлять противникамъ ихъ Берберамъ: онъ ловко держалъ эти двѣ враждебныя стороны въ равновѣсіи, не позволяя усилиться ни одной изъ нихъ. Точно также сохраняла

свое значеніе сторона Славянская и въ управленіе обоихъ его сыновей. Дѣйствительно, при слабодушномъ Гишамѣ II и въ правленіи его гаджибовъ, многіе Славяне не только занимали болѣе или менѣе значительныя мѣста при дворѣ, въ Кордовѣ, но и управляли отдѣльными городами и мѣстами. Такъ Славлянинъ Вади былъ правителемъ въ Мединацели, другой въ Альмеріи, третій въ Балахосѣ.

Здѣсь весьма естественно возникаетъ вопросъ (за цѣнѣніемъ данныхъ остающійся пока безъ всякаго разрѣшенія): не занимали ли подобныя мѣста Славяне и при прежнихъ халифахъ, въ IX и въ X вѣ?

Не покидая вовсе Гаянгоса, я буду теперь чаще прибѣгать къ Дози, всегда стараюсь какъ можно ближе держаться его словъ, чтобы читателю удобнѣе было провѣрять наши соображенія.

Отношенія аль Манзора къ Славянамъ всего лучше обрисованы въ слѣдующихъ двухъ мѣстахъ изслѣдованій Дози.

«Можно рѣшительно сказать, что по завоеваніи Испаніи Арабами, въ ней стала господствовать знать, аристократія. Восточные халифы, Оммаяды, находились слишкомъ далеко для того, чтобы имѣть возможность наблюдать за дѣйствіями своихъ наместниковъ въ Испаніи; сверхъ того еще лежала на нихъ тяжелая борьба и съ внутренними и съ внѣшними врагами. Но когда, по вступленіи Абассидовъ, послѣдняя отрасль Оммаядовъ, Аблуррахманъ, спасшійся отъ палачей своей семьи, бѣжалъ въ Андалузію, то народъ, усталый отъ внутреннихъ смутъ, произведенныхъ аристократами и всегда предпочитавшій монархію правленію аристократическому, съ восторгомъ провозгласилъ его своимъ государемъ. Даровитые Оммаяды долго умѣли держать аристократовъ въ повиновеніи¹. Въ четвертомъ вѣкѣ Геджиры (въ X в. по Р. X.) является одинъ человекъ, не только отнявшій

---

1. Славянская гвардія въ этомъ отношеніи могла быть весьма удобнымъ орудіемъ: Гдѣ масса, народъ, какъ напр. на востокѣ, лишень самообладанія, самоуправленія, этого перваго и почти единственнаго условія для благосостоянія частнаго и общественнаго, тамъ всегда чередуются безумныя распри олигарховъ-аристократовъ съ дикимъ произволомъ деспота, опирающагося на наемникахъ-иностраницъ.

всю власть у халифа, своего государя, но и поразившій на голову если не аристократію, то тогдашнихъ ея представителей. Человѣкъ этотъ не останавливался ни передъ какою подлостію, ни передъ какимъ преступленіемъ, ни передъ какимъ убійствомъ, лишь бы достигнуть своихъ цѣлей; глубокой политикъ и величайшій полководецъ своего времени, любимецъ армии и народа, всегда покровительствуемый счастіемъ, то былъ грозный первый министръ, гаджибъ Гишамъ II, аль-Манзоръ. Думая единственно объ утвержденіи своей власти, онъ жестоко губилъ всѣхъ сильныхъ и могущественныхъ аристократовъ, казавшихся ему опасными; но онъ и не помышлялъ объ истребленіи самой аристократіи: не только не отнималъ отъ нея поземельныхъ ея владѣній, но даже былъ другомъ тѣхъ вельможъ, которыхъ нечего было опасаться. Дѣйствительно нѣсколько времени спустя по смерти аль-Манзора, аристократія встаетъ съ большею, чѣмъ когда либо, силою. Власть халифовъ, ослабленная самимъ аль-Манзоромъ, замѣтно упала, и вельможи, пользуясь безсиіемъ законнаго государя, отказали ему въ своемъ повиновеніи и изъ областей, гдѣ они были правителями, образовали независимыя княжества. Въ свою очередь и любимцы аль-Манзоровы, начальники войскъ Славянскихъ (*les capitaines des troupes slaves*) и Берберскихъ, успѣвъ встать въ уровень съ мусульманскою знатію и съ начала V в. Геджиры Испанія распалась на множество отдѣльныхъ государствъ и была управляема аристократіею? ¹

Въ другомъ мѣстѣ у Дои читаемъ: «Дворцовые евнухи, хотя сами рабы, владѣли землями и имѣли у себя въ услуженіи огромное количество рабовъ. Между рабами Файника находился Сабуръ ², какъ говорятъ Ибнъ-Гайянъ: однако онъ носилъ прозваніе аль-Амири, слѣдоват. состоялъ на службѣ у

1, Resch. I, 2—3.

2. Этотъ Сабуръ, природный Славянинъ, былъ царкомъ въ Бадахосѣ въ 1009—1016 г. См. Доу: Resch. I, 172, 207. Другой слуга Файника Амиръ Ибнъ-Фатухъ аль-Файки былъ правителемъ въ Малагѣ около 1013 г. и даже раньше. Выше приведенъ у насъ разсказъ Ибнъ-Адари (по Дои); изъ него же узнаемъ, что люди Файника, по внушеніямъ Джафара, а вѣроятно и аль-Манзора, подали доносъ на своего господина. Изъ числа этихъ-то слугъ, избивавшихъ Файнику, и были, по всей вѣроятности, и Сабуръ и Фатухъ. Тотъ и другой носили прозвище

аль-Манзора. Онъ могъ попасть къ нему на службу при двухъ случаяхъ, очень возможно, что онъ оставилъ своего господина, Файика, по убіеніи аль-Могейры, когда аль-Манзоръ привлекъ на свою сторону пять сотъ евнуховъ (разумѣется съ ихъ служителями, домочадцами); если Сабуръ покинулъ своего господина при этомъ случаѣ, Ибнъ-Аби-Амиръ былъ довольно могущественъ, чтобы не обращать вниманія на требованія Файика, который впрочемъ имѣлъ много заботъ и безъ хлопотъ о выдачѣ ему какого нибудь раба. Однако мнѣ кажется вѣроятнѣе, что Сабуръ покинулъ своего господина, когда тотъ былъ высланъ вонъ изъ Кордовы и когда значительная часть его помѣстій была конфискована. Какъ бы тамъ ни было, но Сабуръ вступилъ въ службу къ аль-Манзору, который и поручилъ ему управленія Бадахоса.

И такъ люди, бывшіе рабами рабовъ, достигаютъ въ четвертомъ вѣкѣ Гелжиры самыхъ высшихъ государственныхъ должностей. Не довѣряя знати и войскамъ Испанскимъ, аль-Манзоръ противопоставилъ имъ вольвоотпущенниковъ; продолжая принимать такіа мѣры, вредныя, потому что онѣ подрываютъ единство Арабской монархіи въ Испаніи, но уже вошедшія съ нѣкотораго времени въ обычай, онъ раздавалъ своимъ любимцамъ значительныя помѣстья; люди, которые нѣкогда повиновались евнуху, рабу, вмѣстѣ съ волею получаютъ цѣлыя намѣстничества. Потомъ онъ призвалъ въ Испанію Африканскихъ Берберовъ¹ и эти грубые воины толпами явились на его призывъ. Они пришли въ Испанію (передаемъ собственныя слова историка Арабскаго) тошię отъ бѣдности, едва покрытые нѣсколькими лохмотьями, но вскорѣ они уже красовались по улицамъ Кордовы въ великолѣпныхъ одеждахъ, гарцуя на лихихъ коняхъ;

Амира, а, какъ говоритъ Доан, сирозинце аль-Амира достаточно доказываетъ, что Сабуръ состоялъ на службѣ у аль-Манзора Ибнъ-Аби-Амира, которому онъ и былъ обязанъ своимъ мѣстомъ правителя въ Бадахосѣ, и что онъ не занималъ его до возвышенія аль-Манзора, въ царствованіе аль-Гакема II, какъ о томъ баснословитъ Ковдеа. (Rech. I, 207). Такъ же точно и Фатухъ управлялъ Малагою только со времени аль-Манзора, а никакъ не раньше.

1. Точно такъ же и халифы IX—X в. призывали, конечно, въ Испанію Славянъ....

поселились во дворцахъ, о какихъ имъ прежде и не снилось. Вскорѣ эти Берберскія войска, которыхъ аль-Манзоръ любилъ и жаловалъ болѣе всѣхъ солдатъ, превышала уже числомъ войска Испанскія. По смерти своего повелителя, пользовавшагося ими для приведенія въ исполненіе своихъ честолюбивыхъ замысловъ, Славяне и Берберы, равно могущественные и владѣвшіе обширными помѣстьями, но принадлежавшіе къ враждебнымъ племенамъ (*à des races ennemies*), стараются захватить въ свои руки верховную власть; каждая изъ этихъ сторонъ, подъ предлогомъ защиты слабого претендента, стремится къ исключительному господству въ Испаніи. Однако и знатные вельможи изъ туземцевъ стали подымать свою голову; правда, они были еще слабы для того, чтобы образовать свою особую партію и пристаютъ то къ Славянамъ, то къ Берберамъ».

Такъ Афасиды получили королевство по смерти Сабура. «Обязанные, говорятъ Дози, своимъ государствомъ Амриду, они не признавали государей, которыхъ поддерживали Берберы; стремясь къ утверженію своей власти, они съумѣли сохранить благоразумный нейтралитетъ и тѣмъ избѣжали бѣдствій, постигшихъ партію Славянскую¹».

Теперь ознакомимся съ главнѣйшими дѣятелями Славянской партіи. Замѣчательнѣйшіе Славяне въ мусульманской Испаніи XI в., заслужившіе историческую извѣстность, суть слѣдующіе: Вади, Кайсаръ, Хайранъ, Зогаиръ, Моджегидъ, Сабуръ, Лабибъ и Наджа. Сообщая наши свѣдѣнія о каждомъ изъ нихъ на основаніи изслѣдованій Галягоса и Дози, стараюсь какъ можно ближе держаться подлинныхъ словъ этихъ ученыхъ или переводимыхъ ими Арабскихъ авторовъ.

Выше мы уже говорили, что по умерщвленіи Гишама и брата его Абу-Бекра, Сулейманъ, ихъ племянникъ, бѣжалъ къ Берберамъ, бывшимъ тогда въ Кордовы. Славянинъ Вади аль-Амиръ² былъ въ то время правителемъ, намѣстникомъ въ Мединацели. Овладевъ городомъ Гвадалахарою, Сулейманъ на-

1. Rech. I, 211—213.

2. Gayang. II, 491 etc. выписка изъ Ан-Нуванри. У Галягоса *Wādih*, у Дози *Wādih* (p. 238 et suiv.).

писалъ Вади письмо, приглашая его принять его сторону, но тотъ рѣшительно отказался, ибо тотчасъ же, по убіеніи Абдурахмана, онъ прислалъ свою присягу въ Кордову и объявилъ себя за аль-Магди. Отклонивши выгодныя предложенія Сулеймана, онъ сталъ готовиться къ защитѣ. Между тѣмъ аль-Магди, услышавъ объ опасности, угрожающей Вади, послалъ къ нему на помощь отрядъ кавалеріи, подѣ начальствомъ внука (?) Кайсара; послѣ нѣсколькихъ стычекъ съ Берберами, Кайсаръ былъ убитъ, а Вади принужденъ запереться въ городѣ Мединацели. Отсюда Вади отрѣзывалъ все припасы Берберамъ и въ теченіи пятнадцати дней заставлялъ ихъ питаться одною травою. Тогда Сулейманъ обратился съ просьбою о помощи къ Санхо графу Кастильскому, у котораго повѣренныя его повстрѣчались съ повѣренными его непріятеля. Берберы обѣщали Санхо все, что обѣщали ему аль-Магди и Вади. Христіане доставили Сулейману все нужные припасы и Берберы, теперь усиленные христіанами, снова подступаютъ къ Мединацели и опять приглашаютъ Вади на свою сторону, но тотъ отказался вторично. Тогда въ сентябрѣ 1007 г., они идутъ на Кордову. Вади выходитъ изъ города и нападаетъ на ихъ аріергардъ, однако былъ разбитъ съ большимъ урономъ, лагерь его былъ разграбленъ и самъ онъ съ немногими приверженцами едва спасся бѣгствомъ въ Кордову. Несмотря на всю близость опасности, аль-Магди проводилъ время въ разсѣваніяхъ и удовольствіяхъ, не принимая никакихъ мѣръ для защиты столицы. Онъ собралъ войско и расположилъ его на равнинѣ подлѣ Кордовы. По большей части то былъ сбродъ всякаго рода людей, вооруженныхъ какъ ни попало. 9 ноября 1009 г. дано было сраженіе, извѣстное подѣ именемъ Кантицскаго, въ которомъ погибло болѣе 20 тысячъ приверженцевъ аль-Магди. Вади удалился въ свое намѣстничество. Аль-Магди, вернувшись въ Кордову, освободилъ изъ заключенія Гишама II и послалъ сказать Сулейману, что себя онъ считаетъ не болѣе, какъ первымъ министромъ этого законнаго государя. Однако Сулеймана это не тронуло: онъ вступилъ въ Кордову. Аль-Магди бѣжалъ въ Толедо: все пространство земли съ Тортозы до Лиссабона еще признавало его власть. Сулейманъ его не преслѣдовалъ, а пошелъ осаждать Мединаце-

ли, гдѣ заперся Вади. «Многіе предводители Славянской партіи, — говоритъ Дози, — полагая, вѣроятно, что дѣло аль-Магди потеряно, пристали къ Сулейману, какъ напр. Ибнъ-Мослама, начальникъ королевской гвардіи»¹. Вади изъ Мединацели бѣжалъ въ Тортозу и оттуда прислалъ письмо султану, прося его позволенія вступить къ нему на службу. «Это предложеніе Вади не было искренно, — говоритъ ан-Нуваир: онъ хотѣлъ только выиграть время и усилить сторону своего государя.» Сулейманъ поручилъ ему начальство надъ войскомъ въ верхней Арагоніи, приказавъ ему продолжать войну противъ невѣрныхъ. Вади вступаетъ тогда въ переговоры съ христіанами, на всѣ ихъ требованія обѣщая согласіе своего государя. Аль-Магди, подкрѣпленный войскомъ христіанъ, поспѣшаетъ изъ Толедо въ Кордову. Недалеко отъ Кордовы, въ іюнѣ 1010 г., сошлись двѣ непріятельскія арміи. Сраженіе было проиграно Берберами единственно по неразумію Сулейманову. «Побѣда, говоритъ Дози, была одержана Каталонцами, такъ какъ войска аль-Магди и Вади не принимали, кажется, большаго участія въ этомъ сраженіи». Вскорѣ Берберы жестоко отомстали за свое пораженіе, разбивъ Каталонцевъ и прочія войска аль-Магди и Вади въ окрестностяхъ Альхесиры; «много Славянскихъ начальниковъ, говоритъ Дози и болѣе трехъ тысячъ христіанъ легло на полѣ сраженія»². Послѣ того уже напрасно упрасивали Каталонцевъ аль-Магди и Вади снова пойти на Берберовъ; они совсѣмъ вышли изъ Кордовы.

Однако аль-Магди не долго оставался въ столицѣ съ Вади, съ войскомъ столицы (*les troupes de la capitale*) и съ полками бывшими подъ начальствомъ Славянскихъ генераловъ (*et les régiments commandés par des généraux slaves*) онъ вышелъ изъ Кордовы и рѣшился напасть на Берберовъ. Но съ уходомъ Каталонцевъ войско аль-Магди утратило свою храбрость. Едва прошло оно 30 миль отъ Кордовы, какъ попалъ на него такой паническій страхъ отъ одной мысли, что ему придется биться съ грозными Берберами, что оно тотчасъ же поспѣшило удалить-

---

1. Rech. 242.

2. Rech. 246.

ся въ Кордову¹. Тогда аль-Магди приказалъ прорыть ровъ и построить стѣну кругомъ столицы.

Берберы тѣмъ временемъ подошли къ столицѣ и стали грабить и опустошать ея окрестности. Аль-Магди только гулялъ да веселился, а войска его предавались въ городѣ всякому буйству, врываются въ дома мирныхъ гражданъ, отнимали собственность, оскорбляли женъ и дочерей, умерщвляли всѣхъ, кто имъ сопротивлялся. «Такой порядокъ вещей,—говорить ан-Нуваври, сильно не нравился Вади, всегда строго его порицавшему; но аль-Магди не обращалъ вниманія на его жалобы и все оставалось по прежнему. Хотя Вади и держалъ сторону аль-Магди, однако въ глубинѣ души онъ ненавидѣлъ его за его поведеніе съ Абдуррахманомъ, у отца котораго, аль-Манзора, Вади былъ *мауми* (*mauli*) вольноотпущенникомъ. Онъ рѣшился инавергнуть аль-Магди, который, предвидя грозу, уже было совсѣмъ приготовился бѣжать въ Толедо и собралъ всѣ свои драгоценныя вещи и богатства. Но его предупредили. Въ воскресенье, 24 июля 1010 г., Вади съ своими пограничными войсками и другими Славянами (*et les autres Slaves*) промчался верхомъ по улицамъ Кордовскимъ съ крикомъ: «Повиновеніе, повиновеніе аль-Мувайяду». Отправившись въ покои, гдѣ содержался халифъ (Гишамъ II) и взявъ его съ собою, одѣлъ его въ царское одѣяніе и посадилъ его на тронъ предковъ. Аль-Магди будучи въ то время въ банѣ, былъ извѣщенъ однимъ Славяниномъ (*par un Slave*)², что аль-Мувайядъ выведенъ изъ дворца. Онъ тотчасъ поспѣшилъ туда и хотѣлъ сѣсть рядомъ съ Гишамомъ II, который сталъ тутъ его упрекать за всѣ свои бѣдствія и страданія. Наконецъ евнухъ Анбаръ взялъ аль-Магди за руку и повелъ его на платформу дворца. Здѣсь Анбаръ обнажилъ свою саблю, чтобы отрубить ему голову, но аль-Магди, изъ чувства самосохраненія сжалъ его въ своихъ объятіяхъ; въ ту же минуту поразили его Славяне своими мечами³.

1. См. Dozy: Rech. 247. У Ан-Нуваря объ этомъ нѣтъ ничего. Gayang. II, 494.

2. У Гаянгоса Ан-Нуваври говоритъ: «Al-muhdi was in the bath, when one of his officers named Ibn-Wadâh... II, 494.

3. Доли: «à l'instant même les glaives des Slaves s'abaissèrent sur lui, et bientôt le cadavre d'al-Mahdi» etc. (Rech. 246). Ан-Нуваври у Гаянгоса (.I, 495): «In

24 июля 1010 г. Гишамъ II былъ провозглашенъ халифомъ¹ и Вади, ставшій теперь гаджибомъ, первымъ министромъ, немедленно отправилъ голову аль-Магди къ Берберамъ, надѣясь тѣмъ примирить ихъ съ собою и такимъ образомъ утвердить власть Гишама II, а черезъ нее конечно и свое собственное значеніе и вліяніе. Но расчетъ былъ невѣренъ, — Берберы вмѣсто всякаго отвѣта убили его посланниковъ. Тогда Вади сталъ принимать рѣшительныя мѣры къ защитѣ столицы, приказалъ копать рвы и возобновить всѣ прежнія укрѣпленія.

У Могамеда аль-Магди остался по его смерти шестнадцатилѣтній племянникъ, который, имѣя много друзей въ Толедо, бѣжалъ изъ Кордовы въ этотъ городъ, гдѣ жители приняли его съ радостію. Отсюда онъ производилъ безпрестанные набѣги и умерщвлялъ всѣхъ попадавшихся ему въ руки друзей Вади. Наконецъ одинъ вельможа (а chief) Могарибъ Ат-тоджиби взялъ его въ плѣнъ и послалъ къ Вади, который и велѣлъ его умертвить.

Между тѣмъ Берберы страшно тѣснили окрестности Кордовы, куда стекались всѣ ближніе жители. Вся страна на сѣверъ отъ Кордовы, исключая Толедо и Мединацели подвержена была опустошенію. Войска Кордовскія подняли ропотъ на Вади, который, узнавъ объ этомъ, рѣшился вступить въ переговоры съ Берберами. Онъ отправилъ въ лагерь Сулеймана, какого-то Ибнъ-Бекра, который былъ допущенъ къ личному свиданію съ нимъ; но на возвратѣ своемъ съ отвѣтомъ, онъ былъ убитъ солдатами гарнизона, чему не могли помѣшать, при всемъ своемъ желаніи, ни Гишамъ, ни Вади. Убийцы посадили его голову на древко и носили ее по улицамъ столицы. Узнавъ объ участи своего гонца, Вади рѣшился уже бѣжать къ Берберамъ, но его личный непріятель Ибнъ-Аби-Вада², услыхавъ о его намѣреніи бѣжать, отправился въ его домъ со сво-

this position he was pierced by the swords of the Slavonians, the slaves and eunuchs who happened to be there.

1. Gayang. II, 496—497.

2. Конечно тотъ самый Славянинъ, что состоялъ на службѣ у аль-Магди. Преданный этому послѣднему, онъ не могъ простить Вади его убійства. И такъ между самими Славянами не разъ происходили раздоры и несогласія.

ими солдатами, схватилъ его за горло и вытащилъ на улицу. Здѣсь, осыпавъ его упреками за дурное употребленіе общественныхъ суммъ, Ибнъ-Аби-Вада поразилъ его кинжаломъ, за тѣмъ всѣ другіе пошли на него и умертвили. Отрубивъ ему голову, надѣли ее на древко и возили по городу, а трупъ его былъ брошенъ туда, гдѣ еще недавно лежало тѣло аль-Магди. Дома Вади, его друзей и секретарей были разграблены. Ибнъ-Аби-Вада былъ назначенъ въ Кордовѣ губернаторомъ (Wāli-medīnah). Вади былъ убитъ 16 окт. 1011 г.

Сулейманъ взялъ Кордову въ Апрѣлѣ 1013 года. Вотъ все, что могли мы сообщить о Славянинѣ Вади, человѣкѣ не мало замѣчательномъ, въ теченіи трехъ лѣтъ до самой смерти игравшемъ одну изъ первыхъ ролей въ этой важной политической драмѣ, что захватывала самые существенные интересы мусульманской Испаніи XI в. Какъ ни кратки и ни сухи настоящія свѣдѣнія о Вади, нельзя однако отказать ему въ большихъ достоинствахъ — той твердости его характера, съ которою онъ рѣшительно отклонялъ отъ себя всѣ лестныя предложенія Берберовъ, а послѣдующій его переходъ на сторону Сулеймана, — явленіе весьма обыкновенное въ политическихъ смутахъ и неурядицахъ, — если и обличаетъ въ Вади способность играть своимъ словомъ, тоже къ сожалѣнію не рѣдкую въ политическихъ дѣятеляхъ и новѣйшихъ временъ и народовъ христіанскихъ, то съ тѣмъ вмѣстѣ и доказываетъ, что то былъ человѣкъ необыкновенной рѣшимости, неуклонно преслѣдовавшій крѣпко обдуманную цѣль, способности завидной, всегда достойной подражанія. Неудача его сраженій съ Берберами, едва ли можетъ падать на него одного, такъ какъ съ одной стороны его отряды не отличались ни особенною храбростію, ни отличною дисциплиною: Берберы же, сильные и воинственные, отличались и особымъ искусствомъ, къ которому еще не привыкли мусульмане Испанскіе; съ другой же стороны, Вади бывалъ не рѣдко связанъ въ своихъ распоряженіяхъ и при всей своей нелюбви къ ничтожному и распутному аль-Магди, онъ невольно, по самому положенію своему не могъ ему не подчиняться. Что касается до дарованій Вади, то они видны кажется и изъ игранной имъ роли и изъ бытности его намѣстникомъ Мединацели, куда

онъ былъ назначенъ вѣроятно еще аль-Манзоромъ, который конечно раздавалъ такія важныя мѣста людямъ, крѣпко къ нему привязаннымъ и разумѣется не бездарнымъ. Если же теперь припомнить слова ан-Нуваирі о томъ, что Вади питалъ къ аль-Магди глубокую ненависть за его поведеніе съ Абдуррахманомъ, сыномъ аль-Манзора, то весьма понятно ставеть, что Вади не сдавался на лесть, не соблазнился обѣщаніями Берберовъ, не перешелъ къ Сулейману, подобно другимъ своимъ соплеменникамъ, потому именно, что презирая въ душѣ и Гишамъ II и аль-Магди, видя слабость страны и соблазнительные приемы аль-Манзора и его сыновей, онъ, первый изъ Славянъ, вознимѣлъ смѣлую и гордую мысль завладѣть халифатомъ. Отстаивая аль-Магди, онъ работалъ для себя; едва утвердился онъ въ Кордовѣ, какъ воспользовался первымъ удобнымъ случаемъ, — освободилъ Гишамъ, убилъ аль-Магди и принялъ званіе гаджиба. Конечно Вади, горячій приверженецъ и вѣрный слуга аль-Манзоровъ, не могъ отличать какою-либо привязанностію къ Гишаму II. Нѣтъ, смерть Абдуррахмана возбудила въ немъ ненависть къ его убійцѣ аль-Магди; оставаясь ей вѣренъ до конца, онъ только присоединилъ къ ней глубокое презрѣніе къ этой ничтожной личности. Тогда-же конечно родилась въ немъ первая мысль заступитъ аль-Манзора: всѣ послѣдующія его дѣйствія были строго рассчитаны и твердо направлены къ достиженію этой цѣли. Иностранецъ, и слѣдовательно не особенно любимый народомъ, хотя и единовѣрецъ, Славянинъ Вади далеко не находился въ тѣхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, что окружали аль-Манзора, вмѣвшаго въ Джафаръ великаго преемника, при которомъ дѣла государственныя не были такъ запущены, какъ послѣ слабыхъ, развратныхъ преемниковъ Вади. Абдуррахмана и аль-Магди. Сверхъ того аль-Манзоръ имѣлъ тогда на своей сторонѣ воинственныхъ Берберовъ, которыхъ, по сложившимся обстоятельствамъ, по самому ходу дѣла, привлечь на свою сторону Вади не имѣлъ никакой возможности.

Славянинъ Вади, первый изъ Славянъ задумавшій овладѣть халифатомъ, былъ, какъ видимъ, человекъ не обыкновенный и не дюжинный; въ неудачѣ его предпріятія винить его одного едва ли возможно: много зависѣла судьба его отъ внѣшнихъ

обстоятельствъ и событій, которыя дали дѣлу оборотъ неожиданный.

Отчасти причина неуспѣха предпріятія Славянина Вади заключалась и въ томъ, что сторона Славянская, которой онъ былъ однимъ изъ главнѣйшихъ представителей и на которую онъ преимущественно опирался, что сторона эта не отличалась внутри себя тѣмъ единодушіемъ, которое такъ замѣтно въ враждебной ей сторонѣ Берберской.

При Вади было много Славянъ, то видѣли мы выше; но за то далеко не всѣ Славяне тянули къ нему: одни вскорѣ перешли къ Сулейману, другіе, подобно Ибнъ-Вада, лично привязанные къ аль-Магди, ненавидѣли Вади за его поведеніе съ своимъ покровителемъ, что конечно также, подобно аль-Манзору, однимъ Славянъ выводилъ изъ низкаго званія, а другихъ притѣснялъ. Такой раздоръ и такое внутреннее несогласіе рано обнаружились въ Славянской партіи: то мы видѣли уже на судьбѣ Файика и Джафара. Это обстоятельство едва ли не служитъ убѣдительнымъ доказательствомъ въ пользу многочисленности Славянъ въ мусульманской Испаніи: только потому и могли среди нихъ образоваться свои партіи.

ВЖ. Въ числѣ представителей Славянской партіи, перешедшихъ на сторону Сулеймана, были кажется кромѣ Хайрана, Славяне Зогавръ и Моджегидъ¹.

Въ апрѣлѣ 1013 г. Сулейманъ вторично вошелъ въ Кордову. Вскорѣ послѣ того Славяне, какъ тѣ, что оставались въ Кордовѣ, такъ и тѣ, что сперва ему помогали, разсѣялись по странѣ и овладѣли разными городами, въ которыхъ они стали укрѣпляться. Сулейманъ отправилъ противъ нихъ войско подъ начальствомъ Ала-Ибнъ-Гаммуда, который, будучи человекомъ весьма способнымъ и непомѣрно властолюбивымъ, задумалъ захватить въ свои руки верховную власть въ Андалузіи. Онъ вступилъ въ переговоры съ тѣми вождями, противъ которыхъ былъ посланъ, увѣряя ихъ, что Гишамъ II собственноручно написалъ бумагу, въ которой назначилъ его своимъ преемни-

1. Gayang. II, App. B. p. X. рассказъ аль-Гомалди и Dozy Rech. I, 29 et suiv.

комъ. Увлеченные въ обманъ Славянскіе предводители провозгласили его государемъ. Али изъ Цейты поспѣшилъ въ Малагу, гдѣ намѣстникомъ былъ Амиръ-Ибнъ-Фатухъ аль-Файки, вольноотпущенный (а freedman) Файка, должно быть тоже Славянинъ. Онъ призналъ Али своимъ государемъ и принялъ его въ городъ, гдѣ и войска и жители тотчасъ же провозгласили его халифомъ. Вскорѣ послѣ того Али выгналъ Фатуха изъ Малаги и сталъ одинъ управлять въ ней. Собравшись съ силами, Али двинулся съ Берберами на Кордову, при чемъ помогали ему и Славяне. Кордова была взята, и Сулейманъ собственноручно умерщвленъ имъ, 30 іюня 1016 г. Но Али царствовалъ не долго, такъ какъ Славяне, сначала помогавшіе ему, вскорѣ однако отложились отъ него и, приставъ къ аль-Мортадѣ, двинулись съ нимъ на Гранаду, 29 мая 1017 г. Али-Ибнъ-Гаммудъ былъ убитъ въ банѣ нѣсколькими Славянами, какъ вѣроятно не безъ наущенія тѣхъ Славянскихъ вождей, что пристали теперь къ аль-Мортадѣ¹.

Въ 1017 г. еще при жизни Али-Ибнъ-Гаммуда, аль-Мортада былъ провозглашенъ халифомъ въ Валенсіи и былъ за него признанъ во всѣхъ областяхъ и городахъ, бывшихъ во власти Амиридовъ, между прочимъ и въ Хативѣ (Хатива-San-Felipe) и въ Тортозѣ. Къ аль-Мортадѣ присталъ также и Мондиръ, намѣстникъ Сарагосскій². Однако Али, убитый Славянами, расположенными къ аль-Мортадѣ, тотчасъ же нашелъ себѣ преемника въ братѣ своемъ аль-Касимѣ. Амириды успѣли собрать армию, предводителями которой были Хайранъ, правитель Альмеріи, Моджегидъ, правитель Деніи и Мондиръ Саррагосскій; у нихъ также были союзниками христіане. Изъ восточной Испаніи, въ 1019 г., двинулись они на Кордову, но должны были остановиться, гдѣ былъ намѣстникомъ Берберъ Зави-Ибнъ-Заври, сторонникъ аль-Касима Ибнъ-Гаммуда.

Послѣ бесполезныхъ переговоровъ съ этимъ Берберомъ, аль-Мортада рѣшился наконецъ дать ему сраженіе.

1. Дози замѣчаетъ: «Ce fut sans doute à l'instigation des Amirides que le khalife Ali ibn-Hammoud fut tué dans le bain par des Slaves, vers la fin de cette année» (Rech. I, 38).

2. Dozy: Rech. I, 38 et suiv.

«Между тѣмъ, — по словамъ Дози, — Хайранъ и Мондиръ скоро увидали, что аль-Мортада вовсе не былъ такимъ человекомъ, какого бы они желали имѣть своимъ халифомъ. Она, собственно говоря, мало заботилась о правахъ Оммаядовъ, и если стояла за Оммаяда, то единственно въ надеждѣ самимъ царствовать при государѣ слабомъ и ничтожномъ, котораго они могли представить Берберамъ, какъ государя законнаго. Но аль-Мортада, человекъ гордый и надменный, не годился на такую роль и не могъ довольствоваться тѣнью власти. Однажды онъ запретилъ Хайрану и Мондиру входить къ нему. «Право, сказали они другъ другу», онъ держитъ себя съ нами теперь, когда начальствуетъ большимъ войскомъ, совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде. Это человекъ лукавый, ему довѣряться не надо».

Хайранъ снесся съ Зави и приглашалъ его напасть на аль-Мортаду, отвѣчая ему и за себя и за Мондира, что они въ самомъ пылу сраженія перейдутъ въ отступленіе.

Такъ и сдѣлано. Аль-Мортада былъ разбитъ на голову. «Пораженіе, говоритъ Ибнъ-Гайянъ, было страшное и заставило забыть всѣ прежнія какія либо пораженія. Никогда съ тѣхъ поръ партія Андалузская (т. е., заимъчаетъ Дози, партія Амридовъ, въ противоположность иностранной партіи, Берберовъ) не могла уже собрать арміи и тѣмъ сама признала свою несостоятельность». Неизвѣстный историкъ, чьи слова приводитъ у себя аль-Макари, говоритъ тоже самое. «Послѣ этой злополучной битвы народъ Испанскій (т. е. партія Амридовъ) подчиняя Берберамъ и съ тѣхъ поръ онъ уже не могъ собрать противъ нихъ армію».

Хайранъ и Мондиръ, прибавляетъ Дози, за свою подлую измѣну, жестоко заплатились паденіемъ своей партіи¹.

Впрочемъ едва ли интересы Хайрана совершенно совпадали съ интересами народными; наряду съ прочими Славянами, подобно Вади, своему соплеменнику, онъ стремился занять въ Андалузіи мѣсто аль-Манзора. Правда, измѣнивъ аль-Мортадѣ, Хайранъ не сталъ гаджибомъ халифа Кордовскаго, за то сдѣлался независимымъ государемъ въ Альмеріи, чѣмъ бы ему никогда не

1. Dozy: Rech. I, 47 et suiv.

бывать при халифѣ аль-Мортадѣ, который не могъ же вѣдь до-вѣрять и платить благорасположеніемъ людямъ, такъ глубоко его ненавидѣвшимъ, какъ напр. Хайрану.

Дѣйствительно, аль-Мортада, едва убѣжавшій отъ преслѣ-дованій Берберовъ, пришелъ въ Гвадиксъ, гдѣ подосланные Хай-раномъ люди нашли и умертвили его. Голова его была доста-влена въ Альмерию, гдѣ въ то время находились Хайранъ и Монадиръ.

Хайранъ, получившій намѣстничество въ Альмеріи еще при аль-Манзорѣ, вѣроятно по смерти аль-Мортады, окончательно въ этомъ городѣ сдѣлался владѣтелемъ независимымъ. Объ немъ имѣемъ сообщить мы только весьма немногія извѣстія. Въ его пра-вленіе въ Альмерию были усилены укрѣпленія; городъ этотъ, рас-положенный въ долинѣ между двухъ горъ, имѣлъ на одной изъ нихъ замокъ *Хайрана*, славный своею крѣпостью. Первоначаль-но выстроенъ онъ былъ еще при Абдуррахманѣ III, но впослед-ствіи времени былъ значительно распространенъ и усиленъ при Хайранѣ, отчего и носилъ его имя ¹. Аш-Шаканди († 1231 г.) въ своей похвалѣ Андалузіи, говоритъ о Хайранѣ, какъ о госу-дарѣ, любившемъ литературу и науки, всегдашнемъ покровите-лѣ ученыхъ. «При владѣтеляхъ мелкихъ государствъ (*petty king- doms*) дѣло науки и литературы не потеряло, а значительно вы-играло отъ такого раздѣленія, когда каждый государь поощрялъ литературу, ласкалъ и жаловалъ ученыхъ, щедро награждалъ ихъ за труды. Главною ихъ заботою было, чтобы говорили про нихъ: такой-то ученый находится въ великомъ уваженіи у такого то государя, — или такой-то поэтъ весьма любимъ этимъ госу-даремъ. Изъ числа этихъ мелкихъ государей нѣтъ ни одного, который бы не отличался самыми блестящими качествами, или не оставилъ бы по себѣ слѣдовъ, которыхъ не истребитъ рука времени и которые перейдутъ въ потомство сочиненіями ораторовъ и поэтовъ. Таковы были Славянскіе внуки аль-Манзора, возставшіе по его смерти въ своихъ намѣстничествахъ и объя-вившіе свою независимость, какъ напр. Моджегидъ, Монадиръ ²

1. *Gauzang*, I, 50.

2. Монадиръ принадлежалъ къ Арабской фамиліи Тоджибидовъ. См. *Dozy Rech.* I, 6 suiv.

(sic) и Хайранъ, не говоря уже объ Арабскихъ государяхъ династїи Бени Аббадовъ» и проч.

Предчувствуя приближеніе смерти, Хайранъ призвалъ къ себѣ Зогаира, роднаго своего брата, бывшаго правителемъ Мурсіи¹. Онъ оставался при братѣ до послѣдняго его издыханія, потомъ явился народу вмѣстѣ съ Ибнъ-Аббасомъ, который повѣстилъ: «Халифъ Хайранъ преемникомъ своимъ назначилъ брата Зогаира, что вы на это скажете»? Народъ былъ въ восторгѣ отъ этого выбора и Зогаиръ сталъ царствовать въ Альмерїи съ пятницы, 31 мая 1028 года².

О Зогаирѣ считаю не излишнимъ привести слѣдующія слова Доуи: «Зогаиръ рѣшительно отказался послѣдовать примѣру Ибнъ-Джахвара Кордовскаго и Амиридовъ Валенсіи, Денїи и Тортозы, которые въ октябрѣ или въ ноябрѣ 1037 г. признали своимъ халифомъ Гишамъ II, такъ какъ Ибнъ-Аббадъ увѣрилъ ихъ, что этотъ халифъ, обладавшій весьма рѣдкимъ правомъ дважды покидать свою могилу «прежде, чѣмъ раздалась труба страшнаго суда» какъ выражался Ибнъ-Гайянъ, что этотъ халифъ находится въ Севильѣ. Для наказанія Зогаира Могамедъ Ибнъ-Аббадъ выслалъ противъ него войско; но онъ призвалъ себѣ на помощь Берберскаго князя Грапады, Габуса, чье войско и соединилось съ Зогаировымъ. По всей вѣроятности Севильскій отрядъ былъ слишкомъ слабъ для того, чтобъ вступить въ бой съ этими двумя соединенными отрядами; по крайности извѣстно, что онъ воротился въ Севилью, не бывши въ сраженїи. Зогаиръ остался въ Баззѣ, а Габусъ вернулся въ Малагу; но этотъ послѣдній умеръ въ іюнѣ 1038 г. и ему послѣдовалъ его сынъ, Бадисъ. Зогаиръ и Бадисъ вступали въ переговоры для возобновленія союза, бывшаго между Зогаиромъ и отцомъ Бадиса. Но переговоры эти не привели къ желаннымъ послѣдствїямъ; напротивъ того они только поссорились между собой и объявили другъ другу войну. Послѣ десятилѣтняго царствованія Зогаиръ былъ убитъ въ сраженїи при Альпуэнте, въ окрестностяхъ Гранады, въ концѣ іюля или въ началѣ авгу-

1. Dozy: Rech. I, 63.

2. Dozy: ib. 36.

ста 1038 г.¹. Такъ прекратилась Славянская династія въ Альмеріи.

Посмотримъ же теперь, какая же была область, имѣвшая у себя двухъ государей, родныхъ братьевъ, природныхъ Славянъ, слѣдовавшихъ одинъ за другимъ и управлявшихъ страной нѣсколько десятковъ лѣтъ, такъ какъ извѣстно, что Хайранъ еще аль-Манзоромъ († 1002 г.) былъ назначенъ правителемъ этой области. Передаемъ слова Дози:

«Государство Альмерійское было одною изъ прекраснѣйшихъ и пространнѣйшихъ областей въ Испаніи. Въ немъ лежали на сѣверо-востокъ города Мурсія, Оригуэла и Хатива, а на сѣверъ-западъ Баэза, Джелъ и Баэна. Такимъ образомъ оно обнимало собою восточную часть халифата Кордовскаго до Сьерры Морены, гдѣ начиналась область Толедская (въ 425, т. е. въ 1034 г. Зогаиръ овладѣлъ древнею резиденціею халифовъ и даже господствовалъ въ ней въ продолженіи пятнадцати мѣсяцевъ съ половиною); южную часть королевства Дженъ, богатую прекрасными, плодородными долинами, восточную часть королевства Гранадскаго, имѣвшую въ то время огромную важность потому что портъ Альмеріи изъ всѣхъ портовъ Испанскихъ былъ наиболѣе посѣщаемъ, велъ торговлю весьма значительную, почти все королевство Мурсійское², страну, съ лихвою вознаграждающую слабыя труды нынѣшнихъ земледѣльцевъ, что проводить свою жизнь въ безопасности и праздности и, не думая ни о какихъ улучшенияхъ, сѣютъ и сажаютъ такъ, какъ садили и сѣяли ихъ отцы; что же должна была приносить эта богатая страна при Маврахъ, искуснѣйшихъ и трудолюбивѣйшихъ земледѣльцахъ, которыхъ когда либо имѣла Испанія? Конечно, тогда нельзя было сказать, что говорилъ впоследствии, и такъ справедливо кардиналъ Беллуга: «El cielo y el suelo buenos, ei entre suelo malo», солнце и земля прекрасныя, а что между ними, то дрянъ. На мѣсто нынѣшнихъ Мурсійцевъ, лежащихъ рано и встающихъ поздно, ѣдящихъ по пяти разъ въ день

1. Dozy: Rech. I, 65.

2. Западная его часть, между прочимъ Шивисалья, принадлежала королевству Толедскому.

и большую часть дня покуривающихъ свое *cigarro* Арабскіе жители этого города, по свидѣтельству аш-Шаканди, были народъ весьма мужественный, не терпѣвшій притѣсненій и насилія. Въ настоящее время Мурсіа получаетъ извнѣ почти всѣ предметы своего потребленія и даже хлѣбъ въ года засухи; при Арабахъ же въ этомъ городѣ много было фабрикъ: тамъ между прочимъ изготовляли драгоцѣнную матерію, извѣстную подъ именемъ *waschj* (waschj). Государство Альмерійское еще обнимало собою южную часть этого благодатнаго королевства Валенсіа, гдѣ растительность отличается своимъ богатствомъ и разнообразіемъ, область Оригуэлу, продолженіе Гуэарты, этого сада Мурсіа, представляющей собою рядъ садовъ, гдѣ растутъ вмѣстѣ деревья померанцовыя и лимонныя, миндальныя и гранатовыя; наконецъ прекрасный и богатый городъ Хативу, знаменитый своею бумагою, не имѣвшею себѣ подобной въ цѣломъ мірѣ ¹.

Весьма понятно, что такая область быть можетъ прекраснѣйшая во всей Испаніи въ это время должна была быть яблокомъ раздора сосѣднихъ эмировъ. Такъ по смерти Зогаира, Абдо-л-азизъ аль-Манзоръ Валенсіійскій поспѣшилъ завладѣть ею подъ тѣмъ предлогомъ, что она составляетъ его законное наслѣдіе, ибо въ ней господствовалъ вольноотпущенникъ его фамиліи. Но въ то время, какъ былъ онъ въ Альмеріи, Моджегидъ, государь Денійскій, негодуя на него и безъ сомнѣнія опасаясь усиленія сосѣда, воспользовался отсутствіемъ Абдо-л-азиза и напалъ на королевство Валенсіа ².

1. Идриси.

2. Dozy: Rech. I, 66 et suiv. Только при Хайранѣ и Зогаирѣ и было такъ обширно государство Альмеріа; такъ Дози говоритъ: «Une grande partie des villes qui avaient obéi à Zohair, lorsque la principauté d'Almería était plus considérable qu'elle ne l'a jamais été depuis...» См. также Gayang. II, 506. Весьма вѣроятно, что у братьевъ Хайрана и Зогаира, природныхъ Славянъ, служило немало ихъ соплеменниковъ. Славянинъ Наджа, въ сороковыхъ годахъ XI в., правившій Цейтою и Малагою, содержалъ при себѣ свою Славянскую гвардію. Наконецъ въ высшей степени вѣроятно, что Славяне въ Испаніи служили не только въ сухопутныхъ войскахъ, но и во флотѣ. (См. статью нашу о Славянахъ въ Африкѣ. § 1). Городъ же Альмеріа былъ главнѣйшимъ морскимъ портомъ и отличался своею верфью, на которой строились превосходныя суда. См. Gayang. I, 51, 358. Также Géogr. d'Edrisi... trad... par Am. Jaubert. Paris. MDCCCXL. II. 43—45. «Le port de cette ville recevait des vaisseaux d'Alexandrie et de toute la Syrie, et il n'y avait pas, dans toute l'Espagne, de gens plus riches, plus industrieux, plus commerçants que ses ha-

О Славянинѣ Моджегидѣ, тоже вполне заслуживающемъ наше вниманіе, привожу слѣдующія подробности изъ аль-Макари:

«На Балеарскихъ островахъ, владычествовалъ Моджегидъ Ибнъ-Абдилла аль-Амири, прозванный *Абу-л-джюль* (отецъ арміи) и *аль-Мовафекъ* (благоденствующій по милости Божіей). По смерти своего повелителя Моджегидъ овладѣлъ городомъ Денією (гдѣ онъ былъ губернаторомъ), а впоследствии сталъ независимымъ государемъ на островахъ Балеарскихъ¹. То былъ неустрашимый воинъ и опытный морякъ. У него всегда былъ вооруженный флотъ, съ которымъ онъ дѣлалъ высадки на берега Франціи и Италіи. Пока онъ былъ живъ, ни одинъ корабль христіанскій не смѣлъ пускаться въ Средиземное море.

Аль-Гомайди рассказываетъ, что Моджегидъ родился въ Кордовѣ, гдѣ занималъ важныя должности (offices of trust). По убіеніи Абдурахмана, его покровителя, когда начались въ Андалузій усабицы, и борющіяся партіи стали отнимать другъ у друга области, Моджегидъ съ толпою своихъ приверженцевъ², удалился на острова Андалузскіе, плодородные и пространные. Онъ овладѣлъ ими, жителей принудилъ къ повиновенію³. Отсюда снарядивъ флотъ, Моджегидъ отправился къ Сардиніи, большому острову Рума, большею частью его онъ овладѣлъ. Это произошло въ 406 или 407 (1075 — 17 г.). Вскорѣ однако зачались ссоры между его людьми; тогда Румы, усиленные новыми, по-

---

bitants, ni plus enclins, soit au luxe et à la dépense, soit à l'amour de thésauriser. — «Almería était une ville très importante, très commercante et très fréquentée par les voyageurs; il n'y en avait pas en Espagne de plus riche et de plus peuplée. Le nombre des caravansérails enregistrés à la douane était de mille moins trente» (970).

1. Гаянгосъ (II, 506) замѣчаетъ при семъ: «According to Ibnu Khaldûn, Mujâhid was the son of Yûsuf, son of 'Alî, a *tanîk* of Al-mansûr. In the year 400 (a. d. 1010), after the assassination of Al-muhdi, Mujâhid left Cordova with other partisans of the family of Umeyyah, and joined the forces of Al-murtadhî. When the latter was defeated by Zâwi and put to death, Mujâhid with drew to Tortosa, and took possession of it. He then left that city and went to Denia, where he likewise assumed supreme authority».

2. Конечно, большая часть этихъ приверженцевъ и послѣдователей Славянина Моджегида, если не всѣ, были Славяне.

3. These he subdued, keeping the inhabitants under his obedience. Конечно, Моджегидъ овладѣлъ островами Балеарскими не безъ нѣкотораго сопротивленія со стороны жителей.

дошедши къ нимъ подкрѣпленіями, напали на Моджегида и потопили нѣсколько кораблей его. Съ цѣлью спасти остальное Моджегидъ вопреки совѣтамъ опытныхъ моряковъ, пустился въ море и большая часть его кораблей потерпѣла страшное крушеніе. — «Я слышалъ, — говоритъ аль-Гомайди, отъ Абу-Могамеда... Ибнъ-Газма, а тотъ слышалъ это отъ Абу-ль-Фотуха, ... сопровождавшаго Моджегида въ его Сардинскомъ походѣ, — что Моджегидъ вошелъ съ своимъ флотомъ въ портъ, противно увѣщаніямъ Абу-Харуфа, начальника моряковъ. Едва только вошелъ флотъ въ эту гавань, какъ поднялась буря, разсѣявшая суда и прибившая ихъ къ берегамъ, гдѣ ждали ихъ христіане; такъ что имъ легко было перебить и забрать въ плѣнъ мусульманъ. — Моджегидъ воротился на острова Балеарскіе и черезъ нѣсколько времени овладѣлъ городомъ Деніею ¹ гдѣ онъ и устроилъ свою резиденцію и гдѣ оставался до самой своей смерти (436 — 1045 г.). Ему наследовалъ его сынъ, Али ², однако вскорѣ вольноотпущенникъ отца его, по имени Мобаширъ ³, овладѣлъ островами Балеарскими и господствовалъ на нихъ подъ именемъ Насиро-д-дола (Násiru-d-daulah). При немъ христіане сдѣлали высадку на островъ Маіорку и завоевали его, хотя не на долго: мусульмане его отняли у нихъ. Между тѣмъ Али про-

1. Галлюгосъ замѣчаетъ при семъ: «This contradicts what has been said above, namely, that Mujáhid was governor of Denia when the dynasty of the Beni Umeyyah was overthrown; but all is explained by a passage from An-nuwayri, cited by M. Weyers in his excellent notes to Ibn Khákán (p. 114). According to that diligent historian, Mujáhid was governor of Denia, when Abdullah Al-múaytti and other distinguished citizens of Cordova, who had escaped the massacre commanded by Suleymán, took refuge in his dominions. Mujáhid treated Almúaytti with much consideration and respect, gave him a share in the government, guided himself entirely by his advice, and went so far as to resign all his authority into his hands, and to have him proclaimed King of Denia... (1014). Three months after... (March 1015) Almúaytti and Mujáhid sailed to the Eastern (or Balearic) islands and took possession of them. In Rabi' the first of the ensuing year (406 Aug. or Sept. a. d. 1015) Almúaytti sent Mujáhid to Sardinia with a fleet of one hundred and twenty sail. Mujáhid conquered that island, and remained in it until the end of the year, when a sudden and combined attack of the islanders compelled him to set sail and return to Denia, where, finding Al-múaytti dead, he took possession of the government».

2. Мы уже выше замѣтили, что *внукъ* нельзя всегда понимать буквально. Такъ и Моджегидъ называется внукомъ.

3. О Мобаширѣ см. Gayang. I, App. C. p. XLVIII.

должалъ править Денію¹ и сосѣдними округами, пока не былъ выгнанъ Альморавидами².

Славянинъ Моджегидъ, подобно соплеменникамъ своимъ Джафару, Фатину, Хайрану, любилъ науки и литературу. До насъ дошелъ слѣдующій любопытный разсказъ аш-Шаканди:

«Одинъ изъ величайшихъ примѣровъ великодушія, когда либо оказаннаго государемъ своему подданному, открывается изъ слѣдующаго случая, могущаго служить подтвержденіемъ нашихъ словъ (о томъ, что и государи, природные Славяне, какъ напр. Моджегидъ и Хайранъ поощряли ученыхъ). Разсказываютъ, что филологъ Абу-Галибъ написалъ какъ-то одно прекрасное сочиненіе; Моджегидъ аль-Амири, бывший тогда государемъ въ Деніи, послалъ ему въ подарокъ тысячу динаровъ и богатый нарядъ, требуя отъ него въ свою очередь, чтобы онъ написалъ въ началѣ, что сочиненіе это написано по его приказанію. Однако Абу-Галибъ не согласился на это и подарокъ отослалъ назадъ съ такимъ отвѣтомъ: «Сочиненіе свое я писалъ для публики и передачи своего имени потомству; если же мнѣ помѣстить въ заглавіи чье нибудь другое имя, кромѣ своего, то и вся честь будетъ отнесена къ тому лицу. Нѣтъ, я на это не согласенъ». Когда этотъ отвѣтъ былъ доставленъ Моджегиду, то онъ вмѣсто того, чтобы обидѣться имъ, очень ему радовался и удивлялся величію, мужеству и рѣшимости автора. Онъ отослалъ къ Абу-Галибу подарки, приказавъ ему сказать, «что онъ во всякомъ случаѣ могъ бы упомянуть обо мнѣ въ своей книгѣ, такъ какъ подобныя вещи дѣлаются каждый день; впрочемъ я болѣе на томъ не настаиваю»³.

1. Объ Али см. Gayang. I, 506—507.

2. Gayang. II, 257—258.

3. Gayang. I, 35—36. Также Dozy: Rech. I, 141. О Деніи распространяется географъ Идриси. Привожу его слова о ней во Франц. перев. Амед. Жюбера: «c'est une jolie ville maritime avec un faubourg bien peuplé. Elle est ceinte de fortes murailles, et ces murailles, du côté de l'orient, ont été prolongées jusque dans la mer, avec beaucoup d'art et d'intelligence. La ville est défendue par un château fort qui domine les habitations. Elle est entourée de vignobles et de plantations de figuiers. Il s'y fait des expéditions de navires pour les contrées les plus lointaines de l'orient; il en part aussi des flottes et des armements pour la guerre, et il s'y fabrique des navires, car c'est un chantier de constructions». (Géogr. d'Edrisi. Paris. MDCCCXL. II, 37—38).

Сабуръ, бывшій пажъ Файика, перешелъ отъ своего прежняго господина къ аль-Манзору и пользовался у него великою довѣренностью. Вѣроятно еще при аль-Магди онъ провозгласилъ свою независимость и отказалъ въ присягѣ, какъ Гишаму II, такъ и Сулейману. Онъ оставался въ Бадахосѣ независимымъ государемъ до самой своей смерти (ок. 1028 г.). Сабуру послѣдовалъ Абдолахъ-бенъ-Маслама, пользовавшійся огромною довѣренностью Сабура; хотя онъ и имѣлъ сына, но не желая вѣрять государству слабому ребенку, онъ самъ назначилъ своимъ преемникомъ Абдолаха, который и былъ основателемъ династїи Афасидовъ.

Въ XI же вѣкѣ правитель въ Тортозѣ и ея окрестностяхъ былъ Славянинъ Лабибъ. По словамъ Дози, у Ибнъ-Бассама сохранились о немъ какія-то драгоценныя извѣстія¹.

Въ 1022 г. халифатомъ Кордовскимъ завладѣлъ Ягія-Ибнъ-Али, по прозванію аль-Мотали, но въ слѣдующемъ же, 1024 г. онъ бѣжалъ въ Малагу, гдѣ пробылъ цѣлый годъ, пока не удалось его приверженцамъ въ Кордовѣ снова провозгласить его въ Кордовѣ. Однако Ягія, зная нерасположеніе къ себѣ Кордовцевъ, самъ и не вступалъ въ столицу, а назначилъ своимъ наместникомъ Абдуррахмана Ибнъ-Иттафа, который и оставался въ Кордовѣ до 1026 г., когда ея жители, изгнавъ Ибнъ-Иттафа, назначили своимъ правителемъ одного изъ Оммаядовъ. Ягія же тѣмъ временемъ разгуливалъ съ войскомъ по странѣ, раззорялъ ее вдоль и поперекъ, пока наконецъ не признали его Берберы и не уступили ему тѣхъ городовъ, мѣстечекъ и крѣпостей, которыми располагали сами. Значительно такимъ образомъ усилившись, Ягія рѣшился начать войну съ Ибну-Аббадомъ, въ твердомъ намѣреніи взять Севилью. Но онъ попалъ въ засаду и былъ убитъ въ 1035 г.²

По смерти его, Абу-Джафаръ или Ибнъ-Бокешна и Славянской евнухъ Наджа³, его визири, удалились въ Малагу и госу-

1. Выше я уже выразилъ свое предположеніе на счетъ его тождественности съ Славяниномъ историкомъ Габибомъ.

2. Разсказъ аль-Гоманди у Gayang. II, App. B, p. XIII.

3. Ibid., p. XVII etc.

даремъ провозгласили брата Ягіи, Идриза Ибнъ-Али, такъ какъ сыновья покойнаго, Гассанъ и Идризъ, были еще малолѣтки. Визири отправили гонцовъ къ Идризу, бывшему тогда въ Цейтѣ, гдѣ онъ былъ правителемъ точно также, какъ и въ Танхерѣ и въ прилежащихъ окрестностяхъ. Идризъ поспѣшилъ въ Малагу, гдѣ его провозгласили съ условіемъ, чтобы Цейту онъ уступилъ своему племяннику, Гассану, младшему и способнѣйшему сыну Ягіи. Наджа отправился въ Африку, ввелъ Гассана во владѣніе Цейтою и Танхеромъ. Въ 1040 г., по смерти Идриза, старшій изъ его сыновей, Ягія, былъ провозглашенъ халифомъ стараніями визиря Ибнъ-Бокенны, который впрочемъ не долго пользовался своимъ вліяніемъ. Едва пришло въ Цейту извѣстіе о смерти Идриза, какъ Славянинъ Наджа, управлявшій въ этомъ городѣ, рѣшился провозгласить халифомъ въ Малагѣ аль Гассана, сына Ягіева. На время своего отсутствія поручивъ управленіе дѣлами одному изъ своихъ соплеменниковъ¹, Наджа вмѣстѣ съ Гассаномъ отправился въ Малагу. Ибнъ-Бокенна бѣжалъ, а Наджа съ Гассаномъ вступили въ городъ, послѣ чего Берберы и народъ скоро провозгласили сего послѣдняго халифомъ. Гассанъ послалъ за Ибнъ-Бокенною, обѣщая ему прощеніе, если онъ воротится въ Малагу; но вернувшись, онъ былъ убитъ, также какъ и двоюродный братъ Гассановъ Ягія Ибнъ-Идризъ. Тогда Наджа вернулся въ Цейту, оставивъ при Гассанѣ одного стараго моряка, крѣпко ему преданнаго, извѣстнаго подъ именемъ аш-Шетифи. Но Гассанъ царствовалъ не болѣе двухъ лѣтъ, будучи убитъ своею женою, дочерью его дяди, Идриза.

По смерти Гассана, аш-Шетифи принялъ управленіе дѣлъ и, заключивъ въ темницу Идриза Ибнъ-Ягію, брата покойнаго халифа, извѣстилъ Наджу о всемъ случившемся. Гассанъ оставилъ на рукахъ Наджи малолѣтняго своего сына, котораго, говорятъ, этотъ Славянинъ (that Slavonian) умертвилъ, услышавъ о смерти его отца. Но одинъ Богъ знаетъ правду — прибавляетъ отъ себя аль-Гоманди.

1. Аль-Гоманди у Гаангоса: «Having appointed a man of his own nation to command in his absence», ib. p. XVIII.

Теперь задумалъ Наджа завладѣть царскою властью. Поручивъ одному изъ своихъ вѣрныхъ соплеменниковъ¹ начальство надъ Цейтою и Танхеромъ, онъ отправился въ Малагу. По своемъ прибытіи онъ заключилъ Идриза Ибнъ-Ягію въ еще болѣе тяжкое заключеніе, усилилъ за нимъ надзоръ и всѣ свои дѣйствія направилъ къ тому, чтобы совершенно лишить власти Бени-Гассановъ и самому вступить на престолъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ за вождями Берберскими, открылъ имъ свои намѣренія, обѣщая имъ, въ случаѣ успѣха, богатое вознагражденіе. Они были глухи на всѣ предложенія Наджи и ни одинъ изъ нихъ не обѣщаль ему помощи; полагая однакоже, что имъ еще не время отдѣлаться вовсе отъ Наджи, Берберы подали видъ, что они одобряютъ его планы и даже стали наружно помогать ему, хотя во глубинѣ души таили совсѣмъ другія чувства. Вскорѣ потомъ Наджа собралъ свою армію (*called together his army*) и двинулся на Альхезиру съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы выгнать оттуда Могамеда Ибнъ аль-Касима. Въ вѣсколько дней онъ овладѣлъ этимъ городомъ; но услыхавъ, что нѣкоторые изъ его послѣдователей (*followers*) замышляютъ противъ него возстаніе, поспѣшилъ вернуться въ столицу. На обратномъ его пути, нѣкоторые изъ начальниковъ заговора, опасаясь того, — что Наджа, узнавъ о положеніи дѣла, разомъ разстроитъ его, наказавъ однихъ и простивъ другихъ, тайкомъ убѣжали впередъ и приготовили засаду въ одномъ горномъ проходѣ, котораго не могъ миновать Наджа, ворочавшійся въ Малагу. Не предчувствуя никакой опасности, Наджа ѣхалъ спокойно впереди съ немногими всадниками и въ этомъ проходѣ былъ внезапно атакованъ Берберами. Его Славянская гвардія отъ внезапнаго нападенія была смята и бѣжала²; Наджа палъ подъ ударами убійць, изъ которыхъ двое быстро помчались въ Малагу, куда въѣхали они съ громкими криками: «Добрыя вѣсти, добрыя вѣсти! Наджа убитъ!» Потомъ они устремились на домъ аш-Шетифи и умертвили его. Когда армія прибыла въ Малагу, мятежники вырели

1. «Having appointed one of his countrymen, in whom he could trust». *ibid.* p. XIX.

2. «The Slavonians who composed his guard being thrown into confusion by the suddenness of the attack, ran away and deserted him». (*ib.* p. XIX).

изъ темницы Идриза Ибнъ-Ягію, и провозгласивъ его халифомъ, дали ему присягу вѣрности. Все это происходило въ февралѣ 1043 г.

Наджа былъ, кажется, если не самымъ послѣднимъ, то однимъ изъ послѣднихъ Славянъ, игравшихъ болѣе или менѣе значительную роль въ мусульманской Испаніи; по крайности въ сочиненіи аль-Макари (въ переводѣ Галлгоса) послѣ сейчасъ описанныхъ происшествій я не нашелъ уже ни одного упоминанія о Славянахъ. Изъ того однако едва ли возможно заключать, что послѣ сороковыхъ годовъ XI в. Славяне совершенно исчезаютъ въ Испаніи, тѣмъ болѣе, что нигдѣ не говорится о томъ, чтобы Славяне, составлявшіе гвардію у Наджи и его оставшіе, были истреблены. Весьма вѣроятно наконецъ, что Славяне были въ то время и въ Цейтѣ и въ Танхерѣ, гдѣ по назначенію Наджи, былъ правителемъ природный Славянинъ; по всей вѣроятности были также Славяне и въ Альмеріи, гдѣ въ XI в. царствовали одинъ за другимъ два брата Славянина, и на островахъ Балеарскихъ и въ Деніи, гдѣ въ XI же вѣкѣ царствовалъ Моджегидъ, и въ Тортозѣ, гдѣ въ то же время былъ правителемъ Славянинъ Лабибъ.

Во второй половинѣ XI в. Славяне могли утратить въ мусульманской Испаніи свое прежнее значеніе, но должны были еще оставаться въ ней и даже, хотя не въ прежней степени, сохранять свою народность. Это предположеніе считаемъ болѣе вѣроятнымъ, когда вспомнимъ объ историкѣ Габибѣ, написавшемъ въ XI в.: «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ». Славянинъ Габибъ самъ собою доказываетъ, что народность Славянъ Испанскихъ еще сохранялась въ XI в.

Нашъ разсказъ о судьбахъ Славянъ въ мусульманской Испаніи всего лучше заключить словами одного Испанскаго Араба, славнаго своею ученостью и дарованіями. Абу-Обейдъ-Иллахъ-аль-Бекри († 1094 г.), величайшій географъ Испаніи, подобно тому, какъ его другъ, Ибнъ-Гайянъ, былъ величайшимъ ея историкомъ¹, никогда самъ не выѣзжалъ изъ Испаніи и потому тол-

1. Dozy: Rech I, 296.

ко объ одномъ своемъ отечествѣ передаетъ собственныя наблюденія, въ другихъ же случаяхъ пользуется постоянно чужими трудами. «Выписки свои онъ производилъ, — говоритъ Дози¹, порядочно и толковито, пользуясь при семъ массою недошедшихъ до насъ сочиненій. Иногда разумѣется можно бы пожелать, чтобы онъ менѣе довѣрялъ нѣкоторымъ рассказамъ; но эти случаи не такъ многочисленны, какъ можно было бы ожидать, зная его вѣкъ, время младенчества критики»².

Узнать мнѣніе о Славянахъ вообще такого человѣка, одареннаго необыкновеннымъ умомъ и обладавшаго огромными свѣдѣніями, узнать, говорю, мнѣніе географа аль-Бекри, жившаго въ XI в. и никогда не выѣзжавшаго изъ Испаніи — въ высшей степени теперь любопытно для насъ, уже знающихъ о бытности Славянъ въ мусульманской Испаніи. «Славяне говоритъ онъ, народъ буйный, страшный и могучій (*nation redoutable, puissante et imprétueuse*). Если бы они не были раздѣлены на великое

1. Ibid. 298.

2. Считаю долгомъ привести мнѣніе Дози о Географическомъ Словарѣ аль-Бекри, называющемся собственно *Моджама ма стадажам*, т. е. *Алфавитъ того, что мало извѣстно*. «Моджамъ», по словамъ ученаго Голландца, единственный трудъ въ своемъ родѣ и Арабская литература не можетъ представить ничего подобнаго относительнаго богатства и необыкновенной точности передаваемыхъ въ ней свѣдѣній. Онъ содержитъ въ себѣ, по порядку Африканскаго алфавита, вокалы и массу именъ мѣстностей, горъ, рѣкъ и пр., встрѣчающихся въ древнихъ Арабскихъ исторіяхъ, въ преданіяхъ о пророкѣ и особенно въ поэмахъ. Авторъ приводитъ образъ ихъ правописанія, опредѣляетъ положеніе обозначаемыхъ ими предметовъ и выписываетъ безчисленное количество стиховъ, въ которыхъ эти собственныя имена встрѣчаются. — «Это сочиненіе необходимо для всѣхъ, изучающихъ древнюю исторію, географію, древнія поэмы, всѣ болѣе или менѣе историческія преданія. Повторяю, трудъ этотъ единственный. Всѣ прочія сочиненія этого рода скудны и особенно невѣрны сравнительно съ этимъ великодушнымъ трудомъ, исполненнымъ любопытныхъ подробностей, составленнымъ по лучшимъ, нынѣ почти все потеряннымъ, матеріаламъ, такимъ писателемъ и географомъ, который стоялъ совершенно на высотѣ своей трудной задачи. Прочіе географы часто только путаютъ и сбиваютъ насъ, будучи исполнены ошибокъ и противурѣчій. Возьмите въ какой либо древней повѣсти какое угодно мѣстное имя и сыщите его въ какомъ либо географическомъ сочиненіи; предположите, что въ немъ находится искомое слово (что весьма рѣдко случается) и сравните потомъ найденныя свѣдѣнія со свѣдѣніями аль-Бекри: тогда, я смѣло говорю, вы увидите, что первый почти всегда ошибоченъ или по крайности весьма сбивчивъ, тогда какъ свѣдѣнія аль-Бекри всегда ясны, точны и истинны». (*Rech. I, 303 et suiv.*)

число племенъ и народцевъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противиться».

Аль-Бекри († 1094 г.) не могъ не знать Славянъ Испанскихъ; если бы въ его отечествѣ они играли жалкую и презрѣнную роль и не пользовались отъ его земляковъ никакимъ уваженіемъ, то конечно и о Славянахъ вообще господствовало бы въ Испаніи мнѣніе весьма невысокое, и никогда бы писатель Арабскій, и, вовсе не выѣзжавшій изъ Испаніи, не выразился бы такъ, какъ говоритъ о нихъ Абу-Обейдъ-Иллахъ-аль-Бекри, одинъ изъ величайшихъ людей мусульманской Испаніи.

Мнѣніе аль-Бекри о Славянахъ важно и въ томъ отношеніи, что не только подтверждаетъ справедливость уже прежде представленныхъ нами извѣстій о томъ важномъ значеніи, какимъ пользовались Славяне въ Испаніи, но и ясно обнаруживаетъ всю силу этого значенія ихъ на мнѣнія Арабовъ Испанскихъ обо всемъ племени Славянскомъ, объ его характерѣ и объ его положеніи въ кругу другихъ племенъ и народовъ.

Зная это мнѣніе, можно бы было отвѣчать положительно на вопросъ, не только не бесполезный, но и необходимый при разсмотрѣніи судебъ племени Славянскаго и его значенія въ исторіи человѣчества, именно на слѣдующій вопросъ—значеніе Славянъ въ Испаніи IX, X, XI в. отразилось ли и на прочіихъ ихъ соплеменникахъ, имѣло ли на нихъ какое нибудь вліяніе? иными словами, исторія Славянъ Испанскихъ, какъ отдѣльная часть, связана ли органически съ цѣлою исторіею міра Славянскаго?

Ж. Славяне, жившіе въ мусульманской Испаніи, пользовались въ ней такимъ значеніемъ, что не только заставили Арабовъ Испанскихъ уважать своихъ соплеменниковъ вообще, но и были виновниками непосредственныхъ сношеній сихъ послѣднихъ съ Испаніею, ибо смѣло можно утверждать, что не будь Славянъ въ Испаніи, никогда бы не завязались тѣ связи Славянъ съ нею, о которыхъ мы имѣемъ положительныя свидѣтельства Массуди, Ибнъ-Хаукала, Ибнъ-Гайяна и Ебнъ-Спрота Хаздая.

Эти непосредственныя сношенія въ соображеніи съ выше предложенными извѣстіями объ отношеніяхъ Славянъ къ Ара-

бамъ въ Азін, Африкѣ и Сициліи и проч. отнимають у кого бы то ни было всякую возможность отрицать вѣроятность и справедливость представленнаго нами предположенія о томъ, что Славяне попадали въ Испанію не только, какъ плѣнники и рабы изъ рукъ Франковъ, черезъ Пириней, но и какъ бѣглецы, вольные, охочіе и гулящіе люди, искавшіе службы у Арабовъ Испанскихъ, подобно тому, какъ въ новѣйшія времена толпы Поляковъ и Венгерцевъ вступали на службу султана Турецкаго, напр. Омеръ-паша и др., или подобно тому, какъ въ концѣ прошлаго вѣка и въ 1848 г. служили Поляки въ Италіи,¹ а въ XV в. Чехи, лучшіе тогда въ Европѣ знатоки военного дѣла, — въ Германіи, Венгріи, Польшѣ и Россіи², или въ XVI—XVII в. Дубровничане и другіе Славяне Адриатическіе въ обширной тогда монархіи Испанской (объ этомъ ниже).

---

1. См. Chodzko (Léonard) Hist. des légions polonaises en Italie sous le commandement du général Dombrowski. 2-e édit. Paris. 3 vol. in-8°. См. также Polacche Legioni ammesse al soldo della Repubblica Cisalpina, ovvero Decreti che appartengono allo stabilimento di due mezze brigate d'Infanteria di Linea polacca, ed un reggimento di cavalleria leggera. Foglio Ufficiale della Repubblica italiana. 1°. Milano. 1802. Последнее изданіе мнѣ извѣстно, къ сожалѣнію, только по заглавію, вѣзтому мною изъ книги почтеннаго Чиампи, труды котораго, по исторіи отношеній Славянъ къ Италіи, чрезвычайно, правда, неполныя и недостаточныя, — но такая задача и не по силамъ вѣдь одного человека, — заслуживаютъ тѣмъ не менѣе полнаго уваженія и невольно внушаютъ мысль пожелать такихъ же пригготовительныхъ трудовъ и по исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, къ Англіи... Разумѣю сочиненія Чиампи — Bibl. critica delle antiche reciproche corrispondenze polit., eccles., scientif., letter., artistiche dell'Italia colla Russia, colla Polonia... Firenze. 1834. Notizie di Medici, Maestri di Musica e Cantori, Pittori, Architetti, Scultori ed altri Artisti Italiani in Polonia e Polacchi in Italia raccolte da Seb. Ciampi con appendice degli artisti Italiani in Russia etc. Lucca. 1836. — Notizie dei Secoli XV e XVI sull'Italia, Polonia e Russia raccolte e pubblicate da Seb. Ciampi colle vite di Bona Sforza de Duch. di Milano regina di Polonia. Firenze. 1833. и пр. О Полякахъ въ Италіи въ XVIII стол. см. также Listy znakomitych Polaków wyjaśniające historię legionów Polskich. Kraków. 1831. in-8°. — въ 1848 г. см. Siedm listów o legionie Polskim we Włoszech przez M***. Poznań. 1850. Эта послѣдняя книжка любопытна и тѣмъ еще, что въ ней содержится нѣсколько подробностей очевидца о Мицкевичѣ. Обо всемъ этомъ впрочемъ я буду имѣть случай говорить въ особомъ изслѣдованіи о Славянахъ въ Италіи.

2. См. въ Приложеніяхъ.

Характеръ восточнаго государства, гдѣ народъ лишень самообладанія и самоуправленія, вынуждалъ халифовъ Испанскихъ для преодоленія сильной аристократіи, обращаться къ наемникамъ-иностранцамъ, которые за хорошую плату и выгодное вознагражденіе, по одному мавовенію деспота, ихъ нанявшаго, готовы бы были давить и душить малѣйшее проявленіе самостоятельности и ослушанія волѣ ихъ повелителя, «а они города разоряютъ и народъ грабятъ, предѣлы оныя пустошатъ, понеже имъ оно естъ не свое»¹.

Изъ кому же изъ другихъ Европейцевъ,—а у Арабовъ могло быть не мало причинъ искать именно Европейцевъ,—какъ не къ Славянамъ обратиться было халифамъ Испанскимъ для найма изъ среды ихъ храбрыхъ и вѣрныхъ тѣлохранителей?

Знакомство свое со Славянами Арабы завязали еще въ VII в. и съ тѣхъ поръ, мы видѣли, ихъ взаимныя сношенія стали очень тѣсными. Представленные нами свѣдѣнія о Славянахъ въ Африкѣ, при всей своей краткости, уже достаточно свидѣтельствуютъ объ этомъ. Изъ продолжительнаго знакомства своего со Славянами Арабы вынесли далеко не низкое мнѣніе объ ихъ силахъ. Мас-суди, Иродотъ Арабскій X в., говорилъ, что Славяне были бы самымъ могущественнымъ народомъ въ мірѣ, если бы не ихъ внутреннія усобицы².

1. Два памфлета времени Анны Иоанновны. Ст. Г. Лыжина въ Изв. II Отд. Ак. Наукъ 1858. Вып. 1.

2. Въ переводѣ Шармуа: «Les Slaves se composent de différentes peuplades qui se font la guerre: si la discorde ne régnoit entre eux, aucune nation ne pourrait leur résister pour la force et l'audace». Черезъ сто лѣтъ послѣ того, Арабъ же, аль-Бекри, говорилъ почти то же самое: въ переводѣ Шармуа: Les Slaves sont une nation redoutable, puissante et impétueuse. S'ils n'eussent été divisés en un grand nombre des races et des tribus différentes, aucune nation au monde ne leur eût tenu tête. Исторія не упрекаетъ этихъ двухъ Арабовъ въ недостаткѣ прозорливости. Почти черезъ восемьсотъ лѣтъ послѣ нихъ одинъ изъ смѣлыхъ людей этого племени писалъ въ альбомѣ одному изъ своихъ соплеменниковъ:

Вѣковать ли намъ въ разлукѣ?
Нѣ пора-ль очнуться намъ
И подать другъ другу руки
Нашимъ ровнымъ и друзьямъ?

Почему же было Арабамъ Испанскимъ не призывать къ себѣ на службу Славянъ, а этимъ послѣднимъ почему было не идти къ нимъ? Вѣдь служили же ихъ земляки и соплеменники въ VII — X в. и гораздо позже у Арабовъ въ Азій, Сициліи, а потомки ихъ въ XVI — XVII в. и позже въ Испаніи и въ многочисленныхъ ея тогдашнихъ владѣніяхъ въ Европѣ, Азій и Америкѣ?

Предложенныя выше извѣстія о Славянахъ въ Андалузій, указывая на тамошнюю ихъ многочисленность и дѣлая излиш-

Вѣки мы сѣвцами были,
И какъ жалкіе сѣвцы,
Мы блуждали, мы бродили,
Разбрелись во всѣ концы.

А случалось ли порою
Намъ столкнуться какъ нибудь, —
Кровь не разъ лилась рѣкою,
Мечь терзала родную грудь.

И вражды безумной сѣмя
Плодъ сторичный принесло:
Не одно погубило племя,
Иль въ чужбину отошло.

Иноземець-инозѣрецъ
Насъ раздвинулъ, разломилъ,
Тѣхъ обезьязычилъ Нѣмецъ,
Этихъ Турокъ разгромилъ.

Палацкій, открывая въ качествѣ предсѣдателя (старосты) засѣданія Славянскаго Сейма, 2 іюня 1848 года, сказалъ между прочимъ въ своей рѣчи: «*Veliký národ, jakowůž jest náš, nebylby nikdy lišil se původní své wolností, kdyby w sobě sám byl se neroztrhнул, nerozptýlil, neodcizil se jeden druhému, nechodil každý po směru zvláštní a různé politiky: ale bylot' toho tuším potřebí, abyчom poučení zkušeností mnohowěkau ale trpkau, porozuměli konečně a důkladně tomu, čehož nam jedině zapotřebí jest. Že jsme nyní opět dosáhli starého dědictví svého, že jsme opět a zůstaneme nawždy swobodni, za to děkowati máme předewším probuzení swému a upamatování se w tom, co nam jedině spásu nesti může; za to děkowati máme cítu wřelému, jenž všechny žily we zhromaždění našem probíhá: cítu bratrské lásky a swornosti! Slowan jest a bude nepřemožitelným, pokudkoli heslo spojení swobody a swornosti ozywati se bude w srdci jeho. Heslem takowým zakládá se w životě národu našeho wěk nowý a skwělý: blažení jsme my, kteří ke slawnosti zrození jeho zde spojili jsme se. Já pak, znaje dáwní nehody a strasti jeho, a prohlédaje okem jasným do veliké budaucnosti národu mně celau duši milowaného, wolám w nadšení, zaroweň muži w ewangelium: «Nyni propauštíš sluhu svého, Pane! neboť jsou widěly oči mé spasení, kteréž si připravil nám pred oblíčením wšeho swěta; swětlo k zjewení narodům a-slawu kmene slowanského».*

ними всякія попытки объяснить слово *Славянскіи* въ смыслѣ не собственномъ, а нарицательномъ, необходимо наводятъ на предположеніе о переходѣ Славянъ въ Испанію въ качествѣ охочихъ вольныхъ и гулящихъ людей.

Драгоценное извѣстіе о Габибѣ, томъ Славянинѣ-историкѣ, что жилъ въ XI в. въ Испаніи и написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, что отвергаютъ превосходныя качества Славянъ», гдѣ по словамъ аль-Макари, собраны разнаго рода любопытныя подробности, исторія и стихи (*verses*) т. е. народныя пѣсни или сказанія Славянъ», — драгоценное извѣстіе это, говорю я, само собою независимо отъ всѣхъ предыдущихъ соображеній и данныхъ, наводитъ на необходимость того же самаго предположенія.

Выше разсматривая это свѣдѣніе о Габибѣ само по себѣ, мы пришли къ необходимости понимать здѣсь слово *стихи Славяно* (*verses of the Slavonians*) не иначе, какъ въ смыслѣ *народныхъ произведеній, пѣсень* (*songs*), *сказаній* или *повѣстей*. Надѣюсь, всѣ предложенныя выше соображенія и данныя о судьбѣ Славянъ въ Испаніи, о приходѣ ихъ туда, какъ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, а также и извѣстіе Макризи объ Африкано-Арабскомъ Славянинѣ Молаферѣ, владѣвшемъ Арабскимъ языкомъ, не только изустнымъ, но и письменнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ знавшемъ свой природный языкъ Славянскій, — это извѣстіе Макризи вмѣстѣ съ свидѣтельствомъ П. Ювія объ употребленіи Славянскаго языка при дворѣ Мемфисскихъ султановъ до 1517 г., — все это вмѣстѣ надѣюсь, способно убѣдить всякаго въ томъ, что наше объясненіе выраженія переводчика аль-Макари, Галлгоса, не заключаетъ въ себѣ ничего страннаго, нелѣпаго, дикаго; что напротивъ того оно весьма достоверно и даже единственно возможное въ настоящемъ случаѣ.

Такимъ образомъ надо согласиться, что Славянинъ Габибъ, жившій въ Андалузій въ XI в., и передавшій въ своемъ сочиненіи или въ переводѣ или собственными словами устнаго народнаго преданія, повѣсти или пѣсни Славянскія, — непременно зналъ отлично не только Арабскій языкъ, — подобно Славянину Фатину, считавшемуся у самихъ Арабовъ однимъ изъ классическихъ писателей по языку, Молаферу, учившему самого хали-

фа письму Арабскому, и многимъ другимъ Славянамъ, занимавшимся Арабскою словесностью,—но и свой природный Славянский, подобно тому же Молаферу, что въ минуту гнѣва загнулъ халифу Моазу какое-то крѣпкое слово Славянское, или подобно Славянамъ, служившимъ Мамелюками при дворѣ Мемфисскихъ султановъ или занимавшимъ важныя должности въ Оттоманской Портѣ, гдѣ Славянской языкъ господствовалъ въ высшемъ обществѣ и при дворѣ въ XVI—XVII в.

Настоящее наше положеніе о томъ, что Славянской языкъ былъ хорошо извѣстенъ Габибу, совершенно необходимое, когда уже однажды была признана возможность и законность нашего объясненія словъ, *verses of the Slavonians*, вполне вѣроятное и достовѣрное, при извѣстной уже многочисленности Славянъ въ Испаніи, положеніе это само въ свою очередь подтверждаетъ всю справедливость и основательность такого, а не иного, объясненія.

Дѣйствительно, если вѣрно, что Славяне въ Испанію проникали не только, какъ военнопленные и рабы, черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, но и какъ охочіе, вольные и гулящіе люди (слѣд. могли переходить въ нее съ своими семьями, съ женами и дѣтьми),¹ что они пользовались въ ней немаловажнымъ значеніемъ, то отчего же не могли они сохранять въ ней довольно долго свою народность, не забывать своего роднаго языка, своихъ преданій, нравовъ и обычаевъ, хотя и воспитывались въ мусульманствѣ и учились Арабскому языку? Отчего такимъ образомъ въ мусульманской Испаніи IX—XI в. не могла звучать Славянская рѣчь, не могла раздаваться Славянская пѣсня?

Принимая первое, надо принять и второе. Если въ пользу добровольнаго перехода Славянъ въ Испанію IX—XI в. и нельзя намъ пока привести какого нибудь подлиннаго и прямаго извѣстія, то за то и нѣтъ никакой возможности не только представить какую нибудь мысль или данную, которая могла бы хотя

1. Есть основаніе предполагать, что въ мусульманской Испаніи были Славянскія поселенія. Такъ у Шармуа приведено слѣдующее извѣстіе изъ Словаря Якута († 1293 г.): «On trouve encore Szaqlab en Andalous (Espagne et Portugal), dans le territoire de Chantarié (Santarem). Le sol y est excellent, et l'on prétend que, si l'on y sème un Makoñk on en retire cent Qaïz et même davantage». (Charmoy: Relat. de Massoudi, p. 330).

сколько нибудь подорвать довѣріе къ предлагаемой гипотезѣ, но и объяснить иначе явленіе Габиба, который собою доказываетъ, что Славяне въ XI в. въ Испаніи мало что сознавали свое Славянское происхожденіе, свои племенные особенности, но даже и гордились ими, выставя на видъ свои заслуги, — чего бы быть не могло, если бы Славяне проникали въ Испанію единственно черезъ Пириней, изъ рукъ Франковъ, какъ военнопленные и рабы, людьми изуродованными. *Можно ли же не принимать первого? И съ чего стать намъ не принимать его, когда намъ извѣстны отношенія Славянъ къ Арабамъ еще съ VII в. въ Азіи, Африкѣ, Сициліи, ихъ высокое мнѣніе объ отвагѣ, удалствѣ и предприимчивости Славянъ, вполне оправдываемое всѣми историческими свидѣтельствами, когда мы знаемъ, что было съ чего и Арабамъ призывать Славянъ въ Испанію, и Славянамъ идти въ нее по ихъ призыву. Нельзя потому не принять и второго.*

Такимъ образомъ ясно, что судьбы Славянъ въ мусульманской Испаніи связаны органически съ судьбами юго-восточныхъ и юго-западныхъ Славянъ, съ ихъ переселеніями въ М. Азію, съ ихъ отношеніями къ Арабамъ въ Азіи, Африкѣ и Сициліи, а въ общей исторіи міра Славянскаго занимаютъ не невидное мѣсто и потому еще, что достовѣрный выводъ о сохраненіи Славянами въ Испаніи довольно долгое время своей народности,¹ непременно рождаетъ вопросъ весьма ка-

1. Мы уже видѣли необходимость допустить, что Габибъ зналъ отлично не только Арабскій языкъ, но и Славянскій. Изъ этого же положенія само собою развивается другое положеніе, что и вообще Славяне Арабо-Испанскіе не забывали своего языка, хотя и воспитывались въ мусульманствѣ и знали по-Арабски. Быть можетъ скажутъ, что не благоразумно изъ одного положенія, не являющаго въ себѣ очевидной, ослепительной несомнѣнности, развивать другое, а на немъ строить выводы. Пишущій эти строки снѣтъ думать, что можно открыть истину, развивая извѣстную мысль до конца, доводя ее до послѣднихъ предѣловъ; такимъ путемъ начало ложное обличаетъ свою ложность, а истина свѣтлѣетъ и оправдывается. Однажды убѣдившись въ основательности своей гипотезы, авторъ считаетъ своимъ долгомъ развить ее какъ можно полнѣе. Пусть ея ложь (если она ложна) представитъ читателю во всей своей наготѣ; такъ облегчится трудъ возражателей. Замѣчу прежде всего, что знаніе Габибомъ языка Славянскаго усмотрѣть можно, не зависимо отъ предъидущихъ соображеній, и изъ слѣдующаго обстоятельства: Габибъ поставилъ себѣ задачею опровергнуть мнѣнія тѣхъ, что унижали народность Славянскую, и доказать, напротивъ того, что Славяне, его соплеменники, одарены превосходными качествами и могутъ гордиться своими народными осо-

жется немаловажный — что именно и какую долю внесли Славяне въ образованность Арабскую? Не внести ничего они не могли, такъ какъ были въ Андалузіи многочисленны, довольно долго сохраняли свою народность и съ тѣмъ вмѣстѣ пользовались великимъ значеніемъ. Вспомнимъ только такихъ политическихъ дѣятелей, каковы были Джафаръ аль-Мосгафи, Вади, Молжегидъ, Хайранъ и Зогавръ, Наджа, и пр. или ученыхъ и литера-

бенности. Человекъ, который въ XI в., принимаясь за свое сочиненіе, задался такимъ намереніемъ, самъ Славянинъ, кажется, не могъ не знать по Славянски. Арабскіе источники говорятъ, что Наджа былъ Славянинъ, что, уѣзжая изъ Цейты, онъ поручилъ управленіе дѣлъ *своему соотечественнику*, которому онъ могъ довериться. Что могло связывать Славяна въ Испаніи, какъ не сознаніе общаго имъ происхожденія, и на чемъ явно могло оно опираться и чѣмъ инымъ поддерживаться, какъ не общимъ языкомъ, какъ не природною ихъ Славянскою рѣчью? Мы видѣли, Славяне въ Испаніи вообще дружили другъ другу, составляли одну, довольно плотную, партію. Аль-Макари говоритъ: «При Гишамѣ II и аль-Манзорѣ науки и литература процвѣтали въ Кордовѣ такъ, что даже *Славяне* (Славянскіе дворцовые евнухи) занимались ими съ великимъ успѣхомъ» и пр. Если бы Славяне въ Испаніи не говорили по-Славянски и вовсе утратили бы свою народность, то конечно не было бы ничего удивительнаго, что при Гишамѣ II и аль-Манзорѣ было немало Славянъ, служившихъ при дворѣ, занимавшихся науками и литературою и писавшихъ по-Арабски; ибо въ мусульманской Испаніи еще при Абдуррахманѣ III († 961 г.) рабы занимались литературою и науками. Когда напр. всѣ Русскіе Нѣмцы научатся по-Русски, то мы и перестанемъ указывать, какъ на любопытные факты, на того или другаго Нѣмца, который хорошо пишетъ по-Русски. Чтожъ тутъ будетъ особеннаго, любопытнаго или удивительнаго, когда всѣ наши Нѣмцы станутъ читать и писать по-Русски? И такъ въ Испаніи мусульманской Славяне не забывали своего природнаго языка. Подалвно слѣдовательно зналъ по-Славянски Габибъ, написавшій «Ясныя и побѣдоносныя доказательства, направленныя противъ тѣхъ, которые отвергаютъ превосходныя качества въ Славянахъ». Очевидно, что Арабо-Испанскій Славянинъ Габибъ, жившій въ XI в. и знавшій отлично свой природный языкъ, Славянский и Арабскій языкъ, какъ языкъ своей вѣры и образованности, подобно тому, какъ современники его, ученые Поляки и Чехи, знали по-Латыни, а Болгаре по-Гречески, — Славянинъ Габибъ могъ или родиться въ Испаніи, или же попасть въ нее, въ качествѣ плѣнника или другимъ какимъ нибудь способомъ, но во всякомъ случаѣ въ какой нибудь изъ извѣстныхъ возрастовъ — или ребенкомъ, или молодымъ человекомъ, или зрѣлымъ мужемъ и старцемъ. — Всѣ эти случаи, будучи понимаемы отвлеченно, равно возможны. Прежде чѣмъ рассмотреть ихъ относительную вѣроятность и остановиться на наиболѣе вѣроятномъ изъ нихъ, мы должны замѣтить, что Габибъ въ своемъ историческомъ трудѣ говорилъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ, и еще развѣ вообще о Славянахъ мусульманскихъ, Азійскихъ, Африканскихъ и Сицилійскихъ. Вѣрность и основательность такого предположенія представитъ намъ съ очевидною ясностью, когда мы припомнимъ, что Славяне въ

торовъ, каковы тотъ же Джафаръ, Фатимъ и Габибъ. — Такимъ образомъ можно надѣяться, что въ вопросѣ столь важномъ и не напрасно теперь занимающемъ вниманіе ученыхъ объ отношеніяхъ Аріицевъ къ Семитамъ, Славянская стихія въ мусульманской Испаніи и вообще отношенія Славянъ къ Арабамъ, должны будутъ занять довольно видное мѣсто.

Прежде чѣмъ перейти къ позднѣйшимъ отношеніямъ Сла-

Испаніи были многочисленны, играли въ ней значительную роль, воспитывались въ мусульманствѣ и въ то же время долго не утрачивали своей народности, и следовательно не только могли, но и должны были знать своего историка. Что замѣчаніе это какъ нельзя болѣе справедливо, можно видѣть изъ того, что 20 лѣтъ тому назадъ, Рено, еще не знавшій ничего о Габибѣ, уже считалъ возможнымъ вопросъ о Славянскомъ историкѣ въ Испаніи. Правда, онъ рѣшилъ его отрицательно; но тогда онъ не зналъ еще драгоценнаго извѣстія аль-Макари, толковалъ слово *Славяне* въ смыслѣ нарицательномъ и не догадывался о переходѣ Славянъ въ Испанію въ качествѣ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей, не видѣлъ потому и возможности сохранять Славянамъ въ Испаніи свою народность. Но лаяна не важенъ его отвѣтъ; важно, что и въ немъ рождался такой вопросъ. «Les Berbers, les Slavons, — говоритъ Рено, — *ya nous ont transmis ainsi souvenir de leurs exploits; leurs enfants, si non eux-mêmes, embrassèrent l'islamisme; tout ce que nous avons sur les vaincus, nous les tenons des Arabes et des écrivains mahométans.* (Reinaud: Invas. des Sarras. p. 248—249). *Итакъ, Славянникъ Габибъ зналъ по-Арабски и по-Славянски, писалъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ.* — Если Славянникъ Габибъ попалъ бы въ Испанію арміею мужемъ или старцемъ изъ какой нибудь земли Славянской, то безспорно онъ легко бы могъ хорошо знать по-Славянски, помнить народныя преданія, но онъ не могъ бы успѣть выучиться по-Арабски на столько, чтобы хорошо овладѣть языкомъ письменнымъ. Въдъ Арабскій языкъ очень труденъ. Следовательно Славянникъ Габибъ попалъ въ Испанію молодымъ человѣкомъ, въ такой возрастъ, когда бы могъ еще выучиться по-Арабски. Здѣсь опять можно убѣдиться въ томъ, что Славянникъ Габибъ писалъ главнѣйше о Славянахъ Испанскихъ; такъ какъ нельзя предположить, что Славянникъ Габибъ, прибывъ въ Испанію молодымъ человѣкомъ, выучился по-Арабски и занялся сочиненіемъ записокъ о своемъ отечествѣ. Въдъ Габибъ жилъ въ XI в. Заставить его заняться такимъ трудомъ могла только одна привязанность къ его народности. Чѣмъ сильнѣе она была въ немъ, тѣмъ болѣе быть плытиѣе въ немъ намѣреніе ваяться за такой трудъ, но за то тѣмъ труднѣе предполагать въ такомъ человѣкѣ, такъ крѣпко привязанномъ къ своему народу, малѣйшее желаніе учиться языку Арабскому. Следовательно надо непременно согласиться, что Славянникъ Габибъ или родился уже въ Испаніи, или попалъ въ нее ювошею или ребенкомъ, отъ чего и успѣлъ выучиться отлично по-Арабски, а своего роднаго языка не позабылъ только потому, что жилъ среди своихъ земляковъ, въ конхъ сознаніе своего Славянскаго происхожденія было развито чрезвычайно сильно, которые не забывали своей родной рѣчи и говорили на ней между собою. Отъ того-то и могъ изъ среды ихъ выйти свой историкъ.

внѣ къ Пиринейскому полуострову, нельзя пройти молчаніемъ двухъ вопросовъ, занимающихъ извѣстное мѣсто въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи.

Отлагая до другаго времени приведеніе подробныхъ доказательствъ въ пользу того положенія, что въ слѣдствіе непрерывныхъ и давнишнихъ связей Славянъ съ Датчанами, въ походахъ Норманновъ, и преимущественно Датчанъ, на вѣнѣшнюю Францію участвовали и Славяне, которые за одно съ Датчанами видѣли во Франкахъ главнѣйшихъ и опаснѣйшихъ враговъ своихъ и потому не могли не пользоваться удобнымъ случаемъ всячески вредить и мстить имъ. Однимъ словомъ Славяне не могли не желать вступать въ разбойничьи шайки Датчанъ, а тѣ въ свою очередь не могли имѣть ни малѣйшаго желанія имъ отказывать, такъ какъ *воровская, бродяжная жизнь*, открывая полный просторъ личности, болѣе способна развивать извѣстное чувство космополитизма, чѣмъ чувство національности, доходящее иногда до какой-то фанатической исключительности въ домо-сѣдахъ, живущихъ въ глуши и вообще разобщенныхъ съ иностранцами. Притомъ нельзя забывать, что Славянъ съ Датчанами въ ненависти къ Франкамъ соединяло одно чувство вражды къ новой вѣрѣ, христіанству¹. Наконецъ мы знаемъ, что Датчане ходили съ Лютичами на всегда враждовавшихъ съ послѣдними Бодричей,² которые лннули больше къ Франкамъ, тогда какъ Лютичи отличались своею ненавистью къ нимъ.

Отважные, воинственные и на сушѣ и на морѣ,³ Лютичи непремѣнно должны были принимать участіе въ походахъ Дат-

1. О походахъ Датчанъ на Францію см. Zeuss: Die Deutschen u. die Nachbarstämme. München. 1837. Ss. 533—336.

2. Въ 808 г. князь Датскій Годофридъ ходилъ на Бодричей. «Erant cum Godofrido in expeditione praedicta Sclavi qui dicuntur Wiltzi, qui propter antiquas inimicitias quas cum Abodritis habere solebant, sponte se copiis ejus conjunxerunt, ipsoque in regnum suum revertente, cum praeda quam in Abodritis capere potuerunt et ipsi domum regressi sunt». Einh. Ann. Pertz, I, 195. Франки называли Бодричей *сеомми*: congregati sunt Sclavi nostri, qui dicuntur Abodriti. Chr. Moiss. 798 ann. Pertz, I, 303.

3. Этингардъ говоритъ о Лютичахъ подъ 789 г.: Natio quaedam Sclavenorum est in Germania, sedens super litus oceanii, quae propria lingua Welatabi, francica autem Wiltzi vocatur. Ea Francis semper inimica et vicinos suos qui Francis vel sub-

чанъ, Норманновъ на Францію. Еще въ XI в. ходили они съ Датчанами на Англию,¹ въ IX в. на Бодричей. Отчего же имъ было не ходить и на Францію? тѣмъ болѣе, что и въ разныхъ по видимому дѣйствіяхъ Датчанъ и Славянъ нельзя не усмотрѣть какой-то связи, заставляющей предполагать известную стачку между ними².

jecti vel foederati erant, odiis insectari, belloque premere ac lacessere solebat. Cujus instantiam rex longius sibi non ferendam ratus bello eam adgredi statuit. Pertz, I, 175. 3. Gens illa, quamvis bellicosa et in sua numerositate confidens. ibid. Germania... gentibus incolitur quam plurimis, ferocissimis... inter quas una ceteris crudelior... gens Leuticorum barbara, omni crudelitate ferocior. (Глаберъ Род.).

1. Leutetia quoque pro Anglicis opibus auxiliares turmas mittebat. In ea populosissima natio consistebat, quæ gentilitatis adhuc errore detenta verum Deum nesciebat... Haec gens terra marique proeliari perita erat. Order. Vit. Utic. Mon. Eccl. Hist. I. IV. (у Дюшена Hist. Norm. Scr. ant.).

2. Prud. Trecens. Ann. 839 г. Descriptis itaque atque destinatis, qui secum Baioariam, si necessitas compelleret, quique cum filio suo Carolo Cavallonem contra motus Aquitanicos, quibus cum Pippino, Pippini filio, quidam Aquitanorum nuper ab imperatore defecerant, compescendos, etiam cum Saxonibus adversus Danorum Sclavorumque qui ferebantur incursus occurrerent, ipse in Cruciniaco castro sese venationibus alacriter exercendo, missorum in Baioariam directorum reditum statuit operiri. Pertz, I, 435. Id. 855 г. Roric et Godefridus nequaquam arridentibus sibi successibus Dorestado se continent, et parte maxima Fresiae potiuntur. Hludowicus, rex Germanorum, crebris Slavorum defectionibus agitur. Pertz, I, 449. Id. 856 г. Piratae Danorum 14 Kal. Maii civitatem Aurelianis adeunt, praedantur et impune revertuntur. Comites pene omnes ex regno Karli cum Aquitanis adversus eum conjurant, invitantes Hludovicum, regem Germanorum, ad suum consilium perficiendum quo diutius in expeditione Sclavorum detento, ubi et magnam partem sui exercitus amisit, isti moras illius non ferentes, Karlo regi reconciliantur. Pertz, I, 449—450. См. также Depping: Hist. des expéd. marit. des Normands, et de leur établissement en France au dixième siècle. Paris. MDCCCXXVI. La flotte qui était sortie du Nord contre la Frise se composait, suivant les historiens, de Danois, de Norvégiens et même d'Obotrites. (I, 162). Les vainqueurs allèrent porter ensuite la terreur dans d'autres pays. Peut-être est-ce la même troupe qui, à la fin de l'année, se porta sur Paris, et que l'on disait composée de gens de diverses nations (I, 163). Если ходили съ Датчанами Бодричи, которые у Франковъ назывались нашими (nostri), то подавно должны были ходить непримиримые враги Франковъ, Лютичи. Мнѣ пріятно напомнить здѣсь читателю, что уже Шафаркъ считалъ необходимымъ представить предположеніе объ участи Лютичей въ походахъ Датчанъ на Францію. Мы указали уже на слова Делпинга о Бодричахъ; и они вѣдь не всегда льнули къ Франкамъ, а дружили тоже съ Датчанами; такъ Эггингардъ говоритъ подъ 821 г.: De

Въ к. XII и въ нач. XIII в. мы находимъ во Франціи Норманна, ворящаго имя, не объяснимое по Нѣмецки и чисто звучащее по Славянски. Имя это *Волкашинъ* или *Вулкашинъ*: 1) *Ne Vulcasino* Normanno ita erit; 2) *Totum residuum Vulcasini* domino regi Franciae remanebit (Dusch. Script.. p. 1055. Charta pacis factae inter Regem Franciae et Regem Angliae Joannem anno MCC) 3) in perpetuum dimittimus et quittamus Gisortium et Neelpham et *Volcassinum* Normannum. (Charta de pace Exolduni inter duos Reges, anno MCXCV).

Въ одной договорной грамотѣ Триеста 1202 г. въ ряду многихъ другихъ Славянскихъ именъ, читаемъ: *D. Voccassinus*; изъ другихъ въ ней именъ указываемъ на слѣд.—*Lo. de Budina*. — *Jubanus*. — *Maliez*. — *Wocina*. — *Jo. Sclavo*. — *Bor. Wolziza*. — *Valter Sclavo*. *Stanco Crabre*. — *Stoianus Sclavo*. — *Peruinus*. — *Miro. Pactum Tergestinae civit. 1202 Tafel u. Thomas I, 386 sqq.*

parte Danorum omnia quieta eo anno fuerunt et Haeriboldus a filiis Godofridi in societatem regni receptus quae res tranquillum inter ejus hujus temporis statum fecisse putatur. *Sed quia Ceadragns, Abodritorum princeps perfidiae et cujusdam cum filiis Godofridi factae societatis notabatur*, Sclaomir, aemulus ejus, in patriam remittitur, qui cum in Saxoniam venisset, aegritudine decubuit, perceptoque baptismi sacramento, defunctus est. Pertz, I, 208. Нельзя также не замѣтить, что и другія вѣтви Славянъ Балтійскихъ могли ходить съ Датчанами. Вспомните слова Адама Бременскаго: *Multae sunt insulae in hoc sinu, quas Dani et Sueones omnes habent in sua ditone, aliquas etiam Slavi tenent. Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres. Quarum prima Fembre vocatur. Altra est contra Wilzos posita, quam Rani vel Runi possident, fortissima Slavorum gens, extra quorum sententiam de publicis rebus nihil agi lex est, ita illi metuuntur propter familiaritatem deorum vel potius daemonum, quos majori cultu ceteris venerantur. Ambae igitur hae insulae piratis et cruentissimis latronibus plene sunt, qui et nemini parcunt ex transeuntibus.* Срвн. также Ширна: *Om den slaviska Oprindelse til nogle Stedsnavne paa de danske Smaaøer.* (Historiske Studier af Frederik Schiern. Kjobenhavn. 1837, II, 440 и сл.). Были поселенія Славянскія и на другихъ островахъ, что впрочемъ видно уже и изъ словъ Адама Бременскаго (*Illarum autem insularum, quae Slavis adjacent, insigniores accepimus tres*); значитъ, были и меньшіе, не столь значительныя. Славяне говорили Датчанами: «*Fines vestri, armis et exercitiis nostris miserabiliter obriti, situ marcidi culturaeque inopes jacent; nostrarum diffusio partium vix alendae, quam genuit, multitudini sufficit.*» (Sax. Gram. I. XIV. p. 756). Были поселенія Славянскія на островѣ Зеландіи: *Sialandia ab ortu et meridie marcida situ vastitate torpebat. Siquidem agrestium inops patriae loco praedonibus fuit.* (Sax. Gram. I. XIV. p. 706). Ширвъ весьма основательно предпола-

Если какъ Лютичи, такъ и другіе Славяне, могли и даже лучше не могли не ходить съ Датчанами на Францію, то точно также они могли ходить съ ними и въ Испанію. Первое нападеніе Норманновъ на Испанію случилось въ 827 г. (см. Depping I. 111; 134—5; 164—5; 185—6; 180 etc.).

Арабы называли ихъ *Маджу* (Majus), т. е. огнепоклонниками, нечестивыми, погаными, какое названіе давалось ими язычникамъ, всѣмъ не мусульманамъ и не христіанамъ.

Изъ аль-Макари узнаемъ, что набѣги и набѣды Норманновъ на Испанію продолжались почти до 1145—6 г., времени, когда въ Кадиксъ была разрушена одна башня, служившая чѣмъ-то въ родѣ маяка для этихъ нечестивыхъ. Аль-Макари, или лучше, цитуемый имъ Арабскій авторъ, жившій въ XII в., говоритъ: «Нѣкогда ходили по океану большія суда, извѣстныя у Андалузцевъ подъ именемъ *каракиръ*, съ четырёхугольнымъ парусомъ

гаетъ, что епископъ Абсалонъ въ походы свои на Руанъ и Поморанъ нанявалъ дружины у этихъ Славянскихъ поселенцевъ на островахъ Датскихъ; приводитъ примѣры того, что многіе Датчане умѣли говорить по-Славянски, вѣроятно выучиваясь по-Славянски отъ этихъ поселенцевъ. Тамъ Guthscalcus, qui et ipse Sclavis, tum ob linguae eorum peritiam, tum ob paternae amicitiae favorem ac proprii convictus assuetudinem, perfamiliaris habebatur (Sax. Gram. I. XIV, p. 814). Placuit Nicolaum Falstricum, quod Slavicae gentis linguam calleret, explorandi hostium successus gratiam ad Jarimarum dimitti (Sax. Gram. I. XVI, p. 973). Островъ Лоландъ, отстоящій отъ Славянскаго острова Фемерна почти на 3 мили, имѣлъ также поселенія Славянскія — Quam Laland interius vadat ad confinia Sclavorum (Ад. Брен). Саксонъ Грамм. говоритъ, что было время, когда островъ Лоландъ платилъ дань князьямъ Славянскимъ. Когда Вальдемаръ и Абсалонъ отправлялись въ походъ на Славянъ, то Лоландцы всегда получали приказаніе отплыть уже по отплытіи флота Датскаго — ne, longa praesentia edocti, furtim ad Sclavos imperatae rei indicia deferrent (Sax. Gram. I. XIV, p. 741). Мѣстныя названія подтверждаютъ бытность Славянскихъ поселеній не только на островѣ Лоландъ, но и на островахъ Лангеландъ и Фальстеръ. Вообще нѣтъ никакой возможности отрицать участіе Славянъ въ походахъ Норманновъ, Датчанъ. Императорско-папская Европа въ X в. главнѣйшихъ враговъ своихъ имѣла, кромѣ Сарацинъ, въ Мадыарахъ, Датчанахъ и Славянахъ: Hinc etenim saeva Danorum gens terra marique potens, inde centifida Sclavorum rabies barbarorum frendens inhorruit; Ungrogrum nihilominus insecuta crudelitas (Руотгеръ; Жизнь Брунона, ок. 966—967 г.). Точно такъ же участвовали въ походахъ Угровъ на Германію и Италію и Славяне. Объ этомъ въ многи мѣста, а теперь позволяю себѣ указать на замѣчательную статью г. Клягива: «Мѣсто Венгровъ среди народовъ Европы». (Русск. Вѣст. 1888. № 1. С. 117 и сл.)

на кормѣ и съ такимъ же на носу; на нихъ развѣзжали Маджу (Majús), народъ весьма сильный, рѣшительный и ловкій въ мореплаваніи (people of great strength, determination and much practice in navigation). Приставъ къ берегу, они все опустошали огнемъ и мечемъ и совершали неслыханныя злодѣйства (committed unheard-of ravages and cruelties), такъ что при ихъ приближеніи жители съ своими вещами бѣжали въ горы и весь берегъ пустѣлъ. Наѣзды этихъ варваровъ бывали періодическіе: они происходили каждыя шесть или семь лѣтъ; число ихъ кораблей не бывало меньше сорока, а иногда доходило до сотни; они истребляли все, что ни встрѣчали на морѣ. Башня, мною описанная, была имъ извѣстна и по указываемому ею направленію во всякое время они легко проникали въ проливъ, входили въ Средиземное море, опустошали берега Андалузій и сосѣдніе ей острова, простирая иногда свои опустошенія до береговъ Сиріи. Когда же идолъ былъ низверженъ въ 1145—6 г., то болѣе уже ничего не стало слышно объ этомъ народѣ и уже не было видно ихъ *каракиръ* въ этихъ моряхъ, за исключеніемъ двухъ, потерпѣвшихъ крушеніе на этомъ берегу, одного въ *Мерсу-ль-Маджу* (Mersu-l-Majús—портъ Маджу) и другаго у мыса *аль-Агар* (Al-Aghar).— (Gayang. I, 78 etc.).

У аль-Макари находится болѣе подробное описаніе этихъ походовъ. Такъ у него читаемъ: «Во дни Абдуррахмана Маджу появились на берегахъ Андалузій и овладѣли Севильею. Абдуррахманъ посылаетъ противъ нихъ войско изъ Кордовы. они оставляютъ свои корабли и вступаютъ въ бой съ мусульманами, которыхъ и разбили (after severe contest); но по прибытіи новыхъ подкрѣпленій изъ Кордовы, мусульмане снова напали на нихъ, обратили ихъ въ бѣгство, ограбили и сожгли нѣсколько кораблей. Послѣ того Маджу пошли къ Шидунѣ (Сидонія), гдѣ они оставались два дня, грабивъ окрестности; но услышавъ, что флотъ Абдуррахмановъ подошелъ къ Севильѣ, они снова удалились на свои корабли и пристали къ берегу (Niebla), который прошли они, уводя въ плѣнъ жителей. Отсюда пошли они сухимъ путемъ къ Бейѣ и наконецъ къ Лиссабону, откуда они и пустились обратно въ море. Болѣе о нихъ ничего не было слышно. Это происходило въ 230 г. (въ севт.

844 г.) и Андалузія избавилась отъ ихъ грабежей. Абдурахманъ посѣтилъ ихъ мѣстности, гдѣ они побывали, возобновилъ разоренное и усиленіемъ гарнизоновъ обезпечилъ страну отъ будущихъ нападеній этихъ вивваровъ». (Gayang. II, 116)¹.

Ан-Нуванри сообщаетъ объ этомъ нападѣ гораздо болѣе подробностей: «Въ 330 г. изъ отдаленныхъ округовъ они пошли на земли мусульманскія. Прежде всего они появились у Лиссабона въ 229 г. (авг. или сент. 884 г.). Пробывши въ этомъ городѣ около тринадцати дней, въ теченіи которыхъ у нихъ было

1. О плаваніяхъ Норманновъ, Датчанъ въ Средиземномъ морѣ говорятъ также Себастьянъ епископъ Саламанкскій (Sandoval. Historias. Pamplona. 1634. p. 55): Normanni piratae his temporibus ad nostra litora pervenerunt. Deinde Hispaniam porrexerunt, omnem ejus maritimam gladio igneque praedando dissipaverunt. Deinde mari transvecti Nacchor civitatem Mauritaniae invaserunt, ibique multitudinem Cadeorum interfecerunt. Deinde Majoricam, Formenteram et Minoricam insulas aggressi gladio depopulaverunt. Post Graeciam advecti, post triennium in patriam sunt reversi. (Zeuss. I. I. S. 532). Около того же времени говорятъ Берг. Лѣт. Dani qui in Rhodano fuerant, Italiam petunt et Pisas civitatem aliasque capiunt, depraedantur atque devastant (ibid.). — Въ своемъ описаніи Африки Абу-Обейдъ-Иллахъ-аль-Бекри передаетъ одинъ любопытный разсказъ о Маджу. Вотъ его слова, въ переводѣ Катрмера: «Asilah est la première ville de l'Adwah (la Mauritanie) dont elle occupe la partie occidentale; elle est située dans une plaine et entourée de petites collines; la mer la baigne à l'occident et au nord... La ville est de construction récente et doit sa fondation à l'événement que nous allons rapporter. Les Madjous (знаменитый переводчикъ ставитъ въ скобкахъ — les Normands) attaquèrent deux fois le port. La première fois qu'ils s'y présentèrent en armes, ils prétendirent avoir déposé dans la ville de riches trésors. Les Berbers s'étant réunis pour les combattre, les Madjous leur dirent: «Nous ne sommes pas venu pour vous faire la guerre; mais ce lieu recèle des richesses qui nous appartiennent; placez vous à l'écart; afin que nous puissions les retirer et nous nous engageons à partager avec nous». Les Berbers acceptèrent cette condition, et se tinrent à l'écart. Les Madjous se mirent à creuser un espace de terrain, en tirèrent une quantité de dokhn (millet) pourri. Les Berbers voyant la couleur jaune de ce grain, et s'imaginant que c'était de l'or, accoururent pour l'enlever. Les Madjous, effrayés; s'enfuirent vers leurs vaisseaux. Les Berbers ayant reconnu que tout leur butin consistait en millet, se repentirent de ce qu'ils venaient de faire, et invitèrent les Madjous à débarquer de nouveau pour enlever leurs richesses; mais ceux-ci refusèrent, et dirent aux Berbers: «Vous avez une fois violé vos engagements, vous n'avez plus aucun droit à notre confiance». Ils partirent aussitôt, firent voile par l'Espagne, l'an 229, sous le règne de l'imam Abd-al-rahman ben Hakam. — Pour ce qui concerne la seconde expédition de Madjous leurs vaisseaux, à leur retour de l'Espagne, furent poussés par le vent vers le port d'Asilah, et quelques uns de leurs bâtimens coulèrent à fond, à l'entrée occidentale de la rade; et de là cet endroit a pris et conserve encore aujourd'hui le nom de *porte des Madjous*. (Notices et extraits des manuscrits de la biblioth. du roy. XII, 568—569).

нѣсколько стычекъ съ мусульманами, они пошли на Кайисъ (reg-hars Cadiz), отсюда на Шидума (Chidúpah), гдѣ вступили въ большое сраженіе съ мусульманами. Оттуда они направились къ Севильѣ, куда прибыли 24 сент. 844 г. и расположились въ 12 парасагахъ отъ этого города. Черезъ четыре дня (28 сент.) мусульмане выступили противъ нихъ и потерпѣли великое поражение. Маджу подошли ближе къ городу—расположились отъ него на разстояніе двухъ миль. Севильскіе жители снова вышли противъ нихъ и снова были разбиты съ великою потерей пленныхъ и убитыхъ, и мечъ Маджу не останавливался ни передъ человѣкомъ, ни передъ скотомъ, пока не овладѣли они городомъ. Это послѣднее произошло 30 сент. Пробывъ въ Севильѣ цѣлыя сутки, Маджу воротились къ своимъ кораблямъ.

Между тѣмъ противъ нихъ шло войско султана, о чемъ узнавъ, Маджу вышли къ нему на встрѣчу; произошло кровопролитное сраженіе; мусульмане, собравъ все свое мужество, дрались отчаянно и погнали ихъ къ кораблямъ, положивъ на мѣстѣ семьдесятъ человѣкъ изъ нихъ, мусульмане позволили имъ сѣсть на суда и удалились отъ нихъ. Вскорѣ потомъ другой отрядъ войска, посланный эмиромъ Абдуррахманомъ, появился въ тѣхъ же окрестностяхъ и Маджу, покинувъ свои корабли, напали на него съ великою яростью и принудили его удалиться. Мусульмане однако воротились и вторично сразились съ ними 16-го ноября 844 г. Припасы и охотники шли къ нимъ отовсюду; Маджу потерпѣли поражение, потерявъ около пяти сотъ человѣкъ и четыре своихъ корабля, которые сожгли они, вынудивъ изъ нихъ все цѣнное.

Маджу пошли потомъ на Leslah (?) и взяли Shineba (?). Они пристали къ острову, близко Кадикса, гдѣ и стали дѣлать свою добычу: въ это время мусульмане спустились рѣкою и убили двоихъ изъ нихъ. Отсюда Маджу пошли къ Шадунт: но услыхавъ, что флотъ Абдуррахмановъ прибылъ къ Севильѣ, они пошли на Либлю (Liblah-Niebla) которую взяли и разорили, затѣмъ къ Оксунобѣ (Oksunobah-Ossonobah), къ Бейѣ и наконецъ къ Лиссабону. То было послѣднимъ мѣстомъ, гдѣ они производили свои грабежи, потому что отсюда отплыли и ничего нѣсколько времени не было слышно о нихъ». (II, 431—2).

Какъ изъ ихъ подвиговъ, такъ и изъ числа убитыхъ едва ли не болѣе 500 человекъ (70, 2, около 500, а о другихъ случаяхъ конечно еще умолчано) непременно заключать надо, что число всѣхъ этихъ Маджу, грабившихъ Андалузію въ 844 г., несравненно превосходило тысячу человекъ¹.

У аль-Макари сохраненъ рассказъ о другомъ ихъ походѣ въ X в. «Въ нач. 964 г. (354 г.) корабли Маджу появились у береговъ океана. Высадившись у Лиссабона, они стали опустошать окрестную страну, но жители взялись за оружіе, сразились съ ними и заставили ихъ удалиться къ своимъ кораблямъ. Едва только разнеслась вѣсть объ ихъ высадкѣ, какъ аль-Гакемъ лично явился въ эти округи и позаботился о защитѣ берега, приказавъ своему адмиралу Ромагису снарядить флотъ и напасть на нихъ: но это было уже излишне, такъ какъ пришло извѣстіе, что они вездѣ были разбиты жителями и отплыли съ поспѣшностью и въ великомъ замѣшательствѣ» (II, 159).

На вопросъ въ числѣ этихъ Маджу, этихъ поганыхъ и нечестивыхъ, часто, почти періодически нападавшихъ на Испанію въ IX—XII в., не бывали ли и Славяне, именно Балтійскіе? на вопросъ этотъ не рѣшаемся отвѣчать отрицательно.—Любопытно, что Маджу пристають обыкновенно къ Лиссабону, неподалеку отъ котораго, подлѣ Сантарема, находилось Славянское поселеніе, какъ то кажется слѣдуетъ заключать изъ словъ Якута.

Почтенный академикъ Куникъ, которому тоже представлялся было этотъ вопросъ, едва ли не слишкомъ поспѣшно отвѣчалъ на него отрицательно. (См. *Beruf d. Schwed. Rodzen S. 306 Ac.*).

Замѣтимъ, что названіе Маджу могло быть даваемо и Балтійскимъ Славянамъ, такъ какъ этимъ именемъ назывались у

1. Массудъ въ Золотыхъ Дугахъ именно замѣчаетъ: «A short time to the beginning of the fourth century of the Hijrah, ships landed in Spain which had thousands of men on board...» (Moroudj-al-dzeheb. El-Mas'udi's Historic. Encyclop... Al. Sprenger. London. MDCCCXLI. I, 373). У Френса: «noch vor dem Jahre des H. 300 waren in Spanien Seeschiffe gelandet mit Tausenden von Menschen angefüllt... (Ibn-Fossal. Ber. S. 137. См. также Géogr. d'Aboul-féda trad. de l'arabe en français et accomp. de notes et d'éclaircissements par M. Reinaud. Paris. MDCCCXLVIII. p. CCXCVIII et suiv.).

Арабовъ на одни Скандинавы, Норманны, но вообще всѣ немусульмане и не-христиане, а язычники¹.

Тѣсныя связи Славянъ Балтійскихъ съ Датчанами, войны Славянъ съ Франками, плѣнники и заложники Славянскіе во Франціи, посольства Славянъ къ Карлу Великому и его преем-

1. Такъ назывались Маджу-берберы, принявшіе исламу (Reinaud: *Inv. des Sar.* p. 214); такъ Массуди говоритъ про одинъ народъ Кавказскій (Kashak): «They are a great nation and follow the *Magtan religion*» (Sprenger I. 436); такъ и Камиръ Чудесъ Ибрагимъ Великъ Шаха († 1228 г.) сказано про Славянъ: «Quant aux Slaves, ils se composent d'une multitude de peuplades. Les uns sont Chrétiens; d'autres professent le *Paganisme* (ou *Magisme*) et adorent le soleil... La plupart de leurs tribus sont *Paiennes* (*Mages*); et ils se brulent eux-mêmes» (Charmoy: *Relat. de Mass.* p. 326); такъ аль-Макари, сказавъ о Вандалахъ (Andalus), какъ о первоначальныхъ и коренныхъ жителяхъ Испаніи, называетъ ихъ *Маджу* (*Majús*). (Gayang. I. 23). Аль-Истахри (ок. 950 г.): Sie reden drei Sprachen, die Parsi, welches alle reden und dessen sie sich in ihren Briefen und Schriften bedienen, die unter ihnen wohnenden *Magier* bedienen sich des *Pehlvi* in ihren Schriften». (Mordtmann: *Das Buch der Länder.* Hamburg. 1845. S. 70). «Mokan enthält viele Dörfer, die von *Magiern* bewohnt sind» (ib. S. 89). Аль-Макари, рассказавъ о посольствахъ къ Абдурахману III отъ императоровъ Греческаго и Германскаго, королей Франковъ и Славянъ, приводитъ вслѣдъ за тѣмъ (на слѣдующей же страницѣ) слова Ибнъ-Гаийана: «Всякій народъ, слышавшій о немъ (Абдурахманѣ), посылалъ къ нему пословъ. Государи Грековъ, Франковъ и *Маджу* всѣ присылали пословъ къ его двору.» (Gayang. II, 140). Кого разумѣть здѣсь надо подъ именемъ государа *Маджу*? Основательно ли поступилъ Гаангосъ, поставивъ при семь въ скобкахъ: Northmen? Конечно нѣтъ. Ни аль-Макари, ни Ибнъ-Халдуъ, ни Хаздай и пр. не говорятъ ни слова о посольствѣ Норманскомъ и въ то же время единогласно свидѣтельствуютъ о посольствѣ Славянскомъ. Следовательно здѣсь подъ *Маджу* надо разумѣть тѣхъ Славянъ, что присылали посольство къ Абдурахману III. У аль-Макари переданъ любопытный рассказъ объ одномъ аль-Гаццалѣ, бывшемъ посломъ у Греческаго императора Θεοφιλα въ 839 г.: «*Abu-l-khattáb Ibn-Dihyah* relates, in his work entitled *Al-mutrib*, that he was also sent (on an embassy) to the land of the *Majús*. *Al-Ghazzal* was then very near his fiftieth year; but, though his hair was gray, he had still all the appearance of youth and strength. *The queen, whose name was Týda*, having asked him one day what his age was, he asked in jest—twenty». (Gayang. II, 113). Гаангосъ при словахъ: *land of the Majús* дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: «The Arabes give the name of *Majús* indifferently to all the nations inhabiting the northern parts of Europe». (Gayang. II, 431). — Тутъ, Тьюда могла быть какою нибудь Теоделиною, могла ею и не быть; могла же быть какою нибудь *Тугою* или другою какою, т. е. вообще Славяною, а не Нѣскою; ибо гораздо правдоподобнѣе предположить, что скорѣе аль-Гаццалъ былъ у какихъ нибудь Славянъ, чѣмъ у Датчанъ или Скандинавовъ (въ IX в.) съ которыми Арабы не вели никакихъ переговоровъ и въ позднѣйшія времена, тогда какъ положительно извѣстно, что въ X в. существовали взаимныя связи между Славянами и Арабами Испанскими.

никамъ, набѣги Сарацынъ на Францію, ихъ посольства къ Карлу и его преемникамъ, ихъ войны съ ними — такъ или иначе должны были ознакомить Славянъ Балтійскихъ съ Арабами Испанскими, хотя по слухамъ; если же вспомнимъ о бытности Славянъ въ Испаніи въ IX — XI в. и объ ихъ значеніи въ этой странѣ, то легко согласимся, что Славяне Балтійскіе могли знать Арабовъ и ихъ Испанію — и не по однимъ слухамъ. — Молва о грозныхъ Сарацынахъ, ненавистныхъ Франкамъ, не могла не доходить до Славянъ.

Природная удалъ и отвага, привычка къ морю, не говоря уже о простомъ желаніи поглядѣть страну, гдѣ были ихъ соотечественники и даже земляки, — уже одни могли Славянамъ внушить охоту ходить въ Испанію, а примѣръ Датчанъ, съ которыми они по всей вѣроятности не однажды ходили на Францію, — точно также, какъ и собственныя свои суда весьма облегчали Славянамъ набѣги ихъ на Испанію.

Г. Куника привело кажется къ отрицательному отвѣту то главнѣйше соображеніе его, что въ IX — XI в. стремленіе Славянъ и Норманновъ были совершенно противоположныя (*slawisches und normannisches Treiben*); присемъ же онъ вкратцѣ указалъ на значеніе Славянъ въ мусульманской Испаніи.

Нельзя умолчать, что замѣчаніе о томъ, будто бы движенія Норманновъ и Славянъ въ IX—XI в. были совершенно противоположныя, — не отличается большою справедливостью, ибо какъ то мы видѣли, уже выше, тѣсныя связи Славянъ съ Датчанами были давнишнія и скрѣплялись непримиримою враждою тѣхъ и другихъ къ Франкамъ и ихъ политикѣ.

Наконецъ изъ того, что одни Славяне были мусульманами, занимали важныя должности и даже бывали государями (въ XI в.) въ мусульманской Испаніи, едва ли слѣдуетъ, что другимъ Славянамъ невозможно было нападать на Испанію вмѣстѣ съ Датчанами, если не отдѣльно. Извѣстно, что если Славяне Балтійскіе и попадали мирно въ Испанію, то вовсе не добровольно, а какъ рабы и военно-плѣнные Франковъ; очень можетъ быть, что иные изъ нихъ желали даже попасть въ Испанію, чтобы скорѣе освободиться отъ Франковъ. Понятно кажется, что такія желанія не заслуживаютъ названія движенія, направленія. Добровольно же

въ Испанію стремились Славяне не Балтійскіе, но сѣверо-западные и южные, у которыхъ вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ давно завязались съ Арабами тѣсныя связи. Извѣстно, что императоръ Юстиніанъ былъ природный Славянинъ, въ VI в. и позже многіе Славяне занимають въ Восточной имперіи важныя должности, что однако вовсе не мѣшаетъ прочимъ Славянамъ, ихъ же землякамъ, нападать на имперію, грабить и разорять ее.

Внутри одного и того же народа и подавно цѣлаго обширнаго племени, особенно въ тогдашнія времена, легко образовывались противоположныя движенія и направленія. Такъ движеніе Бодричей, постоянно лннувшихъ къ Франкамъ, совершенно было противоположно движенію Лютичей, возстававшихъ противъ Франковъ и тѣснившихъ Бодричей.

Замѣчательнѣйшій писатель Арабскій XI в., никогда не выѣзжавшій изъ Испаніи, говорилъ про Славянъ, что то «народъ буйный, сильный и могущественный. Если бы они не были раздѣлены на великое число поколѣній и народцевъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противустоять».

Нѣтъ сомнѣнія, аль-Бекри при этихъ словахъ разумѣлъ не внѣшнее дѣленіе Славянъ, въ слѣдствіе котораго разные народы носили разные названія, а раздѣленіе внутреннее, ихъ взаимныя распри и усобицы (этихъ незаконныхъ дѣтей свободы, по удачному выраженію Палацкаго), мѣшавшія имъ дѣйствовать совокупно противъ общихъ враговъ. И такъ аль-Бекри говоритъ собственнно: «если бы Славяне отличались внутреннимъ согласіемъ и единодушіемъ, то ни одинъ народъ въ мірѣ не могъ бы имъ противустоять». Очевидно, онъ не исключаетъ и самихъ Арабовъ. Какимъ же образомъ такой умный писатель и осторожный критикъ, какъ аль-Бекри, никогда не выѣзжавшій изъ Испаніи, рѣшился утверждать, что и Арабы (Испанскіе) были бы не въ силахъ противиться Славянамъ, если бы они отличались большимъ единодушіемъ? Значить, бывали случаи, когда Арабы, и именно Испанскіе, могли на себѣ испытать силы Славянъ, этого «буйнаго, сильнаго и могущественнаго народа» (*nation redoutable, puissante et impétueuse*).

«Но почему же источники не говорятъ о Славянахъ, а упоминають объ однихъ Датчанахъ или Норманнахъ? Многія име-

на вождей, нападавшихъ на Францію, намъ извѣстны. Они Нѣмецкія». Zeuss. I. I. S. 533 ff.).

Но источники Нѣмецкіе могли разумѣть подъ Датчанами и Славянъ, жившихъ напр. на островахъ Датскихъ, точно также, какъ для Французовъ и Славяне Балтійскіе могли быть сѣверными людьми. Имена собственные еще ничего не доказываютъ, такъ какъ предположивъ участіе Славянъ въ шайкахъ Датчанъ, Норманновъ, непременно надо допустить, что вожди ихъ носили двойныя имена, какъ Славянскія, такъ и Нѣмецкія. Лѣтописцамъ Нѣмецкимъ, записавшимъ ихъ имена, конечно легче было передавать имена Нѣмецкія, нежели Славянскія.

«Аль-Макари и другіе Арабскіе писатели знали Славянъ подъ именемъ *Сиклабъ*, *Сакалиба* и потому не стали бы называть именемъ Маджу нападавшихъ на Испанію въ IX—XII в. морскихъ разбойниковъ, если бы они дѣйствительно были Славяне».

Но названіе Маджу — поганыхъ, нечестивыхъ было даваемо не только Норманнамъ, но и всѣмъ другимъ народамъ, жившимъ въ язычествѣ, въ томъ числѣ и Славянамъ. Оно очень хорошо могло идти именно къ Балтійскимъ Славянамъ, Лютичамъ и другимъ, долго остававшимся въ язычествѣ, и нападавшимъ напр. заодно съ Датчанами на Испанію; смѣшанный же составъ этихъ морскихъ дружинъ не позволялъ называть ихъ Славянами-*Сакалиба*.

Въ слѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній не могу въ настоящее время позволить себѣ отвѣта отрицательнаго на вопросъ: въ числѣ Маджу, періодически нападавшихъ на Испанію въ теченіи X—XII в., не бывали ли и Славяне, именно Балтійскіе, особенно же Лютичи и поселенцы Славянскіе на островахъ Датскихъ?

Весьма понятно, что вопросъ этотъ, занимая извѣстное мѣсто въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, находится въ тѣсной связи съ другими вопросами напр. о степени предприимчивости и удалства Славянъ Балтійскихъ, объ ихъ морскихъ свлахъ, о давности и дружественности сношеній ихъ съ Датчанами, вопросами, весьма важными для исторіи отношеній Славянъ Балтійскихъ не только къ Даніи, но и къ Англій и къ Славянамъ Русскимъ.

Исторія отношеній Славянъ къ Испаніи, не маловажная

органическая часть общей исторіи міра Славянскаго, кажется начинается не съ господства Арабовъ въ Испаніи, съ которыми проникли въ нее Славяне и тѣмъ завязали сношенія своихъ соплеменниковъ съ этою странюю. — Разумѣю здѣсь уже выше изложенное у меня мѣніе Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ. И здѣсь нельзя не замѣтить, что исторія Славянъ въ Испаніи наводитъ на необходимость тщательныхъ и подробныхъ изысканій о Вандалахъ, о судьбахъ ихъ въ Испаніи и въ Африкѣ. Если же согласно Шафарику придется признать въ нихъ стихію Славянскую, то неизбежно явится вопросъ: эти два періода исторіи Славянъ въ Испаніи — Вандалскій и Арабскій находятся ли въ какой нибудь взаимной связи? иными словами, Славяне, пришедшіе съ Арабами въ Африку и въ Испанію, не нашли ли въ части Вандаловъ, оставшихся въ Испаніи, своихъ соплеменниковъ и тѣмъ взаимно не усилили ли возможности сохраненія своей народности и на будущее время? Знали ли Славяне Испанскіе въ періодъ Арабскій о томъ, что и задолго до нихъ, въ Испаніи, въ періодъ Вандалскій, жили Славяне, ихъ соплеменники?

ЖИ. Если справедливо, что Славяне попадали въ мусульманскую Испанію не только черезъ Пиринеи, изъ рукъ Франковъ, рабами и военноплѣнными, но и въ качествѣ охочихъ, вольныхъ, гуляшихъ людей, то безспорно, что эти послѣдніе преимущественно были изъ Славянъ Адриатическихъ, о тѣсныхъ и постоянныхъ сношеніяхъ которыхъ съ Арабами въ Сициліи, въ Африкѣ мы имѣли уже случай говорить въ статьѣ о Славянахъ въ Африкѣ.

Если справедливо, что сношенія Славянъ съ Испанскими Арабами, о которыхъ мы знаемъ изъ свидѣтельствъ Массуди, Ибнъ-Хаукала, Ибнъ-Гайяна и Ебизъ-Спрота Хаздая, именно потому и завязались, что въ Испаніи мусульманской жило много Славянъ, сохранявшихъ долго свою народность, — то не премѣнно надо утверждать, что кромѣ Русскихъ и Карпатскихъ Славянъ съ мусульманскою Испаніею въ періодъ X — XI в., когда Славяне играютъ въ ней весьма немаловажную роль, находились въ общеніи и другіе народы Славянскіе, напр. Дубровничане и

другіе Далматинцы¹, выславшіе изъ своей среды охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей на службу къ Арабамъ и только въ Сицилію и Африку, но и въ Испанію.

Если припомнимъ силу и значеніе Арабовъ въ Средиземномъ морѣ, состояніе Альмерин, гдѣ въ XI в. одинъ за другимъ царствовали два брата Славянна, то мы смѣло рѣшимся утверждать, что въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи существуетъ тѣсная, взаимная связь втораго періода (если принимать согласно съ Шафарикомъ бытность Славянской стихіи въ Вавдалахъ)

---

1. Нѣтъ ни малѣйшаго основанія утверждать, чтобы напр. и Чехи не могли ходить въ мусульманскую Испанію. Извѣстно, что въ XII в. Чехи ходили въ Испанію на поклоненіе св. Якову Компостельскому (Palacký: Dějiny nar. Česk. D. I. č. 1. str. 405). Теперь еще не имѣемъ никакого права утверждать: 1) Чехи въ Испанію раньше XII в. не ходили; 2) Чехи ходили только въ Компостеллу и никогда не бывали въ Кордовѣ и вообще въ Андалузіи; 3) Чехи X и XI в. ничего не знали о бытности Славянъ въ Испаніи, о чемъ знали Славяне Русскіе, Карпатскіе; 4) Чехи и Мораване X и XI в. не имѣли никакихъ внутреннихъ побужденій, никакихъ внѣшнихъ средствъ для посѣщенія Испаніи. Вся основательность предъидущаго замѣчанія предстанетъ читателю, лишь только онъ вспомнитъ о тѣсныхъ связяхъ Чеховъ и Моравянъ съ Германією и Италією въ X и XI в. и о путешествіяхъ Нѣмцевъ, Французовъ и Италянцевъ для науки въ Андалузію. Гербертъ, воспитатель Оттона III, а въ послѣдствіи папа подъ именемъ Сильвестра II, учился въ X в. въ Андалузіи. Гросвита говоритъ, что онъ произвелъ: «Passio S. Pelagii, pretiosissimi martyris, qui nostris temporibus in Corduba martyrio est coronatus», написано по рассказамъ очевидца, что указываетъ на тогдашнія сношенія Нѣмцевъ съ Андалузією. См. Die Werke der Hrotsvitha. Herausgegeben von Dr. K. A. Barack. Nürnberg. 1858. Ss. XXIII, 63 — 77. См. Géogr. d'Edrisi... trad. par Am. Jaubert. Paris. MDCCCXL. II, 229 — «L'église (Sant-Jago) dont il s'agit est célèbre par les pèlerinages dont elle est l'objet. Les chrétiens y viennent de toutes parts, et, si l'on en excepte l'église de Jérusalem, il n'en est pas de plus imposante. Elle peut même être comparée à la Comamé (de Jérusalem), sous le rapport de la beauté et de la grandeur des constructions, comme aussi sous celui des richesses qu'elle renferme, produit de libéralités et d'aumônes. On y remarque quantité de croix d'or et d'argent enrichies de pierres telles que saphirs, émeraudes et autres. Ces croix sont au nombre de plus de trois cents, grandes et petites. On y compte environ deux cents colonnes recouvertes d'ornemens en or et en argent. Cette église est desservie par cent prêtres, sans compter les serviteurs et les subalternes. Elle est construite en pierres et en chaux mélangées, et entourée de diverses maisons où logent les prêtres, les religieux, les diacres... et de marchés où l'on vend et où l'on achète. Il existe, tant auprès que loin de l'église, des bourgs qui par leur étendue peuvent être comparés à des villes, où l'on fait beaucoup de commerce et dont la population est immense».

съ третьимъ, который при скудныхъ теперешнихъ свѣдѣніяхъ, всего лучше начать концемъ XI и продлить до к. XV в.

Странно же было бы утверждать напр., что Дубровничане не вели сношеній съ Испанією въ XII в., когда извѣстно, что Чехи, имѣвшіе повидимому гораздо менѣе къ тому возможности, посѣщали Испанію въ XII в. Безъ сомнѣнія, посѣщали ее Дубровничане и въ XIII в., когда ихъ флотъ и торговля чрезвычайно усилились¹, когда они вели довольно значительную торговлю съ Африкою и когда, какъ напр. въ 1283 и 1287 г., они заключили торговые договоры съ главнѣйшими портовыми городами Сициліи, — съ Сиракузою, Мессиною, Барлеттою и проч. Обѣимъ договаривающимся сторонамъ обезпечены были взаимныя права гражданства. Извѣстно также, что съ 1283 г., послѣ Сицилійскихъ вечерей, господство надъ Сицилією перешло къ дому Арагонскому; это же обстоятельство не могло не содѣйствовать расширенію связей Дубровничанъ съ Испанією.

Подавно связи эти не ослабѣвали въ XIV в., когда сенатомъ Венеціанскимъ Дубровничанамъ дарованы были права Венеціанскихъ гражданъ, въ средѣ которыхъ всегда находилось много Славянъ², или когда, какъ въ 1385 г. Дубровничане заключаютъ съ Францією торговый договоръ, которымъ выговорили себѣ большія права и преимущества. Безспорно, что сношенія Дубровника съ Испанією были тогда уже довольно значительны³.

1. Аппендинъ замѣчаетъ про договоръ Дубровничанъ съ Омишемъ, заключенный въ 1240 г.: *un trattato curiosissime, il quale mostra, che la marina già in quel tempo assai accreditata per tutto l'oriente ed occidente dei nostri mari.* См. предъидущую статью о Славянахъ въ Африкѣ.

2. См. статью Кукуловича-Сандинскаго: *Štške' porodice u Metakom Plemstvu* — г. в. Славянскія фамиліи въ Венеціанскомъ дворянствѣ (*Arhiv za Povēstnicu Jugoslavensku. U Zagrebu. 1881. Kn. I. Str. 38—54*). Исторія отношеній Славянъ къ Венеціи и Славянскія въ ней стихія, — весьма обширный отдѣлъ общей исторіи отношеній Славянъ къ Италіи, — въ настоящее время, при наступающемъ возрожденіи шира Славянскаго и Италіи, дѣла которой тѣсно и неразрывно связаны съ дѣлами Славянскими, особенно привлекаетъ наше вниманіе, требуя массы трудолюбивыхъ и даровитыхъ дѣятелей.

3. Пока исторію Дубровника мы будемъ изучать по труду Аппендинъ, весьма почтенному для своего времени, но нынѣ весьма недостаточному, до тѣхъ поръ мы не можемъ не прибѣгать къ наведенію и аналогіи: ибо нѣтъ сомнѣній, что су-

Въ XV в., когда въ слѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, которыми Дубровникъ всегда ловко умѣлъ пользоваться, вся почти Европейская торговля съ Африкою стала какъ бы исключительно его привилегіею, въ XV в. эта уиная община Славянская, этотъ Адриатическій Новгородъ достигаетъ весьма большаго значенія такъ, что по словамъ одного современника, «не было въ Европѣ такого удаленнаго угла самаго негостепріимнаго, гдѣ бы нельзя было встрѣтить купцевъ Дубровническихъ». (Аппендиси приводитъ подлинныя слова Палладія Фоско: «Hinc est quod nulla Europae pars adeo abdita est, ita advenis infesta ut in ea Rhagusanos non invenias negotiatores. Habebant annis superioribus (del 1450 in circa) cum ante Senatus Veneti decretum jure suo, quocunque vellent, navigare possent, naves amplius trecentas, quas mercibus onustas in diversas orbis partes ad questum mittebant). — Не даромъ гордились тогда Адриатическіе Славяне своимъ Дубровникомъ. Одинъ изъ лучшихъ поэтовъ своего времени, Петръ Гекторевичъ (1486 + 1572 г.), уроженецъ острова Хвара (Lesina)

существуютъ положительныя извѣстія о сношеніяхъ Дубровника съ Испаніею въ этотъ періодъ, но они еще, по крайности намъ, не извѣстны. Если не для исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, то для исторіи отношеній Испанцевъ вообще къ міру восточно-Европейскому, Греко-Славянскому, заслуживаетъ вниманія судьба нѣсколькихъ тысячъ Испанцевъ, состоявшихъ на службѣ Византійскихъ императоровъ въ XIV в. См. Lebeau: Hist. du Bas-Empire. Nouv. édit., revue entièrement, corrigée et augmentée d'après les hist. orientaux par M. de Saint-Martin et continuée par M. Brosset. Paris. MDCCCXXXV. Т. XIX. Начальникомъ этой дружины былъ Рожеръ де Флоръ, вступившій на службу къ императору Авдронку въ 1303 г. Его войска отправлялись изъ Мессины на 26 судахъ. «Le nombre des troupes embarquées sur cette flotte se montait à environ huit mille hommes de différentes nations. Il s'y trouvait des Siciliens, des Catalans, des Aragonais et des Almogavares (pp. 2—5, 8, 14—17, 31—36, 39—56, 66—79, 89 etc.). Едва ли не желательно появленіе на Русскомъ языкѣ подробной и основательной монографіи о судьбѣ этихъ Каталонцевъ въ Византійской имперіи. О нихъ сохранены любопытныя извѣстія не только Византійцами, какъ напр. Пахимеромъ и друг., но и Испанцемъ Мунтанеромъ. Только по тщательномъ изслѣдованіи судьбы ихъ ставеть возможнымъ тотъ или другой отвѣтъ на вопросъ: имѣли ли эти Испанцы какія нибудь сношенія и со Славянами? а если имѣли, то въ какой степени? Въ XIII в. мы встрѣчаемъ Испанцевъ въ Венгріи. См. M. Rogerii Hungari, Varadiensis capituli canonici miserabile carmen seu historia super destructione Hungariae temporibus Bela IV regis, per Tartaros facta (у Швабднера I): ein quo (castro civitatis Strigonii) erat comes Symeon Hispanus, cum multis ballistariis, qui se viriliter defendebat (cap. XL).

въ одномъ письмѣ къ своему пріятелю въ 1557 г. писалъ между прочимъ: «Пригода ми се..... пойти до онога славнога града (кои се сви дичимо—которымъ мы всѣ гордимся) Дубровника»¹. Ганибалъ Лучичъ (1480 † 1530 г.), тоже уроженецъ острова Хвара, въ своемъ замѣчательномъ стихотвореніи «Граду Дубровнику»—говорить:

Ли пакли праву неизмирну твою,
Дубровниче, славу ставихъ се да пою,
Высокимъ радъ бихъ я гласомъ зазвонити,
И твою хвале ты до неба понити,
Дубровниче, *части нашага кзика,*
Ка цватешъ и цвѣсти вазда ћешъ до века.

и далѣе:

Правда к темель твой, разумъ к тва пића,
Тве станк у покой почива нѣхъ цића.
Слободанъ и вичанъ нѣма си добро знай,
И одъ свихъ различанъ кои су тебе край.

или:

Мой писни сбронти никакоръ ній моћи
Све крак, частити Дубровникъ гди обћи:
Крозъ горе, крозъ луге по свету свей миче
Тарговецъ брезъ друге забаве ни прѣче,
По странахъ, ке гледа сунпе на далече,
И кок прикъ реда, и съ редомъ ке пече,
Сви тарге примаю, мирно ке' доноси,
И ке они даю, онъ мирно односи.

Отъ XV в. уже есть извѣстія о торговлѣ Дубровника съ Испаніею². Договорами 1494 и слѣдующихъ годовъ Фердинандъ V и Изабелла предоставили ему большія права и преимуществва³. Въ царствованіе же Карла V, благодаря Испаніи,

1. Stari Pjesnici Hrvatski od Ivana Kukuljevića Sakcinskog. Svezak I. Pjesn Hrv. XV vieka. U Zagrebu. 1856. Tiskom nar. tiskarne Dra. Ljudevita Gaja.

2. Engel: Gesch. d. Freyst. Rag. Ss. 164—165.

3. Аппендиан говоритъ при семъ про Дубровничанъ: Nella generale espulsione dei Mori da quei vasti regni essi ebbero l'incumbenza di trasportarli sull'opposta sponde dell'Africa e si resero padroni d'immense ricchezze.

торговля Дубровника, по словамъ Аппендини, достигла новаго блеска (*acquistava un nuovo splendore*). Но это уже относится къ четвертому (или третьему) періоду исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, періоду весьма важному и мало чѣмъ уступающему періоду мусульманскому, когда Славяне въ Испаніи играли не незначительную роль и пользовались немаловажнымъ значеніемъ.

Прежде чѣмъ перейти намъ къ этому періоду, укажемъ еще на нѣкоторыя обстоятельства, разсмотрѣніе которыхъ должно, кажется, найти свое мѣсто въ исторіи настоящаго періода.

Если справедливо, что характеръ международныхъ сношеній ограничивается и опредѣляется итогомъ частныхъ сочувствій и влеченій, то бытъ можетъ станеть всякому понятна важность слѣдующихъ данныхъ.

Въ XV в. находились на службѣ Дубровника нѣсколько Испанцевъ, которые оказываютъ своему новому отечеству большія услуги. Разумію двухъ замѣчательныхъ ученыхъ врачей *Юрія* и *Петра Испанцевъ*, *Шпановъ* или *Шпаньеловъ*. Ихъ фамилія въ 1480 г. получила въ Дубровникѣ права гражданства, а прекратилась около 1600 г. Юрій Шпаньель получалъ воспитаніе у отца своего Николая, юношею былъ отправленъ, на счетъ сената Дубровницкаго, въ Парижъ для изученія медицины, къ которой онъ чувствовалъ призваніе. Отличный врачъ и писатель, Юрій оставилъ по себѣ сочиненіе, свидѣтельствующее о дѣльности его направленія, подъ слѣд. заглавіемъ: «*De ratione medendi eos, qui sub climate Ragusae nati sunt*—т. е. «О способѣ лѣченія уроженцевъ Дубровницкихъ». — Племянникъ Юрія, Петръ Шпаньель учился въ Италіи и, по примѣру своего дяди, также былъ врачомъ-писателемъ. По словамъ Аппендини, впрочемъ бытъ можетъ ошибочнымъ, сочиненія его не дошли до насъ.

Во всякомъ случаѣ судьба этихъ Шпаньеловъ заслуживаетъ

---

1. Appendini. Not. I, 33. Онъ ошибся, сказавъ, что это сочиненіе утрачено (non existe più). Въ весьма важномъ для Славянистовъ сочиненіи: *Specimen bibliographicum de Dalmatia et agro Labeatium auctore Josepho Valentinelli propraefecto Bibliothecae S. Marci Venetiarum. Venetia. Typis Caecilianis et Soc. MDCCCXLII*—читаемъ на стр. 96, подъ № 306: *Georgius Hispanus — De rat. med. eos qui a clim. Rbacusae nati sunt. Codex ineditus. Auctor floruit saeculo XV.*

кажется вниманія и невольно возбуждаетъ вопросы, которые въ свою очередь вызываютъ изысканія.

Не было ли и еще Испанцевъ въ этотъ періодъ въ Дубровникѣ и въ Далмаціи? Едва ли не странно было бы утверждать, что два замѣчательныхъ челоѵка, природныхъ Испанца, служившіе въ Дубровникѣ, были единственные Испанцы, жившіе въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи въ продолженіи XV в.? Едва ли будетъ не поосновательнѣе предположить, что въ XV в. въ Дубровникѣ и вообще въ Далмаціи перебивало, если не очень много, то и не мало Испанцевъ, которые не всѣ же должны были быть людьми замѣчательными, оставляющими по себѣ память потомству? Наконецъ можетъ даже и были въ числѣ ихъ и другіе, весьма достойные люди, о которыхъ Аппендинъ или вовсе не зналъ, или зналъ, да почему либо не нашелъ нужнымъ упомянуть. Сочиненіе его, писанное слишкомъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, правда весьма добросовѣстное, тѣмъ не менѣе исполнено великихъ пробѣловъ, недостатковъ и пропусковъ. Великое множество драгоценныхъ документовъ и источниковъ исторіи Дубровника, Далмаціи лежитъ въ библіотекахъ и архивахъ¹. Только по изданіи огромной массы источниковъ и тщательномъ, критическомъ ихъ изслѣдованіи, можно будетъ рѣшительно утверждать то или другое; въ настоящее же время принужденные ограничиваться предположеніями, мы для осторожности должны останавливаться на наиболѣе вѣроятныхъ, наиболѣе согласныхъ съ разумомъ и съ обыкновеннымъ ходомъ дѣлъ.

Между тѣмъ, едва ли бы тотъ не поступилъ очень опрометчиво, кто назвалъ бы возбуждаемые здѣсь вопросы пустыми, неумѣстными: — рождаемые не изъ пустаго любопытства, они въ свою очередь будятъ самодѣятельность, кажется еще слишкомъ дремлющую въ насъ, Славянахъ, и указываютъ намъ на вопіющую, настоятельную необходимость приняться нынѣ всѣмъ сообща за подробное и всестороннее изученіе нашей исторіи.

Нельзя также не указать на одинъ любопытный фактъ, понынѣ, сколько мнѣ извѣстно, не обращавшій на себя вниманія уче-

1. См. въ Приложеніяхъ.

ныхъ, а между тѣмъ вполне его заслуживающей, особенно же по отношенію къ возбуждаемымъ здѣсь вопросамъ.

За сообщеніе этихъ данныхъ считаю долгомъ привести искреннюю благодарность почтенному Славянисту нашему И. И. Срезневскому, который въ совершенное имъ въ началѣ 40-хъ годовъ путешествіе по Далмаціи, проѣзжая однажды изъ Сплита (Spalatro) на островъ Курчулу (Curzola), услышалъ отъ жителей, что на полуостровѣ *Пелешаць* (Sabbioncello) живутъ *Шпаньелы*, т. е. Испанцы. Отправившись на Пелешаць, почтенный профессоръ на-шелъ въ селеніи *Оребичь*¹ чистыхъ Сербовъ, какъ по языку, такъ и по нравамъ и обычаямъ, которые однако не только у окрестныхъ жителей, но и у себя дома называются Шпаньелами. Женщины селенія Оребичь (какъ записалъ у себя въ дорожной книжкѣ И. И. Срезневскій, которую онъ и сообщилъ мнѣ) необыкновенно хороши собою, съ большими черными глазами, типъ ихъ — Испанскій, нарядъ ихъ — не вполне Славянскій; сверхъ *кошули*, подъ корсетомъ носятъ онѣ такъ называемую *халькину*, т. е. синюю сукню съ широкою красною и желтою каймою. На груди у нихъ ожерелье съ дукатами, какъ и у нашихъ Малороссіянокъ. Головной же уборъ ихъ съ лентами, цвѣтами и перьями, — уже не Славянскій, — называется *клубукъ* и *пенаткиъ*, вѣроятно отъ стариннаго Испанскаго слова *repa* цера (по-Итальянски реппа)².

Эти Шпаньелы — или природные Сербы, что жили долго въ Испаніи и переняли нѣкоторые Испанскіе обычаи, — или урожденные Испанцы, когда-то поселившіеся на полуостровѣ Пелешаць, съ теченіемъ времени утратившіе свою народность и принявшіе Славянскую.

Если бы то были природные Славяне, что явились изъ Испаніи въ Оребичь недавно, напр. въ 17 стол., то едва ли бы не утратили они малѣйшіе слѣды временнаго пребыванія своего въ

1. Portolano del mare Adriatico compilato sotto la direzione dell'istituto Geografico Militare dell' I. R. Stato Maggiore Generale dal Capitano Giacomo Marieni. 1830. «Gli abitanti di Orebiccio sono numerosi e la più parte dediti alla navigazione» (р. 391). Объ *Оребичь* вообще см. также стр. 390—391.

2. Въ находящемся у меня подъ руками Испанскомъ словарѣ не нахожу слова *repa*: вѣроятно оно теперь вышло изъ употребленія. См. Dict. Espagnol. Français... par Joseph de Fonseca. Paris, 1852. Сравни *reyola* и *pendola*.

Испанія и не постарались скорѣе избавиться отъ названія, которое въ такомъ случаѣ дано бы было имъ въ насмѣшку и по-лавно уже сами себя понинѣ они не называли бы Шпаньелами. Если бы они прибыли въ Орбичъ изъ Испаніи въ XVIII стол., то конечно сохранили бы память о своемъ прибытіи.

Если же то были природные Испанцы (какъ то гораздо вѣроподобнѣе), то они должны были поселиться между Славянами никакъ не позже начала XVI и конца XV стол., если еще не раньше.

Съ ними должны были быть женщины. Двѣ же или три семьи не могли еще дать названія цѣлому селенію, даже, если бы прибыли и очень недавно. Жители селенія Орбичъ многочисленны — *gli abitanti di Orbiccio sono numerosi e la più parte dediti alla navigazione.*

Слѣдовательно съ самаго начала этихъ Испанскихъ поселенцевъ должно было быть довольно много, почему они могли долго сохранять свою народность. Наконецъ потеря народности не могла происходить иначе, какъ очень медленно: сначала говорили по-Испански, и довольно долго, такъ какъ у нихъ были съ собою женщины, потомъ стали говорить по Славянски, но не чисто, искаженно, затѣмъ разучились языку Испанскому, бросили свои наряды, обычаи и обратились въ чистыхъ Славянъ. Такое превращеніе совершиться скоро не могло. По этимъ основаніямъ пишущій эти строки всего лучше полагалъ бы начало этой колоніи отнести къ настоящему періоду, т. е. къ окончанію XV в., если еще не раньше.

Испанцы, жившіе въ XV в. въ Дубровникѣ и получавшіе въ немъ права гражданства, конечно выучивались языку Славянскому, и имѣя друзей между Славянами, знакомили ихъ съ своимъ отечествомъ, его языкомъ, правами и обычаями. Знакомясь съ Испанією черезъ ея дѣтей, служившихъ Дубровнику, многіе Славяне въ этомъ періодѣ были близко знакомы съ нею и лично, такъ какъ въ XV в. торговыя сношенія Дубровника съ Испанією, не перестававшія по всей вѣроятности съ XI в., не только давали Славянамъ возможность, но и рѣшительно заставляли ихъ выучиваться языку Испанскому. Если Испанцы могли быть и дѣйствительно бывали гражданами Дубровника, то

нѣтъ ни малѣйшей надобности утверждать, что Дубровничане съ своей стороны не могли и дѣйствительно не переселялись въ Испанію и не служили въ ней.

Абу-Джафаръ Ибнъ-Хатима, родившійся въ 1323 — 4 г., такъ описываетъ Альмерию, гдѣ въ XI в. царствовали одинъ за другимъ два брата Славянна. «Альмерія есть величайшій рынокъ въ Андалузїи; христіанскіе купцы *всѣхъ націй* являются въ ея портъ и имѣютъ въ ней свои факторїи. Отсюда христіанскіе торговцы отправлялись въ разныя мѣста и рынки внутри страны, гдѣ и закупали нужные товары. Таможенный сборъ, взимаемый съ купцевъ христіанскихъ, доходилъ до весьма значительной суммы и превосходилъ все, что собирали въ другихъ морскихъ портахъ...» (Gayang.).

Конечно въ числѣ этихъ купцевъ не мало было и южныхъ Славянъ. Безспорно ихъ много перебывало въ Испанїи XV в. и, судя по Испанцамъ у Славянъ, напр. граждане Дубровника отъ частаго и долгаго пребыванія въ странѣ, вступали съ Испанцами въ дружескія и родственныя связи, знакомили ихъ въ свою очередь съ своимъ народомъ, его языкомъ, нравами и обычаями.

Но быть можетъ возразятъ: «кому въ Испанїи XV в. могла явиться охота заниматься судьбою Славянъ? Чѣмъ могло племя наше заинтересовать тогдашнихъ Испанцевъ? Что въ немъ было сильнаго, живаго, особеннаго, которое могло бы возбудить ихъ вниманіе, заставить говорить и спрашивать, искать жадно случаевъ ко всякаго рода свѣдѣніямъ о немъ?»

Каждый образованный Европеецъ всегда зналъ, что Чехи, Поляки, Сербы, Русскіе и проч. принадлежатъ къ одному племени и говорятъ почти однимъ и тѣмъ же языкомъ. Испанцы этого періода, сносясь съ единовѣрными имъ южными Славянами, очень хорошо знали, что Чехи были ихъ соплеменниками, а вопросъ Чешскій долго волновалъ весь тогдашній католическій міръ, въ которомъ и современная Испанія занимаетъ не послѣднее мѣсто.

На церковномъ соборѣ въ Констанцѣ, гдѣ присутствовало, кромѣ папы и Римскаго императора, 30 кардиналовъ, 4 патріарха, 33 архіепископа, 150 епископовъ, нѣсколько сотъ другихъ прелатовъ, докторовъ и проч., 4 курфирста,

24 князя и герцога, 78 графовъ. 676 большихъ и малыхъ дворянъ со всѣхъ земель, — Чехъ Янъ Гусъ за свои еретическія мнѣнія приговоренъ былъ духовными отцами къ сожженію или, по собственному ихъ выраженію, тѣло его препоручили они власти свѣтской, а душу дьяволу. 6. іюля 1415 г., посреди огромной толпы зрителей, сожженъ былъ великій Славянскій мученикъ. Его святая смерть глубоко поразила и угнетенныя массы запада, и самихъ палачей его, суровыхъ представителей господствовавшаго тогда въ Европѣ Римско-Нѣмецкаго направленія, папско-феодалныхъ порядковъ: народъ, толпившійся при казни, говорилъ: «Мы не знаемъ, въ чемъ онъ виновенъ; знаемъ только, что онъ молится, что онъ говоритъ, какъ истинный праведникъ». А строгой фанатикъ, Эней Сильвій сказалъ про него: «Онъ шелъ на смерть, какъ на веселый пиръ; ни одинъ вздохъ не вылетѣлъ изъ груди его; нигдѣ не обнаружилъ онъ ни малѣйшаго признака слабости. Среди пламени, онъ до послѣдняго издыханія возносилъ молитву къ Отцу!....» Конечно молва объ этомъ чудномъ еретикѣ на замедлила распространиться изъ Констанца (гдѣ въ то время по случаю собора находилось едва ли менѣе 50,000 иностранцевъ обою пола) по всѣмъ краямъ Европы, проникла такимъ образомъ и въ Испанію, на Пиринейскій полуостровъ, который на соборѣ имѣлъ тоже своихъ представителей. — Быть можетъ только, что успѣли разнестись по западной Европѣ слухи о смерти Гуса, какъ 30 мая 1416 г. другой великій Славянинъ, его пылкій и вѣрный другъ, Іеронимъ Пражскій, за тѣ же мнѣнія, тѣмъ же соборомъ Констанцскимъ былъ приговоренъ къ такой же казни. Самъ очевидецъ, Фрей, историкъ собора Констанцскаго, замѣтилъ, что «объ Іеронимѣ жалѣли всѣ присутствующи-

1. См. соч. г. Новикова, стр. 106 и 107. Когда 6 іюля въ церкви Констанцской читали Гусу приговоръ, то онъ неоднократно прерывалъ его, говоря, что онъ явился на соборъ для оправданія своего. повѣривъ императору и его охранной грамотѣ. Сигизмундъ попросилъ, когда при этихъ словахъ Гусъ устоялъ на него свои вооруженія. Въ этомъ фактѣ нельзя сомнѣваться: о томъ говоритъ Младеновичъ; его зналъ изъ устнаго источника и императоръ Карлъ V, который, на предложенный ему на имперскомъ сеймѣ совѣтъ — повелѣть связать Лютера, не смотря на вѣрительную грамоту, отвѣчалъ такимъ образомъ: «я не хочу краснѣть, какъ предокъ мой Сигизмундъ». Palacky. D. III, S. 1. roznam. 304).

шіе, одинъ онъ не жалѣлъ о себѣ». (Omnibus erat misereandus, eo dempto, quod sui ipsius poluerit misereri). — По сохраненному намъ извѣстію Поджіо Бракчіолини, знаменитаго Итальянца, можно нѣсколько возстановить то потрясающее дѣйствіе, которое произвелъ тогда на Западъ великій соплеменникъ нашъ, убѣждавшій в. к. Литовскаго Витовта принять вѣру нашихъ Русскихъ предковъ, посѣщавшій, къ великому неудовольствію католическаго Польскаго духовенства, въ Витебскѣ и Псковѣ Русскіе храмы¹.

Не могла остаться безызвѣстною на Западѣ смерть втораго великаго Славянскаго мученика. За тѣмъ возникло единственное въ исторіи Европы движеніе Чеховъ, которое не увѣнчалось полнымъ успѣхомъ отчасти по слабости средствъ пропаганды: чудное изобрѣтеніе Гутенберга явилось вѣкомъ позже; отчасти по новости и смѣлости идей, къ которымъ другіе народы еще мало были тогда подготовлены, почему Чехи и не встрѣтили въ нихъ того сочувствія, которое могло бы ихъ поддержать. Король Вацлавъ IV вскорѣ по смерти Гуса и Іеронима, заиѣтилъ однажды любимцу своему одноглазому *Жижкѣ изъ Троцнова*, зачѣмъ онъ все ходитъ такимъ сумрачнымъ и задумчивымъ. Отвѣчалъ ему Жижка: «Какой же Чехъ можетъ хладнокровно смотрѣть на то, что чужеземцы бранятъ, унижаютъ и оскорбляютъ народъ нашъ, какъ еретиковъ, — сжигаютъ въ далекихъ краяхъ благороднѣйшихъ мужей нашихъ, словно злодѣевъ какихъ». Собиралась страшная гроза, народъ Чешскій помышлялъ о мшени, и въ то же время готовился съ оружіемъ въ рукахъ отстаивать свои убѣжденія.

16 августа 1419 г. умеръ Вацлавъ IV. Сигизмундъ въ то время проживалъ въ Уграхъ, въ Будинѣ и вмѣсто того, чтобы тотчасъ же отправиться въ Прагу, назначилъ правительницею надъ Чехами вдовствующую королеву Софію, придавъ ей совѣтниковъ изъ нѣсколькихъ преданнѣйшихъ ему знатнѣйшихъ дворянъ, а самъ рѣшился обратиться на Турокъ, стоявшихъ тогда у границъ Угорскихъ.

Чины Чешскіе, собравшись по смерти Вацлава, положили,

1. См. въ Приложеніяхъ.

что Сигизмундъ обязанъ дать свободу вѣроисповѣданія, слова и обряда причащенія подѣ обоими видами; просить у папы о снятїи проклятїи и о разрѣшенїи чаши, заботиться о томъ, чтобы лица духовныя не владѣли имуществами и людьми, по правамъ свѣтскимъ, а чтобы, какъ слѣдуетъ по закону Божьему, получали нужное имъ содержаніе отъ лицъ свѣтскихъ; чтобы папскія буллы и грамоты получали свою силу въ землѣ не прежде, чѣмъ одобрить ихъ король съ своимъ совѣтомъ; чтобы въ цѣлой землѣ запрещено было Гуса и Иеронима называть еретиками; чтобы не принимали чужеземцевъ ни въ какія должности, ни въ духовныя, ни въ свѣтскія, и особенно, чтобы въ городахъ Нѣмцы не занимали никакихъ должностей, которыя могли бы быть заняты Чехамъ; чтобы суды и жалобы производились въ Чехїи на языкѣ Чешскомъ, чтобы Чехи повсюду въ городахъ и въ королевствѣ имѣли бы первый голосъ. — Сигизмундъ на всѣ эти условія отвѣчалъ уклончиво.

Между тѣмъ новое ученье все глубже и глубже распространялось въ народѣ Чешскомъ, который съ любовью и радостїю слушалъ своихъ проповѣдниковъ. Янъ Жижка и его великій другъ (по свидѣтельству самихъ враговъ его — *vir magni consilii et providentiae*), къ крайнему несчастію для Чеховъ слишкомъ рано похищенный смертію, Микулашъ изъ Гуси († 1420 г.), очень хорошо понимая, что необходимо будетъ прибѣгнуть къ оружію и не обманывая себя на счетъ силы противниковъ, рѣшились обучить народъ военному дѣлу. Зная однако направленіе массъ, въ которыхъ изученіе библіи все больше распространялось¹, они обратились предварительно къ университету Пражскому съ вопросомъ: «прилично ли вооруженною рукою защищать свободу слова Божьяго? не запретить

1. Эней Сильвий рассказываетъ, что въ бытность его въ Таборѣ явились къ нему, кромѣ священниковъ Таборскихъ, «*scholares et cives plurimi, latinum edocti sermonem; nam relictum genus illud hominum hoc solum boni habet, quod literas amat*». А въ другомъ мѣстѣ онъ же говоритъ: «*Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse; apud Taboritas vix mulierculam invenias, quae de Novo Testamento et Veteri respondere nesciat*». Въ Чехїи еще до смерти Гуса написала одна женщина на Чешскомъ языкѣ небольшое разсужденіе: Защита Гуситовъ. Этотъ любопытный памятникъ понынѣ еще не отысканъ (Pal. D. III, §. 1. розпач. 286).

ли этого Спаситель, приказавшій св. Петру вложить мечъ въ ножны». Послѣ долгихъ преній и совѣщаній Пражскихъ ученыхъ богослововъ, данъ былъ такой отвѣтъ, написанный мистромъ Якубкомъ изъ Стржибра: «къ оружію обращаться дозволяется только въ случаѣ крайней необходимости, для спасенія жизни, но, прибавлялось, не христіанское дѣло — желать распространять слово Божіе съ помощію оружія; истинный христіанинъ побѣждаетъ своего противника терпѣніемъ, а обращаетъ его любовію и поученіемъ; но если жестокой непріятель замыслилъ бы искоренить всѣхъ вѣрныхъ христіанъ дикимъ насиліемъ, и если не отыщется иного средства защиты и самохраненія, то не только можно, но и должно защищать мечемъ послѣдователей истины». «Жижка, — говоритъ Палацкій, — противъ своихъ непріятелей, средневѣковыхъ феодальныхъ войскъ, привычныхъ къ войнѣ и тяжелому вооруженію, могъ противопоставить только городскихъ обывателей и ремесленниковъ, толпы поселянъ, которые не имѣли ничего, кромѣ природной силы, телѣтъ и цѣповъ, безпредѣльной преданности и отваги. По этому изобрѣтн новый способъ войны, Жижка приказывалъ обивать цѣпы желѣзомъ, закрывать телѣги тысячами съ обѣихъ сторонъ досками, соединять ихъ между собою цѣпями и приучаться къ искуснымъ ихъ поворотамъ. Такимъ образомъ явились тѣ подвижныя крѣпости (*hradby wozowe*), при одномъ видѣ которыхъ сильно билось сердце у закованнаго въ сталь рыцаря, и лучшія войска Европы предавались бѣгству. Не думаемъ, чтобы можетъ быть большая храбрость и тѣлесная сила или наконецъ одно одушевленіе производили такіе дивные подвиги: то были зачатки новаго военного искусства, приобрѣтенные навыкомъ, стройные ряды и маневры, искусно размѣренныя и быстрыя построения, точные повороты и всегда во время по мановенію вождя исполненныя движенія, — однимъ словомъ всѣ признаки правильно устроеннаго войска, выставленнаго противъ многочисленнѣйшихъ войскъ, прекрасно вооруженныхъ, но дѣйствовавшихъ въ бою безъ единодушія, безъ склада и ладу»¹.

1. См. въ Приложеніяхъ.

Сигизмундъ, зная расположеніе умовъ въ Чехахъ и притомъ вступая на престолъ Чешскій съ твердымъ намѣреніемъ идти на перекоръ желаніямъ народа, считая ихъ слишкомъ еретическими, — Сигизмундъ, давшій Гусу охранную грамоту и предавшій его сожженію, рѣшился обратиться съ просьбою о помощи къ папѣ Мартину V, который по его просьбѣ и выдалъ 1 марта 1420 г. буллу «*Omnium plasmatoris domini*», въ которой призывалъ все христіанство къ оружію «для искорененія Вилкелфистовъ, Гуситовъ и другихъ еретиковъ». Сигизмундъ просилъ также Нѣмецкихъ князей помогать ему противъ Чеховъ, для искорененія въ нихъ богопротивной ереси. Вѣроятно, желая на дѣлѣ доказать свое искреннее благочестіе, а можетъ просто въ удовлетвореніе своихъ сердечныхъ движеній, въ Бреславлѣ (гдѣ въ то время происходилъ сеймъ Нѣмецкій и присутствовало множество архіепископовъ, епископовъ, разныхъ князей Нѣмецкихъ ближнихъ и дальнихъ), императоръ высочайше повелѣлъ казнить одного еретика: его живого волокли лошадыми по улицамъ, а потомъ сожгли. То былъ одинъ Пражскій купецъ Янъ Краса, который, будучи въ Бреславлѣ, какъ-то рѣзко отзывался о соборѣ Констанцскомъ и церкви Римской, и настаивалъ на необходимости обряда причащенія подъ обоими видами.

Папская булла была разослана по всей Европѣ: такимъ образомъ не было земли на Западѣ, гдѣ бы тогда не знали Чеховъ. Испанцы вскорѣ узнали о нихъ не по однимъ слухамъ. Въ первомъ крестовомъ походѣ на Чеховъ — кромѣ множества другихъ иностранцевъ, принимали участіе и Испанцы¹: всѣ надѣялись, узнавъ буллу папскую, святымъ и боголюбивымъ дѣломъ, — искорененіемъ нечестивыхъ еретиковъ, — по-

1. Палацкій говоритъ: «*Sauwěcí spisowatelé čeští připominají ne bez jakési chlauby, zejména Uhry, Chorwáty, Dalmaty, Bulhary, Sikuly, Walachy, Chuny, Jazy, Rusíny, Rasy, Slowaky, Krajince, Korutance, Štyráky, Rakušany, Bawory, Franky, Šwáby, Šwejcary, Francausy, Aragonce čili Španiely, Angličany, Brabantské, Hollandčany, Westfaly, Sasiky, Durinky, Foitlandčany, Mišenské, Srby, Marčany, Slezáky, Poláky, Morawany i konečně Čechy anewěrné*» а т. д. Jen z Italie i ze Skandinávie nikdo se nejmeneje». Впрочемъ изъ Итальянцевъ, кромѣ нѣсколькихъ прелатовъ, были при Сигизмундѣ два нагѣстныхъ воителя — Брунорій де ла Скала изъ Вероны и Георгій де Вальперга. (D. III, č. 1, str. 331—332).

лучить себѣ прошеніе грѣховъ. — Войско крестоносцевъ доходило до 100,000 человекъ. Фридрихъ, маркграфъ Бранденбургскій, привелъ 10,000, оба Мейссенскихъ маркграфа до 30,000 человекъ. Въ войскѣ присутствовали король, всѣ курфюрсты, кромѣ Саксонскаго, Албрехтъ, герцогъ Австрійскій, три князя Баварскихъ, два Мейссенскихъ маркграфа, пять князей Силезскихъ, всего владѣтельныхъ князей 43 человекъ, кромѣ того Аквилейскій патріархъ, великое множество епископовъ и прелатовъ, имперскихъ графовъ, дворянъ и рыцарей со всѣхъ земель. «То было, говоритъ Палацкій, одно изъ многочислѣннѣйшихъ и сильнѣйшихъ войскъ, когда либо собиравшихся въ цѣломъ христіанствѣ на общій походъ». 30 июня 1420 г. обложили крестоносцы Прагу, а 14 іюля были окончателно отбиты: императоръ ворочался съ князьями въ лагерь молча, мрачный и гнѣвный, а Пражане, на самомъ мѣстѣ битвы павъ на колѣна, стали громко пѣть Тебе Бога хвалимъ; вся Прага предавалась невыразимой радости. — Уже не кричали теперь, говорятъ Чешскій лѣтописецъ, какъ прежде, Нѣмцы: Hus! Hus! Касег! Касег!, теперь они ежедневно и потихоньку размышляли о томъ, какъ бы имъ оставить Чехію и убраться во свояси. Прага ни въ чемъ не нуждалась, кромѣ соли, а крестоносцы во всемъ чувствовали великій недостатокъ: въ лагерѣ ихъ, къ довершенію бѣдствія, появилось множество разныхъ насѣкомыхъ и гадовъ. Сигизмундъ, по словамъ современной Чешской рукописи, «не желая воевать съ Пражанами, началъ новую войну съ гадами, жабами и мышами, скорпіонами и мухами; а увидавъ, что и этого непріятели не одолѣть ему, пустился въ бѣгство». — Стараніями знатныхъ Чеховъ, умѣвшихъ сочетать съ преданностью и любовью къ отечеству привязанность къ Сигизмунду, онъ вступилъ въ переговоры съ Прагою, гдѣ 28 іюля 1420 г. онъ и былъ коронованъ. Однако Сигизмундъ, считавшій священною своею обязанностию — искорененіе ученій, которыми Чехи были отъ всей души преданы, не могъ долго оставаться въ землѣ Чешской: въ февралѣ 1421 г. онъ бѣжалъ изъ нея, провожаемый народною ненавистью. Въ пятнадцатилѣтній періодъ до 1436 г., когда снова былъ принятъ Сигизмундъ въ Прагу, — Чехи, управляемые республикански, явили

такіе чудныя примѣры дерзкой отваги и энергической предприимчивости, что заставили всю Европу говорить о себѣ и бояться ихъ. Не говоря о неудачномъ исходѣ двухъ слѣдующихъ крестовыхъ походовъ на Чеховъ, напомнимъ только о совершенномъ пораженіи огромнаго войска крестоносцевъ, подъ начальствомъ кардинала папскаго Генриха Бельфорта, епископа Винчестерскаго, у Стржибра, 4 авг. 1427 г., когда крестоносцы въ числѣ, достаточномъ для порабоженія всей Чехіи, постыдно бѣжали, до начала битвы. Напрасны были всѣ мольбы и угрозы кардинала, который, схвативъ имперскую хоругвь, разорвалъ ее въ сильномъ гнѣвѣ передъ князьями и кинулъ ее съ страшными ругательствами къ ногамъ ихъ; наконецъ, не желая попасть въ руки еретиковъ, и онъ долженъ былъ пуститься за одно съ ними въ бѣгство. Не забудемъ также и страшнаго пораженія крестоносцевъ подъ начальствомъ кардинала Юліана при Домажлицахъ, 15 авг. 1431 г., когда многочисленное войско изъ 40,000 челов. конницы и 90,000 пѣхоты, завидѣвъ только приближавшихся Чеховъ подъ начальствомъ незабвеннаго Прокопа, пустились въ самое беспорядочное бѣгство: изъ четырехъ тысячъ возовъ Нѣмецкихъ вернулось во свояси только триста, бѣжавшіе раньше другихъ; Чехамъ достались въ добычу всѣ пушки, множество пороху, съѣстныхъ припасовъ, денегъ, всякаго оружія, знаменъ, драгоценныхъ одеждъ, золотыхъ и серебряныхъ вещей, самая булла папская, которая взывала къ христіанству для истребленія Чеховъ, золотой крестъ кардинала, его шапка и весь нарядъ кардинальскій. — Не умолчимъ и о тѣхъ наступательныхъ дѣйствіяхъ Чеховъ на Нѣмцевъ, что чинили они съ 1427 г., то на Австрію и Силезію, то на (нынѣшнюю) Саксонію¹. Въ нач. 1430 г., между Гриммою и Лейпцигомъ собралось до ста тысячъ Нѣмецкаго войска подъ знаменами Фридриха, герцога Саксонскаго, Іоанна, маркграфа Бран-

1. Чехи въ 1429 г. предприняли нападеніе на Саксонію съ великими силами: у нихъ было 4,000 конницы, 40,000 пѣхоты и 2,500 военныхъ повозокъ. «Хотя, говоритъ Палацкій, они могли бы совершенно овладѣть страной, но Чехи не помышляли о расширеніи государства, а только о нанесеніи вреда непріятелю; направление религиозное задушило всѣ политическіе планы; потому Гуситы и не хотѣли брать на чужбинѣ укрѣпленныхъ городовъ». (D. III, с. 2, стр. 104).

денбургскаго, Вильгельма, князя Брауншвейгскаго, Фридриха, ландграфа Турингскаго, архіепископа Магдебургскаго и другихъ епископовъ, дворянъ и городовъ имперскихъ. Отрядъ Нѣмцевъ былъ разбитъ, войско ихъ, не вступая въ битву, ушло въ Лейпцигъ. Чехи же, раздѣлившись на пять отрядовъ, свободно раздѣзжали по всему краю и производили въ немъ опустошенія: а Нѣмцы, по словамъ современника, не смѣли выступить въ поле противъ Чеховъ. Они обратились на югъ отъ Лейпцига къ городу Альтенбургу, за тѣмъ къ Герову, который они взяли мгновенно. Другими отрядами Чешскими взятъ былъ городъ Шлавно, и побито множество тамошнихъ и окрестныхъ обывателей; не мало также было взято въ плѣвъ. Вскорѣ послѣ того по всей имперіи Нѣмецкой стали укрѣплять города, особенно въ Турингии, и тотчасъ бѣжали жители, какъ только приближалось войско Чешское. Черезъ городъ Гофъ, который сожгли, далѣе черезъ Мюнхбергъ, направились Чехи одни на Байрейтъ, другіе на Кульмбахъ и Плассенбургъ. Разоривъ Байрейтъ и Кульмбахъ, Гуситы обратили свою грозу на Эшенбахъ, Ауэрбахъ, Вейшенфельдъ, Хольфельдъ, Вейсмейнъ, Шеслицъ и окрестности. Бамбергцы, при приближеніи Гуситовъ, толпами пустились въ бѣгство, проклиная капитулу и епископа за то, что они никогда не соглашались на ихъ прежнія просьбы укрѣпить городъ. Бамбергъ разорили Чехи еще ужаснѣе, чѣмъ то обыкновенно дѣлали. Но скорѣ подоспѣлъ, какъ ангель-спаситель Нѣмцевъ, курфирстъ Бранденбургскій Фридрихъ, который вступилъ въ переговоры съ Чехами. Они согласились заключить перемиріе (отъ 6 февр. до 25 іюля 1430 г.) и вернуться во свояси, за что обязались заплатить: Бамбергцы и Форшгеймцы — 12,000 реймск. гульденовъ, Нюрнбергцы — столько же, курфирстъ Фридрихъ — 9,000, князь Баварскій — 8,000 и другіе — менѣе значительныя суммы. — 21 февраля 1430 г. вернулись Чехи въ Прагу. Не совсѣмъ однако доволенъ былъ народъ таковымъ окончаніемъ. «Такихъ прекрасныхъ походовъ, — говоритъ старій лѣтописецъ Чешскій, — никогда еще не предпринимали Чехи на Нѣмцевъ, по крайности о томъ не писано нигдѣ въ лѣтописяхъ и не извѣстно старикамъ. Если бы однако, подобно старымъ Чехамъ, наши стояли за

честь свою, то дошли бы до Рейна и подчинили бы себѣ много земель: они же, набравши много добычи и денегъ, вернулись въ Чехію».

Было ли съ чего, спрошу у читателя, родиться въ Испанцахъ XV в. любопытству относительно Славянъ? Отчего было имъ не пользоваться сношеніями своими со Славянами южными для нѣкотораго ознакомленія съ соплеменниками ихъ, напр. Чехами? Что могло мѣшать такимъ распросамъ? Одно презрѣніе къ нашему племени, но его не питалъ къ Славянину Испанецъ, какъ не питаетъ и теперь. Отъ однихъ Нѣмцевъ онъ испытывалъ его, но въ XV в. имъ было кажется отъ Славянъ не до презрѣнія, послѣ того, какъ священныя тѣни Яна Гуса и Иеронима Пражскаго, своими смѣлыми голосами и своею праведною кончиною потрясшихъ весь тогдашній католическій міръ, подняли Чеховъ и вызвали незабвенныхъ, дорогихъ каждому Славянину, дѣятелей, подобныхъ Жижкѣ, Прокопу Великому, Юрію Подѣбрадскому. И Германія было тогда, кажется, не до презрѣнія, тѣмъ болѣе, что еще въ XIV в. Карль IV, Германскій императоръ и любимый король Чешскій, избравшій своею резиденцію Прагу, закономъ постановилъ, чтобы каждый Нѣмецкій курфирстъ обучалъ своихъ сыновей по Славянски.

Папа отпущалъ грѣхи и собиралъ во всѣхъ католическихъ земляхъ денежныя пожертванія и войска противъ Чеховъ, этихъ нечестивыхъ еретиковъ, стоявшихъ за чашу, т. е. за причащеніе въ обоихъ видахъ, за народный. Славянскій языкъ въ богослуженіи, не признававшихъ главенства папъ и громко протестовавшихъ противъ пагубнаго Римскаго ученія, по которому церковь Христова представлялась тѣломъ, у котораго глава папа, а члены кардиналы, — противъ Чеховъ, которымъ тогда сочувствовали, а сколько могли, и помогали ихъ соплеменники Поляки и предки наши Русскіе, вѣрѣ которыхъ сочувствовалъ и обряды которыхъ одобрялъ самъ великій Чехъ Иеронимъ, другъ и сподвижникъ Гусовъ.

«Побѣдою при Домажлицахъ, говоритъ Палацкій, Чехи достигли вершины всемірнаго могущества и дѣятельности. Никогда еще судьба міра не зависѣла въ такой степени отъ дѣлъ Чешскихъ, какъ въ то время, а неодолимость пробужденнаго

народа, никогда еще не проявлялись въ такихъ яркиxъ и блестящихъ подвигахъ. Всѣ двѣнадцатилѣтнія усилія Европы привели къ тому только, что Чехи подъ конецъ стали еще могучѣе и непобѣдимѣе, чѣмъ были въ началѣ. Лучшіе полководцы своего времени затеряли свою славу въ Чехахъ; многочисленные войска, выводимыя въ поле соединенными стараніями и усиліями властей свѣтской и духовной, боялись даже дожидаться Гуситовъ и вступити съ ними въ бой. Погромами при Стржибрѣ и Домажлицахъ, подобныхъ которымъ не запомнить исторія, узналъ весь свѣтъ, что напрасны всякіе новые походы на Чеховъ¹.

Уроженецъ Дубровника, Янъ Стойковичъ, одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ собора Базельскаго, оказавшій католическому и вообще тогдашнему Римско-Нѣмецкому міру услуги великія, служившій ему съ необыкновенною энергіею, конечно достойною, тѣмъ болѣе отъ Славянина, гораздо лучшаго дѣла, — передалъ между прочимъ одинъ фактъ, раскрывающій всю силу впечатлѣнія, произведеннаго на соборъ Базельскій пораженіемъ при Домажлицахъ: «29 Августа послѣ полудня, — говорятъ онъ, — когда представители собора и гражданъ сошлись у проповѣдниковъ (praedicatores), то представители гражданъ сказали, что получены извѣстія о томъ, что войско отступило изъ Чехіи въ великомъ замѣшательствѣ и съ огромною потерею людей и воевъ. Услыхавъ объ этомъ, всѣ отцы были поражены ужасомъ и глубоко задумались; тогда еще сильнѣе возревновавъ къ преобразованію церкви, они поспѣшно обратились къ занятіямъ по дѣламъ собора».

Эней Сильвій живо представлялъ то любопытство и тѣ впечатлѣнія тогдашнихъ жителей и обывателей Базеля, что произвели на нихъ приглашенные на соборъ, Гуситы Чешскіе, при своемъ

1. «Намъ по крайности, — замѣчаетъ Палаціи, — не извѣстны другіе подобныя примѣры бѣгства такихъ многочисленныхъ силъ до начала сраженія. О томъ, какой они шумъ надѣлали тогда въ свѣтъ, свидѣтельствуеетъ одно извѣстіе въ современной рукописи Парижской бібліотеки подлѣ № 1503, л. 19, гдѣ съ заво: «circa festum Assumptionis Mariae fit illa fuga in populo, de qua per universum orbem narratur»; т. е. «около Вознесенія Пресв. Богородицы произошло то бѣгство въ народъ, о которомъ говорятъ по всему свѣту». (Pal. D. III, c. 2. str. 157—158.

въѣздѣ въ Базель, 4 янв. 1433 г. Все выбѣжало поглядѣть этихъ страшныхъ еретиковъ. Женщины, дѣти, — говорятъ онъ, — смотрѣли на нихъ изъ оконъ, съ кровель, указывали на нихъ пальцами, дивились странному ихъ наряду, ихъ грозимымъ лицамъ, суровому ихъ выраженію. Всего болѣе устремлено было общее вниманіе на Прокопа; припоминали, что это тотъ самый, который столько разъ разбивалъ многочисленныя войска вѣрныхъ, столько мѣстъ разрушилъ и завоевалъ, столько тысячъ людей погубилъ.

На соборѣ Базельскомъ присутствовало не мало Испанцевъ; одинъ изъ нихъ докторъ Іоаннъ Паломаръ, архидьяконъ Барселонскій, по назначенію отцевъ, былъ однимъ изъ числа четырехъ официальныхъ опонентовъ Гуситовъ; онъ же былъ однимъ изъ десяти пословъ собора Базельскаго въ Чехахъ¹ въ 1433 г.; другой Испанецъ Іоаннъ де Сеговіа, написавшій, какъ очевидецъ исторію этого собора (*hogum telator quia vidit et tunc scripsit, refert copiosius in multis*), сообщаетъ весьма много подробныхъ извѣстій о Чехахъ и потому служитъ однимъ изъ важнѣйшихъ источниковъ Чешской исторіи того времени².

Въ XV в. Чехи не только геройски защищали мечемъ свои убѣжденія, и переходили въ наступленіе, но и старались словомъ и убѣжденіемъ подѣйствовать на угнетенныя массы Запада, которыя уже начинали явно выражать Чехамъ свое сочувствіе, какъ узнали, что у нихъ не обращается вниманіе на происхожденіе: и богатый и бѣдный равно зовется *братомъ*, и знатный и нищій пользуются одинакими правами. Уже во Франціи, слѣдуя примѣру Чеховъ, въ двухъ крайхъ сталъ подниматься простой народъ противъ аристократіи; на соборѣ 1432 г. въ Буржѣ Французское духовенство жаловалось, что въ Дофинне собирались особыя денежныя пожертвованія на помощь Гуситамъ³. Чехи посылали манифесты къ Нѣм-

1. Pal. D. III, c. 2, str. 239.

2. Тамъ же, str. 213, 241—242.

3. См. D. III, c. 2, str. 163, гдѣ Палацкій указываетъ на «*Advisamenta prolocuta per domines praelatos et alios clerum regni Franciae et Delphinatus representantes, qui Bituris convenerunt ad mandatum D. Regis*» etc. ap. Marsi. XXIX, 402.

цамъ, обращались къ Венеціи, ища съ нею союза противъ Сигизмунда и Албрехта Австрійскаго. Въ своемъ посланіи къ Венеціанамъ отъ 10 іюля 1420 г. говорили между прочимъ Пражане, что Сигизмундъ торжественно клялся укротить и потушить возстаніе Чешское во что бы то ни стало, даже если бы пришлось для этого погубить и опустошить цѣлое королевство, край Чешскій вновь заселить другимъ народомъ, утратить не только всѣ свои короны, но и собственные тѣло и душу; что онъ сталъ еще свирѣѣе, когда его стали покорно просить о томъ, чтобы онъ не забывалъ земли, которая его родила, народа, въ которомъ онъ самъ выросъ¹. Палацкій указалъ на слова Іоанна де Сеговіа, который въ числѣ причинъ созванія Базельскаго собора приводитъ и то обстоятельство, что многочисленныя циркуляры Чешскіе распространялись по всѣмъ странамъ, проникали даже въ Испанію: — *Accidit rursus his diebus publicatas fuisse etiam usque ad Hispaniam plurimas copias diversarum et diffusarum epistolarum Bohemorum ex parte*².

Напомнимъ снова читателю о торговыхъ договорахъ Дубровника съ Испанією при Фердинандѣ и Изабеллѣ, не могу не замѣтить, что въ исторіи отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову нельзя не указать на тотъ также любопытный, кажется, фактъ, что въ Португаліи, въ царствованіе Іоанна II († 1495 г.) образовалось въ Лиссабонѣ общество ученыхъ подъ покровительствомъ короля, съ цѣлью заботиться о примѣненіи астролябіи къ мореплаванію, о мореходныхъ картахъ, объ улучшеніи таблицъ склоненія звѣздъ и проч.; что въ обществѣ этомъ принимали участіе: епископъ Діего Ортизь, епи-

---

«In Delphinatu est quaedam portio inter montes inclusa, quae erroribus adhaerens praedictis Bohemorum, jam tributum imposuit, levavit et misit eisdem Bohemis» etc. Cf. Raynaldi ed ann. 1432. § 6. Joh. de Segovia (MS).

1. Это посланіе, весьма обширное, находится въ одной современной рукописи въ библиотекѣ Угорскаго народнаго музея въ Пештѣ. См. Pal. D. III, с. 1, str. 337; см. тамъ же, str. 309. и *Archiv Český*, III, 210—212 — манифестъ Чешскій около 20 апрѣля 1420 г., разосланный по всей Чешской землѣ и въ чужіе края на нѣсколькихъ языкахъ и въ многочисленныхъ экземплярахъ.

2. Palacky D. III, с. 2, str. 111.

скопъ Камадилля, врачъ короля Родриго и Хозе, *Мартынъ Чехо* и др.¹.

Соображая всѣ предъидущія данныя, какъ и нѣкоторыя другія, пишущій эти строки рѣшается высказать свое искреннее желаніе вмѣстѣ съ надеждою, что оно не только будетъ со временемъ удовлетворительно исполнено, но и теперь встрѣтитъ полное сочувствіе въ каждомъ просвѣщенномъ читателѣ, желаніе того, чтобы было обращено строгое вниманіе на отношенія Славянъ къ Пиринейскому полуострову и въ настоящій періодъ, чтобы были обнаруживаемы и сводимы всѣ самыя малѣйшія по видимому извѣстія и данныя касательно этого вопроса, чтобы молодые ученые наши подошли бы съ этой стороны къ исторіи Испаніи и Португаліи, богатая литература которыхъ, — особенно рукописная, судя по однимъ теперешнимъ, ничтожнымъ свѣдѣніямъ, должна содержать въ себѣ еще много болѣе или менѣе замѣчательныхъ, и нынѣ вовсе неизвѣстнымъ данныхъ по Славянской исторіи, въ которой Русская составляетъ одну органическую часть.

ЖИИ. Время самаго цвѣтушаго состоянія Дубровника, его образованности, литературы, торговли и флота принадлежитъ XVI и отчасти XVII в. до 1667 г., когда постигло его страшное землетрясеніе, долго не позволявшее ему оправиться, а тамъ подоспѣла душеубійственная система езуитовъ, которая и тутъ также загубила народность и самобытность Славянскую, какъ и въ Чехахъ и въ Польшѣ. Не мало также матеріальныхъ и нравственныхъ силъ растратилъ Дубровникъ въ войнахъ Испаніи, которой онъ или лучше его граждане были вѣрными союзниками въ продолженіи всего этого періода. Дѣйствительно считаютъ, что съ 1584. до 1654 г., въ теченіи 70 лѣтъ, Дубровничане потеряли болѣе 178 судовъ, большихъ и малыхъ (*caracche, galeoni e navi*). Потерю эту, считая при семъ и иму-

1. Costa (I. da) Quintella: *Annaes da marinha Portugueza*. Lisboa. 1839. I, 189—190. См. ст. И. И. Срезневскаго въ Учен. Зап., кн. II, вып. 2, с. 253. Замѣчательно, что однимъ изъ первыхъ извѣстѣйшихъ типографщиковъ въ Севильѣ былъ нашъ же соплеменникъ Полякъ Станиславъ (въ к. XV и нач. XVI в.).

щество, оцѣнивали въ три милліона золотой монеты, при чемъ не взято въ расчетъ кораблей и судовъ съ разныхъ острововъ Далмаціи, граждане которыхъ также участвовали въ войнахъ Испаніи съ Франціею и Голландіею, когда Дубровничане понесли такіе значительные убытки¹.

Въ царствованіе Карла V (1510 † 1558 г.) Дубровникъ, получивъ отъ Испаніи весьма выгодныя торговыя права и преимущества, дозволилъ своимъ гражданамъ состоять на службѣ у Испаніи. Умная община Славянская всегда отличалась необыкновенно либеральною и осторожною политикою: состоя въ дружественныхъ связяхъ съ Портою Оттоманскою, правительство Дубровницкое не запрещало и не мѣшало въ то же время своимъ гражданамъ частными флотами участвовать въ войнахъ Испанцевъ съ Турками. Въ 1535 г. 4 Дубровницкихъ корабля участвовали съ Испанцами въ ихъ счастливомъ походѣ на Тунисъ. Въ 1541 г. 13 Дубровницкихъ кораблей, точно также сооруженныхъ частными людьми, участвовали въ неудачномъ походѣ Испанцевъ на Алжиръ, только 6 изъ нихъ спаслись и воротились цѣлыми въ Маіорку. На одномъ островѣ Меццо триста вдовъ оплакивало своихъ мужей. Въ 1552 г., когда паша Піали разбилъ Испанцевъ, напавшихъ на Триполи, 6 кораблей Дубровницкихъ погибло со всѣмъ своимъ экипажемъ.

Участіе Дубровничанъ въ дѣлахъ Испанскихъ не ослабло и при преемникахъ Карла, Филиппахъ Второмъ и Третьемъ. Такъ въ 1581 г. въ войну Португальскую 40 Дубровницкихъ большихъ судовъ потерпѣли сильное крушеніе у гавани Лиссабонской. Въ 1588 г. участвовали Дубровничане въ непобѣдимой армадѣ.

Вообще съ 1584 до 1654 г. не менѣе 300 Дубровницкихъ судовъ перебивало на службѣ у Испаніи, изъ нихъ 178 погибло.

Свѣдѣнія эти, далеко неполныя и недостаточныя; ясно однако обнаруживаютъ не только богатства и значеніе Дубровника въ это время, но и обширность и близость его связей съ

1. Appendini: Not. II, 228: «oltre le Navi e Galeoni dell'Isola di Meleda, di Lagosta, ed infra terra nell territorio di Sabbioncello, di Primorie, di Ponta, delle Brozze, e della città di Stagno, de'quali sono molti, che si passano sotto silenzio dagli Autori».

Испанію. Зная же его мудрую политику, высокое образованіе и предприимчивость его гражданъ, легко понять, что такими тѣсными сношеніями съ великою монархіею онъ не могъ не воспользоваться для расширенія своихъ торговыхъ связей. Дѣйствительно, еще въ первой половинѣ XVI в. Дубровничане ходили въ Гоа, въ Остъ-Индію, въ Персію и въ Америку¹.

Изъ Славянъ, служившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, не мало было людей замѣчательныхъ, оказавшихъ этой странѣ услуги большія, прославившихъ свой народъ, какъ бы закрѣпившихъ давнишнее его вліяніе и значеніе въ Испаніи и можно сказать окончательно завоевавшихъ всему нашему племени и возможность и право еще значительнѣйшаго вліянія въ будущемъ.

Пишущій эти строки считаетъ нужнымъ предварительно замѣтить, что предлагаемая ниже свѣдѣнія, весьма не полны, кратки и отрывочны, ибо онъ ничего не имѣлъ въ своемъ распоряженіи, кромѣ труда Аппендини, который далеко не могъ подробно распространяться о Славянахъ въ Испаніи, по самой специальности вопроса и наконецъ, что еще важнѣе, не имѣлъ всѣхъ нужныхъ для того матеріаловъ, большая часть которыхъ должна сохраняться въ Испаніи, въ ея богатыхъ архивахъ и библіотекахъ, почему прибавить кстаті, путешествіе Славяниста въ Испанію становится весьма необходимымъ.

Аппендини ограничился передачею весьма краткихъ извѣстій о нѣкоторыхъ изъ Славянъ, жившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи. Изъ Дубровничанъ предводителей частныхъ вооруженныхъ судовъ и адмираловъ эскадръ пользовались, говоритъ Аппендини, большимъ уваженіемъ въ Испаніи: *Николай Продангли*, графъ *Марулино*, сынъ Іоанна Сфондрати и графъ *Марулино*, сынъ Лоренцо Сфондрати. Они принадлежали къ отрасли фамиліи Григорія XIV, которая утвердилась въ Дубровникѣ съ 1490 года. Одинъ изъ этихъ Сфондрати имѣлъ случай въ 1571 г. спасти жизнь Филиппу III, который и одарилъ его за то большими наградами и назначилъ его начальникомъ Испанской эскадры, отъ чего впрочемъ тотъ отказался.

Нѣсколько человекъ изъ фамиліи *Озмучевичей* (переселив-

1. Engel: Gesch. d. Freyst. Rag. S. 208.

шейся въ Дубровникъ изъ Босвіи въ 1470 г.) *Юрій, Антонъ, Николай, Маркъ* и *Петръ* одни были капитанами, другіе начальниками эскадръ. Капитанъ Юрій послѣ многихъ подвиговъ потерялъ свою жизнь на кораблѣ своемъ съ 1800 человекъ экипажа на пути изъ Испаніи въ Италію. Антонъ погибъ въ сраженіи съ 7 Алжирскими галерами, которыя впрочемъ были разбиты. Николай разбилъ подъ Алжиромъ 7 Алжирскихъ галеръ и потопилъ капитанскій корабль (*la capitana*). Онъ погибъ въ войну Голландскую. Капитанъ Маркъ, послѣ долговременной службы на Океанѣ, за свои великія политическія дарованія былъ приглашенъ ко двору и въ Мадридѣ занималъ важныя государственныя должности. Петръ превзошелъ ихъ всѣхъ и заслугами и славою. Начальствуя эскадрою (*General-Comandante*) въ 12 большихъ трехмачтовыхъ кораблей (12 *grosse navi a tre alberi*) съ экипажемъ 3200 человекъ, онъ постоянно плавалъ въ Океанѣ и снискалъ своей эскадрѣ названіе *эскадры Индій или Океана* (*squadra dell'Indie o dell'Oceano*). Шесть кораблей принадлежало собственно ему, остальные шесть его роднымъ; экипажъ состоялъ изъ Дубровничанъ: въ Индіи и на Океанѣ онъ прослужилъ 26 лѣтъ при Филиппахъ II и III, отличился во многихъ сраженіяхъ, особенно въ 1596 г., когда одержалъ побѣду надъ нѣсколькими большими кораблями Англійскими (*parecchie grosse navi Inglesi*). Филиппъ II, изъ признательности къ его заслугамъ написавшій ему десять писемъ, пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Іакова Галиційскаго съ назначеніемъ, большаго оклада (*con una commenda di 3000 pezze l'anno*). Онъ былъ въ родствѣ съ первыми семействами грандовъ Испанскихъ; умеръ въ Лиссабонѣ¹.

Въ командованіи Испано-Дубровницкимъ флотомъ послѣдовали Охмучевичамъ *Юрій, Петръ* и *Степанъ Долисти*. Юрій отличался большими дарованіями и познаніями въ морскомъ дѣлѣ и въ гражданскомъ управленіи. Филиппъ III приписалъ его къ ордену св. Іакова (*ordine equestre*), а Франческо Медичи, великій герцогъ Тосканскій, назначилъ его командиромъ ордена св. Стефана. Петръ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ службы во флотѣ, за свои особыя дарованія былъ назначенъ вице-королемъ Запад-

1. Appendini: l. l. I, 199—200.

ной Индіи и осыпанъ великими почестями. Степанъ, храбрость и заслуги котораго были вознаграждены орденомъ св. Іакова, въ качествѣ начальника эскадры потерпѣлъ сильное крушеніе при островѣ Терсеры (a viste delle Jsole di Terzere). Одинъ домъ Охмучевичей потерялъ при этомъ несчастіи до 150 тысячъ пиастровъ. Потеря людей и денегъ была снова восстановлена людьми и деньгами Дубровника, а командованіе эскадры перешло въ руки *Лоренцо, Алигретто, Николая и Джироламо Машибрадичей*, сыновей *Ивана Машибрадича*, человѣка необыкновенно даровитаго и образованнаго, которому король Испанскій пожаловалъ богатый маркизатъ за оказанныя имъ многочисленныя услуги Испаніи. Лаврентій и Алигретто служили при дворѣ. Николай долгое время начальствовалъ эскадрою, потомъ по приглашенію Филиппа IV пріѣхалъ въ Мадридъ и въ награду за храбрость и мужество получилъ графское достоинство. Джироламо былъ женатъ на Маріаннѣ Фернандесъ Кордовской и Кастильской (di Cordova e Castiglia), а дочь его была замужемъ за Петромъ Феликсомъ де Сильва графомъ Сифуэнтесъ (Pietro Felice de Silva Conte di Sifuentes). То были знатныя Испанскія фамиліи. При Филиппѣ IV, въ продолженіи 20 лѣтъ, Джироламо Машибрадичъ командовалъ эскадрою въ качествѣ адмирала и ходилъ въ объѣзды Индіи. Принятый за свои заслуги въ орденъ Св. Іакова, онъ сдѣлалъ начальство надъ эскадрою, въ которой 7 кораблей были его собственныя, своему соотечественнику *Ивану Балакки* (Giov. Maria Balacchi), который вмѣстѣ съ *Николаемъ Пальмотичемъ*, человѣкомъ весьма замѣчательнымъ, съ другими искусными и мужественными капитанами и матросами, отличался подобно своимъ предшественникамъ въ Средиземномъ морѣ и въ Океанѣ.

Нѣсколько лицъ изъ фамиліи *Мартолошичей* и разныхъ другихъ фамилій съ острова Меццо, который гордится (per antica tradizione) тѣмъ, что далъ отличныхъ моряковъ еще первымъ плавателямъ въ Америку, также ознаменовали себя великими заслугами. Но, говорить Аппендини, недостатокъ источниковъ заставляетъ меня ограничиться свѣдѣніями, и то краткими, объ одномъ *Викентіи Буне*, въ великихъ заслугахъ котораго нѣтъ никакой возможности сомнѣваться. При Филиппахъ II и III онъ совершалъ плаванія въ Америку, много помогалъ въ Индіи рас-

пространенію христіанства, участвовалъ въ продолжительной войнѣ съ Бельгією при Филиппѣ II, занимался и другими дѣлами высокой важности, исправлялъ нѣсколько лѣтъ должность вице-короля въ Мексикѣ¹. На обратномъ пути въ Испанію онъ

f. Marina Saboga. (Прим. Аппендини). Кстати замѣчу здѣсь, что Славяне стали посѣщать Новый Свѣтъ очень рано: такъ Аппендини говоритъ, что жители острова Меддо сохраняютъ преданія о томъ, что ихъ предки ходили въ Америку въ первую эпоху ея открытія. То не покажется удивительнымъ тому, кто вспомнитъ о значеніи Дубровника въ XV в. Позволяю себѣ выразить мысль о необходимости собрать во едино всѣ свѣдѣнія о Славянахъ, такъ или иначе потрудившихся въ Америкѣ. Говоря о Славянахъ, разумѣю не однихъ Адриатическихъ, о которыхъ въ богатыхъ архивахъ и библіотекахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи безъ сомнѣнія хранятся драгоценнѣйшія извѣстія и матеріалы для такихъ монографій. Дѣйствительно, въ этомъ отношеніи обратятъ на себя вниманіе не одни Славяне Адриатическіе. Довольно только вспомнить замѣчательнаго соплеменника нашего, Поляка Арцишевскаго Принадлежа къ Аріанской сектѣ, онъ, подобно всѣмъ лучшимъ умамъ Польши, не могъ выносить всегда подлой и лукавой системы сузутговъ, заморившей Польшу; подвергаясь-ихъ преслѣдованіямъ, Арцишевскій бѣжалъ изъ отечества и вступилъ на службу Голландской республики въ качествѣ артиллерійскаго офицера: въ Польшѣ, еще въ 1622 г., онъ носилъ званіе полковника артиллеріи. Вскорѣ онъ получилъ назначеніе въ Бразилію, гдѣ велъ войны съ Испанцами. Всѣ новыя замѣчательныя крѣпости Бразиліи, какъ то: Рио-Жанейро, Бахія, Пернамбуко, выстроены Арцишевскимъ. Въ продолженіе десяти лѣтъ онъ почти постоянно разбивалъ Испанцевъ. Республика высоко цѣнила его заслуги и повелѣла въ честь его выбить медаль, на одной сторонѣ которой изображены: крѣпость Рио-Жанейро при морѣ, на высокомъ столбѣ гербъ Арцишевскаго: вѣна (gola), трофей, лавровый вѣнецъ, и вокругъ двѣ надписи: 1) Victricem accipe laurum, 2) Hostibus Hisp. profligatis. На оборотѣ слѣдующая надпись: Heroi generis nobilitate, armorum et literarum scientia longe praestantissimo Christoph. Arciszewski, rebus in Brezilia per triennium prudentissime, fortissime, felicissime gestis Societas Americana suae gratitudinis, et ipsius fortitudinis ac fidei hoc monumentum esse voluit. Anno MDCXXXVII. Въ царствованіе Владислава IV († 1648 г.) Арцишевскій вернулся въ Польшу и умеръ въ Лешнѣ уже при Янѣ Казимирѣ. См. Niemcewicz: Zbiór pamiętników o dawnéj Polsce..., гдѣ также помѣщено любопытное письмо Арцишевскаго изъ Амстердама къ Владиславу IV; также Энцикл. Лексик. Плюшара: *Арцишевскій*. Его сочиненіе объ артиллеріи, писанное по-Латыни, весьма долго пользовалось въ Европѣ почетною извѣстностью и было переведено на языки Французскій, Голландскій и Нѣмецкій. См. также Sobieszczański: O życiu i sprawach Krzysztofa z Arciszewa Arciszewskiego, generała artyllerii i półkownika piechoty w wojsku Hollenderskiém. Z wizerunkiem. Warszawa. 1850. См. Приложение.

былъ застигнутъ бурею, свирѣпствовавшею нѣсколько дней. На корабль его, отдѣлившійся отъ эскадры, напали у береговъ Африки пираты Марокскіе на двухъ большихъ корабляхъ. Буне не отказался отъ битвы; вскорѣ непріятельское ядро образовало въ его корабль столь значительную пробоину, что стало заливать корабль. Тогда онъ рѣшился на послѣднее отчаянное средство, которое ему оставалось, прежде чѣмъ сдаться въ плѣнъ: онъ быстро пересаживается со своимъ экипажемъ на двѣ лодки (*due scafe o barconi*), вооружаетъ ихъ и схватывается съ ближайшимъ непріятельскимъ кораблемъ, вапавъ на него съ обѣихъ сторонъ. Бербары, совсѣмъ ошеломленные внезапною атакъ, сдвоятся въ плѣнъ послѣ кровопролитной схватки. Видя это, другой непріятельскій корабль пустился въ бѣгство, но Буне нагналъ его, разбилъ и повелъ съ собою къ берегамъ Испаніи. Но здѣсь ждала его новая опасность. При приближеніи къ порту двухъ непріятельскихъ судовъ, открыли по нимъ огонь съ крѣпостей и канонерскихъ лодокъ. Наконецъ его признали по даннымъ имъ сигналамъ, приняли съ великимъ восторгомъ и воздали должную дань его смѣлости и храбрости¹. Буне, осыпанный великими почестями и наконецъ назначенный въ помощники вице-королю въ Неаполѣ, скоропостижно померъ на 54 году своей многолѣтней жизни², въ 1612 г.

Таковы имѣющіеся въ распоряженіи нашемъ свѣдѣнія о Славянахъ, жившихъ въ этотъ періодъ въ Испаніи, свѣдѣнія

1. Vinc. Petrovich, in Not. ined. Carm. ad Vlad. Buchia. (Прим. Аппендини).

2. Appendini I, 202. Аппендини сообщаетъ слѣдующую надгробную надпись, находящуюся въ часовѣ Св. Троицы на островѣ Менцо, куда перевезли его прахъ изъ Неаполя:

D. O. M.

Vincēntio Buneo Petri F. Christi Equiti dignitatem virtute supergresso, sub duorum Hispaniarum regibus Philippis Secundo et Tertio arduam utriusque orbis navigationem amplexo, et gloriam nominis comparandi cupido, atque ideo in India fidei propugnandae, in Belgia religionis tuendae diu occupato, dum egregiam in utroque officio navat regibus suis operam, regio nutu Neapolim revocato, et a consiliis regiis deputato, post multos exantlatos labores ad aliam vitam vocato, ex vi testamenti in patriam deportato, et hic jacenti, ac tubae sonitum expectanti, revocando ad vitam consanguinei unanimis hoc monumentum posuerunt. Vixit annos quinquaginta tres. Obiit pridie Id. novembris anno salutis MDCXII.

крайне ограниченныя и неполныя, но тѣмъ не менѣе возбуждающія великой интересъ и настойчиво отъ насъ требующія пытливыхъ поисковъ и розысканій, которыя, какъ теперь уже можно предполагать, не могутъ не увѣнчаться блестящимъ успѣхомъ.

Одни уже простыя, официальныя свѣдѣнія, такъ сказать послужные списки со всѣми документами, какъ перечисленныхъ здѣсь, такъ и многихъ другихъ Славянъ, оставшихся неизвѣстными Апендини и служившихъ въ Испаніи — отысканные и обнаруженные, принесутъ великую пользу наукѣ, какъ исторіи Славянской, такъ и Испанской.

Но нѣтъ сомнѣнія, что не одни, болѣе или менѣе полныя официальныя свѣдѣнія хранятся въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи о такихъ людяхъ, что подобно Буне, Петру Охмучевичу и Петру Долисти занимали въ Испаніи такое высокое положеніе и оказали этой великой въ то время державѣ услуги не малыя.

Вспомнивъ состояніе образованности въ Дубровникѣ въ этотъ періодъ, его литературу, не менѣе богатую, чѣмъ Польская, и едва ли не больше ея (разумѣется того времени) народную, привязанность его гражданъ, несмотря на обширное вліяніе образованности Итальянской, къ языку Славянскому и сильное развитіе въ нихъ чувства народной гордости, припомнивъ все это, мы ясно поймемъ, что Славяне, занимавшіе въ Испаніи важныя государственныя должности, родившіеся съ знатными Испанскими семействами, должны были имѣть вліяніе на возрѣніе Испанцевъ на Славянъ вообще, возбуждать въ нихъ къ своимъ соплеменникамъ болѣе или менѣе живыя сочувствія, которыя едва ли могли не отразиться въ письменности Испанской, въ этотъ періодъ столь богатой.

Припомнимъ, что во флотѣ Испанскомъ служила масса Славянъ изъ среднихъ и низшихъ классовъ. Конечно и они, подобно знатымъ землякамъ своимъ, точно также вступали въ родство съ Испанскими семействами изъ соответствующихъ классовъ. Разумѣется, Славяне, принадлежавшіе къ низшимъ классамъ народа и служившіе въ Испаніи, упорнѣе сохраняли свою народность, свой языкъ, свои пѣсни, свои обычаи и свой нравъ. Естественно, что и въ дѣйствительности и въ представ-

леніяхъ Испанцевъ — долженъ былъ сложиться особый типъ Славянина-моряка. Не сохранились ли въ богатой литературѣ Испанской хотя какія нибудь черты этого типа? Всегда и вездѣ твердая, память народа не сохраняетъ ли и понынѣ въ Испаніи, въ пѣсняхъ ли или въ простыхъ народныхъ преданіяхъ, разсказахъ, пословицахъ и поговоркахъ — какихъ нибудь чертъ, даже намековъ, тѣмъ не менѣе для науки драгоцѣнныхъ, о Славянахъ, проживавшихъ между народомъ и братавшихся съ нимъ? Отвѣчать на этотъ вопросъ отрицательно, безъ предварительныхъ личныхъ развѣдокъ и изысканій, было бы весьма легкомысленно, такъ какъ хорошо извѣстно, что во многихъ краяхъ Испаніи въ народѣ еще крѣпка и свѣжа старина и что Славяне, хотя и не въ такой степени, продолжали однако свои сношенія съ Испаніею и въ слѣдующемъ періодѣ. Слѣдовательно, если съ одной стороны, съ теченіемъ времени и могли изъ памяти народной исчезнуть нѣкоторыя черты, то съ другой стороны не совершенная остановка такихъ сношеній не позволяла вовсе стертись ихъ слѣдамъ. Наконецъ можно ли утверждать теперь, что болѣе или менѣе значительная часть Славянъ не осталась жить въ Испаніи? что нынѣ нѣтъ ни малѣйшихъ слѣдовъ этихъ поселенцевъ?

Смѣю думать, что найдутся нѣкоторые читатели, которые не станутъ отрицать великой пользы, которая могла бы произойти въ этомъ отношеніи отъ старательнаго изученія Испанской литературы и письменности, какъ печатной, такъ еще болѣе рукописной, и даже этнографическаго путешествія по нѣкоторымъ частямъ Испаніи. Быть можетъ слѣдующія данныя и соображенія способны облегчить ожидаемые авторомъ упреки, напр., хоть за пристрастное будто бы увлеченіе предметомъ и за излишнюю смѣлость будто бы ни на чемъ не основанныхъ предположеній.

Императорская Публичная Библіотека для богатаго своего собранія иностранныхъ сочиненій о Россіи, еще не такъ давно приобрѣла пять Испанскихъ брошуръ, чрезвычайно рѣдкихъ и весьма для насъ любопытныхъ¹. Ихъ содержаніе, годъ и мѣсто

1. Отчетъ Имп. Публ. Библіотеки за 1888 г. Сиб. 1888. С. 38—39.

изданія одинаково заслуживаютъ нашего вниманія. Первая, напечатанная въ Валладолидѣ въ 1600 г., говоритъ о Самозванцѣ, выдавая его за истиннаго царевича Дмитрія. Другія три, изданныя въ Мадридѣ и Малагѣ въ 1634 г., о современныхъ дѣлахъ Польско-Московскихъ. Пятая о казацкихъ подвигахъ на Черномъ морѣ. Онѣ носятъ слѣдующія заглавія: 1) *Relacion de la señalada y como milagrosa conquista del paterno Imperio, conseguida del Serenissimo Principe Juan Demetrio, Gran Duque de Moscovia, en el anno de 1605. Traduzido de lengua Italiana por la insigne Juan Mosquera. Valladolid. 1606. 4º.*

2) *Relacion verdadera de la insigne vitoria que alcançò el Rey de Polonia contra el Gran Duque de Moscovia y otros confederados suos, todos enemigos de nuestra Santa Fe, y de las coronas de la casa de Austria: embiada del exercito de su Majestad de Polonia, su fe cha en 24 de Março 1634. Traducida de lengua Alemana por Geraldo Scorz. Madrid. 1634. in-fol.*

3) *Las continuas vitorias que ha tenido el Serenissimo y Potentissimo Vlasdislao Quarto, Rey de Polonia, Sbecia etc. y las capitulaciones que admitiò para la paz entre los Moscovitas y su Regno de Polonia. Madrid. 1634. in-fol.*

4) *Idem. Malaga. 1634. in-fol.*

5) *Nueva Relacion de la señalada vitoria conseguida del Principe Cosaco en el Mar Negro, contra los Turcos, y Tartaros. Con esto entenderan el Fiero, y sangriento Combate, que ha avido, tanto por Mar, como por Tierra, con muerte de 20 mil entré Turcos, y Tartaros, y con la presa de cinco Navios cargados de municion de Guerra, con 120 piezas de canon. Publicada à 1 de Marzo de este presente anno 1691.*

Не менѣе любопытенъ и родъ романа, вышедшій въ Сарагоссѣ въ 1665 г., подъ слѣдующимъ заглавіемъ: *Eustorgio y Clorilene Historia Moscovica. Por don Enrique Suarez de Mendoza y Figueroa al excelentissimo Señor don Ja yme de Silva. Con licencia. En Çaragoça, por Ivan de Ybar. Anno 1665.*

Напомнимъ также читателю, что въ одной изъ драмъ Кальдерона (1601 † 1682 г.), хотя и чисто фантастической, безъ всякой исторической основы, подъ заглавіемъ «*La vida es sueño*» (Жизнь (наша) сонъ), главными дѣйствующими лицами явля-

ются между прочимъ: — *Vasilio, rey de Polonia, Segismundo principe y Astolfo, duque de Moscovia*. Въ 1680 г. вышло въ Мадридѣ сочиненіе Испанскаго путешественника Куберо, отправившагося изъ Варшавы въ Москву, оттуда въ Астрахань и Каспійскимъ моремъ въ Индію. Оно носитъ слѣдующее заглавіе: *Breve Relacion de la peregrinacion que ha hecho de la mayor parte del Mundo Don Pedro Cubero Sebastian. Escrita por el Mismo Don Pedro Cubero Sebastian dirigida al rey nuestro señor D. Carlos Segundo, Monarca de las Españas etc. con privilegio. En Madrid. 1680. in-4°*. Описаніе Россіи, во многихъ отношеніяхъ не бесполезное, занимаетъ въ этой книгѣ до сорока страницъ (р. 166 — 202).

Въ настоящее время никто конечно не рѣшится утверждать, чтобы тѣмъ и ограничивались печатныя Испанскія извѣстія о Россіи, въ этотъ періодъ. Что же касается рукописныхъ матеріаловъ, то ихъ должно быть гораздо болѣе и они должны быть несравненно занимательнѣе. Вспомнимъ, что въ XVI и XVII в. бывали наши посланники въ Испаніи, что въ гнѣздѣ инквизиціи и езуитовъ едва ли могутъ не быть болѣе или менѣе любопытныя матеріалы хоть напр. для исторіи Православія въ Южной и Западной Руси.

Если не мало свѣдѣній заключаетъ въ себѣ Испанская литература и письменность о Россіи, страны столь отдаленной и такъ мало принимавшей тогда участія въ дѣлахъ Европейскихъ, то тѣмъ подавнѣе должны онѣ содержать въ себѣ не мало весьма важныхъ свѣдѣній о Славянахъ западныхъ, о Полякахъ, Чехахъ и особенно о Славянахъ Адриатическихъ.

Въ оправданіе свое замѣтимъ только, что Фердинанду II Католику въ борьбѣ съ Славянами Чешскими, окончившейся роковою Бѣлогорскою битвою, и въ послѣдовавшемъ за тѣмъ ихъ порабоженіи Римско-Нѣмецкимъ порядкамъ, не мало помогали Испанцы.

Что же касается до Польши, то припомнить можно слѣдующія обстоятельства, кажется достаточно подтверждающія предположенія наши. Императоръ Рудольфъ II и Филиппъ II въ 1596 г. искали союза съ Польшею, куда былъ посланъ Испан-

скій посланникъ Мендоза, Америантъ Арагонскій¹. Сигизмундъ III. всегда окруженный езуитами и иностранцами, содержавшій даже тѣлохранителей изъ Шведовъ, Нѣмцевъ и *Испанцевъ*², писалъ между прочимъ Филиппу II: «В. К. В. должно быть извѣстно положеніе королей Польскихъ и какимъ подчинены они ограниченіямъ. Ничего въ этомъ королевствѣ не дѣлается безъ согласія сословій: безъ ихъ воли нельзя собрать никакой силы, ни учинить никакого приготовленія къ войнѣ. Уже давно былъ бы уничтоженъ похититель Шведскаго престола, если бы сословія были щедрѣе въ своихъ приношеніяхъ. Было бы дѣломъ, достойнымъ католическаго короля и той братской любви, которую В. К. В. къ намъ питаете, если бы вы распорядились прислать къ намъ на помощь въ Балтійское море вашъ флотъ³». Польскій посланникъ Станиславъ Маковскій вернулся изъ Испаніи около 1622 г. съ двумя посланниками Испанскими (Gabryel de Roy и Вагон d'Anchi). Филиппъ III общалъ черезъ два мѣсяца выслать противъ Шведовъ въ Балтійское море 24 корабля Испанскихъ съ 12,000 солдатъ, увѣрялъ, что онъ отложилъ на этотъ походъ 200,000 Испанскихъ талеровъ⁴. Въ XVI и XVII в., Польша, край необыкновенно богатый⁵, вела черезъ Гданскъ, куда по свидѣ-

1. Niemcewicz: Dzieje panowania Zygmunta III. Warszawa. 1819. I, 367.

2. За что и выговаривалъ ему незабвенный Я. Замоискій въ своей знаменитой рѣчи, на сеймѣ 1606 г. Этотъ великій государственный мужъ говорилъ ему между прочимъ: *Mamy i insze urazy do W. K. Mcl, porzysiągtes nam kilka zamków na Ukrainie zbudować, nie zbudowano żadnego, zamek nawet w Kamieńcu Podolskim nie naprawiony. Nie miałeś W. K. M. custodiam corporis sui tylko ex indigenis, a my widzimy u W. K. M. alabartników, Szwedów, Niemców, Hiszpanów, i to nie miało być, powinienes nam W. K. M. przysięgi dotrzymać* (ibid. I, 315). Войтъхъ Ласкій, воевода Сѣрадакій, самъ на свой счетъ собралъ войско изъ Поляковъ, Угровъ, Нѣмцевъ, Итальянцевъ, *Испанцевъ* и Французовъ, выгналъ изъ Молдавіи воеводу Александра и принудилъ народъ присягнуть на вѣрность Якобу Ираклиду. (См. J. Krasinskiego: Polska... str. 67).

3. Niemcewicz: III, 421.

4. Ibid. III, 473.

5. См. Суровецкаго: *Uradki przemysłu i miast. Warszawa, 1818.* и Русское извлеченіе «О земледѣліи, промышленности и вообще богатствахъ Польши въ XVI и XVII в.» (Истор. и стат. Сборн. Валуева. М. 1845. С. 115 и сл.). Нѣмцевичъ говоритъ въ своемъ предисловіи къ Исторіи Сигизмунда III: «Łukasz Orłowski w

тельству Целларія (описывавшаго Польшу въ 1660 г.), ежегодно приходило болѣе 600 иностранныхъ кораблей, непосредственную торговлю съ Пиринейскимъ полуостровомъ: въ Польшѣ не мало проживало единовѣрныхъ ей Испанцевъ, хорошо знакомыхъ съ этой страной¹. Нѣтъ сомнѣнiя; что Поляки, удивлявшiе Юста Липсiя и Мурета своими познанiями въ классической древности, за что и воздавали они Польшѣ великiя похвалы, Поляки, удивлявшiе въ XVI в. Французскихъ дворянъ благородствомъ, изяществомъ своего обращенiя и утонченностью своихъ манеръ, богатствомъ своихъ познанiй², По-

---

obronie swojej przeciw Barklejuszowi mówi, że 5,000 statków i tratow z wnętr kraju przybywało do Gdańska, i że te do 6 milionów korcy różnego zboża przypływały do portu tego, a za nie 3,000,000 talarów imperii wchodziło do kraju. Ileż z obfitęj Rusi Czerwonej do państw Rakuskich wychodziło. Litwa Dzwiną i Niemnem 15,000 łasztów (łast zawiera około 50 korcy) wysłała za morze». У него же читаемъ: «Opisujący Polskę statystycy: Kromer, Cellariusz, Krasiniski, Starowolski i inni, te przedniejsze artykuły wywozowego handlu naszego mianują: wszelkiego rodzaju zboża, wełna, len, pieńka, chmiel, skóry, miód, łoje, wosk, smoła, potaż, bursztyn, marszty, tarcice, drzewo do budowy okrętów sposobne, sól, piwo, kuperwas, czerwiec, saletra, lazurek, miedź, ołów, żelazo, mosiądz, kowje, woły, owcy, wieprze, słonina, i tym podobne; sprowadzano nawzajem: przednie sukna, materye, tak jedwabne, jako i złote, obicia, kobierce, perły, kamienie drogie, futra, śledzie, wyzina, stokfisz, wina, korzenie, wszelkie do potraw zaprawy, wiele nakoniec zbyt-kowych wymysłów». (Niemc. I, xiii).

1. «Co rok spławiają Polacy do Gdańska Wisłą wszelkiego rodzaju zboże, belki do budowy okrętów, smołę, glinę do farbowania, len, konopie, wełnę, skóry zwierząt, bryły wosku. Do tego miasta, o 5,000 kroków od morza położonego, pod którym Wisła do morza wpada, przyjeżdżają kupcy z odległych krajów: *Portugallii*, Francyi, Flandryi, Hollandyi, Anglii, Szkocyi, Irlandyi, Szwecyi, Norwegii, Dani i Niemiec. Nieraz do portu Gdańskiego przybywa jednocześnie 200,300 większych i mniejszych kupieckich okrętów, po większej części po zboże, które Polska i jéj ziemie obficie dostarczają innym krajom...» (J. Krasiniskiego: Polska... str. 92). Онъ же, сказавъ, что Польская шляхта можетъ на свой счетъ выставить 150,000 войска, замѣтилъ: «сылаюсь въ этомъ случаѣ на свидѣтельства тѣхъ Итальянцевъ, Французовъ и Испанцевъ, которые видѣли Польшу и основательно съ нею познакомились».

2. Юстъ Липсiй говоритъ: «*Mirus Providentiae ordo et coelestis ille agricola has illasque partes excolit, et velut novales quosdam agros, alternis serit. Quid Graeci, quid placent sibi Itali? Graecia et Italia nuper in Gallia, et nunc in Germania aut Sarmatia reperiuntur*» (J. Lipsii: Epistolar. selectar. Chillas. Francofurti. MDXXVII. p. 782); а Муретъ писалъ: «*Magna mihi, Sacrate, cum multis Germanis, magna cum permultis Polonis familiaritas, magnus usus, magna necessitudo fuit. Semper eos expertus sum bonos viros, rectos, simplices, apertos, humanissimos praeterea, et prope*

ляка, повторяю, нѣтъ сомнѣнiя, въ XVI и XVII в. имѣли въ средѣ своей не мало людей, что посѣщали Испанiю и знаменитые ея университеты, изучали ея языкъ и богатую литературу. Нѣтъ сомнѣнiя, что изъ среды Поляковъ того времени не одинъ Замоискiй владѣлъ языкомъ Испанскимъ¹.

omnes eo vitae cultu, ac munditia, quae ad elegantiam potius quam ad ullam barbariam accederet. Utinam nos eo modo barbari essemus! Ultri vero barbariores sunt nati in media Italia, quorum vix centesimum quemque reperias, qui aut graece loqui sciat, aut litteras amet? an Germani ac Poloni, quorum permulti, et earum linguarum utramque perfectissime callent, et ita litteras ac liberales disciplinas amant, ut in eis tempus omne consumant? Olim illi fortassis asperi ac barbari fuerunt: hoc quidem seculo, vereor ne ad nos barbaries, ad illos cultus et splendor vitae et eruditio atque humanitas, mutatis sedibus commigrarunt. (M. Ant. Mureti Orat., epist. et poemata. Cura I. Ehrh. Kappil. Lipsiae. MDCCCL. lib. I. lit. LXVI). Знаменитый Французъ де-Ту (Thuanus), въ Исторiи своего времени, заговаривая о Полякахъ, такъ описалъ ихъ страну: «regio ferax, oppidis ac vicis et castellis frequens, fluviis crebris irrigua, et ad haec generosa nobilitate abundans, quae armorum curam fere cum litteris conjungit; itaque et regionum visendarum gratia nobiles ac primores adolescentes crebro lares paternos deserunt, et magnam secum doctrinae copiam et optimarum rerum usum non mediocrem, quod illis inclementis coeli rigore denegatur, ex peregrinationibus collectum domum referunt...» (Historiar. lib. LVII). О посланъ Польскихъ въ Парижъ 1573 г. и о представленiи ихъ королю де-Ту выражается такимъ образомъ: «in diem sequentem dilata regis sui salutatio, ad quam statim a prandio insensis equis magno circuitu per publicum pontem profecti sunt, longe majore pompa et apparatu, quam pridie venerant; aureis siquidem textilibusque togis amicti incedebant, senatoria gravitate imaginem quandam, Romanae majestatis referentes: habenae equorum argenteae distinctaeque lucentibus gemmis, clittellae inauratae ac preciosae phalerae cum voluptate simul et admiratione spectabantur: sua quemque familia anteibat composita ex generosis adolescentibus in serica praecedentibus accensis cum ferreis bicubitalibus clavis» (lib. LVII).

1. Янъ Замоискiй переводилъ на языкъ Испанскiй письма Совеки (см. Maciejowski: Pism. Polskie I, 184). Полагать можно, что выводъ Мацѣевскаго (такъ же) о томъ, что Испанская литература была неизвестна Польшѣ, придется нѣсколько смягчать. Nous ignorons beaucoup des choses, que nous sommes flattés longtemps de savoir avec exactitude. Давно ли такой основательный знатокъ Польской литературы, какъ Вишневскiй, вовсе отрицалъ всякое влiянiе Чеховъ на Польскую литературу, неужели глупъ, какъ оно было чрезвычайно велико? У насъ и понынѣ частую слышимъ рѣшительныя увѣренiя въ томъ, что до-Петровская Русь не имѣла вовсе словесности; однако нельзя же этому серьезно вѣрить, когда известно, что творчество народной поэзи не оскудѣвало на Руси до конца XVII в., что письменность дѣловая, юридическая, оставившая по себѣ огромную массу памятниковъ, выработала себѣ необыкновенно точный, ясный и богатый языкъ, что переводы Свящ. Писанiя и творенiй св. отцовъ были распространены въ огромномъ количествѣ списковъ, что мы имѣемъ дѣтописи, посланiя, проповѣди, живы

Наконецъ, если въ нач. XVIII стол., когда Испанія уже низко упала, тоже благодаря дикому фанатизму учениковъ Лойолы и всѣмъ ужасамъ инквизиціи, если еще въ 1730-хъ годахъ въ Испаніи могла появиться потребность имѣть общую исторію Россіи, и нашелся человекъ, рѣшившійся удовлетворить ее, то весьма понятно, что въ настоящей періодъ, когда литература сіяла великими талантами во всѣхъ родахъ, въ Испаніи очень легко могли явиться болѣе или менѣе любопытныя историческія отрывки о Чехахъ, о Польшѣ и въ особенности о Дубровникѣ и вообще о Славянахъ Адриатическихъ. Дѣйствительно въ 1736 г. въ Мадридѣ вышла исторія Россіи, въ 2 частяхъ, подъ заглавіемъ: «*Historia de Moscovia y vida de sus Czages, con una descripcion de Todo el Imperio, su Gobierno, Religion, costumbres, y Genio de sus Naturales escrita per Don Manuel de*

рисующія время, весьма любопытныя Хожденія Давида, Асая, Никитина, Коробейникова, Толочанова, Котова; азбуконники, космографіи, свои чертежи и карты (напр. Сибирскія); труды Юсефа Волоколамскаго, Макарія, Максима Грека, Ив. Александрова, Курбскаго, К. Острожскаго, Зизаніевъ, Памвы Берынды, Мелетія Смотрицкаго, Сильвестра Коссова, Гизелей, Епифанія Славевидцаго, Котошихина, Сильвестра Медвѣдева, братьевъ Лихудъ, Палладія Роговскаго и мн. др.; имѣемъ Слово о полку Игоревѣ, Задонщину, Давида Заточника, Домострой, Русскія оригинальныя повѣсти и сказанія, весьма характеристическія, какъ напр. Эпистолу Ивашки Пересвѣтова, повѣсти о посадникѣ Добрынь, о Владимірѣ Мономахѣ, о началѣ Москвы, о посольствѣ К. Сугорскаго къ импер. Максимилиану, о взятіи Царяграда, о Фролѣ Скобѣевѣ . . . . Мовфоконъ, въ своемъ Описаніи, отиѣтилъ въ числѣ Славянскихъ рукописей, не обозначенныхъ нумеромъ: *Aristophanis Comedias cod. n. n. n.* (Bibl. biblioth. mss. II, 1042. см. Martinoff — *Les manuscrits Slaves de la bibl. Imp. de Paris. Paris. 1858. p. 5—6*). Здѣсь нельзя не вспомнить, что въ XIII в., около 1283 г., въ Ростовѣ, въ церкви Преса, Богородицы, слѣвый клиросъ *Гречески* поюху, а правый *Руски*; что просвѣтитель Зырянъ Стефанъ Перискій († ок. 1396 г.) «баше умѣя трѣма языки Руски, *Гречески* и Периски»; что въ 1384—1385 г. переведено было у насъ въ Россіи «Слово св. и премудр. Георгія Писма похвала Богу о сотвореніи всея твари»; что св. Алексій († 1378 г. слѣчалъ и поѣрлалъ Славянскій переводъ Нового Заѣта съ Греческимъ текстомъ; что въ Книгѣ Правилъ, хранящейся въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ и писанной рукою преп. Кирилла, игумена Бѣлозерскаго († 1427 г.), находятя выписки изъ Гагена о происхожденіи грома и молніи, о падающихъ звѣздахъ, объ устройствѣ земли, о землетрясеніяхъ, о четырехъ стихіяхъ, о моряхъ. Нельзя не вспомнить и словъ Орѣховскаго изъ его письма къ Рамузію. Этотъ даровитый и образованный Русакъ, хотя весьма не стойкій въ своихъ убѣжденіяхъ, писалъ въ 1549 г.: «*Fuit enim Russia Scythiae antea, cui finitima est, non multum sane genere ac moribus dissimilis: quae tamen ipsa consuetudine graecorum hominum, quorum*

Villegas у Ріпатели. En Madrid. MDCCXXXVI. Первая часть — исторія древней Россіи до Петра, составлена по Герберштейну, Гейденштейну, Куберо и пр.; вторая — исторія Петра В. — по известной книгѣ Nestesuranoi; послѣдней части въ Импер. Публичной Библиотекѣ не имѣется. Авторъ Вильегасъ приложилъ къ первой части — посвященіе (на 2 стр.) своего труда св. Николаю Чудотворцу, какъ Покровителю (Патрону) народа Русскаго, который, въ апробаціи этого сочиненія, подписанной Don Pedro Gonzalez в тутъ-же приложенной, названъ tan respectable Nacion.

Пока я могу указать, — что касается до другихъ Славянъ, — на сочиненіе Мартина Розы, которое впрочемъ известно мнѣ къ сожалѣнію только по одному заглавію и по краткому отзыву почтеннаго Валентинелли; а именно: Compendium totius Natio-

---

Sectam, religionemque sequitur, inhumanitatem illam feritatemque scythicam deposuit; mitis enim jam est, mansueta ac benigna, litteris etiam vestris latinis ac graecis plurimum delectatur, quorum beneficio est assecuta, ut apud finitimos Scythas nihil jam vehementer probet praeter Toxarim et Anacharsim illum veterem. Horum enim exemplis admonita multos existimationis bonae cupidos adolescentes istuc ad vos Patavium in Italiam quotannis mittit; quorum sunt apud vos cives Stanislaus Vaporiarius et Stanislaus Drohoiovius, adolescentes nobiles, ac summa spe atque expectatione praediti, quos tibi notissimos esse vel ob id cupio, ut ex horum duorum moribus et ingenio de tota gente nostra conjecturam facias, qui quod Russia provincia Polonorum ditior sit unoquoque nomine cum reliquis Polonii Patavii nunc censentura. (Ciampi: Bibl. crit. II, 185 etc.). Не должно думать, чтобы древній Греческій міръ оставался вовсе чуждъ нашимъ предкамъ и чтобы его совершенно заслоняла отъ насъ Византія, которая впрочемъ до послѣднихъ дней прилежно изучала классиковъ. Позволяю себѣ привести здѣсь слѣдующія слова многоуважаемаго вами Нѣмца Блазиуса о двухъ древнихъ храмахъ въ Чечерскѣ: «Die Bauart der beiden übereinstimmenden Kirchen hat bei vieler Plumpheit u. Geschmacklosigkeit in einzelnen Verzierungen, doch einen imponirenden Gesamt-Charakter. Die Hauptgebäude ist kreisrund; mit einer mächtigen, halbkugeligen Kuppel überwölbt, die ringsum von Säulen getragen wird. An der Ostseite derselben ist eine Chorkapelle, nach Westen eine breite, zu einem Schiffsraum erweiterte Gallerie angebaut, deren Dächer auf Pilaster ruhen. Den Schluss nach Westen bilden zwei mit dieser Gallerie verbundene, vierseitige Portalthürme, deren erste Etage bis zur Höhe des Daches, die zweite bis zur Höhe der Kuppel ansteigt, und die mit einer stark zugespitzten vierseitigen Pyramide von der Höhe dieser Etage endet. Die Gesamtkirche erhält durch diese Bauart den Charakter eines griechischen Tempels, dem man als christliche Zuthaten einen Chor u. zwei Glockenthürme angehängt hat. Ein westeuropäischer Einfluss aus d. Zeit der Polenherrschaft ist hier nicht zu verkennen». (Reise in europ. Russl. in d. Jahren 1840 u. 1841. Braunschweig. 1844. II, 188).

nis linguae illyricae in quo breviter origo ipsius nationis, extensio ejus copiosa, Reges fidei Catholicae totius Dalmatiae, Bosniae, Serviae atque Rassiae, quos habuit, exhibentur. Matrini Martinez. 1632 in-8°. Эта книга, какъ сокращеніе труда Орбини, не имѣла бы никакого научнаго значенія, если бы въ ней не было сообщено извѣстій о Дубровничанахъ, служившихъ во флотъ Испанскомъ¹. Ими пользовался Апендини. Въ подтвержденіе же догадки своей о томъ, что въ библіотекахъ и архивахъ Вѣны, Венеціи, Далмаціи и Испаніи, хранятся болѣе или менѣе важныя матеріалы для исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, укажу только на одну Итальянскую рукопись, хранящуюся въ б-кѣ св. Марка въ Венеціи и содержащую въ себѣ исторію фамиліи Омучевичей, многіе члены которой, какъ мы видѣли, служили въ этотъ періодъ въ Испаніи².

Какъ въ прошлый, такъ и въ настоящій періодъ, находимъ природныхъ Испанцевъ, живущихъ и работающихъ въ Дубровникѣ. Пока можно указать только на двухъ Испанцевъ, впрочемъ своими дарованіями заслужившихъ великой извѣстности и уваженія. То были ученый врачъ *Амато Лузитанскій* или *Іоаннъ Родригесъ* и знаменитый въ свое время стихотворецъ, писавшій по Гречески и по Латыни, *Дидакъ Пирръ* или *Яковъ Флавій*.

Этотъ послѣдній родился въ Эворѣ, въ Португаліи въ 1517 г., воспитывался въ Саламанкѣ; неизвѣстно, по какимъ причинамъ былъ изгнанъ изъ родины. Въ Дубровникѣ онъ прожилъ около 30 лѣтъ и былъ живъ еще въ 1607 г. Флавій былъ связанъ дружбою со многими замѣчательными людьми своего времени, какъ напр. съ Антоніемъ Риккобономъ, Эразмомъ, Альдомъ Мануцци. Апендини приводитъ слова Джиліо Джиральди, который отдавалъ Флавію первенство передъ всѣми поэтами Португальскими. Такъ между прочимъ говорилъ Джиральди: «tu mihi unus super omnes, quos recensuisti, in poetica

1. Валентинелли (Spec. bibl.) замѣчаетъ: «Historia haec offert noticias Rhacusinorum qui navalis artis laude ab Hispania honoribus decorati exstiter. In fine vero: *Sub umbra aquilae magnarum alarum Respublica Ragusina quodammodo moratur.*»

2. Valentinelli: Spec. bibl. p. 99 № 320. «Compendio storico della famiglia i. e. Compendium historicum familiae Ohmuch. Rhacusinae».

pollere videris».... «Sed tu cum Lusitaniam tanto poetico honore illustres, eo illa in te magis ingrata, quod te tandiu exulem, ac profugum diversas orbis partes peragrarare permittit. Quanto majora et meliora faceres, si otiosam pascatamque ageres vitam?» и пр. Единственный списокъ, по словамъ Аппендини, полного собрания его сочиненій хранится неизданный въ Дубровникѣ, о чемъ, сказать кстати, нельзя не пожалѣть, такъ какъ нѣтъ сомнѣнiя— въ его произведенiяхъ должно быть разсѣяно не мало любопытныхъ историческихъ свѣдѣнiй, разныхъ подробностей и намековъ, рисующихъ время. Аппендини приводитъ заглавiе этого сборника: «Didaci Pyrrhi Lusitani elegiarum libri tres ad D. Slatarichium Patav. Scholae Rectorem, et equitem splendidissimum: accessit Lyricorum libellus eodem auctore¹».

Иоаннъ Родригесъ, отличный медикъ своего времени, путешествовалъ по Францiи, Бельгiи, Итали и наконецъ прибылъ около 1551 г. въ Дубровникъ, къ которому сохранялъ по свою смерть искреннюю привязанность, въ чемъ удостовѣряютъ насъ многiя мѣста его ученаго медицинскаго труда: «Centuriae VII curationum medicinalium». Шестая часть исключительно посвящена описанiю его леченiя больныхъ въ Дубровникѣ, въ формѣ діалога трехъ знатныхъ вельможъ того времени Иоанна Градича, Симона Бенешевича и Пасквале Червича. Шестая центурiя и теперь заслуживаетъ, по словамъ Аппендини, вниманiя ученыхъ врачей Дубровника, по своему богатству мѣстныхъ наблюденiй, напр. о климатѣ Стона, объ эпидемическихъ и эндемическихъ болѣзняхъ, которымъ подвержены туземцы, о большихъ трудностяхъ, при климатѣ Дубровника, лѣчить болѣзни и раны ножныя и напротивъ того о легкости лѣченiя болѣзней головныхъ, о расположенiи Дубровницкихъ винъ къ произведенiю каменной болѣзни и о другихъ подобныхъ предметахъ. Умный наблюдатель, продолжаетъ Аппендини, можетъ не только провѣрить его слова о господствующимъ болѣзнямъ въ этой странѣ, но и судить о температурѣ и наклонностяхъ нынѣшнихъ поколѣнiй къ болѣз-

1. Appendini l. I. I. 324 etc. Къ сожалѣнiю, мнѣ была недоступна слѣдующая книга: De vita et scriptis Didaci Pirro, alias Jacobi Flavii Eboracensis Commentariarum, auctore Thoma Chersa. Florentiae: 1826.

намъ, которымъ были подвержены ихъ вредки въ XVI в. Въ своемъ сочиненіи Родригесъ слегка касается образа правленія и быта Дубровничанъ; съ похвалами отзывается объ отличномъ ихъ хирургѣ *Вакучи*¹.

Въ заключеніе пишушій эти строки позволяетъ себѣ замѣтить, что въ настоящее время намъ еще ничего неизвѣстно ни о торговлѣ Дубровничанъ въ этотъ періодъ съ полуостровомъ Пиринейскимъ, ни о Дубровническихъ и вообще Славянскихъ на немъ факторіяхъ, ни о тѣхъ изъ южныхъ Славянъ, которые ѣздили сами и дѣтей своихъ посылали учиться въ славныя тогда заведенія и университеты Испанскіе: богатства страны, ея образованность и просвѣщеніе, бытность въ ней многихъ земляковъ и даже родственниковъ могли для многихъ служить, а конечно и служили сильною прилукою и привадою. Наконецъ, намъ пока неизвѣстно, какое вліяніе имѣла на Дубровничанъ литература Испанская, такъ какъ вовсе не имѣтъ его едва ли ей было возможно.

ЖИИИ. Тяжело было оправиться и подняться Дубровнику послѣ тѣхъ страшныхъ потерь, понесенныхъ отъ войнъ въ союзѣ съ Испанією, отъ землетрясенія 1667 г. Но предприимчивость гражданъ и умное, либеральное правленіе дали Дубровничанамъ возможность мало по малу снова обзавестись флотомъ: сначала, конечно, строили суда небольшихъ размѣровъ. Въ шестидесятилѣтній періодъ плаваніе одного изъ капитановъ Дубровническихъ въ Смирну составляетъ эпоху въ лѣтописяхъ его отечества. Онъ пользовался извѣстностью Охмучевичей, Долисти, Машибраджичей, плававшихъ въ Великомъ Океанѣ и въ моряхъ Индій. «Съ теченіемъ времени, говоритъ Аппендинъ, число судовъ значительно увеличилось, особенно въ войну Испанцевъ съ Англичанами за Гибралтаръ, когда Дубровничане пріобрѣли обширныя выгоды. Съ того времени повынѣ (1801 г.) извѣстны всякому успѣхи и процвѣтаніе ихъ флота».

Послѣ тѣхъ тѣсныхъ и обширныхъ связей съ Испанією въ предъидущій періодъ, очень понятно, что Славяне не могли не

1. Append. I. L. 1, 324.

продолжать ихъ и въ настоящій періодъ, который я довожу до нынѣшняго времени.

Данныя, здѣсь приводимыя, весьма отрывочны и не полны, тѣмъ не менѣе несомнѣнно доказываютъ, что давность и близость сношеній Славянъ съ Испаніею, начинающихся съ IX вѣка (если не принимать догадки Шафарика о Славянской стихіи въ Вандалахъ) и непрерывно продолжавшихся до настоящаго времени, не пропали даромъ, а напротивъ того, породили между Славянами и Испанцами такую взаимную пріязнь, что едва ли объяснима безъ исторіи ихъ взаимныхъ отношеній, которыя и забросили въ тѣхъ и другихъ сѣмена такого сочувствія и взаимнаго пониманія другъ друга, что невольно поражаютъ посторонняго наблюдателя, что уже стали приносить плоды и, смѣло можно надѣяться, еще болѣе принесутъ въ будущемъ.

Славянская стихія такъ или иначе продолжала дѣйствовать на Пиринейскомъ полуостровѣ и въ настоящій періодъ.

Въ XVIII столѣтіи, когда, какъ мы видимъ, въ Испаніи уже былъ возбужденъ интересъ къ Россіи, а возрожденный Дубровникъ обзавелся флотомъ и снова завязалъ свои торговые связи, въ XVIII столѣтіи мы встрѣчаемъ въ Испаніи одного замѣчательнаго человѣка, природнаго Славянина, уроженца Дубровникаго, оказавшаго этой странѣ услуги незабвенныя. То — *Матвій Водопичъ*, лицо, привлекающее вниманіе Русскаго, не только, какъ Славянинъ, но и какъ человѣкъ, жившій и трудившійся въ отечествѣ нашемъ.

Служившій при императрицѣ Елисаветѣ въ Русскомъ флотѣ и недовольный, по словамъ Аппендини, заключеніемъ мира, котораго не одобрялъ, Матвій Водопичъ удалился изъ Россіи въ Италію. Здѣсь онъ участвовалъ въ сраженіи при Велетри и при завоеваніи Неаполя; потомъ маркизь Сквиллаче взялъ его съ собою въ Испанію и приписалъ къ гвардейскому штабу. Съ большими способностями и призваніемъ къ гражданской и военной архитектурѣ, Водопичъ вскорѣ перешелъ въ инженеры съ чинномъ коменданта-бригадира. Въ Каррагенѣ ему представился удобный случай обнаружить свои инженерныя и архитектурскія дарованія. Постройка королевскаго арсенала и двухъ огромныхъ доковъ, въ которыхъ, замѣчаетъ Аппендини, и понынѣ

оснащаютъ военные корабли, доставила, по его же словамъ, великую честь и извѣстность Водопичу, такъ какъ долго и напрасно приступали къ этому труду разные другіе инженеры, Испанскіе и Французскіе, нарочно съ этою цѣлью приглашаемые отъ правительства. Другими памятниками замѣчательныхъ дарованій и дѣятельности Водопича остаются пять фортовъ въ Каррагенѣ, стѣна этого города и заводъ (*e la magnifica e sorprendente fabbrica dell'Ospedale*). Весьма любимый Карломъ III, Водопичъ умеръ въ Испаніи въ званіи главноуправляющаго королевскими заводами королевствъ Мурціи, Валенсіи и президентства Барберійскаго (*Direttore Generale delle Regie fabbriche dei Regni di Murcia e Valenza e dei Presidj di Barberia*).

Едва ли не прямая обязанность наша собрать всѣ нужные матеріалы для подробнаго жизнеописанія этого славнаго соплеменника нашего, зѣмляка и достойнаго потомка Охмучевичей, Долисти, Машибрадичей, Мартолошичей, Буне и другіхъ соплеменниковъ нашихъ, еще намъ неизвѣстныхъ, но съ такою же, быть можетъ, честью и славою потрудившихся въ монархіи Испанской, нѣкогда игравшей въ Европѣ великую роль. Очень вѣроятно, что не одного Водопича далъ Дубровникъ Испаніи въ этотъ періодъ. Безъ сомнѣнія, Испанская и Южно-Славянская письменности содержатъ въ себѣ не мало данныхъ для исторіи отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову и въ настоящій періодъ.

Поляки во Французской арміи въ Испаніи, безъ сомнѣнія, защищали несправедливое и проигранное дѣло, посягая здѣсь на независимость народа, ничего имъ не сдѣлавшаго, равно какъ и въ Италіи, самостоятельность и независимость которой, ни мало не бывшія въ видахъ Французовъ или, по крайности, по своему понимаемымъ ими, въ высшей степени важны и драгоценны для Славянъ, также, какъ и геройскій отпоръ Испанцевъ Наполеону и славные подвиги гверильеровъ¹ Эль-Эмпесинадо,

1. По-Испански отрядъ партизанскій называется *guerrilla*, во множ. *guerrillas*, самые же партизаны *guerrilleros*. Не отнимая славы отъ нашего незабвеннаго героя 1812 года, Дениса Давыдова (она и неотъемлема), нельзя однако не замѣтить, что подвиги гверильеровъ имѣли несомнѣнное на него вліяніе. Чтеніе о нихъ, конечно, воспламеняло его воспримчивую душу, зароняло зерно, которое дало

Мины, Эль-Маркеито и мн. др. вмѣстѣ съ извѣстными всему міру защитниками Сарагоссы, что развѣ только сравнимы и превзойдены богатырскими защитниками Пскова и Севастополя, этими *добрыми Русскими страдалцами*, этими славными стоятелями и оберегателями земли Русской. Чудные народные подвиги Испанцевъ тѣсно были связаны съ независимостью и со всѣмъ будущимъ міра Славянскаго, которыя окончательно были спасены и завоеваны народною войною двѣнадцатаго года, въ свою очередь имѣвшую великое вліяніе и на судьбу Пиринейскаго полуострова. Намъ понятно и извѣстно то сочувствіе, съ которымъ наши дѣды и отцы читали извѣстія о мужественныхъ подвигахъ Испанцевъ противъ Французовъ, но мы, къ сожалѣнію, не потрудились еще собрать свѣдѣній о многочисленныхъ выраженіяхъ и проявленіяхъ энтузіазма, съ которымъ была принята въ Испаніи вѣсть объ изгнаніи Наполеона изъ Россіи.

Поляки, защищавшіе дѣло Наполеона въ Испаніи, шли отчасти въ упоръ общему тяготѣнію Славянъ къ этой странѣ. Положеніе это, не теряя своей существенной силы, должно быть, однако, смягчено нѣкоторыми соображеніями о судьбѣ Польши вообще, объ ея отношеніяхъ къ Франціи и особенно къ Наполеону, Польскія надежды и упованія на котораго такъ чудно представлены великимъ соплеменникомъ нашимъ, гениальнымъ глѣвцемъ Польши въ его бесспорно высочайшемъ созданіи *Панъ Тадеушъ*. Наконецъ въ исторіи взаимныхъ отношеній Славянъ и Испанцевъ, исторія Поляковъ въ Испаніи, въ началѣ XIX столѣтія займетъ такой же эпизодъ, какъ исторія Испанцевъ въ

плотъ въ 1812 году. Человекъ даровитый и просвѣщенный, нашъ *герой черногубрельный съ большимъ локономъ на лбу* дѣйствовалъ не по одной смѣтѣ или вдохновенію, а въ то же время и строго обдуманно и рационально. Въ своемъ замѣчательномъ Опытѣ партизанскаго дѣйствія онъ самъ считалъ предшественниками своими партизановъ Испанскихъ. «Ихъ дѣйствія въ 1809 г., — говоритъ онъ, — будутъ примѣромъ для каждаго начальника партизанъ, какъ должно пользоваться мѣстными положеніемъ земли, въ копей ведется брань, и глѣвомъ народа, возставшаго на отщепенца». (Соч. Д. Давыдова. Изд. Смирд. Спб. 1848. С. 308). Сочувствіе къ герильерамъ такъ и бьетъ изъ словъ Давыдова: «Тѣснѣны Пиринеевъ, Сьерра-Морены, объ Кастиліи, Наварское и Арагонское королевства сокрывали въ нѣдрахъ своихъ сѣхъ зорникъ, бесстрашныхъ и неутомимыхъ воюющихъ, конкъ слава неизгладима во всѣхъ глѣтонисяхъ, во всѣхъ сердцахъ, бывшихъ для отечества». (Тамъ же. С. 310).

Чехахъ, въ началѣ XVII столѣтія. Въ обоихъ случаяхъ, тѣ и другіе руководились въ своихъ дѣйствіяхъ не столько внутренними побужденіями, сколько началами и понужденіями посторонними и внѣшними.

Такимъ образомъ судьба Поляковъ (изъ было шесть полковъ пѣхоты и два конницы) въ Испаніи вполне заслуживаетъ вниманія, такъ какъ, хотя и безсознательно, они также отчасти служили общему Славянскому дѣлу. Говорю это не только отъ того, что они, такъ сказать, подтверждаютъ и доказываютъ собою справедливость положенія о томъ, что и въ наше время стихія Славянская такъ или иначе продолжала дѣйствовать на Пиренейскомъ полуостровѣ, а и потому, что своимъ мужествомъ и истинно-геройскими подвигами они внушили уваженіе къ себѣ въ самихъ неприятеляхъ своихъ Испанцахъ и тѣмъ достойно оправдали то доброе мнѣніе, которое издавна существовало на Пиринейскомъ полуостровѣ обо всемъ нашемъ племени¹. (Вспомните сужденіе аль-Бекри).

1. На Русскомъ языкѣ о Полякахъ въ Испаніи писалъ у насъ г. Булгаринъ: Воспоминанія объ Испаніи. Спб. 1823. При Сомо-Сьеррѣ Польская кавалерія оказала чудеса храбрости. Самъ очевидецъ и знатокъ дѣла, де-Нелья (Mém. sur la guerre de l'Espagne par M. de Nauvies, p. 14) говоритъ про эту знаменитую атаку: «Ce fait d'armes est un des plus glorieux qui ait illustré la cavalerie». (См. Восп. объ Исп. С. 14. Сужденіе Кавальеро о Полякахъ. Тамъ же. С. 15.). Честь этой атаки (при Сомо-Сьеррѣ) принадлежитъ полковнику Коабульскому, а не Любежному, какъ писалъ Фьессе (Fleissé: Hist. des troupes étrangères au service de France). Какъ для исправленія этой ошибки, такъ и въ опроверженіе Тьерра (въ Hist. Росс. и Имперіи), одинъ изъ участниковъ этого дѣла, Нѣголевскій, написалъ недавно особую брошюру: «Les Polonais à Somo-Sierra en Espagne en 1808. Rectifications relatives à l'attaque de Somo-Sierra, décrites par des hist. français... par le colonel Niegolewski. 2-me édit. Paris. 1855». У Нѣголевскаго приведены слѣдующія замечанія изъ Французскихъ историческихъ трудовъ объ этомъ дѣлѣ, приносящемъ великую честь храбрости и мужеству нашихъ соплеменниковъ. Тамъ въ сочиненіи Victoires et conquêtes, t. XVIII, p. 206 et 207, Paris, 1820, говорится объ этомъ: «Cette charge brillante doit être regardée à juste titre, comme le plus étonnant et le plus audacieux des faits d'armes dont la cavalerie ait fourni l'exemple; aussi couvrit elle de gloire le régiment qui l'exécuta et qui, dès lors, fut irrévocablement associé à l'élite des vieux soldats français. Les avantages d'une action aussi mémorable furent décisifs. Le corps espagnol était dispersé et anéanti; il avait perdu dix drapeaux, toute une artillerie, trente caissons, tous ses bagages, les caisses des régiments, un grand nombre d'hommes tués ou prisonniers: parmi ces derniers se trouvaient plusieurs colonels et autres officiers supérieurs. Le régiment polonais avait

Возвратившіеся на родину Поляки, какъ записками, такъ и разсказами своими въ кругу знакомыхъ и семействъ, распространяли между Славянами болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія объ Испаніи, ея нравахъ и обычаяхъ, подобно тому, какъ знакомили своихъ, соотечественниковъ съ Россіею тѣ Испанцы, что были увлечены Наполеономъ въ походъ на отечество наше. По приказанію Императора Александра, всѣ взятые нами въ плѣнъ Испанцы были собраны вмѣстѣ и воедино; изъ нихъ образовали у насъ пѣлый полкъ и начальство надъ нимъ поручено было Испанскому офицеру О'Донелю. И вернувшись на родину, этотъ пѣхотный полкъ еще долго носилъ названіе Imperial-Alejandro.

Послѣ 1815 года Русскій посланникъ въ Мадридѣ пользовался значительнымъ вліяніемъ. Для экспедиціи Испанской противъ инсургентовъ въ колоніяхъ Американскихъ, подъ начальствомъ Морильо, въ послѣдствіи графа Карфагенскаго, Петербургскій Дворъ выслалъ въ Испанію два фрегата¹.

Что касается Португаліи, то въ примѣръ международныхъ сношеній Славянъ съ Португальцами, знакомящихъ массу съ

en cinquante sept hommes tués ou blessés. Les lieutenants Krzyzanowski, Rowicki et Rudowski furent tués sur le champ de bataille, le capitaine Dziewanowski, blessé mortellement, mourut quelques jours après; le capitaine Pierre Krasinski, parent du colonel, et le lieutenant Niegolewski, furent également blessés. Le chef d'escadron Koziatulski, renversé de son cheval tué sous lui, fut foulé aux pieds et convert de contusions. Въ сочиненіи Précis des victoires, conquêtes et revers des Français depuis 1792 jusqu'à 1845, ouvrage rédigé par une société de militaires et de gens des lettres... Paris, 1844, p. 185, сказано про эту атаку Польской кавалеріи: «Cette action ouvrit à nos troupes la route de Madrid». Такъ говорилъ о ней Наполеонъ въ 13-мъ бюллетенѣ: «une charge de cheval-légers polonais décida l'affaire; charge brillante s'il en fut, où ce régiment s'est couvert de gloire et a montré qu'il était digne de faire partie de la garde impériale: canons, drapeaux, fusils, soldats, tout fut enlevé, coupé ou pris». О Козіульскомъ, главнѣйшемъ виновникѣ этого успѣха, въ послѣдствіи было совсѣмъ забыто. Намъ кажется, что Нѣголевскому удалось восстановить память и честь своего земляка. Графъ Юс. Залусскій въ письмѣ къ Нѣголевскому замѣчаетъ между прочимъ по поводу умалчиваній Тьерра: «les mânes de Koziatulski ont de quoi se consoler; son nom retentira dans la postérité avec celui de Somo-Sierra, comme celui de Sobolewski avec Almonacid, comme celui de Chlopicki avec Saragoſse, comme celui de Sulkowski avec l'Égypte...» (Niegolewski. I. I. p. 81). О Полякахъ при Сомо-Сьеррѣ см. также Bibl. Warsz. 1855. II, 419 и сл.

1. Отеч. Зап. Сынѣина. Ч. II. № 3. Стр. 27.

массою, указать можно на слѣдующія три обстоятельства. Въ этомъ отношеніи стоянка эскадры Сенявина въ Лиссабонскомъ рейдѣ въ 1808 г. вполне заслуживаетъ вниманія. Самостоятельное и независимое поведеніе Русскихъ, при обстоятельствахъ чрезвычайно затруднительныхъ, рѣшительно завоевало имъ общее уваженіе и любовь Португальцевъ ¹.

Въ маѣ 1833 г. Довомъ Педро, Герцогомъ Браганцскимъ и Польскимъ генераломъ Бемомъ была подписана конвенція объ образованіи Польскаго легіона въ Португаліи. Пока не могу сказать ничего положительнаго, образовался ли этотъ легіонъ и когда и каковы были дальнѣйшія судьбы Поляковъ въ Португаліи ².

Въ іюнѣ 1857 г., во время стоянки нашей эскадры (контръ-адмирала Беренса) въ Лиссабонскомъ рейдѣ, въ городѣ случился пожаръ. Болѣе ста человекъ матросовъ, гардемариновъ и офицеровъ нашихъ отправились его тушить. «Люди наши, говоритъ въ своемъ донесеніи контръ-адмиралъ Беренсъ, обратили на себя всеобщее вниманіе неустршимостью и дѣятельностью, съ которыми они наводили шланги и спасали имущество изъ горѣвшаго дома, такъ что вызвали у народа, собравшагося на пожаръ, единодушное bravo! Къ мѣсту пожара пріѣхалъ Его Величество Король Португальскій и приказалъ подать ему списокъ гг. офицеровъ и число нижнихъ чиновъ, посланныхъ на пожаръ. Во время пожара упавшимъ карнизомъ дома ушибло обонихъ поименованныхъ офицеровъ (мичмана Суслова и артиллеріи прапорщика Каплуновскаго) и четырехъ матросовъ, но, къ счастью, не опасно, исключая одного матроса, которому прошибло голову; впрочемъ и этотъ подаетъ надежду къ выздоровленію. Въ здѣшнихъ газетахъ два дня сряду описываютъ дѣйствія нашихъ командъ со всею подробностью и отзываются объ нихъ съ большою похвалою».

1. Слов. дост. людей Русской земли. Вантышъ-Камеискаго. Спб. 1847. III, 235—339. Біографія Сенявина, соч. Арцимовича (въ М. Сб.).

2. Pisma tyszące się organizacji Legji Polskiej w Portugalji. Paryż. 1833. Въ приулярѣ своемъ (do wojskowych Polskich) генералъ Бемъ говоритъ между прочимъ: «Portugalja oswobodzona służyć nam przeto może w nieszczęściu i tołactwie naszymъ na nową ocszyznę, dopóki tylko pod jęj roskoszнімъ niebemъ pozostacъ zechcemy» (str. 7).

Въ донесеніи г. Гамузова, нашего повѣреннаго въ дѣлахъ при дворѣ Лиссабонскомъ, читаемъ: «Всѣ Португальскіе журналы съ большимъ жаромъ выхваляли неустрашимость Русскихъ офицеровъ и матросовъ, которые бросались именно туда, гдѣ было болѣе опасности. Толпа, среди самаго пожара, кричала: «bravo Russo!»¹ —

Нельзя здѣсь не выразить искренняго сожалѣнія о томъ, что богатая литература Пиринейскаго полуострова у насъ въ Россіи такъ долго остается почти совершенно неизвѣстною; необходимо было бы, кажется, намъ завязать съ нимъ умственное общеніе, которое для обѣихъ сторонъ могло бы быть весьма полезнымъ по многимъ отношеніямъ. Желаніе знать, что думаютъ и говорятъ, чего отъ насъ ждутъ тѣ или другіе иностранцы, очень часто, конечно, проистекаетъ изъ нелѣпаго тщеславія, изъ пустоты мысли, вѣчно мечущейся по сторонамъ и не умѣющей ни на чемъ остановиться, изъ какой-то вялости воли и нравственной распушенности, мѣшающей человѣку найти опору и равновѣсіе въ глубинѣ собственнаго духа; но вообще, такое желаніе, не смотря на всѣ его злоупотребленія и неправильныя обнаруженія, исполнѣе законно и разумно, такъ какъ коренится на справедливомъ началѣ.

Дѣйствительно, весьма часто отдѣльный человѣкъ мнѣніями о немъ постороннихъ людей бываетъ наведенъ на открытіе въ себѣ самомъ такихъ свойствъ и такихъ сторонъ, объ обладаніи которыми онъ прежде и не подозрѣвалъ. Такія открытія въ высшей степени бываютъ важны для самосознанія, которое одинаково необходимо и для цѣлаго народа, и для отдѣльныхъ лицъ.

Образъ Россіи и вообще міра Славянскаго только тогда представитъ намъ въ возможной ясности, когда мы лучше узнаемъ сами себя и всѣ понятія и представленія о насъ народовъ иноплеменихъ и иноплеменныхъ².

1. Морск. Сб. 1857. Августъ. С. 101—107.

2. Какое то особенное сродство, замѣчаемое въ народныхъ мотивахъ Испанскихъ и Славянскихъ, указывая гдѣ самымъ на нѣкоторую близость характеровъ этихъ народовъ, побудило меня обратить на это вниманіе и распространить объ этомъ подробности. См. въ Приложеніяхъ.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЗАМЪЧАНІЯ

къ сочиненію

«О СЛАВЯНАХЪ ВЪ МАЛОЙ АЗІИ, ВЪ ЛОРИКЪ И ВЪ ИСПАНІИ».

I.

Славянскія поселенія въ Малой Азій, значеніе Греческой военной границы, населенной Славянами, само собою наводитъ на болѣе или менѣе любопытныя соображенія. Позволяю себѣ обратить вниманіе читателя на тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ отношеніе къ столь близкому для насъ предмету — къ изученію Славянскихъ языковъ въ Россіи и къ распространенію Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

Въ литературѣ нашей уже сознательно и ясно понята важность задачи — опредѣлить вліяніе Греческое на Россію и на Славянъ; малость или незначительность трудовъ, подъятыхъ понинѣ на ея рѣшеніе, быть можетъ, находятъ себѣ оправданіе въ нѣкоторой неполнотѣ, даже односторонности постановки вопроса и выраженія задачи.

Я бы сказалъ, насъ должна занимать исторія отношеній Грековъ къ міру Славянскому и обратно; тогда сами собою выступятъ на видъ слѣдующіе два вопроса, важность которыхъ предстанетъ каждому во всей своей очевидной ясности, лишь только будетъ понята ихъ возможность.

Какое вліяніе имѣли Греки на міръ Славянскій?

Какое вліяніе имѣли Славяне, въ свою очередь, на міръ Греческій?

Иными словами, — такъ какъ сила вліянія Греческаго на насъ Славянъ для всѣхъ очевидна, — Славяне столько полу-

чившіе отъ Грековъ, внесли ли въ ихъ бытъ и образованность что-нибудь и съ своей стороны, какое понынѣ было и какое по этому будетъ въ послѣдствіи воздѣйствіе Славянъ на Грековъ?

Въ настоящее даже время, при всей неразработанности предмета, уму безпристрастному повятно заблужденіе всѣхъ, рѣзко толкующихъ о томъ, что стихія Славянская въ мірѣ Греческомъ была ничтожна и не заслуживаетъ никакого вниманія. Народность, давшая Византіи нѣсколькихъ Императоровъ,—Юстиніана I (527—565 г.), Юстина II (565—578 г.), Василия Македонянина (867—886 г.), патріарха (Никиту 766—780 г.), нѣсколькихъ полководцевъ, въ томъ числѣ Велисарія (изъ Далланіи, родины Юстиніана, изъ мѣстечка *Σχαλιτζω*), многихъ сановниковъ и самыхъ близкихъ къ престолу людей съ огромнымъ вліяніемъ (въ VI, IX, X и XI в.), народность эта не могла играть ничтожной роли въ имперіи. О происхожденіи многихъ другихъ лицъ, не мало значившихъ, еще непремѣнно умолчано. А сколько Славянъ занимали въ имперіи менше видныя мѣста, если многіе изъ ихъ соплеменниковъ достигли такого высокаго положенія въ государствѣ? А народный составъ военныхъ силъ Византіи, начиная съ VI в. до самаго ея паденія? А Славянскія поселенія въ Морѣ?

Теперь рѣзко утверждаютъ, что въ Морѣ исчезли малѣйшіе слѣды Славянства.

Весьма желательно, чтобы люди, хорошо изучившіе всѣ мѣстныя нарѣчія и говоры, которые въ Морѣ быть должны и не быть не могутъ, вмѣстѣ съ тѣмъ познакомились поближе съ языками Славянскими. Весьма также желательно путешествіе по Морѣ Славяниста, хорошо знакомаго и съ Греческимъ языкомъ.

Грамматика Муллаха — почтенный вкладъ въ науку, однако далеко не удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ современнымъ, въ чемъ впрочемъ не вина трудолюбиваго автора.

Смѣю думать, что только по удовлетвореніи этихъ двухъ изъявленнхъ нами желаній, возможно будетъ рѣшительно отвѣчать такъ или иначе на вопросъ: сохраняются ли какіе-нибудь слѣды Славянства въ Морѣ?

Только по подробномъ изслѣдованіи Славянскими путешественниками мѣстныхъ говоровъ, народныхъ пѣсень и напѣвовъ, мѣстныхъ обычаевъ и нравовъ, станетъ возможнымъ тотъ или другой рѣшительный отвѣтъ на настоящій вопросъ.

Слѣдуетъ также обратить вниманіе на топографію острововъ Архипелага. Достоверныя извѣстія о грабежахъ и набѣгахъ Славянъ въ VII и VIII в. на острова Кикладскіе, на Имбро, Тенедосъ и Самоѳракію; Славянскія поселенія въ Морѣ, мѣстныя Славянскія названія въ Эссалии, идя отъ востока на западъ къ берегамъ, омываемымъ Эгейскимъ моремъ, какъ напр. (см: карту Киперта Европ. Турціи) — Bokovitz, Vrestinitza, Knisovo, Klinowo, Niklitz, Voivoda, Poliana, Sieklitz, Vulgara, Dranitz, Selitziani, Golo и Goritz (у самаго залива Вольскаго), Vysitz (тамъ же), Zagora (на бер. Эгейскаго моря) — позволяютъ предполагать, что Славяне Македонскіе, Эссалийскіе, Морейскіе высылали изъ среды своей поселенцевъ и на острова Греческіе. Въ подтвержденіе этой догадки укажу на нѣкоторыя обстоятельства.

Въ XI в. Славяне Адриатическіе посѣщали о-въ Корфу. См. Lup. Protosp. 1081 г. Robertus dux intravit Tricarim mense octobri. Et in mense aprilis Archirici perrexit ad Michalam regem Sclavorum, deditque ejus filio suam filiam uxorem, et Robertus dux cum praefato Michaelae imperatore perrexit Idrontum; missisque antea navibus in insula Corfo (Corfu), quae apprehenderunt eam, ubi et ipse post paululum una cum imperatore transfretavit, posueruntque in mense julii ante Durachium obsidionem per mare et per terram; quam stolus Veneticorum veniens dissipavit, apertumque est mare Durachii. Hoc anno Botaniatim factus est monachus, et Alexius factus est imperator». Въ 949, 960 и 963 г. Фракійскіе, Азійскіе и даже Русскіе Славяне участвуютъ въ войскѣ Греческаго императора въ его походахъ на Критъ.

Русскій Князь Олегъ Святославичъ, жившій въ Россіи, въ 1079—1083 г., два лѣта и двѣ зимы провелъ на островѣ Родосѣ.

Намъ извѣстны пока только отрывочные случаи, выхваченные изъ исторіи отношеній Славянъ къ островамъ Греческимъ въ періодъ VII—XI в. Сильное участіе Славянъ въ Венеціи,

большія морскія силы Славянъ Адриатическихъ, особенно Дубровничанъ, частыя странствованія православныхъ богомольцевъ убѣждаютъ насъ въ томъ, что сношенія Славянъ съ островами Греческими не прерывались и въ позднѣйшія времена.

Извѣстный, достойный нашего уваженія Василій Григоровичъ Барскій, рассказываетъ въ своемъ Путешествіи, что 10 мая прибылъ въ Кефалонію (съ о-ва Корфу), для поклоненія мощамъ св. Герасима. Во вторникъ 10 мая, оставшись на берегу съ вещами, «учитель мой отецъ Рувимъ посла мя къ протопопу прошенія ради мѣста къ престоянію; къ нему же егда азъ пришедь, пріять мя любезнѣ, *понеже чьловѣкъ блаъ и добронравенъ есть, къ тому же и знаеше мало разлагольствовати Россійскимъ нарѣчіемъ, иже егда увѣда о насъ, абіе повель принестися намъ со всемъ въ домъ свой*».

Въ Корфу Барскій прибылъ 9 апрѣля 1725 г. вмѣстѣ съ спутникомъ своимъ Рувимомъ, пошедши въ церковь Св. Спиридона, нашли ее затворенною и потому остались въ притворѣ. «И се сидящимъ намъ тамо въ притворѣ свѣдошася къ намъ нѣщии отъ Грековъ, и начаша насъ вопрошати, откуда есмы, и како къ нимъ придохомъ, и како грядемъ; мы же отвѣтствовавомъ по истинѣ вся; *таже единъ вопросъ насъ о сродникѣ своемъ, его же имѣеше на Москвѣ, и рѣкохомъ ему, како и въ какомъ чину пребываетъ, понеже знаеше его добръ сопутешественникъ мой отецъ Рувимъ*; за что оный Грекъ бывши благодаренъ за такое извѣстіе, зва насъ въ домъ свой, недалече отъ Церкви Св. Спиридона стоящій....»

Путешественники наши весьма были огорчены, что не успѣли къ тому времени, когда открываютъ мощи св. Спиридона. «Молихъ же — говоритъ Барскій — многихъ великородныхъ ктиторей церкви и самаго протопопа, да соберутъ ключи, и покажутъ намъ, понеже суть ключей четыре, и всякъ въ разныхъ держится рукахъ, *аще сіе зъло и трудно есть, понеже никому же показываютъ кромъ уреченнаго времени, но понеже любимы бѣхомъ, яко отъ странъ Россійскихъ есмы, того ради обѣцагуся все*». Путешественники наши достигли своего желанія.

Въ сентябрѣ 1731 г. Барскій былъ на островѣ Патмосѣ. «Храмъ св. Евангелиста Іоанна Богослова, украшенъ есть и

иконостасомъ лѣпимъ, въ немъ же суть всѣ иконы Московскіе и стѣны храма иконописаны суть....»¹.

Барскій на Патмосѣ бывалъ очень часто и живалъ по долгу; трудился для него и конечно будущій историкъ о-ва Патмоса XVIII стол. не преминетъ упомянуть о немъ со всѣмъ должнымъ уваженіемъ. Позволяю себѣ объ этомъ предметѣ нѣсколько распространиться. Барскій сообщаетъ весьма любопытныя извѣстія объ одномъ іеродіаконѣ Макаріи, жившемъ въ то время на Патмосѣ, человѣкѣ, который безъ сомнѣнія займетъ одно изъ видныхъ мѣстъ въ ряду людей, приготовившихъ возрожденіе Грековъ.

Въ 1731 г. Барскій уже засталъ на Патмосѣ этого Макарія — «иже прежде двадесатью лѣтами тамо начать жителствовати; сей убо родомъ отъ тогожде острова Патма, послѣди же отъиде въ Константинополь, и не мало лѣтъ тамо поживе, діаконъ сущій Архіерея Ираклійскаго: достигши же въ совершенную мудрость Еллинскаго и Латинскаго языка, преуспѣ и въ добродѣтеляхъ не мало; таже оставя Архіерея, честь, славу и корысти, и ниже чинъ священства возхотѣ пріяти, но возвратився паки въ Патмъ островъ въ свое отечество, и сѣде въ оной обитѣли при пещерѣ, служба Господеву и ношъ, монастырю великому братъ сотворися, есть же мужъ добродѣтеленъ, смиреномудръ, постникъ, цѣломудръ, незлобивъ, страннолюбивъ пользуя многихъ, мусикійскую хитрость добръ вѣдый...» «сотвори училище, и собравшася къ нему ученики многіе, не токмо отъ Патма, но и отъ окрестныхъ странъ, и предаетъ ученіе грамматическое, риторское, философское и богословское, Еллинскимъ и Латинскимъ діалектомъ, и многіе отъ земледѣльцевъ философы и богословы сотвори. Прежде бо въ Патмъ толь просты бяху люди, яко ни церковнаго правила не знаху добръ чести, нынѣ же умножишася премудрыя и искусныя мужи, сице въ мірствѣмъ, якоже и въ духовномъ санѣ, нетокмо же тамо суть, но отъ лѣта 1728 въ

1. «Подножіе въ его храмы, — продолжаетъ Барскій, — и притворы посланаю есть лѣпо шраморами, много сребренныхъ кандиловъ имать, ни же украшаютъ въ праздники нарочитыя пошы, и сокровища книгъ многа имуть, рукописныя древнія съ кожаными листами, отъ иконовъ же многіе обрѣтаются искусныя съ учени, золотны и добродѣтельны». (I, 374. 6-е изд.).

инія окрестъ страны начаше разходиться и умножати Еллинское грамматическое ученіе; въ лѣто же 1729, за тщаніемъ и годатайствомъ . . . Макарія, за иждивеніемъ же нѣкоего купца богата Константинопольскаго создася новое училище пространное на подобіе монастыря съ нѣколикими келіями ради странннхъ учениковъ, и мноіе тамо стекаются къ ученію, не токмо отъ убогихъ, но и отъ знаменитыхъ мужей дѣти отъ Царяграда, Солуня, Коркири, Крита, отъ Кипра и отъ иныхъ различныхъ странъ; прежде же и путь не свѣдомъ баше въ островъ Патмъ, нынѣ же есть пресловутъ всюду ради храма св. Евангелиста Іоанна Богослова; и ради добродѣтели премудраго онаго мужа Макарія». Такимъ образомъ — Барскій непреувеличенно говоритъ: «сице бо за тщаніемъ его и славою множися оное училище, яко Грекамъ бѣднымъ, въ плѣненіи сущимъ подъ игомъ работы Магометанской, мѣсто древнихъ Аѳинъ есть».

Не знаю, сохранились ли у Грековъ подробныя извѣстія объ этомъ славномъ труженникѣ просвѣщенія и народности, во всякомъ случаѣ для нихъ должны быть чрезвычайно дороги слова о немъ нашего Барскаго, такъ какъ онъ коротко зналъ Макарія. Барскій, живя въ Триполи, учителемъ своимъ Іаковомъ посланъ былъ въ 1733 г. на Патмосъ: «ради нѣкоей потребы посланъ быхъ.... въ Патмъ къ великому учителю Макарію, ради нѣкихъ еже въ вѣрѣ истязаній бываемыхъ тогда въ престолѣ Антиохійстѣмъ отъ папистовъ и уніатовъ». Забѣчу кстати, что такъ послужилъ дѣлу Грековъ не одинъ Русскій. Не мало Русскихъ богомольцевъ перебывало на островахъ Греческихъ до Барскаго, и конечно большая ихъ часть поступали также подобно Барскому. Кстати напомнимъ, что въ XVII стол. одинъ Русскій, именемъ Пареній Небоза, былъ митрополитомъ Лаодикійскимъ....

Макарій скончался 17 января 1737 г. «азъ же (плакахся) отца, наставника и благаго; ибо сѣй же предъ многими лѣты мнѣ историку сушу и въ Патмъ нарочно поклоненія ради святаго мѣста пришедшу, совѣтова мнѣ, да оставлю все странствованіе, и да приложуся къ ученію Еллинскому, въ пользу себѣ же и отечеству». (II, 73). Изъ этихъ словъ видно, что Макарій помышлялъ и о нашей Россіи, хорошо сознавалъ великую для

нея пользу, отъ *ученія Еллинскаго*. Мы Русскіе тѣмъ болѣе привязываемся къ этой высокой личности. Мѣсто его занялъ ученикъ его *Герасимъ*, который вскорѣ однако умеръ, оплакиваемый всѣми; «азъ же — говоритъ Барскій — до умертвія скорбѣхъ, на точію лишенія ради *отеческой его ко мнѣ любви и ревности крайней къ Россійскому роду*, но ради великаго его искусства въ Еллиногреческомъ поученіи» (II, 74).

Барскій дорогъ для Грековъ, для острова Патмоса, не только этими и подобными о немъ извѣстіями, но и своими трудами. Такъ задержанный на немъ чумою, въ продолженіи шести мѣсяцевъ, онъ занялся составленіемъ Латиногреческой грамматики. Пусть говоритъ самъ Барскій, этотъ почтенный и слишкомъ мало оцѣненный нами; простой Русскій человѣкъ — «и собравши отъ различныхъ грамматикъ Латинскихъ, сочинихъ едину грамматику Латиногреческую, съ разноположеніемъ необычнымъ и съ удобопонятнымъ сокращеніемъ, елико мощно, по желанію и прошенію случающихся мнѣ любомудрыхъ Грековъ, изъ нея же можетъ всякъ Грекъ книженъ, аще и несовершенъ грамматикъ, изучитися совершенно грамматикѣ Латинской: въ ней бо Латинскаго художества поученіе Еллинское, примѣры же Латинскіе обрѣтаются. Благодарю же всемудраго Бога за таковое просвѣщеніе, яко не допусти мя погубити всеу толикое время, *но сподоби мя потрудитися за душевное спасеніе, на пользу братіи и ближнихъ нашихъ, и на честь отечеству моему: долженствую бо и азъ Грекомъ творити благодареніе, понеже и азъ многія благодати воспріималъ во всемъ моемъ странствованіи, наипаче же въ Патмѣ отъ школы и отъ монастыря; ибо жители тамошніе чрезъ 6 лѣтъ никакой на меня Турецкой дани не чалагаху, но иноки отъ монастыря общимъ изволеніемъ по пяти хлѣбцевъ мнѣ на седмицу, милостину подаваху, еже аще бы не было, то не могъ бы азъ въ Патмѣ толикое время прежити, и поучатися Еллинскому ученію, за которое благодареніе Господи ихъ спаси*. (II, 75—6) ¹.

1. Чтобы вполнѣ оцѣнить заслугу Барскаго, надо вспомнить, что уже въ Венеціи въ 1724 г. онъ сталъ только учиться по-Гречески; впоследствии же омерзѣвъ мнѣ дозѣла праздность, яно не виѣхъ что дѣлать, и не умѣхъ, единю точію ученіе Латинское, Русское и иное школьное знахъ, адмѣя бо отъ учащихся быхъ; есть же

Быть можетъ всё эти приводимыя здѣсь, подробности не покажутся излишними, но поводу относительной важности вопроса—имѣли ли Славяне въ свою очередь вліяніе на Грековъ? Въ заключеніе позволю себѣ указать еще на слѣдующія три обстоятельства.

Янина, давшая новой Греціи, нѣсколькихъ замѣчательныхъ людей, окружена со всѣхъ сторонъ мѣстностями и селеніями, носящими слѣдующія названія: Zagoriani, Ghizani, Tzerkovitza, Gribovo, Tzerkovista, Michalitz, Laskovetzi, Greveniti, Prilepi, Veitrista (см. карту Киперта). И сколько же изъ Янины вышло людей замѣчательнѣйшихъ, однихъ изъ главнѣйшихъ дѣятелей возрожденія Греціи. Братья Зосимы¹, Каплани², Θεοδοσία, эти Греческіе Новиковы, все уроженцы Янины и окрестностей.

Зосимы и Каплани прожили весьма долго въ Россіи, и, оказавъ ей большія услуги, сами въ свою очередь испытали сильное ея вліяніе. На жизни же и трудахъ Θεοδοзіевъ яснѣе обнаруживается ихъ Славянское происхожденіе. Такъ Димитрій Θεοδοзи написалъ даже на Русскомъ или лучше Славяно-Рус-

---

тако семинаріумъ, си есть школа Греческая, въ ней же дѣти Греческіе отъ нѣкихъ странъ Греческихъ пришедшія учатся Италіанскому и Латинскому варіачію. даже до риторикъ. Семинаріумъ оное надлежитъ подъ протекціею большыхъ нѣкихъ болръ Венеціанскихъ, иже не тако (мною) своея ради славы, яко паче Божія, дають коштъ большой, платяще дваскалу, си есть, учителю, за оныя чуждыя дѣти, кормяще и одѣвающе ихъ, даже чрезъ шесть лѣтъ». Барскій выпросилъ позволеніе ходить туда учиться; «еще повелѣ (дваскаль) ученикамъ своимъ да еще о чемомъ либо выбудь вопрошу, да показываютъ ми и заучаютъ, еси бо мѣ Греки любяшу, яко едину съ ними имамъ вѣру». (I, 92—93). Надъ Барскимъ посмѣивались, называли его въ насмѣшку *Соломономъ* — «множицею бо книжицы моя в писаніе школьное вметяху въ огонь, и прочая негодная творяху; азъ же иногда сваряхся, иногда же на Господа возверга печаль мою, молящій, да той мя препитаеъ и по печали дасть радость». (I, 93).

1. О Зосимахъ см. Διαθήκη τοῦ Θεοδώμου Νικολάου Π. Ζωσιμα εὐγένους Γραικοῦ καὶ ἱππότηου τοῦ ταύματος τοῦ σωτήρος. Ἐν Μοσχῶν. ἐκ τῆς τυπογραφίας Α. Στεφана. 1843. Здѣсь помѣщено одно завѣщанье Н. Зосимы. (144 стр. въ 8-ку). Въ другой же брошюрѣ съ такимъ же заглавіемъ ....Ἐν Μοσχῶν, 1844, 183 стр., въ 8-ку, — передъ завѣщаньемъ помѣщено и извѣстье о жизни братьевъ Зосимъ. Они родились около 1750—1760 г.

2. О Каплани см. любопытную брошюру «Рѣдкій и благотѣльный подвигъ Зоя Константиновича Каплани, въ Греціи 1736 г. родившагося, въ Москвѣ же 20 декабря 1806 г. скончавшагося». Москва, 1809. ХХІІІ и 109 стр., въ 4-ку.

скомъ языкѣ исторію Петра Великаго и напечаталъ ее въ Венеціи¹.

1. «Житіе и славы дѣла Государя Императора Петра Великаго Самодержца Всероссийскаго съ предположеніемъ краткой географической и политической исторіи о Россійскомъ царствѣ, нынѣ первѣе на Славенскомъ языкѣ списана и издана». Двѣ части въ больш. 4-ку. Въ Венеціи въ типографіи Димитрія Θεοδοзіа. 1772. Con licenza de' superiori. Книга эта была перепечатана въ Петербургѣ въ 1774 г. иждивеніемъ купцовъ Сибургскаго Копнина и Иркутскаго Байбородина. Одною изъ причинъ этой перепечатки, какъ объяснено въ «предувѣдомленіи отъ трудившихся въ напечатаніи сей книги» — что «самыхъ книгъ сей исторіи вывезено въ Россію столь мало, что многіе любители исторіи своего отечества, впоследствии ни за какія деньги получить оныя не могли». — «Поправленія и замѣчанія принявъ на себя трудъ сдѣлать его сіятельство князь Михайло Михайловичъ Щербатовъ». — Слогъ «исправлять трудился коллежской секретарь Василій Алексѣевичъ Троепольской». — Что Дм. Θεοδοзіа былъ уроженецъ Янинскій, видно изъ одного Греческаго его изданія: *Horologium (gtaese). Venetiis. 1778. 12. 1. Παρά Δημητρίῳ Θεοδοσίῳ τῷ ἐξ Ἰαννίνων.* — Привожу тѣ мѣста, которыя лучше всего обнаруживаютъ взглядъ автора на Россію, его сочувствіе къ ней. Онъ хвалится успѣхами Русскихъ, гордится ими. Въ его словахъ отразились взгляды Славянъ на наше отечество. Въ предисловіи, вступивъ бѣглый взглядъ на Русь до-Петровскую и сказавъ, что терпѣла она отъ Татаръ, Турокъ и пр., продолжаетъ: «Швеція лежитъ спрятана за Балтійскимъ моремъ, и о Россіи худого и помыслить не дерзаетъ; а Польша принимаетъ законы отъ онаго престола, коего она нѣкогда въ презрѣніи и въ поруганіи имѣла. Сего предъ тѣмъ никто не могъ себѣ и вообразить, а еще менѣе оное предпріятіе, которое нынѣ всю вселенную въ несказанномъ удивленіи, а Малую Азію и всю Турецкую имперію въ крайнемъ трепетѣ и ужасѣ содержитъ. — Коль много кратъ испытывались всепресѣтлѣйшіе Римскіе цесары высвободить христіанской родъ отъ ига оныхъ хриstopротивниковъ; но такое ихъ предпріятіе не могло никогда удалиться по желанію, отъ большой части затѣвъ, что Французы держатъ всегда партію Турецкую, и для того всегдажъ такимъ цесарскимъ благохвальнымъ предпріятіямъ, своимъ на цесарскія области въ тѣ самыя времена нападеніями мѣшали и диверсію чинили. Изъ публичныхъ вѣдомостей извѣстно, что нынѣшнему Россійскому предпріятію хотѣли они такимъ же образомъ, по послѣдней мѣрѣ на западныхъ и южныхъ водахъ препятствовать; но когда удостовѣрены были, что хотя и Жевщина управляетъ Россією, но живетъ въ ней духъ Петра и сама она великая... то не отважились они сдѣлать ни попытки въ томъ, въ чемъ дѣлать были намѣрены, и что Римскимъ цесарямъ, Петра Великаго въ себѣ не имѣвшимъ, чинить они могли». — Затѣмъ заговаривъ о Петрѣ, онъ останавливается на С.-Петербургѣ и хвастается имъ, какъ бы своимъ роднымъ городомъ. «О семъ нынѣшнемъ Императорскомъ столичномъ градѣ имѣю я отъ нѣкоего моего пріятеля извѣстіе слѣдующее: я не говорю много, когда доказую, что сей Россійскій столичный градъ превосходитъ все то, что только великимъ подумать можно. Затѣмъ описываетъ Неву, аданія и т. д. Перечислявъ заслуги Петра, прибавляетъ: «и чрезъ все то возвелъ онъ Россію на высочайшую степенъ силы и славы, а ими свое учинилъ у самаго отдаленнаго Россійскаго потомства безсмерт-

Въ посвященіи своемъ Императрицѣ Екатеринѣ, онъ говоритъ, между прочимъ, что о Петрѣ Великомъ не мало уже книгъ

имѣтъ. — «Сего-то преславнаго Императора, несравненнаго героя, вѣдѣвшаго царства Россійскаго основателя, просвѣтителя и отца житіе и славныя дѣла описаны почти на всѣхъ Европейскихъ языкахъ, единаго только Словенской былъ по сіе время такового утѣшенія лишень, за тѣмъ, что народы того языка на юго-западу обитающіе сами того учинить средства не имѣли, а отъ Россіи имъ того ожидать уже и утомились, и такъ остались всегда въ одномъ только напрасномъ желаніи, въ которомъ и я съ ними же находился, и которымъ единственно возбужденъ выдать настоящую о высокопомянутомъ Императорѣ Исторію на нашемъ Словяноскомъ языкѣ». Сначала онъ предпосылаетъ географическій очеркъ Россіи и очеркъ Русской исторіи до Петра, чтобы читатель увидѣлъ, «какъ въ глубокой тмѣ неученія и безпорядочнаго правленія находилась Россія, и что Петръ Великій былъ первый, который собственнымъ своимъ разумомъ и собственнымъ своимъ трудомъ оную изъ такой тмы вывелъ на свѣтъ, на котораго безъ блистанія великаго и удивленія смотрѣть не можно». — Затѣмъ онъ говоритъ о пособіяхъ: «имѣ въ отдаленныхъ не ученыхъ странахъ живущему надобно было книги иностранныхъ писателей промыслить изъ Германіи, а Россійскихъ изъ Россіи, сколько могущество мое дозволяло, для чего и провелъ я нѣтъ лѣтъ въ сочиненіи сего Исторіи безъ перерыву». Но иностранные писатели, — говоритъ авторъ, — не совсѣмъ справедливы, «писали они все то, что могло служить къ ищевію и къ безславію Россійскаго народа. Гдѣ же было имъ мѣсто писать о Россійской церкви, то употребляла всѣ они не только сверху Россійскаго духовенства, но и сверху самого Греко-Россійскаго исповѣданія такіа хулы и безчестія, что безъ верзости и читать ихъ нельзя». Ему помогали извѣстными и свѣдѣніями баронъ Петръ Шафиръ, бывшій тогда государственнымъ вице-канцлеромъ, и академикъ Миллеръ. — Любопытенъ взглядъ его на Французовъ. Сказавъ о недостаточности описанія Петровской побѣды надъ Шведями, находящагося въ сочиненіяхъ Вольтера, Рабенера и Лакмбъ, онъ прибавляетъ: «Французы отъ большой части въ писаніи исторіи самовольны» (Венец. изд. I, 288). Это же самовольство, легкость и неосновательность ставить въ упрекъ Французамъ и Русскіе, говоря напр.: «Французъ сытъ крупницей, пьая водичей, пилкомъ брѣть, дышомъ грѣть».

Въ заключеніе этихъ длинныхъ выписокъ, за которыя вѣроятно не поспѣютъ на меня читатели, конитъ книга Феодози недоступна, привожу еще слѣдующее и послѣднее мѣсто, — весьма интересное замѣчаніе автора по случаю объявленія Петромъ войны Туркамъ въ 1711 г. «По истинѣ всѣ како единоплеменные Славянскіе тако и Греческіе и другихъ языковъ восточнаго Иерусалимскаго благочестія народы, которые чрезъ толь долгое время стонуть подъ игомъ Оттоманскимъ, начали уже воображать себѣ Петра Великаго, точно яко Израильскаго отъ Бога посланнаго ангела, который избавитъ ихъ отъ плѣни Мухамеданской, точно яко Египетской. Пророчество во гробѣ Греческаго императора Константина найденное удостовѣровало ихъ, что Турки имѣютъ всеконечно изгнаны быти изъ Царьграда народомъ рыжымъ или русскимъ (то есть червленикастымъ), конитъ Россіановъ быти разужьютъ. Да и выѣзъ тожь думаютъ, и всѣ единоумерше хотя въ неволѣ не явю, однакожь въ тайнѣ, а паче сердечныя свои молитвы

написано, и что онъ по справедливости отъ всѣхъ націй зовется великимъ, — «то посему въ сравненіи сего слѣдуетъ, что весьма прилично было и житіе сего Государя на свойственномъ его Имперіи народа діалектѣ, въ которомъ и друіи толь многи націи сходны находятя, изъяснить; дабы и они о великолѣпныхъ акціяхъ и преславныхъ толикаго и таковаго героя дѣлахъ полезнаго не лишились извѣстія».

Какъ смотрѣлъ Θεодози на Грековъ, можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ. — «между Греками и Сербами съ времени ихъ еще бывшихъ государствъ вскорененная антипатія есть неразрушима. Гордость Греческая не можетъ развѣ по неволѣ терпѣти Славянскаго языка людей, а Сербы вмѣютъ Грековъ въ такомъ презрѣніи, каковаго достойны всѣ не постоянные и гордые люди» (Венец. изд. I, 23).

Тотъ же самый Димитрій Θεодози издалъ и «Славяно-Сербскій Магазинъ», то есть собраніе сочиненій и переводовъ. Томъ I. Часть I. Венеція. 1768.

Панъ Θεодози, вѣроятно братъ Димитрія, также трудился для дѣла Славянскаго. Онъ издалъ — 1) Стихи и прозы (sic!) Карамзина. Poesie e Prose di Karamsin. Tradotte dal Russo per il Dg. Cetti. Млетки (т. е. Венеція). Въ типографіи Пана Θεодозія. 1812. Рядомъ съ переводомъ напечатанъ и подлинникъ. 2) Етика или Философія Нравоучительна по система Профессора Соави Досифеємъ Обрадовичемъ издана. Въ т. Греко-Славянскою у Пано Θεодосія. 1803¹.

Такимъ образомъ Θεодозіи, будучи Греками по воспитанію, вовсе однако не утратили Славянскою народности, и въ силу ея тяготѣли такъ сказать къ міру Славянскому.

къ Богу о успѣхъ оружіа благочестиваго государства надъ злочестивыми и чело-
вѣкопоклонниками, ради освобожденія своего, и своего утѣшеннаго благочестія,
вспреставно возсылають» (II, 22).

1. Для всѣхъ понимающихъ тѣсную связь исторіи Россіи съ исторіею прочихъ Славянъ (а кто ея не понимаетъ!) весьма живо и ясно должна пред-
стать необходимость обращать въ исторіи Русскаго языка и литературы внима-
нѣе на исторію Славянскихъ типографій (вообще, не только Русскихъ) въ чужихъ краяхъ. Имъ предстоитъ великое развитіе въ будущемъ. Венеція въ этомъ
отношеніи обращаетъ на себя особенное вниманіе.

Феодозы были земляками братьевъ Зосимъ, Каплани, которые также не мало потрудились для Россіи, слѣдовательно для Славянства, и имена которыхъ неразрывно связаны съ возрожденіемъ единовѣрныхъ намъ Грековъ.

Второе же обстоятельство, котораго также нельзя терять изъ виду при вопросѣ о Славянской стихіи въ мірѣ Греческомъ, заключается по моему въ томъ, что самый Цареградъ и прилежащія къ нему мѣстности имѣли издавна поселенія Славянскія. Имена *Бльградъ* и *Поле* (Polja) ясныя тому доказательства. Монастырь Студійскій въ Цареградѣ, гдѣ жили Русскіе въ XIV в., былъ конечно всегда гостепріимно открытъ не только Русскимъ, посѣщавшимъ столицу, но и Болгарамъ и Сербамъ, сторону которыхъ почти постоянно держали Русскіе въ ихъ распряхъ съ Греками на Аѳонѣ.

Наконецъ значительныя перемѣны въ политической судьбѣ Грековъ, произведенныя Болгарами при царѣ Симеонѣ (+ 927 г.) и его предшественникахъ, при обоихъ Асѣняхъ, Сербами, начиная со Стефана Немани до Стефана Душана включительно (1147 — 1356 г.), и единоплеменными и столько имъ обязанными Русскими, начиная съ 1453 г. (когда Москва, по выраженію современниковъ стала *третьимъ Римомъ*), до 1830 г. включительно, такія перемѣны, говорю я, рѣшительно, кажется, отнимаютъ всякое право и малѣйшую возможность у кого бы то ни было обвинять въ народномъ самохвальствѣ тѣхъ Славянскихъ писателей, которые настаиваютъ на необходимости и важности изученія вопроса — о вліяніи Славянъ и на Грековъ.

Въ заключеніе представлю вкратцѣ нѣсколько любопытныхъ и немаловажныхъ чертъ для характеристики современныхъ отношеній Грековъ къ народу Русскому; постараюсь нѣсколько пояснить ихъ исторически и наконецъ предложу на судъ читателей нѣсколько мыслей и соображеній касательно будущихъ нашихъ отношеній къ Грекамъ, которыя имѣютъ тѣсную связь съ вопросами объ умственномъ общеніи Россіи съ міромъ Славянскимъ и о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

Одно наше духовное лицо въ путевыхъ замѣткахъ о Греціи, которую оно посѣтило въ 1850-хъ годахъ, сообщаетъ нѣсколь-

ко весьма любопытныхъ подробностей, живо рисующихъ понятія Грековъ о Русскихъ и расположеніе ихъ къ Россіи.

«Городъ (Калаврита), знаменитый исторически — говоритъ почтенный авторъ — какъ центръ Греческаго возстанія противъ Турокъ, представляется, подобно Коринѳу, кучею развалинъ.... Русское имя вскорѣ огласилось по городу, и когда мы посѣщали церковь, насъ уже окружала весьма значительная толпа народа, высказывавшаго веселое и живое чувство при взглядѣ на насъ»¹.

Почтенный авторъ пріѣзжаетъ въ *Патры* (или *Патрасъ*). «Было часовъ 5, когда мы отправились съ квартиры — пора, въ которую весь городъ, въ теченіе дня укрываясь, высыпаетъ на улицудохнуть прохладою. Съ нами шелъ нашъ вице-консулъ. Лишь только завидѣли насъ на улицѣ, другъ за другомъ стали подходить къ намъ сперва дѣти, потомъ и возрастные, а наконецъ всѣ, кто ни встрѣчалъ насъ, приставали къ намъ. Движеніе сдѣлалось общее. Со всѣхъ улицъ и переулковъ бѣжали къ намъ, шумѣли, толкались, забѣгали впередъ посмотреть на насъ, пытались много разъ принять отъ меня благословеніе — *ἁγίαν εὐλογίαν* (т. е. Русское святое благословеніе), какъ говорили и пр. Приближаясь къ церкви, я оглянулся и ужаснулся: за нами шелъ, казалось, весь городъ. Въ церкви говоръ и волненіе напомнили мнѣ весьма живо то блаженное время, въ которое мы, бывало, ожидали и встрѣчали государя императора. Его славное имя двигало и теперь толпами иноплеменнаго, но единовѣрнаго намъ народа. *Εὐλογημένη ἡ Ῥωσσία! Εὐλογημένος ὁ Νικόλαος ὁ πατέρας μας! Ζήτω ὁ Αὐτοκράτωρ! Ζήτω ἡ Ῥωσσία.* (Благословенная Россія! Благословенный Николай отецъ нашъ! Да здравствуетъ императоръ! Да здравствуетъ Россія!) Множество подобныхъ ублаженій разносилось по церкви»².

«Во все время пребыванія нашего въ *Θивαхъ*, мы не переставали слышать по временамъ подземные удары, изъ коихъ три или четыре были весьма значительны. Не смотря однакожъ

1. Ж. М. Н. Пр. 1854. Мартъ. Христіанскія древности Греціи. С. 175 и сл.

2. Тамъ же. С. 188.

на всю поразительность своего положенія, бѣдные жители, при одномъ слухѣ о прибытіи Русскихъ, пришли въ движеніе и толпами ходили за нами между развалинами домовъ своихъ»¹.

— «И безъ того всѣмъ близкое и любезное имя Русскихъ въ это время возбуждало всеобщій восторгъ въ Греціи, и преимущественно въ клирѣ Греческомъ. Мегаспидеонъ (большой монастырь, на западъ отъ Коринѳа) — центръ и исходная точка религіознаго воодушевленія Грековъ, естественно болѣе всѣхъ другихъ мѣстъ сочувствовалъ Россіи»².

Эти чувства расположенія Грековъ къ Русскимъ не ограничиваются нисколько однимъ духовенствомъ. Такъ извѣстно, что съ 1798 до 1807 г. Русскіе принимали самое живое участіе въ дѣлахъ острововъ Ионическихъ. И что же, масса народонаселенія понинѣ любитъ вспоминать о нашей эскадрѣ, и преимущественно объ адмиралѣ Дмитріи Николаевичѣ Сенявинѣ.

Въ 1841 г., будучи въ Заптѣ, одинъ изъ почтенныхъ нашихъ моряковъ, такъ между прочимъ выражается, говоря о привязанности жителей къ Русскимъ: «Кто виновникъ радостнымъ привѣтствіямъ, съ какими насъ окружали иностранцы? Кто внушилъ имъ это уваженіе къ Русскому флагу?»

Всѣмъ этимъ преимущественно — говоритъ тотъ же авторъ — мы обязаны Сенявину. Его имя» повторялось теперь на шанцахъ, на палубахъ и въ каютъ-кампаніи». О немъ «говорили съ замѣтнымъ оживленіемъ и всѣхъ спрашивали пріѣзжавшія толпы?» Его «благословляютъ здѣшніе народы, рассказывая дѣтямъ о его временахъ, о ихъ благоденствіи при благословенномъ монархѣ, подъ управленіемъ адмирала Сенявина. Здѣсь всѣ знаютъ, помнятъ и глубоко уважаютъ Дмитрія Николаевича».

«Любимый разговоръ нашихъ гостей былъ о немъ; они не говорили о его воинской славѣ или морской извѣстности; нѣтъ, они рассказывали о немъ самомъ, какъ о человѣкѣ безъ блеска и титула. Говорили, какъ онъ былъ строгъ и вмѣстѣ съ тѣмъ входилъ въ малѣйшія нужды жителей, всякаго самъ утѣшалъ,

1. Тамъ же. С. 223.

2. Тамъ же. С. 158.

каждому помогать, и его любили больше, нежели боялись. Въ какой дисциплинѣ держалъ онъ и своихъ и чужихъ, но любилъ, чтобы всѣ его окружающіе были имъ довольны и всегда веселы; самъ изобрѣталъ удовольствія, давалъ пиры и всѣ уважали его не на словахъ, а дѣйствительно какъ отца-командира; наконецъ заговорили объ его отъѣздѣ. Какъ это неожиданное извѣстіе всѣхъ поразило! не хотѣли ему вѣрить: не могли видѣть Французскаго флага, Греки бунтовались, но адмиралъ Сенявинъ умирилъ ихъ, и весь народъ со слезами провожалъ его. И теперь при этомъ разсказѣ, у нѣкоторыхъ наворачивались слезы. Заціоты желали знать всѣ подробности объ адмиралѣ: когда онъ умеръ? гдѣ похороненъ? какой сдѣланъ памятникъ? остались ли у него дѣти» и пр. ¹.

Въ XVIII ст. побѣды Румянцова, Суворова, бой Чесменскій не могли не производить на Грековъ весьма сильнаго впечатлѣнія. Самый приходъ Русскихъ въ Морею въ 1770 г., хотя исходъ его былъ весьма неудаченъ, впрочемъ не по нашей винѣ ², имѣлъ весьма сильное вліяніе — горсть Русскихъ несетъ

1. Ст. г. Арцымовича: Адмиралъ Дмитрій Николаевичъ Сенявинъ. Морск. Сборн. 1833. № 12. С. 266 и сл. — См. Маякъ 1843. Воспоминанія Русскаго моряка (въ 1841 г.). И. Суцова.

2. Истинно драгоценный документъ «Собственноручный журналъ капитанъ-командора С. К. Грейга въ Чесменскій походъ» (Морск. Сб. 1849. № 10. С. 645 и сл. № 11. С. 715 и сл. № 12. С. 785 и сл.). Сѣв. Арх. 1823. ч. 8. № 22. Подвиги капитана Баркова въ Мореѣ и взятіе древняго Лакедемона или Спарты, что нынѣ Миситра, въ 1770 г.) — не допускаетъ теперь ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что виною неудачи возстанія Морейскаго были не Русскіе. О дѣйствіяхъ пѣхотнаго капитана Баркова см. с. 715 и сл. Съ небольшимъ отрядомъ Майнотовъ и горстью Русскихъ Барковъ скоро овладѣлъ Миситрою и принудилъ Турокъ къ капитуляціи, до 3,500 человекъ. «Но только что обезоруженіе ихъ было окончено, какъ Майноты, незнавшіе законовъ войны... и ослабленные успѣхомъ, предались остервенѣнію и съ совершеннымъ безчеловѣчіемъ начали рѣзать и убивать беззащитныхъ Турокъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей». Барковъ съ 12 Русскими солдатами напрасно останавливалъ Майнотовъ; они стали стрѣлять по нашимъ часовымъ. Городъ былъ преданъ разграбленію. Турокъ погибло множество. Грейгъ при этомъ весьма основательно разсуждаетъ: «Нѣкотораго оправданія такого безчеловѣчія со стороны Грековъ можно искать въ жестокомъ съ ними обращеніи ихъ угнѣтателей. Какъ бы то ни было, но это происшествіе, гибельное для

имъ свободу, доставляетъ побѣды надъ ихъ давнишними угнѣтателями. Въ 1698 г., Бояринъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ, въ бытность свою въ Венеціи, 16 февраля принималъ у себя Греческаго митрополита Венеціанскаго — «и поздравлялъ боярина побѣдами, которыя бояринъ одержалъ подъ часъ бытности своей въ Бѣлгородѣ, надъ непріятелями креста святаго, и говорилъ съ бояриномъ много, желая великому государю, его царскому величеству шастливыхъ побѣдъ и одолѣнія надъ непріятелями креста святаго, и освобожденія греческаго ихъ царства отъ ига поганскаго, и говорилъ, яко въ прошедшее время, непреставно Господа Бога молилъ со всѣми христіанами, которые суть подъ его паствою, о здравіи вел. госуд. его царскаго величества и о совершенной побѣдѣ надъ непріятелями».

Греки, со взятія Цареграда Турками, преимущественно обратили свои взоры на единовѣрную Россію, сношенія ихъ съ нами съ тѣхъ поръ стали еще тѣснѣе.

Въ XVII стол. стало общимъ убѣжденіемъ не только Грековъ, Русскихъ, но и Турокъ, что Царьграду быть взяту Русскими. Такъ Петръ Великій, въ письмѣ своемъ къ Андрею Виніусу, отъ 5 окт. 1697 г. изъ Амстердама, — передавая слова Вейта, бывшаго въ сраженіи при Центѣ, — говоритъ между прочимъ, что узналъ отъ него — «нѣкоторый паша взятъ въ пленъ, который передъ генералисимусомъ цесарскимъ и предъ всѣми генералами распрашиванъ, въ которомъ распросѣ межъ иными словами сказалъ, что де у нихъ нынѣ есть такое пророчество, что въ 1699 г. Царьгородъ взятъ будетъ отъ Русскихъ; о чемъ и прежь сего слышали, только не отъ такихъ знатныхъ. Въ чемъ

Турокъ, было столь же неблагопріятно и польза Русскихъ, и нѣтъ слѣдствіемъ всѣхъ тѣхъ неудачъ, которыя они въ послѣдствіи испытали въ Моревѣ. Если бы капитуляція была соблюдена со всею точностью, то очень вѣроятно, что ни одно изъ остальныхъ укрѣпленій, занятыхъ Турками, не было бы сильно защищено, такъ какъ Турки начинали уже оставлять Моревъ и желали только совершить безопасно свое отступление. Правда, Король все еще держался; но нѣтъ сомнѣнія, гарнизонъ его сопротивлялся Русскимъ не столько отъ желанія удержать за собой эту крѣпость, какъ отъ страха пройти безъ оружія чрезъ край, наполненный сильными партіями неутомимыхъ Грековъ. Во всякомъ случаѣ съ этого времени начались неудачи Русскихъ въ Моревѣ, не смотря на то, что сила ихъ возрасла въ послѣдствіи отъ прибытія остальной части флота. (Морск. Сб. 1849. С. 777 и сл.).

да будетъ воля Господня, отъ котораго побѣды происходятъ, и волею Его высятся и на во что превѣняются»¹.

Извѣстныя предсказанія о взятіи Царегграда Русскими, весьма любопытны для историка, дорожащаго не одними внѣшними политическими событіями, но интересующагося въ особености поматіями и воззрѣніями, присущими той или другой эпохѣ. Предсказанія эти одинаково были распространены, какъ въ Греческой, такъ Русской и Славянской литературахъ², но что еще важнѣе, не оставались достояніемъ книгъ, а переходили къ массамъ и становились устными преданіями. Такъ какъ въ исторіи отношеній Русскихъ и вообще Славянъ къ Грекамъ, предметъ этотъ занимаетъ весьма важное мѣсто, то я и рѣшаю указать здѣсь на одно обстоятельство, которое можетъ наглядно воссоздать процессъ образования въ массахъ разныхъ преданій и басней о взятіи Царегграда.

Въ 1674 г., по случаю дѣлъ Малороссійскихъ, въ Киевѣ стоялъ Московскій воевода Юрій Трубецкой. Его обязанностию

1. См. Устрялова — Петръ Великій въ Голландіи и Англіи. Прилож. 3. — 10 же сент. 1697 г. Петръ В. изъ Остенбурга (Голландской верфи) писалъ патриарху въ Москву: «Мнѣ въ Нидерландахъ, въ гер. Амстердакѣ, благодатію Божіею и вашими молитвами, при добромъ состояніи живы, и послѣдуя Божію слову, бывшему къ праотцу Адаму, трудился; что чинить не отъ нужды, но добраго ради приобрѣтенія морскаго пути, дабы искусясь совершенно, могъ возвратясь, противъ враговъ ижеи Исусъ Христа побѣдителями, а Христіахъ, тамо будущихъ, свободителями, благодатію Его, быть. Чего до послѣдняго издыханія желать не перестану» (тамъ же. С. 17.). Весьма любопытны слова Нартова, въ этомъ отношеніи кажется заслуживающія полнаго довѣрія. Въ своемъ сочиненіи «Достопамятныя повѣствованія и рѣчи Петра Великаго» Нартовъ говоритъ: «Государь рассказывалъ графу Шереметьеву и генералъ-адмиралу Апраксину, что онъ въ самой молодости своей, читая Несторовъ лѣтописецъ, видѣлъ, что Олегъ посылалъ на судахъ войска подъ Царьградъ, отъ чего съ тѣхъ поръ поселилось въ сердцѣ его желаніе учинить то же противъ вѣроломныхъ Турокъ, враговъ Христіахъ, и отыскать обиды, которыя они обще съ Татарами Россіи дѣлали, и для того учредить кораблестроеніе въ мѣстѣ, и такую мысль его утвердила бытность его въ 1694 г. въ Воронежѣ, гдѣ обобравъ онъ мѣстоположеніе рѣки Дона нашелъ способный, и чтобы по взятіи Азова пройти и въ Черное море» (Москвитинъ. 1842. № XI. С. 141). Въ 1723 г. по случаю ботика былъ данъ торжественный обѣдъ. «Во время стола, — говоритъ Нартовъ, — когда пили здоровье ботика, то Петръ Великій говорилъ: «здравствуй, дѣдушка! потомки твои по рѣкамъ и морямъ плаваютъ и чудеса творятъ! время покажетъ, явятся ли они и предъ Стамбуломъ» (тамъ же. С. 117).

2. См. Повѣсть о Царегградѣ. Читеніе И. И. Срезневскаго. Спб. 1838. С. 41 и сл.

между прочимъ было слѣдить за всѣмъ, что дѣлается и предпринимается въ Турціи; почему отъ всѣхъ приходившихъ изъ Турціи онъ отбиралъ сказки и показанія и отсылалъ ихъ въ Москву. Такъ 17 мая 1674 г. прибылъ изъ Турціи въ Кіевъ кіевскій житель *Греченинъ* Янъ Павловъ. Отъ него между прочимъ записали слѣдующій рассказъ, который само собою не замедлил распространиться въ народѣ.

«Да онъ же Янъ, будучи въ Царь городѣ, слышалъ отъ Турковъ, что въ салтанскихъ палатахъ, гдѣ въ то время православія бывала церковь, а нынѣ полата, и въ той полатѣ, въ то число, какъ въ Софейской церквѣ звонъ былъ, объявился старъ человекъ, сидитъ во святительскихъ одеждахъ, въ креслахъ, въ рукахъ держитъ посохъ, а передъ нимъ горитъ въ лампадѣ свѣча; и Турки де видя то, писали къ салтану и салтанъ де велѣлъ его изъ той палаты кинуть на море и Турки де, по его велѣнью, того человекъ кинули въ море, и послѣ де того, тотъ человекъ объявился, опять въ тѣхъ же полатахъ, сидитъ въ креслахъ, въ тѣхъ же святительскихъ одеждахъ, свѣча предъ нимъ горитъ по прежнему; и Турки де къ салтану и о томъ писали, и салтанъ де велѣлъ ту палату задѣлать, чтобъ никто въ нее не ходилъ»¹.

Повторяю, сношенія Грековъ съ Россіею стали несравненно тѣснѣе съ 1453 г., когда на наше отечество, отстоявшееся отъ Татаръ и постепенно начинавшее переходить въ наступленіе, народы православные устремили свои взоры, полные надеждъ и упованія. Предки наши прекрасно понимали это, какъ то

---

1. Въ извѣстномъ объясненіи Георгія Схоларія (1421 г.) сказано: «Родъ русскихъ (Ἕκκεῖν ὕβριος) вмѣстѣ съ прежними обладателями побѣдитъ всего Исмаила, и овладѣетъ Седьмохолмимъ. Тогда возжжется междоусобная война и длиться будетъ до пятого часа. Трижды восклицаетъ гласъ: Стойте, стойте со страхомъ! Спѣшите бодро на право, найдете мужа великодушнаго, добродѣтельнаго и мощнаго. Онъ будетъ вашимъ владыкой; онъ другъ мой, его принявъ, исполните волю мою» (Повѣсть о Царегр. И. И. Срезневскаго. С. 42). Такъ въ Видвннхъ Давиша по старинному Русскому переводу: «Издѣйте на десныя страны Седьмохолмаго. и обратете человекъ у двюстолпу стояща, сѣднанаи праведна и молитва носща, заоромъ остра, разумомъ же кротка, срѣдннго врьстою, имѣющнго на десной ноуѣ посреди голени бѣлѣгъ, возъмѣте его, и вѣвчанте царя: то естъ вашъ владыка». (Тамъ же. С. 43).

можно видѣть напр. изъ заключительныхъ словъ повѣсти о Цареградѣ, одного изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ старинной Русской словесности.

Потеря Цареграда была наказаніемъ Божьимъ для Грековъ за ослабленіе ихъ въ вѣрѣ христіанской, говоритъ повѣсть. — «А Греки въ томъ во всемъ ослабѣли и правду потеряли, и Бога разгнѣвали неумолимымъ гнѣвомъ, и вѣру христіанскую невѣрнымъ на поруганіе выдали, и нынече Греки хвалятся государствомъ царствомъ благовѣрнаго царя Русскаго отъ того взятя Мегметова и до сихъ лѣтъ, а инаго христіанскаго царства вольнаго и закону Греческаго нѣтъ; и надежу на Бога держать и во умноженіе вѣры христіанской и благовѣрнаго царства Русскаго, хвалятся и государемъ царемъ вольнымъ и до сихъ лѣтъ. А коли на спорѣ съ Латыняны Латынскія вѣры доктурѣ спираются съ Греки, на васъ на Грековъ Богъ разгнѣвался неумолимымъ своимъ гнѣвомъ такъ, какъ на Жидовъ, и выдалъ васъ Турскому царю въ неволю и за вашу гордость и за неправду; видите и сами, какъ Богъ гордымъ противляется, за неправду гнѣвается, а правда Богу сердечная радость, а вѣрѣ красота. Они же о томъ хвалятся и сказываютъ, есть у насъ царство вольное и царь вольной, благовѣрный государь, царь и великій князь всея Русси, и въ томъ царствѣ велико Божіе милосердіе и знамя Божіе, новые чудотворцы, и отъ нихъ милость Божія, такова, какъ отъ первыхъ».

Вотъ нѣсколько крупныхъ чертъ, живо рисующихъ отношенія Россіи къ міру Греческому, начиная съ 1453 г.; онѣ доказываютъ окончательно важность и необходимость вопроса — о вліяніи Славянъ и на Грековъ.

Какъ же Славянъ, возразятъ мнѣ, а говорится объ одной Россіи?

Но Россія, повторяю, своимъ постепеннымъ возвышеніемъ и возрастаніемъ весьма много была обязана своимъ соплеменникамъ, Болгарамъ, Сербамъ, и др.; сознаніе единства происхожденія съ ними, и въ слѣдствіе того непрестанныя съ ними сношенія и связи доставили народу Русскому возможность не только отстоять свою вѣру и народность, но и усилиться и окрѣпнуть, и затѣмъ уже перейти въ движеніе наступательное и

такимъ образомъ въ свою очередь имѣть вліяніе на нѣкогда грозныхъ и страшныхъ враговъ своихъ.

Не надо также забывать, что побѣды Русскихъ надъ Турками значительно способствовали болѣе и болѣе возрастающему вліянію Россіи на ширь Греческой, и что въ то же время онѣ были приготовлены Поляками, которымъ въ отношеніи Турокъ много обязана вся Европа. Вѣдь было время, когда отъ Польши ожидали спасенія, какъ Славяне, такъ и Греки, подвластные Турціи; только разность вѣръ, еме болѣе дѣйствія езуитовъ и религиозная нетерпимость заставили ихъ окончательно положиться на одну Россію ¹.

1. Вотъ что писалъ королю Владиславу IV посланникъ Польскій, Мясковский, при дворѣ Цариградскомъ въ 1641 г. «Wspomnij sobie Chocim i Osmana; sam was tam Bóg obronił i zima. Pokąd tedy *defensive* tylko w domach, opłotkach, bronić się im będziemy, pokąd prosić, skarżyć, okupować się im nie przestaniemy, a w gniaździe ich samém, za Perekopem nie namacamy i drogą łąż do nich, którą oni do nas, nie trafimy, dotąd u wszystkiego pogaństwa i świata *ludźbrto* będziemy. Tańsiby byli Turcy snadni, a mogą *mole sua reters* za lada odmianą i śmiercią cesarską. Darliby sobie Tatarowie oczy z nimi, a możniejsi, zwłaszcza Aziatcy paszowie, gwałiby *imperium* między się, a my tu po Dunaj, i za Dunaj. o co Multani wierni, Raguszowie, Bulgaria, Macedonia, którym Turcy przybrać munsztuku nie mogą, Pana Boga proszą. Nuż tak wiele więźniów naszych, których w Konstantynopolu, na galerach i w Traci na 150,000 samiz Turcy kładą i wiadomi Grecy, ciężko wszyscy wzdychają do nieba, żeby którego pana chrześcijańskiego, a mianowicie króla JMCI Polskiego, nad Dunajem, ztamtąd na stolicy wschodniej wictorem et triumphatorem ujrżeli.» (Zbiór pamiętn. o dawnej Polsce, przez Niemcewicza. T. 78—79). Моравский Пешина такъ писалъ въ 1663 г., обращаясь къ Полякамъ: «Agite ergo, et depositis cum Moschis discordiis, si non abjectis, saltem intermissis, nos in communi hoste communibus viribus propulsando juvate. — Quo facto etiam Moschorum Imperator a nobis in societatem armorum eo facilius allicietur, qui si cum valido gentis suae exercitu bellum Turcis intulerit, ad recuperanda ea loca circa Tanajm et Maeotidem, quae aliquando amisit, multum profecto rebus Turcicis obesse, nobis vero prodesse poterit. — Etsi nulla sit consilii ratio, nonne vos satis movere, vestrosque animos sollicitare debeat miserabilis aspectus vicinorum populorum, ut ὀμογλώττων fratrum ac gentilium vestrorum, Slavorum, Croatarum, Moravorum, Silesiorum, Bohemorum etc. an pudorem vobis non excitent tot in dies caedes, tot vincula et fumantia late incendia villarum, ultorem eo ipso poscentia? crudeles estis, si non succurritis: impii, si nos veluti picula quaedam hosti dilacerandos sinitis, aliudque nihil animus omnari poterit, quam quod jam certo imminet illud inevitabile fatum, ut juxta sermonem Domini apud Ezechiel: *Mayog sit Princeps Capita Mosoch; Princeps scilicet (q̄ Dii meliora) universae Henetae seu Slavonicae gentis: de qua jam ante quadraginta circiter populos sub jugum misit.*» (Ucalegon. p. 149—150). Въ 1674 г. Юрій Трубецкой, изъ Kiева, доносилъ царю Алексѣю Михайловичу, что одинъ Киевскій мѣщанинъ, торговый человекъ, воротясь изъ земель цесарской, изъ города Шлен-

Точно также пригодились нам нобѣды налѣ Турками войскъ цесарскихъ, т. е. нашихъ же соплеменниковъ. Наконецъ во всѣхъ позднѣйшихъ дѣлахъ Русскихъ съ Турками всегда участвовали и соплеменники наши, Славяне, напр. въ Моревѣ (Морск. Сб. 1849. С. 654), на островахъ Ионическихъ (М. Сб. 1855. № 5. С. 166) и проч.

Какъ бы ни были слабы и ничтожны предъидущія замѣ-

нки, рассказывалъ пре Яна Собѣскаго: «А въ Глиннаго поля королевское величество пойдеть къ Волоской земли вѣскорѣ на Турковъ войною, потому: присылали къ королевскому величеству изъ Волоской и изъ Мутьянской земли владыкамъ, чтобъ оны, королевское величество, съ войскои своими шель къ Волоской земли вѣскорѣ; а какъ оны къ Волоской земли пришеде, и оны де Волохи и Мутьяне и Сербы естъ королевскому величеству поддадутся, и пойдутъ на Турковъ войною, за одно съ Поляки; потому что имъ Волохомъ и Мутьяномъ и Сербамъ отъ Турковъ великая налога». (Симб. Сборникъ. 1845. — Малор. Дѣла 1673—74 г. № 17. С. 17—18). Въ томъ же 1674 г. 30 сент. воротился изъ Волошской земли, изъ города Яссы, одинъ Кіевскій шляхтанецъ и сказывалъ: «А Волохи де и Мутьяне и Греки и Сербы молятъ Бога безперестанно, чтобъ великаго государя ратные люди или Поляки пришли къ Волоской земли на Турковъ войною; а какъ придутъ, и они великаго государя ратными людьми и съ Поляки уступятъ помочъ чинить, и пойдутъ на Турковъ войною за одно; потому что имъ отъ Турковъ великая налога» (ib. № 23. С. 23). Вернувшійся изъ Царьграда Грекъ, Янъ Павловъ, Кіевскій житель, рассказывалъ (1674. Май): «А какъ де онъ былъ въ Турской земли, и въ то время былъ слыхъ, что великій государь со всеми своими войскои пришелъ въ Кіевъ и хочетъ итти войною въ Турскую землю, и въ то де время Турки гервадо того боялись, а Волохи и Сербы и Греки и Мутьяне и Арбаваши Булгаре молятъ Бога безперестанно, чтобъ вел. госуд. ратные люди пришли къ Волоской земли; а какъ придутъ и они де всѣ будутъ у вел. госуд. въ подданствѣ и пойдутъ войною съ Русскими людьми за одно на Турковъ» (ib. С. 157). Русскій посолъ въ Польшѣ еще въ 1673 г. не разъ писалъ Московскому двору о необходимости итти на Турокъ. «Тяпкиня увѣдомлялъ. — говоритъ А. Н. Поповъ, — что къ нему постоянно приходятъ «Волошскіе и Мутьянскіе великіе люди» и просятъ уговорить царя везать съ Турками безъ опасенья. Они боятъ Россіи, знаютъ, что имъ оймчасъ же отъ нихъ отложится и соединится съ нѣю, какъ единовѣрцы. Самыя Польскія области православнаго исповѣданія охотно соединятся съ нами, продолжаетъ Тяпкиня, ибо Поляки сильно преслѣдуютъ ихъ вѣру Претестантовъ и кальвинистовъ не смѣютъ трогать, потому что за нихъ стоятъ Бранденбургскій курпринцъ и Шведскій король; еслибъ царь вступился за православныхъ въ договорахъ съ Польшей! Нечего бояться Турецкихъ замысловъ и ухищреній другихъ государствъ: съ помощью Божьею надо, не теряя времени, ударить на Крымъ; время таково, что, кажется, Богъ споспѣшествуетъ новому государю покорить подъ ноги его всѣхъ враговъ и супостатовъ. Слѣдуетъ испытать государю перваго счастья. объ этомъ умоляютъ всѣ православные народы, находящіеся подъ игомъ мусульманскимъ и не менѣе тяжелымъ Латин-

чанія наши, однако онѣ весьма достаточны для того, чтобы обличить не только возможность, но и важность и необходимость вопроса — какое вліяніе Славяне, столько получившіе отъ міра Греческаго, имѣли на него въ свою очередь?

Безъ предварительныхъ подробныхъ изысканій умъ строгій и безпристрастный никогда не рѣшится въ настоящее время утверждать, что это вліяніе было слабо, ничтожно, хотя такое

скимъ; вопіють къ Господу, чтобы православнаго монарха послалъ ннѣ на забавленіе». (Русское посольство въ Польшѣ въ 1673—1677 годахъ. Соч. А. Попова. Спб. 1854. С. 196). Имѣя въ виду читателей, которымъ большая часть Русскихъ книгъ и сочиненій мало доступна, я рѣшаюсь еще на слѣдующую выписку, близко касающуюся этого же предмета. Во Временникѣ № 2 была напечатана любопытная «Сказка Самойла Пунвершцкаго Концеляриста Войсковаго» 1693 г. Его слова о Туркахъ служатъ новымъ подтвержденіемъ, что еще въ XVII стол. Россія была грозна для Турокъ, сама сознавала это, и уже въ то время имѣла великое вліяніе на православное населеніе Турціи. «Турская власть, — говоритъ Самойло, — зѣло дешева стала, что и хану противъ прежняго ни въ какомъ дѣлѣ не могутъ повелѣвать; а свидѣтельство тому то: писалъ ннѣ ханъ къ Мултаскому государю, чтобы онъ сверхъ прежнихъ дачъ далъ многіе тысячи левковъ, и государь писалъ къ везиру о такой большой дачѣ, и везиръ противъ того письма ничего не сказалъ, только плечми сжалъ.... Да и везиря мыслявняго мало любить и на самого султана Ахмета вступаютъ здоровье, для того и изъ Царяграда никому не выходить. Разбой великіе востали, что не токио великихъ людей побиваютъ на дорогѣ, но и на села наѣзжаютъ, а смирить ихъ некому, для того что власть Турская издешевѣла. Далѣе говоритъ онъ: «Сами Турки угадываютъ, что послѣднее время государству и что держало ихъ по се время смотрѣніе Божіе, что православныхъ царей рати нейдуть и надежду одну ищутъ на Татарскую силу, которая кой бы часть за наступленіемъ войскъ царскаго величества была принуждена, то тотъ часть разбѣгутся. А сами Турки и Татары говорятъ самое время способное нашей погибели и паденью государства. Самъ Богъ сердце отвращаетъ, что царскихъ и казацкихъ силъ нѣтъ, объ которыхъ если только услышать, тотчасъ всѣ разбѣгутся. — «Турки всю надежду свою при послѣдней бѣдѣ своей на Татаръ полагають, хотя и Татары зѣло мѣшаются и многіе христіане говорятъ, что ннѣ послѣдняя кончина пришла бы, если бы войска ихъ царскаго пресвѣтаго величества Московскія и Казацкія хотя только подвѣлились, и Двѣпръ очистили, разоривъ Турскіе городки, и Буджакъ толькобъ разорили, что зѣло не трудно есть учинити; тотчасъ бы нѣсколько десятъ тысячъ слыша о Казацкихъ войскахъ Мултаске, Сербы и Болгары, чающіе со усердіемъ подъему великихъ государей войскъ въ тѣ стравы пришествія, приближилибъ ся и соединилибъ на Турковъ, которымъ учинилибъ замѣшаніе, повесе тамошніе христіане зѣло Господа Бога о томъ молятъ и свою надежду на ннѣхъ великихъ государей полагають, и за ихъ царское пресвѣтлое величество вси единомысленно и слезно Господа Бога молятъ, не имѣя по Господѣ Богѣ и Пречистой его Матери много упованія, надежды и заступленія отъ насилія бусурманскаго».

предположеніе повидимому могло бы быть совершенно оправдано современнымъ состояніемъ литературы одного изъ замѣчательнѣйшихъ нынѣ представителей племени Славянскаго. Литература народа есть выраженіе лучшихъ его стремленій и сочувствій, высшій представитель его подвиговъ.

Имѣеть ли Русская литература какое-нибудь вліяніе на Грековъ? — Вопросъ этотъ просто страненъ и дикъ, такъ какъ съ одной стороны почти ни одна Русская книга не проникаетъ къ Грекамъ, столько намъ сочувствующимъ, а съ другой стороны современная литература наша (мы не разумѣемъ здѣсь духовныхъ нашихъ писателей) не представляетъ почти ничего или очень мало сочиненій и даже статей, хотя напр. о современной Греціи, ея матерьяльномъ, политическомъ, умственномъ и нравственномъ состояніи, тогда какъ напр. о Бельгій мы имѣемъ уже нѣсколько дѣльныхъ трактатовъ. Мудрому направленію Бельгій нельзя не сочувствовать, и намъ долго еще придется учиться отъ нея, и даже быть можетъ всегда, какъ учатся у нея понынѣ нѣкоторымъ предметамъ народы, далеко и насъ и ее опередившіе въ цивилизаціи, напр. Англія. Просвѣщеніе приводитъ народы въ болѣе и болѣе дружное общеніе, не насилуя въ то же время ихъ самостоятельности. А общеніе народовъ предполагаетъ постоянный обмѣнъ плодовъ производительности народной, отъ простыхъ механическихъ изобрѣженій до высочайшихъ созданій искусства и до глубочайшихъ открытій въ наукахъ. Пишущій эти строки всегда съ искреннею радостью встрѣчаетъ всякое дѣльное сочиненіе о Бельгій и т. п. краяхъ, и постоянно желаетъ, чтобы такихъ трудовъ появлялось въ нашей молодой литературѣ, какъ можно болѣе и чаще; но съ тѣмъ вмѣстѣ онъ не можетъ не изъявить самаго глубокаго и столь же искренняго сожалѣнія, которое, онъ увѣренъ, раздѣлитъ съ нимъ всякой просвѣщенный человекъ, — сожалѣнія о томъ, что Русская литература не можетъ представить ничего, подобнаго предъидущимъ трактатамъ, о современномъ мірѣ Греческомъ. А между тѣмъ возьмите хоть одно королевство Греческое: успѣхи совершенные имъ въ послѣднее время, какъ въ отношеніи экономическомъ, такъ и умственномъ, по истинѣ изумительные и заслуживаютъ глубокаго вниманія

всякаго, имѣющаго притязаніе на прозваніе Европейца. Взгляните на карту, представьте себѣ географическое положеніе Греціи, вникните въ стремленія острововъ, даже Ионическихъ, обсудите внимательнѣе современное состояніе Оттоманской Порты, и вы лучше насъ поймете, что Греціи предстоитъ будущее несравненно болѣе блистательное, чѣмъ напр. Бельгіи. Если уже пробудился въ насъ интересъ къ Бельгіи, то не пробудится ли въ насъ несравненно сильнѣйшая симпатія къ Греціи? Ранѣе или поздѣ она проявится должна, и тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣ станетъ распространяться у насъ прогвѣщеніе и чѣмъ болѣе литература наша станетъ принимать характеръ дѣльности и оригинальности.

Но симпатія эта давно уже существуетъ, симпатія крѣпкая, взаимная, что ведетъ себя очень издавна и что запечатлѣна кровью съ обѣихъ сторонъ.

Хотя отрицать ея нѣтъ возможности и ни одинъ благомыслящій человекъ и не рѣшится, однако все-таки могутъ сказать: «если бы она существовала, то оставила бы по себѣ слѣды въ литературѣ Русской; такъ какъ всякая литература есть выраженіе лучшихъ стремленій народа, и т. д., какъ вы сами же выразились».

Теперь я не стану говорить, что слѣды эти есть и весьма ясныя, а спрошу только — отвѣчаетъ ли когда идеалъ дѣйствительности, наше же опредѣленіе литературы есть ея представленіе идеальное, мысль о ней, какою она должна быть, а не какою она есть въ дѣйствительности. Опредѣленіе это вообще идетъ ко всякой литературѣ, но въ частности къ одной литературѣ оно применимо болѣе, нежели къ другой.

Сказать, что Русская литература вполнѣ выражаетъ Русскій народъ, значить подписать смертный приговоръ не только всему его прошедшему, но и всей ея будущности, такъ какъ она не проявила и не обнаружила еще многихъ сторонъ народа Русскаго.

Въ противномъ случаѣ надо утверждать, что мы, Русскіе, не нуждаемся въ изученіи своей исторіи, что мы достигли полнаго самосознанія.

Наконецъ Русская литература развивалась, какъ извѣстно, далеко не такъ свободно, легко и правильно, какъ развивается

всякой бодрый, здоровый организм, въ которомъ жизнь бьетъ и играетъ весело и безпрепятственно. Ея ростъ, какъ и всего Русскаго государства, нерѣдко принималъ направленіе одностороннее. Налегая на однѣ стороны, мы часто пренебрегали другими, не менѣ почтенными и достойными развитія. Недостатокъ или даже отсутствіе въ Русской литературѣ болѣе или менѣ замѣчательныхъ сочиненій, которыя бы знакомили насъ съ современнымъ состояніемъ міра Греческаго, ни комъ образомъ не свидѣтельствуетъ о недостаткѣ и тѣмъ менѣ отсутствіи сочувствія Россіи къ своимъ единовѣрцамъ. Надо при этомъ вспомнить, что огромная масса Русскаго народа, которая и поддерживаетъ эту давнишнюю симпатію, еще къ сожалѣнію не имѣетъ своей литературы, а тотъ небольшой классъ, для котораго единственно она по недавнее время существовала, по большей части знакомъ съ литературами иностранными. Большую бы услугу оказалъ наукѣ тотъ, кто бы собралъ и разобралъ все, что было писано у насъ о новыхъ Грекахъ; не мало напр. вышло въ свое время однихъ стихотвореній, привѣтствовавшихъ ихъ возстаніе, учебниковъ словарныхъ, грамматическихъ. Наконецъ не слѣдуетъ терять изъ виду и дѣйствій филеллиновъ въ Россіи: стоитъ только вспомнить Каводистрію, Александра Иосифовича, братьевъ Зосимъ, служившихъ въ Россіи и имѣвшихъ между Русскими своихъ друзей, на которыхъ въ свою очередь они не могли не имѣть и некотораго вліянія.

Къ изученію современнаго міра Греческаго насъ приводитъ не одно чувство любознательности; оно вызывается необходимостью уяснить себѣ нашу собственную исторію, такъ какъ она тѣсно связана и переплетается съ исторіею міра Греческаго, съ древнѣйшаго до настоящаго времени включительно.

Слѣдовательно мало сказать, что съ большимъ распространеніемъ просвѣщенія въ Россіи и Русская литература обогатится замѣчательными произведеніями о мірѣ Греческомъ. Нѣтъ, это обогащеніе тѣсно зависитъ отъ успѣховъ нашихъ въ нашей собственной исторіи.

Нѣтъ сомнѣнія, что тогда и Греки живо сознаютъ необходимость изученія Русскаго языка и знакомства съ Русскою литературою, въ которой они тогда много могутъ найти для себя

важнаго. Распространенію Русскаго языка на Западѣ, кромѣ нашей собственной вины, нашей малой производительности, долго еще будутъ мѣшать старые предрасудки, отъ которыхъ не легко отвыкать никому. «Какъ въ самомъ дѣлѣ стать изучать языкъ этихъ Русскихъ, этихъ Московитовъ и Козаковъ, которыхъ отцы наши такъ недавно еще величали варварами и полудикарями, которые еще на нашей памяти за великую честь себѣ поставляли услышать отъ насъ, что она много на насъ и мало на себя похожи».

Распространеніе Русскаго языка въ Грекахъ не можетъ встрѣтить такого препятствія, такъ какъ давнишнее ихъ сочувствіе къ намъ само идетъ на встрѣчу умственному и литературному общенію нашему съ ними. А вѣдь потребность въ немъ уже становится для насъ весьма ощутительною, возрастаетъ съ неудержимою силою, съ каждымъ нашимъ шагомъ впередъ въ изученіи и постиженіи нашего прошедшаго, настоящаго и будущаго, въ нашемъ самосознаніи.

Изученіе міра Греческаго (новаго съ IV в.) важно для Россіи въ тройкомъ отношеніи.

Греческое вліяніе на насъ Славянъ вообще было громадное. Изученіе и опредѣленіе въ нашемъ быту и образованности стихій Греческой уже вмѣняютъ намъ въ обязанность основательное и всестороннее изученіе міра Греческаго.

Оно вызывается въ то же время и другимъ требованіемъ, законнымъ и необходимымъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ совершилось тѣсное соприкосновеніе Россіи съ Западною образованностію, — требованіемъ нашимъ ясно понять и уразумѣть міръ Западно-Европейскій, что невозможно безъ самостоятельнаго изученія его исторіи, его прошедшаго, а этотъ Западъ, этотъ міръ Романо-Германскій, весьма многое заимствовалъ отъ Византіи, весьма многимъ ей обязанъ. При всей своей неприязни къ ней, при всей своей нетерпимости, онъ самъ признавалъ ея превосходство предъ собою во многихъ отношеніяхъ. Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ представителей своего времени (XV в.), строгій приверженецъ католицизма и далеко не безпристрастный къ иновѣрцамъ, Эней Сильвій Пикколомини, бывшій на престолѣ папскомъ подъ именемъ Пія II, такъ говорилъ о

Царградъ половины XV в.: «Manserat Constantinopolis ad post-
 trum usque tempus vetustae sapientiae monumentum, litterarum
 domicilium et arx philosophiae. Nemo Latinorum satis doctus haberi
 poterat, nisi Constantinopoli aliquamdiu in litteris vixisset. Quod
 florente Roma doctrinarum nomen habuerunt Athenae, id nostra
 tempestate Constantinopolis obtinebat» (Epist. 162), т. е. «Констан-
 тинополь до нашего времени оставался памятникомъ древней
 мудрости, жилищемъ наукъ и словесности, твердынею Фило-
 софiи. Никто изъ Латинцевъ не могъ быть достаточно образо-
 ванъ, если нѣкоторое время не прожилъ въ Константинополѣ,
 въ занятiяхъ словесностью. Что для наукъ въ цвѣтущее состоя-
 нiе Рима были Афины, то въ наше время былъ Константино-
 поль». Кажется ясно, что безъ основательнаго знакомства съ
 образованностью Византийскою, намъ не понять вполне образо-
 ванности Романо-Германскаго мiра. Послѣ же Петра Великаго,
 послѣ же того тѣснаго сопряжковенiя Россiи съ Европою За-
 падною, основательное и многостороннее изученiе ея исторiи
 стало одною изъ настоятельныхъ потребностей нашихъ.

Стремясь къ самосознанiю возможно-полному, мы Русскiе
 въ изученiи Россiи и вообще мiра Славянскаго, не можемъ не
 обращать самаго строгаго вниманiя не только на то, что полу-
 чили Славяне отъ другихъ народовъ, но и на то, что въ
 свою очередь они привесли и дали другимъ народамъ. Важный,
 какъ мы видѣли, вопросъ о томъ, какое влiянiе имѣли Славяне
 на Грековъ, вступая въ ряды занимательнѣйшихъ вопросовъ
 отечественной науки, въ то же время для своего разрѣшенiя на-
 стойчиво требуетъ основательнаго и многосторонняго изученiя
 мiра Греческаго.

Чтобы выразиться, какъ можно сжатѣе, слѣдуетъ сказать,
 что *Россiя вынуждена къ необходимости основательнаго и много-
 сторонняго изученiя мiра Греческаго для возможно-полнаго и удо-
 влетворительнаго рѣшенiя въ высшей степени важныхъ и необхо-
 димыхъ для ея самосознанiя вопросовъ: 1) о влiянiи Грековъ на
 Россiю, 2) о влiянiи Россiи на Грековъ, 3) о влiянiи Грековъ (Ви-
 зантiи) на Западную Европу, исторiю которой Россiя, столько
 ей обязанная, должна изучать основательно и многосторонно.*

Само собою разумѣется, что эти три общiе вопроса распа-

даются въ свою очередь на безчисленное множество частныхъ вопросовъ, весьма важныхъ и требующихъ для своего рѣшенія трудовъ самыхъ разнообразныхъ. Эта благодарная почва, вообще обработанная мало, манитъ къ себѣ Русскихъ ученыхъ едва ли не всѣхъ специальностей, богослововъ и философовъ, математиковъ и натуралистовъ, филологовъ и этнографовъ, историковъ и юристовъ, художниковъ и археологовъ.

Предпринимая какой-нибудь трудъ, будетъ ли то отдѣльное лицо или цѣлое общество, необходимо ему прежде всего ясно поставить вопросъ, сознать тѣ непремѣнные условія, которыя благоприятствуютъ добросовѣстному и основательному его рѣшенію, и наконецъ по возможности точнѣе вычислить тѣ выгоды, которыя сами собою придутъ отъ подъятыхъ усилій. Последнее нужно по многимъ отношеніямъ: 1) для повѣрки важности вопроса, которая измѣряется результатами подъятыхъ для его рѣшенія усилій. Вопросами пустыми и праздными заниматься не слѣдуетъ. 2) Для заинтересованія отдѣльныхъ лицъ и цѣлыхъ обществъ, прямо и непосредственно въ трудѣ нашемъ не участвующихъ. Весьма часто бываетъ, что люди своимъ равнодушіемъ и даже прямымъ противодѣйствіемъ задерживаютъ ходъ того или другаго дѣла, только потому, что, по незнанію его, они имѣютъ самыя темныя понятія о его результатахъ; и если вы имъ облегчите ихъ пониманіе, то они сами же станутъ всѣми зависящими отъ себя средствами такъ или иначе помогать вамъ. Такимъ образомъ увеличится сумма условій, благоприятныхъ для успѣшнаго рѣшенія вопроса. 3) Для сближенія съ тѣми лицами и обществами, которыя совершенно независимымъ путемъ въ трудахъ своихъ идутъ къ тѣмъ же результатамъ и пр.

Оговорившись такимъ образомъ, пишущій эти строки позволяетъ себѣ въ заключеніе поставить на видъ читателю нѣсколько мыслей и предположеній, осуществленіе которыхъ могло бы, по его мнѣнію, подвинуть впередъ — изученіе въ Россіи міра Греческаго, не осталось бы безъ благихъ послѣдствій на распространеніе Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

Вникая въ три вышеприведенные вопроса, мы приходимъ къ

тому заключенію, что многостороннее изученіе міра Славянскаго есть непремѣнное условіе удовлетворительнаго ихъ рѣшенія.

О вліяніи Грековъ на Россію. При семъ нельзя забывать, что стихія Византійская проникала къ намъ отчасти черезъ нашихъ соплеменниковъ, что людямъ, не имѣющимъ понятія о мірѣ Славянскомъ, многое можетъ казаться и дѣйствительно кажется въ Россіи чуждымъ, Византійскимъ, Греческимъ тѣ, что между тѣмъ есть обще-Славянское, а также и наоборотъ.

О вліяніи Византіи на западную Европу. Вопросъ этотъ приводитъ къ необходимости аналитическаго разложенія — Византійской образованности, Романо-Германской образованности. Та и другая имѣли огромное вліяніе на Россію.

Западная же образованность проникала къ намъ отчасти черезъ Западныхъ нашихъ соплеменниковъ, которые, будучи отъ насъ оторваны равностію религіозныхъ убѣжденій, были однако соединены съ нами сознаніемъ общаго происхожденія, сходства въ языкѣ, нравѣхъ и обычаяхъ, на сколько то позволяла разность закона.

Наконѣцъ Славянская стихія въ Австріи, въ Венгріи и Венеціи, исторія Дубровника в вообще Далмаціи, исторія Чехіи и Польши блистательно доказываютъ, что Славяне не мало потрудились и внесли съ своей стороны въ образованность Западно-Европейскую.

Вспомните только имена Гуса, Іеронима Пражскаго, Жижки, Прокота Великаго, Юрія Подѣбрадскаго, Матвѣя Корвина, Яна Собѣскаго, Яна Замойскаго, Господнетича, Дулича, Франковича, Радзивила, Ласскаго, Арцишевскаго, Кловію, Голара, Глука, Шопена, Листа, Коперника, Залужанскаго, Гетальди, Лейбница¹, Боцковича, Свяецкаго, Пуркини, Рожитанскаго, Шкоды, Чейки, Гаммерника, Бандури, Амоса Коменскаго, Мевинскаго, Бальбина, Антона, Катанчича, Шафарика, Делевеля, Палацкаго, Скарбека, Воловскаго, Цѣшковскаго и мн. др.

Есть возможность не только предполагать, но и доказывать, что стихія Византійская проникала въ западную Европу отчасти черезъ Славянъ.

1. Лейбницъ самъ сознавалъ свое Славянское происхожденіе. Kollar — Centopis, str. 241—2.

О вліяніи Россіи на Грековъ. Это вліяніе было подготовлено нашими соплеменниками, безъ нихъ оно было бы невозможнымъ. До народа Русскаго другіе народы Славянскіе имѣли на Грековъ весьма сильное вліяніе. Побѣды Русскихъ надъ Турками, заставившія Грековъ видѣть въ Россіи свою избавительницу, были не только подготовлены побѣдами другихъ Славянъ, но и одержаны отчасти съ помощію сихъ послѣднихъ.

Итакъ успѣхи изученія міра Греческаго у насъ въ Россіи находятся въ самой тѣсной зависимости отъ успѣховъ изученія міра Славянскаго, т. е. отъ изученія Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и отъ умственного литературнаго общенія нашего со Славянами.

Не трудно усмотрѣть, что эти три вышеуказанные нами вопроса, заслуживая такого усиленнаго вниманія со стороны Русскихъ, въ то же время въ высшей степени важны и для современныхъ Грековъ. Ихъ литература и наука отечественной исторіи, движимыя народнымъ стремленіемъ къ самосознанію, не могутъ обходить вопросовъ объ отношеніяхъ Грековъ (новыхъ — съ IV в.) къ Западу, къ Россіи и вообще къ міру Славянскому.

Отсюда понятна для Русскихъ и Грековъ необходимость взаимнаго ихъ литературнаго общенія.

Въ высшей степени желательно и даже необходимо предпринять нѣсколько мѣръ, наиболѣе удобоисполнимыхъ и своевременныхъ для того, чтобы подвинуть въ Россіи изученіе міра Греческаго. Смѣю думать, что мѣры, предлагаемыя здѣсь ниже, способны облегчить достиженіе этой цѣли.

Прежде всего, какъ уже сказано, надобно желать, чтобы распространилось и облегчилось въ Россіи изученіе Славянскихъ языковъ и литературъ и какъ можно тѣснѣе завязалось умственное и литературное общеніе наше со Славянами. Въ зависимости отъ этого, смѣю думать, мѣры, необходимыя для успѣшнаго въ Россіи изученія міра Греческаго, своимъ ближайшимъ послѣдствіемъ будутъ имѣть для народа Русскаго обогащеніе его самосознанія и распространеніе его языка въ предѣлахъ его отечества.

1) *Желательно было бы, чтобы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ нашихъ снова введено было преподаваніе древняго Греческаго языка.*

Напрасно нѣкоторые думаютъ, что оно отнимаетъ понапрасну много времени, лишаетъ бодрого, практическаго взгляда на жизнь, не приноситъ никакой пользы для Россіи.

У насъ вообще пропадаетъ много времени даромъ, мы еще не научились дорожить этимъ капиталомъ, мало понимаемъ весь глубокий смыслъ поговорки богатаго практическимъ умомъ народа: время — деньги (time is money).

Вовсе не такъ трудно, какъ то нѣкоторымъ кажется, совмѣстить въ гимназическомъ курсѣ — преподаваніе наукъ естественныхъ съ преподаваніемъ древняго Греческаго языка.

Классическое образованіе не можетъ помѣшать никакой дѣятельности. Практической смыслъ Англичанина и бавкирскаго занятія не мѣшали Гроту начать и исполнить его великій историческій трудъ. Глубокія и продолжительныя занятія Омиромъ не мѣшали Гладстону занять почетное мѣсто въ ряду замѣчательнѣйшихъ государственныхъ людей Англіи и быть однимъ изъ превосходнѣйшихъ знатоковъ финансоваго дѣла.

Пользу отечеству приносятъ не одни люди, занимающіеся промышленностью или торговлею. Полезность не всегда измѣряется аршинами и фунтами; иначе любой лавочникъ стоялъ бы выше Пушкина, Иванова, Глинки. Занятія искусствами трудъ въ высшей степени производительный; высокія созданія отечественнаго искусства — для всякаго народа богатство нетлѣнное, и Шекспиръ для Англіи дороже многихъ ея фабрикъ и заводовъ. Слабое развитіе въ Русскомъ обществѣ истиннаго изящнаго вкуса, а въ Русской литературѣ здоровой эстетической критики, не только что оправдывается пренебреженіемъ нашимъ языка древне-Греческаго и его литературы, но едва ли не имѣетъ въ немъ одну изъ главнѣйшихъ причинъ. Забавно, право! толкуютъ о дѣльности, практичности взгляда и не знаютъ, что непремѣннымъ условіемъ просвѣщеннаго человѣка въ Англіи поставляется знакомство съ Греческимъ языкомъ и

его литературою въ странѣ, по преимуществу дѣловой и дѣльной.

2) *Желательно, чтобы съ высшимъ образованіемъ соединилось знаніе ново-Греческаго языка и исторіи Греческой (съ IV в.).*

Знаніи ново-Греческаго — полезно для филолога, посвящающаго свои труды изученію языка древне-Греческаго и его литературы. Избѣгая многословія, укажу на Коран; — полезно для филолога, занимающагося сравнительнымъ языковеденіемъ, которое безплодно безъ знакомства съ исторіею языковъ; полезно для всѣхъ, имѣющихъ нужду въ Византіицахъ (подъ языкомъ ново-Греческимъ разумѣю здѣсь не одинъ народный, современный, но и такъ называемый средній). Съ непонимающими важности литературы Византійской — говорить въ этомъ отношеніи неудобно.

Изученіе Византійской исторіи никому такъ не важно и необходимо, какъ Русскимъ; то же самое должно сказать и объ изученіи судьбы Грековъ въ господство Турецкое, и до новѣйшаго времени. Обиліе предмета и содержанія и малая разработанность, особенно Византійской исторіи, отвлекаютъ у профессоровъ такъ-называемой Всеобщей исторіи всякую возможность какъ знакомить своихъ слушателей съ исторіею Византійскою, такъ и самимъ основательно ознакомишься съ нею.

Безъ такихъ средствъ нельзя ожидать особенныхъ успѣховъ въ занятіяхъ Русскихъ ученыхъ — Византіею и вообще міромъ Греческимъ. Европейская наука, въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, давно уже призываетъ Россію выслать преемниковъ Бандури, Дюканжу и Тафелю. Намъ Русскимъ давно и, къ сожалѣнію, не несправедливо упрекаютъ иностранцы, говоря, что мы все выѣзаемъ на фразахъ, а дѣла не дѣлаемъ. Долго ли этому продолжаться?

Предложенное выше не новость. Чтожь дѣлать, что часто о старомъ приводится говорить, какъ о новомъ. Давно ли въ Россіи заведены кафедры Славянскихъ языковъ и литературъ? Понимъ большинство образованныхъ людей нашихъ мирится съ этимъ какъ бы нововведеніемъ старины (такъ какъ въ старину Русскій

образованный человекъ знакомъ бывалъ не только съ Польскимъ, но и съ Чешскимъ, Сербскимъ и Болгарскимъ языками) только потому, что эти кафедры открыты и на Западѣ, въ Европѣ.

Распространеніе знанія языка и судебъ Византіи далеко бы подвинуло впередъ изученіе Русской и Славянской филологіи и исторіи, современное состояніе которыхъ еще далеко не блестящее. Въ короткое время оно бы доставило Россіи нѣсколькихъ дѣльныхъ специалистовъ, ученыхъ, которые бы своими трудами принесли отечеству много чести и пользы. Къ сожалѣнію мы все еще не можемъ отвыкнуть отъ дилетантизма, питающагося фразами, этого безплоднаго и непроизводительнаго дилетантизма, что толкуеть о необходимости *жизни, идей*, и ничего не разумѣетъ подъ этими словами, кромѣ фразъ, отсутствія критики и знаній. Мы ни мало не убѣждаемся въ тѣсной, неразрывной связи всѣхъ наукъ, отъ которой происходитъ, что успѣхи ихъ взаимно обуславливаются другъ другомъ.

3. *Необходимо умственное и литературное общеніе съ Греками.*

Истинно непростительно въ настоящее время, особенно по открытіи Русскаго общества торговли, совершенное отсутствіе въ Россіи книгъ и изданій Греческихъ, а въ Греціи книгъ и изданій Русскихъ.

Отсюда вредъ для обѣихъ сторонъ чрезвычайный. Желательно, чтобы общественныя библіотеки наши постоянно имѣли въ виду — обогащеніе и пополненіе отдѣленія ново-Греческой литературы. Въ Петербургѣ люди, спеціально занимающіеся этимъ предметомъ, не имѣютъ возможности достать себѣ книгъ самыхъ необходимыхъ. Безъ сомнѣнія, въ такомъ же положеніи находятся въ королевствѣ Греческомъ и на островахъ люди, знакомые съ языкомъ Русскимъ и интересующіеся единовѣрною Россіею. Газета «le Nord» еще не великій посредникъ. — Напомню читателю, что въ половинѣ XVIII стол., нашъ Барскій встрѣчалъ на островахъ Греческихъ людей, знакомыхъ съ языкомъ Русскимъ: что въ настоящее время въ Греціи переводятъ исторію Карамзина; что въ 30-хъ или 40-хъ

годахъ нынѣшняго столѣтія, на островѣ Халки, по указанію Греческаго іерарха Константина Типальдо, были изданы Славянская Грамматика для Грековъ, и Славянская Христоматія съ дѣльнымъ предисловіемъ и словаремъ Славяно-Греческимъ. (Стурдза. Москвитянинъ).

Слѣдовало бы ученымъ обществамъ и заведеніямъ нашимъ обмѣнивать свои труды и изданія съ Греческими.

То же самое могли бы сдѣлать и журналисты наши, которые изученію міра Греческаго въ Россіи могли бы содѣйствовать и другими способами, напр. помѣщеніемъ переводныхъ и оригинальныхъ статей о народѣ Греческомъ, приглашеніемъ, хоть черезъ Русскихъ дипломатическихъ чиновниковъ, Греческихъ литераторовъ — писать въ ихъ журналы письма, статьи, которыя бы знакомили Русскихъ читателей съ современнымъ состояніемъ Грековъ, въ литературномъ, экономическомъ и политическомъ отношеніяхъ.

Осуществленіе этихъ предложеній нисколько не умалитъ, напротивъ возвыситъ внутреннее достоинство нашихъ журналовъ, и не уменьшитъ, а увеличитъ число ихъ подписчиковъ: читающая Россія плохо знаетъ, но къ чести своей, не гордится своимъ нецѣльнымъ единообразіемъ своихъ братьевъ, столь къ намъ привязанныхъ и оказавшихъ намъ услуги громадныя, просвѣтившихъ Русь христіанствомъ, давшихъ ей и всему Славянскому міру великихъ учителей, св. первоучителей Кирилла и Меодія, — и затѣмъ, цѣлый рядъ достойныхъ наставниковъ, въ числѣ которыхъ всякому извѣстны незабвенныя имена Максима Грека, Лихуда, Паисія Лигарида, Булгара, Феотоки, и проч.

Желательно также, чтобы и Русскіе писатели и ученые съ своей стороны посылали свои статьи въ журналы Греческіе, знакомя Грековъ съ литературнымъ и экономическимъ состояніемъ Россіи.

Главнѣйшимъ слѣдствіемъ такихъ мѣръ было бы распространеніе Русскаго языка между Греками.

Русская книжная торговля получить новый рынокъ, книжный товаръ увеличить свой сбытъ, который съ теченіемъ времени станетъ все болѣе и болѣе возрастать.

Не священная ли обязанность платить добромъ за добро? не въ правѣ ли будетъ потомство осыпать насъ презрительными упрёками и насмѣшками, если мы не потрудимся и подумать объ исполненіи задачи, завѣщанной намъ предъидущими поколениями?

Не должно ли писателей Русскихъ тоить стремленіе внести и свою лепту въ образованность Греческую, подражать примѣру тѣхъ великихъ Грековъ, которымъ образованность Русская столько обязана?

Посылкою въ Грецію своихъ сочиненій, помѣщеніемъ статей своихъ въ Греческихъ журналахъ для ознакомленія ихъ читателей съ состояніемъ Русской литературы, указаніемъ Русскихъ книгъ, достойныхъ перевода на Греческій языкъ — они приготовили бы бывшимъ и будущимъ Державинымъ, Пушкинымъ, Гоголямъ, читателей въ отечествѣ Софокла, Фукидида, Платона.

Желательно наконецъ развитіе въ Русскомъ обществѣ истинной любознательности и проявленіе ея въ жизни, напр. въ охотѣ и страсти къ путешествіямъ. Нельзя не сознаться, что вообще изустные и письменные рассказы Русскихъ образованныхъ людей объ ихъ путешествіяхъ, могутъ служить однимъ изъ яркихъ обличеній того состоянія неразвитости, въ которомъ безмятежно почіетъ Русская мысль. Вялость, безцвѣтность и пошлость наблюденій, спорить о первенствѣ съ слабостью истинныхъ, плодотворныхъ знаній. Боязнь обмолвиться, рабское поклоненіе авторитету, безотчетные заказные восторги, которымъ не вѣришь, поклоненіе блеску и мишурѣ и совершенный индиферентизмъ не на словахъ, а на дѣлѣ, къ тому, что достойно уваженія, къ жизни, къ самостоятельной мысли и къ самобытному труду — вотъ почти всѣ отличительные признаки рассказовъ большинства нашихъ путешественниковъ о Европѣ.

Оттого то мы такъ и боимся ѣздить по тѣмъ странамъ, гдѣ путеводители плохи, гдѣ нѣтъ великолѣпныхъ гостинницъ; къ тѣмъ народамъ, о которыхъ авторитеты наши отзываются, по нѣкоторымъ предразсудкамъ, не совсѣмъ доброжелательно. А между тѣмъ, эти земли для Русскаго особенно занимательны.

*

Избави насъ Богъ, отвергать пользу путешествій по западной Европѣ; намъ только кажется, что большая часть Русскихъ образованныхъ людей по нынѣ путешествуютъ, не томимые жаждою знанія, не тревожимые дерзкою, отважною пытливостью вѣчно работающей и незнающей покою мысли, а больше для разсѣянія, бѣжа скуки, нагнанной въ Россію праздностью, или безтолковою суетливостью. Что слова эти не несправедливы, доказывается тѣмъ, наприм., что Русскіе образованные люди почти никогда не отправляются напр. въ Славянскія земли, которыя, однако, заслуживаютъ благосклоннаго вниманія Русскихъ образованныхъ людей уже потому одному, что лежатъ въ Европѣ и совершенно имъ неизвѣстны.

Еслибъ въ Русскомъ обществѣ жила любознательность, то явилась бы и потребность пополнить столь замѣчательный пробѣлъ въ системѣ своихъ географическихъ свѣдѣній. Можно вполне быть Европейцемъ, и въ то же время путешествовать по землямъ Славянскимъ. Такъ Нѣмцы, Французы, Англичане, замѣтивъ въ системѣ своихъ географическихъ познаній большіе пробѣлы касательно внутренней Африки, непрестанно высылаютъ изъ среды своей неутомимыхъ и отважныхъ путешественниковъ, которые не перестаютъ обогащать науку своими открытіями и наблюденіями.

Нѣтъ сомнѣнія, съ пробужденіемъ въ Русскомъ обществѣ самостоятельности и истинной любознательности, наши образованные люди въ своихъ путешествіяхъ, чаще и чаще станутъ посѣщать земли Греческія. Они безъ сомнѣнія завяжутъ и скрѣпятъ то умственное и литературное общеніе наше съ Греками, которое въ настоящее время становится одною изъ настоятельныхъ потребностей Русской литературы.

Путешествіе по Греціи, островамъ, М. Азіи — людей свѣдущихъ и ученыхъ, обѣщаетъ принести богатые плоды для Русской и Славянской науки; для Русскаго искусства, такъ какъ памятники Греческаго христіанскаго искусства изслѣдованы вообще недостаточно, а между-тѣмъ заслуживаютъ внимательнаго изученія, особенно со стороны Русскихъ. Трудно отказать отъ мысли, что въ монастыряхъ Греческихъ могутъ еще найтись весьма замѣчательные рукописные памятники, не

только Греческіе, но и Славянскіе¹. О важности этнографическаго путешествія по Мореѣ уже было сказано.

Все это, кажется, своевременно, удобоисполнимо и могло бы, смѣю думать, подвинуть въ Россіи изученіе новаго міра Греческаго (съ IV в.), которое ближайшимъ своимъ послѣдствіемъ будетъ имѣть для народа Русскаго обогащеніе его самосознанія и распространеніе Русскаго языка внѣ предѣловъ отечества.

---

1. Славный ученый Хорватскій Кукелевичъ-Савицскій въ 1886 г. зашелъ въ Кореу не только нѣсколько Русскихъ, но и одну небольшую Славянскую рукопись Сербскаго письма, гдѣ между прочимъ помѣщено «Житіе князя Лазаря». Кукелевичъ справедливо при семъ замѣтилъ, что весьма желательны поиски Славянскихъ ученыхъ въ монастыряхъ и библіотекахъ Греческихъ, гдѣ могутъ быть найдены памятники Славянской письменности, такъ какъ Славяне во всѣ времена, по причинѣ единовѣрія и торговли, находились съ Греками въ самыхъ тѣсныхъ связяхъ (Arkiv za Povestn. Jugosl. IV. 347).

III.

Много важныхъ замѣчаній по вопросамъ о древности Русской сдѣлано въ книгѣ Академика А. А. Куника, изслѣдователя, почтеннаго по своему трудолюбію и учености (*Begriffung d. schwed. Rodsen durch die Finnen u. Slawen*). Вообще уважая его ученые труды, позволяю себѣ высказать по поводу этой книги нѣсколько недоразумѣній и сомнѣній своихъ, въ скромной увѣренности, что они не недостойны вниманія нашихъ изслѣдователей Русской исторіи.

Вопросъ о Варягахъ Руси по крайности въ главныхъ его чертахъ въ настоящее время нельзя не считать рѣшеннымъ; теперь остается только освѣтить нѣсколько темныхъ мѣстъ, объяснить нѣкоторыя частности, подробности и мелочи, которыми истинный ученый никогда не пренебрегаетъ, вѣроятно изъ убѣжденія, заставляющаго его раздѣлять ту извѣстную мысль, что нерѣдко самая незначительная малость ведетъ къ большимъ послѣдствіямъ. Честь и слава Германіи, великій умъ XIX вѣка Александръ Гумбольдтъ не былъ кажется несправедливъ, выразившись: *vous ignorez beaucoup des choses que vous sommes flattés longtemps de savoir avec exactitude*. Конечно, слова эти примѣнимы не къ одной области естествознанія. Каждый ученый въ стремленіи къ полнотѣ и ясности знаній не можетъ не одобрять ихъ и потому не пугается никакихъ мелочныхъ подробностей. Прошу читателя вѣрить, что мною руководитъ желаніе истины, а не какая-то вѣлюбивъ или зависть къ Нѣмцамъ, на которой пора бы ужъ перестать играть, тѣмъ болѣе, что диверсіи эти поняты и потому ожидаемаго успѣха никому доставить не могутъ.

Jo parlo per ver dire,

Non per odio d'altrui nè per disprezzo.

Ни мало не сомнѣваюсь въ томъ, что недоразумѣнія и замѣчанія эти, буде онѣ несправедливы и неосновательны, побѣдоносно будутъ разсѣяны и опровергнуты почтеннымъ Академикомъ, и тѣмъ доставятъ ему случай оказать новую услугу наукѣ.

I. Слово *Русь*, какъ кажется намъ, своею формою еще не обличаетъ своего Финскаго происхожденія отъ *Ruossi*, *Ruotsi*, *Ruohiti* и пр.

Собственныя имена, обозначающія и землю и народъ и оканчивающіяся на *ь*, не все Финскія: есть межъ нихъ и Греческое, и Финскія, и Литовскія и Славянскія: напр. *Скифь*, *Ямь*, *Сумь*, *Либь*, *Весь*, *Пермь*, *Водь*, *Черемись*, *Голядь*, *Корсь*, *Жмудь*, *Чудь*, *Серебрь*, *Волынь* и *Вельмь*.

Всякой народъ, при заимствованіи чужихъ словъ, сообразуется всегда съ законами своего языка, отликаетъ ихъ въ свои формы, уже на лицѣ имѣющіяся, а не создаетъ для нихъ новыя, до того небывалыя, что уже случается въ періодъ ослабленія творчества языка, въ періодъ образованности, и то съ высшими классами, близко знакомыми съ языками иностранными.

— Формы *Либь*, *Весь*, *Ямь* образовались по аналогіи формъ *Серебрь*, *Волынь*, а не наоборотъ.

Формы *Жмудь*, *Корсь*, *Скифь* образовались не по примѣру *Либь*, а по образцу *Волынь*, *Серебрь*.

Слово *Чудь* хотя и обозначаетъ народовъ Финскихъ, однако есть уже Славянское слово *щюдь* — исполнѣ, или Русское — *чудь*. Форма *Чудь* чисто Славянская, Русская, подобно весьма многимъ другимъ словамъ: *алчь*, *яздрь* (ноздря), *яснь*, *ель*, *барь*, *баснь*, *бирь*, *блажь*, *близь*, *боль*, *борь*, *бтьль*, *быль*, *варь*, *весь*, *видь*, *вить*, *висть*, *встьль*, *васнь*, *владь* (волосы на головѣ), *власть*, *высь*, *суводь*, *заводь*, *гладь*, *глубь*, *глушь*, *дань*, *дебрь*, *день* (днѣж), *даль*, *дичь*, *длань*, *дрянь*, *дробь*, *дражь*, *даль* (въ), *дурь*, *жить*, *жизнь*, *жердь*, *жельць*, *жельть*, *жаль*, *жельдь*, *знать*, *кадь*, *копь*, *кось*, *кривь*, *круть*, *кручь*, *лють*, *мазь*, *масть*, *мовь*, *молодь*, *мочь*, *муть*, *нехристь*, *новь*, *низь*, *парь*, *плавь*, *плеть*, *печаль*, *прить*,

рять, рысь, рябь, сласть, старь, суть, съть, таль, топь, чадь и челдѣ, чернь, чушь, ширь, щель и пр. и пр.

Имена собственныя суть тѣже нарицательныя и подлежатъ тѣмъ же законамъ образованія, что и послѣднія.

На основаніи формъ *Либь, Вєсь* и пр. утверждаютъ, что слово *Русь* происхожденія Финскаго все одно, что на основаніи формъ *Мордва, Нарова, Татарва* утверждаютъ Финское или Татарское происхожденіе словъ *Морава, Литва, Волхва*; или на основаніи словъ *пальто, манто, манежъ, шикъ* Французское происхожденіе словъ *долото, надежъ, крикъ* и пр.

«Либь, Сумь, Ямь» заимствованы изъ Финскихъ *Livi, Suoti, Häme*. Но Русскій народъ, заимствуя въ свой языкъ Финскія слова *Livi, Suoti*, вылилъ ихъ въ формы *Либь, Сумь*, потому что форма на *ь* въ языкѣ его весьма употребительна, какъ напр. *мовь, новь, лоть* и пр. Не будь въ наличномъ запасѣ языка этихъ формъ, народъ, заимствуя слова *Livi, Suoti*, далъ бы имъ другое окончаніе.

Русь имѣетъ при себѣ формы *Русинь* и *Русичи* (сл. о П. Иг.), *Чудь* — *Чудинь, Серебь, Сербь* или *Сербь* — *Сербинь*. Такимъ образомъ чисто Славянскія имена *Вятичи, Житичи, Нижичи, Лютичи* должны были имѣть, а конечно и имѣли при себѣ формы *Лють, Жить, Низь, Вять*: *Вятько* сѣде съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ него же прозвашася *Вятичи*. *Вятько* — *Вять*, какъ *Иванко, Семенко, Радко* и пр.: *Вят* и *Вът*, *вять* и *вьтъ*, какъ *лют. крут* — *луть, крутъ* и пр.

Слово *Сербь* не выдуманное, не описка писца (Beugf. I, 63 ff.). Несправедливо, что она не была въ живомъ народномъ употребленіи — keines Gebrauches erfrent hat.

Изъ того, что вынѣ ни мы, ни Сербь слово *Серебь* или *Сербь* не употребляемъ, еще не слѣдуетъ, чтобы и прежде оно не было употребительно.

Форма *Серб* также можетъ и должна имѣть при себѣ форму *Серебь*, какъ формы *крут, глад, низ* и пр. имѣютъ при себѣ формы *гладь, крутъ* и пр. Форма *Сербинь* также требуетъ себѣ форму *Сербь*, какъ *Чудинь* — *Чудь*. Хотя слово *Сербь* теперь и

не употребительно, однако и теперь оно понятно и весьма живо рисуется каждому Русскому.

Многія имена женск. р. на *ь* имѣютъ собирательное значеніе, напр. *барь*, *варь* (толпа), *зять*, *владь* (волосы на головѣ), *жиль*, *голь*, *моль*, *дичь*, *дрянь*, *дурь*, *чирь* (Бѣломорская рыба, и во мн. ч.), *нехристь*, *молодь*, *падаль*, *позань*, *пыль*, *тварь*, *жить* (да подвижиться земная *жить* страхомъ (Григ. Бог: XI в.), *жизнь* въ древн.), *сволочь*, *зелень*, *братрь* (древне-Чешск. *wsiu brať*), *шеѣ*, *таль*, *чернь*, *шеваль*, *чадь* и *челядь*. Форма эта доселѣ не утратила своей живучести и въ живой одушевленной бесѣдѣ Русскихъ людей нерѣдко создаются новыя слова съ этой формой.

Имена *Чудь*, *Сербы*, *Русь*, *Ливь Корсь* также имѣютъ значеніе собирательное, обозначаютъ и страну и народъ. Обозначеніе однимъ и тѣмъ же именемъ и земли и народа, на ней живущаго, весьма понятно, основано на смѣшеніи содержащаго съ содержимымъ, и потому весьма обыкновенно во всѣхъ языкахъ. Такъ земля *Лядьская*, земля *Половецкая* нерѣдко стоятъ вм. *Ляховъ*, *Половцевъ*, въ нашихъ лѣтописяхъ, также и въ *Сербскихъ* (изд. Шафар. Рат.) напр. «плѣня *блыарскоу землю*», и «плѣни... *срблн*», «оуби Михаила и пріими *Блыаре*» — «плѣни *оугрскоу землю*». А языкъ, народъ вм. земли: напр. «бѣше въ *фильсць езыць доубъ велеи*» (Пан. Жит. Св. Кир.). Сравни: *первый классъ*: и залъ и школьники; *Семеновскій полкъ* и мѣсто и солдаты.

Изъ того, что *Балтійскіе Финны въ незапамятныхъ временахъ* употребляютъ мѣстныя имена въ значеніяхъ географическомъ и этнографическомъ (напр. *Suomi* и Финны и Финляндія), еще вовсе не слѣдуетъ, что слово *Русь* происхожденія Финскаго. Всѣ Славяне и Русскіе и Сербы и Чехи и Поляки употребляли и употребляютъ слова: Угры, Ляхи, Волохи, Греки, Варяги, Моравы, Нѣмцы — въ обоихъ смыслахъ, что должно быть извѣстно всякому, занимающемуся Русскою исторіею, равно какъ и то, что слова *учь die Gelehrten* никогда въ Русскомъ языкѣ не существовало, а есть и было слово *неучь*¹.

1. Г. Кузникъ не соглашается ни съ тѣми, что говорятъ, будто бы слово *Владимиръ*, перенесенное къ Скандинавамъ, образовало слово *Woldemar*, ни съ тѣми,

Въ заключеніе своего историко-генетическаго объясненія слова *Русь*, почтенный академикъ ставитъ слѣдующій вопросъ: «Wer ist noch so skeptisch, so eigensinnig, so kurz-sichtig, so befangen, um nicht zu begreifen, von woher in der ersten russischen Chronik die auf — ь ausgehen den lionischen Völkernamen stammen, warum allein die Russische Schriftsprache in der älteren Zeit Gentilia mit ethnographischer und geographischer Bedeutung zugleich aufzuweisen hat, während das Serbische durch fremden Einfluss nur zu kollektiven Gentilien gelangte, die aber nie das Land zugleich bezeichneten? — т. е. «Кто еще будетъ столь скептически, столь самолюбивъ, столь близо-

что говорить, будто бы слово Владиміръ заимствовано изъ Нѣмецкаго. Съ этимъ конечно согласится всякій. Но г. Куникъ не желаетъ согласиться и съ тѣмъ мнѣніемъ, которое единственно возможно и вполнѣ справедливо, о томъ, что Владиміръ и Woldemar одинаково и съ незапамятныхъ временъ принадлежатъ и Славянамъ и Нѣмцамъ. «Es wäre leicht, noch eine 4-te und zwar eine nicht ganz unwahrscheinliche Ansicht aufzustellen, wenn es nicht besser wäre, den Namen in seine einzelne Bestandtheile zu zerlegen». (Beruf. II, 112, 113). Слово *миръ*, въ Слав. Владиміръ кажется г. Кунику неяснымъ, тогда какъ Нѣм. *mag* (драрка, *magi-kund*, берѣхт) въ Woldemar оно понятно и равняется нашему *славъ* въ сл. *Владиславъ*. Потому г. Куникъ и почелъ возможнымъ Владиміръ — als ein solches Lehnwort zu betrachten, das wie *князь* и *кметъ* bei dem ersten Zusammenstoss der Slawen und Germanen ins Slawische einging. Мнѣніе это, по крайнему своему убѣжденію, не могу назвать справедливымъ. На этомъ основаніи можно отрицать Славянскіе чистѣйшихъ Славянскіихъ именъ: *Миронъ*, *Братонъ*, *Десибратъ* и пр. У Славянъ весьма обычны простыя слова: *Миръ*, *Миро*, *Мирко*, *Мирче*, *Мирько* и пр., и *Славъ*, *Славо*; также обычны и сложныя имена, состояща изъ двухъ простыхъ: есть и *Славомиръ* и *Мирославъ*, *Станмиръ* и *Станиславъ*, *Тытамиръ* и *Тытославъ*, *Ныломиръ* и *Нытославъ*, *Радомиръ* и *Радославъ*, *Братониръ* и *Братославъ*, *Драгомиръ* и *Драгославъ*, *Воимиръ* и *Воиславъ*, *Будимиръ* и *Будиславъ*, *Детимиръ* и *Детиславъ*, *Гомиръ* и *Гославъ*, *Яромиръ* и *Ярославъ*, *Стрѣзмиръ* и *Стрѣзиславъ*, и пр. Если Владиміръ слово первоначально не Славянское, то надо признать не Славянскіи именами и всѣ имена на *миръ*, какъ приведенныя выше, такъ и многія другія; напр. *Ратмиръ*, *Збрамиръ* (и *Збраславъ*), *Лютомиръ*, *Просимиръ*, *Недамиръ*, *Вышемиръ*, *Болемиръ*, *Страцимиръ*, *Гостимиръ*, *Прѣдимиръ*, *Красимиръ*, *Тешимиръ*, *Велимиръ*, *Скоромиръ*, *Дръжимиръ*, *Бѣлмиръ*, *Ходимиръ*, *Льдомиръ*, *Хранимиръ*, *Растимиръ*, *Влѣтмиръ*, *Чрнкомиръ*, *Теоримиръ*, *Витомиръ*, *Цельтимиръ*. Если же эти слова первоначально не Славянскія, по крайности не вполнѣ, то значитъ не Славянскими надо признать и *Мирославъ*, *Миронъ*, *Миръ*, *Мирко* и пр.

рукъ, столь пристрастенъ, что не пойметъ, откуда произошли Финскія народныя имена, оканчивающіяся на *ь* и встрѣчающіяся въ первой Русской Лѣтописи, почему только древній письменный Русскій языкъ имѣетъ мѣстныя названія съ этнографическимъ и географическимъ значеніемъ, тогда какъ Сербскій языкъ только съ помощью чужаго вліянія достигъ до образованія собирательныхъ именъ, обозначающихъ только народъ и никогда страну».

На это я замѣчу.

Слово *Русь* не обличаетъ своего Финскаго происхожденія :

1) Ни своимъ окончаніемъ — *ь*; *Русь* принадлежитъ къ ряду весьма живучихъ и доселѣ любимыхъ народомъ словъ: *высь, младь, новь, круть, лоть, мушь, дурь* и пр. Форма эта употребительна и для мѣстныхъ названій, напр. *Чудь, Серебь* или *Сербь, Скифь, Либь, Черемись, Весь, Корсь, Жмудь* у Поляковъ *Zimudź*, у Сербовъ и Болгаръ: *Лабь, Пилоть, Львочь, Борьчь, Желнь, Голиць, Нишь, Селунь, Корсунь, Оарьсь, Фоуль, Лоудь* и др.

2) Ни своимъ употребленіемъ въ смыслѣ этнографическомъ и географическомъ. *Русь* земля и люди на ней живущіе. Такое смѣшеніе свойственно не однимъ Финскимъ, но всѣмъ языкамъ между прочимъ и Славянскимъ: а) Русскому: *изъ Грекъ, изъ Нѣмцевъ, въ Уграхъ* и пр. б) Древне Болгарскому: *въ Козарехъ, въ Срациньхъ, посла въ Казары, заславше въ Свабы, изъ Моравы, изъ Влакъ, изъ Грекъ, изъ Немець* (см. Панн. Жит.) и пр. в) Сербскому: *въ Татарехъ, на Угрь, оу Оугрь, оу Немце* (дана бысть..); *оуби влада воеводуу на Власехъ, приобрѣтохъ оудь морске земля зетоу и съ градовы, а оудь Арбанасъ пилоть, а оудь Грьчкѣ земле* и пр. (см. Гр. Стар. Нѣм. 1198 — 9 г. и Сербск. Лѣт. изд. Шаф. Рат.): *тъкмо оубѣга да не носѣ ни ъ Бѣгаре, ни ъ Басарабинѣ землю ни на Угрь ни ъ Боснѣ ни ъ Грьке* (Гр. Стеф. Душ. 1349 г. Спом. 43. *Mikl. Mon. Serb.* p. 146); напр. *о-чеса ксть Житѣк ъ Бѣгаре побѣгль». (Mikl. ib. p. 172); или се бѣде ѣчинило ъ Срьблихъ или ъ Дѣбровникѣ». (ib. p. 206). г) Чешскому: *z Wlah, z Uher, do Čech.* и пр. д) Польскому *do Włoch, w Multanach, do Wegier* и пр.*

3) Ни производнымъ отъ него словомъ *Русинъ* (Veruf. I, 73). Г. Куникъ напрасно полагаетъ, что чисто Славянскія народныя имена не оканчиваются на —инъ (Ver. I, 75), такъ сл. *Дульбы* въ ед. ч. должно было имѣть *Дульбинъ*, форма и имя столь же Славянскія, какъ и *Сербинъ*, *Боудинъ* (въ Сербск. Гр.). Г. Куникъ, мнѣ кажется, несправедливо утверждаетъ, что всѣ имена съ этимъ окончаніемъ напр. *господинъ*, *бояринъ*, *шуринъ*, *папикъ* — вностраннаго происхожденія: nach der allgemeinen slawischen Sprachgeschichte und ihren Ursprung andern Sprachen verdanken. Слова *бояринъ*, *господинъ*, *властелинъ*, *жителинъ*, *хозяинъ*, *гражданинъ*, *жоупланинъ*, *краининъ*, *пчелинъ*, *жателинъ*, *воинъ* и пр. чисто Славянскія. Нельзя также сказать, что Славянскія имена *Хрватинъ*, *Сербинъ* — формы позднѣйшія и малоупотребительныя. (См. напр. Српск. Спом. № 15. 1949 г. и проч.).

Не слова *Сербинъ*, *воинъ* и пр. образовались по образцу *Татаринъ*, *Мордвинъ*, *Турчинъ*, а на оборотъ.

4) Ни своими коренными звуками, *лотъ*, *крутъ*, *мутъ* имѣютъ при себѣ *лот*, *крут*, *мут*; а *Русь* должно имѣть при себѣ *рус*, корень дѣйствительно встрѣчающійся въ словахъ Славянскихъ: *русло*, *русалка*¹.

5) Ни своимъ значеніемъ. Эсты называютъ Шведовъ вообще *Roots* или *Rootslane* или *Rootsimees*, Выборгскіе Финны *Ruossi*, другіе *Ruotsi* или *Ruohiti* — Швецію, а Шведа — *Ruotsalainen* и *Ruohतालainen*; также земля Шведская *Ruotsin* или *Ruohitin maa*. — Норвегія *Rutia*, и Норвежецъ *Rutiaalainen*.

Если бы слово *Русь* было Финскаго происхожденія, то означало бы Шведовъ и Швецію; притомъ оно могло быть взято изъ Финскаго только тогда, когда бы Славяне познакомились со Шведами не непосредственно, а черезъ Финновъ. Но въ такомъ случаѣ отчего, зачѣмъ и для чего говорить Несторъ о *Свелѣ* рядомъ съ *Русью* и въ то же время отдѣляетъ *Русь* отъ *Свелѣ*: 1) «По сему же морю сѣдять Варязи, *Севи*, *Урмане*, *Русь*,

1. И у южныхъ Славянъ, напр. въ Сербск. грам. 1330 г. «одъ Чръвенога Бръна на Гомилу оу рькоу и одъ Роусалин оу локоу». (Српск. Спом. № 176).

*Анляне, Галичане, Воляхва» ... 2) «Идоша за море къ Варягомъ къ Руси; сиче бо ся аваху ти Варязи Русь, яко се друзи зочутся Свое (т. е. Свее), друзи же Урмане, Ангыляне, друзи Готе; тако и св. Рѣша Руси Чюдъ, Словѣни и Кривичи». — Одни Варяги Готы, одни Варяги Урмане, одни Варяги Свее, одни Варяги Русь... — Шведы — *Svióthiod Sвее*. Славяне познакомились со Шведами непосредственно; отчего же не могли съ *Варягами Русью* познакомиться также непосредственно? Слово *Русь* не обличаетъ Финскаго происхожденія.*

Историко-генетическій методъ, правильный филологическій анализъ приводитъ меня къ несомнѣнному убѣжденію, что нѣтъ никакого основанія утверждать, что слово *Русь* непременно замѣщено отъ Фикковъ.

Изъ того однако еще не слѣдуетъ, чтобы оно и не могло быть Финскимъ; тѣмъ не менѣе явствуетъ, что могло Финскимъ и не быть; могло же быть чистымъ Славянскимъ.

Было ли оно дѣйствительно Славянскимъ?

II. Въ 1838 г. найдено было слѣдующее извѣстіе Арабскаго путешественника Ахмеда Эль Катиба, написавшаго свое сочиненіе ок. 889 г. или 891 г., подъ заглавіемъ «Книга странъ». (См. ст. Френа въ Bull. 1838. № 9).

«На западъ отъ гор. Альджезиры лежитъ городъ Севилья, на большой рѣкѣ, рѣкѣ Кордовы. Въ нее ворвались Нечестивые, которые называются Русы (эль Русъ) и грабили и пустошили и жгли и разоряли».

Изъ прежде открытыхъ извѣстій всѣ знали о походахъ Норманновъ, именно Датчанъ въ Испанію; а въ 844 г. они дѣйствительно нападали на Севилью. Тѣ, которые держались Датскаго происхожденія Варяговъ Руси, думали найти въ этомъ извѣстіи новое подтвержденіе своей догадки; а державшіеся Шведскаго происхожденія Варяговъ Руси, старались доказывать, что въ 844 г. нападали на Испанію не Датчане, а Шведы.

Основываясь на драгоцѣнномъ извѣстіи Берт. Лѣт. о посольствѣ Имп. Теофила къ Имп. Лудовику въ 839 г., справедливо было рѣшено, что въ 839 г. въ Швеціи были люди, qui

se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant, что то были люди *Свейскіе, gentis Sveonum*, т. е. наши *Варяги Русь*.

Найдя извѣстіе Ахмеда эль Катиба, рѣшили, что эти люди Свейскіе, эти Варяги Русь въ 844 г. грабили Севилью. — По видимому правильно.

Въ своемъ важномъ трудѣ Френъ перевелъ слѣдующее мѣсто Массуди о набѣгѣ Норманновъ на Севилью. «Еще до 300 г. Гаджры пристали къ Испаніи корабли съ тысячами человекъ, которые опустошали берега. Жители Испаніи считали ихъ за народъ нечестивый». При семъ Френъ узналъ на болѣе точное извѣстіе Абульфеды о походѣ *Нечестивыхъ* въ 844 г. (Ibn. Fozsi. Ber. S. 137 — 8).

Г. Куникъ въ своемъ сводѣ извѣстій о походѣ Норманновъ на Испанію, къ сожалѣнію, ограничился приведеніемъ извѣстія Массуди по переводу Френа (Beruf. II, 293). Въ Спрингеровомъ переводѣ 1 ч. Золотыхъ Луговъ Массуди († 956 г.) извѣстіе о походѣ Норманновъ дополнено любопытнымъ разсужденіемъ Массуди, которое необходимо не опускать изъ виду при разсмотрѣніи извѣстія Ахмеда эль Катиба.

Вотъ это любопытное мѣсто Массуди въ переводѣ Спрингера: «A short time previous to the beginning of the fourth century of the Hijrah, ships landed in Spains which had thousands of men on board, who made incursions on the coast. The Moslims of Spain believed that they were an Magian nation... (fire worshippers) who were in the habit of visiting this country every two centuries. They came from a gulf of the Ocean, and not from the strait on which the pillars of copper (columnae Herculis) stand. I suppose this gulf is connected with the sea of Máyotis and the Pontus (through a northern passage) and that the invading nation were the Russians, of whom we have spoken; for no other nation sails in the seas which stand in connexion with the Ocean». (Sprenger. I, 373—4) т. е. «Вскорѣ передъ началомъ четвертаго столѣтія Гаджры, пристали къ Испаніи корабли съ тысячами человекъ, которые грабили по берегу. Мусульмане Испанскіе думали, что то былъ народъ Нечестивый, (Маджу — огнепоклонники), обыкновенно посѣщавшіе эту страну каждыя два столѣтія. Они пришли изъ залива Океана, а не изъ пролива, гдѣ стоятъ мѣдные столбы

(столбы Иракловы). Полагаю, что этотъ заливъ соединенъ съ моремъ Меотійскимъ и Понтомъ (черезъ сѣверный каналъ), и что нападавшій (на Испанію) народъ были Русскіе (Руссы), о которыхъ мы говорили, ибо не одинъ народъ не плаваетъ въ моряхъ, стоящихъ въ связи съ Океаномъ».

Знаменитый Французскій ориенталистъ Рено вотъ что замѣчаетъ по поводу приведенныхъ нами словъ географа Маскуда: «*Massoudy, qui avait visité en personne l'Espagne, répète ce qu'il avait entendu dire. Les hommes du Nord, pour se rendre en Angleterre, en France et sur les côtes d'Espagne, avaient eu à franchir le Sund. Massoudy qui n'avait aucune idée de la configuration de la mer Baltique, qui même regardait ces régions comme inhabitables, fut amené à dire qu'apparemment le canal en question traversait l'Empire Russe du nord au midi. Si quelques se sont autorisés de ce passage pour dire que, dans l'opinion de Massoudy, les Russes étaient des Normands, ils ont commis une grave erreur. Massoudy, comme je l'ai dit, était persuadé que le monde habitable finit un peu au nord de la mer Noire; suivant lui, au delà des pays des Russes, il n'y avait que des déserts. Entendant dire que des hommes à moitié barbares étaient arrivés par le nord sur les côtes d'Espagne, il dut croire que c'étaient des Russes, et, pour être conséquent, il fit venir ces hommes des bords du Palus-Méotide dans la Baltique, à travers un canal imaginaire.*» (Géogr. d'Aboulfeda. I, p. °CCXCIX).

Извѣстно, что по смерти Карла В. особенно участились походы Датчанъ¹ на выѣшнюю Францію. Лѣтописцы западные чаще называютъ ихъ Норманнами, давая имя Норманнii самой Данii².

1. Depping, Hist. des expéd. maritimes des Normands. I, chap. IV. — Zeuss, Die Deutsch. u. die Nachbarst. Ss. 524—536.

2. Haup. «*Fuerunt in eodem conventu et legationes de Nordmannia, tam de parte Hartoldi quam filiorum Godofridi.*» (Einh. Ann. 822. Pertz I, 209). «*Venerat et Hartoldus de Nordmannia, auxilium petens contra filios Godofridi, qui eum patria pellere minabantur*» . . . «*causam filiorum Godofridi et statum totius regni Nordmannorum diligenter explorantes*» (ibid.). А выше читаемъ: «*De parte Danorum omnia quieta eo anno fuerunt et Hartoldus a filiis Godofridi in societatem regni receptus, quae res tranquillum inter ejus hujus temporis statum fecisse putatur. Sed quia Ceadragus, Abodritorum princeps perfidiae et cujusdam cum filiis Godofridi*

Латинскіе лѣтописцы, говоря о походѣ Норманновъ на Испанію въ 844 г., не называютъ ихъ Датчанами. Изъ того однако, что Шведы называются западными лѣтописцами иногда, гораздо рѣже Датчанъ, тоже Норманнами, еще нельзя заключать, что въ 844 г. нападали на Испанію Шведы.

Шведамъ ходить грабить Севилью было не совсѣмъ сподручно, а Датчанамъ удобно, такъ какъ во Франціи они въ то время имѣли стоянки и притоны. Бертинскія лѣт. передаютъ, что въ 843 г. *Норманны* пристали къ Навту, овладѣли имъ, разоривъ его, пошли опустошать нижнюю Аквитанію; наконецъ вошли на какой-то островъ и рѣшились зимовать на немъ. Подъ 844 и 845 г. тѣже Берт. лѣт. говорятъ: *Норманны*, отправившись по Гарронѣ до Тулузы, повсюду безнаказанно грабили... *Датчане*, которые въ прошломъ году опустошали Аквитанію... Въ 859 и 860 г. они грабятъ Южную Францію и разгуливаютъ по Ронѣ. Берт. лѣт. говорятъ: *piratae Danorum* longo maris circuitu, inter Hispanias videlicet et Africam navigantes, Rhodanum ingrediuntur, depopulatisque quibusdam civitatibus ac monasteriis.. Hi vero *Dani* qui in Rhodano morabantur, usque ad *Valentiam civitatem* vastando perveniunt.... *Dani* qui in Rhodano fuerant *Italiam* petunt, et *Pisas civitatem* aliasque capiunt, *depraedantur atq* e *devastant*.

Кто, спрашивается, грабилъ Севилью въ 844 г.? Датчане или Шведы? — Г. Куникъ рѣшительно не соглашается съ г. Крузе, который полагаетъ, что Датчане (Beruf. II, 311—318). Цейссъ тоже считалъ этихъ Норманновъ Датчанами, совершенно согласно и съ порядкомъ вещей, по которому Шведамъ ходить на Севилью было не совсѣмъ сподручно, и съ свидѣтельствомъ Берт. лѣтоп., прямо тутъ разумѣющихъ Датчанъ, рыскавшихъ передъ тѣмъ по Гароннѣ: «*Nortmanni per Garrondam Tolosam usque proficiscentes, praedas passim impuneque perficiunt; unde regressi quidam, Galliciamque adgressi, partim balistariorum accursu, partim tempestate maris intercepti*

---

factae societatis notabatur, Schlaomir, aemulus ejus, in patriam remittatur, qui cum Saxoniam venisset, aegritudine decubuit, perceptoque baptismi sacramento, defunctus est. (Einh. Ann. 821. I, 208).

dispererunt. Sed et quidam eorum *ulterioris Hispaniae partes* adorti, diu acriterque cum Sarracenis dimicantes, tandem victi resiliunt».

И такъ изъ свидѣтельствъ западныхъ лѣтописцевъ слѣдуетъ, что въ 844 г. нападали на Севилью Датчане, отнюдь же не Шведы, что впрочемъ понятно и само по себѣ, такъ какъ Шведамъ ходить на Севилью, еще въ 844 г., было вовсе не съ руки.

Но какъ же Ахмедъ эль Катибъ говорить, что то были Нечестивые, которые называются *эль-Русь*, т. е. Варяги Русь, тѣ Свейскіе люди (*gentis Sueonum*), qui se, id est gentem suam Rhos vocari dicebant?

Припомнимъ слова Массуди: «полагаю, что народъ, нападавшій на Испанію, были Руссы». — Рено превосходно объяснилъ, какъ и съ чего въ головѣ Массуди родилось такое предположеніе. — Если Ахмедъ эль Катибъ, писавшій въ IX в. свою «Книгу Странъ», твердо бы зналъ, что Севилью въ 844 г. грабили Руссы, то иѣтъ сомнѣнія въ IX—X в. въ Испаніи жило много людей, знавшихъ о томъ, что Нечестивые, нападавшіе на Севилью въ 844 г., были Руссы. Ученому и любознательному Массуди, этому Арабскому Иродоту, лично посѣщавшему Испанію, не трудно было развѣдать и навести справки о походѣ Нечестивыхъ на Севилью. Мы предполагаемъ, что «Книга Странъ» Ахмеда эль Катиба ему не была извѣстна.... Массуди же именно говорить... «пристали къ Испаніи корабли съ тысячами чело-вѣкъ, которые грабили по берегу. *Мусульмане Испанскіе думали*, что то былъ народъ Нечестивый.... Они пришли изъ залива Океана, а не изъ пролива Мѣдныя Столбы. Полагаю, что этотъ заливъ соединенъ съ моремъ Меотійскимъ и Понтомъ (черезъ Сѣверный каналъ) и что нападавшій на Испанію народъ были Руссы».

А Руссы, по словамъ Массуди, которыя приведены нами выше, были народъ великій, т. е. многочисленный, раздѣленный на различныя вѣтви, жившій по Азовскому Морю.

Какъ же Ахмедъ эль Катибъ говорить утвердительно, что Нечестивые, грабившіе Севилью, назывались Русью, *эль Русь*?

Если ученѣйшій географъ Арабскій въ X в. не имѣлъ никакого понятія объ очертаніи Балтійскаго моря и полагалъ, что черезъ нынѣшнюю Россію проходитъ каналъ, соединявшій Чер-

ное и Азовское моря съ Балтійскимъ, то весьма понятно, что Ахмедъ эль Катибъ, жившій въ IX в. не имѣлъ объ этомъ предметѣ лучшихъ понятій. Точно также онъ могъ знать Руссовъ, жившихъ по Азовскому морю и предположить, подобно Массуди, что эти Нечестивые были Руссы. Разнится же онъ отъ Массуди тѣмъ только, что тотъ свое личное мнѣніе передалъ намъ въ видѣ догадки, а этотъ выразилъ его, какъ фактъ несомнѣнный, какъ извѣстную истину, тогда какъ это было только личное его мнѣніе. Слѣдуетъ однако замѣтить, что весьма быть можетъ Ахмедъ эль Катибъ въ своемъ сочиненіи и не представлялъ никакой догадки о томъ, кто были тѣ Нечестивые, что нападали на Севилью въ 844 г. Рукопись, изъ которой заимствовано извѣстіе Ахмедово объ этомъ походѣ, писана въ 1262 г. Очень возможно, что переписчикъ, знакомый съ текстомъ Массуди, вставлялъ въ текстъ Ахмеда эль Катиба слова, «которыя называются эль Русъ». Догадка Массуди понравилась ему, онъ и втиснулъ эти несчастныя слова, надѣлавшія столько шуму, едва ли не по пустому.

Г. Куникъ нашелъ даже нужнымъ подъ предисловіе первой части своего сочиненія помѣстить слѣдующую надпись: «Geschrieben an der Newa im 1000-sten Jahre nach der Bestürmung des maurischen Sevillas durch die nordischen und im 900-sten Jahre nach der Einäscherung des kaukasischen Berdaas durch die östlichen Russen. (Beruf. I, XXVIII)¹.

1. Во второй части своего сочиненія г. Куникъ представилъ перечень собственныхъ именъ нашихъ Норманновъ съ ихъ объясненіемъ. (Beruf. II, 121 ff.) Первую статью этого свода почтенный авторъ озаглавилъ такъ: Die gotländischen Namen der berufenen Helden, т. е. «Норманскія имена призванныхъ героевъ»; въ примѣчаніи же замѣтилъ, что тутъ нѣтъ никакого патриотическаго увлеченія (возврѣнія), ибо г. Устряловъ Олега и Святослава называетъ *олмканами сумрака*, а кто-то другой назвалъ первыхъ Варяжскихъ князей «родомъ полубоговъ» — «eine Art von Halbgöttern». Въ списокъ этихъ героевъ попали: *Рюрикъ, Синусъ и Труворъ, Аскольдъ и Диръ, Бравалинъ, Роголодъ и Туръ*, а не только *Олегъ*. Почему *Туръ* былъ Норманнъ? не поясняетъ. На стр. 119-й г. Куникъ утверждаетъ, что всѣ высшія должности были исключительно заняты Варягами и пр. до начала XI в. Это обстоятельство могло много значить только въ томъ случаѣ, если бы княжество Рюрика было строго развитое государственное тѣло, гдѣ верховная власть и ближайшіе къ ней сановники имѣютъ огромное значеніе и вліяніе. Наконецъ эти *полководцы, сановники* и пр. не всѣ же были

III. Весьма сомнительно, чтобы Варяги Русь, тѣ Свейскіе люди (*gentis Sueonum*), *qui se, id est, gentem suam Rhos vocant dicebant* — были ничто иное, какъ *Rodsin*, члены Морскаго Стана, что назывался у Шведовъ *Rodslagen*, или съ пропускомъ *d*, *Roslagen*, т. е. *Rudergesellschaften* — общины гребцовъ.

По Шведски *ro, ros, r d* гребти веслами, *roder* весло, *rodare* — гребецъ; а на древне-Шведскомъ языкѣ *rodi* — гребецъ, *rodhsin* — гребцы. Ире говоритъ въ своемъ Словарѣ (*Glossarium Sveo-Gothicum*).... *pars illa Uplandiae, quae littori maris Baltici vicina est vocatur hodieque Rodslagen vel Rosslagen.* — *Locus maritimus, quique copias navales tempore belli suppeditat. Sic et Bergslagen audit regio, quae montibus metalliferis operam suam dicit, quasi diceret societatem navalem, societatem metallurgicam.*

Еще Розенкампфъ (1828) весьма справедливо замѣтилъ, что Родлагенъ и Родзинъ имѣли значеніе нарицательное¹. Шафа-

Шведы. Что *Лютъ* и *Блудъ* напр. были Шведы, доказать трудно, равно какъ и то, что *Волвий лютъ* былъ Немецъ, и что это собственное имя есть Славянской переводъ съ Норманскаго. А можетъ и нѣтъ? У Чеховъ имена: *Люта*, *Лютоборъ* и *Блудъ* весьма были обычны. Народныя преданія объ Ольгѣ и Владиміръ, сохранныя летописями, несомнѣнно убѣждаютъ, что ни тотъ, ни другая не были пристрастны къ Славянамъ, не норманн Шведовъ. Иначе бы народъ не поминалъ ихъ добромъ, не былъ бы такъ привязанъ къ нимъ и не чтлъ бы такъ ихъ памяти. Съ помощію Варяговъ Владиміръ (въ 980 г.) взялъ городъ Родню, на устьѣ Рси. «Посемъ рѣша Варязи Володимеру: се градъ вашъ, и мы прикомъ е, да хочешъ имати оуку на нихъ, по 2 гривнѣ отъ человѣка. И рече имъ Володимеръ: спождѣте, да же вы куны сберуть, за мѣсяць. Ждаша за мѣсяць, и не дасть имъ, и рѣша Варязи: осольстнѣ еси нами, да покажи ны путь въ Греки; онъ же рече имъ: «идѣте». И избра отъ нихъ мужи добры, смыслены и храбры, и раздѣ имъ грады; прочіи же идоша Царюграву въ Греки. И посла правдъ ними слы, глагола суще дарю: *се идутъ къ тебѣ Варязи, не можт изъ держати ес градъ, оми то створати ти зло, яко и здѣ, но расточи я рази, а стмо не пушай ни еднотю*». Владиміръ поступаетъ тутъ съ Варягами, какъ иноплеменикъ, какъ Славянинъ. Иначе бы онъ не поступилъ съ ними такъ недружелюбно, не на нихъ значить онъ опирался. Владиміръ ставитъ кумиры боговъ Славянскихъ, дѣтямъ своимъ даетъ имена Славянскія. Владиміръ оставляетъ при себѣ нѣкоторыхъ Варяговъ, не какъ Шведовъ, Норманновъ, не какъ своихъ соплеменниковъ, а какъ людей добрыхъ, смысленыхъ и храбрыхъ. Тутъ Владиміръ поступилъ самъ какъ человѣкъ добрый и смысленый, который прѣнѣтъ людей по людски, и сѣдовательно не за пороку, какъ прѣнѣтъ лошадей, собакъ....

1. Зап. Моск. Общ. Ист. и Древн. 1828. Т. IV. С. 139 и сл.

рикъ возражалъ: «Если слово *Rosi* происходитъ отъ *rodhi* (гребцы, *gehiges*), то и въ такомъ случаѣ, оно очень прилично было Варягамъ, призваннымъ Славянами, по ихъ ремеслу и образу жизни. *Отъ названій общицъ происходятъ собственныя*».

Какъ Славянскія, такъ и Нѣмецкія народныя имена почти исключительно обязаны своимъ происхожденіемъ или личному имени родоначальника, или какому нибудь свойству народному или мѣстности: — такъ — Славянскія имена — Радимичи, Вятичи, и пр., а Нѣмецкія — *Herminones, Ingaevones, Iscaevones* и пр., или Франки, Хаттуары, т.е. *Hätvere* — (*colentes, gestnates pileum*), *Sveordveras* (*gestantes ense*), *Suardones, Sahson* и пр. т. е. свободные, шлемники, меченосцы и пр., Словѣне, Лютичи, Велеты и пр.; или Ость-Готы и Вестъ-Готы, Тервинги, Гріотунги, — Древляне, Поляне, Морава, Полочане и пр.¹

Но мнѣ не случалось никогда встрѣтиться съ названіемъ народа, происшедшимъ отъ его рода занятій или промысла; разумѣю конечно здѣсь древность, ибо въ новѣйшее время такія названія весьма часты для жителей извѣстныхъ областей, какъ напр. у насъ Ростовцы — огородники, Владимірцы — клюковники, Клиновцы — лапотники, Муромцы — калашники. Но эти названія не получаютъ значенія географическаго: это эпитеты, прозвища, чаще даваемые въ насмѣшку, въ родѣ того, напр. какъ Рязанцевъ называютъ *синеврѣжми*, Ростовцевъ *вислоухими*, Новгородцевъ *долбежниками* и *гущельдами*².

Но если названія по любимымъ занятіямъ и промысламъ и не заключаютъ въ себѣ насмѣшки и брани, то все таки сами жители той или другой области никогда не называютъ себя такими именами. Если бы наконецъ они и стали слыть у себя подъ какимъ нибудь нарицательнымъ именемъ напр. *огородниковъ*, *гребцовъ*, то слово это непременно утратило бы свое прежнее значеніе и было бы замѣнено другимъ. Мы знаемъ, что еще

1. Шаф. Слав. Древн. § 43. Grimm. Gesch. d. deutsch. Sprache. Ss. 773 ff.

2. «*Родимиз* отъ весла, какъ другіе отъ меча, шляпы и пр. Борода, шляпа, мечъ и пр. принадлежатъ къ такимъ предметамъ, которые могли породить названія, могли служить признаками постоянными. Изъ можно было видѣть, брать и держать съ собою *всегда, вездѣ и всюду*. Къ веслу же этого относить нельзя».

въ к. XIII в.: слово *Rodsin* — гребцы имѣло въ Швеціи значеніе нарицательное; еще теперь по Шведски гребецъ — *godage*, слово понынѣ понятное всякому Нѣмцу. Весьма сомнительно, чтобы Свейскіе люди (*gentis Sueonum*), бывшіе у императора Теофила въ 830-хъ годахъ, на вопросъ кто они? что за люди? и какого роду? стали бы отвѣчать *Rodsin* — гребцы? Слово *Rodsin* въ IX в. было понятно каждому Нѣмцу; императоръ Лудовикъ тщательно развѣдывавшій о тѣхъ Свейскихъ людяхъ, *qui se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant*, не могъ не понимать, что *Rodsin* — гребцы, а Берт. лѣт. не преминули бы перевести и объяснить этого слова, если бы *Rhos* было все одно, что *Rodsin*. Если бы наша *Русь* произошла отъ *Rodsin* — гребцы, то какимъ образомъ ни одинъ изъ позднѣйшихъ Нѣмецкихъ лѣтописцевъ не переводитъ этого слова, весьма имъ понятнаго въ томъ случаѣ, если оно пошло отъ *Rodsin* — гребцы, Шведскаго слова, смыслъ котораго и теперь не трудно понять всякому Нѣмцу¹. А названія *Руси* и *Русскихъ* Нѣмцы объяснять пытались, напр. хоть Ругами: такъ Продолжатель Регинона называетъ нашу Ольгу — *regina Rugorum* и пр.

Весьма сомнительно, чтобы Варяги — Русь, люди Свейскіе, *qui se, id est, gentem suam Rhos vocari dicebant* получили свое имя отъ *Rodsin* — Гребцы.

Славяне были непосредственно знакомы со Шведами, съ Готами, Урманамъ, Англиями — какъ то открывается изъ словъ — *Svee* и пр., не нуждались въ посредствѣ Финновъ для ознакомленія со Шведами Упландскими. Если бы эти послѣдніе называли бы себя *Rodsin*, т. е. гребцами, то Славяне не стали бы называть ихъ *Русью*.

Нѣтъ никакой возможности доказать, чтобы слово *Русь* было происхожденія Финскаго.

Такое производство даже невѣроятно, ибо сомнительно то, что *Rodsin* имѣло значеніе собственное.

Слово *Русь* могло быть Славянскимъ, и весьма вѣроятно и было имъ, тѣмъ болѣе, что Финскія слова *Rootsi, Ruotsi, Ruohiti,*

1. Сужу по крайности по себѣ: если нѣтъ, не понимающему по-Шведски, весьма понятно и живо слово *godsin*, то кольми паче природному Нѣмцу.

Ruossi, Ruotsalainen (Швеція, Шведъ), и *Rutia, Rutialainen* — (Норвегія, Норвежець), разсматриваемыя чисто филологически, сами могли произойти отъ слова *Русь*.

Слово *Русь* весьма вѣроятно было Славянское.

IV. Г. Куникъ, говоря о Карпатской, Угорской Руси, представилъ нѣсколько замѣчаній. Они, если не ошибаюсь, состоятъ въ слѣдующемъ:

1) Въ Уграхъ есть *Русины, Русники*, но нѣтъ *Руси*.

2) Они переселились въ Угры въ послѣдствіи времени, напр. послѣ нашествія Татарскаго въ XIII стол., съ Θεодоромъ Коприатовичемъ, въ XIV ст.

3) Въ Уграхъ и Седмиградіи можно насчитать до 30 поселеній, которыя стоятъ въ извѣстномъ сродствѣ со Шведскими *Rodsia* (гребцами). Вѣроятно въ подтвержденіе этого положенія г. Куникъ указалъ на деревню Русинъ, въ нынѣшней Галиціи, которая можетъ быть была населена Норманнами (das vielleicht seine Entstehung den Normanen verdankt; unweit desselben liegt der Flecken Wareg, in dessen polnischer Form sich also der Name der Warenger erhalten hätte. Москвит. 1841).

4) Русинами въ Уграхъ называются вообще православные, Словаки и пр., въ подтвержденіе чего и привелъ г. Куникъ слѣдующія слова И. И. Срезневскаго: «Русиновъ по вѣрѣ (Русинами въ королевствѣ Венгерскомъ называютъ всѣхъ униатовъ и православныхъ безъ различія, точно ли они Русины, или Словаки, или Мадыяры, лишь бы не были Сербы и Волохи) я уже встрѣчалъ въ столицахъ (vármegye) Гёмбёррской, Сивиской, Шаринской и Землянкой (въ Пряшовской епархіи считается вообще униатовъ до 180,000); но это Русины по вѣрѣ, а по языку, по народности, Словаки». (Журн. Мин. Нар. Просв. 1843. Февр.).

Вотъ, если не ошибаюсь, всѣ замѣчанія г. Куника объ Угорской Руси: Русины Угорскіе собственно не Русскіе по языку, а православные и униаты вообще; Русины же переселились въ Венгрію изъ Галиціи во второй половинѣ XIII стол., въ XIV стол.; — Русины происходятъ, какъ наприимѣръ, въ Седмиградіи, отъ Норманновъ, отъ *Rodsia*: такъ, кажется, слѣ-

дуетъ понимать слова г. Куника; — Русины не знаютъ слова *Русь*.

Въ заключеніе этихъ объясненій г. Куникъ говоритъ: «Alle diese ungrischen Vettern und Basen der finnischen Ruotsenstadt in Schweden und der estnischen Ruotsendörfer dürfen in Zukunft nicht mehr als ein Argument gegen die Normannität der Waräger-Russen citirt werden, sobald nicht der Nestor mit seinem Verhältniss der Russen zu den Varägern, das Entstehen von Русь aus Ruossi und dessen Entstehen aus einer überseeischen Urform mit triftigen Gründen widerlegt ist. Selbst der Nachweis eines ungrischen, *im Munde des Volkes lebenden* Русь würde nichts entscheiden, da es erst spät Eingang gefunden haben könnte. — (Ber. I, 180 f.).

Позволяю себѣ и на эти замѣчанія почтеннаго Академика представить нѣкоторыя свои сомнѣнія и недоразумѣнія, быть можетъ, не совершенно безосновательныя и потому не недостойныя вниманія. Миѣ кажется, что приведенныя авторомъ слова Срезневскаго могутъ подать случай думать, что почтенный нашъ Славянистъ почти вовсе не находилъ Русиновъ въ Венгріи, или по крайности очень мало; что то были вообще православныя или униаты. Во избѣжаніе такого недоразумѣнія полагаю не излишнимъ привести слѣдующія слова почтеннаго Славяниста нашего, изъ той же самой записки, откуда заимствованы г. Куникомъ его предъидущія слова. — «Блужи съ запада на востокъ, — говоритъ онъ, — по южнымъ отлогостямъ Карпатскаго Хребта, въ Ужгородѣ (Ungvár) путешественникъ уже слышитъ Южно-Русское нарѣчіе, какъ господствующее въ народѣ. Русиновъ по вѣрѣ и т. д. (см. выше) до «Словаки». Тутъ же напротивъ, Русины въ полномъ смыслѣ слова, родные братья Малороссіянъ, однокровныя дѣти старой Руси по народности и большею частію по самымъ воспоминаніямъ. Отсюда на сѣверъ и востокъ, а отчасти и на югъ, простираются они въ Галицію и въ Буковину. Въ Епархіяхъ Мукачовской, Соболевской, Угоцкой, Сатмарской, Верецкой и Мармарошской, считается ихъ 472,000 (Мальярѳъ между ними очень мало). Прибавивъ это число къ 854,000 душъ, живущихъ въ Епархіи Перемышльской, 1.269,000 душъ Епархіи Львовской и около 140,000 душъ, живущихъ въ Буковинѣ, получимъ

число 2.735,000, — число Русскихъ, находящихся подъ Австрійской державой¹. Весь этотъ народъ говоритъ, съ малыми мѣстными различіями, однимъ языкомъ: житель Харькова можетъ разговаривать съ жителями Ужгорода какъ разговариваетъ Москвичъ съ Коломенцемъ, и Русскій съ Байкала пойметъ Бескидскаго горца также легко, какъ Чехъ Словака (извѣстно, что Чехи и Словаки имѣютъ одинъ главный книжный языкъ, какъ и всѣ Русскіе).

Природный Карпато-Русинъ г. Дешко такъ выразился въ своей статьѣ «О Карпатской Руси» (Кіевл. 1850). «Жилища Русиновъ, по обѣимъ сторонамъ рѣки Тисы, заняли почти всю столицу *Мараморошскую, Беречскую, Ужочскую и Унгварскую*, большую часть столицъ *Земплинской, Сатмарской и Саболчской* и нѣкоторой части *Шарошской*».

И. И. Срезневскій полагалъ число Угорскихъ Русиновъ до 472,000, а Шафарикъ до 625,000 душъ.

Есть основаніе полагать, что Русскія поселенія простирались далеко на западъ, что слѣдовательно съ теченіемъ времени народность Русская въ Венгрии не возростала, а напротивъ того уменьшалась².

1. По Шафарику ихъ до 2,774,000.

2. Броневскій, авторъ весьма занимательнаго «Путешествія отъ Триеста до С.-Петербурга въ 1810 г.» (М. 1828 г.), въ числѣ многихъ любопытныхъ подробностей о томъ, какъ встрѣчалъ Славянское населеніе Австріи партію Русскихъ патросовъ, шедшихъ изъ Триеста въ Петербургъ въ 1810 г., рассказываетъ между прочимъ и объ Угорскихъ Русинахъ.

Недалеко отъ гор. *Мишковаца* (= *Мисколецъ* = *Мишковацъ*), что гораздо западнѣе *Унгвара*, прибылъ Броневскій въ одну деревню, населенную Русинами, или, какъ здѣсь ихъ называютъ, *Руснаками*, они, не смотря на несносную погоду, приходили съ своимъ священникомъ побесѣдовать съ нами и досыта разговаривать по-Русски. (I, 137).

«Свечера, нанявъ обывательскій фурманъ (въ Кашау, т. е. въ Кошицахъ), пригаемый 5 лошадьми, и поднявшись до солнца, пустился по дорогѣ во весь духъ, по Русски. Дѣйствительно по-Русски; ибо не знаю, какою волшебною силою, только въ самомъ дѣлѣ я очутился въ Россіи. Извозчикъ мой Гаврило назвалъ себя Руснакомъ, чисто говорить по-Русски и исповѣдуетъ Греческую вѣру. Обрадовавшись, что не принужденъ буду во всю дорогу молчать, я началъ спрашивать, какъ называются всѣ предметы, меня окружающіе. Небольшой ручей называлъ онъ *Винитскимъ потокомъ*, рѣчку *Дриновой*, прекрасную поляну, за-

Какимъ же образомъ могли въ Уграхъ очутиться эти Шведскіе гребцы — *Rodsir*. Положимъ, что въ Уграхъ были Шведскія поселенія, все таки нельзя себѣ представить, съ чего же они обратились въ чистыхъ Русаковъ, которыхъ еще въ настоящее время легко пойметъ Русскій съ Байкала?

Какъ могло переселиться туда нѣсколько сотъ тѣсячъ человѣкъ въ XIII и XIV стол.; народа не кочеваго, а земледѣльческаго, крѣпко привязаннаго къ своей землѣ? Какъ умолчали о томъ современные лѣтописцы?

Слова Нотарія Белы (Сар. LVII), не допускаютъ ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что Русины жили въ Уграхъ еще въ XIII в., что и тогда ужъ не считали ихъ тамъ новыми поселенцами.

«*Dux vero Zulta post reversionem militum suorum, fixit metas regni Hungariae. Ex parte Graecorum, usque ad portam Wacil, et usque ad terram Racy, ab occidente usque ad mare, ubi est Spalatina civitas; et ex parte Theotonicorum, usque ad pontem Guncil,*

сѣянную пшевицей, ячменемъ, овсомъ и кукурузою, *Новою Долмною*; далѣ называлъ рѣчку *Кременицею*; деревню, гдѣ переѣзжали лошадей, *Рогономъ, Пекломомъ*; а видныя вдали горы, *Златыми горами*. До самой *Черновцы*, куда я приискалъ гораздо до обѣда, всѣ мѣста носили Русскія названія; далѣ начали встрѣчаться имена *Манджурскія, Китайскія, Нѣмецкія*, такъ что нынѣ и не выговорить». (I, 159).

Изъ Черновцы Броневскій пріѣхалъ на станицю *Шю* или *Чю*. «Вся деревня забѣжалась; меня привезли къ священнику, мало съ радостію, а съ восторгомъ меня приняшему . . . со всѣхъ сторонъ несли готовое кушанье. Въ минуту оставили большой столъ всѣмъ, чѣмъ кто былъ богатъ. Дочь священника спѣшила изготовить кофе, и крестьяне, женщины и дѣти, одинъ за другимъ входили въ горницу, безмолвно кланялись и почтительно выходили. Радушное гостепріимство потомковъ славныхъ нашихъ прародителей меня очаровало...» (I, 163).

«*Бартельдъ (Бардѣвъ)* не великъ и такъ же какъ *Еперіссъ (Прешовъ)* обвѣсенъ стѣною, мѣстами развалишеюся; имѣетъ большой, неправильно выстроенный фортштадтъ съ Славянскою церковію. Я забылъ сказать, что отъ Мискольца (Мишковца) до границъ Польши деревни и города большею частью населены Русаками; языкъ, употребляемый крестьянами, хотя мѣстами и много исцорченъ, но мы понимали его такъ, какъ бы были въ Россіи» (I, 192).

Въ подтвержденіе нашихъ словъ о томъ, что Русская стихія въ Карпатахъ съ теченіемъ времени уменьшалась, позволю себѣ привести слѣдующія слова Надежина: «Въ Трансильваніи, въ сопровѣннѣйшихъ ущельяхъ Карпата, при истокахъ Ольты, между Румынами, Мадяро-Секлерами и Саксами, находятся деревни, которыя по сіе время называются «Русскими», на памяти нынѣ живущаго по-

et in eisdem partibus dedit castrum construere *Leuthenis, qui cum Almo duce, avocius, in Pannonian venerant*».

Въ XII в. или XIII в. (при Белѣ III. 1173 — 1196 г., или Белѣ IV. 1235—1270 г.) жили Русины; Мадыяры были убѣждены, что они пришли съ ними при Альмѣ въ Паннонію.

Критика безпристрастная при своей оцѣнкѣ невзвѣтнаго Нотарія Белы никогда не будетъ терять изъ виду слѣдующихъ словъ его: сказавъ о томъ, что Мадыяры, покоривъ Болгаръ, пошли въ землю Хорватскую, овладѣли Сплитомъ и пр., наконецъ вернулись къ Арпаду, онъ продолжаетъ такимъ образомъ: *Quorum etiam bella, et fortia quaeque facta sua, si scriptis praesentis paginae non vultis, credite garrulis cantibus jocularum et falsis fabulis rusticorum, qui fortia facta et bella Hungarorum, usque in hodiernum diem oblivioni non tradunt. Sed quidam dicunt, eos ivisse ad Constantinopolim, et portam auream Constantinopolis, Botondium cum dolabro suo incidisse, sed ego, quia in nullo codice historiographorum inveni, nisi ex falsis fabulis rusticorum au-*

колонія, говорили еще между собою по Русски. т. е. Карпато-Русинскимъ или, что то же, Малороссійскимъ языкомъ. (О путеш. по южн. Слав. земл. Ж. М. Н. Пр. Ч. XXXIV. С. 103 и сл.). Если бы Надеждинъ при своихъ высокихъ дарованіяхъ и необыкновенно ясномъ и свѣтломъ умѣ посвятилъ себя исключительно Русской исторіи, то, нѣтъ сомнѣнія, далеко бы подвинулъ ее впередъ. Онъ нѣтъ уразумѣлъ всю важность изученія Угорской Руси. Вотъ нѣкоторыя его замѣчанія о ней: «Я понимаю теперь, какъ нашъ достопочтенный Несторъ могъ говорить о разселеніи Славяно-Руссовъ на сѣверъ съ Дуная: это взялъ онъ не изъ преданій отдаленной древности, какъ думаютъ обыкновенно, но изъ живаго, нагляднаго познанія при-Дунайской стороны, которая въ его время, безъ сомнѣнія, еще ощутительно трепетала чистою Русскою жизнію. Я понимаю даже сказку о Кім, основателѣ Кіева, которую многіе изъ восторженныхъ читателей древняго лѣтописца считаютъ баснею, вымышленною изъ патріотическаго хвастовства. Понимаю извѣстный списокъ «Русскихъ городовъ дальнихъ и ближнихъ», сохранившійся при нѣкоторыхъ нашихъ лѣтописяхъ, эту загадку Сенюса, которая до сихъ поръ не находила еще счастливаго Эдипа. Понимаю образованіе древней нашей іерархіи, пугающее изслѣдователей своимъ темнотою и недостоверностію» и пр. и пр. Свои замѣчанія Надеждинъ сообщилъ и Шафарику, который, — говоритъ онъ, — «къ неопisanному моему удовольствію, объявилъ, что онъ самъ, путемъ своихъ изслѣдованій, дошелъ до предчувствія того же самаго результата во всемъ его объемѣ, и съ тѣмъ вмѣстѣ открылъ нѣ свои драгоценныя портфели и сообщилъ изъ нихъ другія новыя доказательства, имѣ открытыя, которыя, въ связи съ моими, ставятъ мои выводы на крайнюю степень исторической достовѣрности». Тамъ же. С. 103).

divi, ideo ad praesens opus scribere non prorogavi (Сар. XLIII). Такимъ образомъ Нотарій Бела при составленіи своего труда выѣлъ передъ собою сочиненія историческія (*in nullo codice historiographorum inveni*) и народныя преданія и рассказы поселянъ, мужиковъ, которымъ, впрочемъ, онъ не всегда довѣрялъ, а сличалъ ихъ съ историческими рукописями, имѣвшимися у него подъ руками.

Ни отдѣльнымъ лицамъ, ни цѣлому народу; ни самому Нотарію не было никакой надобности выдумывать давность Русь и Русиновъ въ Уграхъ. Осторожная критика, вполне признавая ихъ тамошнюю давность, не позволила себѣ однако утверждать, что Русь появилась въ Уграхъ только съ Альмомъ; напротивъ того она не обойдетъ двухъ вопросовъ:—была ли Русь въ Панноніи и до прихода Мадьяръ? не было ли народа Славянскаго, который бы назывался Русью и въ то же время могъ отдѣлится отъ себя известную часть и послать ихъ съ Мадьярами въ Паннонію?

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма важно прибѣгать къ мнѣніямъ народа о самомъ себѣ, о своей стародавности. Второй Львовскій списокъ Паннонскаго житія Кирилла — въ числѣ другихъ вставокъ, называетъ князей Ростислава, Святополка и Коцела — князьями Русскими. Вставка эта, нѣтъ сомнѣнія, не имѣетъ, такъ сказать, никакого документальнаго значенія, но любопытна, какъ мнѣніе Малороссіянина XVII в. о стародавности Угорской Русі. Смѣю думать, что мнѣніе это не было единственнымъ, не исключительно принадлежало XVII в.: такъ по крайности можно заключать изъ словъ Энея Сильвія (XV в.), который конечно не самъ ихъ выдумалъ, а заимствовалъ у кого нибудь изъ Славянскихъ же писателей. Эней Сильвій говоритъ: *Hungari, Bohemi, Russani, Polonique Moravorum principi pauerunt* (т. е. Святополку). — Г. Куникъ (*Beruf. II. 27*) справедливо замѣтилъ, что въ этомъ мѣстѣ *Russani* приводятся не въ смыслѣ Мораванъ, а какъ одинъ изъ народовъ, подчиненныхъ царству Моравскому. (*nur als ein Nebenvolk des grossen Mährenreiches*).

Г. Куникъ приводитъ слова Чешскаго писателя Пулкавы (*Přibík или Přibislav ze Hradčína † 1380 г.*) о Святополкѣ Мо-

равскомъ: «Eidem etiam Regi, suberant terrae, videl. Polonia et Russia, et erat caput regni Moraviae civitas Welegraden». — Присемъ замѣтилъ также г. Куникъ, что здѣсь *Russia* не значитъ Моравія, что конечно справедливо. — Въ Чешскомъ текстѣ своемъ Пулкава, упомянувъ о крещеніи князя Чешскаго Боривоа въ Велеградѣ въ 894 г., продолжаетъ: «Těch také času pod krále Morawského (panstwím) bylesta tieto dwie zemi to jest Polsko a Rusko. I jest také znamenati, ž těch časůw Welehrad byl gest hlawa wšj země Morawské» — (Kron. Česká... od Fr. Faust. Procházký. 1786. Стр. 48)¹.

Эней Сильвій или тотъ, у кого онъ заимствовалъ приведенныя нами слова, говоря *Russani*, нѣтъ сомнѣнія, разумѣлъ Карпатскую Русь. — А у Пулкавы († 1380 г.) едва ли возможно предполагать мысль и желаніе подъ словомъ *Russia* и *Rusko* понимать современную ему Русь XIV стол. — Едва ли возможно также предполагать, что Пулкава ничего не зналъ о Русскихъ, бывшихъ уже въ его время въ Уграхъ.

Изъ словъ безымяннаго Нотарія ясно открывается, что бытность Руси въ Уграхъ ни для кого въ Венгрии не было тайною. — *Dux Zulta... dedit castrum construere Ruthenis, qui cum Almo duce, avo ejus in Pannoniam venerant*».

Нѣтъ сомнѣнія, если бы Русь въ Уграхъ поселилась не позже какъ въ XII и въ XI в., то, конечно, Магьяры XIII в. не думали бы, что они пришли туда вмѣстѣ съ Альмомъ, а Славяне XVII, XV и даже можетъ быть XIV в. не причисляли бы ихъ къ подданнымъ Святополка Моравскаго.

Современную Русь Угорскую г. Куникъ не считаетъ псевдо-Русью. Если справедливо, что болѣе 4 сотъ тысячъ Русскихъ въ Уграхъ не могли переселиться туда въ новѣйшія времена, въ XIII и XIV стол., если справедливо, что Славяне и сами Мадь-

1. См. также Lelewel, Polska średnich wieków, t. II, p. 181. Chronic. Ungaror. mixta Polon. ex anno 1220—1227, pag. 354: «nam termini Polonorum ad litus Danubii ad civitatem Strigoniensem terminabantur; deinde Magriensem civitatem ibant; dein in fluvium, qui Cepa nuncupatur, usque ad castrum Galis, ibique inter Ungaros, Ruthenos et Polonos finem dabant.» Это относится ко времени св. Стефана Венгерскаго (1000—1038 г.) и Болеслава Польскаго (992—1025 г.). *Galis* есть Словацкій городокъ *Шармисъ* при *Прешовѣ*. (См. весьма любопытное сочиненіе «Die ruthenische Frage in Galizien... von ein. Russinen». Lemberg. 1850. 8°. S. 10).

яры относили ихъ первое появленіе въ Уграхъ къ гораздо древнѣйшему времени, то едва ли справедливо, что лѣтописцы западные, дававшіе иногда имя *Russia* — Венгріи, дѣлали это такъ не потому, что тамъ жила нынѣшняя Русь Карпатская, которая съ теченіемъ времени не возростала, а потому, что въ ней жилъ нѣкогда Нѣмецкій народъ *Rugi* — «*Rugiland, quae latino eloquio Rugorum patria dicitur.*» (Paul diac II).

Сыновья короля Англійскаго Эдмунда, Эдмундъ и Эдвардъ сосланы были по словамъ Адама Бременскаго († окт. 1076 г.) *in Russiam exilio sunt damnati.* Г. Куникъ опровергнулъ Карамзина, Крузе, Буткова и Гизебрехта, полагавшихъ, что Адамъ Бременскій разумѣлъ здѣсь нашу Россію. — Онъ привелъ извѣстія Англійскихъ лѣтописцевъ, которые прямо говорятъ, что молодые царевичи были отправлены именно въ Венгрію — *ad regem Hungariorum*¹. (Berof. II, 29 ff.).

Въ собраніи Англійскихъ законовъ Эдуарда Исповѣдника — по одной редакціи, сказано, что Эдмундъ, сынъ Эдуардовъ, бѣжалъ «*ad regnum Dagorum, quod nos melius vocamus Russiam*», а по другой — «*ad regnum Rugorum, quod nos melius vocamus Russiam*». — Тамъ же Маргарита Шотландская названа *ex genere et sanguine regum Rugorum* (ib. II, 34 f.).

Г. Куникъ утверждаетъ, что *Russia, Ruzzia* есть псевдо-Русь, что это производная форма отъ *Rugi*, то же что *Rugiland*.

Виппо († ок. 1056 г.) Нѣмецкій лѣтописецъ — говоритъ про короля Польскаго Мечислава II, что онъ ок. 1025 г. *fratrem suum Ottonem, quoniam Regis (Conradi) partibus favebat, in Ruzhiam provinciam repulit*; — а въ другомъ мѣстѣ: «*Misico, dum fratrem suum Ottonem persequeretur, expulerat eum in Russiam*», Трудно подвергать сомнѣнію, что Оттовъ былъ изгнанъ въ

1. См. Florentii Vigorniensis monachi Chron. ex chronicis. Edid. Benj. Thorpe. Londini. MDCCCXLVIII—IX. T. I. p. 181: Dedit etiam consilium Edricus, ut clitunculos, Eadwardum et Eadmundum, regis Eadmundi filios, necaret; sed quis magnum dedecus sibi videbatur ut in Anglia perimerentur, parvo elapso tempore, ad regem Suanorum occidendos misit; qui, licet foedus esset inter eos, precibus illius nullatenus voluit acquiescere, sed illos *ad regem Hungariorum*, Salomonum nomine, misit nutriendos, vitaeque reservandos. (1017 г.); а подъ 1087 г.: «*de Ungaria... Angliam venit.*» (ib. p. 215).

Угры, а не въ нашу Россію. «Mit der eben besprochenen Benennung Rubbia (Russia) Ungarn haben Palacky und Ruppell» а. а. О. eine Form «Ruizi» identificiren wollen (Ber. II, 39). Лѣтописи Гильдесгеймскія (Ann. Hildesheim.) говорятъ, что въ 1031 г. «Henricus Stephani regis filius, dux Ruizorum in venatione ab apro discussus, periit febiliter mortuus.

Г. Куникъ нашелъ нужнымъ при семъ замѣтить слѣдующее: «Венгерскіе принцы часто получали удѣлы. Очень возможно, что этотъ Генрихъ назывался dux Ruizorum потому, что имѣлъ своимъ удѣломъ ту или другую область Венгріи, населенную Русинами. Но такъ какъ Венгерскіе источники не представляютъ къ тому никакихъ данныхъ, то слово *Ruizi* слѣдуетъ понимать въ смыслѣ Венгріи, какъ выше *Rugi* въ смыслѣ Моравіи¹. (Ber. II, 39).

Съ своей стороны не могу не замѣтить, что пока не будетъ положительно доказано, что Русины появились въ Венгрію въ XIII и XIV стол., а не гораздо раньше, до тѣхъ поръ эта *Russia* или не должна быть считаема за псевдо-Русь, или же и современная Карпатская Русь должна быть причтена къ той же псевдо-Руси.

Rugi и *Rugiland* не должны насъ смущать: — продолжатель Регинона называетъ нашу Ольгу — *regina Rugorum*. Очевидно, что такъ Нѣмцы объясняли себѣ слово Русь!

Rutheni.... cum Almo duce..... in Pannoniam venerant. Мадьяры XIII в. были убѣждены, что Русины Угорскіе пришли въ Паннонію вмѣстѣ съ ними.

Мы видѣли, что отъ XIV до X в. въ земляхъ при-Донскихъ были Русскія поселенія; что во все продолженіе этого времени Русскіе занимались добычею серебра въ Донецкомъ краѣ; что

1. См. Placitum Ludovici — Ber. II, 23. «Sclavi vero, qui de *Rugis* (d. h. aus Mähren) vel de Baemanis (d. h. aus dem ehemals keltischen Bojenlande) mercandi causa exeunt.... Am Ende der Urkunde wird anstatt des obigen *Rugi* geradezu *Moravi* gesetzt: Si autem transire voluerint ad mercatorum Moravorum.... Wie noch Giesebrecht (in s. wend. Gesch. Berlin. 1843. I, 22) *Rugi* hier durch Russland übersetzen konnte, ist unbegreiflich, da vor der Gründung des russischen Staates an eine unmittelbare Handelsverbindung der Ostslawen mit Deutschland nicht gedacht werden kann».

Рубруквись, путешественникъ XIII в., нашелъ между Волгою и Дономъ многихъ Русскихъ, Алапскихъ, Венгерскихъ или Башкирскихъ разбойниковъ, которые составляли по его словамъ какъ бы отдѣльный народъ. — Трудно себѣ представить, чтобы эта дружба съ Венграми началась у Русскихъ только въ XIII в., во время Рубруквиса. Напротивъ весьма вѣроятно, что она шла издавна. — Константинъ Порфирородный, описывая первоначальныя жилища Угровъ, говоритъ, что страна эта называлась *Лебедія* (*Λεβεδία*) по имени *Воеводы* (*ἀπο τῆς τοῦ πρώτου Βοεβόδου αὐτῶν ἐπωνυμίας, ὅστις Βοεβόδος τὸ μὲν τῆς κλήσεως ὄνομα Λεβεδίας προσαγορεύετο, τὸ δὲ τῆς ἀξίας, ὡς καὶ οἱ λοιποὶ μετ' αὐτὸν, Βοεβόδος ἐκαλεῖτο*)... «ἀρχοντα δὲ εἰς αὐτοὺς εἴτε ἴδιον εἴτε ἀλλότριόν ποτε οὐκ ἐκτήσαντο, ἀλλ' ὑπῆρχον ἐν αὐτοῖς Βοεβόδοί τινες, ὧν πρῶτος Βοεβόδος ἦν ὁ προρρηθείς Λεβεδίας. Разбитые Паченѣгами, Мадыяры раздѣлились на двѣ части, одна убралась на востокъ, — τὸ δὲ ἕτερον μέρος ἐς τὸ δυτικὸν κατώκησε μέρος, ἅμα καὶ τῷ Βοεβόδῳ αὐτῶν καὶ ἀρχηγῷ Λεβεδία, εἰς τόπους τοὺς ἐπονομαζομένους Ἀτελκούζου, ἐν αἷς τόποις τὸ νῦν τὸ Πατζινακитῶν ἔθνος κατοικεῖ. De adm. imp. с. 38. Еще Цейса поразили эти слова: *Лебедія* и *Воевода*; онъ не могъ удержаться и не замѣтить — «*Wojewod, ein slawisches Wort, kann bei den Ungern nicht in Gebrauch gewesen sein*». Рѣшительно недоумѣвая, какимъ образомъ могло попасть къ Уграмъ Славянское слово *воевода*, Цейсъ для объясненія обратился къ слѣдующему домыслу: «*Der Bericht scheint nach den Angaben eines Slawen niedergeschrieben*»... «*Das Wort Lebedias scheint kein anderes als Eleud in den ungrischen Genealogien zu sein. Lebedja, Lebedjan findet sich übrigens als slawischer Ortsname, wieder slawischer verwirrender Einfluss?*» (Zeuss, 750).

Въ XIII в. Русскіе между Дономъ и Волгою братаются съ Мадыярами. Съ котораго времени стали эти два народа водить дружбу и пріязнь? Въ IX в. по свидѣтельству Константина Порфиророднаго у Мадыяръ былъ начальникъ, называвшійся *Воеводою Лебедію*. Безымянный Нотарій Бельи, имѣвшій передъ собою историческія сочиненія и народныя преданія и рассказы, говоритъ: «*Rutheni . . . cum Almo duce in Rauponiâ venerant*». Цейсъ говоритъ, что Славянское слово *воевода* не могло быть

въ употребленіи у Мадьяръ. Но Цейссъ говорилъ такъ въ 1837 г.; въ настоящее же время рѣшительно нѣтъ никакого основанія утверждать положительно, что Безымянный Нотарій Гелы сочинилъ, выдумалъ басню о томъ, что съ Мадьярами пришли въ Паннонію и Русскіе. Нѣтъ никакого основанія, потому что намъ извѣстны слова Массуди, который полагалъ, что Руссы вмѣстѣ съ Буларами (конечно Дунайскими) и Славянами были потомки одного родоначальника¹, не считалъ ихъ иноплеменниками², описывалъ ихъ какъ народъ многочисленный, раздѣленный на многія вѣтви, не признававшій ничьей надъ собою власти. Вотъ какъ описываетъ Массуди Руссовъ: «При верхнемъ теченіи рѣки Хозарской (Волги) отдѣляется отъ нея рукавъ Довъ, который впадаетъ въ узкій заливъ моря Понта, моря Русскаго; ибо ни одинъ народъ, кромѣ Руссовъ, не плаваетъ въ этомъ морѣ. Это великій народъ, живущій на одномъ изъ береговъ этого моря. Они никогда не признавали ни государя, ни какого положительнаго закона. Многіе изъ нихъ купцы и торгуютъ съ царствомъ Таргизовъ. Русскіе владѣютъ большими серебряными рудниками, которые могутъ быть сравнены съ рудниками горы Лехджиръ въ Хорасанѣ». Въ другомъ мѣстѣ, передъ описаніемъ похода Руссовъ въ Каспійскомъ морѣ, около 912 г., Массуди говоритъ: «Руссы состоятъ изъ нѣсколькихъ различныхъ племенъ и вѣтвей; одни изъ нихъ на-

1. Sprenger — «El-Masúdi's Meadows of Gold and Mines of Gems. I, 72. «Matúshalekh had many children. Some persons say that the Bulgars, the Russians and Slavonians are his descendants».

2. Тамъ же. С. 409. Каждый мусульманинъ у Хозаръ называется именемъ *lárístan* (although he may not be of this nation), and it is even extended to such *Russtans* and *Slavonians* as serve in the (standing) army or household of the king; although they are pagans as we have said. Стр. 407: One of the various Pagan nations who live in his country (Khazar) are the *Sekálíbah* (Slavonians), and another the *Rûs* (the Russians). They live in one of the two sides of this town: they burn the dead with their cattle, utensils, arms, and ornaments. When a man dies, his wife is burnt alive with him; but when the wife dies, her husband is not burnt. If a bachelor dies, he is married after his death. Women are glad to be burnt; for they cannot enter into paradise by themselves. This usage prevails also among the Hindus, as we have said. But the Hindus never burn a woman with her husband, unless it is her own wish.

зываются Аль-Людаветъ. Они ходятъ по своимъ торговымъ дѣламъ въ Испанію, Римъ, Константинополь, къ Хозарамъ».

Рено положительно утверждаетъ, что во мнѣніи Массуди Руссы не были Норманны, и справедливо: Руссы Массуди — цѣлый осѣдлый народъ, многочисленный, владѣющій серебряными рудниками въ Донецкомъ краѣ. Массуди полагаютъ, что Руссовъ, ходившихъ около 912 г. грабить по Каспійскому морю, было около 50 тысячъ человекъ; свѣдѣнія Массуди о Руссахъ простирались до 944 г.; когда же успѣла бы Варяжская дружина Рюрика разростись въ цѣлый великій народъ?

Географъ Арабскій Аль-Истахри также не смѣшиваетъ Славянъ и Руссовъ, однако и не раздѣляетъ ихъ, какъ иноплеменниковъ: онъ говоритъ: «Руссы живутъ между Булгарами и Славянами». Однако Руссы, по его мнѣнію, тоже не Шведы, а отдѣльный народъ, раздѣленный на три племени. «Die Russen sind in 3 Stämme getheilt; der eine wohnt in der Nähe der Bulgaren: ihr König wohnt in der Stadt Kuthaba, welche grösser ist als Bulgar. Der zweite Stamm heisst Slaven, und der dritte Uthanie, ihr König wohnt in Arba. Die Kaufleute kommen nur bis Kuthaba, nach Arba aber kommt keiner von ihnen, weil die Einwohner jeden Fremden tödten und in's Wasser werfen. Desshalb berichtet niemand etwas von ihren Angelegenheiten und sie stehen mit Niemanden in Verbindung. Von Arba führt man schwarze Zobelfelle und Blei aus. Die Russen verbrennen ihre Todten mit ihre Habe, zum Besten ihrer Seelen. Sie tragen kurze Röcke. Arba liegt zwischen dem Lande der Chasaren und den grossen Bulgaren, welche an die Römer gränzen, im Norden derselben. Diese Bulgaren sind sehr zahlreich, und so mächtig, dass sie den angränzenden Römern tribut auferlegen. Die inneren Bulgaren sind Christen»¹.

Современникъ нашихъ Рюрика и Олега, Ибнъ Хордаты Бегъ, умершій старикомъ въ 912 г., говоритъ прямо — *Русские изъ племени Славянъ*.

1. Das Buch der Länder von Sebech Ebn Ishak el Farst el Iszlachri, aus dem Arab. übers. von A. D. Mordtmann. Nebst ein. Vorworte v. Prof. C. Ritter. Mit 6 Karten. Hamburg. 1845.

Смѣю думать, что знаменитый Французскій ориенталистъ не ошибся, полагая, что Руссы Массуди не были Шведы.

Не рѣшаюсь утверждать, что Безымянный Нотарій Белы выдумалъ басню о приходѣ съ Мадырами въ Пяввоцію Руссовъ — *Rutheni . . . cum Almo duce in Pannoniam venerant.*

Но если Руссы были народъ Славянскій, довольно сильный и многочисленный, жившій въ X и IX в. около Азовскаго моря и Дона, то какъ народъ земледѣльческій, не кочевой, онъ не могъ явиться вдругъ: отъ чего же исторія не знаетъ въ этихъ мѣстахъ Руссовъ? Славянъ знаетъ — Прокопій (552 г.) перечисляя народы, жившіе при устьи Дона и по берегу Азовскаго моря, говоритъ: «Дальнѣйшія края на сѣверъ занимаютъ Анты, народы безчисленные». Его современникъ Иорнандъ называетъ Антовъ сильнѣйшими изъ Славянъ. Во II стол. по Р. Х., какъ видно изъ словъ Плинія, жили нѣкоторыя Славянскія вѣтви по Дону. По народнымъ сказаніямъ Скандинавскимъ, рѣка Довъ — *Wanaquisl* называется рѣкою Славянскою — *Wanaquisl*. На восточной ея сторонѣ лежитъ земля *Асовъ* (Аланъ или Ясовъ) *Asaland*, въ ней городъ *Asgard*, а въ немъ царствовалъ Одавъ. Онъ велъ войну съ Ванамъ, но съ перемѣннымъ счастіемъ. Одинъ переселился потомъ на сѣверъ въ Скандинавію.

Если Руссы были дѣйствительно Славяне, какъ видно изъ словъ Массуди, Аль-Истахри, какъ утверждаетъ Ибизъ-Хордаты-Бегъ († 912 г.), то отъ чего же ихъ не знаетъ исторія до призванія Рюрика?

Будто бы и не знаетъ?

Шахиръ-эдъ-динъ, к. 9 в. Гиджры — 15 в. по Р. Х., авторъ исторіи Мазандерана и Таберистана, упоминаетъ Руссовъ въ VI в., какъ современниковъ Нуширвана Великаго. Вотъ переводъ этого мѣста, сдѣланный Гаммеромъ для графа Румянцова: «Section des enfans de Djamash et de l'occupation de Djil Ben Djilanshah dans les provinces de Taberistan et Guilan et particulièrement à Rouyan. — Djamash eut deux enfans dont l'un fut nommé Narsi et l'autre Behwat. Après la mort du père, Narsi lui succéda dans le gouvernement, et ajouta plusieurs provinces de ces environs à celles que son père posséda. On le nomma le maître des Combats de Derbend, et dans le tems du Chah Nouchirwan (le

Grand) il affranchit ces pays et fit pendant treize ans la guerre, jusqu'à ce qu'il eut réduit tous ces peuples à l'obéissance. On attribue la digue (derbend) qu'il a construite, à Nouchirwan. Behwat eut un fils nommé Sourkhab qui fut l'ayeul des Chahs du Chirwan et ses enfans y gouvernent encore aujourd'hui. Narsi eût un fils nommé Firouz, beau comme Joseph d'Egypte et brave comme Rostem. Après la mort de Narsi, Firouz succéda à son père et dans toutes les possessions des Russes, Khazars et Slaves, il n'y avait pas de chef, qui ne lui eut pas rendu obéissance».

Знаменитый Нѣмецкій ориенталистъ Гаммеръ, который безъ сомнѣнія не питалъ ни малѣйшей злобы или ненависти къ Нѣмцамъ, не отвергалъ этого свидѣтельства, и даже замѣтилъ: «Trouvant ici les Russes comme contemporains du grand Cosroës, je ne saurais plus douter que ce ne soient eux désignés dans le Coran comme les *Asshab Ras* ou *Ros*¹. — Френъ, великихъ трудовъ и заслугъ котораго нельзя не цѣнить высоко, совершенно отвергъ это извѣстіе, какъ позднее и не заслуживающее довѣрія. Мы ниже увидимъ, что это извѣстіе не содержитъ въ себѣ ничего особенно невѣроятнаго относительно Славянъ, а здѣсь замѣтимъ только, что Френъ рѣшительно не имѣлъ времени близко ознакомиться съ древностями Славянскими, пособія же того времени не отличались особеннымъ богатствомъ: великій трудъ Шафарика вышелъ черезъ 14 лѣтъ спустя послѣ сочиненія Френа.

Руссы съ Хозарами упоминаются на Кавказѣ не только въ VI в., не только Шахир-эд-диномъ.

Арабскій писатель Табари (838—9 г. + 922—923) жившій въ Багдадѣ, авторъ Всемирной исторіи отъ Сотворенія міра до 912 г., упоминаетъ Руссовъ вмѣстѣ съ Хозарами на Кавказѣ подъ 642 г. Ниже мы увидимъ, что въ извѣстіи аль-Табари нѣтъ ничего нелѣпаго и невѣроятнаго. Предположеніе же о томъ, что Табари могъ слышать о походѣ Руссовъ 914 г. и событія позднѣйшія перенесъ на времена новѣйшія — едва ли заслуживаетъ уваженія: оно слишкомъ невѣроят-

1. Френъ — Ibn Fozl. 36 f.

но и произошло отъ другаго предположенія, будто слово *Русь* никоимъ образомъ не могло быть Славянскимъ, что оно необходимо происходитъ отъ Финскаго *Ruossi*, а то въ свою очередь отъ *Rodsin*. Но Руссы Массуди, народъ многочисленный, не Норманны: современникъ Рюрика и Олега, умершій старикомъ въ 912 г., называетъ Руссовъ племенемъ Славянскимъ; правдивое и достовѣрное извѣстіе Венгерскаго лѣтописца XIII в. несомнѣнно убѣждаетъ насъ въ томъ, что Русь Угорская не считалась въ то время новопоселенцами: *Rutheni cum Almo duce in Raponiam venegant*. Слѣдов. Руссы должны были жить по Дову и по Азовскому морю гораздо раньше X — IX в. Извѣстіе Табарі, не заключая въ себѣ ничего невѣроятнаго или недостовѣрнаго, подтверждаетъ всѣ другія свидѣтельства. Массуди въ перечнѣ своихъ источниковъ и пособій — упоминаетъ объ историкѣ Табарі съ великимъ уваженіемъ. Привожу его слова по переводу Спрингера: «The history of Abu Jáfar Mohammed Ben Jarir el Tabarí. — No other book can be compared with this, which forms a supplement to all other works. He has collected different historical traditions and documents, so that his book contains a variety of information, which renders it very useful. And how could it be otherwise? the author having been the most learned Divine of his age, and the most religious person of his time. He united the knowledge of the Divines of all the leading cities, and was acquainted with all traditions and documents». (Sprenger, p. 18 — 19).

По такимъ же причинамъ нѣтъ никакого основанія утверждать, что *Руссы* не упоминаются въ недошедшемъ до насъ Арабскомъ подлинникѣ Табарі, а что имя ихъ занесено позднѣйшими переводчиками.

V. Говоря о Варягахъ Руси, о тѣхъ Свейскихъ людяхъ (*gentis Sueonum*), что въ 830-хъ назвали себя *Ros* qui se, id est, *gentem suam Rhos vocari dicebant*, мы имѣли случай замѣтить, какъ мало вѣроятно, чтобы *Rhos* было *Rodsin*.

Славяне знали непосредственно Сеевъ, Готовъ, Урманъ, Англянь.

Невѣроятно, чтобы съ Варягами Русью они не могли познакомиться непосредственно, безъ содѣйствія Финновъ.

Нѣтъ никакой возможности доказать, чтобы *Русь* было слово не Славянское. Оно рѣшительно ничѣмъ не обличаетъ своего Финскаго происхожденія. Весьма вѣроятно, что оно было Славянскимъ.

Оно дѣйствительно было названіемъ народа Славянскаго, жившаго въ Уграхъ и на Дону, около Азовскаго моря.

И такъ мы находимъ Славянское названіе въ Скандинавіи. Если обсудить заключеніе и разсмотрѣть его само по себѣ, то явится возможность провѣрить и основную мысль, и процессъ ея развитія, и окончательный ея выводъ.

Новгородскія лѣтописи молчатъ, и только извѣстно изъ Шведскихъ, что въ 1188 г. Русскіе вмѣстѣ съ Эстами и Корелами, пришли на судахъ въ окрестности Стокгольма, убили Архіепископа Упсальскаго, 14 Іюля взяли древній торговый городъ Сигтуну, разорили его до конца, и награбили много добычи, между прочимъ увезли съ собою серебряныя церковныя врата, которыми и украсили соборную церковь Новгородскую¹.

Изъ того, что Новгородскія лѣт. молчатъ объ этомъ, еще нельзя заключать, чтобы въ этомъ походѣ Славяне принимали незначительное участіе. Шведамъ лучше самимъ было знать, кто ихъ землю грабилъ. Едва ли бы Эстонцы и Карелы въ 1188 г. пожертвовали серебряныя церковныя врата въ Новгородскую соборную церковь. — Лѣтописи молчатъ и о населеніи Вятки, какъ молчатъ о многомъ другомъ.

Смѣю думать, что этотъ походъ Славянъ Русскихъ въ Швецію былъ весьма вѣроятно не первымъ враждебнымъ ихъ посѣщеніемъ Швеціи. Можно думать, что Русскіе Славяне издавна посѣщали Упландію какъ съ мирными, такъ и съ враждебными цѣлями.

Іорнандъ (VI в.) при описаніи своемъ полуострова Скандинавскаго, говоритъ между прочимъ: «*Sequitur deinde diversarum turba nationum, Theustes, Vagoth, Bergio, Hallin, Liothida, quorum omnium sedes sub humo plana ac fertili, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestabantur.* (De reb. Get. c. 3). Эти народы занимали преимущественно восточные берега Скандинавіи, и

1. И. Г. Р. III, с. 89.

даже юговосточные, какъ напр. *Hallin*¹. Изъ словъ Иорнанда еще вовсе не слѣдуетъ, чтобы эти разные народы, тревожившіе своими набѣгами Скандинавію, были только Финны, выходившіе изъ горъ своихъ опустошать эти мѣста.

Иорнандъ говоритъ (с. 47) «за грѣхи наши теперь Славяне всюду свирѣцствуютъ: «*Veneti, Antes, Sclavi, nunc ita facientibus peccatis nostris ubique desaeviunt*».

Народныя преданія Скандинавскія доказываютъ давнишнее знакомство Скандинавовъ со Славянами. Слова Иорнанда ставятъ эти извѣстія выше всякаго сомнѣнія: «*in (Scandzae) parte arctoa gens Adogit consistit. Aliae vero ibi sunt gentes Resennae. Alia vero gens ibi moratur Suethans, quae, velut Tharingi, equis utuntur eximiis. Hi quoque sunt, qui in usus Romanorum saphirinas pelles commercio interveniente per alias innumeras gentes transmittunt famosi pellium decora nigredine*».

Эти *innumeras gentes* были Славяне, населявшіе будущую Русь. Прокопій выразился «безчисленные народы Антовъ» (ἔθνη τὰ Ἀντῶν ἄμετρα); а Матвій епископъ Краковскій въ 1150 г. говоритъ: «*Ruthenia . . . quae quasi est alter orbis, — gens illa Ruthenica multitudine innumerabili ceu sideribus adaequata*».

Что Славяне не нападали на Швецію гораздо раньше XII в. и даже не могли нападать на нее, все это будетъ доказано только тогда, когда будутъ представлены ясные и несокрушимые доводы въ пользу слѣдующихъ двухъ положеній: 1) Славяне (Новгородскіе) были такъ неразвиты и забыты, что не могли и помышлять о такихъ предпріятіяхъ: 2) если бы и имѣли на то охоту, то не имѣли никакой возможности осуществлять подобныхъ намѣреній, не обладали нужными къ тому матеріальными средствами, не имѣли судовъ, лодокъ, боялись воды и пр.

Пока положенія эти не доказаны, догадка наша остается во всей своей силѣ.

---

1. Цейссъ. S. 306. Онъ исправляетъ текстъ Иорнанда такимъ образомъ: *quam omnium sub jugo glaciali fertiles, et propterea inibi aliarum gentium incursionibus infestantur*.

По преданіямъ Скандинавскимъ, на Дону, рѣкѣ Славянскою — Vanaquisl, жили некогда Нѣмцы, будущіе Скандинавы, въ сосѣдствѣ со Славянами. Одинъ воевалъ съ ними, но съ перемѣннымъ счастьемъ.

Безспорно, что войны весьма сближаютъ между собою народы; скоро, помимо враждебныхъ сношеній, образуются пріязненные; союзы брачныя, связи торговыя, еще болѣе скрѣпляютъ эти сношенія. Наконецъ нельзя забывать и того, что народы, массы, по крайности племени Индо-Европейскаго, и въ древнѣйшее время вовсе не были одержимы такимъ духомъ ненависти другъ къ другу, какъ то угодно утверждать нѣкоторымъ писателямъ. Часть Славянъ, этихъ Вановъ, находившихся въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Нѣмцами, весьма легко могла бросить свои старыя жилища и отправиться съ Дону на сѣверъ виѣстѣ съ Нѣмцами, будущими Скандинавами; точно такъ же часть Нѣмцевъ могла остаться промежъ Славянъ, въ землѣ Вановъ. Въ позднѣйшее время эти Славяне Скандинавскіе, хотя во многомъ онѣмеченные, могли притягивать къ себѣ Славянъ Новгородскихъ, какъ отдѣльными личностями, такъ и цѣлыми толпами, точно такъ же, какъ оставшіеся въ землѣ Вановъ Нѣмцы, хотя во многомъ ослабленные, могли притягивать къ себѣ своихъ соплеменниковъ.

Нельзя при семъ забывать и сношеній Славянъ съ Датчанами, и поселеній Славянскихъ на островахъ Датскихъ¹.

Отъ чего не могло быть поселенія Славянскаго въ Скандинавіи?

Есть нѣкоторое основаніе думать, что въ X в., и даже въ началѣ его, существовало у Нѣмцевъ мнѣніе о томъ, что на

---

1. См. любопытное изслѣдованіе Ширна о Славянск. поселеніяхъ въ Даніи. (Om den slaviske Oprindelse til nogle Stedsnavne paa de Danske Smaeer, въ Historiske Studier af Fred. Schiern. Kjöbenhavn. 1837. Anden Deel. Ss. 440—473). Ширнъ приводитъ изъ книги Арента (Versuch in vergleichender Völkergeschichte. Breslau. 1843. Ss. 334—335), къ сожалѣнію мнѣ недоступной, слѣдующее любопытное замѣчаніе, какъ результатъ наблюденій надъ населеніемъ Даніи: «Das ist ausgemacht, wenn man die Gesichter und Leiber der Menschen betrachtet, so bestand und besteht Dänemark gleichsam aus zwei verschiedenen Nationen».

полуостровѣ Скандинавскомъ жили Славяне. Отъ X в. дошла до насъ одна Латинская лѣтопись — *de gestis Normannorum in Francia*¹. Составитель ея жилъ, по всей вѣроятности, во Франціи (in Sancto Audomaro) и большею частью извлекалъ изъ Лѣтоп. Берт. до 882 г., а потомъ изъ Вестаинскихъ, и, надо сказать правду, весьма глупо и нелѣпо, такъ что Пертцъ, знаменитый издатель, прямо о немъ выразился, что онъ не можетъ занимать мѣсто въ ряду историковъ. Кромѣ этихъ выборокъ изъ Вестаинскихъ и Бертинскихъ лѣтописей, въ лѣтописи этой есть нѣсколько подробностей, весьма впрочемъ краткихъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ строкъ, которыя нигдѣ въ другихъ лѣтописяхъ не встрѣчаются. Такъ подлѣ 846 г. находится извѣстіе о перенесеніи св. мощей, по случаю набѣга Норманновъ во Франціи, въ одинъ монастырь, свѣдѣніе, которое не находится въ другихъ лѣтописяхъ и могло быть лучше извѣстно тамошнимъ монахамъ². Лѣтопись эта заключается извѣстіемъ, также не встрѣчающимся въ выше указанныхъ лѣтописяхъ: «Postea Karolus Simplex Rodoni Neustriam tradidit, quam Northmanniam Northmanni vocaverant, eo quod de Northwegia egressi essent»: т. е. «Карлъ Простой отдалъ Родону (Роллону) Нейстрію, которую Норманны назвали Нормандією, ибо они вышли изъ Нордвегіи».

Начало лѣтописи заключаетъ въ себѣ одну вставку, тоже нигдѣ не встрѣчающуюся. На нее-то ишущій эти строки и желалъ бы обратить вниманіе читателя. Лѣтопись начинается извѣстіемъ о походѣ Норманновъ 820 г., взятымъ изъ Бертинск. лѣт. Лѣтопись говоритъ такъ: *Northmanni procedentes de Scanzia insula quae Northwegia dicitur, in qua habitant Gothi et Huni, atque Daci, cum 13 navibus egressi* и проч. Слова, напечатанныя курсивомъ, нигдѣ болѣе не встрѣчаются, кромѣ этой лѣтописи, авторъ которой весьма неискусно и нелѣпо пользовался лѣтоп.

1. Pertz. I, 532.

2. Пертцъ говоритъ: *Vixisse (auctor) videtur in Sancto Audomaro, quippe qui annalistae Vedastini anno 881 verba «monasterium nostrum» in «Sithiu oppidum vertat, et anno 846 quaedam adferat, quae illius loci monachis prae aliis nota esse potuerunt*

Ведаст. и Берт. «Возможно ли обращать вниманіе на такой источникъ? Не слѣдуетъ ли пройти эти слова мимо, долго на нихъ не останавливаться?»

Смѣю думать, что вставка эта заслуживаетъ нѣкотораго вниманія. Двѣ извѣстныя намъ вставки, не имѣющіяся въ извѣстныхъ намъ лѣтописяхъ, не заключаютъ въ себѣ преднамѣренной лжи и дикой нелѣпости. Онѣ заставляютъ думать, что неизвѣстный намъ составитель лѣтописи о Норманнахъ имѣлъ передъ собою другіе источники, намъ неизвѣстные. Правда, неважная, но все таки ему исключительно принадлежащая подробность записана подъ 846 г. Авторъ жилъ и писалъ еще въ 911 г.; весьма вѣроятно, что свѣдѣніе объ этой подробности заимствовалъ онъ не изъ устнаго, а письменнаго источника.

Норманны, вышедшіе изъ острова Скандіи, который называется Нордвегія, въ которой живутъ Готы и Гуны и Даки.

Что это? Самъ ли неизвѣстный авторъ выдумалъ эти слова? Или же вычиталъ ихъ откуда нибудь и передалъ по своему?

Любопытно, что другая вставка, заключительныя слова его лѣтописи, состоитъ опять почти въ томъ же, что и начало: Норманны вышли изъ Норвегіи — т. е. изъ острова Скандіи, полуострова Скандинавскаго.

Нельзя, кажется, не признать, что эта данная занимала его какъ то особенно, торчала въ его головѣ.

Норманны, прибывшіе въ 820 г., вышли не изъ Скандинавіи. То были Датчане. Безымянный нашъ авторъ ни откуда не могъ вычитать этого свѣдѣнія. Слѣдовательно онъ его выдумалъ точно также какъ и то, что въ его время жили въ Скандинавіи Даки, т. е. Датчане (*habitant... Daci*).

Спрашивается—чисто ли выдумалъ онъ эту данную о Скандинавствѣ Датчанъ, или же онъ вычиталъ ее откуда нибудь и только нелѣпо ее передалъ?

Позволяю себѣ оспаривать у неизвѣстнаго лѣтописца непринадлежащее ему право изобрѣтенія, и смѣю думать, что онъ гдѣ нибудь вычиталъ это мнѣніе о Скандинавствѣ Датчанъ. Еще Јорнандъ въ VI в. писалъ: *Dani ex ipsorum (Scandzae cultorum) stirpe progressi, Herulos propriis sedibus expulerunt*. Точно также другіе писатели, по всей вѣроятности никогда не читавшіе на-

шего автора, и жившіе послѣ него, тоже выводили Датчанъ, по народнымъ преданіямъ, изъ Скандинавіи (Zeuss. 509).

Слѣдовательно авторъ нашъ выдумалъ только то, что въ его время жили въ Скандинавіи Датчане. Смѣю думать, что вмѣсто его словъ слѣдуетъ читать такъ: «Норманны принадлежатъ къ племени Скандинавскому; въ Скандинавіи жили нѣкогда (Готы), Гунны и Датчане.

Гуннами въ средніе вѣка Нѣмцы называли Славянъ, ибо эти послѣдніе въ ихъ рядахъ занимали не послѣднее мѣсто, и такъ какъ сверхъ того Гунны жили въ земляхъ, населенныхъ Славянами. Въ Эддѣ Гуннами называются Славяне, точно также, какъ и у Беды Достопочтеннаго († 735), а Россія у Гельмольда слыветъ *Chunigard eo quod ibi sedes Hunorum primo fuerit*.

Славянское народное названіе *Русь* привело насъ къ необходимости допустить предположеніе о Славянскомъ поселеніи въ Скандинавіи.

Древнее народное сказаніе Скандинавское о тѣсныхъ взаимныхъ связяхъ Скандинавовъ со Славянами на Дону, рѣкѣ Славянской, легко внушило намъ предположеніе о томъ, что часть Вановъ могла оставить свои старыя жилища, оторваться отъ гнѣзда своего и отправиться на сѣверъ вмѣстѣ съ Скандинавами.

Древнія народныя сказанія Скандинавскія указываютъ на давнишнія связи Скандинавовъ съ будущими Русскими Славянами, а слова Юрнанда въ соображеніи съ позднѣйшими извѣстіями даютъ поводъ думать, что эти Славяне Скандинавскіе, хотя во многомъ онѣмеченные, не теряли однако вовсе своей народности, ибо находились въ постоянномъ общеніи со Славянами Новгородскими, которые сами посѣщали Скандинавію и съ враждебными и съ мирными цѣлями.

Безыменной составитель лѣтописи Норманской пишетъ, что въ Скандинавіи живутъ Гунны и Даки. Выше мы убѣдились, кажется, что мнѣніе его относительно Датчанъ не изобрѣтено имъ, а вычитано откуда нибудь, гдѣ передавалось древнее народное преданіе, производившее Датчанъ изъ Скандинавіи. А извѣстіе его о бытности въ Скандинавіи Гунновъ-Славянъ изобрѣтено ли имъ самимъ или тоже откуда нибудь вычитано и

также нескладно передано, какъ и всѣ его извлеченія напр. изъ лѣт. Бергт.?

Можемъ ошибаться относительно дѣйствительной возможности и вѣроятности поселенія Славянскаго въ Скандинавіи; но однажды и совершенно независимымъ путемъ допустивъ его, мы конечно не станемъ утверждать, что извѣстіе это о бытности Гунновъ - Славянъ въ Скандинавіи было изобрѣтеніемъ и вымысломъ неизвѣстнаго лѣтописца нач. X в., который вообще былъ слишкомъ незатѣйливъ и не блисталъ даромъ изобрѣтательности, а только предлагалъ по своему небогатому разумѣнію то, что вычиталъ. Въ томъ случаѣ, если это объясненіе справедливо, лѣтописецъ конечно можетъ служить живымъ подтвержденіемъ справедливости притчи о жемчужномъ зернѣ.

По Нестору. Варяги были разные — были Урмане, Свен, Готы, Англяне, были и *Варяги-Русь*.

Чудь, Славяне и Кривичи обращаются къ *Варягам-Руси*.

Рюрикъ и братья пошла по себѣ всю *Русь*, т. е. взяли съ собою всѣхъ *Rodzin*, всѣхъ гребцовъ, весь Рослагенъ? Оно во первыхъ и много слишкомъ, а во вторыхъ и нѣсколько странно!

Г. Куникъ объясняетъ выраженіе *всю Русь* двоякимъ образомъ: во первыхъ три брата взяли съ собою изъ Швеціи все, что называлось *Русью* — *alles mitgenommen, was Russe hieß*, и во вторыхъ въ смыслѣ Греческаго выраженія — т. е. въ томъ же смыслѣ, какъ говорятъ теперь *вся Россія*, а именно г. Куникъ думаетъ, что Несторъ или его переписчики употребили выраженіе *всю Русь* по примѣру Греческихъ лѣтописцевъ. Такъ напр. Константинъ Порфирородный говоритъ, что князья Русскіе отправляются въ ноябрѣ мѣсяцѣ объѣзжать свою землю *μετὰ πάντων τῶν Ῥώσ...* mit allen Russen. Такой оборотъ, продолжаетъ г. Куникъ, весьма употребителенъ у Грековъ, такъ они пишутъ *μετὰ Κνέζης πάσης Σερβίας*. Такимъ образомъ *alle Russen* Нестора и Константина Порфироднаго ничего больше не значить, какъ военная дружина. Въ справедливости сего послѣдняго объясненія я позволяю себѣ усомниться. Лѣтописецъ и его переписчики несравненно болѣе насъ обладали чутьемъ языка! Всякой Русскій и въ настоящее время чувствуетъ всю неправильность и искусственность оборота *всю Русь* въ смыслѣ воен-

ной дружины, ни намъ, ни подавно имъ не могла прійти мысль сочинить такой оборотъ; весьма невѣроятно, чтобы они читали Константина Цорфиророднаго. Гораздо согласнѣе съ истинною кажется намъ первое объясненіе г. Куника «alles mitgenommen, was Russe hiess; es wäre nur sehr natürlich, warum in der Folgezeit in Schweden selbst keine Russen mehr vorkommen», т. е. выраженіе «поша по себѣ всю Русь» — значитъ взяли съ собою все, что называлось Русскимъ, потому весьма понятно, что въ послѣдствіи Руси въ Швеціи не встрѣчается.

Объясненіе это кажется намъ совершенно справедливымъ и потому еще, что оно подтверждаетъ несправедливость самаго по себѣ невѣроятнаго и мало основательнаго производства *Руси* отъ *Rodsin*.

Была *Русь* Угорская, Карпатская, была *Русь* Донская, Азовская, была *Русь* Свейская (*gentis Sueonum*), Скандинавская, Варяжская.

Отъ давнишняго сожительства своего съ Нѣмцами, она была сильно онѣмечена; отъ давнихъ и постоянныхъ сношеній съ Славянами она не вовсе утратила свою особенность Славянскую, которая была причиною, что Русь Варяжская легко понимала языкъ Славянскій, и такъ же легко у насъ ославянилась, какъ легко и скоро русѣютъ пріѣзжіе въ Россію онѣмеченные Славяне Австрійскіе.

И краски чуждыя съ годами
Спадають ветхой чешуей.

Потому-то Чудь, Славяне и Кривичи обратились не къ Варягамъ Свеемъ, не къ Урманамъ, не къ Готамъ, а къ *Варягамъ Руси*.

Потому-то и Несторъ не недѣлицу молвилъ, говоря: «Отъ тѣхъ прозвася Русская земля, Новгородци: ти суть людье Ноугородци отъ рода Варяжска, преже бо быша Словѣни».

Потому-то послы Олеговы Карлы, Инегелдъ, Фарлофъ, Веремудъ, Рулавъ, Гуды, Руалдъ, Карлъ, Фрелавъ, Рюаръ, Актеву, Труанъ, Лидульфостъ, Стемидъ могли заключить въ Цареградѣ договоръ съ Греками въ 911 г., Славянскій современный переводъ котораго дошелъ до насъ.

Потому-то слова и выражения договоровъ съ Греками чисто Славянскія, прямо выхваченныя изъ народнаго быта; онѣ такъ сказать трепещутъ жизнью.

Потому-то такое ничтожное количество словъ Скандинавскихъ вошло въ Русскій языкъ.

Очень можетъ быть, что гипотеза наша совершенно несправедлива и потому не заслуживаетъ вниманія. При дальнѣйшихъ своихъ изысканіяхъ, съ открытіемъ новыхъ извѣстій восточныхъ писателей, съ соображеніемъ тѣхъ возраженій, которыми заблагоразсудятъ удостоить меня ученые наши, я могу въ ближайшемъ будущемъ или совершенно отказаться отъ предложенной здѣсь гипотезы и вступить въ ряды противниковъ ея, если не способнымъ, то ревностнымъ ратникомъ; точно также, какъ я возвести вѣроятность ея на ту степень исторической достовѣрности, съ которой она могла бы войти въ науку, какъ ея законное достояніе.

Заключая тѣмъ свои недоразумѣнія и сомнѣнія, которыя пробудились во мнѣ по поводу сочиненія г. Куника, не могу не выразить увѣренности, что меня глубоко оскорбило бы мнѣніе достопочтеннаго автора о томъ, что я не умѣю цѣнить его заслугъ и придавать трудамъ его по Русской исторіи того значенія, какое они по истинѣ имѣютъ, что въ изысканіяхъ моихъ мною руководитъ не желаніе истины, а какая бы то ни была нетерпимость.

Но, быть можетъ, возразятъ мнѣ, зачѣмъ я обхожу два замѣчанія. или вопроса, а именно: почему же, если *Русь* не обличаетъ Финскаго происхожденія, Финны называютъ Швецію и Шведа—*Rootsi, Ruotsi, Ruotsalainen, Ruossi*, и почему у нынѣшнихъ Русинновъ Угорскихъ вѣтъ слова *Русь*?

Если справедливо, что слово *Rodsin* — гребцы никогда не имѣло значенія собственнаго, то едва ли справедливо, что Финны, называя Швецію и Шведа словами *Ruotsi, Ruotsalainen*, а Норвегію и Норвежца — *Rutia, Rutialainen*, заимствовали слова эти отъ Шведскаго *Rodsin*. Если же справедливо, что въ Скандинавіи была *Русь*, то очень легко могли существовать и неизвѣстныя пока намъ причины, по которымъ Финны стали называть всѣхъ Скандинавовъ этимъ, а не какимъ либо другимъ именемъ.

Если не ошибаюсь, причины филологическія вовсе не претягъ производить Ruõssi, Ruotzi, Rootsi, Ruohiti — отъ Русь, а не наоборотъ. Наконецъ очень возможно, что сходство Финскаго названія Швеціи съ Русью недавнее и случайное. Въ древностяхъ новой Европы еще много вопросовъ темныхъ и мало объясненныхъ, въ знаніяхъ нашихъ намъ возможно подвигаться только путемъ медленнымъ. Я считаю маловѣроятнымъ производство слова *Русь* отъ *Rodnin*, кажется, по причинамъ немаловажнымъ; возможность же Славянскаго происхожденія слова *Русь* подтверждается бытностью Руси Донской, которую Массуди описываетъ, какъ цѣльный, самобытный, осѣдлый народъ, подъ именемъ Руссовъ, которыхъ современникъ Игоря и Олега, Ибнъ Хордаты Бегъ называетъ Славянами, которыхъ Табари упоминаетъ на Кавказѣ въ VII в. вмѣстѣ съ Хозарами, а Шахир-эддинъ въ VI в. вмѣстѣ съ Хозарами и Славянами.

Что же касается до того — отчего Карпатскій Русинъ, на вопросъ объ отечествѣ его, скажетъ вамъ не *Русь*, а *Угорщина*, то это весьма понятно и едва ли требуетъ какихъ нибудь объясненій. Слово *Русь* въ значеніи народа собственно мы давно кажется стали употреблять изрѣдка; отчего же не могли сдѣлать того и наши Карпатскіе братья? Слово *Русь* вмѣсто Россіи у насъ удерживается отчасти въ поговорочныхъ выраженіяхъ — *святая Русь*, *на святой Руси*, отчасти вліяніемъ книжнымъ; и оно замѣтно выходитъ изъ живаго употребленія: такъ въ новыхъ пѣсняхъ мы слышимъ уже слово *Рассей*, *Рассеюшка*. Что же касается до Карпатской Руси, то она должна была скоро утратить слово *Русь* въ значеніи земли; ибо она жила не въ Русскомъ, а въ Угорскомъ государствѣ. Слово же *Русинъ*, *Русякъ*, *Русакъ* требуютъ при себѣ форму *Русь*, какъ *Чудинъ* и *Чудакъ* форму *Чудь*. Въ Сибири народъ нашъ *Чудскія* копи приписываетъ *Чу-пакамъ*.

Пользуясь случаемъ, не могу удержаться отъ одного вопроса. — Извѣстно, что насъ Русскихъ — Нѣмцы въ X в. называли Ругами. Такъ — Ольга — Helena, regina *Rugorum* (Pertz., I, 624), Adalbertus, *Rugis ordinatus episcopus* (ib. I, 625). Отсюда же вѣроятно и *Ruzzi* — *Ruzsorum*; потому же и соплеменныхъ Славянскимъ, Русскимъ, Руянтъ, Руговъ — называли

иногда Руссами, что и подало некоторымъ поводъ смѣшивать Варяговъ-Русь съ Руянами. (см. *Veruf.* II, 68). Позволяю себѣ спросить — если бы Русь были *Rodsip* — гребцы, стали ли бы Нѣмцы называть насъ Ругами? — Если Русь Варяжская не *Rodsip*, что вѣроятно, то какъ называлась она Нѣмцами до призванія Рюрика? Въ X ли только вѣкѣ стали Нѣмцы смѣшивать Русь съ Ругами?

Что надо разумѣть подъ названіемъ Иорнанда — *Ethelrugi*? Какъ надо понимать слово *Ethel*? Слѣдуетъ ли безусловно отвергать слова безыменнаго лѣтописца X в. о бытности Гунновъ (Славянъ) въ Скандинавіи?

Въ увѣренности, что всякое добросовѣстное возраженіе должно быть принимаемо во вниманье и къ свѣдѣнію, я рѣшаюсь, для облегченія труда возражателямъ, буде почтутъ меня такимъ вниманіемъ, поставить имъ на видъ слѣдующіе вопросы?

1) Справедливо ли, что слово Русь ничѣмъ не обличаетъ Финскаго своего происхожденія?

2) Справедливо ли, что весьма сомнительно, будто бы Славяне, знакомые непосредственно съ Варягами Свееми, Урманями, Англичанами, не могли ознакомиться непосредственно съ Варягами Русью?

3) Справедливо ли, что Русь Карпатская, которой въ настоящее время насчитываютъ гораздо болѣе 400 тысячъ душъ, которая съ теченіемъ времени не возрастала, что Русь Карпатская не могла явиться въ настоящихъ своихъ жилищахъ только въ XIII и XIV в.? Справедливо ли, что она пошла отъ Славянъ, а не отъ Шведовъ, будто бы называвшихъ себя *Rodsip*-гребцами? Справедливо ли, что Мадыры въ XIII в. полагали, что съ ними, съ вождемъ ихъ Альмою пришли въ Паннонію Русскіе? Справедливо ли, что можно усомниться въ справедливости объясненія Цейсса, почему Славянскія слова *Лебедія* и *Воевода* находились, по словамъ Конст. Порф., у Мадыръ? Справедливо ли, что замѣченная Рубруквисомъ въ XIII вѣкѣ дружба и пріязнь Русскихъ съ Мадырами могла идти очень издавна? Справедливо ли, что Безыменный Нотарій не все лгалъ, сочинялъ и выдумывалъ, и что онъ заслуживаетъ вниманія?

4) Справедливо ли мнѣніе Французскаго оріенталиста Рено, утверждающаго, что Руссы Массуди не были Шведами ни на самомъ дѣлѣ, ни во мнѣніи послѣдняго? Справедливо ли, что эти Руссы, эта Донская и Азовская Русь, былъ цѣлый народъ, самобытный, осѣдлый, занимавшійся промыслами? Справедливо ли, что то были не Шведы, а Славяне, какъ называетъ ихъ не только аль Истахри, но и Ибнъ Хордатеъ Бегъ (+912 г.), современникъ Рюрика и Олега слѣд. въ то время, когда Шведы не могли еще слиться со Славянами въ одинъ народъ. Справедливо ли, что въ томъ случаѣ, если эта Русь была Славянская, то она не могла явиться въ первые только въ X, IX в.? Справедливо ли, что въ свидѣтельствахъ Шахиръ эль-дина и аль-Табари, упоминающихъ о Руссахъ рядомъ со Славянами и Хозарами въ VI и VII в. нѣтъ ничего недостовернаго, нелѣпаго и невѣроятнаго? Справедливо ли, что при разсмотрѣніи ихъ никакъ не слѣдуетъ забывать словъ Нестора объ отношеніяхъ Славянъ Русскихъ къ Хозарамъ и словъ Массуди о службѣ Руссовъ и Славянъ въ войскѣ Хозарскомъ? Справедливо ли, что эта Донская Русь могла существовать и до VI в. и имя ея можетъ скрываться въ какихъ нибудь другихъ именахъ? Справедливо ли, что еще нѣтъ твердыхъ основаній для того, чтобы утверждать положительно, и нѣтъ никакой невозможности, сомнѣваться, что Птолемеевскіе и Страбоновскіе Ἀόρσοι, что на Дову, были непременно Финны?

5) Справедливо ли, при извѣстіяхъ Прокопія (VI в.) и Плинія (II в.) о бытности Славянъ въ при Донскомъ краѣ, не отвергать, а принимать во вниманіе древнее сказаніе Скандинавское о Довѣ, о Ваныхъ и Асахъ, о сожительствѣ съ ними Скандинавовъ? Справедливо ли, что между Ванами и Скандинавами, воевавшими другъ съ другомъ, но съ переменнымъ счастьемъ, съ теченіемъ времени, отъ долгаго общенія, могли завязаться и тѣсныя, крѣпкія связи, въ слѣдствіе которыхъ часть Вановъ, Славянъ, могла оторваться отъ своего ядра, и отправиться на сѣверъ вмѣстѣ съ народомъ Одина, будущими Скандинавами, точно также, какъ часть сихъ послѣднихъ могла остаться въ старыхъ своихъ жилищахъ, между Славянъ?

6) Справедливо ли, что Славяне Новгородскіе задолго до XII в. могли посѣщать, какъ съ враждебными, такъ и мирными

цѣлями полуостровъ Скандинавскій? Справедливо ли, что на основаніи народныхъ преданій Скандинавскихъ и словъ Иорнанда безошибочно можно заключить о давности связей Скандинавовъ со Славянами (Русскими)? Справедливо ли, допустивъ однажды возможность Славянскаго поселенія въ Скандинавіи, полагать, что связи эти не могли не имѣть нѣкотораго вліянія на поддержаніе въ немъ своей народности, на сбереженіе своего имени, родной рѣчи и т. д.? Справедливо ли, что оно могло служить звеномъ, соединявшимъ будущихъ Русскихъ Славянъ съ Скандинавскими Нѣмцами?

7) Справедливо ли поступилъ бы тотъ, кто, убѣдившись однажды, что слово *Русь* ничѣмъ не облачаетъ своего Финскаго происхожденія, что оно весьма могло быть, и дѣйствительно было Славянскимъ народнымъ названіемъ, рѣшившись, не останавливаясь на полъ-пути, довести свою мысль до конца? Справедливо ли было въ такомъ случаѣ прямо высказать тотъ выводъ — что дѣйствительно Славянское названіе *Русь* въ Скандинавіи заставляетъ предположить Славянское въ ней поселеніе? Справедливо ли было при семъ, прежде, чѣмъ оставить его и бросить всѣ дальнѣйшіе поиски, подступить прямо и смѣло къ вопросу — о возможности Славянскаго поселенія въ Скандинавіи? Справедливо ли, что нельзя было не обратить вниманія на *Русь Донскую*, существовавшую уже въ VII и VI в., а по другимъ немаловажнымъ соображеніямъ и гораздо раньше, и на *Русь Свейскую*, Скандинавскую? Справедливо ли, что невольно долженъ былъ родиться вопросъ существуетъ ли между ними какая связь? тѣмъ болѣе, когда вѣстно, что соплеменники этой Донской Руси, Славяне и Кривичи вмѣстѣ съ Финнами, ихъ союзниками и вѣроятно уже достаточно ославяненными, въ половинѣ IX в. переманиваютъ и призываютъ къ себѣ эту Свейскую, Скандинавскую Русь? Справедливо ли было возникшее сомнѣніе, буде это сходство случайное, то зачѣмъ Славяне, знавшіе Варяговъ-Свеевъ, Варяговъ-Урманъ, Варяговъ-Готовъ, обратились не къ нимъ, а именно къ Варягамъ-Руси? то почему эта Свейская Русь такъ скоро ославянилась, почему она такъ полюбилась Славянамъ, какъ то доказывается свѣтлыми народными преданіями, почему эти Свейскіе люди, послы Олеговы въ 911 г. уже такъ хорошо знакомы

были съ языкомъ Славянскимъ, что въ состояніи были заключить договоръ съ Греками, современный Славянскій переводъ котораго такъ сказать бьетъ и трепещетъ жизнью? Справедливо ли, что пытливость не позволяла уже останавливаться и необходимо привела къ вопросу — прежде чѣмъ кинуть всякую мысль о сходствѣ Руссовъ Донскихъ съ Руссами Свейскими, прежде, чѣмъ рѣшать голословно въ пользу его чистой случайности, не слѣдовало ли обратить вниманіе на возможность сходства тѣхъ и другихъ Руссовъ? Справедливо ли, что при семъ нельзя уже было позабыть о древнемъ народномъ преданіи Скандинавскомъ, о сожительствѣ нѣкогда Скандинавовъ на Дону въ сосѣдствѣ съ Ванамъ, объ отходѣ ихъ въ послѣдствіи времени на Сѣверъ и о поселеніи ихъ въ Скандинавіи?

8. Справедливо ли было принять къ свѣдѣнію слова неизвѣстнаго лѣтописца X в. о бытности нѣкогда Гунновъ-Славянъ въ Скандинавіи? Справедливо ли, зная, что Нѣмцы въ X в. нашихъ Руссовъ называли Ругами, не спросить было — давно ли они стали такъ называть Руссовъ? не подтверждаетъ ли это Нѣмецкое названіе (Руси) всю несправедливость производства Руси отъ *Rodsin*, производства и по другимъ соображеніямъ весьма сомнительнаго? Какъ надо понимать Юрнандово *Ethelrugi*, и что разумѣть подѣ словомъ *Ethel*? Справедливо ли, что вражда Славянъ съ Нѣмцами въ древнѣйшія времена, не носила такого характера ожесточенія, какъ во времена позднѣйшія, съ Карла Великаго, когда Нѣмцы съ оружіемъ въ рукахъ стали распространять у Славянъ Христіанство — *tributum accipere et christianismum facere*? Справедливо ли, что нѣтъ языка, нѣтъ народа, совершенно свободнаго отъ чуждой примѣси? и не правъ ли былъ славный соплеменникъ нашъ Лелевель, говоря: «*Niemasz narodu którego by krew czysta i żadnym rodu obcego zléwkiem zameçona nie była. Owszem nadto dowodliwa od samych podań dziecinstwa rodu ludzkiego, że każdy naród jest colluvies gentium?*» Справедливо ли, что наукѣ древней исторіи новой Европы, съ помощью сравнительнаго языкознанія и исторіи языковъ суждено вскрыть много тайнъ и объяснить множество явленій, доселѣ непонятныхъ — и что предполагаемый уходъ части Вановъ, Славянъ съ Дону на сѣверъ вмѣстѣ съ Скандинавами на-

ходить себѣ аналогію въ судьбѣ Венетовъ-Славянъ Гальскихъ, которые неизвѣстно когда оторвались также отъ своего гнѣзда и отправились вмѣстѣ съ Кельтами, среди которыхъ и поселились, долго по всей вѣроятности сохраняли свою народность, и до конца удержали свое имя?

Справедливо ли, прійдя къ такой гипотезѣ и считая ее вѣроятною, рѣшиться было представить ее на судъ ученыхъ?

III.

О РОКСОЛАНАХЪ.

Изслѣдованія Шафарика несомнѣнно опровергли ту ложную мысль о родствѣ Сарматовъ съ Славянами, которая была вѣкогда весьма распространена между учеными и принималась даже отчасти Шафарикомъ въ первую пору его дѣятельности. Остатки ихъ языка, хотя и очень немногочисленные, главное ихъ мѣстопробываніе — въ степяхъ между Кавказомъ, Азовскимъ и Каспійскимъ морями, — свидѣтельства древнихъ писателей (Амміана Марцеллина, Страбона, Тацита и пр.) объ ихъ нравахъ, образѣ жизни и бурной, всегда воинственной дѣятельности — дѣйствительно служатъ самымъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ въ пользу мнѣнія, уже высказаннаго о нихъ еще въ древности, напримѣръ Плиніемъ: — «Sarmatae Medogum, ut ferunt, soboles», мнѣнія, взаимно подтверждаемаго весьма вѣроятнымъ преданіемъ, сохраненнымъ Діодоромъ Сицилійскимъ о томъ, что Саки или Скифы, господствовавшіе въ Мидіи и Малой Азіи съ 635 по 305 г. передъ Р. Х. переселили Савроматовъ изъ Мидіи на рѣку Танаисъ или Донъ. Европейская ихъ исторія начинается съ I в. до Р. Х. и продолжается до IV в. по Р. Х. Одни изъ сильнѣйшихъ народовъ Сарматскихъ, — *Аланы*, пользовались огромною извѣстностью еще въ Азіи; они извѣстны даже лѣтописцамъ Китайскимъ. Въ Европѣ они являются со II в. по Р. Х. между Дономъ и Днѣпромъ, на Понтѣ, въ окрестностяхъ Нижняго Дуная.

На Понтѣ между Днѣпромъ и Дунаемъ Алановъ застали еще Готы (180—215 г.).

Другая вѣтвь Сарматовъ, *Роксоланы*, которыхъ, впрочемъ, Шафарикъ отличаетъ отъ Аланъ только однимъ именемъ, очевидно сложнымъ изъ *Аланы* и *Рокса*, *Ракса*, упоминаются впервые около 94 г. до Р. Х. въ степяхъ между Днѣпромъ и Дономъ. Они вступали съ Римлянами въ частыя столкновенія,

упоминаются въ Римской исторіи до конца IV в. по Р. Х., помѣщаются на Черноморьѣ близъ устья Днѣпра. Съ прибытіемъ Гуновъ Роксоланы вовсе исчезаютъ изъ исторіи ¹⁾).

Отлагая до другаго болѣе удобнаго времени подробное изслѣдованіе, я позволю себѣ здѣсь въ возможной краткости поставить слѣдующіе вопросы: существуетъ ли непреложное основаніе въ томъ предположеніи, что Роксоланы ничѣмъ не отличались отъ Алановъ, что первое слово въ очевидно сложномъ имени Роксоланъ есть слово Раха. Раха, означающее Волгу или другую какую рѣку?

Нельзя ли на слѣдующее предположеніе Шафарика: «Названіе Волги Ra, Rha, попадающееся намъ у Птолемея и друг., не есть ли сокращенное Раха?» предложить такой вопросъ: «Примысли о словахъ Идриси (flumen Ross Athel vocatum) и Ибнъ-Хордаты Бега (Волга — рѣка Славянская, а Руссы — племя Славянское) не слѣдуетъ ли также вспомнить о Слав. словѣ *рѣка* (Греч. ῥέω), о р. *Рось*, о слов. *русло* и *русалка*?» (См. выше стр. 54 въ прим.). Нельзя ли при семъ сообразить и названіе Сербской рѣки *Расъ* (= *Рось*, какъ *дань*, *сань* и пр.), давшей имя *Раса* городу и пѣлому краю? ²⁾ Не слѣдуетъ ли наконецъ предположить, что слово *Роксоланы* дошло до насъ въ Греческой формѣ — вм. *Россаланы* — сравн. ξύν и σύν, διξός и δισός, триξός и триσός, что и самый народъ отличался отъ Аланъ (Осовъ, Асовъ, Ясовъ) не однимъ только именемъ, а смѣсю своего состава, — не приходитъ ли здѣсь на память вышесказанное предположеніе о томъ, что Ваны (или одна часть ихъ), сосѣдшіе ко-

1. О Роксоланахъ см. статью г. Кувика въ Mémoires Russes. T. I. 1833. S. 373—430. Мы смѣемъ думать, что въ этой статьѣ сродство Роксоланъ съ Алавами и тождество сихъ послѣднихъ съ Асами, Ясами не опровергнуты, и мнѣніе о томъ Шафарика и Цейеса непошатнуто. Намъ кажется наконецъ, что авторъ преувеличиваетъ причины быстрого исчезновенія Роксоланъ. Народы, живущіе грабежью и войною, одарены чрезвычайною плодовитостію и такимъ образомъ вполнѣ собою подтверждаютъ вѣрность того статистико-экономическаго наблюденія, что народонаселеніе усиленно и замѣтно возрастаетъ послѣ голодовъ, повальныхъ болѣзней, опустошительныхъ войнъ. Знаменитый Конде совершенно справедливо, хотя и очень цинически, выразился послѣ рѣзни при Севеѣ: Une nuit de Paris gérarega cela.

2. См. ст. г. Гальфердяга — въ Русск. Бес. 1838. III. Стѣсь. С. 66.

гда-то на Дону съ Асами, назывались *Русью*, что часть этой Руси, нѣсколько родовъ ея, откочевало съ Однимъ на сѣверъ въ Скандинавію, а оставшіяся части по тѣмъ же причинамъ могли образовать съ частью Асовъ-Аланъ какой нибудь союзъ, въ родѣ, напримѣръ, того, какой существовалъ у Русскихъ съ Мадьярами при Альмѣ, по словамъ Нотарія Белы, или у Русскихъ же съ Аланами и Мадьярами, по словамъ Рубруквиса, у этихъ *Бродниковъ*, въ XV в. являющихся уже подъ именемъ *Козаковъ*, предковъ нашихъ Донцевъ, которые и теперь отличаются Азіатскимъ наѣздническимъ характеромъ? Не слѣдуетъ ли не забывать ни словъ Баръ-Еврея (о Русскомъ походѣ 944 г.: *Аланы, Славяне и Лази*), ни въ особенности словъ Нестора: «Дулѣбы и Тиверици, иже суть *Толковины* (т. е. *Бродники*, а ни въ коемъ случаѣ не *Словъне*)»¹. Не слѣдуетъ ли наконецъ сообразить, что Славяне жили и до IV в. между Днѣпромъ и Дунаемъ и при устьяхъ послѣдняго, что эти Бродники, Толковины (въ Сл. о П. Иг. «сыпахуть ми тѣщими тулы *позаныхъ тьковинъ* великій женчюгъ на лоно и нѣгують мя), прямые наслѣдники *Россаланъ*, «сѣдяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеву, бѣ множество ихъ, сѣдяху бо по Днѣстру оли до моря, суть гради ихъ и до сего дне; да то ся зваху отъ Грекъ Великая Скуфь»².

Можно ли наконецъ строго, положительно, несомнѣнно доказать, что слово *Русь* не Славянское, что оно не находится ни въ

1. Въ 20-хъ годахъ XIV в. въ Болгаріи дѣйствуетъ толпа кондотьеровъ изъ Аланъ, Мадьяръ и Русскихъ. См. Stritt. Mem. pop. Russ. p. 1025—6. Начальниками ихъ были Miles et Temeres, ex Alanis oriundi et Ines ex Hungaris, summus Imperator Υβάνης ὁ Ῥως, manu promptus et artis imperatoriae scientissimus. Вотъ предки нашихъ казаковъ, *бродники*, потомки Толковинъ и Роксоланъ.

2. Изъ словъ Страбона (7, 306) едва ли не позволительно заключать, что не всѣ Роксоланы вели жизнь кочевую, а были въ числѣ ихъ, какъ и другихъ, Сарматовъ, и люди осѣдые, занимавшіеся земледѣліемъ: «τὴ δ' ὑπερκειμένη πᾶσα χώρα τοῦ λεχθέντος μετὰ Βορυσθένου καὶ Ἰστροῦ, πρώτη μὲν ἐστὶν ἡ τῶν Γετῶν ἐρημία· ἔπειτα οἱ Τυρίγται μετ' οὓς οἱ Ἰάζυγες Σαρμάται, καὶ οἱ Βασιλεῖοι λεγόμενοι, καὶ Οὐρῆοι, τὸ μὲν πλεον νομάδες, ὀλίγοι δὲ καὶ γεωργίας ἐπιμελούμενοι· τούτους φασὶ καὶ παρὰ τὸν Ἰστρον οἰκεῖν, ἐφ' ἑκάτερα πολλὰς. Ῥωξολανοὶ δ' ἀρκτικώτατοι τὰ μεταξὺ τοῦ Τανάϊδος καὶ τοῦ Βορυσθένου νεμόμενοι πεδία. Ἡ γὰρ προσάρκτιος πᾶσα ἀπὸ Γερμανίας μέχρι τῆς Κασπίας πεδιάς ἐστίν, ἣν ἴσμεν· ὑπὲρ δὲ τῶν Ῥωξολανῶν εἰ τινες οἰκοῦσιν, οὐκ ἴσμεν.

малѣйшей связи съ словомъ *Ръсь, русло, русалка, Рась, Раса*. Скр. *gasa* — жидкость, влага, вода — *роса* и пр., что оно не образовано по аналогіи *лубь, муть* и еще болѣе *Чудь, Серебь, брать, сберь, тварь, чадь, молодь*? Есть ли какая возможность доказать, что собственныя имена у Чеховъ, Поляковъ (*Русь*), у Сербовъ (*Руса, Русмиръ, Русинъ*) и въ Лат. грам. *Russo* (въ Истріи) не собственные давнишнія Славянскія имена, какъ напр., *Славъ, Славко, Славомиръ* и пр., а пошли только отъ второй половины IX в. и даже позже, — вѣдь не могли же сейчасъ прозваться *Русью* всѣ Славяне Русскіе, — занесены къ нимъ Русскими, пожалуй еще не самими ли Варягами? Какъ объяснять наконецъ самыя мѣстныя названія въ Польшѣ, Моравіи (*Русинове*), на Забалканскомъ полуостровѣ *Россо-кастроуъ*, на Адриатическомъ Поморьѣ *Рѣсса* (К. Багр.) въ устьѣ Которскаго залива, осажденная Сарацинами около 867 г., понынѣ существующій *porto-Rosso* — на островѣ *Лагостъ*, недалеко отъ Сплита, на восточномъ берегу Истріи, въ заливѣ *Медолино* (въ древнихъ Истрійскихъ грамотахъ встрѣчается собственное имя *Russo* — *Русинъ*, рядомъ съ другими Славянскими именами), неподалеку отъ Сплита, на островѣ *Сольтъ*, на островѣ *Торколъ* (что подлѣ острова *Лесины*), на островѣ *Пасманъ* и пр.¹.

Въ пользу моего объясненія слова *Русь* говорятъ, кажется, и извѣстное словоупотребленіе: «*на Руси*», а не «*въ Руси*», «какъ у насъ было на святой Руси», тогда какъ мы никогда не говорили: у нихъ *на Польшѣ*, у насъ *на Сибири*. Извѣстно, что при нѣкоторыхъ городахъ, расположенныхъ на рѣкахъ того же имени (и также образовавшихся изъ стѣновъ?), употребляется предлогъ *на*, а не *въ*: *на Москвѣ, на Лопаснѣ*. Такое словоупотребленіе (*на Руси*) указываетъ вообще на значеніе слова *Русь* бо-

1. См. *Portolano del mare adriatico compilato sotto la direzione de'istituto Geografico Militare dell' J. R. Stato Maggiore generale dal capitano Giacomo Marini. Milano. 1830.* p. 236, 285—6, 301, 342, 372—3. Есть *porto Russo* и на берегу *Апуліи* (*Caro d'Otranto*). На то, что это слово *Russo* имя собственное, указываетъ кажется и то, что въ Адриатикѣ есть такіе порты, напр. какъ *porta Schiavina* въ каналѣ *Задерскомъ*: *ibid.* p. 226. *Schiavone, bocca del Po delle Solle* (p. 503). На полуостровѣ, въ заливѣ *Которскомъ*, есть мѣстечко *Rosse — Rose — Roskopristanište*. (См. *Опис. Боки Которской изъ Черноя-Горлицы въ Dan. II. 1838. № 39*).

лге географическое, мѣстное, нежели этнографическое, народное.

Примѣч. Считаю долгомъ исправить одинъ промахъ, вкравшійся у меня въ «Истор. замѣч.», стр. 42, въ подстрочномъ примѣчаніи. Г. Куникъ такъ говоритъ: «Es scheint..., als wären diese Wort u. Namensformen von jeher beiden Stämmen gemeinsam u. als wäre nicht einmal der slaw. Wladimir, den in dieser Form nur болгарische u. serbische Slawen meines Wissens kennen, als ein solches Lehnwort zu betrachten, das wie кѣназь и кѣметъ bei dem ersten Zusammenstoss der Slawen u. Germanen ins Slawische eindrang.» Но возраженіе наше противъ не чистаго будто бы Славянизма имени *Владимиръ* сохраняетъ всю свою силу, такъ какъ въ слѣдъ за тѣмъ почтенный авторъ прибавляетъ: «Auffallend ist nur, dass d. zweite Bestandtheil dieses Namens im Slawischen keinen passenden Sinn — denn *миръ* Friede u. *миръ* die Welt giebt nur eine künstliche Bedeutung.»

IV.

Подъ г. *Окакомъ* Ибнъ-Батуты ученый ориенталистъ Френъ разумѣлъ г. *Укекъ* или сел. *Уэлькъ*, что лежитъ въ 8—9 верстахъ на югъ отъ Саратова, на правомъ берегу Волги; отстоитъ отъ дер. Болгаръ на разстоянн 420, а отъ Сарая — 300 верстъ. (См. ст. Френа — Ueber die ehemalige mongolische Stadt Ukek — въ *Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences de St.-Petersbourg. VI-me série. T. III. Ss. 73—89*). Такъ какъ Ибнъ-Батутъ и женъ Узбека, ѣхавшимъ изъ Астрахани въ Судакъ, не было нужды подыматься къ Саратову, притомъ же Зѣвниныя горы не представляютъ никакого признака серебра или свинцоваго блеска, и наконецъ *Увѣкъ* вовсе не находится въ равномъ разстоянн отъ Сарая и отъ Судака, то мы позволяемъ себѣ не согласиться съ мнѣннѣмъ глубокоуважаемаго нами ученаго о мѣстоположенн г. Окака. Самъ Френъ уже замѣчалъ: «Wenn Ibn Batuta die Distanz zwischen Ukek und Sarai zu 10 Tagereisen ansetzt, so darf man an dieser Differenz keinen sonderlichen Anstoss nehmen. Die Tagereise wäre hier zu 300 Werst berechnet. In der Angabe aber der Entfernung von Sudak (an d. südlichen Küste der Krim) muss nothwendig irgend ein Versehen obwalten, oder es ist im Arabischen Text ein Ortsname zwischen Ukek u. Sudak ausgefallen. (S. 80).

V. (Къ стр. 402).

Мнѣнія постороннихъ людей о человѣкѣ, съ которымъ они имѣютъ сношенія, при общемъ своемъ сходствѣ, имѣютъ и много разнообразія, которое проистекаетъ отъ разности характеровъ, убѣжденій, образа жизни и занятій этихъ постороннихъ людей.

Человѣкъ, сознающій въ себѣ и силы и охоту и призваніе — имѣть вліяніе на извѣстный кругъ людей, иногда весьма многочисленныхъ и совершенно между собою противоположныхъ, не можетъ и не долженъ пренебрегать мнѣніями о себѣ всѣхъ этихъ людей, разумѣется не для того, чтобы измѣнять въ угоду имъ свои убѣжденія и имъ нравиться во что бы то ни стало. Нѣтъ, такой образъ дѣйствій мелокъ и грѣшенъ, даже просто низокъ! А для того то нужно ему, чтобы знать вѣрнѣе, какъ, чѣмъ и когда подѣйствовать на этихъ людей и тѣмъ скорѣе убѣдить ихъ въ извѣстной истинѣ, уговорить ихъ избрать ту или другую мѣру, тотъ или другой шагъ.

Всякой человѣкъ приходитъ къ мысли о необходимости имѣть вліяніе на извѣстный кругъ людей, уже послѣ того, какъ его вліяніе началось, однимъ словомъ уже послѣ довольно яснаго и сознательнаго уразумѣнія своихъ силъ и способностей. Затѣмъ, для большаго его успѣха, ему надо только получше опознаться, привести въ порядокъ и закрѣпить тѣ нити, что связываютъ его съ его окружающими. Тогда уже начинается образъ дѣйствій разумный, сознательный, рациональный, разумѣется, на сколько онъ доступенъ человѣку.

Провѣривъ эти мысли на себѣ или на людяхъ, ему близкихъ, читатель уже безошибочно и легко примѣнитъ ихъ и къ цѣлому народу.

Имѣвъ случай, кажется подобно весьма немногимъ, переглядѣть великое множество разныхъ иностранныхъ сочиненій о Рос-

сидя пишущий эти строки позволяет себѣ рѣшительно выразиться, что при большомъ сходствѣ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ и много разницы во мнѣніяхъ и сужденіяхъ разныхъ иностранцевъ о Россіи и вообще о мірѣ Славянскомъ, какъ о его прошедшемъ и настоящемъ, такъ и объ его будущемъ. Всякой, кто принялъ бы на себя трудъ провѣрить эти слова, непременно, мнѣ кажется, придетъ къ тому заключенію, что особенности племенные, религиозныя, политическія, словомъ этнографическія и историческія условія — главнѣйшія причины такого разнообразія. Въ сочиненіяхъ Англійскихъ о Россіи и вообще о мірѣ Славянскомъ, не смотря на то, что ихъ авторы бываютъ люди самыхъ разнообразныхъ религиозныхъ и политическихъ убѣжденій, все таки однако отражаются взгляды Англичанъ на наше прошедшее и будущее. При всемъ ихъ разнообразіи, нельзя въ нихъ не усмотрѣть великаго сходства и единства, что происходитъ именно отъ того, что всѣ они, какъ природные Англичане, крѣпко привязанные къ своей землѣ, главнѣйше заботятся о чести и выгодахъ своей родины и, нерѣдко расходясь между собою по многимъ частнымъ вопросамъ, въ дѣлѣ главномъ и общимъ однако сходятся всѣ вмѣстѣ. Такъ сходились и ихъ предки, дѣло которыхъ они теперь продолжаютъ. Взглядъ Англичанъ на Россію и вообще на міръ Славянскій тѣсно зависитъ отъ прежнихъ и нынѣшнихъ отношеній Англіи къ намъ. Сказать правдѣ, они взаимно обуславливаются. Въ исторіи отношеній Славянъ къ Англіи надо искать и основанія и оправданія взглядовъ и мнѣній Англичанъ о насъ¹. Тоже самое легко примѣнить и къ исторіи отношеній Славянъ къ Франціи, къ Германіи, къ Италіи, къ Испаніи.

---

1. А также и наоборотъ. Чѣмъ болѣе родственныхъ элементовъ въ известныхъ народахъ, тѣмъ болѣе въ нихъ взаимнаго сочувствія и пониманія. Глубокомысленно замѣчаніе Лейбница: *Externa non cognoscit anima, nisi per ea quae sunt in seipso*. Свѣтлою правдою дышатъ слова Прескотта: «Во всякой исторіи народной, писанной иностранцемъ, есть непременно односторонность и непониманіе. Одновременство даетъ такія силы, которыхъ никакой геній замѣнить не можетъ. Чѣмъ родственнѣе народы, тѣмъ они, такъ сказать, менѣе другъ другу *иноземны*. Чѣмъ болѣе сочувствія въ одномъ народѣ къ другому, тѣмъ болѣе въ нихъ однородства и сходства. Свой своему по неволѣ другъ».

Потому-то я и сказалъ, что важно было бы поближе ознакомиться съ мнѣніями Испанцевъ (и Португальцевъ) о Русскихъ и о Славянахъ вообще. О насъ не мало писали и пишутъ въ послѣднее время на полуостровѣ Пиринейскомъ, а между тѣмъ мы не имѣемъ съ нимъ почти никакого общенія.

Знаніе мнѣній о немъ иностранцевъ народу полезно для самосознанія не только отъ того, что они объясняютъ его преженія и настоящія отношенія къ чужимъ народамъ, но и потому, что часто раскрываютъ ему значеніе и важность такихъ его сторонъ и особенностей, которыхъ онъ прежде въ себѣ или вовсе не признавалъ или слабо цѣнилъ. Такъ напр. намъ Русскимъ было бы крайне полезно ознакомиться съ мнѣніями иностранцевъ объ отношеніяхъ нашихъ къ Славянамъ и о взаимномъ нашемъ общеніи съ ними. При первой возможности, пишущій эти строки не замедлитъ ознакомить съ ними Русскихъ читателей, такъ какъ онѣ могутъ служить для насъ сильнѣйшимъ доказательствомъ вѣрности и основательности мысли о важности и необходимости повсемѣстнаго въ Россіи изученія Славянскихъ языковъ и литературъ (по крайности трехъ, Чешскаго, Сербскаго и Польскаго): иностранцы всѣхъ исповѣданій, націй и партій, Европа, Западъ считаютъ *дѣломъ крайне выгоднымъ и полезнымъ, важнымъ и необходимымъ для Россіи (а не для себя), умственное и литературное ея общеніе съ прочими Славянами.*

Весьма давнишнія и непрерывныя связи Славянъ съ Пиринейскимъ полуостровомъ не могли такимъ образомъ остаться безъ послѣдствій, не отразиться на характерѣ и образѣ мнѣній Испанцевъ (и Португальцевъ) о Славянахъ. Стихія Славянская такъ или иначе не переставала дѣйствовать въ Испаніи съ IX в. (если еще не раньше), по настоящее время. Если Славяне внесли что нибудь отъ себя въ Испанскую образованность и народность, то, безъ сомнѣнія, эта доля, эта стихія Славянская въ Испаніи и въ Испанцахъ, должна съ одной стороны Славянъ привлекать и тянуть къ Испаніи, а съ другой Испанцамъ облегчать пониманіе Славянъ и даже во многомъ сочувствовать имъ.

Такимъ образомъ исторія Славянской стихіи въ Испаніи, хотя и въ слабомъ очеркѣ, впервые однако здѣсь представленная, наводитъ на необходимость вопроса — не осталось ли отъ нея какихъ нибудь слѣдовъ въ современной Испаніи, не отразилась ли она на взглядахъ и мнѣніяхъ Испанцевъ о Славянахъ, на характеръ ихъ нравственныхъ отношеній съ нами.

Зная же взаимную тѣсную связь понятій и представленій одного народа о другомъ съ исторіею ихъ взаимныхъ отношеній, и въ то же время ознакомясь со свидѣтельствами совершенно другъ другу постороннихъ и даже противоположныхъ людей, притомъ рѣшительно ничего не знавшихъ объ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи (слѣдовательно ихъ нельзя заподозрить ни въ пристрастіи, ни въ преднамѣренныхъ взглядахъ), и ознакомясь, говорю, съ такими свидѣтельствами о взаимномъ сочувствіи Славянъ и Испанцевъ, о сходствѣ нѣкоторыхъ явленій у тѣхъ и у другихъ, я невольно и необходимо вношу ихъ въ свой слабый очеркъ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, тѣмъ болѣе, что она совершенно независимо привела къ такимъ предположеніямъ, которыя теперь какъ бы оправдываются, къ вопросу, на который отчасти получается нынѣ отвѣтъ. Подъ этими двумя посторонними свидѣтелями, разумію извѣстнаго Французскаго литератора Вьярдо и нашего гениальнаго композитора Глинку. «Но ни тотъ, ни другой въ дѣлѣ науки не заслуживаютъ никакого авторитета». Для насъ это именно обстоятельство и важно. Надѣюсь вполне избѣжать упрека въ заблужденіи — поклоняться учености Вьярдо, такъ какъ я и не думаю ее признавать за нимъ; въ то же время справедливость не позволяетъ отрицать въ немъ таланта живаго и мѣткаго наблюдателя, что единогласно признали и Французскіе и Англійскіе критики въ сочиненіи Вьярдо объ Испаніи. Его-то живыми и мѣткими наблюденіями я, и намѣренъ теперь воспользоваться. Долго странствуя по Испаніи и довольно близко знакомый съ ея современнымъ бытомъ, Вьярдо посѣтилъ наконецъ и Москву. Общій видъ и положеніе бѣлокаменной, прежде всего напомнили ему Прагу; «впрочемъ, спѣшить онъ прибавить, сходство Москвы съ Прагою только топографическое». Если искать сходства нагляднаго, живописнаго, то Москва, по его мнѣнію, всего

больше походить на Мадридъ. «C'est Madrid, avec ses ondulations de terrain, avec sa multitude de petits clochers dépassant ça et là les blocs des maisons, c'est Madrid, qui rappelle le mieux l'effet général d'une vue de Moscou». Вьярдо объясняетъ это сходство, отчасти и справедливо, вліяніемъ Византійскимъ. «N'est ce pas Byzance qu'on retrouve dans la *Sainte Sophie* de Novgorod, ou l'*Assomption* de Moscou, comme dans la *Mezquita* de Cordoue, qu'on retrouve dans l'*Alcazar* des khalifes à Seville ou dans l'*Alhambra* des émyrs de Grenade, comme dans le Kremlin des Tsars?»

При объясненіи такого сходства, Вьярдо замѣтилъ еще: «Ne sait on pas que l'Orient a pénétré dans l'Europe par ses deux extrémités? N'est ce pas l'Orient qu'ont apporté les Arabes en Espagne et les Mongols en Russie?» Не отрицая вліянія Монголовъ на наше зодчество, я позволю себѣ однако напомнить читателю, что Славяне въ Андалузіи въ XI в. (а конечно и раньше), воспитываясь въ мусульманствѣ и въ то же время сохраняя свой языкъ и свои обычаи, учились языку Арабскому, занимались литературою и науками и, по свидѣтельству самихъ Арабовъ имѣли въ средѣ своей писателей, классическихъ по языку. Не вижу никакой необходимости отвѣчать отрицательно на вопросъ — не занимались ли Славяне въ Андалузіи и искусствами? Дѣйствительно, если могли изъ нихъ выходить отличные ученые и писатели, то почему не могли быть и строители, зодчіе?

Знакомымъ съ бытомъ и образованностію Славянъ Балтійскихъ не трудно вспомнить, какъ изумлялись Нѣмцы ихъ искусному построению храмовъ, ихъ тонкой рѣзбѣ, и повывѣ столь любимой Славянами¹.

1. Изумленіе Нѣмцевъ тѣмъ повывѣ, что до принятія христіанства и до знакомства съ Римскою архитектурою они въ этомъ отношеніи не имѣли рѣшительно ничего своего. См. Schnaase (C.) *Gesch. der bildenden Künste*. Düsseldorf. 1844. III, 474 ff. «Die architektonische Form entsteht so unwillkürlich und empfängt so leicht ein charakteristisches Gepräge, dass wir sie in der Regel bei jedem Volke, das nur die ersten Schritte auf dem Wege zur Gesittung gemacht hat, schon in ihrer Eigenthümlichkeit aufzeigen können. Die Germanen machen eine Ausnahme;

Въ самомъ дѣлѣ, вотъ какъ описываетъ храмъ Славянскій въ Штетинѣ жизнеописатель св. Оттона Бамбергскаго: «Были

obgleich Sitte und Gesetz schon zur Zeit des Tacitus, u. noch mehr zur Zeit der Völkerwanderung ein einigermaßen entwickeltes Volksleben zeigen, hatten sie in ihrer Heimath noch keine Form so weit ausgebildet, um sie auf römischen Boden zu verpflanzen oder auch nur in Deutschland selbst beizubehalten. Zum Theil mag ihre Religion und Lebensweise dazu beigetragen haben; ihre Götter verehrten sie in Wäldern u. Bergen unter freiem Himmel, Städte u. prachtvolle Anlagen hatten sie nicht, ihre ländlichen Wohnungen waren ohne Zweifel kunstlos, mit dem Material, das die Gegend bot, meistens von Holz aufgerichtet. Aber bei alledem ist es ein Zeichen der formlosen, inderlichen Richtung dieser Völker, dass sich keine Spur eines charakteristischen Elements aufzeigen lässt, welches sie in die Baukunst einführten. Die römische Architektur erlitt daher durch die Hand der germanischen Sieger überall keine Veränderung, diese bedienten sich der einheimischen Werkmeister und liessen ihnen freie Hand». Тутъ же, въ примѣчаніи, говоритъ знаменитый авторъ: «Ein Beweis des Mangels architektonischer Vorbildung der Deutschen, auf den man mit Recht aufmerksam gemacht hat, ist, dass wir selbst für die gewöhnlichsten Theile des Gebäudes keine ursprünglich deutschen Wörter haben; sie sind z. B. Pforte, Dach, Mauer, Fenster) den lateinischen nachgebildet. Die Angelsachsen kannten kein anderes Wort für bauen als *stimmern*, getimbrian. Lappenberg. Gesch. v. England. I, 170. Достойный глубокаго уваженія со стороны Русскихъ, почтенный Нѣмецъ Блазюсъ, прекрасно знакомый съ искусствами, хотя и географъ по своей специальности, въ своей превосходной книгѣ неоднократно выражаетъ свое удивленіе здравому художественному чувству простаго Русскаго народа. Такъ говоритъ онъ о Вологодскихъ крестьянахъ, занимающихся филигранною работою и разными деревянными и металлическими издѣліями: «Die beiden Bauern waren die einzigen, die diese Kunst in Wologda ausübten; ein Paar anderer arbeiteten darin in Ustsi-solsk an der Witchegda, im Osten des Gouvernements. Sie führten Körbchen, Blumen u. andere Schmucksachen mit grosser Geläufigkeit aus, und lieferten Arbeiten, die sich in Reinheit u. Geschmack mit den italienischen messen können». — «Sehr mannigfaltiger Natur, obschon in der Ausführung einfach, sind die Holzarbeiten, die von den hiesigen Bauern angefertigt werden. Der Bazar oder Gostinoi Dwor war zu einem nicht unbedeutenden Theil damit angefüllt. Am meisten zu bewundern ist, dass diese oft so feinen Metall- und Holzarbeiten von der Art roher, vollkommen ungebildeter Bauern ausgeführt werden u. mit wenigen Ausnahmen jeder Bauer beliebig jedes Gewerbe treibt, und heute diese, morgen eine andere Kunst ausübt». (Reise in Europ. Russl. in d. Jahren 1840 u. 1841. Braunschweig. 1844. I, 147—148). См. также — объ иконописныхъ работахъ простыхъ монахинь одного женскаго монастыря на Шексѣ: «Die Bilder... zeugten alle von einer bescheidenen u. keuschen Phantasie. Man kann a priori nicht geneigt sein Erzeugnisse von künstlerisch vollkommen ungebildeten russischen Mädchen, die von Kindheit an von jedem lebendi-

въ Штетинѣ четыре «ковчины» (continae, concinae), и одна изъ нихъ, главная, удивляла архитектурой и отдѣлкой. Внѣшняя и внутренняя сторона ея стѣнъ украшены были выпуклыми рѣзными изображеніями людей, птицъ и звѣрей, такъ живо слѣданными, что кажется они дышали и жили, и, скажу за рѣдкость, краски, которыми покрыты были изображенія внѣшней стороны стѣнъ, были такъ прочны, что ни ливень, ни снѣгъ не могли имъ вредить».

Не то прочтите составленное Титмаромъ описаніе храма Радагаста, въ землѣ Редарей: «Въ городѣ нѣтъ ничего, кромѣ храма, искусно построеннаго изъ дерева, на основаніи изъ роговъ различныхъ звѣрей. Стѣны его извиѣ украшены чудесной рѣзбой, представляющей образы боговъ и богинь. Внутри же стоятъ рукотворные боги, страшно одѣтые въ шлемы и панцыри; на каждомъ изъ нихъ нарѣзано его имя».

Въ своей Датской Исторіи Саксонъ-Грамматикъ описалъ Арконскій храмъ на о-вѣ Руянѣ (Рюгенѣ). Самое описаніе города Арконы заслуживаетъ вниманія: «Городъ Аркона построенъ на вершинѣ высокаго мыса. Съ востока, юга и сѣвера онъ защищенъ природной, а не искусственной защитой и утесами, которые поднимаются, какъ стѣны, и такъ высоки, что ихъ вершины не можетъ достигнуть стрѣла, пущенная изъ метатель-

---

gern geistigen Impuls abgeschnitten, ohne Kenntniss des mannichfach gestalteten Lebens, auf ihre engen Klostermauern beschränkt geblieben sind, mit den Produkten einer äusserlich frei entwickelten Kunstperiode zu vergleichen. Блазійсъ сравниваетъ эти безискусственные, но живо-художественныя произведенія съ произведеніями до-Ренессансовской и древнѣйшей Византійской школы; замѣчаетъ также, что Русскимъ затворникамъ удалось достичь той идеальной простоты, къ которой напрасно, исходя изъ отреченныхъ требованій, стремились Овербекъ и другіе Нѣмецкіе художники. (ibid. 8, 123—124). Впрочемъ причины этой неудачи едва ли раскрыты имъ правильно. Я попросилъ бы читателя обратить вниманіе на глубокое и вѣрное замѣчаніе Швааге (Gesch. d. bild. K. III, 193) и на весьма замѣчательныя статьи Гоголя и Хомякова о картинѣ великаго художника нашего Иванова, который, по превосходному замѣчанію послѣдняго, «стоялъ на твердой почвѣ и могъ совершить то, что было не возможно для художниковъ Европы. Онъ могъ овладѣть формой, изучить, узнать и передать всѣ тайны тѣлеснаго образа и остаться шлоемъ вѣрнымъ своей духовной основѣ».

орудія; подъ ними море. Съ запада онь защищёнъ валомъ, мною въ 50 локтей, котораго нижняя часть сдѣлана изъ , а верхняя изъ деревяннаго двойнаго забора, внутри за- ннаго землею. Въ сѣверной сторонѣ течеть обильный водою , къ которому ведеть укрѣпленная дорога. Посреди города надъ и на ней деревянный храмъ превосходной работы, гаемый, впрочемъ, не только по великолѣпію, но и по ве- о бога, которому тутъ воздвигнуть кумирь. Заборъ, окру- діи зданіе, украшенъ былъ кругомъ искусно вырѣзанными рами, покрытыми, впрочемъ, грубою, безобразною рас- ой. Только одинъ входъ былъ въ цемъ къ храму. Самый , былъ окруженъ двойною оградой: внѣшняя состояла изъ ихъ стѣнъ, покрытыхъ красною кровлей, внутренняя изъ вехъ колоннъ, отдѣляясь отъ остальной части храма, внѣ- ѣнъ, богатыми коврами, опущенными до земли, и соеди- съ внѣшними стѣнами только поперечными балками и ріи. Весь храмъ былъ увѣшанъ пурпуровою тканью, прес- ий, но уже истлѣвшей; были тутъ и рога звѣрей, удиви- ме сами по себѣ и по обдѣлкѣ. Тому же богу (Святовиду) посвящены храмы и во многихъ другихъ мѣстахъ».

отъ описаніе Кореницкаго храма Руевита на Руяніѣ же, со- ставленно тѣмъ же Саксономъ-Грамматикомъ: «Городъ Кореница окруженъ со всѣхъ сторонъ болотомъ, сквозь которое проложенъ только одинъ ходъ.... Онъ знаменитъ прекрасными зданіями трехъ славныхъ храмовъ. Главное капище находилось посреди передней части храма, которая, также какъ и капище, не имѣя стѣнъ, завѣшена была пурпуровою тканью, такъ что кровля лежала на однѣхъ колоннахъ¹».

1. И. И. Срезневскаго: Иссл. о язык. богосл. древн. Славянъ. Спб. 1848. С. 39 и сл. Тутъ же замѣчено: «Двухъ другихъ Кореницкихъ храмовъ Саксо Грамматикъ не описываетъ, равно какъ и Оботритскаго храма въ Ростокѣ. О другомъ Оботритскомъ храмѣ, находившемся близъ города Мальхова, и его разрушеніи крестоносцами говоритъ хронографъ Саксо. О нѣсколькихъ другихъ храмахъ упоминаютъ жизнеописанія св. Оттона Бамбергскаго: о храмѣ удивительной величины и красоты въ Гуцковѣ, о храмѣ въ землѣ Лютичей, о храмахъ въ Вольгастѣ, Юлиніѣ, Гавельбергѣ. О другомъ храмѣ у Гаволянъ въ городѣ Брани-

Единогласныя свидѣтельства разныхъ писателей, природныхъ Нѣмцевъ, весьма, какъ извѣстно, неравнодушныхъ къ Славянамъ¹, множество храмовъ, величавая сложность въ постройкѣ ясно доказываютъ уму непредвзятому, что Славяне Балтійскіе были весьма искусны въ строительствѣ. Конечно большая часть зданій Славянскихъ былинныя, однако не подлежитъ сомнѣнію, что бывали и каменные. Безспорно, кажется, что замки въ Рудныхъ горахъ, Карпатахъ, Судетахъ, Карпатахъ и на горныхъ отрогахъ Татранскихъ, теперь лежащіе въ развалинахъ, принадлежали Славянамъ². Изъ извѣстныхъ намъ по имени болѣе двадцати

боръ замкаетъ Пулкава» и проч. С. 42. См. также ст. Воцеля въ Час. 1847. С. 308 и сл.

1. Св. Бонифаций, одинъ изъ лучшихъ людей своего времени, описался такимъ образомъ: «Winedi, quod est foedissimum et detestabile nomen». Въ житіи св. Вильгельма такъ говорится о Датскомъ архіепископѣ: «homo magni consilii, clericorum decus, moerentium et afflictorum consolator, et pauperum clemens sustentator, *Slavorumque maximus persecutor*». Козьма Пражскій (+ 1125 г.) говоритъ про Бранислава: «innatam Teutonicis superbiam, et quod semper tumido fastu hebeant deos vos et eorum linguam». По смерти Баторія воевода Виленскій Христофоръ и воевода Троцкий Янъ Глѣбовичъ говорили Московскимъ посланцамъ: «братъ государь бы вашъ къ намъ не писалъ: если будетъ вѣсть отъ себя отгонитъ; мы уже лучше приступимъ всѣ къ Шведамъ, брата помянуть у насъ никто не хочетъ... которыя государства подданы имъ, и онъ у нихъ всѣ права поломалъ и давъ на нихъ наложилъ такую вѣсть нельзя. У насъ писанное дѣло, что Нѣмецкій языкъ Славянскій добра не смысляетъ: и намъ какъ Нѣмца взять къ себѣ въ государи?»

2. «Въ Силезскомъ городѣ Любусѣ былъ храмъ, построенный изъ сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ въ немъ, когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ» (Бюшингъ Nachr. III, 200). «Въ Саксонскомъ городѣ Ютробогѣ былъ еще въ XVI в. храмъ латышскій, построенный изъ камня со сводомъ, и полъ былъ въ немъ устланъ кирпичемъ, а стѣны такъ крѣпки, что когда ихъ снимали, то надобно было взрывать порохомъ» (Діаковъ Гаввеманъ у Вагнера: Die Tempel etc. 63—64). «Потомки Балтійскихъ Славянъ въ Мекленбургѣ и Помераніи, рассказывая до сихъ поръ преданія о храмахъ своихъ предковъ, говорятъ, что храмы эти были сложены изъ огромныхъ камней, что сами нечистые духи свосили эти камни для людей, ихъ обожавшихъ... Между Арабами также носились слухи о каменныхъ храмахъ у Славянъ, какъ видимъ изъ Масуди. — «Кладбищенская церковь на горѣ Мартинской, близъ Мейсена въ Саксоніи, передѣлана изъ стариннаго латышскаго храма

мовъ, построенныхъ въ первыя шестьдесятъ лѣтъ по крещеніи Руси, было до четырнадцати каменныхъ; изъ нихъ было три собора — Кіевскій - Софійскій, Черниговскій - Спасскій и Новгородскій - Софійскій¹. Не все же одни только Греки строили, какъ основательно уже замѣчалъ и Карамзинъ². Несторъ упоминаетъ о каменномъ теремѣ, подобно тому, какъ Эббо о каменныхъ постройкахъ у Поморянъ. Имена св. Алипія, иконописца Кіевского († 1114 г.), Божетѣха, художника Чешскаго, игумена Славянскаго Сазавскаго монастыря, отличнаго рѣщика и живописца, прекрасныя фрески въ древнихъ храмахъ Сербскихъ, красота и изящество самихъ этихъ храмовъ, особенно монастыря Дечанскаго и ин. др., ясно и живо свидѣтельствуютъ о способно сти Славянъ восточныхъ, западныхъ и южныхъ къ искусству образовательнымъ, которыя изумляли Нѣмцевъ въ Славянахъ Балтійскихъ³.

что доказывается, по мнѣнію Клемма, и ея странною формой, и ея положеніемъ (Handb. d. germ. Alterthumskunde. Dresd. 1836. С. 342). «Нѣмцы думаютъ, что эти и подобныя статуи суть остатки языческихъ храмовъ Германскихъ; но ни истинности, гдѣ ихъ встрѣчаемъ, ни свѣдѣній, какія намъ остались о храмахъ Германцевъ, не позволяютъ доходить до подобнаго заключенія» (Гриммъ: D. Myth. 57—77). См. И. И. Срезневскаго: Иссл. о яз. бог. древн. Слав. Спб. 1848. С. 45—46.

1. Исторія Русской церкви, Макарія. Спб. 1837. I, 47 и сл.

2. Id. II, 174, 175, 177.

3. Цалацкій говоритъ, что Чешскія монеты временъ Вратислава († 1092 г.) и его сыновей отличаются чистотою и отдѣлкою, невиданною въ то время въ Европѣ. Ихъ рисунокъ и пошибъ отличаются такимъ изяществомъ, что и болѣе образованному вѣку не стыдно бы было имѣть ихъ. Въ жизнеописаніи Альтмана, епископа Пассаваго, основателя монастыря Хотѣвницкаго въ Ракускахъ, разсказывается о томъ, что, когда этотъ епископъ хотѣлъ освятить тамошній храмъ, въ 1081 г., то къ нему пришелъ посланникъ отъ князей Чешскихъ и принесть ему въ даръ отъ нихъ прекрасный образъ Богоматери (imago b. virginis Mariae, graeco opere mirabiliter expressa, merito in eadem ecclesia adhuc conservata et perpetuo conservanda). Византийская живопись, принесенная въ Моравію и Чехію учителемъ Славянскимъ Меѳодіемъ и его учениками, и по прекращеніи Славянскаго обряда еще долго сохранялась у Чеховъ въ Славянскомъ Сазавскомъ монастырѣ, въ немногочисленныхъ художественныхъ остаткахъ котораго знатоки находятъ великое сходство съ замѣчательнѣйшими произведеніями счастливой для Чеховъ Каролинской эпохи. См. ст. г. Запа: Obřívství a Libiř, въ журн. Památky archeologické a historické. D. I, sešit 3, стр. 115, и рисунокъ 7 и 8; его же статью: Votivní obraz arcibiskupa Ořka z Vlastimí. D. I, seš. 3, стр. 231, и рис. 13. См. также статью А. Н. Попова о древней живописи Чешской. Напомнимъ прекрасныя ми-

Въ фантастическомъ описаніи Массуди храмовъ Славянскихъ отразились понятія Арабовъ объ искусствѣ Славянъ; а Ибра-

внаторы Чехскія XI, XII, XIII, XIV и XV стол., иллюстраціи Чешскихъ канцоналовъ XVI стол.; южные Славяне въ своемъ Кловио имѣли гениальнѣйшаго живописца, прозваннаго Рафаэлемъ миниаторы. (См. его біографію, написанную Кукулевичемъ Сакцинскимъ, въ Архивѣ юго-Славянской исторіи. Лучшимъ произведеніемъ Кловио считается разрисованный имъ молитвенникъ кардинала Фарнаезе (въ 1346 г.). Профессоръ Бернардо Куаранта (*Les Mystagoges. Guide général du Musée royal Bourbon. Naples. 1846*) восклицаетъ про него: «Cet office est monument unique au monde. Il est impossible de croire que le pinceau ait tracé ce que les yeux peuvent à peine apercevoir». Чехъ Вячеславъ Голларъ (род. въ 1607 г. † въ Англіи въ 1677 г.) занимаетъ въ исторіи гравюры весьма почетное мѣсто и считается основателемъ Англійской школы гравированія. (См. его біографію, изд. Мюллеромъ, въ Часоп. Чешск. М. 1854 г.). Нельзя также позабыть и слѣдующаго классическаго мѣста Энея Сильвія, далеко не безпристрастнаго къ Чехамъ: «Nullum ego regnum aetate nostra tam frequentibus, tam augustis, tam ornatis templis ditatum fuisse quam Bohemicum reor. Tempia in coelum erecta, longitudine atque amplitudine mirabili, fornicibus tegebantur, lapideis, altaria in sublimi posita, auro et argenteo sanctorum reliquiae tegebantur onusta; sacerdotum vestes margaritis textae, natus omnis dives, pretiosissima supellex; fenestrae altae atque amplissimae conspici vitro et admirabili opere lucem praebebant. Neque haec tantum in oppidis et urbibus, sed in villis quoque admirari licebat. (Hist. Boh. cap. 36). Не смотря на громы XV и XVI стол., въ Чехіи и понынѣ сохранилось множество великихъ памятниковъ средневѣковой архитектуры; упомянемъ только о храмѣ Вита въ Прагѣ, св. Варвары въ Кутной Горѣ, о коллегіальномъ Богородѣ въ Карлштейнѣ и пр. Де-Ту говорилъ о Познани и Краковѣ: «altera Polonia est Poznania, quam Varta celebris fluvius affluit, post Cracoviam et super eandem splendore ac magnificentia mercatorum atque opificum omnis generis et omnium rerum, non solum ad usum, sed etiam ad luxum necesse est ceteras antecellens, episcopali et ipsa dignitate insignis» (l. LVI). Для археологіи весьма важно прекрасное изданіе: *Wzory sztuki średniowiecznej epoki odrodzenia po koniec wieku XVII w dawniej Polsce*. Wydawane przez Przewodniczącego i Edw. Rastawieckiego. W Warszawie i w Paryżu. Для польской археологіи особенно важны превосходные труды многоуважаемаго и патріота Кукулевича-Сакцинскаго. О древнихъ Сербскихъ храмахъ шестивѣ В. И. Григоровича по Европейской Турціи и Нисамъ г. Гиль-Русск. Бес. за 1858. III и IV ч.). О монастырѣ Дечавскомъ тамъ же и въ сод. Фед. Юришича: Дечавски пренаць. У Новомъ Саду. 1852. Исторію искусства нельзя отрывать отъ исторіи общественности, гражданственности и образованности; чрезъ то и открывается необходимость особой науки — исторіи *Славянскаго* искусства, такъ какъ едва ли возможна полная и ясная исторія какого бы то ни было Славянскаго народа (Чеховъ, Поляковъ, Сербовъ, Русскихъ) не въ связи съ исторіею его соплеменниковъ. Явленія языка, быта, народной словесности, литературы, законодательства одного изъ народовъ Славянскихъ, представляютъ богатый матеріалъ для таковыхъ же явленій жизни всякаго изъ его соплеменниковъ.

гимъ Вессифъ-Шахъ († 1228 г.), говорилъ про нихъ (въ перев. Шармуа): «Ils ont du génie et de jolies productions de l'art en tous genres». (Rel. de Massoudy, p. 326).

Вьярдо замѣтилъ наконецъ большое сходство и въ церковной музыкѣ Испанцевъ и Русскихъ и особенно въ народной. «*Cette ressemblance n'est pas moins frappante pour la musique populaire, si on la cherche entre l'Espagne et la Russie.* — «A Moscou principalement et dans le quartier populaire de *Zamoskvarétchié* (pays au delà de la Moskva), on pourrait se croire au faubourg de Triana de Séville, qui est au delà du Guadalquivir».

Къ сожалѣнію, Вьярдо не остановился на указаніи этого факта, а счелъ долгомъ представить и его объясненіе. Такое сходство въ его глазахъ объясняется, во-первыхъ, вліяніемъ Цыганъ, которые и въ Россіи, и въ Испаніи одинаково сохранили свои нравы и обычаи. «*Ces Bohémiens sont les musiciens de peuple; ils forment des troupes assez nombreuses de chanteurs, qui font des excursions jusqu'à Saint-Petersbourg, où l'on invite pour entendre les Bohémiens comme pour prendre le thé et pour danser au bal.* — Во-вторыхъ — вліяніемъ нашихъ восточныхъ инородцевъ: «*Ecoutez les chants nationaux des peuplades caucasiennes aujourd'hui soumises aux Russes, les Arméniens, Géorgiens, Bashkirs, Kirghises, Tcherkesses, etc.; rien ne ressemble plus aux chants arabes conservés en Andalousie; et toute la musique russe qui est venue de là, a gardé comme la musique espagnole, le caractère de son origine orientale*».

Откровенно признаюсь, такія объясненія, хотя наблюденіе и замѣчанія о сходствѣ музыки Испанской и Русской могли оставаться во всей своей силѣ, тѣмъ не менѣе никогда бы не позволили мнѣ указывать на слова Вьярдо, по удобствамъ ихъ заронить въ душѣ читателя подозрѣніе о томъ, не легкомысленны ли все это фразы, сказанныя единственно съ цѣлью оправдать заранѣе сложившуюся мысль вообще о сходствѣ Испанцевъ и Русскихъ, — говорю, — не позволили бы мнѣ, если бы

1. Les musées d'Angleterre, de Belgique, de Hollande et de Russie. Guide et memento de l'artiste du voyageur, par L. Viardot. 2-me éd. Paris. 1832. p. 324—326.

не свидѣтельствовалъ о томъ же самомъ другой голосъ, въ этомъ отношеніи внушающій полное довѣріе, по истинѣ вмѣющій зать авторитетъ. Разумію незабвеннаго нашего Глинку, который вмѣстѣ съ Глукомъ и Шопеномъ принадлежитъ къ немногимъ, но яркимъ свѣтиламъ музыкальнаго міра Славянскаго. Глинка, мало, что находилъ сходство народныхъ напѣвовъ и мелодій Испанскихъ съ Русскими, но и питалъ глубокое сочувствіе къ Испанцамъ, утверждая, что они чрезвычайно похожи на Русскихъ. Читатель, надѣюсь, согласится, что мнѣ нельзя же было умолчать объ этомъ и не обратить на это обстоятельство его снисходительнаго вниманія. Глинка, высокія національныя созданія котораго такъ глубоко потрясаютъ тысячи и будутъ потрясать милліоны Русскихъ людей, Глинка на ряду съ Ломоносовымъ, Державинымъ, Крыловымъ, Грибоѣдовымъ, Пушкинымъ, Гоголемъ, Ивановымъ, есть одинъ изъ лучшихъ представителей Русскаго народа, одного изъ членовъ, и немалого, великой семьи Славянской, исторія отношеній *которой къ Испаніи составляетъ предметъ настоящаго очерка.

Посмотримъ же, какъ отзывался объ Испаніи Глинка, прожившій довольно долго въ этой странѣ, гдѣ, какъ мы видѣли такъ или иначе Славянская стихія не переставала дѣйствовать IX в., если еще не раньше, т. е. не съ V в., въ періодъ Вандовъ, въ которыхъ великій ученый нашего времени, Шафарикъ уже давно признавалъ стихію Славянскую. Глинка прожилъ Испанію отъ половины 1845 до 1847 г.; къ странѣ этой издавна чувствовалъ какое-то особое влеченіе, какъ то ясно крывается изъ его писемъ. Такъ еще, до поѣздки своей въ Італію, говоритъ онъ, между прочимъ, въ одномъ письмѣ отъ 4-го ноября 1844 г.: «Болѣе всего меня влечетъ въ Испанію. Это давнишняя мечта, мечта моей юности. Еще въ Италіи, 14 лѣтъ тому назадъ, я намѣренъ былъ посѣтить этотъ край, и уже тогда началъ учиться Испанскому языку. Холера помѣшала мнѣ тогда исполнить это намѣреніе.... и кромѣ удовлетворенія пламенной фантазіи, я найду тамъ, въ музыкальномъ отношеніи, новые предметы для изученія»¹.

1. Ст. В. В. Стасова: М. М. Глинка (Русск. Вѣстн. 1857. № 24. С. 662—663).

«Въ разныхъ письмахъ, говоритъ В. В. Стасовъ, Глинка повторяетъ, что Парижъ оживилъ его, что ему тамъ не скучно, но что его однакожь съ непреодолимою силою влечетъ въ Испанію, гдѣ, по его словамъ, «солнце теплѣе, а люди несравненно радушнѣе, чѣмъ въ Парижѣ, и напоминаютъ ему добрыхъ соотечественниковъ¹.» Частыя выраженія желанія пожить въ Испаніи доказываютъ, кажется, что то у Глинки былъ не одинъ минутный капризъ, а внутреннее, глубокое требованіе его духа, его природы. Изъ Парижа же писалъ Глинка: «Нельзя отнять у меня этого необходимаго путешествія; оно сопряжено сколько съ требованіями моего искусства, столько и большого моего сердца. Мнѣ нужны солнце и предметы, къ коимъ давно влечетъ меня воображеніе².» Нѣтъ сомнѣній, что Глинка, еще юношею мечтавшій о путешествіи въ Испанію, еще въ бытность свою въ Италіи въ 1830 г. учившійся по Испански съ тою цѣлью, чтобы уѣхать въ Испанію, и только холерою оставленный въ своемъ намѣреніи, въ 1844 и въ началѣ 1845 г. постоянно толковавшій о томъ, что его съ непреодолимою силою влечетъ въ Испанію, Глинка, повторяю, безъ сомнѣнія, въ продолженіе этого времени не пренебрегалъ представлявшимися ему случаями знакомиться не только съ разсказами и записками объ Испаніи, но и съ самими Испанцами, ихъ музыкаю. Еще до поѣздки своей въ Испанію, говорилъ онъ, что Испанцы *несравненно радушнѣе Французовъ*, что они *напоминаютъ ему добрыхъ его соотечественниковъ*, что въ Испаніи и въ музыкальномъ отношеніи онъ *найдетъ новые предметы для изученія*. Въ письмѣ своемъ отъ 11-го января 1845 г. говоритъ Глинка: «Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою Русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ. Намѣренъ посѣтить Испанію, съ цѣлью изучить тамошніе напѣвы, потому что они нѣсколько сходны съ Русскими и дадутъ мнѣ возможность (я надѣюсь) приняться за новый большой трудъ³.»

---

1. Ibid. С. 683—684.

2. Ibid. С. 684.

3. Ibid. С. 691.

Почтенный ученый нашъ, В. В. Стасовъ, который, какъ мнѣ хорошо извѣстно, пиша свои статьи о Глинкѣ, ничего даже и не подозрѣвалъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Испаніи, вотъ что, между прочимъ, нашелъ нужнымъ замѣтить въ своемъ важномъ во многихъ отношеніяхъ трудѣ: «Глинка прожилъ въ Испаніи два года, то есть отъ половины 1845 до 1847 г., и многочисленныя письма, относящіяся къ этому періоду, всѣ свидѣтельствуютъ о томъ, какъ ему хорошо и привольно было въ этой странѣ, какъ ему нравились въ ней и природа, и климатъ, и люди, и обычая, и музыка. Прибавляемъ, что вообще немногіе путешественники въ Испаніи путешествовали такъ удачно, какъ онъ; что онъ «не ожидалъ такого радушія, такого гостепріимства, такого благородства, какія нашелъ». — «Здѣсь, говорятъ онъ, деньгами дружбы и благосклонности не приобретаешь, а ласкою все на свѣтѣ!» — «Наконецъ-то нашелъ я пріятное и мирное убѣжище, пишетъ онъ въ ноябрѣ 1845 г.: если я здѣсь иногда страдаю, это больше отъ грустныхъ воспоминаній, кои не совсѣмъ еще изгладились изъ моей памяти. Безъ сомнѣнія, нѣтъ края любопытнѣе Испанія во всѣхъ отношеніяхъ». — «Мнѣ въ Испаніи такъ хорошо, пишетъ онъ въ юлѣ 1846 г., что мнѣ кажется, будто я здѣсь родился». Во многихъ письмахъ къ матери онъ повторяетъ, что нигдѣ и никогда ему не было такъ хорошо, какъ въ Испаніи, и онъ самъ замѣчаетъ, что быть можетъ это происходитъ отъ того, что Испанія и Испанцы имѣютъ много общаго и родственнаго съ Россією и Русскими (что было замѣчено уже нѣсколько разъ и многими писателями); 1 обѣихъ странахъ печать ориентальности сохранилась въ сильной степени, и отъ того-то Глинку такъ влекло къ Испанскимъ мелодіямъ, къ изученію Испанской музыки, къ созданію музыки въ Испанскомъ родѣ. Уже, уѣзжая изъ Парижа, онъ писалъ, что кромѣ оперы въ Испанскомъ родѣ, онъ имѣетъ въ виду и другія сочиненія»¹.

По моей просьбѣ, В. В. Стасовъ сообщилъ мнѣ нѣсколько извлеченій изъ писемъ Глинки объ Испаніи, за что я приношу ему мою искреннюю благодарность. Не лишнимъ считаю сооб-

1. Ibid. С. 691.

шить нѣсколько мѣстъ изъ писемъ нашего великаго композитора объ Испаніи и преимущественно о музыкѣ Испанской и о его занятіяхъ ею. Такъ изъ Валладолида писалъ Глинка ²⁰/₈ іюня 1845 г.: «Испанія не похожа ни на одну изъ другихъ частей Европы тѣмъ, что каждая провинція рѣзко отличается отъ прочихъ — вотъ почему большая часть путешественниковъ описали ее неверно, судя по частямъ о цѣломъ». — Оттуда же ¹⁸/₆ іюля 1845 г.: «Въ музыкальномъ отношеніи представляется множество любопытнаго, но отыскивать эти народныя пѣсни не легко, еще труднѣе уловить національный характеръ Испанской музыки». — Изъ Гранады, 9-го января 1846 (27-го декабря 1845) г.: «Изученіе Испанской народной музыки сопряжено съ большими затрудненіями: каждый поетъ по своему: сверхъ того, здѣсь въ Андалузіи говорятъ нарѣчіемъ особеннымъ, которое отличается отъ Кастильскаго (чисто-Испанскаго) столько же, сколько Малороссійское отъ Русскаго». — Оттуда же ²⁹/₁₇ января 1846 г.: «Я лажу съ Испанцами, какъ не ладилъ никогда за границей, и съ другой стороны, хотя здѣсь климатъ теплый, но весьма здоровый и не расслабляетъ нервы, какъ воздухъ Италіи. Прилежно занимаюсь изученіемъ Испанской музыки. Здѣсь болѣе, чѣмъ въ другихъ городахъ Испаніи; поютъ и пляшутъ. Господствующій напѣвъ и танецъ въ Гранадѣ — фанданго. Начинаютъ гитары, потомъ почти каждый изъ присутствующихъ, по очереди, поетъ свой куплетъ и въ это время въ одну или въ двѣ пары пляшутъ съ кастаньетками. Эта музыка и пляска такъ оригинальны, что до сихъ поръ я не могъ еще совершенно подмѣтить напѣва, ибо каждый поетъ по своему. Чтобы вполне уразумѣть дѣло, учусь три раза въ недѣлю (за 10 франковъ въ мѣсяцъ) у перваго заѣзжняго танцовальнаго учителя и работаю руками и ногами. Вамъ, можетъ быть, это покажется странно, но здѣсь музыка и пляска неразлучны. Изученіе народной Русской музыки въ моей молодости повело меня къ сочиненію «Жизни за Царя» и «Руслана». Надѣюсь, что и теперь хлопочу не напрасну».

Въ запискахъ своихъ говоритъ Глинка (1848 г., весна): «Неоднократныя мои покушенія сдѣлать что-нибудь изъ Андалузскихъ мелодій остались безъ всякаго успѣха: большая часть изъ

нихъ основана на восточной гаммѣ, вовсе не похожей на нашу». — т. е. «Европейской, а не Русской», замѣчаетъ В. В. Стасовъ въ особомъ, нарочно и такъ обязательно написанномъ имъ для меня примѣчаніи. «Отношенія же Русской и Испанской музыки, продолжаетъ В. В., совсѣмъ другія: въ своихъ разговорахъ Глинка всегда признавалъ ихъ родство, и самъ лично, со своею страстью къ Испанскимъ мелодіямъ, музыкѣ и пр. служить лучшимъ и живымъ доказательствомъ этого родства, потому что былъ художникъ по преимуществу національный. Нельзя не указать также на тотъ любопытный фактъ, что, желая написать для коронаціи (26 авг. 1856 г.) Польскій, — который и посвятилъ потомъ Государю, — Глинка составилъ его изъ двухъ темъ: Испанской и Русской. Значитъ, въ его духѣ инстинктивно и невольно укладывались и роднились элементы этихъ двухъ народностей. Почему же ему никогда не пришло въ голову соединить съ Русскими темами — темы Французскія, Англійскія, Нѣмецкія или Итальянскія?»

На это превосходное и остроумное замѣчаніе почтеннаго нашего знатока музыки возможно только одно возраженіе: «Глинка долго жилъ въ Испаніи и изучалъ Испанскую народную музыку»; но и на этомъ единственно-возможномъ возраженіи нельзя долго останавливаться, такъ какъ Глинка прожилъ въ Испаніи и изучалъ ея музыку, по собственной охотѣ, а не изъ внѣшней необходимости. Жилъ онъ въ этой странѣ долго потому, что чрезвычайно полюбилъ ее и крѣпко привязался къ Испанцамъ, онъ, который говорилъ: «Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ томъ, что я душою Русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ чужой ладъ». — Великія же его созданія лучшее для насъ свидѣтельство въ томъ, что онъ истинно былъ душою Русскій.

Слѣдовательно сходство и даже какое-то родство Испанскихъ народныхъ напѣвовъ и мелодій съ Русскими несомнѣнно. Пишущій эти строки весьма далекъ отъ гордой мысли предлагать свое объясненіе такого въ высшей степени любопытнаго явленія; воздерживаясь отъ всякаго суетнаго стремленія къ новизнамъ, онъ не можетъ однако не замѣтить, что приписывать такое сходство вліянію Азіатскому, т. е. съ одной стороны Мон-

голамъ, а съ другой Арабамъ — крайне невѣрно, неосновательно и даже нелѣпо, такъ какъ племя Монгольско-Татарское, или Алтайско-Уральское и племя Семическое, къ которому принадлежатъ Арабы, ни по внѣшнимъ особенностямъ, ни по языку, ни по нравамъ, ни по обычаямъ, вовсе не похожи другъ на друга, и смѣшивать ихъ возможно только при совершенномъ незнакомствѣ съ самыми первоначальными свѣдѣніями въ языковѣдѣніи и этнографіи. Прибѣгать же для объясненія такого сходства къ вліянію Византійскому, которое на Арабовъ Испанскихъ дѣйствовало чрезвычайно сильно, играло великую роль и въ отечествѣ нашемъ, хотя и не нелѣпо, тѣмъ болѣе, что всѣ почти музыкальные термины Арабовъ, также, какъ и астрономическіе, заимствованы изъ языка Греческаго, однако чрезвычайно опасно и смѣло, ибо, при всѣхъ натяжкахъ и преувеличеніяхъ, рѣшительно нельзя допустить вліянія музыки Греческой на народные Русскіе напѣвы и мелодіи. Во всякомъ случаѣ — гипотеза о Византійскомъ источникѣ замѣчаемаго сходства въ народныхъ напѣвахъ Испанскихъ съ Русскими отличается необыкновенною смѣлостью и едва ли чѣмъ можетъ постоять за себя, передъ другою гипотезою, правда не несмѣлою, но едва ли не гораздо правдоподобнѣйшею, тѣмъ болѣе, что отсутствіе стихій Византійской въ народныхъ мелодіяхъ Русскихъ всего лучше обнаруживается близкимъ, родственнымъ ихъ сходствомъ съ напѣвами другихъ Славянъ. Дѣйствительно, вѣдь народная мелодія есть ничто иное, какъ изліяніе и выраженіе народнаго духа въ звукахъ гармоническихъ, подобно тому, какъ народная рѣчь — въ звукахъ членораздѣльныхъ: Великороссіянинъ же сознаетъ въ себѣ много сходства и родства съ Полякомъ, какъ въ языкѣ, такъ и въ характерѣ, а между тѣмъ Поляки и Великороссіяне едва ли не самые другъ отъ друга далекіе и наименѣ сходные между собою братья въ общей семьѣ Славянской. Эта другая гипотеза при объясненіи сходства и родства народныхъ напѣвовъ Русскихъ съ Испанскими выдвигаетъ уже другой источникъ, именно стихію Славянскую, которой нельзя не признавать въ Испаніи и послѣ слабаго, исполненнаго великихъ пробѣловъ и пропусковъ, настоящаго нашего очерка исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи. Дѣйствительно, не говоря уже о

Вандалахъ, въ которыхъ Шафарикъ признавалъ стихію Славянскую, и которые дали названіе цѣлому краю въ Испаніи — Андалузій (Vandalotia — у Арабовъ — Andalus), нельзя не вспомнить драгоцѣннаго свидѣтельства аль-Макари о Славянинѣ Габибѣ, жившемъ въ XI в. (когда Славяне въ Андалузій пользовались не малымъ значеніемъ) и написавшемъ сочиненіе, подъ заглавіемъ «Ясныя и побѣдоносныя доказательства противъ тѣхъ, которые отрицаютъ превосходныя качества Славянъ», гдѣ собраны разнаго рода любопытныя подробности, исторія и стихи (verses), т. е. народные пѣсни Славянъ. И такъ въ XI в. (а конечно и раньше) въ Андалузій звучала Славянская пѣсня, что, впрочемъ, и безъ того надобно допустить, признавъ однажды необходимость перехода Славянъ въ Италію въ качествѣ охочихъ, вольныхъ и гулящихъ людей. Съ теченіемъ времени, Славяне, жившіе въ Андалузій, утратили свою народность, свой языкъ, но народные напѣвы и мелодіи Славянскіе могли и даже едва ли не должны были пережить ихъ и сохраняться въ Испаніи и по исчезновеніи въ ней Славянской народности. Если не въ слѣдующій за тѣмъ періодъ съ конца XI до конца XV в., когда, какъ мы видѣли, сношенія Славянъ съ Испанією продолжались непрерывно, могли быть вновь легко занесены Славянскіе напѣвы въ Испанію, то, по крайности, въ періодъ съ конца XV до конца XVII вѣка, когда Дубровничане и другіе Славяне Адриатическіе служивали въ Испаніи значительными массами. Знакомые по прежней эпохѣ съ народными напѣвами Славянскими, Испанцы уже скорѣе и легче могли перенимать ихъ въ XV, XVI и XVII в. Быть можетъ отсутствіе всякой гордости и надменности въ обращеніи съ иноплемениками, всегда столь отталкивающихъ, живая воспримчивость¹, неразлучная съ же-

1. Привожу слова Леона Фоше, вообще весьма исключительнаго, ставившаго въ упрекъ Англичанамъ чудныя строфы Шекспира (This royal throne of kings, this scepter'd isle» и пр.): «Certaines races ont une aptitude pour ainsi dire universelle. Les Slaves sont de vrais Protées, également propres à la paix et à la guerre, sensibles à la poésie, organisés pour la musique, et néanmoins se façonnant promptement aux exigences de l'industrie. Le paysan russe est un charpentier adroit aussi bien qu'un patient laboureur. Et qui ne sait que l'avenir industriel de l'Autriche repose sur ces montagnards de la Bohême, que l'on avait oubliée depuis la guerre de Trente ans?» (Etudes sur l'Angleterre. 2-me édit. Paris. 1856. T. I. 510). Въ связи съ

лаіемъ и умѣіемъ привлекать и привязывать къ себѣ чужихъ, быть можетъ, эти общія и любезныя качества Славянъ, впрочемъ нѣрѣдко имъ столько вредившія, дали имъ возможность, при относительной ихъ малочисленности въ Испаніи, облегчить проникновеніе въ нее своей стихіи, привить къ Испанцамъ нѣкоторыя изъ своихъ особенностей. Таковъ третій или лучше второй способъ объясненія сходства народныхъ напѣвовъ Испанскихъ съ Русскими. Авторъ предоставляет рѣшить читателю, какіе еще возможны способы объясненія, и какой изъ нихъ самый вѣроятнѣйшій¹.

Какъ бы то ни было, двухлѣтнее пребываніе Глинки въ Испаніи не осталось безъ послѣдствій: плодомъ его были — *Хота Аррагонская* и нѣсколько романсовъ (на темы Испанскія), созданія прекрасныя, высоко-художественныя. За нихъ Глинка

этою чуткостію и воспримчивостію стоить другая черта Славянскаго характера — необыкновенное радушіе и гостепримство, иногда даже переходящія во вредную крайность. Обычай нашъ распахивать двери «для званныхъ и незванныхъ, особенно для иностранныхъ», идетъ издавна. Вспомните завѣщаніе Владиміра Мономаха. В. Цолъ говоритъ про свой народъ:

I ta strzecha, choć uboga,
Chociaż niska, przecież bliska
Dla obcego i dla swego,
I od Boga aż do wroga
Jest tu miejsce dla każdego.

Тельмольдъ говоритъ: «Experimento ipse didici, quod ante fama cognovi, quod nulla est gens honestior Slavis in hospitalitatis gratia. In colligendis enim hospitibus omnes quasi ex sententia alacres sunt, ut nec hospitium quemquem postulare necesse sit. Si quis vero, quod rarissimum est, peregrinum hospitio removisse deprehensus fuerit, hujus domum vel facultates incendio consumere licitum est, atque in id omnium vota conspirant, illum inglorium, illum vilem et ab omnibus exhibendum dicentes, quia hospiti partem negare non timuisset». (I. I. с. 82).² См. также Виткинда, Дитмара, Адама Бреженскаго — о Славянахъ же сѣверо-западныхъ. То же самое свидѣлствуютъ объ южныхъ Славянахъ всѣ иностранцы отъ имп. Мавривіа до настоящаго времени.

1. Врядо какъ будто объяснялъ его тѣмъ, что народные Русскіе напѣвы заимствованы отъ Армянъ, Грузинъ, Башкиръ, Киргизовъ, Черкесовъ. Но напѣвы сихъ послѣднихъ не сходны ни между собою, ни съ Русскими. Едва ли они могутъ быть сходны и съ Арабскими. Что же касается до Цыганъ, то они слишкомъ малочисленны въ Россіи, провикли въ нее недавно (въ XV—XVI в.), ихъ влиянію подчиняется у насъ городское населеніе, а не деревенское. Глинка подъ народною Русскою музыкою никогда не разумѣлъ Цыганской.

долженъ быть дорогъ и любезенъ Испанцамъ, какъ дорогъ, на-
примѣръ, Англичанамъ Гендель. Онѣ важны въ исторіи Русской
музыки и въ томъ, кажется, отношеніи, что указываютъ собою
будущимъ Русскимъ композиторамъ, столь желаннымъ преем-
никамъ Глинки, на новый и необходимый отнынѣ предметъ
ихъ изученія — народныя напѣвы Испанскіе, какъ отдѣльно,
такъ и въ связи съ народными напѣвами Славянскими, Велико-
русскими, Малорусскими, Польскими, Чешскими, Хорутанскими,
Хорватскими. Какая бы ни была причина сходства Испанцевъ
и Русскихъ, какъ въ народныхъ напѣвахъ, такъ и вообще въ
характерахъ, Славянская стихія или что либо другое, во вся-
комъ только случаѣ оно въ высшей степени важно и заслужи-
ваетъ упоминанія въ исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи.
Сочувствіе къ Испаніи и Испанцамъ, глубокая привязанность
къ нимъ Глинки, этого великаго національнаго нашего худож-
ника, вполнѣ *Русскою душою*, всякому знакомому изъ исторіи и
изъ современной дѣйствительности съ великимъ сходствомъ на-
родныхъ Славянскихъ характеровъ, съ Славянскими родствен-
ными симпатіями, никогда не терявшимися и только на время
заглушаемыми чужими посторонними вліяніями, позволяютъ рѣ-
шительно утверждать, что то же сочувствіе и ту же привязан-
ность чувствовали къ Испанцамъ и другіе Славяне, напри-
мѣръ Адриатическіе. Въ этомъ отношеніи и достойно замѣчанія, что
Глинка, соплеменникъ Водопича, Мартоломичей, Машибради-
чей, Долисти, Буне и др., неоднократно высказывалъ, что
Испанцы напоминаютъ ему добрыхъ его соотечественниковъ;
изъ Парижа, гдѣ былъ принятъ весьма любезно, постоянно по-
рывался въ Испанію, писалъ изъ него роднымъ 11-го января
1845 г.: «Живя за границей, я болѣе и болѣе убѣждаюсь въ
томъ, что я душою Русскій, и мнѣ трудно поддѣлываться подъ
чужой ладъ», а 22/10 сентября 1845 г. изъ Мадрита (столь на-
поминающаго, по мнѣнію Вьярдо, Москву): «Занятій здѣсь у
меня множество, изъ всѣхъ иностранцевъ Испанцы болѣе про-
чихъ соотвѣтствуютъ моему характеру...»¹; изъ Мадрита же 16/

1. «Другіе подобные отзывы, — говоритъ В. В. Стасовъ, — еще много разъ
встрѣчаются въ разныхъ письмахъ Глинки изъ Испаніи».

іюля 1846 г.: «Миѣ въ Испаніи такъ хорошо, что миѣ кажется, будто я здѣсь родился»....

Въ заключеніе своего очерка исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, авторъ беретъ на себя смѣлость остановить вниманіе читателя на связь впервые здѣсь затронутыхъ вопросовъ о Славянахъ въ Испаніи съ другими двумя вопросами, изъ коихъ одинъ — объ изученіи Славянскихъ языковъ и литературъ въ Россіи и объ умственномъ ея общеніи съ Славянскими братьями, въ глазахъ большинства Русскихъ образованныхъ людей считается какъ бы давно рѣшеннымъ, пустымъ и не стоящимъ почти никакого вниманія, — другой — о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи не только всѣми одинаково признается весьма важнымъ, но и составляетъ постоянный предметъ помышлений всякаго Русскаго гражданина, мало-мальски желающаго успѣховъ и развитія отечественному просвѣщенію и находящейся въ тѣсной отъ него зависимости литературѣ Русской. Дѣйствительно, въ отношеніи къ ней нѣтъ, не бывало и никогда не будетъ высшей у насъ задачи, какъ возвести ее общими усиліями и трудами на такую ступень въ лѣстницѣ совершенствованія, съ которой она должна пріобрѣсти общечеловѣческое, всемірное значеніе, иными словами обратить на себя вниманіе всего образованнаго міра — и тѣмъ поставить иностранцевъ въ необходимость учиться Русскому языку, изучать въ подлинникахъ и переводить на свои отечественные языки Русскія произведенія, какъ въ области науки, такъ и художества.

Обращаясь къ ученой Русской литературѣ, преимущественно по части всеобщей исторіи, именно по специальному, но не неважному ея отдѣлу — Исторіи Пиринейскаго полуострова, мы безъ особеннаго усилія замѣтимъ, что она понынѣ не представила ничего мало-мальски заслуживающаго вниманія Европейца. Въ тоже время напрасно мы бы стали ласкать себя надеждою, что такое по истинѣ жалостное состояніе литературы Русской продлится не долго. Нѣтъ, судя по всему, *ceteris paribus*, еще можетъ пройти длинный рядъ годовъ, а она много-много, если вступитъ (а не то, что пройдетъ ихъ) въ свои неизбежные два періода изученія исторіи (понимая это слово въ

самою обширномъ смыслѣ) Пиринейскаго полуострова. Необходимость этихъ периодовъ ясна и сама по себѣ и изъ аналогій — изученія въ Россіи прочихъ специальныхъ отдѣловъ исторіи Европы, т. е. новой или Романо-Германскаго міра.

Періодъ первый — литература компиляцій, болѣе или менѣе добросовѣстныхъ, болѣе или менѣе удачныхъ и полезныхъ. Самыя лучшія изъ нихъ будутъ, конечно, тѣ, авторы которыхъ обнаружатъ нѣкоторое знакомство съ литературою предмета и весьма ограниченное съ источниками, какъ отъ того, что они вообще въ Россіи малодоступны, такъ и потому, что основательное ихъ изученіе потребовало бы отъ автора весьма много времени, трудовъ и дарованій; а въ такомъ случаѣ то была бы уже не компиляція, а трудъ самостоятельный, о которомъ рѣчь впереди. — Самыми же плохими и недобросовѣстными были бы конечно, тѣ, коихъ авторы, взявъ себѣ въ руководство какое нибудь одно иностранное сочиненіе, составили бы одну или нѣсколько *учебныхъ статей* или *самостоятельныхъ этюдовъ*, гдѣ было бы между прочимъ указано много иностранныхъ сочиненій, вовсе неизвѣстныхъ автору и забыто о томъ одномъ, изъ котораго онъ впервые ознакомился съ заглавіями первыхъ. — Если этимъ этюдамъ придать гладкій языкъ, нѣсколько модныхъ фразъ, тонкихъ психологическихъ наблюденій, остроумныхъ замѣчаній о необыкновенной сухости трудовъ Нѣмецкихъ, впрочемъ всегда добросовѣстныхъ, о малой основательности Французскихъ, за то всегда изложенныхъ увлекательно, объ обязанности Русскихъ соединить эклектически хорошія особенности Французовъ и Нѣмцевъ, избѣгая разумѣется ихъ недостатковъ, о необыкновенной широтѣ Русской природы, столь живо сочувствующей всему общечеловѣческому, всему прекрасному, и конечно тѣмъ обязанной тому счастливому обстоятельству, что юная Россія, подобно юной Америкѣ и въ противоположность старой Европѣ, не знаетъ прошедшаго, имъ не тяготится и съ нимъ не связана, — если, говорю, придать этюдамъ все это, то безъ сомнѣнія такими чертами и можно покончить характеристику перваго періода Русской литературы (еще, сколько извѣстно, для нея почти не наступавшаго) относительно исторіи Пиринейскаго полуострова.

Такой періодъ можетъ, кажется, продлиться весьма значительное число лѣтъ и существовать рядомъ со вторымъ періодомъ, который тоже, сколько извѣстно, едва наступаетъ.

Это періодъ переводовъ на Русскій языкъ, какъ произведеній Испанскихъ, такъ и Французскихъ, Англійскихъ, Нѣмецкихъ, касающихся религіозной, политической, литературной и художественной исторіи Пиринейскаго полуострова. Пишущій эти строки уже имѣлъ однажды случай говорить о важности въ Русской литературѣ переводовъ классическихъ иностранныхъ произведеній¹; здѣсь же позволяетъ себѣ прибавить, что, по крайнему его разумѣнію, добросовѣстный переводъ капитальнаго иностраннаго сочиненія, напр. по исторіи Испаніи, съ толкомъ исполненный и снабженный приспособленными къ Русскому читателю примѣчаніями отъ переводчика — всегда будетъ гораздо полезнѣе всякихъ такъ называемыхъ этюдовъ и, мало цѣнимый читателями современными, тѣмъ болѣе будетъ оцененъ въ послѣдствіи, ибо такіе труды, въ литературахъ, въ родѣ нашей, составляютъ, какъ бы кладъ и долго, подобно Римской Исторіи Роллена, не утрачиваютъ своего значенія.

Такимъ образомъ я выразился, кажется, непреувеличенно, когда сказалъ, что можетъ пройти длинный рядъ годовъ; а Русская литература, относительно исторіи Пиринейскаго полуострова, все таки не представитъ ничего мало-мальски заслуживающаго вниманія Европейца. *Caeteris paribus*, всѣ самые лучшіе наши этюды по исторіи Новой Европы, Романо-Германскаго міра, еще надолго, можетъ, останутся въ глазахъ Европейскихъ ученыхъ, тѣмъ-то въ родѣ классныхъ сочиненій гимназистовъ, для которыхъ высшая похвала можетъ состоять въ томъ, что они ясно поняли и толково передали слова учителя, разумѣется сообразно съ своимъ возрастомъ. Еще и понынѣ къ сожалѣнію почти въ той же силѣ сохраняютъ свой смыслъ слѣдующія слова И. В. Кирѣевскаго, сказанныя имъ лѣтъ тринадцать тому назадъ: «Произведенія нашей словесности, какъ отраженія Европейскихъ, не могутъ имѣть интереса для другихъ народовъ,

1. О распространеніи знаній въ Россіи въ ж. Современникъ, 1857, май, и отдѣльно.

кромѣ интереса статистическаго, какъ показанія мѣры нашихъ ученическихъ успѣховъ въ изученіи ихъ образцовъ». Думать же о переводѣ такихъ *эпюдовъ* на языки иностранныя — было бы и весьма нескромно и ужь очень странно; при семъ вообще нельзя не замѣтить, что тамъ и сямъ раздающіяся у насъ сѣтованія на то, что Европа пренебрегаетъ напрасно языкомъ Русскимъ, несправедливы, точно также, какъ и упреки, зачѣмъ въ Европѣ не переводятъ нашихъ ученыхъ сочиненій. Едва ли теперь не время намъ убѣдиться и сознаться, что слабое понынѣ распространеніе Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи, имѣетъ главнѣйшею своею причиною не недоброжелательство къ намъ Европейцевъ, а ничтожное въ насъ Русскихъ развитіе производительности и самодѣятельности. Говоря вообще, не потому Русскихъ сочиненій не читаютъ и не переводятъ на западѣ, что не хотятъ: а и хотѣли бы иногда, да нечего! Основательность и вѣрность этого замѣчанія видны изъ того, что иногда болѣе или менѣе важный, самостоятельный Русскій трудъ весьма скоро по выходѣ своемъ въ свѣтъ, переводится на языки иностранныя. Привычка нѣкоторыхъ ученыхъ писателей и даже цѣлыхъ обществъ — издавать свои труды на языкахъ иностранныхъ, едва ли заслуживаетъ одобренія, тѣмъ болѣе, что она служитъ одною изъ главнѣйшихъ причинъ — медленнаго распространенія знаній въ отечествѣ нашемъ, малой выработанности нашего техническаго слога и слабого распространенія Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи.

«Но отчего въ литературѣ нашей, по исторіи Пиринейскаго полуострова, не появиться труда самостоятельному, который бы заслуживалъ перевода на языки иностранныя?»

Такой трудъ потребуеть отъ автора не только многихъ жертвованій, но и великаго дарованія и сильнаго характера. Явленіе извѣстныхъ великихъ дарованій въ той или другой странѣ вовсе не такъ случайно, какъ то можетъ казаться взгляду поверхностному. Для нихъ всегда нужна извѣстная подготовка — богатая народная почва, хорошее историческое воздѣлываніе. Странно бы было, на примѣръ, ожидать когда либо отъ Лифляндіи не только Шекспировъ, но и Пушкиновыхъ, Мицкевичей, Гоголей, Аристофана отъ острова Эвеля или Серрав-

тега отъ Курляндіи. То же самое странно предпологать, чтобы въ Россіи въ скорости могъ явиться какой-нибудь замѣчательный историческій талантъ, который бы посвятилъ себя исторіи Испаніи, когда у насъ исторіа Россіи и міра Славянскаго такъ мало еще имѣетъ даровитыхъ дѣятелей. Но допустимъ даже случайность, отчасти какъ-будто оправдываемую двумя нашими соотечественниками, изъ коихъ сочиненіе одного о Моцартѣ, а трудъ другаго о Маріи Стюартъ, весьма мало знакомые Русскимъ, пользуются большою извѣстностію въ Европѣ. Однажды допустивъ, что между Русскими можетъ явиться писатель съ большимъ историческимъ дарованіемъ и съ особеннымъ влеченіемъ къ исторіи Испаніи, нельзя ужъ не признаться, что безъ сомнѣнія, какъ талантъ, онъ устремитъ свое вниманіе на предметъ новый и наименѣе разработанный, а какъ Русскій, какъ Славянинъ, преимущественно на отношенія Испаніи къ міру Славянекому. Для того онъ постарается познакомиться съ языками и литературами Славянскими, начнетъ изучать исторію Славянъ, обратится не только къ источникамъ Испанскимъ, краившимся въ богатыхъ архивахъ и библіотекахъ Пиринейскаго полуострова, но и къ богатымъ, непочатымъ источникамъ Славянскимъ въ архивахъ и библіотекахъ Вѣны, Венеціи, Дубровника и пр. Но такой талантъ уже не будетъ случайностію, такъ какъ важность многочисленныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ отношеніями Славянъ къ Испаніи, повятна всякому, а удовлетворительное ихъ рѣшеніе достижимо не для однихъ великихъ дарованій, на появленіе которыхъ, какъ подверженное все таки разнымъ случайностямъ, никогда не должно много рассчитывать.

Общеніе съ остальнымъ міромъ Славянскимъ и его изученіе въ высшей степени важны для Россіи, такъ какъ 1) Россія весьма много получила отъ своихъ соплеменниковъ, весьма многимъ — имъ обязана: если бы не они, то самая судьба ея была бы теперь иная; 2) конечно, не въ отношеніи политическомъ, а въ отношеніи своихъ нравственныхъ историческихъ подвиговъ, для совершенія которыхъ призвано Провидѣніемъ всякое колѣно земное, Россія одна еще не составляетъ одного самостоятельнаго цѣлаго, а есть только одна органическая часть

цѣлаго міра Славянскаго, который въ свою очередь есть только одинъ, хотя и великій, членъ всей семьи человѣческой: не можетъ же безъ взаимнодѣйствія и общенія частей совершаться въ организмѣ правильное отправленіе всѣхъ его жизненныхъ силъ, иначе же ему угрожаетъ смерть и уже всегда его постигаютъ искаженіе и безобразіе; 3) нѣкоторые изъ соплеменниковъ нашихъ не мало приняли участія въ многовѣковой, блестящей жизни Запада, міра Романо-Германскаго, образованности котораго Россія столько уже обязана, что и ставитъ ее въ необходимость изучать исторически, подвергать внимательному и строгому аналитическому разложенію эту образованность, одною изъ стихій которыхъ оказывается между прочимъ Славянская. Такъ какъ въ то же время, эти соплеменники наши не теряли сознанія своего Славянскаго происхожденія, и никогда не переставали принадлежать вмѣстѣ съ тѣмъ и къ міру Греко-Славянскому, значительнѣйшимъ представителемъ котораго Россія, то изученіе ихъ судьбы и составляетъ непремѣнную ея обязанность. Въ этомъ отношеніи для Россіи въ высшей степени важно изученіе міра Греко-Славянскаго: оно уясняетъ ей собственное ея призваніе и назначеніе въ исторіи человѣчества, служить ей переходомъ къ самостоятельному изученію и объясненію судебъ міра Романо-Германскаго. Справедливость этого общаго положенія легко провѣрить на частномъ случаѣ. Исторія отношеній Славянъ къ Испаніи (и Португаліи), составляетъ только часть задачи — «какъ понынѣ трудились Славяне въ исторіи человѣчества, что съ своей стороны внесли они въ образованность Европейскую», — задача весьма важной для Россіи и ея самосознанія, ибо она есть только одна, хотя и значительная, органическая часть цѣлаго міра Славянскаго.

Множество частныхъ, предварительныхъ изысканій, необходимыхъ для удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ при мысли объ отношеніяхъ Славянъ къ Пиринейскому полуострову, необходимо рано или поздно появятся въ литературахъ Славянскихъ, какъ Сербской (Хорватской), Чешской, Польской, такъ и Русской. Позволяю себѣ только слегка припомнить эти многочисленные вопросы и задачи для того, чтобы

напередъ удалить всякое сомнѣніе въ ихъ малой значительности и занимательности для исторической науки вообще, и для Славянской исторіи въ особенности: О народномъ составѣ Вандаловъ. Разсмотрѣніе вопроса, возбужденнаго Шафарикомъ, о Славянской въ нихъ стихіи. Собраніе и изданіе всѣхъ текстовъ Арабскихъ съ переводомъ (на Русскій языкъ) о Славянахъ въ Азіи, Африкѣ, Сициліи, Испаніи. Объ отношеніяхъ Славянъ Балтійскихъ къ Датчанамъ. О Славянской стихіи въ Даніи. Объ участи Славянъ въ походахъ Норманновъ, преимущественно Датчанъ, на Францію и Испанію. Исторія морскихъ силъ Дубровника, его морской торговли, его богатствъ, его виѣшнихъ сношеній вообще, съ Пиринейскимъ полуостровомъ въ особенности. Исторія фамилій Дубровницкихъ, жившихъ въ Испаніи. — О международныхъ и частныхъ сношеніяхъ Славянъ Чешскихъ, Польскихъ и Русскихъ съ Испанцами и Португальцами съ древнѣйшаго до новѣйшаго времени. Подробный сводъ извѣстій объ Испанцахъ, проживавшихъ въ тѣхъ или другихъ земляхъ Славянскихъ. Подробный сводъ и обзоръ всѣхъ мнѣній и извѣстій Испанскихъ (и Португальскихъ) о Славянскомъ племени вообще и о каждомъ изъ его поколѣній въ отдѣльности.

Если припомнимъ наконецъ, что для удовлетворительнаго рѣшенія всѣхъ этихъ задачъ и вопросовъ необходимы — знакомство съ языками Славянскимъ, Итальянскимъ и Испанскимъ, путешествія не только по землямъ Славянскимъ, но и по Испаніи, не только для изслѣдованій археологическихъ, но и этнографическихъ, если припомнимъ это, то легко вмѣстѣ съ тѣмъ убѣдимся, что исторія отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову есть такая задача, надъ которою стоитъ потрудиться даже и въ томъ случаѣ, если лежащее въ концѣ ея рѣшеніе, по опредѣленіи того, что внесли Славяне въ Испанію и что отъ нея получили, окажется совершенно неблагоприятнымъ для народнаго нашего самолюбія, тѣмъ болѣе, что вѣдь до него наукѣ нѣтъ никакого дѣла: ей дорога одна истина. Предположимъ — конецъ концовъ будетъ тотъ, что Славяне ничего порядочнаго не сдѣлали для Испаніи, что напрогнвъ того, они, «это второе, даже неисправленное изданіе Кельтовъ», это племя, лишенное всякой самобытности, всякаго духа творчества, спо-

собное къ одному подражанію и только призванное на перенесеніе чужаго¹, что они, эти Славяне внесли въ Испанію только дурное. Хотя имена Мартолошичей, Охмучевичей, Долисти,

1 Еще недавно въ одномъ весьма распространенномъ Нѣмецкомъ журналѣ (Leipziger Repertorium) по поводу ново-вышедшей книги (Gerwinus u. die Slawen) такъ выразался одинъ добродушный Нѣмецъ о нашемъ племени. Указавъ на упрекъ автора разбираемаго сочиненія, дѣлаемый Нѣмцамъ, за то, что они мало цѣнятъ восточныхъ варваровъ, этотъ Нѣмецкій Великосельцевъ продолжаетъ такъ-кииъ образомъ: «Der Vorwurf mag seine theilweise Wahrheit haben. Man bringt wohl die grosse Fülle materieller Brauchbarkeit auch für die europäische Weise, die sich in den Slawen, im Gegensatz zu so vielen andern Stämmen d. Erde findet, nicht gehörig in Anschlag. Auch geben wir zu, dass die grossen Gruppen d. Slawen manche schätzbare Eigenschaften bewahrt haben, welche die Germanen entweder nie besaßen oder verloren haben. Im Ganzen aber glauben wir doch nicht, dass sie bestimmt sind, die germanische Cultur zu verdrängen u. durch eine Slawische zu ersetzen; nicht weil sich nicht so viel Gelehrsamkeit unter ihnen findet, als unter den germanischen Völkern, sondern weil sie überhaupt keinen solchen Vorzug vor den Germanen voraus haben, auf den sich eine neue, eigenthümliche u. zugleich höhere Culturweise stützen liess. Sie sind uns immer wie jüngere Brüder der Celten, wie eine zweite, für den Gebrauch bequemere, wenn gleich nicht verbesserte Ausgabe derselben erschienen. Sie sind geschickt zum Aufnehmen u. Nachbilden, nicht zum Selbstschaffen. Sie haben, so wie sie aus der Stufe ihres glücklichen Naturlebens heraustraten, die Germanen nachgeahmt u. die Vorbilde nie erreicht, geschweige verbessert. Ein reges politisches Leben führt sie leicht zu Zwiespalt u. Verwirrung. An sich beschränken sie sich gern auf ihren eigenen Kreis u. richten die Blicke nicht nach aussen. Sich selbst überlassen mögen sie ein glückliches, ein wohlthätiges Leben führen, werden aber die Welt erobern, noch umgestalten. Anders wenn sie unter germanischer Führung stehen u. nicht die germanische Cultur in sich aufnehmen». Нельзя съ грустью не сообразить, что Нѣмцы вообще еще далеко не откинули своей надменной нетерпимости къ намъ Славянамъ. Еще не такъ давно писалъ Фальмерайеръ: «Hat es Jemand aus unserer Mitte gewagt, den Slawen coordinirt mit was ein universalgeschichtliches Moment als Aufgabe anzuerkennen, so gilt es in Deutschland als Abfall von der Philosophie, wo nicht gar als verdammungswürdiger Verrath am eigenen Blute. Wie Moslimen u. Rajah in unsern Tagen d. Programm von Gülbane zugleich verlachen, ebenso werden auch in diesem Streit alle Versöhnungsprojecte in der Theorie d. Nationalhasses in der öffentlichen Meinung zurückgewiesen u. den Slawen sogar die Rolle, als Schatten d. grossen Lichtbildes europäischer Menschheit zu figuriren, hartnäckig abgesprochen. Heloten sollen sie bleiben u. all ihr Streben, Macht u. Bedeutung zu erlangen u. genial zu sein, wird in Deutschland als Vermessenheit betrachtet, ja als Frevel u. Aufruhr gegen natürliche Weltordnung in den Bann gethan. Komme jetzt einer in Deutschland u. wage es dieser als Wesen geringerer Art proscibirten Slawen-race d. Wort zu reden, er wird bald erkennen, dass es klüger sei Zorn, Leidenschaft u. selbst Ungerechtigkeit des Heimathlandes zu theilen, als Frieden und Billigkeit zu predigen, von denen Niemand etwas hören will». (Monatsblätter zur Ergänzung d. Allgem. Augsb. Zeit. 1845. April).

Машибрадичей, Буне, Водонича, Гливки уже и теперь не позволяют так думать, однако допустимъ и это, самое худшее и невыгодное для насъ, предположеніе. Если послѣ тщательныхъ и самостоятельныхъ трудовъ нашихъ оно будетъ совершенно оправдано, то, какъ всякая истина, добытая собственнымъ трудомъ, положеніе это доставитъ намъ Славянамъ, если и не великое удовольствіе, то во всякомъ случаѣ пользу несомнѣнную, именно тѣмъ, что заставитъ насъ крѣпко о себѣ призадуматься и быть поумнѣе по крайности на будущее время. Теперь лишь бы вѣрнѣе возсоздать исторію отношеній нашихъ предковъ къ Испанцамъ, опредѣлить ихъ вліяніе на насъ и обратно, а тамъ уже не трудно будетъ рѣшить слѣдующіе вопросы: если Славяне имѣли на полуостровѣ Пиринейскомъ только одно дурное вліяніе, то почему и для чего? Какъ по крайности намъ, ихъ потомкамъ, замѣнить это дурное вліяніе хорошимъ?

«Но развѣ намъ можно имѣть вліяніе и даже помышлять когда-либо о какомъ-либо вліяніи на полуостровѣ Пиринейскомъ?»

Не скажу, что думаю: «и очень», а только предложу на разсмотрѣніе безпристрастнаго читателя слѣдующіе три вопроса:

— Если Дубровникъ въ XV — XVII в., когда Россія, эта громадная держава Славянская, занимающая собою болѣе одной седьмой нашей планеты, не играла почти никакой роли въ политикѣ Европейской, могъ имѣть большія морскія силы, вести обширную торговлю и пользоваться значительнымъ вліяніемъ; если вспомнимъ, что Турція наводила въ то время всеобщій страхъ и грозу на Европу; если хорошенько подумаемъ, что Славяне Адриатическіе исполнены силъ, способныхъ къ возрожденію, что онѣ на время подавлены, и то благодаря только такимъ обстоятельствамъ, которыя нынѣ уже не существуютъ, что онѣ задерживаются въ своемъ развитіи вліяніемъ чуждымъ и постороннимъ, которое намъ, Русскимъ, слѣдуетъ и безъ того отстранять и подмывать всячески; если представимъ себѣ современное состояніе, какъ Турціи, большинство населенія которой (Европейской) — Славянское, такъ и Италіи, а во главѣ ея Піемонта, которому мы не можемъ не сочувствовать; если вспомнимъ наконецъ значеніе великаго предпріятія — прорытія

Суецкаго канала, то послѣ всего этого, какъ и многого другаго, не будетъ ли, не скажу, не гуманно, но слишкомъ смѣло и отчасти безразбодно рѣшиться утверждать, безъ всякихъ предварительныхъ изысканій, трудовъ и попытокъ, стоящихъ не одной жизни, требующихъ и вызывающихъ много твердыхъ воле, смѣлыхъ и сильныхъ умовъ, утверждать, говорю, будто бы Славянамъ Адриатическимъ никогда уже не воспрянуть отъ сна, не возродиться къ жизни бодрой, дѣятельной и самостоятельной? — Отъ возможности же такого возрожденія зависить въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ судьба ихъ грядущихъ сношеній съ Пиринейскимъ полуостровомъ, съ которымъ они имѣли такія близкія связи въ XVI — XVII в.

— Можно ли смѣло отвѣчать отрицательно на вопросъ — не явятся ли у насъ на Руси великіе преemiaки Глинкѣ, которые, по его слѣдамъ, Испанскіе народные напѣвы и мелодіи поставятъ предметомъ своего изученія и довершатъ дѣло, начатое Глинкою, созданіе оперъ и проч, на основаніи мелодій Испанскихъ, по скольку онѣ сходны и родственны съ Русскими или вообще Славянскими? Отъ возможности же такой *Русско-Испанской* музыки зависить въ болѣе или менѣе далекомъ будущемъ грядущее вліяніе искусства Славянскаго на Испанцевъ, которые уже неоднократно выражали свое сочувствіе къ Русскимъ и вообще Славянамъ.

— Распространеніе языка извѣстнаго народа въ предѣлахъ его отечества не находится ли въ тѣсной связи съ распространеніемъ умственнаго вліянія этого народа на тѣ страны, въ которыхъ принимается этотъ языкъ? Удовлетворительное же и добросовѣстное рѣшеніе всѣхъ многочисленныхъ вопросовъ касательно исторіи отношеній Славянъ къ Испаніи, столь для насъ необходимое, уже одно способно доставить ученымъ нашимъ и ихъ трудамъ почетную извѣстность въ наукѣ. По непреложнымъ законамъ раздѣленія работъ и увеличенія цѣнности предмета отъ бѣльшаго къ нему приложенія труда, эти предварительныя начальныя развѣдки и изысканія откроютъ счастливымъ труженикамъ множество новыхъ сторонъ, приведутъ за собою безконечный рядъ вопросовъ, одинаково важныхъ въ исторіи, какъ міра Греко-Славянскаго, такъ

и Романо-Германскаго. Для примѣра позволю себѣ указать между прочимъ на отношенія наши къ Византійской образованности, изъ которыхъ проистекаетъ для насъ необходимость всесторонняго ея изученія. Ученые наши, занявшись исторіею отношеній Славянъ къ Испаніи, быть можетъ не преминутъ обратиться къ изученію и опредѣленію вліянія Византіи на Арабовъ Испанскихъ. — Исторія и подробная характеристика Православной церкви, къ которой принадлежитъ большинство Славянъ, и на которыхъ она всегда имѣла огромное вліяніе — безспорно, входятъ въ кругъ важнѣйшихъ предметовъ, подлежащихъ внимательному и самостоятельному нашему изученію. Образъ ея прошедшаго только тогда предстанетъ намъ во всевозможной ясности, когда мы ближе ознакомимся съ исторіею и со всѣми характеристическими явленіями Латинства. Испанія же, гнѣздо инквизиціи и езуитства, имѣвшая такое пагубное вліяніе на соплеменниковъ нашихъ, Чеховъ, Поляковъ, южныхъ Славянъ, издавна тянувшаяся и на Россію и другія земли Православныя и понынѣ еще не кинувшаго страннѣхъ и дикихъ видовъ своихъ на Славянъ, Испанія и въ этомъ отношеніи можетъ на себя обратить строгое вниманіе ученыхъ Славянистовъ, которые займутся исторіею отношеній Славянъ къ Испаніи. Для достойнаго выполненія такихъ трудовъ необходимо болѣе или менѣе подробное знакомство съ литературою Испанскою, какъ печатною, такъ и рукописною, а оно въ свою очередь легко можетъ вызвать изъ среды Славянъ своихъ Минье, Прескотовъ и Тикноровъ, самостоятельныя изысканія которыхъ легко могутъ быть награждены какими нибудь новыми, болѣе или менѣе важными находками и открытіями. «Ищите и обрящете; толцете и отверзется вамъ».

Такимъ образомъ безусловно кажется понятна и очевидная тѣсная взаимная связь вопросовъ объ отношеніяхъ Славянъ къ Испаніи съ вопросомъ о распространеніи Русскаго языка внѣ предѣловъ Россіи. Чѣмъ успѣшнѣе станетъ у насъ подвигаться изученіе первыхъ вопросовъ, тѣмъ все болѣе будетъ приобретать значенія литература Русская, по части всеобщей исторіи, хотя и по спеціальному, но важному ея отдѣлу, тѣмъ быстрѣе пойдетъ впередъ всѣмъ намъ желанное распространеніе Русска-

го языка внѣ предѣловъ Россіи. Если же для всѣхъ одинаково дорога эта послѣдняя задача, то также, значить, дороги и всѣ тѣ условія, которыя и могутъ и должны ускорить и приблизить ея рѣшеніе. Дорогое же такимъ образомъ для всѣхъ, удовлетворительное и возможно-полное ея рѣшеніе пойдетъ тѣмъ скорѣе и успѣшнѣе, чѣмъ болѣе и болѣе станетъ распространяться въ Россіи изученіе Славянскихъ языковъ и литературъ и умственное общеніе Русскихъ съ прочими Славянами. — Пашушій эти строки заключаетъ свой очеркъ отношеній Славянъ къ Испаніи признаніемъ его слабости и надеждою, что читатель не откажется, какъ оправдать ее новостью предмета, такъ и откровенно признаться въ томъ, что умственное и литературное наше общеніе съ народами единокровными и изученіе ихъ исторій, языковъ и литературъ не удаляетъ насъ отъ Европы, а только еще болѣе и притомъ разумно сближаетъ и смыкаетъ насъ съ нею.

VI. (къ стр. 334).

По важности письма Поджіо къ Леонарду, мы рѣшаемся привести его здѣсь цѣликомъ, тѣмъ болѣе, что оно вовсе неизвѣстно, если не ошибаюсь, въ нашей литературѣ. Пылкій, страстный, много путешествовавшій, Иеронимъ обладалъ необыкновеннымъ даромъ привлекать къ себѣ и отдѣльныхъ людей, и цѣлыя народныя массы. Менѣе возвышенный, чѣмъ праведный и кроткій Гусъ, Иеронимъ есть, можно сказать, живой типъ Славянскаго агитатора¹. Его призваніемъ было — распространять въ Славянскомъ мірѣ идеи, выстраданныя Гусомъ. За свое уваженіе къ ученію Виклефа, Иеронимъ, воспитывавшійся въ Оксфордскомъ университетѣ, долженъ былъ оставить сперва Парижъ, а потомъ и Гейдельбергъ; живя послѣ того въ Будинѣ, при дворѣ Сигизмунда Угорскаго, онъ былъ заключенъ на двѣ недѣли въ темницу по доносу на него архіепископа Сбвнка. Возвращаясь оттуда, онъ былъ схваченъ въ Вѣнѣ и, по требованію университета, подвергнутъ допросамъ. Когда здѣсь стали принуждать его, чтобъ онъ очистился отъ подозрѣнія въ ереси, то онъ поспѣшно бѣжалъ въ началѣ сентября 1410 года и оправдывался потомъ тѣмъ, что съ нимъ поступали незаконно и насильственно². Въ 1413 г. онъ посѣтилъ Польшу и Русь, по желанію короля Владислава и великаго князя Литовскаго Ви-

1. Палацкій въ слѣд. словахъ одного современника (1408 г.) видитъ прямое указаніе на Иеронима: *Quidam insani magistri et homines pestiferi Wikleffici ordinis et schismatis — post discursum peregrinarum nobis terrarum et districtum, etiam in terris nostris Bohemiae et Moraviae aulas principum, collegia et cathedras sacerdotum, scholas studentium, promiscui sexus popularem tumultum fidelium — tuba ipsorum ululans et pestifera — replevit.* (Dějiny nar. Česk. D. III. č. 1. pozn. 240).

2. Епископъ Краковскій такъ писалъ о немъ въ 1413 г.: *Venit huc personatiter, et prima die barbatus apparuit, secunda vero imberbis stolatus, tunica rubra et caputlo foderato, pellibus griseis, se gloriosum ostendebat, coram ipso rege, regina, principum, baronum ac procerum frequentia. Qui tamen licet his paucis diebus moraretur, majores in clero et populo facit commotiones, quam fuere factae a memoria hominum in dioecesi ista etc. — Terra nostra ad semen suum videtur esse arida capiendum et fructum afferendum, eo quod simplex plebicula tanti philosophi dogmata comprehendere non valet, et multo minus terrae Lituorum et Rusiae etc.* Мѣтко замѣтилъ Палацкій, что эти два послѣднія положенія очевидно взаимно противоположны.

товта. При королевскомъ дворѣ въ Краковѣ онъ появлялся нѣсколько разъ въ разныхъ видахъ и костюмахъ и производилъ вездѣ страшное волненіе. Оттуда, въ сопровожденіи Витовта, онъ отправился въ Литву и въ Русь, въ Витебскъ и въ Псковъ посѣщалъ Русскіе храмы, называлъ православныхъ добрыми христіанами и соблюдалъ ихъ обряды. Гусъ, томясь и скорбя въ Констанцѣ, писалъ друзьямъ своимъ, уговаривая ихъ, въ особенности Есеница и Иеронима, чтобы они не пріѣзжали въ Констанцъ. Но пылкій Иеронимъ его не послушался, считая своею обязанностью явиться на помощь къ своему другу. 4-го апрѣля (1415 г.) является онъ вдругъ въ Констанцѣ; никѣмъ, конечно, не узнаанный; Чешскіе дворяне, сопровождавшіе Гуса на соборъ, паны Хлумскій и Дубскій, узнавши о его появленіи, просили его скорѣе удалиться. Иеронимъ же нашелъ средство прибѣгнуть къ дверямъ церковнымъ листы, въ которыхъ на языкахъ Латинскомъ, Нѣмецкомъ и Чешскомъ извѣщалъ о себѣ императора и соборъ и просилъ вѣрительной грамоты для большаго обезпеченія, а самъ, между тѣмъ, все еще никѣмъ не узнаанный, скрылся въ одномъ изъ сосѣднихъ мѣстъ. 17 апрѣля соборъ объявилъ, что онъ его къ себѣ вытребуетъ и безъ всякаго со стороны его согласія и тотчасъ же выдалъ на него требованіе. Иеронимъ, однако, не дожидаясь погони, пустился въ бѣгство въ отечество, но неподалеку отъ Чешской границы былъ узанъ, схваченъ и доставленъ на соборъ въ оковахъ 25 мая. По сожженіи Гуса, отцы стали гораздо мягче, выслушивали Иеронима, ласково и часто увѣщевали его отказаться отъ своей ереси. Испугавшись смертной казни, Иеронимъ имѣлъ слабость 10 сентября 1415 г. объявить собору, что онъ готовъ отречься отъ своихъ заблужденій, отъ ученія Гуса, что и исполнилъ торжественно на другой день. Соборъ для большей гласности принудилъ его повторить свое отреченіе 23 сентября. Здѣсь отрекся онъ отъ всѣхъ своихъ прежнихъ мнѣній и отъ друга своего Гуса и безусловно предалъ себя на волю собора. Эта постыдная слабость, впрочемъ искупленная его раскаяніемъ и его мученическою смертью, была, однако, совершенно искренняя: онъ въ самомъ дѣлѣ въ то время измѣнилъ свои мнѣнія, какъ то видно изъ тогдашнихъ писемъ его къ друзьямъ въ Прагу и еще болѣе

изъ просьбы его у собора — послѣ отреченія не освобождать его изъ темницы, потому что онъ не желаетъ свободы. На соборѣ, между тѣмъ, уже возникъ вопросъ — не освободить ли его изъ заключенія? Знаменитые кардиналы Петръ д'Алье, Забарелла, Орсини и др. хлопотали объ его освобожденіи; но имъ наиболѣе противились Чешскіе доктора и Герсонъ. Съ прибытіемъ же въ Констанць Кармелитановъ изъ Праги, снова поднялось дѣло Иеронимова, — обстоятельство, къ счастью Чеховъ и всего міра Славянскаго, давшее Иерониму случай поправиться и показать себя достойнымъ другомъ и сподвижникомъ Гуса. Вотъ что передалъ намъ Поджіо Бракціолини (род. въ 1380 † 1459 г.) въ письмѣ своемъ къ Леопарду Аретинскому, которое онъ писалъ въ день кончины Иеронима, находясь еще подъ сильнымъ впечатлѣніемъ событія.

«Черезъ нѣсколько дней, — пишетъ онъ, — какъ вернулся я въ Констанць, началось дѣло Иеронима, котораго публично называютъ еретикомъ. Я рѣшился предложить тебѣ эту рѣчь, какъ по важности ея содержанія, такъ въ особенности за краснорѣчіе и ученость человѣка. Признаюсь, я никого не видѣлъ, кто бы въ защитѣ дѣла, особенно уголовного, такъ приблизился къ краснорѣчію древнихъ, которыми мы такъ много восхищаемся. Надо было удивляться, какими словами, съ какими краснорѣчіемъ, какими доводами, съ какимъ выраженіемъ, какимъ голосомъ и съ какою искренностью отвѣчалъ онъ противникамъ и защищалъ свое дѣло. *Какъ жаль, что такая благородная, превосходная душа обратилась къ ученіямъ еретическимъ, если однако справедливо то, что ему приписываютъ.* Но не мое дѣло судить объ этомъ (sic!). Пристаю къ мнѣнію тѣхъ, кто униже меня. Не въ моемъ намѣреніи подробно, по обычаю ораторя, рассказывать все дѣло. То было бы долго и заняло много времени. Коснусь только нѣкоторыхъ замѣчательныхъ мѣстъ, по которымъ можешь судить объ учености человѣка.

«Когда набралось много обвиненій, уличавшихъ Иеронима въ ереси, и когда они были подтверждены свидѣтельствами, то угодно было собору, чтобы онъ отвѣчалъ на каждое обвиненіе отдѣльно. Когда привели его, то ему повелѣли представить свои возраженія. Онъ долго отказывался отвѣчать на клеветы про-

тивниковъ, говоря, что будетъ лучше, если онъ самъ поведетъ свое дѣло, наставляя, чтобы соборъ выслушалъ прежде его собственныя мнѣнія, и что потомъ уже обратится онъ къ навітамъ враговъ своихъ. Когда же ему того не дозволили, то онъ, стоя посреди собранія, сказалъ: «Какова же несправедливость! когда меня въ продолженіе трехъ сотъ сорока дней содержали въ тяжкомъ заключеніи, посреди дыма и смрада, въ грязи, въ оковахъ и въ совершенномъ недостаткѣ самаго необходимаго, вы постоянно это время слушали моихъ противниковъ и обвинителей, а меня не хотите теперь выслушать и одного часу. Оттого-то, при такомъ долгомъ вашемъ вниманіи, когда они успѣли убѣдить васъ, что я еретикъ, врагъ вѣры, ненавистникъ духовенства, вы и не даете мнѣ права защиты, ибо вы напередъ уже мысленно осудили меня, какъ нечестивца, раньше, чѣмъ успѣли узнать меня. Но и вы, — сказалъ онъ, — люди, а не боги. Не вѣчны, а смертны. Можете падать, заблуждаться, обманываться, ошибаться, увлекаться. Сюда собрались свѣтила міра, мудрѣйшіе люди со всего свѣта. Вамъ надо особенно стараться, чтобы не поступить какъ нибудь смѣло, необдуманно или несправедливо. Самъ я, о комъ идетъ теперь дѣло, человекъ ничтожный. Говорю не за себя, зная, что мнѣ придется умереть. Но, кажется, недостойно такихъ мудрыхъ мужей рѣшать мое дѣло противно правдѣ, такъ какъ оно не столько собою, сколько примѣромъ своимъ можетъ имѣть вредныя послѣдствія». Такъ и о многомъ еще другомъ прекрасно говорилъ онъ при шумѣ и крикахъ многихъ, прерывавшихъ его рѣчь.

«Наконецъ рѣшено было, чтобы онъ публично представлялъ свои возраженія на обвиненія, приводимыя противъ него, а потомъ дозволено ему было говорить, о чемъ самъ пожелаетъ. Съ кафедры читали отдѣльныя обвинительныя статьи; послѣ каждой приводили свидѣтельства и спрашивали его, хочетъ ли онъ отвѣчать. Невозможно рассказать, какъ искусно онъ отвѣчалъ, какими сильными защищалъ себя доводами. Ничего не произнесъ онъ, что бы было недостойно мужа добраго (bono viro). *Если онъ такъ мыслилъ въ вѣрѣ, какъ о томъ говорилъ, то не только не заслужилъ онъ смерти, но и малой обиды. Все называетъ онъ клеветою, ложью враговъ своихъ.*

«Когда, между прочимъ, называли его ругателемъ апостольскаго престола, противникомъ Римскаго епископа, ненавиствателемъ прелатовъ и духовенства, врагомъ христіанской вѣры, тогда всталъ онъ и печальнымъ голосомъ, всплеснувъ руками, сказалъ: «Куда теперь обратиться мнѣ? Мужи почтенные, къ чьей прибѣгнуть мнѣ помощи? Кого просить мнѣ? Васъ ли? Но они, мои гонители, отклонили мысли ваши отъ моего спасенія, объявивъ меня врагомъ всѣхъ тѣхъ, кто долженъ судить меня. Они полагали, что если всѣ хитросплетенія ихъ и покажутся легкими, то все таки приговоромъ своимъ вы раздавите всеобщаго врага и противника, какимъ они меня лживо представили. Такъ, если вы станете вѣрить словамъ ихъ, то мнѣ нечего надѣяться на спасеніе жизни». Многихъ отражалъ онъ шуткою, другихъ колкостями, третьихъ часто, при важномъ вопросѣ, поднималъ на смѣхъ: такъ отвѣчалъ онъ на обвиненія и допросы. На вопросъ, что онъ думаетъ о таинствѣ причащенія, отвѣчалъ: «Прежде бываетъ хлѣбъ, а потомъ, при освященіи (in consecratione) и послѣ, истиннымъ тѣломъ Христовымъ» и проч., все какъ по закону. Тогда отозвался кто-то: «Говорятъ, что ты сказывалъ, будто и по освященіи остается хлѣбъ». Онъ отвѣтилъ: «Да, у хлѣбопека.» Кому-то изъ ордена Проповѣдниковъ, когда тотъ къ нему сильно приставалъ, сказалъ онъ: «Молчи, лицемеръ». Другому, когда тотъ поклялся своею совѣстью, онъ замѣтилъ: «Это самый лучший путь къ обману». Какого-то изъ главныхъ своихъ противниковъ иначе не называлъ онъ, какъ псомъ или осломъ.

«Когда по множеству и тяжести обвиненій, дѣло его не могло быть окончено въ тотъ же день, то и было отложено на третій день. Въ этотъ день (26 мая), какъ прочтены были обвиненія и подтверждены множествомъ свидѣтельствъ, тогда онъ всталъ и сказалъ: «Послѣ того, какъ вы слушали внимательно моихъ противниковъ, слѣдуетъ теперь вамъ и меня безпристрастно выслушать».

«Получивъ, послѣ многихъ сопротивленій, право голоса, началъ онъ съ обращенія къ Богу. Молилъ Его подать ему такую мысль, такой даръ слова, которые бы послужили на пользу и на спасеніе души его. Наконецъ она сказалъ: «Знаю, ученѣйшіе

мужи, что много было превосходныхъ людей, что терпѣли наказанія, недостойныя ихъ добродѣтелей, падая подъ тягостью ложныхъ свидѣтельствъ, безчестныхъ доносовъ». Напомнилъ Сократа, какъ тотъ несправедно былъ осужденъ своими, и какъ онъ, хотя и могъ, не хотѣлъ, однако, бѣжать, для того, чтобы отнять у людей страхъ и боязнь самыхъ ужасныхъ для нихъ вещей—смерти и заключенія. Затѣмъ упомянулъ онъ о заключеніи Платона, бѣгствѣ Анаксагора и мученіи Зенона, также и многихъ другихъ несправедливыхъ приговорахъ надъ разными язычниками, объ изгнаніи Румилія, несчастной кончинѣ Бэотія и многихъ другихъ, о которыхъ говоритъ Бэотій.

«Потомъ перешелъ онъ къ примѣрамъ Евреевъ. Сперва указалъ на Моисея, освободителя своего народа и его законодателя, какъ часто клеветали на него свои же, словно на какого обманщика или измѣнника народнаго; на Юсифа, какъ по зависти былъ проданъ братьями, а потомъ, по подозрѣнію въ блудствіи, брошенъ въ оковы; кромѣ того, на Исаію, Даніила и почти на всѣхъ Пророковъ, которыхъ подвергали несправедливымъ приговорамъ, какъ ненавистниковъ Бога, какъ возмутителей народныхъ. Тутъ указалъ онъ и на судъ Сусанны и многихъ другихъ, которые были безукоризненной святости и погибли по несправеднымъ приговорамъ. Наконецъ, перейдя къ Іоанну Крестителю и къ самому Спасителю нашему, сказалъ онъ, что всѣмъ извѣстно, какъ были осуждены они ложными свидѣтелями, ложными судьями; назвалъ и св. Стефана, убиенаго совѣтомъ жрецовъ; говорилъ, что всѣ Апостолы приговорены были къ смерти не какъ добрые люди, а какъ мятежные и дерзкіе возмутители народовъ, ненавистники боговъ и злодѣи. Несправедливо, когда служитель алтаря несправедливо осуждаетъ такого же служителя. Но это, замѣтилъ онъ, бывало. Еще несправедливѣе, когда поступалъ такъ совѣтъ духовныхъ; онъ и это подтвердилъ примѣрами. Но всего несправедливѣе, когда такъ дѣйствовали цѣлые соборы; показалъ, что и это бывало. Обо всемъ этомъ говорилъ онъ краснорѣчиво и увлекательно. Но такъ какъ вся сила дѣла заключалась въ свидѣтельствахъ, то и нельзя было, какъ онъ доказывалъ подробно, никакой давать имъ вѣры, особенно же, когда все это наговорили не изъ исти-

ны, а изъ ненависти, злорадства и зависти. Тутъ объяснилъ онъ и причины этой ненависти такъ, что едва не убѣдилъ ихъ всѣхъ. До того онѣ были вѣроподобны, что если бы дѣло шло не о вѣрѣ, то перестали бы придавать какую-нибудь цѣну этимъ свидѣтельствамъ. Онъ потрясъ умы всѣхъ и склонилъ къ милосердію; прибавилъ, что онъ явился на соборъ добровольно, для своего оправданія; изложилъ свои труды, свою жизнь, благородную и честную. Напомнимъ, что въ старину у величайшихъ мужей въ обычаѣ были споры о предметахъ вѣры, не для потрясенія, но для открытія истины; такъ Августинъ и Иеронимъ во многомъ не соглашались, не только думая розно, но и противоположно, тѣмъ не мѣнѣе не навлекая на себя ни малѣйшаго подозрѣнія въ ереси.

«Всѣ ожидали, что онъ или очистится, отстранивъ обвиненія, или попроситъ прошенія въ ошибкахъ. Но онъ, не желая признаваться въ своихъ заблужденіяхъ, ни отвергать чужихъ клеветъ, прямо началъ хвалить Яна Гуса, недавно преданнаго сожженію; называлъ его мужемъ добрымъ, праведнымъ и святымъ, вовсе недостойнымъ такой смерти. Замѣтимъ, что самъ онъ готовъ твердо и спокойно подвергнуться какой угодно смерти, уступить своимъ врагамъ и столь нагло на него лгавшимъ свидѣтелямъ, которые должны будутъ отдать отчетъ Богу, котораго уже не обмануть имъ. Великая скорбь обняла всѣхъ окружающихъ. Они желали, чтобы такой превосходный человѣкъ былъ спасенъ, если бы только мыслилъ правильно. Онъ же, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, искалъ, казалось, смерти. Хваля Яна Гуса, говорилъ: «Ничего онъ не мыслилъ противъ Церкви Божьей, но противъ злоупотребленій духовенства, противъ гордости, тщеславія и пышности прелатовъ. Такъ какъ духовныя имущества собственно должны идти на нищихъ и сирыхъ, на храмы, то доброму мужу этому и казалась постыдною трата ихъ на блудницъ, на пиры, на содержаніе собакъ, лошадей, на наряды и прочія вещи, недостойныя Христовой вѣры». То былъ мужъ великаго ума. Когда, ловя его мысли, со всѣхъ сторонъ безпрестанно прерывали его рѣчь, то онъ не оставлялъ никого безъ отвѣта, и всѣхъ грома одинаково, заставлялъ ихъ молчать и краснѣть. Когда поднимался шумъ,

онъ умолкалъ на время и тѣмъ смущалъ толпу. Потомъ онъ продолжалъ свою рѣчь, умоляя ихъ именемъ Бога — позволить ему говорить, такъ какъ имъ недолго уже придется его слушать. Мужъ духа твердаго и неустрашимого, онъ не сробѣлъ ни разу предъ этими криками.

«Что за дивная была у него память, можно видѣть изъ того, что онъ 340 дней предъ тѣмъ прожилъ въ грязномъ и темномъ подвалѣ одной башни; на суровость своего заключенія онъ самъ жаловался, говорил, что какъ мужъ, онъ не ропшетъ на эти тяжкія страданія, но только удивляется безчеловѣчю и безжалостности къ нему людей. Въ такомъ мѣстѣ онъ лишенъ былъ всякой возможности что-либо читать, кого-либо видѣть; не говорю уже о тѣхъ ежедневныхъ душевныхъ волненіяхъ, которыя бы должны были убить всякую память. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, онъ привелъ столько мѣстъ изъ ученыхъ и мудрѣйшихъ мужей, изъ Святыхъ Отцовъ, что было бы ужъ очень достаточно, если бы онъ все это время, весь свой досугъ провелъ въ тишинѣ и покоѣ, въ приготовительныхъ занятіяхъ для такой рѣчи. Голосъ его былъ пріятный, полный, звучный, съ особеннымъ достоинствомъ ораторскихъ движеній; какъ въ выраженіи негодованія, такъ и въ пробужденія жалости, которой впрочемъ онъ и не ожидалъ и не искалъ. Былъ онъ неустрашимъ и смѣлъ, не только не боялся смерти, но даже искалъ ея. Сказалъ бы, что то былъ второй Катонъ. О, мужъ достойный вѣчной памяти (*O, virum dignum memoria hominum sempiterna*). Не хвалю, если что мыслитъ противъ уставовъ Церкви, дивлюсь его учености, образованію, краснорѣчію, остроумію отвѣтовъ; но боюсь, не даво ли ему все это природою на его гибель.

«Затѣмъ ему дали два дня на покаяніе. Между тѣмъ, къ нему приходило много ученѣйшихъ мужей, чтобы разубѣдить его въ его мнѣніяхъ. Такъ былъ у него и кардиналъ Флорентинскій, уговаривалъ его обратиться на путь истины. Но такъ какъ онъ неотступно оставался при своихъ заблужденіяхъ, то и былъ осужденъ соборомъ въ ереси и преданъ сожженію. Съ яснымъ челомъ, съ веселымъ, улыбающимся лицомъ пошелъ онъ на смерть. Не боялся ни огня, ни мученій, ни смерти. Никто изъ

стойковъ никогда не переносилъ смерти съ такимъ твердымъ духомъ, какъ онъ искалъ ея. Когда онъ пришелъ къ мѣсту казни, то самъ снялъ съ себя одежду, и, павши на колѣна, сталъ молиться передъ столбомъ, къ которому онъ нагой былъ привязанъ мокрыми веревками и цѣпью. Потомъ обложили его по самую грудь полѣньями, не мелкими, а большими, наклавъ между ними соломы. Какъ только показалось пламя, онъ началъ пѣть гимнъ, который прерывали дымъ и огонь. Главнѣйшимъ доказательствомъ его твердости духа можетъ служить слѣдующее обстоятельство: когда палачъ хотѣлъ зажечь у него сзади, чтобы онъ не видѣлъ огня, то онъ сказалъ: «Пойди сюда, зажги предъ лицомъ моимъ; если бы я боялся твоего огня, то никогда бы не явился сюда». Такъ погибъ этотъ необычайный человекъ (*vir praeter fidem egregius*). Я видѣлъ его кончину, слѣдилъ за всѣмъ дѣломъ. Дѣйствовалъ ли онъ такъ по безвѣрью или по непреклонности, конечно, ты скажешь, что то былъ истинный философъ. Пользуясь досугомъ, рассказалъ я тебѣ длинную повѣсть. Ничѣмъ не занятый, я хотѣлъ что-нибудь сдѣлать и передать тебѣ рассказъ, напоминающій древнихъ. Муцій съ такимъ мужествомъ не держалъ одной руки своей на огнѣ, какъ этотъ всеглаго. Сократъ не такъ охотно принялъ яду, какъ онъ выдержалъ огонь. Но довольно. Прости мое многословіе. Самый предметъ требовалъ однако болѣе подробнаго разказа». Писано въ день казни Іеронима. (*Von der Hardt Magnam Oecumenicum Constantiense Concilium III, 64—71*). Справедливо замѣчаетъ Палацкій: «Tento vyšší povahy duch, jenž wida umirati oswíceného řečníka pro wíru swau a zapominaje se co theolog, patřil okem filosofowým' na wýjew takowý, nakreslil a pozůstawił nam žiwý o něm obraz, slaužící ke cti popisowateli neméně nežli popisowanému, an skutečně nejedním rázem upomíná na weliké muže starého swěta». Судя по Поджіо, можно смѣло предполагать, что немало на соборѣ было лицъ, которые мысленно совершенно убѣдились доводами великаго Чеха и перешли на его сторону.

VII.

Жишка († 1424 г.), за исключеніемъ немногихъ, весьма дурно понимаемый западными писателями, только искуснымъ перомъ Палацкаго, одного изъ замѣчательнѣйшихъ историковъ XIX столѣтія, представленъ въ истинномъ своемъ видѣ, съ своими темными сторонами и съ своими великими достоинствами, пріобрѣтшими ему полное право на всемірную извѣстность. Имѣя въ виду большинство читателей, я полагаю нелишнимъ, при томъ громадномъ невѣдѣніи, которымъ мы такъ богаты, относительно Славянскоіи исторіи особенно, приведеніе нѣсколькихъ словъ Палацкаго, наиболѣе характеризующихъ человека, котораго выслали изъ среды своей народъ Чешскіи на кару и мщеніе Римско-Нѣмецкому міру за сожженіе Гуса и Иеронима, на защиту ихъ ученія и на спасеніе чести и добраго имени, какъ своихъ, такъ и всего міра Славянскаго. Жишка самъ выражалъ, что онъ поднялся за освобожденіе не только правды закова Божьяго, но также и народа Чешскаго и Славянскаго (pro wyzwoleni netoliko prawdy zákona božího, ale zvlášť také jazyka českého i Slowanského). Палацкій вполне основательно назвалъ его однимъ изъ первыхъ панславистовъ. Преданный всей душою своей вѣрѣ и своимъ убѣжденіемъ ученію Гуса (несправедливо прежде называли Жишку аборитомъ¹, Жишка не только считалъ ихъ едиными истинными и спасительными, но и требовалъ, чтобы всѣ другіе имъ слѣдовали. Иначе онъ этихъ людей не уважалъ, считалъ ихъ *неживыми*. Всегда суровый и одержимый нетерпимостію до фанатизма, требовалъ отъ себя и отъ другихъ, горячей ревности къ дѣламъ любезнымъ Богу. Набожность его не жила въ одномъ чувствѣ, а безпрестанно искала проявленія въ жизни. «Законъ Божій, говоритъ Палацкій, былъ у него призывнымъ знакомъ къ битвѣ; за него являлся онъ грознымъ мстителемъ; во имя его онъ былъ немилосердъ со всѣми, кто не былъ живъ по его мнѣнію. Особенно страшно и грозно каралъ онъ лица духовныя, мо-

наховъ, потому что въ его глазахъ они, обязанные сѣять добродѣтелями передъ народомъ, были величайшими грѣшниками, ханжами и лицебрами. Терпимость, уступчивость были добродѣтелями ему незнакомыми; всякая двойственность, мягкость, нецѣлость и вершительность казались ему мерзостями передъ Господомъ. Оттого на каждое примиреніе съ непріателемъ онъ глѣдѣлъ съ негодованіемъ; но если разъ ему что обѣщаль, то всегда заботился объ исполненіи даннаго слова». Во все не сочувствуя аборитамъ, совершенно отвергавшимъ личную собственность и преданнымъ всепоглощающему деспотизму нивелированія, Жижка питалъ однако глубокую ненависть ко всякимъ неестественнымъ преимуществамъ однихъ сословій и состояній передъ другими. Ненавидя феодальное дворянство и никогда особенно не жалуя Нѣмцевъ, издавна державшихся духа кастъ, онъ тѣмъ сердечнѣе прильнулъ къ Славянству, тогда еще не тронутому въ этомъ отношеніи. Еще до смерти Гуса братался онъ съ Поляками, ходилъ помогать имъ противъ Нѣмецкихъ крестоносцевъ, всегда носилъ Польскій нарядъ и, сначала недовѣрчивый къ Русскому князю Сигизмунду Корибутовичу, подозрѣвая въ немъ честолюбивые замыслы, убѣдившись въ его искренности, онъ бывалъ потомъ съ Русскими необыкновенно ласковъ, иначе и не называлъ Сигизмунда какъ сыномъ, который въ свою очередь всегда величалъ его *батюшкой*. Въ своемъ уставѣ воинскомъ онъ неоднократно настаиваетъ на томъ, что не должно обращать никакого вниманія, ни на сословія, ни на состоянія, что сотники изъ простаго народа бываютъ лучше многихъ дворянъ. «Жижка обладалъ необыкновеннымъ даромъ краснорѣчія¹, но совѣмъ лишенъ былъ того духа, съ которымъ Римляне и Нѣмцы умѣли добывать и утверждать за собою господство надъ народами; былъ Славяниномъ и въ этомъ отношеніи. Этотъ недостатокъ его былъ бы исправленъ Микулашемъ изъ Гуси. Предводимые Жижкой, Чехи умѣли побѣждать, но не умѣли пользоваться своими

1. Отомъ свидѣлствуютъ и сочиненія его, такъ зывалъ онъ къ Домажличанамъ: «Pomniéte na váš prvni boj, ježto ste mali proti velikým, nemnozi proti malým, neoděni proti oděným statečně bojowali: však ještě ruka boží není krasena» и пр.

побѣдами для цѣлей политическихъ. Эней Сильвій разказываетъ, что Сигизмундъ, видя вліяніе, которымъ пользуется Жижка, задумалъ подкупить его и привлечь на свою сторону, для того, чтобы чрезъ него завладѣть королевствомъ». «Не удивительно, говоритъ Палацкій, что явилось такое предположеніе; Сигизмундъ, зная, что Жижка служилъ нѣкогда при дворѣ его брата, могъ воображать о немъ, что онъ былъ придворнымъ, какъ и всякой придворный: но надо вовсе не понимать его характера, чтобы заподозривать его вѣрность. Если бы Жижка искалъ богатства и стремился къ преобладанію надъ Чехами, то достигъ бы того и другаго и противъ воли Сигизмундовой. Но онъ былъ упорнымъ фанатикомъ, никогда не заботившимся о собственномъ успѣхѣ, не искалъ ни богатствъ, ни власти, ни славы. Побѣдитель въ столькихъ битвахъ и предводитель неодолимаго войска, онъ всегда довольствовался простымъ названіемъ *брата*, какъ назывался каждый въ его войскѣ и, всегда умѣренный, померъ такимъ же бѣднякомъ, какимъ жилъ. Младшій его братъ Ярославъ изъ Трочнова и по смерти его не вышелъ изъ ряда обыкновенныхъ паншей; тетка его Анна еще въ 1428 г. получала пособіе отъ Пражской общины.

Несправедливо также мнѣніе, отвергавшее въ немъ всякое литературное образованіе. Издавна приписываютъ ему извѣстную военную пѣснь Таборитовъ: «Kdož jste boží bojovníci a zákona jeho» и т. д. У Таборитовъ, не исключая и женщинъ, каждый умѣлъ читать и писать. Разумѣется, ято Жижка содержалъ при себѣ особую канцелярію, необходимую для порядка. Сомнительно, зналъ ли онъ по Латыни, хотя судя по Өомѣ Штитному, нѣтъ ничего въ этомъ невѣроятнаго, тѣмъ болѣе, что онъ служилъ при дворѣ королевскомъ.

Какъ полководецъ блистаетъ Жижка въ ряду тѣхъ славныхъ и рѣдкихъ во всей исторіи военачальниковъ, которые могли гордиться тѣмъ, что, выдержавъ безчисленное количество большихъ и малыхъ сраженій, никогда не испытывали пораженій и по всѣмъ правамъ слывать за непобѣдимыхъ¹. Удивленіе наше

1. О томъ писалъ еще въ XV в. (1477—1483 г.) бывшій нѣкогда Генуезкинъ дожъ Джіов. Баттиста Фрегго (Fulgovius) въ слѣд. словахъ: «Qui, armis in eo

растетъ, когда припоминаемъ, что непріятели значительно превосходили его и числомъ, и вооруженіемъ, что онъ самъ, создавъ себѣ войско такъ сказать изъ ничего, не только поражалъ имъ военную силу нѣсколькихъ государствъ и народовъ вмѣстѣ, надолго сдѣлалъ своихъ земляковъ народомъ, если не самымъ воинственнымъ, за то рѣшительно непобѣдимымъ въ Европѣ¹. Результатомъ этого было обстоятельство почти невѣроятное, нигдѣ въ исторіи невиданное и неслыханное, что многочисленныя войска, предводимыя лучшими полководцами своего времени, не дожидаясь даже нападенія Чеховъ, кидались въ бѣгство, и цѣлая Европа, послѣ многихъ и кровавыхъ битвъ, не одолевшая народа Чешскаго, сама наконецъ признала и провозгласила себя побѣжденною.

Но и это чудо, по обыкновенію, произошло путемъ естественнымъ. Жижка замѣнилъ высшимъ военнымъ искусствомъ то, что недоставало ему въ силѣ. Каждый поступательный шагъ въ искусствѣ всегда совершается дарованіемъ людей практическихъ, которые притомъ всегда бываютъ связаны современнымъ состояніемъ техники вообще; послѣ нихъ уже теорія пристально изучаетъ тѣ законы, которые до того открыты были одному гениальному инстинкту. Это подтверждается и примѣромъ Жижки. Не его вина въ томъ, что огнестрѣльное оружіе въ его время не имѣло такого значенія, какъ въ наши дни; ему оставалось воспользоваться только тѣми средствами, которыми располагала тогдшняя механика. Такъ, имѣя противъ себя хорошо вооруженныя войска феодалныя, а подъ рукою свою по большей части ремесленниковъ и поселянъ, мало привыкшихъ къ оружію, долженъ былъ бороться съ тѣми орудіями, которыя имѣлъ, а не съ

---

prorsus luminis incommoda atque alia ex parte rerum quas coecus gessit magnitudinem pensare voluerit, tantum Hannibali Sertorioque, altero tantum oculo captis, eum praepositurus est, quantum ipsi propter lumen ei qui prorsus coecus erat, praeposendi viderentur. Hac enim gloria (quae ingens ac rara est) decessit, quoddam vixit, maximis proeliis victor, numquam ab hoste superatus fuit. Qui non minus cum natura certasse putari debet, quam senior Marius aut Scaeva etc. (См. Cochlæus ad ann. 1427).

1. По поводу Гуситскихъ побѣдъ самъ Эней Сильвій выразился: Quis Bohemico nomine non invidet, cujus victorias tempestate nostra plures rumerare licet, quam reliquae gentes omnibus seculis comparare potuerint? (Hist. Boh. cap. 88).

которыми бы желалъ. Если бы Жижка жилъ въ наше время и стоялъ бы во главѣ благоустроеннаго войска, то его несравненный геній внушилъ бы ему изобрѣтеніе средствъ, приспособленныхъ къ нашему вѣку и его потребностямъ. Весь его способъ веденія войны былъ строго рациональный, а главная его особенность состояла въ тонкомъ изученіи природнаго положенія поля битвы и въ искусномъ имъ пользованіи. Битвы его бывали по большей части оборонительныя: онъ никогда не вступалъ въ сраженія, не съискавъ предварительно для него такою мѣста, гдѣ бы природа или сама почва служила сильнѣйшимъ его союзникомъ.

Жижка, высвободясь изъ средневѣковыхъ неурядковъ, сталъ, если не изобрѣтателемъ, то, по крайности, первымъ представителемъ ново-Европейской тактики. Сила войска его состояла уже не въ конницѣ, а въ пѣхотѣ и въ соединенномъ съ нею огненномъ боѣ (артиллеріи); онъ былъ первымъ, который завелъ въ своемъ войскѣ упражненія въ искусныхъ и стройныхъ поворотахъ и движеніяхъ. Войско его, строго размѣренное и членораздѣльное, всегда составляло одно органическое цѣлое и уже очень давно уподоблено было живому и непреодолимому чудовищу, всегда движущемуся по одной волѣ во всѣхъ своихъ членахъ и оконечностяхъ.

Чешская письменность пятнадцатаго столѣтія сохранила намъ богатую военную терминологию, которую, однако, мы теперь понимаемъ только отчасти¹. Изъ оружія употреблялись наиболѣе, кромѣ мечей, копей и самострѣловъ или древнихъ кушей (*kuši*), — *цѣпы*, *пальцаты*, *сулицы* (*sudlice*), *оштинны*, а для обороны *павезы* (*rawézu*), различныя *ручницы* (ружья) и *дѣла* или *пушки*, называвшіяся смотря по виду и употребленію своему, разными именами, какъ-то *гауфницы*, *гарцовницы*, *срубницы* и *гаковницы*. Умалчиваемъ объ осадныхъ орудіяхъ. Какъ въ конницѣ, такъ и въ пѣхотѣ были различныя разряды воиновъ, смотря по оружію — *стрѣльцы*, *цѣпники*, *копейники*, *суличники*, *павезники* и т. д., смотря по положенію и мѣстамъ — *страценцы*

1. «Objasnění zastaralých názvů ve válečném umění Čechů XV-ho století», ст. г. Буравъ въ *Časop. Česk. Mus.* г. 1836, I, str. 40 — 57, — далеко не все объяснила.

и *копелерки, зонцы, посилицы* (posilci), *гарцовники, возники и возатаи* (wozatajowé), *пищовники, працата* (pračata), *ряды вальные* (дѣйствующие), *ряды излишніе, резервные* (zbytні) и т. д. *Возы*, одна изъ самыхъ основныхъ частей Жижеккина табора, дѣлились также на *возы боевые* (bojowné), либо *крайные* (krajni), либо *пліцные* и *возы кормовые, фуражные и коморные* (pisni a komorni) и т. д. Обыкновенно на каждую тысячу вооруженныхъ Гуситовъ полагалось девять сотъ пѣшихъ, сто человекъ конныхъ и притомъ пятьдесятъ боевыхъ повозокъ; на одну боевую повозку требовалось одного возничаго, двухъ конныхъ, четырехъ павезниковъ и тринадцать стрѣльцовъ. Всѣ эти части имѣли въ таборѣ Жижеккиномъ свои опредѣленные мѣста и свое особенное назначеніе, какъ при стоянкѣ войска, такъ и въ походѣ, и преимущественно въ сраженіи, такъ что онѣ походили на члены живаго тѣла, покрытаго подвижными крѣпостями. Само собою разумѣется, что здѣсь были на готовѣ и всѣ ремесленные снаряды для проложенія дорогъ, для починки возовъ, для устройства фашивъ и бастионовъ.

Объ употребленіи боевыхъ возовъ въ Чехахъ еще передъ воеводствомъ Жижекки, узнаемъ мы изъ военной инструкціи, которую приказалъ король Вацлавъ въ 1413 г. написать своему полкоморію Гайкѣ изъ Годетина¹, но не далъ ли къ тому повода самъ Жижекка, придворный и любимецъ короля? Что однако эти *подвижныя укрѣпленія* (hradby wozowé), которыми онъ побѣждалъ, были его собственнымъ изобрѣтеніемъ, о томъ единогласно свидѣтельствуетъ древность, хотя извѣстно, что нѣкогда употребляли ихъ и Римляне. Эти укрѣпленія обращали таборъ Жижеккинъ, гдѣ бы онъ ни находился, въ искусственную крѣпость, тѣмъ важнѣйшую, что она была подвижная и служила не только къ защитѣ и оборонѣ, но и къ отступленію и бѣгству. Боевыя повозки всегда растягивались въ ряды, одна за другою, и связывались между собою цѣпами; такихъ рядовъ бывало обыкновенно четыре, два крайнихъ и два плацныхъ, а иногда больше или меньше, смотря по потребности; крайніе ряды спереди и сзади были продолжены такъ-называемыми

1. Напечатана въ *Čas. Česk. Mus.* 1828. I, str. 29—38.

«крыльями» (okřidli), которыми могли смыкаться въ случаѣ нужды; отъ непріятеля онѣ закрывались всякими досками и террасами, а ихъ возничіе щитами, и въ каждой повозкѣ было по одной или по нѣсколку пишалей (hakownic). Все войско, весь провіантъ, арьергардъ, даже жены и дѣти имѣли свои назначенныя мѣста внутри повозокъ; только конница обыкновенно слѣдовала рядомъ съ ними, однако въ случаѣ сильнаго наступленія непріятеля она тоже пряталась за укрѣпленія. Всего болѣе ловкости требовалось отъ возничихъ, для того, чтобы быстро постраиваться по данному вождемъ знаку. Таковы были главныя особенности Таборцевъ, которыми такъ много удивлялись иностранцы.

Современный писатель Эней Сильвій оставилъ намъ, если и не подробную, то довольно живую и ясную картину военного быта Таборцевъ и Сиротокъ. «Съ женами и дѣтьми, говоритъ онъ, проживали они въ войскѣ и въ полѣ, имѣя у себя множество повозокъ, которыми укрѣплялись они точно валомъ и стѣнами. Когда же приготовлялись они къ битвѣ, то изъ этихъ повозокъ устраивали два ряда и въ срединѣ ихъ помѣщали пѣхоту, конницу неподалеку впереди возовъ. Приготовляясь вступить съ непріателемъ въ битву, возничіе, управлявшіе повозками, быстро, по данному гетманомъ знаку, объѣзжали часть войска непріятельскаго и тотчасъ же собирались въ массѣ. Непріатели, въ располхъ застигнутые и окруженные повозками, лишеныя всякой помощи и защиты отъ своихъ, падали подъ мечемъ пѣшихъ или подъ стрѣльбою и копьями тѣхъ, что были въ повозкахъ, женъ и дѣтей. Конница была впереди повозокъ; когда непріатель сильно на нее напиралъ, тогда, отступивъ, она скрывалась между повозками, и защищалась оттуда, какъ будто со стѣнъ крѣпости. Такимъ образомъ они много сраженій выиграли, много побѣдъ одержали, потому что окрестные народы не знали такого рода войны, а земля Чешская, широкая равнина, весьма удобна для такихъ движеній и оборотовъ повозокъ.

Въ Гуситскія войны вообще весьма много употребляли всякаго рода пушки и порохъ не только Чехи, но и ихъ непріатели. Артиллеристы Чешскіе, кажется, превосходили тогда всѣхъ своимъ искусствомъ; тѣмъ не менѣе Чехи всегда на полѣ битвы такъ

старались встать, что неприятели обыкновенно перестрѣливали ихъ таборъ.

Другое преимущество Чешскаго войска состояло въ быстротѣ и скорости походовъ и всего его движенія. Тогдашняя медленность и неповоротливость войска, въ особенности Нѣмецкаго, часто бывала причиною, что Чехи настигали ихъ совершенно въ располхъ. Когда наприм. приходилось Нѣмцамъ защищать какое-нибудь мѣсто въ собственной своей землѣ, то обыкновенно случалось, что прежде, чѣмъ успѣютъ они собраться къ оборонѣ, Чехи, быстро овладѣвши имъ, сами раньше еще ихъ укрѣплялись въ немъ.

Ослѣпленіе Жижки принесло Чехамъ ту пользу, что его воинское искусство въ большей мѣрѣ перешло на его подгетмановъ или адъютантовъ. Принужденный смотрѣть ихъ глазами, тѣмъ лучше научилъ онъ ихъ обращать вниманіе на всѣ тѣ выгоды, которыя доставлялись природою и мѣстными обстоятельствами, или опытностью въ размѣреніи и въ разстанапливаніи потребныхъ для боя силъ. Хотя онъ и не могъ передать имъ собственной своей геніальности, которая богатствомъ простыхъ и всегда легкихъ средствъ превосходила всякія теоріи, однако въ каждомъ дѣлѣ и особенно въ ратномъ, поле теоріи такъ пространно, что никакой геній не можетъ вовсе безъ нея обойтись; при семъ сущность дѣла не измѣняется ни въ коемъ случаѣ, распространяется и воздѣлывается ли теорія простымъ примѣромъ, или устнымъ преданіемъ, или наконецъ письменностью. Чехи въ пятнадцатомъ столѣтіи вообще считались первыми учителями ратнаго дѣла, особенно на востокѣ Европы, гдѣ все военное устройство Таборцевъ удержалось въ употребленіи до XVII ст., именно у Козаковъ Польскихъ и Русскихъ»¹.

1. О военномъ искусствѣ Чеховъ отмѣтили мы особенное разсужденіе въ *Časop. Česk. Mus.* 1828, II, 3 — 11. Тамъ же издаво (по старой рукоп.) наставленіе Вацлава Волчка королю Владиславу «*čterak sa maji šikovatí jizdni, pěši i wozy*» (стр. 12—24). Объяснилъ это г. Буріанъ—тамъ же (1836 г.) и г. Воцель въ приложеніяхъ къ позмѣ своей «Мечъ и Чаша» (въ Прагѣ 1843 г.) на стр. 200 — 209. Последний указываетъ тамъ на Польскую поговорку: «*Co Polak, to pan, co Czech, to hetman.*» Нынѣшнее Европейское слово «*pistol*» есть старочешское пищаль *píšťala*—саппа, Rohr). Какъ рано обратили вниманіе на военное искусство Жижки и стали выводить изъ него настоящія правила, тому служить доказательствомъ монографія о походѣ Жижкиномъ въ Уграхъ 1423 г.; помѣщенное въ Старыхъ Лѣтописяхъ Чешскихъ, стр. 57—61. Къ сожалѣнію въ этомъ сочиненіи не все намъ понятно.

VIII.

Исторія Славянъ въ Испаніи, будучи собственно исторіею охочихъ, вольныхъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей изъ южныхъ Славянъ, представляетъ въ наукѣ предметъ понынѣ весьма мало разработанный; поэтому, вслѣдъ за Нибуромъ и Гротомъ, приписывая въ изученіи исторіи огромное и вполнѣ подобающее значеніе объясненіямъ аналогическимъ, и особенно почерпаемымъ изъ жизни народовъ соплеменныхъ, я полагаю вовсе не лишнимъ, особенно при настоящихъ нашихъ свѣдѣніяхъ въ Славянской исторіи, приведеніе о военныхъ братствахъ Чешскихъ XV в. нѣкоторыхъ данныхъ и подробностей, заимствованныхъ мною изъ великаго труда Палацкаго, далеко, къ сожалѣнію, не пользующагося у насъ тою извѣстностью, которой вполнѣ заслуживаетъ со стороны насъ, Русскихъ, для нашей собственной же пользы. Подобно тому, какъ по смерти Гуса и Иеронима чрезвычайно размножились въ Чехіи и Моравіи секты религіозныя, такъ по смерти незабвенныхъ предводителей Жижки и Прокопа Великаго быстро стали возрастать и военныя роты Чешскія. Изъ Чехіи XV в., въ отношеніи и религіознаго образованія¹ и военного искусства, превосходившей всѣ современныя Европейскія общества, распространялись въ Европѣ на востокъ и на западъ и новыя религіозныя, соціальныя и политическія ученія и новый способъ войны, изобрѣтенный гениальнымъ слѣпцомъ Жижкою. 4 Мая 1427 г. сеймъ Франкфуртскій постановилъ, чтобы въ устройствѣ войска и въ веденіи войны Нѣмцы подражали при-

1. Объ умственномъ и религіозномъ образованіи Германіи того времени см. замѣчательное сочиненіе г. Новикова: «Гусъ и Лютеръ». Итальянецъ и весьма расположенный къ Чехамъ, Эней Сильвій такъ однажды выразился про Таборитовъ: «perfidum genus illud hominum hoc solum boni habet, quod literas amat»; и также: «Pudeat Italiae sacerdotes, quos ne semel quidem novam legem constat legisse; apud Taboritas vix mulierculam invenias, quae de Novo Testamento et Veteri respondere nesciat».

мѣру Чеховъ. Въ войскахъ Чешскихъ было не мало иностранцевъ, которые, обучившись, употребляли потомъ свою науку противъ Чеховъ. Баварскій совѣтникъ, Мартинъ Майеръ, въ письмѣ своемъ къ Григорію Геймбургу отъ 1467 г. писалъ, между прочимъ, что Чехи самые искусные войны, и что отъ нихъ, какъ ручьи изъ источника, распространяются военныя силы по другимъ землямъ. Военныя силы Таборитовъ и Сиротокъ по смерти Жижки составляли какія-то самостоятельныя, крѣпко организованныя общества, подчиненныя своимъ собственнымъ законамъ. Еще въ 1429 г. императоръ Сигизмундъ помышлялъ объ искорененіи этихъ братствъ, которыя у Нѣмцевъ слыли подъ именемъ *Vöberei*. Въ 1436 г., вступивши въ Чехію королемъ, онъ сталъ нанимать ихъ противъ Турокъ, для того, чтобы удалить изъ Чехіи. Такимъ образомъ попали первыя Чешскія роты, какъ поселенцы, въ Угры. Король Албрехтъ слѣдовалъ его примѣру, а по смерти его († 1439 г.) эти Чешскія роты стали главною опорою Австрійской стороны въ Венгріи. Но не только въ Угры приглашаемы были войска Чешскія, но и въ Германію, въ Пруссію, Польшу, Литву и Русь, такъ что, замѣчаетъ Палацкій, не было, кажется, ни одной войны въ тогдашней Европѣ средней и восточной, въ которой бы не участвовали Чехи въ большемъ или меньшемъ количествѣ, часто съ обѣихъ сторонъ, или какъ предводители и учителя, или какъ наемники. Не мало Чеховъ прибрѣтало себѣ тогда въ чужихъ краяхъ богатства и значенія, достигало высокихъ званій и почестей; иные даже пытались основать военною силою независимыя государства на чужбинѣ, одни, какъ напр. Младавекъ, въ духѣ монархическомъ, другіе въ демократическомъ, какъ напр. Швегла и пр.

Изъ этихъ кондотьеровъ Чешскихъ упомянемъ о тѣхъ, которые наиболѣе заслуживаютъ извѣстности. Прежде всего указать слѣдуетъ на *Микулаша Сокола изъ Ламберка*, одного изъ старѣйшихъ сослуживцевъ Жижки и перваго по его смерти главнаго гетмана Сиротковъ. Мѣсто это однако онъ занималъ очень короткое время и въ томъ же 1424 г. передалъ его любимѣйшему вождю Жижки — Куншѣ изъ Бѣловицъ, а самъ присталъ къ сторонѣ королевской. Исторія находитъ его въ 1441 г. въ

Венгріи въ числѣ главнѣйшихъ совѣтниковъ королевы Елисаветы. Въ то же время на службѣ у короля Польскаго находились *Янъ Чапекъ изъ Санъ* и *Янъ-Колда изъ Жампаха*. О первомъ, какъ о гетманѣ королевскомъ, упоминается только до 1442 г. Второй сперва служилъ въ Уграхъ въ 1442 и 1443 г., а потомъ въ 1445—57 г. въ Польшѣ и на Руси. Его рота, заведенная въ Пруссію, возмутилась противъ короля Казимира за неуплату жалованья и была усмирена только около Духова дни, въ 1458 г.

Въ извѣстной войнѣ 1454 г. въ Пруссіи между Нѣмецкими крестоносцами и королемъ Польскимъ весьма много Чеховъ принимали большое участіе и съ той, и съ другой стороны. На службѣ у Нѣмцевъ верховными гетманами состояли *Бернартъ изъ Цимбурка* и *Ольдрихъ Червенка изъ Ледець*. У нихъ въ качествѣ ихъ ротмистровъ состояли *Микулашъ изъ Волфартиць* (Wolfersdorf), *Янъ изъ Выгнаницъ*, *Пуркартъ изъ Яновиць* и *Хлумца*, *Ринартъ изъ Кештранъ*, *Фридманъ Панциръ изъ Смойна*, *Пуркартъ Нахвалъ* и пр. Особенныя услуги оказалъ Ордену панъ Бернартъ, сынъ нѣкогда весьма извѣстнаго минцистра, друга Гусова, а позже ревностнаго католика, Микши Дивучка изъ Емницъ, панъ на Шумбергѣ и Новыхъ Градахъ въ Моравіи. Нанявшись къ крестоносцамъ, кажется, въ 1450 г., онъ не только оставался ему вѣренъ, когда отъ объединенія Ордена пересталъ получать жалованье, но даже распродалъ свои имущества въ 1455 г. для того, чтобы помочь крестоносцамъ. Ему обязаны были Нѣмецкіе рыцари славною своею побѣдою при Хойницахъ, 18 сент. 1454 г. Съ той поры онъ всегда былъ главною и часто единственною опорой упавшаго Ордена до самой своей смерти († 4 янв. 1470 г.). Палацкій замѣчаетъ, что многочисленные его подвиги заслуживаютъ особаго и подробнаго описанія, а мы прибавимъ, что появленіе особой о немъ статьи на Русскомъ языкѣ тѣмъ желательнѣе для насъ Русскихъ, что мы сами въ свою очередь неоднократно призывали и брали къ себѣ въ службу разныхъ знающихъ людей изъ Нѣмцевъ, изъ коихъ нѣкоторые имѣли случай принести большую пользу нашему отечеству, подобно тому, какъ соплеменники наши Чехи, Поляки, Лужичане, Хорваты и Сербы — Германіи. Впрочемъ, Червенка и его ротмистры вели себя съ рыцарями иначе, чѣмъ

Бернартъ, и болѣе его походили на настоящихъ кондоттьеровъ и наемниковъ. 9 октября 1454 г. заключили они съ великимъ магистромъ договоръ, по которому выговорили себѣ право въ случаѣ неуплаты имъ въ извѣстный срокъ жалованья, распоряжаться городами и замками со всѣми ихъ принадлежностями, какъ своимъ собственнымъ добромъ. Орденъ никогда конечно не ожидалъ, чтобы Червенка, послѣ долгихъ переговоровъ увидавъ, что Крестоносцамъ не выплатить своего долга, дѣйствительно продалъ Полякамъ значительное количество мѣстъ и замковъ, наконецъ (4 июня 1457 г.) и самый Марбургъ, главное мѣсто пребываніе Нѣмецкаго ордена, а потомъ и самъ перешелъ на сторону къ Казимиру; не всѣ однако роты послѣдовали примѣру Червенки: иныя изъ нихъ, подобно пану Бернарту, остались вѣрны Ордену, такъ что и по заключеніи Торунскаго мира (19 октября 1466 г.), по которому Нѣмецкое рыцарство признало надъ собою верховную власть короля Польскаго, упоминаются Чешскія роты на службѣ у крестоносцевъ. Въ послѣдствіи времени, получившій въ даръ отъ короля Казимира большія имѣнія, по неизвѣстнымъ причинамъ Червенка попалъ въ Чехію въ темницу, изъ которой освободилъ его король Юрій только въ 1462 г., снисходя на неоднократныя просьбы Казимира. Онъ умеръ въ Польшѣ въ началѣ 1465 г.

Въ Польшу наемниковъ Чешскихъ стали особенно призывать съ 1454 г. послѣ несчастной Хойницкой битвы, но Польскіе воеводы не позволяли имъ занимать первыхъ мѣстъ. Отъ того, быть можетъ, и осталось объ нихъ очень мало извѣстій. Чешскіе гетманы Вацлавъ Кавка изъ Собесукъ, Микулашъ Жакъ изъ Своборовицъ, Александръ Канаукъ изъ Смиржицъ, Янъ Мержичка изъ Кърговѣ и др. тѣмъ заслужили особенную извѣстность, что за неуплату имъ жалованья возмутились въ 1457 г. противъ короля, изъ городовъ Жебрача у Освѣтина и Вапеной горы у мѣстечка Мыслимицъ затѣяли они войну съ цѣлымъ королевствомъ и чудеснымъ образомъ разбили 60-ти тысячное войско, нарочно противъ нихъ посланное, такъ что Поляки рѣшились заплатить имъ свой долгъ.

Но главнѣйшимъ поприщемъ дѣятельности Чешскаго козачества все-таки была земля Угорская. О первыхъ двухъ пред-

водителяхъ Чешскихъ осталось очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что первымъ изъ Чеховъ, вступившихъ на службу къ Венгерской королевѣ Елисаветѣ, былъ Янъ Шмикаускій изъ Ждяра, именно въ 1440 г. Въ первый разъ съ войскомъ Сиротокъ проникъ онъ въ Венгрію еще въ 1431 г. Къ нему вскорѣ присоединился другой предводитель Чешскій Индрихъ Чечекъ изъ Пакомержиць.

Но изъ всѣхъ тогдашнихъ воителей Чешскихъ заслуживаетъ особеннаго вниманія Янъ Искра изъ Брандейса, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ людей своего времени. Венгрія была главнымъ поприщемъ его дѣятельности. Неизвѣстно навѣрно мѣсто его рожденія: одни называютъ его Мораваниномъ, другіе Чехомъ. Въ письменныхъ актахъ впервые упоминается о немъ подъ 1436 г.; ничего не знаемъ и объ его предкахъ. Въ молодости своей онъ служилъ въ военной службѣ въ Италіи и даже за моремъ (*ba i w zámoří*), прѣ Сигизмундѣ онъ прибылъ въ Венгрію и оказалъ тамъ великія услуги преемнику его, королю Албрехту. Въ концѣ 1440 г. королева Елисавета поручила ему верховную власть и высшее начальство въ краяхъ Податранскихъ; онъ самъ долженъ былъ собрать и вооружить войско. Мѣста, на которыя простиралось его вліяніе, были слѣдующія: Кошица, Лѣвочъ, Бардіевъ, Кремница, Штявница, Быстрица, Нова Баня, Пуканецъ и Либетовъ; Прешовомъ и Кежмаркомъ овладѣлъ онъ въ послѣдствіи также, какъ и многими лежащими между ними городами и замками; въ Тернавѣ, въ Нятрѣ и Тренчинѣ содержалъ онъ свои гарнизоны. Такимъ образомъ онъ былъ не только военачальникомъ, но и политическимъ правителемъ подчиненнаго ему края; въ веденіи войны онъ слѣдовалъ примѣру Жижики, однако не рабски, а отличался своими особенностями¹, которыхъ впрочемъ опредѣлять въ точности нельзя, по словамъ Палацкаго. Ему приписываютъ то неразумное правило, что побѣдоносное войско никогда ни въ чемъ не чувствуетъ недостатка, а кормится мечемъ. Люди его заводили

1. Въ доказательство сего Палацкій указываетъ на слѣдующія слова Григорія Геймбурга изъ его письма (20 февр. 1467 г.) къ Георгу Штейну въ Ракусы: «ferunt te, postquam Boemicas partes assumpseris, alterum factum esse Giskram, ita quod perillustrare soles gregem tuum».

такъ называемые «таборы и посадки», т. е. крѣпостцы, изъ которыхъ они властвовали надъ цѣлою окрестностью, налагали на поселянъ оброкъ и работу для своихъ нуждъ, защищались противъ нападений непріятельскихъ. Изъ Чехіи и Моравіи къ Искрѣ приходило много мирныхъ поселенцевъ, коихъ потомки сохранились въ этомъ краѣ до настоящаго времени. Смуглый, невысокаго роста, всегда веселый, Искра былъ жестокъ, отваженъ и предприимчивъ, щедръ до расточительности, особенно съ войскомъ, любилъ во всемъ роскошь. Энной Сильвій самъ былъ очевидецъ перваго свиданія его съ королемъ Ладиславомъ, осенью 1445 г., когда послѣднему было еще только шесть лѣтъ. Много, говоритъ онъ, съѣхалось ко двору императора Фридриха, чтобы посмотрѣть на юнаго короля. Въ числѣ ихъ былъ военначальникъ Янъ Искра, который держалъ въ Уграхъ сторону Ладислава противъ короля Польскаго, не разъ разбивалъ его непріятелей, два раза нанесъ пораженіе Яну Гушіаду, вообще причинилъ много вреда противной партіи. Будучи допущенъ къ королю, Искра, — продолжаетъ Энной Сильвій, — взялъ его за рученку, растроганный, поцѣловалъ ее и сказалъ: «Вотъ я теперь увидалъ тебя и держу за руку, мой милый король. Когда бы ты зналъ, сколько я перенесъ изъ-за тебя опасностей, какія претерпѣлъ тягости, сколько ранъ получилъ на вѣку своемъ; вотъ взгляни на мои рубцы. Отцу твоему и тебѣ я посвятилъ всю жизнь свою. Никакая сила, никакое несчастье не въ состояніи оторвать отъ тебя мое сердце; одна смерть прекратитъ мою службу тебѣ. Но ты дитя этого не понимаешь». А потомъ, засмѣявшись, онъ прибавилъ: «какую же награду получу я отъ тебя за труды свои? чѣмъ отблагодаришь ты своего рыцаря». Когда замолчалъ Искра, то мальчикъ, оглядѣвшись по сторонамъ, увидалъ у коморника своего Яна Унгнада мѣшечекъ, въ которомъ онъ, по Нѣмецкому обычаю, хранилъ деньги для раздачи милостыни бѣднымъ, молча засунулъ въ него руку и доставъ 6 грошей (больше и не было), подалъ ихъ Искрѣ. Тогда всѣ присутствующіе рѣшили, что этотъ ребенокъ будетъ государемъ внимательнымъ и щедрымъ. Искра обдѣлалъ себѣ эти монеты въ золото и носилъ ихъ всегда на шеѣ на память о королевской благодарности.

Облеченный такою обширною властью, наемникъ и иностранецъ, Искра не могъ быть угоденъ Угорскимъ патриотамъ. Часто повторявшіеся противъ него возстанія Искра сокрушалъ своими побѣдами, жестокими для Угровъ, особенно одержанными имъ надъ Секелемъ, своякомъ Гуниадовымъ, при Сомошѣ 5 сентября 1449 г. и при Лученцѣ надъ самимъ Гуниадомъ 7 сентября 1451 г. Когда же потомъ, въ февралѣ 1452 г., чинами Угорскими на сеймѣ въ Пресбургѣ онъ былъ приговоренъ къ ссылкѣ, то сталъ искать и нашелъ ходатайство и помощь у Юрія Подѣбрадскаго, правителя Чешскаго. Молодой король хотя и былъ обязанъ своимъ престоломъ Искрѣ, тѣмъ не менѣе, по требованію Гуниада, лишилъ его всей власти въ 1453 г. Впрочемъ Искра еще долго оставался опаснымъ противникомъ Гуниадовцевъ; по вступленіи же на престолъ Матвѣя Корвина, онъ служилъ сперва королю Польскому, потомъ императору Фридриху, пока Искра посредничествомъ Юрія Подѣбрада передъ Матвѣемъ Корвиномъ, не согласился наконецъ въ 1462 г. стать обыкновеннымъ подданнымъ и магнатомъ Угорскимъ. Затѣмъ до 1467 г. объ Искрѣ нѣтъ никакихъ извѣстій. Когда же Матвѣй Корвинъ собрался въ походъ на Валахію для покоренія воеводы Степана Великаго, то начальство надъ войскомъ онъ поручилъ Искрѣ, который впрочемъ послѣ сильнаго разоренія страны; потерпѣлъ великое пораженіе 15 дек. 1467 г., при чемъ былъ раненъ и самъ король. Потомство Искры продолжалось въ Уграхъ, кажется, до XVII стол., но ничѣмъ не замѣчательно.

Искра пользовался въ теченіе своей жизни такою извѣстностью, что подъ его знамя стекалось множество разныхъ искателей приключеній изъ Чеховъ, Мораванъ и Поляковъ. Между его гетманами и ротмистрами особенно замѣчательны Янъ Таулафусъ изъ Острова, Микулашъ Брѣцаль изъ Добры, Петръ изъ Радкова и др. Изъ прежнихъ враговъ и плѣнниковъ стали его ревностными друзьями и сотрудниками два брата Коморовскихъ, Николай и Петръ, природные Поляки. Напротивъ того, Словакъ Панкратій (ze Sw. Mikulaše), человекъ буйный, крутой, неуступчивый, нерѣдко возставалъ противъ Искры, своего вожда, изъ желанія занять его мѣсто. Не разъ вступали они въ

битвы, наконецъ примирились окончательно въ 1449 г. въ Кремницѣ.

Замѣчательнъ также другой сотрудникъ Искры, Младванекъ, называвшійся преимущественно Ванекъ или Вацлавъ изъ Рихманова. Неизвѣстно навѣрно, какого онъ былъ происхожденія — Чехъ, Мораванинъ ли или Австриецъ (изъ Ракусъ), но несомнѣнно, что въ городѣ его Нейбахѣ, гдѣ онъ жилъ господивомъ, все велось по Чешски. Главными у него гетманами были Индрихъ Смикаускій и Микулашъ изъ Ждяра, Микулашъ Трчка изъ Кржижанова, Вацлавъ, князь Островскій, Индрихъ изъ Рѣпницы, Янъ Смоликъ изъ Бискупцевъ, и пр. Въ 1451—1460 г. Угорскія и Ракусскія земли на рѣкѣ Моравѣ, города Пресбургъ и Вѣна много натерпѣлись отъ его походовъ и набѣдовъ; онъ довелъ грабежи до разнѣровъ прежде неслыханныхъ, являлся на помощь всѣмъ, кто бы его ни пригласилъ, лишь бы щедро вознаграждалъ; его войско, по бѣльшей части состоявшее изъ Чеховъ и Мораванъ, преимущественно не давало пощады купцамъ. Въ 1457 г., состоя на службѣ императора, Младванекъ былъ разбитъ и взятъ въ плѣнъ Яномъ Витовцемъ, тогдашнимъ верховнымъ гетманомъ короля Ладислава; въ 1458 г. онъ потерпѣлъ сильное пораженіе отъ войска эрцгерцога Альбрехта; въ 1459 г. является сторонникомъ короля Матвѣя въ Уграхъ; въ 1460 г. неоднократно пораженіями былъ доведенъ до того, что обязался Фридриху вести себя мирно. Вскорѣ послѣ того, кажется въ 1461 г., онъ и умеръ отъ ранъ.

Изъ Чеховъ, служившихъ на чужбинѣ, бѣдный дворянинъ *Янъ Витовецъ* изъ *Гржебоня* достойнѣе всѣхъ стоялъ рядомъ съ Искрою. Князь Ольдрихъ Цильскій взялъ его съ собою въ южно-Славянскія земли и поручилъ ему главное начальство надъ всѣми своими военными силами. Вообще роду Цильскихъ онъ оказалъ огромныя услуги. Послѣ трагической кончины послѣдняго изъ рода ихъ (1456 г.), Витовца приманивали на свою сторону и король Ладиславъ, назначившій его баномъ Славонскимъ, и императоръ Фридрихъ, который обѣщалъ ему великія помѣстья и суммы; но когда въ одномъ дѣлѣ онъ самъ чуть не попалъ въ плѣнъ къ Витовцу, то эта ласка обратилась во вражду, хотя смерть Ладислава вскорѣ развязала руки хитрому Витов-

цу, и въ 1459 г. онъ уже помогалъ Фридриху для вступленія на престолъ Угорскій, противъ Матвѣя Корвина. Въ награду за то императоръ пожаловалъ Витовцу и его сыновьямъ большія помѣстья и титулъ графовъ Загорскихъ (Grafen von Seger). Съ 1463 г. умолкаютъ о немъ всякія извѣстія.

Много было и другихъ замѣчательныхъ авантюристовъ и кондотьеровъ между гетманами Чешскими въ XV в., служившихъ Германіи, Венгріи и пр., какъ напр. Янъ Голубарь, состоявшій на службѣ у Албрехта и Фридриха въ 1458—1476 г., Гынекъ Тайнфельдъ изъ Луцка, бывшій зятемъ графа Рорбаха въ Ракусахъ и умершій въ 1467 г. Еще важнѣе, быть можетъ, явленія такихъ отдѣльныхъ личностей явленія цѣлыхъ воинственныхъ братствъ, слагавшихся изъ сброда людей разныхъ народностей, преимущественно впрочемъ изъ Чеховъ, жившихъ совершенно демократически, называвшихъ другъ друга *братьями* и *братцами* (*братья* и *братрики*), а у непріятелей слывшихъ подъ неслестными именами воровъ и разбойниковъ. Въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ братства эти составляли какъ бы особенную самостоятельную власть въ Европѣ, распространившуюся по разнымъ краямъ. Начало этого Чешскаго казачества, которое Палацкій сравниваетъ съ знаменитыми нѣкогда военными ротами Итальянскими и Французскими Арманьяками, отнесется, кажется, къ 1448 г., если еще не ранѣе. Братства эти производили всюду страшныя опустошенія, въ Уграхъ¹ и въ Моравіи, и въ Чехахъ, и въ Австріи, въ Баваріи, въ Пруссіи и Польшѣ, наконецъ въ Литвѣ и на Руси. Всѣ эти братства находились между собою въ постоянномъ общеніи и въ тѣсныхъ связяхъ², оказывали въ то же время всякое уваженіе къ Юрію

1. Такъ говоритъ про нихъ Угорскій лѣтописецъ Турочъ подъ 1450 г.: *Erat et aliud genus latronum, partes regni superiores vastantium. Hi ex collectivo quodam et gregario milite, armorum praesidiis grassati, plurima sibi domicilia, alia prodicione e armis adquisierant, alia novo aedificationis opere adaptaverant* (это, говоритъ Палацкій, ихъ *таборы* и *пасады*); *fraternum quoque nomen, claustralium ad instar monachorum, sibi usurpantes, se ipsorum lingua bratrik vocitabant.* Hi constitutis inter se capitaneis, omnes regni ipsius contiguas partes majori ceteris depraedationum caediumque ac flammarum gravamine quassabant. Tanta jam in regno illis creverat audacia, ut palam connubia, tanquam perpetuo in regno mansuri, contraherent; etc.

2. Въ подтвержденіе сего Палацкій приводитъ слѣдующія слова Григорія Гейнбурга изъ письма его отъ 28 Іюля 1467 г., въ которомъ говоритъ онъ о порженіи

Подъбраду, сначала какъ къ правителю, а послѣ и какъ къ королю Чешскому не столько для того, чтобы повиноваться ему, сколько въ тѣхъ видахъ, чтобы, въ случаѣ нужды, имѣть себѣ защитника и покровителя, — обстоятельство, навлекавшее на Подъбрада много неудовольствій¹. Дѣятельность этихъ братствъ въ Уграхъ достигла, наконецъ, безграничнаго произвола, и потому неудивительно, что окончилась весьма трагически. Матвѣй Корвинъ самъ выступилъ въ 1466 г. съ войскомъ противъ Швеглы, который только что передъ тѣмъ былъ выгнанъ императоромъ изъ Ракусъ, гдѣ онъ съ своими братьями производилъ страшныя опустошенія. На помощь къ Матвѣю пришло и войско Ракуское. Братья, окруженные со всѣхъ сторонъ у Костолянъ, недалеко отъ Трнавы, хотѣли пробиться сквозь непріятеля, но были по большей части отбиты и перехвачены въ плѣнъ. Семдесятъ человекъ изъ нихъ было повѣшено, Швегла выше всѣхъ; множество ихъ кинута было въ тюрьмы, болѣе 300 женщинъ отведены были сперва въ Траву, а потомъ, по приказанію короля, выданы замужъ за его Рацовъ. Такъ сокрушилъ онъ этотъ союзъ въ Венгріи; послѣ того о немъ больше и не упоминается. Впрочемъ, нѣкоторыхъ сподвижниковъ Швеглы отдѣльно мы встрѣчаемъ и позже: такъ Вацлавъ Волчекъ въ 1468 г. является однимъ изъ первыхъ военачальниковъ Чешскихъ противъ Угровъ. Франтишекъ изъ Гая,² съ юности воспитанный при дворѣ императора Фридриха, Янъ Тетауръ, Блажей Подманицкій и др. были въ послѣдствіи времени предводителями королевскаго Угорскаго войска.

братствъ при Костолянахъ (29 іюня 1467 г.): et erant tunc tam in Polonia quam in Prussia ejus societatis fratres, qui parati fuerant sumptibus et periculo suis quidem propriis succurrere, но, добавляетъ Гейнбургъ, имъ не позволилъ король Юрій.

1. Тотъ же Гейнбургъ (Apologia R. Georgii) говоритъ: Cum imperator insatiabili cupiditate saeviret angariis—et adversus saevitiam ejus plurimi armis accingerentur, quod absque Bohemis ductoribus in his partibus insuetum est hactenus, Imperator inermis regem appellat, ut se adversus eos tutetur, et hos putat verbis conficere posse. At tantae libertatis est militia Bohemica, ut apud externos libere militent, modo in his, quae ad regnum attinent, regi fidem servare non dubitent. Eo fit, ut cum rex id precibus efficere nequeat, nec vim inferre liceat, dicatur ista subornasse. Тутъ же Палацкий указываетъ на слова самого Юрія, писаннаго 31 дек. 1466 г.: Si forte illos denotatis, qui se fratres nuncupare consueverunt: in eos certe non habemus imperium, qui et nostros subditos in Moravia—jam pridem invaserunt, etc.

Палацкій, сообразивъ весьма тѣсныя сношенія Поляковъ и западныхъ Русиновъ съ Чехами въ продолженіе XV стол., необыкновенное распространеніе этихъ Чешскихъ братствъ и отличія войска казацкаго отъ Польскаго и Московскаго, счелъ необходимымъ выразить ту мысль, что казачество XVI—XVII в. «было подражаніемъ или повтореніемъ братскихъ Чешскихъ ротъ, только въ другой странѣ и въ другомъ народѣ». Слово «козакъ» или собственно «казакъ» значило у Славяно-Татаръ то же, что у Сербо-Валаховъ «гусарь» и «гайдукъ», у Грековъ «клефть»: то былъ человекъ войнолюбивый, свергнувшій съ себя рабство и предавшійся грабежу. Потому-то и праздно всѣ гаданія ученыхъ о происхожденіи казаковъ: казаки, какъ отдѣльныя личности, появились современно съ игомъ Татарскимъ надъ христіанами; казаки, какъ братство военное, какъ военная сила и община, явились въ началѣ XVI в. по подобію (*parodibenim*) братскихъ Чешскихъ ротъ¹.

Очень возможно, что выводъ Палацкаго во всемъ своемъ объемѣ и не будетъ окончательно принятъ наукою, ибо казаки, т. е. Русскіе клефты, ускоки, гайдуки могли образовать свои союзы, жить общинами и воевать и грабить *скопомъ, семьями, артелями* и братствами, вовсе и не зная о ротахъ Чешскихъ. Подобно

1. Мы не будемъ здѣсь налегать—говорить Палацкій въ примѣчаніи—на то, что славные полководцы, подъ началомъ и предводительствомъ которыхъ создалась казацкая военная сила еще съ 1508 г., по всѣмъ извѣстіямъ, были Константиномъ князь Островскій, нѣкогда его подданный Остафій Дмшкевичъ и пріятель ихъ обомъ Предиславъ Ланцкоронскій, что указываетъ на князей Островскихъ Фридриха 1428 г. (про котораго Дл. гошъ говоритъ, что отъ долгаго пребыванія въ Чехіи, онъ сталъ совершеннымъ Чехомъ) и Вацлава 1460 г. (бывшаго у Младвака въ Нейбахѣ полнымъ гетманомъ): для насъ и того достаточно, что образъ веденія войнъ старыхъ казаковъ, описанный Боплавромъ и позднѣйшими писателями (*Engel Gesch. d. Ukrain. Kosaken, Halle. 1796 s. 63*), называемый ихъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, былъ во всѣхъ своихъ подробностяхъ способомъ старотаборскимъ, какъ описали его намъ Эмилъ Сильвий и Вацлавъ Волчекъ въ своемъ сочиненіи «*Kterak se mají žikovati jízdní, pěší i wozu*», изданномъ Палацкимъ въ Часоп. Чешск. Муз. 1828. sv. 2). Поэтому и напрасно и неосновательно обращались Карамзинъ (*Ист. Гош. Росс. V. 393 и пр. 273*) и Шантцлеръ (*La Russie... Paris 1835, 426 suiv.*) для объясненія казаковъ къ древнимъ Касогамъ и къ Казахамъ, такъ какъ несомнѣнно, что казаки никогда не были особымъ и самостоятельнымъ народомъ, но только особеннымъ военнымъ обществомъ, какъ нѣкогда рота братьевъ Чешскихъ.

всѣмъ Славянамъ, народъ Русскій, издревле знакомый съ сельскою и городскою, т. е. осѣдлою общиною, легко могъ собственными силами создать и устроить общины подвижныя — артели. Посшковъ говоритъ: «Разбойниковъ у насъ въ Россіи паче иныхъ государствъ множество, ибо не токмо по десяти или по двадцати человекъ, но бываетъ по сту и по двѣсти человекъ въ артели и больше». Если складывались люди большими артелями для воровства и разбоя, то могли складываться добровольно и для грабежей и войны съ вѣншимъ непріателемъ, какъ-то: съ Татарами, Половнами, Печенѣгами, т. е. въ XIV, XIII и дальнѣйш. вѣк. Весьма древне на Руси существованіе Украинъ, передовыхъ постовъ народа Русскаго, воздвигаемыхъ имъ въ видахъ чисто охранительныхъ (консервативныхъ) и въ то же время наиболѣе разившихъ и утвердившихъ въ насъ, Велико-россіянахъ, нашъ колонизаторскій, подвижной духъ (элементъ прогрессивный). Въ былинахъ нашихъ Илья Муромецъ, Добрыня Никитичъ и пр. богатыри, «стоятели и оберегатели земли Русской», занимаютъ заставу богатырскую, живутъ артелью и въ братствѣ: «братія приборная». Станичная служба, правильно организованная при Иванѣ Васильевичѣ Грозномъ, существовала, конечно, и до него, жила въ народномъ обычаѣ, была создана народнымъ смысломъ и только подтверждена законодателемъ, также какъ и выборное начало въ судѣ, учрежденіе губныхъ старостъ и цѣловальниковъ. Отъ расположенія народа къ общинности, братству и товариществу, и отъ давности такихъ станицъ весьма естественно, что казачество могло образоваться въ военное братство и безъ всякаго подражанія братскимъ Чешскимъ ротамъ. Посему, конечно, и мнѣніе великаго историка Чехіи можетъ быть не принимаемо во всемъ своемъ объемѣ; тѣмъ не менѣе нельзя не сознаться, что оно заключаетъ въ себѣ большую долю правды. Вѣрнѣе Чеховъ на наше казачество отрицать невозможно: слово *гетманъ*, способъ войны — лучшее тому свидѣтельство. Такой выводъ необыкновенно важенъ между прочимъ и какъ новое подтвержденіе тѣсной органической связи, существующей въ исторіи всѣхъ Славянскихъ народовъ, и, къ сожалѣнію, такъ мало еще замѣчаемой у насъ. Мы уже выше сказали, что Чешскія роты въ XV в. служивали въ Польшѣ и

на Руси. Палацкій указаль на слѣдующіе стихи знаменитаго Богуслава Лобковича († 1510 г.), написанные имъ въ надгробную надпись для Вацлава Волчка изъ Ченова (умершаго въ 1500—1510 годахъ):

Hunc Wenceslaus tumulum, Coenovia proles,
 Ingens Arctoi gloria Martis, habet.
 Hoc sine non reges, gelidus quos alluit Albis,
 Duxerunt acies in fera bella suas;
 Hoc sine non gentes moverunt bella superbae.
 Nec dedit horribiles buccina gaucha sonos.
 Hujus Danubius virtutem et Vistula novit,
 Et qui Sarmaticas potat, Alanus, aquas.
 Sed quae non juvenem potuerunt bella nec enses
 Perdere, longa senem perdidit ecce dies.

Палацкій замѣчаетъ, что трудно рѣшить, что собственно надо разумѣть подъ словами Alanus и Sarmaticae aquae, Днѣстръ ли, или Днѣпръ. Относительно службы Чеховъ и Мораванъ въ Россіи, я могу, въ свою очередь, указать на слѣдующія свидѣтельства. Никоновскій Лѣтописецъ подъ 1426 г. рассказываетъ, какъ Витовтъ ходилъ ратью на Псковъ «со многою силою, съ нимъ была земля Литовская и Лятцкая и Чешская и Волошская». У Опочки былъ отбитъ приступъ «и тако изомроша вси, а иныхъ многихъ Татаръ и Ляховъ и Литвы живыхъ поймаша, во градъ мчаша, и «всячески», продолжаетъ лѣтописецъ, ругались надъ Татарами, «яко же бо и самому Витовту видѣти и всѣмъ сущимъ съ нимъ, а Ляхомъ и Чехомъ, и Волюхомъ кожи одираху». Карамзинъ, рассказавъ о гордыхъ, хотя и неудачныхъ замыслахъ Нѣмцевъ противъ *язычниковъ* Новгородцевъ въ 1447 г., замѣтилъ «Въ бумагахъ Орденскихъ (изъ Кенигсб. Арх.) упоминается о какомъ-то знаменитомъ человѣкѣ, который въ 1447 г. ѣхалъ изъ Моравіи съ шестью стами всадниковъ на помощь къ Новгородскому князю Юрію, сыну Лугвеніеву». (И. Г. Р. V, 301. изд. 1852). Нельзя, кажется, пройти молчаніемъ и того обстоятельства, что у князя Юрія Дмитрича Костромскаго около 1425 г. состоялъ на службѣ какой-то Данило Чешко: «По отшествіи митрополича посла боярина своего Бориса Галичскаго и Данила Чешка и докончаша миръ».

(Никон. Л.). Около 1447 г. Московскимъ намѣстникомъ былъ *Василій Чешиха* (Соф. Врем.).

Въ объясненіе бытности Чеховъ подъ знаменами Витовта, я позволю себѣ только напомнить читателю объ отношеніяхъ Витовта къ Чехамъ, которые призывали его на престолъ Чешскій и называли «*zwolený, rozadaný král Český*», что племянникъ его православный, Сигизмундъ Корибуть, долго жилъ въ Чехахъ, весьма былъ популяренъ тамъ, что въ XV в. Русины Львовскіе и др. выражали необыкновенное сочувствіе къ Чехамъ¹, еще болѣе, чѣмъ Поляки, у которыхъ ученіе Гусово распространялось весьма быстро, еще съ пребыванія между ними Іеронима Пражскаго, что наконецъ Чешскій языкъ въ XV в. при дворѣ Литовскомъ былъ языкомъ дипломатическимъ². Понятенъ такимъ образомъ тотъ путь, которымъ проникъ въ Южную Русь образъ веденія войны, изобрѣтенный гениальнымъ Жижкою и усовершенствованный его даровитыми и смѣлыми сподвижниками и преемниками. Занимая средину между восточнымъ и южнымъ Славянствомъ, Чехи имѣли вліяніе и на тѣхъ, и на другихъ. Такъ знаменитый въ цѣлой Европѣ Янъ Гуніадъ своими побѣдами надъ Турками преимущественно одолженъ былъ ротамъ Чешскимъ³. Извѣстный черный легіонъ

1. Палацкій (D. III. c. 1. str. 482) указываетъ на посланіе короля Польскаго Владислава отъ 27 мая 1423 г. (въ унв. Пражск. б-кѣ, Cod. Premyslaeus fol. 196), въ которомъ онъ говоритъ, что *indigenae nostrae Russiae in capitaneatu Leopoliensi et alibi consistentes*, не шли, когда онъ призывалъ ихъ къ оружію за жалованіе противъ Гуситовъ *per generosum et magnificum capitaneum nostrum Russiae generalem Spilconem de Tarnow*, тогда какъ и безъ жалованья охотно шли подъ знамена Сигизмунда Корибутовича на помощь къ Гуситамъ *in subsidium Hassonum praedictorum contra salutem et honorem ipsorum processerunt*.

2. См. *Čas. Česk. Mus.* 1831, str. 280 — 283. Въ Крелевецкомъ Архивѣ, въ Пруссіи, хранятся два Чешскихъ письма вел. князя Литовскаго Савдригайла къ Сигизмунду и къ вождямъ Гуситовъ Прокопу, Косткѣ и др. изъ Новогрудка, въ 1431 г. Отъ извѣстнаго писателя Луки Гурницкаго узнаемъ мы, что во второй половинѣ XVI в. Чешскій языкъ при дворѣ Польскомъ былъ языкомъ самымъ употребительнымъ, моднымъ, такъ что Поляки жаловались на такое предпочтеніе чужаго, хотя и Славянскаго языка, своему родному.

3. Палацкій приводитъ слѣдующія слова изъ письма короля Юрія къ Матвѣю Корину, отъ 28 іюля 1466 г.: *Turcorum ferociam Bohemica militia duce quondam genitore vestro deinde vestro, quoque ductu saepe contrivit. Vestram fidem appellamus, frater carissime, vir insignis bellicis laudibus, genitor vester, quo-*

Матвѣя Корвина, бывший чѣмъ-то въ родѣ старой гвардіи Наполеона I, настоящимъ ядромъ всего его войска, состоялъ изъ Чеховъ, Мораванъ и Сербовъ. Признавая вполне все великое значеніе братскихъ ротъ Чешскихъ въ Европейской исторіи вообще, въ Славянской исторіи въ особенности, мы отнюдь не думаемъ, однако, приписывать имъ вліяніе на самое образованіе нашего казачества. Элементъ движенія и порывистой дѣятельности, оно такъ же присуще народу Русскому, какъ и строго-консервативный элементъ, выражаемый осязкою общиною — деревнею и селомъ (Русскій и вообще Славянскій городъ — то же село), ихъ крѣпостью быта, необыкновенною привязанностью къ старинѣ. Сліяніе этихъ двухъ силъ, необыкновенно развитыхъ въ народѣ Русскомъ и преимущественно въ Велико-россіянахъ, служитъ самымъ вѣрнымъ залогомъ дальнѣйшаго могущества нашего отечества. Эти центробѣжная и центростремительная силы нашей народности, проходящая черезъ всю нашу исторію, была главнѣйшимъ, быть можетъ, единственнымъ источникомъ той прочности нашей колонизаціи, необыкновенная способность къ которой Русскихъ всего лучше свидѣтельствуется, что это великій историческій народъ, соединяющій съ уживчивостью и терпимостью въ сношеніяхъ съ иноплеменниками сильную привязанность и большія способности къ самообладанію и самоуправленію.

---

dumquam bellum contra Turchum gessit, in quo Bohemica militia assignatam sibi minus illius difficultatis vel periculi metu diffugerit vel declinaverit? etc. (Dobneri Monum. II, 422). Когда статья наша о военныхъ братствахъ Чешскихъ уже была отпечатана, получили мы первую книжку Часописа Чешскаго за 1839 г., гдѣ помѣщено начало любопытнаго изслѣдованія г. Герменегильда Иржечка: «*Valebnici českí XV stol.*» Почтенный авторъ приводитъ здѣсь между прочимъ слова современнаго Нѣмецкаго стихотворца Михаила Беранжа (при дворѣ короля Ладислава *Потрбка*). Эти слова живо рисуютъ понятія современниковъ о Чешскихъ казакахъ. Беранжъ замѣчалъ: «*Sollt' die Zwietracht nit sein zu Beham in dem Reiche — so wär' es wohl mogleiche, dass mein Herer Kung Lassia — mit ihn' möcht' zwingen da — all' dies Welt mit einander, als der grosse Alexander that mit der Griechen Heer!*»

IX.

Русскіе бѣгле и гулящіе люди имѣютъ свою исторію (Толковины, Бродники, Козаки, — явленія Самозванцевъ, воры-разбойники въ родѣ Стеньки Разина и прочей вольницы, — цѣлый разрядъ разбойничкихъ пѣсенъ, — бродяга, непомнящій родства и бѣгуны), составляютъ особенный живой типъ, который въ послѣднее время справедливо обратилъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и литераторовъ — Щедрина, И. С. Аксакова, Д. Л. Мордовцева и Н. И. Костомарова¹. Въ примѣчаніи на стр. 119 я опустилъ, между прочимъ, слѣдующія любопытныя даныя. Въ статейномъ спискѣ посольства Чомоданова въ Венецію, 1657 г., читаемъ: «И послѣ того пришли Царскаго Величества къ Посланникамъ для милостыи Турскіе полоненики, Русскіе люди, человекъ съ пятьдесятъ и больше; и посланники имъ милостыню давали, да посланники жъ спрашивали ихъ: сколько они давно изъ полону изъ Турецкіе земли вышли, и что въ Турской землѣ и въ Царѣгородѣ дѣлается? И полоненики имъ сказывали: изъ Турской де земли изъ полону мы вышли недавно, и вышедъ изъ полону въ Виницеѣ дождаемся васъ Царскаго Величества посланниковъ недѣли съ три, потому что

1. Историкъ нашъ (Карамзинъ, Соловьевъ и пр.) обратилъ преимущественное вниманіе такъ сказать на центростремительную силу нашей исторіи, почти вовсе опуская изъ виду значеніе силы центробѣжной. Но безъ нея невозможно бы было и *собираніе* земли Русской — нечего бы и собирать было. Почтивъ уваженіемъ трудъ собирателей, историкъ не долженъ умалчивать объ отвагѣ, удали и предприимчивости тѣхъ, что отъясняли новыя земли, распространяли Русскій языкъ и знакомили съ Русскими именемъ самые отдаленные края. Эта центробѣжная сила верѣдко представляетъ такихъ же *грозы*хъ дѣятелей, какъ и противоположная ей. Самые дикія ея обнаруженія доказываютъ только, что въ Русскомъ народѣ всегда жило, хоть и смутно, сознаніе въ необходимости существованія въ странѣ, помимо государства — еще гражданскаго общества, истинна, которую исполнѣ ясно и опредѣленно выразить предоставлено было нашему времени (Моль). Верѣдко страшныя проявленія этой центробѣжной силы въ нашей исторіи — ничто иное, какъ протестъ ея противъ излишнихъ притязаній силы ей противоположной. — Это послѣднее обстоятельство прекрасно выражено въ превосходной книгѣ г. Щапова: «Русскій расколъ старообрядства». Казань. 1859.

намъ учинилась про васъ вѣсть; а въ Турской де землѣ въ Царѣградѣ отъ В. Государя нашего.... Турской царь и паши всѣ страшны и остерегаются вельми государевыхъ ратныхъ людей со всѣхъ сторонъ; а которыми де государства они полоненики изъ плону шли, и въ тѣхъ во всѣхъ государствахъ его государское имя прославляютъ; а иные де наши братья полоненики пошли розвыми государства къ Москвѣ; а которые полоненики розныхъ государствъ взяты на Турскихъ катаргахъ, а взяли ихъ Виницейне на бою, и тѣмъ Виницейне изъ княжіе казны давали изъ воли деньги и устроили ихъ на корабляхъ служивыми людьми, кто похотѣлъ остаться». (Р. Вивл. М. 1788. IV, 246).

Тамъ же разсказывается, что пришелъ однажды къ посланникамъ Гречанинъ Анастасъ Маландра и принесъ имъ «листь письмо Русское» — «былъ де у насъ въ Виницеѣ полоненикъ изъ Турскіе земли Русскіе породы, а сказывался великъмъ человекомъ, и для своей скудости займовалъ у насъ, у Гречанъ, деньги, а хотѣлъ платить, какъ онъ будетъ на Москвѣ. И тотъ листъ посланники у него взявъ, осмотрѣли, что письмо измѣнниковъ, вора Тимошки и товарища его Костки, которые измѣнили Великому Государю нашему и ушли въ Литву, а изъ Литвы въ Турки и назывались великими людьми. И послѣ того были они въ Риму и здѣсь въ Виницеѣ и въ Свейской землѣ и въ Нѣмецкихъ государствахъ, свѣдавъ ихъ воровство, перенмали и прислали ихъ окованныхъ къ Великому Государю нашему, и В. Г. нашъ указалъ ихъ измѣнниковъ за ихъ прежнее воровство и за измѣну казнить и про то воровство измѣнниковъ и во всѣхъ государствахъ вѣдомо и вамъ бы впрелъ такимъ ворама измѣнникамъ не впритъ и воровскихъ писемъ у нихъ не принимать. Да посланники жъ спрашивали Гречанина: вныхъ такихъ воровскихъ писемъ гдѣ вѣтъ ли?

И Гречанинъ сказалъ: есть де таковъ же листъ у Греческаго попа у Теофилакта, а про вные листы сказалъ, что онъ не вѣдаетъ.

И того жъ дня попъ Теофилактъ принесъ къ посланникомъ и другой листъ таковъ же, а сказалъ, что тотъ листъ взялъ онъ у тѣхъ же Русскихъ людей, а занимали у него деньги и велѣли по деньги быть къ Москвѣ.

И посланники ему говорили и объявляли ихъ измѣну и

воровство противъ прежнихъ рѣчей и говорили, чтобъ впредь такимъ воровъ и измѣнникамъ не вѣрили».

Соображая предъидущія слова Чемоданова — характеръ Русскаго населенія, извѣстнаго весьма подвижнаго и любящаго всякія *хожденія*, постоянное и сильное участіе Славянъ въ Венеціи, гдѣ еще въ XVI в. печатали свои книги южные православные Славяне, гдѣ православные свободно совершали свое богослуженіе, — мы легко себя представить можемъ, что Русскихъ эмигрантовъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей всякаго рода перебывало въ *Венецѣ* довольно много и до XVI стол. Здѣсь замѣтимъ кстатѣ, что извѣстный Русскій эмигрантъ Котошихинъ, изъ числа такъ сказать образованныхъ людей имѣлъ своимъ преемникомъ не только знаменитаго Курбскаго, но и другую, весьма интересную личность: изъ числа четырехъ Русскихъ молодыхъ дворянъ, посланныхъ для науки въ Англію царемъ Борисомъ, думавшемъ, какъ извѣстно, основать Университетъ въ Россіи — одинъ изъ нихъ — Григорьевъ остался въ Англіи, принялъ протестантство и былъ даже пасторомъ¹. — Нельзя кажется не допустить, что если бѣглые люди въ *Риму* и въ *Венецѣ* часто выдавали себя *великими людьми*, то тѣмъ легче и чаще дѣлали они это съ Азіатами, въ обращеніи съ которыми Русскій народъ необыкновенно ловокъ.

Задолго до Петра Великаго, имя Русское уважалось въ Венеціи. Выше мы привели слова Шереметева о томъ, что говорилъ ему патриархъ Греческій. Въ 1657 г. когда Чемодановъ съ товарищи стоялъ за обѣдней въ Греческой церкви въ Венеціи, Греческій дьяковъ Теофанъ въ рѣчи своей къ нимъ такъ выразился про Русскаго царя: «иже аки пресвѣтлѣйшее солнце, восталъ есть на искорененіе тьмы невѣрія, на соблюденіе же и на соединеніе благочестивыя христіанскія вѣры и побѣжденіе враговъ Божиихъ, паче же аки второй Великій во царѣхъ Константинъ явился для освобожденія отъ мученія невѣрныхъ Христіанъ и утѣсняющихъ побѣжденныхъ Грековъ въ

¹ Свѣд. Арх. 1822. IV, 339. Любопытно, что посолъ Іакова I, Мерикъ жаловался въ свою очередь Московскимъ боярамъ на то, что Англійскіе принащники, истративши козійскія деньги, женятся на Русскихъ и поступаютъ въ царскую службу, отбывая уплату.

порабощеніи поганныхъ Агарянъ Турковъ живущихъ, и честію и храбростію и милостію почтенъ онъ Великій и пресвѣтлый Россійскій Государь, царь, акъ вторый Александръ Македонскій, его жъ имя и честь содержится и славится во всѣхъ окрестныхъ государствахъ и земляхъ, и всегда бѣ отъ его царскаго и пресвѣтлаго меча и побѣды и храбрства Божію и Христіанствію враги Мусульманы и Агаряня въ порабощеніи и въ побѣжденіи были». — (Ст. сп. Чеш. *ibid.* С. 255). — Приходили къ посламъ нашимъ «Греческой перкви попъ Теофилактъ, да дьяконъ Теофанъ, да съ ними Греченинъ Анастасъ Маландра... И Гречаня, посидя мало, въ разговорѣ говорили: ѣздимъ де мы изъ Виницеи въ Турскую землю со всякими товарами почасту, и съ Турскими людьми торгуемъ; и Турскіе де люди многіе говорили передъ нами: Божіимъ де изволеніемъ и щастіемъ Вел. Гос. Моск., Богъ ему далъ на Поляковъ и иныхъ государствъ побѣду; и у нихъ де въ Турской землѣ во всей, и во всѣхъ государствахъ ихъ слава о томъ великая; и Турской де ихъ царь и паши всѣ, сыскавъ въ письмахъ своихъ гадательныхъ и говорятъ, что то время пришло, что Царюграду быти за нимъ же государемъ и жить съ великимъ опасеніемъ, и у Царяграда на многое время ворота бывають засыпаны, и учали де имъ Гречаномъ чинить великое утѣсненіе и мы де на милость Божію и на заступленіе В. Г. Ц. и В. Кн. Алексѣя Михайловича надѣемся, чтобъ онъ В. Г. своими государскими молитвами и щастіемъ изъ бурсманскихъ рукъ изъ порабощенія насъ православныхъ Христіанъ Греческаго закона вывободилъ»¹.

1. См. Приложение I. Къ разнымъ предсказаніямъ о паденіи Царяграда Русскими, прибавимъ еще слѣдующія свидѣтельства. Въ Грузинскихъ Лѣтописяхъ, по переводу г. Броссе, читаемъ: «Les nations des Russes, réunies ensemble avec tous ceux qui les entourent, triompheront des Ismaélites». (См. г. Срезневскаго — *Новѣсть о Царяградѣ* и *Bullet. hist.* II. 228). Въ одной извѣстной мнѣ небольшой, но весьма любопытной рукописи «Переводъ съ Греческаго письма, что подалъ Антиохійскаго патріарха Макарія сынъ архидьяконъ Павелъ въ нынѣшнее во роу году (1639) февраля въ мз (27 день) читаемъ въ заключеніе слѣдующее: «Во всѣхъ Турскихъ книгѣхъ пишется сице, что говорилъ ложный пророкъ Мегметъ, якоже Турки восточное будутъ вяти царство Греческое, потомъ придетъ время и будетъ Русскіи роды съ Калыки возымутъ царство ихъ». На западѣ хорошо понимали это. Такъ Цинкейзеръ приводитъ слѣдующія слова Дж. Соранцо (1576 г.): «Del Moscovito dubita poi anche il gran Signore, perchè quel granduca è della chiesa greca come i popoli della Bulgaria, Servia, Bosnia, Morea e Grecia, divotissimi perciò al suo nome».

Василій Григорович Барскій разказываетъ, что прибывъ въ Венецію, онъ пошелъ въ Греческую церковь — тогда случились въ ней Греческіе семинаристы, «тыя разглагольствоваху многая съ нами». — Потомъ пришли ихъ учителя и стали распрашивать его о вѣрѣ и откуда онъ родомъ. Убѣдившись наконецъ въ его благочестіи и увидѣвши, «яко истину глаголемъ и требуемъ мнлостыни», отправился одинъ изъ нихъ къ протопопу и объявилъ ему: «яко православны есмы и благочестивы Христіане; еще же къ тому глагола, отъ Россійскихъ странъ родомъ сушіе, се же того ради, да большую пріобрѣшемъ милость, усердно бо тамо таковыхъ людей любятъ; ибо и вѣру и обряды одѣи съ нами въ своей церкви имѣютъ». — Однажды, въ Венеціи — разказываетъ Барскій — особенно востосковалось ему и вышелъ онъ прогуляться на площадь Св. Марка «и разсмотрюшу, идѣже книги и картины продають, узрѣ мя издалеца вѣкїи страннїи старецъ благочестивый и мнѣше мя священника быти, понеже на главѣ моей священническую шапку видѣ, юже еще изъ Польши принесохъ, и ать мя нечано за руку и рече ми: здраствуй господинъ!» — Они разговорились — это было въ февралѣ 1725 г. и старецъ Рувимъ, ставшїи съ тѣхъ поръ неразлучнымъ товарищемъ Барскаго, разказалъ ему свою жизнь, весьма интересную для насъ въ настоящемъ случаѣ. — Рувимъ Гурскїи родился въ 1668 г. въ *странѣ Польскїи*, въ городѣ Острогѣ. Въ семьѣ онъ былъ одинъ съ матерью, которая въ 1680 г. взяла его съ собою въ Кіевъ, сама постриглась въ монахиню, и его постригла въ иноки. Митрополитъ Варлаамъ Ясинскїи взялъ его къ себѣ въ услуженіе въ келью. Когда же по указу Петра I брали на Москву учителей, то одинъ изъ нихъ, его родственникъ, взялъ его съ собою. Поживъ у него полгода, Рувимъ взятъ былъ Стефаномъ Яворскимъ, «стой ми даде мантию, діаконство и священство»; потомъ онъ отпустилъ его къ Каллисту, архіепископу Тверскому и Кашиинскому, который вскорѣ и благословилъ его быть строителемъ въ монастырѣ Духовѣ, въ гор. Кашинѣ. Оттуда черезъ митрополита Новгородскаго Іова онъ былъ отозванъ цари-

---

come quelli che tengono il medesimo rito greco di religione, e sarian sempre prontissimi a prender l'armi in mano e sollevarsi per liberarsi dalla schiavitù turchesca e sottoporsi al dominio di quello». (Gesch. d. Osm. R. III, 324).

цею Прасковію Федоровною — игуменомъ въ новопостроенный монастырь ея волости. Черезъ три года Іовъ перевелъ его архимандритомъ на Великіе Луки. По смерти Іова царевичъ Алексѣй Петровичъ взялъ его на большой степень въ Тихвинскій монастырь, гдѣ онъ и пробылъ 4 года. «Но какъ въ то время по дѣлу царевичеву многіе изъ духовныхъ подпали гнѣву Цареву, то и я, опасаясь, да не что зло постражду отъ клеветниковъ, многихъ бо имѣхъ непріятелей при дворѣ Царскомъ, сего ради оставивши начальства, чести, богатства и имѣнія, яже имѣхъ, и бѣжахъ въ полунощи, окт. 24 дня 1720 г., въ область Польскую, въ страны Литовскія, единого спокойнаго житію своему ищущи мѣста, но не обрѣтохъ и обѣщахся путешествовати по свѣту, посѣщаящи святыя мѣста дотолѣ, донелѣже таковое обрѣщу мѣсто, идѣже бы мя токмо знаяше Богъ и азъ его». — «Также ми — продолжаетъ Барскій отъ себя — сказа по ряду, како изъ Польши пройде Молдавію, Валахію, Сербію и посѣщаше мощи святыхъ великихъ Θεодора Тирона, лежашіе въ Сербяхъ въ мон. Оповѣ и св. Симеона Богопріимца, его же мощи въ Далмаціи во градѣ Задрѣ и како шествоваше къ Бару граду, паки како пойде до пресловутаго града Рима, и како тамо баше на трапезѣ у папы Римскаго Веведикта XIII и паки како оттуда возвратися и како дойде къ Венеціи».

Сильное значеніе Славянскаго элемента въ Стамбулѣ и вообще въ Турціи XVI и XVII ст. (до усиленія Фаваріотовъ?) также должно было привлекать Русскихъ эмигрантовъ, бѣглыхъ и гулящихъ людей. Выше я привелъ нѣсколько свидѣтельствъ о той великой роли, которую игралъ Славянскій (Сербскій) языкъ при дворѣ Турецкомъ. Вотъ еще другія, опущенныя мною и указанныя многоуважаемымъ ученымъ Хорватскимъ Кукулевичемъ-Сакцинскимъ (см. *Danica Hirska*. 1843. № IX).

По Славянски говорили два самыхъ знаменитыхъ Турецкихъ Султана: Магометъ II, выучившійся отъ матери или мачехи своей Сербянки *Мары* и отъ одной жены своей, тоже Сербянки, отъ которой имѣлъ сына Джема; и Солиманъ, о которомъ Гаммеръ въ своей исторіи Турціи говоритъ слѣдующее: «Als Sigmund von Herberstein (k. k. öster. Gesandter) sich hücken wollte (на аудиенциі у султана) um dem Kaiser die auf dessen Knie ruhende Hand zu küssen,

ergriff ihn gewaltiger Lendenschmerz: «Hilf mir um Gottes willen», rief er auf Windisch den Rustem-Pascha (этотъ *нотурица* — природный Славянинъ — былъ великимъ визиремъ) an, der ihn verstand, aber nicht half. Suleiman, *der ihn ebenfalls verstand*, hob die Hand eine Spanne hoch über das Knie um dem alten Manne das Küssen derselben zu erleichtern». (Th. II, S. 176).

Бальбинъ въ сочин. своемъ Epitome rerum bohemicarum Pragaе, 1688. Libro I. C. 10. p. 71. «Slavicae linguae tam vetusta est memoria, tanta amplitudo, tantaque claritas, ut provocare quam plurimas possit, ac fortasse terrarum spatiis, in quibus regnat, plurisque exsuperet. — Quantum est hodie Imperium Turcicum, at in eo (praesertim in aula constantinopolitani tyranni,) authore F. Angelo Rocca in bibliotheca vaticana slavica lingua dominatur et *Imperatoria appellatur*».

Стредовскій въ соч. Mercurius Moravicus pag. 17: «In Regia Constantinopoli Caesaris, Slavica lingua in tantum dominatur, ut nullatenus in rebus versatus ibidem putetur, qui eam ignoret».

Мартынъ Сентивани (Martinus Szentiványi) въ соч. Curiosa et selecta variarum scientiarum Miscellanea. Tyrnaviae. 1681. D. 2. Dis. 2. «Adeo diffusa est Slavica lingua, ut ejus etiam usus inter Turcas sit et in *aula Turcici Imperatoris*, inter *Aulicos summos* familiaris, ac in eo pretio, in quo est Italica apud nostrates aulae proceres».

Павелъ Иовиѣ въ соч. Commentario de le Cose dei Turchi Firenze. 1558.: «Nella corte del Signor (Soltano) si parla in molte lingue variate; (et in gran parte son commune nella corte di V. M. la Francese, Spagnola, Tedesca et Italiana — la principal' è Turchesca, qual parla il Signore, la seconda è l'Arabica over Morescha, nella qual è scritta la legge loro del' Alcoran, e scrivesi universalmente con lettere Arabesche, — la terza è la Schlavona famigliar agli Janizzari per esser la più larga lingua di tutto il mondo.—(Gli Janizzari sono il vero nervo delle forze Turchesche).

Вальвасоръ—Ehre des Herzogthums Krain. V. Buch. S. 129. «Zu dieser Zeit ist keine Sprache eines gemeinen Volcks weiter, als die Wendische (Slawische) in Europa ausgebreitet, und in mehr Landen und Königreichen, wie den auch an des türkischen Kaisers Hof gebraucht wird. «(Aus d. Chytraens I. Theil der sächsischen

Chronic am 2 Blatt). Тамъ же на стр. 271 говоритъ онъ: «Dass die Sclawonische, eine von den Haupt-Sprachen, izt bekandt, und durch vieler Scribenten Beystimmung guugsam beglaubt. Unter welchen in Sonderheit Mathias Quaden, in seinen Enchiridio Cosmographico bezeugt; es erstreckt sich in Europa keine Sprache weiter als die Windische, oder Sclawonische: angesehen, sie ihren Anfang von dem Wenetianischen Meer nehmend bis auf die Nord-See wie auch Seitlings, bis ungefähr an den Pontum Euxinum, das ist bis an das schwarze Meer (Mare Maggiore) reicht, und also in Isterreich Crabaten, Bosnia, Mähren, Böhmen, Lausniz, Schlesien, Polen, Litauen, Preussen, Reussen, Moscau und so fortan bis nach Schweden hin, überdass auch in der Bülharey und dort ringsumher, ja bis zu Constantinopel geredet werde, allda sie, an des Sultans Hofe, sehr gebräuchlich sey. Welches Letzte, nemlich dass man, am Türkischen Hofe Windisch, oder Sclawonisch rede, sonst zwar auch, von unterschiedlichen Andren, vor diesem geschrieben worden».

Отъ такого значенія Славянскоіи стихіи въ Портѣ Отоманскоіи посланники Русскіе, Польскіе, Дубровницкіе вели переговоры съ нею по большей части на языкѣ родномъ. На Славянскомъ же языкѣ переговаривались съ Турецкими министрами и Угорскіе и Австрійскіе посланники. Славянскіи языкъ былъ такимъ образомъ въ то время языкомъ дипломатическимъ. Австрія въ послы Турецкіе выбирала чаще Славянъ: такъ при одномъ Фердинандѣ I—8 Славянъ исправляли посольство въ Турцію: Иванъ Гоберданацъ, Николица Юришичь, его братъ Иеронимъ изъ Задра (Hieronimus de Zaga и сынъ его Веспасіанъ изъ Задра, (Юморцы Адриатическіе), Иванъ Марія Барзица, Іосифъ Ламбергъ, Сигизмундъ Герберштейнъ (Краицы), Антовъ Вранчиць (Далмативецъ). И Турція въ свою очередь избирала въ посольства природныхъ Славянъ, состоявшихъ у нея на службѣ ¹.

1. См. Relatio sive sermo legati pacifici, Ebraimi Strotchenii, nati Poloni, a Solymano Turcarum Imperatore, ex Constantinopoli ad Christianorum Caesarem Ferdinandum ejus nominis primum destinati, apud Francofurtum Moeni coram statibus imperii ibidem praesentibus lingua Sclavonica recitatus anno 1562, die 27 Nov. въ кн. Ang. Gisl. Busbequii legationis Turcicae Epistolae etc... a R. Sadelerio imaginibus excusata... Monaci. 1620.

На стр. 218-мы замѣтили, что по всей вѣроятности Славянскій элементъ проникалъ въ Египеть и въ XVI, XVII и сл. в., и по завоеваніи его Турками, черезъ само правительство Турецкое. — А. О. Гильфердингъ, которому и изъявляю мою искреннюю благодарность, прочитавъ это мѣсто въ книгѣ, написалъ для меня слѣдующее замѣчаніе: «Боснякамъ и Герцеговинцамъ имена Шамъ (Сирія) и Мисиръ гораздо извѣстнѣе и обычнѣе, чѣмъ имена многихъ, даже близкихъ Европейскихъ странъ: я это замѣтилъ изъ разговоровъ. Одна изъ причинъ — ежегодное отправленіе поклонниковъ изъ Славянъ - Мусульманъ на ѣбу, т. е. въ Мекку. Они каждый годъ собираются большими толпами (человѣкъ 200—300 изъ одного Сараева). Большею частію они идутъ изъ сборныхъ мѣстъ въ Рагузу и оттуда ихъ перевозятъ въ Александрію. Ихъ провожаютъ и встрѣчаютъ при возвращеніи (возвращаются они также виѣстѣ) съ великимъ торжествомъ. Потомъ они всѣмъ и каждому разказываютъ чудеса про «ѣбу». Нѣкоторые, говорятъ, остаются въ Мисирѣ. Странно, что про Аравію Босняки ничего не знаютъ, а представляютъ себѣ Мисиръ и ѣбу (Кабу), какъ одно цѣлое. — Али-бегъ Стольчевичь служилъ въ Сиріи съ отрядомъ Герцеговинцевъ противъ Мехеметь Али и за отличіе въ этомъ походѣ получилъ санъ паши и губернаторство Герцеговины. Такихъ же походовъ было много».

Съ неминуемымъ, вѣроятно, недалекимъ, переходомъ мусульманскихъ Славянъ въ христіанство¹ и съ распаденіемъ Турціи на самостоятельныя государства Славянскія, смѣло можно

1. Весьма любопытныя свѣдѣнія сообщаетъ г. Гильфердингъ о Боснійскихъ бегахъ. «Въ ихъ устахъ Сербская рѣчь звучитъ необыкновенно чисто и изящно, они употребляютъ древнія формы, которыя у христіанъ уже почти не слышны въ разговорѣ, и только Турецкія слова, которыми они любятъ щеголять, портятъ красоту языка, сохраняющаго у нихъ какой-то отпечатокъ аристократической старины. Говорятъ даже, что нѣкоторые изъ нихъ хранятъ у себя до сихъ поръ передаваемыя изъ рода въ родъ грамоты прежнихъ королей Боснійскихъ и Сербскихъ; но никто еще не былъ въ состояніи видѣть эти документы, потому что владѣльцы, приписывающіе имъ какое-то таинственное значеніе, берегутъ ихъ про себя и думаютъ, что они будутъ нужны въ случаѣ какого нибудь переворота. Возможность такого переворота, въ которомъ бы пришлось опять предъявлять права дарованныя христіанскими государями, не теряется изъ виду Боснійскими бегами, и они даже не скрываютъ, что когда «Крестъ» восторжествуетъ, они готовы будутъ снова ходить въ перья, какъ ихъ праотцы.» — (Вѣст. Геогр. Общ. 1858. № 7, II, 94. и Русск. Бес. 1858. № III).

надѣяться, наступить живое, сильное воздѣйствіе міра Славянскаго на дальній Мусульманскій Востокъ и мирное, но успѣшное распространеніе Славянской стихіи въ Египтѣ, Сиріи, Аравіи, М. Азіи... Отношенія Славянъ къ Арабамъ, завязавшіяся въ VII в. по Р. Х., а можетъ и ранѣе, имѣютъ свою исторію, которая при всей неразработанности своей, и нынѣ уже представляетъ весьма много любопытныхъ данныхъ. Что исторія отношеній Славянъ къ Арабамъ доходитъ до настоящаго времени и предсказываетъ изрядное будущее, въ томъ убѣдиться не трудно всякому по соображеніи слѣдующихъ данныхъ.—Инокъ Пароеній рассказываетъ въ своей любопытной книгѣ: «Почти весь Визелеемъ знаетъ по Русски: потому что они (Арабы) всѣ — мастера, работаютъ кресты и четки перламутровыя: а Русскіе больше всѣхъ покупаютъ; потому они по Русски и учатся, а кто по Русски не знаетъ, тотъ ничего и не продастъ». (Ч. IV, 59—60). Не останавливаясь дольше на этомъ любопытномъ фактѣ, позволимъ себѣ только выразить два желанія: 1) чтобы были сообщены образцы Русской рѣчи этихъ Арабовъ и точнѣе опредѣленъ объемъ ихъ свѣдѣній въ языкѣ нашемъ, 2) чтобы были приняты мѣры для распространенія между ними Русской грамотности. Впрочемъ намъ извѣстно, что и это законное желаніе начинаетъ удовлетворяться въ настоящее время.

Во время знаменитой Архипелажской экспедиціи 1773—1774 г. Графу А. Г. Орлову писалъ одинъ Сирійско-Арабскій владѣтель слѣдующее любопытное письмо, современный Русскій переводъ котораго я здѣсь и прилагаю: ¹

«Сіятельнѣйшій Графъ.

«Не могу довольно изъяснить радости и удовольствія моего о томъ, что я въ отечествѣ моемъ нашелъ и увидѣлъ Россіянъ; видно, что Богъ непостижимыми своими судьбами самъ привелъ ихъ сюда, чтобъ наконецъ я могъ исполнить желаніе мое, еще въ самыхъ юныхъ лѣтахъ въ сердцѣ моемъ родившееся. Предки мои или праотцы рода моего, владѣвшіе сею странною боль-

1. Нижеслѣдующіе документы хранятся въ Государственномъ Архивѣ, въ дѣлахъ Статсъ-Секретаря Козницкаго. Пользуюсь ими съ позволенія просвѣщеннаго моего начальства, которому и считаю долгомъ привести мою глубокую признательность.

ше четырехъ сотъ и пятидесяти лѣтъ благопріятствовали всегда христіанамъ паче иныхъ владѣтелей и всегда желали соединиться съ какою либо христіанскою державою, но никогда въ семь своемъ желаніи успѣха не получили. Я сколько ни склоневъ къ закону христіанскому, однакожь по несчастливому моему жребію въ прошедшее время много привязанъ былъ ко двору Оттоманскому для многихъ политическихъ причинъ и хотя съ начала сей войны съ Турками, желалъ я совокупиться съ Россіанами, чтобъ освободить себя отъ привязанности къ Туркамъ, однакожь не имѣя случая, ни прямого способа свергнуть съ себя иго Султанское, принужденъ былъ противъ моего желанія, сколько могъ, Турецкому двору пріятствовать. Богъ такъ судилъ; какъ для вспомошествованія Туркамъ велъ я войну съ Али-беємъ, съ начальникомъ Акрскимъ и съ его союзниками, то сіи призвали Россіянъ противъ меня для взятія моего города Барута. Я же для защищенія онаго отъ всѣхъ нападений учредилъ въ немъ губернаторомъ извѣстнаго Турка Ахмета бея Джіазара. Сей, нечаянно отложась, возсталъ противу меня и, совокупясь съ пашами Дамасскимъ, Алепскимъ и Трипольскимъ, началъ противъ меня воевать по неблагодарности, сему племени природной. Тотчасъ помирился я съ начальникомъ Акрскимъ и, вѣдая, что Россіяне отправились въ сіи страны для вспомошествованія Али-бею въ его несчастіяхъ, котораго они уже жива не застали, просилъ ихъ чрезъ посредство сего начальника подати мнѣ помощь. Не усумнились они ни мало прійти ко мнѣ подъ командою г. капитана Михайла Кожухова и Графа Ивана Воиновича и, по учиненнымъ между нами обоюдно нужнымъ условіямъ, начали доставать сей весьма хорошо укрѣпленный городъ. Здѣсь не могу я достойнаго благодаренія воздать Господу Богу и оказать должныхъ начальнику Акрскому моихъ услугъ за то, что онъ доставилъ мнѣ случай узнать и помощь себѣ отъ сего народа получить: не могу также довольно похвалить ихъ постоянства, твердости, праводушія и мужества. Однимъ словомъ они меня своими благодѣянїями, добросердечіемъ и искренними услугами до самой высочайшей степени обязали и всѣмъ имъ отъ мало до велика такимъ меня должникомъ сдѣлали, что по достоинству во всю мою жизнь я имъ возблагодарить буду не

въ состояніи. Они преславнымъ Россійскимъ оружіемъ изъ моего города выгнали непріятели и сдѣлали меня въ ономъ владѣтелемъ по прежнему. Сіе благородное дѣйство увеличиваетъ весьма привязанность мою къ Россіянамъ и понуждаетъ меня вступить въ число вѣрныхъ слугъ Ея Императорскаго Величества Самодержицы Всероссійской. Надѣюсь, что ваше Сіятельство сдѣлаете мнѣ милость и употребите въ пользу мою предъ престоломъ Ея свое прошеніе, дабы Ея Величество меня удостоила за такового признать. Истинно почту себя благополучнѣйшимъ, если сподобюсь защищенія Всеавгустѣйшія сего Императрицы, коея мужественныя дѣянія весь свѣтъ исполнили своимъ сіяніемъ.

«Родъ мой, называемый Шегаби, состоитъ больше, нежели изъ пятидесяти князей подъ-моимъ управленіемъ; почти всѣ они суть весьма склонны къ закону христіанскому. Область наша простирается отъ моря Тиверіадскаго до крѣпости въ старину названной Мардаитскою по ту сторону Триполя, и большую часть сего области составляютъ неприступныя горы, выключая приморскія страны и Килесирію, по Арабски называемую *Бека*. Горы сіи, хотя безплодны, но множествомъ людей весьма изобильны такъ, что можно изъ нихъ всегда поставить войска шестьдесятъ тысячъ человекъ, хотя мало и почти совсѣмъ не обученныхъ, но довольно храбрыхъ, если только отвергнуть изъ мыслей своихъ склонность къ измѣнѣ. Большая половина сей области наполнена христіанами, которые въ превеличайшей живутъ свободѣ, а другую половину составляютъ невѣрные, зовомые Друзы. Начальники же сего области по большей части суть также Друзы, которые больше пріятствуютъ Туркамъ, нежели христіанамъ. По древнему обыкновенію начальники сіи большую часть земель сего области берутъ себѣ въ наемъ отъ правительствующаго оными князя, чрезъ что и стали они многомошны. Со всѣхъ сторонъ область сію окружаютъ непріятели весьма сильные, а именно паша Дамасскій, Алепскій и Трипольскій и при нынѣшнихъ обстоятельствахъ моего съ Россіянами соединенія и союза, нападки на меня дѣлаютъ больше прежняго и не упустятъ впредь привлечь на свою сторону нѣкоторыхъ моихъ начальниковъ, къ измѣнѣ склонныхъ. Чего для я призываю въ

помощь Всевышняго, возлагаю упование мое на крѣпость и силу креста Господня, который я на груди ношу, какъ то видѣли многіе ваши офицеры и надѣюсь на преславное Императорское Россійское оружіе, къ которому я нынѣ прибѣгаю и подь которымъ всегда убѣжища искать стану. Даль бы то Богъ, чтобъ я напоследокъ увидѣлъ имя Ея Всеавгустѣйшія Самодержицы торжествующее надъ всѣмъ свѣтомъ.

«Слава качествъ Вашего Сіятельства, соединенная съ прямодушіемъ славныхъ Вашихъ дѣлъ, побуждали меня давно прибѣгнуть къ особѣ Вашего Сіятельства, добродѣтелями преисполненной, во свѣтъ прославившейся и намъ самимъ въ самомъ совершенномъ своемъ видѣ представленной Графомъ Иваномъ Воиновичемъ и гораздо прежде его другими морскими офицерами, но не имѣлъ я случая совершить сіе до нынѣшняго часа. Надлежало бы мнѣ непременно теперь отправить отъ себя полномочнаго, но обстоятельства времени сдѣлать сего мнѣ не дозволяютъ. И подлинно я говорю теперь съ Вашимъ Сіятельствомъ посредствомъ сего моего писанія, какъ сынъ говорить съ родителемъ и какъ кающійся съ своимъ духовнымъ отцомъ. Не вижу еще никакого способа, чтобы мнѣ было можно объявить предъ всѣмъ свѣтомъ то, что я на сердцѣ имѣю. Потребна мнѣ помощь и защищеніе, чтобъ я на сіе поступить могъ, не опасаясь конечнаго истребленія и моего собственного, и всего моего рода, и всѣхъ вообще въ области моей живущихъ христіанъ. А хотя бы я во всякое время и могъ легко поставить тридцать тысячъ человекъ вооруженныхъ, однакожъ, не могу столько надѣяться на свой народъ по причинѣ ихъ незнавія военныхъ порядковъ и ратнаго искусства и въ разсужденіи самаго малаго числа артиллеріи, которую мы имѣемъ. Того ради прошу Всеавгустѣйшую Императрицу принять повиновеніе и преданность какъ мою, такъ и моего рода и всей моей державы, представленную Вашему Сіятельству чрезъ сіе писаніе и чрезъ тѣхъ господъ офицеровъ, коимъ всѣ мои дѣла извѣстны, и коимъ я ввѣрилъ всѣ мои намѣренія, а особливо Графу Ивану Воиновичу, съ тѣмъ, чтобы они Вашему Сіятельству обо всемъ донесли. И такъ, прошу Ея Императорское Величество Самодержицу Всероссийскую принять меня, мой родъ и всю мою державу подъ свое покровительство и защищеніе и не

только подать мнѣ потребное вспоможеніе, состоящее въ нѣкоторомъ числѣ войска и принадлежащихъ къ тому военныхъ снарядахъ, но и подкрѣпить меня нѣсколькими достойными особами, могущими мнѣ во всемъ споспѣшествовать; какъ благими совѣтами, такъ и нужными не только для меня, но и для моего народа наставленіями, дабы мы такимъ образомъ могли учинить крѣпкое непріятелю сопротивленіе и, ежели Богъ благословитъ, посредствомъ защиты Ея Императорскаго Величества и преславнаго Россійскаго оружія, истребить общаго врага. Я слагаю съ себя всю власть надъ моими подчиненными и надъ моимъ отечествомъ: Воероссійская Императрица да располагаетъ ею и ими по Высочайшему Ея благоизволенію. Для совершеннѣйшаго же изъявленія моей къ Ея Величеству преданности, посылаю при семъ бланкетъ, подписанный моимъ именемъ, съ приложеніемъ къ оному моей печати съ тѣмъ, да благоволитъ Державнѣйшая Россійская Самодержица предписать мнѣ на ономъ законы, какіе ей угодно, которыми я отъ всего моего сердца желаю повиноваться и всегда оныя соблюдать, хотя бы то было совокуплено и съ пожертвованіемъ моей крови. Чего для и вмѣняю себѣ въ честь оказываться

«Вашего Сіятельства

искреннѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою

Князь *Іосифъ Шаби.*

1774 г. янв. 1.
въ Барутѣ.

(Подпись Арапская).

«Желаю да будетъ сей годъ пресчастливѣйшій Вашему Сіятельству, какъ и всѣ, впредь, по немъ слѣдующіе».

Въ объясненіе этого любопытнаго письма привожу слѣдующіе документы, въ современномъ Русскомъ переводѣ копій на Итальянскомъ языкѣ:

I.

«Объявляя чрезъ сіе, что по договорамъ, учиненнымъ между мною и господами Россіянами, долженъ я былъ шесть сотъ мѣшковъ за взятіе города Барута. Изъ сихъ шести сотъ мѣшковъ уплатилъ я двѣсти пятьдесятъ тысячъ піастровъ и получилъ росписку. А ста мѣшковъ достальныхъ, по милости своей,

хотѣли подождать до будущаго лѣта, въ которое обязуюся заплатить оныя первой эскадрѣ, которая въ сіи стороны прїѣдетъ или же по волѣ и по означенному времени отъ Его Сїятельства Графа А. Г. Орлова. Въ Барутѣ. 1 янв. 1774 года.

Иосифъ Шигабиъ.

УСЛОВІЯ О СДАЧѢ БАРУТА.

Прїѣхавши почтенный Гаджи Ахметъ Бей Елеезаръ, начальникъ города Барута, въ Сеиду вмѣстѣ съ Графомъ Иваномъ Воиновичемъ, отправленнымъ туда отъ господина капитана Михаила Кожухова, предводителя Россійской Императорской эскадры въ Сиріи, для заключенія договоровъ самолично съ почтеннѣйшимъ шейкомъ Даеръ Омеромъ о сдачѣ города Барута — не могли оныхъ окончить и утвердить договора по причинѣ нѣкоторыхъ несогласій объ уступкѣ оружія, котораго требовалъ вышерѣченный графъ Воиновичъ; теперь, по возвратѣ въ Барутъ, съ господиномъ капитаномъ Михайломъ Кожуховымъ вновь предприняли заключить о сказанной выше сего сдачѣ договоръ, который напоследокъ оконченъ и соглашенъ на слѣдующихъ статьяхъ въ присутствіи почтеннаго Ахмета Ага-Денгисли, Сеидскаго губернатора, который отъ вышеупомянутаго шейка Акрсака отправленъ былъ туда присутствовать вмѣсто его при семъ договорѣ.

1. Вышепомянутый Гаджи Ахметъ-Бей-Елеезаръ обѣщаетъ выступить изъ города и крѣпости Барутской со всѣмъ своимъ войскомъ, оставя въ городѣ собственно въ немъ живущихъ обывателей: а въ городъ войдутъ офицеръ и нѣсколько съ нимъ войска, начальника Акрсака, да офицеръ съ частію Россійскаго войска, для защищенія тамошнихъ обывателей отъ войскъ Друзскихъ, покамѣстъ не согласятся они съ ихъ княземъ Іосифомъ.

2. Никакого непріятельскаго дѣйства не будетъ предпринято противъ Барутскаго гарнизона и никакого оному не учинится препятствія въ выходѣ его оттуда, какъ сухимъ путемъ, такъ и моремъ: и сверхъ сего, какъ помянутый бей Елеезаръ долженъ вступить въ службу его сїятельства шейка Даера, то, по прошенію сего, предписанный Россійскій начальникъ дозволяетъ и соглашается, чтобы всѣ, кои принимаютъ шейкову службу,

выходили изъ города съ ихъ оружіемъ, имѣніемъ и багажемъ собственнымъ, а кои не останутся у него въ службѣ, должны отдать свое оружіе въ руки Россіянамъ и выйти изъ города съ собственно только имѣніемъ и багажемъ.

3. Войско Россійское и войско мыса Акраскаго, во время пребыванія своего въ городѣ, не причиняютъ городскимъ обывателямъ никакого вреда и не нанесутъ имъ ни малѣйшей обиды ни въ разсужденія ихъ лица, ни имѣнія; а еще должны войска сіи быть ихъ покровителями и защищать ихъ отъ войскъ Друзскихъ и всякихъ другихъ, доколѣ въ береженія ихъ сей городъ останется.

4. Всѣ рабы ихъ, христіане, которые найдутся въ Барутѣ, будутъ свободны.

5. Для нерушимаго сохраненія и исполненія всѣхъ условій, которыя содержатся въ сихъ статьяхъ, настоящій договоръ съ другими ему подобными будутъ всѣми участвующими въ ономъ подписавы и запечатаны печатями каждаго изъ нихъ. Сіе учинено на борту Императорской фрегаты «Надежды», 1773 г. Сентября 29 дня.

Россійскаго флота капитанъ *Михайло Кожуховъ*.

(Подпись Арапская).

III.

По пріѣздѣ въ Акру самолично господина капитана Михайла Кожухова, начальника Россійской Императорской эскадры въ Сиріи для нѣкоторыхъ окончательныхъ переговоровъ и постановленій съ его сіятельствомъ шейкомъ Омерскимъ, когда шейкъ на договоръ требовалъ у него войска Албанскаго, находящагося нынѣ въ Барутѣ, чтобы перевести оное сюды въ Акру, то я дано оно было шейку на слѣдующихъ условіяхъ:

1. Вышепомянутый Россійскій начальникъ обѣщаетъ, по пріѣздѣ своемъ въ Барутъ, вручить Агѣ Саидскому, нынѣ губернатору, Албанскій баталіонъ, съ тѣмъ, чтобы перевести оный въ Акру въ службу шейкову, съ письменною вѣдомостью о ихъ числѣ и именахъ, какъ предводителя ихъ, такъ и офицеровъ и солдатъ, для употребленія оного баталіона противъ Оттоманской Порты и оный останется въ здѣшнихъ мѣстахъ на

столько времени, на сколько будетъ угодно его сіятельству графу А. Г. Орлову, а въ то время обязуется помянутый шейкъ отпустить безо всякаго препятствія вышереченный баталіонъ изъ здѣшнихъ мѣстъ и перевезти оный въ Паросъ на Россійскихъ или своихъ корабляхъ, какъ то отъ главнокомандующаго Россійскими войсками потребовано будетъ.

2. Покамѣстъ тотъ баталіонъ будетъ въ службѣ шейковой или до отмѣнаго въ семъ приказанія его сіятельства Графа А. Г. Орлова, шейкъ долженъ содержать ихъ по приложенной здѣсь при концѣ росписи и платить имъ жалованье исправно безо всякихъ противурѣчій и отлагательствъ и также на каждый день долженъ будетъ давать въ пищу сто пятьдесятъ шесть драхмъ сухарей, сто тридцать пять драхмъ мяса, шестьдесятъ шесть Сарацынскаго щена, сткляницу вина и другую водки, четырнадцать драхмъ коровья масла и то каждому солдату и квартиру и свѣчи, а для предводителя ихъ и офицеровъ всего въ двое на каждый день или сими припасами, или деньгами.

3. Вышесказанное войско не долженствуетъ никогда ни малѣйшей получить досады, ни прямымъ, ни постороннимъ образомъ, въ разсужденіи содержанія ими ихъ вѣры, ниже быть подвержены какимъ либо искушеніямъ въ томъ, чтобъ имъ оную перемѣнить, но, напротивъ того, имѣть совершенную свободу въ отправленіи и содержаніи оныя, какъ то имъ ихъ закономъ предписано.

4. Весь тотъ баталіонъ зависѣть будетъ во всемъ отъ своего маіора, господина Дуси, а сей непосредственно отъ шейка, а не отъ другаго кого: и маіоръ сей долженъ увѣдомленъ быть обстоятельно о всѣхъ планахъ и расположеніяхъ военныхъ, въ которыхъ его самого съ его баталіономъ надобно будетъ употреблять.

5. Для совершеннаго исполненія вышесказанныхъ договоровъ будутъ сдѣланы два подобные списка, чтобы обѣимъ сторонамъ по одному имѣть у себя и подписаны обѣими сторонами и утверждены ихъ печатями. Дано въ Акрѣ, 1773 г. Ноября 23 дня.

Ростись мѣсячному жалованью.

Маіору	64 ^{рр}
Капитанамъ	48 »
Поручикамъ	36 »
Прапорщикамъ	20 »
Капраламъ	16 »
Солдатамъ	8 »

Россійскаго флота капитанъ *Михайло Кожуховъ.*

(Подпись Арапская).

На стр. 214, приводя извѣстіе де ла Валле о Русскихъ плѣнникахъ на Кавказѣ, я замѣтилъ уже, что такимъ путемъ проникала Русская стихія въ Египетъ. Въ любопытномъ Греческомъ письмѣ, которое подалъ въ Москвѣ въ 1659 г. присланный отъ Антиохійскаго патріарха Манарія архидьяконъ и которое извѣстно мнѣ въ современномъ Русскомъ переводѣ, находятся весьма интересныя извѣстія очевидца объ этихъ Русскихъ *половянникахъ*. Считаю не излишнимъ привести здѣсь слѣдующую статью:

«О ШЕВКАЛЕ ЛЕЗГИНСКОМЪ».

Сей родъ живутъ на крае сее горы, прямые Турки суниди христіанскую же вѣру держать, что Турки и Татара и дѣла у нихъ иново вѣтъ, токмо красти и пленити, а во уничиженіе и въ стыдъ надъ христіанами. Также и они, егда увидятъ, христіанина болнова и немошново отъ труда или отъ глада, ссекутъ его вмѣсто жертвы поганому ихъ богу и хто отъ нихъ убиенъ будетъ, почитаютъ его, яко мученика по вѣре ихъ. Такожъ и сей родъ горше Татаровъ творятъ, не токмо убиютъ христіановъ, но и кровь его пьютъ — первое, а второе умываютъ лице свое тою кровію за безбожіе свое. Егда блаженные памяти Теймуразъ царь живъ былъ, всегда съ нимъ билися, и какъ его не стало укрѣпишася они и безпрестанно плѣняютъ христіановъ и за что градъ строенія блаженные памяти царя Ивана Васильевича есть разоренъ, зовемый... Имѣютъ великую волю и ходятъ въ Крымъ и въ Черкасы и торгуютъ и покупаютъ *половянниковъ* Русскихъ и колико время были мы въ Шемахѣ, бес-

престанно привозили по пяти сотъ и по тысячѣ полонниковъ, яко мы сами видѣли своими очами и не токмо сіе, но и школы имѣютъ и живутъ ходжи и посадятъ полоняниковъ молодыхъ и учатся да навькнутъ скверной вѣре ихъ, которые ходятъ въ Черкѣскія страны и учатъ тамошнихъ людей и мещутъ на нихъ яды своя смертоносныя и никто, какъ они, не ходятъ пѣши до сквернова гроба Махметова молвится ¹. Надъ симъ сказывалъ намъ единъ епископъ старый отъ Менгреліи благоговѣнъ и благочестивъ, что хотѣлъ прійти къ великому государю къ Москве и отъ ихъ страху возвратился, и отъ Предтечева монастыря и Менгреліи нѣкоторые братья, которые въ плѣну были у нихъ восемь лѣтъ у Алани и Зикхи, и сказывали намъ со страхомъ Божиимъ, хто въ прежнихъ временахъ у тѣхъ родовъ Турской вѣры не было, токмо тѣ Ходжи, которые ходятъ къ нимъ и научатъ ихъ, что хотятъ отъ нихъ принять и Турскую вѣру. Сей родъ Кумыши не любятъ Кизылбашевъ по вѣре ихъ и другъ друга проклинаятъ, токмо ради купли межъ собою, чтобъ поклонниковъ продать и купить. И того ради межъ себя держать миръ, зане иуды нѣтъ инова мѣста, гдѣ купля и продажа сотворить. Въ томъ мѣсте есть горы все каменные и невозможно сѣяти ничто, для того, что не родится, токмо въ поле, которое есть отъ Терка до Дербени, сѣютъ и во время жатвы собираютъ хлѣбъ и бѣгутъ въ горы. Свидѣтель есть Богъ, что и мы страха ихъ ради, жили толикое время въ Шемахѣ, зане не возмогохомъ пройти и сказывали намъ нѣкоторые люди,

1. Напомявъ здѣсь вышеприведенныя слова де ла Валле, укажемъ тутъ же и на слѣд. слова Рафаловича: съзъ Египтъ и Сиріи я весьма часто встрѣчалъ Турецкихъ офицеровъ, которые, узнавъ, кто я, рекомендовали себя словами: *ана камалъ мускуби*—«я тоже Русскій», разумѣя подъ этимъ, что они родились въ нашихъ Кавказскихъ и Закавказскихъ владѣніяхъ. Однажды въ Іерихонѣ обратился ко мнѣ бедуинъ съ вопросомъ: правда ли, что мать султана Абу-эль-Меджида *изъ савиматъ*—«Какъ изъ нашихъ?» сказалъ я.—«*Эль мисъ бишулу анъ хійъ мускубийъ*» (говорятъ люди, что она Москвитянка), отвѣчалъ бедуинъ. Султанъ-Валида дѣйствительно по происхожденію Черкешенка. — (Пут. с. 232). — Такое нахожденіе земляковъ нашихъ и звѣстность Русскаго имени въ Египтѣ, Африкѣ, гдѣ знаютъ, что самъ Наполеонъ, лицо полуиностранное у Арабовъ, потерялъ свою славу въ Москвіи, должны, кажется, обращать на себя вниманіе Русской торговой политикѣ, особенно при возжеланномъ развитіи Славянъ Адриатическихъ и при ожидаемомъ про-
рытіи Суэцкаго канала.

что говорилъ и говорить Шевкаль, какъ Богъ мнѣ дастъ въ руки мои тѣхъ патріарховъ, которые держатъ золотые посохи — Россія вся въ рукахъ моихъ будетъ.

Кони добрые имѣютъ и посылаютъ въ Астрахань въ поларокъ и емлютъ изъ Астрахани всякую потребу и мы, какъ были многое время на бусахъ по морю и отъ жажды было померли и съ великимъ страхомъ послали мы завозню съ людьми, чтобы воды прѣсной добыть, а они были готовы и ожидали насъ, чтобъ напали въ руки ихъ и на нашихъ посланныхъ людей приступиша со оружіемъ и мало не плениша ихъ, а мы отъ жажды и отъ бури морской, яко мертвы были, и ихъ было много множества собрано и молили Бога своего, чтобъ бусы выкинуло изъ моря бурю, да пленять насъ»¹.

На стр. 216 мы позволили себѣ утверждать, что предки наши издавна посѣщали Египетъ. Въ доказательство сего укажу

1. То, что сказано здѣсь о Русскихъ плѣнникахъ на Кавказѣ, весьма напоминаетъ то, что говорилось о нихъ въ прошломъ и въ нынѣшнемъ стол. въ Средней Азій. Такъ бергтешворены Пospыловъ и Буришевъ писали ок. 1800. г.: «По различнымъ случаямъ даже съ давнихъ временъ, многіе изъ Россійскихъ людей отъ Азіатцовъ сдѣлались несчастными жертвами варварскаго права содержать ихъ подъ именемъ плѣнныхъ въ неволѣ и содержать съ большою жестокостью, такъ какъ такой народъ, которой съ нами не одного исповѣданія вѣры. Не говоря о тѣхъ, которые сами побѣгомъ своимъ, хотя уже и съ раскаяніемъ, но навлекли на себя плѣнъ. Тѣже, которые по несчастному случаю сдѣлались добычею хищника, и потомъ между азѣрскимъ народомъ предметомъ торговли, наиболѣе достойны сожалѣнія. Объ ономъ сколько достоверно можно было узнать, то происходитъ слѣдующимъ образомъ: Киргизъ Кайсаки, живущіе въ близости границы, особливо Оренбургской, при различныхъ случаяхъ покидаютъ Россійскихъ людей обоюдою, содержатъ ихъ у себя тирански въ неволѣ, или продаютъ Ташкентцамъ, особливо Бухарцамъ, и другимъ тамошнимъ народамъ, которые не лучше съ ними поступаютъ. Не находя же совсѣмъ способовъ свергнуть съ себя иго невольничества, развѣ принятіемъ ихъ закона, сіи несчастные лишаются навсегда своего отечества. Изъ такихъ плѣнныхъ, кромѣ Киргизской степи, нѣкоторые живутъ при дворѣ самого Ташкентскаго владѣльца и которые должны принять Магометанскій законъ; другіе же находятся въ услугахъ у частныхъ людей. Въ прочемъ, какъ тѣ плѣнные объявляютъ, Ташкентцы привозимыхъ изъ Россіи плѣнныхъ мало содержатъ у себя, а продаютъ болѣе въ Бухару и Хивинское владѣніе, гдѣ по праву магометанскаго закона содержатъ ихъ, яко невольниковъ. Выкупъ оныхъ не воспрещается свободному человеку, но за то должно заплатить тому, у кого живутъ, такую сумму, какую онъ взятъ согласится». (См. Вѣсти. Геогр. Общ. 1851. Кн. I. Отд. VI. С. 43—4).

на любопытную статью, встрѣчающуюся въ старинныхъ Сборникахъ — «О Египтѣ градъ велицѣмъ». Членъ-сотрудникъ Географ. Общ. г. Купріяновъ помѣстилъ такую статью въ «Вѣстникѣ» (1853. II. Смѣсь, стр. 42) изъ сборника, писаннаго полууставомъ не позже XVI в., хранившагося въ Софійскомъ Новгородскомъ соборѣ. «Египетъ великій градъ, 14 меагитей въ немъ, а у мѣзгити по сту столповъ каменныхъ, а на столпъ возлазятъ до ста человекъ и до 50, и вшедше на столпъ ключють. Да вмежже 14 тысящъ кермесараевъ; а комаръ въ кермосараи много до 300 гостей становятся. Да вмежже 14 тысящъ улицъ, а въ улицѣ по 10 тысящъ и бань 14 тысящъ; а дворъ салтановъ, рекше царевъ, съ Москву нашу съ Кремль. А царя не видаеть никто, а алафу дають на царевѣ дворѣ мѣлкимъ людемъ на всякъ день: конюхомъ, поваромъ, хлѣбникомъ, помѣсомъ, истобникомъ, на 14 тысящи человекъ. А станеть за Ерусалимомъ 15 день ехати, а рѣка подъ нимъ Нилъ, а течеть изъ рай, яже глаголется Ріонъ. А за Египтомъ людей живущихъ нѣтъ; а до Махметова гроба отъ Египта 50 днь ити, пустымъ мѣстомъ брести на верьбоудѣхъ: только небо да земля, а лѣсу нѣтъ. А сказывалъ се великаго князя казначей Михайло Гирѣвъ; былъ, скажетъ, в томъ градѣ Египтѣ сорокъ дней». Можно надѣяться, что въ драгоцѣнныхъ по многимъ отношеніямъ Сборникахъ нашихъ содержатся и инья любопытныя свѣдѣнія о Египтѣ.

Въ концѣ статьи нашей о Славянахъ въ М. Азіи мы настаивали на необходимости этнографическаго путешествія по М. Азіи. Вронченко въ превосходномъ изслѣдованіи своемъ объ этой странѣ (Зап. Военно-топографическаго Депо. Ч. V. Спб. 1840. стр. 147) говоритъ между прочимъ: «Греки, живущіе въ мѣстечкѣ Гюненъ и окрестностяхъ, почитаются выходцами изъ Болгаріи, переселившимися въ Анатолію за нѣсколько десятковъ лѣтъ предъ симъ. Они, повидимому, точно Болгары по происхожденію, и перешли въ край не за нѣсколько десятковъ лѣтъ, а очень давно. Въ другихъ мѣстахъ о Болгарахъ не слышно ничего и слѣдовъ ихъ существованія не замѣтно». — Съ послѣднимъ замѣчаніемъ можно и не соглашаться безусловно, когда известны исторія Славянскихъ поселеній и далеко не полное и

недостаточное состояніе современныхъ свѣдѣній объ этомъ важномъ краѣ, достойномъ всяческаго вниманія, со стороны Русскихъ въ особенности ¹. Весьма далекій отъ увлеченія всякою мыслью, лишь бы она возникла на западѣ или высказана была на одномъ изъ его языковъ — тѣмъ болѣе отъ малѣйшаго поползновенія приписывать мысли авторитетъ за одно ея происхожденіе — я думаю однако, что намъ Русскимъ необходимо нужно пристально слѣдить за развитіемъ всякой идеи на Западѣ: хладнокровное, безпристрастное и основательное изученіе каждой идеи, всѣхъ ученій, даже самыхъ наимелѣйшихъ уклоненій чловѣческаго разума, всегда бываетъ только плодотворно. Но западная Европа, такъ далеко насъ опередившая на пути матеріальнаго и умственнаго совершенствованія, представляетъ Русскимъ одинъ изъ занимательнѣйшихъ и поучительнѣйшихъ предметовъ, подлежащихъ нашему вѣдѣнію. Особенно можетъ быть поучителенъ и практически для насъ полезенъ голосъ западныхъ Европейцевъ въ такихъ случаяхъ, когда, располагая всѣми современными чудесами науки и промышленности, съ такимъ успѣхомъ торжествуя надъ природою, они ставятъ себя на мѣсто наше и разсуждаютъ вслухъ, о томъ, что бы они сдѣлали на нашемъ мѣстѣ съ нашими внѣшними средствами, при всѣхъ условіяхъ и данныхъ нашей мѣстности и нашего положенія. Оговорившись такимъ образомъ, я прямо познакомлю читателя съ неоднократно и въ разныхъ концахъ Европы выражавшимся мнѣніемъ о значеніи для насъ, Русскихъ, М. Азіи, этой прекрасной, богатой страны, столь запущенной и упавшей въ Турецкое въ ней владычество. Всего яснѣе и опредѣлительнѣе, кажется намъ, удалось высказать такое мнѣніе одному Нѣмецкому писателю, Андре (K. Andree — *Geographische Wanderungen. Dresden. 1859*) въ весьма занимательной статьѣ — «Русскіе и Англичане

1. См. еще послѣднія извѣстія о М. Азіи нашего даровитаго и ученаго соотечественника П. П. Чихачева — (*Lettres sur la Turquie par M. P. de Tchihatcheff. Bruxelles et Paris. 1859.*). Въ засѣданіи Вѣнскаго Географическаго Общества (18 окт. 1858 г.) передавая вкратцѣ результаты своей послѣдней поѣздки по М. Азіи, нашъ знаменитый путешественникъ замѣтилъ, что для вслѣдованія этой любопытной страны нужно снаряжать большія ученые экспедиціи. (*Mitth. der kais. k. Geograph. Gesellsch. Wien. 1858. 2 Heft. s. 127.*)

о внутренней Азии.» — Вотъ какъ разсуждаетъ онъ объ этомъ предметѣ: «Россія заключила съ Японіею договоръ, который принесетъ свои плоды въ будущемъ. Она приобрѣла въ свое владѣніе Амуръ, рѣку, которую слѣдовало бы называть восточно-Азіатскимъ Дунаемъ. Кромѣ Кяхты есть у нея торговый пунктъ на верхнемъ Иртышѣ; она имѣетъ форты на Аральскомъ морѣ; какъ на немъ, такъ и по нижнему теченію Оксуса и Яксарта начинаютъ ходить ея пароходы; она заключаетъ договоры съ Хивою, Бухарою; черезъ Русскія владѣнія идетъ Монгольско - Китайская торговля на Тобольскъ и Иркутскъ; на Каспійскомъ морѣ все судоходство въ ея рукахъ, наконецъ Русскій фортъ красуется передъ Персидскимъ берегомъ и господствуетъ надъ входомъ въ Астрабадскую гавань.

Кто прослѣдитъ эти точки на картѣ, тотъ съ разу пойметъ всю выгоду и важность такихъ позицій. *Вся сѣверная граница Средней Азии, отъ Японіи до Чернаго моря состоитъ подъ влѣніемъ Русскихъ*, которымъ въ этомъ направленіи подпало все торговое движеніе. Только на сѣверо-западъ, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, лежитъ одинъ великій торговый путь, который повинѣнъ не подчинился ихъ власти: разумѣемъ здѣсь *путь отъ Трапезунта черезъ Эрзерумъ на Тевризъ*, самую важнѣйшую дорогу въ Персію, даже единственную, по которой могла бы Россія безпрепятственно связать торговлю сѣвера съ западомъ.

Въ отношеніи къ этой дорогѣ отъ Чернаго моря къ Тевризъ въ Азербейджанѣ всего лучше выражается важное современное значеніе путей сообщеній. Триестскій Ллойдъ открылъ пароходное сообщеніе съ Трапезунтомъ и Дунай въ то же время покрылся пароходами. Такимъ образомъ мануфактурныя произведенія безопасно доставляются съ Лейпцигской ярмарки, изъ Вѣны, вообще изъ западной Европы въ Трапезунтъ въ четыре недѣли. Изъ этого великаго, нѣкогда знаменитаго столичнаго города имперіи Комниновъ, идутъ товары въ Тевризъ черезъ Эрзерумъ по Турецкой Арменіи, нигдѣ не касаясь Русскихъ владѣній. Здѣсь такимъ образомъ въ Русской системѣ заключается значительный пробѣлъ, который и стараются пополнить. Со временъ Екатерины II Россія неотступно стремилась здѣсь на югъ; рядомъ счастливыхъ войнъ 1774—1829 г. она приобрѣла Крымъ,

Кавказъ, восточный берегъ Чернаго моря, Мингрелію, Имеретію, Гуріаль, Грузію, Персидскую Арменію съ Эриванью, устья Дуная. Это много, но это не все, такъ какъ эти пріобрѣтенія тогда только будутъ вполне округлены, когда и Турецкая Арменія и Малая Азія по южному берегу Чернаго моря, на западъ до Кизиль - Ирмака (древняго Галиса, котораго не могъ переступить Крезъ Лидійскій) или даже далѣе до Синопа не войдутъ въ предѣлы Русскихъ владѣній... Въ Турецкой Арменіи, какъ свидѣтельствуеть исторія, неоднократно завязывалась рѣшительная борьба за господство въ Передней и Средней Азіи». — Таково, по мнѣнію Западно - Европейцевъ, значеніе для Россіи — М. Азіи, въ которую, какъ въ древній свой жилища, уже издавна стремилась изъ Европы стихія Славянская и въ которой она не удержалась и не получила должнаго развитія сначала отъ преобладанія Грековъ, тѣснившихъ народность Славянскую и тѣмъ заставлявшихъ Славянъ переходить къ Арабамъ и вступать съ ними въ союзъ, а потомъ отъ владычества Турецкаго, которое и понынѣ тяготѣетъ надъ милліонами нашихъ соплеменниковъ и единоверцевъ благодаря равнвому соперничеству западныхъ кабинетовъ и соглашенію Англіи и Франціи, впрочемъ естественныхъ соперниковъ.

Въ статьѣ о Славянахъ въ Испаніи я не разъ имѣлъ случай упоминать о богатствѣ историческихъ данныхъ и матеріаловъ, скрываемыхъ въ архивахъ Вѣвы, Венеціи, Далмаціи. Чтобы нѣсколько нагляднѣе показать, какая роскошная жатва ожидаетъ нашихъ молодыхъ Славянистовъ, я приведу небольшой отрывокъ изъ описанія путешествія г. Кукулевича, именно изъ того его мѣста, гдѣ говоритъ онъ о Дубровникѣ.

«Здѣсь я пробылъ три недѣли. Городъ этотъ, хотя и не похожій на то, чѣмъ былъ онъ лѣтъ 50 или 100 тому назадъ, однако и въ настоящее время въ высшей степени замѣчательнъ для каждаго южно-Славянскаго ученаго. Здѣсь еще живы великія воспоминанія прошедшаго, еще удѣляли славные памятники прежней общественной и умственной жизни. Причины современной бѣдности матеріальной и нравственной суть гражданскія несчастія и послѣдствія Французской войны (т. е. мы сказали бы — подчиненіе Дуб-

ровника Австрiи), но здѣсь еще живутъ стѣмена старыѣ Дубровничанъ и немного нужно счастья, чтобы вновь процвѣлъ Дубровникъ.

Сколько позволили мои силы, я употреблялъ здѣсь каждую минуту на обзоръ собранныхъ здѣсь богатыхъ сокровищъ науки и искусства. Я посѣщалъ окружной архивъ, т. е. трибунальнаго суда, библіотеки Францисканскую, доминиканскую и духовной семинаріи, подѣ управленіемъ іезуитовъ, церковныя и частныя хранилища и почерпалъ изъ нихъ данныя для исторiи гражданской, литературной и художественной.

Изъ всѣхъ Дубровницкихъ хранилищъ богатѣйшимъ долженъ быть признанъ окружной архивъ, въ который вошелъ почти весь архивъ бывшей республики (общины), за исключеніемъ того, что перевезено въ Вѣну. Я посѣщалъ его почти каждый день, оставался въ немъ 6—7 часовъ и ознакомился почти со всѣмъ его содержаніемъ, которое и прилагаю здѣсь для свѣдѣнія нашихъ ученыхъ. (Мы приводимъ здѣсь только одну часть его—именно матерьялы исторiи Дубровницкой).

I. *Libri che trattano sopra diverse materie:* Specchio di maggior Consiglio, in carta pecora del anno 1440, 1500, 1600, 1783.—2. Un libro in carta pecora sui maritaggi del Ceto Cobile del anno 1400 in poi.—3. Un libro in carta pecora contenente un compendio di libri degli statuti e di quelli di maggior consiglio.—4. *Un libro di Privilegij in caratteri Serviani.*—5. *Copia di privilegij dei Rè di Spagna e di Sicilia.*—6. Un indice di Privilegij Pontificij e di diversi Principi.—7. Un libro: Ricordanza di minor consiglio del 1608.—8. Due volumi ligati in pelle riguardanti le magistrature e cariche pubbliche della Republica, non che una tela dei stemmi di nobiltà.—9. Un specchio di nobili del Giacomo Miorinis. 1786.—10. Un libro in carta pecora in cui sono registrati gli oblighi, crediti e debiti della Commune dell' anno 1449. 1582.—11. Un libro: Cambj d'uffizj di fuori, del 1545 e 1600.—12. Un libro di lamenti politici dell' anno 1417, 1441, 1519, 1537.—13. Processus secreti minoris Consilii del a. 1547.

II. Libri dell' uffizio delle cinque Ragioni, — di Salinada etc. dell a. 1419 fino al a. 1808.

III. *Miscellanea.* 1. Istrumenti per i magistrati per procedere a norma degli statuti e provvedimenti.—2. Un libriciuolo di varj

Provedimenti e Terminazioni dell' anno 1667. 3. Parti de' Pregati concernenti la cassa publica dell'a. 1667 — 1785.—4. Provedimenti del Senato della Republica concernenti l'Ufficio di Salinaria.—5. Un libro sull'elezione di Capitani di Notte dell' anno 1619.—6. Un libro di Esami delle Famiglie de' Conti de fuori del 1619—1645. — 7. Un libro d' Inventari di robe esistenti ne Palazzi di Conti e Capitani di fuori, del' anno 1638.—8. Delle licenze dei Conti per l'assenza del proprio Ufficio dell' a. 1640.—9. Lamenti di Giusticeria del a. 1670.—10. Di licenze e Precetti, ossia pene di Giusticieri del 1667. — 11. Miscellanea Ecclesiastica del a. 1746.—12. Indice della Reliquie esistenti nel Reliquiario della Cattedrale di Ragusa.—13. Libro di Commissioni dello stato del 1668.—14. Vacchetta del Monastero di St. Chiara.—15. Libro titolare per la corrispondenza coi Principi. — 16. Verificazione delle Terre della Commune nello stato, del 1521.—17. Libro di Salarj delle guardie e Soldati dello Stato del 1614, 1617, 1618. — 18. Varie ordinanze del Consiglio di Pregati, del 1777.—19. Norme per l'elezione di Magistrati.—20. Licenze per la monacazione. — 20. Gabella della Sicurtà. — Capitoli dell'Incorporazione del monastero di S. Maria di Lacroma colla Cougregazione di S. Giustina di Padova.

IV. *Libri che trattano sui Legati, morti e Censi imposti sopra Beni stabili.* 1. Sugli oblighi di Legatori del a. 1444.—2. Libro de Tesoreria relativo ai legati pii. del. 1497.—3. Indice di Legati dell' anno 1549—1606.—4. Monti di Napòli. 1660 etc.

V. *Libri concernenti i Consolati Nazionali e Forestieri.* 1. Libro di Creazione di Consoli Nazionali.—2. Parti di Pregati concernenti i Consolati di Levante del. 1751.—3. Consolati Forestieri in Ragusa del 1757. — 4. Partite accettati dell' uffizio di Consolati di Levante a. 1762—1807. — S. Partite ributtate dell'uffizio etc. del 1702—1807.—6. Conti di Consolati nazionali del 1780.—7. Corrispondenza coi Consolati nazionali, del 1794—1795.

VI. *Libri ossia Registri delle Scritture Turche.* 1. Due Registri intitolati: Dona Turcarum, scritti in italiano. Del 1566. — 2. Un Inventario delle Scritture Turche dell'Anno 1724.—3. Lettere in Illirico del 1729., 1745., 1755., 1780. colle Copie italiane.—4. Un libro di Traduzioni, di Capitulazioni e Fermani turchi in italiano di varj sultani.—5. S. Registro di Comandanti imperiali, hatisce-

rifi e capitulazioni, in italiano del 1784 — 1785. — 6 Un libro maxenie, col Indice, del 1785.—7. Indice delle Bujurulti del passa di Bossina. — 8. Indice degli Orzi. — 9. Traduzioni di lettere Turche.

VII. *Libri dell' Uffizio della Grecia.* 1. Un Giornaletto dell'anno 1622.—2. Bastardello del 1635—1800.—3. Scandaglio di grani del 1595.—4. Strapazzo del 1637.—5. Copia lettere del 1686—1717.—6. Parti di Pregati relative agli ogetti di Grecia del 1687—1774, coi Registri dell'anno 1622—1670.

VIII. *Lettere e Commissioni di Levante*, cioè Lettere registrate, scritte agli agenti, consoli ed incaricati d'affari dell'anno 1361 fino al a. 1802.

IX. *Lettere e commissioni di Ponente* (come sopra) del anno 1566 fino al 1802.

X. *Lettere e relazioni di diversi nobili e varj sogetti illustri da Roma, Vienna, Madrid, Napoli, Venezia etc.* Dall'anno 1605—1699.

XI. *Minute di lettere per Levante e Ponente* dall'anno 1656 fino al a. 1788.

XII. *Libri diversi.* 1. Dell'amministrazione dei procuratori di S. Maria Maggiore del a. 1599. in poi.— 2. Dell'amministrazione degli uffiziali sopra le lane del 1568 in poi.— 3. Dell'amministrazione dei Tesorieri.—4. Repertorio di privilegj e di bolle e brevj pontificj.—5. Copia di privilegj accordati da S. M. Cattolica in suoi regni. — 6. Libri dell'uffizio di navigazione, coi nomi di comandanti di navi.— 7. Matricole delle confraternità a) dell'immacolata concezione, b) di S. Anna, c) di S. Grigorio, d) di S. Michael e in Gravosa, e) di S. Maria dell'Isola di Mezzo, f) di S. Michael e di gornje marzine in Canali, g) di S. Giovanni di Valdassi.— 8. Libro della fabrica della chiesa del Duomo di Ragusa. — 9. Contratti dall'anno 1377.— 10. Testamenti dall'anno 1363—1807.— 11. Lettere dei principi e primi ministri etc.

XIII. *Libri varij e (?) Pregajo Senato.*— 2. Consilii Rogatorum dall'anno 1418 fino al 1802.— 3. Maggior consiglio dall a. 1419 al 1806.— 4. Minor consiglio dall' 1415 al 1805. Con indice.—5. Liber reformationis consilii rogatorum dall'anno 1306 al 1802.— 6. Praecepta Rectoris etc.

Затѣмъ указываетъ Кукулевичъ на памятники особенной важности для юго-Славянскои исторiи преимущественно до к.

XV в., писанные по Латыни и по Славянски. Наибольшая часть изъ нихъ вошла кажется въ новѣйшее прекрасное собраніе Сербскихъ памятниковъ графа Ореста Почича.

Не только документальная и официальная письменность Дубровника, но и самая его богатая словесность, приведенная въ лучшую извѣстность, сообщить можетъ много болѣе или менѣе важныхъ свѣдѣній относительно Славянъ въ Испаніи. Подтвержденіемъ такой мысли служить для насъ между прочимъ и слѣдующій отрывокъ изъ Латинскаго стихотворенія Дубровничанина Рести объ о-вѣ Меццо (см. Appendini—Not. I, 204).

Neve virum minor ingeniis est gloria: ad artes
 Quilibet est illic impiger omnigenas,
 Unde per Illyricas genti celeberrima gentes
 Fama stat a priscis didita semper Avis.
 Cum magnis Elaphis tenuisset classibus aequor
 Insula utroque olim nobilis Oceano,
 Dives opum, dives praeclaræ gentis alumnis,
 Cum regno incolumis staret Hibera domus;
 Tunc qua sol oritur, quaque altis mergitur undis
 Ultimo odoratae a limine Taprobanes
 Iguotas usque ad nemorosae Atlantidos oras
 Omnia Elaphiti sunt freta pulsa rati.
 Quidquid Arabs, quidquid molles misere Sabaei,
 Decolor aut Indus, Memnoniaequæ domus
 Gemiferi Gangis, Nilique Aegyptia tellus,
 Rursus et Occiduis quidquid ab Oceani
 Littoribus trans et Tartessia littora, et Afros
 Summittit Liguri terra reperta viro,
 Omne id Elaphis in ponto vectare carinis
 Dextra dedere sui numina Mercurii.
 Institor a parva Batavus statione locorum
 Haud aliter toto velificare mari
 Audet adhuc, opibusque novas supperaddere structis
 Omnia quaesitas per freta divitias.
 Fortunata Elaphis nimium, si littora nunquam
 Nosset arenosis Carolus Afra vadis!

Filius aut ni animos Anglae tentasset Elissae!
 Heu tibi quod potuit tunc superesse animi,
 Ingenti cum bis jacuisti vulnere victa,
 Elaphis, heu lecta pube minuta virum!
 Et tua vesanas omnis cum gaza per undas
 Disjecta infesto tabuit Oceanol

На обширность связей старых Дубровничанъ намекаетъ и Ганибалъ Лучичъ въ своемъ интересномъ стихотвореніи: «Граду Дубровнику». Такъ между прочимъ онъ говоритъ:

Тога пиѣ свикъ прави, а право на вѣру.
 Да мудро борави Дубровникъ у миру.
 Нѣга ти свака варстъ людихъ, и ка има,
 И кои нима карстъ, любви и приима.
 Не само до ждрила, доклино-вира рихъ
 Мало манѣ саспила наша и за нашъ грихъ,
 Да даље јошъ тамо, глвно се не хвали
 Разми законъ само погански презали;
 До тамо, гди море Александеръ насѹ,
 И чулно приморе Тиро градъ и разсу,
 Александеръ, ки би одъ Сѣрбљихъ краљ, и ки
 За тимъ васъ свитъ доби и зва се велики.
 Туй кримижъ изъ воде вади се царкни,
 Кимно се господе одиѣа царкни.
 И тамо гди Нила рике зъяо уста,
 Кој вишѣуѣи врѣла човика моѣъ сушта.
 Гди малвиѣ временомъ исти краљ сазѣа
 Градъ, ки се именомъ његовимъ повида.
 И тамо, гди града плеженита достѣ
 Само леже сада разтаркане кости,
 Съ кимно се Римъ бори одъ свѣта о станк,
 Терѣ га разори, и да му скончанк.
 Будѣ да заплака и онъ тога прия
 И затимъ јошъ пака касно се насмѣа.

О фамиліи Охмучевичей, вгравшей не неважную роль въ монархіи Испанской, имѣется на Испанскомъ и Итальянскомъ языкѣ цѣлый сборникъ, заглавіе и содержаніе котораго сообщены мнѣ А. Ф. Гильфердингомъ, за что приношу ему свою искреннюю благодарность.

Privilegios concedidos por los Señores Reyes; y Emperadores del Regno de Ungria, Bosna, Seruia, Croacia, Dolmacia y Macedonia a los Condes de Tvhegl de la Casa, y Linaje Ohmuchieulich Gargurich. Sobre las Donaciones de Feudos que dichos Condes poseian en Bosna y Macedonia. Traducidos por orden del Sacro Real Consejo de Napoles de la lengua, y caracter Illyrico en que estaban escritos, en caracter y idioma Italiano como se contienen en dicho Sacro Real Consejo de Santa Clara.

Confirmados por la Majestad Cesarea de Ferdinando Terçero Emperador de Romanos y Rey de Ungria, al Almirante Andres de Nicolao Ohmuchieulich, y à D. Pedro de Ybella Ohmuchienich Cavallero de la Ordè de Santiago, y a D. Carlos de Ybella Ohmuchieulich hijos del dicho Almirante. Declarados por Su Magestad Cesarea por deçandientes de los dichos Condes de Tvhegl, y de Castoria.

Въ предисловіи есть упоминаніе объ Орбинн. — Затѣмъ читаемъ слѣд.: «Die XIV mensis maij 1594 Neapole presentes exemplationes et traductiones, ut sequuntur, fuerunt praesentatae et exhibitae per reverendos fratrem Angelum de Trau et Patrem Don Gregorium Aquiclarinum.

Утвердительная грамота Фердинанда III относится къ 10 іюня 1650 г., а послѣдній изъ документовъ этого сборника приводится отъ 20 апр. 1653 г. изъ Неапольской Magna Curia Viscaria.

Въ сборникѣ приводятся и Сербскія жалованныя Охмучевичамъ грамоты (по всей вѣроятности фальшивыя) отъ 1268, 1349 гг. и пр.

Ж.

Въ доказательство, что исторія отношеній Славянъ къ Пиринейскому полуострову можетъ представить не мало занимательнаго и потому заслуживаетъ изученія, я позволю себѣ указать на нѣкоторыя данныя изъ исторіи отношеній къ Испаніи нашихъ предковъ, которые менѣе другихъ своихъ соплеменниковъ имѣли случай входить въ столкновенія съ соотечественниками Мурильо, Кальдерона, Сервантеса. Въ 1524 г. отъ великаго князя Московскаго Василія Ивановича отправлено было Русское посольство къ императору Карлу V. Порученіе это исправлено было княземъ Иваномъ Ярославскимъ Засѣкинѣмъ, который и былъ въ Мадритѣ. При Иванѣ Васильевичѣ IV, въ числѣ иностранныхъ торговцевъ, проживавшихъ на Руси, встрѣчаемъ и Испанца *Ивана Деваха Бълоборода*, который торговалъ у насъ драгоцѣнными камнями и пользовался большимъ благоволеніемъ Грознаго, къ неудовольствію Англичанъ. Испанскимъ и Нидерландскимъ купцамъ дозволено было въ то время торговать въ Цудожерскомъ Устьѣ¹. Любопытно, что на Западѣ въ XVI в. подозрѣвали о какихъ-то тайныхъ политическихъ связяхъ двора Московскаго съ Испанцами противъ Турокъ. Такъ по крайности открывается изъ одного письма епископа д'Ака (d'Acqs), посланника Генриха II въ Венеціи къ Лавиню (Lavigne), Французскому посланнику въ Константинополѣ. Въ 1558 г. писалъ епископъ д'Акъ между прочимъ слѣдующее: «Quant à la victoire que les Moscovites ont eue sur les Turcs, il n'y a rien de plus certain; et la devez ainsy dire et asseurer au Grand-Seigneur et son Bassa, que le roy Philippes luy a suscité cest ennemy; car je me souviens très bien que, lorsque j'étois ambassadeur en Angleterre, l'ambassadeur du roy des Moscovittes y arriva pour ouvrir et establir un commerce et trafficq de martres, cire, lings et autres marchandises entre ceulx de sa nation et les Anglois. lequel ledict roy Philippes, outre les honneurs et riches présents qu'il eust tant de luy que de la royne sa femme, le feist, souz couleur desdites marchandises, accommo-

1. Кар. И. Г. Р. IX, с. 469 (изд. Смирн. 1852).

der de toutes sortes d'armes offensives et deffensives. et par exprès d'artillerie dont ils estoient ignorans, et des artisans mesmes, affin d'avoir meilleur moyen de s'en prévaloir à l'endroit dudict Grand Seigneur, contre lequel il les a esmeus et suscités, dont est ensuivye la deffaiète que vous m'avez mandée. De quoy vous adviserez de faire votre proffict affin d'animer toujours davantage S. H. à se venger du common ennemy, qui a délibéré de vouloir passer en Espaigne, estant l'armée qui se prépare en Angleterre expressément dressée pour le servir et favoriser son passage». — (Négociations du Levant... publiées par Charrière. t. II, p. 469). — Царь Алексѣй Михайловичъ, серьезно помышлявшій о введеніи Россіи въ систему Европейскихъ державъ, въ 1667 г. отправилъ посломъ къ Испанію стольника и намѣстника Боровскаго Петра Ивановича Потемкина. Въ статейномъ спискѣ этого посольства находится и краткое описаніе Испанцевъ и ихъ земля, любопытное между прочимъ и въ томъ отношеніи, что сильно опровергаетъ столь распространенное теперь у насъ мнѣніе о томъ, что предки наши до Петра В. питали какую-то непримиримую ненависть ко всѣмъ иностранцамъ. Потемкинъ замѣчаетъ напр. въ своемъ описаніи: «Вѣра у нихъ Католичская, и крѣпки въ вѣрѣ своей таковы, что ни которыми мѣрами не дають въ государствѣ своемъ иныя вѣры костела или кирки или школы Жидовскія поставить въ Испанскомъ государствѣ; и если кто похочетъ въ государствѣ ихъ жить много государства человекъ и вѣры иныя, немочно тому человекъ жить въ государствѣ Испанскомъ, если не будетъ съ ними въ Католичкой вѣрѣ и къ ихъ костелу приходить». — Указавъ на множество монастырей и костеловъ, все «великихъ и стройныхъ», и описавъ краткѣ нѣкоторые изъ нихъ, Потемкинъ затѣмъ говоритъ: «Въ Испанскомъ государствѣ великородные и всякихъ чиновъ люди платье носятъ черное, строешь особымъ при иныхъ земляхъ. Они жъ носятъ при себѣ по двѣ шпаги: одна мѣрна добрѣ, а другая короткая, и тое шпагу короткую скрыто носятъ. *Во нравѣхъ своеобычны, высоки*¹. Большая

1. Тотъ же Потемкинъ, посѣтившій потомъ Францію, такъ замѣтилъ о Французяхъ: «Во Французскомъ государствѣ вѣра католичская, подѣ паствою ины Римскаго. Люди во Французскомъ государствѣ чловѣчны и ко всякимъ наукамъ философскимъ и къ рыцарскимъ тщательны. Изъ иныхъ государствъ во Французскую землю, въ городъ Парисъ и въ иныя города прѣзжаютъ для науки фи-

часть ихъ ѣздить въ коретахъ. Неупьянчивы: хмѣльнаго питья пьютъ мало и ѣдятъ по малу жь. Въ Испанской землѣ будучи посланники, и всѣ посольскіе люди, въ шесть мѣсяцевъ не видали пьяныхъ людей, чтобъ по улицамъ валялись или, идучи по улицѣ, напився пьявы, кричали. Домостройные люди, навпаче всего домашній покой любятъ, и пр. Потемкинъ и товарищи въ статейномъ спискѣ своемъ показали также, что 19 апрѣля пріѣзжали къ нимъ, посланникамъ, «Королевскаго Величества Думный Дьякъ Петръ Фернандъ дель Кампо, да съ нимъ Приставъ Франциска де Лира, и сказывали имъ между прочимъ: «А какъ великій государь Вашъ, Его царское Величество укажетъ своего государства купецкимъ людѣмъ изъ великаго Россійскаго царствія пріѣхать на корабляхъ Испанскаго государства въ города, которые подъ державою великаго государя ихъ, Его королевскаго Величества и тѣмъ купецкимъ людѣмъ великаго Государя вашего, Его царскаго величества, во всѣхъ городѣхъ будетъ всякая повольность и свобода, какъ иныхъ государствъ торговымъ купецкимъ людѣмъ въ государствѣ ихъ бываетъ и пошлину ѣскать съ нихъ будутъ по тому жь, какъ и иныхъ государствъ съ торговыхъ людей въ Испанскомъ государствѣ пошлину емлютъ. А которые купецкіе торговые люди великаго государя нашего, его королевскаго величества, похотятъ ѣхать въ Россійское великое государство, ко пристанищу карабельному къ Архангельскому городу со всякими товарами и имъ отъ коро-

---

логосской и для ученя разнаго строя королевичи и великородные и всякихъ чиновъ люди, потому что городъ Парисъ великій и многолюдный и богатый и школъ въ немъ безчисло много: студентовъ въ Парисѣ бываетъ тысячъ по тридцати и больше» (Русск. Визл.). Еще съ большимъ сочувствіемъ отзывался Василій Лихачевъ (1639 г.) объ Итальянцахъ. Съ восторгомъ отзывался онъ напр. о Флоренціи: «а много описать не умѣть, кто сего не видалъ, тому и въ умъ не прійдетъ». Про Болонію замѣчаетъ онъ же: «городъ великъ, красивъ и многолюденъ, и людей торговыхъ и мастеровыхъ много: больше и красивѣ Флоренская. Въ Амстердамѣ поразило его не одно многолюдство: «а къ вышнимъ и безотечинымъ и ко всякимъ недужнымъ попеченіи и строю ни въ которыхъ градѣхъ такого нѣтъ: дворъ каменный, а въ немъ полаты, а въ нихъ во учлищѣ человекъ съ 400; полата, двѣицъ съ 300; три полаты съ женщинами, а всѣмъ пища и одежда и мѣста отъ бурмистровъ и отъ торговыхъ людей, да и руководзіе всѣмъ указано, кто что умѣетъ, а дѣлаютъ на бурмистровъ. Богатѣльня великая каменная, полата красная. Во всѣхъ этихъ отзывкахъ нѣтъ и слѣда какой либо ненависти и истеричности къ чужеземцамъ; однако ни Лихачева, ни Потемкина нельзя ниимомъ образомъ причислять къ людямъ необыкновеннымъ, стоявшимъ выше своего общества.

левскаго величества о томъ позволено будетъ со всякою свободою, какъ и въ нынѣ государства для купечества на корабляхъ ходять¹.

Едва прошло шестьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ Испанскіе министры разсуждали такимъ образомъ въ Мадридѣ съ посланниками царя Московскаго, — и вотъ уже его сынъ, геніальный побѣдитель Полтавскій, такъ пишетъ изъ новостроеннаго Петербурга посланнику своему въ Гагъ, подполковнику Преображенскому князю Куракину, отъ 20 сентября 1719 г. — *«кромѣе нынѣ Англичанъ въ союзъ со Шведами вступили, того роду надлежитъ вамъ всемирно Гиспанской стороны искать и что мы противъ ихъ съ ними вступить готовы и нарочитую персону къ нимъ послать на резиденцію, такъ же желаемъ и отъ нихъ здѣсь имѣть, дабы удобнѣе корреспонденція была, только требуемъ обнадеживанія перво, подлинноль они войну стануть продолжать до возраста короля Французскаго, буде не могутъ со всѣми, то хотя съ Англичаны не помирятся ль до тѣхъ имѣть. Нынѣ на Аландъ прислали къ нашимъ министрамъ Англичанъ посолъ, которой въ Швеціи, Иноррисъ ко мнѣ письма, по обычаю ихъ варварской гордости съ угрозами, съ которыхъ наши министры просили копій и когда получили и видя такую мерзость не пріяли. Того ради накрѣпко можешь обнадежить, что мы ни на какія ихъ угрозы не посмотримъ и не полезнаго миру не учинимъ, но чтобъ ни было, будемъ продолжать войну, возлагая надежду на правосудца Бога, противъ такихъ проклятыхъ обманщиковъ. Къ тому сей способъ предложи, что Англичаня нынѣ съ нами почитай войну начали и для того всегда не могутъ мевше дватцети, а чаю и болѣе воинскихъ караблей дер-*

1. Что въ до-Петровской Руси понимали важность непосредственныхъ торговыхъ сношеній съ Испанією, видно изъ объясненія, поданаго въ 1673 г. въ отвѣтной палатѣ боярамъ отъ Русскихъ гостей по вопросу о торговлѣ шелкомъ сырцомъ. Они замѣчали: «въ прошлыхъ годѣхъ, по указу блж. пам. В. Г., посылали во Французскую и въ Гиспанскую земли посломъ стольникъ Петръ Потемкинъ и съ нимъ Петромъ во Французской и въ Гиспанской землѣхъ въ отвѣтѣхъ многіе были разговоры, чтобъ В. Г. кораблямъ ихъ съ золотомъ и съ ефимками и съ товарами позволятъ пріѣзжать къ Архангельскому городу для торговыхъ промысловъ, и къ Ц. В. въ любительныхъ грамотахъ о томъ писали съ прошеніемъ и потому явство, что во Франц. и въ Гисп. землѣхъ немалое желаніе подданныхъ своихъ о торгѣ у Архангельскаго города имѣютъ, а наипаче нынѣ имѣти будутъ, какъ увидаютъ привозъ шелку сырцу къ городу Архангельскому, потому что тотъ товаръ имъ паче всѣхъ товаровъ надобенъ». (См. Полн. Собр. Зак. I, № 839, стр. 923).

жать въ Остѣе, да съ адмираломъ Бинеконъ въ Медитерранскомъ морѣ чаю еще болѣе, и такъ чаю на весну удобно будетъ на Англію намѣренную экспедицію имъ исправить во время сего раздѣленія ихъ флота»¹. Тѣмъ высшимъ безсознательнымъ чутьемъ, которымъ одарены бывають гениальные люди, Петръ удивительно ясно понималъ, что Россія, входя въ систему Европейскихъ державъ, выступаетъ съ *особымъ характеромъ*, съ *своимъ призваніемъ*, какъ *представительница Славянскихъ интересовъ*, на охрану и защиту которыхъ въ то время все болѣе оказывались несостоятельными другіе народы Славянскіе, изъ которыхъ одни давно уже томились въ неволѣ Турецкой, подпавши ей почти одновременно съ Куликовскою битвою, а другіе, Чехи, Поляки и Дубровничане, все болѣе и болѣе подчинялись тяжелому игу Римско-Нѣмецкихъ порядковъ. Въ теченіи всей исторіи своей поставленный между двухъ опасныхъ и сильныхъ противниковъ и соперниковъ, Азіатовъ и Нѣмцевъ, Греко-Славянской міръ не могъ, подобно западнымъ своимъ братьямъ, вполне посвятить всей своей дѣятельности на созданіе своей собственной образованности. Всякой правдивый, безпристрастный наблюдатель даже изъ враждебнаго стана никогда не позволитъ себѣ легко, безъ чувства глубокой благодарности, упоминать о прожитыхъ годахъ Греко-Славянскаго человѣчества. При всѣхъ своихъ, часто невыносимо-тяжелыхъ обстоятельствахъ, Славяне (не упоминая уже о Грекахъ) не мало потрудились для Европейскаго просвѣщенія, то кидая новыя смѣлыя идеи (Гусъ, Іеронимъ, Хельчицкій, Коперникъ), которыми воспользовались другіе, болѣе ихъ счастливые народы, то своею грудью отставвая Западъ отъ дикихъ полчищъ Азіатовъ, мечтавшихъ объ однихъ грабежахъ и насиліяхъ. Для сохраненія своей самостоятельности, погибавшей отъ внутреннихъ усобицъ и раздоровъ, этихъ незаконныхъ дѣтей свободы, въ лучшія свои эпохи и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей, Славяне стремились, какъ и предписывала имъ разумная, самою исторіею указанная, политика, съ одной стороны къ взаимнымъ союзамъ, а съ другой къ сближенію съ племенами Романскими, и особенно съ низшими, простонародными ихъ классами, задавленными Нѣмецкими насельниками-завоевателя-

1. Изъ Государственнаго Архива.

ми и ихъ потомками феодальными владѣтелями. По той роковой непослѣдовательности, отъ которой рѣдко кажется бывають свободны самыя величайшіе историческіе дѣятели, Петръ В., покосивши внутри государства много Славянскихъ обычаевъ, во внѣшней политикѣ является прямымъ оберегателемъ интересовъ Славянскаго міра. И въ этомъ отношеніи онъ былъ продолжателемъ трудовъ не только царей Московскихъ, но и Чешскихъ Гуситовъ и государственныхъ людей Польши, какъ напр. незабвеннаго Яна Замойскаго. Въ подтвержденіе этой мысли, ограничиваюсь въ настоящемъ случаѣ приведеніемъ нѣсколькихъ примѣровъ только относительно сближенія Славянъ съ народами Романскими. Въ XV в. Гуситы Чешскіе посылають свои манифесты и циркуляры Итальянцамъ въ Венецію, — въ Испанію, во Францію, — по крайности, въ ней, слѣдуя ихъ примѣру, добрый Яковъ начиналъ подыматься противъ феодаловъ и даже, какъ напр. въ Дофинне, посылалъ тайно денежныя пособія Чехамъ, къ великому неудовольствію высшаго духовенства Французскаго. Въ XVI в. Дубровничане и др. Славяне Адриатическіе обладали богатою литературою, развившеюся не безъ сильнаго вліянія Итальянской, впрочемъ не вовсе подражательною, такъ какъ сами Итальянцы находили удовольствіе читать въ подлинникахъ нѣкоторыхъ поэтовъ Дубровницкихъ: напр. извѣстно, что Герцогъ Тосканскій Фердинандъ III читалъ Гундулича по Славянски. Одинъ изъ писателей Дубровницкихъ оставилъ намъ свое стихотвореніе: *Итали*, ясно свидѣтельствующее о томъ сочувствіи, которое питали къ ея судьбѣ Славяне Адриатическіе, вообще не мало потрудившіеся для образованности Итальянской. Авторъ этого въ высшей степени замѣчательнаго произведенія Мавро Ветраничъ, по прозванію Чавчичъ, родился въ Дубровникѣ въ 1482 г. и умеръ въ глубокой старости въ 1576 г. Изъ его прекрасныхъ, и по формѣ художественныхъ, стиховъ приведемъ только нѣсколько. Вспомнивъ ея прежнее величіе и славу, онъ обращается къ современному положенію, ко времени Итальянскихъ войнъ Франциска I и Карла V, тогдашней борьбы Франціи и Германіи за владычество на Аппенинскомъ полуостровѣ. Обращаясь къ Италиі (Латинко госпоје), поэтъ восклицаетъ:

За что си твою влас (ть) туѣиномъ подала,
 Тер зовешь туѣине и люде незнае,
 Да робе и пливне Латинске теј стране.

Указавъ ей на причину ея несчастій — внутренніе раздоры и несогласіе и пропустивъ папизмъ, такъ какъ былъ католикъ, Ветраничъ взываетъ въ заключеніе къ Италиі, совѣтуетъ ей стать собою (*Italia faga da ze*), изгнать чужеземцевъ и не позволять болѣе клеветать себя ни орлу — Германіи, ни пѣтуху — Франціи.

Госпоје одъ госпој, затој се спомени,

Сама се посвои, а туѣе одждени;

Оружни тай звокотъ нека се не чук

И орао и кокотъ нека те не клюк¹.

Въ к. XVI и нач. XVII в. Польша, находясь въ явной враждѣ со Швеціею и въ непріязненныхъ столкновеніяхъ съ Англіею, встрѣчала союзника въ Испаніи, которая должна была желать, чтобы у Поляковъ въ Балтійскомъ морѣ былъ сильный флотъ. Посланникъ ея въ Польшѣ, Мендоза, въ 1598 г., представлялъ сейму тѣ убытки, которые терпитъ Польская торговля съ Испаніею отъ Англичанъ. По требованію сейма отправленъ былъ въ Англію Поморскій воевода Павелъ Дзялынскій для переговоровъ о свободномъ плаваніи Поляковъ въ Балтійскомъ морѣ и Атлантическомъ океанѣ. Когда же, при Петрѣ, у Россіи завязалась борьба со Швеціею за обладаніе Балтійскихъ провинцій, то естественнымъ союзникомъ Швеціи являлась Англія, а Россіи Испанія — по давнишнему своему соперничеству съ Ан-

1. Въ наше время благородный патриотъ и даровитый поэтъ южно-Славянскій Томашичъ (авторъ превосходной популярной книги *Iskrice*, родъ сборника гражданскихъ поученій, запрещеннаго въ Австріи) есть вмѣстѣ съ тѣмъ и прекрасный писатель итальянскій — Томасео. Напоминаю также, что Торквато-Тассо, чудно воспѣтый нашимъ Батюшковымъ, былъ соединенъ тѣсною дружбою съ Станиславомъ Решкою, Польскимъ посланникомъ въ Италиі. Указавъ на мѣста изъ его стихотвореній къ Решкѣ, изъ которыхъ видно желаніе злополучнаго поэта искать себѣ убѣжища въ Польшѣ, почтенный Чиампи написалъ нужнымъ образомъ слѣдующее: «*Quale meraviglia dunque che in tale deplorabile stato venisse in mente all'infelicissimo Torquato di rifugiarsi all'ombra della Polacca ospitalità, dove da tempo remoto trovarono pace e fortuna tanti non meno illustri, che infelici Italiani, alcuni de' quali anche perseguitati da Triregni e Corone? uno tra gli altri fu il noto celebre litterato Filippo Bonaccorsi.... Nel secolo decorso varii artisti e letterati Italiani, alcuni andativi per propria volontà, altri vi andarono chiamati dal reale ministero della pubblica istruzione di quello Regno*» (Bibl. crit. III, 19). Въ то время, какъ Тассо томился въ темницѣ въ Феррарѣ, Петръ Кохановскій въ своихъ стихахъ знакомилъ Поляковъ съ его произведеніями.

глією. Выше мы привели письмо Петра В. отъ 1719 г., — вотъ что писалъ онъ тому же князю Куракину въ 1718 г. (27 сент.):

Господинъ подполковникъ.

Письмо твое о баталіи морской при Сициліи купно и съ приложенною росписью, сколько Гишпанцы потеряли изъ флота и сколько спаслось, я получилъ. Предъ симъ писалъ ты, что посолъ Гишпанской вамъ говорилъ, чтобъ ближе намъ всего прицѣпаломъ въ дружбу и союзъ вступить и что они желаютъ скорого мира между нами и Шведами и что обѣщали Шведамъ нѣкоторую сумму великую, ежели вступятъ въ Германію, на то все къ тебѣ отвѣтствовано, какъ поступать, но все сіе до сего упадку было, того для нынѣ надобно ближе къ онымъ являтца и утверждать, дабы не помирились, обнадеживая съ своей стороны гораздо секретно. Нынѣ предъ нѣсколькими днями писалъ Сава Рагузинской, что говорилъ ему въ Вѣнѣ посолъ Гишпанской, будто король ихъ намѣренъ свататца дочь мою за своего сына, а вмѣсто приданого желаетъ шести кораблей, а за то обѣщаетъ сумму по два милліона на годъ, съ кѣмъ война будетъ. Противъ чего писалъ я къ нему, чтобъ онъ въ то не вступалъ, но ежели и имъ то надобно, чтобъ говорили тебѣ о томъ; правда ли то или нѣтъ, Богъ вѣдаетъ. Толко тому вѣрить мочно, что имъ въ нынѣшнее время союзники и корабли надобны, что обое отъ нашей стороны получить могутъ: войска, гдѣ удобно будетъ также и съ корабли, а именно одинъ сорока четырехъ, четыре по пятидесять по четыре, одинъ пятьдесятъ восемь пушечныхъ, но перво надлежитъ окончить со Шведами, которое дѣло уже къ заключенію было пришло, но Миллеръ, министръ Швецкой, будучи перекупленъ отъ Ганверцевъ, въ томъ нѣкоторую препону учинилъ, чего для Герцъ паки съ конгреса принужденъ былъ ѣхать къ королю для поправленія сего дѣла и понеже мы денегъ не имѣемъ (какъ самъ знаешь), того ради надлежитъ Испанцамъ сіе дѣло въ Швеціи при дворѣ дѣлать и большимъ числомъ перекупить противъ Ганвера, а именно тогожъ Миллера и его племянника фонъ-Коха, который у короля секретаремъ, также и Герца, хотя оный и склоненъ, но подмазать лутче, также Рейншилда, который въ сихъ двякъ размѣнитца. Сей по-

слѣдній, сколько можно къ сему видѣть. зѣло склонно къ сему дѣлу себя показалъ и согласно съ Герцомъ, однакожь внутреннее Богъ вѣсть, того ради и его имъ удовольствовать надобно, ибо Герць въ сей разъ меня такъ просилъ, дабы Рейншилда для того размѣнить, чтобъ онъ будучи безъ него, у короля дѣла его поправлявалъ. О семъ о всемъ вышеписанномъ прошу трудъ свой приложить и въ вышнемъ секретѣ содержать».

Мысль о сближеніи съ Испанією, о скрѣпленіи съ нею связей не покидала кажется Петра В. Онъ посылалъ Русскихъ гардемариновъ во флотъ Испанскій, хлопоталъ о заведеніи компаніи для торгу съ Испанією. Нижеслѣдующіе документы ясно свидѣтельствуютъ о томъ значеніи, какое придавалъ онъ тѣснымъ связямъ Россіи съ Испанією.

27 ноября 1718 г. писалъ онъ князю Куракину:

Господинъ подполковникъ.

«Писалъ ты, что посолъ Гишпанской гардемариновъ нашихъ принять въ галерную службу обѣщалъ, что зѣло изрядно и для того старайся и о другихъ гардемаринахъ нашихъ, кои во Франціи, дабы и тѣхъ привяли въ карабельную службу и ежели онъ посолъ склоненъ будетъ ихъ принять, то и не отписався къ намъ, пиши во Францію къ министру нашему Шлейнцу, дабы онъ тѣхъ нашихъ гардемариновъ изъ Брести и изъ Тулона отправилъ въ Гишпанію».

О томъ же писалъ Петръ и въ письмѣ своемъ къ Куракину отъ 11 декабря того же года.

ИНСТРУКЦІЯ ЯКОВУ ЕВРЕЙНОВУ.

Понеже всѣхъ Европейскихъ наций въ Гишпаніи въ городѣ Кадиксѣ обрѣтаются консули и купцы торгуютъ товарами съверныхъ странъ и чрезъ такое многое купечество великія суммы золота и серебра изъ того города вывозятъ и тѣмъ себя обогащаютъ, а торгъ ихъ больше состоитъ маштами, досками и иными лѣсными товарами, которые употребляютъ къ строенію домовъ и кораблей, также канатовъ въ смолѣ, рыбномъ жирѣ, салѣ, воскѣ, мѣди, желѣзѣ, стали, холстахъ и въ иныхъ многихъ товарѣхъ, когорые за помощію Божією въ Россіи давно обрѣтаются, также и флотъ, который изъ Гишпаніи въ

Америку ходитъ, состоитъ въ 20 и въ 30 корабляхъ, между которыми всякой отъ 40 до 50 пушекъ, а тѣ корабли продаютъ имъ Англичана и Голанцы, отчего не малый себѣ авантажъ имѣютъ, понеже оныя употребляютъ прежде у себя лѣтъ 10 или 12, потомъ проводятъ въ Гишпанію и продаютъ на счетъ королевской и партикулярной, за что получаютъ не малое число денегъ и почитая мало не весь оный флотъ состоитъ изъ такихъ купленныхъ кораблей, а не нарочно дѣланныхъ. Того ради ѣхать тебѣ изъ Голландіи въ Гишпанію съ княземъ Иваномъ Щербатовымъ, обѣимъ подъ именемъ валентировъ, какъ и прежде многіе Россійскіе люди ѣздили въ Мандритъ къ обрѣтающемуся тамо министру князю Голицыну, которому велѣно тебѣ при тамошнемъ дворѣ объявить и о житіи твоёмъ въ Кадиксѣ и в торговлѣ Россійскому народу исходатайствовать указъ, а Щербатову велѣно ѣхать прямо въ Кадиксѣ и тамо съ купцами тамошней націи, а не съ другими, получить знакомство и тайнымъ образомъ развѣдывать о той комерціи и разговаривать съ купцами и дожидаясь тебя съ указами, дабы они тебѣ и себѣ основать могли знакомство, а какъ ты въ Кадиксѣ пріѣдешь и указъ о себѣ объявишь и консуломъ принять будешь, тогда ему Щербатову знакомцевъ своихъ велѣно тебѣ объявить, а тебѣ будучи въ Кадиксѣ въ комерціи поступать слѣдующимъ образомъ.

1.

Будучи тебѣ въ Гишпаніи всѣ оной чести, привилегіи и прерогатива имѣть, которые другихъ коронованныхъ главъ иностранныхъ такоготоже характера консули употребляютъ и долженъ ты всѣхъ нашихъ подданныхъ торговыхъ людей, которые тамъ будутъ, во всякихъ случаяхъ охранять — всякіе споры судить между ими, кромѣ криминальныхъ дѣлъ.

2.

А когда знакомство получишь, тогда спрашивать, какихъ товаровъ, сколько имъ надобно и о томъ писать во время, а именно, дабы тѣ твои письма доходили сюда о товарахъ въ маѣ и въ сентябрѣ, дабы по первымъ готовые, которые в здѣсь находятся, моремъ отправлять, а по другимъ зимою справляться время было и писать подлинную цѣну товаромъ.

3.

Товары, которые будут по вашимъ вѣдомостямъ присылаться, надлежитъ ихъ продавать на тамошнія деньги и слитки серебряныя и золотыя, а чего не можно, то мѣнять на товары, а именно на шерсть конценель, сандалъ, масло деревянное, суда и соль для баласта. Но чтобъ немного оныхъ было, но сколько возможно больше на деньги продавать, усматривая, чтобъ Россійскимъ товаромъ цѣны не понизить, а притомъ какъ возможно тебѣ усматривать, чтобъ при продажѣ Россійскихъ товаровъ другихъ напей купцы; напимѣръ Французы, Голандцы, Италианцы и всѣ, которые имѣютъ торгъ съ Гишпанією, какова помѣшательства въ начинаніи той новой комерціи не учинили.

4.

А понеже оныя прочихъ напей купцы имѣютъ тамо въ Гишпаніи издавна свое купечество и безсумнѣнно отъ нихъ въ начинаемой сей съ Россією комерцією помѣшательство чиниться будетъ. А ежели они для того свои товары таковогожъ качества, каковы Россійскіе товары, продавать станутъ, не смотря на свои убытки какою цѣною, того ради внушать тебѣ Гишпанцамъ, что оныя то чинятъ только для того, чтобъ помѣшати начинаемую Россійскую комерцію. А потомъ паки на товары свои цѣны возвысить, однакожъ въ такомъ случаѣ для новаго торгу продавать тебѣ товары и по той цѣнѣ, по которой они продавать свои станутъ или хотя малымъ, чѣмъ передъ оными въ цѣнѣ и съ уступкою, *чтобъ Гишпанской народъ съ Россійскимъ обязать купечествомъ*, а ежели усмотришь, что Гишпанцы желательно станутъ требовать довольнаго числа Россійскихъ товаровъ, тогда съ ними письменно обязаться въ поставкѣ такихъ товаровъ и числа онымъ, токмо въ тѣхъ обязательныхъ письмахъ всемѣрно себя хранить, чтобъ все именно, какъ кондиціи, такъ и качество товаровъ постановлено было, дабы вѣрная имъ была противъ договорнаго письма чивена товаромъ поставка. И сверхъ того всемѣрно себя въ записяхъ остерегать надлежитъ, чтобъ себя въ тѣхъ записяхъ не отяготить, напимѣръ, чтобъ въ записяхъ никакого товару за самое лучшее обѣщать, но просто писать о товарѣхъ добрыхъ, о числѣ мѣры и

вѣсу и какъ возможно обязывать ихъ въ томъ, чтобъ безъ всякой отговорки тѣ товары приниманы отъ нихъ были, а чтобъ сначала сей новой комерціи привозомъ великаго числа товаровъ не повредить цѣны и расходу, того ради надлежитъ прежде подлинно освѣдомиться, коликое число тѣхъ Россійскихъ товаровъ можетъ розойтись, для того во обязательныхъ письмахъ зъ первую поставку не лишнее число обѣщать, чтобъ товары вѣдшіе всегда въ чести содержаны были, также развѣдавъ подлинно о ихъ флотѣ, который въ Америку ходитъ, какое число и какіе товары Россійскіе туда отпускаются и въ которое время, также и корабли какимъ образомъ отъ другихъ націй они покупаютъ и какое на нихъ употребляется довольство такелажу и о томъ о всемъ писать съ подлиннымъ обстоятельствомъ, не упуская времени.

5.

Тебѣ жъ конечно смотрѣть и предостерегать того, чтобъ наши приходящіе корабли безъ изъятія всѣ права и привилегіи противъ прочихъ націй имѣли особливо въ томъ, что въ осмотрахъ наши корабли ничѣмъ противъ другихъ націй отягчены не были.

6.

Съ тобою жъ въ Мадритѣ велѣно быть для усмотрѣнія тамошнихъ торговыхъ поступокъ Алексѣю Вишнякову, съ которымъ во всѣхъ тамошнихъ тебѣ поступать и о чемъ надлежитъ сюда писать и вѣдомости присылать съ общаго согласія, а одному безъ другаго отнюдь ничего не чинить.

Такая инструкція дана и Вишнякову.

7 ноября 1723 г.

Въ поданныхъ пунктахъ Его Импер. Велич. отъ совѣтника князя Ивана Щербатова написано :

3.

Ежели на кредитъ будутъ товаровъ требовать, отдавать ли на такой

Противъ сихъ пунктовъ подписана Его Импер. Велич. собственною рукою будучи въ Зимнемъ доутѣ ноября 8 дня 1723 слѣдующая резолюція :¹

Дѣлать наилучшимъ образомъ, какъ дѣлаютъ другія націи.

1. См. Полн. Собр. Зак. Т. VII. Ст. 4388.

срокъ, какъ потребуютъ купцы, а во многихъ земляхъ на кредитъ дается безъ порукъ.

4.

При отпускѣ кораблей изъ Кадикса, ежели товары будутъ не проданы и другихъ къ отпуску не приготовлено, порожіе корабли отпускатъ ли или опредѣлены будутъ деньги на покупку товаровъ и тѣ товары и корабль отдавать ли на страхъ и во сколькихъ деньгахъ.

Когда простой кораблямъ будетъ, тогда искать случая, чтобъ имъ нанматься для отвозу во ближайя мѣста, дабы могли поворачивать-ся къ тому времени, когда у васъ къ нагрузкѣ товары будутъ готовы и о протчемъ по вашимъ письмамъ при отпускѣ кораблей писано съ кораблями, что потребно будетъ прислано, а когда во время простоя на корабли отданы будутъ, то стараться, дабы корабли на страхъ отданы были.

УКАЗЪ КОМЕРЦЪ КОЛЛЕГИИ.¹

1.

Тщиться во всякой возможности, дабы болѣе наши товары на денги продаваны были, нежели на товары мѣнены.

2.

Надлежитъ умножать свои комерціи, а имянно: во Францію для винъ, ибо отъ инуды вывозятъ мѣшанья и плохія, а берутъ цѣну великую, и чтобъ возить на своихъ корабляхъ, та-кожь въ Гишпанію и Португлаію, которая комерція великую прибыль привести можетъ.

3.

Въ нынѣшнія установленныя намъ отъ Персіи мѣста, гдѣ кромѣ шелку многія изрядныя вещи обрѣтаются, яко нефть, шафранъ, сухіе и соленые фрукты, орѣховыя, кипарисныя и пальмовыя деревья и прочее.

4.

Такожь отъ города Архангельскаго китовый промыслъ для сихъ вышеписанныхъ надлежитъ строить компаніи, а нач-

1. См. Полн. Собр. Зак. Т. VII, Ст. 4348.

сильнѣйшую въ Гішпанію, въ которую и должность учинить нѣкоторымъ чиномъ сверхъ охотниковъ, какъ то чинится въ Голандіи въ Остѣ-Индійской компаніи, что чина не дадутъ, пока пай свой во оную не положить и когда въ томъ старомъ и заобыкломъ государствѣ принужденіе чинится, которое и безъ того, какъ обычаемъ долгимъ въ коммерціи цвѣтеть, такъ и едино сіе пропитаніе имѣеть, то колми паче у насъ надобно принужденіе въ томъ, яко у новыхъ людей во всемъ такожь надлежитъ партикулярные торги заводить въ Остзеѣ, примѣръ, въ Польшу Персидскіе товары, кушаки и проч., а изъ новыхъ провизей сухіе Фрукты, шафранъ и проч., чему тамъ зѣло великой расходъ, ибо Поляки безъ того и ѣсть не варятъ, такожь въ иныя мѣста вино хлѣбное, деревянная посуда, соленая въ укусѣ рыба и прочее. Такожь и индѣ умножать торги, гдѣ потребно будетъ компаніями и партикулярно всѣ компаніи въ чужія мѣста, а особливо въ Гішпанію и Португалію, сколько возможно, неголосно дѣлать, дабы лишнимъ эхомъ вреда вмѣсто пользы не было; такожь посылать въ чужіе край торговыхъ людей дѣтей, чтобъ никогда меньше пятнадцати чловѣкъ въ чужихъ краяхъ не было, и когда которые обучатся, брать назадъ, а на ихъ мѣстахъ новыхъ, а обученымъ велѣтъ здѣсь обучать (понеже всѣхъ посылать не возможно) чего ради брать изъ всѣхъ знатныхъ городовъ, дабы вездѣ сіе ввелось, а въ Ригу и въ Ревель чловѣкъ двадцать и раздать капиталистамъ указомъ по конторамъ сіе обое число изъ посадскихъ, къ томужь коллегіи трудъ имѣть обучать коммерціи опредѣленныхъ изъ дворянскихъ дѣтей.

8.

Ежели въ коллегіи трудами ихъ сыскано будетъ той прибыли и безъ тягости народа, то третья или четвертая доля имъ дана будетъ во вся годы тѣмъ, кои сыщутъ.

Еже въ семъ указѣ что и не написано, а къ пользѣ коммерціи сыщется дѣлать и все къ пользѣ и ревностно чинить, какъ добрымъ и вѣрнымъ людямъ надлежитъ, а ежели слабо будете поступать, то жестоко наказаны будете.

Ноября 8 д. 1723 г.

О Гишпанскомъ торгу учинить слѣдующее:

1. Собрать компанію изъ торговыхъ людей, которые бѣ оное управляли какъ здѣсь въ приготовленіи товаровъ для посылки туда, такъ и тамъ для приему товаровъ и отправленія сюда, такожъ и для кореспонденціи съ тамошними купцами; но понеже всѣмъ извѣстно, что наши люди ни во что сами не пойдутъ, ежели не приневолены будутъ, того ради комерцъ коллегія для сей новости дирекцію надъ симъ и управленіе должна имѣть, какъ мать надъ дитятемъ во всемъ, пока въ совершенство притить.

2. Сія компанія собою сперва не можетъ дѣла своего исправлять для скудости денегъ, того ради вспоможена имѣетъ быть, а именно кораблями и матрозами отъ адмиралтейства, денгами частью изъ казны.

3. Еще для снѣжнѣйшаго вспоможенія и содержанія сей компаніи надлежитъ, до котораго класса сверху опредѣлить, дабы каждый въ оной пай свой имѣлъ положа болшее и меньшее, которое послѣднее повиненъ давать; сіе учинить съ примѣру Остѣндской компаніи.

Въ Сенатѣ въ 4 день. Марта 1724 года.

1724 года сентября 18 дня по присланному изъ Правительствующаго Сената авг. въ 10 тогожъ 1724 г. указу въ комерцъ коллегіи опредѣлено въ Правительствующій Сенатъ подать доношеніе въ которомъ объявить первое. Голландской Остѣндской компаніи акціи или партіи состоятъ въ дву тысячномъ вопче тридцати трехъ партіи и всякая партія состоитъ въ трехъ тысячахъ гулденахъ или въ тысячѣ двухъ стахъ ефимковъ и того учинить капиталъ шесть миліоновъ четыре сорокъ тысячь двѣсти гулденовъ, изъ котораго оная компанія всякое распротраненіе чинила и до нынѣ чинитъ взирая на прибыли и изъ тѣхъ прибылей на всякой годъ интересентомъ раздѣлы чинитъ, смотря по продажѣ и по прибылямъ, временемъ больше и меньше, а нынѣ оная компанія превзошла до семи капиталовъ и состоитъ въ сорокѣ миліонахъ и болѣе и имѣетъ оная компанія великое содержаніе какъ въ гарнизонахъ, такъ и опредѣлен-

нымъ директорамъ и ихъ подчиненнымъ, какъ въ Голандіи, такъ и въ Батавіи, Остѣндскимъ мѣстамъ и прочимъ служителямъ такъ же на строеніе кораблей и съ такелажамъ и на тѣхъ корабляхъ капиталамъ и всѣмъ людямъ провіантъ и жалованье. Второе, но понеже не безъ сомнѣнія есть, что нѣкоторые иностранные народы, а особливо Голандцы, Англичане и Гамбургцы будутъ стараться, чтобъ намѣренную компанію какъ возможно повреждать и препятствовать ей: того ради надлежитъ попеченіе имѣть, чтобъ оную не малымъ капиталомъ снабдить и привилегією распространить. Третье сей компаніи надлежитъ ходить и торговать ко всѣмъ морскимъ портамъ, рейдамъ, островамъ, городамъ, мѣстамъ, которые во владѣніи государствъ Французскаго, Гишпанскаго, Португальскаго и къ тѣмъ мѣстамъ, которыя подъ сими же помянутыми владѣніи въ Европѣи обрѣтаются, также и къ островамъ Канаріи и Мадеріу и во всѣ оныя мѣста, которыя обыкновенно подъ именемъ Атланда заключаются, также во всю Италію изъ одного до другаго изъ вышепомянутыхъ мѣстъ. Четвертое на содержаніе той компаніи надлежитъ капиталъ сложить напримѣръ въ трехъ стахъ тысячахъ рублехъ, который раздѣленъ быть имѣтъ въ тысячу акцій, а всякая акція по триста рублевъ. Пятое—а по силѣ онаго Его Императорскаго Величества указу надлежитъ быть сей капиталъ на четыре части, а именно первая часть Его Императорскому Величеству, вторая на классы, третья на купечество, четвертая вольныхъ всякихъ людей, а по скольку на которую часть и почему котораго класса оное предается въ волю Правительствующаго Сената. Шестое на основаніе той компаніи для перваго случая надлежитъ корабли и такелажъ, людей и провіантъ и прочее, что потребно къ той навигаціи дать на нѣсколько лѣтъ или вовсе изъ адмиралтейства. Седьмое для приданія оной компаніи въ томъ торгу охоты надлежитъ увольненіе имѣть въ пошлинахъ, какъ отпускныхъ, такъ и прибавныхъ, кромѣ тѣхъ товаровъ, которые въ Россіи на фабрикахъ дѣлаются, а въ другихъ мелочныхъ сборахъ и огневыхъ деньгахъ на нѣсколько лѣтъ. А когда усмотрѣно будетъ, что оная основана и прибыли имѣтъ будетъ, тогда по прошествіи указныхъ лѣтъ надлежитъ положить третнюю пошлину, по особли-

вomu указу, при тарифѣ Россійскихъ купцовъ, плавающихъ на своихъ корабляхъ. Осьмое—вельми нужно компаніи директоровъ и бухгалтеровъ выписывать изъ Голландіи и изъ другихъ народовъ, искусныхъ и притомъ въ правленіи бывалыхъ. Девятое—когда сія компанія сочинена будетъ, тогда усмотря комерцъ коллегія къ той компаніи о надлежащихъ привилегіяхъ дирекціи и къ той, что потребно быть можетъ, о томъ доносить будетъ впредь. Десятое—и хотя на основаніе сей компаніи капиталъ полагается и триста тысячъ рублевъ, однакоже не безъ опасенія въ томъ, что ежели возымѣютъ иностранныя народы въ произведеніи сей комерціи зависть, которую и всегда имѣютъ, а въ повышеніи сей компаніи еще больше безъ сумнѣнія имѣть будутъ и чтобъ отъ того не могло учиниться какого препятствія въ теченіи Россійскихъ товаровъ и вывозъ бы оныхъ отъ ихъ иностранныхъ купцовъ интригъ не могъ остановиться, ибо оныя сильныя компаніи, въ которыхъ содержатся, тому для лучшаго разсмотрѣнія при томъ доношеніи сообщить въ Правительствующій Сенатъ экстрактъ.

Смерть Петра В. надолго остановила для Россіи приведеніе въ исполненіе многихъ великихъ политическихъ предпріятій. Съ того времени политика наша стала все болѣе вмѣшиваться въ дѣла средней Европы, принимать участіе въ интересахъ Германскихъ, что не совсѣмъ соответствовало видамъ гениальнаго Славянина Русскаго, который не за долго передъ смертью своею помышлялъ о союзѣ съ Франціею, естественною и давнишнею соперницею Священной Римской Имперіи, сильно въ то время, и не безъосновательно, побавившейся Россіи¹; такъ писалъ онъ кн. Куракину 16 янв. 1724 г.: «Писмо ваше генваря отъ 1 чи-

1. По прибытіи въ Вѣну царевича Алексѣя Петровича, бѣжавшаго отъ отца, былъ собранъ Тайный Совѣтъ, который явно выразилъ свои справедливыя опасенія за цѣлость Австріи въ случаѣ, если бы Петръ В. объявилъ ей войну, такъ какъ — замѣчали въ Совѣтѣ — въ Чехіи господствовало сильное народное волненіе. См. Устрялова И. П. В. т. VI. О состояніи Чехіи въ к. XVII и въ нач. XVIII в. можно судить по превосходному памфлету Бальбина. Объ отношеніяхъ Русскихъ къ Чехамъ при Петрѣ и вообще объ ясномъ его пониманіи Славянскаго призванія Россіи въ Европейской политикѣ я говорю подробно въ особомъ сочиненіи: «Объ отношеніяхъ Русскаго народа къ его соплеменникамъ».

сла до насъ дошло, въ которомъ пишешь о двухъ дѣлахъ, первое, что дукъ де Бурбонъ сватается на нашей дочери, другое, что король не хочетъ жениться на Гиспанской, *того ради зяло бы мы желали, чтобъ сей женихъ намъ зятемъ былъ, въ чемъ гораздо прошу вся возможные способы къ тому употребить и твой трудъ по крайней возможности, а съ первымъ можешь на отписку взять или иной полагательный способъ употребить ласковымъ образомъ.*

Мысль о сближеніи съ Испанією, о торговыхъ связяхъ съ нею, впервые послѣ Петра В. появляется уже во второй половинѣ 18 стол. Именно въ 1763 г. 23 сент. Русскіе купцы Иванъ Володимировъ, Ларіонъ Лугининъ, Михайло Пастуховъ, Михайло Грибановъ, представили Императрицѣ Екатерицѣ II слѣдующее всеподданнѣйшее прошеніе:

Всепресвѣтлѣйшая, Державнѣйшая Великая Государыня
Императрица Екатерина Алексѣевна Самодержица
Всероссійская, Государыня Всемиловствѣйшая.

Увѣдомилися мы отъ Статскаго Дѣйствительнаго Совѣтника Теплова, что Ваше Импер. Величество, имѣя попеченіе матернее о благоденствіи своихъ подданныхъ желаетъ, чтобъ купечество Россійское имѣло торгъ въ Средиземное море изъ Санкт-петербурга.

Мы подписавшіеся, услыша о такомъ благоволеніи Вашего Императорскаго Величества предпріяли прежде тому отвѣтъ учинить и для того сложилися акціями, считая каждую по пяти сотъ рублей, а имянно:

Купцы Тульскіе:	
Собственною Ея Величества рукою написано тако: «Мы своихъ еще прибавили 20 акцій».	Иванъ Володимировъ . . . . . 100 акпей Ларіонъ Лугининъ . . . . . 30 » Михайло Пастуховъ . . . . . 20 » Михайла Грибановъ . . . . . 10 » Да къ числу оныхъ и господинъ Тепловъ въ компанію идетъ полагая своихъ . . . . . 20 » Что учинить всѣхъ съ нашими 180 акцій.

Но къ тому Всемиловствѣйшая Государыня пріемлетъ дерзновеніе испросить себѣ милостиваго вспоможенія въ слѣдующемъ.

1-е. Чтобъ Ваше Императорское Величество, яко первѣйшая по Бозѣ попечительница о добрѣ подданныхъ своихъ, принять соизволила сію нашу компанію и предприемлемы нами отвѣтъ въ единственное свое покровительство.

2-е. Чтобъ намъ объявить персону, чрезъ которую бы мы съ нужными иногда намъ по сему дѣлу прошеніями приступить къ Вашему Императорскому Величеству смѣлость имѣли.

3-е. Чтобы намъ пожалованъ на первый случай былъ нарочный къ тому построенный фрегатъ о тридцати пушкахъ съ потребнымъ числомъ морскихъ офицеровъ и матрозовъ, а притомъ необходимо надобно по пропорціи такого фрегата военною командою съ ея военнымъ народомъ и командирами и чтобъ намъ позволено было на тотъ же фрегатъ для лучшаго обнадеживанія принять и чужестранныхъ служителей морскихъ на нашъ коштъ до толикаго числа, какъ мы пожелаемъ.

4-е. Понеже мы намѣрены сей опытъ учинить въ тѣхъ только обстоятельствахъ, которыя до купечества принадлежатъ и безъ помочи Вашего Императорскаго Величества не имѣя еще кораблей собою теперь учинить не можемъ, то въ семъ случаѣ никакихъ подробныхъ расходовъ, касающихся до содержанія сего фрегата, до жалованной на немъ командѣ ему (отъ чего Боже сохрани) экстраординарныхъ принять на себя не можемъ, ибо оныя купечеству впредь не нужны будутъ и не зависятъ только отъ высочайшей воли Вашего Императорскаго Величества милости, а вмѣсто того помянутой фрегатъ мы разумѣть будемъ, яко наемный и для того мы обязуемся всѣ купеческіе фракты за товары въ него нагруженные до назначеннаго мѣста и обратно съ нагруженныхъ же не требуя отъ насъ

Компаніи быть подъ нашимъ единственнымъ веденіемъ.

Статскому Советнику Теплоу.

Фрегатъ дается, а когда мало, то и два, команда военная дана будетъ, а протчея опробуется.

Фрегату быть на нашемъ содержаніи со всѣмъ экипажемъ и командою, посланны съ товаровъ отвозимыхъ и привозимыхъ платить четвертую часть по тарифу, а ластовыхъ и огневныхъ въ полы противъ чужестранныхъ, но и о техъ денгахъ, внесеши въ таможеню, доложить намъ.

за недогрузкою въ число полного фракта внести въ казну Вашего Императорскаго Величества сумму по разчисленію.

Апробуется.

5-е. Ежели (отъ чего Боже сохрани) фрегатъ по своимъ несчастливымъ приключеніямъ где промедлитъ, но по купечеству и оттого излишнее въ содержаніи его команды, на немъ находящейся, здѣлаются расходы (чему бы повелѣно было вѣрный журналъ вести особливою съ согласія нашего фактора), то ихъ на нашъ счетъ не ставить.

Апробуется.

6-е. Чтобы командиръ фрегатной поступалъ по выгодамъ купеческой и не принуждалъ бы нашего фактора къ безпремѣнному поспѣшенію изъ порта въ портъ переходить нагружаться и выгружаться, но дѣлать бы оное тогда, когда нашъ факторъ сходство настоящихъ цѣнъ товаромъ найдетъ а сверхъ того (всегда бы благосклонность своими отвѣтами ему способствуя и отъ него пріемля взаимные, поступалъ) потому что все сіе предпріятіе будетъ служить только опытомъ на будущее время торгу государственному.

Апробуется для
перваго опыта.

7-е. На возвратной нагрузкѣ, когда не случится къ покупокъ довольно числа потребныхъ товаровъ, въ такомъ бы случаѣ дозволено было входить въ Французскія и Гишпанскія гавани для нагрузки товаровъ, а за невозможностью наполнить оными фрегатъ, дабы онъ безъ груза не остался, вольно бы было итти и вину или куда лутче усмотрѣно будетъ въ Гишпанію и нагрузить Гишпанскою солью, которую по привозѣ въ Санктъ Петербургъ повелѣно бы было принять въ казну и заплатить за нея, во что она намъ самимъ обойдется, не требуя по тарифу съ нея пошлины.

Адмиралу Мордвинову поручаемъ.

8-е. Чтобы въ Адмиралтейской коллегіи назначена намъ была изъ членовъ персона, которая бы въ коллегіи опекуство намъ дѣ-

зала, ежели какія нужды къ ней отъ насъ иногда случатся.

9-е. Хотя столь надежный вооруженный фрегатъ и не имѣетъ причины опасаться морскихъ разбойниковъ, однакожь для безопасности въ Средиземномъ морѣ всеподданнѣйше просимъ истребовать отъ Оттоманской Порты или чрезъ другую какую дружескую державу у Алжирскихъ беевъ пашпорты, также повелѣть и къ другимъ Европейскимъ дворамъ отписать, дабы нашъ фрегатъ въ портахъ тамошнихъ способное имѣлъ приставище и торгъ свой безпрепятственно производилъ.

10-е. Компанія намѣрена послать напередъ сухимъ путемъ въ Ливорну прикащика или фактора своего, при которомъ весьма нуженъ переводчикъ тѣхъ языковъ, а другаго на кораблѣ при товарахъ, того ради пожаловать искусныхъ и добрыхъ и надежныхъ двухъ человекъ переводчиковъ.

Вашего Императорскаго Величества
всеподданнѣйшіе рабы.
(Слѣдуютъ подписи).

УКАЗЪ НАШЕМУ СЕНАТУ.

На какомъ основаніи Володямеровъ съ компанією торгъ свой для опыту на будущее въ Средиземное море зачать дозволенія отъ насъ всеподданнѣйше просили и какими мы снабдили оную компанію Всемилостивѣйшими снисхожденіями для поощренія сего полезнаго дѣла, съ того при семъ прилагаемъ копію для вѣдома и что потому къ Сенату принадлежитъ для исполненія о семъ дать знать и въ коммерцъ коллегію а въ коллегіи иностранную и Адмиралтейскую особливые, что до ихъ принадлежатъ, по сему дѣлу мы дали указы съ нашимъ писаніемъ.

Подлинный подписанъ собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако :

Сент. 29 д. 1763 г.

« ЕКАТЕРИНА ».

Въ настоящее время я не могу сказать ничего положительнаго о дѣйствіяхъ этой компаніи; но мнѣ извѣстно изъ дѣлъ Статсъ-Секретаря И. П. Елагина, хранящихся въ Госуд. Архивѣ, что въ дек. 1763 г. представлено было Императрицѣ всеподданнѣйшее прошеніе о заведеніи другой еще болѣе обширной компаніи для торговли съ Испаніею; по Высочайшему повелѣнію какъ прошеніе это, такъ и приложенныя при семъ кондиціи препровождены были въ комиссію о коммерціи, которая должна была разсмотрѣть ихъ секретно и представить о нихъ свое мнѣніе. Елагину поручено было присутствовать въ этой комиссіи и какъ всѣ нужныя вмѣсто оныхъ купцовъ объясненія подавать, такъ и ихъ требованія комиссіи сообщать.

Считаю на лишнимъ привести объ этомъ дѣлѣ нѣсколько подробностей, которыя убѣдительно говорятъ о давно сознаваемой въ Россіи потребности прямыхъ торговыхъ сношеній съ Пиринейскимъ полуостровомъ, освобожденія изъ подъ тягостной опеки иностранцевъ, заведенія своего національнаго торговаго флота.

«Бьютъ челомъ желающіе въ Гишпанію в во все море Атланское учредить торгъ компаніею, а о чемъ тому слѣдуютъ пункты:

I.

Вашего Импер. Вел. вседражайшій дѣдъ, блаженный и вѣчныя славы достойный памяти, великій Государь Императоръ Петръ I, отецъ отечества, мудрымъ своимъ правленіемъ врученнаго ему отъ Бога государства для прославленія и установленія порядковъ и обогащенія своихъ подданныхъ полезныя труды и неусыпное попеченіе прилагая, и отъ времени до времени Россійскихъ подданныхъ до такой высокой степени довелъ, что Европа и Азія безъ особливаго восхищенія и удивленія смотрѣть не можетъ.

II.

В. Г. И. Петръ I по многихъ своихъ трудахъ въ послѣднихъ годахъ своей жизни изволилъ принять намѣреніе, смотря противъ прочихъ Европейскихъ государствъ, учредить съ Гиш-

панскимъ государствомъ коммерцію, дабы отворить своимъ подданнымъ путь въ море и для того изволилъ прилагать стараніе въ обученіи своихъ вѣрноподданныхъ навигаціи и прочихъ касающихся до мореплаванія наукъ и тѣмъ приучить къ иностраннымъ интересамъ и всѣ тѣ выгоды пріобрѣсть, чрезъ которыя бы могло пользоваться Россійское отечество, какъ и прочія Европейскія государства пользуютя; чего ради...» (говорится о вышеприведенныхъ у насъ указахъ Петра).

III.

«Вашего И. В. вселюбезнѣйшая тетка блаженныя и вѣчной славы достойныя памяти В. Г. И. Елисаветъ Петровна, желая подражать во всемъ премудрымъ предпріятіямъ дражайшаго своего родителя, стараніе изволила прилагать, чтобъ при случаѣ отправляющагося въ Гишпанію полномочнаго министра послать казенную одну пинку и съ полнымъ такелажемъ и на оную грузить Россійскихъ подданныхъ товары безъ платежа за провозъ, токмо въ то время желающихъ никого не явилось.

IV.

Далѣе нижеподписавшіеся говорятъ отъ себя, что «безъ всякаго принужденія, презирая всѣ опасности и убытки, могущіе послѣдовать какъ отъ того, что Россійскихъ кораблей и съ Россійскими матрозами нигдѣ на страхъ отлать не можно, также и отъ зависти другихъ народовъ, старающихся столь полезную государству и знатную коммерцію въ своихъ рукахъ удержать, приняли смѣлость къ славѣ имени И. В. и къ пользѣ государства изъ Всероссійскаго общаго отечества произвести въ Гишпанское государство разными Россійскими продуктами, — которыя тамъ потребуются, торговлю, съ положеніемъ собственныхъ нашихъ капиталовъ, учредя компанію на основаніи Остѣвндійской компаніи продолжать коммерцію вынѣ на первой случай на десять лѣтъ подъ особливою вашего императорскаго величества всевысочайшею милостивою матернею протекціею». За тѣмъ говорятъ они про себя, что «безъ особливаго сожалѣнія видѣть не можемъ, какъ Англія, Голандія и прочія націи, получая отъ насъ наши товары, переводя и передѣлы-

вая, какія тамъ потребны, чрезъ свои руки съ великими прибытки за наши покупные ими товары получаютъ въ свое государство золото и серебро и тѣмъ свое отечество весьма обогащаютъ, ибо отъ Гишпаніи за нашу продуктъ къ себѣ нискою цѣною получаемое золото и серебро, которое по большей части имѣеть оставаться въ пользу ихъ государства, а на противъ получаемого отъ насъ самые нужные въ Гишпаніи, за оное къ намъ товары свои посылаютъ только къ роскоши и не въ пользу государства, и тѣмъ они вяще себя обогащаютъ и почитаютъ Россійскихъ всѣхъ къ тому незначительными».

V.

Нижеподписавшіеся всенижайше просятъ препоручить рассмотреть ихъ кондиціи одной изъ первыхъ особъ, «ибо сіе дѣло новое и требуетъ всегда скорого и непродолжительнаго рѣшенія и особливо покровительства, дабы за неполученіемъ скорой помощи не могли вмѣсто успѣха себѣ навести крайняго разоренія».

Подписались. Оберъ - Директоръ Семенъ Роговиковъ, Директоръ Иванъ Чиркинъ, С. Пбургскій купецъ и директоръ Иванъ Меркуловъ сынъ Щукинъ, С. Пб. купецъ Григорей Федоровъ сынъ Никоновъ, Ладожской купецъ Константинъ Кабацкой, Калужскій купецъ Андрей Рубкинъ.

Дек. 1763 г.

Всемиловѣйшая Государыня.

Пріемлемъ смѣлость представить Вашему Императорскому Величеству нижеписанные для Гишпанской компаніи кондиціи.

1.

Просимъ позволить въ Гишпанію, Португалію и во все Атланское море, а нынѣ на первой случай въ городъ Кадиксъ учредить торгъ компанією акціями, каждую считая по триста рублей, а числа теперь полагать мы не можемъ, ибо еще неизвѣстно, какъ силенъ сей торгъ будетъ, однако хотя сія компанія устанвится, но впредь когда потребно будетъ умножить торгъ, тогда и число акцій умножитца, а нынѣ на первой случай положено быть имѣеть капиталу до семисотъ акцій, а ежели охотниковъ будетъ и до двухъ тысячъ акцій пріемлется.

2.

Сія компанія имѣть въ Санктъпетербургѣ учредить контору по купеческому обыкновенію противъ прочихъ иностранныхъ, какъ Галанской Остѣиндійской компаніи, и должна она единственно быть подъ вѣдомствомъ вашего Императорскаго величества, и дабы въ другія присутственныя мѣста оной конторы педели печатныя въ акціяхъ даваны бѣ были за подписаніемъ кому препоручено будетъ.

3.

Въ сей конторѣ для правленія быть изъ интересентовъ по два человека, которыхъ выбирать по выбору интересентовъ, а перемѣнять ихъ чрезъ два года, но токмо бѣ не вдругъ такимъ образомъ, чтобъ избывшихъ управленія году хотя по одному оставалось, пока другіе годъ пробудуть. За сей трудъ имѣють правители между собою дѣлить по два процента съ проданныхъ и покупныхъ ихъ правленія товаровъ, а прочимъ служителямъ быть на жаловань изъ компанейской суммы, а ежели кто и изъ интересентовъ по постороннимъ дѣламъ придетъ въ какой упадокъ или несчастіе, тобъ акцей изъ всей компаніи никогда не арестовать, а позволить компаніи акціи продавать, и на то давать время году и денги отдать куда подлежатъ будутъ, а тѣхъ акцій, какъ конторѣ, такъ и самимъ интересентамъ кромѣ Россійскихъ подданныхъ иностранныхъ вазаловъ другихъ націй людемъ никому и не подъ какимъ видомъ не продавать.

4.

Таковымъ же конторамъ быть въ Гишпаніи въ одномъ или въ другомъ мѣстахъ, гдѣ потребно и ежели кто изъ интересентовъ пожелаетъ и отъ компаніи будетъ удостоенъ имѣть правленіе въ тамошнихъ канторахъ, тому получать по три процента и для того повелѣть какъ интересентовъ, такъ и при нихъ для обученія изъ знатныхъ *молодыхъ купцовъ до десяти человекъ и служителей отправлять безъ задержанія.*

5.

Повелѣно бѣ было подъ отвозъ товаровъ компанія дать двѣ казенныя пинки, не старѣе двухъ лѣтъ, которыя бы сіи дальныя

войжи безъ опасности могли сносить съ морскими служителями и полнымъ такелажемъ и снарядною аммуниціею и оныя содержать во все десятилѣтнее время на казенномъ коштѣ, а за провозъ денегъ какъ отъ С.-Пбурга до тѣхъ портовъ, такъ и обратно въ С.-Пб. не требовать. Также, отъ чего Боже содрани, оныя пивки разобьеть, тобъ за нихъ платежа на компаніи не взыскивать.

6.

Когда компанія собственные суда гдѣ строить пожелаетъ и удобныя мѣста гдѣ отыщеть, то ей позволить, а для оного строенія судового, просимъ позволенія рубить дубовые и прочіе потребныя дѣса и по способностямъ къ тому завести, ежели будетъ потребно канатную фабрику въ Кронштатѣ и отвести пристойное мѣсто. И для строенія судовъ уволить отъ адмиралтейства карабельнаго подмастерья, которому быть на содержаніи компаніи. Также шхипаровъ, штурмановъ, матрозовъ и морскихъ артилеристовъ служителей и для обученія навигаціи до пятидесяти человекъ малолѣтнихъ школьничковъ изъ адмиралтейства жъ и на собственные компанейскія суда отпускать потребное число пушекъ и припасовъ артилерійскихъ за денги по истинной цѣнѣ. И ежели паче чаянія изъ казенныхъ или нашихъ собственныхъ и наемныхъ Россійскихъ матрозовъ кто погибнетъ безъ вѣсти или сбѣжитъ, того компаніи въ вину не ставить и взысканія не чинить, однако въ разсужденіи томъ, что товаровъ возимыхъ на Россійскихъ корабляхъ съ Россійскими шхипорами и большею половиною Россійскихъ матрозовъ нигдѣ на страхъ не берутъ, безъ чего свободнаго торгу никакъ производить не можно, повелѣно бѣ было во взятьѣ съ насъ пошлинъ учинить противу сего нашего прошенія, хотя на корабляхъ нашихъ шхипора и излишнее число иностранныхъ матрозовъ будетъ. А для опасности въ морѣ отъ морскихъ разбойниковъ ежели потребенъ будетъ канвой со отправленными отъ компаніи судами, то повелѣно бѣ было посылать хотя по одному военному караблю съ полнымъ экипажемъ на казенномъ коштѣ, а когда въ адмиралтействѣ изъ военныхъ кораблей вѣкоторыя будутъ за вѣтхостію подлежательны въ отставку, то оныя повелѣно бѣ было по опѣнкѣ если въ компанію будутъ

потребны отдать съ такажемъ и со всею снарядною аммуниціею.

7.

Для ободренія сей компаніи, чтобъ она въ состояніи была выдержать великія ей препятства, которыя другіе народы изъ зависти чинить будутъ, то собственные и покупные при портахъ Россійскіе продукты отпускные, такъ и привозные сею компаніею собственные товары на Россійскихъ корабляхъ отъ внутренней пошлины уволить, а портовую брать, какъ положено съ товаровъ отпускныхъ Россійскими купцами на Россійскихъ корабляхъ четвертую долю Россійскими денгами, считая за ефимокъ по девяносто копѣекъ, въ силу блаженныя и вѣчной славы достойнаго государя императора Петра Великаго состоявшагося въ 724 г. указа. Такожде и оставшее за удовольствіемъ за внутреннимъ расходомъ въ Россіи, рыбой клей, икру и осетрину для отпуска въ Гишпанію съ передачею у каждаго пуда клею противъ указной цѣны по два рубли, у тѣхъ промышленниковъ дозволить, а прочимъ, кромѣ оной компаніи запретить отпускъ за море, ибо отъ сихъ продуктовъ можетъ воспослѣдовать немалая польза отечеству, и чтобъ осетрина и прочія рыбы, которой нынѣ множество пропадаетъ въ Астрахани, то есть рыбу ловятъ только для выниманія клею икры, а рыбу обратно бросаютъ, въ чемъ той рыбой не малой новой торгъ въ Гишпанію произвести можно, а для соленія оной рыбы икры, которая въ Гишпанію будетъ посылаться, кромѣ Шпанской соли другою солью солить оную не можно для жару и долгаго лежанія, въ такомъ случаѣ привозимую соль изъ Гишпаніи дозволить безъ взятія пошлинъ и прибыльной суммы отпускать въ Астрахань или въ которыя мѣста будетъ потребно для соленія рыбъ, ибо въ тѣ мѣста провозомъ той соли весьма дорого ставеть.

8.

Сей компаніи не можно инако содержаться буде и другіе подобныя ей выгоды получать и для того нижайше просимъ, чтобъ никому друг. мѣ, кто не положи акцій въ сію компанію особенные торги съ Гишпаніи производить пожелаютъ, никакихъ выгодъ дано не было бѣ.

*

9.

Довольно извѣстно, что въ Гишпанію мачтовыми деревьями и разными мѣстами не малый торгъ разными иностранными народами производится, того ради позволить намъ отпустить потребное число мачтовыхъ деревъ и разною по способности лѣсу, который въ Гишпаніи употребляется.

10.

Имѣя желаніе сколько возможно, для умноженія золота и серебра въ Россіи достать онаго изъ Гишпаніи и въ прочихъ мѣстахъ, просимъ, дабы оное принято было на монетный дворъ съ уступкою въ цѣнѣ у каждаго золотника во полпроцента, какъ въ контрактѣ съ Англинскими купцами постановлено принимано бы, а о свободномъ вывозѣ изъ Гишпаніи золота и серебра соблаговолено бы заключить комерціи трактатъ съ Гишпанскимъ дворомъ тогда и еще со уменьшеніемъ цѣнъ въ казну поставитъ имѣемъ.

11.

Дабы сія компанія имѣла полное за себя въ Гишпаніи защищеніе, тобъ повелѣно было по избранію и представленію интересентовъ той компаніи опредѣлить изъ купцовъ агента или консула на содержаніи казеннаго жалованья, и чтобъ оной снабдѣнъ былъ государственнымъ кредитомъ, а на чрезвычайные расходы имѣетъ компанія давать нѣкоторый платежъ съ ласта, по примѣру другихъ областей, однако агенту или консулу и никому другому до компанейскихъ товаровъ, денегъ и векселей не касаться и ни подъ какимъ видомъ изъ власти компанейскихъ конторъ того не отнимать, развѣ по особливому договору консулу дирекцію надъ Гишпанскою конторою въ Кадиксѣ вручимъ и ему за покупные и продаваемые товары по нѣскольку процентовъ платить будемъ, а понеже весьма надобность въ томъ состоитъ, чтобъ того агента или консула отправить заранѣе въ Гишпанію въ городъ Кадиксѣ (яко главной магазенинъ отъ всѣхъ товаровъ въ Европѣ) для развѣдыванія какіе на первый случай изъ Россійскихъ товаровъ съ лучшею пользою отправить и въ какомъ передѣлѣ и препорціи, и сколько. Того ради избрали мы Нарвскаго купца Ивана Килхбергъ, который уже на своемъ

коштѣ тамо былъ и доброе познаніе тамо имѣть, котораго въ томъ характерѣ всецѣрно нынѣшняго 76 году зимнимъ путемъ въ Кадиксъ отправить просимъ со опредѣленнымъ Вашего императорскаго величества жалованьемъ, для тамошняго содержанія и притомъ другаго въ помощь фактора по представленію компаніи, а ежели сіе упустится, то будущій весь годъ пропасть можетъ напрасно.

12.

При заведенной Гишпанской конторѣ дозволено бѣ было имѣть судъ на подчиненныхъ той конторы, а печать имѣть, какая повелѣна будетъ, а въ случаѣ надобности для карауловъ опредѣлить ко оной изъ служивыхъ солдатъ до десяти человекъ съ пристойнымъ ундеръ-офицеромъ на содержаніе компаніи.

13.

Ежели паче чаянія для скорого отправленія судовъ обратно изъ Гишпаніи въ Россію или тамошними легкими товарами оныхъ судовъ загрузить будетъ не можно, въ такомъ случаѣ позволено бѣ было грузить солью, которую по привозѣ къ С.-Пб. порту отдавать въ казну за наличныя деньги по истинной цѣнѣ, почему привозная Ельтонская и Пермская соль становится къ Спбургу безо взятія съ той соли пошлины. А по отдачѣ соли деньги изъ казны отдаваны бы были безъ задержанія или ту соль Шпанскую компаніи дозволить въ вольную продажу, взявъ съ той привозной соли съ каждаго пуда съ выключкой со всеми расходами единственно одну прибыльную сумму безъ всякихъ пошлинъ.

14.

Когда пожелаютъ государственные крестьяне принять у компаніи службу въ шхипоры и матрозы, оныхъ принять по ихъ партикулярнымъ обязательствамъ на урочные годы за добровольную плату дозволить, ибо оные чрезъ то могутъ научиться и во время государственной надобности могутъ быть способными къ морской службѣ, а судомъ и расправою быть имъ въ вѣдомствѣ Гишпанской конторы по ихъ обязательствамъ, а въ другихъ мѣстахъ нигдѣ не быть подъ судомъ, кромѣ криминальныхъ дѣлъ, а подушныя деньги и прочіе государственныя по-

боры за нихъ платены будутъ отъ той конторы, а если умеръ или сбѣжитъ, того бѣ на конторѣ выискано не было бѣ, а для отпуску въ Атланское море въ приемѣ пашпортовъ за отправленныхъ Россійскихъ никакихъ обязательствъ въ поставкѣ не брать, а опредѣленныхъ къ морскому путешествію обратно казенныхъ и партикулярныхъ людей до окончанія термина, отъ той службы не отбирать, исключая старость, болѣзнь и неспособность, а на ихъ мѣста могутъ заступить, смотря по состоянію времени.

15.

Прилегающимъ къ морю трактамъ державъ союзникамъ со особливимъ наставленіемъ дать съ прочетомъ рескрипты о показаніи взаимнаго удовольствія.

16.

Ко отпуску заготовляющіе товары какіе покупные той компаніи въ проѣздахъ внутрь Россіи дать съ прочетомъ указы, дабы притѣсненія и удержки въ пути не было, но показываемо бѣ было всякое вспоможеніе.

Тутъ же при дѣлѣ приложенъ и «Списокъ товаровъ привозныхъ и отпускныхъ».

Отпускъ изъ Россіи съ Гиспанію.

*По разсужденію
Коммиссіи.*

Корабли дубовые, сосновые, малые и большіе отъ 120 до 450 ластовъ	}	въ дѣлѣ.
Мачты большія и малыя въ передѣлѣ съ двой- нымъ такелажемъ отъ 16 до 30 палмовъ длинною		}
Бруски и доски пильныя разныхъ мѣръ отъ 50 до 110 футовъ длиною и толщиною	}	
Канаты смоленые отъ 1 до 18 дюймовъ тол- щиною		}
Парусныя полотна, ревендуки, какаменки и пестреда		

Смола	}	не въ дѣлѣ.
Деготь		
Гарпіусъ	}	не въ дѣлѣ.
Желѣза въ полосахъ малое дѣло, а болѣе въ передѣлкахъ разныхъ, яко то прутья, обручья, въ гвоздья, болты и подковы, и мѣдныя вещи въ работѣ и проч.		
Якори большіе и малые	}	въ дѣлѣ.
Пушки чугуныя		
Бомбы тожъ	}	въ дѣлѣ.
Ядра		
Ружья	}	не въ дѣлѣ.
Порохъ		
Фитили	}	въ дѣлѣ.
Сала		
Свѣчи сальныя	}	не въ дѣлѣ.
Воскъ бѣлый и желтый		
Свѣчи вошаныя бѣлыя и желтыя	}	не въ дѣлѣ.
Юфть		
Бѣлки и всякая рухлядь	}	въ дѣлѣ.
Холсты разныхъ сортовъ и салфеточныхъ		
Укладъ	}	не въ дѣлѣ.
Ревень		
Рожь, пшеница, ячмень, горохъ и овесъ	}	въ дѣлѣ.
Рогожи и веревки простыя		
Всякихъ рыбъ какъ семги, такъ и трески и осетрины, соленыхъ	}	не въ дѣлѣ.
Масла льнянаго и коноплянаго		
Дубовыя тонкія для бочекъ сторонки	}	въ дѣлѣ.
Чулки всякія, нитяныя и шерстяныя		
Башмаки и туфли	}	не въ дѣлѣ.
Клей		
Икра	}	въ дѣлѣ.
Соленая говядина		
Слюда	}	не въ дѣлѣ.
Шитое платье		
Бумагу разныхъ сортовъ	}	въ дѣлѣ.
Кровати желѣзныя		
Мыло	}	не въ дѣлѣ.
Вареныя лошадиныя гривы и щетины		

*Привозъ въ Россію изъ Гішпаніи.**По раз-
сужденію
Коммиссіи.*

Золото въ слиткахъ и дуплонахъ	}	вольна.		
Серебро въ слиткахъ или баррахъ стукъ фонъ ахтенъ или піастеръ				
Алмазы				
Жемчугъ				
Эсмарагдъ				
Аметисты				
Канцелярское сѣмя или консенель			}	не вольно.
Индиго трехъ сортовъ				
Шерсть			}	вольна.
Деревянное масло				
Разныхъ винъ красныхъ и бѣлыхъ	}	не вольно.		
Водки тожъ разныхъ сортовъ				
Соли разныхъ сортовъ				
Какао				
Баниласъ ванильи				
Чеколадъ				
Сахаръ песочный разныхъ сортовъ				

Въ аптеки потребно:

Амбра дегризь тожъ черной	}	вольна.
Балсамъ денеру		
Тожъ детоулу		

ВСЕПОДДАВНѢЙШІЙ ДОКЛАДЪ ОТЪ КОММИССІИ О КОММЕРЦІИ.

Ваше Императорское Величество высочайше повелѣтъ созволили комиссіи о коммерціи секретно разсмотрѣть поданныя Вашему Величеству отъ Россійскихъ купцовъ, желающихъ производить торгъ въ Гішпанію и во все Атлантическое море на десять лѣтъ ковидіи, а разсмотрѣвъ со мнѣніемъ Вашему Величеству объ оныхъ представить. При разсужденіи же о томъ повелѣли въ оной Коммиссіи присутствовать Д. Ст. Сов. господину Елагину... Коммиссія вида благоволеніе В. И. вел. къ сей компаніи всѣ мѣры къ тому прилагала, чтобъ она дѣйствіе свое воспріяла. И для того искала при г. Елагинѣ черезъ

разныя Роговику убѣжденія, кондиціи, компанію представленныя привести въ умѣренныя предѣлы, почему и слѣданы уже ей такія снисхожденія, на которыя едва только поступить было можно и то на нѣкоторое время. Но когда усмотрѣно, что Роговиковъ въ самыхъ важнѣйшихъ для казны и всего Россійскаго торгу пунктахъ отнюдь не соглашается, то напоследокъ убѣжденною себя находитъ о точномъ существѣ сей компаніи слѣдующее В. И. В. всеподданнѣйше представить.

1-е) Планъ весь сей компаніи въ основаніи своемъ вреденъ, потому что она подъ лестнымъ видомъ коммерціи начинающейся будто въ Гишпанію и подъ неограниченнымъ наименованіемъ якобы въ Атлантическое море, хочетъ однакожъ въ монополію взять порты, лежащія во Франціи, Гишпаніи и Португаліи, изъ которыхъ во многіе торги Россійскій съ посредствомъ другихъ державъ давно уже происходитъ, а въ нѣкоторыя и караваны Россійскіе отъ Санктъ-Петербургскаго порта ходятъ. Въ намѣреніи сего предпріятія, равно какъ бы оно было въ Индію или на берега Африканскіе, требуетъ она столько привилегій исключительныхъ и авантажъ себѣ корыстныхъ, а для государственной казны убыточныхъ и общему торгу разорительныхъ, что ни въ какомъ Европейскомъ государствѣ не дозволяютъ таковыхъ и въ самые отдаленные края на новый и неизвѣстный торгъ. 2-е) Требования ея состоятъ въ испрошеніи себѣ отъ короны нѣсколькихъ миліоновъ рублей изъ доходовъ таможенныхъ и въ разореніи національному купечеству нечувствительно впредь оказаться могущемъ, которое не будетъ сею компаніею интересовано, а сверхъ того и въ не безвредномъ испроверженіи нѣкоторыхъ установленій экономическихъ въ адмиралтействѣ и о флотахъ. Также въ подрывѣ вѣрныхъ въ государствѣ соляныхъ доходовъ. 3-е) Сверхъ того комиссія思量еть представить Вашему И. В., что ежели бы и тѣ кондиціи акордованы были, которыя въ приложеніи усматриваются, то при ихъ собственномъ обогащеніи не останется ли безславіе на будущія времена, что изъ Россіи въ Европу, куда весь свѣтъ торгуетъ, учреждалися компаніи яко бы въ варварскія отдаленныя страны, во время цвѣтущаго при В. И. В. правительствѣ съ такимъ

опасеніемъ и казенными убытками, которые обыкновенно на великія только сопротивленія предпріемлются, но по мнѣнію комиссіи купечество Россійское помышлять и стараться должно о сообщеніи только между собою въ соціететы къ усиленію торгу въ Европу, для которыхъ соціететовъ не привилегій, другимъ разорительныхъ и казнь убыточныхъ, но одно только В. И. В. покровительство и нѣкоторое поощреніе надобно.

По сему причисламъ Всемилостивѣйшая Государ. Комиссіа за долгъ вѣрноподданнѣйшей считаетъ безпристрастно свое В. И. В. поднести мнѣніе въ томъ, что проектъ компаніи Гишпанской, такъ какъ онъ есть, ни малѣйшаго не заслуживаетъ и себѣ уваженія, и что ни планъ, ни основаніе его не только полезными не усматриваются, но и весьма вредными Государству а напоследокъ и разрушительными для нѣкоторыхъ учрежденій въ Государствѣ указами опредѣленныхъ.

Подписались: Кн. Яковъ Шаховскій. Графъ Эрнстъ Минихъ. Николай Муравьевъ. Григорей Тепловъ. Тимошей фонъ Клингштегъ.

Если и нельзя не согласиться, что въ иныхъ случаяхъ Комиссіа о коммерціи разсуждала справедливо, то надо также признать въ ея отчетѣ и нѣкоторую долю придирчивости, которая особенно открывается въ иныхъ ея замѣчаніяхъ, находящихся въ этомъ же дѣлѣ вмѣстѣ съ возраженіями на нихъ Роговкова. Изъ замѣчаній и возраженій этихъ позволяю себѣ привести только слѣдующія, наиболѣе любопытныя.

Такъ на первую кондицію Комиссіа замѣтила: «Комиссіа разсуждаетъ дозволить въ Гишпанію, Португалію и во все Атлантическое море, откуда торгу въ Россію еще нѣтъ, учредить оный и на то собирать акціи. Сіе дозволеніе въ Атлантическое море для того ограничено, что компаніями торгъ съ исключительными привилегіями обыкновенно въ тѣ мѣста учреждается, съ которыми коммерція еще никакой нѣтъ. Почему разумѣть здѣсь надлежитъ Гишпанію, Португалію и всю Африку тѣми только портами, которые къ Атлантическому морю лежатъ; Аквитанское же или Бискайское хотя и часть Атлантическаго почитается, однакожь порты въ немъ Французскіе Брестъ и Бурдо, а Гишпанскіе Бильбао и Фероль новой компаніи съ ис-

исключительными привилегіями отдать не возможно, затѣмъ, что Россійскіе караблѣ съ великимъ успѣхомъ въ сію часть Атлантическаго моря ходить начали, а именно Савы Собакина, Бармина да и самага Роговикова. Ирландія также лежитъ на Атлантическомъ морѣ, въ которую ежели компанія станетъ торговать съ исключительными привилегіями, то и Англичане въ отпускѣ нашихъ продуктовъ изъ Россіи въ силѣ трактата, ежели о коммерціи постановятся, того же потребуютъ въ нашихъ портахъ, Сверхъ того опасаться наипаче надлежитъ, чтобъ весь торгъ Французскій и Гишпанскій не обратился въ Россію безпошлинно, т. е. на такихъ кондиціяхъ, каковыхъ компанія проситъ, затѣмъ, что купцы тамошніе могутъ также въ компанію къ намъ идти секретно и разными подлогами пойти въ участіе, а наши для усмиренія своего десятилѣтняго и столь авантажнаго торгу, капиталы ихъ занимать и чрезъ то у всѣхъ туда Россійскихъ торгующихъ пресѣчь коммерцію». — Компанія на это возразила такъ: «Дозволеніемъ довольны, а исключеніемъ Французскихъ и Гишпанскихъ въ морѣ Бискайскомъ не довольны и просятъ отдать имъ и сіи порты».

Коммиссія замѣчала также: «Оставшіи за удовольствіемъ клею рыбій, икру и осетрину дозволеніе требуетъ отпускать въ Шпанію, а прочимъ за море отпускъ запрещаетъ, а икру и нынѣ отпускаютъ, въ томъ прочимъ вредно будетъ, при томъ же сумнительно что неправда, рыбу будто бросаютъ обратно, а только для клею и икры ловятъ». — Возраженіе: «Компанія только проситъ о клеѣ, чтобъ другимъ отпускъ за море запретить, а икру и рыбу всякому возить куда кто хочетъ безъ всякаго запрещенія, а что рыбу ловятъ много для одного выниманія клею и икры, а рыбу бросаютъ обратно, объ ономъ и дѣле имѣется въ Правительствующемъ Сенатѣ».

Замѣч. Ком.: «А о серебрѣ писано съ уступкою по полупроценту противъ поставщиковъ, объ ономъ потребно извѣстіе, почему нынѣ на монетный дворъ приеѣмается и прочихъ разныхъ званиевъ отъ иностранныхъ народовъ». — Возраженіе: «Нынѣ вольно иностраннымъ всѣмъ на монетный дворъ ставить серебро за золотникъ чистаго девяностошестой пробы по девятнадцати съ половиною копейки, а мы требуемъ съ уступкою по полу-

проценту у золотника т. е. по девятнадцати копѣекъ за золотникъ».

Зам. Ком.: «Начало онаго признается за монополію, чтобъ однимъ компаніей торгъ производить въ Шпанію и во все море Атлантское, а другимъ особо собою для чего запрещать?»—Возр. Комп.: «За монополію признать никакъ не можно, потому что всѣ Россійскіе подданные могутъ имѣть въ той компаніи участіе и акціи кто пожелаетъ, получать можетъ, а что такой опасный и дальній путь для того требуется обществомъ и компанією на основаніи Остъ-Индской компаніи, какъ и въ Европейскихъ государствахъ пользуются обществомъ же и компаніями, монополією никогда не почитается, а для того оное общество имѣетъ быть, чтобъ препятствія изъ зависти другіе народы учинить не могли, и она бь компанія могла силу свою получить и въ совершенство приттить и притомъ случающіяся несчастія выдержать. Представляется же, ежели кто пожелаетъ въ томъ участіе имѣть изъ знатнаго дворянства, а въ положенномъ капиталѣ всегда можетъ акція получать. Для наилучшаго же удовольствія не соизволить ли и казна въ томъ участіе (принять) и тѣмъ пользоваться и оное можетъ назваться общепольнымъ, а не въ одиѣ руки забраннымъ и въ Европейскихъ государствахъ кто подастъ прожектъ о новомъ торгу, гдѣ ихъ нація прежде не имѣла, въ томъ даются великія преимущества»... и т. д.

На замѣчаніе Комиссін: «Компаніи пошлину платитъ должно по силѣ морскаго пошлиннаго регламента 1734 г. и тарифа 1757 г.» Компанія сдѣлала слѣдующее возраженіе: «Требуется компанія увольненія отъ внутреннихъ пошлинъ для того, чтобъ она могла выдержать великія препятствія, чинимыя другими народами изъ зависти, чтобъ оную комерцію въ своихъ рукахъ удержать и не допустить Россійскихъ подданныхъ своими продуктами и на своихъ карабляхъ комерцію имѣть и Россійскіе не приучены были къ иностраннымъ интересамъ и дальнему мореплаванію по Атлантскому морю хожденіемъ, а нынѣ намѣреніе приняла для славы Россійской Имперіи по Атлантскому морю компанією комерцію продолжать и свой капиталъ въ томъ употребить, видя, что нѣсколько въ томъ состоитъ авантажей, а ежели преимущества дано не будетъ, то ни одинъ не согласится въ той компа-

ни участіе имѣть, а притомъ знатную вновь комерцію не токмо отъ внутренней пошлины уволить и признается она и тѣмъ быть довольна не можетъ, по незнанію нынѣ, что не имѣла въ томъ практики, хотя въ компаніи и назначено на первый случай до семи сотъ акцій, подписано съ великимъ трудомъ желающими, а въ достальныхъ охотниковъ не сыскано. Что же касается до пошлинъ, что съ двухъ сотъ тысячъ рублей не малая сумма будетъ, то надлежитъ отъ оной суммы перевести въ Гишпанію по крайней мѣрѣ половину капитала для покупки товаровъ и расплаты тамошнихъ пошлинъ, а отпускъ изъ Россіи не можетъ болѣе быть, какъ только на сто тысячъ рублей и для вышеписанныхъ резоновъ впредь во время надобности, чтобъ въ упадокъ компаніи приттить не могла, способствовать ей до пяти сотъ тысячъ рублей казенными деньгами на десять лѣтъ безъ процентовъ, какъ и Аглийской король въ сысканіи Россійской земли т. е. у г. Архангельскаго на первый случай, чтобъ съ Россією имѣть комерцію и учредя компанію и давъ денегъ до двухъ милліоновъ и разныхъ мореходныхъ судовъ безъ всякаго на деньги интереса, а чтобъ только подданные пользовались и комерцію роспространили и тѣмъ славу свою и нынѣ имѣютъ. А Россійскимъ подданнымъ для установленія на будущее время когда въ состояніи начало свое компанією возьмутъ и пользоваться будутъ, тогда и для казны особливые прибитки съ великими авантажами принять не можетъ, а паче въ томъ послѣдуетъ, что Шпанская шерсть весьма крайне нужна для Россійскаго государства, которой и понынѣ въ привозѣ не имѣетъ, да притомъ она дозволена противъ другихъ иностранныхъ товаровъ и съ преимуществомъ, съ привозомъ безо всякихъ пошлинъ, а иностранцы въ пользу свою государства пряжную шерсть въ Россію не привозятъ, затѣмъ, что имъ въ томъ пользы не будетъ, а наблюдая своихъ подданныхъ благополучіе, чтобъ тѣмъ мастерствомъ могли пользоваться и такъ привозить оную шерсть въ передѣлѣ, въ сукнахъ, стамедахъ и тому подобныхъ, суммою на полтора милліона рублей, въ каждый годъ, ко одному С.-Петербурскому порту, а особливо въ Англии, пряденую, а не дѣланую, овечью шерсть какъ свою, такъ и привозную къ нимъ Шпанскую наблюдаютъ и почитаютъ гораздо бо-

лѣе золота и серебра, оное позволяется вывозить, хотя и не въ дѣлѣ, а шерсть не въ дѣлѣ подъ лишеніемъ живота вывозить запрещено и тѣмъ ясно показываетъ, сколь важенъ сей пунктъ для Россійскаго государства, еслижъ Россійская компанія съ довольными авансами и силу свою возьметъ и умножить, особливо привозомъ въ Россію Шпанской шерсти, а изъ той привозимой шерсти на Россійскихъ фабрикахъ разныхъ тонкихъ суконъ, стамедъ и проч. т. под. могутъ дѣлать и всю Россію удовольствовать. Такъ уже не будетъ въ томъ надобности, чтобъ иностранные привозили къ намъ сукна и прочіе сдѣланные шерстяные товары, что выше показано до полутора милліона рублевъ каждый годъ, а еслибъ можно мнать, чтобъ они товаровъ шерстяныхъ въ Россію не вывозили, то принуждены они будутъ для покупки Россійскихъ товаровъ привозить вмѣсто шерстяныхъ товаровъ золото и серебро такую же полтора милліона и болѣе сумму, и тѣмъ Россійская Имперія болѣе можетъ богатства получать.

«Въ регламентѣ мануфактуръ коллегіи напечатано, внутри Россіи кто заведетъ въ Государствѣ полезную фабрику и тому дать увольненіе отъ пошлины на десять лѣтъ, притомъ же ему давать значную сумму денегъ изъ казны безъ всякихъ процентовъ на десять лѣтъ и ежели вновь какая фабрика заведена, то чрезъ десять лѣтъ прочимъ оной не заводитъ для того, чтобъ она могла вступить въ лучшее состояніе, а за монополію и оное не признается». — Отнюдь не признавая умѣренности въ условіяхъ Роговикова и вообще отдавая предпочтеніе началу свободной торговли передъ системою исключительнаго протекціонизма, мы не можемъ однако не замѣтить, что нѣкоторые замѣчанія комиссіи вовсе не отличаются основательностью, что при семъ необходимо кажется принять въ соображеніе во первыхъ то, что извѣстно намъ о характерѣ одного изъ дѣятельнѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ членовъ комиссіи Теплова, который въ компаніи Володимирова получилъ 300 акцій¹; во вто-

1. Французскій посланникъ въ Россію Жиге (Juigné), въ депешѣ своей отъ 12/23 апрѣля 1776 г. писалъ къ своему двору: «Il existe tant à Pétersbourg qu'à Moscou des tribunaux nommés les magistrats qui ressemblent beaucoup à nos juridictions consulaires, mais qui composés des marchands Russes ignorans, partiaux et

рыхъ, то, что самыи можетъ замѣчательнѣйшій эконومیстъ нашего времени, Дж. Ст. Миль, энергическій поборникъ свободы торговли, счелъ долгонъ оговориться, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ нельзя не призвать той пользы, которую оказали напр. Англія извѣстные акты мореплаванія, если и не въ экономическомъ, то въ политическомъ отношеніяхъ, именно для національнаго флота. «Я согласенъ въ этомъ отношеніи, говоритъ онъ, что важность цѣли можетъ оправдать пожертвованіе и что страна, подверженная нападенію съ моря, если она лишена другихъ средствъ для содержанія необходимаго флота, имѣетъ право изыскивать себѣ эти средства, даже цѣною пожертвованій относительно сбереженія фрахтовыхъ издержекъ. Во время изданія этихъ актовъ мореплаванія, Голландцы, благодаря своимъ морскимъ способностямъ и низкой цѣнѣ своихъ капиталовъ, могли дешевле всѣхъ другихъ народовъ заниматься перевозкою иностранныхъ товаровъ. Отсюда происходило, что другимъ странамъ было гораздо труднѣе, чѣмъ Голландіи доставать опытныхъ матросовъ на свои военныя суда. Изданіемъ актовъ мореплаванія, Англія избавила себя отъ неудобствъ такого положенія и съ тѣмъ вмѣстѣ нанесла ударъ морской державѣ, съ которою она часто враждовала въ то время; эти законы вѣроятно были невыгодны для Англіи въ экономическомъ и полезны въ политическомъ отношеніяхъ».

Впрочемъ правительство наше въ царствованіе Императрицы Екатерины II ясно понимало какъ недостатки современной Русской торговли, находившейся въ то время въ рукахъ Англичанъ и Нѣмцев¹, такъ и необходимость оказывать извѣстныя

fripous commettent des injustices aux marchands étrangers. On cite celle qu'ils ont commise contre une maison Espagnole. M. de Lascy à propos de cela a demandé que cette affaire fut portée directement au collège du commerce. Il a fait sentir qu'il fallait, si l'on voulait un commerce plus étendu avec les Espagnols, leur accorder comme aux Anglais la faculté de payer en roubles la totalité des droits d'entrée, au lieu de les payer suivant l'usage; moitié en roubles, moitié en Rixdalers de Hollande, ce qui fait une différence d'un et demi et deux p. 0/10 suivant que les Rixdalers sont plus moins chers. La commission de commerce répond favorablement. La même proposition à faire pour le commerce français. L'avare Teplow pourrait être séduit avec de l'argent: est il permis d'user de cette ressource? Autre proposition du comte de Lascy pour l'importation des sels Espagnols».

1. Не упоминая уже о голосахъ Русскихъ, приведемъ только отзывъ иностранца, если и пристрастнаго, то отзыва не въ нашу пользу. Готъ что писалъ

пособія и помощь Русскому купечеству и торговому флоту. Екатерина II нисколько кажется не убѣдилась доводами Комиссiи о комерціи, говорившей между прочимъ: «не останется ли безславіе на будущія времена, что изъ Россіи въ Европу, куда весь свѣтъ торгуетъ, учреждались компаніи, якобы въ варварскія отдаленныя страны». Екатерина II думала иначе, ибо въ царствованіе ея и послѣ того возникала мысль о сближеніи и укрѣпленіи торговыхъ связей съ Испанією и даже кажется объ основаніи торговой компаніи. Такъ заключаю я изъ слѣдующихъ словъ Французскаго посланника при С.-Пб. дворѣ, Жиге, который доносилъ въ Версаль — отъ 10 Мая 1776 г. «*La Russie s'étant imaginée qu'elle tireroit de grands avantages d'un commerce direct avec l'Espagne et le Portugal, elle fit des ouvertures; on en profita pour demander les faveurs dont ces puissances jouissent pour leurs vins; on décida aussi que les lins et les chanvres portés en Espagne et en Portugal pour le compte de ces puissances ne payeroient aucun droit. Point de traité sur cet article; ordre simple envoyé aux douanes.*».— 23 іюля того же года извѣщалъ Жиге свое правительство: — «*Compagnie de commerce dans laquelle se trouve le procureur général Vaisemski, considéré de l'Impératrice. On fait des avantages considérables à cette compagnie à condition qu'elle poussera son commerce aussi loin que possible, on lui accorde 30 p. % de diminution sur toutes sortes des droits etc. L'Impératrice s'engage en outre à l'indemniser en cas de perte.*».

Пишущій эти строки ласкаетъ себя надеждою, что быть можетъ со временемъ ему удастся представить подробное историческое обзорѣніе международныхъ сношеній Россіи съ Пиринейскимъ полуостровомъ до второй четверти нынѣшняго столѣтія и даже далѣе; настоящій же очеркъ всего лучше, кажется ему, заключить слѣдующею запискою, вѣроятно представленною

того же Жиге (1 décembre 1778): «*Parmi les vices multipliés qui régnerent en Russie dans la marche du commerce, un des plus grands est la négligence du gouvernement de Russie à cet égard et les infidélités sans nombre que cette inertie autorise à commettre de la part des employés à la douane et autres membres particuliers qui y ont rapport. Les Anglais et les Allemands, depuis longtemps en possession de ce pays, connaissent ces manoeuvres souterraines; ils les évitent par d'autres du même genre et ils ne s'élèvent pas contre des abus criants qui nécessitent la friponnerie des négociants en général et écrasent le petit nombre des ceux qui sont honnêtes.*».

Испанскимъ посланникомъ Петербургскому кабинету, въ 70-хъ годахъ и находящеюся въ приложеніяхъ къ сборнику депешъ Французскаго посланника Жиге, запискою, ясно свидѣтельствующею, что тотъ же интересъ, который принимала Испанія въ Польскомъ торговомъ флотѣ въ XVI в., заставлялъ ее и въ 18 стол. желать тѣсныхъ и непосредственныхъ сношеній съ Россією, про которую еще въ первой половинѣ прошлаго вѣка, когда мы не обладали ни Амуромъ, ни Кавказомъ, ни Крымомъ, ни Новороссійскимъ краемъ, знаменитый Англійскій министръ Робертъ Вальполь говорилъ слѣд: — «Если Россія, взявъ себѣ за образецъ Данію, учредить, ободритъ, поддержитъ торговыя компаніи, то Англійская и Голландская торговля въ состояніи ли будутъ устоять отъ этого удара? И если бы эта держава, которая не знаетъ куда и какъ употреблять своихъ людей, прильпнулась къ умноженію морскихъ силъ своихъ, что было бы тогда съ Голландією и Англією? Способность, которую Россія имѣетъ къ построенію судовъ, оправдываетъ мое безпокойство»¹. Вотъ та записка, о которой упомянулъ я выше:

Sur le commerce direct entre la Russie et l'Espagne.

1-е. Pour encourager le commerce direct entre les deux nations Espagnole et Russe, on a accordé une franchise absolue des droits qui payent les autres nations, au lin et au chanvre de Russie dont nos fabriques de toiles de Léon et celles de toiles et de cordages d'*Espinosa del los Monteros* font un si grand emploi. L'Espagne a accordé la même exemption au lin, chanvre et goudron de Russie que la nouvelle compagnie de Biscaye va employer pour les filets et agrès de ses bâtimens pour la pêche de la merluche. Toutes ces exemptions sont avantageuses à la sortie du lin et du chanvre de Russie et rapportent un débit considérable des productions de cet Empire.

2-е. On a accordé exemption de droits de sortie pour tous les vins et eaux de vie que l'on exporte en Russie avec le pavillon Espagnol.

1. Въ превосходныхъ статьяхъ своихъ «Морское хозяйство въ сѣверныхъ берегахъ Европейской Россіи» г. О. Бѣломорскій, говоря о морскихъ способностяхъ нашихъ сѣверныхъ Поморянъ, нашелъ нужнымъ привести именно эти слова Вальполя. (См. Журн. для акціонеровъ за 1857 и 1858 гг.). Относительно Амура см. мою замѣтку въ Вѣстн. Геогр. Общ. 1859. № IV: «Мнѣнія Англичанъ и Американцевъ о Русскомъ владычествѣ на Амурѣ».

3-e. Les droits de sortie des effets du laine et de soie étoient assez considérables, c'est à dire, ceux de soie à 80 maravedis de vallon pour chaque livre de 16 onces de Castille et ceux de laine à 2 p. % de leur valeur dans la fabrique.

4-e. Dans les années abondantes de récolte d'huile, les étrangers l'exportent à l'envi puisque l'huile est bonne, et elle ne paye pour droit de sortie que 25 à 50 kopeks pour une arroche de Castille, qui fait le poids de 25 L. d'Espagne. Cet objet mérite l'attention de ministère de St.-Pétersbourg.

5-e. Le sel de la Mata, d'Orimela et d'Ubiza se vend en Espagne en percevant les droits de sortie à deux réaux et demi ou 12 kopeks par mesure; mais si la Russie veut permettre l'importation de ce sel qui est excellent pour la salaison de viandes et poissons, on pourra en diminuer le prix de 10 p. % en faveur de cet Empire, pour encourager cette branche de commerce pourvu que ce sel soit transporté sur des batiments Espagnols ou Russes.

6-e. Tous les vaisaux et sujets Russes sont traités et reçus dans les ports d'Espagne comme la nation la plus favorisée, sans que ministère du Roi ait reçu aucune plainte du contraire. On veillera sur ce point avec le plus grand soin, le Roi d'Espagne désirant d'encourager et employer toutes les facilités pour animer et étendre de plus en plus le commerce direct entre les deux nations.

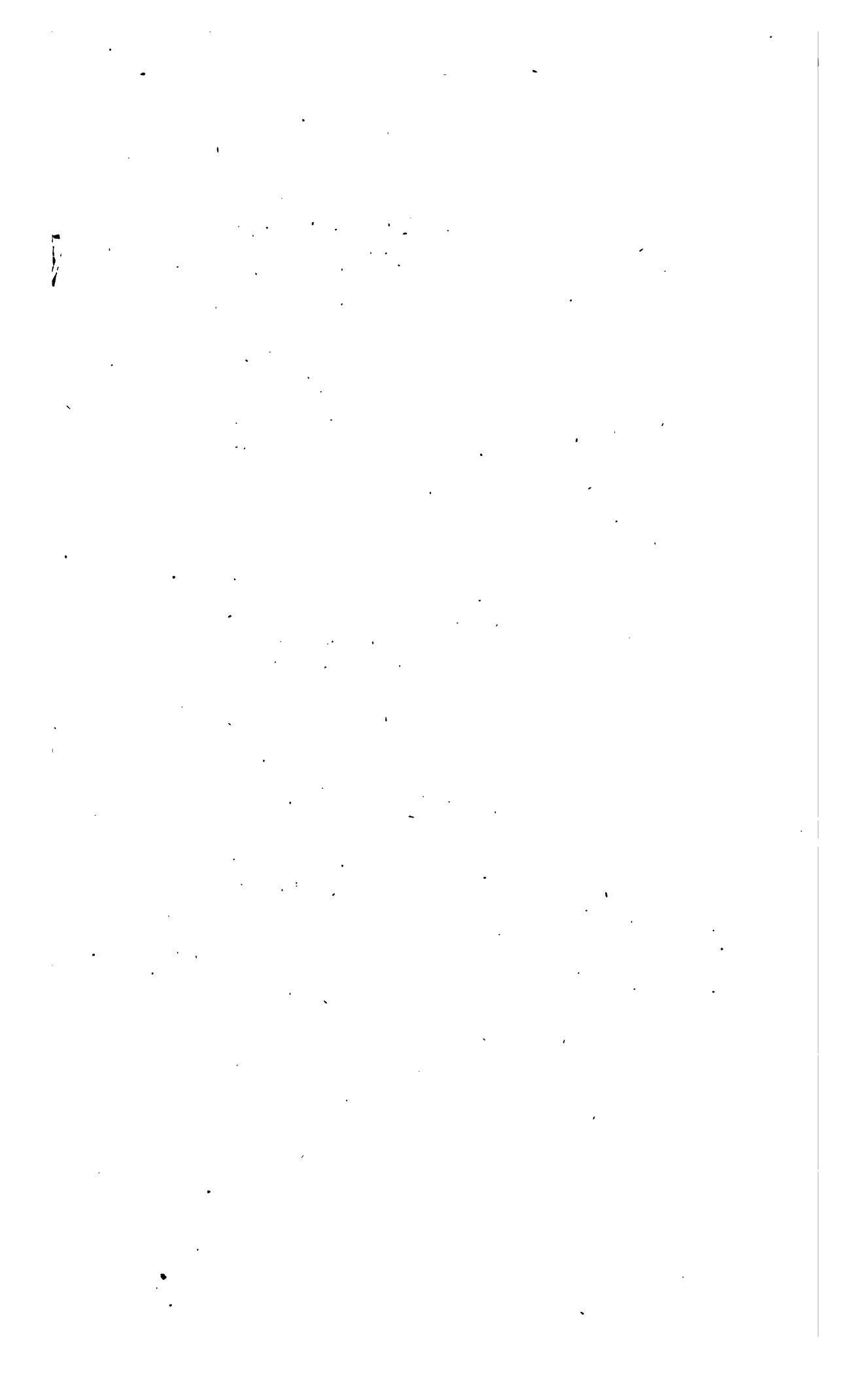
7-e. Il y a un article qui intéresse essentiellement le bien-être des négociants Espagnols établis en Russie. Le ministère a vu et est convenu que la juridiction accordée au magistrat de St. Pétersbourg a donné lieu en différentes occasions à des plaintes réitérées contre ce tribunal dont les membres peuvent se trouver par leur état, du moins indirectement, juges et parties en même temps. Pour éviter les discussions désagréables, qui nécessairement doivent en résulter, il serait à souhaiter que l'on commit au collègue et à la direction de la douane la connaissance de tout ce qui concerne les affaires litigieuses de commerce et les acquits de droits, et les contraventions aux reglements des entrées et sorties des marchandises. Ces deux tribunaux sont les censeurs les plus naturels que puisse avoir l'Empire, et la parfaite connaissance qu'ils ont de l'intention de la Souveraine, dont les vues sont les plus saines et les plus équitables, dictera toujours leurs décisions, évitant aux deux nations le désa-

grement des plaintes trop fréquentes et si contraires à l'avantage réciproque du commerce direct des deux nations qui doivent pour leurs propres intérêts se donner la main l'une à l'autre, pour étendre de plus en plus le débit de leurs productions respectives.

8-e. L'Espagne désireroit également que d'après l'exposé ci dessus des avantages accordés au commerce de la Russie, Sa Majesté Impériale accordât aux Espagnols le privilège de payer les droits de la douane en roubles ainsi que font les Anglais. Cette circonstance donnerait beaucoup d'encouragement aux négociants Espagnols et leur procurerait la confiance de leurs correspondants pour les commissions dont ils sont privés par l'avantage accordé aux Anglais qui les met à même de diminuer les frais de leurs commissions. Le ministère de Sa Majesté Imperiale m'ayant dit plusieurs fois que la Russie n'était liée par aucun traité ni engagement qui l'empêchât d'entrer dans des vues de commerce qui peuvent lui convenir; il ne seroit pas étonnant que l'Espagne se prêtant à donner toutes les facilités pour encourager le débit des productions Russes dans ses états et étendre le commerce direct des ces deux nations, la Russie accordât de son côté ce privilège aux négociants Espagnols établis dans cet Empire.

9-e. Un vaisseau Espagnol est allé l'année passée de Barcelone à Archangel pour échanger dans ce dernier port des productions d'Espagne avec celles de la Russie. L'équipage a été si bien reçu des officiers Russes à Archangel que le capitaine du navire en a fait son rapport au Roi qui a chargé son ministre à St.-Pétersburg d'en faire des remerciements à Sa Majesté Impériale. Un commencement aussi heureux d'un commerce direct entre le port le plus au Levant des Etats du Roi avec le port le plus au Nord du vaste Empire de Russie parait annoncer tout le succès possible dans l'établissement de ce commerce entre les deux États.

ОПИСАНІЕ СБОРНИКА

XV СТОЛѢТІЯ

КИРИЛЛО-БѢЛОЗЕРСКАГО МОНАСТЫРЯ.

(АРХИМАНДРИТА ВАРЛААМА).

Между рукописями бібліотеки Кирилло-Бѣлозерскаго монастыря заслуживаетъ особеннаго вниманія по содержанію своему одинъ изъ *Сборниковъ*, которому мы предлагаемъ здѣсь подробное описаніе.

Рукопись эта по формату въ 12-ю л. л., переплетена въ доски и оклеена бѣлою кожею, на лицевой сторонѣ крышекъ вычерщеною, запирается двумя застежками изъ узкихъ, вдвое сложенныхъ сыромятныхъ ремешковъ, съ мѣдными на концахъ ушками разнаго вида, на мѣдные спевьки (одинъ спевекъ утраченъ); застежки приколочены желѣзными гвоздиками съ плоскими головками, каждая двумя, и сверхъ того задняя доска обита въ три ряда такими же гвоздиками съ выпуклыми гладкими шляпками, по три гвоздика въ каждомъ ряду; кожа на разгибѣ верхней доски и по краямъ, а частію и на нижней доскѣ изодралась и протерлась.

Книга сія писана на простой бумагѣ, чернилами съ киноварью, полууставомъ, подходящимъ въ большей части статей къ скорописи, повидимому, тремя руками; въ началѣ оной и въ двухъ мѣстахъ второй половины недостаетъ нѣсколькихъ листовъ; состоитъ изъ 572 л.

Кѣмъ писанъ сей Сборникъ — неизвѣстно. Что касается до времени письма, то оное ясно показано однимъ изъ писцовъ

противу нѣкоторыхъ статей. Такъ подѣ Странникомъ Данила игумена Русскаго на 137 л. написано чернилами: в лѣтѣ ѿ цѣ. пѣ. се. и. в не. а початъ писати, а на 192 л. а кончатъ тогачѣ мѣа се. кѣ. кѣ. кѣ. Противъ службы Св. Страстей на 357 л. помѣчено киноварью: В лѣтѣ. ѿ. цѣ. бѣ. ма. ѿ в. ре. д не. а по. початъ писати, и на оборотѣ 380 л. кончатъ ма. ѿ. в пѣ в не. а по. Еще для опредѣленія времени сего Сборника можно принять во вниманіе слѣдующую замѣтку въ ономъ на обор. 262 л. В лѣтѣ. ѿ. ѿ. пѣ. се. и. в сре. бы. бѣи за доно. в лѣтѣ. ѿ. цѣ. пѣ. се. и. ино тому прешло лѣтѣ р. Изъ сего видно, что нѣкоторыя статьи оного писаны въ 1470 г., другія въ 1475 г., а нѣкоторыя въ 1479 г. или нѣсколько позже. Къ первому времени надо еще отнести находящійся въ семъ Сборникѣ такъ названный *Псалтырь*, переведенный съ Еврейскаго на Русскій языкъ по благословенію Филиппа 1 Митрополита всея Россіи, который жилъ между 1464 и 1473 г. ¹⁾ Отсюда также открывается, что собранна сія рукопись и переплетена въ одну книгу изъ разныхъ рукописей въ позднѣйшее время, впрочемъ не позже XVI ст.

Гдѣ писанъ сей Сборникъ, не показано въ ономъ; но, кажется, не въ Кирилловѣ монастырѣ, какъ это заключать даютъ поводъ два замѣчанія въ ономъ: одно на 226 л. послѣ ст. о второй трапезѣ: Се же писано изъ оустава Кирилова, а се тамъ писано ноября. и . . . . Писано в Кирилловѣ оуставѣ. ноя. дѣ.; другое на обор. 411 л. въ выноскѣ на полѣ: в Кирилловѣ оуставѣ писаны въ ѿданіе праз. ка и проч. По крайней мѣрѣ отсюда видно, что этотъ Сборникъ писанъ или выбранъ не весь изъ Кирилловскихъ рукописей.

Языкъ и правописаніе въ ономъ Русскіе. Въ статьяхъ, писанныхъ одною рукою со Странникомъ Данила, замѣчательны слѣдующія отличія въ правописаніи:

- 1) Буква а имѣеть вездѣ правую черту длинную, спускающуюся за строку.
- 2) е почти вездѣ долготычное.
- 3) з: головка небольшая, а нижняя часть высоко поднята

1. Опис. Слав. Рукоп. Моск. Синод. Библиот. Отд. I. стр. 53. Также Истор. Рос. Иерар. Ч. I. стр. 54.

и хвостикъ длинный; впрочемъ эта буква употребляется весьма рѣдко и именно только въ словахъ: князь и звѣрь, и еще въ началѣ строки при переносѣ слова.

4) з съ далеко откинутымъ, на концѣ немного округленнымъ, хвостикомъ и со спущенною за строку продолвою косою линіею.

5) о (о) съ правой стороны не кругло, мельче другихъ буквъ, и помѣщается большею частию въ верхней половинѣ строки, а въ словѣ *очи* вездѣ ѿ. ѿ вездѣ въ началѣ слова, и однажды только ѿ.

6) р, р съ продолговатою и иногда съ лѣвой стороны угловатою головкою.

7) оу вездѣ: въ началѣ, срединѣ и концѣ слова, а Ѹ весьма рѣдко и только на концѣ строки, если недостаетъ мѣста для оу.

8) ф чаще, чѣмъ ф.

9) ц (ц) состоятъ изъ прямыхъ, нисколько не округленныхъ чертъ.

10) у (ч) вездѣ вилообразный.

11) ѿ въ началѣ словъ и ѿ въ срединѣ и концѣ словъ; въ одномъ мѣстѣ есть еще ж въ словѣ ѿпжъ л. 176 на обор.

Тотъ же писецъ употреблялъ: въ концѣ словъ ѿ в м. ѿ, напр. л. 146 на обор. на^а гробомъ и на^а распятіемъ, л. 156 на об. течеть; ѿ в м. ѿ, наприм. тамъ же: свѣри лвовъ много ражаютъ; послѣ к въ началѣ слова и, а въ концѣ ѿ, напр. л. 122 на об. ѿтоле взыдемъ на горы киевскыя; і какъ и нынѣ предъ гласными въ началѣ и въ концѣ словъ, наприм. л. 143 на обор. входятъ въ стѣны гра^а іерл^атъ вси лю^аѣ радостию великою; послѣ ц всегда и в м. ѿ, наприм. л. 143 на обор. соу^ат же дверци. і. тамъ же: рѣшетки хр^атци; предъ окончаніемъ именъ прилагательныхъ на скій прибавлялъ ѿ, наприм. л. 153 на обор. Елеонская гора, но не всегда, напр. л. 120. Кн^азя володимера киевскаго пр^а роусскаго.

Знаки ставлены строчные: большая . и малая . (точки), послѣдняя продолговатая, и изрѣдка , (запятая) и въ концѣ статьи . . (три точки), а иногда : (двѣ). Надстрочные знаки: надъ гласными въ началѣ всякаго слова и въ концѣ многосложныхъ: ` (какъ бы короткое тяжелое удареніе), • (точка) и ^ (похожій на тонкое дыханіе), а надъ гласными на концѣ одно-

сложныхъ словъ " (два тяжелыхъ ударенія), наприм. л. 124 на обор. что... два брата два сна; удареніе собственно есть одно только острое', и то очень рѣдко встрѣчающееся.

Въ статьяхъ того же писца, отиѣченныхъ $\frac{6978}{1470}$ годовъ, состоящихъ изъ церковныхъ службъ, писанныхъ чистымъ полууставомъ, кромѣ тѣхъ же особенностей въ правописи, употреблены въ надписи надъ службою Св. Страстей вм. оу икъ: 8 и 8 л. 357. служба полнощницы; въ текстѣ же вездѣ писано оу; въ сложныхъ словахъ съ предлогомъ съ, удержанъ ѣ предъ согласными, наприм. на л. 358-мъ: средиже съѣщающихъ самъ стояше... съѣщаемыи, но не вездѣ; і замѣнено большею частію и въ началѣ и концѣ словъ; при стеченіи двухъ согласныхъ, трудныхъ для выговора и между двумя ии вставляванъ ѣ, наприм. л. 363 на обор. рѣците безаконьнии, л. 364. соуровьство: ѣ иногда замѣняетъ о, наприм. л. 320 нѣ пріими мя, на обор. въздыханнн ѡцѣщеніа просаща; для растяженія словъ прибавлены между двумя согласными и на концѣ словъ ивдѣ о, индѣ е, наприм. л. 310. не помолимося фарисейскнн братіе ибо возносаи себе сомиритеся. сомиримося предъ Богомо. мытарескы постоме возывающе. ѡцѣсти ны Боже грешеные; это сдѣлано вѣроятно для удобства въ пѣніи. Здѣсь встрѣчается и архаизмъ, удвояющій въ склоненіяхъ и спряженіяхъ гласныя, наприм. л. 364. въ благодателя мѣсто прошаахоу прнати иже праведникомъ оубища. молчаще же и проч.

У писца Псалтири новаго перевода, писанной почти скорописью, замѣчательны по правописанію буквы:

1) **Ѣ**, которая поднимается выше и спускается ниже строки, но чаще пишется в.

2) **Ѣ** на концѣ словъ иногда очень большое, наприм. твореніѢ твоѢ.

3) **з**, **з** и **з** безразлично, наприм. за Бѣгъ гѣ, изъ земля, изъ разѣма; первое въ началѣ строки и слова.

4) **Ѣ** въ началѣ словъ и въ среднѣхъ, но съ начала строки.

5) **о**, **о**, **о** безразлично.

6) **т** и **т**.

7) **ч**, **ч**.

8) **и** въ началѣ словъ, а **и** въ концѣ.

Буквы замѣнены одна другою: послѣ к вездѣ и вмѣсто и, наприм. языки, всякій, ѡны дышѣ; ѣ вм. о въ предлогѣ: съ и въ словахъ, соединенныхъ съ онымъ, наприм. съѣни мысли наша съ страхомъ твоимъ; въ концѣ словъ и вм. и послѣ и, стр. 533 на обор. во имя стны твоеа. что велѣ и мочны.— Знаки препинанія такіе же, какъ и у предъидущаго писца, а на концѣ псалмовъ вездѣ ставлены † ∙ (крестикъ и три точки). Надъ гласными въ началѣ, срединѣ и концѣ словъ часто писаны придыхательныя и острое удареніе. Такъ же часто употреблены титла и дѣланы выносы словъ на верхъ строки. Ударенія надъ многими словами поставлены не по нынѣшнему выговору, наприм. Похвалять дше моя тебе.... Блгвнѣ ѣся ты (каѡ. VII. пс. I).

Третій писецъ писалъ болѣе округленными буквами, чѣмъ два другіе. Ё въ концѣ словъ, а иногда и въ началѣ, вездѣ у него долгозвѣчное и крупнѣе прочихъ буквъ; изрѣдка встрѣчается і на концѣ словъ вм. и, наприм. л. 484 на обор. илі молнія, л. 485 на обор. небрегъ ѡ брані; ѣ вм. ѣ, въ предлогахъ: съ и въ, въ окончаніи творительнаго падежа и въ третьемъ лицѣ глаголовъ, наприм. л. 485. съ члвкы, къ александрѣ, л. 482. и тощеть покориті.... Ёдянь ходитъ и бѣѣся. Можно еще замѣтить слово радѣ, однажды употребленное вм. радѣ.

Впрочемъ сей Сборникъ замѣчательнъ не филологическими рѣдкостями, а важностію статей въ немъ содержащихся. Содержаніе его весьма разнообразно. Представляемъ оное здѣсь съ возможною подробностію и по мѣстамъ съ библиографическими замѣтками о нѣкоторыхъ статьяхъ онаго.

Первые листы въ сей рукописи, какъ сказано выше, утрачены. По вновь сдѣланной нумераціи:

Л. 1. Начинается словами: ихъ вспоминая имъ положеное правило. и оучити ихъ не прекословити. іерешъ и діакономъ и всемоу ряду црковномуу. За симъ пять правилъ: 1) о мѣстѣ исповѣди для женскаго пола (въ паперти при отверстыхъ дверяхъ) и о томъ, кому изъ иноковъ можетъ быть позволено исповѣдывать женщинъ и какъ должно ему приготовить себя къ сему молитвою; 2) о числѣ кляра въ Константинопольской Софійской церкви; 3) о татяхъ церковныхъ; 4) о томъ, что священникъ прежде входа въ домъ родильницы долженъ совершить во вра-

тахъ онаго молитву, и 5) о лѣтахъ возводимаго въ священство. Изъ сихъ правилъ 2-е, 3-е и 5-е взяты изъ Новыхъ Заповѣдей Іустиніана императора, но изложены неточными словами², а прочія неизвѣстно откуда. Замѣчательно, что противъ правила о церковныхъ татяхъ на боку вдоль страницы замѣчено: на Москвѣ нѣкто тать имене³ коуладарь дѣт пркве покразь.

Л. 3 на обор. Зла⁴оуво. что ли глѣю вѣрна хрѣтианина ты члче. ни бо, аще члкъ ли еси. не могу явѣ оувидѣти. егда ногою бьши яко ѡсель. скакаеши же яко быкъ и проч. сравненіе челоуѣка по непорядочнымъ дѣйствіямъ съ безсловесными животными.

Л. 4. И⁵ въ стѣхъ ѡца ише⁶ Стефана заповѣди вѣ. Въ-сихъ заповѣдяхъ содержатся краткія наставленія монаху касательно обращенія съ женщинами, дѣтьми, *старѣйшиною лѣста* и пр. Изъ древнихъ св. наставниковъ монашескихъ сего имени извѣстны три: Стефанъ Оивейскій, современникъ Антонія Великаго, 6 лѣтъ бывший монахомъ³, и два Саввайта, одинъ жившій въ V ст. и написавшій исторію пр. Саввы, а другой позднѣе его, творецъ канонѡвъ (стихотворецъ), составившій исторію избіенія отъ Сарацынъ пр. отецъ въ обители пр. Саввы⁴. Кому принадлежатъ изложенныя здѣсь правила, неизвѣстно, а вѣроятно первому — Стефану Оивейскому.

Л. 5. Ѡ правилъ ѡ отрыганіи. Ѡтрыганія ни едина соу⁷. ино оубо, еже ѡ ѡбьяденія и питія многа ино же паки, ѡ естества. другое же ѡ поста и пр.

Л. 6. Іюана Постника ѡ кровомѣшствѣ, сокращенно и въ снесеніи съ правилами Василія Великаго. Іоаннъ Постникъ былъ патріархомъ Константинопольскимъ и скончался въ 596 г. Правила здѣсь изложенныя взяты изъ книги его *О покаяніи*, въ которой содержатся наставленія, какъ поступать съ кающимися⁵).

Л. 7. Ѡ оубіиствѣ вольномъ и невольномъ изъ Ветхаго Закона и правила Іоанна Постника и Василія великаго сокращенно. Подъ этою же надписью помѣщены и другія правила, какъ то:

2. Печ. Корич. изд. 1658 г. гл. Книг. 48. Запов. 43. л. 322. гл. кн. 44. гран. 1. гл. 31. л. 350. гран. 2. гл. 2. л. 352 на обор.

3. Sozom. L. VIII. cap. I.

4. Чет. Мин. мѣсяца іюля 13 л. стр. 97 на обор.

5. Moshem. Instit. Hist. Eccles. pag. 218. Hoffman. Lexic. Univers. t. II. p. 655.

о кражѣ людей, дѣтубійствѣ, кровосмѣшеніи и проч. Здѣсь противу правила Василія в. о денежной пени за вѣскую обиду, состоящей изъ восьми дидрахмъ, написано на боку страницы тѣмъ же писцомъ: драхма держить. ѿ денегъ. ино то рубль с чет-вертью.

Л. 9 на обор. ѿ правѣ Никоновѣ. Подъ этою надписью со-держатся 33 правила, собранныя изъ каноновъ церковныхъ, наиболѣе касающіяся чистоты жизни священниковъ, монаховъ и мірянъ. Собираатель оныхъ пр. Никонъ жилъ во второй по-ловинѣ XI ст. и былъ игуменомъ въ Антиохіи въ одномъ изъ Черногорскихъ монастырей. Онъ написалъ *Типикъ* и нѣсколько *Посланій* или *Словъ* къ инокамъ. Каноническія сочиненія его у насъ въ древности извѣстны были подъ именемъ *Никонскихъ Правилъ* и распространялись въ обителяхъ въ спискахъ⁶⁾, а въ 1795 г. изданы въ свѣтъ и въ печати. Еще ранѣе напечатаны въ Кормчей книгѣ, изд. въ 1653 г. Посланіе его къ Хариклію пресвитеру, жестоко поступавшему съ согрѣшавшими (гл. 41) и извлеченіе изъ 63-го слова его 1-й книги и предисловія ко 2-й книгѣ о священныя правилахъ (гл. 71). Въ той же Кормчей сдѣланы ссылки на писанія его при изложеніи правилъ св. Апостоловъ и вселенскихъ и помѣстныхъ Соборовъ, и также въ Номоканонѣ, печат. въ требникѣ нашего времени.

Л. 13. ѿ правилъ стѣхъ аплѣ. что на коврѣхъ крѣты дѣлають ино-вѣрніи, на прелестъ хртїано^м, и сѣдѣтъ на ^м хртїаницѣ и спѣтъ. во ѿпи-темби соу^т . . . образъ крѣтныи пишощимъ на земли или на свѣту, или на ино^м на нечемъ вѣщии несмыслени, не повелѣваемъ вѣрны^м хртїано^м того творити. то бо латина дѣлаю^т и проч. и еще 18-ть правилъ о неприходящихъ въ церковь, по нерадѣнію, нѣсколько дней сра-ду, о ежедневныхъ поклонахъ духовника за своихъ дѣтей ду-ховныхъ, о татяхъ, клеветникахъ, гробокопателяхъ, двоежен-цахъ, троеженнахъ, о грѣхахъ плотскихъ. клятвѣ и проч. Всѣ тѣ правила — отеческія, и нѣтъ между оными ни одного апо-

6. Сборники собствен. библиот. пр. Кирилла Бѣлозер. № 13 и 14. Прежде въ Кирил. М-рѣ было *Правилъ Никонскихъ* писм. 14-ть экз., изъ коихъ одинъ *Государское даяніе*, т. е. даръ царя Іоанна Васильевича, великогубно написав-ный. Опис. Библ. Кир. М-ря 1766 г. л. 25 и 84. Еще Описан. Румянц. Музеума стр. 852, 856 и др.

стольскаго. Имя апостольскихъ они носятъ вѣроятно потому, что взяты изъ Сборника, который по первой своей статьѣ имѣлъ надпись: *Правила св. Апостолъ*, или тому подобную. Примѣчаніе это можетъ служить поясненіемъ и нѣкоторыхъ другихъ статей нашей рукописи, носящихъ названія вовсе несоотвѣтственныя ихъ содержанію.

Л. 15. *Сѡ оустіаповѣ книгѣ кнзе православыѣ. ѿ земледѣцаѣ.* Подъ симъ названіемъ помѣщены 45-ть законовъ о взысканіяхъ за убытки, причиняемые владѣльцами другъ другу, и о наказаніяхъ за уголовныя преступленія; послѣдніе законы взяты изъ 39 грани извѣстнаго въ нашей Кормчей *Закона Градскаго*; между ними находится одно правило о свидѣтеляхъ изъ 27 грани того же Закона.

Въ семъ послѣднемъ встрѣчается слово: *переперь*. Нищія не послушавшюуѣ, нищъ бо ѣ иже не имѣѣ на ѣ. переперовѣ имѣніа. Въ Словарѣ Памвы Бершды оно протолковано: *вердунокъ*⁷.

Л. 21 на обор. Козмы Халкидоньскаѣ. Яко не подѣбаѣ жены звати гжею. Это мнѣніе пространнѣе изложено въ рукописныхъ кормчихъ, ваприм. здѣшняго монастыря⁸ и Румянцовскаго музея⁹, въ которыхъ оно поставлено послѣ *Закона Суднаго* въ одной главѣ съ онымъ.

Л. тотъ же. *Феоѣра Селіота*. Яко не поѣбаѣ в томъ днѣ по стѣи прищениіа в бани мытиса велики се гмъ запрещено ѣсть. Феодоръ, по мѣсту рожденія именуемый Сикеотомъ (Siceotes), былъ епископомъ въ Анастасіополѣ и скончался въ 613 г.¹⁰

Л. 22. Тимоѣя александриискаѣ три правила: 8, 14 и 15 о разрѣшеніи поста страстной недѣли родильницѣ, о самоубійцѣ и неоставленіи мужемъ жены бѣснующейся. Въ печ. Кормчей 1653 г. правила сіи содержатся въ гл. 32-й. Архіеп. Тимоеѣй присутствовалъ на II Вселенскомъ Соборѣ и оставилъ Церкви 15-ть правилъ; хотя самъ онъ, за вражду противу св. Григорія

7. Сказаніе Русск. Народа т. II, кн. V, стр. 73. Этого слова нѣтъ въ Словарѣ Церковно-Славянскаго и Русскаго языка, изд. 1847 г.

8. Кормч. 1890 г. въ бол. л. Кормч. XVI ст. въ мал. л. въ обѣихъ гл. 102.

9. Опис. Муз. стр. 288 и 325.

10. Hoffmann. Lexic. p. IV. pag. 416.

Богослова. Церковію не причтенъ къ лику святыхъ, но правила его VI Вселенск. Соборомъ признаны каноническими.

Л. тотъ же. Афанасія александ'рискаго вопросъ и отвѣтъ: гдѣ находятся отшедшія души человѣческія. Тутъ же правило, не извѣстно чье: просфоръ не по'баѣтъ ясти ни со млекою ни с сырою ни с рыбами, но чинно ѡсобъ да сѣдятъ.

Л. 23. Николы патріарха Цриграго отвѣтъ на вопросъ Іоанна мниха и молчальника о крестѣ, иже на земли и на ледоу пишоу⁷. Вопросы этого и отвѣта на оный нѣтъ въ печатной Кормчей между правилами Собора бывшаго при семъ патріархѣ¹¹. Правило сіе въ ркп. Кормчихъ, наприм. Кормчей здѣшняго монастыря, пис. въ 1590 г. въ л. въ гл. 92-й приписывается Аванасію мниху Іерусалимскому.

Л. тотъ же на обор. Іоана рыскаго митро⁸. два правила объ изверженіи причастія.

Л. 24. Девятнадцать правилъ безъ означенія происхожденія ихъ; правила: о молитвѣ надъ осквернившимся глинянымъ сосудомъ и дому, въ которомъ мать родить отроча, относительно крови текущей изъ зубовъ, о женѣ умирающей послѣ родовъ, объ эпитиміи, если младенецъ умретъ безъ крещенія по нерадѣнію родителей или священника, о позволеніи имѣть въ келти св. иконы, проскомисать, по нуждѣ, просфору упавшую по неосторожности на полъ, крестить дитя обративши его лицомъ къ себѣ, и др., всего 13-ть, взяты изъ отвѣтовъ Новгородскаго епископа Нифонта Кирику и инымъ¹²; а остальные 6-ть изъ Номоканона. Здѣсь замѣчено: 13 сотъ Медвенѣ. Чг. стихи, т. е. стихія или составныя части.

Л. 26. Іоанна Пателарея игоумена оустави монастыря е⁹, числомъ 9-ть правилъ. Правилами сими запрещается иноку сослужить съ назначеннаго ему въ церкви мѣста и стать на другое, брать къ себѣ въ келью брата и бесѣдовать съ нимъ, безъ благословенія игоумена или старца, иди съ подругомъ держаться съ нимъ за руки, ѣздить двоимъ на *клюсяте*¹³ или спать вмѣстѣ,

11. Главы церков. и вопросы правилъ. и проч. гл. 84. л. 877.

12. Ркп. Кормч. Кирил. М-ря въ бол. л. 1590 г. гл. 80.

13. *Клюся* зн. конь. См. Слав. Беринды. Этого слова нѣтъ въ Словарѣ Церковно-Славянск. и Русск. языка, изд. 1847 г.

часто бесѣдовать или шептаться съ кѣмъ и т. п. Особенно замѣчательно слѣдующее правило: 'Аще кто простретъ ризоу свою внѣ да сіяеть на ню сінце. по три оутра да прїиме^т епитимію години ея, сам же да иде^т прося епитимья нбо согрѣши, и исповѣсть виноу свою. Уставъ его помнѣе изложенъ въ харатейной кормчей XIII ст., находящейся въ Румянцовскомъ музеумѣ¹⁴.

Л. 27 на обор. Девять правилъ, безъ надписи, изъ коихъ четыре Кароагенскаго Собора: 8-е, 13-е, 15-е и 17-е о лицахъ церковнаго чина, и пять VI Вселенскаго Собора: 14-е, 10-е, 11-е, 18-е и 72-е о мѣтахъ поставляемаго въ діакона, о священнослужителяхъ, берушихъ лихву и о запрещеніи мірянамъ сообщаться съ вѣтѣрными, приобщать самихъ себя и вступать въ бракъ съ еретиками.

Л. 29. ☩ постниковы^х, 13-ть правилъ, но не всѣ принадлежать св. Іоанну Постнику, а нѣкоторыя, полагать надо, извлечены изъ какого нибудь устава монастырскаго, каковы напр. о метеніи церкви дважды въ недѣлю, о пограніи церковной книги по небреженію и о сгноеніи келаремъ остатковъ какой либо пищи.

Л. 30 на обор. Никифора патріарха Цриграда 22 правила, изъ коихъ только два первыя принадлежать ему, именно: о разрѣшеніи на рыбу въ день Благовѣщенія и о вхожденіи инокинь во св. олтарь, а прочія изъ соборныхъ опредѣленій. При семъ нельзя не замѣтить, что здѣсь въ послѣднемъ правилѣ патріарха Никифора написано: подобае^т инокинямъ входить во стѣни олтарь и пр., а въ печатной Кормчей 1653 г. въ 11 правилѣ сего святителя сказано напротивъ: не подобае^т инокинямъ входить во святыи олтарь¹⁵.

Л. 34. Германа патріарха Цриграда два правила о разрѣшеніи отъ эпитиміи отлученнаго, въ случаѣ болѣзни его и проч. и о невѣнненіи въ грѣхъ, если кто откупится отъ мученій златомъ. Правила сіи принадлежать Герману 1, который жилъ въ VIII стол. во время гоненія на св. иконы и оставилъ послѣ

14. Опис. Муз. стр. 278.

15. Святаго Никифора... Правила о церковныхъ счиновеніяхъ гл. 88. л. 896 на обор.

себя, между прочими твореніями, *Разсужденіе о шести вселенскихъ соборахъ*¹⁶.

На обор. Зла'оу. Аще жидовниъ хртіанвна раба ѿмыи ѡбръжетъ его. да ѡсѣкоуть ёмоу главоу. Правило не Златоустово, а изъ *Закона Градскаго* гран. 39. гл. 31¹⁷.

Л. 35. Два правила безъ надписи, о неповинномъ убійствѣ. оттуда же, п. 39 и 42¹⁸.

Л. тотъ же. Афонасіа ѿнока іерлѣмскѣ. Аще виидеѣ в цркви весѣ и свиіа да не поете литургіа до ѡсмаго дні. Кто былъ в когда жилъ этотъ Аонасіѣ — невзвѣстно. Въ ркп. нашихъ Кормчихъ помѣщены четыре статьи его: о древе разуменнѣ доброу и злоу къ вѣкоему Панкови, о крѣѣ вѣ на землі и на ледоу пишють, о крѣѣ Хвѣ, и ѡ наоузѣ. и ѡ стрѣцы громней¹⁹. Первое сочиненіе А. Х. Востоковъ признаетъ Болгарскимъ²⁰.

Л. тотъ же. Сѣго Тимофіа. Подъ этою надписью помѣщено 13-ть правилъ. Изъ писателей церковныхъ канонѡвъ извѣстны двое сего имени: Тимоѡей архіепископъ Александрійскій, о которомъ мы говорили выше, и Тимоѡей пресвитеръ великія церкви и сосудохранитель въ Халкопратіи, написавшій посланіе *о различіи приходящихъ отъ ересей къ благочестивой нашей вѣрѣ*²¹; но ни которому изъ нихъ не принадлежатъ ни одно изъ помѣщенныхъ здѣсь правилъ. Первый изъ сихъ канонѡвъ: ѿко достоятъ болящему ѿнокоу во стѣю, ѿ. поу ѿсти рыбоу и пити вино, по предмету своему имѣетъ вѣкоторую близость къ 10-му правилу Тимоѡея Александрійскаго, но въ существѣ дѣла совершенно противно оному, потому что въ этомъ правилѣ сказано: иже до конца отъ болезни изнемогъ, и во дни святыя Пасхи т. е. страстной недѣли, да ясть маслѡ и да пьетъ вино. Всѣ прочія правила о противуестественныхъ грѣхахъ, пїанствѣ, о недозволеніи діаконамъ и мірскимъ людемъ благословлять въ присутствіи іе-

16. Начерт. Церк. Ист. отд. I. стр. 616 и 617.

17. Печ. Кормч. 1633 г. л. 487.

18. Тамъ же, л. 87 на обор. и 488.

19. Кормч. Кирил. М-ря, пис. въ 1390 г. гл. 91—94.

20. Опис. Румянц. Муз. стр. 283.

21. Тамъ же, гл. 70. л. 634.

64-ре запрещенія. Послѣднія два: аще кто ѿ болныхъ ѿбращетсѣ прѣшнюю что безъ совѣта соуцаго на^а лницю (больницю) и^и служащѣ да боуде^т безъ благословенія: аще кто ѿ з^зравыхъ спитъ въѣ ѿ клятвеннаго (дома) да естъ ѿлоченъ. Всѣ сѣи правила напечатаны въ Кормчей 1653 г. въ гл. 62-й.

Л. 71-й на обор. правила того^{го} стго великаго василія ѿ иноуныхъ. кляшасѣ какою либо клятвою, да ѿлочитсѣ се^смицѣ двѣ и пр. 20 правилъ. Столько же и въ печ. Кормчей въ гл. 63.

Л. 73 на обор. Того^{го} елика на трапезѣ запрещенія различны^х стыхъ. Иже стихъ со братіями ѿ небреженія непоущен^н идоущимъ къ ястію, даже до оутренняго воображен^на часа не ядше да боудуть и пр. 16 правилъ. Тѣ же, что въ печ. Кормчей въ гл. 64.

Л. 75. Ѿ прав^ви помѣстны^х иже в сардинии сирѣ^т во сре^рци написано пре^р карфагенскы^х соборо^о правило. в. Здѣсь изложено не самое правило, а толкованіе на оное о епископѣ, просящемъ перемѣщенія себѣ изъ города въ городъ.

Л. 76. Ѿ прав^ви постниковы^х: аще кто вред^да гра^а на пріятіе иноуоу прю и княю и сѣтворятсѣ неправ^вы и соблази и брани. тои таковыи не има^атъ полуочити мѣтъ во вѣкы вѣко^о. аще^е пострижетсѣ и покаетсѣ при сирти да причаститсѣ.

Тамъ же. Ѿ Никона одно правило о троеженцахъ.

На обор. Сты^х ап^плъ. і сты^х цѣль. недостоитъ слоужити пролани^н вино^о и проч. 23 правила казуистическія относительно таинства евхаристіи и просфоръ, и нравственныя о проступкахъ іереевъ, взятыя частію изъ отвѣтовъ Іоанна епископа Китрошскаго, частію изъ извѣстныхъ вопросовъ Кирика и отвѣтовъ Нифонта епископа Новгородскаго и изъ наставленія Іліи (Іоанна) архіепископа Новгородскаго же (о не влитіи вина по забвенію при совершеніи литургіи)²⁴, и изъ другихъ неавѣстныхъ; но нѣтъ между ними ни одного апостольскаго.

Л. 80 на обор. Въпрѣ, моуже^т до ег. лѣ^т. отъ іерея на исповѣди, съ показаніемъ эпитимій за грѣки. На сторонѣ противъ сихъ вопросовъ написано вдоль 81-й страницы: ѿ прав^ви великы^х. Аще поць чернецъ литоургисае^т в соборѣ или въ празницѣ да извержетсѣ.

24. Ркп. Кормч. Кирил. М-ря 1890 г. гл. 59.

Л. 83 на обор. Вѣро^ѣ женамъ. Нѣсколько вопросовъ на исповѣди же о плотскихъ грѣхахъ, съ показаніемъ, какъ разрѣшать кающихся вообще.

Л. 84. ѿ правилъ избора антиохіювскѣ. Иже в первое посяганіе створить лѣты сѣ многы, да покается лѣти два и проч. 16 правилъ о эпитиміяхъ вступающимъ во второй и третій бракъ и четвероженцамъ, также впадающимъ въ противуестественныя плотскія беззаконія, о наказаніи за чловѣкокрадство, о недопущеніи второбрачующихся къ алтарю и ненадѣваніи на нихъ вѣнцовъ, хотя бы одно лицо изъ нихъ было и дѣвственное, о томъ, что отступившій отъ православной вѣры во время гоненія и покаившійся не можетъ быть іереемъ, что мужъ и жена живущіе въ законной чистотѣ получаютъ отъ Бога душеполезную жизнь, что аще^ѣ прилучится, искоушенію лоулавоу припасти в до^ѣ. и скорбѣ. и тцета имѣнію и проч. не должно о семъ скорбѣть и призывать къ себѣ волхвовъ, и что по^ѣбае^ѣ ко ѡцѣмъ дховнымъ исповѣдываніемъ ѡцѣдятся и проч. Изъ сихъ правилъ ни одно не принадлежитъ Антиохійскому собору. Судя по предмету, нѣкоторыя изъ нихъ взяты изъ опредѣленій Лаодикійскаго собора (1-е пр.), Василія вел. и Никифора Исповѣдника (о многообращеніи); нѣкоторыя изъ Анкирскаго собора (1 и 6 пр. о^ѣ отпаденіи отъ вѣры); а правило: аще кто украдетъ чл^ѣка нѣчьего. и ѡт^ѣроча нѣчьѣ и продасть ѣ. роуцѣ емоу да ѡсѣкоутся содержатся почти слово въ слово въ Гла^ѣвизнахъ Льва Премудраго и Константина царей, зачат. 16. гл. 31²⁵; прочія неизвѣстнаго происхожденія.

Л. 86 на обор. Лѣтопись о преставленіи Кипріана митрополита Кіевскаго: В лѣтѣ ѣ. ѣ. ѣ. престави прѣщеннѣ архіеппѣ Кипріанѣ митрополитѣ Кіевьскѣ и всеа роуси. разболѣвся на голенищевѣ оу трею стлѣ, идѣже често любляше бывать, яко мѣсто тихо безмятежно. и преже преставленія своего за д.ре днѣ написа грамотоу незнаемоу. и страннолѣпноу, аки во образъ прощенія. велеглаго на^ѣ нимъ. ѣяже прочте

25. Меч. Корич. 1633 г. гл. 50. л. 519. Крадыи свободную семъ и продали, да оусъживетъ емоу роуцѣ. Въ рип. Коричихъ Кирил. М-ря написано, въ одной 1590 г. въ бол. л. крадыи... сѣмью, въ другой конца XVI или начала XVII ст. въ мал. л. крадыи... сѣмью и сѣмью. Слово сѣмъ въ Церковно-Слав. и Русск. Словарѣ 1847 г. не объяснено. Не означаетъ ли оно сѣмьянина, члена семейства?

григоріе владыка ростовскн. се же написано конечно ради любодірія и цѣломдірія, и смѣренодірія. и ѿ многы пре'стоящихъ тоу слезы по'виже:

За симъ на л. 87-мъ слѣдуетъ самая грамота. Во имя сѣи и живоначальныя Трѣца и проч. Грамота сія находится въ Степенной книгѣ и въ другихъ лѣпописцахъ нашихъ. Она служила образцомъ подобныхъ духовныхъ завѣщаній для всѣхъ преемниковъ преосв. Кипріана, а начало оной вносили въ свои завѣщанія и другія духовныя лица, напр. преп. Кириллъ Бѣлозерскій²⁶, Антоній Сійскій²⁷ и др. По важности сего Русскаго творенія и древности нашего списка мы предложимъ оное въ полномъ составѣ, на концѣ сего Описанія, что будемъ наблюдать и относительно другихъ достопримѣчательныхъ статей сего Сборника.

Л. 91 на обор. Сербьски ѿвѣтъ, к патріарху ибо ибси землю же дастъ сѣомъ чѣлескымъ. филиппоу, творецъ тивръ, и на боку страници, въ выноскѣ: зеркалоу, т. е. Діоптрѣ.

Тамъ же. Мо. Ег^а громъ гремитъ. Высокии прію ходяи в грому. ѿбладаи молніями призывая ведоу морьскоую, проливаа на лице всеа земля дожъ. ѿ великыи и страшныи бѣ самъ соуді и врагоу діаволоу.

Тому же. Оумъ пречтнъ и самоизволенъ разоумичень. ѿ Ба чтѣ ѿчее изволеніе, оиъ Бжїи свѣтъ естъ, и козни вражіа тма соу.

Потомъ выноска на полѣ страници: Тогы глї оумъ прп'бень самоизволенъ. войстиноу чтѣ Боу ѿчествоу избавленіе. Та мо 'ісова.

Л. 91. Ко крещенію бо аще и всеа земля прїдоутъ чѣпи. то не оумалїтся блг'ть бжїа. всѣмъ дается. сіце и ко иночествоу.

Тамъ же. Мо. ѿца дховнаго. Сїоу. Бгъ ѿць га ише 'іс хѣ. великіа ради милости и проч. разрѣшительная молитва, отличная отъ той, какаа нынѣ находится въ требникахъ, и довольно похожая на полагаемую во гробъ къ умершимъ.

Л. 92. Млтва разрѣшити оумршаго князя. и всякаго хрїтіанина, творенія гїа Кипріяна митрополита всеа роуси писана в лоутцѣ на гробомъ княжи дмитреевы. Вл'ко Бже ѿче вседержителю, створивши члїка по ѿбразоу своємъ и по подобію и проч. Эту молитву, какъ за-

26. Духов. завѣщ. пр. Кирилла по спис. хранящ. въ его монастырѣ. Напечатанное въ Ист. Р. Іерар. ч. IV. стр. 418 и слѣд. во многомъ не согласно съ симъ спискомъ.

27. Истор. Рос. Іерар. ч. VI. стр. 118.

мѣчательное твореніе Русское, мы помѣстимъ на концѣ Описанія отъ слова до слова.

Л. 94 на обор. Мо^ѡ врачеваннѣя. Тутъ изложены не самыя молитвы, а только уставъ, какъ совершать священнику молитвословіе надъ больными. Мо^ѡ ѡ (и единственная) назначена изъ тѣхъ, кои читаются при елеопомазаніи: ѡче стѣ и врачъ дшамъ ѡ тѣломъ, а не та, которая находится въ нынѣшнихъ требникахъ на всякъ немощь. Еще нельзя не замѣтить, что въ семь уставѣ велѣно аллилуіа произносить трижды, а не дважды, какъ въ нѣкоторыхъ позднѣйшихъ рукописяхъ: та^ѡ. Аллѣѡи. г-ю.

Л. 95. Послѣдованіе въчати двоеженца. ѡ треженца, безъ заглавія, для котораго оставленъ пробѣлъ. Здѣсь указаны молитвы не тѣ, какія положены въ нынѣшнихъ требникахъ, и все послѣдованіе гораздо короче нынѣшняго, въ которомъ впрочемъ о троеженцахъ и не упоминается.

Л. тотъ же на обор. Кипріянь митрополеть, видѣлъ ѡ наездѣль въ литовско^ѡ такова члѡка и проч. повѣстца, очень сбивчиво изложенная, о томъ, будтобы митрополить Кипріянь въ Литвѣ, въ какой-то станицѣ, зашелъ въ избу, и посидѣвъ въ оной недолго, ушелъ изъ дому, не благослова хозяина, и забылъ тамъ на окнѣ свои рукавки, за которыми вскорѣ послалъ; но посланный не нашелъ уже на томъ мѣстѣ ни людей, ни двора, ни животныхъ, кромѣ одного бревна, на которомъ были положены рукавки.

Л. 96. Подобае^ѡ вѣдати яко по Христофорѣ первомъ исповѣдницѣ, развращеннаго исповѣданія его, написаша явѣ латини в римстѣи цркви и проч. Краткое сказаніе объ отлученіи Латинянъ отъ вселенской церкви Константинопольскими патріархами, сначала Сергіемъ, а потомъ окончательно Михаиломъ Келуріемъ, и что едина вѣра была ѡ. лѣ. ѡ п. ѡ ѡ.

Л. 97. ѡ слова оуспенскѣ ѡ ѡанна селоунскаго ѡ дши. Два бо ѡггла приходита на члѡка. ѡдинъ правѣниѡи дроу лоукавий. ѡ видета смѣртью, дондеже ѡнимаетъ дшу смѣрть и проч. Въ торжественникѣ Румянцовскаго Музеума въ надписи надъ симъ словомъ Іоаннь названъ правовѣрнымъ и святымъ мужемъ²⁸.

28. Опис. Румянц. Муз. стр. 703.

Л. тотъ же на обор. На боку вдоль страницы: свитокъ велико кнѣзя володѣмера кнѣвска; потомъ въ строкахъ: правило законно ѿ црѣвныхъ людеѣ и ѿ десятинаѣ, и ѿ миряѣхъ градьскыѣ, и ѿ соудѣхъ еѣпѣпскихыѣ, на кѣвѣ писано.

Л. 101. Уставъ Ярославовъ, безъ надписи, начинающійся словами: се ѣзъ кнѣзь великыѣ ярославъ снъ владимировъ вноукъ сто-славль. по даныѣ ѿца своего, сгадаѣ есмь с митрополитомъ иларіономъ и пр.

Списки сѣи съ уставовъ св. Владиміра и Ярослава древнѣе многихъ подобныхъ списковъ, наприм. находящихя въ Румян-повскомъ Музеумѣ²⁹ и въ двухъ Кормчихъ Кириллова мона-стыря. Они имѣютъ болѣе послѣднихъ сходства со списками, помѣщенными въ Примѣчаніяхъ къ Исторіи Г. Р. Карамзина³⁰, изъ коихъ списокъ Владимірова устава относится къ XIII ст., а Ярославовъ къ XVI ст., но есть въ оныхъ и немалозначительныя словоразличія противу сихъ списковъ.

Прибавленія къ Уставу Владимірову въ семь Сборникѣ тѣ же, какія находятся въ Кормчихъ; это: а) эпилогъ въ концѣ устава л. 102. оуставъ бывшій преже на ѿ прадѣдъ и ѿ дѣдъ назнѣтъ имати еѣпѣпоу десятиною ѿ дани ѿ вирь, и ѿ продажи и ѿ ловь княжѣ и ѿ виногра^д и ѿ всего что входитъ в домъ княжѣ; б) правило (подложное) стѣхъ ѿѣѣ. р. ѣе. (т. е. V Вселен. Собора, который никакныхъ правилъ не предалъ), на ѿбидяѣѣ стѣхъ црѣви. великаго нашего сего града, съ прѣтymi твоими арѣиепископы. се полагаѣѣе писаніемъ предеѣѣ на ѿбидѣвшій стѣхъ црѣви бжїа и проч. л. тотъ же; в) правило о о црѣвныхъ людѣхъ и ѿ соудѣхъ, и ѿ десятинахъ, и ѿ миряѣхъ гра-дскихыѣ, о томъ, чтобы никто не осмѣлялся измѣнѣѣѣ еже оупра-вили и оутвердили соудомъ съборною апѣлскою црѣвью о судахъ цер-ковныхъ, десятинахъ и о всемъ священническомъ чину, подъ угрозою клятвы, л. 103 на обор.; г) Краткое сказаніе о крещеніи св. Владиміра, М^о 104. В лѣт. с. ѣ. ѣ. се. въ црѣтво Константина и Василя крѣтисѣ кнѣзь великыѣ владимерь, и всю роусъ и проч. Здѣсь говорится, что св. Владиміръ далъ церковный уставъ и завѣщалъ соблюдать оный всему роду своему и что по немъ правовѣрныя князѣя и княгини дѣлали церквамъ Бо-жїимъ многіе вклады, украсили оныя и обогатили; далѣе при-

29. Тамъ же, стр. 287, 294, 324.

30. Т. I. прим. 505, Т. II. прим. 108.

водятся 59-е прав. св. Апостолъ, что церковное богатство есть нищихъ богатство и пространно парафразируется словами митрополита Кіевскаго Кирилла III (быль 1250—1280 г.) къ великому князю Владимірскому Василю Александровичу, и оканчивается повтореніемъ, что црь или кнѣзь въ ѡ частѣхъ власть, а съборная цркви в десятой части власть имѣеть и проч.

Текстъ самыхъ уставовъ мы помѣстимъ въ концѣ нашего Описанія, съ показаніемъ важнѣйшихъ вариантовъ въ ономъ, противу списковъ Карамзинскихъ.

Л. 110 на обор. Оѡвѣтъ 'Іоанна сѣеннѣйша еѣпа китроѡска къ ощеннѣйшему еѣппоу драческому каваслѣ, ѡ антимиѣхъ. Напечатанъ въ Кормчей 1653 г. гл. 59. л. 598 на обор.; но въ Сборникѣ нашемъ очень неисправно написанъ и нѣтъ конца отвѣта: а на антимиѣхъ пиши сице и проч.

Л. 111. Его же. О котораго возраста по'баеть исповѣдыватися, и велѣно дѣлать это ѡвѣмъ убо, дѣ. лѣт. ѡвѣмъ же по ѡ. мѣ лѣтѣ възраста. Отвѣта этого нѣтъ въ печ. Кормчей.

На обор. Его же. Не по'бае' во цркви ѡсценной, идѣже мѣнѣхъ скровиствоваша моци. оумерши' телеса погребатися и проч. Въ печ. Кормчей прав. 6.

Его же. 'Иже ко антимиѣсомъ во ѡсобнѣ мѣстѣ хижа или корабля бѣтвеннымъ иконамъ ѡлученнѣ. сѣеннодѣствовавъ или крѣтивъ, не ѡсоужається и проч. Въ печ. Кормчей нѣтъ.

Л. 112. Его же. 'Аще в сосудѣ вина, или масла. или меда полнѣ, мышъ впадетъ... не по'баеть сѣя всячьскы яко непотребна пожитати и проч. довольно подробное разсужденіе о вредномъ и гнусномъ для употребленія въ пищу. Въ печ. Кормчей нѣтъ.

Л. 113. Его же. Срастливывися православнымъ со иудеанною, или со агарянскою женою не покрещаетъ и проч. Нѣтъ въ печ. Кормчей.

Л. тотъ же. Никифора патріарха Цря гра'. 'Аще достигнетъ блгвщеніе в великѣ чѣ, и в великѣ пѣ, не согрѣшаемъ вина тогда пяти и рыбы ясти. Правила его: 4—14, 16—18 и 21 и неизвѣстно чье: ѡ нечистомъ въ что любо впа'шимъ, отличное отъ показаннаго выше (л. 112). Въ печ. Кормчей гл. 58. л. 596 на обор.

Л. 115. Слово ѡ добрыхъ женахъ и ѡ злыхъ и ѡ хоудоразоумныхъ.

Жена добра мужевни аки ѡчи в тѣлѣ. аки зеница во ѡчехъ... всего въ похвалу женъ 18 строкъ, а въ похуденіе, начинаю-

щесся словами: жена зла хранина діаволя ёст. жилище сатанино. бестоудный звѣрь. не оукротимая ѣхидна. ничто же ёсть подобно на земли противу злобѣ женской. развѣ ѡгнь да море и проч. всего 259 строкъ. Слово о злыхъ женахъ встрѣчается и въ другихъ Сборникахъ адѣшней Библіотеки, наприм. въ древнѣйшемъ, именуемомъ *Паисіевскимъ*³¹ (по соображеніямъ XIV ст.) и въ Румянцовскомъ Музеумѣ³². Въ Описаніи послѣдняго оно признано Русскимъ сочиненіемъ.

Л. 121. Писаніе Софонія старца рязанца блгви ѡ:

Задонщина велика кнѣзя гна Дмитрія 'Иванова'. и брата ёго кнѣзя володимира ѡндрѣви. поидемъ брате в полоуночную страну и проч. Это пѣснь о подвигахъ живыхъ и падшихъ героевъ Куликовской битвы, написанная по подражанію *Слову о полку Игоревѣ*. Она совершенно отлична отъ повѣсти, которая находится въ Сборникѣ Румянц. Музеума подъ № 378-мъ³³, и напечатана въ Кіевскомъ Синописисѣ и Никоновской Лѣтописи, и которую Карамзинъ считалъ баснословною³⁴. Эта послѣдняя, по одному списку Библіотеки Гр. Толстаго, приписывается *Рязанцу іерею Софронію*³⁵, а наша носитъ имя старца рязанца Софонія. Впрочемъ, что касается до сочинителя сей пѣсни о Задонщивѣ, то онъ, можетъ быть, тотъ же самый, который написалъ повѣсть объ оной, если предположить, что онъ составилъ первую будучи бѣлымъ священникомъ, а послѣднюю по постриженіи въ монашество съ перемѣною имени, ибо слово *старецъ*, какъ названъ сочинитель пѣсни Софонія, означаетъ инока и притомъ не простаго. Относительно времени, пѣснь эта, судя по Сборнику нашему, несомнѣнно написана, по крайней мѣрѣ, не позже второй половины XV ст.

Рѣдкое сіе Русское произведеніе мы помѣстимъ на концѣ нашего Описанія.

31. Поѣзд. въ Кирил.-Бѣлоз. М-рь Шевырева. Ч. II. стр. 38 и 39.

32. Опис. сего Муз. стр. 511.

33. Тамъ же, стр. 564.

34. Примѣч. 65 къ V т. Истор. Г. Р. Также Ист. Г. Р. т. V. гл. IV. стр. 401—407. Прим. къ сему т. 428.

35. Тамъ же.

Л. 129. Лѣтописныя замѣтки: В лѣтѣ „С. ѿ. пв. быѣ мамаѣчина. маматякъ за дономъ на оустъ непряды. тогда было блгвщеніе на пасхоу, по смерти алексыя митрополита на третей годъ боя быѣ. В лѣтѣ „С. ѿ. пѣ. во празникъ вознесенія гнѣя прїиде изо Црѣ града на роуѣ Кипріанъ митрополитъ. годъ споустя по задончинѣ. В лѣтѣ „С. ѿ. ч. быѣ тахтамышевщина а̀вгоуѣ. к. на кнѣзя на дмитріа ивановиѣ и взя Москву и много зла сѣтвори. в лѣтѣ „С. чѣ. кнѣзь великы димитріе сослалъ Кипріана митрополита на третей годъ по задончинѣ. В лѣтѣ „С. ѿ. чс³⁶ мая 61. преставиѣ кнѣзь велика дмитрей ивановиѣ. по задончинѣ на ѿсмомъ годѣ. В лѣтѣ „С. ц. се³⁷ кѣ. преставиѣ старецъ сергіи по задончинѣ. гл. лѣтѣ прешло. тое жо ѿсени ѿ. кд. выиде из орды кнѣзь велики василіе Дмитіевиѣ. В лѣтѣ „С. ѿ. чз³⁷ выиде изъ Црѣ града кипріанъ митрополитъ а с нимъ два митрополита послы. В лѣтѣ „С. ц. ел. се³⁸ ел. преставиѣ кипріанъ митрополитъ пасъ прквѣ Бжїю лѣтѣ. л. Боу нашему слава вѣѣ . . . Здѣсь первый прїѣздъ митрополита Кипріана изъ Царяграда въ Россію въ $\frac{6889}{1381}$ г. показанъ невѣрно; онъ прибылъ оттуда къ намъ въ 1376 г.³⁸, а въ 1381 г.³⁹ вызванъ Дмитріемъ Іоанновичемъ въ Москву изъ Кіева, куда онъ удалился сряду по прїѣздѣ въ Россію, потому что не былъ принятъ великимъ княземъ. Также годы кончины великаго князя Дмитрія Іоанновича и вторичнаго прихода митрополита Кипріана изъ Константинополя означены здѣсь несогласно съ лѣтописцами (см. примѣч. 34 и 35).

Л. 129 на обор. СѢ странника Данила Игоумена роускаго. а се ѿ свѣтѣ стѣмъ како сходитъ с нбѣе ко гробуу гнѣю. И се ми показа Бѣ видѣти. мнози бо соглѣютъ не право ѿ сложенїи свѣта и проч.

Л. 134 на обор. гс³⁹ хс³⁹ вчера днѣ тоуѣ и въ вѣкы. Это написано на полѣ страницы съ боку и внизу подъ строками; въ строку: Книга глѣмая странниѣ Данила игоумена роускаѣ. восхотѣ видѣти

36. У Карамзина годъ кончины в. к. Дмитрія показанъ 1389. Истор. Г. Р. т. V. гл. 1. стр. 104—108.

37. Въ Троицк. Лѣт. В лѣтѣ „С. ѿ. чш. прїиде Кипріанъ митрополитъ изо Царя города на Роусь, а съ нимъ прїидоста. гл. митрополита Гречина и пр. Прим. 232 въ Ист. Г. Р. т. V.

38. Ист. Г. Р. т. V. гл. 1. стр. 57.

39. Тамъ же, стр. 63.

сты гра^а іерлѣмъ и землю обѣтованною, яко^а іованнъ Зла^аоу^а рѣ^а, емоу^а восхоцеть Бѣ дасть разоу^а и смыслъ и оумъ и хитро^а. Бѣви ѿ^а и опять на полѣ вдоль страницы: Во имя ѿца и сѣна и стго дха.

Въ новую строку: се язъ недостовны игоумень данѣ роуския земли. хоудѣши въ всѣхъ мнѣсѣхъ и проч. На л. 137-мъ написана, внизу на полѣ, вышеприведенная замѣтка: в лѣтѣ 685 ѿ пд. сѣ и в не^а. нача^а писати.

Списокъ нашъ сокращеннѣе напечатаннаго бѣ Сказаніяхъ Русскаго народа⁴⁰; въ немъ нѣтъ даже именъ спутниковъ Даниила и не поименованы князья Русскіе, которыхъ онъ записалъ въ монастырѣ св. Саввы. Но онъ древнѣе всѣхъ списковъ (чис. 10), какіе исчисляются въ томъ Сказаніи, кромѣ, можетъ быть, Толстовскаго 2-го и Дубровскаго, время которыхъ не означено. Въ этомъ спискѣ, кромѣ сокращеній и словоразличій, есть разности и въ самомъ расположеніи статей текста. Такъ повѣсть о свѣтѣ въ спискахъ Сказанія составляетъ предпоследнюю статью Странника, а здѣсь помѣщена впереди и отдѣльно отъ онаго. Отдѣленіе о Виелеемѣ прерывается послѣ словъ: на то же бо мѣсто приведенъ бы^а ісакъ идѣже Хс распятъ бы^а, и то, что говорится въ семъ отдѣленіи о Рождествѣ Христовѣ, перевесено изъ онаго къ концу Странника и написано послѣ ст. о Назаретѣ. За этою статьею повторено сказаніе о Хевронѣ, которое уже написано было сряду по прерывѣ повѣсти о Виелеемѣ. Въ концѣ того сказанія сдѣлана выноска на верхнее поле страницы и помѣщено киноварью: конецъ странникоу данилоу; въ строкахъ же еще продолженъ нѣсколько текстъ онаго словами: а ѿтоуду (до) добраго кладязя азрамова. і. вереть. таже о доубѣ мамбрѣстѣмъ иши в тетра^а. ѿ. Послѣсловіе: Ходилъ есми тамо во княженѣ Русское великаго князя Святополка Изяславича и проч. вовсе опушено. На продолжномъ полѣ страницы съ правой руки написано: а конча^а того^а мѣа сѣ. къ. къ. къ.

Л. 192. Сіа словеса стѣхъ ѿць ѿ бесѣдъ. лѣнныи горѣ боля, болны лежи^а а не ясть, а лѣнныи лежа ясть и проч. и изрѣченія о богатствѣ, о совѣтникѣ неразумномъ, о дѣлахъ безъ помощи друга и о льстецахъ: морскіе свиньи со зверми (должно быть: съ

40. Кн. VIII. стр. 11—36.

людьми) пловоуть до самага брега, на брегже не выходя^т, такоже и ласкавци до тихости пребываю^т с своими други. Но вмѣстѣ съ разумными притчами тутъ есть и странныя, наприм. рѣ^ѣ вноукъ бабѣ. баба положи ми оу себе. и рѣ^ѣ ёмоу баба. како ми тебе положити, а ты мя родилъ; далѣе выноска: іс, в стрѣла^х; потомъ текстъ: Моисей в чертозѣ. павель в дѣвкахъ. лѣдъ ся женить, адамъ в сватехъ. Соломонъ по невѣстоу ѣдетъ. рѣка среди моря течеть, а животь во ѡгни скачеть. а зватаю з горы стоя глеть, прїидѣте. и нїи прїидоша, а и нїи изомроша, а зватаю оупокои.

Л. 193. Пять загадочныхъ вопросовъ съ отвѣтами. Почто мѣць держитъ. л. дни, а не^а. д. ѿ четыре^х ради стихїя, а я стихїя держитъ. б. вел. ѿ гїа. г. дел. в. да то составивш^е Бѣ наре^ѣтъ и проч. Русская филологія!

На обор. 'А сїя знаменїа громоу. Громъ приде^т со востока. то ѡбїлїя много боудеть. 'Аще с полудни громъ приходи^т, то жита много боудеть, а скотоу моръ рекше ѡвцамъ. Аще з запада громъ прїдетъ, то дож^{'я} не боудеть: а лѣто соуху боудеть. 'Аще с. полоунощи громъ приходитъ, то ѡвоща много боудеть, а ржи мало. Также Русская физика.

Л. 194. Сѡ пален ѿ соуда соломония. а. Первый разсказъ о царцѣ Моалкотошкѣ сбивчивъ и не дописанъ. На концѣ написано въ выноска^х: а се ѿ ина^а, и въ строкахъ: лѣстива друга дружба аки земное слнце ни студитъ ни грѣеть, и еще три подобныя притчи. Палеею въ нашихъ старинныхъ рукописяхъ называется Священная Исторїя по книгамъ Ветхаго Завѣта, съ прибавленїями изъ апокрифическихъ книгъ. Впрочемъ, подъ симъ названїемъ встрѣчаются историческія сочиненїя совершенно различнаго содержанїя и достоинства. Въ Румянцовскомъ Музеумѣ есть Палея, приписываемая св. Іоанну Дамаскиву⁴¹, а въ собранїи Гр. Толстаго Іоанну Златоустому⁴².

Л. 195. Сѡ пален^а. в. Се же бы^а загадка моалкотошки црци ко црїю Соломону. Четыре загадки: одна различитъ мальчиковъ отъ дѣвочекъ, одѣтыхъ въ одинаковое платье, которую Соломонъ разрѣшилъ тѣмъ, что велѣлъ передъ ними разсыпать ѡвощъ и дѣвочки стали собирать оную въ рукава, а мальчики въ полы;

41. Опис. сего Муз. стр. 517.

42. Тамъ же, стр. 725.

другая: отличить мальчиковъ обрѣзанныхъ отъ необрѣзанныхъ, что Соломонъ узналъ посредствомъ св. вѣща, на которомъ написано слово Господне, предъ коимъ обрѣзанные встали, а необрѣзанные припали. Третья и четвертая предложены были мудрецами царицы мудрецамъ Соломоновымъ — не замѣчательны.

Л. 196. Оттуда же. Во дни Соломона царя прѣдоста двѣ женѣ блудницы и проч. Разказъ объ извѣстномъ судѣ Соломоновомъ по Библии. 3 Цар. X, 16—28.

Л. 197 на обор. Соломонъ црѣ поялъ дщерь Фр^ааона и проч. избличеніе Соломономъ обмана, сдѣланнаго Фараономъ, который послалъ къ нему для постройки храма 400 мужей по ѡстроумію яко оумрети имъ в томъ лѣтѣ. Соломонъ, предъзнавъ будущее, велѣлъ посланныхъ одѣть въ саваны и возвратитъ къ его тестю — Фараону.

Л. 198. Оттуда же. Въ дни Соломона црѣ бы^л жоужь богатъ и не имвше дѣтати и проч. разказъ, какъ Соломонъ посредствомъ кости умершаго господина открылъ истиннаго сына его, и избличилъ паробка, который ложно выдавалъ себя за сына того господина.

Л. 200. Ѡ шестодневника выѡбрано строки а. днѣ: Во еуали преже призва петра и андрея таможе проста блг^ать. здѣ соугоуба и пр. Изъ твореній Василія великаго о шести дняхъ созданія міра.

Л. 213. Притчи Соломони. строки. Снѣ храни законы ѡца твоѡго, и не ѡрини наказаніе мѣри твоея и проч. написаны не вподрядъ, а по выбору. Переводъ отличенъ отъ нынѣшняго, но ясень.

Л. 219. Ѡ дѣяній апла.

Яко егда оубо ѡ Соломона бы^л цркви первая создана. къ лѣт^у не ѡскоуднѣ совершися и проч. о первомъ и второмъ созданіи Ветхозавѣтнаго Храма при Соломонѣ и по плѣненіи Вавилонскомъ, изъ толкованія на книгу Дѣяній Апостольскихъ.

Ѡ лѣствици. ѡ слова. кн. Хранися не яко^у прилоучися ѡ женѣ помолитися въ мѣтвѣ твоѡи, да не како ѡ деснаго оукраденѣ боудеши и проч. всего 11-ть строчекъ, взятыхъ въ концѣ сказаннаго слова св. Иоанна Лѣствичника.

Тамъ же. Безъ заглавія: Братъ вопроси старца глѣ что^у есть ѡклеветаніе и что^у есть ѡсоуженіе. ѡнъ же рче и проч. изъ Патерика.

На обор. ѿ житіа сѣго вѣка ефиміа. 'Идеже-монастырь єго єсть, холмечь єсть малъ ѿ востока и запада шеломенемъ сдержимъ и пр. о красивой и благоустроенной мѣстности сего монастыря, находящагося недалеко отъ чеснаго холма, ѿ негоже вознесся Хс̄ Бъ нашъ.

Л. 221. Ѡ кнѣзѣ стѣши кїевско^а:

Выехалъ кнѣзь святоша снѣ князь мстиславль. вноукъ кнѣзь юрьевъ черниговсково из града Кїева, и ѡбратився на градъ. показа имъ роукою своєю градъ кнѣвъ, и рече бояромъ своимъ, воистинноу брате соуѣта свѣта сѣго. и прелесть мира сего. Постригають кнѣзя стѣмоу, Снѣсъ со агглы невидимо прѣстать, агглы гнѣ пишеть, ѡбѣщаніе мнѣшескаго чина. не токмо сего ѡбѣщаніа, но и всякого хрѣтіанина, хотящи постричься во аггльскыи ѡбразъ. чернеческое нарекоша имя ємоу Никола. жи в чернечествѣ. лѣтъ ѣс. На полѣхъ противу начала сей статьи и предъидущей, вдоль страницы, написано: Кнѣзь стѣша Нико^а снѣ двѣдъ, вноукъ стѣславль, и братіа оу него были: ѣзяславъ, и воло^а меръ.

Л. 221 на обор. Въ стѣхъ ѡца нашего ипполита єѣпа римска^а, и мѣнка. сіе ѡбрѣто^а на конци хоженіа 'Іоанна Бѣгослова тамо сіе ѡбрѣто^а. Разрѣшеніе неизрѣнна ѡкровеніе 'Іоанна Бѣгослова сказаютъ ѡ скончаніи и проч. Тутъ же хронологія отъ Адама до Рождества Христова и сказаніе, что Антихристъ родится отъ колѣна Данова и проч.

Л. 223. Безъ надписи: Соломонъ написа. , г. приточѣ. а пѣснѣи. , є. а сидоръ пелосуѣтскы деса^а тыся^а книгъ, състави. а ѡригесѣнь єретикъ състави. , з кни^а. а ѡ птоломѣи книголюбець собра книги многы въ єгиптѣ, до пятадеса^а тысящъ.

На обор. 'Адамъ гла гоу въ адѣ. 'И оужасомъ возопи, ѣвъзбив перси своя. ко всѣмъ спашимъ ѿ вѣка рече. Гъ мои со всѣми и проч. всего 12 строкъ.

Тамъ же. ѿ еже в дѣянїихъ толкованїа. Не мноу быти мнозѣ^а въ щенникѣхъ спѣсающихся и проч. изъ Златоустаго.

Л. 224. Стѣхъ апгль. 'Иреи аще во старость цѣломудреноу доспѣлъ єсть и пр. можетъ принимать на исповѣдь єи. члкъ. илѣ к. прочее же да не прїем^аеть. ювїи же іереи єще соущи. ѡвоудь никакоже да не смѣеть прїати ни єдиноу дїоу ко исповѣди и проч. правило не апостольское и не справедливое.

Л. 225. Ѡ вторѣи трапезѣ. понежѣ ѡ первѣи трапезѣ. по-

вельніе предано бы̆ и проч. и объ ужинѣ. Выписка изъ устава Кириллова монастыря.

Л. 226. Знаменіе, сло́во. ѿ аввѣ Сисои.

Повѣда намъ авва а́полò, оучникъ авва сисоя и проч. о томъ, что бѣдственно скрывать иноку помыслы отъ своего старца.

Л. 228. Сло̆ Кирила Филосо́ва.

Яко̆ Кирилъ филосо̆ рӗ. чѣка созда Бѣ̆ межю двюю животноу. межю аггѣл̆ и скота и пр. о двухъ природахъ въ чело́вѣкѣ̆ духовной и тѣлесной, о борьбѣ̆ плоти и духа, о томъ, что чело́вѣку данъ при крещеніи св. ангель-хранитель; что любятъ аггѣл̆ родъ чѣчъ, яко̆ тѣхъ рӑ видѣша Бѣ̆а во плоти и проч. Это слово находится и въ Румянцовскомъ Музеумѣ⁴³. Въ надписи надъ другимъ словомъ того же Музеума, сему же писателю приписываемымъ: Разоумен чело́вѣче а́птльскѣю танй и проч. онъ названъ святымъ⁴⁴. Но кто былъ сей Кирилъ — неизвѣстно. Въ концѣ сего Сборника мы встрѣтимъ еще слово подъ именемъ также Кирилла Филосо́ва, гдѣ онъ названъ уже Славянскимъ (л. 520). Но одинъ ли и тотъ же этотъ философъ?

Оба сіи слова мы помѣстимъ въ выпискахъ изъ сего Сборника.

Л. 229. Еўе. ѿ мӑа. зӑ. й. срӗ. ѿ. нӗ.

По̆бно ӗ прѣтво небѣое чѣкоу домоу влѣѣ. йже йзыде коупно оутроу и проч. съ толкованіемъ.

Л. 230. Козмы виститора творӗ. Посланіе ѿ прѣа фео̆сїа ко Злӑоў. гӗ. кз̆.

Вселеньскому оучтелю дѣвпомоу ми ѿцоу стѣмоу Іоанноу Злӑоустѣ. Фӗѿсїи прѣ̆ и проч. Подъ страницю подмѣчено: сїе своею роукою написа прѣ̆.

Л. 231. ѿ̆ правн̆ оустыяна прѣ̆. я̆ко̆ восхыщая й сокрывая чюжоу рабоу блѣудницю соущоу и проч. глӑ ӗ.

Тамъ же. ѿ̆ правн̆ ӑ собора. глӑ в̆. 'Аще которыи ӗп̆п̆ й прѣзвитерь й дѣаконъ, восхощӗ снвити во мншескѣ̆ чинѣ, й стати на мѣсѣ̆ покаянїа, рекше пострицися ӗп̆п̆. ѿ̆толѣ оуже да не имӑ архїерѣвскӑ

43. Тамъ же, стр. 230.

44. Тамъ же, стр. 627.

чиною и проч. Правилу это не перваго Никейскаго собора, а Константинопольскаго Софійскаго 2-е⁴⁵.

Л. 232. Безъ надписи: Вѣдомо боуди яко тайны службы и жертвы бываемы, ѿ согрѣшивши^х грѣхъ иже ко смѣрти, всеуе бывають и проч.

Л. тотъ же. Поставленіе на прѣтво прѣа Миноула и с прѣцею. Сказаніе сіе Русскаго діакона Игнатія, находившагося со Смоленскимъ епископомъ Михаиломъ въ свитѣ Пимена митрополита Всероссійскаго, во время путешествія его въ Константинополь⁴⁶. Игнатій описалъ подробно сіе путешествіе митрополита отъ Москвы до Царяграда, и потомъ собственное хожденіе по святымъ мѣстамъ въ Константинополь и въ Іерусалимъ; въ семь дневникъ онъ помѣстилъ еще разсказъ объ Амуратѣ Турецкомъ султанѣ, походѣ его въ Сербію и убіеніи имъ Сербскаго царя Лазаря, и вышепоказанное коронованіе императора Мануила. Все это описаніе помѣщено въ *Лѣтописи Николовской* и напечатано въ *Русскомъ Врежнникѣ* и въ *Исторіи* Татишева и недавно въ *Сказаніяхъ Русскаго Народа*⁴⁷. По древности списка нашего съ сей повѣсти мы помѣстимъ оную вполне въ выпискахъ нашихъ изъ сего Сборника, съ показаніемъ важнѣйшихъ словоразличій въ оной противу напечатанной въ Сказаніяхъ Русскаго народа.

Л. 235. Ѡ кѣги Никона. афанасіа александрійска.

Шествующе же не прелестны животны поут, ѣко оубо да изверше^н нечувственное, но оумное, сирѣчь аще епѣ иля презвитерь соушеи ѡчи цѣвныя не по^лобѣ живоут и проч. изъ VII слова.

Тутъ же. Ѡ ризѣ прѣтой т. е. о чудѣ, по погруженіи Сергіемъ патриархомъ въ море ризы Богоматери, во время осады варварами Константинополя. Разсказъ въ 6-ти строкахъ.

На обор. Ѡ иконѣ прѣтой ѡдигитріи въ приградѣ: ѡдигитріи икона стѣи Бѣи, сію же иконоу списа Лоука еуали, ивносятъ ю въ всякѣ вторникъ на монастырь, и чюдеса сѣтворяетъ и до сего дѣи и пр. Разсказъ, что вѣкто калогерь молялся Богородицѣ, чтобы она

45. Печ. Корич. 1653 г. л. 222.

46. Словарь истор. о писат. дух. чина, т. 1, стр. 193.

47. Сказ. Рус. нар. т. II. кн. 8. стр. 97—107.

открыла ему, какова была въ плоти, и услышалъ голосъ: иди въ апѣльскую цркъвь и ѡбращени мя писаню въ ѡтартъ при кртѣ. такова ёсмь была во плоти, и что во время иконоборства икона Одигитриі сокрыта была въ монастырѣ Пантократора въ алтарѣ въ стѣнѣ, съ горящимъ кандиломъ, и по прошествіи 60 лѣтъ найдена тамъ съ неугасшею лампадою. Сей же иконѣ, прибавлено на концѣ, служить лоуцино племя и до сего днѣ . . .

Л. 237. Стихиры и стиховны праздничныя: а) въ недѣлю св. отецъ Никейскаго собора. (безъ надписи и не всѣ) и первая изъ нихъ: тайныя двесь доуховныя трубы и послѣдняя на литіи: Господи возносимоу ти ѡтоноуду же не ѡтолоучеса, съ крюковыми знаменіями, б) на Преображеніе и в) на Успеніе Богоматери. Всѣ писаны довольно крупнымъ полууставомъ, кромѣ послѣдней страницы, на которой письмо мелкое и близкое къ скорописи.

Л. 254. Зла'оу. ѿ слова Бѡявѣа. 'Аще ты ктѣ на пиръ зове', и аще преж'е насытши брашна и питіа, не смѣши инѣмъ сѣдаци' преж'е ихъ ѡити и проч.

На обор. Слово и^х всякъ възрѣи на женоу согрѣшае' во срѣцъ своёмъ. На полѣ помѣчено: маіа ѡи.

Л. 256. Тогы же ѡ борющихся со мнхы бѣсѣ': Мни' моисіи иже бѣ на камени, велии тоимъ бѣ ѿ бѣсовъ на похоть любодѣяіа и проч. Изъ Патерика.

На обор. Сѣго василіа. Братіе бояися сѣртіи и проч. исчисленіе семи вещей, которыхъ надо бояться, именно: смерти, родства огненнаго, огня негасимаго, грозы прелагающейся въ теплоту, тьмы, червей безсмертныхъ и ангель, иже на' соудо'.

Л. 257. 'Ніѡа' Зла'оу. и' побает' творити мѣтыню преже на'машни' свои' служащи'.

'Аще оубо напитался ёси пищею помяни алчущая, напися ёси помяни жаждоущая, согрѣлся еси помяни трепещоущаго зимоу и проч.

Л. 258 на обор. Ѡ чести іере'стѣи. хотите ли оувѣдати колька іерейская сила помыслите крѣщеніе имже ѡмываёте всѣ' грѣхы, и пакы сѣтвореніа и проч. Неизвѣстно откуда выписано.

Л. 259. Сѡ пареміи в., не'. по'. 'Иди ѡ гнѣиве ко нравію и поревноуи видѣвъ поути ёя и проч.

На обор. Сѡ пареміи. г. не'.

Бѣ в шестосотное лѣто в животѣ носевѣ, втораго мѣца в се́мьми двадесяти мѣца. в том днѣ разверзостася вси источници безвѣ и проч.

Л. 260. Юсифово ѿ эзерѣ генисѣ и ѿ ерданѣ . . .

Ѡзеро наречется генисарѣ ѿ прележащиѣ земли. е́сть же вшире. м. верствъ, а в долготу. р. сладка же вода е́го пѣема и легка и чиста и проч. Взято изъ древностей Іудейскихъ извѣстнаго писателя Еврейскаго Юсифа Флавія.

Л. 261 на обор. Ѡ лѣтвици.

’Яко въ что (чит. яко во что) глѣ смѣхъ безбо́гныи ѿвогда оубо ѿ блюда ража́ется. ѿвогда же ѿ тщеславія, ѿвогда же ѿ питанія и пр. дала́те о происхожденіи сна многого, многословія, унынія, хулы, жестосердія, пристрастія, лукавства и лицемѣрія. Изъ XXVI слова.

Л. 262. Безъ надписи: Глѣ а́вва силоуанѣ. разоумеш чадо. ко-лика дѣла соу́т на нбсе́. и не шшется ѿ нихъ яко съ ѿктайкомъ (октойхомъ) поють. нъ точію е́динъ чинъ непрестанно пое́т а́ллилуйя. друугы чинъ и проч. Оканчивается приложеніемъ: ты же чадо възлюби смиреніе Хво́, и внимаи себѣ съблюдати оумъ свои въ время молитвы.

На обор. Ре́ паки добро е́сть я́сти мяса и вино пити. и не я́сти клеветами плоти братіи, ре́ паки соухо ѿ поста тѣло ннока, днѣю на глубины изводитъ. Вѣроятно и эти изрѣченія того же аввы.

Тамъ же. въпрѣ. Къ прѣкъ двою родилася. то́. коурь. Первое коурица янице снесла. Изъ яница второе вылоуцилася, то е́сть родилася, а пророкъ е́, свѣ́, повѣдаеть людежъ рано.

Въ ту же строку. В лѣ́, ſ. ѿ. пн. се́. и. в сре́ бы́ бои за доно́. в лѣ́, ſ. ѿ. пн. се́. и. нно томоу прешло лѣ́ р.

Тамъ же. Ѡ житіа дивногорцева. Тутъ говорится, что въ веси Севирѣ два бѣса свергли съ высокаго древа какого-то Іакова и что св. Симеонъ Дивногорскій исцѣдилъ его.

Тамъ же. Печа́ антихрѣтова. хж. s. Слова эти обведены кругомъ чертами и лѣта отдѣлены отъ словъ полукружіемъ.

Л. 263. Зла́оустаго.

’И яко нскони бѣ слово. разоумѣйже ми, како ти Мойсѣи, Іоанъ со́глно глѣта и проч. толкованіе первыхъ словъ евангелиста Іоанна.

Л. 264. ’Іоа́ дама́ :

Кто не вѣсть како цвѣтани по первому израилтескы наро^а, вѣзмъ в в мѣрѣ семь, противяся странамъ, каково цѣтво бѣаше во градѣ іерлѣмѣ и проч. рѣчь идетъ о разрушеніи столь славнаго города, по предсказанію Христову.

Л. 265. Стго великаго Сидора.

Чюдиси ли ся възлюбленіе яко свои Бѣ прѣкви не щадит. егда землю ѡставляе. аще бо своего ковчега не пощадѣ и проч. изъясняется, что Богъ такъ поступаетъ, дабы на стра^а и цѣлоумдріе согрѣшившихъ преклонить.

Л. 265 на обор. Ѡ зеркала, ѡ ествѣ чѣка.

Сиде ми разуумѣваи и воскресеніе. еже тогда чѣкомъ, вѣзмъ оубо, малымъ же и великымъ и почюдися слыша и бжю смотренію и проч. Разговоръ о состояніи тѣлъ человѣческихъ по воскресеніи. Зерцаломъ или Діоптрою называется книга, содержащая въ себѣ бесѣды души съ плотію, написанная Филиппомъ Пустынникомъ въ 1095 г. на Греческомъ языкѣ, какъ сказано въ одномъ изъ Алфавитовъ Румянцовскаго Музеума, въ градѣ Смоленске. Имя переводчика неизвѣстно, а переводилъ онъ ее для нѣкоего Зиновія⁴⁸.

Л. 268 на обор. Ѡ лоу. еуя. на поле^а писано толкы. токомъ.

Подъ этою надписью помѣщены выписки съ полей Толковаго евангелія отъ Луки о томъ, что святители не должны быть суровы, что Иисусъ Христосъ терпѣвіемъ побѣдилъ діавола и насъ тому же учитъ, что царство небесное различно отъ рая, въ которомъ жили праотцы, что съ минуты смерти Христовой діаволъ не имѣетъ власти надъ душами, аще и грѣшны соут, и что тѣло Христово по воскресеніи пребываетъ тамъ, идѣже хоцетъ, и что мы по воскресеніи будемъ также ѡбновлены тѣломъ нетлѣніа.

Л. 269. Во иванѣ. за. ке. и на полѣ страницы: кх. въ строкѣхъ: еую. ки. моу. толка вѣт. за. ке. то. е. на полѣ: за. і. въ строку: ѡ слѣпцѣ. Подъ этими цитатами содержатся выписки, подобныя предъидущимъ, о томъ, что главныхъ праздниковъ Іудейскихъ три, что апостолы до вознесенія Христова не Ду-

48. Опис. Румянц. Муз. стр. 166.

хомъ Святымъ дѣйствовали, а силою Христовою, а по вознесеніи Святымъ Духомъ, и проч.

На обор. ☩ патерика, о томъ, како возмогаю^т на ны бѣси.

Тамъ же. Завѣтъ заоулонъ сѣа іаковля.

Здѣсь Завулонъ на 114 г. жизни своей, чрезъ два года по смерти Іосифовой, торжественно свидѣтельствуєтъ предъ дѣтьми своими, что онъ не знаетъ о себѣ, согрѣшилъ ли когда, развѣ въ помыслѣ своемъ, и не помнитъ, чтобы учинилъ какое либо беззаконіе, кромѣ поступка съ Іосифомъ въ невѣденіи, и далѣе рассказываетъ о себѣ, какъ проливалъ слезы объ Іосифѣ и ужасался, когда братья хотѣли убить его, какъ Іосифъ забѣжалъ за него (забѣжа за мя и моляше^ѣ мѣ), когда они хотѣли исполнить свой умыслъ, что ни онъ, ни дѣти его не причастились цѣнѣ Іосифовой и что взяли ее Сумеонъ и Гадъ и купили на оную себѣ и женамъ и дѣтямъ своимъ по сапога^м, глгоще не изъядимъ ѣя. но распраніємъ расперемъ ю и проч. Взято изъ Палеи.

Л. 271. Безъ надписи, родословная дѣтей Іакова, также Моисея отъ Авраама чрезъ Левію, и Праведнаго Іова отъ Авраама же чрезъ Исава. Тутъ о дѣтяхъ Іакова *Закхарь* (Иссахаръ) и Завулонъ неправильно сказано, что они родились отъ Рахили (Быт. XXXV, 23 и 24).

Тамъ же на обор. Пишется. Григоріа Синавта. ☩емь ро^уны^ѣ видѣннїи глѣмь быти. Первое же ѿ Бѣзъ безводное, второе Умныхъ Силъ устроєніе, третіе сущихъ составленіе, четвертое смотрительное слова схожденіе, пятое соборное воскресеніе, шестое второе Христово пришествіе, седьмое вѣчная мука, осьмое царствіе небесное.

Л. 272. ☩ канона стѣ^ѣ аплѣ ѿ рабѣхъ да не ѿбидятъ гдѣ своя, и на полѣ: Ію^ѣ. ѿ. Тутъ слиты въ одно правило три: Апостольское 82-е, Халкидонскаго собора 4-е о рабѣхъ приходящемъ въ монастырь, и Гангрскаго 3-е.

Тамъ же на обор. (У) Феофілѣ 'Архіепіѣ. Разсказъ, какъ Теофілъ предложилъ однажды у себя на трапезѣ монахамъ мясо, и они ѣли, а когда взявъ одну часть онаго и подавъ ее ближайшему къ себѣ старцу, сказалъ: ви^ѣжъ се, добра мяса естъ авва изѣ^ѣж, то старцы отвѣчали ему: мѣ^ѣ донїѣ зеліе ядохомъ. аще ли мясо естъ не ямѣ, и никто не сталъ ѣсть.

Л. 273. Афанасіа мнѣхъ ѿ наоузѣ и ѿ стрѣлцѣхъ громнѣи. стрѣлки и топорѣи громнѣи, нечестивая и бѣумерская вещь. аще и недузи и по'сываніа и ѿгненныя болѣзни лѣчатъ . . . . проклята е'сть. Говорится о Болгарскомъ суевѣрїи. Это правило находится и въ рукописныхъ нашихъ Кормчихъ⁴⁹ и въ числѣ другихъ того же инока Іерусалимскаго.

Тамъ же. ѿ Петра Дамаскина.

Яко же реша ѿ левгїи, иже ѿ ви. патриархъ. яко оубо на ѿбси прочитоваше писанїа. и ѿкры ихъ чю'но, жевѣ ѿномъ пѣломѣдренаго Іюсвеа брата своего, глѣмомъ асенець. и бывши достойна ѿкровенїа ѿ стго аггла. ѿ прѣтѣи стрѣти, и стѣмъ воскрѣнїи гнїи. К ней же рече аггла яко покаянїе дщи е'сть гнїа прїа и Бѣа и проч. Вымыслъ этотъ оканчивается церковнымъ стихомъ: второю евоу египтянину обрѣтъ змїи. тшаше ласканїемъ запяти Іосифу и проч. О сочиненїяхъ монаха Петра Дамаскина, на котораго иногда ссылаются (несправедливо) наши раскольники, преосв. Никифоръ Астраханскїй отозвался, что они ни рачительнаго ни ученаго мужа въ немъ не показываютъ⁵⁰.

Тамъ же. ѿ житїа Пахомїа великаго, о томъ, какъ онъ однажды получилъ съ неба даръ бесѣдовать съ Грекомъ на Греческомъ языкѣ, котораго не зналъ.

Л. 274. Фе'р. и. ѿ мѣнїа стго феѡ'ра стратилата. прѣ' моученїа его. Разсказъ о убїенїи имъ въ странѣ еоухатстѣи (Евхавтской) страшнаго змїа, пожирившаго людей и скоть.

Л. 275. ѿ житїа Златоустаго . . .

Разсказъ о причинѣ ненависти царицы къ св. Іоанну, также о томъ, что онъ ходилъ въ Асію и тамъ поставилъ 70-тъ епископовъ, а 6-тъ извергнулъ, что по изгнанїи Златоуста, ради его загорѣлась церковь и сгорѣла царская палата и проч.

Л. 276. Подобны всѣхъ гласовъ, кромѣ седьмаго, большею частїю съ крюковыми знаменїями. Первый листъ утраченъ, а означенный здѣсь начинается словами: крѣпкая помощнице чистая дѣво. спаси ны к тебѣ прибѣгаемъ, и проч. изъ стиха: Небесныхъ чиновъ радованїе. Послѣднїй стихъ: что вы наречемъ святїи. Хер'вины ли яко на васъ почилъ е'сть Христосъ и проч.

49. Кормч. Кирил. М-ря 1570 г. гл. 94.

50. Отвѣты преосв. Никифора на вопр. старообр. стр. 129.

Л. 282 на обор. Мѣа Дѣ. і. памя^т при^бна^ѣ ѿца наше^о Фомы. Полное житіе его. На концѣ онаго прибавлено: написахъ сіе ѿвы дѣи апрѣ^ѣ кѣ на стѣи не^ли в пѣ.

Л. 289. Подобны восьми гласовъ, съ крюковыми нотами. безъ надписи, для которой оставлено мѣсто. тѣ же, что выше-показанные, и нѣсколько другихъ.

Л. 299. Бор^чны поются по глѣмъ, гласовъ 1—5-го, съ крюками же надъ нѣкоторыми словами.

Л. 300 на обор. Оустрѣю пре^пра^ѣ. гла. в. Днесъ снмеомъ на рѣку господа славы подѣмлетъ и пр. съ крюками же.

Л. 301. Пришлы. на ѣ. пѣ. пр^ѣ. стихи.

Бѣе оупованіе хрѣтіаномъ. покры и съблю^а спси на тѣ оуповающа^ѣ и прочь. всѣ 14-ть запѣвовъ.

Л. 302. А се имена знаменіе^ѣ.

≧	=V	≧	>:—	>>—	>—	—
Парак.	погькул,	поводна,	поѣзди.	громна,	ѿсок	крюк.
крюкъ свѣт.	съ двѣма ѿчк.	полна.	чаша.	бесѣдк.	рожекъ.	
	=		=	=		
кобыла.	траск.	сѣчка.	закр.	закрытѣя свѣт	змеиц.	
l'c	Ѹ	=Ѹ	>>U	=	=:	
дерѣнца.	паоукъ	велнк.	хамла	стат.	статіа свѣт.	
Ŷ	=			'		
ключъ.	переваска	слож.	палка.	палка свѣт.	два вче.	
	—	+	=	'	>:	
сорочья.	мечикъ.	крѣж.	стрѣла свѣ.	здерноут.	голу.	
=	= =	>	?	⊕ = :	= ⊕ = :	
кулизма.	челюс.	зелн.	ѿнта.	стоппц.	свѣт.	

>> . . . . .
запятая. Всѣхъ знаковъ 45-ть. Въ стихирарѣ Румянцовскаго Му-

зема подъ № 422-мъ⁵¹ показано сихъ знаменій болѣе 14-ю (59). Нѣкоторыя изъ тамошнихъ знаменій въ начертаніи не сходны съ нашими, напр.: параклитъ изображенъ е, поѣздная ≈ осока < — — рожекъ 9 тряска = || — дербица „ | ’ паукъ Δ паукъ великыи = | = Δ статія 2 ключъ ✕ крыжъ ∪ † = и др. Въ нашемъ Сборникѣ есть знаменія, какихъ въ Румянцовскомъ нѣтъ, какъ то: бесѣдка ⊥ кобылка ∞ сѣчка || — — перевяска сложная || палка свѣтлая | и стоица свѣтлая ∟. Одно знаменіе названо здѣсь сорочья, а тамъ сорожья ношка; впрочемъ въ начертаніяхъ онѣ нѣсколько разнятся, и потому можетъ быть разными и по названію. Вообще въ нашемъ Сборникѣ имена знаменій написаны не полною рѣчью: парак. вм. параклитъ, поводна вм. поводная, поѣздн. вм. поѣздная, громн. вм. громная, осок. вм. осока, крюкъ свѣт. вм. крюкъ свѣтлый, полна вм. чашка полна, тряск. вм. тряска, закр. вм. закрытая, зменц. вм. змика, паоу. вм. паоукъ, стат. вм. статія, два вче вм. два в челнж, голу. вм. голубчикъ, челюс. вм. вм. челюска, зѣлн. вм. зѣлная и стоица. вм. стоица⁵².

Л. 302 на обор. Стихира преп. Никитѣ епископу Халхидонскому: ’Авраама страннолюбное, ’исаака боголюбное, ’іакова нехитростное подражавъ и проч.

Л. 303. Одна стихира мученику Никитѣ: Побѣдѣ тезоименитъ явися воинѣ Никитѣ и проч. одна — Новому лѣту: ’Иже неизреченною мудростию съставивши всяческаа слово Христе Боже и 11-тъ Рождеству Богородицы, всѣ съ крюковыми нотами, кромѣ конца послѣдней стихиры.

Л. 309. Возбранной воеводѣ побѣдителя и проч.

На обор. По^а кровь твои вл^ачце, всѣ земнороднїи прибѣгающе и проч.

Л. 310. Стихерарь постной съ Бг^о починаемъ и проч. Подъ этимъ заглавіемъ изложены стихиры постной трїоди безъ славниковъ. съ уставомъ. въ недѣли о мытарѣ и фарисеѣ, о блудномъ сынѣ, мясопустную, въ пятокъ сыропустный, въ недѣлю сыропустную и въ субботу ту же. Надъ стихирою сыроп. не-

51. Опис. Муз. стр. 652 и 653.

52. Тамъ же, стр. 652 и 653.

недѣли: плакася а́дамъ предъ раемъ, надписано: сти^x старина за-
пивою, изъ чего видно, что у насъ въ XV стол. были уже два
напѣва: старыи и новыи.

Л. 320. Треюдныя славники, ѿ фарисея до все^x сты^x, съ уста-
вомъ, преимущественно субботныхъ и недѣльныхъ дней, а въ
нѣкоторые дни и все^x стихиры. Противъ начала этой статьи на
полѣ находится замѣтка писца: В лѣт. . S. ц. ѿи. фе^a. аи. фарѣ
почался.

Л. 357. На семь листѣ подъ новымъ заглавиемъ: Слѣжба сты^x
стрѣи гѣ нашѣ іс хѣ, полная, съ уставомъ, начиная съ вечера велика-
го четвертка. Въ началѣ ст. на полѣ страницы вышеприведенная
замѣтка писца, что онъ началъ писать сію службу въ $\frac{5. \text{ц.} \text{ѿи.}}{1. 4. 70}$ г.
Недѣля св. Пасхи не отличена отдѣльнымъ заглавиемъ и въ
этотъ день показаны только стихиры: Да воскресеть Богъ и
установитъ дневной; а о другихъ дняхъ недѣли ничего не сказано.
Въ прочія недѣли пятидесятницы написаны полныя службы по
цвѣтной тріодѣ, кромѣ стихиръ октоиха.

Л. 448 на обор. Бордичны на ѿсьмь, глѣвъ, именно догматики
и воскресныя на стиховнѣ. Въ концѣ написано: конча^x маѣ
сѣ. ц. ѿи.

Л. 54 на обор. Бордичны, на ѣ глѣвъ — седмичные мень-
шіе и крестобогородичны.

Л. 462 на обор. Благовѣствуетъ Гавриль ѿбродованнѣи днѣсь. ра-
доуися аа. безневѣтѣ стѣна аа мааати и проч. на верху съ крѣ-
повыми нотами.

Л. 464. Ѹ маргарита на іоудея. ѿ слова. а.го . . .

Птоломеи братолюбець яже ѿвсюду книги собравъ, и оувѣдѣвъ яко
и въ іоудеѣ соуть писанія ѿ Бѣъ любомоудрѣствоующа и жительствѣ
изряднѣмъ, призвавъ мужа ѿ іоудеи протолкова ихъ съ ѿнѣми, и по-
ложи въ стлѣнщи серапидовѣ. ибо бѣ еллинъ мужъ той и даже до нѣ
тамо пррческыя истолкованныя книги пребывають, что оубо, стѣ ли
боудеть серапидовъ храмъ книгъ ради, да не боудеть и проч. На полѣ
помѣчено: нѣкто Дмитріи книгохранитель. яко соу^t книгъ собрано,
полѣ шесты тмы (55 т.), и еше посла въ іерлѣмъ ѿ книгахъ.

На обор. Ѹ г. го слова въ антѣѡліи велицѣи прѣкви. іахивѣ прѣ.

Прѣ нѣкоѡго соурьскаго емъ ахаавъ, паче оугоднаго бѣи снабдѣ
и проч. Разсказъ о томъ, какъ и почему Ахаавъ подвергся

осужденію за то, что, вопреки воли Божіей, пощадилъ жизнь взятаго имъ въ плѣнъ царя Сирскаго, мужа гоубителя.

Л. 467. Сед^а. ке. не^а. за^а сое. к селоуяно^а. то^а.

Оугаснетбо ѡдержашая дестъ и тогда явится беззаконникъ, се бо и гъ ре^а. проповѣстѣся еуе во вся конца земли и проч. объ антихристѣ, изъ толковаго евангелія.

Л. 468. Притча еуѣльская.

Изыде сѣяи сѣяти сѣмене своего. и сѣюшоу емоу. ѡва паде при поутѣ и проѣ. то^а. Сѣвѣць естъ Хсѣ и проч. изъ толковаго же евангелія.

Л. 469. Сты^а ѡцѣ.

Любятбо аггли ро^а чѣвчъ яко тѣ^а ра^а видѣша Ба^а во плоти и проч. Это взято изъ слова Кирилла Философа. См. выше л. 227.

Тамъ же. Зла^аоу^а. егда мѣтѣню твориши ближнѣ ради своего не презри. первое ро^а свои и ближняя своя бес печали сѣтвори. та^а мѣтѣню твори и инѣмъ и проч.

Л. 470. Ѡ Ефрема. ѡ слова. ме. хочеши ли быти хра^а Бжїи непорочень и стѣ, имѣи ѡбразъ его въ серци своемъ. прво. иконоу Бжїю преславноу, не вапомъ на досцѣ ѡбразованноу или на иномъ чемъ. но тоу иконоу глѣю Бжїю, бываемоую добрымъ дѣтелми. посто^а и воздержанїемъ и проч.

На обор. Ѡ ефрема. ѡа. И яцѣмже ѡбразомъ сномъ тяжкымъ ѡбдержимо бываеъ члече. ество. тако в полоунощи внезапноу с нбсе боудеть шоумъ великъ и проч. О второмъ пришествїи Христономъ изъ показаннаго 51-го и изъ 109-го словъ.

Л. 471 на обор. Мїа. сѣ. кд. Преп^авнаго ѡца нашего Копрїа. Сел роженъ бы на гноищи внѣ ѡбителя великаго Феѡ^аста кинѡвїарха ѡ жены гонимъ ѡ агаранъ и проч. Жизнь и чудеса преподобнаго, изъ пролога.

Л. 473. Ѡ маргарита ѡ в.го слова. видѣ^а га сѣдяща на прггѣ. і ѡ ахарѣ. ѡвѣща бо ре^а ахарѣ ко їсоу и ре^а востиноу сѣгрѣши^а пре^агмѣ Бжїи изрлѣвѣмъ, сице и сице сѣтвори^а и проч. Исторія казни Ахаара, съ нравственнымъ краткимъ приложенїемъ.

Л. тотъ же, на обор. То^а. ке. на па^а. ѡ в. го слова. Бѡсловъ. О раздѣленїи времени на пять періодовъ: отъ Адама до Ноя, отъ Ноя до Авраама, отъ Авраама до Моисея, отъ Моисея до пришествїя Христова, и пятое в самое пришествїе Хво. Статя изъ 8-ми строкъ.

Л. 474. Ѡ Іосифѣ прекрасно. Повѣсть, за сколько проданъ Іосифъ (р̄ златнѣ, имѣюще число. ф̄. ӣ , ѣ. динарїи), и что братья его скрыли эти златники во триверсе^м древѣ подѣ корнемъ (въ Завѣтѣ Завулоновомъ о семъ разсказывается иначе. См. въ Сборн. л. 369 на обор. и слѣд.) и когда они переселились въ Египетъ. цѣна Іосифова осталась подѣ тѣмъ деревомъ, что Іаковъ умирая благословилъ дѣтей Іосифовыхъ не по старшинству лѣтъ, т. е. на младшаго возложилъ правую руку, а на старшаго лѣвую, и что ѡсемь воспоминаеть пѣснописецъ гл̄я сице. старостию преклонся и недугомъ ѡтягченъ: возъвигъ Іаковъ роуцѣ и проч. Разсказъ не оконченъ, и, кажется, Русское произведеніе.

Л. 477. Сказочная исторія о походахъ Александри Македонскаго и о смерти его, безъ первыхъ листовъ. Въ Кирилловской библіотекѣ находится въ одномъ изъ Сборниковъ 1496 г. полная баснословная исторія о семъ царѣ, подѣ названіемъ: Александри; но описываемая теперь статья совершенно различна отъ той исторїи. Она не имѣеть сходства съ подобными же сказками и Румянцовскаго Музеума⁵³. Для образчина помѣстимъ здѣсь нѣсколько разсказовъ изъ оной.

Л. 477. . . . Прише^{ше} оубо нѣнакоторое мѣсто въ ѣ ча ѡбрѣтохо^м лѣсь кѣсть нарицаемы анафнасть имѣя яблока на многа лица бяхъ же в томъ лѣсѣ члвци велми велики имѣюще высотѣ локоть к̄ и д̄ имѣюще шия долга и рѣки берѣще ѡвоцѣ иже поидоша на на. азже велими печалень бы^х видѣвъ таки члви^м. и повелѣ^х яти и ѡ ни^х единаго. оустремивши^х же^х намъ на на со клицаніе^м и трѣбами. ѡни^х видѣвши на побѣгоша. оуби^х же ѡ ни^х. т. и л. и в. ѡ наши^х же ѡбиша р. и ѣ. и г̄

Л. 478 на обор. Ѡше^{ше} же ѡтоудѣ придохомъ на рѣкѣ нѣкѣю. и повеле^х воемъ исполчати^х тоу, и воѡрѣжиша^х по ѡбычаю и бяхе при рѣцѣ древо, и кѣпно сѣнцю восходящю, и древо растяше до шестаго ча. и исчезаше я^н не видети его ѡтицѣдѣ. слезы имяше яко иверскія. и попель имяше вою сладкѣ, и велми и добрѣ. и повелѣ^х съци (чит. сѣщи) древо то и гоубою собрати слезы его. и внезапѣ збирающї, и бьемы бяхъ ѡ бѣсовъ невидимо. и бьемы^х лопоты слышати бяхе. и раны по плещема видѣхо^м. гла же нѣкакъ прихожаше гл̄я. недостойно ни сѣчи ни збирати ѡ него. аще лї не престанете, боудоу^т вси вои нѣми. Далѣе разсказы-

53. Опис. Рум. Муз. л. 216. 742 и 753.

ваеть царь Александръ, что въ тамошней рѣкѣ было каменье черное и что кто прикасался къ нему, тотъ становился чернымъ, что въ ней было много рыбы, но она не пеклась огнемъ, а варилась отъ холодной колодезной воды безъ огня, что тамошнія птицы входили въ огонь и выходили изъ него безъ вреда для себя, что на третій день онъ и вся рать его заблудились и встрѣчались со звѣрями о шести ногахъ, съ тремя и пятью глазами, что далѣе они видѣли звѣрей по і. локоть въ длину и шестиглазыхъ, что нашли людей безъ головъ, но говорящихъ человѣческимъ языкомъ, и что нѣкоторые изъ воиновъ его хотѣли возвратиться оттуда домой, но азъ не хотѣхъ, говоритъ царь, хотя видѣти конецъ земли. . . . Вотъ цѣль его странствій!

Л. 481. Паки же шеше версть л. и видѣхо зарю безъ снца. и безъ луны и безъ звездъ. и видѣхъ двѣ птици летающе имѣюще ѡбличіе члвчко. елинскимъ же языкомъ свыше зваста. почто ходиши по землі единого Ба. алексадре возвратися ѡкаанне. на мѣсто бо блженыхъ не можеша вступити. . . . инаже птица паки провѣща елинскимъ языкомъ. молитѣ ре восточная страна, и порово цртво побѣдоу покорити. Далѣе описывается походъ Александра въ Индію на Пору царя, налагаются посланія Пору къ Александру и Александра къ Пору (совершенно различныя отъ тѣхъ, которыя изложены въ Александріи), сраженіе Персовъ съ Индѣйцами и звѣрями, которыхъ Поръ пустилъ на войска Александровы, единоборство Александра съ Поромъ и смерть послѣдняго, и что Александръ повелѣлъ погребсти Пору поцарски. Потомъ описывается походъ Александра къ Рахманомъ нагомѣдрецемъ, в кѣча (и кѣща?) и в вертепѣ живуши, и посланіе ихъ къ нему слѣдующее: нагомѣдрепи члвкъ алексадръ. написахомъ аще к намъ идеши битися. ничто же оупѣши. не бо имаша что оу насъ взяти аще ли хоцеша взяти еже имѣемъ. и томъ ненадобѣ брань но мѣтва. не к намъ но к вышнемъ промыслъ. аще ли хоцеша оувидѣти кто мы есмы. члвцы есмы вази, любомѣдрити навѣкше не ѡ себе но ѡ вышняго промысла твореніе. тебѣ подобае брань творити, а намъ любомѣдрити; за тѣмъ пыталывые вопросы къ нимъ Александра и ихъ отвѣты и проч.

Л. 505 на обор. По изложеніи переписки Александра съ вождевицею амазони державныя и похода на ѡмозовы, повѣствуется: и поидохомъ на черное море на тѣноу рѣкоу и ѡтоудоу приидохомъ на

рѣкъ агаѣ. таможе не бѣ видѣти ни земля ни нѣси. бахоу же язычи мнози тоу. всѣми лици живоуще видѣхомже песья головы члѣвкы. и ниже оуста имѣють и ѡчеса в персе^х и ниже ѡ. г. рѣкъ тоже и женское видѣніе. . . . и ѡтоуду отшеше придох^ъ в лѣсово пристанише. обрѣтох^ъ гороу превысокоу. . . . в видѣхомъ храми добры злата и сребра исполнены. видѣхом же заградѣ великѣ. самфирьнаго каменія имѣще степені. рѣ. верхѣ цркви кроугла. имѣщи столповѣ сафирьнѣ р. в неже еднѣ болваны сдѣланы и проч. Тутъ слово: церковь повторяется еще три раза.

Вся эта сказка оканчивается разсказомъ о смерти и погребеніи Александра. и счисленіемъ лѣтъ жизни и царства его и построенныхъ имъ городовъ; но не упоминается въ ней о самоубійствѣ надъ тѣломъ Александра жены его Роксаны, какъ въ другихъ подобныхъ повѣстяхъ. О городахъ сказано: созда же городовѣ. а. александра, яже во египтѣ. александра во ѡрпѣ. александра дѣржавная. александра во скѣфии, александра на крупцѣ⁵⁴ рѣцѣ. александра на тродѣ⁵⁵. александра во вавилонѣ на тигрѣ рѣцѣ⁵⁶ александра на месатгдѣ⁵⁷. александра на пергии⁵⁸ александра на главахъ коньскѣ. александра яже оу пира⁵⁹. Подобныя баснословныя исторіи объ Александрѣ Македонскомъ существуютъ на Греческомъ, Латинскомъ и Сербскомъ языкахъ и въ переводахъ на Польскомъ и Чешскомъ⁶⁰.

Въ описанномъ теперь отрывкѣ оной языкъ чисто Русскій. Здѣсь встрѣчается древнее слово: волога (вариво, похлебка, л. 481: и призвавъ повара и рѣ^х емѣ приготоуи вологоу). кое-гдѣ еще слышимое въ народѣ и теперь. Слово: церковь, нѣсколько разъ повторенное здѣсь, не значить ли, что разсказъ этотъ взятъ изъ Греческой сказки?

Л. 517 на обор. Посланіе феѡнла дедеркина на Москвуу вѣ кнзю васію васіевѣ. изъ за римья изъ латинь. За пррчство князя мікалаа

54. Въ Рум. Хроногр. Л. 456: на крупиде. Опис. Рум. Муз. стр. 487.

55. Тамъ же: на тродаде.

56. Тамъ же: на тигре рѣцѣ растей.

57. Тамъ же: на месатуднисте.

58. Тамъ же: на питен.

59. Тамъ же: у пира.

60. Опис. Рум. Муз. стр. 216, 217 и 787.

латинскѣ языка и вѣры, что пррчествовалъ. на свою вѣрѣ на латинскѣю до Хѣа нароженіа за три нели. сего рѣдѣа Хѣа что прошло. а пррчествова престаѣся. и после е пррчества на третѣи днѣ в римской странѣ и земли. погибель ся оучинила пропаство. а рекъ аже бы шистроле писари изо всѣхъ странъ колижото языка згоноули бы ся вмѣсто. и такъ не могуть тоя погібели прѣписати, а умъ не може достигнути и тамо на первѣи за'римѣ за'десять миль. пропа горѣ великыи мдрованыи и с мѣсто в землю именѣется сблмана. мѣстечко горѣ с мѣсто тако тѣ впаѣ в землю. саквина горѣ и с мѣсто тако впа. в землю. толко же ся ѡстало с домовъ. и откънъ горѣ великыи, тако и с мѣсто пропалъ. Форнелюм горѣ и с мѣсто таже впа в землю. Сирна горѣ велии славныи, и с мѣсто пропалъ весь в землю. толко живыѣ ѡстало. л. бе одного. Кармина горѣ и с мѣсто впаѣся в землю. Мѣстечко новое оуди — квиланьскыа земли. тако впа в землю. . . . Любѣа горѣ моурованыи и с мѣсто наломилъся. поле свѣтлое гдѣ людем много. и самъ па мѣста то в землю впа. . . . въ велико мѣстѣ неѡполи дивное паденіе пола и людем, а горѣ изломилъся. и проч. Всего провалившихъ и разрушившихъ гордовъ Дедаркинъ насчитываетъ 45-ть: но имена почти всѣхъ ихъ такъ исковерканы, что едва ли есть возможность добраться до подлинныхъ ихъ названій. Посланіе заключено словами: а та ся състало, мѣа декавріа въ д днѣ на стѣа варвары днѣ, за три години до свѣта. ѿ В лѣт. . с. п. ѣе. т. е. въ 1456 году. Слѣдовательно это нетолковое посланіе писано между симъ и 1462 годомъ, въ который скончался великій князь Василій Васильевичъ Темный⁶¹.

Л. 520. Кирила философа словенскѣа.

Тако глеть хмель ко всякому челѣкоу, и ко сѣенническому чиноу, и ко князе и бояромъ, и ко слоуга, и коупцемъ, и богатымъ и оубогымъ, и к женамъ такоже глеть. не ѡсваивайте мене добро вы боудеть, аже ти есмь сѣленъ, боле всѣхъ плодѣ земныи и проч. афористическое изображеніе силы хмѣля и послѣдствій отъ пьянства для мужчинъ и въ концѣ рѣзкое порицаніе нетрезвыхъ и злыхъ женъ. Это сочиненіе едва ли можетъ принадлежать св. Кирилу, апостолу Славянъ. Въ Румяновскихъ Сборникахъ (№ 363

61. Истор. Р. Г. т. V. гл. III.

в 370) есть два подобныя оному, но безъ имени автора, подъ надписями: повѣсть ѿ высокооумно^н хмелю, и: слово о высокооумно^н хмелю ѿ о хѣдобны^х пїяница^х⁶². Можетъ быть, не было ли у Славянскихъ народовъ другаго какого либо Кирилла, который назывался Философомъ и которому принадлежитъ сіе и другія сочиненія, его именемъ означенныя?

Что касается до языка, писатель любилъ употреблять риму или созвучіе въ словахъ, наприм. первое доспѣю его в нощи не сонлива а на мѣтвоу не встанлива . . . . недостатки оу него дома сѣдять а раны оу него по плечешъ лежать . . . .

Всю статью эту мы помѣстимъ въ выпискахъ изъ сего Сборника.

Л. 523. Твореніе храма соломонова сѣая стѣ^н. ѿ. тысящ. сѣчахоу каменіе ѿ горѣ. ѿ. тысящ сѣчахоу дровіе. л. тысящ ношахоу каменіе. іс. тысящ пре^дстоюхоу работѣ. И въ мѣс лѣ^т сѣвершися дѣло. ѿбѣдъ (чит. обѣтъ) соломоно^в баше во вся днѣ мѣрѣ семидала л и проч. и глаголѣ Божій къ Соломону: се дах ти сер^дце оумно и прїдро и проч.

Л. 524. Кнѣзи роусьстии.

Первы кнѣзь рюрикъ, и братіа ѣ^т, синеоусъ, триворѣ. рюриковъ игорь игоревъ снѣ. стосла^в, стослави снѣве. ярополкъ, ѿлегъ, володимерь великы. володимеровы снѣове вышеславъ и проч. Списокъ оканчивается именами: дмитріе, явана васильви^ч снѣ, яванъ дмитрен снѣ ѣго.

Л. 525 на обор. и 526. Списокъ князей Ростовскихъ, происшедшихъ отъ вел. кн. Всеволода Владимірскаго; отъ него же — Тверскихъ; отъ Ростовскаго князя Василька — Бѣлозерскихъ; отъ в. к. Владиміра Мономаха — Смоленскихъ, и отъ него же — Ярославскихъ.

Л. 526 на обор. Слово семена епѣпа Тфирскѣ.

Такъ названъ поучительный разговоръ епископа Симеона Тверскаго съ Константиномъ княземъ Полотскимъ. Сей святи- тель, бывшій князь Полоцкій, жилъ въ XII ст. и скончался въ 1288 г.⁶³. Статью эту мы помѣстимъ въ концѣ сего Описанія.

62. Опис. сего Муз. стр. 521 и 546.

63. Истор. Рос. Іерарх. ч. 1. стр. 138.

Л. 527 на обор. 'Афанасіа вѣкѡ. въпрѡ.

Вопросъ: отъ чего иногда набираются на архіерейство и власть люди недостойные, и отвѣтъ за ѡже были людємъ злѣмъ, таковы тѣмъ архіерея и князя подаєтъ (Богъ). дамъ бо вамъ ре^т Бѣ князя по ср^цю вашемъ . . .

Тамъ же и на слѣд. вопросъ: стихіи теплота, студеное, сухое и мокрое отъ чего происходятъ, и отвѣтъ: . . . теплое стихію ѡ вѣсѡва съ сѣнцемъ ражаєтся . . . западъ . . . студенаго стихіа родителєнь . . . поустынное полоуденіє ит^рь сухаго стихіа . . . сѣверъ же ивѣ єсть яко студена ѡ естества єсть.

Л. 529. Ѡ гнихъ риза^т, ѡ ти^т. максимо^р.

Ѡбръте бо ся и сѣ нѣвкоєи книжицѣ пиша сице яко^т єулистъ рекль єсть. ѡ пяти гни^т ризахъ, яко^т ѡ раздѣлившихъ вѣдомо єсть и проч. говоритсѣ, что на Спасителѣ ризы были: одна по тѣлу, другая виѣшнее одѣяніє, третья на главѣ покрывало, четвертая лентій, пятая сандалія. Изъ твореній Максима Исповѣдника и писателя VII столѣтія.

Тамъ же. Ѡ прѣтѣя же Бѣомѣри ѡдежа^т. Изъ повѣсти Іоанна Митрополита Солунскаго ѡбъ Успеніи Богородицы, гдѣ сказано, что она завѣщала св. Іоанну Богослову двѣ ея ризы отдать, по смерти ея, двумъ убогимъ вдовицамъ.

Л. 530. Ѡ нагробнаго стѣго василія. Отвѣтъ Василія великаго на угрозы Епарха, что онъ не боится ни разграбленія имѣнія, потому что ничего не имѣетъ, кромѣ власяныхъ рубищъ на себѣ и книгъ, ни изгнанія, потому что ни єдинѣмъ мѣсто^р ѡписанъ.

На обор. Ѡ житія іѡа^н Златоустаго, о томъ, что когда онъ возведенъ былъ на архіерейство Константинопольское, пища у него была несла^тьное и немощное столчена ячменѣ процѣженіє, которую онъ принималъ чрезъ день, а одежда состояла изъ волосянаго рубища.

Л. 531. Что єсть, ѡже повелѣ хс, вврещи оудипоу в море и ємь ре^т рыбоу обрящєши статири и даждь за мя и за ся. ѡ сице бы законъ во ієрлѣмѣ да даєтъ кыйж^о члѣкъ дань по возрастѣ. єт лѣ^т и проч. Далѣе разсказывается баснь, что въ то время, какъ апост. Петръ ловилъ рыбу, въ Римѣ царь уронилъ въ море золотой перстєнь, и что этотъ перстєнь нашєлся въ рыбинѣ, пойманной Петромъ.

На обор. Ѡ члвцѣ. Изъ Златоуста о томъ, что Богъ . видя Адама согрѣшающаго, провидѣлъ и сушихъ изъ него правду творящихъ, зря его изгонимаго изъ рая, видѣлъ, что для него уготовано и царство небесное, и проч.

Л. 532. Псалтирь, такъ наименованная, и девять библейскихъ пѣсней въ Русскомъ переводѣ, безъ перваго листа. На концѣ, послѣ пѣсней, находится слѣдующая замѣтка: Млбстїю Бжїю, и здравїемъ бсподаря своего великаго князъ Ивана Васильевича всея руси, и блгословенїемъ и приказанїемъ стго филипа митрополита всея рси. докончалъ я двадца каѡиземъ и. ѡ. пѣвъ, ѡлтри двѣа прѣка што привель ѡт еврѣиска языка на рѣскыи языкѣ. Въ Кирилловѣ Монастырѣ есть еще такой же списокъ съ перевода Псалтири и съ такимъ же послѣсловїемъ въ Сборникѣ, подъ названїемъ: Петръ Дамаскїитъ, писанномъ, по соображенїю, въ XVI ст. Филиппъ возведенъ на Московскую митрополїю изъ епископовъ Суздальскихъ въ 1464 г. и былъ на оной до 1473 г.⁶⁴, слѣдовательно переводъ этотъ слѣланъ между сими годами. Авторъ Исторїи Русской Церкви приписываетъ оный какому-то *Теодору*, новокрещенному Еврею⁶⁵. Хотя въ послѣсловїи къ сему переводу (а въ другомъ экз. и въ надписи подъ онымъ) сказано, что переведены всѣ двадцать каѡизмъ; но на самомъ дѣлѣ здѣсь изложено только по нѣскольку псалмовъ въ каѡизмѣ, кромѣ первой, а всего 74—ре псалма. Такъ во II-й каѡ. показаны только пять псалмовъ (менѣ 3-мя); въ III-й 6-ть (менѣ 1-мъ); въ IV-й 3-ри (менѣ 5-ю); въ V-й 3-ри (менѣ 2-мя) и т. п. Счетъ псалмамъ веденъ только первымъ шести, а прочїе безъ нумераціи. Псалмы раздѣлены, кромѣ каѡизмъ, на слѣвы; но послѣднихъ показано не вездѣ по три въ каѡизмѣ, а индѣ и по двѣ, наприм. въ каѡ. VII. и X. и въ слѣвѣ большею частїю по одному псалму.

64. Ист. Рос. Іерарх. ч. I. стр. 34.

65. Ист. Рус. Цер. Пер. III. стр. 142. Онъ ему же приписываетъ еще переводъ съ Еврейскаго *Книги Есфирь*. Этотъ переводъ находится въ Библиотекѣ Моск. Дух. Акад. и Волокол. М-ря. Тамъ же. Можетъ быть сей же переводъ помѣщенъ въ ркп. Библияхъ Моск. Синод. Библ. подъ № 1, 2 и 3. Опис. Славян. Ркп. сей Библ. 1855 г. стр. 53—56. Русскїй переводъ сей книги былъ и въ Кирил. М-рѣ. Опис. Рум. Муз. стр. 35, но теперь уже вѣтъ его здѣсь.

Три послѣдніе псалма первой каѳизмы, означенные нумераціею (4, 5 и 6), въ надписяхъ носятъ имена Аарона, Моисея и Соломона, а по нашимъ переводамъ съ Греческаго и Еврейскаго языковъ это мѣсто въ псалтири занимаютъ псалмы Давидовы. Тамъ приписано псалмовъ: Аарону 5-ть, Моисею 6-ть, Соломону 4-ре и 1-нъ Іакову, а въ нашемъ Русскомъ переводѣ Моисею и Соломону приписывается только по одному псалму (Моис. XXXXIX-й, Солом. XXIV-й), а Аарону и Іакову ни одного. Въ Сборникѣ семь псалмовъ съ именами сыновъ Кореєвыхъ, Асафа, Есама, Аггея, Захаріи и Іереміи, и подъ надписями: аллилуія и пѣснь степеней, нѣтъ ни одного.

Что касается до текста сего перевода, то въ ономъ вовсе нельзя признать псалмовъ Давидовыхъ. Выпишемъ нѣсколько пѣсней для образца.

Псалмъ Двѣ. г.

В томъ ты даѣши свои страѣ на вся дѣла твоѣа, да твоѣа гроза на всяко твореніе твоѣе а тебе бояѣся всяко дѣніе (чит. дѣяніе) рѣкоу твоѣю да поклонѣся преѣ тобою вся тварь и оучинили законъ вси еѣтъ дѣлати волю твою чѣтмъ срѣцмъ. како мы вѣдаемъ ты гдѣ бгъ нашъ. и што гѣство в рѣкоу твоѣю. силенъ и крѣпокъ въ твоѣи дѣсвои рѣцѣ, имя твоѣе грозно на всякѣ твою тварь.

Псалмъ. Двѣдѣ. Соломона ѡ.

Свѣте ѡче наѣ твоѣе наказаніе да прилѣпѣся твоѣи заповѣди, съѣни мысли наша съ страхомъ твоимъ, и не бѣдемъ страмитѣся на свѣте твоѣе в вѣкы. зане во имя стѣны твоѣѣа, что великыи и мочныи грозно, что наше надѣянне и веселіе и раѣванне в помощи твоѣѣа. Сла.

Каѳ. г. Псалмъ. Дѣв. (по порядку XIV).

Ты гдѣ стѣ имя твоѣе сто. стѣи и на всякый дѣнь хвалѣ тобѣ възѣаютъ. Благъ ты Бгъ стѣи.

Въ каѳизмѣ VII-й псалмѣ 2-мъ читается, между прочимъ, что блѣжни слоуги . . . . вси яко едины ѡбѣщаваютъ, и глѣютъ съ страхомъ. стѣ, стѣ, стѣ, гѣ саваѡмъ, исполни нбѣ и земли славы ѣго.

Ка°. і. Псалмъ Дѣ. (по порядку XII-й).

Блави дще моя га, оуправи поуть нѣгоу мѣю. боуди воля предъ тобою гъ бгъ нашъ, гъ оцъ нашъ защити, и срани на всякъ днь ѡтъ недоужна лица и ѡтъ лица члѣвѣка. и ѡтъ товарища не мѣсерда. и ѡтъ соусѣда не любя, и ѡтъ стрѣчи лихи, и ѡтъ мысли неподобныя, и ѡтъ дѣа нечиста, и ѡтъ соудъ тяжѣ, и ѡтъ соудви сребролюбива, вѣрна и ли невѣрна. Нѣ привлечи мене къ своей правдѣ. непревлечи мене дѣломъ престоупнымъ, не приведи мене ги къ пытанію, ни къ поуту срѣмѣтнѣ, оутверди мене мысль доброу, и ѡверши мене мысли неподобныя. Подъведи мене ги хѣженіе мѣе мирно. възврати мене ги в домъ мой мирно защити мене ѡтъ всякихъ лихихъ людей, и ѡтъ всякой оубыточной стрѣчи, и ѡтъ завидящаго ѡтъ збѣи, и ѡто всякихъ лихихъ детей члѣвѣчески, ѡ лихихъ зверей члѣвѣческихъ и гада. зане ты Бгъ гъ принимаешь мѣтвы.

Ка°, хі, Псалмъ, Дѣв. Соломѣовъ. (по порядку LXII-й).

Помѣзи ги дшю мою, дай ми ги блгѣсловеніе оцъ нашихъ, блгвнѣ еси ты, и всякѣ блгѣсловеніе ѡтъ тебе гъ бгъ пособникъ оцѣмъ нашимъ, ты ѡнъ (ты ѡнѣ) вѣкы защитникъ и пособникъ ихъ чадѣмъ и послѣ ихъ ѡтъ рѣда и рѣда, выслѣ е свѣта почиваніе твоѣе и соудъ твои и правда надо всѣми при земсти, дають похвалоу тебѣ ги, аллііа.

Послѣдній псаломъ: Псалмъ Дѣвѣ.

Бгъ гъ блгѣсловенъ ты, и прехваленъ ты похвалить тебе нѣво и земля. зане прѣствѣ твоѣе недано и не ѡметѣя ѡтъ вѣка и до вѣка ты прѣствоуешь вѣ чтѣ якѣ глетъ ѡправданіемъ твоѣмъ, Бгъ прѣствоуетъ вѣкы вѣкомъ, блгѣсловенъ Бгъ вѣ вѣкы вѣкомъ, аминь, і аминь.

Избранныя пѣсни библейскія еще менѣе имѣютъ сходства съ подлинными. Онѣ и по надписямъ совершенно не тѣ, какія у насъ употребляются въ церкви. Такъ пѣснь II-я названа Іоилевою, вм. Моисеевой; III-я Давидовою, вм. Анны Пророчицы, IV-я Моисеевою, вм. Аввакумовой; V-я Давидовою, вм. Исаи Пророка; VII-я Давидовою, вм. трехъ отроковъ; IX-я Давидовою, вм. евангельской св. пророка Захаріи. Вотъ нѣсколько сихъ пѣсней.

Пѣснь Мойсей пророка. пѣснь, а.

Поите Бгоу пѣсни новыя, похва (чит. похвала) егѡ събранныхъ млѡсти (чит. милости) ѡбрадоуется Израль въ творении егѡ, а чада сиѡнъ возвеселѣся ѡ црѣ своеш, величай имя егѡ стѡ, свѣтъ по всей воли ѡтворилъ, и црствоуетъ свѡе прѣствѡ даеть намъ животъ и днѣ наша предъложитъ ѡбрадоуется домъ Израль, и на егѡ стѡвѣство глѣтъ, аминь.

Въ сей пѣсни первые два стиха до словъ: възвеселѣся ѡ црѣ своеш, принадлежатъ псалму 149-му, а прочее неизвѣстно откуда взято.

Пѣ, в. Юдыя.

Взрадоуюся и веселюся домъ Ияковль, възвышати глѣтъ вашъ похваляющи ѡци наши на н си и на земли, глаголомъ свѡимъ ѡтборными нѡса, а дхѡмъ свѡимъ всякъ што в нихъ, срѡкъ и мѣроу въздалъ ичъ, што не переменити ихъ приказанѣя. веселѣтисѣ. и радоватисѣ воля творящихъ гѣ ихъ правѣ и дѣла ихъ права, прехваленъ и пребкрашенъ, и величивъ глѣтъ всякыи бѡищисѣ га.

Пѣ. и. Соломона.

Поите колѣна яковля, хвалите Бга племена Изральы възвышити Бгѣ гѣ нашъ, и поклонитесѣ къ горѣ стѣвѣй егѡ. стѣ ѡнъ Бгѣ нашъ, и стѣ ѡтъ вѣка до вѣка, аминь.

Замѣчательно, что ни въ одномъ изъ псалмовъ этого перевода нѣтъ пророчествъ о Христѣ, а содержатся въ оныхъ одни только хваленія Богу и молитвы. Пѣсни сѣи, очевидно, не Давидовы. Можетъ быть онѣ изъ числа тѣхъ, какія составлены Евреями по образцу Давидовыхъ псалмовъ и употребляются у нихъ въ Синагогахъ. Раздѣленіе оныхъ на каѡизмы и славы, конечно, прибавилъ переводчикъ отъ себя, поддаваясь подъ Греческое церковное дѣленіе Псалтиря. Онъ тоже могъ сдѣлать и относительно надписей надъ псалмами или пѣснями. Нѣкоторыя слова обличаютъ въ переводчикѣ, по видимому, жителя южной Россіи, каковы наур.: пытанне (каѡ. X. т. 1) вм. испытаніе; хъ чадомъ (каѡ. XXII. пс. 1) вм. къ чадомъ; собѣ, тобѣ (каѡ. III. пс. 2); дотягни (молитвѣ нашей) и излюби (тамъ же пс. 3);

сми́лѣся (каѳ. III. пс. 3); бес починка (каѳ. IX. пс. 4) вм. безъ начала и т. п. Замѣчательны слова: страмитися (каѳ. I. пс. 6); што (тамъ же пс. 3 и во мног. мѣст.); стѣвство (каѳ. II. пс. послѣд. и во мног. друг.); ра'ство и весельствó (каѳ. V. пс. 1); ѿскѣпщикъ (каѳ. VII. пс. 1 и др.); чловѣчествó (каѳ. IX. пс. 2); по́раися (каѳ. X. пс. послѣд.), т. е. рано встань; вельможи (каѳ. XI. пс. 2); холопство (каѳ. XIII. пс. 1); прися́еть (всякыи языкъ тебе прися́еть. каѳ. XIV. пс. 1); нутреная мо́я (тамъ же пс. 2); сытовъствó нашó (каѳ. XV. пс. 2); воевода (тамъ же пс. 3); гъ . . . поставень и по́рядень . . . и по́добень . . . и любивъ . . . и почестень . . . и не наряженъ (каѳ. XVI. пс. 1); небесныя силы: херу́вимъ и ѿбанимъ а́нгис (иначе ѿханысь каѳ. VII. пс. послѣд.); серафимъ, и грилимъ. а́хасимъ, и а́смалимъ, и мѣлимъ. и малахимъ (каѳ. IX. пс. 2) и мн. др. .

Л. 517. Слово ѿ томъ яко и́мя ѓне на всякъ ча́ поминаемо члѣскими оусты. жжеть и прогонитъ бѣсы.

Оубѣжаю ва́ и похваляю препо^оби́и и б́гоноснѣи ѿци́ иши . . . яко . . . оустависте сѣи стихъ глѣти, начинающе всяко дѣло б́го . . . грозитися на всякого врага, и сопостата и́менемъ га́ ба́ и сѣса нашего іс хс и проч.

Л. 568. Послѣдняя статья въ Сборникѣ: правило чернецемъ паче же игоумено^н.

Единоу вослѣдование Хбу́ и́ноци, дѣвное житіе крестныя дѣтели, да и́мѣють мѣста своя ѿсобна ѿбѣжна ми́рскаыа чади и проч. заповѣдуются отрекшимся міра и яже въ мірѣ ни единою вещью да не ладноуютъ пакы с ми́рскими. Игоуменство состоитъ въ истинной хитрости Божія писанія и игоумень долженъ быть одѣянъ премудростію горнею, не лицемѣренъ обличая, ѿпасивъ попоущая, свѣтелъ, цѣломудренъ, выше всѣхъ страстей, всякоу коростоу мога исцѣлѣти, поднимать немощныхъ и хоудости всѣхъ носити. Наставленіе оканчивается словами св. Нила: начало языко^н амаликъ, и́ начало стрѣмь чревобѣсіе. Вещь ѿгну дрова, вешже чревобѣсію брашна.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I.

Духовное завѣщаніе св. Кипріана, митрополита всея Россіи (л. 87).

Во имя сѣя и живоначальныя тѣца. азъ грѣшны и смиренъ кипріанъ митрополи кїевскій и всея роуси. смотрихъ яко постиге мя старость. впадохъ бо в частыя и различныя болѣзны. ими же нѣтъ сдержимъ есмь ѿ бѣ чѣлолюбѣ казнимъ грѣхъ моихъ ра^а болѣземъ на ма оумножившимся нѣтъ. яко же иногда никогда же. ничто же ми ино возвѣщающъ, развѣ смѣть. достойно рассу^ахъ якоже в завѣщаньи моемъ нѣкая потребная мнѣ ѿ части писаніемъ изъяснити. Внегда вначалѣ стѣя роукополагался по ѿбычаю. первое оубо и повѣдоую сѣоую и бопреданоую и апльскоую православную вѣроу. и прочая блгочтѣя сѣя бжїа цѣкве. цѣла и не подвижна того блѣтью съблюдати. стѣимъ и бгославнымъ и православнымъ цѣремъ хртїанскимъ. елици ѿтойдоша сего житїя по моемъ поставленїи. и елици еше живи соуть вѣимъ вкоупѣ ѿставляю миръ и блгвенїе и послѣднее конечное цѣлованїе. в сими же и стѣишимъ и вселенскимъ патріархомъ. преже преставльшимся в лѣтехъ нашихъ, и еше живы^а соущимъ ѿставляю миръ и блгвенїе. и послѣднее конечное цѣлованїе.

Бгоро^аному и блгочестивому и хртолюбивому и ѿ стѣимъ дѣтъ, возлюбленному сѣоу моему великомъ кнѣзю василью димитріевичю всея роуси ѿставляю миръ и блгвенїе и прощенїе и любовь, и послѣднее конечное цѣлованїе. и съ его мѣтрью. и съ его кнѣгнуемъ и съ его братьемъ. и съ ихъ княгинями, и съ ихъ дѣтми. тако же и вѣимъ кнѣземъ мѣстнымъ ѿставляю миръ и блгвенїе и послѣднее конечное цѣлованїе. и съ ихъ кнѣгинями и съ ихъ дѣтми. тако же и болюбивымъ епѣомъ по предѣло^а нашїа цѣквы в роускомъ митропольи ѿставляю миръ и блгвенїе и послѣднее конечное цѣлованїе. бояромъ великимъ же и малымъ и с жевами и дѣтми ѿставляю миръ блгвенїе и послѣднее конечное цѣлованїе. сѣщенноинокомъ же и всемоу цѣквномъ причтоу ѿставляю миръ и блгве-

ніе. и всемоу хрѣтѣаньскому народу оставляю миръ и блѣвеніе и послѣднее конечное цѣлованіе. А ѿт нихъ и самъ тоже прошю положити в днѣ соу^ннѣ. а понеже сочтохъ лѣта своя ѿнележе поставленъ бы^т в митрополиты. обрѣтошася число яко. ѿ лѣто течеть къ приходящему мѣю десаврѣю въ вторымъ днѣ. и толикымъ лѣтомъ прошешимъ. аще боудеть нѣкто на мя поропталъ, и явно всталъ ѿ еѣпко^т чиноу и сщеничскѣ. и кто боудеть мирьскы^т совокоупилсѣ с ними, всякъ иже естъ, аще сщеници. и иноци и мирстѣи, в мене предкноушася ѿт моея ѿласти разрѣшити долженъ есмь. имѣю ихъ разрѣшены^т и блѣвенныхъ и прощенныхъ ѿ бѣ чѣколюбца. Аще ли же кого боудоу въ питемію вложихъ. и не блѣгословеноу виною а не боудеть пойскалъ разрѣшеніа а в томъ в забыть оучинилася смѣрть всякъ иже естъ и ѿпасадѣ мене. и за скоудость оуна. и. въ небреженіе положиша. и в забыть придоша. всѣхъ имѣю ѿ стѣмъ дѣѣ блѣгословены^т и прощенныхъ и помилованыхъ ѿ бѣ чѣколюбца: а елицы же возлюбилася на и помиловаша на^т въ путехъ нашихъ, и въ трюудны^т хоженіихъ, хрѣтоименитыя люди. бояре и велможи, да боудоу^т помиловани и просени ѿ Бѣ чѣколюбца. да воздасть имъ гѣ по срѣцю ихъ. а дшю свою и дожь стѣмъ бѣа приказываю сѣю своемоу благородному и хрѣтолюбивому и ѿ стѣмъ дѣѣ возлюбленому великомоу кнѣсю василію дмитрѣевичю всея роуси, такоже и боярѣ своихъ. и молодыхъ людеи и слоухъ своихъ. какъ пожалуеуеъ, какъ поблюдеуеъ. какъ сѣ попечалуеуеъ. а мѣтѣ бжѣа и прѣтѣмъ еѣго мѣре, и мое блѣвеніе со всеми вами аминь: А писана бы^т грамота сѣя оу трею стѣмъ мѣца септеврѣа въ. вѣ. днѣ. инди. а не по^тписалъ есмь своею рѣкою немощи ра^т . . .

III.

Разрѣшительная молитва, читаемая надъ умершимъ, твореніе того же Кириана (л. 92).

Вѣко бже ѿче вседержителю. створивый чѣлка по ѿбразоу своємѣ и по подобію. и всеми дарованнѣ своими оукрасивъ и бесмртѣемъ почеть. престоуплеша же твою заповѣдъ. нрѣвнымъ соудомъ ѿсоудилъ еси. рая

изгнаіемъ. и еже яко земля еси и в землю паки повдеша. но яко естъ-
 ствомъ сыи, члѣколюбивъ не стерпѣ зрѣти во оузахъ и затворехъ мрач-
 ныхъ моучимо созданіе свое. пославъ единорогнаго сѣа своего ѡдѣваю-
 щая нашу ницетоу. плотію ѡ чѣтыхъ кровіи престыа и прчѣтыа дѣца
 мріа, и стрѣть вольноюу претерпѣти блгволивъ еси, и смѣрть пріати. и
 крѣтомъ снитти въ адъ, и тамо тлею держимыа славно и побѣдоносно
 възвигнуоти и разрѣшити. и вѣчному црѣвію сподобити. но яко про-
 вѣдны ползокое наше еже къ грѣхоу. и яко всегда належитъ члѣкоу по-
 мышленіе на лоукавая ѡ юности его. не восхотѣ свое созданіе гѣи іс хѣ
 бѣ нашъ, адомъ и моуками ѡдержимо быти. но заповѣдми своними стѣиши
 еуаѣли даровавъ рекъ. иже аще створить и живъ боудеть на земли.
 еше и стѣиши своимъ аплмъ и оучѣиномъ власть далъ еси. и ихъ пріем-
 никомъ, яко да егоже аще свяжоуть на землѣ боудеть связанъ на вбсехъ.
 и егоже аще разрѣшати на земли боудеть разрѣшенъ и на нбси. сего ради
 и азъ грѣшныи не достойныи рабъ твои на щедроты твоя и безмѣрноу ти
 члѣколюбіе нѣдѣяся. молбы и моленія принося, о еже въ блженои памяти
 преставлешемоуся рабоу твоимъ вѣрному. імрк. яко да ѡпустиши емоу
 яко блгъ и мѣрдъ. всякое прегрѣшеніе волное и не волнее. еже словомъ
 или дѣломъ, или помысломъ или ѡчнымъ възрѣніемъ. или койшми начина-
 ніемъ. иже тѣломъ грѣхъ дѣйствуется. дшю же ѡскверняетъ. или
 что ѡ закона твоего престоупи и волю плотскоую здѣла, и сласть
 исполни. или кого приѡбидѣ, или яростію повзгнся не ѡсправдова кого,
 или аще во лжоу или в клятвопрестоупленіе впадѣ. еи. гѣи члѣколюбче
 ѡпусти ѡстави ѡслаби разрѣши дш раба твоего імрк, ѡ оузъ смѣр-
 тныхъ. оучни дхъ его в мѣстѣ свѣтлѣ, в мѣстѣ злчнѣ, в мѣстѣ про-
 хлачѣ, в мѣстѣ покоя тишины. идѣже глѣсь празноуюющихъ. веселитъ
 вся ѡ вѣка стѣи твоя. ябо ты еси воскрѣніе животь и покои иже блаже-
 нои памяти преставлешемоуся блгвоверному рабоу твоемоу. імркъ.
 Хѣ Бѣ ишѣ. и тебѣ славою высылаемъ с безнадыи ти ѡцѣи всестѣиши
 и блгымъ и животворящим ти дхмъ нынѣ и прѣно и в вѣки вѣкомъ аминь:

III.

**Уставъ великаго князя св. Владиміра
о церковномъ судѣ (л. 96 на обор.).**

Во имя ѿца и сѣа и стго дѣа, се азъ рабъ бжѣи¹ кнѣзь великыи² владимѣръ нареченнѣ въ стѣмъ крѣщеніи василіе³. снѣ стославль. внуокъ игоревъ блженныа кнѣгини ѿ ѿлги. прѣялъ ѣсмь стое крѣщеніе ѿ греческаго прѣа василіа и брата его константина⁴. и ѿ фотіа патріарха прѣа града. прѣяхъ ѿ него⁵ перваго митрополита левнта⁶ киевою градоу и всеи роуси⁷. Потомъ же лѣтомъ многи⁸ мнѣоувшиимъ. създахъ црѣвъ стѣа бѣа десятинноую, и дахъ ѣн десятивою ѿ всего моего княженіа. тако же и по всеи земли роускои, изъ кнѣженіа въ сборноюу црѣвъ, ѿ всего княжа соуда десятоую вѣкшоу. и с торгоу десятоую не⁹лю. изъ домовъ на всякое лѣто, и ѿ всякаго стада. и всякого жита. чю¹⁰номуу сѣсоу, и прѣтомъ его бѣомѣтри, десятое⁸. Потомъ развергше греческии манаканонъ и ѿбрѣтохомъ, еже⁹ не по¹⁰баеть снхъ соудовъ и тяжъ кнѣсю соудити ни бояро¹¹ его. ни тивоуномъ¹⁰. И азъ сгадавъ с своими дѣтми и со всеми князми. и съ своими бояры¹¹. далъ ѣсмь тѣ соуды црѣвамъ бжѣимъ. и митрополитоу. и всемъ пискоупіамъ по роускои земли. И по семь, не надобѣ встоупатися, ни дѣтемъ моимъ, ни внучатомъ. и всемоу родоу моемоу до вѣка. ни въ люди црѣвныа ни во всѣ соуды црѣвныа. то все вѣдаеть митрополитъ, и епѣи. по всемъ градомъ, и по погостомъ. и по сло-

Словоразличія въ спискѣ Карамзина :

1. Слово: рабъ бжѣи, вѣтъ.
2. Нарѣцаемыи.
3. Слово: наречены — василіе, вѣтъ.
4. Слово: василіа — константина, вѣтъ.
5. Взялъ перваго и проч.
6. Левнта.
7. Сл.: и всеи роуси, вѣтъ; дагѣ: иже крѣсти всю землю русьскую святымъ крещеньемъ.
8. Сл.: десятое, вѣтъ.
9. Оже; такъ и вездѣ.
10. Судьямъ.
11. Съ своею княгинею Анною и съ своими дѣтми, далъ есть и пр.

бодамъ, где живоуть хрѣтѣане¹² своимъ товоуномъ приказывають, соудовъ црѣквнхъ не соудити, и наши¹³ соудовъ не соудити безъ соудѣи митрополѣа, или влѣчнѣа десѣтинника¹³. А се црѣквннѣа соуды и роспоуски¹⁴. смилное. застатѣ¹⁵. пошибанѣе. оумычки. промежи мужемъ и женою, ѿ животѣхъ, въ племяни. или в сватовствѣ поимѣтся¹⁶, вѣдовство¹⁷. потвори, чародѣянѣе. волхвованѣе. зеленничество, оурѣканѣа. г.¹⁸. блѣднею, зеленничество, зубоѣжа¹⁹. или сынъ ѿца бѣеть. или дчи мѣрь бѣеть. или сноха свекровь бѣеть, или дѣти жалѣются ѿ останцѣхъ²⁰. црѣквнѣа тѣба, мертвецѣи ѿдирають²¹. крѣть посѣкоуть. или трѣски на стѣнахъ емлють, изъ крѣта²². ли скоть. и псы и птици²³. безъ великѣа ноужа кто введеть въ црѣкву. и что не подобно во црѣквѣ здѣется²⁴, и два друѣ друга имѣтѣся бити, единже другаго имѣть за лоно²⁵ и раздавить. или кого застаноуть съ скотиною²⁶, и кто под овномъ молить, и во ржи, и по рощенѣемъ²⁷, и оу воды, или дѣвка дѣти повержетъ. тѣ соуды всѣ црѣквѣ даны соуть. княземъ²⁸ и бояромъ²⁸, и соудѣамъ в тѣ соуды не встоупатѣся. то все далъ есмь по первы²⁹ црѣи оурѣженѣю, и по стѣхъ ѿцѣ се³⁰ми съборовъ вселенскы³⁰ великы³⁰ стѣль²⁹. Аще кто приобидеть си³⁰ оуставъ, таковы³¹ непощены³¹ быти ѿ закона бжѣа, и горе³¹ наслѣ-

12. То все далъ есмь по всѣмъ градомъ и по погостамъ и по слободамъ гдѣ нѣ суть хрѣтѣане.

13. Приказываю церковнаго суда не обидѣти ни судити безъ Владычнѣа нашьстника.

14. Роспускъ.

15. Заставанье.

16. Пошибанье промежи мужемъ и женою о животѣ, оумычка.

17. Вѣтьство.

18. Зеленничество, потвори, чародѣянѣе, волхвованѣа урѣканѣа три.

19. Блѣднею и зелѣи и еретичествомъ, зубоѣжа.

20. Или сынъ отца бѣеть или матеръ или дщи или сноха свекровь, братья или дѣти тяжють о задницю.

21. Сволочать.

22. Крѣсть посѣкуть или на стѣнахъ рѣжутъ.

23. Поткы.

24. Подѣеть.

25. Единнаго жена имѣть за лоно другаго.

26. Съ четвероножиною.

27. Или въ рощенѣи или у воды, а слова: во ржи, нѣтъ.

28. Князю.

29. И по вселенскы³⁰ святыхъ семи сборовъ великы³⁰ святитель.

30. Нашъ.

31. Собъ.

доууть. И своимъ тоувоуномъ приказываю, соудовъ црѣвныхъ не ѡбидѣти, из соудовъ ѡз городски³² давати десятая часть стѣи црѣви³². а кто проѡбидитъ соуды црѣвныя, платити емоу собою, а пре⁴ бмѣ тойже ѡвѣ⁷ дасть, на страшнѣмъ соудѣ пре⁴ тмѣи аггль, идѣже кожѣо дѣла ѡкрыются явѣ³³, блгаѣ же и злаѣ, идѣже не можетъ никтоже никоу помощи; но токмо правда, и добрая дѣла. тѣмъ³⁴ избавитися ѡ вторыя смрѣи рекше ѡ вѣчныя моуки, и крѣщеніа спасенаго. ѡ геоньскаго ѡгна, слержаще истинноу в неправдѣ³⁵. ѡ тѣхъ гѣ глеть, ѡгнь ихъ не угаснетъ, и червь ихъ не оумретъ³⁶. створшимъже блгаѣ жизнь вѣчная и радость неизрѣченная³⁷. а створшимъ злаѣ рекше не правосудившемъ на семь свѣтѣ и лоукавно³⁸ неизмолимъ соудъ ѡбрѣсти. се же искони поручено бгѣмъ, стѣимъ епѣпѣимъ горо⁴скыя торговыя, всякыя мѣрила. спудъ и звѣсы. ѡ Бѣ како и скони оуоставлено³⁹ епѣпоу блюсти беспакотно, ни оумалити ни оуличити, за все то воздати емоу слово в днѣ соуда великаго, якоже и ѡ дша члѣкыхъ. А се црѣвнѣи лю⁴⁰, игуменъ, попъ, діаконъ. и дѣти ихъ, попадѣя, и кто в клиросѣ⁴⁰ чернецъ, черница. проскоурница, паломникъ, лѣчець, вдовица⁴¹ задшѣны члѣкъ, стороникъ, слѣпечъ, хромечъ, монастыри, больницы. гостиници, страннопрѣимници, то лю⁴¹ црѣвныя бадѣльныя епѣ⁴² вѣдаеть. межи ими соудъ. или ѡбиды. и которая вражда⁴³, а боудууть иному члѣкоу с ними⁴⁴ рѣчь. то ѡбщи соудѣ⁴⁵, а пересоу⁴ на полы. Аще кто преступитъ сѣя правила. яко есми оуправили по стѣихъ ѡцѣ правиломъ, и по первыхъ црѣмъ.

32. И съ суда давати. о. части князю, а десятая святѣи церкви.

33. Не скрываются.

34. Но токмо правда избавитъ отъ вторыя смерти.

35. Отъ крещенія неспасенаго, отъ огня негасимаго. Господь рече и проч.

36. Въ день мести вдамъ, слержащимъ неправду; въ разумѣ тѣхъ огонь не угаснетъ и чрево ихъ не умретъ.

37. Въ жизнь и въ радость невареченую.

38. А створшимъ злаѣ въ скрещеніе суда.

39. Се же искони уоставлено есть и поручено святымъ нископѣямъ: городскыя и торговыя всякая мѣрила и спуды и звѣсы и ставила отъ Бога тако искони уоставлено.

40. Игуменѣя.

41. Сл.: вдовица, вѣтъ.

42. Митрополитъ или нискупъ.

43. Или котора или вражда или задница.

44. Съ тымъ челоуѣкомъ.

45. То общи судъ.

оуправленію⁴⁶, или дѣти мои кнѣзи⁴⁷. или праввоуци, или в которомъ градѣ намѣстници, или соудіа, или тивоуни⁴⁸, а имоуть ѡбидѣти соуды прквныи⁴⁹. или ѡимати⁵⁰. да боуть прокляти в сѣ вѣкъ и в боудоущи, ѡ се^{ми}⁵¹ съборъ стѣхъ ѡцъ вселеньскы^х.

IV.

Уставъ великаго князя Ярослава Владиміровича о церковномъ же судѣ (л. 106).

Се ѣзъ кнѣзь великыи ярославъ сѣъ владимеровъ. вноукъ стѣславъ¹. по даньи ѡца своего. сгадалъ ѣсмь с митрополитомъ иларіономъ, сложилъ ѣсмь греческыи манаканоунъ. ѣже не по^обаеть сихъ тяжь соудити кнѣзю ни бояромъ. даль ѣсмь митрополитоу і епѣпомъ² тѣ соуды чѣо писавы в правилѣхъ в манаканонѣ по всемъ городомъ. и по всемъ ѡбластѣмъ, гдѣ христіанство³. Аще⁴ кѣо оумчитъ дѣвкоу. и насилить, аще боярьска дщи за срамъ ѣи. е. гривень злата. а епѣпоу. е. гривень злата. а менши^х боярь гривна злата. а епѣпоу гривна злата⁵. а добрыхъ людей за срамъ. е. гривень сребра. а епѣпѣ. е. гривень сребра, а наумычницѣ^х по гривнѣ сребра. а епѣпоу⁶, а кнѣзь казнитъ ихъ. Аще кѣо пошибаеть боярьскоу дщерь, и боярьскоу женоу. за срамъ ѣи. е. гривень злата, а епѣпоу. е. гривень злата. меншихъ боярь гривна злата, епѣпоу гривна злата. а

46. Кто имѣтъ преступити правила си.

47. Сл.: князи, нѣтъ.

48. Намѣстникъ или тиунъ или судья.

49. Судъ церковный, или кто иной.

50. Сл.: ѡимати, нѣтъ.

51. Семію.

1. Въ спискѣ Карамзина словъ: вноукъ стѣславъ, нѣтъ.

2. Сл.: і епѣпомъ, нѣтъ.

3. И по всей области, гдѣ крестьянство есть

4. Аже; такъ и вездѣ см. аще.

5. Словъ: а меншихъ боярь гривна злата, нѣтъ.

6. А на умычницѣхъ по гривнѣ сребра епископу; а князь казнитъ. Словъ: а епѣпоу. е. сребра, нѣтъ.

нарочитыхъ люди. ꙗ. рубли. а еѣпоу. г. рубли. а простом чади. еі. гривень. сребра. а еѣпоу. еі. гривень, а кнѣзь казнитъ ⁷. аще оу ѡца и оу мѣри дѣвка ⁸ дѣти добоудеть ѡбличивъ ю вдати ⁹ в домъ црквины. такоже и женка ¹⁰, или паки ю родъ ѡкоупитъ ¹¹, аще дѣвкою помолвить кто к себѣ, и дастъ ю в пороуганіе ¹². на оумыщницѣ ¹³ еѣпоу. г. гривны сребра, а дѣвкѣ за срамъ. г. гривны сребра, а на роугателѣхъ ¹⁴ по роублю, а кнѣзь казнитъ. аще моужь ѡ жены блoudитъ. оу еѣпа в винѣ. а князь казнитъ. аще моужь ѡженится иноу женоу, а староу не распоустится, моужь тои оу еѣпа в винѣ. а молодую поняти в домъ црквины, а с староу жити. аще женѣ лихѣ недоугъ боудеть. и слѣпота, и долгая болѣзнь про то еа не ѡпоустити. такоже и женѣ нелзѣ поустити моужа. иже коумъ с коумоу блoudь створитъ еѣпоу гривна злата. а прочее ¹⁵ во ѡпитемьѣ. аще кто зажжетъ дворъ, или гоумно ¹⁶. еѣпоу. р. гривень. а кнѣзь казнитъ. аще кто с сестроу согрѣшитъ. еѣпоу. р. гривень. а прочее во ѡпитемьѣ и в казни по законуу. аще ближнии родъ поиметса. еѣпоу п. гривень сребра, а ихъ раслоучити, а прочее во ѡпитемьѣ соу ¹⁷. аще кто двѣ женѣ держитъ ¹⁸. еѣпоу и. гривень. а которая подлегла та поняти в домъ црквины, а первую держитъ по закнѣ. а иметь лихѣ водити ю казнью казнити еѣго. аще моужь по своей воли распоустится с женоу еѣпоу. вѣ. гривень. а боудеть не вѣчанъ ¹⁹. с. гривень ²⁰. аще кто сблoudитъ с черницеу еѣпоу. р. гривень. а с животиною, вѣ, гривень, а прочее во ѡпитемьѣ вложити. аще свекоръ снокою сблoudитъ, еѣппу. р. гривень. а ѡпитемьѣ по законуу, аще кто с двѣма сестрама падетса, еѣпоу. ѣ.

7. Аще пуститъ болринъ великъ жену безъ вины, за сорокъ еи 5 гривень золота, а епископу 5 гривень золота, а нарочитыхъ людей 3 рубли, а епископу 3 рубли; а князь казнитъ.

8. Дщи дѣвкою.

9. Поняти.

10. Сл.: тако же и женка, нѣтъ.

11. А чимъ ю радѣ окушитъ.

12. Въ молоку.

13. На умољницѣ.

14. А на молочныхъ.

15. Сл.: а прочее, нѣтъ.

16. Или что ино.

17. А епитемью да примуть.

18. Водитъ.

19. А буде не вѣчалса.

20. Епископу гривень — сколько, не сказано.

гривень серебра²¹, аще деверья съ ятровою сблудать, епѣоу. л²². гриве^н. аще кто с машехоу падется епѣоу. и. гривень, аще два брата блудать съ единою женкою. епѣоу. р. гривень, а женка в дошь, аще дѣвка не въсохщеть замужь. а ѡцѣ и мѣи силоу дадоуть. а что створить нат собою. ѡцѣ²³ мати оу епѣа в винѣ а исторѣ имѣ платити. такоже и ѡтрокъ, аще кто зовет чужою женоу блядью, великихъ боляръ, за срамъ еи ѣ. гривень злата, а епѣоу. е. гривень злата, а кнѣзь казнитъ. а боудеть меншихъ боляръ за срамъ еи. г. гривны злата, а епѣоу. г. гривны злата, а боудеть городьскихъ люди. г. гривны серебра. а епѣоу. г. гривны серебра. а сельскихъ лю^ди гривна серебра. а епѣоу гривна серебра. аще пострижетъ кто комоу главоу за посмѣхъ²⁴. или брадоу епѣѡ. в. гривень серебра, а кнѣзь казнитъ. аще члѣкъ²⁵ имѣть красти конопле, или левъ, и всякое жито. епѣоу в винѣ со кнѣземъ на полы. такоже и женка ѡже имѣть красти, такоже и бѣлые порты²⁶ и портища, и понявы со кнѣземъ вина; на полы²⁷ свадебное и городное²⁸, бои, оубѣства, и дшегоубства, платать виноу. кнѣзь со вл^акою на полы²⁹. аще моужа два бьются женки дѣля, и оукоусить, или одереть³⁰. епѣоу. г. гривны. аще моужь бьеть чужоу женоу за срамъ еи по закону. з. гривень серебра. а епѣоу тако³¹. аще снѣ бьеть ѡца, и мѣрь да казнитъ его властельскою³² казвью, а оу епѣа в винѣ, аще чернецъ и черница. и попъ и попадья, и проскоурница, и пономарь³³ падоужа въ блон^а с чѣмъ. тѣхъ соудити епѣоу ѡпроче мирянъ, и во что ихъ ѡсоудитъ в томъ воленъ. аще попъ и чернецъ оупиются безвременно оу епѣа в винѣ, аще чернецъ и черница ростяжуются ѡ чемъ оу епѣа в винѣ во что ихъ ни ѡсоудитъ³⁴. а

21. Сл.: серебра, нѣтъ.

22. Словъ: аще деверья — епѣоу. л. гривень, нѣтъ.

23. И мати.

24. Сл.: за посмѣхъ, нѣтъ.

25. Мужъ.

26. Аже мужъ крадетъ бѣлые порты или полотна и пр.

27. Тако же и женка, епископу въ винѣ со кнѣземъ на полы.

28. И сговорное.

29. Аже что чинится, платать вину князю на полы со владыкою.

30. Аже мужа два бьются, одинъ другаго укусятъ или одереть и проч. Сл.: женки дѣля, нѣтъ.

31. За соромъ еи по закону, а епископу 6 гривень.

32. Волостельскою.

33. Сл.: пономарь, нѣтъ.

34. Во что ихъ обрядить.

что дѣется в домовны^х людехъ в цркви^х, и в самѣхъ³⁵ монастырехъ не вступаются князи волостели в то. а вѣдаетъ ихъ вл^аченъ приказникъ. или волостель³⁶ его. а безатщина прїидетъ к волостелю митрополичу, и вл^ачню³⁷. аще кто оуставъ мой порушить³⁸, или сн^ове мон. и вноуци мон. и правноуци мон. и ѿ рода моего кто. и кто ѿ боярь. а порушають оуставъ мой³⁹ и встоупатся в соуды митрополичи. и въ вл^ачни⁴⁰. что есмь далъ стѣи бжїи цркви, и митрополитоу. и еп^ипомъ. по всемъ г^ородо^м, по правило^м стѣи ѿцѣ. соудивше казнити и^х по законуу. а кто иметь тѣ соуды црквины соудити и встоупатся. стати имать со мною на страшнѣмъ соудѣ Хвѣ, хртїанское имя на немъ не наречется. а ѿ стѣи ѿцѣ. т. ии. иже в никеи да боудетъ проклатъ, и в си вѣкъ и в боудущи. и всехъ стѣихъ аминь⁴¹ . . .

V.

Задонщина, сочиненіе Софонїа старца Рязанскаго (л. 122). 121 г. 20

Задонщина велико^м князю г^на димитрія иванови^ч. и брата его князя володимера ондрѣви^ч. пойдемъ брате в полоуночную страну. жребїи афетовоу с^на ноѣва, ѿ него же родися роусь преславная. ѿтолѣ въздемъ на горы кїевскыя, первѣе всехъ вшедь восхвалимъ вѣщаго, гобояна в городѣ в кїевѣ, гораздо гоудца. тои бо вѣщїи боянъ воскладая свои златыя персты на живыя строуны, пояше славою роусскимъ кнземъ. первоу кнзю рюрикеу. игорю рюрикови^ч, и ст^ославою ярославичю, ярославою волод^имович^ю, восхваляя ихъ пѣми и гоуслеными боуными словесы, на роусскаго г^на кнза димитрія иванови^ч. и брата его князя володимера ондрѣви^ч. занеже ихъ было мужество и желанїе за землю роусскоую и за

35. Сл.: самѣхъ, вѣтъ.

36. А то вѣдають епископи волостели.

37. И безатщина ихъ епископу идеть.

38. А кто уставленїе мое варушить.

39. А порушить рядъ мой.

40. Сл.: вл^ачни, вѣтъ.

41. А кто иметься въ тѣ суды въ церковныя вступати, крестяанско имя не наречется на томъ, а отъ святыхъ, да будеть проклатъ.

вѣроу хрѣтіанскоую, ѿ тоя рати и до мамаева побонца. се азъ кнѣзь великы дмитріи иванови и братъ его кнѣзь володимеръ ѡндрѣви. по ѡстриша срѣца свои моужествоу. ставше своею крѣпостью помянувшѣ прадѣда кнѣзя володимера кіевскаго црѣя роусскаго. жаваранокъ птица въ красныя дни оутѣха, възды по синіе ѡблаки, пом славою великому кнѣзю дмитрею иванови. и братоу его володимеру ѡндрѣви. ѡнбо, ванилися какъ соколи со земли роусскыя. на поля половецкыя, кони ржоуть на москвѣ. боубны бьють на коломнѣ. трубы трубятъ в серпоуховѣ. звенить слава по всей земли роусьской, чюно стязи стоятъ оу доноу великого, пашоутся хоригови бѣрчати, свѣтять каланты ризачены. звонатъ колоколи вѣчнїи в великомъ в новѣ городѣ. стоятъ моужи на оу-городци оу стѣя софїи. аркоучи таковоу жалобоу. оуже намъ брате к великому кнѣзю дмитрею ивановичю на пособѣ не поспѣти. тогда аки ѡрли слѣтошася со всея полоунощныя страны. тоти, не ѡрли слѣтоша съѣхалися всѣ кнѣзи роусскыя къ великому кнѣзю дмитрію иванови, на пособѣ. аркоучи такъ, гнѣ кнѣзь великыи оуже погании татарове на поля на наши настоупають. а вотчиноу нашу оу на ѡтнимають, стоятъ межу дономъ и днѣпромъ, на рипѣ на чечѣ, и мы гнѣ поидемъ за быстрою рѣкою донъ. оукоупимъ землямъ диво. старымъ повѣсть. а младымъ пами. тако рче кнѣзь великы дмитріе иванови, своеи брати роусскимъ кнѣземъ, братьеца моя милая роуски кнѣзи, гнѣздо есмя были едины кнѣзя великаго ивана данильеви, досюды есмя были брате никоуды найзобижены. ни соколоу ни ястребоу, ни бѣлоу кречатоу, ни тѣмоу псоу поганомоу мамаю. славиі птица что бы еси выщекотала сіа двѣ брата двѣ сіа вольѣрдовы. ѡндрѣя половецкаго. дмитріа брянскаго, тибо баше сторожевыя полкы, на щитѣ рожены, по трубуами поють*). по шеломы въ алѣяны. конецъ конїа вскорилены, с востраго меча поены в литовской земли. молвяше ѡндрей к своему братоу дмитрею сама есмя двѣ брата. дѣти вольѣрдовы, вноучата едментовы, правноучата скальдимеровы. сядемъ брате на свои бѣрзи комони, исиѣемъ брате шеломомъ своимъ воды быстрого доноу. испытаемъ мечи свои боулатныя, оужебо брате стоукъ стоучить, и громъ грѣмить в славнѣ городѣ москвѣ. то ти брате не стоукъ стоучить, ни громъ грѣмѣтъ. стоучить силная рать великаго кнѣзя ивана дмитріеви. грѣмятъ оудалци золочевыми шеломы. черлеными щиты. сѣдлаи брате ѡндрѣи свои бѣрзи комони. а мои готови на-

*) Пють? С. 7. 11. и т. д.

преди твои ѿсѣдани. оужебо всташа сильнии вѣтри с моря. прилѣяша
 тоучю великою на оустъ нѣпра, на роускою землю ис тоучи, выстоуши
 кровавыя ѿблока. а из нихъ пашоуть синіе молнии быти стоуною и гро-
 муоу великою межю дономъ и нѣпромь. идетъ хинела на роускою землю.
 сѣріе волцы воють. то ти были не сѣріе волци. придоша поганые тата-
 рове. хотять прѣнти воучи, ввати всю землю роускою, тогѣ же гѣси
 гоготаше, и лебеди крилы въсплескаша, то ти, не гоуси гого-
 таша ни лебеди крилы въсплескаша, себо, поганый маган приведе вои
 свои на роусъ, птици нѣбныя пасоущеса то по снѣге ѿблока ворони
 грають. галци свои рѣчи говорятъ, ѿрли восклекчють, волци грозно
 воють, лисци часто брешють, чають побѣдоу на поганыхъ. аркоучи такъ
 земля еси роуская. какъ еси была досѣлева за прѣмь за соломоно. такъ
 боуди и нѣтча за кнземъ вялики дмитриемъ ивановичемъ, тогѣ же со-
 коли и кречати, бѣлозерскіе ястреби, позвонять своими злачеными коло-
 колци, оужебо стѣкъ стоучить. и громъ гремитъ, рано пре зорю. то ти
 не стоукъ стоучить. ни громъ гремитъ. кнзь володимеръ ѿдрѣви ведеть
 вои свои, сторожевыя полки к быстрому доноу. аркоучи такъ, гнѣ кнзь
 дмитрей не ѿслабляи. оуже гнѣ поганыя татарове на поля на наши на-
 стоупають. а вои наши ѿнимають. тогда же кнзь великий дмитрей ива-
 новичъ, стоупи во свое златое стремя. всѣдъ на свои борзый конь. при-
 мая копіе въ правую роукоу, снѣце ёмоу на встоцѣ семтября. и. в сре-
 доу на рѣтво прѣтыя бѣа ясно свѣтитъ поуть ёмоу повѣдаеть борисъ
 глѣбъ и мѣтвѣ творять за срѣнники свои. тогѣ соколи и кречати бѣлозер-
 скія ястреби, борзо за донъ перелѣтеша, оударина на гоуси и на лебеди,
 гряноуша копія харалоужныя. мечи боулатныя, топоры легкіе щиты
 московскыя. шеломы немѣцкіе. боданы бесерменьскыя. тогда поля
 костыми насѣяны, кровью подѣано, воды воспниша. вѣсть подаваша по-
 рожнымъ землямъ за волгоу, к желѣзнымъ вратомъ к рѣмѣ. до черемисы.
 до чаховъ до ляховъ, до оустюга поганыхъ татаръ, задышоущее моремъ
 того даже (чит. тогда же), было не лѣпо староу помолодитися. хоробрый
 пересвѣтъ поскакиваеть на своёмъ вѣщемъ сивцѣ. свистомъ поля пере-
 города, аркоучи таково слово. лочши бы есмя сами на свои мечи на-
 верглись, нежели, намъ ѿ поганыхъ положены пасти, и рѣ ѿсебя бра-
 тоу своему пересвѣтоу. оуже брате вижю раны на срѣци твоёмъ тяжкѣ.
 оуже твоеи главѣ пасти на сыроую землю, на бѣлоую ковылоу, мѣсоу
 чадоу ийковоу. оуже брате пастоуси не кличуть. ни трубы не трубятъ.
 толко часто ворони грають, зогашци кокоуютъ на трупы падаючи.

? „Уникова и, уни-
 ков сиротина,
 С. П. И.

? „Билъ данъ, = (ан-
 ? дит, въ вѣдѣн-
 ? урнѣ.

?

тогда же не тоури возрыкають, на полѣ коуликовѣ на рѣчкѣ неспрадѣ, взопаша избѣненіи ѿ поганыхъ. кнѣзи великыѣ. и болярѣ сановныѣ. кнѣзя феѡра романовича бѣлозерскаго и сѣа его князя ивѣна, микоулоу васильевича. феѡръ межко, иванъ сано, миханло вренковъ, іаковъ ѡслебятинъ, нересвѣтъ чернецъ, и иная многая дружина, тогда же восплакаша горко жены болярыни по своиѣ ѡсподарѣхъ, въ краснѣ градѣ москвѣ, восплачется жена микоулина мрїа. аркоучи таково слово. доне, доне быстрыи доне. прошелъ еси землю половецкоую, пробилъ еси берези хараоужныя. прилежѣи моего микоулоу васильевича. восплачется жена иванова феѡсія. оуже наша слава пониче в славнѣ городѣ москвѣ, не ѡдина мати чада изостала, и жены болярскыя моужей своихъ и ѡсподаревъ ѡстали. глѡюще к себѣ. оуже сестрици наши моужей нашихъ в животѣ нѣтоу. покладаша головы свои оу быстрого доноу за роускоую землю за стѣи цркви. за православноую вѣроу з дивными оудалци с моужескыи сѣи.

VI.

Слово Кирилла Философа (л. 228).

Яко кириль философъ рече. члѣка созда бѣ между двою животоу. между аггль и скота. кромѣ аггль гнѣво, и плотію. а кромѣ скота слово и смыслемъ. да яко самъ кто изволить, или раи. или моукоу. самовластни бо есмы, члѣкоу положилъ естъ бѣ оумъ в главѣ. между мозго и тѣмее. яко яблоко в нѣкоемъ сосоудѣ, или яко кнѣзь в нѣкоемъ градѣ. и тако оумъ владѣеть дшю и тѣломъ. яко добръ оумъ дшю сптъ, яко пре кнѣзь приходитъ всяка прѣ, аще кнѣзь смысленъ и добръ. правы помагають. а виноватыя казнить. тако и оумоу приходятъ ѿ срца помышленія благая и злая. понеже члѣкъ смртенъ и бесмртенъ, тѣло смертно а дша бесмртна, тѣло пооушае на грѣхъ. а дша на добродѣтель. прятси мысли, невѣрїе с вѣроу, нечтота с дѣство, постъ с неоудержанїемъ. пїанство с цѣлоудрїемъ и проїа. аггль же гнѣ къ члѣкоу приставленъ во стѣи крщнїи соблюдае его до дни исхода ѡжидая покаанїя. любят бо аггли родъ члѣчъ. яко тѣхъ ра видѣша бѣ во плоти. а преже того не видѣли бѣ никогда. сам бо гъ въ еуалїи рече. яко на нѣси бывае радость аггломъ ѡ единомъ грѣшницѣ кающемся. глѡ бо вамъ яко аггли стояще

на всѣхъ пре⁴ изрѣчною славою бжтва его, а не видать лица бжтва его. егда же грѣшникъ кается на земли тогда славы бжтво ѡкрывается, и аггли лице гне видать и радуются . . .

VII.

Описание коронованія Греческаго царя Мануила, составленное очевидцемъ Смоленскимъ діакономъ Игнатіемъ (л. 232).

В лѣто . . . ѿ. ѿ. мѣа февруаріа въ ѿі, в недѣлю ѿ блудит^н вѣчанъ бы¹ прѣ мануилъ на прѣтво и со прѣцею, сты^н антоніемъ патріархо^н¹, и бы¹ вѣчаніе его чудно видѣти². той ноци бы¹ все бдѣніе ночное во стон софїи³ еже е^н сказаемо прмдрти бжїа. восіавшю днїи прїидо^н и азъ тамо. и бѣаше народа множество, мужскы поль вноутрь стыа прѣвѣ. а женскы на полѣта. и толико хитро естъ. вси иже бяхоу женьска полоу стоя за ши^нными запонами. а лицъ ихъ оукрашенья⁴ никомуже ѿ народа не вѣ^нти⁵. иже вся зримая видѣти е^н. пѣвци же стояхоу оукрашени чю^нно, ризы ии^нбяхоу аки стихари широчи и долги. а вси ѿпоисани, роукава же ризъ и^н широчи, а долги, ѿви камчаты, ѿви шидяны, наплечкы⁶ со злато^н и с крушево^н. на глава^н ихъ ѿскрилицы⁷ ѿстры с круживо^н. и множество и^н собрани⁸. старѣши и^н бѣ мужь красенъ аки свѣгъ бѣ⁹,

Словоразличія въ спискѣ, напечатанномъ въ Сказанїяхъ Русскаго народа :

1. Видѣхомже мѣсяца февраля въ 11 день въ недѣлю о Блудномъ како вѣчанъ бысть царь Мануилъ Цареградскій въ лѣто 6898 на царство и со царицею его благословенъ и поставленъ отцемъ ихъ преосвященнымъ Антоніемъ патріархомъ.

2. И бысть вѣчаніе — видѣти: этихъ словъ нѣтъ.

3. Въ велицей церкви патріаршей въ Софїи.

4. Прелестваго и мертвеннаго.

5. А сами же тѣи мужи и все мужескыя полы съ старческимъ чинномъ одѣдани другими одѣвани, кромѣ всякаго шапленія.

6. Наплечники.

7. Воскрыльцы.

8. И толико бысть чинно, яко написано зряхуся.

9. Дивенъ и красенъ зѣло, и сдѣвани яко свѣгъ бѣлѣся.

баахоу же тоу¹⁰ и фризове ѿ галаты. а инии прѣградци. а инии зеновици, а инии венедеки¹¹. и тѣхъ бѣше чинъ видѣти чюдентъ. и стояхоу на два лика¹². имѣахоу на себѣ ягаты багряна бархата¹³. а друзиѣи вѣшныѣ бархата¹⁴ и единъ ликъ имѣаше знамя, на персѣхъ, женчюжень. а друзиѣи свое знамя имѣша на всѣхъ равно¹⁵, и бѣаше по^а полатами на правои роуцѣ черто^ѿ. вѣ. степени. шириною двѣ сажени, а ѿблеченъ весь черлены^м червьцо^м. на немъ же двѣ стола златы. ноши тоѣ црѣ на полатахъ бѣи. и ѣгда приспѣ. а. ча дѣи. и сниде црѣ с полатахъ. и вниде во стоюу црѣи прѣ^дними великими дверми, иже зовоутся црѣская, а пѣвци поахоу пѣиѣ странна и несказанна¹⁶, и бѣ шествіе црево толико тихо¹⁷. г. часы. ѿ прѣ^днихъ вратъ до чертога. ѿба по^ѿ црѣ. вѣ. ѿружника. ѿ главы илѣ и до ногоу все^ѣ желѣзно, а прѣ^д нимъ идоуть двѣ стяжка власы черны. а древа и^{хъ} и ризы и шапки черлены, а прѣ^двѣма^ѣ стяжки идоуть по^ѿвоиски¹⁸. посохи и^{хъ} сребро^м¹⁹ заковани. црѣ же вше^а в черто^ѿ. ѿблечеса в багряницу и діадиму²⁰. и вѣнець кесарьскы ѿколѣ главы со столпцики, ише^а и^с чертога, взыде на верхъ, и приведоша црѣю и сѣдоша на столѣхъ. и начаша литоргію, а црѣ сѣди^т и црѣца²¹. и ѣгда хоташе быти выхо^а. и прише^аша двѣ великая діакона²² ко црѣю, и створиша поклонъ малъ до персеѣ²³ и вста црѣ пойде ко ѿлтарю. а стяжки прѣ^д нимъ, и ѿружници ѿба по^ѿ ѣго. и вше^ашоу црѣю во ѿлта^{рѣ}. сташа стяжки и ѿружници прѣ^д

10. И римляне отъ Рима, и отъ Испаніи Нѣмцы.

11. Венеицы.

12. И каждый свое земли знамя имѣаху на себѣ.

13. И одѣянія ови багряна бархаты.

14. А инии темносини бархаты.

15. Сиде же и знамена имѣаху, каждой ликъ свое знамя имѣаше. На персѣхъ пошаху ови жемчужень, ови обручъ златъ на шеѣ, ови чепъ злату на шеѣ и на персѣхъ, а другіе свое знамя, а сиѣ свое знамя, койждо ликъ все^ѣ равно свои знамена имѣаху.

16. А пѣвцы поаху пѣиѣ пречудно и странно и не сказанно, утѣ прѣвосходяще.

17. И кротко.

18. Подвоискиѣ.

19. И златомъ.

20. Кесарскую багряницу и въ діадиму кесарскую.

21. А царь сидитъ на златомъ столѣ, сиде же и царица сидитъ на златомъ столѣ.

22. Архидіакона.

23. Точію главы своя къ персеѣ своимъ мало приклонивша, благочинно зѣло и уставво.

ѡлтаре²⁴ на ѡбѣ стрѣнѣ стѣ²⁵ дверецъ и ѡблекоша прѣ²⁶ в фелонецъ малъ²⁷ пояса багрянъ²⁸, и иде прѣ на выхо²⁹ свѣща в роуцѣ держа³⁰. и створяя патриархъ вхо³¹. възиде на ѡмбо³² и прѣ с нимъ. и привнесоша³³ прѣски вѣнецъ на блюдѣ покровенъ. тако же и прѣци³⁴, и ше³⁵ша два великая діакона³⁶, и сотвориша покло³⁷ малъ прѣци, и приде прѣца до ѡмбона, и положи патриархъ крѣтъ на прѣ и даде ѡмоу крѣтъ в роукоу³⁸, и спедь прѣ долѣ. и положи вѣнецъ на прѣцю³⁹. и поидоша на свое мѣсто и сѣдоша на столѣ⁴⁰. а патриархъ входъ створи и прочее, и егда хероувимская пѣ⁴¹ dospѣ. и шедша великая діакона⁴² и створиша прѣю покло⁴³ яко⁴⁴ и прежде⁴⁵. и вста⁴⁶ прѣ⁴⁷ иде во ѡлтаре⁴⁸ и ѡдѣша и въ фелонецъ. и прѣшествова прѣ⁴⁹ стѣми дарми в перенѣ. свѣщюу возженоу в роуцѣ держа. комоу е⁵⁰ мощно исповѣдати красоты тоя⁵¹ елико долго бѣ шествѣ стѣ⁵² даро⁵³ колико хероувимское пѣсни е⁵⁴ и по входѣ стѣ⁵⁵ даровъ⁵⁶. кади⁵⁷ прѣ ѡколо престола⁵⁸. и пребы⁵⁹ во ѡлтари до стѣго причащенія. и егда бы⁶⁰ ча⁶¹ стѣмоу прѣстѣю. и ше⁶²ша великая діакона створиша покло⁶³ прѣци. и егда сиде ѡ престола долѣ, и тоу стоящѣи народи раз⁶⁴раша всю ѡпо⁶⁵ну чертожноую колико хто восхити себѣ, и видне прѣца⁶⁶ южными

24. Въ священныи.

25. Еже есть ризыцы малы багряны, точию до пояса.

26. Антоній же патриархъ стояше на своемъ мѣстѣ среди церкви.

27. Къ патриарху.

28. Такожъ и парицынъ вѣнецъ принесоша къ патриарху на блюдѣ.

29. И благословишася у патриарха два великіе архидакона и идоша по царю и пришедше къ ней сотвориша (какъ сказано выше).

30. И вземъ кесарскій вѣнецъ патриархъ и благослови царя и возложи на главоу его кесарскій вѣнецъ, а другій вѣнецъ даде ему въ руку его и повелъ ему возложити на царю его, сошедъ долѣ.

31. Онъ же самъ долѣ. И помоавъ долѣ стоя патриарху на амбонѣ рукою и вѣнцемъ, и патриархъ стоя на амбонѣ издадеча благослови рукою своею царя и царю. Они же купно равно сотвориша покло³⁷ къ патриарху.

32. Архидакона.

33. Поклонъ малъ, точию главы своя — и уставно зѣло. (См. выше).

34. Со страхомъ и трепетомъ съ великимъ вниманіемъ благочинно зѣло.

35. Словъ: кому есть мощно исповѣдати красоты тоя — нѣтъ, а вмѣсто оныхъ многословная похвала чину выхода.

36. Много же бѣше шествѣ ихъ со святыми дарми, колико херувимской пѣсни есть отъ начала и до конца, еще шествѣ ихъ, пѣніе же бѣше долго зѣло и красно, и предивно и умилно.

37. По принесеніи же... даровъ, ходитъ царь около священнаго престола.

38. Поклонъ малъ и проч., какъ выше.

39. И иде царю съ великимъ страхомъ и трепетомъ и умиленіемъ и смиреніемъ.

враты в крыло олтаря, и даша ей стое причастіе, прѣ же ѿ патріарха со сѣенники причастися оу прѣла Хва, ишедшоу же емоу из прѣкви⁴⁰ ѿсы- наша его ставратами, народиже похваташа кож⁴⁰ роуками своими . .

VIII.

Кирилла Философа Словенскаго (л. 520).

Тако глеть хмель ко всякому чѣкоу. и ко свѣщенническому чиноу, и ко князе^м и боляромь. и ко слоуга^м. и коупцемь, и богатымь. и оубо- гы^м и к женамь такоже глеть, не ѿсвайвайте мене добро вы боудеть, аз же ти есмь силенъ. боле всѣхъ плодовъ земныхъ. ѿ зерени силна. ѿ племени есмь велика и многорѣдна. мти же моя бг^м сѣтворена. имѣю оу себе нозѣ тонцѣ. а оутробою не ѿбьядчивоу. роуцѣ же мои держи^т всю землю. а главою имѣю высокоуумноу. а оумомъ есмь не равенъ ни х комоу, а хтѣ дружи^т со мною, а иметъ мя ѿсвайвати, первое доспѣю его блондна. а к бѣу не молебника. а в ноци не сонлива. а на мѣтвоу не встанлива. а изоспався емоу стенаніе и печаль емоу наложоу на срѣце. вставшѣ емоу с похмеліа глава емоу болить. а ечемъ егѣ свѣта не видѣти. и ни начто емоу на добро оумъ не идетъ. а исти не жадаеть. жадаеть и горить дша его пакы пити, хощеть да изопѣеть с похмеліа чашоу, и друугою. и потомъ многыя пнеть. тако напиваяся по вся дѣи. и въз^ввижу в не^м похоти телесныя. и пото^м свергоу егѣ в большую по- гибель. гра^д егѣ или село доспѣю поусто. а самого во зыхъ. а дѣти егѣ в работѣ, тѣм же братіи. не оуподобляйтесь симь не долго спите. не много лежите. вставайте рано. а ложитесь поздно. молитесь бѣу, да не

40. Изъ олтаря, патріарху же сѣдшу на своемъ свѣтительскомъ мѣстѣ изъ олтаря ишедшу, прише къ нему царь въ кесарской багрянницѣ и діадимѣ, и благослови его патріархъ и парицу его, и даде ему завѣтъ православія и проч. Далѣе говорится, что послѣ поученія патріаршаго прежде всѣхъ приступили гробовдателя съ мраморомъ и камнями и спрашивали его, какъ велитъ онъ устроить гробъ себѣ, и предлагали ему притчу о его смѣртности, какъ написана она въ уставѣ; что за тѣмъ подошли къ царю князья, стратилаты, полкы, вои и вси вельможи и поздравляли его по обычаю, и что когда царь, принявъ благословеніе отъ патріарха, выходилъ изъ церкви, осыпала его ставратами и проч.

ввидете в напастъ, лежати долго не добыти добра, а горя не избыти, лежа не мощно бѣ умолити, чти и славы не полъчити. а сладка коуса не съѣсти. медовыя чаши не пити, а оу кнѣзя в нелюбви быти. а волости. или града ѿ него не видати. недостаткы оу него дома сидятъ, а раны оу него по плечемъ лежать. тоуга и скорбь по бедрамъ. гладомъ позваниваеѣтъ, оубожіе оу него в калитѣ гнѣздо свило, привязалася к нему злая лѣньность, какъ милая жена. а сонъ какъ ѿць. а ѿханіе какъ любая чада. а злы дни на го (на него?) смотряѣтъ, оуловляютъ еѣго какъ свинію, свинія бо аще гдѣ не ввидеѣтъ. да рыло^м тычетъ, тако и пѣанный члѣкъ. аще в кый дворъ не поустятъ. оу тына стоитъ послушывая, пикот ли в дворѣ семь братіе, спрашиваеѣтъ оу коегож^о члѣка, пѣанство кнѣзь и боляромъ землю поусту створаеѣтъ, а людемъ добрыѣ и равныхъ, и мастеровъ в работѣ счиняеѣтъ, ѿ пѣанства. ѿхъ, и оубожіе злое привязуеѣтъся, пѣанство брата с брато^м сваживаеѣтъ, а моужа ѿлоучаеѣтъ ѿ своєї жены, пѣанство ногамъ болѣтъ сътвораеѣтъ. а роуки емоу дрожаѣтъ. зракъ ѿ ѿчю погибаеѣтъ, пѣанство къ цркви молитися не поустъ, и во ѿгнь вѣчны посылаеѣтъ, пѣанство красотоу лица измѣняеѣтъ. ѿ комъ молва в людеѣтъ ѿ пѣаници. комоу сини ѿчи пѣаници, комоу ѿханіе велико пѣаници, кому горе на горе пѣаници, комоу проспати заоутрення пѣанчивоу члѣкоу. пѣаници бѣоу молитися не хочеть. книгъ не чтеть и не слоушаеѣтъ, свѣтъ емоу ѿ ѿчю застоупаеѣтъ. аще кто пѣанъ оумреть, то и самъ себѣ врагъ и оубица. а приношеніе еѣго ненависть бѣоу. тако глеѣтъ, хмель аще познаеѣтъся со мною жена. какова бы ни была. а иметь оупиватися. оучиню еѣа безоумницею. и боудеѣтъ ѿи всѣхъ людемъ горѣе, и възъвижю в ней похоти тѣлесныя, и боудеѣтъ ѿ людемъ в посмѣсѣ. а ѿ бѣа ѿлоучена и ѿ цркви бжїя. то лоучши ся бы еѣи не родити, бѣжи члѣче женьскыѣ бесѣды. и не вдавайся в тоя рѣчи, понеже на^а тобою еѣсть, послѣди хочещи серцемъ болѣти и яко звѣрь быти, рѣчи с плачемъ глѣюци смиренныя. зриаеѣтъ на твоѣ всѣ съставы, моужь бо имаѣтъ два оума да створитъ или ѿставить, а жена, на еѣдинъ днѣ имать, еѣи, оумовъ и паче. жена зла бѣема бѣсится. любима высится, жена не члѣкъ еѣсть; нѣ на слоужбоу члѣкомъ. жена бо в любви подруга еѣсть. а в дѣлѣ горка. жена бо главоу мажетъ, и простираеѣтъ власы, и не возвысится в радости. дѣшю бо гоубя и славоу.

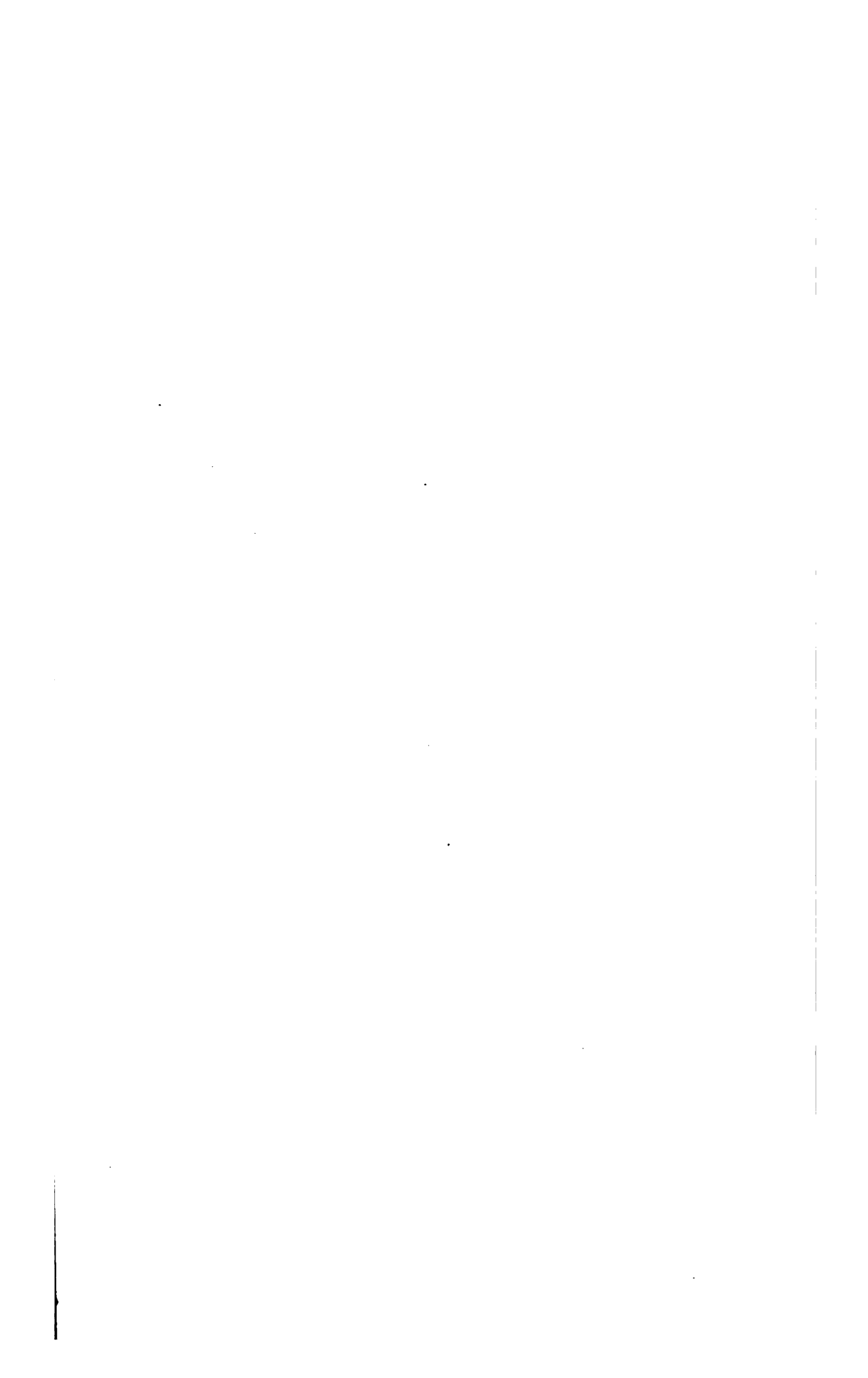
IX.

**Разговоръ Симеона епископа Тверскаго съ
Константиномъ княземъ Полотскимъ (л. 526
на обор.).**

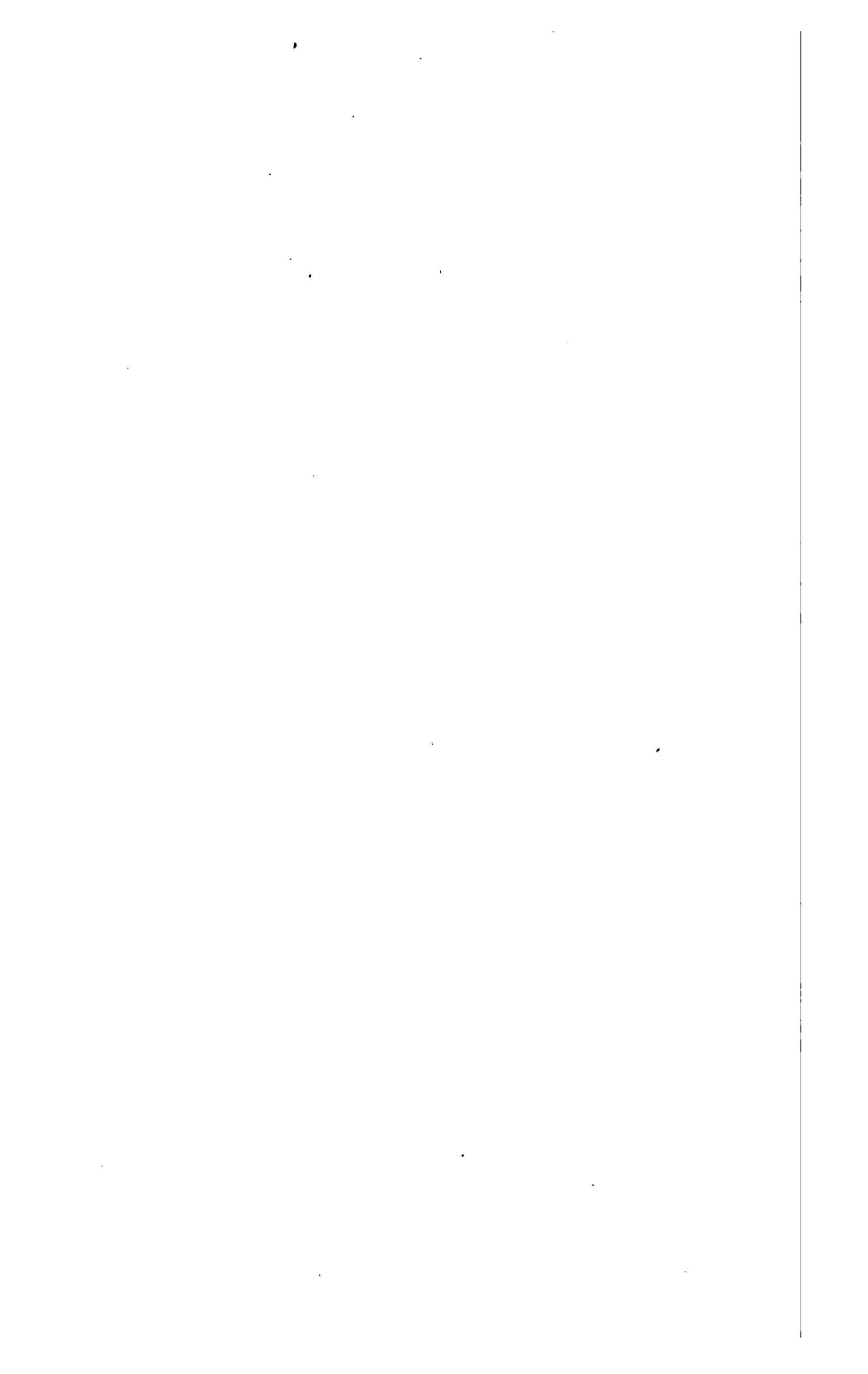
Константинь кнзь полотскыи нарицаемы безроукы. оу себѣ в пирюу, хотя оукорити тивоуна своего ни ѡчемъ же. и рече епѣ где быти, тивоуноу на ѡномъ свѣтѣ. симеонъ епѣ рѣ, гдѣ и кнзю. кнзь на него не полюби, и рѣ влѣцѣ, тивоунъ не право соудитъ. посоулы емлетъ, хрстіанъ не милоуе^т и не жалоуе^т, вдовицами не печетса сиротъ не милоуе^т. лихое все дѣе^т. а язь что дѣю, и рѣ влѣка, ѡже боуде^т кнзь добръ и бѣоинъ. и хртолюбивъ, страха бжїа полнъ. разоуменъ правдивъ, хртїанъ жалоуе^т, правдоу любитъ, и посажае^т тивоуна своего или коего волостеля чїка добра бѣоинна, хѣлюбива, страха бжїа полна. правдива. кротка. смирена. кнзь въ раи, и тивоунъ с нимъ в раи, боудет ли кнзь без бжїа страха, не хртолюбца. хртїанъ не жалоуе^т. сиротъ не милоуе^т. вдовицами не печетса. вищи^т не любить, коуны любить. посажае^т тивоуна своего, и^т коего волостеля чїка зла, бѣ небояцася. закона бжїа не вѣдоуща. соуда страшнаго не разоумѣюща. только того дѣла, дабы кнзю користь была. да товара бы емоу добывалъ много, а люди продавалъ. аky бѣшена чїка на люди поустигъ. давъ емоу мечъ, тако и лихыи кнзь, давъ власть лихоу чїкоу гоубити люди, кнзь въ адѣ, и тивоунъ с нимъ же в адѣ в вѣкы вѣкомъ ами . . .

~~2 leaves~~ ~~London~~ 63-66.
~~2-4-19~~

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine of five cents a day is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

RECEIVED
CANCELLED

1965

5444

